

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

СЛОВЕСНОЕ ЗОЛОТО СЕЛЬВЫ:

ИСТОКИ ОДИНОЧЕСТВА

К юбилею выхода в свет романа-эпопеи

Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества»

◆ Глава рода Буэндиа, потомок креола, бежавшего вглубь боливийской сельвы с побережья страны после обстрела их городка из пушек «пирата ее величества» Френсиса Дрейка, в затерянном селении знакомился с достижениями цивилизации только от цыган, иногда забредавшим в эту глушь в своей неумной страсти к вековечному странствованию по всему свету. В очередной приход табора неумный до знаний Буэндиа приобрел у курчавых мировых скитальцев оборудование алхимической лаборатории и рецепт «философского камня» – по многократному увеличению в весе золотой затравки. Лестью и многими упрашиваниями он убедил свою жену Урсулу отдать ему для опытов тридцать старинных золотых из ее приданого, из поколения в поколение передающегося... Понятно дело, золото испанских монет превратилось у начинающего естествоиспытателя сначала в прикипевшую к дну кастрюли коросту, а затем в серую золу, которую старший сын назвал свинячит дерьмом, за что и получил от отца увесистый удар в лицо.

...Но подлинным словесным золотом латиноамериканской сельвы стал роман Маркеса «Сто лет одиночества» о роде Буэндиа из затерянного, оторванного от всего мира селения Макондо, вышедший в свет в 1967 году. А когда четыре года спустя издательство «Художественная литература» опубликовало его на русском языке роман Маркеса уже был мировым явлением двадцатого века...

Живо, как будто это вчера было, помню то первое прочтение романа: прежде всего – язык. Оно понятно – художественное произведение в переводе – это, говоря словами Валерия Брюсова, «фиалки в тигле». Правда, у него речь

шла о переводе стихов, но ведь проза Маркеса, или нашего Андрея Платонова к примеру, есть та словесная вязь образов, что звучит поэзией без рифмы и самодовлеющего ритма. Но к этому мы еще вернемся как *ipso facto**.

Творчество Маркеса, опять же *ipso facto*, извиняема за навязчивый «латинизм», стало вершиной того айсберга, который в литературоведении, да, впрочем, в сознании самодостаточно мыслящих знатоков и просто любителей художественной словесности, устойчиво именуется феноменом латиноамериканской литературы XX века, а точнее срединной трети этого века. Это как на рубеже веков и до 1920-х годов миру были явлены феномены русского Серебряного века – в основном поэтического – и норвежской литературы во главе с Кнудом Гамсуном и его нобелевским романом «Голод».

Еще раз оговоримся: Маркес, точнее его «Сто лет одиночества», есть лишь вершина айсберга – феномена латиноамериканской литературы. Не менее прочна и основа; назовем только наиболее известные имена: кубинца Алехо Карпентьера, чилийского «сына селитры» Пабло Неруду, гватемальца Мигеля Анхеля Астуриоса, Хулио Кортасара с его знаменитым романом «Игра в классики» из Аргентины «идеологически» непризнанного во времена СССР аргентинца же Борхеса... Второй романский язык Латинской Америки, португальский, всему миру представлен творчеством Жоржи Амаду. Кстати говоря, по принципу «обратной связи», характерному не только для точных наук, но в полной мере и для движения социальной эволюции, феномен литературы «падчерицы Европы» Латинской Америки в какой-то степени соотнесся и с заметным оживлением материнской литературы Испании: писал уже восьмой десяток своих исторических романов патриарх Бенито Перес Гальдос (1843–1920); в первой половине XX века возшла литературная звезда Франсиско Аялы; наконец, это выдающийся испанский поэт, продолжатель традиционного в средневековой испанской поэзии жанра барокко – романсеро (основоположник Луис де Гонгора и Арготе, 1561–1627) Федерико Гарсиа Лорка. Это соотнесение иначе как духовных и не назовешь: как близкородственные люди, что называ-

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

ется «на расстоянии», чувствуют и сопереживают беды или радости друг друга...

В романе Маркеса это романское духовное единство характерно и символично показано на примере главы рода Буэндиа: его, обезумевшего, привязывают к дереву напротив входа в дом, и он дни, месяцы и года сидит на скамейке под навесом – от дождя и солнца – из пальмовых листьев и брезента, забыв испанский язык и только порой разговаривает сам с собой на ином наречии, не понятном никому из жителей Макондо. И только новоназначенный в городок священник обнаруживает, что безумец говорит на латыни; видимо, его отошедшее от реальной жизни подсознание вернулось к мышлению на языке пращуров двухтысячелетней давности...

Итак, феномен литературы вообще, латиноамериканской в частности и в особенности, без определения которого сложно понять творчество Маркеса... тем более, появление «Ста лет одиночества» – редкостного и исключительного бриллианта этого феномена. Ранее в своих эссе* о Кнуте Гамсуне и Игоре Северяnine мы уже говорили об истоках таких «литературных взрывов». Причем им обычно сопутствуют и достижения в части музыки, живописи, пластических искусств. Самый грандиозный феномен история дала человечеству в эпоху Возрождения... Но все же главным задатчиком процесса всегда является именно художественная литература. Скорее всего, по двум <онтологически обусловленным> причинам: практически нулевая (бумага и перо) материальная составляющая творческого процесса – ни тебе концертных залов, оргáнов, живописных мастерских и багетных театров... – и, что немаловажно в части несовершенства творческих школ и традиций, самодостаточность индивидуальной творческой одаренности, особенно в жанрах беллетристики и поэзии – поэтами не становятся, ими рождаются... Эта самоочевидная истина не требует комментариев и доказательств.

* Яшин А.А. Песня Сольвейг и бригантское сказание: Кнут Гамсун и феномен норвежской литературы рубежа XIX и XX веков // Приокские зори.– 2014.– № 3.– С. 3–10.

Яшин А.А. Он лихо носил корону короля поэтов (Литературный фон творчества Игоря Северянина) // Приокские зори.– 2017.– № 2.– С. 3–13 (в электронном виде см. на сайте журнала «Приокские зори»: www.pz.tula.ru)

Как уже говорилось в упомянутых эссе о творчестве Гамсуна и Северянина, взрыв, феномен, а языком науки – бифуркация в области культуры есть следствие всплеска в конкретном этносе, то есть стране, группе стран с этногенетическим единством пройденного исторического пути, той же культуры и языка, *пассионарности*; термин этот введен в мировой тезаурус нашим выдающимся ученым, создателем науки этногенеза Львом Николаевичем Гумилевым, сыном не менее выдающихся русских поэтов Серебряного века Николая Гумилева и Анны Ахматовой. Подчиняясь сложнейшим законам социальной эволюции человечества, пассионарность волнами проходит весь десятитысячелетний период цивилизации и культуры по континентам Земли, подвигая те или иные этносы и их группы на подвиги, озарения и великие свершения. Отсюда и рассматриваемые нами литературные взрывы, привносящие нации, этносу и всему селовечеству феномены художественно оформленной мысли. При всем при этом все творчества и искусства *лишь следуют* за волной пассионарности, охватывающей все стороны материальной и духовной жизни этноса. Иногда же опережают основную волну (предчувствие), чаще – отстают (последствие). Это как метеочувствительный по физиологии своего организма человек реагирует на магнитную бурю или иные катаклизмы природных стихий «до» или «после». Это большинству людей хорошо знакомо, что называется, «на себе»...

Поскольку сейчас литературоведческие очерки и эссе читают, в основном, те, кто получил образование в советских школах и вузах, то есть не «человеки компьютерного мышления»*, но знающие мировую историю и культуру, воспитанно способные к анализу явлений и фактов социальной эволюции, то, «не растекаясь мыслью по древу», скажем кратко *in summa*:

– основной движитель пассионарного процесса в Южной Америке – это обретение в XIX веке «боливарианской» независимости от Испании, а в Бразилии от Португалии;

* Исследованию сущности и различия аналогового (творческого) и цифрового («компьютерного») мышления посвящена работа: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы. Т. 10 / Предисл. В.П. Казначеева, В.Г. Зилова и А.И. Субетто.– Москва – Тверь – Тула: Изд-во «Триада», 2014.– 513 с. (В электронном виде см. Интернет – по поисковику)».

– воспоследующий пассионарному взрыву литературный <в первую очередь> феномены в первую очередь относятся к северо-западной оконечности Латинской Америки – нынешние Колумбия и Боливарианская республика Венесуэла, а также к странам Центральной Америки и Карибского бассейна, как наиболее населенных выходцами из Испании, поддерживающими связь с исторической родиной; в то же время явившимися первым объектом «внимания» североамериканского капитала – «Юнайтед Фрут Компани» и др.;

– ввиду того, что указанные территории Латинской Америки наиболее активно заселялись испанцами едва не с самых Колумбовых времен (... и Америго Веспуччи тож), то там уже в XIX веке сложилась *исторически* хотя и относительно молодая, но все же испаноязычная культура, плоть от плоти Испании, что сказалось и на литературе;

– наконец, немаловажен тот факт, что базовое для Маркеса, особенно выражено представленное в романе «Сто лет одиночества», литературное направление *магического реализма* обязано во многом этническому составу населения южноамериканских северо-западных стран, Колумбии прежде всего, в которые не было завоза негров-невольников из Африки, в отличие от островов Карибского бассейна и Бразилии; то есть их население суть испано-индейское и креольское (главный «исходный» герой романа Маркеса Хосе Аркадио Буэндиа – потомок креолов), а значит генофенотипический «романтический мистицизм», одинаково присущий этническим испанцам (об этом см. ниже) и индейцам севера южноамериканского континента, взаимно усиливался.

◆ Теперь перейдем к *одиночеству*, как лейтмотиву романа Маркеса, подчеркнутому в самом его названии. Здесь мы позволим себе не во всем согласиться с доводами большинства исследователей творчества Маркеса в данном, преобладающем в творчестве Маркеса, но прежде всего в «Сто лет одиночества», аспекте: одиночество.

Обычно в таких исследованиях, а их достаточно число написано на русском языке или доступно в переводе, присутствует оговорка в том смысле, что этот роман так бы и остался – при всей его мировой популярности, обусловлен-

ной оригинальным и изобретательным масштабом развертывания сюжета, этнографическим колоритом – выдающимся явлением иносказательного жанра «магического реализма», каковых достаточное число есть во всемирной литературе, если бы не всепоглощающее содержание книги тема одиночества. ...В предисловиях к советской поре изданиям романа по понятной причине непременно добавлялась и *политическая инвектива*. Конечно, в действии «Ста лет одиночества» все это присутствует: тридцать две войны против правительства, что начал и все их проиграл полковник Аурелиано Буэндия; расстрел почти четырех тысяч забастовщиков из рабочих банановой компании, трупы которых в ста железнодорожных вагонах вывезли на побережье и сбросили в море; наконец, собственно банановая компания янки мистера Джека Брауна, устроившая в Макондо «банановую лихорадку» – ее прототип суть американская «Юнайтед фрут компани», чьей де-факто колонией стали еще в XIX веке все страны Центральной Америки и севера Южноамериканского континента, та же Колумбия.

Вместе с тем автор на сугубой политике акцента не ставит. Тот же полковник Аурелиано Буэндия возглавил борьбу против консерваторов в правительстве на стороне либералов вовсе не из идейных соображений, о чем он сам постоянно в мыслях и в словах держит на протяжении всех двадцати лет развязанной им войны, точнее – всех тридцати двух войн, которые он проиграл, тем не менее став национальным героем своей страны... Просто для латиноамериканских стран указанного выше «бананового пояса» (нефти в Венесуэле тогда еще не добывали и не отправляли ее на прибрежный голландский остров Кюрасао для переработки в бензин) в сто лет действия романа, то есть почти весь XIX век и начало двадцатого, внутренние войны «либералов с консерваторами», расстрелы бунтовщиков и банановые лихорадки были настолько обычным, повседневным делом, что обсуждать их, акцентировать на них внимание, полагалось в общении людей малоприличным. Так и в Макондо расстрел из четырнадцати пулеметов на вокзальной площади без малого четырех тысяч забастовщиков на банановой плантации уже на другой день было забыто – все удовлетволялись официальным заявлением властей: никто ни в кого не стрелял,

никаких двухсот вагонов с уложенными штабелями трупами не существовало...

Да что там тридцать две войны, начатые и проигранные полковником Аурелиано Буэндиа с лучшим и преданным своим другом тож полковником* Геринельдо Маркесом, которого он чуть не расстрелял, о чем позже жалел: в смысле, что не расстрелял... Ничего в той же Колумбии не изменилось в течение всего XX века, да и сейчас в начале двадцать первого. Как в период «ста лет одиночества» полковник Аурелиано Буэндиа в завершении двадцатилетия войн подписал с правительством Неерландское перемирие, отказавшись от президентского ордена Почета и вернувшись в родной дом в Макондо к прерванному войной занятию делать ювелирных золотых рыбок, так и сейчас на телеэкранах мы воочию наблюдаем, как во все той же Колумбии в торжественной обстановке президент страны и руководитель марксистских повстанцев-партизан, носящий имя нашего выдающегося маршала Тимошенко, авторучками, вставленными в гильзы от патронов «калаша», подписывают договор о прекращении пятидесятилетней кровавой войны. В контексте заметим, что у латиноамериканских повстанцев в особой чести имена Иван, Ильич, Ленин и другие. Другой момент: как повстанцы полковника Аурелиано Буэндиа очень напоминали обычных разбойников, мало чем брезгуя, так и современные замирившиеся бойцы Тимошенко, по всей видимости тоже полковника, а быть может и генерала (сам же Аурелиано Буэндиа от генеральского звания наотрез отказался), сражались, не особо обременяя казну СССР, а после его разрушения мировым империализмом и вовсе «перешли на хозрасчет». То есть в районах своего контроля возвращали плантации *Erythroxylon coca*, выражаясь ботаническим языком, гнали из него тонны кокаина, которым заваливали страну дяди Сэма. Выручки с лихвой хватало на покупку оружия и расходных материалов к нему, на обмундирование и армейские пайки, а в части марксистской идеологии – исподволь наркотизировали США, как цитадель мирового империализма...

* Сугубо латиноамериканская традиция, особенно в Центральной Америке и на севере континента: до начала XX века (впрочем и по сей час...) военная служба там не считалась престижной. Поэтому всем офицерам давали звание полковника, а нижним чинам – сержанта. Это делали как правительство, так и противостоящие ему восставшие...

Сейчас и сами Штаты переняли этот опыт: в захваченном ими Афганистане американцы по-отечески благославляют тамошних декхан на посевную опийного мака, а полученная наркота так же отечески направляется на одурманивание населения России, которая всегда и во всем виновата перед «мировым сообществом»: при царях, при генсеках, теперь вот и при президентах...

Словом, ничего нет нового под луной в Колумбии за все столетия ее населения выходцами из Испании. – И вообще в Латинской Америке. Время там, и сейчас в начале нового тысячелетия, идет по кругу. На страницах «Ста лет одиночества» мать шестипоколенного рода Буэндиа, дожившая почти до стапятидесятилетнего возраста Урсула о таком заикливание биологического, социального времени* твердит постоянно. Оно же время и безразмерно.

◆ Конечно, не собственно писательская манера магического реализма, не политический подтекст, давно ставший для Латинской Америки делом скучным и обыденным, не яркий <для европейского читателя> этнографический колорит, не еще с десятков таких «не» принесли роману мировую известность, а самому Гарсиа Маркесу (это его полная – от отца и матери – фамилия) в 1982 году Нобелевскую премию по литературе. И тот факт, что официальная мотивация премии «За романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента» вроде бы и относится ко всему творчеству писателя *in summa*, но де-факто это была премия за «Сто лет одиночества». Да и Нобелевская премия не могла быть вручена только за эту книгу по той причине, что ранее в 1972 году автор уже был удостоен премии Ромуло Гальегоса, что противоречит статусу «нобеля»... Сейчас, по прошествии пятидесяти лет со дня опубликования романа и недавнем (2014-й год) завершении земных трудов его создателя, имя Гарсиа Маркеса все более переходит в очень почетную литературную ипостась «автора одного романа», приближаясь вплотную к столь же почетному рангу его испанского предшественника Сервантеса, автора *одного*, зато какого! – романа о хитроумном идальго

* Исследованию сущности заикливания и безразмерности биологического времени посвящена работа: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Отсчет биоэволюционного времени: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 14 / Предисл. А.И. Субетто.– Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2017.– 339 с.

Доне Кихоте Ламанчком, хотя бы им были написаны под сотню (!?) других романов, о названиях которых даже матерые литературоведы-испанисты справляются в библиографических изданиях... Так что звание «автора одного романа», приносящее литературное бессмертие, заслужить намного труднее, чем, например, стать фельдмаршалом.

Разгадка всемирной славы и известности – до наших «компьютерных» времен, когда читать книги вовсе перестали – зашифрована автором в самом названии: широко и философски понимаемое *одиночество человека* в современном социуме. Опять же в литературоведении одиночество человека у Гарсиа Маркеса сводят к упомянутой выше философии в части социопсихологии (и социобиологии тож): диалектическое единство и противостояние социальной и сугубо индивидуальной природы при всем нарастающей в Новое, но особо в Новейшее время доминанты последней. И отсюда делается вывод: в романе «Сто лет одиночества», равно как в большинстве других его произведений, одиночество есть общая для всего миропорядка патология, которая своими болезнетворными вирусами разрушает как индивидуальную личность, так и весь социум. Что ж, с одной стороны, это «вписывается» в классическую концепцию, современного в особенности, движения социальной эволюции. В романе индивидуальный аспект – это шесть поколений рода Буэндиа, а социальный миропорядок сужен в сугубо художественных целях до отдельно взятой Колумбии, а еще точнее – до обитателей затерянного в сельве городка Макондо. Кстати говоря, на трехстах страницах книги автор ни единого раза не упоминает название страны, тем самым молчаливо, в контексте раздвигая этот гибнущий и прозябающий миропорядок на всю Латинскую Америку...

Но с другой стороны, это слишком общая, диалектическая, как мы не случайно оговорились выше, постановка вопроса раскрытия темы одиночества в романе Гарсиа Маркеса. А раз общая, то и получается что декларативная... Несомненно, что и сам автор «Ста лет одиночества» осознанно усилил эту «диалектическую доминанту». Здесь следует знать биографию Гарсиа Маркеса. Он был вовсе не таким «самородком из сельвы», стихийным писателем худо-

жественно-философского первооткрывания «для себя». Вовсе нет; он, как говорится, не в тростниковых обутках и в одежде колумбийского качака с котомкой, в дальнюю дорогу, пирожков – касабэ из маниоки, пританцовывая народную кумбиамбу, явился из сельвы в Скандинавию за своей Нобелевской премией. Гарсиа Маркес был в высшей степени светским человеком, объездил полмира, занимался международной журналистикой – был корреспондентом крупнейших колумбийских газет в Западной и Восточной Европе, а в конце 1990-х годов и вовсе являлся неформальным дипломатом: по просьбе тогдашнего президента Мексики являлся посредником в переговорах Фиделя Кастро и президента Клинтона...

Для его «западной светскости» характерен и такой немаловажный факт: с восторгом приветствовал революцию на Кубе, а еще ранее в 1957 году побывав в Москве на фестивале молодежи и студентов в статусе «певца и танцора» и игрока на гитаре и барабанае, тож восхитившись советской страной, тем не, будучи в зените своей славы, он отклонял все приглашения посетить СССР, используя тогдашний унылый «западный лейтмотив», дескать, империя зла, нарушение прав человека <сейчас к ним добавились нарушения прав гомосексов...>, преследование евреев-диссидентов и прочие «песни народностей» (это по Ильфу – Петрову). Был ли здесь своего рода «коммерческий» расчет, что-де его поездка в СССР снизит продажу его книг на Западе? – Здесь затруднительно ответить. Но и простаком-бессеребрянником он явно не был. ...Вот и нынешние московские запиаренные «певцы и танцоры» в Крым не едут – в Европу, мол, не пустят на заработки!

Все сказанное выше призвано подчеркнуть: Гарсиа Маркес вполне владел и мастерством – в добавок к основному мастерству высокой художественности его произведений – так сказать «писательской кухни», потому и подчеркивал тему одиночества в своем знаменитом романе как сугубо *выигрышную* в реноме исконне латиноамериканского писателя. Здесь ничего обидного для имени выдающегося мастера литературного слова нет и в помине. В первую очередь, это программное название книги. Далее – не менее утвердительные последние

строки ее: *«...Город будет сметен с лица земли ураганом и стерт из памяти людей в то самое мгновение, когда Аурелиано Бабилонья кончит расшифровывать пергаменты, и что все в них записанное никогда и ни за что больше не повторится, ибо тем родам человеческим, которые обречены на сто лет одиночества (выд. нами. – А.Я.), не суждено появиться на земле дважды».*

...И в самом тексте книги слово «одиночество» повторяется не менее тридцати (далее считать не стал...) раз. А Мать клана Буэндиа Урсула, когда ей показывали очередного новорожденного в последующих прапрапоколениях, однозначно определяла принадлежность младенца к их роду по выражению врожденного одиночества на сморщенных их личиках. Заметим, что она же окончательно убеждалась в этой принадлежности, когда ребенок достигал юношеского возраста и в нем проявлялся другой генофенотипический признак Буэндиа: у мужчин – огромный детородный орган, а у девушек – неопишуемая красота и устремленность к пожизненной девственности... Здесь также, даже в фаллическом физиологизме и психофизиологизме, символ одиночества: обобщенно понимаемая несовместимость людей с печатью одиночества в половой дифференциации. Это вовсе не дань писателя принятому в западной литературе эпатажу, ставшему во второй половине XX века неизменным ее атрибутом.

Но вещественным же символом одиночества рода Буэндиа и всего затерянного в колумбийской сельве городка Макондо стал огромный старинный испанский галион, заросший пальмами и папоротниками, с корабельным корпусом, покрытым гладкой броней из окаменевших за века ракушек. Самое поразительное – галион находился в двенадцати километрах от моря, «пенного, грязного, серого как зола». И глава рода Хосе Аркадио Буэндиа, предпринявший попытку установить связь основанного им в глухой сельве Макондо с внешним миром, наткнувшись на «сухопутный» галион, все понял: *«Казалось, что это сооружение находится в каком-то своем, отграниченном пространстве – в заповеднике одиночества и забвения, куда не имеют доступа ни время с его разрушительной силой, ни птицы с их гомоном и суевой».*

Второй раз символ-галион всплывает в романе, когда началась банановая лихорадка, а плантации бананов протянулись на месте бывшей сельвы столь далеко, что с высокого места в Макондо можно было, глядя в направлении вечной сухопутной стоянки древнего корабля, увидеть то самое пенное, грязное и серое море... Вроде как и к морю путь открыт, до Макондо построена железная дорога, но все одно одиночество осталось таковым для рода Буэндиа и всего городка. Никакие «Юнайтед фрут компани» не снимут эту вуаль одиночества – скорее, наоборот.

И, наконец, Гарсиа Маркес завершающим аккордом, то есть своей нобелевской речью «*Одиночество Латинской Америки*», программно утвердил истоки одиночества как лейтмотив основной своей книги.

♦ Гарсиа Маркес в романе почти не касается коренных обитателей Южной Америки – индейцев, то есть все герои книги потомки испанцев. И сама Испания незримо присутствует в романе, причем так явственно, органично, но не подчеркнута, как, например, в родовой памяти и преданиях «старины глубокой» любой семьи контекстуально, если так можно сказать, как само собой разумеющееся, присутствуют образы и тени далеких пращуров. «Память отцов», как определил такое качество выдающийся русский философ-космист Николай Федорович Федоров... Здесь и воспоминания Урсулы о пиратах Фрэнсиса Дрейка, обстреливающих побережье тогда еще испанской Америки. И испанские золотые дублоны – самая твердая валюта за весь период дления «ста лет одиночества» семьи Буэндиа и городка Макондо. Уже упомянутый старинный испанский галион. А среди персонажей романа и ученый каталонец, покинувший Испанию из-за тамошних войн и революций и не придумавший ничего лучшего, как открыть в глухом городишке Макондо книжную лавку с ... инкунабулами и первыми изданиями древних трактатов. Только к моменту исчезновения с лица земли Макондо у него появился единственный покупатель – последний из рода Буэндиа Аурелиано, которому понадобился санскритский словарь. И так далее даже в именах ассоциативная связь с далекой родиной. Амаранта Буэндиа, когда с ней по вечерам приходит ее несостоявшийся жених полковник

Геринальдо Маркес, с детства лучший и верный друг с детства полковника Аурелиано Буэндиа, проводит время «в обществе этого воина с грустным, поэтическим именем». Опять же незримая Испания: Геринальдо – герой испанского народного романа, паж, которого полюбила дочь короля...

Даже полагающийся чисто латиноамериканским обычай матерей посылать своих незамужних дочерей к прославленным героям войн и революций с тем, чтобы они родили сыновей – будущую гвардию этих героев, пришел по всей видимости из Испании со времен почти тысячелетней войны с маврами. Так и в романе Гарсиа Маркеса: *«Полковник Аурелиано Буэндиа поднял тридцать два вооруженных восстания и все тридцать два проиграл. У него было семнадцать детей мужского пола от семнадцати разных женщин, и все его сыновья были убиты один за другим в одну – единственную ночь, прежде чем старшему исполнилось тридцать пять лет...»*

...Отсюда, кстати говоря, и широко распространенная легенда в Латинской Америке о «тысяче сыновей Фиделя Кастро», будь земля ему пухом, хотя бы он и был кремирован...

Итак, Испания незримо, подспудно во всей латиноамериканской истории и жизни. И было бы удивительным, если потомки испанских переселенцев в Латинскую Америку утратили родовую, генофенотипическую, выражаясь языком социобиологии, память и базовые черты характера. Здесь-то и следует искать истоки «одиначества Латинской Америки», как во многом, если не в основном, производные от исторического одиночества... *самой Испании* в среде европейских народов. Это только внешне кажется парадоксом, но нужно только чуток подумать и взвесить все *pro et contra* (лат. «за и против»).

Чего только не сказано и не написано, причем как истина в последней инстанции, о пресловутом «трехсотлетнем ордынском рабстве» русской нации – и все с тем уклоном, что-де эти триста лет изолировали Россию, обрекли ее *на одиночество* в семье европейских народов и последующее, уже невозполнимое, отставание от этой «семьи» во всем: от науки, философии и промышленности до современных архиценностей западной цивилизации: вседозволенности го-

мосекса и господства в <ущербных> умах единой сейчас «общечеловеческой ценности»: доллара и евро...

Все это смешно в ретроспективе. Во-первых от этих трехсот пресловутых лет смело отсекаем ровно век от Куликовской битвы в 1380 году до «Стояния на Угре» в 1480 году, когда де-факто ига уже не было, но только настороженное сосуществование Московско-Тверского союзного княжества и Сарайского ханства. Да и в предыдущие двести лет Русь являлась не пленником Орды, но союзным же ей государством Улусом Джужевым: исправно платила госналог баскакам, согласовывала с Сараем назначение русских князей, а Орда «отрабатывала» все это военной помощью: псов-рыцарей на Чудском озере Александр Невский разгромил с участием татарской конницы; она же присутствовала и в войске Дмитрия Донского: сепаратист Мамай со своими генуэзскими наемниками равно был лютым врагом и Москвы, и Сарая. Впрочем, отсылаем читателя за подробностями к Ключевскому, Льву Гумилеву, а из писателей-историков к «Памяти» Чивилихина. Только Костомаров и Карамзин здесь не помощники: они уже писали свои истории, как бы сейчас сказали, «по соцзаказу». Сомнителен здесь и Соловьев...

Это мы к тому вспомнили древних предков наших добрых сограждан татар (теперь ив Крыму...) и дружественных, особенно во времена СССР, монголов, что кичливой Европе неча на зеркало пенять или соринку в чужом глазу замечать, к каковой питают нежное доверие вечно неизбывные наши «западники» от исторической науки, это которые с «либерализмом головного мозга».

Проще и прямо говоря, наше постоянное догонянье Европы вовсе не Ордой объясняется, но тем, что русская цивилизация (государственность + религия) очень молода, ей всего лишь тысяча лет, в то время как за Европой, начиная с античных времен, стоит трехтысячелетняя история. Но вернемся к одиночеству Испании.

◆ Именно эта история Европы, определенная консолидированность культурных и иных традиций, почти двухтысячелетнее христианство в общем-то ограниченном территориальном ареале и позволили в целом ей избежать этно-

графического и этногенетического (по Л.Н. Гумилеву) одиночества. Даже Германии и Италии, хотя бы окончательно многогосударственно они оформились лишь к началу последней трети XIX века.

И только Испания, без того полуостровная и отгороженная от Европы Пиринеями, это одиночество сполна испытала. Кстати, в романе Герсиа Маркеса в этом контексте прямая ассоциация опять-таки с испанской прародиной: после безуспешных попыток жителей Макондо, инициированных основателем города Хосе Аркадио Буэндиа, обнаружить окрест себе другие людские поселения, но во всех своих экспедициях по сельве выходивших на берега «пенного, грязного, серого как зола» моря, все пришли к выводу: Макондо расположен на необитаемом полуострове...

Восемьсот лет мавританского владычества над Испанией, полутысячелетний период вытеснения захватчиков – реконкиста – и только на самом рубеже XV и XVI веков полное изгнание арабов в Северную Африку и евреев-сефардов в Голландию. Все это сопровождалось собственно формированием испанской нации, определенным смешением вестготов, первоначальных насельников Пиринейского полуострова, с маврами и сефардами, обособлением каталонцев и басков – вовсе не индоевропейской семьи народов. Наконец, переход из арианской формы христианства в ортодоксальный католицизм с созданием инквизиции... И как следствие такого одиночества, погружения в сугубо внутренние этнические процессы, – мощный пассионарный взрыв в XVI веке: колонизация всей Центральной и Южной Америки, захват Голландии, Португалии и значительной части Италии, появление владений в Африке и в Индокитае (Филиппины); Испания становится владычицей морей, потеснив Англию – до времени разгрома «Великой армады».

Все это в совокупности действия исторически сформировало испанский характер; «испанская грусть», как сказал уже наш советский поэт, хотя бы и по другому поводу. А вот Гарсиа Лорка по-испански и об Испании:

*Por las callejas
hombres embozados,*

*y en las torres
veletas girando.
Eternamente
girando.
Oh pueblo perdido
en la Andalucía de llanto!*

(В переводе Марины Цветаевой:

*Расходятся люди в плащах,
а на башне
вращается флюгер.
Вращается денно,
вращается ноцно,
вращается вечно.*

*О, где-то затерянное селенье
в моей Андалузии
слезной...)*

...А спустя почти полстолетия, уже колумбиец Гарсиа Маркес написал «Сто лет одиночества»: тоже по-испански, также о грустном одиночестве, генотипически доставшемся в доминирующей черте национального характера от материнской Испании. Как, повторимся, Урсула – мать рода узнавала принадлежность родившихся ее близких и дальних потомков к семейству Буэндиа по печати одиночества на лицах младенцев.

Так что устоявшийся стереотип «Латинская Америка есть падчерица Европы» и определение Гарсиа Маркеса «одиночество Латинской Америки» приобретают историческую и социальную адекватность с поясняющим дополнением: испаноязычная Латинская Америка этногенетически в определяющих чертах национального характера своих жителей – потомков выходцев из материнской Испании в полной мере унаследовала выработанный в средневековой Испании

архетип ощущения одиночества, который, в силу исторической отъединенности государств Центральной и Южной Америки в XVI – XX веках от магистральных путей прогресса цивилизации и культуры, возобладал и в социумной организации.

...Здесь мы опираемся на очевидность диалектического утверждения, которое можно сформулировать следующим образом: субъективизм индивидуального характера, суммируясь в национальном ареале, переходит в объективизм социума, понятно, при внешней гармонии с факторами эволюции этого социума – вовсе не обязательно позитивными, стимулирующими и пр.

Наконец, общность доминанты характеров испанцев и латиноамериканских их «семейных родственников», как непреложное ощущение одиночества, выявляющее душевно и поведенчески, наиболее ярко в литературном плане просвечивается в творчестве Сервантеса и Гарсиа Маркеса, казалось бы, разделенных веками истории и Атлантическим океаном. Выше мы указали на сродство в принадлежности к почетной категории «автора одного романа», но ведь по качеству «одиночества» Дон Кихот Ламанчский и обобщенно – по шести поколениям рода и сугубым индивидуальностям – взятый Буэндиа есть братья-близнецы, какими были в «Сто лет одиночества» Аурелиано Второй и Хосе Аркадио Второй – персонажи центральной части повествования и «середины» рода Буэндиа, которых дважды перепутали друг с другом: при их рождении и похоромах. Хотя бы они во взрослой своей жизни по характеру и внешнему облику стали очень даже различаться друг от друга.

Так и Дон Кихот с Буэндиа, каждый в разворачивании сюжета своего романа, вроде и различаются обликом и мотивацией своей жизненной устремленности, но... оба стали мировыми нарицательными *именами одиночества*. Именно сопоставлением Дон Кихота с Буэндиа мы и ставим *point sur les «i»* (понятно без перевода с фр.) в развиваемой выше генеалогии одиночества человека и социума от средневековой Испании к Латинской Америке Нового, да и Новейшего, вообще-то говоря, времени.

◆ Художественное, средствами литературного замысла и языка, отображение темы одиночества в романе Гарсиа Маркеса достигается рядом достаточно новационных, оригинальных приемов; впрочем, автор не стремится выходить за рамки традиционных канонов романтической литературы. То есть творческая манера *мистического реализма*, к которой в литературоведении относят произведения Гарсиа Маркеса, да и сам он не имел ничего против такой «привязки», суть дальнейшее продолжение и развитие испанской <опять же!> литературной традиции органичного сочетания реальности и «реалистичной фантазии», если можно так сказать. Опять же у Сервантеса в сюжетных действиях Дона Кихота такое сочетание – обычный литературный прием; достаточно вспомнить его бой с ветряными мельницами и пр. То есть никакие современные «фэнтази», «фикшны», «нон-фикшны» и прочие извращения литературного скудоумия, как следствия преобладания в нынешних мозгах «компьютерного мышления» (см. выше ссылку на Т. 10 нашей «Феноменологии ноосферы»), не следует даже и пробовать сопоставлять над ставшим уже давно академическим мистическим реализмом – от Сервантеса до Гарсиа Маркеса в испаноязычной литературе.

Основной литературный прием акцептации одиночества в романе использован автором как заикленность повествования в разворачивании сюжетных линий; оно же заикленность и свертываемость социобиологического времени; снова отсылаем к нашей ссылке выше на Т. 14 «Феноменологии ноосферы». – И все это в книге от личностной субъективности персонажей, как было сказано уже, обобщается на сугубую объективность социумного, далее всемирного в рамках эволюции человечества, *этнозаикливания*.

«Первый в роду будет к дереву привязан, последнего в роду съедят муравьи», – наконец-таки, прямо перед ураганом, уничтожившем городок Макондо, всех его обитателей и последнего из рода Буэндия, этот последний Аурелиано все же успел расшифровать написанный на санскрите (буквы азбуки Дева-нагари нанизаны на верхнюю черту словно разносортное белье развешано на веревке...) древним цыганом Мелькиадесом текст. Большой круг шестипоко-

ленной семьи Буэндиа символично замкнулся. Символично, ибо если основатели рода Хосе Аркадио Буэндиа и Урсула являлись кузенными братом и сестрой и долго не решались завести детей, опасаясь, что в результате родятся кровосмесительские дети со свиными хвостиками, то сын Аурелиано-последнего и Амаранты Урсулы, причем они не знали, что являются племянником и теткой, как раз и родился с таким атавизмом и тотчас после родов был утащен «собравшимися со всего света муравьями». По замыслу автора романа символ кровосмешения суть все то же одиночество, а обреченные на него роды, города, социумы обречены на исчезновение из памяти истории. Этим утверждением, как уже было упомянуто выше, Гарсиа Маркес и завершает книгу.

Урсула – мать рода Буэндиа, само олицетворение стихийной мудрости, не устает отмечать, что время идет по кругу, то есть зацикливается. Оно же, как размышляет уже ослепшая Урсула, сживается в единую для одномоментного восприятия картину, на которой все «сто лет одиночества», все шесть поколений семьи Буэндиа, вся вековая жизнь Макондо и в целом страны с восстаниями, войнами, нашествием банановой компании, замершим в сухопутной сельве старинным испанским галеоном собраны воедино. – Своего рода круговая диаграмма, на которой все действия стянуты в единое время. Такой одномоментный обзор долговременных в действительности событий в психологии мышления принято называть «кувшином Магомета»: не успеет еще вылиться вода из опрокинутого кувшина, как в памяти человека оживут все, даже мельчайшие, события его прошлой жизни...

Зацикливание времени, его стягивание в одномоментальность – это динамическая, она же и статическая, характеристика любого одиночества. Оно не имеет ни тенденции, ни качества выхода за свои узкие пределы. В самих именах шести поколений рода Буэндиа, постоянно повторяющихся автор прямо-таки дидактически, назирательно показывает этот реал одиночества: Хосе Аркадио, Урсула, Аркадио, Аурелио, Аурелиано, Амаранта, Ремедиос, Амаранта Урсула – вот и весь набор имен в роду Буэндиа, зацикленный во времени появления все новых поколений. Это как в сакральных числах, замкнутых на себе

самих. Как число тридцать шесть ($1 + 2 + \dots + 36 = 666$) – второе из «чисел дьявола», которое Гарсиа Маркес упоминает в романе в этом сакральном его значении...

А вот имена женщин, «пришлых» в род Буэндиа, как Фернанда, Санта Софья де ла Пьерад, Ребекка, или сожительница Аурелиано Второго Петра Котес, или «поставляющая» в семью Буэндиа детей от мужчин Буэндиа Пилар Тернера, не повторяются: они тоже из клана одиночества, но не рода Буэндиа, одиночество которого – сюжетный стержень романа.

◆ Может и зря мы не совсем одобрительно в начале данного эссе отнеслись в оценке «Ста лет одиночества» литературоведами, что-де слишком обще берут, определяя одиночество как социальную, во многом и сугубо биологическую, диалектически обусловленную коллизию индивидуума и социума, разноустремленность их мотиваций. В общем-то все это так, все верно. Мы здесь и выше только следуем дедуктивному основанию логики: от <правильных> общих суждений к <тоже правильным> суждениям частным. Итак, есть одиночество социума и одиночество человека индивидуального.

Казалось бы, парадокс нынешней исторической эпохи: с одной стороны, все мы сейчас находимся на пике глобализации*, доселе в подлунном мире невиданного объединения людей и государств в единый мировой социум, с другой же – еще в большей степени незнаемое когда-либо одиночество человека. С ним-то все понятно: молох глобализации все более ускоренно и неумолимо превращает бывшую *личность* в безликий винтик-болтик всемирной «биотехнической» машины: пока еще в чем-то узком востребованные мозги человека плюс технические виртуальные телекоммуникационные сети, многослойно оплетшие земной шарик...

И социумы, понимаемые пока еще по старинке как объединенные исторически и национально этносы, увы, следуя все тому же парадоксу глобализации, становятся субъектом одиночества. Та же Россия нынешняя – здесь опять «впе-

* Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А.И. Субетто.– Тула: Изд-во Тульск. гос. ун-та, 2016.– 460 с.

реди планеты всей». Здесь и говорить что-то излишне: все и так на виду и на слуху.

А художественное отображение темы вселенского одиночества – роман Гарсиа Маркеса – потому и создан на века.

«Сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление; а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Послание к Галатам, 6:8).

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ГОД 1984-Й И ДАЛЕЕ ПО ВОСХОДЯЩЕЙ...

К 115-летию со дня рождения английского писателя Джорджа Оруэлла (1903–1950), автора антиутопии «1984»

Мы покорили материю, потому что мы покорили сознание.

Джордж Оруэлл «1984»

♦ Слабая грамотность интернетовских текстов давно стала притчей во языцех, чего не скажешь об «идеологическом нюхе». Так в перечне литературных памятных дат 2018-го года в рубрике, посвященной Джорджу Оруэллу (это псевдоним; настоящее имя Эрик Блэйр), даны ссылки на «Дни в Бирме», «Скотный двор» и «Дочь священника», но вовсе не упомянут роман «1984», собственно давший писателю всемирную известность. Это как сообщая о юбилейных датах Льва Толстого и Ф.М. Достоевского, «забыть» упомянуть в краткой их библиографии «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых», соответственно... Или снова для русского читателя «1984» стал фигурой умолчания, каковой он был в советское время сорок лет – до первого издания в 1989-м году («Прогресс», М., серия «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза»)?

Последнее как раз понятно, имея в виду высказывания Оруэлла навроде: *«Ничто так не способствовало искажению исходных социалистических идей, как вера, будто нынешняя Россия (СССР – А.Я.) есть образец социализма, а поэтому любую акцию ее правителей следует воспринимать как должное, если не как пример для подражания. Вот отчего последние десять лет я убежден, что необходимо развеять миф о Советском Союзе, коль скоро мы стремимся возродить социалистическое движение»* (здесь и далее цит. по указанному выше изданию, С. 21).

То есть Оруэлл не вписывался «по своей заграничности» в табуированное правило, хорошо известное советскими писателями и действовавшее со времен «хрущевской оттепели», а именно: если знаешь литературной грамоте, то пиши о чем хочешь, по возможности не заикливаясь «ниже пояса», а главное, «не трогая за вымя» партию, правительство и лично <обоих Ильичей>. Впрочем автор предисловия к первому изданию «1984» в СССР, уже цитировавший выше Оруэлла, – ведь на дворе самый пик горбачевщины! – и сам «подмахивает» (термин в его использовании Солженицыным): *«Речь шла, понятно, не о Советском Союзе как таковом, а о сталинской системе. Миф о ней до конца не развеян и сегодня. Книги Оруэлла помогут этой задаче»* (С. 21). Вот так-то: бей себя оружием врага!

Рассуждаем – в отличии от автора предисловия – сугубо логически: если роман Оруэлла есть злобная гипертрофия советского социализма, то почему он стал уже упомянутой фигурой умолчания в СМИ и прочих средствах пропаганды в сегодняшнем нашем отечестве, где эти СМИ и «средства» неуклонно и планомерно гнут линию антисоветизма, а еще паче – антисталинизма? Неувязочка получается, господа-товарищи...

И вовсе Оруэлл, поставив последнюю точку в романе в 1948 году, не советский социализм и Сталина имел в виду, хотя бы и индоктринированный западной пропагандой на первом взлете провозглашенной Уинстоном Черчиллем «холодной войны» (см. высказывание Оруэлла выше). Хотя бы потому, что коммерческий успех, а это важно для европейского писателя, живущего своей профессией, то есть раскупаемый тираж, ориентирован на массового читателя. Авторитет же СССР и лично Сталина в первые послевоенные годы, пока маховик этой пропаганды только набирал еще обороты, в мировых массах, особенно в Европе, был настолько велик и непререкаем, что трезво мыслящему настоящему англичанину Оруэллу плевать против ветра вряд ли пришло бы в голову... В том числе и по «рыночным» соображениям.

Нет, уважаемые читатели, эти две посылки, обозначенные в предыдущих двух же абзацах, все по той же непререкаемой логике объединяются в одно

вытекающее из них следствие: роман Оруэлла не есть «сочинение на жареный политический момент», не пресловутая инвектива по части антисоветизма – антисталинизма, но гениальное – не побоимся такого эпитета – предвидение на полстолетия вперед грядущего явления молоха глобализации*; не больше и не меньше. В части таких предвидений заслуженно отдадим должное английской литературе. В определенном смысле Оруэлл – продолжатель традиций своих предшественников в литературном осмыслении социальной эволюции, в первую очередь Джонатана Свифта с его «Путешествиями Гулливера» и «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Джек Лондон, американский отпрыск английской литературной традиции, со своей «Железной пятой» и вовсе совсем недалекий по времени предтеча романа «1984», написанного в жанре *антиутопии*.

Что характерно, так то, как по мере движения человечества, его социальной эволюции, во времени к явлению глобализации литературная утопия сдавала свои позиции антиутопии: от давней название жанру «Утопии» Томаса Мора, «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы (до пострижения в монахи – Джованни Доменико), социальных фантазий Этьена Кабэ и Жан-Жака Пийо, повести с временем действия, перенесенном на несколько тысячелетий вперед, нашего князя В.Ф. Одоевского, писателя и музыковеда, более известного по своему сборнику классической прозы «Русские ночи», и многих других утопий, не вошедших в первые ряды литературных анналов, – к классике антиутопии, тем же «Железной пяте» и «1984», а в последние 20–30 лет к бесчисленному обилию «тематических фантазий», не всегда, в основе своей, отмеченных тенью муз Каллиопы и Клио. И уже не говорим, соблюдая политкорректность, о их (муз) незаконнорожденных сорванцах в стиле «фэнтази»... К последним (сорванцам) явно можно отнести песенку (частушку по-русски) из «1984» (С. 66):

* Автор этого очерка однозначно связывает две главнейшие современные тенденции социальной эволюции: переход биосферы в ноосферу и глобализацию, исследованию которых он посвятил свою 15-томную (на сегодняшний день) монографию «Живая материя и феноменология ноосферы»; см. в особенности Т. 12 – «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма». Тома монографии изданы в Москве, Твери, Туле (разные издательства), в том числе в издательстве УРСС, Москва (см. информацию на сайте URSS.ru. В электронном виде см. по поисковику в Интернете.)

Под развесистым каштаном

Продали средь бела дня –

Я тебя, а ты меня.

Под развесистым каштаном

Мы лежим средь бела дня –

Справа ты, а слева я.

... Догадливый читатель, вне всякого сомнения, уже сообразил: в настоящем очерке роман Оруэлла суть лишь задатчик более широкой темы, в которой современный литературный процесс, причем без акцентации на русский, западно-восточный и пр., является лишь одной из составляющих – речь пойдет о расчеловечивании социума в уже наступившем периоде социальной эволюции – глобализации. А «1984» всяк волен прочесть: помимо Интернета сохранились еще домашние и публичные библиотеки... Словом, «год 1984-й и далее по восходящей». Опять же почти магическое совпадение случайности и реальности. Оруэлл дал роману такое цифровое название не из эпатажной английской оригинальности, но просто потому, что, дописав его, так и не смог дать роману адекватного содержанию названия и, ничтоже сумняшеся, поменял местами последние две цифры в годе окончания книги...

В то же время именно 1984-й год, как говорится, плюс-минус год-другой, нынешние самодостаточно, то есть без помощи «Старшего Брата, что смотрит на тебя» (из «1984»), то есть телевизора и Интернета, мыслящие люди, аналитики-политологи, не до конца продавшиеся кому надо, и, конечно, Господь Бог, что грустно зрит нас сверху, полагают исходной временной точкой отсчета начала активной фазы глобализации. А фаза эта началась с уничтожения советского социализма в проигранной СССР Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне. Мигом рухнул и стал на колени перед Западом – Востоком мировой социалистический блок стран. И здесь 1984-й (\pm см. выше) год действительно знаковый: уже созрел для руководящего разрушения нашей страны «предатель всех времен и народов». – «...И далее по восходящей».

Естественен вопрос, коль скоро в качестве задатчика столь широко понимаемой темы мы выбрали литературное произведение: а с того ли края «к пирогу подходим»? Ответим осознанно утвердительно: пирог-то круглый, а культура и искусство, литература первоочередно, всегда были и есть самой чувствительной лакмусовой бумажкой на процессы социальной эволюции. Со времен наскальных олдувайских пещерных рисунков и охотничьих плясок «У истоков Замбези». И с другой стороны также самоочевидно, что действительна и обратная связь: та же литература в своих предчувствиях нередко чуть вперед забегают в течении эволюции, чему многозначительный пример – антиутопия «1984» Джорджа Оруэлла. Далее от преамбулы к существу.

◆ Говоря о сущности расчеловечивания, опять же начнем с литературного примера. Речь пойдет о... «Яме» Куприна. Читавший ее мигом вспомнит повторяемый в повести сюжетный рефрен: как только главный герой, он же исследователь нравов домов терпимости (это как нынешние пресловутые «журналистские расследования» – кстати, прямое нарушение законов...), заходит в облюбованный им публичный дом, так непременно видит в вестибюльном зале, гостиной гостеприимного заведения пляшущих с проститутками *приказчиков от Керешковского*. Последний, надо полагать, хозяин соседнего крупного магазина. Гипермаркета по-нынешнему. С позиции образованного человека советской эпохи, старшего школьника, студента, интеллигента, читающего рабочего и крестьянина, «приказчик от Керешковского» явно не дотягивал до статуса человека, «звание которого звучит гордо» – по многим градациям: от моральных норм до степени умственно-полезного (для общества) развития.

Теперь перенесемся на сто лет вперед от времени «Ямы» Куприна, то есть в нынешнее наше бытие. И опять посмотрим с позиции человека, сформировавшегося в советский период, на современных «приказчиков», тех же «менеджеров» и «офисных креветок» (другое принятое именование – «офисный планктон»), что густо заселили многочисленные частные, муниципальные и пр. конторы. ...Да и без строгого «с прищуром» советского взгляда эти

приказчики, благо сейчас в стране высшее образование стало почти что всеобщим (другое дело – какое?), и сами осознают, что находятся далеко не на магистральном пути эволюции человека. Сами себя с грустной иронией аттестуют на публике: «Да кто мы? – Так себе, менеджеры...»

Но отмеченные недостатки в части высоких человеческих качеств относятся к разряду, условно говоря, *количественных*. Собственно же грядущее и в контурах своих явно просвечивающее расчеловечивание идет уже по разряду *качественных*, то есть необратимых, невосполнимых в категориях социальной эволюции, движимой согласно трем основным законам диалектики.* В рассматриваемом случае налицо действие закона перехода количества в качество, хотя бы, как с прискорбием отметит современный человек, это и будет качество расчеловечивания. В данном Гегелевом диалектическом законе сам переход количества в новое качество осуществляется в социальной эволюции двумя путями: разбалансом количественных многообразий или сужением этих многообразий. При всей кажущейся антагонистичности оба эти пути «успешно работают» на поставленную разворачивающейся программной матрицей социальной эволюции цель: роботизация человека в структуре человеческого социума, превращенного в *человеконик* – термин нашего выдающегося ученого-логика и социального публициста А.А. Зиновьева. По понятной аналогии с образованиями выражено общественных низших животных: пчельник, муравейник, термитник и пр. ...Отметим, что на авторство термина «расчеловечивание» сейчас претендуют многие. Но ведь не совсем важно, кто первый сказал *Слово*, хотя бы по-библейски оно и было в *Начале*. Существеннее то, опять же обращаясь к Священной книге, что «близ есть при дверях»: и расчеловечивание, и место обитания – человеконик...

* После разрушения СССР (см. выше) и мировой социалистической системы упоминать о философии диалектического материализма в печати и изустно стало некомильфо...Рекомендуется изъясняться в терминах буржуазного неопозитивизма. С водой выплеснули и ребенка, то есть три базовых закона диалектики, на которых и эволюционирует Мироздание, совершенно забыв, что их обосновали не коммунисты Маркс и Энгельс, но ... идеалист Гегель.

Перед тем как дать определение категории расчеловечивания процитируем Оруэлла («1984», С. 51): « – *Одиннадцатое издание – окончательное издание. Мы придаем языку завершённый вид – в этом виде он сохранится, когда ни на чем другом не будут говорить. Когда мы закончим, людям вроде нас придется изучать его сызнова. Вы, вероятно, полагаете, что главная наша работа – придумывать новые слова – десятками, сотнями ежедневно. Если угодно, оставляем от языка скелет. В две тысячи пятидесятом году ни одно слово, включенное в одиннадцатое издание, не будет устаревшим... Главный мусор скопился, конечно, в глаголах и прилагательных, но и среди существительных – сотни и сотни лишних...»*

Опять же очевидное предвидение Оруэлла – наиболее наглядно процесс расчеловечивания отображается на языке. Но ведь язык – это не просто носитель коммуникативных функций в социуме, он же воплощает в себе наиважнейшие для сущности человека функции логического мышления и собственно познания. Здесь *point sur les «i»* (поставить точку над «i», фр.) принадлежит уже упомянутому выше А.А. Зиновьеву: «*Как бы не определялся предмет логики различными специалистами и направлениями в логике, фактически, ее предметами всегда были и остаются язык как средство познания и само познание, поскольку оно совершается в языке и посредством языка и продукты которого фиксируются в языке»* (цит.: Зиновьев А.А. Очерки комплексной логики.– М.: Эдиториал УРСС, 2000.– С. 18).

То есть, обезличивая язык, упрощая, унифицируя и так далее, мы – вернее, они глобализаторы! – лишаем его тех качеств, которые поддерживают и развивают в индивидуальном человеческом мышлении логику и собственно познание – доселе стержень эволюции человека, социальной эволюции. Социум неотвратимо приобретает облик человеенника, а индивидуальный *homo sapiens* расчеловечивается, опускаясь на ранее эволюционно пройденный уровень: движение вспять.

«Ангсоц – это новояз», – утверждает один из персонажей «1984» Оруэлла. Уже сейчас глобализующееся человечество стремительно отходит от язы-

ка, как предметной основы логики мышления и собственно познания, и вовлекается в сферу новояза.

Опять же, как было отмечено выше, здесь процесс идет по двум путям к единой, общей цели расчеловечивания: путем разбаланса и путем сужения. Типичный пример разбаланса в данной сфере – это своего рода «языковой национализм». Или просто нацизм; кому как нравится. Казалось бы, что предпочтение своего, родного языка как раз усиливает его предметную основу. Но это при условии, сугубо неперменном, что этот язык есть творческая доминанта социума, а не назойливое, формальное в основе, выпячивание языка – символа. Символа чего? – Конечно же национальной исключительности. Тот же нацизм... Другой пример разбаланса в устремлении к расчеловечиванию – нарушение извечного принципа сосуществования различных социумов, хорошо (хотя и не политкорректно) выражаемого пословицей: всяк шесток знай свой вершок – существуют иные различия; см. у Даля (можно и поменять местами «шесток» и «вершок»).

Оба варианта языкового разбаланса мы сейчас воочию, в полном блеске и великолепии своей нафуфыренности, наблюдаем на постсоветском пространстве бывшей 1/6 части земной суши. Понятно дело, в первую очередь в нынешних самостийно-незалежных странах, до образования СССР *никогда* не имевших своей государственности. Не Малороссия же ее имела, исключая несколько месяцев власти Петлюры? И хотя Прибалтика в перерыве между двумя мировыми войнами два десятка лет числилась в самостоятельных лимитрофах,^{*} но что это за срок в масштабах исторических эпох? Когда в крохотной Латвии, треть с лишком населения которой полагают русский язык родным, последний убирают циркулярно из обращения, это ли не пример второго из названных выше вариантов языкового разбаланса?

А вот первый вид разбаланса во всей своей красоте являет нынешняя Украина. Здесь и говорить что-либо излишне. Все и так на виду и на слуху.

* Так в 20–30-е годы в Европе именовали страны Прибалтики и иногда Финляндию в определяющем групповом контексте – от лат. *limes* – граница, то есть государства «санитарного кордона».

Сужение же – директивное, от управленцев глобализма, выпячивание одного языка, в смысле английского. Но об этом ниже подробнее будем говорить. Сейчас же мы «подобрались» к определению сущности расчеловечивания.

◆ Чтобы квалифицированно говорить о расчеловечивании дадим – по принципу антитезы – пояснения к эволюционному процессу очеловечивания, чем мать-природа доселе, до наступления глобализации, и занималась, создавая высшее свое творение – *homo sapiens*. Благо здесь и доискиваться особо не требуется: все с немецкой (хотя и был австрийцем) аккуратностью и дошностью «расставил по полочкам» создатель науки этологии,^{*} то есть науки о поведении социальных животных, нобелевский лауреат Конрад Лоренц, на адаптированные к подростковому чтению книги которого в советской школе выстраивалась «записная» очередь в библиотеке...

В эволюции живого мира, венчающейся созданием человека, за исходные отдельные когнитивные (самоосознающиеся) функции Лоренц выделяет: абстрагирующую функцию восприятия, пространственное (временное – добавим мы) ориентирование с центральным представлением пространства (и времени...), любознательное поведение, произвольное движение в сочетании с вызываемым им обратным сообщением и подражание – истоки усвоения словесного языка. В итоге развития и сочетания названных функций и создается системное целое с функцией понятийного мышления. Так эволюция пришла к очеловечиванию (у Лоренца по-немецки *Menschwerdung*).

Соответственно, обратный процесс – расчеловечивание – есть угнетение в (современном, глобализующемся) человеке, как субъекте социума, этого вот понятийного мышления, что, в свою очередь, снижает роль исходных когнитивных функций, первоочередно – словесного языка, о чем мы достаточно подробно говорили выше. Точно также можно проанализировать сниже-

* Заметим, что основу этологии, как системной науки, Лоренц обосновал, находясь в 1944–1948 гг. в советском плену. Этот период жизни выдающегося ученого в художественной форме описан нами в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении. – М.: «Московский Парнас», 2017. – 343 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

ние роли других исходных когнитивных функций, но тогда это «грозится» переходом от очерка к научному трактату. Поэтому предоставляем заинтересовавшемуся читателю самому поупражняться, например, связав расчеловечивание с угнетением такой исходной функции очеловечивания как абстрагирование восприятия. Еще занимательнее – с пространственно-временным ориентированием, к чему дадим подсказку из современной (назойливой) рекламы навроде «Запись в первый класс из дома», «А я, внучка, уже побывала в пенсионном фонде... не выходя из дома». И так далее все с тем же лейтмотивом. То есть пространство бытия суживается до пространства дома, его кубатуры, а время становится «безразмерным».

Для людей же образного мышления, то есть с преобладанием работы правого полушария головного мозга над левым, а также амбидекстров (правое \equiv левое), для сравнения процессов очеловечивания и расчеловечивания рекомендуем вспомнить всем известную едва ли не с середины XX века, а может и намного раньше, карикатуру-диаграмму, которой <по крайней мере> в советское время записные шутники «сидячих» профессий любили украшать стены своих рабочих мест. Карикатура эта в левой части показывала эволюцию в картинках: от примитивной обезьяны, еще на четвереньках передвигавшейся, до гордого *homo sapiens* в очках и конторском деловом костюме, вроде как с папкой «На подпись» под мышкой. Далее на этом шарже – от фигуры конторщика в центре и вправо – все в тех же, но зеркальных левой части рисунка, представителях эволюционных предков человека изображен процесс расчеловечивания, завершающийся макакой на четвереньках... Очень образно и *понятийно* для восприятия.

Дав определение сущности расчеловечивания, перейдем к характеристике «инструментария» этого процесса.

◆ Тот, кто впервые прочитал «1984» Оруэлла (речь понятно идет о русском читателе) в год ее первого издания, то есть в 1989-м году, когда термин «глобализация» даже еще на слуху не был, а затем решил заново освежить содержание романа-антиутопии в нынешние время оно, с холодящим душу

восторгом воскликнет, прибегнув для точности определения к «железобетонной логике» латыни: «*Factum certum casus datae legis!*»* Что в вольнолюбивой русской речи означает: «Окститесь, господи-товарищи из числа литературоведческих борзописцев! Ведь Джордж-Эрик Оруэлл-Блэйр в своем якобы антисталинистском, антисоветском, антисоциалистическом и пр. романе – о, великий провидец! – еще семьдесят лет тому назад один к одному до мельчайших подробностей описал наш сегодняшний мир, в котором, увы, уже давно нет ни Иосифа Виссарионовича, ни советский власти, ни даже самого социализма без частной собственности. То есть уже нет социализма в трактовке Маркса, а его трансформации шведского или китайского образцов «идут» по руслу глобализации».

...Согласимся с таким самодостаточно мыслящим читателем и перечитывателем антиутопии Оруэлла с единым, но ни в чем не противоречащим, замечанием: существенным различием в технических возможностях *Старшего Брата* и нынешнего *Великого Глобализатора*, в части средств расчеловечивания. Прогресс-то ведь не стоит на одном месте! А так основа инструментария данного процесса ни на йоту не изменилась со времени написания Оруэллом своей вещей-зловещей книги (С. 81): «*Перед ним, вытеснив О'Брайена, возникло лицо Старшего Брата. Так же, как несколько дней назад, Уинстон вынул из кармана монету и взгляделся. Лицо смотрело на него тяжело, спокойно, отечески – но что за улыбка прячется в черных усах? Свинцовым погребальным звоном приплыли слова:*

ВОЙНА – ЭТО МИР

СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО

НЕЗНАНИЕ – СИЛА»

Каково? – Все таково; см. латинский фразеологизм выше. Опять пометка с учетом разницы Оруэлловых и наших сегодняшних времен: тот давний Уинстон вынимает из кармана монету, а нынешний его двойник по части зомби-клона достает из кармана смартфон, водит по его экрану расслаблен-

* Достоверное деяние, подходящее как случай под данный закон (лат.).

ным, как и его же *facultatis sexualis*,* к примеру, указательным пальчиком и вместо старорежимной монеты высвечивает свой банковский счет в криптовалюте, каждый битговен которой в комбинации цифр виртуально представляет Великого Глобализатора со свинцово-погребально приплывающими словами – см. чуть выше. При этом современный клон Уинстона бесконечно повторяет заклинание на новоязе-ангсоце: «Клик мессенджером по *вайнбергу кацан*, фейсбуком о тэйбл лайкает твиттерский пацан». На лбу же клона кюар потер, отсканировав который, мы видим Великого Глобализатора.

...Автор приносит свои извинения читателям: возможно выделенные выше компьютерные американизмы пишутся несколько по-другому. Но поскольку их озвучивание в отечественных СМИ началось совсем недавно, автору же в письменном виде они не попадались, а дикторы произносят их спешно и малоразборчиво на слух, то ему, то есть автору, по фонетической ассоциации они напоминают схожие по звучанию слова из прежнего, доновоязовского русского языка, как-то: первый американизм – ностальгическую по советским временам, до боли родную фамилию своего друга и коллеги по инженерной службе; второй же – еще более родное прозвище русских, то есть козел бородатый, принятое у братьев-хохлов.

...Словом, как сочинял свои политизированные ребусы старик Синецкий в бессмертном романе одесских классиков: «Четвертый слог, досуг имея, узнает всяк фамилию...» Вот здесь автор и задумался: а можно ли в наше архиполиткорректное время употреблять самоназвание славного ветхозаветного народа? Кто знает, хотя бы сто лет прошло со времен инспирированных Иудушкой Троицким известных законов: по диалектике Гегеля история движется по спирали, все время возвращаясь к ранее пройденному. Правда, на ином количественно-качественном уровне. Бди, однако!

Впрочем, мы отвлеклись от магистральной темы наших рассуждений; в данном разделе – об инструментах расчеловечивания. Чтобы «закрыть» уже поднятый выше вопрос о таковом «языковом инструментарии». Упомянутые

* Половая способность (лат.)

ранее два варианта языкового расчеловечивания – разбаланс и сужение – зачастую идут, как шерочка с машерочкой, рука об руку. Например, в Латвии <вроде как?> английский язык полагается вторым государственным. Порошенко же, выступая в Верховной Раде, обращается к референту, прося перевести то или иное слово на мову. При этом, пребывая в США или в Европе, очень даже бойко говорит по-английски. В целом же Украина – современная «классика» языкового разбаланса. Это с учетом, что нынешняя, галицийская мова совсем не то малороссийское наречие, на котором говорил и писал Тарас Шевченко. То есть его времен «яка же гарна дивчина», понятная русскому человеку без какого-либо перевода, сейчас произносится как «яка же файна кобета»; последнее слово – польское, а «файна» – немецкого корня через идиш. Этот искусственный язык был инспирирован еще в самом начале прошлого века националистами австро-венгерской «ориентации».

Не подлежит сомнению, что оба варианта языкового расчеловечивания сейчас на 99% есть отображение в ныне самостоятельных государствах ненависти к России, ее имперскому – при царях и генсеках – прошлому. И переход Молдавии, Азербайджана, Узбекистана (даже наши волжские татары в девяностых годах дебатировали о том же...), а теперь и Казахстана с кириллицы на латинский алфавит – все в немалой степени оттуда же, но с поправкой на пантюркизм, планируемый Турцией Великий Туран. Как известно, без малого век тому назад Кемаль Ататюрк в целях «европеизации» своей страны перевел турецкий язык с арабской вязи на латиницу... При этом придерживавших власть в государствах, эмиратах и ханствах – осколках нашей Великой империи, вовсе не смущает, что азбука Кирилла и Мефодия уникальна в своей универсальности, то есть идеально подходит под фонетический строй не только *всех* (подчеркнем это) славянских языков, но и тюркских, а особенно (!?) – под фонетику японского языка, о существовании которого в Европе времен Кирилла и Мефодия не знали... И переход последних с кириллицы на латиницу (см. тексты на польском и чешском языках) приводит к невообразимой пестроте надчеркиваний над буквами и удлинению слов на четверть и

более. Но ведь цель-то достигается: подальше даже от намеков на Россию... и поближе к Турции с ее мечтами о новом тюркском халифате! Словом, по пословицам: «За мухой и оводом да с топором», или «Из пушки по воробьям».

Кадры из недавнего показа по ТВ: Нурсултан Назорбаев пробует читать латинизированный казахский текст (а инициатор перехода на нее дочка его...) и смеется: дескать, какие-то неприличные слова получаются...

Но все эти алфавитные игры прозрачно понятны. Главное же и во всемирном масштабе напролом рвется языковое сужение до унифицированного американского диалекта английского языка. Здесь следует четко знать разницу между классическим английским с его богатейшими грамматическими и словарными возможностями и «американским», в чем-то подобном языку Элочки-людоедки все из той же классики одесских писателей. Доллар, бизнес, проблема – и еще минимум слов, почти как в пиджин-инглиш (голубинный английский), интернациональном языке матросов торгового флота. Как у Оруэлла формируется англо-новояз: исключить как можно больше существительных, но ведь в прилагательных и глаголах еще больше ненужного?

...Кстати говоря, киевские власти давно бы охотно и верноподданнически перед Западом перевели мову на латинский алфавит, но, к досаде своей, еще на заре самостоятельности и незалежности поспешили объявить, что Кирилл и Мефодий вовсе не для болгар и чехов первоначально создали славянский алфавит, но именно для них, для мифологических «укров», а скорее всего эти «укры», а не братья-монахи, сами создали его в трудовых перекурах между выкапыванием ямищи под будущее Черное море... А наивные ученые-океанологи всего мира все пытаются безуспешно разгадать: почему это море на глубине ниже пятидесяти метров так сильно насыщено сероводородом и другими продуктами распада органики? Словом, как Христос ответил на вопрос Понтия Пилата: «Ты сказал». Но у братанов-хохлов пока что ума хватает плевать на укрогалицкий новояз и как прежде говорить на русском, мало-

русской мове, суржике и иных койне.* Но надолго ли? – Навалился ведь класс-гегемон языковых глобализаторов!

Итак, все по Оруэллу (С. 53): «...Кряканье за соседним столом продолжалось с прежней быстротой, легко различимое в общем гуле.

– В новоязе есть слово, – сказал Сайм. – Не знаю, известно ли оно вам: «речекряк» – крякающий по-утиному. Одно из тех интересных слов, у которых два противоположных значения. В применении к противнику это ругательство; в применении к тому, с кем вы согласны, – похвала».

...Это ситуация языкового расчеловечивания наших дней. Оба они, Старший Брат Оруэлла и Великий Глобализатор, что у нас «близ есть при дверях», а точнее — уже вломился через окна и печные дымовые проходы (его в дверь, а он в окно...), своим рупором-инструментом одинаково имеют СМИ – сообщество представителей первой древнейшей профессии. Это настолько самоочевидно и понятно всем, что и не стоит мыслию по древу растекаться. Ограничимся лишь несколькими характерными (лучше – характерными) примерами, взятыми, что называется, наугад.

Мало того, что каждую неделю радио и телевидение вводят в некогда великий и могучий два-три новых американизма, закрепляя их в памяти слушателей-зрителей кодирующей оговоркой «... как сейчас говорят», они и вроде бы устоявшиеся в русском языке слово «американизируют», например, добавляя по-импортному звучащее окончание слов. Так и сыпятся, вбиваются в память и разговорную практику искаженные слова навреде: банкинг, паркинг, инженеринг (и совсем калька – инжиниринг) и так далее, вплоть до чисто новоязовского шопинга. По своей системной организации мышления люблю коллекционировать не то что эти русско-американизмы, но и ситуации их *первого* введения в практику. Здесь изумрудом первой величины <на сегодняшний день> считаю неологизм-американизм «прицепинг». Так веселая постоянная ведущая ежедневной утренней забалтывающей программы

* От греч. *koine dialectos* (общее наречие), то есть язык, образующийся при смешении нескольких родственных диалектов.

на главном канале Радио России несколько лет тому назад фактотум назвала старинное, всем нам по детству знакомое хулиганство: езда на «колбасе» трамвая, а с массовым появлением роликовых коньков – езда на оных, зацепившись рукой за какой-либо удобный крюк на кормовой стенке движущегося общественного (сейчас и частного по преимуществу) транспортного средства. Так это невинное, опасное вообще-то, детское «прицепление» получило языковой статус «занятие прицепингом». Каково звучит, а? – Все одно, что заниматься чем-то полезным...

Кстати говоря, чем больше социум превращается из творческого и производительного в классическое общество потребления, тем уважительнее в языковой практике начинают именоваться самые непрестижные когда-то человеческие занятия. Например, в советское время к таким относилась торговля. Занимающейся ей человек, обычно женского сословия, с легким презрением звался барыгой, торгашом или торговкой. В нынешнем обществе всеобщего потребления словесный статус этого занятия поднялся неизмеримо высоко: про торгаша, теперь уже мужика или женщину на паритетных правах, продающего, например, холодильники, уже уважительно говорят, что-де мой сосед по лестничной площадке *занимается холодильниками!* Ни много и ни мало. Звучит в той же тональности и семантике, что и занимается ракетостроением... И вообще – сейчас не торгуют, но *занимаются продажами.*

И еще из классики новояза: пресловутые 3-D (три дэ) цацки: от принтеров до челюстно-лицевой хирургии и – бери куда выше. Эта аббревиатура «из американского» по-английски расшифровывается как *three dimensional*, что имеет аутентичный перевод на русский, абсолютно понятный даже таджикскому гастарбайтеру (а это уже германизм в нашем новоязе): трехмерный, то есть объемный, пространственный. Но ведь как-то обидно изъясняться чисто по-русски – см. смесь французского с нижегородским у нашего классика! – вот и щеголяет этим «три дэ» вся 1/7 (ранее 1/6) часть земной суши: от дикторов радиотелевидения до маститых академических мужей... впрочем, все на том же РТВ, и высоких чиновных персон.

...Опять же как-то не попадались на глаза тексты с этим «три дэ» – как там они литерами изображаются?

Все это смешно, если бы не было грустным. Ведь это не просто обезьянничество *made in*, но разрушение языка, а значит логики мышления и самого мышления (см. выше). Вспомнил к случаю: в отроческо-юношеские годы, перечитав в <достаточно богатой> районной библиотеке <ныне> Города воинской славы Полярного всю русскую и западно-европейскую классику, взялся за литературу европейских же союзных республик. Особенно нравились латышские классики Андрей Упит и Вилис Тенисович Лацис. Вот у кого-то из них, кажется у первого из упомянутых выше, описано, как рижские франты из магазинных приказчиков (время действия – первая треть XX века) вместо «пardon» щеголяли словечком «*фардон*», ибо в латышском языке отсутствует фонема «эф»... Извиняюсь, написал и вспомнил: это из романа «Времена землемеров» основоположников латышской литературы братьев Каудзит.

О современном «рашенском новоязе» можно бесконечно писать и язвить, но... опять же грустно. Наскучат пояснения о «прицепинге» на всероссийском радио, переключаешь приемник на местное радио: так сказать, поближе к земле, к деревенскому навозцу, к родной, неискаженной речи... Не тут-то было! Как раз на том местном радио молодая (по голосу и умственному развитию) корреспондентша, или как там у них называется, интервьюирует пожилую (все по тем же показателям, см. выше, определяется), многоопытную директоршу вновь открытого в городе военно-исторического музея. И снова грустно: молодая вворачивает что-то насчет «*квинты* военного солдатского пайка». Ей-то по возрасту простительно, но и многоумудренная директорша старается показать, что «новоязу знает»: за одну минуту трижды доложила «о «*квестах*» в нашей работе к празднику 9-го Мая!»! Грустно, девушки-женщины, грустно. Кстати, хотя бы по контексту туманно понял смысл слова «квест», но «квинта пайка» так и осталась для меня семантическим обнулением.

Но вот кто животным инстинктивным чутьем понял идиотизм новой наробразовской «новации» – изучение сразу двух иностранных языков, начиная с первого класса школы, естественно, по образцу *made in*, – так это матери малосчастливых ребятишек: значит, порешили они, вообще ни одного языка, включая русский, знать не будут! Хотя бы эта здравая мысль и не трансформировалась у них через сугубо матримониальное: два языка – это две училки, что требуют настойчивого внимания, опять же два репетитора и так далее – все в двойном накладе. А мужик в семье работающий только один, дома его и не видно, почти полные сутки деньги для своих домочадцев зарабатывает! Даже любовница его Клавка порой с бутылочкой мартини придет, жалуется, дескать, совсем твой Петька с работой замотался, ко мне глаз не кажет. Выпьют подружки, пожалуются друг дружке, поплачут – и вроде легче: кризис, мол, в стране и в мире, а тут еще два языка...

Кстати о любовницах. Сейчас, когда Россию супостаты обложили как медведя (он же сейчас и неофициальный символ страны) со всех сторон, иностранные языки и вовсе без какой-либо надобности. А при чем тут любовницы? – А просто вспомнил до боли родной советско-тоталитарный анекдот, где американец, француз и русский в пивной хвастаются: у кого больше автомобилей. Получается, что у каждого интуриста их не менее трех: один – на работу ездить, второй – к любовнице, а на третьем по загранкам шастать. И наш Ваня не растерялся: нет у меня авто и не нужен он мне. На завод свой на трамвае подкатываю. Любовница Нюрка в соседнем подъезде квартирует, а за границу я привык на казенном танке выезжать!

...Самый ненавистный лично мне американизм, хотя бы и в переводной кальке – «дорожная карта». Еще – «перезагрузка».

Симптоматично, что сейчас никого не озадачит фраза навроде «знаешь ли ты язык?» Понятно и так: речь идет об американском диалекте английского языка...

◆ Пусть читатель не негодует: что мы это все к языку прицепились? Ответим: по двум причинам; первая – задатчиком темы очерка является сугубо

литературное художественное произведение; вторая – с чего мы и начали: язык есть логика, мышление и познание. Поэтому уничтожение естественных функций языка есть основной инструмент глобалистского расчеловечивания социума. Яснее и доходчивее не скажешь, хотя бы из всего инструментального набора средств расчеловечивания «языковая диверсия» глобализма чаще всего и встречается в штыки, мол, богатство языка, в данном случае русского, только возрастает заимствованием из *made in*. Позвольте не согласиться. Язык очень чувствителен к таким, резко ограничивает число их. Вспомним «классику жанра»: что наш язык позаимствовал из такого, казалось бы, грандиозного внедрения чужестранцев в Россию, как Наполеоново нашествие? – А всего-то три слова, причем ругательные: шваль, шантрапа и шаромыжник. Кстати и для заметки в памяти: единственный солидный (в четырех томах) этимологический словарь русского языка немца Фасмера – известно, что лучшими знатоками нашего языка всегда были немцы; только Даль из датчан – происхождение всех этих трех слов трактует *абсолютно неверно*. А наша академическая наука не перестает восхищаться этим словарем! Славны бубны за горами...

Особняком стоит терминология, но она входила в русский язык, начиная с просветительских Петровых времен, естественно и ненавязчиво. Причина такой переимчивости архипонятна: Россия, по сравнению с Западной Европой, очень молодая страна. Да еще всеуе всегда упоминаемые граждане монголы и товарищи татары со своей Золотой Ордой... Словом, мы всегда были в части терминологии учениками Запада, но заметим: за исключение не очень большого числа исторически воспринятых нами немецких, французских и английских (не американских!) слов-терминов, подавляющее их число лишь транслированы через западную науку и прочие виды деятельности из древнегреческого и латыни. То есть здесь все естественно и нормативно: действительно, обогащение русского языка за последние триста лет. О компьютерном «птичьем» языке скажем в контексте с виртуализацией социума. Как уже говорилось выше, данный, базовый инструмент расчеловечивания у Оруэлла

не фигурирует: техники соответствующей еще не было, равно как и развернутой глобализации.

Глобализация и виртуализация социума едины – это братья-близнецы в зеркальном отображении друг друга. Четко осознавая эту связь, мы сразу несколько книг из упомянутой выше 15-томной монографии посвятили данной теме. К каковым и отсылаем заинтересованного читателя. Из этой же связки растут и ноги – или уши? Но скорее пальцы для клавиатуры и смартфонов – *поколения недолайков*; редчайший случай, когда можно аплодировать СМИ за популяризацию в масс-медиа столь верного и актуального русифицированного американизма!

Виртуализация, повторимся, есть базовый инструмент расчеловечивания, используемый Великим Глобализатором. Здесь человеческий социум превращается в *человейник*, где каждая особь – бывший *homo sapiens* – сидит в своей крохотной ячейке, общаясь с другими посредством телекоммуникационных сетей. И такому недолайку уже не требуется творческое аналоговое мышление – оно трансформируется в утилитарное цифровое мышление. О том же твердит назойливая реклама: «От слова к цифре», призывающая уже полностью сформировавшееся общество потребления покупать все новые и новые изделия-гэджики китайской фабрикации, разрабатываемые в Силиконовой долине, шт. Калифорния, США. Если бы дело ограничивалось этими игрушками, впрочем, для всех возрастных групп грядущих недолайков? Но уже провозглашены программы перехода к «цифровой экономике» с пояснением: чтобы не отстать от мировых тенденций, которые задает и которыми умело управляет Великий Глобализатор. Благо технические, точнее – технологические, исполнители у него способные: лучшие выпускники Гарварда, Кембриджа и Массачусетского технологического института. Да еще собранные со всего мира «на высокий оклад содержания» узкоспециальные в указанном деле профессора и инженеры. И из России все мобильные, в смысле охочие до долларов и перемене мест, спецы перебрались под крылышко Великого Глобализатора.

Итак, виртуализация социума есть инструмент расчеловечивания для достижения сразу двух целей глобализации: превращение этого социума в сугубо индивидуалистический человек и трансформация аналогового творческого мышления *homo sapiens* в утилитарное цифровое у безликих «единиц» человека. Мы сейчас имеем сомнительную часть присутствовать при резком, почти экспоненциальном взлете процесса виртуализации.

◆ Если Оруэлл в «1984», как уже говорилось выше, только догадывался о грядущей виртуализации социума, то такой инструмент расчеловечивания как <назовем его так для всеобъемлющей краткости> *Недремлющее Око* во всей его полноте и холодящей душу красоте расписан в романе. «*Старший Брат смотрит на тебя*» (С. 192–193). Здесь можно цитировать не то что страницами, но десятками оных – и восхищаться писателем-провидцем: все им сказанное уже сбылось! Сотни и тысячи видеокамер отслеживают просто-го работягу Федьку, равно как торговца-«среднеклассца» Парамоныча, средней же руки чиновника Сан-Саныча, домохозяйку Элеонору Павловну и проститутку Натали в ее законный трудовой выходной, как только они вышли из подъезда своего дома и направились по своим малоответственным делам.* Коль скоро по принципу тусовки (у Петьки машина есть, значит и у меня должна иметься) все обыватели, как СМИ именуют бывшего «непростого советского человека», пересели на авто дешевой калужской и иной отверточной сборки, то вездесущие видеокамеры фиксируют их по всему маршруту движения, фиксируя номерные знаки в привязке ко времени и месту... И объяснение вроде как понятное: для вашей же, граждане обыватели, безопасности и спокойствия.

И телевизионное Недремлющее Око в обратной, так сказать, перспективе следит за обывателем, направляя его мышление, все более становящееся утилитарно-цифровым, недолайкиновым, индоктринированным, говоря термином науки психологии. И следит архиуспешно, в обратной связи фикси-

* Здесь наша страна почти весь Запад обогнала: в той же Австрии установка видеокамер в общественных местах законодательно запрещена – считается вмешательством в личную жизнь человека...

руя: куется новый расчеловеченный обыватель-потребитель! Еще немного, еще чуть-чуть и сравняем его с уже давно расчеловеченным субъектом западного образца, того же американца, так живописно обрисованного Мишей Задорновым – светлая память ему... И нашим подуставшим коммунистам неча пенять на «партию и правительство»; глобализм потому так и называется, что он сейчас единственный весь земной шарик крутит. У него для всех одно правительство – Тайное <до поры, до времени> мировое, одна партия – власть олигархата с переименованным Марксовым девизом: «Олигархи всех стран давно соединились в одном змеином клубке!»

...И коль скоро в полном боевом действии инструмент виртуализации, то все нынешние и будущие обыватели-недолайкины давно разучились писать «от руки»... Здесь слегка и временно свернем чуть в сторону. Наблюдательный по жизни человек наверняка подметил: сейчас от руки, причем перьевой ручкой, пишут исключительно врачи и милицейско-полицейские чины. Меня это давно занимало, но отгадку подсказывал знакомый и опытный все по той же жизни врач: «... Вот сидишь ты по кляузному делу перед следователем, что дал для ознакомления из заведенного *дела* лист, тобою же написанный перьевой ручкой и содержащий халтурный <с похмелья был или с ночного дежурства> диагноз, эпикриз и пр. Просишь, изображая душевные терзанья и волнения, у следователя водички для успокоения, а рука твоя блудливая затряслась и – залил неприятный лист, чернила тотчас расплозлись. Это уже не улика, а черт-те что, учитывая, что у врачей и без того почерк нервный и малочитаемый...»

Обрадовался разрешению загадки, а знакомцев из «ментов» уже и расспрашивать не надо: и их порой следователи допрашивают, грозя «красной зоной» в Нижнем Тагиле и суя под нос написанный провинившимся перьевой ручкой протокол с досадными упущениями и инсинуациями.

Однако – к делу уже нашему. Не все у нас в стране, во всем глобализующемся мире, конечно, служат Гиппократу и министру внутренних дел. Вот все эти остальные давно забыли как пользоваться не то что перьевой ручкой,

но и шариковой, а всю жмут пальцами на клавиатуры «компов» или ими же елозят по экранам гэджиков-смартфонов. А все они подключены к телекоммуникационным сетям. Далее и объяснять наивно и смешно: смотри почти ежедневные скандалы со считыванием данных, сообщений и пр., что смакует СМИ. Есть где разгуляться Недремлющему Оку!

Естественен вопрос: как соотносится расчеловечивание и тотально-глобальный контроль за каждым шагом и словом индивидуума, песчинки малой человекости? – Так прямо и соотносится: постоянная слежка, «промывание мозгов» (кондиционирование все по той же психологии), навязчивое направление мышления, то есть индоктринирование, – это в тщательно срежиссированной Великим Глобализатором и его племянником Недремлющим Оком параллельно-последовательной совокупности создает эффект «антивзросления», когда умственное развитие субъекта расчеловечивания искусственно останавливается на минимально-достаточном уровне. Уровень этот Великим Глобализатором определен как соответствующий функциям робота Молоха глобализации. ...Сразу вспоминается программа «образования» для остарбайтеров по Гитлеру–Розенбергу: умение считать до ста, читать карту и что-то еще по минимуму.

...Любое животное, человек естественный в том числе, старается, чтобы его потомство поскорее взрослело, «становилось на крыло», чтобы всю жизнь не наблюдать за ним, опекать и пр. Инструмент же тотального, абсолютного контроля за каждым субъектом человекости суть его расчеловечивание уже на биологическом уровне. А коль скоро человек – это животное не только мыслящее, но и самоосознающее свое мышление (по Джулиану Хаксли), то его расчеловечивание на естественном биологическом уровне предполагает утрату многих важных аспектов этого самоосознания. Словом – назад <в мышлении> к примату! Смотри описанную выше диаграмму-карикатуру на расчеловечивание.

Кстати, в состав данного инструмента расчеловечивания непременно входит... всеобщее доносительство Старшему Брату, он же Великий Глоба-

лизатор. Здесь мы, люди русские, еще сопротивляемся в следовании Западу, поскольку живы в нас фенотипически закрепившиеся нормы православной этики и морали; в данном случае доносительство осуждается словами Христа, адресованных тем, кто считает себя без греха. Но, повторимся, русские и Россия непозволительно молоды по сравнению с Западом–Востоком, а молодости свойственно этакое эмоциональное словоблудие – крестное «óно» доносительства. Поэтому не только словом Христовым, отрицающим личностную безгреховность и предательство Иуды Искарриота, но и жесткими мерами молодую Россию умные правители веками отучали от порока доносительства. ...Академик Янин, первооткрыватель новгородских берестяных грамот, изучив их, пришел в полное изумление: почти все эти грамоты являлись жалобами-доносами (!?) Вот она – молодость нации. Отсюда и устоявшаяся при великих князьях и царях, первых императорах тож, норма судопроизводства: доносчику первый кнут.

В тридцатых годах советский народ, обрадовавшись всеобщей грамотности, сам себя наказал за страсть к доносам, но во вторую половину прошлого века забаву эту разумно обнулil. Сейчас она, поощряемая СМИ, вновь разбушевалась, но только на гэджиковом уже, так сказать аппаратурном, уровне: рекомендовано без конца снимать всякие автомобильно-дорожные дела и фотки слать куда следует. ...Ничему народ не учится в истории: ведь и во времена наркома Ежова доносительство аттестовалось как «активная позиция неравнодушных граждан». Впрочем, история идет по Гегелевой спирали – вот и добралась до времен Великого Глобализатора.

◆ Можно долго и обстоятельно рассматривать другие инструменты расчеловечивания. Читатель без труда сообразится с этим. Важнее четко определить цель и задачи глобализма в процессе расчеловечивания. Главное – не голословно. Хотя... это голословие не следует путать с логическим выводом. Для примера: отмена кальсон, сапог, портянок и петлиц как символов <советского имперского> тоталитаризма. К какой смысловой категории относится это утверждение? – Явно к логическому выводу, хотя по форме смот-

рится вроде как голословие. Да еще с таким язвительным подтекстом. Точно также и в обсуждении цели и задач расчеловечивания. Ведь все факторы расчеловечивания, что описаны в антиутопии Оруэлла, дополненные нашим сегодняшним бытием, то есть полная примитивизация языка, сводимого к новоязу англо-русского, обезьянничество с западно-восточной ориентацией (кто на Нью-Йорк, а кто на Токио...), предельно узкая, как у пчел, трудовая специализация, оцифровывание мышления, переход от творчества к утилитаризму, от производства к оголтелому потребительству, от <широко понимаемого> конструирования к обслуживанию, а что делается с искусством, литературой? – Когда для тех же венгров не «Венгерские рапсодии» Ференца Листа, для румын не «Румынские рапсодии» Джорджа Энеску являются музыкальным контекстом всей их жизни, но ритмы джунглиевой, пещерной «музыкальной культуры», препарированной в Новом Свете; а где христианская мораль? – ...Словом, все эти факторы должны иметь в целенаправленных, возможно и на десятилетия вперед просчитанных на мегакомпьютерах (это во все не по части конспирологии!), действиях Великого Глобализатора, оно же Тайное мировое правительство, вполне конкретные цель и задачи. Опять же прошу не упрекать автора очерка в излишней приверженности к конспирологии. Просто напомним еще одно высказывание-алгоритм выдающегося ученого Джулиана Хаксли, кстати, учителя упомянутого выше Конрада Лоренца (яблоко от яблони... но в смысле позитивном), что человек обогнал эволюцию и уже сам управляет ее движением. Таким образом, все действия Великого Глобализатора укладываются в законы эволюции, то есть не противоречат ее естественным законам, но – лишь ускоряют их действие.

Оруэлл в «1984» их не конкретизирует и понятно почему: его антиутопия есть классический роман, а любое литературное художественное произведение подчиняется законам своего жанра. Главное – следует выработанный за тысячелетия – от античной литературы – непреложной установкой: дать читателю свое (субъективное + объективное) художественное видение того или иного аспекта и/или тенденции в движении социума, причем не навязывая

(директивно, назойливо и пр.) читателю, как *conditio sine qua non*^{*}, своих выводов. На то оно и художественное произведение, то есть рассчитанное на прочтение – восприятие совершенно различными по уровню и, так сказать, акценту мышления людьми, чтобы каждый такой индивид эти выводы домыслил в своей субъективности восприятия, то есть сам определил цель и задачи, поставленные автором, но «утаенные в конкретике» им от читателя, но – для вящей пользы последнего.

И еще раз (смотри начало) категорически отринем мнение литературоведов-либералов, что-де «1984» – это художественное представление сталинского СССР. Ибо в год написания и издания романа, то есть 1948-й, западная и вообще мировая читательская аудитория еще не была «заботливо подготовлена» Хрущевым (доклад на XX съезде КПСС) и Солженицыным («Архипелаг ГУЛАГ» и пр. поделки) к очернительному представлению о нашей стране в период ее наибольшего могущества и непререкаемого авторитета в мире. Еще не испекли «не наши повара»^{**} пирожки с ядовитой начинкой... То есть книга Оруэлла не «частный» пасквиль на СССР, но именно полувекковое прозорливое предчувствие воцарения уже на всей планете Старшего Брата – Великого Глобализатора. Исполать ему! – В смысле Оруэллу.

...Нам же сам Бог велел в настоящем очерке дать определение цели и задач расчеловечивания, основываясь на выдвинутой и обоснованной (см. упомянутый 15-томник) концепции, согласно которой советский социализм был пробным (проверочным, причем проверку выдержал!) ходом эволюции при переходе от капиталистической-империалистической общественно-экономической формации к социально ориентированному социуму. Здесь прав оказался Маркс, а не Ленин, – к такому социуму могут перейти *только все* страны мира. Но прямой революционный переход в нашу эпоху последнего напряжения мощи империализма невозможен. Такой переход может быть осуществлен *только* через «посредника» – этап глобализации, который

* Непременное условие (лат.).

** Из черновых набросков А.С. Пушкина к <несостоявшемуся> продолжению «Евгения Онегина»: «Его мы очень тихим знали, когда не наши повара орла двуглавого щипали у Бонапартова костра» (это об Александре I).

по разным оценкам будет длиться 80–200 лет. Это тяжелый для человечества этап, но эволюцию «не поправишь». Самое существенное, что к постглобалистскому всемирному социально ориентированному обществу придет уже ... расчеловеченный *homo sapiens*. Это совсем не по Марксу, не по Ленину, не по В.И. Вернадскому – создателю ноосферной концепции. Увы, в этом <эволюционирующем> мире за все надо платить, в данном случае – превращением человечества в члoвeйник. Еще раз увy...

Именно поэтому нашу концепцию феноменологии ноосферы (а она широко уже известна) никто даже не пробует опровергнуть, ибо против логического ее обоснования ничего не поделаешь, но зато «молча» не принимают, как говорится, ни левые, ни правые, ни «срединные». Сторонников учение Маркса – Ленина (Сталин был величайшим практиком) в этой концепции по понятным причинам не устраивает все; либералов и апологетов капитализма-империализма вовсе не радует хотя и отдаленное, но пришествие социально ориентированного общества с ликвидацией атавизма частнособственничества; наконец, моих научных коллег-ноосферологов настораживает наша интерпретация ноосферного будущего, весьма отличная, во многом противоположная прогнозам академика В.И. Вернадского. Но ведь Владимир Иванович, наш русский, советский гений, *всего лишь абрис* грядущей ноосферы дал с позиции знаний его времени?! Что поделаешь, закон суров, но это закон, как гласит римское право. Тем более – закон эволюции...

Все это подробно изложено в нашей многотомной монографии, а теперь перейдем к цели и задачам расчеловечивания Великим Глобализатором, «держа в уме», что его делами эволюция ведет человечество к социально ориентированному... но, увy, члoвeйнику.

◆ А определения кратки: цель расчеловечивания – превращение человеческого социума в члoвeйник, то есть роботизированную биомассу, где индивидуальное мышление индоктринируется в коллективное сознание, при этом названная цель реализуется при параллельно-последовательном решении следующих задач: а) оцифровывание индивидуального мышления для

включения в утилитарное коллективное сознание; б) мировая власть по типу «200 семей» (это как сейчас <столько-то> кланов – лауреатов журнала «Форбс»), которая к окончанию периода глобализма растворяется, выполнив свою задачу, в собственно структуру-программу «машинного» управления человеком с ликвидацией частной собственности; в) полная виртуализация социума → далее человека, где человеческий индивидуум становится придатком всемирной гипертелекоммуникационной сети, подключенным к нужному ее блоку; у нас (см. монографию) это названо «принципом головы профессора Доуэля»; г) сведение идущих от религиозных доктрин, в основном от христианства на Западе, этики и морали к сугубо утилитарным институтам что-то навряде трансформированного эквивалента англиканского пуританства; в нашей терминологии – «принцип морали по вызову»; д) полное уничтожение национальной, расовой, политической и пр. идентичности (самоидентичности, специфики и пр.); е) профанация института семьи как ячейки социума; ж) «контроль», в смысле резкое сокращение численности населения Земли, в частности, ростом значимости однополых браков; з) минимизация функций языка (см. подробно выше); и) формирование межличностных отношений на основе лицемерия политкорректности, толерантности и пр. запретов на естественные <ранее> нормы эмоциональности человека; к) трансформация войн в карательные экспедиции; л) постепенное ограничение потребительства; м) полный перевод производства материальных благ и «пищевой корзины» на робототехническую и компьютерную автоматизацию.

...И так далее по более частным задачам. Такой расчеловеченный индивидуум представлен у Оруэлла (С. 79): *«...Он купит гравюру с церковью св. Климента у датчан, вынет из рамы и унесет под комбинезоном домой. Заставит мистера Чаррингтона вспомнить стишок до конца. И снова мелькнула безумная мысль снять верхнюю комнату. От восторга он секунд на пять забыл об осторожности – вышел на улицу, ограничившись беглым взглядом в окно. И даже начал напевать на самодельный мотив:*

*Апельсинчики как мед,
В колокол Сент-Клемент бьет.
И звонит Сент-Мартин:
Отдавай мне фартинг!»*

...И не следует, горестно подперши голову ладонью правой (у левшей – левой) руки, жалеть грядущих недолайков человеиника, не получивших взамен ликвидированной частной собственности ни «золотых унитазов» Карла Маркса, ни оптимистических картин ноосферы у академика В.И. Вернадского: *«Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой (выд. В.И. Вернадским. – А.Я.). Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их расцвету»**.

...Скоро сказка лишь сказывается. Но до ликвидации атавизма частной собственности еще 80–200 лет, смотри выше, а пока что ее торжество идет по Марксу – помните? – Нет такого преступления, на которое пойдет капиталист за такой-то процент прибыли и за сколько этих процентов он мать родную удавит. И у нас в отечестве все продолжается скорбный мартиролог невинных жертв оголтелого частнособственничества: «Трансвааль-парк», «Хромая лошадь», недавняя совсем «Зимняя вишня»...

И если пестроцветье «правых», «левых» и всевозможных «центральных» и «либеральных», как уже было сказано выше, глубоко сомневаются в цели глобализации с расчеловечиванием, то ведь в перечисленные их задачи от «а» до «м» и далее по алфавиту в части расчеловечивания успешно, в стахановском темпе выполняются. Здесь и малейшего сомнения у незашоренных СМИ людей отсутствуют: оглянись округ себя?! Все это делается как по накатанной и предельно расчетливо, с холодным цинизмом. – Как у Оруэлла

* Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р.К. Баландина.– М.: Айрис-пресс, 2004.– С. 480.

в его романе. И народ понимает: дескать, чему бывать, того не миновать. Добрый наш народ. Про западно-восточный не знаю. Может тоже по-своему добр.

И вовсе не следует жалеть наших потомков, уже начиная с частично расчеловеченных детей. Ввиду ускоренного эволюционного формирования *homo sapiens*, последний приобрел сверхвыдающееся качество не только чрезпоколенной, но и поколенной адаптации к динамике изменения качеств и норм социума. Если еще два-три века тому назад внук вырастал почти полной копией своего деда, даже отца, в этих качествах и нормах; если в XIX веке – вспомните «Отцов и детей» нашего классика, который в нынешнем году преступил там, в ином мире, свое двухсотлетие, сыновья, пройдя короткий период юношеского «бунтарства», тоже становились психосоциальными клонами своих отцов, то в последней трети (в России – СССР чуть позже) прошлого и начале нынешнего веков «порвалась связь времен». Возникло иное качество: преемственность превратилась в свой антипод, что есть символ начавшегося расчеловечивания. Но и названная адаптация экспоненциально усилилась: отныне каждое новое поколение соотносится с предыдущим как «твоя моя не понимай». Уже и в языковой сфере требуется перевод со все заполняющего новояза на традиционный язык, вплоть до *reductio ad absurdum**.

Но страдательны ли здесь последовательно являющиеся поколения недолайков расчеловеченных? – С позиции нынешних людей старшего и среднего поколений и женщин безвозрастно (речь идет о русских женщинах) – безусловно *да!* А с точки зрения самих <пока еще> формирующихся недолайков? – Нет, ответят они, мы самодовольны и даже счастливы – последние, если у родителей «тугой кошелек». Вот она – сила человеческой адаптации! И через 80–200 лет они войдут в свой <социально ориентированный: мед всем поровну> человек так же спокойно и безэмоционально, как все предшествующее человечество со времен неолита, точнее – позднего

* Приведение к нелепости (лат.).

неолита, входило в осознанную жизнь. Правда, войдут без высших качеств человечности, выработанных эпохой цивилизации культуры. Но – хватит о *явном*, а потому и грустном.

◆ Апология человека. Так мы изначально назвали очередной, шестнадцатый по счету, том упомянутой выше монографии. Выполнил ли человек, главное – будет ли продолжать выполнять, – свою эволюционную миссию в переходный период глобализации и далее в постглобалистском человеичике сформировавшейся ноосферы? – Многие умы останавливались (передохнуть то есть) перед ответом на этот вопрос: открыватель синантропа, выдающийся философ-естественник, кстати, член ордена иезуитов Тейяр де Шарден, автор самого термина «ноосфера», введенного им после прослушивания в двадцатых годах в Сорбонне лекций нашего академика В.И. Вернадского; его коллега по прослушиванию и восприятию тех же лекций Леруа; нобелевский лауреат <по литературе...>, философ-естественник Анри Бергсон; конечно, сам создатель учения о ноосфере В.И. Вернадский; главное – великолепные мыслители сугубо уникальной школы русских философов-космистов: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, весь «философский пароход» высланных из Новой России Лениным и Троцким; ушедший недавно из жизни наш наставник академик В.П. Казначеев; во многом мой учитель, президент Ноосферной общественной академии наук А.И. Субетто... имен много, но все они сходились *in summa* в одном: человек разумный есть цель и вершина земной биоэволюции. И текущую свою задачу он выполнил и продолжит выполнять сверхзадачу – сверхмысль, как ее определил Пьер Тейяр де Шарден.

Даже превративши социум в человеичик, а собственно человека в недолайкина, эволюция по своему определению не может остановиться, перейти от динамики в вялотекущую статику: даже макрокосм Вселенной, расширяясь, движется! Это сейчас он презрительно именуемый недолайкиным, но в грядущем расчеловеченном человеичике (извините за тавтологию...) он будет выполнять в совершенствовании коллективного разума и реализации все более мощных технологий роль пчелы-работницы ... или трутня, которые пче-

линой семье необходимы биологически. И, лишившись собственной самодостаточности, как у Оруэлла в его провидческом романе, будет себя чувствовать ничем не хуже, чем мы сейчас в раздраенном мире... Как библейский Иов говорил*:

*Ибо для дерева есть надежда,
Что, и будучи срублено, снова вырастет,
И отрасль от него не прекратится;
Хоть и состарится в земле его корень,
И пень его умирает во прахе,
Оно, почуяв воду, дает отпрыски
И выпускает ветви, как (ново) посаженное.
А муж умирает и теряет всю силу,
Скончался человек – и где он?*

Апология человека – это не есть оправдание (сам термин «апология» в переводе на русский язык), ибо нельзя *оправдывать* саму эволюцию – яйцо курицу не учит! Здесь констатируется факт: человек – вершина биологического развития, но в конце концов он не может до бесконечности развиваться и совершенствоваться как сугубо мыслящий индивид. Это – гибель грядущая. Поэтому за биологической вершиной следует вершина разума – коллективный разум, который возможен, как *ratio essendi* (лат.: основание бытия), только в человекине с расчеловеченными его составляющими. Жестоко звучит, но это закон общей эволюции, гегелевский закон перехода <индивидуального> количества в <всеобъемлющее> качество. И финализм эволюции человека вовсе не есть категория апокалипсическая. И в самом новозаветном Апокалипсисе содержится указание на то: *«И как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от години искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле. Се, гряду скоро; держи что́ имеешь, дабы кто не восхитил венца твоего. Побеждающего сделаю*

* Рижский М.И.. Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – С. 46–47.

столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое» (Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 3, ст. 10–12).

...Радуйтесь, люди, пока вы человеки суть!

**СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА: НЕСОТВОРЕННОСТЬ ИЛИ
ОСОЗНАННОСТЬ?**

**К 145-летию со дня рождения выдающегося русского философского пи-
сателя Николая Александровича Бердяева (1874–1948)**

*Никакого умственного влияния я не мог воспри-
нять иначе, чем получив санкцию от моей свободы.
Поэтому я самый нетрадиционный человек на све-
те. Мне даже не нужно было разрывать с какими-
либо авторитетами, я их не имел. Но были фило-
софы и писатели, которые особенно питали мою
любовь к свободе духа, подтверждали ее и помога-
ли ее развитию во мне. В этом отношении огром-
ное значение для меня имела «Легенда о Великом
инквизиторе» и вообще Достоевский (* С. 58).*

Философия русского космизма. В отличие от классической немецкой философии (Кант, Гегель, Шеллинг, Фихте и Фейербах, на котором, говоря словами Энгельса, эта классическая философия и заканчивается), французского просветительства (Вольтер, Дидро, Руссо, Дешам, Кавеньяк, Ламетри и др.), английского эмпиризма и объективного идеализма (Юм, Бертран Рассел – и все, кто «между ними»), русская философская мысль шла своими собственным, ни на чей не похожим путем. Укрупнено этот путь можно охарактеризовать двумя ведущими тенденциями-направлениями. Во-первых, выраженная литературная эманация (это не литературоведческая трактовка), что сразу бросается в глаза с первых страниц чтения произведений С.Н. Булгако-

* Здесь и далее указание страниц относится к изданию: Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии).– М.: «Книга», 1991.– 446 с.

ва (отца Сергия), Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, да и всех других русских философов-космистов. Во-вторых, воистину космическим ареалом мышления; отсюда и принятое наименование «русский космизм»: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, П.А. Флоренский, А.Л. Чижевский, В.И. Вернадский; из сегодняшних современников – наши старшие научные коллеги (то есть автора коллеги), в определенной степени и учителя – В.П. Казначеев (к сожалению, недавно покинувший этот не из лучших миров...) и А.И. Субетто; с предисловиями последних уже свыше десятка лет выходят наши научные книги серии «Живая материя и феноменология ноосферы». Несомненно, что и названные выше классики русской философии также относятся к числу космистов.

Вне всякого сомнения, Н.Ф. Федоров и Н.А. Бердяев стоят у самых вершин философии русского космизма. Тем не менее в отношении Бердяева в философском литературоведении, как «заказном от идеологии», так порой и наивно-искреннем – от неофитов, порой возникают сомнения в космичности его мышления. При этом те, кто стремится «быть святее папы римского», ссылаются собственно на утверждения самого Бердяева навроде: *«Растворение личности, неповторимой индивидуальности в безликой божественности, в отвлеченном божественном единстве противоположно идее о человеке и о богочеловечности. Это всегда означает победу космоцентризма над антропоцентризмом. Для меня нет более антипатичной идеи, чем идея растворения человека в космической жизни, признанной божественной. Это космическое прельщение прельщало и соблазняло многих в начале XX века»* (С. 181).

...И при этом еще добавляют, что автор подобных утверждений суть «религиозный и политический философ» и «представитель русского экзистенциализма и персонализма». Но против такого «приговора» выступает, причем неизмеримо намного мощнее, само содержание книг Бердяева: выступает *концепция* против «удачно» вырванных цитат. Но об этом чуть ниже пойдет речь.

Литература о русских космистах необъятна, поэтому вряд ли мы впервые определим их, в первую очередь Бердяева, Розанова и Булгакова, как *философских писателей*. Это нисколько не умаляет, тем более не уничтожает, фундаментальность их собственно философского наследия. Просто они были русскими людьми, в смысле – носителями русского мироощущения, потому их философия творческого порыва ближе к литературной форме *изложения мысли*, нежели четкая логическая упорядоченность мышления европейских философов «сумрачного германского гения», «острого галльского ума» и протестантского утилитаризма английской философии (см. выше).

В определении философских писателей русские космисты в некотором смысле схожи разве что с представителями французской философской мысли. Весьма характерно, что выдающийся представитель последней, наиболее влиятельный участник философского общемирового процесса конца XIX – начала XX вв., причем философ-естественник, близкий к биологии и физике движения жизни, Анри Бергсон в 1927 году за свой труд «Творческая эволюция» стал лауреатом Нобелевской премии по *литературе*. И сам Н.А. Бердяев семь раз номинировался Шведской академией в 1942–1948 гг. на Нобелевскую премию по *литературе**. Правда, сам он, как и Лев Толстой в аналогичной ситуации, относился к его выдвижению достаточно спокойно. В автобиографии только раз как-то высказался на этот счет в том смысле, что вот выдвинут на Нобелевскую премию, но вряд ли ее когда получит, ибо для этого ему следует предпринять некие действия, что он делать, конечно, не будет. У Толстого и Бердяева это вовсе не снобизм, но нежелание заниматься нарочитыми «лавроностными» устремлениями...

Но в молодой Советской России философы-космисты оказались невосребованными. Да они и сами прекрасно это понимали, когда в сентябре 1922-го года, накануне пятилетия Октябрьской революции, двадцать пять (с семьями семьдесят пять) наиболее видных представителей русской обще-

* В нынешнее время идея этой премии по литературе потерпела окончательное фиаско: после присуждения ее политизированной (антисоветской) публицистке из Белоруссии и американскому рок-певцу сам себя оконфузивший Нобелевский комитет в текущем году решил ее вовсе не присуждать...

ственной и философской мысли, преимущественно религиозной и «космической», были высланы из страны, причем «за свой счет», то есть изгоняемые вскладчину наняли пароход «*Oberburgermeister Haken*», вошедший в историю как «философский пароход», на котором и прибыли из Петрограда в немецкий Штеттин. В своей философской автобиографии Н.А. Бердяев пишет: *«Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была очень странная мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться»* (С. 241).

И чуть ниже Бердяев пишет на этот же счет: *«...Мне сказал любопытную фразу мягкий и сравнительно культурный коммунист К. ... «В Кремле надеются, что, попав в Западную Европу, вы поймете, на чьей стороне правда». Это должно было значить, что я пойму неправду капиталистического мира. Фраза эта могла быть сказана в Кремле лишь представителями старой коммунистической интеллигенции, ее вряд ли бы сказали коммунисты новой формации... Я всегда понимал эту неправду, я всегда не любил буржуазный мир»* (С. 243–244).

...Здраво и безэмоционально рассуждая, «философский пароход» достаточно мирно «развел» молодую советскую власть и плеяду русских философов-космистов в том смысле, что в плане эволюции социально-философской мысли последние намного, слишком намного, опередили текущие общественно-научные интересы данной власти, потому их дальнейшее развитие в Советской России явилось бы нонсенсом. Их время так и не пришло до окончания существования СССР. И сейчас ох как далеко от пришествия этого времени! С другой стороны, в той или иной степени русские космисты и за пределами своей родины свое учение развивали, а советская власть освободо-

дилась от условной занозы, мешавшей ее движению. Словом, как всегда прав «острый галльский ум»: «*Laisser faire, laisser passer*»*.

Но в Советской России остались и плодотворно развивали свои учения представители русского космизма нового поколения. Здесь важен момент: все они имели естественное образование и были по нему востребованы в СССР, то есть их космическая философия проходила в глазах властей «вторым планом», а потому и не привлекала (исключая П.А. Флоренского) сколь-либо пристального внимания властей. Ладно калужский учитель математики К.Э. Циолковский, будущий основоположник космонавтики, еще никому не известный, печатал за свой счет (это как сейчас...) в губернской типографии свои философские «Очерки о Вселенной», но ведь П.А. Флоренский уже в 1914 году издал свой основной религиозно-философский, почти 1000-страничный, труд «Столп и утверждение истины»... и не попал восемь лет спустя на борт «философского парохода»! – А потому что, как и Циолковский математик по образованию, Павел Александрович, вскоре ставший священником отцом Павлом, служил в советских учреждениях по линии науки и искусства, преподавал, писал и издавал сугубо светского, научного характера книги: математическую «Мнимости в геометрии», искусствоведческую «Обратную перспективу», прикладную, физико-техническую работу о свойствах диэлектрических материалов... И если он погиб в «ежовщину» тридцать седьмого года, то причина этого кроется в его священстве по преимуществу.

Что же касается академика В.И. Вернадского, то именно в год «философского парохода» он читал в парижской Сорбонне курс лекций по биогеохимии Земли, основам теории биосферы и новаторскому учению о грядущей ноосфере, воспринимался в Советской России прежде всего как выдающийся биогеохимик. Опять же в научных и властных кругах помнили его докладную записку 1910 года императору «О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи», в которой он предвосхитил даль-

* Принято переводить этот французский фразеологизм как «предоставьте вещам идти своим ходом».

нейшие работы в СССР и на Западе по военному (атомная бомба) и мирному (электростанции) использованию атомной энергии. Таким же научным пие-тетом были представлены работы А.Л. Чижевского по гелиоэнергетике и ге-лиобиологии.

...Задача настоящей пространной преамбулы к очерку состоит в показе преемственности русской и советской научных школ философии космизма, в которой проблематика свободы человека является неотъемлемым звеном.

Онтогенез жизни, виртуальная реальность и свобода мысли в рус-ской философии космизма. Договоримся в части терминологии, коль скоро она имеет свойство достаточно скоро меняться во времени. Это не относится к онтогенезу, как к общенаучному базовому понятию. Виртуальная реаль-ность – современный термин: и в науке, и, что называется, «на слуху». У классиков русской философии космизма данное понятие явно не проступает, но обычно соотносится с определенным сближением вещи в себе и <рацио-нального, реального> явления, хотя бы Кант в своей метафизике их сугубо различал. Таковая неопределенность для названных классиков понятна: в их время виртуальная реальность еще – назовем это так – «не технизировалась», не стала собственно явлением, понятным, как это наличествует сейчас, лю-бому образованному <да и не очень...> человеку. Ближе всех из философов-космистов к понятию виртуальной реальности опять-таки подошел Н.А. Бер-дяев: «...Но бытие рационально лишь потому и потому лишь выразимо в по-нятии, что оно предварительно рационализировано и что само оно есть по-нятие. По усовершенствованной мной впоследствии терминологии бытия, с которым имеет дело рациональная гносеология и онтология, есть уже продукт мысли (выд. нами. – А.Я.)» (С. 99).

Суть высказывания – см. выделенные нами слова. Наконец, свобода мысли ≡ свобода духа ≡ свобода человека (≡ есть знак тождественности) – в этих терминах нет разночтения, но каждый из них употребляется в имма-нентном ему контексте.

Онтогенез, виртуализация и свобода суть в современном понимании тройное основание философии космизма, о чем и пойдет ниже речь.

Русские философы-космисты, как классики, так и воспоследователи их в XX–XXI вв., есть, вне всякого сомнения, уникальное явление во всемирной истории философской мысли человечества. Еще классики космизма (см. выше), отдаленные от нас сравнительно небольшим временным отрезком, тем не менее, они за сотню лет до наших реалий и впервые создали достоверные сценарии, которые мы воочию «проигрываем» сейчас в ожесточенной схватке с уставшей от человеческой тирании природой. Девиз «*капитализм есть затянувшаяся болезнь человечества*» начертан на знаменах как классиков, так и их последователей, включая современных, философии русского космизма (см. выше цитату из «Самопознания» Н.А. Бердяева, где речь идет о контингенте «философского парохода»).

Именно философы-космисты заложили основу науки о <свершающемся сейчас «через глобализацию»> переходе биосферы Земли в *новую биогеохимическую оболочку* – термин В.И. Вернадского, о соотношении онтогенеза жизни, виртуальной реальности и свободы духа. Попробуем разобраться в этих вопросах по теме настоящего очерка. И еще один существенный момент. Диалектика и прогноз в части онтогенеза жизни на Земле также – и естественно! – применимы в действии тех же законов в гипотетических явлениях жизни на других объектах Вселенной: неважно, в белково-нуклеиновом варианте, как у нас, в каком-либо другом, даже... в полевом виртуальном. Законы же физики и химии едины для всего Мироздания. Здесь «пальму первенства» в среде философов-космистов, конечно, отдадим К.Э. Циолковскому с его «Очерками о Вселенной».

Самое существенное, что человечество Земли *именно сейчас*, вступив в новый век и тысячелетие, переживает тот этап эволюции *homo sapiens*, который В.П. Казначеев называет *коэволюцией*, что, в свою очередь, означает: а) выраженное ускорение в своей эволюции; б) осознание своей роли в биогеохимической трансформации Земли; в) взаимоприспособление самого себя к

биосферно-ноосферной системе (по В.И. Вернадскому и В.П. Казначееву). Последний момент, пожалуй, является наиболее существенным в феномене коэволюции. Именно в нем – исток <а сейчас и поток!> искусственно конструируемой человеком виртуальной реальности в онтогенезе продолжающей развиваться жизни.

Прочувствовать особенность мышления философов-космистов из числа классиков в самой прямой связи с феноменом виртуальной реальности можно, например, на основе анализа работы «Обратная перспектива» П.А. Флоренского, в которой он сравнивает обычно понимаемую «прямую» перспективу, то есть *уменьшение* размера объекта по мере удаления его от глаз, и так называемую «обратную» – наоборот, *увеличение* размера, –характерную, например, для русской иконописи XIV–XVI вв. и, добавим мы, для живописи флорентийской школы Брунеллески, но особенно <и демонстративно> для творчества художников-примитивистов: Марк Шагал и Иван Генералич (Югославия), в частности. Флоренский делает вывод: *«И перспективность (здесь и далее выд. П.А. Флоренским. – А.Я.) изображений отнюдь не есть свойство вещей, как мыслится в вульгарном натурализме, а лишь прием символической выразительности, один из возможных символических стилей, художественная ценность коего подлежит особому обсуждению, но именно как таковая, вне страшных слов о своей правдивости и притязаний на запатентованный «реализм».*

Таким образом, в современной терминологии в анализе Флоренского прямую и обратную перспективы можно трактовать как «реальность» и «виртуальную реальность». Определяющие термины взяты нами в кавычки, учитывая данное Флоренским определением перспективы *вообще*, как приема символической выразительности. Из приведенного частного экскурса видно, что русским космистам, при всей литературной выразительности их текстов, присуще глубинное проникновение в суть вещей и их отношений. Анализируя – в сопоставлении с классической и современной (неопозитивизм – утилитаризм) западной философией – работы русских космистов,

можно определенно утверждать, что у них на одно из первых мест выдвигаются вопросы динамики онтогенеза жизни на Земле. Это их принципиальное отличие, о чем столь же определенно говорит В.П. Казначеев.

Согласно его утверждению, в современном понимании коэволюции человека в рамках формирования ноосферы все человечество объединяет мысль, интеллект *homo sapiens*. Такая коллективная мысль материализуется в вещественно-полевых объектах – продуктах направленной деятельности человека. Возникают естественные вопросы: а) о сущности (направлении) векторизации неутомимой работы мысли и рук человека; б) о том, каким образом учитываются в этой деятельности условия антропности, то есть условия для (гарантированного) самосохранения человечества – и как животного вида, и как движущей силы ноосферного строительства; в) ... и вопрос *о свободе (воли) человека*, что особенно важно при доминанте в ноосфере *коллективной мысли* (см. выше).

Эти вопросы во многом остаются открытыми в современной оценке онтогенеза жизни, о чем пишет В.П. Казначеев в работе «Общая патология: Сознание и физика»: *«Эта проблема XXI века стоит, наряду с другими глобальными проблемами, на том же уровне, что и проблема коэволюции человечества к своему собственному обобщенному интеллекту, своему познанию, к своей мысли, культуре. Если его планетарный интеллект попадет в виртуальный мир и будет отражать в искаженном виде процесс эволюции Вселенной и своей планеты, то, конечно, он последовательно будет нас вести к катастрофам, несоответствию нашего бытия тем условиям и процессам, которые реализуются в пространстве бытия».*

Таким образом, свобода (воли) человека в эпоху <современного> биосферно-ноосферного перехода напрямую коррелирует с виртуальной реальностью. Определим ее в данном контексте.

Онтогенез сознания и виртуальная реальность. Итак, нынешний человек все более осознает собственную коэволюцию. Отсюда непреложно следует: мы вступили в некоторую предкритическую стадию онтогенеза че-

ловека. Точно так же, как изрядно уставший путник, преодолевший множество невзгод и трудностей торения тропы в неведомой местности, почувствовав, что важный и сложный участок пути близок к завершению, но впереди еще более неизведанные дали и чащобы, с которыми он ранее и близко не соприкасался, устроил дневку, подводя итоги пройденного и раздумывая о грядущих испытаниях, так и современное человечество – в лице мыслящей его части – призадумалось на рубеже веков и тысячелетий.

Виртуальная реальность – важный аспект таких раздумий. Вот почему современный русский ученый и философ-космист В.П. Казначеев, признанный продолжатель учения В.И. Вернадского о ноосфере, ставит во главу угла вопрос о векторизации движения «суммарного» интеллекта планеты Земля: интеллекта, воплощенного и реализующегося в культуре, духовных устремлениях (это только, на наш взгляд, о «реликтовой» России), научном и техническом прогрессе и так далее. Симптоматично, что В.П. Казначеев особо оговаривает информационные и астрофизические составляющие научной и прикладной мысли. Поясним последний тезис, как мы его понимаем.

Это не случайный выбор в переплетении приоритетов современной науки и практики. Не будем останавливаться на роли информационных технологий – это всем самоочевидно. Недаром последнюю четверть XX и начало XXI веков обоснованно ассоциируют с информационным взрывом. Не в смысле (как это «понимает» и внушает масс-медиа) пресловутого «потока информации». Нет, это скорее поток информационного шума, зацикленного объема информации, а чаще – прямой дезинформации. Речь идет о качественном скачке *в средствах* обработки, передачи и внедрении информации.

Другой акцент – астрофизический – менее понятен масс-медиа и окормляемой ими человеческой массе, которая к началу XXI века практически обрела статус *мелкобуржуазной биомассы*. А как раз именно фактор астрофизический, то есть космизм, выступает на первое место при осмыслении уже свершившегося перехода биосферы в ноосферу. Фактор этот имеет две стороны: а) извечная проблема и мечта человека о выходе в космос; б) осозна-

ние антропности космоса и планетарной жизни – как неотделимого от космоса компонента.

С учетом сделанных пояснений и следует анализировать векторность движения суммарного разума человечества в <настоящий> момент перехода *homo sapiens* в качество *homo noospheres*. Существенно – по анализу В.И. Вернадского и В.П. Казначеева, – что векторизация антропности в период наступающей ноосферы характеризуется высвобождением биогенной энергии в форме дальнейшей эволюции мышления, то есть раскрытия человеком тех составляющих *фундаментального кода Вселенной* (термин наш), которые дают полезную, с позиции коэволюции человека, информацию. Здесь мы придерживаемся ранее высказанного тезиса о том, что человек *не создает* информацию, но *открывает* ее, уже заложенную в фундаментальном коде – физическом инварианте идеи Бога – в форме матрицы, конкретное наполнение которой определяется условиями и формой (белково-нуклеиновой) существования жизни на Земле.

Именно на этапе ноосферы ожидается количественный, может и качественный, рост активности мышления человека. – Имеется в виду коллективное мышление на базе биологического человеческого мышления и создаваемой человеком виртуальной реальности. Поэтому мы определяем суть и категории виртуальной реальности исключительно по их объективизации. Заметим, что если (классики) философы-космисты создали онтологическую основу соотнесения индивидуального и коллективного мышления, то естественники-космисты, то есть В.И. Вернадский, Э.С. Бауэр, А.Г. Гурвич, К.Э. Циалковский, А.Л. Чижевский, Н.А. Козырев, В.П. Казначеев и другие, в том числе ныне активно работающие, строили свои теории и учения на конкретной исследовательской базе – не только в рамках современного им знания, но далеко опережая его порой. Так феномен Н.А. Козырева о синхронном существовании материи в различных временных «точках» определяет время как физическое явление и тем самым доразвивает теорию И. Пригожина (жившего в Бельгии, но по своей «русскости» явно тяготевшему к космизму) о век-

торизации времени и обратимости временных процессов в иерархически сложных, неустойчивых структурах <с фазовыми переходами второго рода>, то есть в биосистемах.

В то же время обратимость времени, как физического явления, прямо указывает на двойственность процессов, *что есть обоснование фундаментальности феномена виртуальной реальности.*

Коль скоро виртуальная реальность *вневременна*, то имманентным будет данное В.П. Казначеевым <см. названную выше работу> определение сознания: *«Синхронно существуют прошлое, настоящее и будущее. В механизмах этой «голограммы», вероятно, содержится тайна научного сознания, научной мысли, того интеллекта, о которых говорил В.И. Вернадский. Ставится вопрос о том, что указанное «совмещение» прошлого, настоящего и будущего является базисным механизмом того явления, под которым мы сегодня понимаем сознание (выд. В.П. Казначеевым. – А.Я.)».*

С позиций рассматриваемых определений, данных философами и естествоиспытателями школы русского космизма, в части соотнесения онтогенеза сознания и виртуальной реальности далее рассмотрим замыкающее звено триады (см. выше), а именно свободу (воли) человека.

Несотворенность и осознанность свободы человека. Перейдем в рассматриваемой тематике от преимущественно естественно-научных категорий к сугубо философским. На современном уровне *системного* знания они коррелируют по сути и почти что терминологически...

Предварительно поясним термин «несотворенность» и коренное, онтологическое отличие понятий несотворенности свободы и осознанности свободы. Поясним на понятном примере теологического характера. Если в иудаизме и в христианстве канонические тексты священных книг этих религий, Ветхого и Нового заветов, соответственно, полагаются *сотворенными*, то в исламе принят догмат о *несотворенности* Корана. То есть Ветхий завет – его книги – создавались в разное время ветхозаветными пророками и иными авторами, а Новый завет – апостолами Христа по преимуществу. Догматиче-

ские учения обеих этих религий не только не отрицают сотворенности своих священных книг, но подчеркивают этот факт самими названиями книг, составляющих корпуса названных заветов. Более того, иерархами иудаизма и, особенно, христианства приветствуются археологические находки (пещеры Наг-Хаммади, Египет, 1945 г. и др.) с текстами заветов: исходными, с каноническими и неканоническими (апокрифическими) разночтениями. В исламе же догмат о несотворенности Корана не предполагает наличия – в период создания и по сейчас – каких-либо разрозненных исходных, «черновых», канонических и апокрифических текстов. Утверждается, что текст Корана боговдохновенный, единожды раз и навсегда, без каких-либо изменений, изъятий и дополнений, записан пророком Магомедом (Моххамедом), что называется, аутентично со слов аллаха. Время написания определяется по подзаголовкам сур (глав): «меккская» или «мединская» – по названиям местопребывания Магомета: Мекка или Медина.

По данной аналогии несотворенность свободы человека понимается в том смысле, что она имманентна самой сущности и назначению человека, являющегося вершиной эволюции живого мира. В таком определении несотворенности свободы последнее есть совершенно иное, отличное от свободы осознанной, в отношении которой однозначно действенно утверждение гегелевской диалектики: свобода <человека> есть осознанная необходимость. Логическое ударение здесь ставится на определении «осознанная», то есть данное утверждение является ограничительным: человек ограничен в чувствованиях и проявлениях свободы (действий, убеждений, устремлений и так далее) *осознанно* в силу действия необходимости <бытия>, не допускающей некой абсолютной свободы. То есть – поясняем для исключения разночтения – не свобода, как таковая, является необходимостью для человека, но осознанная необходимость дает человеку допустимый ареал свободы. Гегелевское определение осознанной свободы без какой-либо трансформации перешло в философию диалектического материализма; оно же, если убрать терминологические наслоения, действенно и в философии утилитарного позити-

визма – идеологии современного капитализма-империализма... и добавим: глобализма, но со множеством оговорок.

От определенных выше несотворенной и осознанной свобод, как семантически содержательных, имманентных соответствующим философиям и философским категориям, следует «отсечь» полностью ненаучное, демагогическое понимание «свободы личности» в современном буржуазном западном обществе. Его демагогия, выражаемая в пресловутых толерантности, политкорректности, признании общечеловеческих ценностей и пр. и пр., в эпоху глобализации является «рабочим инструментом» обезличивания человека и собственно трансформации человеческого социума в *человекник* (термин А.А. Зиновьева) с полным *расчеловечиванием* составляющих его индивидов. Пресловутая «свобода личности» мотивационно и содержательно суть видимая свобода выпущенного на «вольный» выпас домашнего скота, на ночь возвращающегося в свой хлев: в тепло и к дополнительной пайке кормежки... Такой суррогат свободы предельно точно определил очень умный немец Бисмарк: «Говорите что хотите, только слушайтесь».

Основы такого понимания свободы заложил Руссо в «Общественном договоре». Его религиозно-философский предшественник – Мартин Лютер: трактат «О рабстве воли».

В философии русского космизма наиболее полное обоснование несотворенности свободы принадлежит Н.А. Бердяеву.

Философия несотворенной свободы Н.А. Бердяева. Прежде всего заметим, что данное нами выше пояснение к гегелевскому определению осознанной свободы во многом коррелирует с аналогичным пояснением Бердяева: «*Не свобода есть создание необходимости (Гегель), а необходимость есть создание свободы, известного направления свободы*» (С. 57).

...Символично и атрибутивно сходство определений, данных в различное время и с разных философско-познавательных позиций. Во всяком случае оба они не соотносятся с буржуазной *arbitrium brutum* *.

* Животная свобода выбора (лат.).

С учетом вот этого-то различия времени, то есть уровня мирового знания, и позиций авторов двух определений, сразу оговоримся: Бог в философии Н.А. Бердяева адекватен упомянутому нами выше фундаментальному коду Вселенной, а его развертывание во времени и в пространстве, то есть объективизация, материализация целеуказания кода, суть собственно эволюция Мироздания. Полагаем, что такое определение не вызовет возражений как теологов, так и сугубых материалистов.

А сейчас вернемся к «философу свободы» Бердяеву. Поскольку же он не отрицал своего определения «живого и страстного религиозного искателя и борца» (Г.П. Федотов), одновременно неформально входя в когорту русских философов-космистов самой «золотой» поры их творчества – конец XIX – первая половина XX вв., то, вообще говоря, было бы и излишним приводить предыдущее определение <Бог \equiv фундаментальный код>. Здесь различие только терминологическое, обусловленное все тем же отличием уровней естественно-научного знания в философии времени Бердяева и настоящего времени.

Итак, исходная позиция в философии свободы Бердяева его же словами: *«Я изошел от свободы, она моя родительница. Свобода для меня первичнее бытия. Своеобразие моего философского типа прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу»* (С. 56).

В этом утверждении заключен весь катехизис несотворенности свободы. Еще раз отметим: имеется в виду не «бытовая» свобода буржуазного толка, не свобода винтика глобалистской машины человеиника вращаться безостановочно – это и есть «свобода», причем только в заданном резьбой правом или левом направлении – это уже «осознанная необходимость», но свобода, имманентная эволюции Мироздания, в отношении человека – биоэволюция до недавнего времени, до технизации виртуальной реальности. В таком понимании свобода действительно несотворенная: раз она есть развертывание матрицы фундаментального кода Вселенной \equiv Мироздания, то как она может быть сотворена, если само Мироздание извечно и бесконечно во времени и в

пространстве (τ, ν) – как во взгляде на прошлое и на будущее: $(\tau, \nu) \in (-\infty, \infty)$? У Бердяева то же самое в ипостаси Бога: *«В свободе скрыта тайна мира. Бог захотел свободы, и отсюда произошла трагедия мира. Свобода в начале и свобода в конце... У меня есть основное убеждение, что Бог присутствует лишь в свободе и действует лишь через свободу»* (С. 56).

Но здесь появляется и тема трагедии мира. Как она связана с несотворенной свободой? – Очевидно, что Бердяев в определении такой связи не то что солидарен, но прямо указывает (см. эпиграф к этому очерку) на Достоевского, его «Легенду о Великом инквизиторе»: *«...Я всегда знал, что свобода порождает страдание, отказ же от свободы уменьшает страдание. Свобода не легка, как думают ее враги, клеветующие на нее, свобода трудна, она есть тяжелое бремя. И люди легко отказываются от свободы, чтобы облегчить себя. Эта тема особенно близка Достоевскому»* (С. 56).

(К Достоевскому в контексте «Великого инквизитора» мы с достаточной полнотой его содержания обратимся далее в очерке). И далее Бердяев делает пояснение, созвучное приведенному выше, что свобода у него понимается не в упрощенной трактовке «свободы воли» (у нас «свобода бытия»), но в глубоком, кантовском, метафизическом смысле.

То есть, переходя из метафизики в материализм, что к настоящему времени есть основа философии познания (буржуазный неопозитивизм этого лицемерно-стыдливо не признает, он сам еще более «материалистичен», являясь философией утилитаризма...), определение свободы сохраняет свою сущность: *осознанная необходимость ограничивает ареал несотворенной свободы*. – Будем считать данное утверждение базовым. И хотя Бердяев явно не сформулировал это определение, но вся его философия является подтверждением и развитием сказанного выше. *«Все в человеческой жизни должно пройти через свободу, через испытание свободы, через отвержение соблазнов свободы. В этом, может быть, смысл грехопадения»* (С. 57).

Кроме Достоевского Бердяев именно Канта, а с литературной «стороны» Ибсена, полагает источником своего понятия свободы: *«Из философов же*

наибольшее значение имел Кант. Философия Канта есть философия свободы, хотя, может быть, недостаточно последовательно, не до конца развитая. Еще Ибсен имел для меня большое значение, хотя и позже. В Ибсене видел я необыкновенно сильную волю к свободе» (С. 58).

И приведем еще одну цитату из «Самопознания» Н.А. Бердяева, где он, спускаясь с философских высот мышления, говорит о своем, личностном осознании свободы: *«Свобода не есть самозамыкание и изоляция, свобода есть размыкание и творчество, путь к раскрытию во мне универсума. Но размышляя о своей борьбе за свободу, я должен признать, что эта борьба часто увеличивала мое одиночество и мой конфликт с окружающим миром. Пафос свободы создал во мне и внутренний конфликт, прежде всего конфликт свободы и жалости, который я считаю основным» (С. 63).*

...Не следует людям советского, то есть выражено коллективистского, воспитания настороженно относиться к самодовлеющему у Бердяева индивидуализму, или персонализму по другой терминологии. Ведь речь не идет о воспитательной ипостаси. Это как философ Владимир Соловьев (не путать с историком С.М. Соловьевым...) настоятельно призывал изъять из программ гимназий и училищ ... изучение произведений Лермонтова (?!), как сугубого индивидуалиста. И это при всей любви Владимира Соловьева к Лермонтову. То есть образование человека есть его подготовка к восприятию идеологии, философии, наконец, социумной морали и выработки мировосприятия. Последнее же <выработка...> всегда следует за образованием и воспитанием. Именно поэтому индивидуалистическое, персоналистическое мировоззрение Бердяева не следует прямо соотносить с его философией свободы. Данный дидактический момент, что называется, к слову.

Итак, свобода есть несотворенность или осознанность? Этот вопрос не к философскому наследию Н.А. Бердяева, но к нашему современнику, самодостаточно (то есть не зомбированному оглуляющей машиной «информации от Великого глобализатора») мыслящему. Но и знающему о философии свободы нашего выдающегося космиста не только понаслышке... хотя бы про-

читавшему написанное выше. Кстати говоря, сам Бердяев и подсказывает: в каком направлении следует искать ответ на этот вопрос. Подсказывает утверждением, суммирующим его более чем полувековые размышления о соотношении несотворенности и осознанности в философии свободы. Вряд ли мы ошибемся, если это утверждение прочитаем в следующем виде: свобода человека не есть ипостась сугубого индивидуализма (персонализм самого Бердяева другого корня), но имманентна человеку в социуме, как субъект человека социального, при этом *во всех своих аспектах действительности свобода должна рассматриваться не в статике, но обязательно в динамике.*

Непосредственно из сформулированного утверждения следует правомочность высказанного выше о соотношении несотворенности и осознанности, а именно: несотворенность свободы есть императив <можно прибавить и определение «категорический»> эволюции, в нашем случае человека, а осознание необходимости, в основном социумного характера, ограничивает действительность несотворенной свободы.

...В таком определении сходятся взгляды на свободу в философии «практического разума» Канта, диалектике Гегеля, персонализме Бердяева и современного самодостаточно мыслящего человека, от лица которого автор, может несколько самонадеянно, и пишет настоящий очерк.

И вкратце вернемся к обозначенному выше «треугольнику»: <онтогенез> жизни → свобода → виртуальная реальность → <замыкание> → <онтогенез> жизни. О причинах, побудивших нас к введению звена «виртуальная реальность», кратко, но вполне информативно, было сказано выше. Желающие же подробнее ознакомиться с нашей концепцией <роли> виртуальной реальности на новейшем – глобализм, ноосферизация Земли – этапе эволюции жизни могут обратиться к монографии*, почти в каждом томе которой рассматриваются различные аспекты виртуальной реальности.

* Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы: многотомная монография; на сегодняшний день изданы тт. 1–15 (различные изд-ва Москвы, Твери, Тулы: URSS, «Московский Парнас», «Триада», изд-во ТулГУ); в электронной форме размещены на различных сайтах Интернета – см. по поисковику.

Итак, самодовлеющая и все возрастающая роль виртуальной реальности на современном этапе эволюции жизни есть констатация фактора завершения сугубо биологического периода эволюции человека (от чисто животной тупайи до *homo noospheres*) и переход к технически (информационно) воплощаемой в виртуальной реальности эволюции человеческого мышления. Понятно, что на начальном этапе ноосферизации, то есть в наступающем глобализме, уже наблюдается предельное сужение несотворенности свободы до сверхминимально достаточной в человеке осознанной – точнее директивно предписанной – осознанной необходимости. Все это укладывается в философии свободы Канта, Гегеля и Бердяева, особенно в утверждение последнего в части рассмотрения свободы не в статике, но в динамике.

Роль бессознательного, как носителя несотворенной свободы, в художественном познании. Уже в эпиграфе мы обратили внимание читателя на «Легенду о Великом инквизиторе» Достоевского – по признанию Н.А. Бердяева исходном движителе его философии <несотворенной> свободы. Как нам представляется (и далеко не только нам!), если сознательное (СЗ) в мышлении человека ассоциируется с осознанной свободой, то бессознательное (БСЗ) есть «носитель» свободы несотворенной.

В качестве своего рода литературной иллюстрации соотношения несотворенности и осознанности свободы, о чем достаточно было сказано выше – в безотносительных к объектам категориях, – рассмотрим на примере «Легенды» роль БСЗ в художественном творчестве. Также введем понятие «вторичной идеи» (термин наш) как метода художественного познания, что позволит в проводимом ниже анализе существенно дополнить оценку роли БСЗ, а тем самым опосредованно утверждать: любая вторичная идея есть проявление той самой динамики, о приоритете которой над статикой в определении свободы говорил Бердяев (см. выше).

Зигмунд Фрейд в своей работе о Достоевском замечает*, что *«Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно».*

Отзыв выдающегося психолога побуждает внимательно проанализировать главу пятую второй части романа — «Великий инквизитор» — и проанализировать в ракурсе основного интереса Фрейда: роли бессознательного в человеческом поведении и деятельности. Так возникает гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки БСЗ.

Что есть понятие вторичной идеи? — Это не диковинка, не отыскание, не придумывание малосущественного нюанса художественного творчества, это явление хорошо знакомое всякому читающему, воспринимающему тексты равно и наивно, и контекстуально.

Древнейшие библейские книги Торы рассказали о полной падений и взлетов, несчастий и земных радостей судьбе Иосифа из времен египетского пленения Израиля. История Иосифа стала в европейской и европоцентристской культуре символом, идеей судьбы еврейского народа, обреченного на тысячелетнее повторение переменчивой судьбы Потифарова раба. А Томас Манн, воспользовавшись легендой об Иосифе, препарировал эту первоначальную идею, дав ей в «Иосифе и его братьях» вторичное истолкование: жизнь человека в ее целостности, как противоборство воли к жизни и стихийности ее фатума.

Джон Мильтон в «Потерянном рае» библейскую идею неотвратимости наказания за попытку бунта против единого бога, единовластителя, препарировал как идею богоборства, искупления трудом и любовью всякого греха человеческого — игрушки в руках слепой судьбы.

* Встречающиеся в тексте цитирования (кроме «Братьев Карамазовых») взяты из книги: Яшин А.А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

Речь идет не о вторичном использовании сюжета, о чем обычно говорится в исследованиях по рассмотрению мифов, хотя здесь оно налицо. Речь идет именно о вторичности идеи. Это намного сложнее, чем повторное использование сюжета, ибо если последнее есть просто рабочий инструмент художественного мышления, то вторичность идеи суть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом.

...И довольно трудно нащупать подход к раскрытию закономерностей оформления вторичной идеи.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искуситель, и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Второз. 8, 3). «Потом берет Его диавол в святой город, и ставляет Его на крыле храма, И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз; ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11—12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8, 16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6, 13). «Тогда оставляет его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф., 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского прима-та закон и этика, все мышление современного человека: вера в силу духа, го-

рение души, их конечная и личная победа над плотью, духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстие, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа-искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: *«Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Посл. к галатам апостола Павла, 3, 28; 4, 7).

Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущих сил совпавшим с европейским распространением морали иудаистского монотеизма.

...И еще одно предварение: человечеству свойственно поверять современную ему реальность, отстраняя себя мысленно в философских или художественных фантазиях на определенную историческую дистанцию: в будущее, либо в прошлое, либо используя иное их сочетание; вариантов масса, это хорошо известно: Этьен Кабэ в «Икарии» оставил героя в его времени, но перенес саму Икарию из будущего в то же самое время; Фрэнсис Бэкон сопоставил две параллельно разворачивающиеся, но изолированные цивилизации («Новая Атлантида»), Мерсье и В. Ф. Одоевский перенесли героев, соответственно, в третье («2440-ой год») и в пятое («4448-ой год.Петербургские письма») тысячелетия. Известно, что сделали Томас Мор, Кампанелла... Михаил Булгаков перенес Ивана Грозного в период НЭПа, а Уэллс в «Машине времени» дал картину динамичного процесса перенесения, а устремив его по времени в бесконечность, доказал ту простую истину, что, удаляясь в прошлое ли, в будущее, обнаружим, что они в конце концов смыкаются. Пре-

красный образец художественного обоснования замкнутости пространственно-временной эволюции мироздания.

«...В великоленных автодафе

Сжигали злых еретиков».

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной,— помещая объект испытания в XVI-й век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства, составляют существенную часть современного бытия человечества.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь, и усталость ожидания, жажда чуда человечества.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоан. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого): мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: повторяет над семилетней девочкой «талифа куми» — чудо вос-

крещения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, чем прокуратор Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоят сыну божьему: ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом-апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившего Христа наблюдает Великий инквизитор и *«...он все видел, он видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловецким огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо»*.

Сдержанная экспрессия этих слов Достоевского в сочетании с глубокой идеей всепокорности массы, толпы кажутся той канвой, на которой впоследствии были построены притчи Франца Кафки, и наиболее последовательной — притчи о чужаке, захватившем власть над кораблем.

И повторяется сцена суда Христа, но совсем в иной ипостаси, уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, осуждает 90-летний аскетичный монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия то страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»*. То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

А вот дальше начинается собственно вторичная идея Достоевского: словами Великого инквизитора он трактует, раскрывает, буквально разжевывает — что в его характерной манере — то, что ум его прочитал между строк; для ума тонкого, пытливого, склонного к развитию темы до бесконечности выво-

дов и обобщений зашифрованных Евангелий. Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? Что Сын Божий, вообще говоря, своим вочеловечением принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд первосвященников, суд религиозный, но и суд народа: ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять, распять его, а разбойника помиловал. И только Пилат, человек посторонний, чужеродный и рациональный разумом римлянин, видел нелепость приговора над Христом, но именно этот рационализм, соблюдение иерархии начальников земных, а не небесных, и позволил хитроумному синедриону запугать его.

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном автодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления грехов многих личным страданием.

Это все истины настолько известные, что ни о какой вторичности идеи у Достоевского речь бы не шла, коль скоро речь Великого инквизитора осталась бы повторением сказанного уже Христу пятнадцать веков назад Пилатом и Анной.

Великим открытием Достоевским истинного содержания Евангелий* была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтение хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора. Не зря католические средневековые теологи именно в свободе выбора полагали гибель христианского начала в человеке. Не следует

* Здесь используется прием ретроспекции; разумеется, апостолам, писавшим канонические Евангелия, или тем авторам, которыми гиперкритика замещает апостолов, мировоззрение Достоевского было бы чуждым, да и не под силу, однако; откровением вторичной идеи называем именно органический и единственно верный вывод из никогда еще не сказанного, но требующего полной договоренности...

забывать, что этому учила «сатанинская» — по Достоевскому — апостольская римско-католическая церковь.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Кьеркегора, создали основу новейшего экзистенциализма: от Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра, Хайдеггера, *конечно же Н.А. Бердяева*.

Кардинал Великий инквизитор сам есть земное повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только послание *целенаправленного Духа*, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремления человека. *Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле*, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — вот существо человека. Вот оно — соотнесение осознанного и несотворенного в свободе!

Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только ... для читателя, а потому Христос, уже **все** сказавший полтора тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. И оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? Торжествующий дух правоты и предчувствия искупляющего жертвоприношения сменился на дух сознания своей ненужности. Христос, уже не нужный людям, становится тенью и, если бы он сказал хоть слово в разговоре с Великим инквизитором, то вместо царственного, божьего, торжествующего: «Ты сказал!» — в севильской тюрьме прозвучало бы: «Да, ты **так** сказал».

«— А пленник тоже молчит? Смотрит на него и не говорит ни слова?— Да так и должно быть во всех даже случаях,— опять засмеялся Иван.— Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано».

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здание христианства. Так говорил инквизитор. А свобода? Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дожидаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. И что может на это сын Божий возразить? Он увидел людей пятнадцать веков спустя и понял всю тщетность своего борения за свободу духа, веры их... А самое главное, все это имеет прецедент в самой истории вероучения свободы духа: не может быть счастлив бунтовщик: не был им небесный протестант Сатана и земная пара родоначальников человечества. Так чем было искушение Христа великим духом в пустыне, *«страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия»?*— до каких откровений и прозрений священной истории доходит писатель: Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.*

Христос, идеальная богова модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль подопытного, лакмусовой бумажки. А искушения Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма богосына, ибо заключали в себе великое: *«Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековым и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы*

* Сюжетное (романическое) воплощение идеи проверки неидеального образа человека находим в «Новом Нечистом из Самого пекла» Антона Таммсааре, где посланный на землю в образе человеческого апостолом Петром Нечистый из преисподней для искупления своих грехов и дарования райской жизни, не может выполнить условия праведной жизни, ибо сама жизнь среди людей неотвратимо приводит к греху — условию выживания и сохранения личности

совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле».

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода. Ибо в силу законов природы, сложных социально-экономических законов бытия, для всех людей, кроме одного, да и то отчасти — Робинзона Крузо — существует альтернатива: хлеб или свобода, первым живет плоть, дух вторым, и доколе дух живет в теле, а не наоборот, до тех пор человек выбирает хлеб. Христос гордо и наивно отверг искушение Сатаны дать людям хлеб, ибо считал, что любое чудо, даже столь гуманное, как превращение камней в хлеб, снизит престиж бога-духа и отнимет у людей свободу. А зачем она: на камнях голодной пустыни?— *«Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...»*. К сожалению, слишком человеческое: *«Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!»* Потому-то трудно искать добродетель в голоде и нищете тела; в голоде и нищете духа она, серенькая мышка добродетели, куда более частая гостья.

Вересаев в «Живой жизни» упорно подчеркивает метафорическую, стилистическую бедность Достоевского, но исключение ли это?— речевые обличения Великого инквизитора, расцвеченные необычайными цветами литературных тропов; быть может, вдохновение раскрытия больнейшего во всю творческую жизнь писателя вопроса, подстегивало его перо? Кто и что можно сказать определенно. А на всякую догадку есть свой, еще более страшный «дух отрицания» — гиперкритика...

Но даже не то самое страшное, что предлагал не понимающий внутренней сущности человека земного Христос, говоря: не хлебом единым жив человек. И не только говоря, но содействовав этому в первое свое посещение земли. Это — создание элитарности духа. Ибо миллионы и миллионы слабых духом откажутся от свободы, если в обмен им предложат хлеб, всегда

найдется элита духа, те, от силы десятки тысяч, что презреют хлеб земной и пойдут за духовным вождем ради хлеба небесного. И тогда произойдет самое страшное: пренебрежение миллионами ради тысяч, хорошо если не десятков, а то и единиц. Так Достоевский предугадал элитарность духа: идеологический тоталитаризм — реальное пугало XX века, так «блестяще» подтвердившийся в германском нацизме. А что приуготовил нам век XXI?

И Великий инквизитор говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и человеческого общества и что легло в основу управления этим современным обществом: обман масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что называется демократией. Но управлять обманутым народом будет не элита духа, а элита страдающих ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь Ницше заключен в нескольких страницах легенды о Великом инквизиторе: *«...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе — это: «перед кем преклониться?». Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».*

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти над ними, «миллионами счастливых младенцев».

Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить как логическое обоснование Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное; говоря же о истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко

всему нероссийскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму — в противовес русской карамазовщине.* Будет упомянуто о Достоевском, как о психопатологе психологии массовой души, его неприятию идей социального равенства и пр.

Все это, конечно, будет верным и справедливым... но, если бы мы говорили о «Легенде», как о философском трактате, а о Достоевском, как о мыслителе-моралисте. Но мы-то говорим о художнике, художественном произведении — легенде об инквизиторе, *художественном воплощении вторичной идеи*.

В современной психологии искусства художественное творчество, познание и самовыражение, рассматривается как возможное сочетание восприятия, эмоционального переживания и художественной фантазии:

$$[\text{Худ.творчество}] = \text{mod}_2 \{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}. \quad (1)$$

Как видим, любая из реализуемых здесь схем является неявной относительно роли БСЗ, оперируют только понятиями активного СЗ. Ибо формула (1) есть формула сочетаемости факторов художественного творчества, активно осознаваемых, предполагающих значительную, но неявную роль БСЗ:

$$\begin{aligned} & \{ [\text{Худ.творчество}]; \text{БСЗ} \} = \\ & = \text{mod}_2 [\{ \text{восприятие; чувство; фантазия} \}; \text{БСЗ}]. \quad (1a) \end{aligned}$$

Поскольку же (1a) в рамках классической психологии искусства не разрешимо относительно роли БСЗ, не представимо в виде

*Карамазовщина — суть стихийная, ищущая, неорганизованная еще воля русского народа. Проницательный Ницше удивительно верно понимал это и писал в унисон Достоевскому, что сильнее и изумительнее всего воля в России, «в том огромном промежуточном государстве, где Европа как бы впадает обратно в Азию». А посему Ницше ратует за предотвращение русской опасности, введение в нее европейского рационализма: «Нужны не только войны с Индией и осложнения в Азии, чтобы Европа освободилась от величайшей опасности, нужны внутренние перевороты, распадение государства на мелкие тела и прежде всего введение парламентского идиотизма и еще обязательства для каждого читать за завтраком свою газету».

$$[\text{Худ. творчество}]_{\text{БСЗ}} = \\ = \text{mod}_2 [\text{восприятие}_{\text{БСЗ}}; \text{чувство}_{\text{БСЗ}}; \text{фантазия}_{\text{БСЗ}}; \text{БСЗ}], (2)$$

то оценка влияния БСЗ на художественное творчество остается лишь догадкой. Именно трудность разрешения (1а) относительно БСЗ и продиктовала Фрейду отступничество от исследования художественного творчества методами психоанализа.

Желая представить (1) в явной относительно БСЗ форме (2), установить *прямое* влияние неосознаваемой психической деятельности художника на его творчество (тем более, конкретного произведения), мы должны найти тот исходный момент, который, подобно Розетскому камню Шамполиона, позволит нам перекинуть прямой мостик от БСЗ к образам и идеям, активно осознанными и выраженными в творчестве.

Отличающийся от теории Фрейда большей логической систематичностью и своего рода структурностью метод установки Д.Н. Узнадзе дает определенные пролегомены к осознанию путей решения (1а). Он исходит из следующего: признавая неявный характер (1а) относительно БСЗ, отыскание решения типа (2) предполагается в преодолении рамок активно переживаемых фаз художественно-творческого процесса и поиске смысла их исходных посылок в обрасти БСЗ.

Теория Узнадзе ищет эти исходные посылки (основу конкретной и индивидуальной творческой активности) в соответствующей установке БСЗ; другие теории полагают их в физиологии высшей нервной деятельности, в биологических инстинктах и пр. Цитируем Узнадзе: *«В момент инспирации мы действительно имеем дело только с актом созревания установки; и когда художник, стимулируемый этой последней, приступает к работе по ее выражению, он осуществляет творческую, а не просто репродукционную работу... Все это нетрудно понять, если мы вспомним, что в основе художественного творчества лежит установка. Она подготавливается заранее и,*

прояснившись, внезапно проявляется в сознании. Внезапно потому, что установка не является феноменом сознания».

Итак, выход бессознательно подготовленного решения есть своего рода «созревшая установка», подготовленная в БСЗ комбинацией некоторых первоначальных, элементарных установок, которые суть сочетание фиксированных и импульсивно возникающих установок — вытеснением в область БСЗ из СЗ. Так вот, вроде совсем пустячок: услышанная фраза-фабула, какой-либо отличительный звук или запах, вид, тип лица, фигура рождает идею в голове художника, а потом и переносят на бумагу, полотно, нотные листы... законченную художественную композицию: с образами, красками, смыслом и тенденцией. Но даже интуитивно мы понимаем, что то был толчок, а дело гораздо сложнее: всплыла под действием его и сцепилась в нужном порядке цепь ассоциаций, а звенья ее были фиксированными установками. Психическое состояние, физическое здоровье и нездоровье, предчувствия и все восприятие окружающего мира в момент толчка, все это зацепилось дискретами-микроустановками за зародившуюся художественную мысль.

Следующий этап: вывод ее из БСЗ в активное сознание для реализации в нем структуры (1). Это и есть существеннейший момент, ибо для перехода рубежа БСЗ-СЗ сложившаяся цепь первичных установок должна принять форму, *осознаваемую активно*. Эта переходная форма есть *прообраз*, одно из центральных понятий в психологии творчества. *«Прообраз является таким возникшим в сознании художника специфическим феноменом, в котором впервые (и в целом) находит свое разрешение его «созревшая установка» или, что то же самое, в котором еще не реализовавшаяся, но уже выяснившаяся установка художника получает «выход» в сознание»* (Узнадзе). Далее прообраз получает форму, словесный образ, таким образом наблюдается последовательность двух родов фантазий: прообраз и словесное представление.

Представляется продуктивным рассмотреть формирование художественного образа от вторичной идеи в свете определения прообраза в теории установки.

Идея христианского искупления личным жертвованием общих грехов лежит в основе евроцентристской культуры; она же — идея победы духа над плотью, смирения под властью, реально осознаваемой необходимости чуда и пр. интерпретации. Все это есть для человека, мыслящего категориями христианской по духу происхождения и развития цивилизации, врожденными фиксированными установками. Индивидуальность Достоевского привнесла ряд специфических фиксированных установок; о них говорилось выше. Наконец, следует иметь в виду, что «Легенда» есть лишь одна из глав обширного произведения, поэтому на формирование цепи «микроустановок» в БСЗ налагалась императивная система разработанных образов и идей романа, своего рода частая сеть, накинутая на формирующийся прообраз. Глава о Христе и инквизиторе не жесткая, наоборот, зыбкая, изгибаемая во всех направлениях, но ограничивающая заключенный в ней объем «микроустановок».

Обычно, при рассмотрении формирования прообраза, как выхода художественного из БСЗ в СЗ, ограничиваются иллюзией простейшего метафорического образа; так, например, вполне объяснимо формирование образа: *«хотел бы птицею навечно поселиться на персиковой ветви наслаждений»*, — пришедшего ранним, солнечным утром, когда человек идет с полным комплексом положительных эмоций по свежему после ночи бульвару среди деревьев и щебечущих птиц, а восточная аранжировка образа — от читанных на ночь стихов Хайяма или сказок «Тысячи и одной ночи», или просто воспоминаниями о персиках, сорванных с ветки.

А сложный прообраз у Достоевского в «Легенде»? А между тем, как это не парадоксально, на уровне прообраза *безразлично*: есть ли это прообраз «Легенды о великом инквизиторе», или прообраз птички на персиковой ветке. В этом и дело, что осознание прообраза, независимо от распространенности (объемности, значимости и пр.) образа, происходит мгновенно, в совокупности. Это есть тот же континуальный поток образов, воспринимаемый в их целостности, недетерминированности.

И лишь после факта, вневременного, не имеющего протяженности, осознания прообраза, когда дается установка активному мышлению, начинается развертывание образа. Вот здесь-то и выявляется его идейно-образная объемность, значимость: птичка остается на ветке и все; красивое сравнение, а прообраз у Достоевского развертывается в «Легенду», всеобъемлющую всю историческую психологию масс.

Есть прямое доказательство сказанному, хорошо знакомое каждому: просыпаясь, человек запоминает лишь некоторое общее, порой словесно не выражаемое, но *всеобъемлющее* впечатление от посетившего его сна. Это есть не что иное, как осознание прообраза сна при переходе от сна (БСЗ-установки) к бодрствованию, включению активного мышления. Только в данном случае этот переход от БСЗ к СЗ совершается довлеюще, по физиологическим причинам, при просыпании, в случае же художественного творчества — по причинам более сложным, более статистического порядка, но в сути своей, также по довлеющим над активным СЗ.

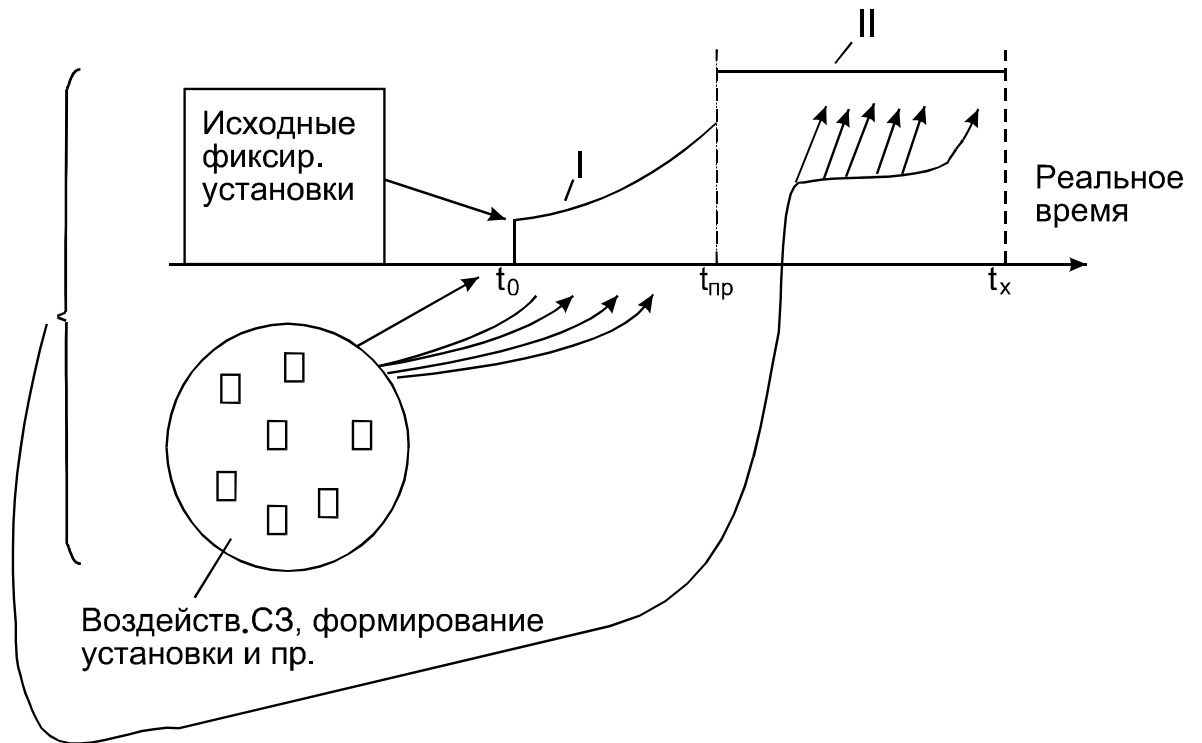
В родственности этих двух процессов и состоит причина того, что часто процесс сон — просыпание — активное мышление у художественных натур совпадает с творческим процессом; наиболее хрестоматийный пример — творчество Кафки, Томаса Манна. Проблема соотношения работы БСЗ во сне и творческого процесса требует отдельного рассмотрения, поэтому здесь на этом вопросе более не задерживаемся. Он и так является вспомогательным в очерке о сущности свободы человека.

Итак, гипотеза о вневременном осознании прообраза представляется довольно убедительной. В заключении попробуем реконструировать прообраз «Легенды» у Достоевского; учитывая, что нижеприведенное не имеет временной протяженности, этот прообраз выглядит так.

Иван Карамазов — Алеша Карамазов; рационально-логическое и духовное начало; два типа из трех крайних воплощений русского характера. Плотское и духовное — диалектика противоречия в христианстве. Христос и Пилат, но... Пилат неорганично вписывается в конфликт, ибо он прокуратор и

судья чужой и нелюбимый, остранный. Нужен заинтересованный аполлет. Наивысшая идея католического христианства: власть от бога — Христу, от него Петру, от Петра царям земным и духовным, Папе. Перерождение идеи христианства и идеи искупления: от искупления духа к искуплению плоти. Страдающий дух избранников и торжествующая бездуховная плоть. Когда счастливы миллионы?— Хлеб, бездушные, поклонение. Массой. Идеалы Христа — для избранников. А во имя чего? Созидания. Искушение — испытание свыше. Опыт. Полная капитуляция Христа. Бедный Христос. Поцелуй — дань традиции. Не Иуды. Нет, тема Иуды не здесь. Он излишен. Но поцелуй есть.

Схема формирования образа с учетом прообраза приведена на рисунке.

Пояснение к рис.: в БСЗ сохранены фиксированные установки — следы художественного опыта. В момент t_0 начинается формирование цепочки установки; время $t_0-t_{пр}$. — неосознаваемое, но реальное время ее формирования под воздействием СЗ, внешних факторов, формирующихся установок и пр. на протяжении всего времени $t_0 — t_{пр}$. Кривая I — нарастающая. В момент времени $t_{пр}$. — вневременное формирование прообраза, линия II — от $t_{пр}$. до t_x — осознаваемое реальное время активного творческого процесса. На протяжении всего этого времени исходные установки и пр. из БСЗ воздействуют на скелет (прообраз).

Завершение темы: о свободе творчества. Проведенный анализ «Легенды о Великом инквизиторе» с приложением к нему метода вторичной

идеи выполнен в сочетании двух планов, каждый из которых есть автономно самодовлеющий, а именно: а) раскрытие метода вторичной идеи, как проявление динамики свободы <творчества>; б) собственно свобода творчества. Последнее и рассмотрим в завершении темы. Исходная посылка суть утверждения: если БСЗ участвует в творческом процессе «со стороны» несотворенной свободы, то СЗ есть ограничение несотворенности, контроль необходимости, то есть элемент свободы, как осознанной необходимости.

Категоричность такого утверждения вряд ли кто возьмется оспаривать из собственно творцов и владеющих аппаратом анализа в рамках психологической науки, а сужено – психологии творчества. Даже сам Зигмунд Фрейд со *своим* <в смысле психологической установки, конечно, не личностно-физиологическим, позволим себе невинную шутку...> либидо вряд ли что мог возразить.

Мы же свои рассуждения ограничиваем рамками литературного творчества, как наименее всего сдерживаемого сугубо материальной *необходимостью*. Писателю не требуется, как композитору, концертный рояль, аранжировщик для симфонического оркестра и собственно оркестр – все материально затратное. Уже не говорим о творчестве архитектора, который по определению должен ориентироваться на целую строительную индустрию. Для него, даже будь он Оскаром Нимейером, творчество ориентировано в наибольшей степени на осознанность, а несотворенная свобода стеснена до самой общей творческой манеры, что и позволяет ему выделиться в своей среде. В книге «Литература и революция» Л.Д. Троцкий (мы отделяем здесь Троцкого-литературоведа от политического «иудушки» по ленинскому определению...) на данный счет прозорливо и метко замечает, что из всех творческих профессий писатель наиболее мобилен в означенном выше смысле. То есть для художника слова – это уже не Лев Давидович говорит – парциальный «вклад» несотворенной и осознанной свободы в создаваемое произведение определяется (в части ограничения первой) минимально-достаточной воз-

возможностью донести свое творчество до читательской аудитории – иначе какой смысл писать?

Что входит в такую возможность? – Естественно, степень таланта, одаренности, способности, адекватная усредненной читательской восприимчивости. В последнюю, в свою очередь, входят <опять же усредненные по читательской аудитории> общая и литературная образованность, степень самодостаточности мышления в смысле способности «сопереживания» и так далее вплоть до морального климата социума. Читательская восприимчивость, с одной стороны, совершенно автономна от таланта писателя, с другой – сам художник слова просто обязан, хотя бы интуитивно, ориентироваться на ее <восприимчивости> вариабельность, которая, в свою очередь, управляется *status quo* конкретного социума.

Другие аспекты возможности, уже не зависящие обычно от читательской аудитории: цензура и особенно самоцензура; культурная политика и, тем более, реальная политика управляющих социумом сил; социумная этика и эстетика. При желании читатель дополнит это перечисление факторами второго и более конкретизированного порядка. Все сказанное без затруднений в памяти и мышлении ярко иллюстрируется во времени переходом в нашей стране от социально ориентированного общества (СССР) к нынешнему государству, тем более подпавшему в поток глобализации. Как, впрочем и без исключения, все другие государственные образования. На то он и глобализм – от латинского корня *globus* (шар), то есть относящийся ко всему земному пространству, всемирный.

Из такого сопоставленного анализа, в отношении globus и к творчеству вообще, можно сделать следующий вывод. Свобода творчества, понимаемая как раскрытие индивидуального природного (генетического по преимуществу) дарования, развитого воспитанием и образованием, постоянно совершенствуемого практикой творческих занятий, есть в плане психофизиологии мышления соотношением «загруженности» СЗ и БСЗ, правого и левого полушарий головного мозга, причем первое (СЗ и БСЗ) определяет парциаль-

ный вклад осознанности и несотворенности свободы творчества, а второе – преобладание в мышлении логики или художественности (в самом широком ее понимании), при этом несотворенность свободы имманента исходному целеуказанию фундаментального кода Вселенной – Мироздания в части эволюции человека, понимаемому как достижение предельного (финального) уровня творческого мышления человека, а осознанная свобода суть практика такого мышления на конкретном этапе эволюции, но по мере глобализации и перехода человечества в качество человекника (аналогично пчельнику, муравейнику, термитнику...) парциальный вклад несотворенной свободы экспоненциального уменьшается по сравнению со все возрастающим вкладом осознанной свободы, что свидетельствует о приближающейся исчерпанности биологического этапа эволюции человека и переходе ее <эволюции> на ноосферный этап, в котором биологическое уступает место технократической виртуальной реальности.

...Что мы, увы, даже «записные» оптимисты и видим вокруг: каждый в свое окошко... или в щель.

Группа основателей «Союза освобождения» в 1902 г. в Германии (слева направо): Петр Струве, Нина Струве, Василий Богучарский, Николай Бердяев и Семен Франк (внизу)

Фото из Википедии[©]

ПОСЛЕДНИЙ ЕВАНГЕЛИСТ ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ

К юбилею Льва Толстого

... Не будем обоготворять кумир самолюбия нашего, подобно красивой, но преданной миру женщине, которая боготворит кумир лица своего. Сердцем будет подобны младенцам, чтобы иметь простоту веры, чистоту и невинность нравов, чтобы чувствовать ужас греха и не стыдиться унижения и святого юродства крестного, которое есть сила и Божья премудрость.

Сергей Нилус. Святыня под спудом

◆ Вне всякого сомнения, *ipso facto** апология человека, на чем мы завершили предыдущую «Колонку главного редактора» (см. «ПЗ» № 1, 2018), во многом, если не в основном, зиждется на генофенотипически вошедшем в него, человека, сознание уникальном феномене беспрецедентной христианской этики и морали, чему, в частности, посвящена наша книга**, получившая положительный отзыв как высоких церковных иерархов, так и видных общественных деятелей. Но – это к слову, ибо наша тема конкретизирована – к очередной юбилейной дате гения русской литературы: религиозно-философское творчество Льва Николаевича Толстого и особенно – его соединение книг Четвероевангелия. Однако предварим очерк опять же «личным моментом», без которых человеку пишущему сложно обойтись... если, конечно, это идет на пользу раскрываемой темы.

* В силу одного этого, само по себе (лат.)

** Яшин А.А. Феменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А.И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.– М.: «Московский Парнас», 2018.– 506 с., ил. (См. на разных сайтах Интернета по поисковику).

...После окончания Литературного института меня стали «замечать» в Приокском книжном издательстве, благо оно базировалось в Туле. В этом межобластном культуртрегерском учреждении издавался и известный в литературоведческом мире ежегодник «Яснополянский сборник». Вернее не издавался в полном смысле этого слова, но только технически-редакторски готовился и печатался, поскольку вся его редколлегия состояла из ведущих столичных исследователей творчества Толстого, а сам ежегодник формировался учеными и иными советами московских же учреждений литературоведческого профиля, так или иначе связанным с «зеркалом русской революции» – не будем забывать, что речь идет о советских восьмидесятих годах. И уже самоочевидно, что почти все авторы таких ежегодных выпусков являлись представителями «столичных и университетских центров». Но редколлегия являла малую милость и редким тульским писменникам от толстоведения: все же и сборник и место издания его касались нашего славного города...

Вот и мне, автору художественной книги, только что вышедшей в Приокском издательстве, знакомый редактор, курировавший «Яснополянский сборник» на стадии его технической подготовки, предложил поучаствовать, дав кому следует хорошие аттестационные референции «молодому прозаику и публицисту, знатоку творчества Толстого, прорецензировавшему по просьбе издательства две книги публицистики о нашем великом земляке...» И так далее. Словом, дали добрѳ, выражаясь по-флотски. И ваш покорный слуга постарался не посрамить оказанную честь участия в всесоюзном толстовском сборнике. ...Молодости литературной не свойственно сколь-либо зацикливаться на внезапных «отлупах». Уже откладывал из заначки скромной инженерной зарплаты – гонорар, вполне приличный, за ранее изданную книгу уже потратил – для приобретения десятка свежеотпечатанных томов «Сборника» для презентов, поскольку верстку-набор своей статьи уже вычитал, а по плану издательства книга должна была вот-вот выйти... как позвонил приятельский редактор и попросил зайти в издательство, где в доверительной беседе

огорчил. Получалось по его словам, что при «высокой столичной» вычитке уже готового набора моя статья столь опечалила литературоведа <имя рек> не менее высокого авторитета, что тот созвонился с еще более высоким начальством, в результате чего мой опус выкинули из *уже готового набора* ... по личному распоряжению тогдашнего руководителя Госкомпечати (а это министр!) с формулировкой-приговором: «Как порочущий имя нашего великого...» И так далее.

Кстати, не ведаю, как сейчас поживает-здравствует этот <имя рек>, но еще лет десять тому назад с удовольствием читал в центральной литературной периодике его многомудрые рассуждения о свирепствах советской цензуры в части глушения свободы и пр. в литературоведении в частности... Словом, как опять же во флоте говорят: компás развернулся на 180°!

...Уже попозже приятель-редактор, заинтересовавшийся вмешательством госкомпечатного министра и кое-что выяснивший, поздравив меня с цензором столь высокого ранга, за дружеским обедом с «очищенной» рассказал: «Гордись, Афанасьич <так меня со школьных лет звали за вкусное на слух старорусское отчество>, немного до Пушкина не дотянул: у того сам Николай Палкин цензором был, но и у тебя целиковский министр! А по делу так вырисовывается: во-первых, ты цитируешь в статье редкостные издания (грешен, эстет книжный и собиратель...), которые не ведомы членам редколлегии сборника; во-вторых, ты приравнял в равнозначности художественную прозу Толстого с его же морально- нравственным и религиозно-философским творчеством, а главное – употребил чуждый советской гуманитарной психологии термин «эвропатология». И я, Афанасьич, только от тебя суть его узнал...»

Много еще чего рассказал приятель-редактор под ресторанный салат-оливье «Столичный», далее сборную солянку, антрекот с картошечкой-фри, а еще далее... до закрытия заведения – с гусарским гулянием, с заказом «трояк на парнас» любимой музыки и песен ресторанному оркестру, где солировал Миша Шафутинский, ушедший за год перед отъездом в США, чтобы не под-

ставлять директора филармонии Михайловского, в ресторанные лабухи, а за соседним столиком гулял будущий долларовый миллиардер Володя Гусинский – тогда главностроитель массовых мероприятий тульского обкома ВЛКСМ... Истинно, мир тесен, есть что вспомнить о советских «тусовках»!

◆ В чем же я провинился перед тогдашней редколлегией главного в стране ежегодника о Толстом, исключая бахвальство редкими книгами и акцентом на религиозной философии Льва Николаевича? Наверное, упоминанием об эвропатологии. Кстати говоря, та злосчастная статья под названием «Сопоставительные оценки эвропатологии и гуманистической психологии в творческой периодизации: пример Льва Толстого» в 90-е и 2000-е годы была опубликована во многих литературных и научных журналах, вошла в публицистические книги автора. Хотя и дорого яичко лишь в пасхальный день...

Итак, эвропатология как *condition sine quo non** творческого озарения. Термин этот ввел в обиход оригинальный ученый и врач Григорий Владимирович Сегалин (1878–1960), издававший в 1920-х годах в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», последний выпуск которого как раз и был посвящен Толстому под названием «Эвропатология личности и творчества Льва Толстого» (1930, Т. V, вып. 3–4). Сегалин, таким образом, оказался последним частным издателем на Урале, а скорее всего и в СССР. Как указывалось в решении о закрытии журнала Сегалина, публикуемые в нем материалы – в основном работы самого издателя – уязвимы с методологической позиции в свете современных научных данных. Неизвестно, каким собственным научным реноме обладали закрыватели «Клинического архива», но Г.В. Сегалин в целом продолжал развивать дисциплину на стыке психологии и психиатрии, иногда называемой психофизикой, у истоков которой стояли такие выдающиеся исследователи, как наш соотечественник П.Б. Ганнушкин (из литературных реминисценций сразу вспомните главврача Титанушкина из романа одесских классиков) и, ко-

* Непременное условие (лат.)

нечно, итальянец Чезаре Ломброзо, автор книги «Гениальность и помешательство». Кстати, имя его напрямую связано со Львом Толстым.

...Когда экскурсовод в Ясной Поляне ведет своих подопечных от дома Толстого к его могиле на склоне оврага, то где-то посредине этого пути, когда открывается вид с холма, на котором расположена усадьба, на низину с поблескивающей на <летнем> солнце речкой Воронкой, он на минуту притормаживает и рассказывает, что именно в этой части реки Лев Толстой спас тонущего Чезаре Ломброзо, которого в такой же летний день повел после обеда искупаться... При этом самые дотошные из экскурсантов поправляют: у *них* принято было купаться не после обеда, а до него. Если в экскурсантах окажется московский литературовед-толстововед, приехавший в Ясную Поляну освежить впечатления и помянуть своего «кормильца» по роду своих занятий, то он и вовсе перехватит инициативу у скуксившейся экскурсоводши, молодой выпускнице местного пединститута, и приятным столичным баритоном пояснит, что-де знаменитый иностранец специально приезжал в Россию к Толстому узнать в неспешных беседах его мнения и доводы о природе талантливости избранников природы и их отличии от людей средних ума и чувствований.

Вот именно это *отличие* и есть наиболее общая семантика слова «патология», означающая любое отклонение от *принятой нормы*. Здесь ничего обидного для тех, у кого имеется такое отклонение от «среднего человека» в сторону способности, таланта, гениальности. Но все дело в том, что этот греческий термин изначально и по сей час «узурпировала» медицина с ее пугающим человека дословным переводом: *pathos* + *logia* ≡ страдание, болезнь + наука. Таким образом, выражаясь в терминах все тех же психологии и психиатрии, в восприятии людей, далеких от этих дисциплин, произошел сдвиг мотива на цель. Или понятийная фрустрация, если так можно сформулировать. В итоге такой семантической чрезполосицы введенное Сегалиным – с учетом пионерских исследований тех же Ломброзо, Ганнушкина и других светил европейской науки – понятие *эвропатологии*, то есть раздела психологии, изу-

чающего отклонения от <усредненной> нормы в сторону более высоких способностей вплоть до значительной таланливости и гениальности, стало «восприниматься на слух» как нечто уничижительное в отношении этих эврокачеств. То есть пугающий термин «патология» в его сугубо медицинской дифференциации оказался под логическим ударением, затмив основное здесь понятие: эвро – см. эврика! – открытие...

...Извиняемся перед читателями: мы вовсе не отвлекаемся от магистральной темы очерка, но это суть необходимое для непрофессионала в части психофизики пояснение к пониманию многогранности творчества Льва Толстого.

Еще досаднее, что и сам Сегалин сделал невольно «уязвимыми свои методологические позиции», восприняв, как необходимую, исходную доктрину Ломброзо, концептуально связавшую европатологию с определенными психическими нарушениями, стимулирующими творческую деятельность. В упрощенном примере это как то же курение или умеренное употребление алкоголя (особенно последнее для поэтов – да простят они автора...) отчасти стимулирует и/или мобилизует творческие моменты.

Но Ломброзо делает эту связь нормой. Конечно, вся история творчества в лице создателей и созидателей его вроде как подтверждает эту концепцию Ломброзо. У таких высокоодаренных творцов, как у наших Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Есенина, да вспомните знаменитую «арзамасскую тоску» Льва Николаевича, у не «отстающих» от них музыкантов и художников – Бетховена, Ван Гога, Рембрандта, опять же нашего Врубеля, – у всех у них наблюдались определенные перепады относительно психологической нормы, которые Ломброзо сводит к колебаниям от маниакального до депрессивного состояния. Но здесь мы совершенно не согласимся с Ломброзо в отношении Александра Сергеевича. Как раз у него вовсе не было отклонений психофизического характера. Не зря уже почти двести лет его называют «чистым гением», вкладывая в это определение и абсолютное психическое здоровье. А его пресловутая вспыльчивость – это норма, во-первых,

для эмоциональной сущности почти любого поэта; во-вторых, для нравов высшего света того времени. Кстати говоря, ошибочно распространенное мнение об «африканском темпераменте», то есть той же вспыльчивости Пушкина. Под таковым обычно понимают нормы поведения еще практически тогда нецивилизованных коренных обитателей собственно центральной (экваториальной) и южной Африки. Но предок Пушкина «арап Ганнибал» был эфиопом*, которые относятся, наряду с арабами и потомками древнееврейских племен, к семитской группе народов, а это уже совсем иной контекст цивилизации. Поэтому правильнее говорить о южном темпераменте поэта, генофенотипически доставшийся ему.

Однако – к теме. Но ведь и у так называемого творчески не выраженного, то есть родового человека, обычного, что сейчас СМИ презрительно обзывают обывателем, отклонения от психической нормы далеко не редкость: от эмоционального невроза – особенно, пардон, у женщин – до выраженных фаз маниакального и депрессивных состояний в доклинической, так называемой жизненно-бытовой форме. И если клинические формы по принятой статистике характерны для 2...4 % людей, то кто же возьмется сосчитать доклинические?

Здесь есть основания полагать, что этот доклинический процент будет *одним и тем же* для двух неравнозначных групп людей, в смысле населения: творческих, особенно с приставным словом «эвро», и всех остальных (!?) Здесь опять же наблюдаем выраженный сдвиг мотива на цель: патология, на этот раз медицинская, психофизическая, обычного человека воспринимается всего лишь как особенность характера поведения и в глаза вовсе не бросается. Другое дело таланты и – особенно – гении. Они почти всегда на виду, так что любой спешит рассмотреть соринку в их глазу. ...А если не заметят, то неугомонные литературоведы и прочие исследователи различных творчеств в своих трактатах обязательно обнаружат и доведут до всеобщего сведения.

* Не ручаюсь за достоверность, но много знающие люди говорят, что на одной из площадей Аддис-Абебы стоит памятник Пушкину, на постаменте которого начертано: «Великому эфиопскому поэту...» И так далее.

Вот и упомянутый нами Сегалин пошел по пути Ломброзо и творческую европатологию обязательно сочетал с психофизической патологией. Поэтому активный автор «Клинического архива» доктор И.Б. Галант публиковал, например, статьи по психопатологии ... А.М. Горького с характерными названиями: «Делирий Максима Горького», «О суицидомании Максима Горького», «Пориомания М. Горького», «Психозы в творчестве М. Горького», «Паранойя в художественном изображении М. Горького» и так далее. Каково звучит в наше политкорректно-толерантное время для современного литературоведения в приложении к известному писателю-современнику? Хорошо Алексей Максимович был истинным «инженером человеческих душ», читал эти статьи, одобрял, а в 1934 году по его рекомендации Сегалина приняли в Союз писателей СССР. Горький писал Сегалину: «... Мне сначала хотелось ознакомиться в Ваших интереснейших изданиях. Условия, в которых оно зародилось и живет, напоминает мне о другом провинциальном и тоже оригинальнейшем издании – о единственном у нас астрономическом календаре, издаваемом в Нижнем Новгороде вот уже четверть века. На Западе календарь этот знают и ценят, на родине – не очень».*

И несмотря на такое доброе отношение Горького, а также очень чтимого в СССР Романа Роллана, ведущих в мире и в стране ученых в области психологии и психиатрии, как Август Форель, Эрнст Кречмер, Вильгельм Ланге, Г.И. Россолимо, Л.О. Даркшевич, В.М. Бехтерев, В.Л. Гиляровский, уже упомянутый выше П.Б. Ганнушкин, чьи портреты сейчас украшают стены актовых залов медицинских учебных и научных заведений, приветствовавших издание «Клинического архива», на выпуске о Л.Н. Толстом журнал был закрыт.

◆ Мы не для красного словца или щегольства ради вывели «на сцену» Ломброзо и Сегалина, показав истоки методологических ошибок в оценке европатологии творческих личностей, хотя бы их имена навсегда останутся

* Из письма от 4 марта 1929 года; цит. по книге: Петряев Е. Записки книголюба. – Киров: Волго-Вятское кн. изд-во. Кировское отделение, 1978 (С. 14–17 о Г.В. Сегалине).

на слуху в истории медицинской науки и психологии. Ибо, как сказал выдающийся индийский философ Д. Чаттопадхья: *«Нельзя считать, что в своих длительных поисках истины предки оставили нам одни лишь ошибки и заблуждения»*.

Нам было важно однозначно определить эвропатологию в сугубо гуманистическом толковании этого термина, как отклонение от среднестатистической нормы для творческих личностей *именно* в позитивном качестве. Без такого пояснения звучащий страшновато термин напугал как советских цензоров журнала Г.В. Сегалина, так и редколлегию толстовского сборника 1980-х годов, посодействовавшую изъятию моей статьи уже из готового набора...

И тем более все это по развиваемой нами теме. Сегалин, исследуя творчество Толстого в целом, развертывает во всей полноте принцип «протокола художника», особое внимание уделяя органической и противоречивой роли патологии во всех фазах творчества писателя, а точнее – его творческой жизни. В соответствии со своей методологией исследования Сегалин вводит – ныне хорошо известное и принятое в психологии – понятия эвропозитивных и эвронегативных периодов, соответствующих творческой активности и упадку, причем первый этап – до «арзамасской тоски» – характеризуется преобладанием первых, а второй – нарастанием преобладания вторых периодов. Любой человек с творческими наклонностями сам на себе может провести такую хронологию. Так вот, если математически обработать (что мы и сделали) данных таблиц Сегалина – анализа названных выше периодов в их хронологической последовательности, то получается экспоненциальная зависимость спадения длительностей периодов по шкале возраста, что имеет достоверное объяснение: экспоненциальный закон описывает регуляцию и динамику всех биологических процессов, включая и процессы продуктивной, в данном случае художественной, работы мышления, то есть мозга.

Для Толстого-художника и его же мыслителя, философа, моралиста его жизненные кризисы приводили, в отличии от всевозможных клинических и

других патологий человека, к иным мотивационным путям, к иной смысловой ориентации в творческой деятельности человека. Последний осознает в такой период кризиса расхождения между Я-реальным и Я-идеальным. Как можно увидеть, зная жизнь и творчество Толстого, в нем это расхождение чувствуется и выражается им с годами все сильнее, а накануне ухода из Ясной Поляны приобретает самодовляющее значение. Обычное течение кризиса: изменение прежних отношений – осознание происшедшего (сравни, у Толстого: невозможность жить прежней жизнью) – укоренение нового в мировоззрении. Таким новым у Толстого является все усиливающееся убеждение, что не художественное отображение жизни, но проповедь и моральное вероучение позволят ему преодолеть пропасть между реальным бытием и желанием духовной гармонии. То же самое он предлагает и своей аудитории, коей являлся к началу 90-х годов весь мир: моральное самоочищение и самоусовершенствование. Библейское «врачу, исцелися сам» он и начал с себя...

В общем случае возможен выход из кризиса в невроз: законсервирование, а не преодоление сложившегося противоречия; преимущественно для натур слабых духом, либо поставленных волею судьбы в непереносимые обстоятельства. У Толстого этого не наблюдается. Иначе он бы не был Толстым...

Остается добавить немного, но и многое: обычно разработка «толстовских» тем идет с привязкой к художественному, беллетристическому творчеству Толстого; а чем же были заполнены годы кризисных перерождений или пресловутых эвронегативных периодов? Заполнены они были рождением, становлением и высшим развитием второго Толстого, обличителя социального зла, извращенного понятия Бога, государственной церкви, войны... Поднимался Толстой-проповедник, искавший выхода из обступившей человека со всех сторон злой немочи, аморализма, сытого европейского мещанства и индивидуализма, отечественной смеси самодержавной нагайки, подцензурной гласности, думского парламентаризма и либеральной горячки. Именно в кризисные периоды Толстой возвышается над всем человечеством, ибо ему

одному только дан дар – горький дар! – понимания, что эволюция, пожалуй, впервые подвела человечество в конце XIX века к тому этапу развития, когда ход истории вырвался из-под контроля творцов ее. Не правда ли? Знакомая до боли сегодняшняя ситуация, когда, сто с лишком лет спустя, вновь повеяла на ныне глобализующийся мир, но только в ужасающе большей безысходности, холодом и отчаянием опустошенности, неприкаянности, ощущением замкнутого порочного круга. Люди живут как в кошмарном сне, ведомые непонятным над-Я, куда-то влекущим, скорее всего в братскую могилу, и нет сил проснуться, всюду тебя хватают за руки, втискивают в голову чужие и безотрадные мысли-суррогаты, играют тобой и экспериментируют над тобой, а не говорят ни полслова: зачем, по какому праву и чем это закончится? Какую же преследуют цель? – Только Великий Глобализатор ее знает...

В такие моменты истории приходит на помощь только отчаяние, а оно дает выход в иррациональное. Есть и есть тождество истории: как сейчас заполняются храмы и мечети людьми, не выдержавшими тисков рационалистического безумия мира, так и гений Льва Толстого привел его к единственному выходу, который кажется еще большим безумием, но есть единственный реальный выход из еще большего безумства: *самосовершенствование*. Назовите его как хотите: самоочищение, исправление порока в себе – наследственного и благоприобретенного, – перерождением, начинаемым с себя, если хотите, но это есть те кирпичики, с которых мыслил Толстой построение нового мира, новое овладение миром, человеческой историей, все более и более стремящейся уйти от контроля создателя своего. Кто кого? И возможно ли так ставить вопрос? Самсону ли уподобится человек или это есть испытание природой величайшего своего создания?

Это второй план творческих периодов Толстого, которому уже не стало хватать в чисто художественном самовыражении простора для мысли, больной за все человечество. Точно также сейчас в нашу литературу велением времени вошло философское осмысление, думающая и ставящая вопросы публицистика, открытый монолог-проповедь. Правда, ненадолго вошло.

Инициативу перехватили «вечные на подхвате»: основоположники набежали... От оглуляющих СМИ.

Не угасание творческого сознания, не дробящаяся, заикливающаяся мысль стареющего творца, но непрерывное развитие от художественной к философской мысли, к морально-этической проповеди, от условного к конкретному, к высшему напряжению ума и ясному пониманию: что есть *Я* и моя совесть, мой талант в сложном процессе жизни моей, народа своего, мира, наконец. Вот движущая сила кризисных состояний Толстого, а после преодоления очередного – новое пространство, новое пробуждение, новое и вечное начало.

◆ Итогом таким моральных исканий Толстого и стали его труды, которые в литературоведении принято именовать *религиозно-философскими*: «Соединение и перевод четырех евангелий»*, «Путь жизни», «Круг чтения», «На каждый день» и ряд других, что в его ЮБПСС в 90 тт. (1928–1961 гг.) составляют так называемые «сороковые тома» (тт. 39–45). А в т. 23 собраны религиозно-философские трактаты 1879–1884 гг., а именно: «Исповедь», «Исследование догматического богословия», «В чем моя вера», «Моя жизнь», «Церковь и государство». Следует также указать на эпистолярное наследие (тт. 59–90), где очень большое число писем и дневниковых записей, особенно 1880-х – 1900-х годов, относятся к той же тематике.

Мы не случайно выделили выше принятое в литературоведении название рассматриваемого корпуса трудов Толстого. Они вовсе не являются философскими и религиозными. Это подчеркивает в введении к «Соединению» и сам Толстой: *«...Цель моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскание смысла учения. Смысл учения выражен во всех четырех Евангелиях; и потому если они все четыре суть изложения одного и того же откровения истины, то одно должно подтвердить и уяснить другое. И потому я рассматривал их, соединяя в одно все Еванге-*

* Толстой Л.Н. Соединение и перевод четырех евангелий (Юбилейное полное собрание сочинений в 90 тт. (Т. 91 – указатель). Т. 24. – М.: ГИХЛ, 1957.– 1011 с. Далее по тексту мы ссылаемся на этот труд, обозначая только номера страниц.

лия...» (С. 18).

То есть Толстой в означенных выше произведениях суть *системный* моралист. Выделенное определение имеет самодовлеющий смысл: талантливые и гениальные творцы, прежде всего слова, как правило, укрупнено подразделяются <условно, конечно> на «специализированных» и «системных». Название группы первых интуитивно понятно. Когда говорим о таких писателях как Диккенс, Чехов, Лесков, Томас Манн – что называется навскидку называем имена, – то все они сугубые беллетристы. Но вот Лев Толстой и Достоевский в русской классике – гении иного рода. Их мы и относим к системным творцам. Их художественные произведения великолепны в рамках избранного ими литературного жанра, но разве язык повернется назвать их беллетристами? Как объединить у Достоевского его «Преступление и наказание», «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Подростка» с его политическим «Дневником писателя»? Пожалуй, только «Бесы» как-то пересекаются с публицистикой Достоевского. Зато у Толстого, как сугубо системного моралиста, будь то «Война и мир», а в особенности «Воскресение», или религиозно-философские <условно и мы их так называли; см. выше> трактаты, или «Соединение», наконец, «Фальшивый купон», «Суратская кофейня» и так далее до притч о лисице и журавле, бесхитростного «Филипка» и сказки о девочке Маше и медведях – все подчинено в полижанровом отображении одной довлеющей теме: христианская мораль как единственное в истории цивилизации человечества высшее воплощение человеколюбия и самосовершенствования человека. И как мораль заповедей блаженств Христа, он же «Моральный кодекс строителя коммунизма» в СССР, единственна и неповторима в эволюции человечества, так и художественное, публицистическое, философское <вдругорядь извиняемся перед памятью о великом Толстом> наследие – учение нашего русского гения нетленно. Даже в неизбежном, увы, ядерном или космическом катаклизме сохранятся на уцелевших сайтах, будь они не к ночи помянуты, заповеди Христа и их интерпретация Толстым...

...Об <условно> религиозно-философских трудах Льва Николаевича в

школьном и неспециализированном вузовском образовании и вообще «для широких масс» ничто или почти ничто не говорилось в советские времена, тем более сейчас. Первое – архипонятно, ибо вся терминология, связанная с религией, по традиции, со времен воинствующего главрука безбожников Емельяна Ярославского-Губельмана и ярого русофоба Лейбы Давидовича Троцкого-Бронштейна, подпадала под известное табу. А сейчас? – Да упаси, Боже, при всем поддерживаемом государством реноме православной церкви-учреждении, популяризовать учение Толстого о самоусовершенствовании и капитале, как естественном враге христианской морали.

И те и другие в один голос восклицают: Толстой и религия – да как можно в одну упряжку их поставить? Толстого, которого <царская> русская православная церковь отлучила, вроде как и анафема предала за его богопротивные сочинения! Не торопитесь, товарищи и нынешние «господа». Пишем в кавычках, ибо эти господа из нуворишей от спекуляций, бандитизма и рейдерски захвативших все, что было за 1000-летнюю историю России, особенно в советский период, накоплено и создано трудом народа, нам не господа. Их классовых предшественников в 1917-м году наши деды-прадеды в гимнастерках и братишковых бушлатах мигом приструнили. Русский человек органически не преемлет господства денежных мешков. ...А все остальные «господа», обзываемые СМИ обывателями, по всей стране скоро перейдут на хлеб и <химический> квас. Зато с гордостью за «компьютерную грамотность» будут расплачиваться в лавчонках гэджиковыми карточками.

Так ответим им, голословным. Сочинения Льва Толстого с религиозными терминами есть только и исключительно составляющие его морального учения, в основе которого лежит Нагорная проповедь Христа, она же – заповеди блаженств Нового Завета. Толстой прямо и нелицеприятно отделяет церковь-мораль и церковь-учреждение (см. трактат «Церковь и государство»). Кстати об отлучении. Здесь нафантазировано много. Особенно преуспел наш выдающийся писатель Куприн. «Яму» он писал со знанием дела, но во многих своих рассказах, особенно ранних, как вступивший на литера-

турную стезю журналистом-хроникером газетных изданий, не обладал еще литературной грамотностью, искал «жареного петуха». Так с его известного рассказа, где дьякон, почитатель Толстого, в известный день, раз в году, произносит с амвона анафему. Кроме общехристианских, со времен Великих Соборов, в русском православии анафематствованию <извините, не знаю как в советское время и сейчас> подлежат «Стенька Разин, Ивашка Мазепа, Емелька Пугачев*». В пиар-рассказе Куприна далее следует граф Толстой, но дьякон, чуть подумав, провозглашает ему здравицу!

Так с рассказа читаемого всей грамотной Российской империей Куприна Толстой и был «предан анафеме». В церковных наказаниях существует своя табель о рангах. Как в привычной нам служебной, рабочей жизни есть такая, с высшей до нисходящей по силе наказания: увольнение, последний строгий выговор, предупреждение о несоответствии..., устное замечание, так и в части церковного. Увольнение <без выходного пособия и с «волчьей справкой»> – это приравнивается к анафеме, а вот самая мягкая мера, соответствующая устному замечанию – это есть формулировка «считать временно отпавшим от православной церкви». То есть предполагается и исправление: возвращение в лоно церкви при покаянии и исправлении. Таковой вот вердикт, весьма отдаленный от анафемы, был провозглашен и в отношении Льва Толстого. ...Нынешние пиарщики многое бы <в валюте> дали за этот вердикт: после опубликования решения Свщ. Синода читательский спрос и, соответственно, тиражи его книг выросли многократно! Во всем мире, заметим.

А вот сейчас, как в занимательном детективе, начинается самое интересное. Свщ. Синод, учрежденный Петром Первым вместо упраздненного патриаршества, кстати, восстановленного в полной мере в России только Сталиным, являл собою сугубо религиозно-чиновничье учреждение. Не мог он наказать великого <при жизни> русского и всемирно известного писателя за его негативное отношение к роли православной церкви как прислужнице

* Анафема с Пугачева была снята перед его казнью за покаяние в совершенных грехах...

госвласти, не мог наказать за прямые слова Толстого о содержании священных книг Нового Завета: «Бред Апокалипсиса, не имеющего поучительного, но прямо соблазнительного... Деяний Апостолов», не говоря уже о «советах Павла о вине и стомахе».

Но как любое современное учреждение, государство в том числе, Свщ. Синод поступил по-адвокатски, нашел статью прегрешения перед догматами церкви. И таким прегрешением для вынесения решения об отпадении графа Льва Толстого от православной церкви явилось предложение из двадцать одного слова из романа «Воскресение», часть первая, гл. XXXIX*: *«Сущность богослужения состояла в том, что предполагалось, что вырезанные священником кусочки <хлеба. – А.Я.> и положенные в вино, при известных манипуляциях и молитвах, превращались в тело и кровь Бога».*

В этих словах Синод усмотрел, впрочем, с его позиций совершенно справедливо, издевательство над главным церковным обрядом и таинством – евхаристией, то есть причащением.

♦ Сам-то Лев Николаевич к «замечанию» Свщ. Синода интереса не проявил. Можно догадываться, что в тайне обрадовались росту гонораров от изданий главы семьи хозяйственная Софья Андреевна, дети и внуки, состоявшие на яснополянском коште. Может получили прибавку даже и чеченские охранники усадьбы, нанятые хлопотливой матерью и бабушкой большого семейства графа... Кто знает и скажет?

Только неугомонные литературоведы на службе «всех режимов» возроют опять по части «Соединение...»: как же уважаемый Лев Николаевич с позиции строгой филологической науки смог «соединить и *перевести*» <с логическим ударением на втором слове> Четвероевангелие, если он не знал древнееврейского языка, а древнегреческим владел якобы в пределах гимназического курса?

* Цит. по т. 32 (С. 135) ЮБПСС Л.Н. Толстого. Это первое (1936 г.), редактор Н.Гудзий, аутентичные рукописи Толстого издания романа. До этого года текст давался по изданию «Нивы» – цензурные и иные правки без участия Толстого.

Это опять же бездоказательное утверждение. Зачем Толстому нужно было для аутентичности перевода знать древнееврейский язык, правильнее – язык арамейский, на котором написан Ветхий Завет? Это язык семитских (правильнее – семитических) племен, распространившихся по всей Передней Азии, то есть Восточного Средиземноморья, во второй половине второго же тысячелетия до н.э. и ставший своего рода международным языком от Малой Азии, включая Иудею и Палестину, до Египта и Западной Персии, тож Ассирии. На западно-арамейском, его библейско-арамейском диалекте написаны и книги Ветхого Завета. Современный иврит тех же корней, но скорее всего в части грамматических правил и алфавита.

Исходным же языком написания четырех канонических евангелий подавляющее большинство исследователей, как светских, так и церковных, полагает древнегреческий, точнее койне* этого языка, широко распространившегося в начале н.э. в Восточном, малоазийском Средиземноморье и пришедшего в качестве международного языка на смену арамейскому. Авторы евангелий, понятно, из тех же мест. Латынь же полагалась языком римских оккупантов и по понятной причине статус греческого перенять не могла... И только отдельные исследователи истории написания евангелий, причем в отношении лишь старейшего Евангелия от Матфея, полагают, что оно первоначально было написано на одном из диалектов арамейского языка, но получило распространение исключительно в греческом переводе.

...Кстати насчет древнееврейского – вдогонку выше сказанному. Бывая в Ясной Поляне, в доме Толстого и в Литературном музее, всегда обращал внимание на корешки книг в шкафах: далеко не одна и не две имеют тиснение в буквах иврита, что давало повод поразмыслить о хотя бы начальном знании Толстым древнееврейского языка. Но меня разуверил в этом в одну из поездок коллега по работе, знавший по семейному воспитанию идиш (немецкий и частично польский словарь + грамматика древнееврейского) и тайно <время советское> изучавший иврит для переезда на землю обетованную.

* От лат. *koine dialectos* – общее наречие, то есть смешение нескольких родственных диалектов.

Он-то и разъяснил: большинство этих книг суть современные Толстому издания на идише, который использует, как и иврит, древнееврейский алфавит: алеф, бет, гиммел и так далее.

И последнее замечание о древнегреческом исходном языке Четвероевангелия. Оно несколько косвенное, но именно поэтому и наиболее убедительное. В 1945 году вблизи Наг-Хаммади в Египте были обнаружены в древнем тайнике рукописи на коптском языке. Это событие в мировой прессе было освящено под заголовком: «Пятое евангелие нашлось!» Кто такие копты и нынешняя Коптская церковь в Египте, а также связанное с ними религиозно-философское течение гностицизма, в начале н.э. составлявшего серьезную «конкуренцию» только что возникшему христианству, любой читатель без труда узнает при желании из широко доступных источников... Самое существенное, что часть этих папирусов, сейчас называемых «рукописи Наг-Хаммади, II, соч. 2, 3, 6, 7», суть апокрифические, то есть не канонические, евангелия от Фомы, от Филиппа, близкие к нам «Толкования о душе», «Книга Фомы», «Сущность архонтов» и «Апокриф Иоанна». Главное, их лингвистический анализ сразу выявил, что на коптский они были переведены в начале н.э. ... с древнегреческого (?!).

Впрочем, если Льву Толстому и требовался точный перевод отдельных арамейских слов, как он сам пишет, то их всегда можно найти в многочисленных исследованиях Ветхого Завета на немецком и французском языках. Их-то он знал хорошо... А эта необходимость возникала при переводе так называемых параллельных мест Ветхого и Нового заветов. Особенно – при исследовании Евангелия от Матфея.

И вряд ли можно сомневаться в слабом знании Толстым древнегреческого языка: в классической образовательной культуре XIX века в России он являлся обязательным. Если Крылов в шестидесятилетнем возрасте основательно его изучил, чтобы в подлиннике читать басни Эзопа и «перелагать их российским штилем», то что дает право сомневаться, что Лев Николаевич на момент написания «Соединения...» не смог бы дополнить «гимназический

курс»? Достаточно открыть этот труд Толстого и узреть единую структуру построения всех глав и параграфов книги: сначала идет канонический текст стиха одного из евангелий на древнегреческом, под которым слева расположен <опять же канонический> перевод стиха на русский язык, а в параллель справа Толстой приводит свое толкование-перевод. Понятно, что здесь он с «греческим не блефовал»... Хотя и был в молодости отчаянным игроком в карты.

...Но бойкие и настырные литературоведы не сдаются, тотчас перескакивая к «вторичности» замысла Толстого о новом прочтении Четвероевангелия и соединении оных. Ничего нового под луной нет, в том числе в исторической традиции. Да и в любых других. Проживая достаточное время в Туле, где до недавнего времени все дышало традициями оружейного мастерства, сам проработав четверть века в «оборонке», хорошо знаю, что новые виды огнестрельного личного оружия не изобретают каждый раз заново и с «нуля», но лишь продолжают не то что отечественную, но чаще – мировую традицию. Когда в молодые инженерные годы работал на одном предприятии с уже почтенным создателем знаменитого пистолета Макарова «ПМ», а сейчас заседаю в докторском диссертационном совете с его сыном и хорошим знакомцем Николаем Николаевичем, то всегда «держал в голове»: мало кто на первый взгляд отличит «ПМ» от личного оружия младших офицеров (у старших – «парабеллум») и унтер-офицеров Третьего рейха «вальтера». Кстати, в массе своей производившего на заводах «ЧКД» оккупированной Чехословакии... Все дело в дальнейшей модификации конструктором Макаровым: если «вальтер» в боевом сборе весь крепился на перпендикулярном оси пистолета штыре, то «ПМ» имел крепежным основанием весь остов оружия. Конечно, изменился и калибр.

А немецкий автомат «МП-42», который военное ведомство Рейха так и не успело запустить в серию? – Найдите в справочниках или в Интернете его фотографию и сравните с детищем знаменитого Калашникова, чей «АК-47» присутствует (или *уже* присутствовал?) на гербах и флагах аж пяти африкан-

ских государств? – Правильно, тогда еще сержант, не генерал, Калашников, взяв за основу трофейный опытный образец немецкого автомата, вводя <принципиально> новые газоотводную трубку и весь механизм перезаряжения, создал оружие второй половины XX века и начавшегося XXI века. «Непромокаемый автомат», как его называют солдаты уже почти семьдесят лет...

И когда встречаюсь с давним моим знакомцем Ярославом Стечкиным (Тула – город «маленький»), то как же держу в памяти, что почти легендарный пистолет Стечкина, не одно десятилетие в Советской Армии бывший личным оружием летчиков и танкистов, тоже не с нуля начался. Как, впрочем, и «ППШ», и еще далее вглубь времени винтовка Мосина, да и револьверы, что мастера-надомники в Чулковской слободе (застал еще по приезду в Тулу их древние домишки!) дотачивали и собирали (см. «Нравы Растеряевой улицы»).

...Извиняюсь вдругорядь, что отвлекся на «темы оружейные», явно не гармонирующие с убеждениями Толстого... впрочем, не забудем его участие в Крымской войне, его Четвертый бастион, его «Севастопольские рассказы». Но именно человек, прошедший через горнило войны – в Крыму и на Кавказе, – смог обосновать свое, новое моральное учение, воследующее Христовой морали.

Сам же Толстой ни в коей мере не претендует на «первоавторство» соединения евангелий. В завершении предисловия к «Соединению...» он пишет: *«Попыток соединения Евангелий в одно было много, но те все, которые я знаю, – Arnolde, de Vence, Фаррара, Рейса, Грегулевича, – все они берут исторические основы соединения, и все они безуспешны. Ни одно не лучше другого в смысле историческом, и все одинаково удовлетворительны в смысле учения. Я оставляю совершенно в стороне историческое значение и соединяю по смыслу учения. Соединение Евангелий на этом основании имеет ту выгоду, что учение истинное представляет как бы круг, которого все части одинаково определяют значение друг друга и для изучения которого без-*

различно начинание изучения с одного или другого места. Изучая таким образом Евангелие, в которых с учением так тесно связаны исторические события жизни Христа, для меня историческая последовательность оказалась совершенно безразличною, и для последовательности исторических событий мне было все равно избрать за основу тот или иной другой свод Евангелий» (С. 19).

Более того, Толстой не претендует даже на общее структурное построение соединения, прямо указывая: *«Я избрал два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всех предшественников (выд. нами. – А.Я.): Грегулевича и Рейса. Но так как Рейс отделил от синоптиков Иоанна (ввиду того, что Евангелие от Иоанна является исключительно богословским и часто в религиоведении, точнее – в экзегетике, рассматривается отдельно. – А.Я. в переложении выше цитаты сказанного Толстым), то для меня был удобнее свод Грегулевича, и я его взял за основу своей работы, сличал его с Рейсом и отступал от обоих, когда смысл того требовал» (С. 19).*

◆ Еще следует учитывать, что исследуя и соединяя Четвероевангелие, Толстой изначально не полагал свою работу как публично читаемую. В комментариях к «Соединению...» Н.Н. Гусев пишет: *«В 1879 г. Толстой пишет для себя самого, без мысли о печатании, работу, в которой излагает историю своих религиозных исканий. В этом сочинении, автором не озаглавленном и начинающемся словами: «Я вырос, состарелся и оглянулся на свою жизнь», он рассказывает о своем душевном состоянии, о своем отчаянии, о поисках спасения в церковной вере. Далее он подвергает критическому разбору основы церковной догматики (см. в т. 23 ЮБПСС «Исследование догматического богословия». – А.Я.) и отвергает их как противоречащие требованиям разума. Затем он излагает все четыре Евангелия – те места их, которые представлялись для него имеющими понятное поучительное значение» (С. 973).*

Но в итоге Толстой заново переделывает ранее им написанное, пересказывая евангельские тексты самым простым, общепонятным народным язы-

ком. Но при этом дополняет этот текст подробнейшими толкованиями смысла и значения каждого использованного места из Четвероевангелия. То есть если собственно его изложение Евангелия в т. 24 ЮБПСС содержит 124 страницы, то полный текст «Соединения...» с его комментариями занимает 780 страниц (!)

Н.Н. Гусев подчеркивает моральную доминанту в евангельских исследованиях Толстого: *«Отвергнув те толкования Евангелия, которые давала церковь, Толстой потерял доверие и к точности переводов Евангелий, сделанных церковью. Он стал заново переводить все те места Евангелий (с древнегреческого, как отмечает Н.Н. Гусев – вот вам и ответ на вопрос: знал ли этот язык Толстой? – А.Я.), которые, по его мнению, касались вопросов морали (выд. нами. – А.Я.), стараясь понять их, руководствуясь общим смыслом всего учения. При этом особенное внимание он обращал на варианты евангельских текстов, ища в этих вариантах подтверждения того смысла отдельных мест, который представлялся ему наиболее соответствующим общему духу христианского учения»* (С. 974).

Итак, «Соединение...» как в полном <исследовательском>, так и в собственно изложении Евангелия Толстым, содержит двенадцать глав, введение и заключение. Перечислим их, как они значатся в изложении Толстого: «Разумение жизни», «Сын бога», «Бог – дух», «Начало разумения», «Царство бога», «Истинная жизнь», «Ложная жизнь», «Я и отец – одно», «Жизнь не во времени», «Соблазны», «Борьба с соблазнами», «Прощальная беседа», «Победа духа над плотью», «Первое послание Иоанна Богослова» (заключение). В полном тексте «Соединения...» главы, носящие более пространные названия, подразделяются на несколько – до десяти и более в отдельных главах – именованных параграфов, созвучных текстам Четвероевангелия.

Вот как, к примеру, Толстой интерпретирует в своем переводе ключевое место из беседы Иисуса с фарисеями – из главы седьмой «Доказательства истинности учения» полного текста «Соединения...» За первооснову он берет греческий текст из Евангелия от Иоанна (Ин. VII, ст. 16–18) и его церковный

перевод: *«Иисус, отвечая им, сказал: Мое учение – не мое, но пославшего меня. Кто хочет творить волю его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или я сам от себя говорю. Говорящий сам от себя ищет славы себе, а кто ищет славы пославшему его, тот истинен, и нет неправды в нем»* (С. 440).

Перевод (интерпретация) Толстого: *«Отвечал на это Иисус и сказал: мое учение не мое, но того, кто послал меня. Тот, кто захочет делать его волю, тот узнает об учении, что оно от Бога, или я сам от себя говорю. Тот, кто сам от себя говорит, тот рассуждает о том, что ему одному кажется; тот же, кто рассуждает о том, что кажется пославшему его, тот прав и неверности нет в нем»* (С. 440).

Из простого <семантического> сопоставления канонического и Толстовского переводов трехстишия седьмой главы Евангелия от Иоанна видно, что Толстой упрощает до большей понятности язык изложения, но не упрощает евангельскую мысль. Более того, он в доступной любому человеку речи в определенном смысле *выкристаллизовывает* сущность беседы Христа с фарисеями, касающуюся первоосновы христианского морального учения: это не мнение Христа, но божественное откровение, то есть при сведении теологической терминологии к светской этической – первооснова морали учения Христа суть довление естественного морального закона, что Иммануил Кант – с позиции метафизики – назвал практическим разумом. В отличии от его же <абстрактного> чистого разума...

Также необходимо помнить об уже сказанном выше: в отличии от других трех евангелий, Евангелие от Иоанна по преимуществу и исключительно богословское, а значит перевод его – полностью и отдельных частей, мест – на понятный язык требует особой, в том числе филологической, четкости. Потому Толстой в примечании к приведенному выше переводу трехстишия Ин. VII, ст. 16–18 особо оговаривает в части этой четкости: *«Ζητεῖν до сих пор употреблялось писателем и имеет значение и с к а т ь , с т а р а т ь с я (здесь и далее выд. Толстым. – А.Я.), но теперь оно в первый раз употребляется*

Иисусом и не может быть переведено словом искать: искать славы, искать суждения – нельзя. Ζητεῖν здесь значит рассуждать» (С. 440).

...Само собой разумеется, что вопрос о языке, на котором Христос говорил с теми же фарисеями – арамейском или древнегреческом койне, – здесь сугубо вторичен. Ибо Иоанн-то писал свое Евангелие на греческом – см. выше. И к этому языку *ipso facto* Толстой и привязывает перевод и тонкости его толкования...

И еще существенный момент: все евангелия и другие тексты Нового Завета написаны языком *иносказательным*. Это, конечно, не нарочитое «запутывание» якобы для непосвященных. Нет, просто в те далекие от нас времена семантика языка только переходила от мифологической образности «детства» мышления человека к тем строгим смысловым конструкциям, к которым мы сейчас привычны. То есть в семантику еще не вошла логическая выверенность. Прекрасно понимая это, Толстой старается добиваться доминирования в своем переводе этой выверенности, что давно стала уже нормой понятийного языка. Иначе для чего нужен новый перевод?

В тех же примечаниях к переводу мест Евангелия от Иоанна, относящихся к беседе Иисуса с фарисеями, Толстой прямо указывает на неточности церковного, канонического перевода, искажающего исходные мысли Христа: *«Для понимания бесед Иоанна необходимо помнить, что Иисус этими беседами подтверждает, доказывает, объясняет то, что сказано в беседе с Никодимом (см. Четвероевангелие. – А.Я.), а не излагает никакого положительного учения. Роковое и печальное заблуждение церкви (выд. нами. – А.Я.) состоит в том, что она в этих словах хочет видеть положительное учение. Учения нового никакого здесь нет, а есть подтверждение прежнего, выраженного особенно в беседе с Никодимом. Только помня это, станет ясно, почему, по Иоанну, речи Иисуса, не имеющие ничего такого противного для иудеев, возбуждают их гнев. Надо помнить, что повод каждой беседы Иисуса с евреями есть отрицание богопочитания евреев и всего*

закона Моисея. Каждая беседа затевается с того, что они спрашивают его доказательств законности его отрицания» (С. 441–442).

...Кстати говоря, всякий – хотя бы в общих чертах – знакомый с «методологией» Талмуда в толковании закона Моисея, тотчас уловит в последнем предложении цитирования Толстого соответствующие мотивы. ...И не потому что Лев Николаевич, вне всякого сомнения с концептуальными моментами Талмуда был знаком, а по той причине, что он при исследовании Четвероевангелия четко уловил особенности времени <земной> жизни Христа и создания евангелий: начало перехода иудаизма от так называемой фарисейской фазы к талмудической. Что Толстой и подчеркивает не раз в примечаниях к переводу и других мест Четвероевангелия.

Это Толстой исследовал евангелия. Наша задача несоизмеримо проще: показать хотя бы основное направление в этих исследованиях. Но и это наш гений сконцентрировано сказал в своем введении «Разумение жизни» в начале собственно его изложения Евангелия. Прочтите, дорогой читатель, со вниманием. *«Евангелие есть возвещение о том, что начало всего не есть внешний Бог, как думают люди, но разумение жизни. И потому на место того, что люди называют Богом, по Евангелию становится разумение жизни.*

Без разумения нет жизни. Всякий человек жив только потому, что он имеет разумение. Те люди, которые не понимают этого и полагают началом жизни плоть, лишают себя истинной жизни. Те же, которые понимают, что они живы не плотью, а разумением, те имеют истинную жизнь. И эту-то истинную жизнь показал Иисус Христос. Признав истину о том, что жизнь человека происходит от разумения, он дал людям учение и образец жизни разумения во плоти.

Прежние вероучения выражались как закон о том, что нужно и не нужно делать для служения Богу. Учение же Иисуса Христа состоит в разумении жизни. Бога внешнего никто никогда не видел и не может знать, и потому служение Богу внешнему не может руководить жизнью. Только

признание основой всего, – разумения в себе, происшедшего от начала разумения, указывает путь жизни» (С. 816–817).

...Несколькими словами Толстой обозначил содержание своего морального Евангелия: *«Иисус замешался тайно в народе»* (С. 999). И ходит он незримый среди него и творит добро, «указывая путь жизни». А для тайности этой святой очень даже хорошо, что Евангелие Толстого не полощут надоедливые интерпретаторы, как, например, нынешние наши культуртрегеры от музыки Мельномены с двумя ее подружками из пантеона пластических искусств уже сводят творческий метод Станиславского, ни много ни мало, к фрейдистскому учению (!?) Как говорится, кто платит, тот и девушку танцуют...

♦ Как сейчас Станиславского пристегивают к фрейдизму, так и моральное учение Толстого, центром которого является его Евангелие, в разные времена – при царях, генсеках и президентах – полагали источником и основанием сектантства, антигосударственности, главное – антицерковности, поскольку Толстой прямо противопоставляет моральную религию духа, души официальной церкви-учреждению. Понятно, что это сильно раздражало Свщ. Синод. Вряд ли такое противопоставление одобряют последующие (восстановленные) патриархи Русской православной церкви, ныне объединившейся с зарубежной православной церковью, также не бывшей доселе в восторге от учения Толстого.

Здесь есть одна существенная тонкость вопроса. Лев Николаевич, не одобрявший церковь официальную, догматическую, словом церковь-учреждение, при этом не видел успешность приложения «на практике» своего учения и в иных формальных религиозных объединениях. Его девиз – самосовершенствование, познание и исполнение христианской, точнее – Христовой, морали в самом себе единичном человеке. Отсюда и его неприятие всякого рода сектантства. Если он принял самое активное участие в переселении духоборов в Канаду, то не в контексте правоты их (сектантской) религии, но исключительно как помощь в избавлении адептов этой секты от жестокого преследования царского режима, наущаемого в этом несправедном

деле иерархами государственной православной церкви. Точно также он порицал власть и госцерковь за ущемление прав, в том числе сугубо гражданских, русского староведчества.

Более того, в отличие от Христа-проповедника, Толстой являлся, как бы это политкорректно сказать... являлся «кабинетным» вероучителем Христианской морали в избранной и обоснованной им трактовке самоусовершенствования. Вот здесь он и попал в своего рода ловушку, связанную с возникновением в России всевозможных «толстовских обществ», то есть по сути своей морально-религиозных сект. И сам Толстой понимал, что в 1880–1900-е годы, когда смыслом и содержанием его творчества стали религиозно-философские, моральные в своей основе искания, Россия переживала резкий разлом: молох капитализма, скоренько перешедший (догнать и перегнать Европу – это задолго до сталинских пятилеток...) в самый оголтелый империализм, своими стальными челюстями перемалывал сугубо крестьянскую до того страну: общинную, патриархальную, генофенотипически православную, где церковь-учреждение как бы отдельно, параллельно сосуществовала с массовой народной первохристианской моралью. Это как мы сейчас и уже четверть века воочию наблюдает не менее болезненный разлом: переход от советского коллективизма с его «Моральным кодексом строителя коммунизма», то есть той же Нагорной проповедью Христа – заповедями блаженств Нового Завета, к искусственно насаждаемому мировым глобализмом (извините за скрытую тавтологию) пещерному капитализму с приоритетами общества потребления и атавизма гипертрофированного частнособственничества.

...Это мы все к тому, что как в нынешнем разломе, так и в годы, совпавшие с моральными исканиями Толстого, наблюдается как раз негативный коллапас этой самой морали. Прошлые и нынешние комбинаторы от сиюминутной денежной, властной и иной прибыли не брезгают ничем, спекулируя на казалось бы самых святых душевных чувствованиях. Вот Толстой и относился вполне настороженно к обществам под знаменами его моральных учений. Это и есть упомянутая выше ловушка: слишком много ушлых, зачастую

нечистоплотных людей пробовали «окормляться» вокруг толстовских объединений.

Здесь все проясняет характерный пример, который не сочтем излишним вставить в канву настоящего очерка.

...В доброй памяти советские времена, еще учась в Литературном институте, а потому много и целенаправленно читая, с интересом ознакомился со свежеезданной книгой – сборником воспоминаний современников Толстого о встречах с великим писателем, преимущественно приезжавших в Ясную Поляну. Запал в память один из эпизодов такого посещения усадьбы, но вот чьему перу он принадлежал? – Почему-то вспоминаются имена прославленных публицистов того времени Гиляровского и Власа Дорошевича... Но вполне возможно автором был и другой, даже из «первого ряда» литераторов. Главное, что книга была издана в советское время, а значит развесистой (ныне интернетовской!) клюквы не содержала. Доверительная, значит, книга. Чтобы не искать первоисточник и не докапываться в памяти, будем ниже автора воспоминаний называть рассказчиком – без обиды для <возможно> славной в русской литературе фамилии автора.

Рассказчик, приехав в Ясную Поляну, застал там группу «толстовцев» сплошь с окладистыми бородами, в посконно-домотканных рубахах, в пыльных сапогах – все атрибуты опрощенной одежды хозяина усадьбы в поздние годы его жизни и труда. Как раз к полуденному времени попал, потому и был зван Софьей Андреевной вместе с другими гостями в столовый зал на втором этаже толстовского дома. Похваливая скромность вегетарианского обеда, бородачи явно из вежливости прикасались к блюдам принятой в Ясной Поляне сервировки обширного стола. Старшина толстовцев все более словоохотливо рассказывал хозяину дома о трудах своей братии по изучению моральных трактатов Толстого и воплощение их в повседневную жизнь общины, спрашивал все новых и новых советов. Толстой, как человек непубличный, семейственный, любящий доверительное общение с интересными ему людьми, явно тяготился «допросами» бородачей, но вида не подавал.

Когда же он вознамерился облупить крутое яйцо, старшина, изобразив на незаросшей бородой части лица неудовольствие, упрекнул хозяина: «Что ж вы, Лев Николаевич? Ведь курочка за свое яичко обидится...» Смущенный Толстой отложил ежедневное в его рационе досадливое яйцо... которое в данном случае курицу решило учить...

Вскоре после постного обеда толстовцы с сияющими почти что ове ществленной святостью лицами, истово поблагодарив хозяина за гостеприимство, а главное – за возможность подышать одним воздухом с великим их учителем, отбыли из Ясной Поляны. Побеседовав с Толстым, рассказчик также покинул усадьбу, уехал в Тулу к вечернему московскому поезду. На вокзале, взяв билет на проходящий до столицы курьерский, рассказчик, чтобы скоротать оставшееся в ожидании время, зашел побаловаться чайком с тульским медовым пряником в вокзальный ресторан... Ах, этой столь памятной по советским годам (извините, есть повод отвлечься от темы) Московский вокзал, построенный во времена бума железнодорожного строительства в России последней трети XIX века! Истинный громадный дворец по ведомству Министерства путей сообщения: как императорского, так и советского; про нынешнее не интересовался: существует ли вообще теперь такое министерство? Вряд ли – какое-нибудь *ОАО* его заместило. А лучше – *ООО*...

Как мы, молодые инженеры, а чуток попозже и начинающие «инженеры душ человеческих», любили посещать в табельные, то есть предпраздничные, дни великолепный вокзальный ресторан с огромной высоты потолком с лепниной и люстрой, с двусветными окнами, колоннами дорического ордера, с двустворчатыми входными – из зала ожидания и прямо с перрона – настоящими дубовыми... не дверями, но дверями! Главное, что не изменились со времен двух последних Александров-императоров, не говоря уже о втором Николае, ни внешний вид мундира с галунами у швейцара, ни качество кухонных явств. Прости нас, Лев Николаевич, что в очерке о твоём моральном вероучении и самосовершенствовании мы уже второй раз упоминаем про вкушение явно скромной пищи. Но опять же яснополянского гения

вспомнили к слову. Мы почти осязаемо ощущали, что, может быть, сидим в ожидании заказа в том самом месте ресторанного зала, где за сто без малого лет тому назад сметливый и ловкий в движениях половой-татарин с почтением обслуживал самого Толстого, Тургенева... всех великих имен и не перечислишь. А подзабыл – выйди через перронную дверь и на внешней стороне вокзальной стены в метровой ширины добротной кладки на памятных табличках прочтешь: кого и когда здесь встречал Лев Николаевич, кто сходил с поезда, посещая Тулу. Люди тогда путешествовали неторопко, совмещали полезное с приятным, а тут тебе и гостеприимно приоткрытая швейцаром ресторанная дверь! А Бунин, не раз коротавший часы на этом вокзале, пересеживаясь с московского поезда на другой, увозивший будущего первого «нобелиста» от русской литературы (не считая Генрика Сенкевича, тоже подданного русского императора...) в его воронежское имение, и вовсе заставил принять судьбоносное и печальное по последствиям решение героя рассказа «Натали» из цикла «Темных аллея» именно на тульском вокзале в ожидании такой же пересадки. Оба они – автор и его персонаж – явно в часы ожидания не манкировали двусветным ресторанным залом...

Однако же dokonчим эпизод с давешними посетителями Ясной Поляны. Рассказчик, заказав половому пару чая с пряничной прикуской, в рассеянии оглядывал собравшуюся в зале публику. Знакомый рассудительно-вальяжный голос за спиной привлек его внимание: через стол от него плотно сидели давешние «толстовцы», резко оттеняя своими посконно-домотканными рубахами крахмальную белоснежную скатерть, густо уставленную по столешнице дымящейся скоромной едой. Бородачи с увлечением работали столовыми приборами, заедая малоаппетитный обед у своего учителя и наставника. Старшина же артели, с чувством введя в организм стопку водки «со слезой» и приступив с нескрываемой жадностью хорошо потрудившегося работника к солидному, в две трети тарелки бифштексу с восторженной корочкой хорошей прожарки, щедро окропленной сарептской горчицей, дал отмашку самому молодому из ватаги: дескать, разливай по следу-

ющей! Утолив первый священный голод, старшина утерся крахмаленной же салфеткой и все также рассудительно, явно продолжая прерванную вкушением блюд беседу, изрек: «Да-а, великого ума и благочестия человек – наш Лев Николаевич. Но уж слишком суров и жесток в мирских делах, прости нас, господи!

...Истинно, говоря библейским языком, делая хорошие, богоугодные дела, не знаешь куда повернут следующие за тобой малоразумные овцы.

◆ Не знаю как прошел праздник ведьм «великий шабаш» на родине этого сомнительного увеселения на Брокене в горах немецкого Гарца, но у нас в Центральной России Вальпургиева ночь – на первое мая – удалась в этом году на славу: весь вечер накануне грохотали громы и молнии сверкали – первые за весну; дождь сменялся откровенным ливнем, далеко за полночь сполохи непрерывно озаряли горизонт набрякшего свинцовыми тучами неба. Повеселились же ведьмы отечественного рóзлива! И ведьмаки при них разумеется. Но вот встало на дневную *трудовую* вахту солнце, которое, наверное вспомнив радостный советский Первомай, преподнесло чистейшее небо, безветрие и комфортное тепло: гуляй, дескать, народ не хочу!

А на главном канале <государственного> радио затеяла ежеутреннюю двухчасовую передачу веселая парочка, баран да ярочка – по Далю. Вдоволь поехидничав над прежним названием праздника, это где про солидарность и трудящихся, парочка уже не смогла остановиться в выбранном наклонении – актуальном и грамматическом сослагательном одновременно. Иначе почему бы в «День весны и труда» темой они избрали... грядущую всемирную жизнь без оно́го, то есть без труда? Рассказали про тенденции в этой части в странах Евросоюза, в частности, про финский эксперимент, когда выборке в пару тысяч человек положили оклад в 560 €/месяц, так называемый «базовый безусловный доход», и предложили: хочешь работой, хочешь на евротиване, отслеживающем удобную для постояльца форму, круглосуточно лежи – все одно тебе ежемесячно на карточку эти еврики будут перечислять.

Разохотившись, сладкая радиопарочка и данные уже в России состоявшегося выборочного опроса по Интернету привела: две трети опрошенных хотели бы ничего не делать, но чтобы этот «базовый и безусловный» регулярно поступал на их <патриотические> карточки «Мир». И радиоведущим посыпались интерактивные предложения в эфир – в основном всех интересовала сумма этого <сослагательного> «базового и безусловного»: народ желал его видеть и осязать в суммах от скромных десяти тысяч, рублей конечно, до заманчивых «ста тонн». Словом, козыряй и бери выше!

И даже своего мудрого кота я заподозрил в союзнничестве с «сослагательными» ордами бездельников: показалось, что внимательно смотрит своими немигающими глазами на кухонную радиоточку, делает всякие мыслительные упражнения на морде лица, словно подсчитывая свой «базовый и безусловный»: в день сто граммов сырой куриной печени, обваренной кипятком, два пакетика психотропного «вискаса», что-то еще мясного по мелочи и пшенной каши, сваренной все с той же печенькой, – от пуза.

...Язвить в наше славное время всепоглощающей глобализации и умозамещения* можно без конца, ибо мы уже живем в предельно искривленном Зазеркалье. И что совсем недавно воспринималось как юмор, сатира, гротеск, то сейчас есть *норма* бытия, не вызывающая никаких эмоций. Кстати, по той же самой причине полностью вышел из обихода анекдот. На этой антитезе вспомните 60–80-е годы с обилием этого живого фольклора! Если у того же Пушкина отвращение к труду вызывало полнейшее осуждение – например, он говорит об Александре Первом «плешивый щеголь, враг труда» (наброски к продолжению «Евгения Онегина»), – а у Толстого прямое обличительное негодование, то сейчас это есть все та же *норма*. То есть труд, как основное содержание жизни по морали Толстого, сейчас стал ветхозаветным <Адамовым> проклятьем.

* Пространное разъяснение этого нашего нового слова, чем мы гордимся не менее, чем Достоевский своим «затушевать», см. в книге: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении / Предисл. Л.В. Ханбекова.– М.: «Московский Парнас», 2017.– 343 с. (В электронном виде – на сайте www.pz.tula.ru; раздел «Библиотека журнала «Приокские зори»).

Отсюда и закономерный вопрос: зачем и для кого Толстой создавал свое Евангелие? Особенно имея в виду историческую параллель: Матфей, Марк, Лука, Иоанн, а также авторы апокрифических евангелий, чьи папирусы были обнаружены в пещере у Наг-Хаммади, – у них была конкретная и четкая цель: собирание под знаменем Христова учения людей, их массы, целые народы, желательно – весь известный тогда мир, что им почти и удалось. Более сложно однозначно определить движущие мотивы предшественников Льва Толстого в части Соединения и исследования Четвероевангелия (их имена названы выше), в основном, ученых немцев и французов. У некоторых из них общий объем работы достигает 10...20 томов (!?) Но на то они и «сумрачный германский гений» и «острый галльский ум», чтобы в своих исследованиях дотошно выявить истину, представляющуюся им как *point sur les «i»* (поставить точку над «i», фр.), полагая, что их часть работы («мануфактурный принцип» у Маркса, чье 200-летие мы в этом году отмечаем) выполнена на «отлично», а плодами их трудов пусть пользуется каждый кто пожелает по своему усмотрению.

...Опять же, вполне возможно и совсем не к месту (пришел поручик Ржевский и все испортил...), вспомнился один рассказ ныне совсем забытого, но замечательного довоенного советского писателя Овадия (даже в советских грамотных изданиях его имя иногда ставили ошибочно – Овидий) Савича. Герой этого повествования ученый немец полжизни потратил на создание словаря русских нецензурных слов и выражений (известно, что лучшие словари русского языка в XIX – первой половине XX вв. создавали немцы*...), имея целью после издания которого занять кафедру русистики-славистики в приличном германском университете. Все одно пример к сказанному выше.

Нам представляется, что в части создания религиозно-философских трактатов, вершиной чего является Евангелие Толстого, можно воспользо-

* Имеются в виду специализированные словари. Так, например, четырехтомный этимологический словарь Фасмера по сию пору считается лучшим из когда-либо созданных по этой филологической отрасли... хотя бы (это наше сугубо личное мнение) он и содержит немалое число не вполне доверительных толкований этимологии (происхождения в семантической восприимчивости) как чисто русских, так и заимствованных слов.

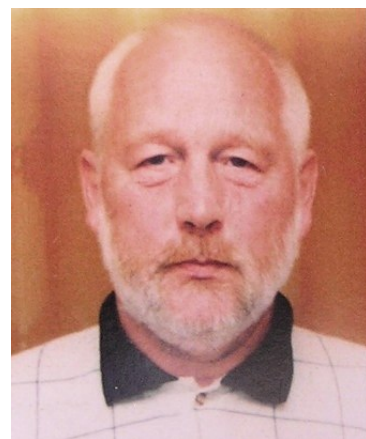
ваться – хотя речь идет о совершенно ином – объяснением героя знаменитого романа Германа Гессе «Игра в бисер» Магистра Игры Йозефа Кнехта предстоятелю Верховной Коллегии Касталийского Ордена магистру Александру: «Моя жизнь ... должна стать преступанием пределов, непрерывным восхождением с низшей ступени на высшую, я должен преодолевать и оставлять за собой одно пространство за другим, как музыка раскрывает, проигрывает и завершает одну тему за другой, один темп за другим, не утомляясь, не смыкая глаз, всегда бодрствуя, всегда начеку. Благодаря моим «пробуждениям» я наблюдал, что такие ступени и пространства действительно существуют и что в конце определенного отрезка жизни каждый раз появляется оттенок увядания, желания смерти, но потом все меняется, подходишь к новому пробуждению, новому началу».

Так Кнехт объясняет предстоятелю причину своего ухода из Ордена. А о чем думал, уходя из Ясной Поляны, последний евангелист христианской эры? – Не эта ли Кнехтова *transcendere* – постоянное преступание пределов в творчестве, проповеди добра и самосовершенствования двигали им в этот последний перелом, завершая последний кризисный момент в его жизни... Перед Богом Толстой предстал со своим Евангелием.

Алексей Яшин

(г. Тула)

**ПУШКИН И ТОЛСТОЙ:
ГОСУДАРСТВЕННИК И ПРОРОК**

Яшин Алексей Афанасьевич — главный редактор ордена Г. Р. Державина Всероссийского литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных и научных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора.

В текущем и следующем годах мы отмечаем два «некруглых» юбилея: 190-летие со дня рождения Л. Н. Толстого и 220-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Такие даты заслуживают присутствия на страницах отечественной литературной периодики. Поскольку же сейчас тема государственности и патриотизма не сходит со страниц литературной и иной публицистики, то сам Бог велел отметить и «промежуточный» юбилей, что называется, «между Пушкиным и Толстым, акцентировать внимание на доминантах их литературных характеров. Итак, Пушкин и Толстой, гении русской литературы: государственный и пророк.

Понятно, что в окрепшую уже нынешнюю эпоху глобализма, когда непричастный к высокой политике народ видит только самую верхушку айсберга, а поведение его подводного массива загодя просчитывается на мегакомпьютерах соответствующих штаб-квартир и центров, понятия государственности и патриотизма заметно смещены от традиционного их смысла.

Самодостаточно мыслящий человек сам до всего своим умом дойдет, а для масс-медиа (это не о СМИ, а о народе) достаточно восторга и хоть какого-то отвлечения от серых будней. Но ведь и это свежий ветер! И это хорошо! И это дает нам полное право означенную тему рассмотреть в ретроспективе идеологии творчества двух гениев русской литературы.

Поэт-государственник (произведение, которое не изучают в школе).

Казалось бы, что в школе — за нынешнюю не ручаюсь, но в советской самоочевидно — творчество Пушкина изучали основательно во все времена и эпохи, за исключением коротких лет управления образованием А. В. Луначарского с его РАПП'ом (то есть во времена Троцкого), когда Пушкина «сбросили с корабля истории». Стихи, поэмы, проза, художественная публицистика — все это нам давали в школе в достаточной степени полноты; даже шутейно-антиклерикальную «Гаврилиаду» любознательные старшеклассники читали. Не в школьной хрестоматии, конечно. Понятно, определенная тенденциозность наблюдалась, точнее — соблюдалась. Памятуя партийно-педагогические методики преподавания литературы, учителя-словесники как-то невнятно объясняли смысл патриотических стихов Александра Сергеевича:

Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас?

Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного Кремля

До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет Русская земля?

Упор все более делался на интернационализм, а по Пушкину выходило, как назло, что врагами России, русской государственной идеи в XIX веке яв-

лялись нации и народности, ныне (речь идет, понятно, о советском периоде истории) образующие государства соцлагеря и братскую семью советских народов...

Не дай, Бог, осуждать ранее и сейчас наших добрых учителей за их следование партийно-педагогическим методикам. Сами эти методики были выверены и соотнесены с гибкой политикой руководства СССР, требовавшей сочетания в воспитании советских людей традиций государственности и идеи интернационализма. Правда, последняя трактовалась по троцкистскому образу, ибо в своей многотрудной деятельности И. В. Сталин так и не успел, точнее — ему не дали успеть, привести эту идею в соподчинение и соответствие базовой, стержневой идеи доминирующей государственности. И, хотя не это явилось основной причиной разрушения русско-советской империи, но очень и очень способствовало трагедии страны, превращению ее в краткий срок в... понятно, что. Но вернемся к А. С. Пушкину.

Единственным произведением Пушкина, если не замалчиваемым, то уж во всяком случае «умалчиваемым» и ранее, и ныне, и присно, является «Путешествие из Москвы в Петербург» с приложением очерка «Александр Радищев», написанное им незадолго (в апреле 1836 г.) до гибели. Написанный как художественно-публицистическая антитеза радищевскому «Путешествию из Петербурга в Москву», очерк Пушкина представляет отображение гражданской позиции поэта. Но почему эта небольшая по размеру прозаическая вещь, повествующая о поездке некоего путешественника, живущего безвыездно в Москве, не бывавшего в Петербурге лет пятнадцать и решившего-таки навестить северную столицу, стоит как бы особняком в официальном пушкиноведении? Более того, при не столь частой публикации «Путешествия», например, в книге «Избранное» А. Пушкина в серии «Библиотека русской художественной публицистики» (М., «Советская Россия», 1980), в «идеологическом» предисловии обязательно развивается мотив, что-де «социальные и нравственные идеи в «Путешествии из Москвы в Петербург» значительны и во многих случаях близки радищевским»; «...эта мистифика-

ция понадобилась для того, чтобы ввести нелестные для Радищева замечания, без которых нельзя было рассчитывать на публикацию очерка, и в то же время дать понять читателю, что подлинный автор так не думает» и пр.

Что здесь правда, а что есть идеологическое лукавство и литературный эвфемизм? Попробуем ответить.

В соответствии все с той же гибкой политикой идеологии в СССР, отображение последней в литературе, равно как в искусстве и культуре вообще, выражалось в некоторой, достаточно строго выдерживаемой «табели о рангах». Опять же, подчеркнем это, при некоторой искусственности, прямолинейности и исторической неправомерности такой подход был объективно полезен и гармонировал с государственной сверхзадачей.

Согласно этой табели, фигура А. Н. Радищева трактовалась как прогрессивная, предтеча декабристов, которые разбудили... далее хорошо известно. А его «Путешествие из Петербурга в Москву» однозначно признавалось произведением великим, литературно высококачественным, идейно опередившим свое время на многие десятилетия вперед. Понятно, что все эти оценки были ориентированы на либерализм и революционный демократизм, как прогрессирующую доминанту в историческом развитии России, начиная едва ли не со времен Золотой Орды... Поэтому пушкинское «Путешествие» в обратную по отношению к радищевскому (и по направлению пути следования, и по оценкам российского бытия) сторону никак не вписывалось в уложения табеля. Более того, щекотливость ситуации усугублялась и положением самого Пушкина в этой табели: как величайшего русского поэта, известного вольнодумца, почти декабриста и пр. Поэтому диалектический подход — отрицание отрицания — здесь явно не подходил. Соломоново же решение — сделать вид, что «Путешествие» Пушкина, конечно, произведение прогрессивное, но популяризировать его ни к чему — устраивало всех. На том *point sur les «i»* и была поставлена.

В чем же публицистическая, идеологическая разница между двумя «Путешествиями»? Полагаем, что основной контингент наших читателей учился

в советской школе и содержание книги А. Н. Радищева помнит если не текстуально, то по нравственно-этической и политической направленности. Дабы не превращать эссе в литературоведческий трактат, ограничимся несколькими, наиболее сопоставительными тезисами (А. Н. Радищев) и антитезисами (А. С. Пушкин).

С самого начала очерка Пушкин отмечает, что некогда нашумевшая книга «потеряла свою заманчивость», прошумела скоро и была забыта; говоря современным языком, уподобилась диссидентскому бестселлеру...

Сопоставляя две российские столицы, Пушкин отмечает те значительные изменения, что произошли с ними со времен радищевских. Памятуя о том, что Радищев как прочитал в юные годы рассудочную философию Гельвеция, так и остался на всю жизнь ее поклонником-неофитом, Пушкин пишет в данном контексте: *«Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее, влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествующего поколения!»* (Здесь явная указка на декабристов).

Радищев заканчивает свою книгу словом о Ломоносове. Пушкин отмечает, что слово это по намерениям не совсем похвально: *«Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе русского Пиндара. Дстойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властью, на которую напал с такой безумной дерзостью». Радищев все внимание (а это 30 страниц текста!) сосредоточил на Ломоносове-поэте, риторе и грамматике, то есть на тех сферах деятельности русского гения, где, говоря словами Пушкина, «его влияние на словесность было вредное и до сих пор в*

ней отзывается...» и т.п. А Пушкин, проводя в тексте очерка пространные выписки из рапорта Ломоносова графу Шувалову за 1751—56 гг., доказывает, что Ломоносов есть, прежде всего, естественник, подвижник науки и государственник в области отечественного просвещения. Этого-то «не заметил» Радищев.

Особенно резко возражает поэт Радищеву в части пресловутого и ныне питающего отечественных и зарубежных ненавистников России вопроса о «рабском начале» русского характера, о «невыносимых» условиях жизни и труда русского простолюдина — вечно живая тема диссидентствующих! Пушкин сравнивает положение русского крестьянина и ремесленника с земледельцами французскими и рабочими английских мануфактур далеко не в пользу последних. А что касается «рабского начала», то: *«Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского уничижения в его поступи и речи? О его сметливости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны... В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища... Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности»*. И так далее.

Серьезные возражения Пушкин обосновывает и в главах «Слепой», «Рекрутство», «О цензуре», «Этикет» и «Шлюзы». Заканчивая очерк кратким описанием жизни Радищева, поэт резюмирует свое мнение: *«Какую цель имел Радищев? Чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностью и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви»*.

Такими проникновенными и гениальными в своей краткости словами заканчивает Пушкин свой очерк. Сказать, что Радищев — западник, а Пушкин более тяготеет к отстаиванию самобытности пути России в сонме европейских народов и государств, значит мало чего сказать. Символично, что «путешествия» их антипараллельны; Радищев едет в истинную, историческую русскую столицу из столицы-призрака, олицетворяющей западническое начало в новейшей жизни государства. Это не подходит под само определение путешествия; путешествуют — это когда из дома на время уезжают в чужие края... А вот Пушкин истинно путешествует: из «домашней» столицы во временную.

И так во всем у них разнится. Радищева с полным правом можно уподобить иному диссидентствующему советских времен, который (как Радищев в Германии со чтением случайного Гельвеция) побывал в «европах», упал в обморок при виде 3000 сортов колбасы — теперь мы знаем, что она синтетическая, — а вернувшись в «эту страну», начал хулить ее с надеждой получить выездную визу... Радищев, представленный своим «Путешествием», есть духовный предтеча и прообраз масонов-западников-декабристов.

Конечно, молодой Пушкин — на то и молодость, чтобы следовать порыву сердца, но не ума! — мог произнести приписываемые ему слова ответа на вопрос Николая I о его возможном участии в мятеже. Но мудрый царь уже тогда видел в поэте государственника и не ошибся в нем, как и вообще редко ошибался в людях и делах (лишь подлости Европы не оценил).

И напрасно наше каноническое литературоведение винит Николая Павловича в гибели поэта, годовщину которого мы отмечаем каждый год. Пушкина, поэта-государственника, для которого не было истины без любви, погубили те, для которых Россия была очередной страной пребывания (где лучше, там и родина!). Не существенно, что погиб поэт от руки этнического чужестранца — «не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал!» Не он, так другой, из своих, числом всегда многих, прилепившихся к трону... Главное — кто и за что наводил казнящую неправую руку. Казнили

подло, не открытым судом, но спровоцированной дуэлью величайшего русского поэта, который своей музой служил государству, служил и царю, но не как персонифицированной личности, а именно как воплощению государственной, национальной идее.

Вот и получается, что небольшой очерк, который не изучают в школе, относимый литературоведами-пушкинистами к второстепенным упражнениям поэта в публицистическом жанре, не так-то и прост. Это серьезная полемика, как ни в каких других, намного более известных произведениях Пушкина, открывающая в нем человека государственного мышления и души патриота.

*И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что вслед Радищеву восславил я свободу
 И милость к падшим призывал.*

А. С. Пушкин

...Будем всегда помнить Радищева. Но еще более — Пушкина.

...Ваш покорный слуга и ранее писал об «антитезе» Пушкина — Радищева. Даже появлялись неодобрительные отзывы на сей счет. Но вот что самое интересное: антитеза-то здесь вовсе и не требовалась, ибо авторы откликов и нашего очерка практически с одинаковых позиций трактуют роль Радищева в русской литературной и политической истории, одинаково подчеркивают повышенное и постоянное внимание нашего великого поэта к великому же свободолюбцу. Замечания автора, что-де в очерке ругаются советские школьные методики преподавания литературы и вовсе не выдерживают критики: в очерке как раз утверждается, что эти методики были совершенны для своего времени и своей страны, то есть СССР.

Может быть поэтому, чувствуя, что пресловутая антитеза как-то вяло гаснет, опытные в своем деле журналисты сразу же после вступления переходят, анализируя дилемму Пушкин — Радищев, к более общим категориям,

вовсе и не имеющим отношения к содержанию нашего очерка, то есть рассматривают современный «бандитизм в литературе», заказную — от властей — критику и литературоведение и дают прочие, очень правильные, определения нынешнему развалу в литературе, синхронному общему развалу страны, государственности, этики и пр.

На этом примирительном тоне реплику «постфактум» можно было бы и закончить, но позвольте и мне еще раз коснуться темы Пушкина и Радищева, вскрыв некоторые лейтмотивы, побудившие авторов очерка и статей все же с несколько различных позиций — не идейных, конечно, но профессиональных, так сказать — подойти к столь важному для истории русской литературы вопросу.

Скажет — чем занялись? — наш читатель, поотвыкший в бедламе нынешней жизни и вообще-то читать что-либо, а об очередном вторнике — падении курса рубля, смене «по понедельникам» (при Ельцине) правительства и — без привязки к дням недели — бомбардировке американцами очередной же, еще не продавшейся им страны, узнающий из рупора дьявола — телевизика.

— Писали бы лучше о трагедии Сирии, что называется, на злобу дня!

С одной стороны верно, но вот как быть с Юбилеем Александра Сергеевича? Нас-то пока не бомбят, поэтому изустно и печатно надо вспомнить о юбилеях, а то неудобно как-то. Будут, будут и снова кого-то бомбить, не задержится. И вины Пушкина, автора «Клеветникам России», здесь не будет, а вот Радищев...

Вот здесь и выступают на первый план эти самые профессиональные позиции авторов: журналиста и писателя. Ведь не зря же, при некоторой внешней схожести занятий, им и названия дали разные, общаются с собратьями по профессии в разных творческих союзах, даже квалификацию они получают (хотя дело это очень условное) в разных вузах: на журфаках университетов и в Литинституте, соответственно. Но это все внешняя сторона, антураж. Различны же их творческие подходы. Журналист экспрессивен, профчутьем

находит интересную для масс-медиа тему и емко, выразительными средствами (аргументом и фактом, так сказать) отображает и развивает ее для органа оперативной информации. А от торопливости повседневной спешки анализ зачастую уступает место эмоциям. Это нравится широкой читательской среде. Писатель же все больше «бьет» на анализ, сводит тезы с антитезами, идет от частного к общему, формулирует в художественной форме выводы (не оргвыводы!). То есть различие между ними укладываются в написанные десятки строк, но они почти что фундаментальны.

Вот и в образовавшейся дискуссии об отношении Пушкина к Радищеву четко это вырисовывается. Не только в науке, но и в литературном творчестве любой объект или процесс можно рассматривать как в статике, так и в динамике. Первое есть срез события в какой-то временной момент; динамика же предполагает учет связи времен, в частности, отображение давно имевшего место на текущее время. «Журналистский» способ мышления — описание в статике; писательский же анализ заключается в учете многофакторной динамики. И этим все сказано.

Наши уважаемые оппоненты совершенно правильно для своего метода исследования пишут о роли Радищева для своего, то есть конкретного времени; роль его, как провозвестника антикрепостничества, трибуна свободы человека личной, исключительно велика. Благие намерения всегда похвальны. Это и привлекало Пушкина, самого свободолюбца; отсюда и его восторженное отношение к автору «Путешествия», однако... с одним, но все решающим уточнением, которое обходит в рамках своего метода наш журналист: это отношение характерно для молодого Пушкина, хотя в наше время как-то непривычно выделять период молодости в отношении человека, не прожившего и сорока лет... Зрелый же Пушкин, прошедший путь от либерального стихотворца, за злые эпиграммы и байронические, вольнолюбивые стихи сославшийся в Новороссию, до поэта-государственника («Клеветникам России»), оценивает роль Радищева именно с позиций наличия или от-

сутствия факторов гражданственности, патриотизма. Поэтому и появляется его «Путешествие», которое, учитывая сказанное выше, все же следует рассматривать уже как антитезу радищевской книге. То есть он не то чтобы поменял свое личное отношение, нет, до конца дней своих чтит первого русского бунтаря духа — нельзя не уважать человека безудержного риска! — но, и в этом отличие гения и провидца, он понимал, что любая свобода есть осознанная необходимость. По той же причине Пушкин столь быстро отошел от масонства, осознав его угрожающую миру опасность.

И Екатериной, сурово наказавшей вольнодумца, владели не столько оскорбленные чувства «первой помещицы России», но более государственные соображения. Она четко осознавала, что Радищев опасен не как критик крепостничества, но как вольный или невольный апологет масонства. Она тоже прошла путь от либеральной переписки с Вольтером до осознания грядущей из Франции опасности и де-факто запрещения масонских лож в России. Резюме: государственные умы, в отличие от остальных, пусть даже прекрасных душой людей, видят и оценивают последствия того или иного явления.

Более того, Пушкин в русской литературе далеко не одинок в эволюции от бунтаря до охранителя государственных устоев. Стоит только назвать имена Достоевского, Некрасова, Тургенева и все станет ясно. Ведь именно приговоренный к повешению молодой петрашевец Достоевский в своих «Дневниках писателя», которые — также — не «проходили» в школе ранее, а теперь и вовсе замалчивают, впервые обосновал геополитическую имперскую стратегию России и за сто двадцать лет наперед объяснил причину и движущие мотивы наблюдаемой ныне гибели империи. Поэтому не зря в литературном мире упорно ходят слухи о том, что названные выше три писателя в зрелом — творчески и политически — возрасте имели полковничьи чины по линии внешней (не внутренней!) разведки... «И вы, мундиры голубые». Вот вам и мундиры; кстати, а где хранил Федор Михайлович свой голубой мундир полковника жан-

дармерии?— Ведь тогда разведка шла по ее линии. И платил ли Тургенев долги мужа посредственной певички-француженки из личных или казенных денег?— Вот где настоящее золотое дно для журналистских расследований!

Так виноват ли Радищев в реальном наступлении эры Мирового правительства сил зла, сил Антихриста, виноват ли, говоря языком обывательским, в уже давней бомбардировке нашего последнего и естественного союзника — героической Сербии? Лично, как человек, чья жизнь отдалена от этих событий двумя веками, конечно, нет; это абсурд. Но как некоторая абстрактная единица, в совокупности со многими другими подрывавшая в литературной форме борьбы устои империи — безусловно да! Я уже зримо ощущаю трепетное перо уважаемого журналиста, который пишет очередную статью в развитие дискуссии под заголовком: «Радищев развязал войну на Балканах!..». Ибо империя, страна, этнос есть динамически развивающийся, самоорганизующийся механизм, который либо существует, либо не существует. А существует он положенные столетия или тысячелетия независимо от того, кто олицетворяет организующую государственность: поставленные ли ханским ярлыком князья, цари и императоры, красные вожди, генсеки или президенты. Основной же целью мирового масонства являлось, теперь уже сбылось, разрушение основных империй, тем более самодостаточных, автаркических, какой была Русская империя в зените ее могущества, то есть в период сталинского и послесталинского СССР. А бесконечные бомбежки Ирака и европейского государства, не говоря уже о нынешней Сирии, означают одно: дело, которому, не осознавая этого в исторической перспективе, служил Радищев и другие — имя им легион — победило, наступил час торжества Антихриста. Поэтому-то вслед за империями пришла горестная очередь и последней твердыни христианства — православия. Но не надо плохо думать о Радищеве-человеке, ибо не знал и не мог знать, что творил. Не дано было ему обрести ум государственника. Таких людей жалко: жизнь не сложилась, и хлопоты-то были по неправому делу. Как Радищев не понадобился уже либеральному (опять-таки поначалу) Александру I, так и наш современник, про-

тестант духа и разрушитель на литературном фронте, тоже человек искренний, не понадобился в наши дни людям и идее, которым он невольно служил, помогая ломать хребет советской империи. Понятно о ком речь идет... Бедные они, бедные, — беднее нас всех, нищих — но только кошельком.

Поэтому, дорогой мой оппонент-журналист, мы всегда будем помнить прекрасного душой человека, сердце которого сжималось от боли за ближнего своего, отчего в слепой благородной ярости начинал он грызть свое государство, но еще более мы помним Пушкина, рано повзрослевший ум которого осознал диалектическую категорию свободы как осознанной необходимости. — По Гегелю.

Цензуре долг свой заплачу

И журналистам на съеденье

Плоды трудов моих отдам...

«Евгений Онегин», гл. 1

Журналистская муза поэта. «Цель художества есть идеал, а не нравование», — незадолго до своей смерти написал Пушкин, имея в виду художественное творчество, не очерченное только строгими рамками поэзии, драматургии и художественной прозы. Такое расширительное толкование, его справедливость и правомочность поэт подтвердил всей своей творческой жизнью, начиная от чистой поэтической лирики, продолжая ее прозой, драматургией, публицистикой и журналистской деятельностью, восходя в «Маленьких трагедиях» до философских обобщений, в публицистике — до исторических умозаключений и глубокого, но художественного осознания глобальных закономерностей нравственности, этики, социальной морали.

Талантливый человек талантлив во всем, а в приложении к художнику слова это ассоциируется с полижанровостью его творчества. Пушкин здесь не то чтобы исключение, но наоборот — ярчайший пример. Конечно, определенную роль здесь играет основной, изначальный жанр, в котором работает художник; это уже особенности как самого психологического типа творца,

так и проявление некоторых общих закономерностей. В отношении последнего можно с определенной утвердительностью сказать, что лучшую прозу пишут поэты, но худшие стихи, или, по крайней мере, посредственные, сочиняют прозаики...

Столь же закономерен и тот реально наблюдаемый и подтверждаемый всей историей литературы факт, что редкий поэт в самом творческом своем расцвете не обращает свое перо к иным, «более прозаическим» формам художественного самовыражения. Так и Пушкин, в нашем понятии еще человек молодого возраста, то ли шутливо, но, скорее, и серьезно замечал, что-де стареет, к прозе тянет...

Был он в этом замечании искренен и последователен. Не чета многим и многим другим, явно рисующимся, посредственным талантам, но на многое претендующим... У всех нас еще на памяти быллой кумир «шестидесятников», что, явно подражая Пушкину, повсеградно и повсеекранно скандировал: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати!» Увы, и стихи он как-то скоро писать перестал, а к прозе (несколько посредственных киносценариев не в счет) так и не приступал; внося посильный, но весомый вклад в разрушение вскормившей его страны и литературы, убыл на «ПМЖ» в «свободные страны», где гарантирован ему честно заработанный кусок хлеба... то бишь гамбургер с чисбургером за 5 USD штука; а цена самому бывшему волнителю умов всего лишь в 6 с небольшим раз больше. Но — то другое, по Сеньке и шапка.

Вернемся к Пушкину, о коем стократ приятнее писать, нежели о рядовом ренегате, начавшем за здравие (Иосифа Виссарионовича), а кончившем за упокой Великой державы, созданной тем же Сталиным.

Не отстраняясь от высокой, но становящейся все более гражданской, философской лирики, поэт создает свой цикл трагедий от «Бориса Годунова» до «Сцен из рыцарских времен». Почти одновременно появляются образцы и поныне лучшей русской прозы, среди которых драгоценным соцветием выделяются «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Как бы

предчувствуя конец малых отпущенных ему лет, рука его торопится означить хотя бы начало многого задуманного: история, публицистика, жизнеописание, дневники... И именно в эти последние годы жизни поэта появляется и еще одна сторона энергичного его творчества; да, поэта посетила и журналистская муза, причем явилась она к нему не как нечто дополняющая, но как развивающая талант и гражданские устремления Александра Сергеевича.

«Мы все учились понемногу», а потому можем составить для себя мнение о роли журналистской работы для талантливого и разностороннего художника-гражданина. С позиций всеобщей испорченности нашего времени, однако, можно сходу насчитать с десятков прагматических «обоснований» такой роли, главные из которых суть самореклама, политическая или денежная выгода. Действительно, посмотрите на 99 % нынешних газет, еженедельников, пресловутых «толстухек», журналов? — Оптовый торговец подчинил себе лавочную сеть города, прошел в местную думу, так как же ему не основать свой орган печати — «Голос среднего класса»; конечно, патриотический и независимый... Группа, а может и единоличная пишущая сущность, берут под свой контроль журнал или газету и так далее. Глядишь и телевизионный бандит Вован откроет свою «Новую патриотическую». Но, повторимся, это наши времена и люди... тем более, бесталанные.

История же русской журналистики наглядно повествует об ином подходе наших великих писателей, поэтов, гуманистичеев и ученых, встававших во главе учрежденных ими изданий. Пожалуй, это чисто русская литературная традиция, когда известный и талантливый писатель в пору своей художественной зрелости начинал издавать журнал, и, как правило, издания эти становились для своего времени событием литературной жизни и преследовали цель именно художественного, гражданского идеала, но не нравочения, вновь возвращаясь к словам Пушкина. Здесь и «Почта духов» с произведениями Крылова, журналы Достоевского и Некрасова, «Голоса из России» и другие лондонские издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева; многое другое. Да и «Библиотека для чтения» Осипа Сенковского, как бы ее ни третировали ра-

дикалы разных времен и толков, кроме пользы ничего и не привнесла в отечественную литературную жизнь, действительно став общедоступной библиотекой России. И, конечно же, «Современник» Пушкина, ставший первым истинным литературным журналом в стране.

Роль Пушкина в становлении русской литературной периодики отмечена и символами последней: как в русском флоте существует традиция преемственности названий боевых кораблей, так и основанные Пушкиным «Литературная газета» и «Современник» имели и ныне имеют свои продолжения; другое дело, что позиции «ЛГ» и «Нашего современника» столь резко разошлись по самым животрепещущим вопросам, как литературного процесса, так и по гражданским позициям... но это уже не вина светоча русской поэзии. Хоть это-то на него не навешивай, а то получится как в слышанном некогда автором этих строк (на дворе год разгула демократии 90-ый) монологе своего сотрудника, человека пожившего и мыслящего здраво: «Купил вчера «Литературку», открыл, а на весь разворот заголовок: «Кто убил Пушкина?» Плюнул и читать не стал, понятно, кто убил — Сталин!»

Ну, это к слову, к нашей славной действительности и околотитулярной поденщине.

Еще в 1825 году в письме к П. А. Вяземскому Пушкин писал: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...» Только через пять лет он вместе с А. А. Дельвигом начал издавать «Литературную газету», которая незамедлительно стала, как сейчас говорят, писательским рупором литераторов пушкинского круга. Выходила она чуть больше года и прекратилась со смертью Дельвига, основного организатора столь хлопотного дела как регулярная газета.

Последующие пять лет Пушкина не оставляла мысль, что «литература не может не согреться» (из письма П. А. Плетневу), если начать издание альманаха, журнала или газеты с выраженной литературно-нравственной и гражданской позицией. В беседах и переписке с П. А. Плетневым и В. Ф. Одоевским Пушкин отработывал структуру и направление грядущего

издания, которые предугадывались в различных вариантах названия: «Арион», «Летописец», «Современный летописец политики, наук и литературы».

В самом начале 1836 года по отношению Бенкендорфа на письмо Пушкина журнал «Современник» был разрешен к изданию, но — как чисто литературный, то есть отвечал только литературно-критической установке пушкинской программы журнала.

Пушкин успел издать четыре тома журнала; остались материалы, которые он готовил для последующего тома уже в январе 1837 года. Какими же именами представлены изданные тома? — Это Гоголь с его знаменитой статьей «О движении журнальной литературы» с критикой «торгово-промышленного» направления в литературе и журналистике; с критическими статьями печатались Одоевский и Вяземский; этот же раздел «Современника» во многом поддерживал подготовкой критического материала сам Пушкин.

В поэтическом разделе журнала наиболее полно представлен пушкинский круг: Жуковский, Языков, Вяземский, Тютчев, Баратынский, Денис Давыдов. Самим Пушкиным впервые опубликованы его «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь», «Полководец» и пр. Художественная проза вышедших томов «Современника» по преимуществу принадлежала Гоголю и Пушкину; так здесь была опубликована «Капитанская дочка». Листая страницы «Современника», находим «Записки» кавалерист-девицы Н. А. Дуровой, очерки о войне 1812-го года Дениса Давыдова, этнографические очерки М. П. Погодина и Султана Казы-Гирея.

*Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужий час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,—*

этими строками из опубликованной в третьем томе «Родословной моего ге-

роя» можно охарактеризовать ту атмосферу, публицистическую направленность, которую с первого тома поддерживал в журнале Пушкин, используя много и охотно документальные материалы; это же позволяло ему оттенять гражданскую позицию журнала, его общественно-политическую, патристическую направленность. «Я думаю пуститься в политическую прозу» (Из письма Вяземскому). Выше мы уже писали о Пушкине-публицисте в сопоставлении его с Радищевым. Так вот, статья «Александр Радищев» также была опубликована в «Современнике».

В организации и поддержании присущей «Современнику» позиции Пушкин сочетал, казалось бы, несовместимые вещи: своего рода «литературный аристократизм» (в чем его упрекали современные ему радикалы), глубокий патриотизм и подлинный демократизм. Тем не менее, это так, если учесть реалии эпохи, а еще в бóльшей степени учесть, что это был Пушкин последнего периода своей жизни и творчества. Реалии же эпохи таковы, что на подходе были сороковые годы, то есть годы раннего наступления капитализма на Россию. В литературе предвестником его явилось ложное «одемокрачивание», сопровождаемое натиском чуждых русскому самосознанию веяний прагматичного Запада. На пороге стояли и отечественные разночинцы. То есть в литературу хлынула толпа, привнося неуют, характерный для любого «перестроечного» времени. А куда от того деваться, но зрелый Пушкин был аристократ — в смысле аристократ духа, но еще более был он патристическим государственнымником (это не тавтология, но наиболее верное определение сути его мироощущения и мировоззрения). Надо постараться это понять, скорее — не умом, но душой прочувствовать, и тогда ясной станет позиция его «Современника». И совсем уж ясно, что дай Бог Пушкину еще десять-двадцать лет жизни, как пить дать, литературоведы радикального толка уже полтора столетия обличали бы «Современник» как верноподданническое, черносотенное, антидемократическое и пр. и пр. издание...

В этом смысле можно провести прямую параллель между пушкинским

«Современником» в его эпоху, и правнуком его — «Нашим современником» в эпоху нынешнюю, когда в литературу вновь хлынула толпа: чужеродная, голодная, всепродажная, безлика и бесталанная. В очередной раз раздался клич сбросить Пушкина с парохода истории...

*Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнее блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!»*

«Родословная моего героя»

*И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

А. С. Пушкин «Воспоминание»

Самое загадочное стихотворение Пушкина. Признаемся себе: непривычно читать у Пушкина строки, выдержанные в такой мрачной экспрессии; не то чтобы Александр Сергеевич ассоциируется с таким «веселым» поэтом

навроде любимого им Парни, но обычный слог его, при всей информационной и эмоциональной емкости, независимо от фабулы стихотворения и идейной направленности, неизменно оптимистичен.

Немалое число наиболее известных литературоведов и исследователей творчества и жизни поэта дружно выделяют это стихотворение, ставят его почти что обособленно от всего остального поэтического наследия Пушкина. Вместе с тем «Воспоминание» общепризнанно как самое великолепное творение, философское обобщение, лирическое откровение зрелого поэта. Однако его содержание, ассоциативные связи, причины, побудившие Пушкина к написанию этой исповеди души, вызывают много вопросов как у поклонников его творчества, а это все грамотные по-русски люди, так и у ученых-филологов. Автор этих строк в разговоре с одним из известнейших советских литературоведов, к сожалению, ушедшим из жизни в относительно молодом возрасте, Юрием Селезевым предложил свое понимание «Воспоминания» как мирового образца законченности формы художественной мысли и нашел позитивный отклик. Думаю, что в контексте данного очерка нелишним будет поделиться с литературно-взыскательным кругом читателей своими соображениями.

При анализе законченности формы первоочередным является ответ на вопрос: каков «масштаб» отношения художественного выражения к породившей его художественной мысли, то есть соотношение интуитивного, художественного и логического в творческом познании?

Прежде всего, поражает большой объем черновых вариантов стихотворения (ПСС в 16 тт.; Т. III (Кн. 1), 1948); для примера переработки приведем строки первого варианта:

*Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, в гоненьи и в степях
Мои утраченные годы.*

Еще более усложняет загадку стихотворения история публикации. Датированное пометой Пушкина 19 мая 1828 года, только первая его часть была напечатана Пушкиным как самостоятельное произведение в «Северных цветах» за 1829 год:

*Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный разворачивает свиток...*

(Окончание — см. эпиграф к разделу)

В этом виде стихотворение и известно широкому кругу читателей. Вторая же часть (строки 17—36) была впервые опубликована Анненковым в 1858 году в «Материалах для биографии А. С. Пушкина» и обычно не включается в массовые издания произведений Пушкина. Отсюда и вопрос о целостности стихотворения. И третий момент — конкретность образов во второй части стихотворения. В любом случае следует постоянно держать в уме, что сам Пушкин опубликовал только первую часть (!).

По вопросу «разъятия» стихотворения на две половины, по-видимому, прав Б. В. Томашевский: «Ведь если Пушкин и отбросил этот конец по интимности, то эта интимность помешала ему ее доработать. Кроме того, еще

неизвестно, насколько основательна эта догадка об «интимности» как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний».

Как бы там ни было, но центральным в толковании и восприятии «Воспоминания» является вопрос об авторской идее. В стихотворении явно ощущается душевная угнетенность поэта; ее толкуют по-разному: первый биограф Пушкина Анненков трактует ее последекабрьской реакцией, разъединенностью поэта со столичным окружением; у В. В. Вересаева — это «тоска олимпийского бога», изгнанного за какую-то вину на землю грешную и пр. На наш взгляд, более всего истины в словах Толстого, многократно обращавшегося к стихотворению: «Во время моей вынужденной праздности — болезни — мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание».

Это весьма примечательные слова, которые с полным основанием можно отнести с известным периодом в жизни самого Толстого; речь идет об известной «Арзамасской тоске» (1876 г.) — периоде, хотя и краткосрочном, но повлекшим за собой многие кардинальные изменения в характере и творчестве Льва Николаевича. Этот, описанный самим Толстым, психологический перелом, сопровождавшийся глубокой депрессией, проявлением сумеречных состояний, ощущением патологического страха смерти, проявлением наследственной отягченности, достаточно точно определил хронологические рамки рубежа двух основных этапов в жизни и творчестве писателя. Если до «Арзамасской тоски» Толстой, по преимуществу, писатель-беллетрист, то во втором его жизненном периоде с нарастающей динамикой прогрессирует художественно-творческое угасание, возобладает морализаторская, проповедническая, религиозная и обличительная тенденции.

Проводя допустимые аналогии, можно хотя и осторожно, но говорить о периоде написания Пушкиным «Воспоминания» как некотором рубеже. Дей-

ствительно, если внимательно посмотреть на творческую хронологию поэта, то становится очевидным: именно в 1827—29 гг. в его творчестве наблюдается переход в высшую, граждански зрелую сферу литературной деятельности. Никакой речи и идти не может, что ослабело его лирико-поэтическое дарование, но все бóльшую роль приобретает драматургия, проза, во всей своей видимой «простоте» достигающая вершин философских обобщений, опыты в исторических изысканиях, то есть жанры, относящиеся к высшим литературным формам.

Причем, если у Толстого, равно как и большинства великих художников слова, коренной, рубежный перелом в творческой жизни — будем объективны и искренны — неизменно приводил к определенному снижению того качества, что принято называть творческим тонусом, и явлению, известному из психологии как «сдвиг мотива на цель», то в отношении Пушкина все наоборот. И этот рубеж можно с полным правом назвать как наступление периода высшей творческой зрелости. Может, это потому, что рубеж этот поэт встретил, еще не будучи тридцатилетним? — Возможно, но возможно и иное.

Есть такая наука эвропатология (бывшая «лженаука»), помещаемая где-то на стыке психологии творчества, гуманитарной и медицинской психологии, отчасти — психоанализа, основателем и наиболее значимым теоретиком и практиком которой полагается Г. В. Сегалин, издававший в 1925—30 гг. в Свердловске журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)». Основная идея этой науки суть утверждение о том, что гениальность есть в определенном смысле патология, то есть выход за нормальные для (среднего) человека рамки, но — в отношении качеств творческого самовыражения; как и в медицине, патология суть отклонение организма от характеристик нормального функционирования. Это диковато звучит для уха рядового читателя, но ведь в обыденной жизни мы одинаково хорошо относимся к коллегам по работе Ивану Ивановичу и Петру Петровичу, хотя второй имеет явный «недостаток»: он непереученный левша и свободно пишет служебные записки и отношения как правой, так и левой рукой... Скорее, наоборот.

Понятно, что придуманная свердловским врачом европатология не имеет строгой методологической базы (а разве ее имеет хоть одна из отраслей психологической науки?), но закрыли журнал Г. В. Сегалина, скорее, потому, что он пошел дальше и на примере творческих и жизненных биографий многих гениев и талантов доказал, что практически всегда европатология личности дополняется и определенной патологией личности, психики чаще всего. Увы, это закон природы по принципу: где прибудет, а рядом убудет. В науке это называется расплатой за гедонизм. Сегалин здесь далеко не одинок: авторитеты Ломброзо, Ясперса, Фрейда, многих отечественных психиатров (Ганнушкин, Гиляровский) многое значат.

Так вот, по этим самым авторитетным мнениям Пушкин в числе тех немногих гениальных творцов, для которых, исключая объясняемую у Александра Сергеевича африканским темпераментом вспыльчивость, европатология не сопровождалась патологией личности! Поэтому-то и укоренилось за Пушкиным определение: «чистый гений».

Однако никому не дано обойти законы природы, в данном случае законы развития психической конституции творчески одаренной личности. Для каждого художника неизбежен переломный этап, как неизбежна ломка голоса в переходный от отрочества к юности возраст. Не будем даже «на пальцах» касаться биомедицинских механизмов этого перелома или перехода: специалисты знают, а другим ни к чему голову забивать. Одно несомненно: даже у абсолютно душевно здоровых творческих личностей этот переломный переход сопровождается своей «Арзамасской тоской». Симптомы ее мы находим одинаково в дневниках Толстого и в тексте «Воспоминания» Пушкина: душевная неустроенность, неуверенность в будущем, а более всего в настоящем, доходящее в апофеозе почти что до отрицания наличия смысла в предыдущей жизни, постоянные гипертрофированные укоры совести за прошлые грехи, словом, то, что по-русски называется маета. Это своего рода самоочищающая душу переоценка ценностей, за которой следует полная творческая зрелость художника и новый расцвет его таланта.

Художник же слова не был бы писателем или поэтом, если бы просто записал, загулял, как более простодушные люди во время маеты и хандры, нет, он обязательно изложит свои метанья на бумаге. Толстой это делал в дневниковых записях, а впоследствии отображал свое состояние в период кризиса на героев своих произведений; у Пушкина же это вылилось, а точнее выкристаллизовалось, в самом его загадочном стихотворении.

Осталось еще уяснить причину двухчастности стихотворения, на чем ломают копья полтора с лишком века маститые литературоведы. Очевидно, автор «Воспоминания» — осознанно ли, в подсознательном ли акте творчества? — оказался гораздо «холоднее рассудком», нежели все его позднейшие комментаторы, разделив задуманное стихотворение на два самостоятельных, хотя очень близко стоящих друг к другу, стихотворения: «Воспоминание», состоящее из первых шестнадцати строк — лирико-философское размышление, и второе, относительно самостоятельное произведение (17—36 строки текста) — лирическая жалоба — воспоминание о тяготах жизни полуопального поэта, о былых в его жизни «ангелах-заступниках».

Заметим, что в литературоведении принято сопоставлять «Воспоминание» с «Думой» Лермонтова, написанной десятью годами позднее. Так вот, сопоставлять-то можно как раз — и только — первую часть.

*И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

*Много вашими устами
Пил я меду и вина;
Вдохновенными стихами
Пел я ваши имена!
И в удалом хоре звуков*

Цели, радостны они

Будут жить у дальних внуков,

Прославляя наши дни...

Н. ЯЗЫКОВ

Пушкинский памятник Дельвигу. Продолжая тему Пушкина-публициста и журналиста, предварим настоящий раздел необходимым пояснением: почему именно такая тема нами выбрана? Выбрана, понятно, не случайно, благо многогранное творчество поэта дает множество степеней выбора.

Выбор темы во многом диктуется характером и значением самого конкретного издания печати. Газета, в классическом ее понятии, есть орган оперативной информации, дополняемой малыми жанрами публицистики, прозы и поэзии. Такими были ведущие русские газеты прошлого века, в том числе и основанная с участием А. С. Пушкина «Литературная газета»; эту же традицию продолжила советская пресса. Всех их характеризовало оптимальное сочетание хроники, аналитических обобщений, обзоров различных сторон текущей жизни страны и зарубежья, разножанровой публицистики, произведений «малой» литературы. Сюда же следует добавить высокий уровень грамотности публикуемого материала; далее — цензура, а вообще-то говоря — строгая и оправданная самоцензура в отношении политической, нравственной, этической сторон содержания газеты. Кстати, учитывая сегодняшнюю повальную, вопиющую безграмотность изданий периодики, напомним, как ответственно и квалифицированно к оформлению печати относились еще в недавние времена... В бытность своей учебы в Литературном институте слышал рассказ на эту тему преподавателя по курсу практической грамматики; тот уже тридцать с лишком лет совмещал преподавание со штатной работой в «Правде», где в его обязанности единственно входило раз в месяц выполнять подробнейший грамматический и стилистический анализ произвольно выбранного номера газеты. Отчет этот шел в соответствующий отдел ЦК

КПСС, откуда и спускались, по мере необходимости, соответствующие директивные указания в редакцию центрального органа... Именно поэтому рассмотрим публицистическую, журналистскую сторону творчества А. С. Пушкина (в дополнении к сказанному).

Однако вернемся после пространныго, но необходимого вступления к теме о Пушкине-журналисте и Пушкине-друге. Обилие мемуаров и литературных жизнеописаний, посвященных Пушкину и изданных более чем за полтора столетия лет со дня гибели поэта, дает вполне исчерпывающий ответ на вопрос о друзьях Пушкина. Имея представление о натуре и характере поэта, его окружении и других ситуационных и событийных сторонах его жизни, не приходится удивляться, ставить под сомнение сформировавшееся мнение, что число друзей было очень и очень ограничено; ограничено — несопоставимо с общественной и литературной значимостью Александра Сергеевича. Исключая дружественных к поэту женщин, но это совсем иной круг общения, число это очень мало, в основном — сохранившиеся друзья от лицейских лет и кружковцы «Арзамаса»: Дельвиг, Вяземский, Кюхельбекер, Жуковский, Баратынский, Пущин.

Несомненно, что первым и наиболее искренним другом поэта был Дельвиг; со школьных лет помним мы пушкинские строки, посвященные ему. Через призму времени сложно однозначно, вербально так сказать, определить истоки и движущую силу этой дружбы. Не претендуя на истину в последней инстанции, все же полагаем далеко не последней причиной эту-то присущую Пушкину и Дельвигу черту характера, определяющую в человеке все — от образа мыслей до черт поведенческих — которую емко и кратко называют патриотизмом и гражданственностью.

Казалось бы, не потомуку эфиопских князей Пушкину и остзейскому барону Дельвигу выпячивать эти черты, но они их вовсе не выпячивали, а были изначально, имманентно пронизаны ими. Для России это не парадокс, но чисто русская норма; как спустя столетие величайшим выразителем русского духа, его воли, характера и величия стал грузин Джугашвили-Сталин со спо-

движниками, тоже далеко не всегда этническими русскими... Кстати об остзейских немцах. Две мировые войны, в которых силы Мирового зла столкнули — против их воли и разума — в смертельной схватке русскую и германскую нации, наложили в нашей литературе, пропаганде, образе мышления печать негативизма на роль этнических немцев в новейшей, то есть послепетровской истории России. Так и остались в ней только бироновщина, немецкое засилье в только что созданной Академии, где их лупил по мордам Михайла Ломоносов, да лесковские персонажи глуповатых карлов с «железным характером».

На этом, правда, вполне объяснимом исторически негативном фоне напрочь забыта, отринута та положительная и весьма немалая по своему вкладу роль остзейских немцев в становление Российской империи, в состав которой они вошли с присоединением Петром к России ее исторических прибалтийских земель: Эстляндии, Лифляндии и Курляндии. Приняв русское подданство — не народу русскому, но государю-императору, остзейцы вписали немало ярких страниц в историю империи: открыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, филолог Фасмер, математик Эйлер... перечислять можно долго и обоснованно. Да и одиозная фигура Бенкендорфа, если отбросить эмоции, в своей государственной пользе позитивна. Уже и не говорим о русских императорах: полунемцах, а то и вовсе немцах. Да и российский флот в XIX и начале XX вв. своей выправкой, дисциплиной и боевым искусством обязан остзейским немцам, поколениями дававшими ему офицерский состав. Вот из таких — не гастролеров «на ловлю счастья и чинов», но верных государственных подданных — немцев и происходил барон Дельвиг, что так много значил в жизни Пушкина, к кому так часто обращался поэт в своих стихах.

14 января 1831 года умер Дельвиг, которого с Пушкиным связывала не только личная дружба, но и его журналистская деятельность, к которой поэт все активнее стремился с конца двадцатых годов. «Литературная газета» и «Северные цветы», которые мы привыкли ассоциировать с именем Пушкина,

были основаны и издавались Дельвигом. «Литературная газета» просуществовала недолго, но и она, и альманах «Северные цветы» пережили своего создателя. Об активном участии Пушкина в альманахе, выходявшем с 1825 по 1832 год, свидетельствуют опубликованные в нем произведения: отрывки из «Евгения Онегина» и «Бориса Годунова», «Моцарт и Сальери», «Граф Нулин», «Бесы», «Анчар», «Воспоминание», «19 октября». Перечисление пушкинских шедевров можно продолжать и продолжать.

Выпуск альманаха за 1832 год был последним и недаром его называют пушкинским памятником Дельвигу. Сама мысль издания посмертного выпуска была инициирована Плетневым в пользу отнюдь не богатой семьи Дельвига и была словом, а главное делом поддержана Пушкиным: «Бедный Дельвиг! помянем его «Северными цветами»... Однако денежные дела никак не превалируют над основной мыслью: увековечить изданием альманаха память друга и поэта.

Исходя из такого намерения, Пушкин и отбирал произведения постоянных авторов альманаха — соратников и спутников Дельвига. Поэтому наиболее значимым стал отдел поэзии; кроме пяти стихотворений самого Дельвига («К Морфею», «Сонет» и др.), в нем были помещены поэтические произведения, посвященные Дельвигу Баратынским, Языковым, Деларю. Подвел Пушкина Плетнев, поначалу обещавший для выпуска «Северных цветов» заказную, как бы сейчас сказали, статью о жизни и творчестве умершего поэта и издателя. Последнее очень огорчило Пушкина, проявлявшего отнюдь не вольнолюбиво-поэтическую твердость в делах, касающихся дружбы, памяти и обязательств.

Кроме указанных произведений, в поэтический раздел вошли стихи самого Пушкина: «Анфологические эпиграммы», «Эхо», «Дорожные жалобы», «Делибаш», «Анчар», «Бесы». Центральным же в разделе поэзии был «Моцарт и Сальери». Остальные из 82-х стихотворных произведений альманаха были представлены именами В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского, Ф. Н. Глинки, М. Д. Деларю и менее

известными ныне поэтами пушкинского круга: Е. Ф. Розен, Д. Ю. Струйский, Л. А. Якубович, сестры Тепловы и др.

Отдел прозы был выдержан в традициях «Северных цветов», то есть наряду с художественной прозой («Предслава и Добрыня» К. Н. Батюшкова, «Страшный суд» И. И. Лажечникова и др.) здесь был представлен этнографический очерк Н. Я. Бичурина «Байкал», «О жизни растений» М. А. Максимовича, «Нечто о науке» М. П. Погодина. Но все же жемчужной памятного выпуска, как ни крути, оказался поэтический раздел, оно и понятно — составлял-то альманах Поэт! И здесь же вослед литературоведам, многократно обращавшимся к «Северным цветам» за 1832-ой год, отметим бросающееся в глаза при прочтении (это доступно всем, учитывая, что в 1980 году издательство «Наука» в серии «Литературные памятники» переиздало этот выпуск альманаха): даже на фоне имен — цвета тогдашней русской поэзии бросается в глаза определенная неадекватность творений Пушкина и поэтов его времени и круга. Как пишет литературовед-пушкинист Л. Г. Фризман: «Трудно сказать, в какой мере современники отдавали себе отчет в несоизмеримости пушкинских произведений с самыми несомненными творческими достижениями его поэтических спутников, но мы видим ее ясно... Может быть, «Северным цветам» за 1832 год не довелось стать памятником Дельвигу в той мере, в какой к этому стремился Пушкин. Но они стали несомненным памятником поэзии пушкинской эпохи. Конечно, они не заменят нам сборников стихов отдельных поэтов. Но и эти сборники не подарят читателю тех чувств, которые он испытывает, перелистывая знаменитый альманах. Он сберег для человечества нетленную частицу художественного мира, к которому оно будет тянуться, может быть, не одно столетие».

*Внемли же ныне, тень поэта,
Певцу, чью лиру он любил,
Кому щедроты бога света
Он в добрый час предвозвестил.*

*Я счастлив ими! Вдохновенья
 Уж стали жизнью моей!
 Прими сей глас благодаренья!
 О! пусть мои стихотворенья
 Из милой памяти людей
 Уйдут в несносный мрак забвенья
 Все, все!.. Но лучшее, одно
 Да не погибнет: вот оно!*

Н. Языков «А. А. Дельвигу»

Разные бывают памятники: кому его «родная» страна, разоренная при его деятельном участии, но людям светлой души и помысла, как правило, это нерукотворный памятник.

Пророки в отечестве своем. И. Бунин в своей книге «Освобождение Толстого» цитирует Льва Николаевича: *«Люди, ненавидящие существующий строй и правительство, представляют себе какой-то другой порядок вещей и даже никакого себе не представляют и всеми безбожными, бесчеловечными средствами — пожарами, грабежами, убийствами — разрушают этот строй... Но дело не в перемене правительств.*

Разве жизнь станет лучше, если вместо Николая II будет царствовать Петрункевич?»

Кстати, знаменательное совпадение с пророческими словами Толстого с астрономической точностью: не так уж давно в Санкт-Петербурге Ленинградской области прошли ритуальные похороны останков, предполагаемых людьми заинтересованными как кости Николая II и его семьи. А хоронили их исключительно петрункевичи, «жадною толпой стоящие у трона» тогдашнего... Все в наши дни символическое, сакральное, на грани овеществленной мистики: и похороны, и ураган, сломавший зубцы кремлевской стены, и обещание генерала Рохлина вывести на столичную площадь новых декабристов...

Итак, пророчество в Отечестве своем. Народная мудрость гласит, что таких пророчеств и их носителей-пророков нет. Позволим себе усомниться, ибо очень часто неверно трактуют смысл пророчества, а он прост изначально: тот, кто приоткрывает картину будущего, опираясь на всесторонний анализ настоящего и прошлого. Логическим, даже сверхорганизованным умом этого сделать нельзя; это доступно только человеку с преобладающей подсознательной компонентой мышления; обычно это есть художественные натуры, потому и большинство пророков из их числа, начиная от собственно пророков ветхозаветных, от Будды и Магомета и все далее и далее по направлению исторической цивилизации. В отношении судеб России за последние полтора с лишним века таких пророков нам явилось два: Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой.

Главное, что пророк никогда не разрушает свое государство. Принято считать, что Толстой это делал своим поздним философско-публицистическим творчеством. Это совершенно не так; видя сложность и опасность исторической ситуации, в которую попала Россия на рубеже веков, да еще при самом из бездарных царей за всю тысячелетнюю историю государства, Толстой, заранее обреченный на неуспех, со своей яснополянской трибуны пытался предупредить людей о страшном грядущем, наставить их на путь истинный, при этом любя их, связывая свою судьбу с их жизнью. Так мать воспитывает ребенка в опасном его переломном возрасте: то хвалит, то ворчит, приласкает и тут же даст предупредительную оплеуху...

На совершенном контрасте предстает в новейшей истории СССР-России Вермонтский отшельник, которого иные еще недавно пытались представить русским пророком XX века. Увы, вся его энергия ушла на разрушение государства, движимая гипертрофированной личной обидой. На созидательную деятельность ее уже не хватило, потому и участь его печальна: не понадобился он ни прежним, ни новым, словом, полное забвение. (Опять же понятно — о ком идет речь.)

Второе неперемнное качество пророка — патриотизм — прямо-таки вы-

текает из сказанного выше. Хотя поздний Толстой и любил цитировать слова космополита XIX века доктора Джонсона, что-де патриотизм есть последний довод негодяя, но это адресовалось к людям в маске патриота, типа нынешних «пэров и мэров», не говоря уже о губернской мелочи, ищущих политическую конъюнктуру.

Причем патриотизм этот обязательно включает и личное служение государству. Толстой стоял под англо-французскими пушками в Севастополе, служил чиновником в Туле, в позднем возрасте работал в земстве, а этнограф (и полковник опять же внешней разведки) Миклухо-Маклай по заданию Генштаба создавал разведывательную сеть в Океании — планировавшийся объект российской экспансии...

Вот в этом-то они и отличаются от лжепророков-разрушителей: не таят обиду на свой народ и свое государство. Ведь и Достоевский на каторге был, стоял на эшафоте, и Толстого государственная церковь объявила временно отпавшим от нее (отнюдь не отлученным, тем более — преданным анафеме, как принято почему-то считать!). Редко дети на мать обижаются до степени непризнания и мщения.

Итак, вернемся к пророчеству Толстого, сбывающемуся в наши архиока-янские дни. «Но дело не в перемене правительств». Это надо понимать именно так, как думал Толстой, оценивая реальную ситуацию в России столетней давности. А ситуация опять-таки во многом схожа с нынешней; прямо-таки установившийся 100-летний цикл, подобный циклам солнечным, планетарным.

В то время Россия путем невероятных усилий, лишений и жертв сумела переломить ситуацию, подавить в своем теле бациллы индивидуализма, космополитической пустоты, заразы торгашества. Быть может, во многом и потому, что еще не успели истлеть идеи и мысли только недавно почивших великих русских Учителей и Пророков.

К новому наступлению сил мирового зла мы их обрести не успели, слишком страшным выдался отпущенный век. И это отсутствие пророков

нынешних скажется.

Закончим это краткое эссе пространной цитатой из статьи Толстого «К рабочему народу» (1902 г.) и подумаем над этими словами:

*«Мы говорим: рабочий народ поработен правительством. Богатыми. Но кто же эти люди, составляющие правительство и богатые классы? Что это — богатыри, из которых каждый может победить десятки и сотни рабочего народа? Или их очень много, а рабочего народа очень мало? Или только эти люди, правители и богатые, одни умеют работать все нужное и производить все, чем живут люди? Ни то, ни другое, ни третье: люди эти не богатыри, а, напротив, расслабленные. Бессильные люди... И все, чем живут люди, производится не ими, а рабочими, они же и не умеют и не хотят ничего делать, а только пожирают то, что делают рабочие. Так отчего же эта маленькая кучка слабых, праздных, ничего не умеющих и не желающих делать людей властвует над миллионами рабочих? Ответ есть только один: происходит это оттого, что рабочие руководятся в своей жизни теми же самыми правилами и законами, которыми руководятся и их угнетатели. Если рабочие работают и не пользуются в такой степени трудами бедных и слабых, как неработающие правители и богатые, то это происходит не оттого, что они считают это нехорошим, но оттого, что не могут и не умеют этого делать, как делают это правители и богатые, более ловкие и хитрые, чем остальные. **Правители и богатые властвуют над рабочими только потому, что рабочие желают точно так же и теми же способами властвовать над своим же братом рабочим**» (выд. нами. — А. Я.).*

Толстой и Сталин*: теория и практика восстановления общинной идеи на Руси. В предисловии к первому тому Юбилейного полного собрания сочинений Льва Толстого в 90 томах (1928—1964 гг.) редакционная коллегия издания (В. Г. Чертков и др.) уведомляла читателей, что предпринятое собра-

* Один мой добрый московский знакомый, хотя и из либералов, сказал мне: «Даже единоразовое упоминание имени Генералиссимуса в печатном тексте снижает число читателей в 2—3 раза». Но надеемся. Что наши читатели не относятся к числу тех, кто с «либерализмом головного мозга»...

ние является полным, исключая неразобранные слова, слова «неудобные для печати», а также высказывания о лицах, которые ныне живы и которых это может уязвить. То есть речь идет о рукописях пресловутого «зеленого сундука». Вряд ли там есть хоть слово о И. В. Сталине, еще не попавшем в первом десятилетии века в большую политическую орбиту. Скорее, речь идет о фигурах масштаба (на тот момент времени) бóльшего.

Определенная сдержанность в отношении Толстого присутствует и в опубликованных работах и высказываниях Сталина, даже учитывая предельную лаконичность в оценках и характеристиках Вождя. Здесь важнее дело, а не слова, проявившееся во всяческой поддержке издания 90-томника; напомним, что большинство томов было издано в период 1937—53 гг., обычно относимых историографами к «вершине власти» Сталина. Для сравнения: издававшееся в 70—80-е гг. 30-томное собрание сочинений Ф. М. Достоевского бесконечно тормозилось в части издания «Дневников писателя», как следует понимать, из-за мощного давления отечественной и мировой сионистской закулисы. А нынешние бойкие перья без конца плачутся, что-де эти годы были периодом «государственного антисемитизма»?!

Сказанное выше следует понимать в том смысле, что отношения Толстого и Сталина суть ситуация разделенных во времени, в роде основной деятельности, в классовой, то есть общественно-социальной, принадлежности отношений Старшего и Младшего; в литературно-философской аранжировке это соответствует диспозиции «автор — читатель».

...И второй, уточняющей тему настоящего очерка, вводный момент из недавнего прошлого. В преддверии 170-летнего юбилея Льва Толстого в стране и в мире был проведен ряд научных мероприятий — конференций, симпозиумов и пр., — литературной и философско-этической направленности, где одним из основных обсуждаемых был вопрос: «Почему Россия не пошла путем, указанным Толстым?» Что тут сказать. Многое, но все говоримое речелюбивыми гуманитариями, а это стопроцентный состав участников всех этих мероприятий, укладывается в два исходных тезиса: а) заработать

долларовую подачку вершителя дум современной науки России венгерского уроженца Сороса; б) удержаться, дотянуть до пенсии на своей доцентско-профессорской должности столь переимчивых ныне гуманитарных кафедр ВУЗов, число которых по программе Бжезинского-МВФ должно быть в России сокращено с 500 до 50 (?!).

Бедные они, бедные, даже беднее чем вся наша уничтожаемая и унижаемая страна. Сразу вспоминаю своих коллег, преподавателей кафедр общественных наук; как они, морщась, по воскресеньям напиваясь, чтобы притупить ощущение собственного, но вынужденного (семью-то кормить надо!) ренегатства, готовят и читают студентам лекции, по содержанию антиподные тем, что читали с исторических аспирантских времен своей молодости: где было белое — ставить черное, коллективизм советского общества — поменять на благонесущий волчий индивидуализм «нового русского» и пр.

Также непросто и вроде бы ныне находящимся в фаворе экономистам-профессорам. Лихорадочно перелистывая на старости лет толстенные переводные тома пресловутой «Экономикс», изданные под эгидой того же Сороса и «Горбачев-фонда», они выискивают критерии экономического благосостояния современного общества: то им рекомендуют критерий «количество энергоносителей», то критерий «денежной массы». А они, забывшие, что есть и будет наука политэкономия, не понимают, что критерием современной мировой экономики есть число авианосцев у преуспевающей державы, и чем их больше, тем больше тонн ничем не обеспеченных долларов можно напечатать и расплачиваться этими, равными по цене туалетным, бумажками с 90 % населения Земли...

Но эта тема может увести нас далеко, поэтому вернемся, уточнив предмет нашего размышления, к существу декларированного в заголовке.

В том-то все и дело, что Россия в государственной форме Союза Советских Социалистических Республик пошла путем Толстого; естественно не директивно указанным яснополянским мудрецом, но созвучным духу его учения. И то, что Россия пошла этим, изначально адекватным русской наци-

ональной идее, путем, позволило, с одной стороны, еще на 70 лет продлить существование Русской империи меча и духа, причем не просто продлить, но впервые в ее тысячелетней истории вывести в сверхдержаву и сделать провозвестником будущего социального и экономического устройства мира, то есть на новом витке диалектической спирали повторить итоги Великой Французской революции. С другой и, увы, печальной стороны, столь резким прорывом в будущее и реализацией национальной идеи Россия подписала себе смертный приговор, де-факто исполненный в результате проигрыша силам Мирового зла Третьей мировой («холодной») войны.

А теперь сформулируем базовый тезис. В упрощенном, завуалированном, во многом вульгарном философско-литературоведческом подходе, что называется «для домохозяек», учение Толстого-проповедника в последние 30 лет его жизни сводится к самосовершенствованию личности, как онтологической первооснове этического прогресса человечества. Это есть движущий принцип ведической философии и практика буддизма. Я приношу извинение читателям, что приходится для массового прочтения подыскивать «житейские» синонимы строгим научным определениям. Во многом этому способствовал и сам Толстой, включая, причем обильно, ведические и буддийские жизнеописания, афоризмы и максимы в свои философско-просветительские работы: «Путь жизни», «На каждый день», «Круг чтения» и др.

Именно потому, что Толстой терминологически акцентировал слово «личность» в своем морально-этическом учении, дало, а ныне и тем более дает, повод к полному извращению философии Толстого и причислению его к апологетам западно-восточного индивидуализма. В этом и вторая, после «яснополянского ухода», трагедия Толстого и его учения.

Воистину, человек видит в любых явлениях жизни, в поступках и деяниях то, что он видеть хочет. Какой же, эквивалентный ныне господствующему в мире индивидуализму, в основе своей западноевропейской протестантской, кальвинистской модели, самодовлеющий момент можно найти в творчестве Толстого: от грандиозной эпопеи «Война и мир» до малоизвестного рассказа

«Суратская кофейня», в публицистике поздних лет, наконец, во всей личной и общественной жизни и деятельности Льва Николаевича?

В том-то и дело, что в основе этики самосовершенствования лежит общинная идея, а это является выкристаллизованной движущейся силой исторического этногенеза русской нации. Действительно, в мире западно-восточного индивидуализма самосовершенствование личности есть вредный анахронизм, как полностью отвергающий вседовлеющую власть денег, накопительства, что является сутью Европы, «американской мечты», конфуцианской морали, прагматизма Востока — не мусульманского, а скороспело «цивилизующегося» азиатско-тихоокеанского Востока. Ибо самосовершенствование есть высшая ступень осознанного подчинения личности коллективной идее национальной, духовной государственности. Сравни: свобода есть осознанная необходимость. Этой-то идее, более того — философско-этической парадигме, подчинено все творчество Льва Толстого, его воззрения и собственный жизненный образец.

Второй существенный момент: русская общинная идея есть глубоко интернациональная, что почти что продекларировано Толстым в «Суратской кофейне», а в историческом этногенезе Руси это наглядно выявилось в создании уникальных и единственных в новейшей истории многонациональных государственных образований: Российской империи и Советского Союза.

В то же время существование и развитие сверхдержавы, движущей силой которого являлась интернациональная общинная идея, было одним из немногих (второе основное — исламское сообщество), но наиболее могущественных факторов на пути мирового господства идеи национальной, которую характеризуют по-разному: Мировое правительство, мондиализм, атлантизм и пр. А еще точнее и конкретнее эту противоборствующую идею лучше называть сатанизмом. На сегодняшний день, когда разрушен главный форпост евразийской общинности, сатанизму противостоят только исламский и китайский факторы противодействия.

Попыток уничтожения общинной по духу Руси история насчитывает не-

сколько: Хазарский каганат, тевтонский натиск XIII века, католическая экспансия начала XVII века, восстание масонов-декабристов, череда революций 1905—17 гг. И только нынешний достиг своей цели. Если Толстой был наиболее выдающимся теоретиком общинной идеи предреволюционной поры, то непревзойденным ее практиком стал в XX веке Иосиф Виссарионович Сталин.

Сквозь оголтелую, оболванивающую ложь масс-медиа и мегатонны псевдонаучной макулатуры, выплескиваемой уже свыше сорока лет — с перерывом на время руководства страной «поздним Брежневым», трудно обычному человеку безоговорочно принять такую роль Сталина, особенно в сопоставлении с учением Толстого, но это именно так.

Возрожденная и многожды усиленная Иосифом Виссарионовичем русская империя духа — СССР имела своим основанием глубочайше понятый и воплощенный коллективизм (синоним общинности); последний прочно стоял на двух «китах»: самосовершенствовании личности и подлинный интернационализм.

Вопрос о приоритете всестороннего развития личности в становлении общинной идеи в практике построения социализма в СССР зачастую сводят к декларированному в Моральном кодексе строителя коммунизма, то есть современенным по терминологии основным заповедям христианства, хотя и это уже немало. Однако сталинская система воспитания, выработки мировоззрения, поддержания мироощущения, наконец, есть структурно система намного более сложная и динамичная, поскольку она вырабатывалась в самом процессе становления Советской империи духа и неослабевающего противодействия сатанизма.

Отринув извечный масонский девиз «Свобода, равенство, братство», сформулированный в XVII веке братством розенкрейцеров, великий практик самосовершенствования и общинности сформулировал и претворил в жизнь людей 1/6 части планеты следующие, обоснованные еще Толстым, идеи.

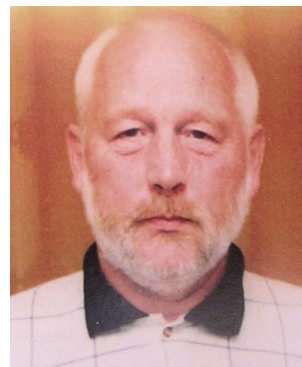
Свобода, как осознанная необходимость, предполагает неограниченное

саморазвитие личности, включая духовное и этическое, образовательное, конечной целью которого является наиболее полное служение государственной идее общинности.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

ЖАЛУЕТ ЦАРЬ, ОСТАЛЬНЫЕ ПОСМЕИВАЮТСЯ:

СЛЕД В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К 235-летию со дня рождения видного русского литератора и филолога Николая Ивановича Греча (1787–1867)

Портрет из Википедии®

... Несколько моих статей были отвергнуты ареопагом, отринуты французскими фразами и с насмешливыми взглядами на мой стереотипный наряд. Жестокое испытание! – Нет! сто раз лучше терпеть голод и стужу, нежели презрение людей, хотя б оно во все было незаслуженное! Впрочем я должен исключить из этого моих товарищей: они всегда сохраняли дружеское ко мне расположение, но не могли защитить меня от неизбежной судьбы бедности и несветского воспитания.

Н.И. Греч «Записки о моей жизни:
Воспоминания юности»

◆ Со школьных уроков литературы, относящихся к русской словесности первой половины XIX века, осталась память о странной фигуре Николая Ивановича Греча. Обычно в сочетании с Фаддеем Бенедиктовичем Булгариным (1789–1859). Причем первый родом из прусских немцев, другой из поляков. Но оба однозначно позиционировались как русские писатели и активные участники литературного процесса в России. Как раз происхождение их какого-либо акцентирования не требует: обрусевшие немцы со времен Петра Первого играли видную роль во всех сферах русской жизни. Что уж здесь говорить о поляках – с последней трети XVIII века подданных Российской империи. Тем более, что после каждого из многочисленных восстаний шляхты (народ, в массе своей, жизнь в империи вполне устраивала), дворяне частично отправлялись на поселение в Сибирь, другие расселялись по губернским городам и обеим столицам. Откройте любой роман девятнадцатого века, того же Достоевского и Лескова, и увидите среди персонажей «неизменных полячков» – чиновников и литераторов преимущественно. Даже польские ордена Станислава и Белого Орла были в 1831 году включены в число русских орденов... Но – вернемся к нашим школьным литературным урокам, из которых так следовало, что Греч (опять же с Булгариным) являлся в первой половине девятнадцатого века, но особенно в первой его трети, главным врагом и ненавистником передовой русской литературы, доносчиком и едва ли не тайным агентом III отделения графа Бенкендорфа. А комизму и дуумвирату Греча и Булгарина придавали вес известные строки из «Кукушки и Петуха» И. Крылова, в которых «не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха», а «тот Кукушку хвалит». Вот что школьник выносил в памяти по части литературы о Николае Грече.

И хотя по прикидкам литературоведов возможное полное собрание сочинений Греча составило бы не менее двадцати объемистых томов, но даже специалисты помнят только две его книги: «Записки о моей жизни» и «Пространная русская грамматика» (см. иллюстрацию). Так получилось, как обычно говорят библиофилы, словно оправдываясь, что обе эти книги нахо-

дятся «под рукой». На фотографии мы их и видим: изящный толстенный томик, в каковом формате в 1920–30 гг. московско-ленинградское издательство

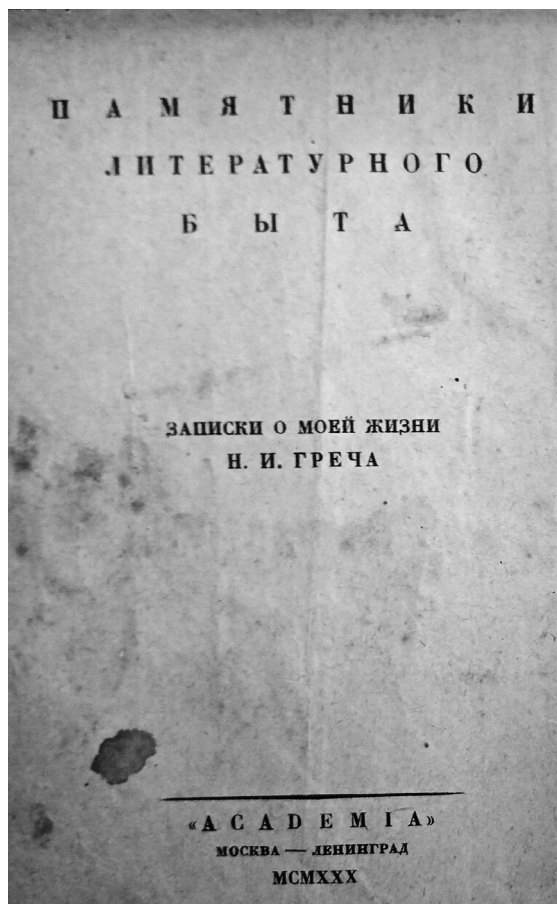

Книги Н.И. Греча (слева направо): «Пространная русская грамматика» и «Записки о моей жизни»

«Academia» печатало свои книги – литературные памятники разных эпох и стран (см. иллюстрацию), – самая (и единственная!) известная в прошедшие полтора столетия лет книга Николая Греча «Записки о моей жизни» 1930 (МСМXXX) года издания в серии «Памятники литературного быта». Как этот экземпляр со штампом Бобруйской городской библиотеки им. А.С. Пушкина (по сохранности и чернилам штампа – именно 30-х годов) попал в Тулу, где и попался мне давненько на глаза в букинистическом магазине? – пути книг, как и их читателей, неисповедимы...

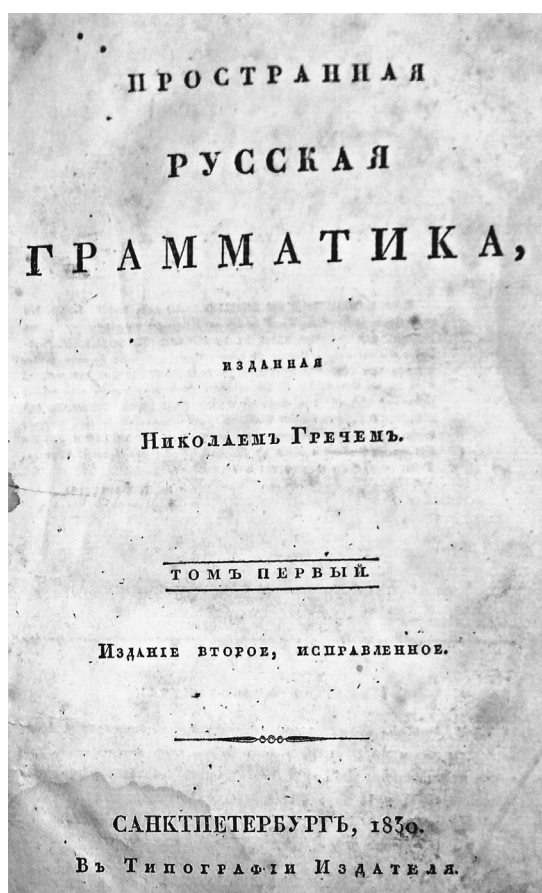
Если канонические в русской литературной мемуаристике воспоминания Е.Н. Водовозова «На заре жизни» (соврем. изд. 1987), А.В. Григоровича «Литературные воспоминания» и В.А. Панаева «Воспоминания» (тот же год со-

врем. изд.), Андрея Белого «Начало века» (1990...) относятся к литературному процессу России второй половины XIX века и началу века двадцатого, то «Записки» Греча единственны в своем роде: воспоминания активного очевидца о становлении русской литературы начала девятнадцатого века, но – об этом подробнее ниже.

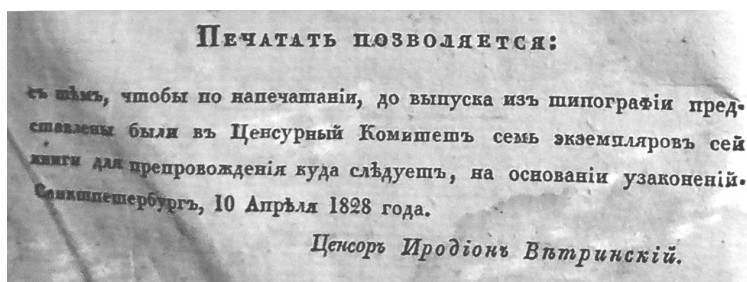

Фронтиспис книги Н.И. Греча «Записки о моей жизни»

... Еще более интересен «путь» «Пространной русской грамматики» – в истории этой книги всего два издания 1827 и 1830 (см. иллюстрацию) – второй том так и не был издан; см. также отметку на обороте титульного листа о цензурном разрешении на печатание: великолепный образец высокого канцелярского штиля!

Титульный лист книги Н.И. Греча «Пространная русская грамматика» (первый том) – второе издание 1830-го года

Отметка на обороте титульного листа книги Н.И. Греча «Пространная русская грамматика» о цензурном разрешении на печатание

Этот экземпляр книги, которому немного не хватает до двухсотлетия, в полукожанном (полиграфический термин), с золотым, совершенно не потускневшим! виньеточным тиснением названия на торце, напечатанный на

белейшей, без намека на «двухвековую желтизну», бумаге с водяными знаками (технологическая сетка и год производства бумаги «1827») на известном пути связан с селом Порецким – оно на берегу Суры – в Чувашии. Порецкое – старинное русское село с многовековой историей, со времен после-золотоордынского вхождения поволжских финно-угорских и тюркских (те же чуваша, но впоследствии принявшие православие) народов в состав Руси. Торговое село на судоходной Суре, водный путь из Пензы в Нижний Новгород.

Население большого, раскинувшегося на нескольких холмах высокого, то есть западного, берега Суры, села значительно увеличилось в Первую мировую войну (тогда ее именовали Отечественной, в советское время – Империалистической, что намного справедливее...) за счет переселенцев из Западной Белоруссии. Сочтем необходимым дать пояснение. Каждый знает, а старшие поколения по рассказам своих родителей и дедов – очевидцев и участников знакомы, о коллективном подвиге советского народа – эвакуации на Восток промышленности с оккупируемых противником территорий. Менее известно, что эвакуация происходила не стихийно, но по разработанным до войны генштабом и совнаркомом планам. В свою очередь, они использовали опыт подобной эвакуации в годы Первой мировой войны: с территорий Польши, Прибалтики, западных частей Украины и Белоруссии, с которых русская армия отступала перед натиском германских войск (на австрийском фронте таких территорий не имелось, наоборот, был Брусиловский прорыв на Венгерскую равнину...), эвакуировались не только предприятия, вузы*, продовольственные и промышленные товары и материалы, но и в массовом порядке перемещалось в глубь России население (в Великую Отечественную войну массовую эвакуацию населения осуществить не удалось по объективным причинам).

* Так Варшавский университет был вывезен (оборудование, профессура, студенты) в Ростов-на-Дону, а Варшавский же политехнический институт в Новочеркасск. Там они и остались – в преемственности состава – до настоящего времени.

В литературном отображении эта эвакуация – на примере латышей – основательно и развернуто показана в романах классика латышской советской литературы Вилиса Лациса, в пятидесятые годы Председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР.

... Вот и в Порецкое прибыли вынужденные переселенцы из Западной Белоруссии, из Белостока и других городов, сел и деревень. Прибыли, прижились, там и остались. Словом, потомок этих переселенцев и подарил мне этот экземпляр «Пространной русской грамматики», пояснив, что он, наряду с несколькими другими книгами восемнадцатого и девятнадцатого веков издания, достался ему от своей бабушки, учительницы из Порецкого. А ей, в свою очередь, сразу после революции и Гражданской войны, книги эти принесли ученики: по соседству народ «приватизировал» помещичью усадьбу. По словам моего дарителя, многие из этих любовно переплетенных в кожу и шелк книг имели надпись на форзаце: «Из книг Якова Ульянова», по всей видимости, владельца усадьбы в годы указанных изданий. Не исключаю, что это был один из дальних – по времени и линии – родственников симбирских Ульяновых: по отцовской линии Владимир Ильич из тех же мест.

... На этом завершим усладу библиофила: литературно-историко-краеведческие изыскания, и вернемся к неоднозначной фигуре Николая Греча.

◆ На безрыбье и рак рыба – эта пословица в данном случае не к месту, если сослаться на отсутствие в 2022 году круглых дат русской литературы, в отличии, например, от года предыдущего: 200-летия Ф.М. Достоевского и Н.А. Некрасова и другие юбилейные даты. Да и Николай Иванович Греч, как бы его не затушевывали в тех же школьных программах, вовсе не в статусе ракообразного на фоне зоологического ряда рыб... хотя бы сейчас рыба полностью исчезла из нашего пищевого рациона. Это к слову, но прекращение пополнения организма фосфором имеет далеко идущие последствия.

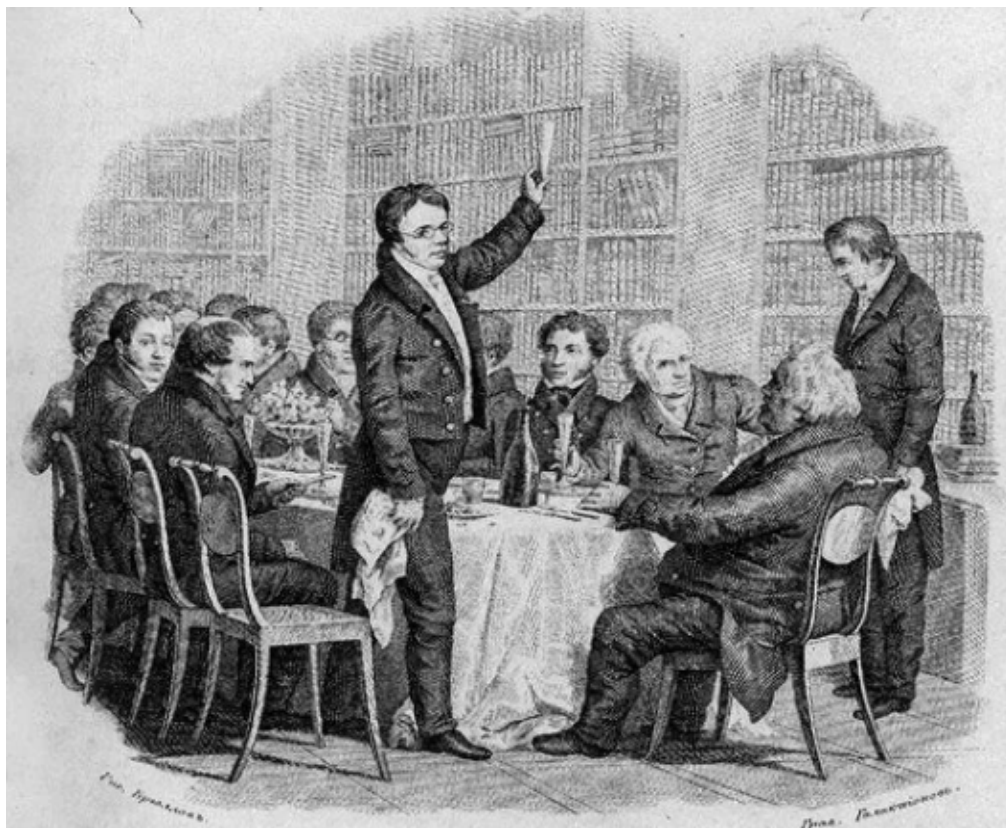
Говоря без обиняков, 235-летие со дня рождения Греча, приходящееся на этот год, есть просто извинительный предлог обратиться к такому своеобраз-

ному и такому напрочь забытому представителю русской словесности, а тем более русского литературного процесса первой половины XIX века как Николай Греч. О забытости, вне всякого сомнения, свидетельствует практическое отсутствие в последние полтора века переизданий его сочинений. Те же «Записки о моей жизни», кроме указанного выше издания 1930-го года, публиковались в начале двухтысячных годов в одном из московских издательств. И только; другие художественные, филологические, публицистические произведения (повторимся: на двадцать томов их набегает) в эти полтора века не переиздавались. Так и остались в сладостном для библиофилов качестве прижизненных изданий... да, еще А.С. Суворин, «издатель всея России», выпустил в 1886 году те же «Записки о моей жизни». Теперь уж точно «и только».

Что-то из книг Н.И. Греча размещено в интернете на сайте <русской> классической литературы, но кто же будет читать его там? Разве что курсовые работы украшать «цитатами из Греча» придет в голову иному студенту-отличнику (остальные отыскивают готовые рефераты...) журфака или филфака? А из лекций по русской литературе девятнадцатого века в Литературном институте касательно Греча помню только горьковатую, но провидческую шутку, что, мол, в следующем веке (то есть в нынешнем двадцать первом) те же Карел Чапек и *наш* Николай Греч останутся в исторической памяти лишь как изобретатели слов «робот» и «паровоз», соответственно. Что и сбылось с точностью до промилле (это не по части гаишников...).

Но в первой трети девятнадцатого века, когда собственно только и складывался русский литературный базис, словесность становилась общественным, социальным явлением, имя Греча, как писателя, значилось в самом первом ряду. Взгляните на известную виньетку (то есть рисунок) Александра Брюллова (1798–1877; брат Карла Брюллова), на которой изображены члены «Арзамаса», с которым неразрывно связано творчество Пушкина (*см. иллюстрацию*). Именно с «Арзамаса» и начался тот период великой русской лите-

ратуры, что по праву называется феноменом словесности. И Николай Греч в этом собрании первородных талантов пера далеко не из последних.

Виньетка А. Брюллова из сб. «Новоселье».

(Слева направо: Жуковский, Воейков, Греч, Крылов, Смирдин, Хвостов, Пушкин, Вяземский; речь произносит Николай Греч)

Судьбе с ее исторической насмешкой вольно было распорядиться, чтобы двое из изображенных здесь литераторов стали предметом насмешек как в девятнадцатом, так и в двадцатом веках (наш век – «а нынешние нут-ка») – это Николай Иванович Греч и Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), самый близкий друг нашего великого полководца А.В. Суворова*, его родственник – муж родной его племянницы, княжны Аграфены Ивановны Горчаковой, граф Сардинского королевства (по протекции А.В. Суворова), дей-

* А.В. Суворов. Письма / Издание подготовил В.С. Лопатин.– М.: Наука, 1986.– 808 с. (Серия «Литературные памятники»). Из 700 помещенных в книге писем А.С. Суворова наиболее частыми адресатами являются Потемкин и Хвостов...

ствительный тайный советник (чин II класса Табели о рангах!), член Синода и Сената, но более всего Хвостов полагал себя поэтом. И был несомненным дарованием, но поскольку избрал архаичную к тому времени ложноклассическую манеру стихосложения, то являлся предметом общих насмешек. Особенно язвили в его адрес Державин и Пушкин. Опять же Дмитрий Иванович – постоянный персонаж литературных анекдотов первой трети XIX века... было на Руси время, когда предметом нескрываемых насмешек и анекдотов являлся носитель высшего в империи чиновного звания! (чины I класса, то есть канцлера, в девятнадцатом веке почему-то не практиковались...). Да и Греч ненамного от Хвостова в чинах отстал: тайный советник – III класс Табели!

Мы к тому в параллель ставим Греча и Хвостова, неизменных участников «Арзамаса», что специфика начального складывания любого социумного сообщества, в данном случае организованного литературного действия – определенная «идейная веротерпимость»: зачинателей всегда бывает мало, поэтому они щадят друг друга, не занимаются «выискиванием блох» (так у нас в Литинституте именовалась мелочная придирчивость). Но вот проходит пара десятков лет, сообщество литераторов расширилось, заняло общественные позиции... вот здесь-то и начинается «ты кто? – а ты сам кто?» И пути «арзамасцев» разошлись. Уже в 1843 году сатирик Н.И. Куликов пишет свою пародию «Братья журналисты», в которой Булгарин якобы рассказывает про Греча:

*Он в Петербурге всех стыдился
И путешествовать пустился;
Сюда статейки присылал,
В них русским льстил, чужих ругал,
Но тем не выиграл у трона,
Лишь за границею стяжал
Он имя русского шпиона...*

А собственно что здесь постыдного: ведь русский шпион в Европе, а не английский, скажем, в России? Разведчик для своей страны – благое дело. Никто ведь чуть позднее не упрекал Тургенева, по уверенному общественному мнению являвшегося резидентом русской *политической* (не шпик примитивный!) разведки в Западной Европе? Не только Пушкин писал эпиграммы на Хвостова, бывшего брата-арзамасца. Но все из той же компании на рисунке Александра Брюллова баснописец Крылов на века «обессмертил» басней «Кукушка и Петух» (см. иллюстрацию) имя своего друга Николая Греча... А если окунуться в мемуаристику литературного мира первой половины того века, то вряд ли обнаружим хотя бы одну «пару» из числа изображенных на рисунке, в составе которой не чередовались бы доброжелательство и противоположные им качества...

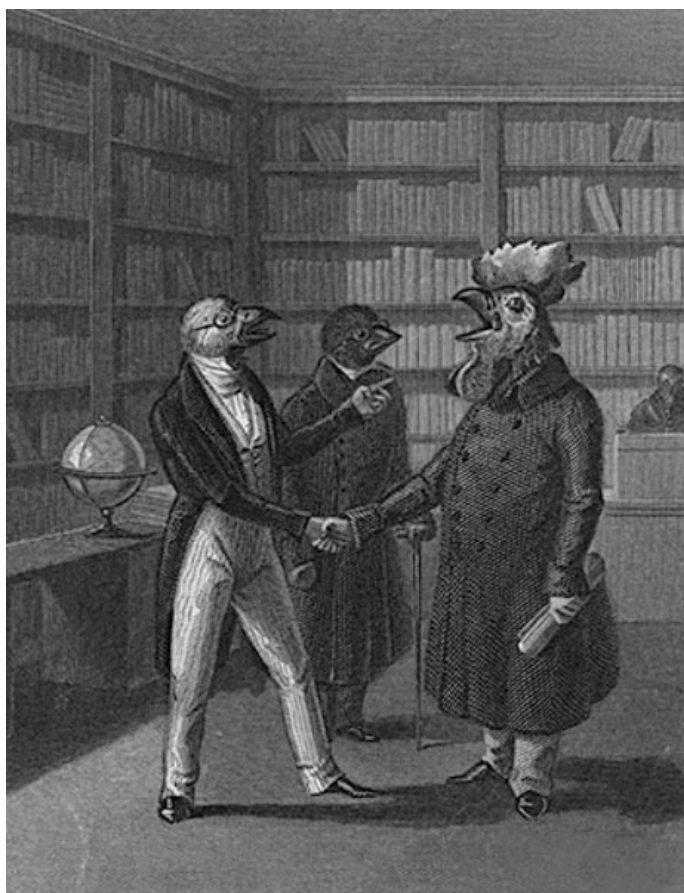

Иллюстрация к басне Крылова «Кукушка и Петух», изображающая Греча и Булгарина (Из сборника «Сто русских литераторов», т. II)

К указанному эффекту «начального складывания» добавим не менее существенное, вообще присущее литературному кругу, как говорится, всех времен и народов, свойство: не пересиливаемая никакой воспитанностью и образованностью, глубочайшей добродетельностью и высочайшими моральными качествами души, извинительной <всех и всея> гуманностью и пр. и пр. *взаимная подозрительность*. Таково свойство всех творческих натур, но особенно мощно, вплоть до гротеска, оно выражено в писательской среде (а у поэтов подозрительность перерастает в ненависть!). Если эти строки читает литератор – поморщится от такой нелюбезности, но согласится. Остальным же рекомендую обратиться к авторитету Михаила Афанасьевича Булгакова и перечитать «Мастера и Маргариту» – и именно те главы, в которых мастерски (извините за тавтологию) описываются эти «взаимные» отношения в среде литературного сообщества, из идейной разобщенности первой четверти двадцатого века, особенно в послереволюционной России, перешедшие в РАПП, а далее в полнейшей «целостности» и в горьковско-сталинский Союз писателей СССР. В последнем подкованная борьба «всех против всех» намного усилилась: стали награждать орденами, Сталинскими*, Государственными и Ленинскими премиями: возрос волчий денежный аппетит.

Во времена же активной литературной деятельности Николая Греча, то есть первой трети века, само писательство еще не декларировалось специальной профессией, когда на доходы от литературного творчества и существовал писатель, к предметам сугубо творческого взаимонедоброжелательства добавлялась и материальная база этого существования: наличие доходного имения у писателя из дворян-помещиков, успешность продвижения «по рангам Табели» у литераторов из чиновников. В то время остальные сословия к словесности еще не приблизились...

* Опять же школьное объяснение, что при Хрущеве Сталинскую премию заменили Государственной, логически неверно. Сталинская премия являлась не государственной, а *личной* (частной, как бы сейчас сказали) – из личных гонораров за публикации Вождя. Кстати, в СССР только два вуза – ВПШ и Литинститут – являлись де-юре не государственными, поскольку оба входили в структуры общественных организаций: КПСС и Союза писателей СССР...

Таким образом, во многом специфика взаимоотношений в среде литераторов периода «Арзамаса» объяснялась, в сущности нашего рассмотрения, не столько особенностями Греча, как писателя, активного участника зарождающегося в России литературного движения – издателя журналов, публициста и достаточно успешного чиновника, сколько самой атмосферой тогдашней жизни в России на сломе 1825-го года: от либеральных надежд александровской эпохи к тридцатилетнему периоду царствования Николая Первого.

Еще заметим в существенном дополнении: взаимная недоброжелательность в среде литераторов первой трети XIX века являла собой характер частной «разминки», на смену которой пришло уже идейное противостояние 40–50-х годов, мощным стартом которой явилось противостояние Белинского и Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями»). Писарев и Добролюбов, Герцен... – это уже война перьев. «И дольше века длится бой».

♦ Вкратце окинем взглядом литературную, общественную и служебную жизнь Николая Греча – именно в подтверждении (всякому вольному воля – иной сочтет возможным и опровержение...) обозначенных выше доводов: от объективного к субъективному; в художественном творчестве логика доказательств зиждется на дедукции.

От почитания до равнодушия и забвения, так трансформируя «от великого до смешного», если не один шаг, но в литературной сфере достаточно скоро происходит. Так и с Николаем Ивановичем Гречем.

В 1810–20-х годах имя Греча во всех областях русской литературы значилось в первых ее разрядах. Еще далеко не всеми было знакомо творчество Пушкина, но образованные люди России, не только в столицах, читали с похвалой путевые заметки Греча о поездках в посленаполеоновскую Францию, а его журнал «Сын Отечества» более десяти лет, до начала 1820-х годов, являлся действительно признанным по новизне и содержанию заглавным в русской периодике. И два десятилетия Греч прочно и небезосновательно удерживал за собой и своим творчеством пьедестал нарождающейся в России массово читаемой литературы. Известный историк русской литературы Ми-

хаил Лонгинов (1823–75), автор основательного исследования «Новиков и московские мартинисты», писал: *«В то время Греча в Петербурге знали все от мала до велика... известность Греча, не только литературная, но и просто личная, была почти всеобщая»*. Сохранилось множество других, подобных по характеру, отзывов о Грече годов его признания (Шредер, Делакруа, Жихаров, Дашков, Дмитриев, арзамасец П.А. Вяземский и др.), но – ограничимся цитированием Лонгинова.

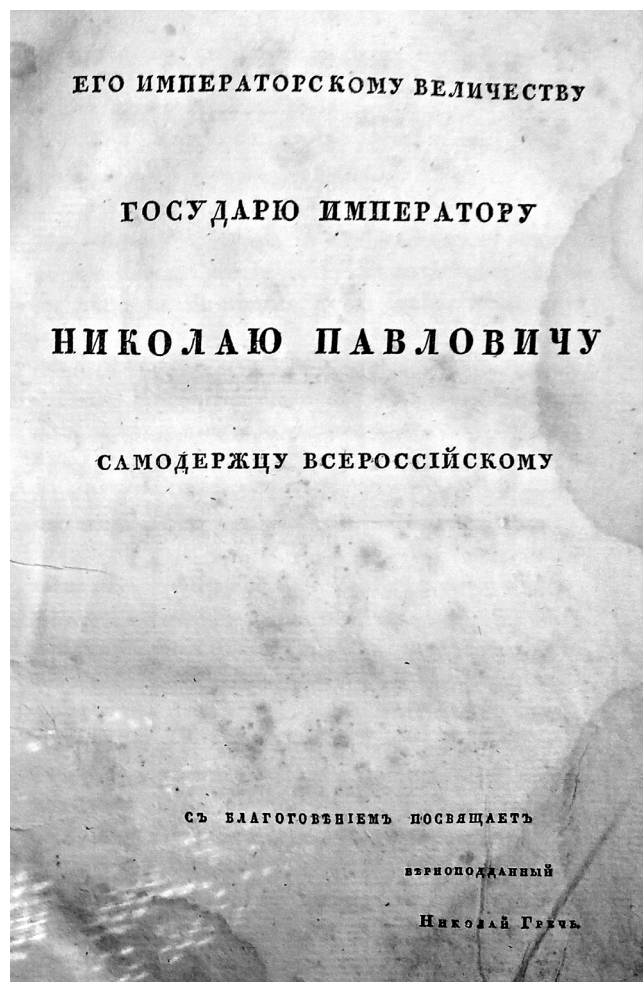
Издательскую деятельность Греч начал в 1807 году с очень либерального публицистического журнала «Гений времен», настолько «вольного», что скоро был закрыт цензурой. До Наполеонова нашествия Греч успел, правда, короткое время, издать «Журнал новейших путешествий» и «Исторический, статистический и географический журнал, или современная история света». Сами названия говорят о широте просветительских и журналистских устремлениях молодого Греча. В те же годы он публикует и первые свои труды по русской грамматике. Итак, двадцатилетний Греч основательно заявил о себе как об издателе, писателе, филологе, публицисте. И тогда же был замечен и власть придержащими: подарок от Александра I за переводы. А появившийся у него меценат граф С.С. Уваров – будущий министр народного просвещения (его формула: православие, самодержавие и народность), бессменный президент Академии наук и, увы, ставший затем врачом Греча – благословил его на основание и издание своего собственного (предыдущие имели соредакторов) журнала «Сын Отечества», ставшего во главе русской литературной жизни. Державин и Карамзин, Жуковский и Батюшков, Гнедич, Вяземский, Василий Пушкин (Александр Пушкин еще лицейские стихи сочинял...) – основные авторы журнала. Такой популярностью журнал был обязан другому, просвещенному меценату Греча – Александру Николаевичу Оленину (1763–1843), директору Императорской публичной библиотеки, крестному отцу Греча в литературе.

... Оно и сейчас меценаты, правда редкие, играют весомую роль в литературном становлении писателя, но в первой половине XIX века, в продол-

жении традиции века предыдущего, меценатство не то, что не полагалось таким кумовством, но приветствовалось в литературном мире. Оленин же покровительствовал талантливому юношу еще со школьного его обучения. И то, что в дальнейшем Греч изрядно поупражнялся над своим благодетелем в каламбурных издевках – опять же в духе того времени: наивного и неблагодарного, когда люди относительно рано взрослели: юность насмешлива и язвительна в отношении старости, ибо еще не поимела житейской мудрости. Опять же и других «арзамасцев» в таком качестве вспомнить можно, того же Пушкина...

Итак, к Отечественной войне 1812-го года Греч был на вершине литературной славы, а время это и иначе как блестящий эпохой «Сына Отечества» не называли в литературных и читательских кругах. По убеждениям – искренний и восторженный либерал александровской поры, близок к «Арзамасу» (см. иллюстрацию выше), а «Сын Отечества» щедро предоставлял свои страницы арзамасцам – почти что орган этого литературного сообщества. В переписке Вяземского, А.И. Тургенева, Карамзина, И.И. Дмитриева и многих других виднейших писателей той эпохи о Грече – только благожелательные отзывы: душа передового общества и посильный движитель русской словесности. Даже масонство Греча – ложа «Избранного Михаила» – это бонтон тогдашнего либерализма и передового мышления. В структуре этой ложи Греч принял самое активное участие в создании ланкастерских школ – практика передовой педагогики тех лет.

Словом, остановись Греч на достигнутом – и в советских школах имя его благославлялось бы наряду с Белинским, Добролюбовым с одной стороны, с наиболее видными арзамасцами с другой. Но вот эпоха александровского либерализма сменилась на разломе восстания декабристов казенным администрированием царствования Николая I. И Греч уже предваряет свою книгу по грамматике русского языка следующими словами (см. иллюстрацию).

Посвящение императору Николаю I на форзаце в книге Н.И. Греча «Пространная русская грамматика»

...Можно ли это полагать корыстным низкопоклонством? – Вряд ли, поскольку в начале царствования Николая Павловича, несмотря на декабрьские события его воцарения, казни и ссылки участников *вывода* войск на Сенатскую площадь (солдат ведь не наказывали: они команду отцов-командиров выполняли, путая присягу законному наследнику Константину с какой-то Конституцией!), многие полагали нового монарха благородным и откровенным. Вот и сейчас издаются книги навроде «Рыцаря самодержавия» (вроде как в серии ЖЗЛ) пера одного из бывших ректоров Литинститута...

Почему-то Александра Сергеевича за подобное же не упрекает литературоведение последних двухсот лет, только извинительно замечают: доверчив, мол, был Пушкин. Имеются в виду его стансы «Друзьям» (1828) с ис-

кренней похвалой Николаю Первому. И другие бывшие арзамасцы здесь отличились. Опять же и традиции предыдущего века еще не забылись: ведь мало кому придет в голову упрекать Ломоносова, Державина, тем более Тредиаковского и Сумарокова за его «Оду Е.И.В. всемилостивейшей государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, в 25 день ноября 1743», Хераскова за «Россиаду» – за их многочисленные оды царствующим самодержцам? Ведь на Руси испокон веку неизживаемо: царь (как бы он не назывался) – отец родной, жалованную грамоту народу дал, да злые бояре-чиновники ее выкрали и в землю закопали...

И все тому же Пушкину, если по сути (не по сменяющимся «политическим веяниям» в литературоведении) разобраться, грех особый жаловаться на Николая Павловича: придворное звание камер-юнкера невысокое? Так проживи дольше, стал бы и камергером, как Тютчев, а может и гоф-маршалом. Да Пушкин и был честен – не злословил в тех же эпиграммах на Николая Первого (а вот об Александре I не сдерживал свое перо: «... Властитель слабый и лукавый над нами царствовал тогда... плешивый щеголь, враг труда...»), который относился к поэту благосклонно, понимая величие его таланта, в том числе для пользы России («Клеветникам России»). Один факт, что после гибели поэта царь выплатил тридцать тысяч долга Пушкина и позаботился о его семье, о многом говорит... чтобы там исторические сплетники не подалдыкивали.

Еще более существенным следует полагать «личное цензорство» царя в отношении Пушкина. Здесь смешно опять же школьное утверждение, что этим Николай Первый «душил музу поэта». Совсем наоборот, он давал этим торную дорогу его творчеству, оберегая Пушкина, при его вспыльчивой натуре, от необдуманных слов и влияний хитроумных недругов. Опять же иметь «личным цензором» императора – это ли не признание исключительности творчества поэта?

... Верноподданность и Пушкина и Греча – это от искренности, ну-у, может и от первых впечатлений нового царствования. *Несомненно, это ува-*

жительность к конкретному человеку, хотя бы и царю, но не социальной и политической системе. А это глубоко разные понятия. Еще раз вернемся к словам Наполеона, уже не трансформированным: от великого до смешного один шаг. Не следует уважительное отношение к царю (не к власти!) тех же Пушкина, Греча, да и многих других литераторов прошлого переносить на более утилитарные времена новейших эпох. От души, искренне смеяться хочется, когда берешь в руки книгу автора «губернского уровня», только и мечтающего о звании почетного горожанина (чтобы быть погребенным на почетной аллее городского погоста что ли?), где в предисловии или отдельной колонкой восхваляются достоинства местоблюстителей провинциальной власти...

Граф М.Д. Бутурлин в известных своих «Записках» пишет: *«В Английском клубе я познакомился с Н.И. Гречем. Там, за обедом, он был, так сказать, гусями, соловьем: заслушиваемся, бывало его. В одном только отношении разговор его делался приторным, а именно в неразборчивости и утрировке его восхищения всем тем, что говорил и делал государь... Разве только к царскому чиханию не применялось опошлевшее восклицание: какой-де государь у нас молодец!»*

Что здесь сказать? Скорее всего следующее: Греч до конца дней своих не изменил своего отношения к Николаю Первому, а вот Бутурлин «писал в стол», его воспоминания о сороковых годах были опубликованы только в самом начале XX века («Русский Архив»). Не буду настаивать в уверении, что «давши слово, крепись», но в честности своих мнений и воззрений Гречу отказать трудно.

И сам император не сомневался в честности писателя, что видно из письма Бенкендорфа к Гречу (его приводит Иванов-Разумник в предисловии к изданию 1930-го года «Записок о моей жизни»): *«Милостивый государь Николай Иванович! Я имел счастье обратить всемилостивейшее внимание его императорского величества на многолетние полезные труды Ваши и благонамеренное направление литературных сочинений, Вами издаваемых, и,*

вместе с тем, всеподданнейше доводил до высочайшего сведения о постоянном усердии Вашем, готовности к составлению и изданию поручаемом Вам от меня статей и о той пользе, какую приносят Ваши занятия. Государь император, удостоив с благоволением принять таковое всеподданнейшее мое представление, высочайше повелеть мне соизволил: объявить Вам особенное монаршее удовольствие за полезные Ваши труды. Причем его величество изволит надеяться, что и на предбудущее время Вы, с тем же усердием, будете продолжать занятия Ваши, тесно соединенные и с пользами просвещения, и с намерениями правительства. С особенным удовольствием сообщая Вам, милостивый государь, таковой высочайший отзыв его императорского величества, с совершенным уважением и преданностью имею честь быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугой – Граф Бенкендорф» (С. 19–20 указ. кн.).

Письмо это, впервые опубликованное Ивановым-Разумником (см. выше со ссылкой), было с восторгом воспринято советским литературоведением как – якобы – прямое доказательство доносительного по характеру, тесного сотрудничества Греча с III Отделением. Как говорится, не было бы этого письма, его следовало придумать для окончательного приговора. Спешим огорчить: как всякий чиновник на службе, да еще недурственный словесник, досконально знающий литературную среду, он выполнял именно те поручения министерств и департаментов, а III Отделение тот же департамент! которые касались организации литературно-просветительской деятельности в империи. Одним из таких заданий (это неявно отмечено в письме Бенкендорфа), например, было активное участие Греча в составлении нового цензурного устава 1828-го года. Причем тут пресловутая «доносительность»? Никому ведь в голову не придет обвинять автора «Обломова» и «Фрегата «Паллады», который в 1858-м году по службе был назначен главным цензором Российской империи, в этом самом «доносительстве»?

Греч всю свою жизнь служил чиновником, «достигнув степеней известных», что не мешало ему служить и литературе. И если эти две стороны его

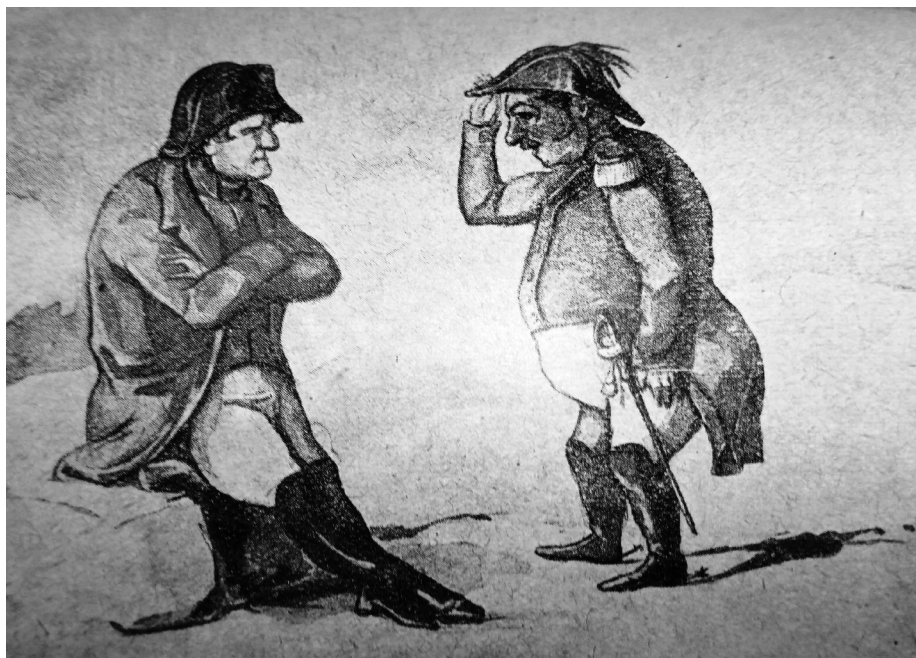
деятельности пересекались, то явно к пользу дела общественного. ... Слава богу, что в имеющихся источниках даже самые откровенные недоброжелатели Греча не решились обвинить его в том, чего не было: в том же доносителстве, шпионаже за литературными коллегами, подхалимаже и прочих грехах, за которые «бьют шандалами». Был он прямолинейно честен и безотказен, как истинный русский немец.

◆ Злой рок в лице Булгарина во многом, если не в основном, создал Гречу нелицеприятную репутацию. Причем не столько при жизни, сколько в последующей литературной памяти. Истинно говорится: с чертом свяжешься – не отвяжешься. Фаддей Бенедиктович Булгарин (1789–1859), если поискать ему родственного по характеру литературного персонажа, более всего напоминает Остапа Бендера: кипучая натура и делячество не столько ради наживы, денег, но для самого процесса. Греч в своем отдельном очерке-воспоминании «Фаддей Булгарин» – наиболее объективном, отнюдь не в стиле упомянутой басни Крылова, так определил сущность натуры Булгарина: *«Я не видел, что в этом скрывалась только исключительная жадность к деньгам, имевшая целью не столько накопление богатства, сколько удовлетворение тщеславию. Фридрих II сказал однажды о поляках: «нет подлости, которой бы не сделал поляк, чтоб добыть сто червонцев, которые он потом выбросит за окно». К тому должно еще прибавить... враждебные свойства его, и хорошие и дурные, с годами крепнут и возрастают. Так было и с Булгариным»* (С. 691 указ. кн).

... Здесь в чем-то шляхетский характер коррелирует с русской присказкой: украсть вагон спирта, продать его, а вырученные деньги пропить. Фее-ризм жизненного пути Булгарина начался с его службы лейб-уланом в России, как подданного империи, поляка по происхождению – из Царства Польского в составе России. Но в 1807 году Александр I и Наполеон заключили Тильзитский мир, который в русской, затем в советской историографии полагается позорным и не выгодным для России. Однако, отринув эмоции и пр., следует признать, что это был единственный в проявлении Александра I пра-

вильный геополитический шаг: выступить в союзе с Наполеоном против вечных врагов России – Англии и Пруссии. Но он же, «властитель слабый и лукавый», сам все и испортил, не выполнив условия Тильзитского мира, чем и спровоцировал Наполеона на Московский поход... Подумайте сами.

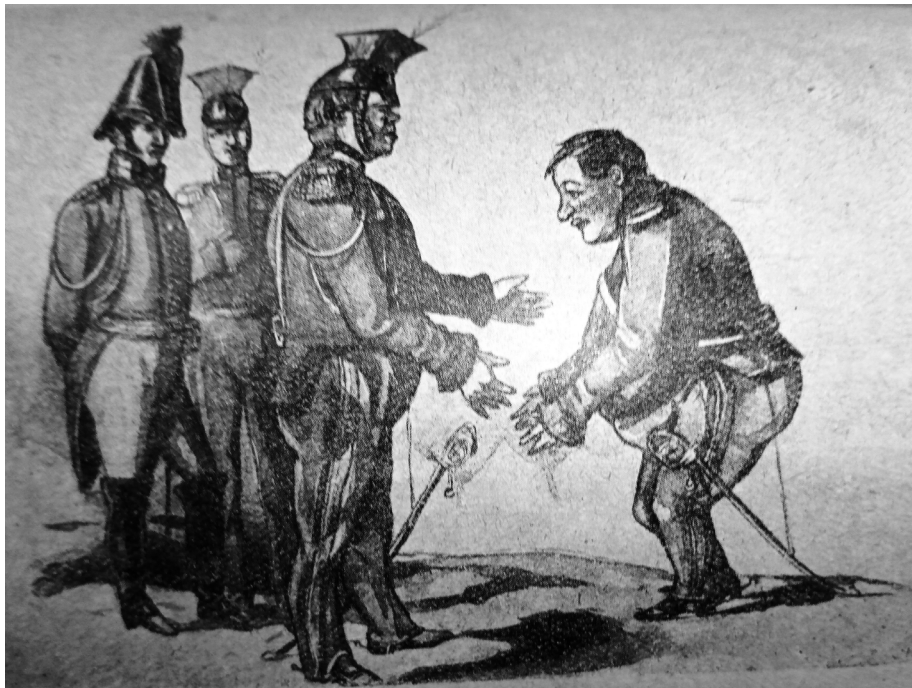
И вот после замирения Булгарин из русских лейб-уланов переходит в польский легион армии Наполеона, где и служит в 1809–14 гг. (см. иллюстрацию). Заметим – это не являлось предательством, учитывая на момент перехода Булгарина во французскую армию мир между Россией и Францией, а

Наполеон и Булгарин. Карикатура Н.А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)

также его польское происхождение; Герцогство Варшавское тогда принадлежало Франции. Но в 1812–14 годах он воевал *против* своего отечества, был взят в плен. Эти годы жизни Булгарина живописно, с умеренной сатирой описаны Гречем в упомянутом очерке «Фаддей Булгарин». Затем начинается второй период пребывания Булгарина в России – уже на всю оставшуюся жизнь. И новые карикатуры на него (см. иллюстрацию). Не будем останавли-

ваться особо на литературной жизни Булгарина (романы «Иван Выжигин», «Петр Иванович Выжигин», «Памятные записки Чухина», «Воспоминания» и другие – вскорости напрочь забытые); а вот его след в издательской деятельности: «Северный архив», «Сын отечества», «Литературные листки», «Детский собеседник», «Эконом», «Русская талия», «Северная пчела». – Впечатляет? – Конечно, и именно в издательской деятельности состоялось пересечение Греча с Булгариным, его злым гением. В цитированном выше очерке Греч сохраняет объективность: *«При жизни одни его хвалили, другие терпели: третьи ненавидели, многие спорили, бранились с ним... Но по смерти сделался он предметом общей злобы и осмеяния»* (С. 665 указ. кн.).

Константин Павлович и Булгарин. Карикатура Н.А. Степанова (Из собрания Пушкинского Дома)

... Когда читаешь очерк Греча о Булгарине, а параллельно с ним статью А.С. Пушкина «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович

Орлов»*, тотчас вспоминаешь романы русских писателей XIX века, уже упомянутых выше в этом аспекте Достоевского и Лескова, в которых неизменными персонажами являются русские поляки, шляхетский гонор которых не претит им ловко вращаться в чиновной, литературной и иной среде в столицах и в провинции, умело устаивая свои гешефты. Это не те польские бунтари, что наряду с русскими каторжанами и кавказскими «кровниками» (вспомните Ибрагима-Оглы из «Угрюм-реки» В.Я. Шишкова), в течении девятнадцатого века составила население Сибири. И не те, которые со звенящим в душе полонезом Огинского покидали Царство Польское, уезжая в европейские страны и Америку. А было то особое «племя» на русской службе, но не считавшее Россию своей родиной. Опять же – см. у Достоевского в особенности.

Итак, послужив у Наполеона до 1812 года в Испании, а затем в корпусе маршала Удино, действовавшего в Литве и Белоруссии, далее отступая с французской армией – переправляясь через Березину, вел (по его словам) лошадь с седоком Наполеоном, – в кампанию 1814-го года был взят в плен пруссаками, передан русским. После окончания войны Александр I объявил безусловную амнистию полякам из армии Наполеона. А Булгарина даже лично принял Константин Павлович (см. иллюстрацию выше) – брат императора и его наместник в Варшаве. Отказавшись от предложенного Великим князем чиновного места в Царстве Польском, Булгарин сделался ходатаем по судебным делам двух польских магнатов и – выиграл почти безнадежное дело! Далее – Петербург и начало литературной деятельности (И Остап Бендер писал «Незаменимое пособие для сочинения юбилейных статей, табельных фельетонов, а также парадных стихотворений, од и тропарей»).

В столице он мигом оброс кругом полезных знакомцев. Дошла очередь и до Греча – тогда в зените известности и литературного признания. Как пишет сам Греч: «В начале февраля 1820 года явился у меня в кабинете человек лет

* Пушкин А.С. Избранное / Сост. П.А. Николаева.– М.: Советская Россия, 1980.– С. 304–310 (Серия «Библиотека русской художественной публицистики»).

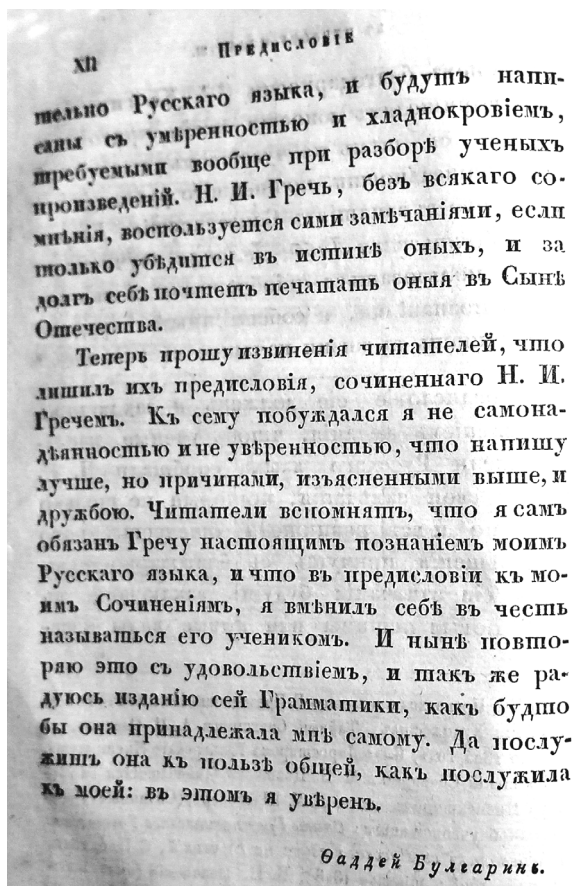
тридцати, тучный, широкоплечий, толстоносый губан, порядочно одетый, и заговорил со мною по-французски...» (С. 684 указ. кн.).

Коль скоро Греч тогда номинировался «отъявленным либералом» (это его слова), то и Булгарин аттестовался таким же. *«В моем доме он узнал Бестужевых, Рылеева, Грибоедова, Батенькова, Тургеневых и пр. – цвет умной молодежи!»* – пишет далее Греч.

Со всеми он мигом наладил добрые отношения, а с Грибоедовым и вовсе подружился. Действовал он по правилу старой присказки: пан или пропал, хотя пан – явный поляк. Испробовав ряд издательских мероприятий, Булгарин сузил цель до использования Греча, уговорив того в 1824 году совместно с ним издавать «Северную Пчелу», которая имела четвертьвековой заметный успех – от похвального до скандального. И получилось, что Греч стал финансово зависимым от Булгарина. Он и говорил, что порвать с ним отношений он не мог, не поставив семейное свое благосостояние под угрозу. Греч пишет об этом: *«... Когда я, в 1847 году, собираясь долее пожить за границею, хотел передать мои дела в «Пчеле» в собственность моему сыну при моей жизни, Булгарин объявил свое согласие, под тем условием, чтоб я за эту передачу заплатил ему, Булгарину, десять тысяч рублей. Разумеется, что после этого передача не состоялась»* (С. 721 указ. кн.).

Вот и весь секрет их тесных взаимоотношений, или как ловкий поляк Булгарин привязал к себе денежной цепью несколько наивного и прямодушного немца Греча! Что же касается «кукушкино-петуховских» взаимных предисловий к книгам визави, то и здесь важно не скатываться к примитивному: ты мне, а я тебе. Прочтите окончание предисловия Булгарина к «Пространной русской грамматике» (см. иллюстрацию): здесь все правда: явившись после своих армейских походов и сутяжничества по искам двух польских помещиков в Петербург, имея целью попрактиковаться на литературном поприще, Булгарин не очень уверенно владел русским языком. Сочинения свои он писал с помощью квалифицированных помощников. А сблизившись с Гречем, консультировался у него. Поэтому и пишет Булгарин, что *«Я вменил*

себе в честь называться его учеником». Что правда, то и есть правда: «Читатели вспомнят, что я сам обязан Гречу настоящим познанием моим русского языка».

Окончание предисловия Фаддея Булгарина к книге Н.И. Греча «Пространная русская грамматика»

А поскольку Греч взялся за грамотность Булгарина, то и счел своим моральным долгом предварять публикации книг Булгарина – ответственность учителя. Междометия и сослагательные наклонения здесь излишни.

♦ Греч оказался учителем не только Булгарина в части русской словесности, но, в определенном смысле, и всей страны. В той же литературной и политической газете «Северная Пчела», редактируемой и издаваемой им в партнерстве с Булгариным, Греч преимущественно вел разделы зарубежных новостей и русской грамматики. Учитывая же всероссийскую популярность,

влиятельность газеты, имя Греча тесно связывалось с выработкой нормативности русской грамматики. Это являлось требованием времени. Опять же на рубеже двадцатых-тридцатых годов, редактируя также «Журнал Министерства внутренних дел», а в середине тридцатых годов – журнал «Русский Вестник», Греч и в этих изданиях находил возможным и полезным касаться вопросов упорядочения грамматики русского языка. «Пространная русская грамматика» явилась результатом многолетних трудов Греча. Она же до 60-х годов XIX века являлась практическим руководством по изучению русской грамматики и вообще сыграла значительную роль в развитии научного изучения языка. Из <начала> оглавления этой книги (см. иллюстрацию) видна именно научная постановка изучения предмета. По какой причине Греч не издал второй том своей грамматики, что он обещал «издать в течение нынешнего года» в кратком авторском предисловии «К второму изданию»? – мы ответа на это не нашли ни у самого Греча в его публикациях, ни у наиболее известных литературоведов. Может просмотрели...

О Г Л А В Л Е Н И Е	
ПЕРВАГО ТОМА	
Пространной Русской Грамматики.	
	справ.
ВВЕДЕНІЕ	1
I. О языкѣ вообще	—
II. О происхожденіи и образованіи языка вообще	5
III. О Русскомъ языкѣ	21
IV. О Грамматицѣ вообще	38
V. О Русской Грамматицѣ	42
Часть первая: Этимологія общая.	
Введеніе	57
Глава первая: О буквахъ	58
A. Общія свойства и главное раздѣленіе буквъ	—
B. Общія замѣчанія	60
B. О гласныхъ буквахъ	61
Г. О полугласныхъ буквахъ	—
Д. О двугласныхъ буквахъ	62
E. О согласныхъ буквахъ	64
Ж. О сложныхъ согласныхъ	67
З. Общее заключеніе	78
Глава вторая: О слогахъ	80
A. Сочетаемость буквъ	81
B. Измѣняемость буквъ	84
a. Измѣняемость буквъ гласныхъ и полугласныхъ	85
б. Измѣняемость буквъ согласныхъ	87
Глава третья: О словахъ	90
A. О происхожденіи словъ и о различныхъ родахъ оныхъ	92
B. Приложение къ Русскому языку	96
Часть вторая: Этимологія частная.	
Введеніе	102
A. Предварительное раздѣленіе и объясненіе понятий	103
B. Слѣдствія, выводимыя изъ предыдущаго	106
Глава первая: Объ Имени Существительномъ	108
A. Свойство и раздѣленіе	—
I. Родъ	112

Начало оглавления к книге Н.И. Греча «Пространная русская грамматика»

И снова Гречу не совсем повезло в его филологических трудах: при всем теоретико-лингвистическом и практическом признании и пользовании грамматикой Греча, начиная с середины XIX века, отзывы известных в то время филологических авторитетов (Востоков, Сухомлинов и др.; публиковались в «Истории российской Академии») на этот труд все более становились отрицательными. Что ж, любая наука не догма и всегда имеет стимул к дальнейшему развитию. Это диалектика познания. Тем более, что все эти отзывы никак не препятствовали известности «Пространной русской грамматики» и ее практической применимости. Более того, в начале 30-х годов переработанная Гречем в краткий учебник грамматики, книга и стала базовым учебником для различных типов учебных заведений. Именно этот учебник, изданный массовым тиражем, на много лет обеспечил и безбедное существование Греча с

семейством. Оба романа его, «Поездка в Германию» и «Черная женщина», в котором использован литературный прием смещения временных плоскостей, при выходе имели успех «занимательного чтения», а это есть гарантия скорого забвения. Все же и по преимуществу Греч являлся литературным публицистом и филологом, редактором и издателем, чего не скажешь утвердительно о беллетристической стороне его многоплановой деятельности.

◆ Николай Греч так вспоминает о своих взаимоотношениях с Пушкиным (в очерке «Фаддей Булгарин»): *«Мы раз как-то встретились в книжном магазине Белизара (ныне Дюфура). Он поклонился мне неловко и принужденно, я подошел к нему и сказал, улыбаясь: «Ну, на что это походит, что мы дуемся друг на друга? Точно Борька Федоров с Орестом Сомовым». Он расхохотался и сказал: «Очень хорошо!» (любимая его поговорка, когда он был доволен чем-нибудь). Мы подали друг другу руку, и мир был восстановлен. В конце 1831 года, вознамерившись издавать «Современник», он приезжал ко мне и предлагал мне участие в новом журнале. Я отвечал, что принял бы его предложение с величайшим удовольствием, так не знаю, как освободиться от моего польского пса. Пушкин сам сознался, что это невозможно, и прибавил, смеючись: «Да нельзя ли как-нибудь убить его?» (С. 703 указ. кн.).*

В том же году (1831) Пушкин печатает в журнале «Телескоп» указанную выше статью «Торжество дружбы...», начиная ее словами (прямо как Крылов в «Кукушке и Петухе»): *«Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Венедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича; Н.И. поспешно провозгласил Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем (выд. А.С. Пушкиным. – А.Я.). Ф.В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Димитрия Самозванца»; Н.И. посвятил Фаддею Венедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф.В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловие; Н.И. в «Северной*

пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине»... (С. 304. указ. кн.).

Из сопоставления сказанного Гречем и Пушкиным следует, что личной вражды между ними не было, только небольшие размолвки, которые неизбежны в творческой среде. А вежливое приглашение Гречу стать участником планируемого Пушкиным «Современника» (за пять лет до начала его издания) свидетельствует о понимании им как творческих достоинств Греча, так – и особенно? – роли его в общероссийском литературном движении. Иначе говоря, Пушкин, уже с позиции руководителя «Современника», четко осознавал: участие Греча будет способствовать широкому признанию нового издания, и будет странным, если журнал будет выходить без его участия. Но это было именно *вежливым* приглашением, поскольку Греч был связан редакторством с Булгариным в издании «Северной пчелы». О чем Александр Сергеевич «сам сознался, что это невозможно».

В то же время Пушкин пишет достаточно язвительно о дуумвирате Греча и Булгарина. Однако, если подумать хорошо, особенно в контексте сказанного выше о специфике литературной жизни того времени, то слова Пушкина вовсе не так и обидны в отношении Греча, зависимость которого от Булгарина Александр Сергеевич понимал: «сам сознался...» и «ловким своим товарищем».

И главный вывод из приведенного сравнения таков: исторически закрепившийся упрек Гречу, что-де скоренько из «отъявленных либералов» (это его же слова) перескочил в верноподданные, несостоятелен. Как не имеет оснований и (возможный) упрек Пушкину. У обоих либерализм был «детской болезнью», неизбежный для литературной юности и молодости преходящий и закономерный этап. А о подлинном содержании «верноподданничества» Греча достаточно было сказано выше.

◆ Роль Греча в формировании всероссийского литературно-общественного процесса несомненна, существенна и отличительна. Именно последняя характеристика не нашла вовсе отражения в историческом литера-

туроведении. Вместо этого Греч заслужил только нелюбезные отзывы в последующие полтора десятилетия с лишком лет. Тот же, упомянутый выше, Иванов-Разумник пишет: *«... Вот в какое болото понемногу скатился Греч после своего душевного надлома в 1820 году и после начала своего знакомства с Булгариным. Раболенство перед правительством с одной стороны, литературное торгашество с другой – вот к чему пришел былой «отъявленный либерал» александровских времен. Скажи мне с кем ты знаком, и я скажу тебе, кто ты – говорит известная поговорка. Ее можно видоизменить и так: скажи мне, кто твой герой, и я скажу тебе, кто ты. Греч был «знаком» с Булгариным, а его «героем» был – Николай I. Этого более чем достаточно для полной его характеристики»* (С. 24 указ. кн.).

Что здесь скажешь? Автора этого «приговора», обязанного подчиняться (1930 год на дворе) выводам комиссии Луначарского-Крупской, определившей на семьдесят лет «круг чтения» советских людей и изъявших из этого «круга» десятки, сотни имен представителей русской словесности XIX – первой четверти XX вв., в том числе имя Николая Ивановича Греча, опровергать не следует. Кто музыку заказывает, тот девушку и танцует – ответим с допустимым легкомыслием. Но сейчас вроде как к литературе, особенно с полутора-двухсотлетней историей, никому никакого дела нет. Тем более, что некогда мощный и общественно-влиятельный класс литературоведов если в мизере-мизерерос и сохранился, то всего лишь в наивном воображении и памяти людей старшего поколения.

Литературное движение формируется, поддерживается при одновременном наличии базиса – активно работающих талантливых, творчески одаренных писателей и организаторов этого процесса: публицистов, литературоведов, журналистов, издателей, в особенности периодики. Базис и организация, что особенно характерным являлось для русской литературы первой половины девятнадцатого века, могут пересекаться как в индивидуальностях, так и в творческих объединениях.

Ярким примером последнего являлся «Арзамас». Николай Греч как раз и относился к числу «пересекающихся», но с преобладающим тяготением к организационной стороне процесса; в поле жнец и на дуде игрец – это большая редкость в сфере словесности; просто степень такой «асимметрии» может быть различной. Опять же Достоевский и Лесков (надеемся, что не утомили читателя однообразием примеров и имен в них...), хотя бы уже во второй половине XIX века, типичные примеры преобладающего литературного, беллетристического таланта, но, хотя и в несколько меньшем ареале, в то же время и заметные организаторы: «Дневник писателя» – публицистический альманах Достоевского, он же (вместе с братом М.М. Достоевским) издатель журналов «Время» и «Эпоха»; многочисленные статьи и очерки Н.С. Лескова в ведущих российских газетах и журналах – непременно на злобу дня, актуальные, сугубо объективные и принципиальные.

Еще один существенный момент. Как сугубо художественные произведения в последующем могут трактоваться неоднозначно, так – и особенно! – деятельность организаторов литературного процесса со стороны ушедшего вперед времени, особенно при меняющихся общественно-социальных установках и ориентирах, с легкостью может быть отнесена к негативной. Оно и понятно: будущее всегда «глядит» на прошлое укрупнено или, как принято в психологии, *с акцентом сдвига мотива на цель*. Вот в такую ситуацию и попал Греч: что называется, раз и навсегда «без суда и следствия». Ведь чтобы уяснить роль его в создании такого общественного явления как всероссийский литературный процесс – в формировании, движении и развитии вширь и вглубь, – следует ни много, ни мало, но поставить себя... на место Греча в 1820–1840 годах. Это не примитивный эвфемизм, а всего лишь призыв к объективности. Как раз примитивно разделение – в историческом плане – литературы на либеральную и консервативную. Тем более в начальный период ее социумного признания. Иначе будет как в реформации русской истории в 1920-х годах профессором Покровским, что-де разбойник Стенька Разин и самозванец Емельян Пугачев были провозвестниками Октябрьской револю-

ции. Опять же с какой стороны смотреть: ликвидации института частной собственности или стихийного социального взрыва «сарынь на кичку!»

... Подведем итог наших «рефлексий». В памяти историко-литературной сама фигура Греча и его роли в этой истории однозначно отложились как негативные. Хотя единственный, неотрицаемый с позиций традиционной морали (сейчас она иная), «недостаток» Николая Греча – это его чисто немецкое равнодушие к деньгам. И если современники называли это жадностью, то только сравнивая с несравнимым: с русской широтой души, для которой деньги есть дело второстепенное (по Достоевскому).

Именно разносторонняя деятельность Греча – а за двумя зайцами не угонишься! – создала эффект распыленности его творчества: плодотворность по многим путям, увы, редко остается в исторической памяти.

Алексей Яшин

(г. Тула)

**СОЦРЕАЛИЗМ – ПРОБНЫЙ ХОД
СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ В
ЛИТЕРАТУРЕ «К ПРАВДЕ СВЯТОЙ»**

**К 150-летию со дня рождения классика русской и советской литературы
Алексея Максимовича Горького**

Член Союза писателей СССР и России, член Правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори», лауреат многих литературных премий, доктор технических и доктор биологических наук, профессор Тульского государственного университета.

◆ ...Как учили нас мудрые наставники в Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР (про нынешний «Тверской бульвар, 25» ничего сказать не могу...), если название художественного или литературно-публицистического произведения содержит более двух-трех слов, то дотошный читатель тотчас начинает искать в нем, то есть в собственно названии, некий скрытый смысл, завуалированный подтекст и так далее. А в наше, будь оно не к ночи помянуто, славное время превалирования в маскультуре, в литературе тож, детективного начала, а также всего содержания и окончания с лейтмотивом «хэппи энда», и вовсе искушенный знающий грамоте затаит про себя догадку конспирологического характера... А какое это удовольствие для литературного критика, творческий подход которого суть «ловля блох»?!

Эта преамбула имеет целью и назначением сообщить читателю: в названии настоящего очерка «как пишется, так и читается», а слова «к правде святой» закавычены исключительно по правилам русской грамматики, как взятые из пьесы «На дне» Максима Горького, столь памятные (слова) со школь-

ных уроков литературы: «Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой». То есть «ловцы блох», а особенно конспирологи, далее по тексту очерка могут отдыхать: «правда святая» в его названии никак не соотносится с «безумцем» и «сном золотым».

Господи! Как надоело порой (и часто!) все разжевывать, почти что оправдываться, говоря на темы, в нынешнее (см. выше) время малопопулярные, а Алексей Максимович сейчас забыт основательно и почти что «директивно от СМИ». Но это почти обязательное добровольное бремя для главного редактора незапиаренного «толстого» литературного журнала. Увы. Ведь не следовать же, упрятав литературную совесть в карман, той же статье-персоналии о Горьком в популярнейшей «Википедии», где упор сделан на «гиперсексуальности Горького» и его неумеренной тяге к роскоши: здесь и житье-бытье на Капри, и каюта люкс-класса на пароходе, идущем в Америку...

Что здесь сказать? По части «гипер» разве что напомнить уже вековой с таким анекдот, бытовавший в кухонных посиделках слегка диссидентовавших «под пузырек очищенной» интеллигентов, в котором на прогулке по тенистым аллеям Ясной Поляны Горький интересуется у Льва Николаевича (шел 1900-й год) о его грехах молодости по женской части, на что тот отвечает что-де все было в принятой норме. Алексей же Максимович признается: «А я в молодые годы отменным был кобелем!» «Википедия» пошла намного дальше, продлив «гипер» пролетарского писателя до его смертного одра – о Марии Будберг речь идет... Воистину, используя термины науки психологии, в современном литературоведении происходит *сдвиг мотива на цель*, когда собственно анализ творчества писателя подменяется копанием в его «окололитературном белье». И далеко не только в литературе; здесь сто очков вперед дает телевизионное кино- и театроведение, особенно в исполнении того чернопатлатого молодца, кумира пожилых домохозяек, что каждый божий вечер мельтешит на экране. Кстати, в самое «смотровое» время. И добрый

наш народ, как библейские гадаринские свиньи, послушно и даже охотно бежит вослед этим сдвигателям мотивов в глубокую пропасть того полнейшего бескультурья, по части которого мы вот-вот «догоним и перегоним» Америку со всем Западом-Востоком вкупе... Но – это все к слову сказано, хотя и по делу.

Что же касается упреков Горького в тяге к роскошной жизни, то, во-первых, естественное желание человека с босяцким детством – юностью почувствовать во взрослой жизни расслабление; во-вторых, роскошь-то пролетарского писателя была сугубо относительной, на уровне какого-нибудь адвоката или чиновника средней руки, еще и на революцию грядущую изрядно давал; наконец, и в главных, не следует забывать истоки этой сомнительной «роскоши»: это не миллиарды \$ и € современных наших (а наши ли они?) *олигархеров*, разворовавших все, что Россия создала за свою 1000-летнюю историю: и материальные ценности сталинского и послесталинского периода, и сведя к нулю «личным примером», через продажные СМИ и пр. всю духовную составляющую, выработанную в русском народе от времени крещения Руси: от христианской морали и нравственности до образования и искусств. Литературы в том числе. Горький же не воровал, не занимался каким-либо видом спекуляции, не играл в карты и на бирже, но жил («роскошествовал») сугубо писательским трудом. А то что он оплачивался достаточно высоко, то здесь «виновата» отпущенная им от природы мера таланта, огромное трудолюбие и неустанное самообразование...

Заметим – по аналогии с Горьким – что как-то вскользь касаются Некрасова, признанного обличителя тягот трудового русского крестьянства. А ведь этот выдающийся русский поэт, значительную часть своей творческой жизни проведший в самой отчаянной нищете, в одночасье, говоря словами Пушкина, «стал наследником всех своих родных», к тому же обнаружил в себе необыкновенно счастливое (без шулерства!) везение в картежной игре. И став самым богатым из русских литераторов, Николай Алексеевич совести не потерял: выписывая коллекционные охотничьи ружья и собак из Англии, зада-

вая самые роскошные в Петербурге обеды, словно компенсируя голодную молодость, бóльшую часть наследных и выигранных денег тратил на развитие русского литературного процесса: через свои «Отечественные записки» он де-факто и завершил создание великой нашей (вот это точно – нашей!) литературы XIX века и задал темп ее совершенствования на почти весь последующий век.

...Любого нормально, самодостаточно мыслящего человека бесит нынешняя ситуация с теми редкими Нобелевскими премиями, что сейчас получают ученые, преимущественно физики, из России. Как к новоиспеченному «нобелисту» липнут навязчивые корреспонденты: «А какую часть премии вы вложите в развитие своего института, научных фондов?» и так далее в той же тональности. Но никому из них в голову не придет с теми же дурацкими вопросами о пожертвованиях обратиться к любому торгашу, перекупщику и прочим представителям пресловутого класса «предпринимателей средней руки», у каждого из которых на текущем счету лежит не один такой «нобелевский миллион»... Почему-то считается, что достаточно скромная премия, полученная выдающимся ученым за полувековую и более лет сверхнапряженную работу ума, или, как в случае с Горьким, за истощающую голову и тело творческую и литературную деятельность, отмеченную – от природы – немалым талантом, есть некая дармовщина навроде выигрыша в лотерею, которой «по совести» надо делиться! А вот торгашество-спекуляция есть кровно заработанное и дележу не подлежащее... Чуден мир твой, господи.

Вот что опубликуют к грядущему юбилею Горького периодические литературные издания – не трудно догадаться: все та же «роскошь и гиперсексуальность». Пример тому свежайший: главной кинопремьерой, да еще телевизионной сериальной, то есть на массового зрителя, прошедшего года 100-летия Великой Октябрьской социалистической революции стал, конечно же, фильм о Ленине... но сугубо в контексте его торговли с Парвусом в части германских денег на революцию и доставки Владимира Ильича в Россию в опломбированном вагоне... Ни много, ни мало. Ради справедливости отме-

тим, что ни одна революция в мире – по крайней мере после Великой Французской 1789-го года – не совершалась без поддержки извне: глобализация не сегодня родилась.*

...В отношении же Горького, как минимум, «акулы публицистического пера» добавляют о возвращении писателя в СССР, объясняя это исключительно тем, что на Западе Горького начали забывать, тиражи, а значит и гонорары его упали, «роскошествовать» не на что стало... А то, что так долго держал его на Адриатике климат, более всего подходящий для хронического туберкулезника Горького (наследие «безроскошной» молодости...), это для «акул» довод третьестепенный. Болезнь же писателя была очень серьезной. Отец мой, Афанасий Андреевич, начинавший в тридцатые годы воинскую службу на Северном флоте, рассказывал о приезде Горького в те края со специфически суровым климатом. Едва Алексей Максимович сошел с поезда на перрон мурманского вокзала, как он стал задыхаться. Его на ближайший аэродром и – на Большую землю. Вот так-то, а они все о «роскоши» и нехватке гонораров!

Могу еще инвективу для «акул» подкинуть. Все мы, бывшие советские школьники, помним фотоиллюстрацию из учебника литературы, на которой Горький играет в шахматы с Лениным на острове Капри. На заднем же плане снимка стоят болельщики. В те же школьные годы один знающий много чего по жизни старший родственник обратил мое внимание на явную пустоту в шеренге болельщиков. «Подчищенная фотография, – объяснил он, – мне же довелось видеть ее в очень давнем издании: на нынешнем пустом месте стоял... Бенито Муссолини, тогдашний лидер итальянских социалистов. И не просто стоял, а чему-то хохотал, уперев руки в боки!»

...Впрочем, хватит нам подсказывать «акулам». Они и не то посочиняют или из архивов извлекут. Это мы все написали к тому, что в отношении Горького сейчас действует, не только в масс-медиа СМИ, но и к сожалению в

* Интересующиеся см. книгу: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 12 / Предисл. А.И. Субетто. – Тула: Изд-во ТулГУ, 2016. – 460 с. (В электронном виде – на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф.И.О. автора и название книги).

сугубо литературной периодике, общая идеология «свержения советских ку-миров»: оболгать и смешать с грязью. Тому же служит и пресловутая «академическая объективность». Во всяком случае, даже робкие попытки объявить «годом Горького» 2018-й не предпринимались. Все четко расставлено по регламенту нынешнему... Но мы обращаемся ниже к теме очерка, заявленной в его названии.

◆ Мы не щегольства ради и «профессорского снобизма» сделали выше ссылку на свою, сугубо научную, впрочем, свободно читаемую любым образованным человеком, книгу о существовании современного процесса глобализации мира. И позволим <пользы для> дать из нее краткое определение, скорее пояснение, термина «пробный ход социальной эволюции» – из названия настоящего очерка. Любой эволюционный процесс, который мы «сузим» для большей понятности до жизни на Земле, от собственно эволюции по Дарвину – Ламарку и до его вершины – социализации *homo sapiens* в эпоху цивилизации и культуры – движется во времени методом тупиковых, ложных и пробных ходов, на общем фоне которых природа, то есть законы Мироздания, выверяет магистральный путь. Тупиковые и ложные ходы отсекаются от этой магистрали, а вот пробные, как правило, в какие-то временные периоды опережают в своей действенности магистральное устремление. То есть они как бы «подсказывают»: хотя мы и опередили верный путь эволюции, но она учтет их в своем дальнейшем <тоже верном> движении. И вовсе не беда, что до этого «дальнейшего» времени опыт пробного хода вроде как забывается... Каждый из вас, уважаемый наш читатель, тотчас и особо не задумываясь вспомнит множество ситуаций – от личных бытовых до прочитанного из сферы истории и высокой политики – подобного рода.

Если же вспомнить из курса школьной – желательно советской, объективной в рассмотрении событий мирового ареала – истории о последовательности смены общественно-экономических формаций, от первобытно-общинной стадии до социально ориентированной (социализм – коммунизм в тогдашней терминологии) фазы социальной эволюции человечества, то ста-

нет понятной роль пробных ходов. Здесь классический пример Франция: прикиньте, сколько раз после революции 1789-го года республика (она у них по счету сейчас официально именуется пятой...), то есть буржуазный строй, «чередовалась» с монархией, как отголоском феодализма?

Поэтому величайшую в мировой истории «контр-революцию» (она же первая в новейшее время и самая впечатляющая «цветная революция») в СССР и во всем мировом лагере социализма, исключая Кубу, Китай, Вьетнам и КНДР, в самом начале завершающего двадцатый век десятилетия вовсе не следует понимать как признание социалистической формации тупиковым ходом эволюции. Абсолютно нет – это было грандиозным пробным шагом. Во-первых, потенциал империалистической стадии капиталистической формации к началу двадцать первого века оказался еще не исчерпанным; во-вторых и в главных: все же прав оказался Маркс об одновременности перехода *всего* мира к социалистической формации. На начальном этапе создания СССР в том же был убежден Троцкий (как бы мы не относились к «Иудушке», используя ленинское прозвище). Ленин же был поставлен перед фактом социалистической единичности СССР, поэтому и появилась его корректировка Маркса «о возможности победы социализма в отдельно взятой стране».

Великий практик и стратег строительства в СССР социализма в его советской форме Сталин, вне всякого сомнения, понимал правоту Маркса, поэтому, упразднив не оправдавший себя Коминтерн, использовал победоносные для СССР итоги Великой Отечественной войны и вообще ситуацию, сложившуюся после Второй мировой войны, для создания мирового социалистического сообщества государств, далее продолженное его преемниками, хотя бы «волютарист и пробебелист» * Хрущев едва не погубил начатое Вождем дело. Однако перманентная социализация мира не смогла преодолеть мобилизовавший все свои немалые еще возможности империализм. В итоге СССР подчистую проиграл Третью («холодную», информационную и пр.)

* Так характеризовался Никита Сергеевич после его снятия со всех постов осенью 1964-го года в советских СМИ. Последние и тогда были слабограмотными, поэтому часто путали слово «пробебелист» – от имени Августа Бебеля, имевшего «терки» с Марксом – с веселым «пробабелист». Народ усмехался.

мировую войну. И сейчас имеем то, что имеем... Пробный ход социализации в советской ее форме завершился, ибо магистральный путь социальной эволюции, как человечество осознало его только в последние два десятка лет, завершением которого является создание (уже прямо по Марксу) бесклассового мирового сообщества, прообразом которого в пробном ходе явился СССР, так «запрограммирован» законами Истории – Мироздания, что это мировое объединение должно состояться в рамках ... глобализации (!?) Да-да, именно сам империализм в высшей и завершающей своей стадии подготавливает социально-экономическую базу для грядущего всемирного бесклассового общества. Сам же он как общественная формация отомрет. И что в этом удивительного? Достаточно знать историю, которая и не такие «выкрутасы» при смене формаций являла человечеству.

Словом, *per aspera ad astram* (через тернии к звездам – в пер. с лат.), ибо уже начавшийся этап глобализации, который продлится – по различным авторитетным (и не очень...) прогнозам – от восьмидесяти до двухсот лет, явится величайшим испытанием для человека. И, понятное дело, сложившееся к окончанию периода глобализации мировое социально ориентированное сообщество, да и сам человек, почти ничем не будут напоминать не только общество и его членов в произведениях добрых старых писателей-утопистов вроде Мора, Кампанеллы, Этьена Кабэ, нашего князя В.Ф. Одоевского, но и реалии прошедшей советской эпохи. Но и не надо особо жалеть наших далеких потомков: человек обладает выработанной гибкостью приспособления к жизненным ситуациям; как говорится, внук – это уже не его дед, хотя внешне и схожи.

Но все же мы, захватившие в своем жизненном движении изрядное число советских лет, должны гордиться: ни до нас, ни после, в том числе в пост-глобалистском бесклассовом *человейнике* (термин нашего выдающегося ученого и писателя-социолога А.А. Зиновьева), *никому в мире* не выпадет жить в подлинно бесклассовом обществе с полностью заглушенным атавизмом

частнособственничества – особенно в «золотые» 60–80-е годы*! При этом в полной мере чувствуя себя индивидуальной личностью, чего вовсе не будет в воследующем человеичике – то есть Марксовом мировом коммунизме. Пусть члены одноименной партии на нас не обижаются: законы Истории – Мироздания исправлению не подлежат...

◆ Приведенное выше пространное пояснение вовсе не авторская прихоть, ибо оно на уровне современного знания объясняет предтечу возникновения соцреализма как литературного (других отраслей советского искусства, культуры и пр. мы здесь не касаемся, учитывая конкретику заданной темы очерка) отражения того *пробного* хода социальной эволюции, который мы называем периодом советского социализма в истории России.

Опять же уточним терминологию. Соцреализм, как принятое сокращение, однозначно читается как социалистический реализм, то есть это определение сужено до «привязки» к конкретной общественно-экономической формации, к социализму. Еще большее сужение подразумевает действовавший с СССР вариант последнего: советский социализм. Уточнение существенное, ибо формы социализма могут быть различными, доходя до полного взаимного антогонизма. Так в 20-40-е годы прошлого века наряду с <интернациональным> советским социализмом миру были явлены германский национальный социализм (нацизм) и итальянский социализм Муссолини, особенно в последний его период – республика САЛЮ (фашизм). И сейчас, когда уже нет Советского Союза, наблюдаем различные формы социализма в мире: тот же «шведский социализм», китайский социализм, чем-то напоминающий госкапитализм. А еще совсем недавно в <ныне разгромленной империалистами> Ливии Муаммар Каддафи создал арабский вариант социализма: Арабская социалистическая джамахирия...

Но вернемся к советскому соцреализму, причем не вызовет особого возражения читать это сокращение как *социальный реализм*, в нашем случае с

* См. книгу: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминание о будущем (седьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л.В. Ханбекова: Академия российской литературы. – М.: «Московский Парнас», 2015. – 441 с. (В электронном виде на сайте www.pz.tula.ru).

прибавлением определения *советский*. Это вовсе не логико-грамматическая казуистика, но терминологическое уточнение, в рамках которого советский социальный реализм суть литературный (см. выше: речь идет только о литературе) метод, в полной мере воспринявший основные творческие традиции и высокий художественный уровень русской классической литературы XIX – начала XX века, в особенности периода доминирования критического реализма, осознанно переориентированный в ситуации бесклассовой* социальной среды, из обихода которой директивно и воспитательно полностью изъят атавизм частной собственности, на художественное отображение процессов создания исторически новой социалистической формации, а главное – человека нового типа с душевной, морально-этической и интеллектуальной организацией, понимающего личную свободу как осознанную необходимость (по Гегелю и Марксу), жизненные личные устремления которого гармоничны в рамках социума, а степень достижения (реализации) которых обусловлена двумя основными факторами: данными природой и воспитанием, в том числе <волевым> самовоспитанием, личностными качествами и степенью коррелирования и векторизации этих качеств с потребностями социума, в данном случае государственно монолитного.

...Вроде как не особо коряво сказано, хотя бы мы убрали принятую в советское время этакую «цветистость» в определениях такого вида.

Коль скоро выше сопоставляются – соподчиняются русский критический реализм и соцреализм, то естественен вопрос: если в первом все художественные средства литературы использовались в ситуации коллизии борьбы добра со злом, или хорошего с малохорошим, или... и так далее, то кто с кем «борется» в рамках метода соцреализма? Те же старинные наши – и добрые в общем-то в душе – «кухонные диссиденты» иронизировали, дескать, соцреализм – это художественное отображение борьбы лучшего с еще более лучшим... Почему-то авторство такого лихого определения приписывали заме-

* Официальное разделение населения СССР на классы рабочих и крестьян с межклассовой прослойкой интеллигенции во многом являлось формальным, особенно начиная с 60-х годов.

чательному русскому советскому писателю Федору Васильевичу Гладкову, кстати, родоначальнику жанра так называемого производственного романа, автору «Цемент» и «Энергии». Кстати, великолепно написанных книг, памятных мне с отроческих лет. Но... все же его автобиографическая тетралогия о детстве-отрочестве-юности с ее колоритными сценами из мещанско-купеческого быта еще более художественна. Именно за нее Гладков и получил с перерывом в год аж две Сталинские премии... Впрочем, на Федора Васильевича много чего понавешали. Даже одесские классики Ильф с Петровым его не обошли в эпопеи об Остапе Бендере; помните? – «Толстовка-гладковка» (это о покрое мужских рубаш навывпуск).

Все это, конечно, чушь околелитературная – навроде масла масляного, оно же сражение «лучшего с еще более лучшим». В отличии от определенной прямолинейности отрицания добром зла в методе русского критического реализма, в советском соцреализме диалектически, то есть основанное на трех законах диалектики Гегеля (и Маркса – Энгельса, впрочем, скорее последнего), обусловленное противостояние имело не отрицающий, но скорее поощряющий характер. В центре внимания этого творческого метода была вовсе не *система* (это опять от диссидентствования на московских кухнях), но человек нового типа, уже упомянутый выше. А как развивается телом, умом, душой любой человек? – Правильно, он вырастает из прежних «одежд» (для тела – без кавычек) и обретает все новые и новые. Для советского же социума дополнительно требуется еще *общественная гармония*. И сущность конфликта, как стержня сюжетной организации литературного произведения, в соцреализме переносится в духовную сферу, проще говоря, в аспект «догоняющей» моральной организации человека – члена общества с декларируемой высокой степенью этой организации. То есть устремление к идеалу – маяку, в основе которого лежит христианская мораль, хотя бы она в СССР и именовалась «Моральным кодексом строителя коммунизма», а не <как в первоисточнике> Нагорной проповедью Христа или заповедями блаженств Но-

вого Завета.* Места удивлению и иным эмоциональным проявлениям здесь нет. Более того, как и советский социализм, христианство – речь идет о его морали, а не об институте христианской церкви – также является своего рода, хотя и растянувшимся на два тысячелетия, пробным ходом социальной эволюции. Увы, сейчас, «на взгорке» глобализации, от морали Христа мало что остается... Так что совсем не популистскими звучат слова Г.А. Зюганова, что Иисус Христос был первым коммунистом.

Надеемся, что изложенное выше краткое определение соцреализма, лишенное догматичности советских учебников истории, напомнит читателям, заставшим советскую эпоху в сознательном возрасте, о том времени, когда литература искала путь «к правде святой», а не только жаждала пиара-гонорара!

◆ Переходя собственно к формированию творческого метода соцреализма, роль Горького в котором если не решающая, но – направляющая, нельзя не вспомнить положение дел с литературным творчеством и литполитикой в СССР в первые десять послереволюционных лет. А творилось очень даже похожее – в части той же литературы – на наше время, включающее последние двадцать с небольшим лет. С одним «малозначительным» отличием: если сто лет назад русский литературный мир кипел, вырывался паром многочисленных талантов – от поэтического хулиганства до литературно-философской прозы *все были талантами!* – то сейчас, говоря словами одного из тех давнишних <в третий раз не будем употреблять в одном предложении то же слово>, «мы – умы, а вы – увы!» Причем 100%-ый акцент ставим на последнем слове... Увы. Хотя страсть к тем же эпатажным названиям книг воскресла в полной мере. Не моя задача рекламировать одну нынешнюю частную премию и кандидатов на получение оной, но не могу отказать себе в удовольствии и в контексте с означенным выше сравнением литературных эпох привести название номинированных на премию 2017-го года книг. А

* См. книгу: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А.И. Субетто. – М.: «Московский Парнас», 2018. – 506 с. (В электронном виде – на разных сайтах Интернета; набрать по поисковику Ф.И.О. автора и название книги).

именно: «В Советском Союзе не было аддерола», «Не боюсь Синей Бороды», «Ленин. Пантократор солнечных пылинок», «Конец Покемаря», «Захлок», «Голомяное пламя», «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами», «Петровы в гриппе и вокруг него», «Манарага», «Головастик и святые» и так далее.

Еще раз – это не упрек и не порицание авторам, несомненно уважаемым людям, а названные их произведения вовсе не случайно отобраны в «длинный список» еще более высокочтимой премии. «Разоружаясь перед партией», как говорили на партчистках тридцатых годов, и себя включу в череду диковинных названий со своим романом «Задушевные беседы об умозамещении»... Итак, история повторяется, ибо она циклична и в области литературы. Точно также в 1920-м году в изданном сборнике самых «истовых» имажинистов Александра Кусикова и Вадима Шершеневича «Коробейники счастья» первый представлен «Коевангелиераном (Поэмой причащения)», а другой ни много ни мало «Песней песней». Но ведь это была поэзия с большой буквы! Вчитайтесь в строфу «Песни песней»:

Что трансатлантик речными между,

Ты женщин остальных меж

Мной и полночью славлена дважды

Шуршащего шопота мышь.

... И у Кусикова:

Полумесяц и Крест,

Две Молитвы,

Два Сердца,

(Только мне

– никому не дано)

В моей душе христианского иноверца

Два Солнца

А в небе одно.

Первые послереволюционные годы на фоне грохочущей со всех четырех сторон света вокруг Новой России, сжавшейся до размеров Московского княжества, фронтов Гражданской войны в литературе вылились в эклектичное поэтическое соревнование в стенах Политехнического музея. Но уже семимильными шагами вступала в советский мир новая проза – предвестник соцреализма. Уже комиссар Фурманов, как положено, оболганный в новом телеварианте фильма о Чапаеве, работал над своей книгой о легендарном командире 25-й дивизии на Колчаковском фронте. «На подходе» были Серафимович, Алексей Толстой, Борис Лавренев, Овадий Савич с их темой великой послереволюционной войны. Двадцатые годы – разноцветье русской и советской (во многом еще порознь...) литературы, издававшейся как в России, так и в Берлине, Праге, Париже, Белграде, в «русском» китайском городе Харбине. А что происходило в «двоюродном брате» литературы – в театре? Неистовал Мейерхольд с его интермодернизмом. Опять же читай у наших выдающихся одесских классиков карикатурное, но верное описание «трудовых будней» вымышленного театра «Колумб», на представления которого в глубоко традиционалистском тогда городе Тифлисе билеты не были распроданы.

И так далее. Образованному в советское время читателю и объяснять-то не надо, а нынешним поколениям? – Мы с ними на разных языках говорим. Они – «*on line*» в переписке по «инту» типа (по Мише Задорнову): «Ты че?» – «Я ни че, а ты?» А мы-то все о высоком, исторически значимом талдычим... Именно так они, юные «строители» Новой России, и понимают всякие историко-литературные реминисценции: от слова *талдонить*, то есть говорить зазря (по Владимиру Далю)...

Меж тем, победив в Гражданской войне врагов внутренних и интервентов Антанты, но только проиграв, «благодаря великому стратегу» поручику Тухачевскому Польскую кампанию, выслав идеолога всемирной революции (опять же вспомните стихи выдающегося поэта Велимира Хлебникова, участника похода Красной Армии по созданию Персидской советской рес-

публики...) Льва Давидовича Троцкого сначала в Ташкент, а затем и вовсе – по «нансеновскому паспорту» – в Норвегию, советская власть начала задумываться об отечественной литературе, благо соответствующий наркомат возглавлял Луначарский, сам видный публицист. И роль «жены и друга вождя мирового пролетариата» Надежды Константиновны здесь не следует преуменьшать. Во всяком случае <уже позднее> появившийся «проскрипционный список» нежелательных для прочтения советским человеком книг, кстати, действовавший в базисе своем до окончания СССР, именовался как список Луначарского – Крупской... Но – может и на пользу действовал, разумея реалиями нынешнего дня. Во всяком случае, все эти издания «под запретом» хранились во всех библиотеках областного уровня в советское время. Если читатель знал их библиотечный номер <а они в кругах интеллигенции из рук в руки передавались>, то их безропотно выдавали для ознакомления в читальном зале. Еще проще – коробка конфет «Птичье молоко»... До изумления проста и народна была советская власть! Все было можно и возможно, но только с джентльменским условием: «не трогать за вымя» советскую власть и *лично* Первого и Второго Ильичей...

◆ Задумалась советская власть и об упорядочении творческих устремлений писателей. Первой пробой оказался Пролеткульт. У его истоков стояли весьма разномастные люди. В который уже раз вспомним бессмертных одесских классиков. Из их знаменитой диалогии: «Вышел старик Ромуальдыч в поле, понюхал портянку и аж весь заколдобился». И, разумеется, как подработки для в спецпоезде на сострыковку рельс Турксиба Остап Ибрагимович сочиняет для слабо грамотных пролетарских литераторов универсальный справочник-руководство для написания романов, эпических поэм и народных сказаний... Это как у нас в девяностые – начале двухтысячных годов каждую неделю на полках тогда еще не упраздненных (за нерентабельностью) книжных магазинов появились свежееотпечатанные оптом десятитомные собрания сочинений сексуально-детективного содержания под звучными, обязательно женскими, «псевдонимами», скороспело написанными «литературными

неграми» по переведенным «с американского» компьютерным программам, в которые – по избранному из преискуранта сюжету и фабуле – оператор вычислительной техники «вбивал» русскоязычные имена персонажей и антураж действия «ин рашен». После того как «комп выплевывал» уже готовый текст с заданным числом страниц, профессиональные еще с советских годов редакторши, горестно вздыхая о нынешнем воспитании своих детей и внуков, приводили машинный язык к нормам русской словесности, а правленный текст передавали в типографию...

Но советский Пролеткульт принципиально отличался от нынешнего «Буржкульта» своим устремлением к заорганизованности, понятно дело, сочетаемой с традиционной русской административной бюрократией. Как и во всех послереволюционных (в мире) ситуациях, молодая и энергичная власть и еще не потерявший восторженного энтузиазма народ (электорат по нынешнему) гипертрофированно усиливают как положительные свои национальные качества, так и сугубо негативные...

И «у руля» создания и дальнейшей действенности Пролеткульту, оговоримся, были приверженцы и пропагандисты идей нового, советского искусства, литературы в первую очередь, как вида культурного развития масс, не требующего больших материальных затрат, весьма своеобразного, различного характера. Интеллигенты старого запала, тот же Луначарский, понимая нужность и своевременность задачи координации творческой деятельности, порой делали хорошую мину при игре, которая не совсем им была по нутру. Конкретно и четко определил ситуацию Владимир Ильич <даем полную, не привычно обрезанную цитату>*: «Пока наши массы темны и безграмотны, важнейшими из искусств являются кино и цирк».

...Скандировал со всех возможных трибун пролетарский поэт Маяковский. Строчил километры своих стихов – впрочем, все по *тогдашнему* времени не в бровь, но в глаз! – Демьян Бедный, «мужик вредный»... Были и во-

* Это как с известными словами Ленина о нашем городе: «Значение Тулы для республики огромно, но массы там далеко не наши».

все одиозные руководители Пролеткульта. Достаточным будет вспомнить композитора и вообще мастера <в искусстве> на все руки Арсения Авраамова (это подчеркнуто библейский псевдоним; на самом деле был он сыном донского казачьего генерала...), сочинившего к пятилетию Октябрьской революции «Симфонию гудков», во всем мире признанную самым модернистским музыкальным произведением.

Главное, рассуждая о времени Пролеткульта, следует постоянно держать в голове, что на этот период отечественной литературы пришлось сосуществование, причем в совершенно различных коллизиях – от добрососедства до открытого взаимонепризнания – наследников русской классической литературы, причем в десятках имен первой величины, те же Бунин, Леонид Андреев, сам Горький, Куприн, Алексей Толстой, Дмитрий Мережковский и многие другие – неважно, «у себя дома» или в эмиграции, и выходящих на сцену литературного процесса писателей и поэтов, что в скором времени составят костяк горьковского метода соцреализма: Шолохов, Леонид Леонов, Борис Лавренев и так далее – и сейчас их имена еще держатся на слуху в России.

Мы намеренно назвали только прозаиков по преимуществу, ибо еще более пестрая картина наблюдалась в стане поэтических талантов. Здесь еще далеко было до умиротворяющего штиля в мощнейшем, увы, последнем, великом всплеске русской поэзии – речь идет о Серебряном ее веке. Наряду с ее классиками до пролеткультовых времен, вовсе не «прокрустовых» на рубеже десятых-двадцатых годов, уверенно дошел поэтический модернизм. И не только дошел, но получил новое дыхание, ибо революции (только не нынешние «цветные»!) и битвы гражданских послереволюционных войн всегда являлись катализаторами поэтического вдохновенья... каким бы кощунственным это не представлялось в более мирные времена. В чем-то это сродни расхожему про «кому война...» Но у массового поэтического всплеска свои социальные движители.

Таким образом, роль Пролеткульта, как изначально ограниченного во времени своей действительности образования идеологически – творческого ха-

рактера, являлась двойственной. С одной стороны, он был смешением всех творческих сил России, то есть уже СССР, где каждый – классик русской словесности, поэт-модернист и начинающий пролетарский писатель от станка или сохи – имел право... ну-у, скажем осторожно, *совещательного* голоса; с другой же – явно просвечивалось сугубо директивное сито. Заметим, что по старинному и всегда вечно новому и не отменяемому, русскому административно-бюрократическому обычаю, размеры ячеек этого сита уменьшались по мере удаления от столицы. Каждый чиновник, в том числе от литературы, чем меньшим рангом он обладает, тем более он «борзеет» по принципу: как бы чего не вышло... А потом его сын или внук, продолжая трудовую династию чиновничества, все свалят, например, на Сталина. Не забудут и Анатолия Васильевича Луначарского и других наркомов по культурной части. И совсем с восторгом проскандируют про хрущевских «пидорасов». А с особой обидой и до сих пор с телеэкранов долгожители соцреализма поминают достославного руководителя советских масс-медиа (не вспоминается фамилия, вроде как Лапин?), что во всеуслышание заявил, дескать, наше ведомство Госкомтелерадио не фабрика «Красный пролетарий» и трудовые династии нам не нужны! – И разогнал многочисленные когорты деток-внуков знаменитых фамилий по областным театрам, филармониям и пр. ... Только ближе к горбачевшине сумели бедолаги вернуться на вольные столичные хлеба.

Выполнив свою роль, в общем-то положительную, если оценивать ее сугубо объективно, Пролеткульт ушел. Главное, в борениях, страстях и многих ошибках порой, были намечены контуры нового в мире творческого метода, особенно в литературе – соцреализма.

◆ Еще раз подчеркнем, что ставим знак тождественности в понятиях, разно расшифровывающих это сокращение: *социалистический реализм* ≡ *социальный реализм*. И повторимся: в том и существенное отличие соцреализма от <предыдущего по времени> русского критического реализма XIX – начала XX веков, что сугубый критицизм последнего уступил место реализму в анализе социальной среды. Лучше самого Горького никто не обрисовал это раз-

личие (из его литературно-публицистической статьи – цитируем по опосредованному источнику): «*Русская литература – самая пессимистическая литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему – о том, как мы страдаем: в юности и зрелом возрасте – от недостатка разума, от гнета самодержавия, от женщин, от любви, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной; в старости – от сознания ошибок жизни, недостатка зубов, несварении желудка и от необходимости умереть.*

Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал. И никто до сего дня не догадался выдумать (выд. нами. – А.Я.) книгу о том, как он всю жизнь радовался».

...Здесь за примерами ходить не надо, их масса неохватываемая. Даже гений русской и мировой литературы, правда и побывав на каторге большее число лет, Достоевский такую книгу счел необходимым написать. Главная здесь мысль Горького – литература русского критического реализма отображает оный преимущественно в «наклонении страдательном» (это уже не Горького, но наше определение). Выше, цитируя Горького, мы намеренно выделили слово *выдумать*. Вряд ли оно несет у писателя иронический подтекст, кстати, достаточно характерный для художественной прозы и литературной публицистики Алексея Максимовича – и подтекст чисто горьковский. Скорее всего здесь подсознательно «сработала» мотивация мышления, характерного для юношеского романтизма Горького. И не удивительно, что литературно и жизненно умудренный, обдумывая основные каноны грядущего творческого метода соцреализма, его основоположник особо отметил элемент романтизма, своеобразной идеализации – в смысле устремленности к идеалу, – как существенный для литературы в рамках соцреализма. Вряд ли в этом утверждении ошибаемся... Потом ведь в части литтворчества слова *выдумать* и *сочинять* синонимичны, а в отечественном обиходе, во всяком случае в XIX – начале XX вв. такими же синонимами являлись *писатель* и *сочинитель*.

Конечно, не Сталин вызвал в тридцать втором году Горького из заграницы и приказал: а) обосновать творческий метод соцреализма; б) создать Союз писателей. – Это все из тех же кухонно-диссидентских посиделок времен «хрущевской оттепели». Тот же «производственный роман», упрощенно трактуемый вершиной метода соцреализма, за годы до возвращения в СССР Горького уже являлся одним из наиболее распространенных жанров советской прозы. Даже если полагать, что его истоки тянутся из Пролеткульта, все одно произведения, например, Gladkova или Мариэтты Шагинян на сугубо рабочую тему – еще задолго до классики этого жанра, «Журбиных» (1952 г.) Всеволода Кочетова – были созданы в период перед «оформлением» соцреализма, как превалирующего творческого метода в советской литературе.

...Поскольку уже начиная с восьмидесятых годов, а вообще-то еще намного ранее в так называемых «интеллигентских кругах», производственный роман – в прозе и «поэзия рабочего удара» были отнесены по категории юмористических насмешек, то здесь можно ограничиться народной присказкой насчет яичка, которое дорого в пасхальный день. Но здесь – и уже безо всякого юмора и насмешек (дескать, не гоже «мысли черпать из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма»... последнее не о нынешних событиях, понятно дело) – утверждаем, что роман о рабочем классе был тем самым «мавром, что сделал свое дело»: начиная с первых сталинских пятилеток, он *объективно* отображал все явления *социального реализма* в стране.

...Чтобы не быть голословным, протянул руку к книжной полке, число которых значительно пополнил из тульской «Буккниги», удивительно богатой в семидесятые-восьмидесятые годы на раритеты всех жанров, и почти что наугад достал один из первых производственных романов (написан в 1932 году, издан через год, Москва, ОГИЗ, Молодая гвардия) с трогательной карандашной надписью на титульном листе покупателя этого тома с обозначением даты: *20.III.34, Тула*. Это ныне полностью забытый роман Якова Ильина «Большой конвейер» – о строительстве и пуско-наладке гиганта первой пятилетки Сталинградского тракторного завода. Кстати говоря, «забыт» он

был еще во второй половине сороковых годов, сразу после активизации «холодной войны», поскольку в романе, как сугубо *реалистическом*, во всех сюжетных линиях раскрывается роль американцев в строительстве завода, сооружаемого по проекту компании Форда. И руководят стройкой и пуском завода американские инженеры, а если персонажем является инженер советский, то обязательно прошедший двухгодичную стажировку в Америке на конвейерах Форда... Точно также и все первенцы сталинских пятилеток строились по проектам и при участии американских и германских компаний. Ничего зазорного в этом не было: еще Владимир Ильич призывал постоянно использовать научный и промышленный потенциал империализма для индустриализации Советского Союза, что и было блестяще использовано Иосифом Виссарионовичем в ситуации всеобщего народного энтузиазма: «Пятилетку за три года!»... Только партторги в романе Якова Ильина не проходили стажировку за границей. Оно и понятно.

Но в начавшейся «холодной войне» показывать роль империалистов в индустриализации страны было уже не комильфо. Поэтому «Большой конвейер» и не вошел в «святцы» производственного романа в послевоенные годы. Ну-у, это отступление мы сделали, так сказать, к слову.

Предисловие к книге поможет нам избежать многословных пояснений: *«Пролетарская художественная литература настолько молода, что она живет в обществе почти всех своих представителей. Наш писатель имеет возможность следовать по маршруту книги к своему читателю – самому внимательному и самому требовательному читателю, который когда-либо существовал... «Я полагаю, – пишет Ильин, – что читатель, не боящийся рассуждений и описаний, найдет в этой книге пульс нашей жизни, отражение своих интересов, дум, дел».*

Мы уверены, что читатель найдет в этой книге одно из значительных произведений нашей литературы. Значительное потому, что здесь автор сумел с предельной простотой и художественной правдивостью раскрыть и показать движущие силы большого конвейера нашей эпохи.

Не пытаясь выутюжить глубокие складки социальных противоречий, он показывает закономерность классовой борьбы и исторически обусловленную победу пролетариата и его партии на фронтовой линии «догнать и перегнать».

В «Большом конвейере» Ильин мастерски показывает большевистский старт на высоты передовой техники. Он дает художественно ясный и четкий ответ на то, как и почему партия должна была подхлестывать страну, отстающую в своем развитии на сотню лет».

...И так далее, включая триста пятьдесят страниц текста самого романа, в завершении которого один из главных персонажей Газган слушает по радио новости тех дней: *«Голос <диктора> сообщал о строительстве Свирской гидроэлектростанции, о том, что Алюминиевый комбинат уже принял ток с Волховстроя, о том, что в Ленинграде на «Электросиле» строится крупный гидрогенератор...»*

И ведь все это – не фантазия («выдумка» по-горьковски; см. выше) ныне и вообще давно забытого автора, но самая настоящая социальная реальность отображенная в литературно-художественной форме. Тот же соцреализм в его действии. ...Все же, скорее всего, рука не случайно взяла с полки роман Якова Ильина. – Здесь в памяти переплетение времен. Отец мой Афанасий Андреевич перед воинским призывом, на двадцать лет связавшим его жизнь с Северным флотом, работал кузнецом-молотобойцем на упомянутом выше Волховстрое. Намного позднее рассказывал мне, школьнику второй ступени, как в выходные дни приезжал в Ленинград к опекавшему его дядьке и, сидя в теплый июльский день, плавно переходящий в почти светлую ночь, на ступенях Исаакиевского собора, захлеб читал только что вышедшую книгу под названием «Большой конвейер» (имя автора за давностью лет где-то глубоко затерялось в памяти...) и про себя с каждым новым эпизодом повествования отмечал: все верно, все как у нас на Волховстрое!

◆ Все сказанное выше с акцентом на «производственном романе», правильнее – на произведениях о рабочем советском человеке, приведено в кон-

тексте с утверждением: не Горький <по приказу Сталина по кухонно-диссидентски...>, прибыв поездом через Берлин в Москву, приняв команду на исполнение, на голом месте «создал» соцреализм, Союз писателей СССР и «на десерт» – Литературный институт, позже его имени.

Не устаем повторять, что в социальном процессе все развивается по <гегелевско-марксовой> диалектической спирали, выправляя магистральный путь методом пробных, ложных и тупиковых ходов. Так и здесь: генеральной пробой писательской организации страны явился Пролеткульт; соцреализм еще в конце двадцатых – начале тридцатых годов, как мы только что странно пояснили, уже находился на этапе *действенности*; даже уникальное и единственное в мире (вроде как в ГДР имелось схожее учебное заведение, но намного меньшего масштаба) писательское образовательное учреждение – Литературный институт имел своих солидных предшественников: Институт философии, литературы и искусства (ИФЛИ), а еще ранее другие писательско-образовательные общественные*, например, курсы Шанявского.

Другое дело, что ЦК ВКП(б), конечно и внимательно «курировавший» культурную жизнь страны Сталин, приняли установку на идейную, организационную и так далее, вплоть до бытовых условий, координацию литературно-творческих сил СССР. Идеологический же аспект однозначно относился к выбору главенствующего творческого метода, получившего далее наименование соцреализма. И, понятно дело, фигура Горького во всех отношениях, исключая только его застарелую болезнь, отвечала насущным обязанностям и общественному реноме организатора и вдохновителя этого процесса соорганизованности. Его талант писателя-реалиста, признанный Европой еще до революции, не убавленный даже «проигрышем» в нобелевском состязании с Буниным, членство в РСДРП с 1905-го года, всемирный литературный авторитет, а главное – понимание сущности, точнее – *насущности*, соцреализма, как творческого метода отображения жизни страны и воспита-

* Де-юре и Литературный институт до начала 90-х годов был ... общественной организацией, поскольку находился под юрисдикцией Союза писателей СССР, тоже общественной организации. Но ведь и КПСС по уставу являлась общественной, а Сталинская премия была «частной», говоря нынешним языком, поскольку формировалась из гонораров за книги Вождя...

тельного его содержания – все это в итоге поставило Горького в первой половине тридцатых годов на роль фактического, подчеркнем, главы и организатора литературного процесса в стране.

В тридцатые годы, когда Горький непосредственно занимался как организацией Союза писателей СССР, так и – в основном – разработкой концептуальных положений творческого соцреализма, новая советская, русская в своей основе, литература являла стране и миру (см. книги Анри Барбюса, Лиона Фейхтвангера, даже Андре Жида с его заметным негативом, побывавших в эти годы в СССР и написавших о всех сторонах советской жизни свои книги, ставшие на Западе бестселлерами) взлет многочисленных, ярких, самобытных по преимуществу талантов. О новых и еще дореволюционной известности писателях-романистах уже упоминалось выше. Но наиболее впечатляющим был в те годы творческий всплеск в части русского советского рассказа. Почему именно этого жанра многоликой прозы? – Ответ, как нам представляется, заключается в специфике тогдашней читательской аудитории: во-первых, требовалась достаточно сжатая, мотивированная форма художественного произведения для людей с живой еще памятью о событиях революции, Гражданской войны и начале индустриализации страны – временах стремительных, конкретно очерченных в делах и сроках, словом, «год за три» или то же: «Пятилетку за три года!» Во-вторых, что весьма существенно, страна только недавно стала поголовно грамотной и приохотилась к чтению художественной литературы. Форма же рассказа наиболее имманентна сюжетной разговорной речи, что являлась до недавних еще времен для народа основным способом близкого к художественному мышления и общения. Не будем забывать аксиому: литературное произведение есть по определению субъект коллективного социумного мышления в непреложном единстве с межличностным общением.

Понятно, что не только и не столько «стройки текущего дня» составляли сюжетную доминанту советского рассказа тридцатых годов: слишком живы воспоминания, как было сказано выше, о начале советской страны. И здесь

не было никакого лицемерия и литературного подхалимажа. В своем коротком, энергическом рассказе «Сон» Валентин Катаев дает следующую концовку: *«Я представил себе замечательную картину. Степь. Ночь. Луна. Спящий лагерь. Буденный на своем Казбеке. И за ним, в приступе неодолимого сна, трясется чубатый смуглый мальчишка с пучком вялого мака за ухом и с бабочкой, заснувшей на пыльном горячем плече».*

Буденный – сугубая реальность времен как Гражданской войны, так и тридцатых годов. И то, что он один из действующих персонажей рассказа, вовсе не «обязаловка имярек»... как непременно стало в более поздние времена упоминание имен основоположников в любом предисловии к книгам научным и художественным... как в наше время в любом литературном, чаще – околосредствительном, «рассуждении от СМИ» из отечественных поэтов назовут обязательно и только Мандельштама, Пастернака и Иосифа Бродского, чуть реже – Ахматову и Цветаеву. – Из числа «жертв сталинизма». *И только*, заметим мы, нисколько, впрочем, не сомневаясь в их талантах.

Такая же «обязаловка имярек» и для современного Запада характерна. Например, вы не найдете ни одной научной книги ихних нобелевских (и нобилевских) лауреатов без упоминания к месту и не к месту имени Эйнштейна. И не найдете книги, изданной на Западе или у нас в советские годы, где бы было выражено сомнение в теории Дарвина ... разве что только в нескольких «сельских» штатах США. Это все к слову, так сказать.

С неугасаемым талантом пишет в тридцатые годы рассказы Горький – те же «Бык» и «Рассказы о героях». Еще раз отметим *многоцветье* рассказов писателей того времени. Какое тут «под одну гребенку суконно-партийного соцреализма»? Наряду с классикой русской словесности Всеволода Вишневского («Гибель Кронштадского полка»), Сергеева-Ценского («Платаны»), Вячеслава Шишкова («Чертознай»), Всеволода Иванова («Лобанов»), замечательными рассказами Константина Федина и Алексея Толстого, особенно его «Марта Рабе», публикуются произведения новаторов русского литературного языка Юрия Тынянова («Малолетний Витушишников»), Павла Бажова (его

уральские сказы), «Зеленая лампа» Александра Грина, совершенно самобытные рассказы Андрея Платонова («Фро» и др.), «Рождение человека» Бориса Пильняка, рассказы Юрия Олеши и Исаака Бабеля, «Страдания молодого Вертера» Михаила Зощенко, в полную мощь «расписались» Константин Паустовский, Лидия Сейфуллина, Михаил Кольцов и многие, многие другие советские писатели, имена которых и сейчас, в новом веке, на слуху – при всем и полном оскудении интереса к чтению.

Однако, настоящий очерк приурочен к юбилею признанного основателя и <литературного> идеолога социалистического ≡ социального реализма Алексея Максимовича Горького, поэтому и завершим его отпущенными этому выдающемуся русскому и советскому писателю годами жизни. Главное об этом творческом методе и, хотя и кратко, о ведущей роли в его практической реализации великого пролетарского писателя мы сказали. Надеемся, не «суконно-цинковым» языком. Благо, всероссийский ордена Г.Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори», редактируемый вашим, уважаемые читатели, покорным слугой, объявил 2018-й год Годом чистоты русского литературного языка (см. «Общеписательскую литературную газету», декабрьский номер за 2017-й год, стр. 2).

Законный вопрос: закончился ли с поражением СССР в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне творческий метод соцреализма? И более широко: завершился ли вообще метод реализма, любого, с различными определяющими прилагательными, в наше время все более торжествующего глобализма? По здравому разумению и достаточному опыту редактирования «толстого» литературного журнала ответу скорее отрицательно. Пока человечество полностью не перешло в виртуальную фазу своей эволюции (см. выше ссылку на нашу книгу о глобализации), а до этого еще, слава всевышнему, далеко, реализм был и остается стержневым творческим литературным методом. Поскольку же волею Истории Россия всегда идет своим путем, хотя бы и не в смысле «все в ногу, одни мы не в ногу», в современной нашей словесности реализм сдаваться не собирается. Не боги горшки

обжигают, поэтому некоторое время назад мы разработали проект манифеста нового русского критического реализма*. Он ранее был опубликован в ряде изданий литературной периодики, но... повторение – мать учения. Опять же – еще раз скажем в этом очерке – дорого яичко в пасхальный день, то есть по теме юбилея Горького. Поэтому и приводим ниже текст манифеста.

МАНИФЕСТ НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

(проект для обсуждения)

Прембула. Проект настоящего манифеста имеет целью и впоследствии из нее задачами сформулировать сущность нового критического реализма как основного действенного творческого метода, соотнесенного с современным литературным процессом в творчестве писателей, следующих базовым традициям великой русской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформления в виды творческого самовыражения в античные времена в странах Средиземноморья. Данное определение не исключает аналогичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных (локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности, свидетельствующий об онтологической априорности доминирования критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых законов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного — человека общественного (*homo sapiens* — *homo publicus*) к социально ориенти-

* Разработке его посвящена основательная книга: Яшин А.А. Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы. – М.: «Московский Парнас», 2015. – 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

рованному сообществу любой формы: от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной перспективе — глобализованного мира.

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мора, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс названного устремления является перманентным, не имеющим останова — естественного или директивного — до того времени, пока творческое самовыражение будет востребовано человечеством. При этом следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд». — Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действительности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генофенотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственности, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструктивную* лево- или праворадикальную оппозицию явлениям

(институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими, основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, *Лесков*) — с другой. Причем критику этих объектов неправомерно рассматривать как популярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негатив-

ные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим», — приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежат Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объекты критики перманентно перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партократическим перерождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы своей жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель — ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художествен-

но-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Пояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной исчерпанности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Исчерпанность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их

групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоять этому процессу.

◆ В отличие от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

ОТ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ» ДО РАСПАДЕНИЯ СВЯЗИ ВРЕМЕН

К юбилею И.С. Тургенева –
самого пронзительного русского писателя-романиста

*Снизу отсохнут корни его,
И сверху увянут ветви его.
Память о нем исчезнет с земли,
И имени его не будет (слышно) на площади.
Вытолкнут его из света во тьму,
Изгонят его с лица земли.
Ни отпрыска у него, ни потомка в народе его,
И никто не останется в жилищах его.*

Книга Иова*, гл. 18, ст. 16–19

◆ Двухсотлетие есть сакральная дата в юбилейной памяти выдающихся творческих личностей; в литературе – особенно. Так устроена память самого человека, встроенного в социум, который сам подчинен закономерностям генеалогии творческих эпох. Вот и получается: до двухсот лет в исторической ретроспективе – это память, условно называемая живой в череде условных поколений (двадцать пять лет) числом не более 6...8; после двух веков и далее в глубины эпохи цивилизации и культуры – это уже чрепоколенная генофенотипическая память, точнее – памятник тем явлениям культуры, в нашем рассмотрении – литературы, что уже не подлежат анализу в части какого-либо переосмысления. Они навечно и непререкаемо вошли во все возрастающий от доисторического *nihil* (нулевой отметки) фундамент строяще-

* В аутентичном переводе с арамейского (древнееврейского) оригинала этой древнейшей книге Библии; см.: Рижский М.И. Книга Иова: Из истории библейского текста.– Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.– С. 52.

гося здания суммарной человеческой культуры. Этот фундамент уже не подлежит перекладке без серьезной опасности разрушения самого этого здания.

В сказанном нет и намека на словесную витиеватость. Это суть частная отрасль всеобъемлющего процесса ноогенеза и интеллектуализации в движении биоэволюции.

А вот этот самый обозначенный выше двухсотлетний рубеж как трактовать? Ответим на этот вопрос, но предварительно уточним: эту «рубежную оценку» мы даем *исключительно* с позиций восприятия явлений культуры, литературы в особенности, человеком *нынешним*, то есть уже состоявшимся для младших поколений продуктом глобализации, для которой *in summa* уже прервалась связь времен (по Шекспиру) – основной аспект исследования в настоящем очерке. Данное уточнение существенно; например, для человека середины прошлого века, а тем более века XIX-го, эквивалент «нашего» двухсотлетнего рубежа выражался более крупным числом. Это есть следствие экспоненциального, начиная с означенных веков, возрастания темпов и динамики биоэволюции; он же ноогенез.

В силу сказанного, вполне аргументировано обоснованного, можно утверждать, что во время наступления такого рубежа – конечно, не «четкой» даты, но, как минимум, десятилетия – два «до» и «после» – как раз и происходит в общей культуре, литературе и ее «...ведении», общественном (интеллектуальном художественном) сознании, что называется, последняя «кардинальная» оценка творчества выдающегося, эпохального писателя; словом, *живая* память переходит, перевоплощается в *памятник*.

Известно понятие феномена национальной литературы. Не заглядывая вглубь веков и тысячелетий остановимся на Новейшем времени, то есть XIX–XX вв. Здесь наиболее значимы феномены в означенном выше смысле: великой русской литературы XIX – начала XX вв., норвежской литературы на рубеже этих веков, наконец, латиноамериканской с «центром», относимым к середине прошлого века. Да еще если не феномен, но добротный расцвет пе-

режила североамериканская литература во временных рамках, условно относимых «к линии» Марк Твен – Уильям Фолкнер – Эрнест Хемингуэй...

Вне всякого сомнения, даже для кичливой в отношении «страны медведей и балалаек» Европы русский феномен является наиболее значимым и протяженным во времени. А мы еще и учитываем советскую литературу прошлого века как правопреемницу великой русской словесности. Сейчас мы находимся во временном периоде сакральных двухсотлетних юбилейных дат главных творцов этого феномена: на рубеже нового века и тысячелетия – «чистый гений» Пушкин; четыре года тому назад – Лермонтов, провозвестник в нашей литературе байронической струи потерянного поколения и осознания <эволюционного> противостояния индивидуального человека и государственного социума; год нынешний – Тургенев, «самый русский» писатель, к тому же пронзительно тонкий знаток русского характера с его загадками и откровениями, а потому, пожалуй, почти единственный провидец на век и более вперед, причем провидец в сугубо художественном отображении; 200-летие второго такого провидца, но уже расширенного на мировой ареал, Достоевского, мы встретим всего через три года; наконец, выходя летним утром покурить (да не прогневаются на меня думцы всех мастей...) на домашний балкон и видя в сотне метров монументальный памятник своему великому земляку, установленному к его 150-летию, автоматически отсчитываю те десять годов, что остались до «рубежного» юбилея Льва Толстого, творчество которого стало и стержнем, и окончанием русского литературного феномена.

Итак, наше нынешнее время суть тот самый сакральный рубеж для памяти – памятника великой русской литературы. Скептически относящиеся к нумерологии* здесь усмехнутся... но совершенно напрасно; это как иронизировать над хронологической условностью наступления (очередного) Нового года...

* Для таких скептиков, то есть духовных потомков новозаветного Фомы Неверующего (хотя люди они хорошие), укажем на нашу работу «Апология христианства», где фактор сакральности чисел доказан со строго системных, математических и пр. позиций. Это том 15-й нашей многотомной монографии: Яшин А.А. Живая материя и феноменология ноосферы, 2007–2018 гг.; разные изд-ва Москвы, Твери и Тулы, см. по поисковику в Интернете – различные сайты, в том числе сайт Академии тринитаризма www.trinitas.ru и каталог Изд-ва URSS: www.URSS.ru

В качестве *nota bene*, но и по существу, скажем следующее. Объединяя названных выше апостолов – не побоимся употребить это слово – феномена русской литературы, полагаем, что они, каждый в своей творческой, индивидуально присущей ему ипостаси, делали (и сделали!) нашу словесность мировым явлением. Но это был не «хор а капелла», даже не внешне воспринимаемый унисон. Все они являлись сугубо личностями в своем творчестве, то есть, делая общее дело, никто из них не оглядывался «на соседа» или предшественника. Понятно дело, не имеется в виду традиция – сущность развития всякого процесса, литературного тем более... Отсюда и разногласия между нашими «рубежными» классиками, но их целенаправленное единство в развитии русского литературного процесса, кстати говоря, символом и овеществлением которого стал еще один, не упомянутый выше, но равнозначный апостол – Некрасов (юбилейная дата как и у Достоевского – 2021-й год) с его «Современником» и «Отечественными записками», из которых «вышла» вся русская литературная классика второй половины XIX века – расцвет ее: тот же Лев Толстой и Ф.М. Достоевский.

Разными были творческо-личностные (эти два понятия мы не разделяем) взаимоотношения апостолов великой русской литературы. Тот же Лермонтов весь «вышел» из Пушкина, даже начав свое творчество с прямого – ученик и учитель – следования и поэтического подражания гению русской поэзии, а за свою «На смерть поэта» не побоялся получить тогдашнюю «литературную высшую меру» – первую (из двух) ссылку на воюющий Кавказ. Но вот Толстой и Достоевский? А тем паче Лев Николаевич и Иван Сергеевич, в отношениях которых моменты колебались от большой личной и литературной дружбы до серьезных разногласий?

...Уже третий по счету век (астрономический, не по конкретным датам) бытует окололитературная быль о их <якобы не состоявшейся, но имеющей намерение быть> дуэли на охотничьих ружьях (!?) Это, конечно, не так, но серьезная ссора имела место произойти, причем не личностная, но сугубо по

части моральной, идеологической, как бы сейчас сказали... Но и «охотничий момент» здесь наличествовал.

В самом теплом настроении чувств Тургенев в начале мая месяца (по ст. стилю) 1861-го года пишет из Тулы Толстому*: «... *Приезжайте в Спасское, где Вы, по всей вероятности, застанете Фета и Борисова, да привезите с собой на всякий случай болотные сапоги: мы, может быть, съездим втроем на весеннюю охоту. Привозите также непременно Вашу повесть («Поликушка». – А.Я.). Говорю – итак, до свидания и крепко жму руку»* (Т. 2, С. 134).

Но встреча их не состоялась, ибо Толстой приехал в Спасское только 24 мая (по ст. стилю). А через три дня их свидания в тамошней Степановке, имении А.А. Фета, и произошла эта достопамятная ссора, поводом к которой стало резкое замечание Толстого в части рассказа Тургенева о том, как гувернантка приучает его дочь к благотворительности. Отношение Толстого к этой дворянской (ныне – новобуржуазной) прихоти хорошо известно (см. Н.Н. Гусев. Л.Н. Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 г., М., 1957. С. 438–445). Отсюда и причина ссоры. ...Охота в болотных сапогах не состоялась.

В тот же день ссоры, когда конфиденты ее разъехались – Тургенев в Спасское, а Толстой в имение И.П. Борисова Новоселки, – Лев Николаевич пишет своему обидчику: «*Надеюсь, что Ваша совесть Вам уже сказала, как Вы не правы передо мной, особенно в глазах Фета и его жены. Поэтому напишите мне такое письмо, которое бы я мог послать Фетам. Ежели же Вы находите, что требование мое несправедливо, то известите меня»* (Там же, С. 134).

...Все это рядом, в шаговой доступности, как бы сейчас сказали, на границе Тульской и Орловской губерний: Спасское Тургенева, имение Толстого Николо-Вяземское, Новоселки Борисова, – поэтому переписка велась стре-

* Здесь и далее ссылки на издание: Переписка И.С. Тургенева. В 2-х тт. / Сост. В. Баскаковой, Т. Головановой и др. – М.: Худож. лит., 1986; Т. 1. – 607 с.; Т. 2. – 543 с. (Серия «Переписка русских писателей»).

нительно. В тот же все день Тургенев пишет Толстому: *«Милостивый государь, Лев Николаевич! В ответ на Ваше письмо я могу повторить только то, что я сам почел своей обязанностью объявить Вам у Фета: увлеченный чувством невольной неприязни, в причины которой теперь входит не место, я оскорбил Вас безо всякого положительного повода с Вашей стороны и попросил у Вас извинения. Это же самое я готов повторить теперь письменно – и вторично прошу у Вас извинения. Происшедшее сегодня поутру доказало ясно, что всякие попытки сближения между такими противоположными натурами, каковы Ваша и моя, – не могут повести ни к чему хорошему; а потому я тем охотнее исполняю мой долг перед Вами, что настоящее письмо есть, вероятно, последнее проявление каких бы то ни было отношений между нами. От души желаю, чтоб оно Вас удовлетворило – и заранее объявляю свое согласие на всякое употребление, которое Вам заблагорассудится сделать из него...»* (Там же, С. 135).

Ответное письмо Толстого неизвестно, но полученное от обидчика (см. выше) Лев Николаевич отправил Фету (видимо, Афанасий Афанасьевич был <условно> избран разругавшимися доселе друзьями на роль некоего третейского судьи...) с присовокуплением слов: *«Вот его ответ, которым я удовлетворился, ответив только, что причины, по которым я извиняю его, не противоположности натур, а такие, которые он сам может понять»* (Там же, С. 135–136).

...Но переписка наших классиков по поводу ссоры продолжалась до осени 1861-го года, все более распаяя конфидентов, явно не желавших «уступить друг другу». Хотя бы и назвать их конфидентами уже нельзя было, ибо Толстой стал распространять в Москве копии с письма (см. выше) Тургенева... Нашла коса на камень. Тургенев – в письме от 28 мая этого же года уже и дуэль с секундантами предлагает, а в сентябре и вовсе пишет Толстому: *«...Но так как я считаю подобный Ваш поступок после всего, что я сделал, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово (выд. И.С. Тургеневым. – А.Я.) – и оскорбительным и бесчестным, то предваряю*

Вас, что я на этот раз не оставлю его без внимания и, возвращаясь будущей весной в Россию, потребую от Вас удовлетворения. Считаю нужным уведомить Вас, что я известил о моем намерении моих друзей в Москве для того, чтобы они противодействовали распущенным Вами слухам» (Там же, С. 137).

В итоге личные отношения Тургенева и Толстого прервались на семнадцать лет – до 1878 года – после письма Толстого от 8 октября 1861-го года: *«Милостивый государь. Вы называете в письме своем мой поступок бесчестным (здесь и далее выд. Л.Н. Толстым. – А.Я.), кроме того, Вы лично сказали мне, что Вы «дадите мне в рожу», а я прошу у Вас извинения, признаю себя виноватым – и от вызова отказываюсь. Гр. Л. Толстой»* (Там же, С. 137).

◆ ...В отличие от нынешних «телепосиделок» якобы на темы культуры, где 100%-но все вертится вокруг ворошения грязного белья чем-либо выдающихся <понятно дело, на фоне мало чем искушенных в той же культуре «посидельцев»!> личностей, мы достаточно подробно остановились на известной ссоре и почти двухдесятилетней размолвке наших великих творцов слова совсем по иному поводу, а именно: если в «всего лишь» тридцатитрехлетнем Толстом в этом тягостном <для русской литературы> эпизоде уже просматривался грядущий «последний евангелист христианской эры» (см. в предыдущем номере журнала) с моральным, поведенческим принципом «не судите да несудимы будете», то в старшем его на десять лет Тургеневе все же проступает *барин*. Да-да, именно барин, не помышляющий свою жизнь в иной обстановке, даже в столь симпатичной ему, великолепно воспетой им простонародной русской среде. И кончина их была различна: уход Толстого от барства Ясной Поляны, а у Тургенева истинно барская смерть в парижском Буживале...

Слово «барин» в приложении к Тургеневу у нас не содержит даже крохотного намека на нечто предосудительное: в веке девятнадцатом это была обычная, обыденная даже, форма индивидуального, семейного, кланового и

пр. бытия. А что относится к великой русской литературе, то кто как не писатели из бар ее создали? Даже нищенски бедный в молодости певец обездоленного народа Некрасов ко второй половине своей жизни стал несказанно богатым (отчаянное везение в карточной игре и, говоря словами Пушкина, оказался наследником всех своих скуповатых при жизни родственников...) и, компенсируя годы голода и неприкаянности, зажил откровенно по-барски. Впрочем, именно на свои деньги он совсем «не попутно» (см. выше о его журналах) и создал феномен русской литературы.

...И если Толстой по некоей условной «писательской классификации» суть *пророк*, то Тургенев, как, впрочем, и Пушкин, и Достоевский, был выраженный *государственник*. Еще раз подчеркнем: это все условно... но по существу верно. Итак, сколько же определений дано Ивану Сергеевичу? – Барин, государственник, но главнейшее из них, конечно – великий русский писатель, хотя бы по полгода жывал во Франции... Специфическое барство Тургенева, если пройтись с такой установкой-определением по анналам русской литературы времен ее феномена, на наш взгляд, сравнимо лишь с таким же у Ивана Бунина. У того и у другого предчувствие разрыва их поколенной дворянской временной цепи, а для Бунина все на его глазах свершилось! – это не чеховский гротескный «Вишневый сад». Для них – это взгляд изнутри, а не со стороны. А это коренное отличие. И различие. *Nota bene* читателю: мы не отвлекаемся, но аргументировано все ближе подходим к раскрытию темы очерка, *ipso facto**, продолжая говорить все той же ученой латынью...

Коль скоро мы начали в определенном смысле сопоставлять Тургенева с Толстым, то на их же творчестве поясним ассоциативную принадлежность к государственникам и пророкам, соответственно.

После реформ Александра Второго, лейтмотив которым задала ликвидация крепостного права, и возникновения народовольчества, только ленивый из литераторов не написал *антинигилистического* романа. У нас-то на слуху,

* В силу одного этого, само по себе (лат.).

в основном от <советской> школьной программы, только «Бесы» Достоевского и «Новь» Тургенева в таком контексте. Да и здесь тургеневский роман умные <советские> учителя литераторы как-то ретушировали под сугубо социально значимое, бытописательское, несомненно, конечно, талантливое и пр. произведение. Да и сам Тургенев в «Нови» два-три раза с легкой иронией упоминает о «писательстве с *направлением*». А именно наличие, причем самодовлеющее, такого «направления» есть характеристика *in summa* всей сюжетной и идейной организации антинигилистического романа. Мелким шрифтом в школьных же учебниках литературы упоминались и другие произведения такой ориентации: «Взбаламученное море» А.Ф. Писемского, романы Н.С. Лескова «Некуда» и «На ножах»*. Но множество антинигилистических романов, повестей и очерков принадлежат перу литераторов «второго-третьего ряда», имена которых ныне сохранились исключительно в рабочем обиходе литературоведов – специалистов по истории русской словесности XIX века. Которые современному читателю (а есть ли мальчик?) ничего не говорят – в смысле имен сочинителей...

И если Толстой в период увлечения «романами с направлением» писал «Анну Каренину» и «Воскресение», все более усиливая доминанту морали, нравственности, создавал «Перевод и соединение Евангелия», приобретая мировую известность пророка из Ясной Поляны, то Тургенев уже в «Отцах и детях» (1862 год), а еще ранее в «Дворянском гнезде», «Рудине», «Накануне», выступает автором социально- психологических романов, отражающих современность и идеологию, преимущественно либерально-дворянскую, русского общества 1850–70-х годов. Не следует забывать, что именно за социальную направленность еще более ранних «Записок охотника» (хотя по формальному определению за статью памяти Гоголя) Тургенев единственный раз в жизни был арестован (1852 год) и сослан в Спасское – Лутовиново под гласный надзор полиции...

* Николай Семенович Лесков вообще-то в советском литературоведении вызывал «идеологическое подозрение». Достаточно сказать, что «На ножах» не вошел в единственное в советское время 11-томное собрание сочинений; издавать его начали только с конца 1980-х гг. В частности, роман был тогда выпущен в серии «Отчий край» Приокским книжным издательством.

Но вот последний его роман «Новь» (1877 год), предваряемый романом же «Дым» и повестями «Фауст», «Ася», «Призраки», однозначно посвящен «нигилистической» теме – основной в русской литературе тех времен. И именно пронизательность писателя-государственника, не пренебрежем столь конкретным определением, выделила <прежде всего> «Новь» на обширном фоне как антинигилистической литературы, так и произведений признанных писателей-демократов, в основном из среды разночинцев. То есть, с одной стороны, тематика «Нови» и «Дыма», в первую очередь, сродственна антинигилистическим романам, но «полное совпадение» здесь только в картине сюжета (именно в картине, в абрисе, но не в собственно сюжетной линии!) и группах персонажей – «красные», как часто использует Тургенев, особенно в «Отцах и детях» и в «Нови», и либеральные, а то и просто консерваторы, сановники, бюрократы и помещики. Наш автор-государственник зачастую дает как «хладнокровные», так и – в особенности – сугубо сатирические образы-портреты этой самой сановной бюрократии и помещичьей знати. Именно знати – не затрагивая сколь-либо сатирически мелкопоместных дворян и стариков, живущих в мыслях где-то в начале их долгого века. К таковым – только добродушный, уважительный юмор. Это ветхозаветная седая парочка Фомушка и Фимушка с карлицей Пуфкой из «Нови»...

Как надолго вперед видящий государственник, Тургенев не то чтобы «обличает», нет, скорее констатирует: эта чиновная госбюрократия в городе-призраке (это уже «Медный всадник»...) Петербурге есть государство в государстве (а это «*Status in statu*» Федора Михайловича – но уже не о ветхозаветном народе, а о зажившемся сверх отпущенного историей времени дворянском строе России), бесконечно далекая от нужд и чаяний огромной империи; эта помещичья знать, хотя и подражающая в одежде и манерах английской аристократии (Павел Кирсанов в «Отцах и детях»), доживающая последние, считанные десятилетия своего существования...

Но со стороны другой (см. первое чуть выше), и «Новь», и «Дым», и «Отцы и дети» – перечисляем по нисходящей по времени написания, – вовсе

не близки к «написанию с направлением»: они не антинигилистичны, но и непоощряющи в отношении персонажей из «новых людей». В том же «Дыме», совершенно хладнокровно (а это посильнее сатиры!) и обдуманно обличая дела и нравы правящих кругов пореформенной России, Тургенев дает яркие карикатуры на русскую революционную (народовольческую точнее) эмиграцию. Это же видим и в более поздней, – а значит более обдуманной писателем, – «Нови». И здесь присутствует карикатура. Чего только стоит образ некрасивой, толстой революционерки Машуриной, безнадежно и верно влюбленной в главного героя романа Нежданова. Она – бессловесная лошадка той сложной и многоходовой конспирологии деятельности «новых людей». Как и в «Дыме», где масса схожих персонажей, Машурину используют в единственном, на что ее голова и руки способны – быть связником-курьером. Ближе к концу действия романа определяется и сфера ее применения: связь с границей, с теми, кто в «Дыме» из-за рубежа Российской империи расшевеливают неповоротливую страну. Ее посылают в Женеву отвезти «дымовцам» совсем небольшую сумму денег и пакет с бумагами. Но вовсе трагически и гротескно она является в конце романа. Встретившему ее на одной из линий Васильевского острова и узнавшему, и окликнувшему ее маленькому хромцу Паклину, Машурина, только что вернувшаяся в Россию по «общему делу», представляется как *Contessa Rocco di Santo-Fiume* (графиня Рокко ди Санто-Фиуме)... не зная ни слова по-итальянски. Паклин остерегает «итальянскую графиню» в части внимания полиции, но Машурина здесь бесподобна:

– *Ко мне и то на границе... приставал какой-то в мундире; все расспрашивал; я уж и не вытерпела: «Отвяжись ты от меня, говорю, ради бога!»*

– *Вы это по-итальянски ему сказали?*

– *Нет, по-русски.*

– *И что же он?*

– *Что? Известно, отошел!*

...Эх! Святые и наивные времена были! Ни тебе аэропортов, где перед посадкой на аэроплан обувь снимать следует и во всевозможных камерах-пропускниках просвечиваться... а без <лучше биометрического> паспорта можно, пожалуй, только в домашнюю свою «совмещенку» пройти! Вспоминается ностальгическое: еще тридцать и даже менее лет назад, отправляясь в командировку в любую точку тогда 1/6 суши земшара, клал в карман «серпастый и молоткастый» только по той причине, что на месте прибытия – предприятию или полигону, он должен был прилагаться к справке № <такой-то> о допуске к совсекретным работам и документам...

Неострожное было время в XIX веке – не бдительное. И цари со своими премьер-министрами, впрочем, и во всем мире, слишком самонадеянными и благодушными себя являли.

♦ Юмор, сатира, либерализм и определенная жалость к «новым людям» в романах Тургенева – это дань нравам и порядкам его эпохи. Но в произведениях лучшего (...пусть первым бросит камень из усомнившихся?) романиста всей великой русской литературы, если поразмышлять вдумчиво и, так сказать, *контекстно*, сквозь все перепетии фабулы и сюжета, через характеры и образы персонажей – индивидуально, группово и классово-довлеюще вырисовывается их создатель: Иван Сергеевич Тургенев как писатель государственной ориентации. Понятно дело, не как верноподданного – за время его жизни – четырех императоров: трех Александров да Первого из Николаев. Но государственника в той череде русских писателей-мыслителей, что обычно связывают с именами Достоевского («Дневник писателя»), Константина Леонтьева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, опять же напомним – Пушкина, Гончарова – и автора «Фрегата «Паллада», и главного цензора Российской империи... перечисление можно продолжить, но остановимся на названных «громких» именах.

Всех их объединяет одно: живописуя, язвя, сатириконствуя, умиляясь русским первозданным характером и пр. и пр., все они первоочередно желали только одного – величия в мире России, которое не мыслится без самоосо-

знания русского человека как истового носителя Христовой морали, изначально свободного душой, но при этом не посконно-демотканного, преклоняющегося перед самодовольной Европой, но самодостаточного в жизни себя самого и Российского государства. Все это сбылось почти веком позже, когда Сталин сделал СССР сверхдержавой. Увы, все это уже в четвертьвековом прошлом... Был короткий по историческим меркам взлет, но и он показателен. – Для всего мира показателен.

...Как нравоучительно заметил мне один современный столичный либерал, даже единоразовое упоминание в литературном тексте, тем более в литературоведческом, имени Генералиссимуса в два-три раза сокращает число <благожелательных> читателей... если таковые сейчас вообще наличествуют (!) Коль скоро всякий автор льстит себе, может и напрасной, мыслью, что они виртуально все же имеются, то компенсируем сорвавшееся с пера имярек историческим анекдотом, но быть может и былью? – и именно в части определения Тургенева как подлинного государственника: в смысле не царям (см. выше) служил, но государственным интересам России. Да-да, именно *служил!* А анекдоты привлекают читателей...

Впервые, еще в пионерском детстве, услышал я это от своего отца Афанасия Андреяновича, большого книгочеля и стихийного философа, чему, наверное, во многом способствовала его тридцатилетняя служба «во владениях» Северного флота СССР на самом арктическом их краю. Включая годы Финской кампании и Великой Отечественной войны. Матерый военмор-североморец, к тому же родом из старообрядцев, которые по специфическим их характерам во всем ищут коспирологическую составляющую, в часы домашнего отдыха, да еще с парой-тройкой рюмок «очищенной» (в 50–60-е годы в этих «владениях» свирепствовал введенный Хрущевым полнейший «сухой закон»...), много чего рассказал мне – благодарному слушателю, не упоминаемого в школьных учебниках. Впрочем, во всех остальных также.

По его рассказам выходило, что Иван Сергеевич не одной русской литературе <блестяще!> служил, но являлся... и главным по всей Западной Евро-

пе резидентом политической разведки российского генштаба и даже имел звание полковника политической же жандармерии. Ни много ни мало! На мой вопрос об источнике таких «внеучебных» сведений отец отвечал в том смысле, что в своей калужской, а потом ленинградской молодости доводилось это слышать от людей, учившихся еще в царских гимназиях и университетах...

В 60–70-е годы, уже проживая в Туле, являлся частым посетителем городского букинистического магазина, удивительно богатого в те годы на книжные раритеты: простодушный народ, поддавшись тогдашней всеобщей моде на свежие подписные издания, торопился освободить под сотни новоприобретаемых, пахнувших вкусной типографской *амбре* томов книжные шкафы и стеллажи от «дедовской макулатуры»... Не зря Владимир Ильич, говоря о Туле, заметил, что «народ там далеко не нашенский»: на полках «Буккниги» обильно присутствовали брошюры и беспереплетные книжки – детища первого в России разгула свободы печати в период между революциями 1905-го и 1917-го годов: от народовольческой, эсеровской и меньшевистской литературы до черносотенных романов и повестей навроде нашумевшего в свое время «Города Кокташджужа» сочинительницы Генриэтты Каргрэм. Именно в книгах последнего «жанра» вновь мне встретились намеки на резидентство Тургенева.

...О том же велись и жаркие споры, уже после трех-четырех бутылок ординарного портвейна, в знаменитом общежитии, что в Останкино, Литературного института, где довелось учиться в конце 70-х – начале 80-х годов.

А в девяностые годы второго в России разгула свободы печати и «правые», и «левые», советские консерваторы и молодцеватые либералы-комсомольцы, словом, все пишущие на типографские литеры уже однозначно и утвердительно наделяли Ивана Сергеевича должностью от генштаба и министерства иностранных дел Российской империи и полковничьими погонами... что называется «для кучи» в такой же ранг возвели Достоевского и почему-то Виссариона Григорьевича! Очевидно, имея в виду его знаменитое

«Письмо к Гоголю»? Опять же и в европах бывал на лечении. А за чей счет бесконечно просаживал деньги в Баден-Бадене игрок Достоевский? Где, кстати говоря, подолгу жил и Тургенев – если на время покидал Францию...

В литературной прессе тех «лихих девяностых» всерьез обсуждался вопрос: где Достоевский с его квартирной неустроенностью хранил свой парадный мундир жандармского полковника со множеством звезд и крестов? А много чего знающие отставники по линии Лубянки, обретшие на заслуженном отдыхе тягу к беллетристике и публицистике, в беседах-интервью на страницах тех же литизданий на вопрос о «писателях-полковниках» XIX века снисходительно отвечали: «Да это давно известный факт!»

Действительно, опуская инвективы в части каторжанина Достоевского и главного идеолога разночинцев Белинского, в отношении же Тургенева анекдот очень уж склоняется к были (да простят нам крамольные рассуждения), а именно: в самую активную литературную и вообще жизненную пору своей деятельности он чаще проживал не в России, но в самых «многолюдных» европейских местах – в Париже, в том же Баден-Бадене, где круг общения чрезвычайно широк; обширная переписка и личное общение с писателями и общественными деятелями Западной Европы, теми же Жорж Санд, М.А. Марковичем, Фридрихом Боденштедтом, Вильямом Рольстоном, Теодором Штормом, И. Вучетичем, Эдмоном де Гонкуром, Гюставом Флобером, Эмилем Золя, Анатолем Франсом, Ги де Мопассаном, А. де Губернатисом и другими, много чего знающими о политических веяниях в Европе людьми – самими с большим кругом знакомцев. О многом говорит и обширная переписка Тургенева с Герценом: по объему их корреспонденции (см. выше ссылку на «Письма И.С. Тургенева») она уступает, да и то немного, эпистолярному общению Тургенева с Толстым, Фетом и П.В. Анненковым... А ведь следует «держать в уме», что все свои издания, нелегально ввозимые в Россию, Герцен печатал за счет... Ост-Индской компании, в руках которой была вся мощная политическая разведка Британии. Это старая английская традиция:

поручать государственные дела частным лицам и организациям; достаточно вспомнить «пирата Ее Величества» Фрэнсиса Дрейка...

И уже не говорим – только ленивый это не обсуждал в то время – о Полине Виардо, совершенно некрасивой посредственной певице, семью которой, вместе с ее мужем, полностью много лет содержал Тургенев. Зато у Виардо имелся активно действующий салон, где собирались много чего ведающие люди... Словом, говоря на современной конспирологической «фене», – работа под прикрытием.

...Чтобы совсем не доходило до околотитературного анекдота, отметим, что уже третий век (см. выше) молва приписывает нашему великому писателю, понятно дело, не роль Штирлица с конкретикой его заданий, но *сугубо* политическую оценку состояния дел в Европе – предмет интереса руководства Российской империи. То есть вряд ли Иван Сергеевич «имел в шкафу мундир» и делал ежеквартальные отчеты «по инстанции». Кому следует получали нужное из тех же публикаций Тургенева. – Открытых для всех. Нам же было важно утвердиться в государственности мышления и творчества Тургенева. И эта молва разве не подтверждение такого *status quo*?... Но наиболее весомое, значимое здесь подтверждение – его любовь к России, пронзительное до боли чувство преемственности в поколенной связи. Пусть и со стороны барина, но ведь барина-то *своего*?! Прекрасной иллюстрацией этой пронзительности Тургенева будет стихотворение из книги «Сети», 1908 одного из ярчайших поэтов русского «Серебряного века» Михаила Кузмина (1872–1936) – обычно его печатают без названия, хотя в одном дореволюционном поэтическом сборнике я встретил таковое: «Моя родословная» (может это было «от редактора»?)

Моряки старинных фамилий,
 влюбленные в далекие горизонты,
 пьющие вино в темных портах,
 обнимая веселых иностранок;
 франты тридцатых годов,
 подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
 внося в позу денди
 всю наивность молодой расы;
 важные, со звездами, генералы,
 бывшие милыми повесами когда-то,
 сохраняющие веселые рассказы за ромом,
 всегда одни и те же;
 милые актеры без большого таланта,
 принесшие школу чужой земли,
 играющие в России «Магомета»
 и умирающие с невинным вольтерьянством;
 вы – барышни в бандо,
 с чувством играющие вальсы Маркалю,
 вышивающие бисером кошельки
 для женихов в далеких походах,
 говеющие в домовых церквах
 и гадающие на картах;
 экономные, умные помещицы,
 хвастающиеся своими запасами,
 умеющие простить и оборвать

и близко подойти к человеку,
 насмешливые и набожные,
 встающие раньше зари зимою;
 и прелестно-глупые цветы театральных училищ,
 преданные с детства искусству танцев,
 нежно развратные,
 чисто порочные,
 разоряющие мужа на платья
 и ведающие своих детей полчаса в сутки;
 и дальше, вдали – дворяне глухих уездов,
 какие-нибудь строгие бояре,
 бежавшие от революции французы,
 не сумевшие взойти на гильотину, –
 все вы, все вы –
 вы молчали ваш долгий век,
 и вот вы кричите сотнями голосов,
 погибшие, но живые,
 во мне: последнем, бедном,
 но имеющем язык за вас,
 и каждая капля крови
 близка вам,
 слышит вас, любит вас;
 и вот все вы:
 милые, глупые, трогательные, близкие –
 благословляетесь мною
 за ваше молчаливое благословенье.

◆ Подробно проанализированная выше доминанта творчества Тургенева, как сугубого государственника, художественного мыслителя, <не квасного!> патриота своей «немытой» (у Лермонтова) России, которую, весь ее народ *in simta*, так пронзительно любил наш великий писатель, – все это выразилось в предельной полноте в «Отцах и детях», хотя бы перед ними уже вся образованная Россия читала его романы «Рудин», «Дворянское гнездо» и «Накануне». Но если последние склонены в морально-философскую оценку русского общества в период социальной коллизии, или предреволюционной ситуации по принятой советской терминологии, то «Отцы и дети» сугубо социально-психологический роман, причем на вечную в литературе тему: от книг Ветхого Завета, далее античных авторов, в особенности Эсхила, Еврипида, а затем – вся европейская культура и искусство. Не перечисляя даже самые

громкие имена-памятники, укажем лишь на двух англичан: Шекспира с его «Королем Лиром» и Честерфилда – «Письма к сыну».

Избави Бог читателю даже подумать мимолетно, что в настоящем очерке мы будем анализировать «Отцы и дети» именно в ипостаси художественного произведения, хотя бы и сугубо социально-психологического романа! Здесь за полтора с лишком столетия все уже сказано. А какие имена сразу по опубликованию романа в «Русском вестнике» М.Н. Каткова мы видим в пространных отзывах на него?! – Н.Н. Страхов, П.В. Анненков, Лев Толстой и А.Н. Майков, Герцен и Салтыков–Щедрин... Кажется, не осталось ни одного русского писателя 1860–70-х годов, кто бы не посвятил «Отцам и детям» самого пристального внимания. А как крепко-накрепко засели со школьных лет в нашей памяти образы-характеристики героев романа: Базаров и Аркадий, Николай Петрович и Павел Петрович Кирсановы, сестры Одинцовы Анна Сергеевна и Катя, трогательные до невольных слез старички-родители Базарова! Даже образы второго-третьего плана, те же карикатурная мадам Кукшина, одетый в славянофильскую венгерку «человек небольшого роста герр Ситников», молчаливая, только с Базаровым оживляющаяся, Фенечка, таки – ставшая к окончанию действия романа Федосьей Николаевной, женой Николая Петровича Кирсанова. Уверен: всякий прочитавший эти имена тотчас непроизвольно вызовет из подвала своего подсознания в активную память, как будто с закрытыми глазами представит театральную сцену, на которой все действие вневременно соединено в один миг, всю сюжетно-фабульную организацию романа и характеристики действующих лиц... Что уж здесь можно нового сказать – придумать!

Именно «Отцы и дети» – на фоне не менее замечательных и, быть может, более пронзительных произведений Тургенева – в наибольшей степени подпадают под данное М.Е. Салтыковым–Щедриным определение сущности творчества нашего великого писателя: *«Тургенев был человек высоко развитый, убежденный и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов. Идеалы эти он проводил в русскую жизнь с тем сознательным постоян-*

ством, которое и составляет его главную и неоцененную заслугу перед обществом. В этом смысле он является прямым продолжателем Пушкина и других соперников в русской литературе не знает».

...И еще одно громкое имя назовем, а именно – упомянутого уже выше М.Н. Каткова, но теперь не в качестве издателя и редактора «Русского вестника», но выдающегося публициста середины и второй половины XIX века. В советское время он являлся фигурой умолчания за его <якобы> самодержавно-консервативные литературные и общественные позиции. На самом же деле был Катков умнейшим человеком, умеренным либералом, но на дух не переносил разночинную демократию своей поры. По этой причине имя его еще в двадцатые годы попало в проскрипционные списки «комиссии Луначарского – Крупской». И был он изъят из литературного обихода почти на семьдесят лет... Впрочем, у каждого времени своя правда. По-библейски говоря, заглянув как в Ветхий, так и в Новый заветы.

Почему мы Каткова особенно так отмечали? – Его острому <но не вредному!> перу принадлежат два наиболее существенных определения творчества Тургенева – в контексте содержания «Отцов и детей». Сугубая объективность автора, его определенная, но выраженная отстраненность от описываемых событий и характеров; своего рода заинтересованный «взгляд со стороны», но не «добру и злу внимая равнодушно», а вникая в самомалейшую суть описываемых характеров. Кому как, но на наш взгляд – это сверхзадача художника слова. В статье «Роман Тургенева и его критика» Катков отмечает в этом контексте: *«В Отцах и детях (выд. Катковым. – А.Я.) заметно желание автора дать главному типу возможно благоприятнейшие условия. Автор, видимо, как будто опасался показаться лицеприятным. Он как будто слишком усиливается быть беспристрастным, и эти усилия не остались без некоторых последствий».*

Вернее, точнее и проницательнее сказать невозможно!

И о втором определении «на века», данное Катковым в его статье «О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева» в части упомянутого чуть

выше «главного типа», то есть Базарова. Катков пишет: *«...Итак, в нашу глушь пожаловал дух исследования, ясной и точной мысли, положительного знания. Как кстати! Его-то нам и недоставало. Да, это действительно дух нового времени, завоевывающий одну область за другою. Этот дух ясной и точной мысли не ограничивается в наше время только теми науками, которые обыкновенно называются естественными: он простирается повсюду, и нет умственной сферы, которая бы в наше время не полагала своей силы и достоинства в ясной мысли и положительном знании».*

То есть в определении Каткова, четко уловившего саму мысль Тургенева, главный персонаж романа Базаров не является четко «разграфленным» положительным или отрицательным героем повествования. Базаров есть дух описываемой эпохи, а в контексте самого романа, то есть в коллизии обобщенно трактуемых «отцов» и «детей», Евгений Васильевич Базаров есть естественно-биологический, повторяющийся в каждом звене поколенной цепи – из небытия человечества в неведомое будущее – протестант. И останься он в живых, поимей детей – и они через некоторое время явились бы стареющему Евгению Васильевичу протестантами... А вот менее категоричный, то есть с более слабой волей, «протестант» Аркадий Кирсанов уже к короткому по времени повествованию романа (поздняя весна – начало лета всего лишь) становится копией своего отца, галкой – по определению умирающего Базарова, найдя свою успокаивающую душу половину в жизни; биолог и естественник Базаров здесь имеет в виду одно замечательное в мире птиц и вообще живых существ свойство галок: сугубая парность их, не меняющих в течении всей своей птичьей жизни семейного партнера... Но Тургенев еще более усиливает, акцентирует момент скорого «одомашнивания» столь недавнего протестанта от нигилизма Аркадия: он женится на Кате Одинцовой одновременно со вторым браком своего отца Николая Петровича – с Фенечкой.

...Даже в столь кратком «визите вежливости» в анализ главных линий «Отцов и детей» мы уже подошли к главной теме настоящего очерка.

◆ Провидец Катков в своих статьях об «Отцах и детях» (см. выше) четко и тонко уловил позицию Тургенева в части «отстраненности» как от позиций авторов антинигилистических романов с их «писать с направлением» и акцентацией поступков «детей» и вообще «новых людей» в русле «общего дела» (оставляя это зацикленным персонажам – мадам Кукшиной и герру Ситникову; она же Машурина в «Нови»...), так и от сугубо либеральной линии в литературе того времени. Представители последней в романе тоже выписаны в полукарикатурном виде: тот же Павел Петрович Кирсанов, хотя бы и с личной драмой в части отношений с княжной Р., или родственник Кирсановых либеральный петербургский сановник Матвей Ильич...

Действительно, как декларируемый главным героем романа нигилизм, *nihil* – отрицание всего и вся, так и почти что показная увлеченность Базарова анатоμο-физиологическим естествоиспытательством, – не есть суть, содержание характера этого «нового человека», классического «сына» в извечной дилемме противостояния таковых с «отцами».

Конечно, сам Базаров достаточно увлеченно режет пойманных деревенскими ребятишками в пруду лягушек и под микроскопом рассматривает их фасции*. Даже в первое же утро по приезду в имение Кирсановых, не успев толком познакомиться с отцом и дядей своего друга Аркадия. А в родительском доме запугивал стариков отца и мать своим отъездом, которые три года сына ненаглядного не видели, если они будут без дела входить в комнату, где он препарирует все тех же лягушек и часами не отводит глаз от окуляров микроскопа...

Но разве эта, почти что нарочитая, хотя бы и не «на показ», увлеченность естествоиспытательской наукой составляет стержень характера «нового человека» Базарова? Само сюжетное действие романа Тургенева отрицает категоричность такого определения. Из того отрезка повседневной жизни Евгения Васильевича, что показана в действии «Отцов и детей», видно, что ве-

* От лат. *fascia*; в анатомии – тонкая соединительно-тканная оболочка, покрывающая мышцы, сосуды и нервы.

дет он себя в общем-то, исключая моменты «надевания маски нигилиста», мало отличимо от того же Аркадия. Так же рассеянно проводит большую часть времени, словом, студент из Петербурга на летних вакациях в провинции. Сразу и в параллель приходят на память множество типов таких персонажей из русской классики. Как тот же главный герой рассказа «Натали» Ивана Бунина, что, надев фуражку со студенческим околышком, в первые свои каникулы принялся разезжать по окрестным помещичьим усадьбам родственников и сверстников...

Так и Базаров, то хандрит, забросив свой микроскоп, затем едет в губернский город с Аркадием, которого отец и дядя послали отдать визит вежливости петербургскому родственнику и сановнику-либералу Матвею Ильичу, прибывшему с ревизией. И совсем уж не «новый человек» – с «направлением» и «общим делом» – Базаров в чисто студенческой гульбе со встреченным случайно герром Ситниковым – на дармовщину пьет шампанское у карикатурной мадам Кукшиной...

И весь полунапускной нигилизм и разочарование в жизни тотчас оставляют Базарова, попавшего, не хуже краснеющего от каждого женского взгляда гимназиста, в сети Анны Сергеевны Одинцовой. Причем сети не улавливающие, но холодно, беспристрастно фильтрующие. Страшное дело – красивая, умная не по-женски, но не ведающая чувства любви женщина! Вот на такой-то и весь нигилизм, всякие философии отрицания Базарова и развеялись в прах... *«В разговорах с Анной Сергеевной он еще больше прежнего высказывал равнодушное презрение ко всему романтическому; а оставшись наедине, он с негодованием сознавал романтика в самом себе. Тогда он отправлялся в лес (ведь не к лягушкам и микроскопу устремлялся! – прим. наше А.Я.) и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки и браня вполголоса и ее и себя; или забирался на сеновал, в сарай, и, прямо закрывая глаза, заставлял себя спать, что ему, разумеется, не всегда удавалось. Вдруг ему представится, что эти целомудренные руки когда-нибудь обовьются вокруг его шеи, что эти гордые губы ответят на его поцелуи, что эти ум-*

ные глаза с нежностью – да, с нежностью останоятся на его глазах, и голова его закружится и он забудется на миг, пока опять не вспыхнет в нем негодование. Он ловил самого себя на всякого рода «постыдных» мыслях, точно бес его дразнил».

...И завершился в романе нигилист Базаров. Дальше только муки отвергнутого – не потому что плох, наоборот, любопытен, просто женщина-скала встретилась – и хандра. Словом, полнейшее безразличие ко всему и всея. Символична и сама смерть Базарова: отрицая смысл жизни с ее радостями и горестями, так и не найдя в ней своего места, признавая, да и то зачастую кривя душой, только свои медико-биологические упражнения, он и погибает нелепо, заразившись неизлечимым тогда тифом при хирургических манипуляциях с умершим тифозным мужиком из соседней деревни...

И своеобразный помин по душе ушедшего «нового человека» Базарова дает в окончании романа автор, делая акцент на *действительно* новом человеке капитализирующейся России: *«Анна Сергеевна недавно вышла замуж, не по любви, но по убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова, – человека еще молодого, доброго и холодного как лед. Они живут в большом ладу друг с другом и доживутся, пожалуй, до счастья... пожалуй, до любви».*

Таким образом, в художественно и социально построенной Тургеневым дилемме отцы–дети Базаров, не говоря уже о «галке» Аркадии Кирсанове, выполнил отведенную – не автором романа, но социальной эволюцией в отдельно взятом звене непрерывной генеалогической цепи ноогенеза – ему роль. Да, он показал себе в определенном смысле антитезой своим добрым старичкам-родителям, а сам таким же со временем не успел стать ввиду короткости его жизненного пути...

Вечные отцы, вечные дети – и вечная жизненная цепь, что, слабо погромыхивая со страниц исторических и литературных описаний-памятников, тянется из бесконечности скрытых *во мгле давности лет*, отражается действи-

ями, лицами и поступками в текущем срезе исторического времени, а <тоже бесконечные> звенья будущего еще *не выступили из мглы* неизвестной нами протяженности эволюции человека. Все сказал Иван Сергеевич.

◆ Не назовешь время действия «Отцов и детей», оно же время творческого расцвета автора романа, размеренно текущим, когда дети отличаются от отцов хоть чем-то в короткий период юности и начала молодости – как правило, до обретения собственного семейного круга; как у Аркадия Кирсанова в романе. Нигилисты и либералы, самодержавие и первая в истории России предреволюционная ситуация. И хотя после отмены крепостного права традиционная крестьянская община сохранилась – еще долго до столыпинских реформ и образования кулачества как нового класса, – но страна уже втянута Европой в капитализацию: за короткий срок на этом пути Россия промчалась от железнодорожного бума до своего империалистического «лица».

Совсем немного по историческим меркам осталось времени, когда из чудковатых «новых людей», нигилистов конца 50-х – начала 60-х годов XIX века (действие «Отцов и детей») вырастут бомбометатели-царевубийцы, жестокие герои «Бесов» и названных выше романов Лескова и Писемского, объединенные в «Народную волю» и «Черный передел». А на подходе уже боевики-эсеры с наганами во всех карманах... и большевики, мощно организованные, сплоченные со всей пролетарской Европой Марксовым, а потом и своим Интернационалом...

И смешные либералы навроде Матвея Ильича из «Отцов и детей» быстро уступят место людям круга обретенного Анной Сергеевной Одинцовой мужа: с твердой волей и «холодных как лед». От них так и отдает ощутимо всеми органами чувств холодом Молоха капитализма – империализма.

А дальше еще жутче и холоднее, с привкусом пролитой крови: двадцатый век с его мировыми войнами, противостояниями социально-политических систем планетарного масштаба. Но что характерное, «держа в уме» роман Тургенева, отметим – почти до смены тысячелетий: преемственная цепь поколений, при всех бунтах «детей» в отношении «отцов», не рвет-

ся, *не распадается связь времен!* Особенно в России с ее общинными (повторимся) традициями, где до последней трети прошлого века далеко не редкостью были трехпоколенные семьи под одной крышей – вспомните из советской литературы знаковый роман Всеволода Кочетова «Журбины».

Увы, все это в мире изменилось на рубеже веков и тысячелетий: в США уже задолго до этого, в Европе с некоторым «отставанием». Вне всякого сомнения, Россия не есть хранимое Богом исключение: нынешнее нарастание глобализации, конечно, не оставило ее в стороне. Но и здесь, говоря афоризмом остряка Бисмарка, «русский долго запрягает телегу...» Это уже на <увы, короткое> наше счастье; имеются в виду ныне живущие.

В своей работе «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества»^{*} выдающийся австрийский ученый, лауреат Нобелевской премии, создатель науки *этологии*, исследующей поведение социальных животных – от пчел и муравьев до человека, – Конрад Лоренц^{**} так определяет нынешний «разрыв связи времен» в системе отцы–дети: *«Во времена Авраама изменения в нормах поведения, унаследованных от отца, были столь незначительны, что – как это убедительно изобразил Томас Манн в своем чудесном психологическом романе «Иосиф и его братья» – многие из тогдашних людей вообще не были в состоянии отделить собственную личность от личности отца, и, следовательно, отождествление происходило самым совершенным способом, какой можно себе представить. В наше время, при темпе развития, навязанном нынешней культуре ее техникой, критически настроенная молодежь справедливо считает устаревшей весьма значительную часть традиционного достояния, все еще хранимого старшим поколением. И тогда... заблуждение, будто человек способен произвольным и рациональным образом выстроить на голом месте новую культуру, приводит к совсем уже безумному выводу, что родительскую культуру лучше всего полностью уничтожить, чтобы приняться за «творческое» строительство новой. Это и в*

^{*} В кн.: Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. – М.: Республика, 1998. – С. 3–61.

^{**} О пребывании К. Лоренца в советском плену (1944–48 гг.) в художественной форме рассказано в книге: Яшин А.А. Задушевные беседы об умозамещении. – М.: «Московский Парнас», 2017. – 343 с. (См. на сайте www.pz.tula.ru).

самом деле можно было бы сделать, но только заново начав с до – кроманьонских людей!» (С. 41).

... Такое впечатление, что это не Конрад Лоренц пишет, но за сто с лишком лет до него наш давешний знакомец Евгений Васильевич Базаров горячится в разговорах с либералом Павлом Петровичем Кирсановым или с отвергнувшей его любовные признания Анной Сергеевной Одинцовой! С одним, но существенным, глубоко кардинальным различием: тургеневские «дети» очень даже скоро – как ставший «галкой» Аркадий Кирсанов – сами становятся «отцами» или уходят в небытие, как загнавший сам себя в угол душевной пустоты Базаров; «дети» же описываемой и анализируемой Лоренцем эпохи начала глобализации, точнее по времени – ее предчувствия, уже поставлены в условия культурного, творческого, морально-этического и пр. окончательного разрыва цепи «связи времен». А дети этих взбунтованных, да-да, именно так: их взбунтовала против отцов система ледящего все чувства Великого Глобализатора, детей? – Естественный вопрос, на который уже не будет успокаивающего положительного ответа: дескать, перемелется мука будет... Дети детей, порвавших – по указке упомянутого движителя глобализации – «связь времен», едва ли не только биологически похожи на таких ущемленных родителей. На этот счет не откажем себе в удовольствии <от стиля изложения, конечно> продолжить прерванную цитату из работы Лоренца: *«... Впрочем, убеждение в том, что следует «выплеснуть вместе с водой родителей», широко распространенное в наши дни среди молодежи, имеет и другие причины. Изменения, которым подвергается структура семьи в ходе прогрессирующей технизации человечества, действуют вместе и по отдельности в направлении ослабления связи между родителями и детьми. И начинается это уже с грудных младенцев. Поскольку мать в наши дни никогда не может посвящать ребенку все свое время, почти везде возникают, в большей или меньшей степени, явления, описанные Рене Спитсом под именем госпитализации (выд. нами. – А.Я.). Наихудший ее симптом – тяжелое или даже необратимое ослабление способности общения с людьми*

<столь часто, с «привкусом» скрытого одобрения, дескать он «особенный»! – обсуждаемого сейчас в СМИ аутизма. – А.Я.>. Этот эффект опасным образом сочетается с... нарушением способности к человеческой симпатии.

Несколько позже, особенно у мальчиков, становится заметным расстройство из-за выпадения отцовского образа. За исключением крестьянской и ремесленной среды, мальчик в наши дни почти не видит отца за работой, и еще реже приходится ему помогать в этой работе, ощущая при этом впечатляющее превосходство взрослого мужчины. Далее, в современной малой (выд. нами. – А.Я.) семье отсутствует ранговая структура, при которой в первоначальных условиях «старик» мог внушать уважение. Пятилетний мальчик, конечно, не в состоянии непосредственно оценить превосходство своего сорокалетнего отца, но ему импонирует сила десятилетнего брата, он понимает почтение, оказываемое этим братом старшему, пятнадцатилетнему, и эмоционально приходит к правильным выводам, видя, как уважает отца этот старший сын, уже достаточно умный, чтобы признать его духовное превосходство» (С. 41–42).

◆ Итак, утрата, причем безвозвратная, самого института авторитета есть главный и зримый симптом нынешнего разрыва «связи времен». Проявляясь еще на семейном уровне у детей, как указывает Лоренц, далее у взрослых уже людей отрицание авторитета становится социальной нормой поведения. Собственно авторитет связывал в непрерываемую цепь во всю эпоху цивилизации и культуры обобщенно понимаемых «отцов» и «детей». Таким образом, человеческий социум являл собой масштабное отображение обычной биологической семьи. Точно также, как в семье в определенный возрастной период сын переставал видеть в отце пример для подражания, но в итоге становился его подобием во всем, так и в традиционном, доглобалистском социуме роль авторитета являлась довлеющей, а временные «бунты поколений» не только не снижали роль авторитета, но в диалектическом понимании (законы диалектики Гегеля) способствовали движению социумной эволюции.

Как умеренная жизненная встряска бодрит человека и подвигает его на разумные и полезные для него самого, для семьи, для общества поступки.

Еще раз – речь идет о широко, обобщенно понимаемом авторитете. Как общесоциумном институте преемственности «большой семьи», так и отдельных, чем-либо характеризующихся частях социума. Как в позитивном, так и в негативном смыслах, ибо нет худа без добра и наоборот. И отрицание авторитета есть и символ и, отчасти, причина регресса социума или его части – регресса в смысле отступление от выработанных эволюций человека норм, причем, любых норм. ...Когда в нашем малосчастливом отечестве в «лихие девяностые» в бандитско-воровском мире (а это, увы, неотъемлемая составляющая общества!) началась «перегрузка» понятий этой части социума, то в их мирке возобладал в действительности девиз: «Мочи воров в законе!» А последние со времен одесского воровского истеблишмента, а еще намного ранее в Европе от итальянской мафии, кстати, созданной освободителем <от австрийского подчинения> и создателем объединенной Италии Гарибальди (мафиози его времени – городские «экономические» партизаны...), являлись регуляторами деятельности этого субкласса, руководящего не *законом*, но *понятием*, то есть уподоблялись разумному хозяину: стриги овец, но оставь подшерсток, чтобы отары не замерзли в холодное время!

Уничтожение же «регуляторов от понятий» привело в тех же девяностых к бандитско-воровскому беспределу, а на место авторитетов вступили «авторитеты», которым подчинялись рядовые братки только за страх <пули в висок>, но никак не за совесть... Дальше больше: коль скоро, как отчеркнул синим карандашом Остап Бендер из знаменитого романа одесских классиков в посланной им Корейко заказной бандеролью любопытной книге «Капиталистические акулы»: «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем», все олигархические кланы вышли из легализовавшихся «авторитетов» девяностых годов, то в ментальном сознании *всех* людей и классов мгновенно обрушился исторический социумный институт авторитетов. И так далее и с продолжением в еще не наступившие времена... Кому не

по душе, в силу «классовой принадлежности», либерализма и квасного патриотизма, а чаще – по службе, отечественный пример, то пусть на досуге почитает классиков европейской и американской литературы XIX – начала XX веков: от описаний политики «огораживания» в Британии XVIII–XIX вв. («овцы съели Англию») до более близкого к нам по времени нефтяного бума в США (тогда САСШ – Северо-Американские Соединенные Штаты – эта любопытная страна называлась)...

Конрад Лоренц *именно* потерю авторитета отца в глазах сына (тот и другой, понятное дело, в обобщении на весь социум и – для нас – современный мир) полагает самым тревожным и объективно оправданным признаком разрыва «связи времен». От легкомысленного – на взгляд читателя «с лупой» и приверженца строго выверенной терминологии по его дисциплинарной принадлежности – примера с бандитско-воровской средой легко и просто перейти к более партикулярно-гуманитарным и политкорректно-толерантным слоям современного <мирового> социума.

Вроде как есть еще наука, искусство, собственно литература, другие творчества. Кто-то еще не забыл, что должна быть промышленность и наука прикладная, отраслевая, что сейчас на <обезьяннический> западный манер именуются вкуче *технологиями*? Ведь там-то роль авторитетов исторически непререкаема? Как бы не так, уважаемые! В телерадионовостях *всего* мира авторитеты утверждаются только и исключительно по сумме «заработанных» \$ и €, на худой конец ¥ и Р: «Билл Гейтс хотя и спустился на второе место в списке «Форбс», но уверенно держит в своих карманах 70 млрд. доллоров» (это по разделу технологий); «Такому-то <имя рек> нападающему от футбола предложили жалованье в 30 млн. евро, но он затребовал 70 их же» (это по части спорта, заменившему сейчас *всю* культуру) и так далее. О нашем питерском математике Грише Перельмане, доказавшем <неразрешимую сто лет до тех пор> гипотезу Пуанкаре о сфероидности Вселенной, в прессе почти полгода шумела буча... но только по той причине, что тот отказался от американской премии в миллион долларов. Дескать, подавитесь сами, но я в воз-

никшую свару («основоположники набежали», как говорят в Одессе!) встречать не буду, лучше грибы стану собирать в Ленинградской области... Про представителей по части муз пластического искусства и лицедейства (театр + кино) уже и говорить запаadlo – см. передачи для домохозяек на ТВ.

А наука? – Сам к ней причастен, потому и писать тошнотворно... А наша <бывшая великой> литература? – Здесь и вовсе хочется, не чокаясь, ввести в организм поминальную стопку. Аминь авторитетам всея и везде.

♦ «Порвалась связь времен» – и невозвратно. Тургенев, пронизательный и самый *пронзительный* русский писатель, видимо, сам себя сдерживая, в «Отцах и детях», в других своих романах, в том числе в последнем, в «Нови», предвидел, что традиционные для человечества временные коллизии отцов и детей когда-либо перерастут в некую точку «X», когда эти коллизии уже не сгладятся в преемственной цепи, но прервут «связь времен». Но – умолчал, возможно, сам себя успокаивая. Он же служил русской литературе... а может и русскому государству (см. инвективы наши выше).

Но сейчас пришло время обусловленного эволюцией человека и ноогенеза его действительности Великого Глобализатора. Это не завершение, спаси Бог, социальной эволюции, но *a priori* обусловленный ею необходимый, хотя и жесткий, во многом бесчеловечный, этап перехода к ноосферному периоду существованию человечества, когда все *равны* социально и умственно! Это как Макар Нагульнов в «Поднятой целине» Шолохова рассуждает: придет время коммунизма, всеобщего равенства, и не будет национальностей и даже рас – все будут одинаковыми, смугленькими... (см. Т. 12 «Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма» – в приведенной выше сноске к многотомной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы»).

Здесь читателю важно уяснить два существенных момента. Во-первых, пример утраты роли авторитета в обосновании разрыва «связи времен» понятийно наиболее характерен – потому и выбран нами для иллюстрации. Во-вторых и в основных: сказанное не является таким слезоточивым брюзжанием непохожести детей на отцов – это было бы понятным в отношении

тургеневских персонажей, когда Николай Петрович Кирсанов морщится при нигилистических высказываниях своего сына Аркадия, впрочем, справедливости ради вспоминая, что-де и он в своей молодости имел стычки со своим отцом по такому же поводу. Словом, то были классические отцы и дети, и отцам было дозволительно брюзжать на своих сыновей, только что причавшихся в родовое поместье на летние вакации из «столичных и университетских центров» с <вечно> свежими идеями, заимствованными из модных на то время французских и немецких философов и политэкономов... Как в «Горе от ума» наиболее красочный персонаж «из отцов» отзывается об университетах: «... Там упражняются в безверье и в расколе!» Славные, преславные времена классических отцов и детей!

Сейчас же вовсе не слезоточение и брюзжание, а разрыв «связи времен», обусловленный диалектическим скачком на этапе перехода <по В.И. Вернадскому> от традиционной биосферы Земли к ее новому биогеохимическому, социумному качеству – к ноосфере. Впрочем, выше уже на эту тему говорилось достаточно. Закон суров, но это закон – в данном случае мы о законах социумной эволюции.

...И хотя цитированный выше Конрад Лоренц еще не мог – по времени его жизни и трудов – соотнести намечающийся окончательный разрыв «детей» с «отцами» (широко, социумно понимаемыми), ибо процесс глобализации только-только собирался во всей своей мощи выйти на историческую мировую сцену, но соответствующую коллизию он уже четко описал: *«... Однако установка значительной части нынешнего молодого поколения по отношению к поколению их родителей не имеет в себе ничего от подобной мягкости, а преисполнена высокомерного презрения. Революцией современной молодежи движет ненависть (здесь и далее выд. Лоренцом. – А.Я.), и притом ненависть особого рода, ближе всего стоящая к национальной ненависти, опаснейшему и упорнейшему из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодежь реагирует на старшее поколение так*

же, как некоторая культурная или «этническая» группа реагирует на чужую группу, враждебную ей» (*Op.cit.*, С. 38).

Да, самое существенное мы забыли указать выше: в наше время торжества Великого Глобализатора место упраздненного понятия авторитета заняли пресловутые «общечеловеческие ценности» – стыдливо поликорректное именование *денег*, как универсального воплощения атавизма частнособственничества. А деньги всегда прерывают «связь времен» в части обобщеннопонимаемых «отцов» и «детей». Здесь точнее Маркса не скажешь; это в той части, где он как навечно припечатал: что нет такой подлости, на которую не пошел бы капиталист за 5% прибыли, а за 10% он и мать родную ударит! – Это не цитата, а пересказ по смыслу.

♦ Милые и добрые тургеневские «отцы» – трогательные старики родители Базарова, добрейший Николай Петрович Кирсанов, даже в чем-то симпатичный петербургский сановник Матвей Ильич, да и уездного англomана Павла Петровича Кирсанова Аркадий уговаривает Базарова не то что пожалеть за его жизненную драму с княжной Р., но понять по-человечески...

А шумное, или подозрительное осторожное в словах и делах, сообщество «детей» в тургеневском романе? – Сам в себе запутавшийся Евгений Васильевич Базаров, копия своего отца «галка» Аркадий Кирсанов, столь вроде бы различные, но в итоге как близнецы, сестры Анна Сергеевна и Катя Одинцовы, смешноватые мадам Кукшкина и герр Ситников... даже Фенечка – Федосья Николаевна? – Разве они не импонируют читателю романа.. каждый по-своему, в своей жизненной нише.

Все то было уютным мирком с поколенными и чрезпоколенными «связями времен». И весь большой мир являлся ранговым, масштабным отображением таких мирков. Но на нынешнем этапе социальной эволюции «связь времен» (закон суров...) пресеклась. Отцы это осознают и жалеют как ушедшее ровное течение времени, так и своих отъединившихся детей. Но детям жалость такая не нужна: они живут уже в другом мире действительности Великого Глобализатора.

На этих словах очерк, где все, или почти все, сказано, можно было бы завершить *point sur les «i»*, как бы сказали знающие французскому герою «Отцов и детей». Но в голове таким неуспокоенным чертиком вертится попутный вопрос: а что, нынешние «дети», напрочь отринув великую русскую литературу, равно как и все иные литературы <Интернет смартфонистый не для того спроектировали в Кремниевой долине Калифорнии, а оттиражировали в нынешней скобяной мастерской мира Китае>, даже не прочтут о тургеневских отцах и детях?

Но не тут-то было. Так случилось, сапожник без сапог... или сапог много, что готовясь к сочинению этого очерка, решил перечитать все тургеневские романы. Поскольку квартира и служебный кабинет «забиты» книгами, стоящими в два-три ряда на полках, то... словом, отыскал все эти романы кроме «Отцов и детей». Пришлось обратиться в библиотеку, где выдали оный, причем из современной школьной хрестоматийной серии. Дома открыл книгу и – сначала огорчился, затем <устойчиво и до сей поры!> обрадовался. Огорчился сгоряча, увидев, что все двести страниц, включая приложение, комментарии и даже пояснение отдельных слов и выражений, сплошным образом подчеркнуты карандашом, а поля испещрены словами анализа читателя книги. А огорчился по той причине, что еще в слабограмотном детстве, только когда начал читать, отец (мой, не тургеневский...) с его своеобразным характером <см. выше> двойного любителя порядка и аккуратности – от старообрядчества и от долгой флотской службы – напрочь отучил меня ставить какие-либо отметки в книгах и загибать уголки страниц... В качестве же примера такого хамского отношения к печатному слову демонстрировал четырехтомник «Войны и мира», удобного карманного формата в картонных обложках, изданный в 30-х годах в популярной тогда серии классики «Дешевая библиотека»; все страницы этих томов были сплошь испещрены подчеркиваниями и неразборчивыми надписями, в основном, как я уже позже понял, неодобрительными к написанному нашим литературным гением...

И при этом все ругал юнгу Вальку, это во время войны ссадили простуженного к нему на пост на выходе из Кольского залива из шедшего по боевым делам на остров Рыбачий минного тральщика. Хворого юнгу отец определил в свой старшинский кубрик, где тот, выздоравливая и дожидаясь своего корабля в обрат, перечитал всю библиотечку отца, включая «Войну и мир». И только после убытия, говоря языком военным, юнги* наш бравый старшина увидел, что тот натворил на страницах его личных книг...

А чему ваш покорный слуга обрадовался? А все здесь просто: «Отцы и дети» оказались издания 2005-го года, а из библиотечной карточки-записи, что в кармашке на второй странице книги, следовало, что до меня ею пользовался всего лишь один читатель в декабре 2016-го года. Не стоит и говорить, что по аккуратному убористо-мелкому почерку надписей на полях страниц этим читателем была школьная отличница. «Ведь и сейчас все же читают «дети» бессмертный роман Тургенева!» – в восторге вскрикнул я, даже обеспокоив мирно дремлющего на подоконнике личного кота. Как же это оптимистично, а?

* Догадливый и любознательный в части литературы читатель уже понял: этим неряшливым юнгой был будущий известный исторический романист Валентин Саввич Пикуль. Мир наш тесен...

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ДОМ ГЕРЦЕНА» – «ШКОЛА ГОРЬКОГО» И ДАЛЕЕ ЛИТЕРАТУРА В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ К 85-летию создания Союза писателей СССР

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»

◆ ... Это эпизод «Преступления и наказания», относящийся к первой (из трех имевших место быть) беседе Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. Здесь Родион Романович развивает перед проницательным приставом – психологом погубившую отставного студента-юриста «наполеоновскую теорию» о разделении людей на «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть *Uebermensch*’ей в философии Фридриха Ницше. Но Достоевский завершил роман в 1866 году, когда «певец сверхчеловека» еще только изучал теологию в Боннском и в Лейпцигском университетах, а Федор Михайлович уже показал художественными средствами крах категорического императива деления человечества на «обыкновенных» и «необыкновенных» в части дозволенности последним преступать нормы морали. Но мы-то не в таком контексте взяли эпитафией слова Достоевского. Вовсе нет! Гениальнейший из провидцев в части ближней, на век – полтора, социальной эволюции человечества, включая даже высокую политику и экономику (см. «Дневник писателя»), Достоевский в двух предложениях обосновал возможность и необходимость существования биоэволюционного закона о выделении из

общей численности человечества определенной нормы *самодостаточно* мыслящих людей. Ныне этот закон уже *a priori* принят социобиологией. Одно из <возможных> доказательств см. в томе* нашей 16-томной (на настоящий момент) монографии «Живая материя и феноменология ноосферы». То есть речь идет не о пресловутых *Uebersensch*'ах, но о тех 8% людей, что, независимо от пола, расы, воспитания, образования и пр., именно *самодостаточно* мыслят, то есть обладают качеством объективной оценки в своем разуме и памяти объектов и процессов отображения реального мира.

Предвидя в наш век глобалистского лицемерия возмущение всякого рода «толерастов», «гендернистов», «политкорректантов» и иных либеральных поборников общечеловеческих ценностей (то есть долларов и евро...), спешу оправдать – не себя, но современные разделы биологии, «ответственные» за социально-эволюционные процессы в среде человечества: законы биоэволюции, тем более эволюции высшего создания природы – человека, мудры и неоспоримы. Если бы качество самодостаточности мышления было дано всем стопроцентно, то... имели бы описанный в Ветхом Завете эффект <неудавшегося> строительства Вавилонской башни. Дальше объяснять? – Полагаю, не надо. Сомневающийся же пусть обратится к «Апологии христианства»; см. ссылку выше.

...А начали мы потому так издавека, присовокупив и авторитетное, провидческое мнение Достоевского, чтобы не было сомнения во всем известном утверждении: писателями, конечно, не рождаются, ими становятся, но самодостаточность мышления, как основа основ носителя творческого художественного импульса, все же есть «игра природы», генофенотипически выделяющей в бесконечной череде поколений грядущие гении, таланты, самобытности и пр. – см. принятую в обиходе «табель о рангах» в писательском цехе.

* Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А.И. Субетто.– М.: «Московский Парнас», 2018.– 506 с. (в электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

Особенно это относится к поэтам. Не в обиду будет сказано мастерам прозаических жанров: если последними можно стать, имея, конечно, упомянутые генофенотипические задатки в конституции своего мозга, особенно в части правого полушария, «ответственного» за творческое, аналоговое мышление, глубоко и трудолюбиво усвоив каноны творческой культуры, то по-этом все же следует родиться. Как, например, надо родиться певцом или музыкантом. И здесь уместно косвенное, общепринятое (если только великий афорист Бернард Шоу это не сформулировал...) в подтверждение сказанного: лучшими прозаиками становятся «уставшие» от рифмования поэты – как у Пушкина: дескать, старею, к прозе тянет, – то, увы, лучшими поэтами не становятся даже выдающиеся прозаики по призванию. Опять же без обид.

Но родиться, что называется, в потенции писателем, неважно, прозаиком, поэтом, драматургом, есть лишь первая ступенька высоченной лестницы творческого познания и, главное, самовыражения, подставленная музами от источников Иппокрена и Кастальского ключа в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах. А вот дальше: плыви, малец, сам и добирайся, рассекая воды, до далекого берега признания, славы... или просто творческого самоутверждения.

Таковыми ли аллегориями мыслил Алексей Максимович Горький, замышляя Союз писателей, другими ли, но по своей нелегкой судьбе обретения и становления таланта писателя чувствовал, что в социально ориентированном государстве, которым к началу 1930-х годов в полной мере вырисовывался Советский Союз, отбор – в смысле открытие, отыскание – будущих «инженеров человеческих душ», их творческое взросление не может быть оставлено на самотек, если стране позарез нужна новая творческая интеллигенция. Конечно, нынешний либерал фыркнет, прочитав вступительную, программную речь Горького на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писателей (Москва, 17 августа 1934 года), но мы их «ослушаемся» и приведем ниже... благо она короткая:

«Уважаемые товарищи!

Прежде чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов Советских Социалистических Республик, я – по праву председателя Оргкомитета Союза писателей – разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего союза.

Значение это – в том, что разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира.

Мы выступаем, демонстрируя, разумеется, не только географическое наше объединение, но демонстрируя единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений.

Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии, – отчаяния, вызванного ощущением ее идеологического бессилия, ее социального банкротства, в эпоху ее кровавых попыток возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья.

Мы выступаем как судьбы мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм – революционного пролетариата, – гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости – от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда. Мы – враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини.

Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих и где рабочие и колхозники ежедневно, разнообразно доказывают свое умение пользоваться этим правом.

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром.

Наша цель – организовать литературу как единую, культурно-революционную силу.

С гордостью и радостью открываю первый в истории мира съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик, обнимающих в границах своих 170 миллионов человек».

◆ ...Одураченный более чем шестидесятилетним, начиная с хрущевских времен, активным антисталинизмом и почти тридцатилетним современным антисоветизмом – от пропаганды оглуляющих СМИ, нынешний, не мыслящий самодостаточно (см. выше) человек, даже вроде бы и далекий от «либерализма головного мозга», не применит позлословить в части создания Союза писателей СССР: дескать, «выписанный с Капри от полегчавших европейских гонимых и пр.» Алексей Максимович явился лишь ширмой для Сталина, одевавшего «в мундиры» всю страну и подобравшегося к дотолем бесхозным сочинителям и так далее. Впрочем, про мундиры-то осторожный кухонный либерал на всякий случай промолчит, случайно выглянув в окно и увидав невиданное разноцветье мундиров современных – от знаменитого кутюрье.

А что касается «идеологического мундира» от Иосифа Виссарионовича для сорганизованных Горьким писателей, то, во-первых, держите в голове ситуацию в мире в середине 1930-х годов; во-вторых, на то у России и своей особый путь, чтобы этот «мундир» хоть в чем-то стеснял творческую свободу истинного таланта, у которого и верховные правители «учились правде жизни». Как Николай Первый говорил искренне в адрес Гоголя, посмотрев «Ревизора», что-де «высек и меня, и всю Россию», так и Сталин, ознакомившись с письмами к нему от Шолохова по поводу перегибов с раскулачиванием, ответил ему всесоюзно статьей в «Правде» о головокружении от успехов и соответствующим постановлением ЦК ВКП(б).

В целом, создание Союза писателей СССР было великим и «единоразовым» в мировой истории благом для литературного процесса. И вовсе не «идеологическая кормушка», тем более далеко не «тепличные условия», овеществились в горьковском Союзе, но доселе невиданный социальный эксперимент в части стимулирования творческой активности для людей, что не были обделены писательскими способностями (см. *) – К этим-то книгам, если кому интересно наше мнение о целесообразности и творческой продуктивности советской литературы в рамках созданного Горьким Союзом писателей СССР, мы и отсылаем нашего уважаемого читателя.

...И еще вероятен ухмылочный экивок либерализованного гражданина на якобы расцветшую на союзписовских, почти что дармовых, харчах «датскую» и иную верноподданническую литературу. Славны бубны за горами, но ведь неча на зеркало пенять, коль рожа крива, ведь дело организации писателей, во-первых, не имело мирового прецедента; во-вторых и в главных, случилось все на просторах России-матушки, хотя бы уже и расцвеченной серпами и молотами! А значит, уже с успешно подавляемым атавизмом частнособственничества. И вовсе не для оборота речи мы упомянули о «России-матушке», ибо только в ней наличествует «при всех режимах» сочетание не сочетаемого: административный бюрократический восторг и сугубая народность масс; «лень впереди тебя родилась», «на работу не напрашивайся» – и тут же истовая христианская мораль, будто только что прослушал «вживую» Нагорную проповедь, и так далее – перечтите «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель тоже человек и ничто человеческое, в том числе негативное, ему не чуждо...

Отсюда и «датские» поэты и прозаики. Драматурги тож. Неча на эту тему и нам бумагу впустую изводить – опять же перечтите «Мастера и Маргариту» в главах о бурной союзписовской жизни. Тем более, когда дряхлею-

* Яшин А.А. Будни главного редактора: Публицистика 2008–2012 годов / Предисл. Л.В. Ханбекова: Академия российской литературы.– М.: «Московский Парнас», 2012.– 516 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Яшин А.А. Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.– М.: «Московский Парнас», 2015.– 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). (В электронной форме эти книги см. на сайте www.pz.tula.ru).

ший Ильич Второй совсем возжи ослабил, то и частнособственничество, в том числе в писательской среде, оживилось. Как будто про эти времена загодя, за сто лет вперед, рассуждал в «Бесах» Степан Трофимович Верховенский (этот персонаж Достоевский ядовитейшее «списал» с известного словоохотливого либерального историка середины XIX века Тимофея Николаевича Грановского, автора «Лекций по истории Средневековья»...): *«Почему это, я заметил, – шепнул мне раз тогда Степан Трофимович, – почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»*

Конечно, уже в период развитого социализма и советизма – мы это пишем безо всяких кавычек и ухмылок либеральных! – определенная официозность и «омундиренность» проникла в среду писательства, но, в основном, в руководство Союза и в ряды «проявивших и просиявших», опять же по Салтыкову–Щедрину. Но – и только! А это уже неизбежное явление для всякой соорганизованности, тем более под щедрым попечительством госвласти.

И еще один, крайне щепетильный для советской литературы момент: крайне выраженное поощрительное внимание руководства Союза писателей, здесь уже напрямую наставляемое госвластью, к литературам национальным, число которых в СССР доходило до сотни... настолько поощрительное, что порой казалось, собственно великая русская литература с ее глубокими корнями, феноменом XIX – начала XX веков и так далее, несколько нивелируется на фоне «ста языков». Понятно дело, это относилось по преимуществу к официозу. И само развитие, а зачастую и создание «с нуля», национальных литератур в СССР являлось делом благим как для них самих, так и для государственного строительства, реноме многонациональной страны. ...Словом, дело архитонкое и политичное, но что стало с литературами бывших союзных республик после поражения (именно поражения, а не либерального «распада») нашей страны в Третьей («холодной», информационной, сопря-

женной с массовым предательством власти и пр.) мировой войне? Но поставим вопрос в иной ипостаси: а что стало после этого поражения с <бывшей> великой русской и советской литературой? – А то же самое. Вот уж и не на словах, а самое настоящее нивелирование... Но здесь причиной уже глобализация, к которой мы ниже вернемся, все же докончив развиваемую выше мысль на характерном примере.

В начале сентября 1974 года в Колонном зале Дома Союзов (! – одно место проведения чего заслуживает...) состоялся V пленум Правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию его создания. Отметим, что за весь 85-летний, на сегодняшний день, период существования СП СССР и его правопреемников – СП России и МСПС (Международного сообщества писательских союзов) – это был *единственный* юбилей, отмеченный на самом высоком государственном и международном уровнях, в писательской и читательской (а в СССР *читали все!*) среде. К Юбилею Указом Президиума Верховного Совета СССР сразу тринадцать писателей были удостоены звания Героя Социалистического Труда, среди них Валентин Катаев, Вадим Кожевников, Георгий Марков, Борис Полевой (Кампов – так в Указе) и Константин Симонов. Остальные восемь награжденных (каждой сестре по серьгам, как гласит народная мудрость) – представители национальных литератур СССР. По итогам юбилейного пленума была добротна издана книга его материалов*. Как положено, «участники пленума единодушно избрали Почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л.И. Брежневым» и так далее. А в завершении пленума в Большом банкетном зале Кремлевского Дворца съездов состоялся (а это уже высший разряд!) правительственный прием в честь юбилея. В работе же пленума приняли участие В.В. Гришин, К.Т. Мазуров, М.А. Суслов, П.Н. Демичев и завотделом культуры ЦК КПСС В.Ф. Шауро, то есть государственные деятели, чьи портреты возвышались над колоннами демон-

* Высокое призвание: Материалы V пленума Правления СП СССР, посвященного Первому Всесоюзному съезду советских писателей / Сост. И.Г. Винокуров. – М.: «Известия», 1975. – 208 с., пер.

странтов 1-го Мая и 7-го Ноября... И еще представители литератур трех десятков зарубежных стран (правда, без «громких имен»), ЮНЕСКО, международных писательских организаций.

...Мы затем отметили официальную сторону юбилейного пленума, чтобы показать: за внешней «мундирностью», несколько нарочитым интернационализмом (но ведь в СССР он был совершенно искренним?) ярко просвечивала уникальность советского литературного процесса: соорганизованность и госопека органично сочетались с творческой свободой писателя – если только он сам себя не обрекал на добровольное рабство «датского сочинителя», либо нарушал сложившееся к шестидесятым годам джентльменское неформальное соглашение: пиши как хочешь, но, будь любезен, явно не трогай догматы коммунистического учения и «лично руководителей партии и правительства». Ведь это совсем и не сложно?! А если ты талант от рождения и воспитания-образования, то милости просим в члены Союза писателей: это гарантирует тебе впридачу к свободе творчества (см. выше) еще и отсутствие – отвлекающей от собственно творчества – заботы о хлебе насущном. И вступить в члены Союза писателей СССР, учитывая публичность и преобладающую честность литературных руководителей, без таланта и серьезных способностей было практически невозможно: пресловутые блат и «мундирность» не могли расширить то игольное ушко, в которое протеснился бы верблюду...

Конечно, были – но это уже высокая госполитика – некоторые послабления в части новооперившихся национальных литератур, а так – никак! Редчайшие случаи до сих пор тема анекдотов в писательской среде. Помнится только один такой: после ухода из жизни выдающегося советского писателя <имени не буду называть> его потомок, во владении которого оказался огромный, уникальный архив умершего, предложил «обменять» его на свое членство: приходилось и ему, говоря словами Хлестакова, что-нибудь этакое сочинять на досуге. Вроде как сделка состоялась, но опять же для вящей пользы литпроцесса.

Совсем не анекдотично звучала тогда и известная присказка: вступить в Союз писателей адекватно получению докторской степени по филологии. То есть равнозначное соотнесение добычи радия по Маяковскому – годы работы и граммы этого редкоземельного элемента. И когда мне, обычно малодоброжелатели, с иронией советуют «добавить» к имеющимся степеням доктора технических наук и доктора по биологии еще третью – Бог троицу любит, – незлобиво отвечаю, что, как член Союза писателей СССР, таковую уже имею – в равноценности.

...Эк куда повело! А почему других «громких» юбилеев писательских за восемьдесят пять лет не случилось? Потому что планеты в нужный ряд не выстроились: 10-летие пришлось на войну, 20-летие – на послесталинский дележ власти в стране, а еще через десять лет опять власть – с Никиты на Ильича Второго – верховным переворотом менялась. Пятидесятилетие пришлось на окончание трехлетней череды похорон престарелых генсеков. Дальше все понятно и без пояснений. Словом, не до того, Федя, было, не до юбилеев...

◆ Провозгласив выше, хотя и несколько странным слогом, апологию Союзу писателей СССР, много посеявшему доброго, разумного и вечного, главное, «подтянувшего» советскую литературу во многом к уровню (здесь своего мнения не навязываю) великой русской словесности XIX – начала XX веков, перейдем к основной теме очерка: о Литературном институте имени А.М. Горького – его основателя и вдохновителя. Литинститут, «Дом Герцена» – «Школа Горького», есть «уникальное в уникальном», говоря несколько коряво. Как единственным в своем роде, организационной структуре и назначении являлся Союз писателей СССР, так и его «подразделение» – Литературный институт*, единственный в мире. Правда, ходили в нашей студенческой среде разговоры, что нечто похожее имелось в ГДР, в Лейпциге,

* Именно подразделением являлся Литинститут: будучи государственным образовательным учреждением, он входил в структуру Союза писателей СССР, о чем свидетельствовала тисненая золотом надпись на обложках наших студенческих билетов. ...Это как сеть высших партийных школ также относилась к КПСС – тоже по статусу общественной организации. Как и Союз писателей...

но в каком статусе? – неясно. Явно и уровень не тот, хотя всегда приятно знать, что «не одинок ты под луной» – хотя бы речь и идет об учреждениях...

О Литературном институте так много (и многими! – все же люди пишущие в нем учились...) написано, в том числе и самым знаменитым его ректором в 1960–80-х годах Владимиром Федоровичем Пименовым («Свидетели живые», М., Современник, 1978), что теряешься: а как это отразить в кратком очерке? – Не «растекаясь мыслью по древу». А если это «сузить» до своих впечатлений? – Пожалуй, это правильно; всегда лучше и полезнее для <здуманного> дела следовать первоисточнику, то есть самому себе. Тем более, что учился в 1975–81 годах в самую блестящую пору Литературного института: в изданных к 75-летию института двух солидных томах воспоминаний* во второй книге 550 страниц (из 854-х) так и озаглавлены: «Под знаком Пименова». Поскольку во второй половине двухтысячных годов и начале 2010-х наши «Приокские зори» крепко творчески дружили с руководством Литинститута (нынешнее, увы, дружить желания не проявляет...), то меня и юбилейной медалью не обошли, и мои воспоминания о годах учебы поместили во вторую книгу в упомянутый «пименовский раздел».

...Русский человек своеобразно ленив для пользы дела, включая свое личное, поэтому, чтобы заново не изобретать виртуальный велосипед, ниже и помещаю свой материал из «Воспоминаний о Литературном институте», несколько его сократив. Главный же упор в этих заметках при их написании делался не на фактологии, хотя наиболее заметные «штришки» и проскальзывают, но на показе «на себе» той непреложной реалии, что вся деятельность Союза писателей СССР, масштабная отобразившаяся на жизни Литинститута, вращалась «на оси творчества». Поступление же в «Школу Горького» даже на промилле не соотносилось с «мундирами», «звонками» и прочей «блатхатой», что в послесталинские, а особенно в 1970–80-е годы, все более становились неписанным законом. К сожалению великому... А поступление

* Воспоминания о Литературном институте. В 2-х кн. / Редактор-сост. С.В. Молчанова.– М.: Изд-во Литературного ин-та им. А.М. Горького, 2008; Кн. 1.– 639 с.; Кн. 2.– 854 с. (К 75-летию Литературного института им. А.М. Горького, 1933–2008).

и учеба в Литинституте тогда являлась прерогативой способностей и талантов.— Для всех и вся: хоть из Чухломы, из тундры, из «столичных университетских центров».

Итак — к воспоминаниям, хотя бы и написанным десять лет назад.

Инженер. Поиски себя. Литературный институт. После окончания технического института некоторое время ощущалось что-то вроде пустоты. «Красного» диплома, как когда-то школьной медали, я не получил, ибо имел по курсовой работе на третьем курсе «уд» (этот преподаватель сейчас работает, мы с ним дружески здороваемся и ностальгически вспоминаем былое), которую исправлять из принципа не желал. Однако по баллам был первым из ста двадцати выпускников факультета. Почему-то выбрал распределение (это на пятом курсе, еще не был женат) в Загорск, потому и попал туда на преддипломную практику. Однако тему диплома выбрал себе сам — чисто математическую, по конформным отображениям: есть такой раздел в теории функций комплексного переменного — с «притянутым» приложением к радиотехнике. Очень мне этот раздел математики понравился, потому изучил его самостоятельно и в чем-то доразвил. Во всяком случае, послал дипломную работу на рецензию (по своей инициативе) ректору Ковалеву в Минский радиотехнический институт; тот, известный авторитет (не в нынешнем понимании этого слова), не только одобрил, но и позвал к себе в Минск в аспирантуру. Конечно, не поехал. Впоследствии, слегка дополнив дипломную работу, защитил ее в Московском авиационном институте в качестве диссертации кандидата технических наук. Но это было позже. Пока же, женившись, перераспределился в Тулу, в только что образовавшееся Специальное конструкторское бюро точного (понятно какого) машиностроения при Тульском заводе точного машиностроения инженером-конструктором.

Да, еще добавлю: за время учебы в институте и потом еще четыре года стихов, романов, новелл и пр. не сочинял, даже в голову не приходило, зато активно начал публиковаться в научных изданиях, в том числе и в наиболее престижных в области радиотехники.

Итак, инженерная жизнь, но фактически научно-исследовательская работа, началась с пустоты, с поиска самого себя. Обычно этот период жизни у мыслящих людей (у немслящих он проходит мимо) относится к 16—18-летнему возрасту, у меня — на 5—6 лет позже. Почему? Наверное, так и должно быть у русских людей (из староверов тем более), которые, по словам острослова Бисмарка, «долго запрягают». Вот южные люди — те наоборот, быстро запрягают, но в скачке уже к тридцати годам выдыхаются, правда, успев занять руководящие и иные, блага дарующие, посты... Это так, к слову.

Не то что сама работа не нравилась — не нравился дотошно-рутинный ее характер, душа требовала более творческого дела. А внешне жизнь не такая уж скверная: семья родительская и своя уже минисемья, поездки летом в колхоз-совхоз, почти второй отпуск, друзья-коллеги. Тогда молодые инженеры много читали, особенно из литературной периодики, ходили в недурной тульский драмтеатр, в концертном зале филармонии не пропускали ни одного выступления заезжих знаменитостей из столиц: от скрипичных и симфонических оркестров до вечно молодого (увы, недавно почившего) Олега Лундстрема с его диксилендом.

Для разнообразия жизни осенью 1973 года поехал в Ленинград и поступил в ЛГУ на заочное отделение математико-механического факультета: систематизировать свои знания в математике, но оказалось, что почти все изучаемое там мне более-менее знакомо. А самое главное — для заочников общежития не имелось, приходилось останавливаться в «частном секторе общежития», то есть в Озерках.— Это где попа Гапона повесили революционеры...

Ехать от Финляндского вокзала на электричке или на трамвае недолго, но жить приходилось в старинных двух-, трехэтажных деревянных домах, дореволюционных летних дачах генералов и заводчиков, заселенных миллионами особо ядреных клопов. Перестал я на сессии ездить, хотя Ленинград с детства любил. Через год с небольшим, ранней весной, читая свежий номер «Литературки», обратил внимание: Литературный институт им. А. М. Горь-

кого СП СССР объявляет творческий конкурс для отбора кандидатов на поступление на первый курс. Что такое Литинститут — в общих чертах раньше знал, но дальше этого любопытство не шло. А тут что-то задумался; правда, в условиях конкурса значилось представление для прозаиков двух авторских листов этой самой прозы... а у меня ее (равно как и стихов) не было ни единой строчки. Но даже не этот факт меня беспокоил, а указание: материалы представляются в машинописном виде. Где взять эту самую машинку? Однако ответ на главный вопрос нашелся через полчаса: после «Литературки» прочел местный «Коммунар» и нашел объявление горуправления службы проката: «Граждане могут взять на требуемый им срок телевизор, стиральную машину, ..., детскую коляску отечественного и импортного (ГДР) производства, *портативную печатную машинку*». В записке имелось пять рублей, и в ближайшем пункте проката на месяц взял машинку.

И целый месяц по вечерам, после работы, тюкал в клавиши сначала одним пальцем, потом двумя указательными, но через неделю творческой практики уже сносно печатал всеми, исключая большие и мизинцы. С писчей бумагой тогда был дефицит, поэтому пятьдесят листов хорошей бумаги обменял на коробку «Птичьего молока» местной кондитерской фабрики у отдельной секретарши Ниночки.

Писал-печатал нечто мрачное (перед этим начитался «дефицитного» Кафки и трактатов любимого мною Метерлинка: «Разум пчел», «Разум цветов» и др.), что в голову приходило. Отпечатав ровно два авторских листа, запаковал в бандероль и отправил на Тверской бульвар, 25. Летом и вовсе забыл об аванюре, но в середине июля (если не ошибаюсь) получил открытку о прохождении творческого конкурса (как потом выяснил, в том году был конкурс обычный для Литинститута, то есть большой) и официальное письмо о допуске к экзаменам; на заочном отделении, учитывая малую грамотность некоторых будущих инженеров человеческих душ, планку искусственно доводили до соотношения 2:1; на очном — чуть повыше.

К экзаменам я, понятно, не готовился, ибо литературу и историю знал, русский язык — если его знаешь, то и напишешь сочинение грамотно, а немецкий язык, сколько я в «своих университетах» ни сдавал вступительных, переводных и государственных экзаменов по инязу, со школьных лет даже для приличия не повторял: Маргарита Григорьевна в школе хорошо вдолбила. Причем по-немецки (равно по-английски, по-китайски и пр.) не говорю и не читаю, но экзамен могу запросто сдать. В СССР иностранный язык был нужен только разведчикам, диссидентам и учителям иностранного.

Экзамены сдал, как всегда, отлично, при этом помог сдать немецкий еще двум-трем из будущих однокашников. Заодно с поступлением понял, что в столице надо держать себя осторожнее, нежели в простодушной, хотя и ближней, провинции. Когда в первый раз — прямо с тульской электрички и с пожитками — явился на Твербуль-25, сдал в приемную комиссию документы и получил направление в общежитие, то решил передохнуть, покурить и сел на бульварную скамейку. Ко мне подсел парень, который до этого на территории института задумчиво осматривал памятник Герцену. Парень как парень, но со странными темно-голубыми глазами. Познакомились. Я кратко рассказал о себе, а он с счастливой улыбкой сообщил: четыре раза поступал в Литинститут, а в этот раз не удастся: мать куда-то упрятала аттестат и не дает его. С той же счастливой улыбкой он стал комментировать проходящих по аллее бульвара людей, явно вышедших из нового здания МХАТа, что напротив Литинститута:

— ...А вот наш Марк куда-то торопится, и сама Алиса с Егорушкой заболталась...

Про Марка и Алису я еще сообразил, что имеются в виду Захаров и Фрейндлих, а вот кто такой Егорушка? — Стыдно мне, провинциалу, стало.

Далее собеседник предложил мне продолжить приятный разговор и проводить меня до общежития, благо он сегодня отпущен на целый день.

— Откуда отпущен?

— Да из психбольницы. Меня мама туда на профилактику по осени и весне кладет...

Я спешно поднялся со скамейки, подхватил свою сумку, при этом поперхнувшись табачным дымом.

Общежитие Союза писателей в Останкино не то что поразило своим основательным обликом, но по сравнению с архаичными строениями Твербуля-25 выглядело монументально.

Войдя в определенную мне комендантшей комнату, застал там остальных трех поселенцев. Один из них сразу назвал меня земляком (двое других были из Сибири; оба не поступили), ибо сам был из Калуги — Толик Кузьмичевский, ныне известный в Москве поэт. Он только что, по его словам, «расплевался» с калужским обкомом комсомола, где трудился в отделе культуры, имел, как и я, высшее образование. Кстати, на второй год обучения он дополнительно поступил заочно еще и на «факультет Ясена Засурского», то есть факультет журналистики МГУ. Крайне деловой человек и хваткий, он все годы совместной учебы в Литинституте жил вне общежития, потом и вообще женился. Учился он в семинаре Старшинова, не на плохом счету. После окончания института мы с ним как-то раз виделись в Туле, куда он приезжал в Приокское издательство за версткой своей поэтической книжки. Позже он, по моей просьбе, «сосватал» меня в издательство «Современник», но Баранова-Гонченко мой роман «В конце века» не пропустила. И еще как-то в «Литературной газете» (если не ошибаюсь) прочитал рецензию на его стихи; рецензента почему-то взволновала строка: «...И на ночь кладу под подушку топор»...

А так все годы учебы, то есть месячные осенние и весенние сессии я проводил в компании «хохлов», как прозвали нашу компанию однокашники, хотя таковым был только один — прапорщик из Ивано-Франковска. Виктор Гриваков из Змиева (только что переименованного в Готвальд), что под Харьковом, даже на восточного хохла не тянул; Саша Пытько — белорус из Молодечно, а Виталий Игитов и вообще из Кировской области. С началом са-

мостиности первые трое как в воду канули*, а фамилию Витальки как-то встретил в предвыборной газете Жириновского — он там значился кировским воеводой от ЛДПР.

...Прервусь в воспоминаниях. Только что узнал: умер на 82-м году жизни старейший тульский писатель Николай Константинович Дружинин, мой хороший знакомый, участник ВОВ, почетный гражданин Тулы и Могилева — за романы об обороне этих городов, а Могилев он и сам оборонял. Вечная ему память!

...На заочном отделении учились в основном уже имеющие высшее образование; были и кандидаты наук. Из последних самая яркая фигура — кандидат медицинских наук, заведующий отделением скорой психиатрической помощи больницы им. Склифосовского... вот за временем фамилию запомнил, что-то навряде как Кирюшин, во всяком случае, никто его в институте трезвым не видел. Но в его лице я единственный раз в жизни видел человека с абсолютной памятью: в любой степени обычного его состояния. Видимо, это-то обычное состояние и свело его в могилу вскоре после окончания Литинститута. Еще он был знаменит тем, что имя его входило в первые строки списков *персон нон грата* всех западных стран, ибо он по должности (в компании майора КГБ и участкового милиционера) присутствовал при аресте московских диссидентов. От него мы узнали, что все они были с изрядной мозговой придурью, лишь единицы «косили».

Редко видел трезвым и своего земляка — из села Гремячево, что близ Новомосковска, — однокурсника Володю Суворова. Потом мы с ним встречались на собраниях Тульской писательской организации. Пожалуй (и это не только мое мнение), он был самой большой поэтической звездой тульской, да и не только тульской, поэзии. Несколько лет назад он умер: «помогла» сорокаградусная и нажитые от нее болезни.

* Уже после публикации этих воспоминаний «отыскался след Тарасов»: Пытько — завлит. Белорусского драмтеатра в Молодечно, а Игнатов — зам. главреда областной (республиканской) газеты в Йошкар-Оле...

Еще на курсе учился известный — и ныне, и тогда уже — поэт Олег Кочетков из Коломны. Серьезный в жизни человек, мы с ним сдружились. Кто еще из наших «вышел в люди?» — Татьяна Набатникова (уже давно живет в Москве), Курносенко из Новосибирска, Михаил Устинов из Ленинграда (сейчас, кажется, в Пскове); видел его фото в лауреатском списке «Молодой гвардии». Драматург Николай Мишин создал в 90-е годы в Москве издательство «Палея». Яков Андреев из Свердловска, которого Сапгир направлял на детскую поэзию, на третьем курсе «сделал» мне первую в жизни литературную публикацию — рассказ «Сизиф» в «Уральском следопыте». Некоторые из имен однокашников встречаю на страницах Российского автобиобиблиографического ежегодника «На пороге XXI века», издаваемого Л. В. Ханбековым в последние годы.

В здании общежития размещалась и гостиница Союза писателей, поэтому иногда в комнатах нашего студенческого этажа вспыхивало веселье — приходил кто-то из именитых в гости к землякам; как-то в соседней комнате, где, кстати, проживал и Володя Суворов, до утра слышался голос Тряпкина. Бывали и другие.

Литературную братию хлебом не корми, но дай позлорадствовать над более удачливым. Так весь наш курс оказался свидетелем конфуза «живого классика». По томному сентябрьскому времени в перерыве между лекциями студенческая братия расселась по скамейкам вокруг памятника Герцену, и видели все: въехала во двор со стороны Большой Бронной черная «Волга». Вышел из нее Евтушенко и направился в Дом Герцена. А через четверть часа вылетел пулей с пунцовым от злости лицом, сел в машину и был таков.

Уже на следующей перемене все хихикали. Оказывается, ЦК ВЛКСМ почти испросил у старшего брата — ЦК КПСС — разрешение на издание поэтического «толстого» журнала «Московское кольцо» (или что-то в этом роде) под редакторством сначала певца Сталина и станции Зима, потом ударных строек и так далее. О чем сейчас поет (забыв свои же клятвы: «До трид-

цати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати...») профессор американского университета?* — То неведомо.

Оба ЦК стояли твердо на одном: главный редактор должен иметь высшее литературное образование. Вот наш Евгений, вспомнив, что в Литинституте он числился, приехал к ректору Пименову с просьбой выдать ему диплом. Но Владимир Федорович с улыбкой посмотрел на кумира тинейджеров от поэзии, посоветовал восстановиться на соответствующем курсе и, не торопясь, сдавать зачеты, контрольные работы, экзамены тож. Вот и вылетел наш Евгений из бывшей городской усадьбы Яковлева — дядюшки Герцена — с пунцовым лицом.

...В общежитии пожилая вахтерша в добрый вечерний час рассказывала нам, как хорошо играл на гармошке Коля Рубцов, а также другие истории о нем, в том числе и вошедшую в фольклор Литинститута: как некий эфиопский князь, тоже учившийся на поэта, нарочито разбил об угол общежития свой «форд» после слов Рубцова о качестве его (эфиопской) поэзии.

Из преподавателей особо запомнились литературоведы и критики Ю. Селезнев, М. Еремин и В. Гусев, непревзойденная знаток античной литературной традиции Аза Алибековна Тахо-Годи, ряд других.

В нашем прозаическом семинаре были представлены как национальности, так и профессии: татарка Галия Максина из Челябинска, уже упоминавшийся белорус Пытько, ассирийка (айсорка) из Кутаиси Джульетта Ивановна Бит-Каплан; врачи Курносенко и она же — Джульетта, рабочий Саша Пытько, были инженеры, учителя; Галия трудилась литсотрудником на областном радиотелевидении.

Эту разношерстную компанию наставлял на путь истины благополезной Борис Михайлович Зубавин, патриарх советской литературы, в войну капитаном штурмовавший Берлин, некоторое время возглавлявший только что созданный журнал «Наш современник». Скуп, но меток был наш седовласый Учитель на слова: «Галия! Хватит писать об абортах. Курносенко — не

* Напомню: эти воспоминания писались десять лет назад...

мудрствуй лукаво. А Яшину пора в своих писаниях вылезать из тульских пивных... хотя, как помнится, тульское «жигулевское» одно из лучших». И так далее, главное — «пишите о людях хороших, плохие и без того на виду!»

А так все больше слушал, как молодые петухи умеренно критикуют друг друга — так называемый перекрестный разбор написанного. И еще наставлял: «Пишите без оглядки на какую-то там цензуру, без мата, конечно. Я вот что написал, то все и напечатано. Дурь эту кто-то выдумал: писать в ящик стола...» Скучновато ему с нами было, умудренному и отягченному годами и опытом жизни. Оживлялся только, когда кто-либо провокационно о любимом его внуке спрашивал:

— Борис Михайлович, а вы внуку с гонораров деньги даете на конфеты?

— А как же! И достаточно даю.

Еще он любил подолгу рассказывать о сыне — враче космической медицины, как он его рекомендовал.

Ушел из жизни он к концу нашей учебы, а последний год наш семинар формально возглавлял Семенов (один из Семеновых, но не Юлиан...), я его ни разу не видел, так как одну сессию, последнюю, пропустил по семейным делам; досдавал позже; почему-то запомнил зачет по киноискусству — автору знаменитого «Максима»; чем-то я рассмешил его, перевернув цитату из «Юности Максима».

Дипломную работу я составил из повести и десятка рассказов, написанных за время учебы. Позднее она вышла в виде книги «На островах» в Приокском книжном издательстве (1987 г.). Это была моя первая опубликованная художественная книга, но не вообще первая книга, так как за два года до этого центральное издательство «Радио и связь» (Москва) напечатало мою первую научную книгу по микроэлектронике.

♦ *Служение двум музам.* Есть в биомедицине такое понятие — амбидекстр, то есть человек — неважно, слесарь Петр Потапович или министр Герман Громыхалов, — у которого одинаково развиты, или, наоборот, неразвиты, правое и левое полушария головного мозга. Вроде нормальным должен

среди людей считается именно амбидекстр; у него все в полной симметрии, а природа ее любит. Ан нет, любой недоучившийся студент биофака или мединститута, как два пальца об асфальт, докажет: правильный человек — это у которого больше развито левое или правое полушарие, а амбидекстр, как правило, переученный в школе левша, — досадное исключение. Левополушарный — это строгий логик, математик, физик, адвокат Плевако или те, что сейчас *олигархеров* защищают, а также интендантский прапорщик и рядовой американский налогоплательщик. Правосторонние — люди с художественными склонностями: писатели и певцы, художники и эстрадные смеяхи-танцоры, наши выдающиеся экономисты и прочие фантазеры. Словом — понятно.

А я, хотя левшой никогда не был, амбидекстр.

С двадцати лет исправно служу двум музам — науке и литературе. В части первой трудовой путь начался в 1971 году: работал в Конструкторских бюро Тулы по тематике спецтехники, в том числе 12 лет – в знаменитом КБ приборостроения, недавно объявленном президентом США чем-то вроде врага Америки. Полтора десятка лет работал в Государственном НИИ новых медицинских технологий первым заместителем директора – зам. по науке, а также профессором кафедр «Электронные вычислительные машины (ЭВМ)» и «Медико-биологические дисциплины» Тульского госуниверситета. Доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор по кафедре «ЭВМ», профессор по специальности «Медицинские приборы и системы», академик Академии инженерных наук РФ им. А.М. Прохорова, Академии военных наук и ряда других российских, иностранных и международных академий.

В 2002 году тульский губернатор Василий Александрович Стародубцев вручил мне удостоверение Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Автор 980 опубликованных научных работ, в том числе 50 монографий, изданных в Москве, Харькове, Германии, Туле, 40 изобретений, зам. главного редактора и член редколлегии ряда центральных и международных науч-

ных журналов. Почетный радист России. Работаю в области фундаментальных медико-биологических исследований; основатель и руководитель признанной в мире Тульской научной школы биофизики полей и излучений и биоинформатики.

В Союз писателей СССР принят в 1988 году; рекомендовал меня известный писатель Иван Панькин, автор знаменитых «Легенд о мастере Тычке».

Изданы тридцать книг художественной прозы и литературоведения, печатался в литературных журналах и сборниках, газетах (свыше 500 публикаций). Член редколлегии журналов «Истоки» (Красноярск), «Московский Парнас» и «Новая Немига литературная» (Минск).

Лауреат многих научных и литературных премий.

♦ *Резюмирующие замечания.* Мой художественный метод: критический реализм с учетом всего богатства классической русской и советской литературы. А что есть метод? При этом слове невольно вздрагиваю и вспоминаю своих аспирантов и докторантов (у меня их свыше тридцати защищенных). Если они блестяще отвечают на все вопросы, то встает некий Иван Иванович и «глушит» их вопросом, от которого бедолаге хочется повеситься: «Скажите, милейший, в чем различие между методом, методикой и методологией?» Все это скучно в дидактике, но когда не задумываешься о правилах, то твоей рукой, то есть головой, конечно, незримо управляют те же метод, методика и методология.

Досадно и жаль, что моя вторая книга, она же первый роман «В канцелярии» — еще многотиражная (15000 экз.) — вышла в 1991 году, на перепутье свернувшейся с разума страны. Уже не было литературной жизни, читательской аудитории и всего прочего, что радовало душу писателя после издания очередной книги.

Жаль потому, что, возможно, это одно из самого удачного из написанного мною на сегодняшний день. Писался он на вдохновении почти за десять лет до издания. Причем эти четыреста страниц рукописи я просто записывал, ибо все его содержание... мне приснилось в едином сне, исключая, конечно,

имена персонажей. Такое в искусстве и науке часто бывает; например, великий французский математик Анри Пуанкаре, один из создателей теории относительности, свои теоремы доказывал во сне. И биологически это хорошо объяснимо: работа подсознания, в котором до времени, то есть до выхода в активную память, упрятана вся информация, полученная человеком с момента его появления на свет.

Что побудило к созданию на уровне подсознания фабулы и сюжетных линий романа? — А вспомните первую половину 80-х годов? — Бесконечные трауры по последовательно похороненным генсекам, психоз СОИ (Стратегической оборонной инициативы) — великолепная американская фантазия, на которую клюнули наши престарелые (старое животное биологически осторожно и боязливо) партайгеноссе и позволили разрушить Великую социалистическую империю, государство созидания и социальной ориентации. И еще одно нагнетание страха: размещение «першингов» и «томагавков» в Европе. Все в стране, в умах, душах людей стало терять ориентир и устойчивость, к которым уже попривыкли в «золотые» 60—70-е годы оптимизма, сытости и имперской мощи.

Отсюда подсознание и выдало роман-предвидение, в котором в аллегорической форме предугадано то, что произойдет со страной через десять лет: жизнь мирного коммунхозовского учреждения, где постепенно все приросли к столам и стульям, все сгнило и рухнуло в небытие.

Писатели (и читатели, конечно), привыкшие в советское время к сто-, двести-, тристатысячным тиражам издаваемых книг, никак не возьмут в толк: а для кого (и для чего) сейчас печатаются книги в количестве ста или двухсот экземпляров? Тираж в 1000-экз. уже считается «массовым»...

Не надо впадать в уныние тем и другим. Вспомним имевшее место в недавней истории литературы. В самом начале XX века случился феномен норвежской (датско-норвежской, ибо язык здесь один и тот же) литературы: Йенсен, Гамсун, Брандес, Кьеркегор и другие. В Норвегии, где люди только селедку и треску ловили (нефтяных платформ там тогда не было, а разработ-

ка железорудных копей на западе страны только начиналась), на триста жителей приходился свой писатель или поэт! Понятно, какие тиражи «имели место быть». И ничего, сейчас мы эту литературу читаем, не забываем.

Зачем далеко — в соседнюю Норвегию — ходить: вспомните бурную литературную жизнь России в первую треть XX века... Главное — не отчаиваться и творить, а время разберет.

Когда начинающий писатель впервые сталкивается с критикой его работ, это является определяющим в становлении его как самого потенциального критика.

Не считая доброй критики Бориса Михайловича Зубавина на литинститутских семинарах, впервые я столкнулся с ней после выхода своей первой же книги «На островах». Рецензия на нее не замедлила появиться в областной газете. На «зубок» книга попала (возможно, в порядке редакционной разнарядки) маститому местному журналисту, поэту и критику *N*.

Очерк назывался издевательски: «Острова на мели». Даже если автор в каких-то моментах пытался сказать что-либо позитивное, то природная или жизнью воспитанная злоба не позволяла. Кстати, несколько лет спустя, в середине 90-х годов, самых бесхлебных и безработных, этот самый *N*, который дотоле не узнавал меня при встрече на улицах и на писательских собраниях, вдруг как-то бросился через дорогу ко мне с радостной улыбкой и рукопожатиями: узнав, что я замдиректора НИИ, попросил устроить на работу жену. Как человек, не помнящий зла, супругу я его к себе устроил. Но *N*, когда случилась обычная в те годы двухмесячная задержка с выплатой зарплаты, явился в НИИ, устроил скандал мне, а потом пошел к директору с воплями и угрозами. Кончилось тем, что директор вывернул все свои карманы и отдал разъяренному *N* все личные деньги, лишь бы он больше не приходил.

...И вот после прочтения этого отзыва-рецензии я четко осознал ранее интуитивно угадываемое: критики в литературе (а впрочем, и вообще в жизни) суть двух типов, причем противоположных: одни ругают все и вся, другие хвалят, но очень умно. И, покопавшись в памяти, вспомнив русскую ли-

тературу, оба эти типа критиков обнаружил. Несомненно, Белинский относился к умнейшему направлению, достаточно вспомнить его статьи о творчестве Пушкина. Но вот разночинцы, либеральное направление, мощно заявившее о себе в русской литературе второй половины XIX века... Не зря они все были из поповских семей. Ведь народная мудрость говорит: нет худших ненавистников (веры, пьянства, морали...), чем бывших (вероучителей, пьяниц и т.п.).

Урок тот я воспринял в полной мере. Часто пишу отзывы, рецензии (см. книгу «В час волка»), но пишу дóбро. Ибо только добром можно увлечь и подвигнуть творческого человека к развитию своих способностей.

◆ ...На такой оптимистичной ноте и заканчивался мой материал во второй книге «Воспоминаний о Литературном институте». Бесхитростно написано, но *in summa* объективно, так что и сейчас, десять лет спустя, вряд ли бы по-другому рука вывела (пишу только «от руки» – не потому что нонконформист – все не в ногу, один я в ногу, – но даже в этом формализме нет желания быть придатком оцифрованного глобалистского мироустройства...).

Все, вспоминая свои литинститутские годы, непременно отмечают добрый, как в доме родном, демократизм в отношениях между прославленными нашими наставниками и «бурсаками-лицеистами», как правильнее было назвать нашу обучающуюся сочинительству братию, особенно с заочного отделения, которое по сути и являлось в творческом плане основным. Кстати говоря, имелись в истории Литинститута периоды, когда очного отделения и вовсе не было... В этих воспоминаниях непременно приводятся яркие оценки этого доброжелательства. И мы в таковых не отстанем.

...В окончании предпоследней сессии, когда уже все пошабашено, дипломные работы на завершающий приезд в Тверьбуль-25 уже вчерне готовы, словом, почти на расстанях, отмечала наша «условно-хохлацкая» (см. выше) комната завершение учебно-экзаменационного месяца. Наутро – разъезд по домам. Как положено, накрыли щедро стол, не успели разлить по первой – ан деликатный стук в дверь, входят заглянувшие в опекаемое им общежитие

ректор Пименов и декан заочного отделения Таран–Зайченко. Заметим, что тогда молодежь особо водку не потребляла, потому и у нас на тот «монарший визит» на столе красовались где-то с десятков бутылок 0,7 л. ординарного портвешка, по сравнению с которым нынешние 1000-рублевые вина с франко-итальянскими и иными названиями (из пьес Островского: бери, барин, кругом по полтине бутылка, а ярлыков иностранных каких хошь наклеим...), все сплошь порошковой – из недалгих мест – фабрикации есть... далее слова неудобные для печати.

Увидев великолепную батарею, занявшую бóльшую часть стола, сталинский «главный по театрам» Пименов схватился руками за голову. «Владимир Федорович! – покаянно вскричали мы, – вот решили скромно завершение сессии отметить. Да мы ведь...» – «Я не о том, – заговорил Пименов, – я о другом: ведь не то, что вы все это выпьете, так еще пару раз за такими же добавками в гастронорме на углу слетаете! Поберегите свои желудки и печень, ведь вам еще писателями надо становиться!»

...Полагаю, этого характерного примера достаточно: прямо-таки в наш оцифрованный, административно-бюрократический, цинково-суконный век так и новеело домашним теплом не столь уж и далеких времен – *творческих времен*.

Но, увы, от «дома Герцена» – «школы Горького», следуя данному нами изначально названию настоящего очерка, чертыхаясь, перейдем в нынешний оцифрованный человеконик, как по аналогии с пчельником, муравейником, термитником поименовал современное человечество выдающийся советский и российский ученый-логик, философ, социолог и писатель А.А. Зиновьев.

И что там за недалгим горизонтом?

*Когда-то мы возьмемся за журнал!
Мочи нет хочется...*

Из письма А. С. Пушкина
к П. А. Вяземскому, 1825.

♦ Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр

Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство перевести во всероссийский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее – и в особенности! – через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Еще раз заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская ... конечно, в меньших творческих масштабах. Но – это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература – с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением – в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при обязательном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью организованности (см. выше). Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма захлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ'и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? – Все сотни книг «с направлениями» – слева; а справа? – Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского – а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских либеральных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти

к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы – первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человекика с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: *цифрофрения*.

◆ Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (см. выше) СССР в Третьей мировой войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества – и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ... Оять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и – от образного литературного мышления и восприятия его следствий некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий – не только ленин-

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. – Тула, 2016. – 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

ский «иудушка», но и блестящий публицист – *«мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*. И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никаких быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун – через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр. – это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человеку безо всякой нужды – и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие – самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма, – стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и ... региональные отделения писательских организаций – их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безде-

нежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владыки умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» – в силу творческой инерции, как машинист и паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? – Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомца прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению бумажной «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных реноме хозяина губернии,

«кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы – только тайно!

... И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на вашу областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

◆ Осталось нам «пройтись» по журналам – вроде как, на первый взгляд, по определению (см. выше слова Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия – два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором – «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора – могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем заодно и русской классики. *Rax Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отлучающе от журналов выделяем курсивом. Избави, бог, подумать, что таким хитроумным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно взывающе. Нынешние журналы – тягловые лошади

исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнины во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и – дай, бог, если таковые имеются! – читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравнивали в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнительной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул напряжения мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства – трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать – были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить...), превращается в губернские салоны – аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? – Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча – писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ... Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Вале-

рия Румянцева «Смерть читателя – это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового – самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале – про книги было уже сказано выше – не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру.

...Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (редакции требуют *minimum minimorum!*), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «*Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует*». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест...», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны

по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военной цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла – раз литератор без нее обойтись не может – злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное – «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, опять же уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее – не в интернете, но в «бумаге» – обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!» – И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то – умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры –
Отживший тлен – предбывшие таланты...*

ТАЛАНТ И ГЕНИЙ, ИЛИ ДВЕ ВЫСШИЕ ФОРМЫ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА ИНТУИТИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

К 220-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина

В настоящей «колонке» затрагивается тема дифференциации субъектов художественного познания. Это настолько сложный вопрос, что, не затрагивая общих оснований для характеристики такого разделения, определим лишь различие таланта и гения — двух высших форм развития субъекта познания. Следуя установившейся традиции, рассмотрим этот вопрос на примере пушкинского «Моцарта и Сальери». Определение Пушкина, как кажется, наиболее близко к истине. Попутно — и в контексте основной темы — коснемся специфического вопроса о музыке.

Гений и талант — нечто совершенно различающееся. Можно сказать: ступени лестницы, ведущие от питательной равнины усредненного интеллекта через подножие и склоны холма таланта к вершине гения, становятся все уже и уже, круче и круче, а самая верхняя ступенька таланта кончается... стеной, и только подпрыгнув, можно за ней увидеть пьедестал вершины; гении туда, — понимает поднявшийся по лестнице, — попадают другим путем. И никто в мире не укажет ему этот путь. И очень часто такой, остановленный стеной талант впадает в безумие, тщетное безумие жреца Дельфийского оракула; и верно, кто не поймет душою это безумие отчаявшегося: чем больше тот думает, чем же он, умный и трудолюбивый, философ и аскет, хуже случаем избранной богами для аполлоновского излияния пещеры, тем больше его безумие и отчаяние. Но, с другой стороны, Греции нужен оракул, он — естественен, он — сокровенен, а похожие жрецы сидят около бесчисленных кумирен, чуть ли не у каждого придорожного камня?

С двоякого, неразрешимого предвзято и примитивно вопроса начинается каждая из избранного числа извечных тем искусства — миф. Миф о Гении и

Таланте так же питает творчество мира, как и миф о Прометее, Эдипе, Одиссее. Как и другие, этот миф в своей тезе и антитезе несет основание трагедии.

На картине Врубеля «Моцарт и Сальери» (1884 г.) — сцена в трактире «Золотого льва». Моцарт, полуотвернувшись от фортепьяно, одной рукой опирается на стол; между пальцами ладони — бокал с отравленным вином. Ладонь второй руки на клавишах. Взгляд в никуда, но можно подумать, что и в пол; состояние невеселой, рассеянной задумчивости. Из тени, в затылок, в спину ему — выжидательный и напряженный взгляд Сальери. Картина написана ради лица Сальери: одно из выражений в мучительном ряду демонологии Врубеля. И Моцарта и Врубеля погубили демоны, первого — очеловеченный, второго — демон безликого темного безумия. Наверное, художник облику Сальери придал овеществленный, объективированный образ безрассудного безумия, губящего за чьи-то грехи (чьи? были ли они?).

Но от пушкинского Сальери у Врубеля только выражение лица (но и оно ох, как спорно...), ибо врубелевский Сальери — парафраз Понтия Пилата: вытирающий руки салфеткой демонический отравитель. Но далеко стоит умелый софист Сальери от прямодушного римлянина, настолько далеко, что чужд в нашем восприятии ему этот жест, даже как туманный символ.

«В конце 1791 года, когда останки Моцарта исчезли в общей могиле для бедняков на кладбище св. Марка...» – пишет Э.Эррио в «Жизни Бетховена», зная, что есть Сальери, больше искусный версификатор в музыке, чем композитор чуть выше среднего, как сейчас принято говорить, уровня, зная об их, если не дружеских, то приятельских отношениях, большинство было склонно поверить в предсмертные (на одре и лжец плачет истиной!) признания Сальери. Во всяком случае люди искусства, наиболее прямодушные и эмоционально-восприимчивые, по всей Европе вознегодовали. У музыкальных же исполнителей с того времени сложилась традиция не исполнять произведения Антонио Сальери. И долго держалась.

Во всяком случае все это стало неисчерпаемым источником догадок, одним из тех «хлебных» темных пятен истории, в частности, истории

искусства, что кормят поколения и поколения литературоведов. Точно так же, как самого Сальери терзала мысль: правда ли Микеланджело убил своего натурщика, чтобы натуральнее передать конвульсии умирающего распятого Спасителя? По самым обширным материалам более склоняются к версии отравления. Хотя... сейчас историю так полюбили переписывать?

А во времена Пушкина эта история еще не была Историей, а свежей и потясающей вестью пронеслась по цивилизованному миру от Парижа до Петербурга, и он не долго держал великолепную фабулу в запаснике, ибо спешил выразить еще одну мучительно вынашиваемую *мысль*.

Пушкин понимал, что он гений. Как и Моцарт, он понимал это слово просто, в истинном его смысле, не кокетничая (во всяком случае перед самим собой, все остальное маска). Он и не отказывался от собственной гениальности, как никто из смертных не отказывается от лучших даров природы: красоты, здоровья, ума, таланта, общечтимых качеств души. Услышав это, человек с умом, склонным к экстраполированию, сразу воскликнет: так, если гениальность — дар природы, то она и естественна в человеке, ее носителе. А значит, такой человек мало, ничтожно мало задумывается над природой, проявлением и существованием собственной гениальности, как мало думает здоровый, не больной человек о философии и конституции своего здоровья? Таким и был Моцарт. Но Пушкин-то вынашивал, обдумывал идею человека-гения... то есть свою идею: значит, речь идет уже о двух типах. Мы постараемся ниже показать, что гениальность не типизируется, а вполне естественный вопрос о рефлектирующем и нерефлектирующем гении сводится не к личностям, а к первооснове — роду искусства, роду гения.

...Намедни ночью

Бессонница моя меня томила,

И в голову пришли мне две, три мысли.

Сегодня я их набросал. Хотелось

Твое услышать мненье...

Так просто, не облакая в высокие слова, посреди смеха и игры бродячего «скрипача», Моцарт говорит о посетившем его накануне вдохновении. Он и не думает скрывать, что является лишь органом, на котором играет Некто — вдохновитель божественных звуков. Моцарт не разъясняет, не анализирует свой творческий процесс: *«И в голову пришли мне две-три мысли...»* Но если бы он и захотел объяснить, то вряд ли смог это сделать, ибо музыка в этом смысле отличается ото всех других видов искусств. Первым это заметил и лучше всех объяснил Артур Шопенгауэр. В любой критике, даже в огульно отвергающей до единого все доводы его философии, выделяется последний раздел третьей книги первого тома основного труда Шопенгауэра, раздел о музыке. Повторяю, никто так хорошо не писал о музыке; здесь даже основная гипотеза о *Воле* Шопенгауэровой философии не уводит от сущности изложения.

Он сразу выделяет искусство музыки в специфичное: *«...все-таки одно изящное искусство не вошло в наше исследование и войти не должно было, так как в систематической связи нашего изложения для него не оказалось подходящего места: это — музыка. Она стоит совершенно особняком ото всех других. Мы не видим в ней подражания, воспроизведения какой-либо идеи, существ нашего мира; и тем не менее она — такое великое и прекрасное искусство, так могуче действует на душу человека и в ней так полно и глубоко им понимается, в качестве всеобщего языка, который своей внятностью превосходит даже язык наглядного мира,— что мы несомненно должны видеть в ней нечто большее, чем «*exeritium arithmeticae occultum nescientis enumerare animi...*» («сокрытое арифметическое упражнение души, не умеющей себя вычислить» — слова Лейбница; выделено Шопенгауэром).*

Музыка служит выражением сокровенной глубины человеческого существа. И только ли человеческого? А в определенной степени и более низшего; то есть музыка — это самый естественный, первоначальный род искусства, если она присуща общеживотному миру (понятно, это не слова Шопенгауэра, субъективный идеализм которого полагает весь животный мир нашим пред-

ставлением; следовательно, по его понятиям, животное, воспринимающее музыку, — пресловутые сапоги всмятку).

Приведем объяснение, в котором Шопенгауэр определяет сущность музыки: «Музыка — это **непосредственная** объективация и отпечаток **всей воли**, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а **отпечаток самой воли**, объективностью которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств: ведь последние говорят только о тени, она же — о существе» (выделено Шопенгауэром). Здесь только следует метафизические термины «идея» и «воля» перевести в понятия диалектические: идея, в данном случае, осмысленное логически и подсознательно основание искусства; волю же можно трактовать как саму сущность искусства.

То есть, если любое другое искусство для своего восприятия требует логического мышления, определенного тренинга, работы подсознания, то музыка воспринимается человеком *непосредственно*, комплексно и — безусловно — воспринимается им.

Это отличие музыки, но что она говорит человеку?— «...она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка — язык чувства и страсти, как слова — язык разума...».

Музыка — изначальное, поэтому и простое в средствах искусство, как ни парадоксально звучит, это самое неразложимое, целостное искусство имеет своим носителем звуки, подчиняющиеся очень строго простейшей математике. Не зря же Сальери:

*Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию...*

Но это просто, все основополагающее просто, а арифметику и алгебру *материала* нельзя путать с *искусством*, построенном на этом материале. «Поверить алгеброй гармонию» — не значит рефлексировать, ибо отношение физической теории тонов (учения о гармонии) к сущности музыкального искусства то же, что и отношение силы тяжести и сопротивления материалов к эстетическому эффекту архитектурного сооружения.

Мы вплотную подошли к ответу на первый поставленный вопрос: что есть музыкальное творчество?— *«Изобрести мелодию, раскрыть в ней все глубочайшие тайны человеческого хотения и ощущения, это — дело гения; здесь его творчество очевиднее, чем где бы то ни было: оно далеко от всякой рефлексии и сознательной преднамеренности и может быть названо вдохновением* (здесь и далее выделено нами — А. Я.) *...композитор раскрывает внутреннюю сущность мира и выражает глубочайшую мудрость — на языке, которого его разум не понимает, подобно тому, как сомнамбула в состоянии магнетизма дает откровения о вещах, о которых она наяву не имеет никакого понятия. Вот почему в композиторе больше, чем в каком-нибудь другом художнике, человек совершенно отделен и отличен от художника»*. — Так говорит Шопенгауэр.

В этих словах нет никакой мистики; и как лучше можно определить процесс музыкального сочинительства? Итак, гений в музыке, композитор — не рефлектирующий гений, человек и художник — автономны друг от друга в композиторе. Это Пушкин точно подмечает словами Сальери:

*...бессмертный гений — не в награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?... О Моцарт, Моцарт!*

Впрочем, Моцарт в трагедии пытается один раз описать процесс своего творчества, но эти несколько строк звучат дежурно, и Пушкин, скорее всего, чувствуя дух музыки, вставил эти строки *сознательно* для композиционной

ровности и связности, более того, в момент их произнесения Моцарт играет, и слова необходимы для поддержания речевой динамики действия; беспомощно в параллель творению гения и очень общо звучат эти слова:

Моцарт (говорит и играет):

Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;

Влюбленного — не слишком, а слегка —

С красоткой или с другом — хоть с тобой

Я весел... Вдруг: виденье гробовое,

Незачный мрак, иль что-нибудь такое...

Ну, слушай же.

(Другое дело, что эти строки несут в себе знамение, провозвестие внезапной гибели Моцарта: «...или с другом — хоть с тобой...» {«с другом» — «с тобой» — «виденье гробовое»} — вот смысловая цепочка, но об этом позже).

«...Ибо музыка *«выражает вовсе не явление, а исключительно внутреннюю сущность, в себе всех явлений, самую волю. Она не выражает поэтому той или другой отдельной радости, той или другой печали, муки, ужаса, ликования, веселья или душевного покоя: нет, она выражает радость, печаль, муку, ужас, ликование, веселье, душевный покой вообще, как такие, сами в себе, до известной степени inabstracto, выражает их сущность, безо всякого придатка и без мотивов к ним. Тем не менее мы понимаем ее, в этой извлеченной квинтэссенции в совершенстве»* (выделено Шопенгауэром). И продолжает: *«Музыка всюду выражает только квинтэссенцию жизни и событий, но вовсе не самые события, различия которых поэтому не должны непременно влиять на нее... Если, таким образом, музыка приспосабливается к словам и прилагивается к событиям, то она силится говорить на языке, который для нее не родной»* (выделено нами — А. Я.).

И еще одна фраза из Шопенгауэра: *«...И вот когда в отдельном случае действительно... композитор сумел высказать на общем языке музыки те во-*

левые движения, которые составляют зерно данного события, тогда мелодия песни, музыка оперы очень выразительны. Но эта найденная композитором аналогия непременно должна вытекать бессознательно для его разума, из непосредственного познания сущности мира и не должна быть сознательно-преднамеренным подражанием с помощью понятий».

Обращаем внимание на последнюю фразу: никто в мире не заставит меня поверить в подобное «сознательно-преднамеренное» подражание Моцарта при сочинении 40-й симфонии или зальцбургских концертов для скрипки с оркестром.

Цель этого пространного экскурса в философию музыки двояка: а) показать, что музыка — не рефлектирующее искусство, и тем самым ответить отрицательно на наличие «типов гения»; гений не табличен, не дробящаяся по каталогам вершина, а значит причину отличающихся взаимоотношений гения и таланта следует искать в разнообразии носителей таланта, но не гения; б) в трагедии Пушкина три действующих лица: Моцарт, Сальери и искусство. Искусство музыки, потому мы определили его специфику, что без знания ее характеры обоих действующих лиц могут быть поняты поверхностно... для этого нам и понадобилась «помощь» Шопенгауэра.

Опять возвратимся к самопониманию Пушкина; он действительно понимал силу своего дара, оценивал свою роль в русской литературе, ибо таланту, гениальному таланту, не свойственны заблуждения в собственной оценке, тем более ложная стыдливость, самоуничижение. Прямое указание, авторское косвенное утверждение — характер Моцарта. Моцарту и в голову не приходит отрицать свою гениальность:

Сальери:

.....

Какая глубина!

Какая смелость и какая стройность!

Ты, Моцарт, бог, и сам того не замечаешь;

Я знаю, я.

Моцарт:

Ба! Право? может быть...

Но божество мое проголодалось.

Но это простодушное «неотрицание» отнюдь не тяжеловесное, обдуманное признание своих достоинств (где апофеоз: «я, божией милостью, майор!» — у Достоевского...), нет... это нечто предельно естественное, *врожденное соупутствие гения*. Человек-то и гордится тем, что досталось невероятными усилиями, трудом и еще бог знает чем; все же естественно приданное не оценивается с многопудной значимостью. И верно сказал один из критиков: назови Сальери Моцарта бездарностью, тот согласится из вежливости и сострадания.

Итак, отношением Моцарта к определению и признанию собственной гениальности Пушкин определяет и собственную позицию. Он понимал, кто он есть и абсолютно, и относительно тогдашних имен в русской литературе. И выразил это понимание, в соответствии с тогдашними канонами этики искусства, негативно, через образ героя произведения*.

Теперь на некоторое время от анализа отойдем в сторону синтеза, вернемся к *проблеме самовыражения* (творческого) *гения*.

Не касаясь спорных и поныне вопросов о сущности побуждения к художественному творчеству, что займет слишком много писчих листов и уведет нас в сторону, отметим по принципу фактического и исторического прецедента: всякий активный человек искусства, художественно одаренная натура, и подсознательно, и логически стремится к самовыражению природы своего таланта (причем неререфлективное искусство выбирает подсознательный ассоциативный путь, рефлексивное — сочетание всех художественных путей).

* Через 80 лет другой поэт, поэт очень русский и очень талантливый, уже в соответствии с другими канонами литературной этики решал эту задачу:

*Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградноэкранен!
Я повсесердно утвержден!*

*.....
Я выполнил свою задачу,
Литературу покорив.
Бросаю сильным на удачу
Завоевателя порыв.*

(Игорь Северянин, «Эпилог»)

Это подспудное стремление вытеснить, «выговориться» и облекается в форму произведения-самовыражения. Отсюда и не следует считать случайным появлением у каждого большого таланта произведения, исследующего *сущность* таланта, гения.

Моцарт у Пушкина также не случаен, как Ницше у Томаса Манна («Доктор Фаустус»), собственно Фауст — у Гёте, Иисус Христос — князь Мышкин — у Федора Достоевского, своеобразный гений Пьер Безухов — у Льва Толстого и еще более своеобразный *Очарованный странник* у Лескова.

Таким образом, если и считать зависть темой «Моцарта и Сальери», то это будет своего рода «рабочая тема», художественное же творческое основоположение трагедии — извечная тема мучительного, до конца никогда не доводимого самовыражения *сущности гения*.

В этом смысле для нас есть загадка (а чувствую: в ней и ответ) слова:

*Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет: тогда б не мог
И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни;
Все предались бы вольному искусству.
Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.
Не правда ль?...*

Моцарт простодушен, но коль скоро Сальери (а тот пытается все время повернуть к этому) с трудом втягивает его в разговор о смысле гения — это основной вопрос, что мучит Сальери на протяжении всей пьесы — тот, словно опасаясь, уходит от разговора в словесном и в прямом смысле:

1) *Моцарт:*

Ба! право? может быть...

Но божество мое проголодалось.

<И «уходит»>:

*...схожу домой, сказать
Жене, чтобы меня она к обеду
Не дожидалась.*

2) *Моцарт:*

.....
*Не правда ль? <«уходит»>: Но я нынче нездоров,
Мне что-то тяжело; пойду засну.
Прощай же!*

Это, конечно, совпадение, но есть совпадение и *совпадения!*

Что же следует? Следует то, что Пушкин непрерывно сам себе задает вопрос о сущности гения. Это говорит о неотступной сверхъидее «Моцарта и Сальери», но это же говорит и о том, что, может, он и хотел ответить трагедией, написанием ее на болезненно пульсирующий вопрос, но... или не почувствовал себя готовым, или вопрос этот временно отступил перед ним, а пьеса продолжалась по другому пути, и стала она одним большим вопросом. Оттого-то получила она вопросительный и безо всяких ухищрений оборванный конец. И только этим можно объяснить для внимательного взгляда просвечивающую двуйдею трагедии. Но в целостном восприятии преобладает, побеждает идея мифа «Гений и Талант». Неисповедимы пути творчества, и произведение очень часто ускользает своим путем, отличным от авторского замысла. «Моцарт и Сальери» — образец такой «автономии», но только очень сложный образец.

Ниже приводятся две цитаты; как нам кажется, первая из них характеризует творческое состояние художника, старающегося воплотить в произведении свою мысль (сверхъидея Пушкина в «Моцарте и Сальери»), вторая показывает, что произведение может в своей идее ускользнуть от первоначального замысла художника (так «Моцарт и Сальери» стал трагедией зависти):

«Всякий раз, когда творческая сила доминирует, человеческая жизнь направляется и формируется подсознательным против активной воли, и сознательное «я» уносится подземным потоком, будучи ни чем иным, как бес-

помощным наблюдателем событий. Произведение в итоге становится судьбой поэта и определяет его психическое развитие. Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте...»

«Искусство — род врожденного стимула, который охватывает человеческое существо и делает его своим инструментом. Художник — это не личность, одаренная свободной волей, которая стремится к своим собственным целям, но тот, кто позволяет через себя искусству реализовать его цели; как человеческое существо он может иметь определенное расположение духа, волю и личные цели, но как художник он — человек в более высоком смысле, — он «коллективный человек», тот, кто выражает и формирует бессознательную психическую жизнь человечества» (К.Г. Юнг).

Многое соответствует истине.

«...Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте». В этих словах зачаток совершенно своеобразной мысли, мысли об обратном воздействии, обратной связи художника и произведения как воплощенной идеи.

Если художник дает в произведении полярную расшифровку мифа, прямо выказывает свое отношение к герою — симпатии, к злодею — обличительную ненависть, то получается обличительная сатира или нравоучительная драма. Но трагедия вырастает на почве мифа *при абсолютном понимании художником всех движущих качеств героя и антигероя*. Трагедия она потому и трагедия, что абсолютно все взвесивший и понимающий художник не может разрешить конфликт, ибо он и неразрешим, то есть трагедия обнажает первозданный скелет мифа, который потому и вечен в искусстве, что неразрешим до конца и бесконечен; в математике — постулаты, в искусстве — трагические мифы. И то, и другое — вечно, неразрешимо, недоказуемо в границах реальности, присущих им. Поэтому, чтобы выразить природу постулатов, изобретаются трансцендентные математики, а в искусстве предпринимается выход «по ту сторону добра и зла», в символизм, в спекулятивные философии; кое для кого достаточно и *deusauxmachina*. Иной мыслитель всю жизнь мучительно ищет то сокровенное слово, ту мысль, ту мораль и ту пси-

хологию, где бы разрешилась сфинксова загадка двутрагичности мифа. И, пожалуй, самым трагическим гением был здесь Фридрих Ницше; кончив поиски уже названного выше «добра и зла», начал он их с идеи патологического обличения, приносимого трагедией:

«Трагический миф (выделено Ницше) надо понимать только как символическое выражение дионисовой мудрости аполлоновскими художественными средствами; он приводит мир явлений к тем границам, где последний отрицает сам себя и ищет снова убежища в недрах единой истинной реальности, и затем как бы поет вместе с Изольдой ее метафизическую лебединую песнь:

*В море блаженства
подвижных волнах,
в волне аромата
звучащих струнах,
в дыханье вселенной
летающих мирах —
упиться — забыться —
впасть в небытие —
счастье мое!»*

Если теперь к понятию «обратной связи» и «трагического мифа» в отношении «Моцарта и Сальери» добавим Пушкина с его реальным литературным окружением и все это попробуем представить пропущенным через фильтр творческого «Я» поэта?— Это не праздный и досужий вопрос; это просто очередной вопрос в нашем анализе пушкинской трагедии.

Опять возвращаемся к исходному. Пушкин понимал силу и исключительность своего таланта, гениального таланта. Но в его-то времена это было не общеизвестно, не общепринято беспрекословно. (Да точно так же и Моцарта при жизни не все далеко почитали за гения.) Многие, ныне полузабытые имена поэтов пушкинской поры звучали тогда громче, чем имя полупопального поэта. Но самое главное — был Жуковский. Судьба, то ли к огор-

чению, то ли к счастью свела их в одно творческое время. В чем-то они были схожи (даже предки их обоих передали с восточной — одного с турецкой, другого с эфиопской — кровью и частичку самого духа Ориента, взбудоражив спокойное вырождение российских дворянских родов), в большем — различны: и в поэзии, и в жизни. Впрочем, судьба уже после уравнила их обоих; с течением времени, вплоть до наших дней, добавила недостаточному недостающее, отобрала излишнее. Скорее всего сложилась такая ситуация, когда в отношении Жуковского Пушкин, как это не дико сейчас звучит, порой испытывал *комплекс сальеризма*.

Сразу спешим дополнить: редко кого даже из гениев минует этот комплекс, и необязательно, как и было в случае Пушкина, проявляться он должен прямо: в словах, в сатире, в откровенной зависти. Это чувство очень тонко, почти всегда подсознательно, стыдящийся их гений гонит прочь, но они вновь и вновь выступают, исподволь окутывают, подправляют совсем другие мысли и тайком, побоку остаются уже в нестираемых строчках. Должно быть понятно, как далек Пушкин от образа созданного им Сальери. Но проникли в пушкинские стихи, в строки трагедии невольные мысли: вдохновенный романтик Жуковский и тщательный, трудолюбивый гений Пушкина; ведь достаточно познакомиться с его черновыми вариантами стихов; например, 36 строкам окончательного текста «Воспоминания» предшествовало 126 строк чернового текста:

«Уильямом, напряженным постоянством

Я наконец в искусстве безграничном

Достигнул степени высокой...»

«Я счастлив был: я наслаждался мирно

Своим трудом...»

«Где ж правота, когда священный дар,

Когда бессмертный гений — не в награду

*Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!»*

Вот куда прорвались отгоняемые как мухи мысли! Таким образом, перед нами *двойное* и *двуединое* авторское самовыражение в образах Сальери и Моцарта: первое — чисто подсознательное, угнетаемое активной мыслью, второе — полнокровное, осмысленное и прочувствованное. И теперь сложность уже в третьей степени: хитроумнейшая, стоящая тысяч Макиавеллей, ассоциативная память художника хранит воспоминание о каждой, даже ничтожной мыслишке, и после приданного ей контрсмысла, в момент творчества запечатлеваемая в произведении идея в основе следует логике автора, как судно слушается руля, тут же испытывая колебания в ту и другую сторону из-за противоречащей курсу силы ветра, но вступается третья, корректирующая вторую, алогическую мысль; в аналогии с судном — это чисто интуитивные поправки руля штурвальным. Если это понятно, то легко понять и поведение Сальери, который подсознательно, на протяжении всей трагедии, отгоняет мысль кощунственную и преступную.

То есть, если вторая, алогическая мысль автора находит удовлетворение в словесном уничтожении гения (практический человек устраняет физически, художник может убить и на бумаге, получив тот же эффект мщения, устранения и пр.), то третья мысль, тоже алогическая, старается устранить мысль вторую, но при этом она не должна переходить в активную область логического мышления, ибо тогда все рухнет, и художник должен будет видеть в себе не гения, а низкого завистника, *патологического завистника*. Потому так и стеснена в средствах третья мысль. Вот она-то и проявляется в пьесе как самоизгнание преступной мысли у Сальери.

Только художник, раздваивающийся в противоречиях героев, понимает суть, сущность мифа. Поэтому признак автора гениального произведения, признак его гения — существование в единстве созидающего и отвергающе-

го начал, ибо в этом диалектическом противостоянии есть движущая сила гениального художника. А понятый обобщенно, философски «комплекс сальеризма» — это и есть отвергающее в самом себе критическое начало.

Возможно, предложенная выше теория вызовет сомнения: дробление в бесконечно малом и уничтожение за малым основного, от чего отправлялись <?>. Но не напрасно ли в анализе, художественном анализе, пренебрегают истинами и догадками более высоких порядков, признавая лишь факты и факты, ну, положим, еще и умозаключения самого первого ранга, близкие к очевидности.

Нас не оставляет одно сомнение в методике оценок художественных творений и самой типологии мышления художника; дело вот в чем: некогда и крепко запомнилась прочитанная (или услышанная?) фраза: *легко, мол, представить процесс мышления некоего среднего человека, но как и подступить-ся-то к мысли Гегеля; как понять всю сложность его мышления?..* И так далее.

Действительно, затруднительно понять, постигнуть технику творческого мышления Гегеля, Канта, да и Платона, и Аристотеля; куда как трудно их понять, например, по сравнению с логикой Бюхнера, Фрэнсиса Бэкона, да даже и хитроумного Бенедикта Спинозы.

Можно примерно догадываться о мыслях философов-поэтов: Ницше, Кьеркегора, русских — сплошь литературных философов: В. Ф. Одоевского, Розанова, Бердяева, Булгакова, Вяч. Иванова и др. Понятны и пантеисты буддистско-ведического толка во главе с Артуром Шопенгауэром.

Но помилуйте! — Если философы строят логические или логико-поэтические системы мировоззрения, то люди художественного творчества, уже имея этот запас (свой или заимствованный) умозаключений, производят облечение мыслительного скелета в формы образов, характеров, сложнейшими способами комбинируя, учитывая взаимные влияния, отрабатывая до тонкостей, до мельчайших нюансов любую идею и сопутствующую «идейку»! То есть, помимо логической работы философа, художник подключает и

механизм подсознательного творчества!→ Так почему же, трепетно относясь и не рискуя понапрасну проникать в мозг мыслителя *категориями*, так смело и с примитивными приемами вторгаться чуть не на тройках и с песнями в мастерскую мыслителя *образами*? И что печальнее всего — не желают этого понять, отбиваясь от всех попыток мыслить чуть поглубже «новогодними» статьями или благодушными дискуссиями авторитета и «переборщика».

Ведь в конце концов указание на психологический сальеризм у Пушкина не обедняет, а наоборот — *admajoremgloriam* — прибавляет!

А при тщательном анализе творческого наследия гениальных художников и не такие, еще более «нелепые» и неожиданные, находки обнаруживаются. Чтобы не быть голословным, да и поскольку выше уже речь зашла о «буддистах-ведистах», назовем второго выдающегося приверженца, конечно же — Льва Николаевича Толстого.

Дело в том, что, ознакомившись некогда с публицистическими трактатами и статьями, религиозными, философскими и искусствоведческими работами Льва Николаевича, мы поначалу стали перед частоколом вопросов, вроде бы и не связанных друг с другом: почему он отвергает искусство, но далеко не все? Чем его привлекает ведический пантеизм? Зачем он предпринимает нравственную реформу христианства? И так далее, каждая его работа порождала вопрос, а то и несколько их. В этом многообилии вопросов терялось главное, а что было главным?— если бы это знать... Книги Бунина и Вересаева, Льва Шестова и Ромена Роллана — наиболее пронизательные работы о Толстом — помогали в чем другом, но не в этом. И вот однажды эти вопросы вылились в искомый *Вопрос*; с тех пор мысль, точнее уже *ideefixe*, не оставляет и по всем законам художественного творчества не оставит до тех пор, пока, дай-то бог, не исчернится кипа бумаги... Пока же, пользуясь случаем, изложим его. Но прежде — как он явился, этот вопрос.

Сложился он в голове по странной ассоциации, ибо в тот момент бóльшее, чем рисовалось в воображении — это романтическая сценка в духе «Камо грядеши?» → Бородатый, ирреалистический дух основателя новейшей

религии уходит из переполненной туристами Ясной Поляны, а те гомонят и сбиваются в очереди, размахивая купленными билетами, дающими право взглянуть на комнату под сводами. Лев Николаевич повторяет свой неудавшийся *Уход*. Но на развилке, у Симферопольского шоссе, его встречает Будда и спрашивает: «*Quo vadis?* Если и ты уходишь, то рухнут в этом мире каноны добра и бескорыстия, нравственности морального ликования». И убежденный Толстой-дух возвращается назад искоренить многошумное процветающее коммерческое предприятие с ежегодно заново срубаемой из молодых березок «любимой скамейкой отдыха Л. Н. Толстого», как гласит прибитая к спинке табличка...

И вот тогда, когда душа грустила, не верилось ни во что святое, до нас дошло: в оценке любого гения не сотвори себе кумира, а все непонятное, таинственное в гениальном художнике объяснится, если еще не утрачено понятие о нем, как о человеке, человеке с общеродовой формацией психики, с обычным диапазоном патопсихологических отклонений. И тогда удивительно многое, ранее темное, становится понятным.

И так объяснил себе общеотрицающее мировоззрение Толстого: в его характере был заложен сильный и здоровый в основе своей скептицизм, очень гармонизировавший с его творческим, художественным мышлением. В произведениях первого и начала второго периодов, — от «Севастопольских рассказов», «Метели», «Двух гусар» — через «Войну и мир» — до «Анны Карениной» этот скептицизм носит *здоровый* художественный характер, ибо это пора несдерживаемого развития, точнее проявления гения Толстого. Но уже к концу второго, а особенно в третьем (и последнем) периоде жизни и творчества Льва Николаевича происходит тот перелом, что в современной ему литературной среде воспринимали как трагедию: предельное усиление скептицизма, данного и в немалых долях от природы ему, усиление невиданное, причем в проповеднической форме. Что же случилось? Случилось очень редкое, как редки в человеческой среде явления гения, произошло то, что происходит раз в сто или более лет: своеобразное явление сальеризма, но... в

гениальном художнике. Это удивительно слышать, ибо, выполняя детерминированные нормы морали, мы также детерминированно, целюно разделяем в человеческих характеристиках качества на алгебраические плюсы и минусы; в силу чего «сальеризм» и воспринимается не только в среднемецанской среде, но и в сонме мыслящих людей, как пресловутое отрицательное проявление.

Сальеризм происходит от здорового соревновательного начала и начинается именно там, где нормальное человеческое мышление сталкивается с природной (стохастической в основе) неравнозвенностью в распределении первенствующих качеств. Пушкина в «Моцарте и Сальери» занимал «нормальный», стереотипный сальеризм, в случае же Толстого мир увидел — кто ужасаясь, а кто вохищаясь! — уже высшее, доведенное до совершенства, а потому и до... абсурда, качество сальеризма. Суть верхнего, горнего сальеризма, или «толстовства» (в этом понимании термина) проста: это творческая одиозность гения, религиозная нетерпимость для пророка никакой другой религии, другими средствами толкующий то же самое (им в совершенстве выраженное) учение, а попросту — *подсознательное стремление гениального художника к созданию всеобщей «религии» искусства — с ним, основателем, во единой главе.*

А коль скоро для этого претендент на тиару (посох, скрижаль и пр.) должен быть одинаково гением во всех родах искусства, что природой не допускается, не отпущено, не было и не будет отпущено личности в биологической формации человека, то, чтобы не стать жертвой фиксальной идеи, не сойти с ума, претендент во всеобщие гении идет по обходному, уже доступному человеку пути: *отрицанию идеи искусств, недоступных ему по формовыражению.* Вот это-то и произошло со Львом Николаевичем: он пришел к отрицанию всего того искусства, формой которого не владел. Вот откуда поразившее всех уничтожение крест-накрест признанных гениев своих родов искусств. Надо сказать, что в этом Лев Николаевич был слишком уж русским человеком, ибо критику свою направил в лоб, против вершин; будь он запад-

ный искусный хитроумник, то с европейской макиавеллевской дипломатией он не затрагивал бы громких имен, а с философской подоплекой подрывал бы намеченные столпы... И действительно: есть гений драматического искусства — Толстой ниспровергает Шекспира. И читая его низложение всего творчества драматурга, критически мыслящий человек сопоставляет: а ведь Льву Николаевичу-то драма не удавалась?! Кроме «Живого трупа» и «Власти тьмы» ничего не осталось, чего не скажешь о Шекспире, пьесы которого *равноценны*.

Пойдем дальше. Лев Николаевич пишет: *«Недоумение мое усиливалось тем, что я всегда живо чувствовал красоты поэзии во всех ее формах»*, то есть только драматургия Шекспира ему не чувствовалась <?> Но возьмем основополагающее произведение Толстого в части оценок философии искусства. Какой только разновидности иронии он не употребил на уничтожение Рихарда Вагнера, а ведь он — вершина, недостижимый гений, его произведения есть высшее воплощение принципов симфонизма! При этом не стоит и ворошить свою память: а владел ли Толстой способностью к самовыражению в музыкальной форме искусства?

В те годы, годы написания «Что такое искусство?» (1897— 1898), у Льва Николаевича имелся живой и творящий соперник в мировой литературной и философской славе; ведь тогда запросто писали, что-де, мол, в мире есть два гения: Толстой и Ницше. И в отношении последнего Толстой применяет совсем уничижительный прием: не замечает, не хочет его читать и мимоходом лишь упоминает об этом «Ницше»... А ведь Лев Николаевич не обладал если не талантом, то гением философской афористичности Фридриха Ницше.

Да что перечислять поодиночке! Давай всех сразу: *«Люди нашего времени и общества восхищаются Бодлерами, Верленами, Мореасами, Ибсенами, Метерлинками — в поэзии, Моне, Мане, Пювис де Шаванами, Берн-Джонсами, Штуками, Бёклинами — в живописи, Вагнерами, Листами, Рихардами Штраусами — в музыке и т.п. и не способны уже понимать ни самого высокого, ни самого простого искусства»*.

А в своих отзывах об опере, о балете наш выдающийся мыслитель доходит до юродствования на крестьянский лад... Опять же сопоставляем мысленно: ни метод литературного символизма, ни живописный импрессионизм, ни уже упоминавшийся музыкальный симфонизм, ни искусство оперного пения, ни, *pardon*, искусство пластического танца — не было присуще Льву Николаевичу на уровне гениального воспроизводства. И всех их он обругал. Действительно, порой возникает сомнение: а нужно ли полное звучание органу и кимвалу звенящему, когда оно переходит в собственное обожествление этого звучания? Еще раз подчеркнем: Лев Николаевич слишком большой, великий художник, мыслитель, слишком хорошо чувствующий, понимающий и *страдающий* человеческой натуре, чтобы приписывать ему вышеназванное в качестве активно-осознанного противодействия. Нет и еще раз нет, гипертрофированный сальеризм имеет *полностью подсознательную природу*. Но, к сожалению, для анализа этой загадочной и интригующей воображение природы здесь не тема и не место. И так мы уже значительно оторвались от проблемы *сальеризма 1-ой ступени*.

Другое дело, когда гипертрофированный сальеризм проявляется у великого, но... не Льва Толстого, к тому же хитроумнейшего европейца. Мы имеем в виду Бернарда Шоу. Здесь дело и более запутанно (им самим), и более ясно. Во всяком случае, Лев Толстой и Шоу — наиболее значительные носители рассмотренной «болезни гения».

Заканчивая *intermezzo*, напомним о конечных причинах его введения в очерк о Пушкине: в таких тонких работах, как определение гения, таланта и их взаимоотношений, и подход должен быть более тонок, чем простое жонглирование «несомненными фактами». Этого мы и стараемся придерживаться в данной работе. С другой стороны, в настоящее время наблюдается монополяризация в критике и литературоведении, по крайней мере, внешняя, формальная, когда даже принципиальные разногласия решаются не в прямой полемике, не в непосредственном противопоставлении доводов, тех же фактов, а в умалчиваниях, в намеках, словом — в тайной дипломатии и в войнах

силами флангов и инвалидных команд. С другой стороны, в литературоведении наблюдается и наблюдалась методика «исключающего подхода». В работе Льва Шестова о Шекспире, написанной как (знаменитое толстовское определение) «критика на критику критика» Георга Брандеса. Прочитав также ругаемый Шестовым капитальный трехтомный труд Георга Брандеса, расположенный (что тоже возмутило Шестова) на 1250 страницах, можно получить представление о классически-разнополярной критике, где на всякое *А* одного писателя находится уничтожающее *Б* другого. Здесь одно несомненно: четко выраженная авторская идея.

Сальери. Несомненный талант. Достаточно прослушать несколько отрывков из его симфонических и оперных сочинений: совершеннейшая техника композиторского мастерства, законченность оркестровок превосхищена лаконичностью и той самой алгебраической выверенностью музыкального построения произведения. И, слушая Сальери, понимаешь изначальный, не афоризированный еще смысл пушкинских строк в монологе «завистника»— Антонио Сальери:

...Труден первый шаг

И скучен первый путь. Ремесло

Поставил я подножием искусству;

Я сделался ремесленник: перстам

Придал послушную, сухую безглость

И верность уху. Звуки умертвив,

Музыку я разъял, как труп. Поверил

Я алгеброй гармонию. Тогда

Уже дерзнул, в науке искушенный,

Предаться неге творческой мечты.

Я стал творить; но в тишине, но в тайне,

Не смея помышлять еще о славе.

Представлен путь таланта, представлен со всей краткостью и убедительностью, именно *путь таланта*, умный, логичный, продуманный путь, даже

через «скучный» первый путь, через сознательное овладение ремеслом — подножием искусства. По концентрированной сдержанности эти строки — лучшие в смысловой поэзии Пушкина, а начиная с них чтение «Моцарта и Сальери», сразу постигаешь мучительную, трагедийную коллизию пьесы.

История и коварная людская молва сыграла после смерти Антонио Сальери с ним жестокую шутку. А ведь он был выдающимся композитором в свое время. И время-то было не временем безликих посредственностей, это было время (по определению Романа Роллана) *великих творческих эпох*. И имя Сальери называли в числе первых среди знаменитых композиторов, создателей венской школы музыкального искусства. Не только великий Моцарт был другом Антонио Сальери, но его другом был и Бетховен! Одно это заставляет презреть летучее мнение о подражательном характере музыки Сальери.

Но... другие «но». Следует помнить и о той легкости, с которой Сальери перешел от «пиччинистов» в лагерь сторонников и учеников Глюка. Но цитированные строки Пушкина из первого монолога Сальери слишком много говорят: Сальери был трудолюбивый, необыкновенно талантливый, умный, даже — мыслящий музыкант, композитор. Но бог не одарил его избранной гениальностью. И как гений, Моцарт мог быть единственно выбран Пушкиным для придания художественно-поэтической формы обдумываемому им мифу о Гении и Таланте, так антитезой ему — не упрощенной, не схематичной, но сложной, противоречивой — мог быть тоже единственно взят трагический Антонио Сальери. Ибо только неординарная антитеза придает мифу глубокий, художественно воплощаемый трагизм:

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет — и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма.

Начало пьесы с антитезы. Начало классической греческой трагедии. Сопоставим с окончанием:

Ты заснешь

*Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы — и не был
Убийцею создатель Ватикана?*

Начинается с пессимистического утверждения, а заканчивается вопросом, разрешимость которого не лежит в границах обычной человеческой этики, морали. Пушкин избрал (вольно или невольно, повинувшись художественному чутью) эту классическую схему трагедии-мифа: от вопроса-утверждения пессимистического начала к вопросу-загадке. Если взять самую великую трагедию античности, то увидим ту же, единственную в своей конструкции совершенства, схему начала и конца. (см. «Эдип в Колоне»).

Но правды нет — и выше. Для меня

Так это ясно, как простая гамма

— глубочайший пессимизм Сальери, и «правда» — высший мировой закон, который ему не преступить, хотя он и пытается его обойти «по ту сторону» человеческой морали, дерзнув преступить границы дозволенного той же всемирной «правдой». В трех строках начала трагедии заключено все ее содержание и читается ответ на последний вопрос трагического героя пьесы.

Талант сам по себе трагичен. Исток трагедии — в наделении человека талантом:

*Родился я с любовью к искусству;
Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.
Отверг я рано праздные забавы;
Науки, чуждые музыке, были*

*Постылы мне; упрямо и надменно
От них отрекся я и предался
Одной музыке...*

Первая ипостась трагедии таланта: после начальных слез — ощущение искры божией, после сладостных моментов отрешения, еще в детстве — ранний же аскетизм, всесожжение во имя развития таланта. Но эта ипостась кончается радостью преодоления:

*Усильным напряженным постоянством
Я наконец в искусстве безграничном
Достигнул степени высокой. Слава
Мне улыбнулась; я в сердцах людей
Нашел созвучия своим созданьям.
Я счастлив был: я наслаждался мирно
Своим трудом, успехом, славой; также
Трудами и успехами друзей,
Товарищей моих в искусстве дивном.
Нет! Никогда я зависти не знал...*

Это время упоения, время откровения, когда талант питает сам себя, не приходя в соприкосновение с ортодоксальной человеческой психологией мышления; это время юности таланта, не человека, но обязательно, Таланта. Юность таланта также безмятежна и самоуверенна, как и юность человека. В развитии монолога Сальери наступает момент, когда подсознательно сдерживающие шлюзы *основной мысли* больше не в силах противостоять напору основной, терзающей его мысли; ломается линия воспоминания о безмятежном, о *беззавистном*... Комом снежным нарастает, обрушивается, все захватывает, как зубная боль, терзающая мысль:

*Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущую бессильно?*

*Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую.— О небо!*

Но Сальери не булгаковский Рюхин из «Мастера и Маргариты» («*Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»?* Не понимаю!.. *Повезло, повезло!*— вдруг ядовито заключил Рюхин и почувствовал, что грузовик под ним шевельнулся,— *стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...»*), разум его пытается направить зависть в логическое русло; логика же не может принести ответа Сальери, ибо мысль вновь и вновь начинает перебирать воспоминания собственной жизни, логически Сальери мыслит только до Вопроса:

*Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!»*

Ярость зависти лишает Сальери и части ума: его преимущественного перед Моцартом ценза; в дурмане завладевшей им еще некогда мысли он интровертируется сам: ему настолько завистен гений Моцарта, что в слепой ревнивой ярости мнится всякая обида таланту Моцарта, как обида ему самому; в зависти своей он неосознанно, мысленно примеривает, присваивает гений Моцарта себе; вот иллюстрация, пронизательный пушкинский прием:

<Моцарт приводит бродячего скрипача>.

Моцарт:

...а мне хотелось

Тебя нежданной шуткой угостить.

.....

Сейчас. Я шел к тебе,

*Нес кое-что тебе я показать;
Но проходя перед трактиром, вдруг
Услышал скрипку...*

.....
*Не вытерпел, привел я скрипача,
Чтоб угостить тебя его искусством.*

.....
Сальери:

И ты смеяться можешь?

Моцарт:

Ах, Сальери!

Ужель и сам ты не смеешься?

Сальери:

Нет.

*Мне смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери.*

.....
Что ты мне принес?

<Моцарт рассказывает о мысли, пришедшей ему ночью, играет. Сальери негодует →>.

Сальери:

Ты с этим шел ко мне

И мог остановиться у трактира

И слушать скрипача слепого!— Боже!

Ты, Моцарт, недостойн сам себя.

Сальери становится в ярой зависти неразумным, он становится по стойке «смирно»: «кто не смеет благоговеть перед гением!» Сальери в мундире — откровенность мысли и апофеоз зависти. К сожалению, сколь часто в жиз-

ни Сальери облачаются в мундир... От «священного» благоговения легко маскироваться и чувству ограниченности, умственной тупости.→ (*«Грубое притоптывание мужских каблуков и шарканье подошв напомнило ему, что он выше их всех по развитию».*—Джеймс Джойс, «Мертвые»).

«Немногим меньше, чем через сто лет самый «яркий» яростный пессимист из образов русской литературы — доктор Арнольди говорил: «Быть может, он не меньше всех Толстых и Наполеонов хотел быть и мудрым, и большим, и сильным, а кто-то там родил его маленьким, бездарным и глупым!.. Конечно, не всем быть талантами и гениями, но зато кто же имеет право требовать от человека, чтобы он примирился со своей ничтожностью, удовлетворился своей грязной и темной щелкой и забился в нее, чтобы оттуда издали с благоговением взирать на великих счастливицев, творящих жизнь?.. Взирать и радоваться, что они так великолепны, когда он сам так ничтожен! Слишком уж много самопожертвования хотите от человека!..» (М. Арцыбашев «У последней черты»).

— Это низшая степень сальеризма: зависть таланту.

От Арцыбашева идет и экспрессионизм Пильняка, и энергетизм Андрея Платонова. Цветы Арцыбашева — пышные, ярчайшие цветы, растущие на гниющих зловонных трупах. Истина есть истина, но высказывается она чаще всего «по ту сторону» даже специфической литературной этики, то, что в философии называется «спекулятивной методикой». Опять же Арцыбашев: *«А между тем миллионы пошляков, ничтожеств и бездарностей также необходимы для жизни, как и герои: не будь их тусклого, убогого и бессмысленного существования, не было бы и красоты!.. Из их трупики героев и вожди складывают величавое здание!.. Они должны гнить, чтобы на их перегное ярче расцветали прекрасные цветы человеческого величия... И сколько их, рожденных для унавоживания земли!.. Чем их вознаградить?... Да, это правда,— жизнь громадна и прекрасна».*

Вот где сближается, сравнивается мысль циничного Арнольди и изящного композитора Сальери: в зависти, в чувстве обделенности судьбой

<сравни!>:

*Нет! не могу противиться я доле
Судьбе моей: я избран, чтоб его
Остановить,— не то мы все погибли,
Мы все, жрецы, служители музыки,
Не я один с моей глухою славой...
Что пользы, если Моцарт будет жив
И новой высоты еще достигнет?
Подымет ли он тем искусство? Нет;
Оно падет опять, оно погибнет:
Наследника нам не оставит он.
Что пользы в нем? Как некий херувим,
Он несколько занес нам песен райских,
Чтоб, возмутив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!
Так улетай же! Чем скорей, тем лучше.*

Сальери, усмирив гнев зависти, с меттерниховской осторожностью, с ма-кьявеллевской хитроумностью и прочими, прочими тщательными, логически-ми, в сущности же — аморальными качествами, подбирает ключи к яду. В ци-тированных пятнадцати <и ты, Брут, строки стал считать?...>строках Сальери делает последний шаг к «последнему» дару Изоры.

Знаете, кто короче еще передал мысли Сальери?→ Конечно, Ницше:

«Народ представляет из себя обходной путь природы, по которому она достигает до шести, семи великих мужей.— Да, затем обходит и этих ве-ликих людей».

Как ломаются границы морали? Вот эта-то ломка почти явственно слышна на «звук» в окончании (второго) монолога Сальери, последняя вспышка сожаления по самому себе, и он решается преступить ее, нрав-ственно (точнее — по ту сторону нравственности) подготовив себя к реши-тельному шагу:

Вот яд, последний дар моей Изоры.
 Осьмнадцать лет ношу его с собою —
 И часто жизнь казалась мне с тех пор
 Несносной раной, и сидел я часто
 С врагом беспечным за одной трапезой,
 И никогда на шепот искушенья
 Не преклонился я, хоть я не трус.
 Хотя обиду чувствую глубоко,
 Хоть мало жизнь люблю. Все медлил я.
 Как жажда смерти мучила меня,
 Что умирать? я мнил: быть может, жизнь
 Мне принесет дары;
 Быть может, посетит меня восторг
 И творческая ночь и вдохновенье;
 Быть может, новый Гайден сотворит
 Великое — и наслажуся им...
 Как пировал я с гостем ненавистным,
 Быть может, мнил я, злейшего врага
 Найду; быть может, злейшая обида
 В меня с надменной грянет высоты —
 Тогда не пропадешь ты, дар Изоры,
 И я был прав! и наконец нашел
 Я моего врага, и новый Гайден
 Меня восторгом дивно упоил!
 Теперь — пора! заветный дар любви,
 Переходи сегодня в чашу дружбы.

Вот это признание есть страшный в своей успокоенной логичности симбиоз макиавеллевской хитрости и ницшеанской теории *Uebersch`a*. И вот такой, созревший Сальери-*Uebersch* преступает нравственную границу; у него нет другого выхода, как отравить Моцарта. Так в сильных душевных

переживаниях человек, преступивший мораль, спасает себя, призывая дремлющих дьяволов патопсихогенеза... И, конечно, снова Ницше:

«Опасный, страшный пункт достигнут, где жизнь бóльшая, более обширная, разнообразная разрывает границы старой морали. «Индивидуум» вынужден создавать себе собственные законы, прибегать к собственному искусству и к хитростям самосохранения, самовозвышения, самоизбавления».

Моцарт полон мрачных предчувствий.

Сцена в трактуре «Золотого льва» («Серебряный олень» — в действительности был местом встреч венских музыкантов):

Моцарт (опуская незначащие реплики Сальери):

«Признаться,

Мой Requiem меня тревожит

.....

Мне день и ночь покоя не дает

Мой черный человек. За мною всюду,

Как тень, он гонится. Вот и теперь

Мне кажется, он с нами сам-третьей

Сидит».

Этот «сам-третьей» есть вскипевшая, перекипевшая и ставшая черной душа Сальери-отравителя.

Вся вторая и последняя сцена «Моцарта и Сальери», с точки зрения современного литературоведческого анализа, может рассматриваться как классическая (да будет возможным вторичное повторение определения) сцена излюбленного в произведениях экзистенциалистов диалога «жертва-палач». Жертву-Моцарта терзает черный человек, который сидит в душе собеседника, Сальери-палача.

Тот же, оттягивая исполнение скрепленного уже в душе приговора, говорит несущественные слова, так малосмысленные по сравнению с насыщенными диалогами и, главное, монологами Сальери в первой сцене траге-

дии; он несущественен, свершившийся Сальери-палач:

*И, полно! что за страх ребячий?
 Рассей пустую думу. Бомарше
 Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
 Как мысли черные к тебе придут,
 Откупори шампанского бутылку
 Иль перечти «Женитьбу Фигаро».*

Как переменился Сальери, приняв решение? Он почти благодушествует, а в оттягивании исполнения приговора он, палач, начинает испытывать невольный палаческий гедонизм, извращенное сладострастие держателя жертвы: хочу казнь, хочу... подожду.

Но Моцарт не доставляет ему и этого удовольствия. Бедный Сальери; он, Моцарт, дважды: сам — простодушно, но в восприятии Сальери, раненого ревностью и переосмыслением своего Я, — больно-пребольно, ударяет его:

Моцарт:

*Да, Бомарше ведь был тебе приятель;
 Ты для него «Тарара» сочинил,
 Вещь славную. Там есть один мотив... (! 1-й удар:
 Я все твержу его, когда я счастлив... пренебрежение)
 Ла-ла-ла-ла... Ах, правда ли, Сальери, (!!! Дополнение,
 усиление удара.—*

Что Бомарше кого-то отравил? Чудится намек.)

Сальери:

*Не думаю: он слишком был смешон
 Для ремесла такого*

(Сальери все еще держится в благодушии палача, он еще не осознал первого, невольного Моцартова удара, даже похваляет осуждением, снисхождением к «смешливости» Бомарше свою стойкость пришедшего логически, не «спешно» к своей идее *Uebermensch`a*).

Моцарт:

Он же гений,

Как ты да я. А гений и злодейство —

Две вещи несовместные. Не правда ль? (!!! 2-й удар)

(Этого Сальери-палач перенести не может, но все же сохраняет спокойствие и бросает яд в стакан Моцарту, держа себя с чисто сократовским философизмом:→)

Сальери:

«Ты думаешь?

(Бросает яд в стакан Моцарта).

Ну, пей же»

Слишком много переосмыслил Сальери, чтобы в эту минуту «терять свое лицо»...

Далее идут «темные» слова Моцарта:

«За твое

Здоровье, друг, за искренний союз,

Связующий Моцарта и Сальери,

Двух сыновей гармонии»

(пьет).

Сальери:

«Постой, постой!.. Ты выпил!.. Без меня?

(Моцарт идет к фортепиано и играет свой Requiem)»

Сальери и здесь уязвлен: даже в смертный миг, глотая смерть свою, Моцарт не в воле Сальери-палача. Тот не увидел мук, не услышал столь ожидаемых палачом молений к нему жертвы. Моцарт был один и одним остался, выпив яд, он Сам Себе играет *Requiem*. И тут без помощи Сальери. Тот же остается, как и во всю их жизнь, просто наблюдателем гения.

Остается Сальери одна радость: слезы освобождения, слезы души, сбросившей камень, тяжелый камень недоброго решения; с ним вроде бы и уходит отравляющая его жизнь зависть?...

Моцарт:

«... Ты плачешь?»

Сальери:

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и приятно,

Как будто тяжкий совершил я долг,

Как будто нож целебный мне отсек

Страдавший член! Друг Моцарт, эти слезы...

Не замечай их. Продолжай, спеши

Еще наполнить звуками мне душу...»

Сальери просит спешить, зачем?— Не затем ли, что только в этот миг, когда душа Моцарта прощается с миром, его собственным *Requiem`ом*, только в этот миг и спокоен будет Сальери, глупец — он-то, логик, умный рассудитель, философ собственной души!— Он уже начинает понимать, что и обходя людскую мораль, он не смог избавиться от Зависти Таланта перед Гением, ибо он — *художник с натурой же художника*, а никакой не *Uebertensch*, который для него, Сальери, оказался лишь хрупким логическим построением.

Всеобщее отрицание и разрушение убивают художника, а Сальери слишком художник, чтобы уйти от собственного Я в мир легких решений...

Сальери:

«До свидания.

(один)

Ты заснешь

Надолго, Моцарт! Но ужель он прав,

И я не гений? Гений и злодейство

Две вещи несовместные. Неправда:

А Бонаротти? Или это сказка

Тупой, бессмысленной толпы — и не был

Убийцею создатель Ватикана?»

Вопрос, эти последние слова представляются произносимыми Сальери в бормочущей интонации. Он пришел к тому, с чего начал. В этом трагедия его... Сальери лишь один миг чувствовал себя гением — когда пил яд Моцарт. То сложное состояние его души было и болезненным: та минута, когда талант жертвует многим человеческим, чтобы хоть на секунду, на минуту ощутить невероятно привлекающее его и иными путями не достижимое состояние гениального объективирования «Я — во гении». Трагедией искупается этот миг. И стоит ли он всей жизни?

В завершении добавим, что литературизованная манера изложения ряда вопросов настоящей работы нисколько не отрицает ее философско-методологическую направленность. Кроме иллюстративности — это подчеркивает специфику излагаемой темы: на стыке вопросов философского познания и творческой интуиции.

**ЗАКОНЧЕННОСТЬ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ –
НА ПРИМЕРЕ «ВОСПОМИНАНИЯ» ПУШКИНА**

К завершению юбилейного года 220-летия

Александра Сергеевича Пушкина

Между силою бессознательного творчества, тем, что мы называем «гением», с одной стороны, и силою сознания, ума – с другой, существуют различные степени соразмерности, согласованности, точно так же, как между физическим объемом тела, ростом человека и его мускульною силою.

Д.С. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский»

В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

◆ На памятнике тысячелетия России в Новгороде Великом русская литература XIX века – столетия ее всемирного феномена! – представлена Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Юбилей любого из них, даже не очень «круглый», есть событие для нашей литературной жизни. Но все же Александр Сергеевич *ipso facto** был и есть первой литературной любовью России, и не то что его юбилейные даты, но каждое шестого июня – праздник русской словесности... даже сейчас, в наступившую суконно-цинковую эпоху глобализации с ее всемирным расчеловечиванием, обращением некогда мыслящего социума в *человеиник* (термин АА. Зиновьева) – роботизированный придаток Молоха глобализации с качествами *умозамещения* и *цифрофрени* – это уже наше словотворчество...

* В силу одного этого, само по себе (лат.)

Но еще жива осязаемо память о великой русской литературе XIX – начала XX веков, традиции которой почти на все прошлое столетие продолжила литература советская! И мы сочли возможным посвятить 220-летию Пушкина в этом году две «Колонки главного редактора»: во втором номере нашего журнала – о таланте и гении, как высших формах реализации интуитивно-художественного познания (об этом напоминает и эпитафия из Д.С. Мережковского – см. выше), и здесь, в завершающем юбилейный пушкинский год выпуске «Приокских зорь». Отсюда и второй эпитафия, из «Братьев Карамазовых» – прямое отношение к теме настоящей «Колонки», ибо в литературе законченность формы художественной мысли есть подлинное чудо, а рождается оно от веры в свое высокое предназначение «сеять разумное, доброе, вечное»...

Сразу отметим, что мысль представить содержание «Колонки» развитием вроде как сугубо литературоведческой темы, хотя это сходство только внешнее – внимательный читатель тотчас поймет, – возникла у нас не сиюминутно, что называется, «к юбилею», к дате, хотя бы мы и не относимся к «датским» сочинителям. Просто к факторам ужасающего падения качества современной художественной литературы, как-то засоренность русского языка жаргоном, американизмами и вообще вопиющая безграмотность, мелкотемье, отсутствие (и нежелание этому учиться!) элементарных знаний в части теории литературного творчества, особенно в поэзии, и так далее, относится пренебрежение к *работе над законченностью формы* создаваемого произведения. А если сюда добавить практическую ликвидацию (особенно в «самиздатовских» книгах, а это почти 100% из числа издаваемых!) институтов профессиональных редакторов и корректоров, то и имеет что имеем...

Ради бога, не подумайте, уважаемые авторы «Приокских зорь», что мы вас упрекаем во всех – вышеперечисленных – грехах литературных! Тем более, что у нас в журнале отбор произведений для публикации ведут квалифицированные сотрудники, то же самое можно сказать о редакции и корректуре, которые мы сохранили от старых традиций. Но все же прочтите, авторы и

читатели «ПЗ», нижеследующий материал: как бережно и трепетно относился гений русской литературы к законченности формы своих стихотворений – на примере «Воспоминания»; а пример этот давно стал классикой подобного анализа. И в дополнение – как в том же ключе работал над повестью «Три года» А.П. Чехов.

...Коль скоро написанное нами суть литературно-публицистический очерк, но не сугубое литературоведение, то здесь (по правилам жанра) не предусмотрен список использованной литературы. Для анализа «Воспоминания», включая переписку Пушкина, мы использовали академическое ПСС А.С. Пушкина*; общая же методология исследования разработана нами в книге**.

Встречающиеся в тексте цитаты из (преимущественно литературоведческих и литературно-публицистических) работ Н.Г. Чернышевского, Б.В. Томашевского, Л.Н. Толстого, П.В. Анненкова, В.В. Вересаева, М. Еремина (я слушал его лекции в Литинституте...), В.Г. Белинского, Валерия Брюкова и Мирры Лохвицкой выверены по серьезным изданиям.

♦ Итак, нас интересует такой существенный вопрос интуитивно-художественного познания, как проблема законченности формы художественной мысли.

Именно здесь, решив этот вопрос, можно ответить: каков «масштаб» отношения художественного выражения к породившей его художественной мысли — соотношение художественно-интуитивного и логического в творческом познании. Приведем полный (критический) текст стихотворения; в черновых вариантах зачеркнуто Пушкиным.

а) Текст, включенный Пушкиным в издание:

< 1> *Когда для смертного умолкнет шумный день,*

< 2> *И на немые стогны града*

< 3> *Полупрозрачная наляжет ночи тень*

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 16 тт. Т. III (Кн. 1).– М.: Изд-во АН СССР, 1948; Т. III (Кн. 2).– М.: Изд-во АН СССР, 1949.

** Яшин А.А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.– Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.– 411 с.

- < 4> *И сон, дневных трудов награда,*
 < 5> *В то время для меня влачатся в тишине*
 < 6> *Часы томительного бденья;*
 < 7> *В бездействии ночном живей горят во мне*
 < 8> *Змеи сердечной угрызенья;*
 < 9> *Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,*
 <10> *Теснится тяжких дум избыток;*
 <11> *Воспоминание безмолвно предо мной*
 <12> *Свой длинный развивает свиток;*
 <13> *И с отвращением читая жизнь мою,*
 <14> *Я трепещу и проклиная,*
 <15> *И горько жалеюсь, и горько слезы лью,*
 <16> *Но строк печальных не смываю.*
-

б) Продолжение стихотворения в рукописи:

- <17> *Я вижу в праздности, в неистовых пирах,*
 <18> *В безумстве гибельной свободы,*
 <19> *В неволе, бедности, в гоненьи<?> [и] в степях*
 <20> *Мои утраченные [годы].*
 <21> *Я слышу вновь друзей предательский привет*
 <22> *На играх Вакха и Киприды,*
 <23> *Вновь сердцу наносит хладный свет*
 <24> *[Неотразимые обиды].*
 <25> *Я слышу жужжанье клеветы,*
 <26> *Решенья глупости лукавой*
 <27> *И шепот зависти и легкой суеты*
 <28> *Укор веселый и кровавый —*
 <29> *И нет отрады мне — и тихо предо мной*
 <30> *Встают два призрака молодые,*
 <31> *Две тени милые — два данные судьбой*

<32> Мне ангела во дни былие —

<33> Но оба с крыльями, и с пламенным мечом —

<34> И стерегут — и мстят мне оба —

<35> И оба говорят мне мертвым языком

<36> О тайнах счастья и гроба.

в) Варианты (черновой автограф):

*

Есть

Давно день — и тихо ночь

На стогны града.

*

Умолкнул шумный день — и тихо налегла

Немая ночь на стогны града

Полупрозрачная нисходит с нею мгла

И сон, дневных забот награда —

~~*-отрада-*~~

Но сон меня бежит — — влачатся в тишине

Часы томительного бденья —

грустно

И ~~грустью~~ бодрствую, живею горят во мне

Змеи сердечной угрызенья —

Воспоминания

*

Умолкнул шумный день — и наступив <легла><?>

Немая ночь на стогны града

Полупрозрачная слетела с нею мгла

И сон, дневных трудов награда —

< 1> Когда умолкнет шумный день

(а) (б) (в)

< 2> ~~И спрос..~~ в на немые стогны града

< 3> Полупрозрачная наляжет ночи тень

~~елетает~~

~~ниходит~~

< 4> И сон, дневных трудов награда

< 5> В то время для меня влачатся в тишине

~~Все спит... Но для меня влачатся в тишине~~

< 6> Часы томительного бденья —

< 7> В ночном бездействии живею горят во мне

~~В безмолвии <ночном> живею горят во мне тоской~~

< 8> Змеи сердечной угрызенья —

< 9> Вся кровь кипит; в уме, подавленном тоской

~~В уме, встревоженном тоской~~

<10> Тесниться тяжких дум избыток

~~грустных~~

~~горьких~~

Воспоминания — —

*

Воспоминание предо мной

Свой мрачный развивает свиток

~~Свой дл<инный>~~

*

Воспоминание печально предо мной

Свой длинный развивает свиток

*

Воспоминание — зачем ты предо мной

Свой длинный развиваешь свиток?

*

<11> Воспоминание безмолвно предо мной

<12> Свой долгий <?> развивает свиток

~~Свой мрачный~~

Читаю жизнь мою

~~Все в~~

И содрогаюсь и

И стону жалобно, слезы лью

Над строками

*

И я минувшую читаю жизнь мою

И трепещу и проклиная

И томно жалуясь и горько слезы лью

Но строк заветных не смываю —

~~печальных~~

*

<13> И с отвращением читая жизнь мою

<14> Я трепещу и проклиная

<15> И горько жалуясь и горько слезы лью

~~И горько жалуясь и ————— слезы лью~~

< 16 > Но строк печальных не смываю!!!

*

Я вижу в праздности, в безумстве и пирах

Свою потопленную младость

~~Свою потопленную р<адость>~~

*

В изгнании, в бедности под стражей и в степях

<

>

Я слышу жужжанье клеветы

~~Я слышу клеветы жу<жжанье>~~ (б)

~~Я слышу вновь жуужжанье клеветы~~ (а)

Лукавый смех, надменный ропот

И вижу(а)

Я вижу(б)

Лукавый смех и го<рдый> ропот(в)

Измены гнусный шип и легкой суеты

*

<17> Я вижу в праздности, в неистовых пирах

~~Я вижу в праздности в раз<вороте> и пирах~~

гибельной

<18> В безумстве ветренной свободы

<19> В неволе бедности, в гоненьи<?> [и] в степях

<20> Мои утраченные [годы]

Мои годы(а)

Мои потопленн<ые><годы>(б)

Я слышу жужжанье клеветы

<нрзб>

[Измены шепот] смех лукавый

Решенья глупости и легкой суеты

Измены гнусный глаз и холодной суеты(а)

Измены гнусный крик и легкой суеты—(б)

Укор жестокой и кровавый —

И вновь

*

Я слышу вновь друзей предательский привет

Мне сердце жгут его обиды — —

*

Я слышу дружбы вновь предательский привет

На играх Вакха и Киприды

Вновь наносит легкой свет

Неотразимые обиды —

*

*И дружбы слышу вновь предательский привет
Измену —*

*

*И дружбы слышу вновь предательский привет
Мне сердце жгут обиды
Мне вновь предательски <?> наносит хладный свет
~~Измену их мне вновь~~(а)
~~И мне <прзб> наносит хладный свет~~(б)
Свои обиды*

*

*<21> Я слышу вновь друзей предательский привет
<22> На играх Вакха и Киприды
<23> Вновь сердцу наносит хладный свет
<24> [Неотразимые обиды]
<25> Я слышу жужжанье клеветы
<26> Решенья глупости лукавой
<27> И шепот зависти и легкой суеты
<28> Укор веселый и кровавый —
<29> И нет отрады мне --- и тихо предо мной
 И новую
<30> Встают два призрака молодые
<31> Две тени милые — два данные судьбой
 Две тени милые — и к давнему(а)
 Две тени милые — две данные судьбой(б)
<32> Мне ангела во дни былые
 Мне Гении во дни былые —
<33> Но оба с крыльями, и с пламенным мечом
 Но оба с крыльями(а)
 И оба грозные и с пламенным мечом(б)*

<34> *И стерегут — и мстят мне оба —*

~~*И стерегут ————— оба*~~

И мертвую любовь питает их <?> огнем

~~*И мертвую любовь сменила(а)*~~

~~*Неуга<сающая> злоба(а)*~~

~~*И мертвую любовь их огнем(б)*~~

~~*И мертвую любовь своим огнем(в)*~~

Неумирающая злоба

*

и со мной идут одним путем

*

И оба говорят мне внятным языком

О тайнах вечности и гроба

*

<35> *И оба говорят мне мертвым языком*

<36> *О тайнах счастья и гроба*

Примечание: Стихотворение датируется согласно помете Пушкина: 19 мая 1828 года. Первая часть, как самостоятельное стихотворение, напечатана Пушкиным впервые в альманахе «Северные Цветы на 1829 год», СПб, 1828 г., С. 10 отд. «Поэзия». Без изменения вошло в «Стихотворения А. Пушкина», Ч. II, 1828, С. 127—128 (отд. стихотворений 1828 года). Вторая часть опубликована впервые Анненковым в первом томе «Материалов для биографии А. С. Пушкина» (1858 год). Некоторые варианты публиковались П. О. Морозовым (1903), Б. В. Томашевским (1928), М. А. Цявловским (1930), Н. В. Измайловым (1937). Под обозначением «Бессонница» записана Пушкиным в мае 1828 года в качестве темы для стихотворения. Под другим заголовком — «Бдение» — вошло в список стихотворений, предназначенных для издания, составленный в мае-июне 1828 года.

◆ Смысл этого стихотворения считается неясным до настоящего време-

ни в том смысле, что исследователи творчества Пушкина не пришли к единому пониманию его. Эти расхождения дифференцируются по трем основным вопросам:

- о целостности стихотворения;
- о направленности авторской идеи;
- о степени конкретности образов (во 2-ой части стихотворения).

Каждый из исследователей подходил со своим мнением, причем акцентация здесь двоякая: во-первых, каждый в центр рассмотрения ставил, как правило, один из этих трех вопросов; во вторых, акцентацию определяли литературные, философские и пр. взгляды исследователя (Написанное выше — не апология права каждой литературоведческой школы в данном случае на индивидуальность а просто суммирует наше восприятие факта и причин расхождения во мнениях). Итак, вот наиболее известные воззрения.

П. В. Анненков, первый серьезный биограф Пушкина, объединил обе части стихотворения, считая, что только в таком виде оно будет являть характер целостности. Его поддержал Н. Г. Чернышевский: *«...Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти две половины, соединенные через столько лет в одно стихотворение, представляет одну из лучших и характернейших лирических пьес Пушкина в том виде, как она создавалась под пером его»*. В. В. Вересаев тоже считал, что стихотворение может быть правильно понято лишь в цельном виде, а раздельное чтение половинок многое оставляет неясным, недоговоренным. Б. В. Томашевский связывает первый и третий вопросы: *«...ведь если Пушкин и отбросил этот конец по интимности, то эта интимность помешала ему его доработать. Кроме того, еще неизвестно, насколько основательна эта догадка об «интимности» как решающем поводе. Быть может, здесь играли роль и мотивы чисто эстетические: придание стихотворению большей сжатости, выразительности и общности путем устранения перечня личных воспоминаний»*.

По второму, важнейшему вопросу об авторской идее, расхождения в оценке определяются комплексом субъективности восприятия. Лев Толстой

не раз возвращался к «Воспоминанию», стихотворение глубоко трогало и волновало великого проповедника гуманизма. Строки его цитируются в «Анне Карениной», в предисловии же к «Воспоминаниям» Толстой дает оценку пушкинскому стихотворению, выделяя его нравственно-побуждающее начало: *«Во время невольной праздности-болезни — мысль моя все время обращалась к воспоминаниям, и эти воспоминания были ужасны. Я с величайшей силой испытал то, что говорит Пушкин в своем стихотворении «Воспоминание»».*

Анненков оттеняет момент угнетенности души поэта, вызванной последекабрьской реакцией, все усиливающейся разъединенностью Пушкина со столичным его окружением. Он пишет, что *«существование Пушкина делается порывистым и беспокойным»*, Пушкин утомлен столичной жизнью, он даже просится на войну, в открывшуюся против турок кампанию. Имена его друзей-декабристов под запретом, разговоры только об арестах, ссылках и обысках (Герцен). По мнению Анненкова, в «Воспоминании» отражение обстановки в стране преобладает над личным самочувствием поэта. Особняком стоит восприятие смысла «Воспоминания» В. В. Вересаевым. По отношению к ранее разобранным мнениям, но совершенно в «ключе Вересаева» (сравн. с оценкой им Л. Толстого, Достоевского и Ницше в «Живой жизни»). У Вересаева философское обобщение преобладает над биографическим, интимным... Ибо это стихотворение — *«тоска олимпийского бога»*, бога, изгнанного за какую-то вину на землю, а не *«восстание совести, не горькое покаяние человека, стыдящегося неморальной своей жизни»*, и пр. По Вересаеву, этот изгнанный бог томится в тяжелой и темной земной жизни. Чувствуется, что и в характеристике «Воспоминания» Вересаев ориентируется на ницшеанскую философию искусства; во всяком случае, нельзя не отметить дух общности воззрений (Сравн.: *«Искусство — а не мораль... как собственно метафизическая деятельность человека; в книге много раз повторяется необычное положение, что существование мира находит себе оправдание только как эстетический феномен!»* (выд. Ницше)).

Дело вкуса — признавать или отвергать метод Ницше в философии искусства, но использование его в анализе лирического (конкретного) стихотворения дает (как это получилось у Вересаева) слишком общий и в то же время слишком субъективно-тенденциозный характер. Мы полагаем, прежде всего, что однострочная публикация всех 36 строк вряд ли возможна в обычных изданиях. Во-первых, это будет чтение стиха «с препятствием» на не доведенных даже до ритмической канвы 23, 24 и 25-ой строк; без сомнения, «обычный» читатель будет спотыкаться и на вопросах, квадратных скобках «подразумевания» в 19-ой и 20-ой строках. Все это сбивает с ясного, мерного такта пушкинского стиха, к которому (не литературовед, а обычный читатель) привыкает с детских лет. И если пушкинский стих всегда воспринимается с первого прочтения, то здесь это окажется невозможным. Но недоработанность второй части — следствие той причины, по которой Пушкин опубликовал лишь первые 16 строк стихотворения.

Почему?— Нет четкого представления о том, отличался ли Пушкин «официальной щепетильностью», или нет, избегал ли он в публикуемых произведениях касаться интимных сторон своей жизни, высказываться более или менее прямо в характеристиках конкретных лиц, либо нет? Более, пожалуй, склоняюсь к первому: слишком многое говорит за то, что наш великий поэт был прям и искренен в общих (патриотических, поэтических и пр.) высказываниях, но (в силу ли черт характера, тревожной жизни поэта — неустойчивости его положения в свете, при дворе... и миллиона других причин) часто лукавил, либо просто остерегался всего конкретного, действуя по принципу: лучше молчать, чаще говорить неподцензурно в своем близком кругу, но не переводить в оттиснутые литеры строчки. Керн он посвящал божественное, обвораживающее «Я помню чудное мгновенье...», однако хорошо известно, как он отзывался о ней же в частных письмах. Не публиковал он, естественно, эпиграмм и рискованных стихотворений со слишком прозрачными намеками; здесь был ему в самом начале поэтической жизни преподан суровый урок. Известно, сколь дорого обошлись поэту эпиграммы 1819 года

на Аракчеева и Фотия.— Поневоле такие уроки приучат маневрировать и четко разделять: что печатать, а что оставлять в письменном столе, либо в ушах избранных друзей. Но несомненно и присутствие в его характере определенных наследственных черт осторожности в высказываниях. Отрицать это было бы нелепым; ибо такое было время, такая наследственность и такая страна, хоть и управляемая «самым элегантным и самым просвещенным» русским монархом, который и в Париже был парижанином, и в Вене венцем (речь, понятно, идет о времени правления Александра I). Итак, Пушкин не стал публиковать, а по той причине и дорабатывать (?!— это тоже о многом говорит, если совсем уж тщательно копаться в тонкостях пушкинского характера...) вторую часть «Воспоминания» по причинам, изложенным выше. Это, понятно, не ново, вернее совпадает с господствующими в пушкиноведении воззрениями; во всяком случае, в части выводов.

Но чем больше вдумываешься в смысл стихотворения, тем более кажется, что Пушкин, как человек с тонким художественным чувством, даже при вдруг почему-то случившемся «порто-франко» в подцензурной совести и душе, не стал бы публиковать вторую часть. И щекотливое положение с упоминанием слишком конкретных «двух данных судьбой» ангелов, конечно, осознанно послужило поводом для отсечения последних 20 строк от публикуемого стихотворения. Возможно, что он активным сознанием и представлял все это дело так (?— Но бессознательное, первородное художественное чувство, которое, в конечном счете, и «решает»: хорошо или нехорошо, нравится — не нравится,— сработало в смысле: первые 16 строк — хорошо, все 36 строк вместе — нехорошо. Еще раз повторяю: вполне возможно, что сам Пушкин так и не думал, а думало, как сейчас принято говорить, «подсознание».

◆ Причина же следующая. При всей кажущейся цельности стихотворения, построенного по схеме: <1—16 строки; с философским, психологическим подтекстом, глубокое по мысли лирическое воспоминание-отражение>→<17—36 строки; развертывание темы первой части в плане

воспоминания собственно личных невзгод жизни и воспоминания о некогда «стерегущих», а ныне — «мстящих», здесь, в стихотворении, мистифицированных образах», — при всем этом нас не покидает сомнение в снижении художественности лирического обобщения во второй части, вернее в том смысле, что прочтенное целиком стихотворение уступает по впечатляемости прочтению только первых 16-ти строк. Как «лирическое восклицание» — первая часть есть законченное стихотворение; присоединение 2-й части усиливает дидактический момент, что несвойственно вообще поэзии Пушкина. Очевидно, автор «Воспоминания» (не знаю, в осознанном ли, в подсознательном ли акте) оказался гораздо «холоднее рассудком», чем все его позднейшие комментаторы, разделив задуманное стихотворение на два самостоятельных, хотя очень близко стоящих друг к другу, стихотворения: первое из них «Воспоминание», состоящее из первых 16-ти строк: лирико-философское размышление; второе (17—36 строки текста) — лирическая жалоба-воспоминание о тяготах жизни полуопального поэта, о былых в его жизни «ангелах»-заступниках. И, как когда-то писали в «Литературной газете», «Если бы я был директором», да еще Александр Сергеевич окончательно доработал бы 17—36 строки, то печатал бы обе части следом друг за другом под названием: «Воспоминание» и [«Продолжение воспоминания»].

Кстати, в литературоведении принято сопоставлять «Воспоминание» с «Думой» Лермонтова, написанной десятью годами позже (в 1838 году). Так вот, сопоставлять-то можно только как раз первую часть, что лишний раз подтверждает приведенные выше рассуждения. И окончание «Думы»:

*И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом».*

«Обобщение-вывод» по всему стихотворению равно читаем, как такое же отношение 13—16 строк к первой части «Воспоминания». Лермонтов, в отличие от Пушкина, не колебался в придании «Думам» довеска в форме ли-

рически выраженной жалобы на личные невзгоды. Это и понятно: можно вполне утверждать, зная Лермонтова, как поэта с гораздо большей степенью рассудочности, одновременно — с не меньшим поэтическим, лирическим дарованием, чем у Пушкина. Вот этот «умный холеризм» Лермонтова и не позволил внутренне побуждать себя к дидактическому, «лично-Я»-лирическому продолжению «Дум».

Теперь от схоластического толкования «единства и разобщенности» перейдем к собственно стихотворению. Не может быть сомнения в том, что и личные, и общественные невзгоды отразились в лирическом восклицании «Воспоминания». В государстве уже сидел на монаршем престоле еще не отошедший от испуга декабрьского восстания, с наливающимися краснотой гнева щеками, император Николай Павлович. В России был исторически первый (явно осознаваемый граждански-мыслящей частью населения государства) период реакции — явления исторически закономерного, но субъективно усиленного неприятными чертами характера Николая I (см., например, главу «Николай Первый» в книге Г. Чулкова «Императоры. Опыт психологического портрета»).

«Свои восстали против своих» — отсюда и тот тридцатилетний резонанс на все время правления Николая Первого. Двусмысленность положения Пушкина, певца, который один остался в живых. Всех других певцов разметали волны монаршего гнева. Со временем, конечно, ощущение трагизма утихло, но тогда, три года спустя, оно было довлеющим в душе поэта.

«Воспоминание» датировано 19 мая 1828 года. Каково было внутреннее состояние Пушкина около этого времени? — Ответ могли бы дать письма, но они редки в этом (28-м) году, а особенно мало их в период, к которому относится написание стихотворения. Но даже и существующая переписка очень мало дает; очевидно, и поэт, и его корреспонденты остерегались откровенничать в это время даже в частной переписке. А может все его собеседники по письмам были в Сибири? Кроме того, ведь и не следует обольщаться на счет эпистолярного наследия Пушкина. И то, что можно почерпнуть из 40 томов

писем Л. Толстого, корреспондентом которого был весь мир, того нельзя прочесть в записках Пушкина к приятелям, друзьям, до которых всегда можно было доехать на извозчике, и в редких письмах к лицам, отдаленных несколько бóльшими расстояниями.

Итак, неофициальная переписка поэта: 1 мая 1828 года он получает большое письмо от графа М. Ригги, в котором тот присылает свой французский перевод стихов Державина и пушкинского «Пророка». Следующее письмо, имеющее отношение к Пушкину, — записка князя П. А. Вяземского Оленину от 21 мая, где он предлагает устроить «прощальный пикник» в связи со своим отъездом в Царское Село. И на той записке помета Пушкина: «Читал Пушкин и лапку приложил». Менее обескураживает следующее (по времени) известное письмо Пушкина — послание в стихах Н. М. Языкову из СПб в Дерпт, 14 июня 1828 года:

*К тебе собирался я давно
В немецкий град тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю Невских берегов —
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня
И на Неве, хоть без охоты,
Окованным остался я.
Ах юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев избегая,*

*Готов я всюду был лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников
И тяжесть денег и годов,
Остепенившись, проклиная.*

*Прости, Певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай ни скуки, ни жеманства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.*

Стихов, ради бога стихов! Душа просит. Прости, желал бы сказать до свидания.

Следующее письмо М. П. Погодину от 1 июля; начало его:

«Простите мне долгое мое молчание, любезный Михайло Петрович; право всякий день упрекал я себя в неизвинительной лени, всякий день собирался к Вам писать и все не собрался». Далее, несколько малозначащих записок, и от 1 сентября чрезвычайно занимательное письмо к князю Вяземскому (из него уясняется степень приятельских отношений и взаимодоверия между писателями):

<в первой половине письма>:

«Благодарствуй за письмо — оно застало меня посреди хлопот и неприятностей всякого рода...»

<во второй половине письма>:

«Мне навязалась... на шею преглупая шутка. До прав<ительства> дошла наконец Гавриилиада; приписывают ее мне; донесли на меня, и я отвечу за чужие проказы, если кн. Дм<итрий> Горчаков не явится с того света отстаивать право на свою собственность. Это да будет между нами».

(В подстрочн. примеч. к исходной публикации пояснено, что последние пять слов написаны по полю, вдоль отчеркнутых предыдущих строк: *Мне навязалась ~ свою собственность*).

Вот и вся неофициальная переписка Пушкина около момента написания «Воспоминания».

Что мы из нее почерпываем: во-первых, поэт старался (как и всегда) по мере надобности «рассеиваться» в «дружеских пирушках»; это было особенно ему нужно в столь тяжелое морально для него время (записка Вяземского). Многозначительно письмо Языкову: можно видеть и подтекст. Во всяком случае, из него видно: поэту невмочь оставаться в Петербурге и он рад бы его покинуть, но многое тому помехой... (Лично нам не совсем ясны «гербовые заботы» Пушкина).

◆ Если и доискиваться особого, скрытого смысла в этом стихотворном послании, то следует обратить внимание на выделенные пять строчек: их можно толковать как своего рода переоценку ценностей в мировоззрении поэта, совпавшую (и стимулированную, конечно) с декабрьским переломом России и началом долгих годов реакции. Так что эти строки подтверждают: действительно, поэт в этот период (написания «Воспоминания») переживал нелегкую пору, когда тяготы личной и общественной жизни в государстве мучительно тревожили душу, не давая ей покоя. Отсюда и возвращение к образам прошлого, воспоминание и оценка всей предыдущей жизни. Поэт переживает глубокую депрессию, которую сам называет «непозволительной ленью» (в записке М. П. Погодину); депрессию — внешним признаком которой является глубочайшая апатия. Может, поэтому поэт даже так мало пишет в это время?

Следующее письмо (кн. Вяземскому) — иллюстрация одной из тех бед, которые в личном плане обрушились одновременно на Пушкина. Речь идет о раскрытии, пока в слухах, авторства «Гаврилиады». Известно, чем бы грозило раскрытие этого авторства! Если через 60 лет по поводу схожего по сюжету стихотворения К. М. Фофанова «Таинство любви» дело дошло до доклада

Победоносцева Александру III и до закрытия напечатывавшего стихотворения журнала! А ведь оно было куда «наивнее» «Гаврилиады»... Кстати, детское конспирирование в письмах вряд ли упрощало взаимоотношение поэта с Третьим отделением и Святейшим Синодом. Так что, хотя мы и говорили об осторожности Пушкина, но не следует ее понимать как искусство. Это все же была осторожность поэта, «осторожника-любителя»...

Исследователи «Воспоминания» отмечают метания Пушкина в это время, время написания стихотворения. Из рассмотрения писем этого периода видно, как тяготила его жизнь в Петербурге. В попытках хоть как-то вырваться из замкнутого кольца такой жизни (а просто вырваться он не может — ведь поэт чиновник, придворный), Пушкин, используя начало русско-турецкой войны 1828 года, пытается уехать хотя бы туда, принять участие в случившейся кампании. При этом поэт проявляет известное упорство и целеустремленность. Он пишет один раз Бенкендорфу. В случившейся неудаче у него не опускаются руки и он снова пишет (письмо от 18 апреля 1828):

«Милостивый государь

Александр Христофорович!

По приказанию Вашего превосходительства, являлся я сегодня к Вам, дабы узнать решительно свое назначение, но меня не хотели пустить и позволить мне дожидаться. Извините, Ваше превосходительство, если вновь осмеливаюсь Вам докучать, но судьба моя в Ваших руках, и Ваша неизменная снисходительность ободряет мою нескромность. С истинным, глубочайшим почтением и сердечной преданностью, честь имею быть

Вашего превосходительства

милостивый государь

покорнейшим слугою,

Александр Пушкин»

Ответ Бенкендорфа от 20 апреля — отрицательный и к тому же стандартный, сравн. с ответом на подобное же прошение князя П. А. Вяземского. Как раз последнее могло бы навести на мысль, что письмо Пушкина об от-

правке его на турецкий фронт было обычной «великосветской позой», своего рода «вежливостью придворного патриотизма» (раз уж с подобными просьбами обратились и многие другие, и у Бенкендорфа был выработан даже стереотипный ответ). Но ответное письмо Пушкина на письмо Бенкендорфа с отказом, к счастью, отрицает эту мысль; чувствуется, что поэт хватается за любой повод уехать из Петербурга и как можно подальше. Вот это письмо от 21 апреля:

«Милостивый государь

Александр Христофорович

Искренне сожалея, что желания мои не могли быть исполнены, с благоговением приемлю решение государя императора и приношу сердечную благодарность Вашему превосходительству за снисходительное Ваше обо мне ходатайство.

Так как следующие 6 или 7 месяцев я вероятно в бездействии, то желал бы провести это время в Париже, что, может быть, в последствие мне уже не удастся. Если Ваше превосходительство соизволите мне испросить от государя сие драгоценное дозволение, то Вы мне сделаете новое, истинное благодеяние.

Пользуюсь сим последним случаем, дабы испросить от Вашего превосходительства подтверждения данного мне Вами на словах позволения: вновь издать раз уже напечатанные стихотворения мои. Вновь поручая судьбу мою великодушному Вашему ходатайству, с глубочайшим почтением, совершенной преданностию и сердечной благодарностию, честь имею

быть милостивый государь

Вашего превосходительства

всепокорнейший слуга

Александр Пушкин»

И действительно, если бы даже Пушкин мог написать ура-патриотическое (из придворной вежливости) письмо об отправке его на фронт, то это отрицается цитированным выше письмом к Бенкендорфу, а также вообще

пушкинским взглядом на «восточный вопрос». Что-что, а здесь поэт не был ура-патриотом. Так, М. Еремин пишет, в связи с характеристикой публицистической деятельности Пушкина и его отношением к колонизации Кавказа в 30-х годах: *«На первый взгляд пушкинская постановка кавказского вопроса принципиально ничем не отличалась от обычной, общепринятой в печати (от официозной «Северной пчелы» до «Московского наблюдателя»). Пушкин как будто бы в полном согласии с официально-правительственной политикой предлагает проповедовать христианство, противопоставив его магометанству. Но главное в пушкинском освещении кавказской темы не в предложении каких-бы то ни было проектов, а в тех реалистических зарисовках, в которых раскрывалась сущность колониальной политики царского правительства на Кавказе»*. Сравните эту уклончивость Пушкина, например, с конкретно-прямыми государственнымскими требованиями «проливов и Константинополя» для России в «Дневниках писателя» Ф. М. Достоевского. Вообще, Пушкин был великий хитрец — истинное дитя своего времени и своего, со времен Ганнибала, рода. Итак, по переписке Пушкина около времени написания «Воспоминания»: безо всякого сомнения налицо мятущаяся, душевно-взбудораженная, выбитая из всякой колеи спокойствия (при внешней, порой и частой, невозмутимости) жизнь поэта. На него давят и личные невзгоды, и обстановка в Петербурге, в кругу, где он принуждаем вращаться, жить и даже изворачиваться, чтобы хоть как-то жить более свободно, чем в «царско-придворной» ссылке под опекой государя и Бенкендорфа. Уже этого достаточно, чтобы побудить к отчаянию и жалобе поэта в «Воспоминании».

◆ *Обычный обман*: когда читаешь стихи Пушкина, то с трудом можно поверить тому, что окончательному тексту предшествовала упорная, напряженная черновая работа. Действительно: 36 строкам текста «Воспоминания» предшествовало 126(!) строк чернового текста (см. варианты выше). Да это и понятно: только так, говоря словами Маяковского, и может быть отыскан «радий» истинной поэзии стиха, глубокого смыслом, легко читаемого, того, что запоминается с первого прочтения, стиха эмоционально насыщенного,

высокого образца лирической поэзии, что и есть пушкинское «Воспоминание». Тот факт, что Пушкину стих давался нелегко в смысле «облекания идеи в форму» (вспомните пресловутый миф о «легкости» есенинского письма...), критика отмечала уже давно. Первым наиболее четко выразил это хотя и злой, но справедливый во многом Писарев: *«...Весь остов поэтического произведения подвергается во время работы очень значительным и глубоким видоизменениям... Поэт, как плохой портной, кроит и перекраивает, урезывает и приставляет, сшивает и утюжит до тех пор, пока не получится в окончательном результате нечто правдоподобное и благообразное. Желаящие могут найти в «Материалах для биографии Пушкина», собранных Анненковым, многочисленные примеры той черновой работы, посредством которой Пушкин втискивал придуманную мысль в придуманную форму»* (в статье «Пушкин и Белинский»).

Начальная строка стихотворения удалась только в четвертом варианте и, в среднем, три-четыре варианта предшествовало каждой строке стихотворения. И все это направлено именно на втискивание точной мысли в адекватное, эмоционально-окрашенное, благозвучное слово и строку. *Пример*: в варианте 4-ой строки первоначальное «отрада» заменяется на более точное, емкое «награда». В вариантах 3-ей строки поочередно сменяют друг друга: нисходит — слетает — наляжет; в последнем и точность, и поэтическая емкость. В этом смысле следует отметить изменения в вариантах 7, 9, 10, 12, 18, 20, 32, 34 и 35 строк. В вариантах 17-ой строки наблюдаем несколько другое устремление поэта: он ставит вместо преувеличенного: «Я вижу в праздности, в раз<врате> и пирах», более смягченные и неакцентирующие на резкости самобичевания строки: «Я вижу в праздности, в неистовых пирах». Иногда поэт возвращается после раздумий к первоначальному варианту строки; так, в 31 строке после неудачного «Две тени милые — и к дав<нему>», он записывает: «Две тени милые — две данные судьбой», зачеркивает и это, почему-либо не удовлетворявшее его, но в окончательном варианте все же возвращается к второй записи. Особенно нелегко дались Пушкину последние (31—36)

строки, где он наиболее четко старался обрисовать сущность роли «двух ангелов» в его жизни и роли, судя по всему немалой, раз они постоянно являются в воспоминаниях поэту.

А поэтико-стилистической правке подверглись все, почти без исключения, строки стихотворения (см. анализ выше). Только в таком черновом труде и смог Пушкин достичь вершин поэзии. Кстати, поэт сам прекрасно представлял: к чему он стремится в искусстве стиха, недаром образ Киприды (Афродиты) столь частый гость в его лирических произведениях. И здесь, в «Воспоминаниях», он слышит «друзей предательский привет на играх Вакха и Киприды». — «С Кипридой, Фебом торжествуй,» — пишет он Н. М. Языкову в цитированном выше стихотворном письме. Белинский подтверждает право Пушкина на пояс Киприды в русской поэзии: *«Чтоб выразить всю силу неотразимого влияния на душу и сердце человека поэзии Гомера, греки говорили, что он похитил пояс Афродиты... Пушкин первый из русских поэтов овладел поясом Киприды. Не только стих, но каждое ощущение, каждое чувство, каждая мысль, каждая картина исполнена у него невыразимой поэзии»* («Сочинения Александра Пушкина», ст. 5-я).

На примере «Воспоминания» мы можем понять, каким трудом давался этот пояс, этот вольный, философски-содержательный и глубоко лирический строй Пушкину.

◆ *Следующий раздел нашего анализа.* Имеет смысл вспомнить о той роли философичности, которую усиливал Викентий Викентьевич Вересаев в своей книге «В двух планах». Здесь же речь пойдет о близком, но другом. А именно, об общей «философской тональности» «Воспоминания». Н.Л. Степанов в книге «Лирика Пушкина» отмечает, что в поэтическом языке стихотворения сильно чувствуется влияние философии, а также, сказали бы мы, языка, «терминологии» философии пророка Экклезиаста. Далее Степанов отмечает, что при всем этом «философия Экклезиаста чужда Пушкину». Однако это не совсем так, и не следует ограничиваться в анализе «Воспоминания» только голым отрицанием. Действительно, пессимистические мотивы

философии Экклезиаста пронизывают «Воспоминание»; есть строки в первой части стихотворения, очень созвучные по мысли и слогу с текстом книги библейского проповедника:

«влачатся в тишине часы томительного бденья»,

«в уме, подавленном тоской»,

«и с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуясь, и горько слезы лью».

Но особенно это относится к тексту и всему духу последних 17—36 строк. Не будем кропотливо выискивать попарного сопоставления строк «Воспоминания» и стихов книги Экклезиаста, просто для иллюстрации выпишем эти стихи:

— «Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует,— все суета! (Эккл., 1.2).

— «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться,— и нет ничего нового под солнцем» (Эккл., 1.9).

— «Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа» (Эккл., 1.14).

— «И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это — томление духа; потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания — умножает скорбь» (Эккл., 1.17, 18).

— «Сказал я в сердце моем: дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром, но и это — суета!» (Эккл., 2.1).

— «Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем как сердце мое руководилось мудростью, придерживаться и глупости, доколе не увижу, что хорошо для сынов человеческих, что должны они были бы делать под небом в немногие дни жизни своей» (Эккл., 2.3).

— «И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их: и вот все — суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем!» (Эккл., 2.11).

— «И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, ко-

торые делаются под солнцем; ибо все — суета и томление духа!» (Эккл., 2.17).

— «Потому что все дни его — скорби, и его труды — беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя, и это — суета» (Эккл., 2.23).

— «Еще видел я под солнцем: место суда, а там — беззаконие; место правды, а там — неправда» (Эккл., 3.16).

— «Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производит взаимную между людьми зависть. И это — суета и томление духа! (Эккл., 4.4).

— «Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше» (Эккл., 7.3).

— «Сердце мудрых — в доме плача, а сердце глупых — в доме веселья» (Эккл., 7.4).

— «Не говори: «отчего это прежние дни были лучше нынешних?» потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом» (Эккл., 7.10).

— «...И нашел я, что горьче смерти женщина, потому что она сеть, и сердце ее — силки, руки ее — оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею» (Эккл., 7.26)*.

— «Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости» (Эккл., 9.10)**

Мы специально привели эти выписки, выбранные из всего текста книги Проповедника, чтобы более убедительно показать именно связь, а не простое литературно-фразовое совпадение с ней текста «Воспоминания». Философия Экклезиаста в основе своей пессимистическая и в некотором смысле в ней следует видеть предшественницу этического учения Шопенгауэра. Но дело в том, что учение Экклезиаста — это пессимизм, еще не переросший в орто-

* Соотнесите со строками 29—34,— явление «двух ангелов милых».

** Соотнесите одновременно со строками 15—16 и 35—36.

доксальную систему, в следующую, уже философски оформленную систему скептицизма, что наблюдаем у Артура Шопенгауэра и его последователей: Гартмана, Ницше, Фридриха Паульсена. А пессимизм в этике — неотъемлемая часть мировоззрения поэтически мыслящей личности; намного позже это концентрированно выразили символисты: «Уделом поэта и было, и будет — страдание» [Мирра Лохвицкая]; «И помни: от века из терний поэта заветный венок» [Вал. Брюсов]. Чем она вызвана?— трудно однозначно ответить: тут следует учитывать, наверное, и извечный конфликт поэта с людьми, явления «запаздывания признания идей поэта», и психологический комплекс художественной личности и пр.— словом все то, что от века называется различными терминами, но суть есть некий «парнасский комплекс» поэта.

И вот в «Воспоминании» очень ярко проявилось это двуединство поэзии Пушкина: его личный, здоровый поэтический оптимизм («Но строк печальных не смываю») и извечный налет пессимизма, усиленный той массой невзгод, что обрушилась на поэта в пору написания стихотворения, да еще к этому обостренное ощущение проходящей жизни, воссоздание живой и отчетливой картины печальных, мало радующих поэта воспоминаний. И третий аспект отметим. Не следует забывать при всех этих отвлеченных рассуждениях, что автор «Воспоминания» — прежде всего поэт. И порой мы часто ищем философское обоснование там, где автор менее всего о нем и помышлял, беря библейские образы («Свой длинный развивает свиток», «два данные судьбой мне ангела во дни былые — но оба с крыльями, и с пламенным мечом...») и пр.) лишь для образной поэтизации. Таково, очевидно, соотношение самой личности поэта, выражающей свое «Я» в стихотворении, и философски-пессимистической окраски произведения.

Кстати о стихотворениях, написанных около времени появления «Воспоминания». Это: «В. С. Филимонову при получении поэмы его «Дурацкий колпак», «*To Dawe, esqr*», «Ты и вы», «Дар напрасный, дар случайный». Из все них по духу близок к «Воспоминанию» «Дар напрасный...»:

Дар напрасный, дар случайный,

Жизнь, зачем ты мне дана?

Иль зачем судьбою тайной

Ты на казнь осуждена?

.....

Цели нет передо мною:

Сердце пусто, празден ум,

И томит меня тоскою

Однозвучный жизни шум.

(26 мая 1828 года)

Написанное (датированное) семью днями позднее, это стихотворение созвучно с «Воспоминанием» и прекрасно подтверждает все рассуждения о трагедийности духовной жизни поэта в тот период.

В «Воспоминании» поэтом достигнут величайший симбиоз глубоко переживаемого личного чувства и высокой лиричности поэзии. Здесь ничего нельзя добавить к словам Белинского: *«Лирические произведения Пушкина в особенности подтверждают нашу мысль о его личности. Чувство, лежащее в их основании, всегда так тихо и кротко, несмотря на его глубокость, и вместе с тем так человечно, гуманно (выд. Белинским — А. Я.)! И оно всегда проявляется у него в форме, столь художнически-спокойной, столь грациозной!»*. Коль скоро речь зашла об отзывах наших русских критиков о лирике поэта, где затрагиваются личные моменты (это значит и о стихотворении «Воспоминание»), то следует привести и высказывание Писарева, а именно: *«В так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, окутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно неспособного понимать великие общественные и философские вопросы нашего века»*.

Ну, что ж! Все имеет свой смысл и любое высказывание, даже детский лепет, тем более следует принимать во внимание отзыв столь значительного ума, каким был Писарев. Ведь нужно понимать и его: это был, пожалуй, пер-

вый человек в русской литературе, который понял, что в эпоху второй половины века следует расстаться с милыми сердцу надеждами «века просвещения» и его сына — 10-х—30-х годов XIX века о примате мира духовного над прозой жизни, расстаться с мыслью о «перевоспитании нравственно» мира печатным словом гуманной литературы. Он ощутил холодное дыхание прагматического века чистогана. И все понимается в сравнении: ведь и сам Пушкин устами Онегина «бранил Гомера, Феокрита». Теперь же мы вновь, как ни в чем ни бывало, наслаждаемся как Гомером, так и Феокритом, а равно и... Пушкиным.

«Воспоминание» и по тематике, и по поэтическим средствам, использованным поэтом, примыкает к пушкинским элегиям. Ибо элегичность темы — раздумье, воспоминание, философски-поэтическое обобщение смысла прошедшей жизни; с другой стороны, в соответствии с темой стихотворение построено в элегическом ключе: замедленное поэтическое повествование шестистопного ямба нечетных строк. Сочетание же с 4-стопными четными строками не дает стиху «утонуть» в мерной растянутой ритмике и энергично оживляет стихотворение. При всем этом мерность, непрерывное течение, «развертывание свитка воспоминаний» достигается пунктуационным построением: так вся первая часть «Воспоминания» не разделяется на отдельные предложения. Все стихотворение не делится на строфы.

◆ В заключение кратко выскажем мнение о понятом смысле стихотворения и о «животрепещущем» противостоянии «личного» и «общественного» в этом произведении. Каждый человек представляет интерес, начнем мы фразой — не будь все упомянутого — Арцыбашева. И мысли каждого, если только человек этот не стандартизовался до уровня конвейерного придатка, сугубо индивидуальны и единично-неповторимы. И по всем законам человеческого бытия любую человеческую же особь тянет к размышлению-воспоминанию на фоне наступающей темноты ночи, приносящей и тишину, и прохладу, и освобождение от экклезиастовой «суеты сует» дня.

Примитивно можно толковать «Воспоминание» как продукт этой обще-

человеческой потребности. Но Пушкин (будем для сокращения числа слов говорить без принятых эпитетов) — поэт, поэтому, во-первых, его воспоминание облекается по инерции ремесла (в высоком, конечно, смысле) в стихотворную форму, а во-вторых, и это главное, «Воспоминание» не есть, конечно, вдохновенный экспромт. Об этом говорит то, что за определенное время до написания стихотворения Пушкин уже имел мысль его, его идею, и даже записал в планах своих в качестве темы для будущего стихотворения. Хотя тема эта была им обдумана лишь начерно, в общем. Об этом можно судить по тому, как изменялись предполагаемые названия стихотворения: «Бдение» и др. (Ведь «Бдение» — это не «Воспоминание»?). Хотя, еще раз отметим, общая идея вынашивалась поэтом задолго до облачения ее в известную нам форму стихотворения. «Воспоминание» — стихотворение перелома, раскаяния, осмысливания прошедших лет жизни. Поэта в образах воспоминания преследует комплекс моральных неудовлетворенностей. На фоне очистительной бури, только что пронесшейся над Россией, чередой ничего хорошего не сулящих лет николаевской реакции, поэт вызывает из подсознания в активную память воспоминания о своей не совсем моральной, не совсем цельной и пр. жизни. Как и у всякой чувствительной художественной природы, это самобичевание несколько, быть может, гипертрофировано, но воспоминания жгут чело поэта, вновь и вновь тревожат его душу. И не в силах держать это клопочущее в груди чувство, Пушкин, как любой человек художественной природы, самовыражается в стихах, тем самым (по всем законам психологии) облегчая свою душу, снимая с себя груз терзающих его воспоминаний. Здесь, конечно, нет различия между «личным» и «общественным»; бесполезен и спор, который ведут исследователи: что есть примат: личные невзгоды над общественными, либо наоборот. Это уже схоластика, аристотелевское членение...

Человек — едино организованная живая система, восприятие его комплексно, тем более, когда он выражает состояние ума, души в художественном произведении, то поток высвобождающегося сознания никак не делится

на осторожненькие параллельные течения: мысль поэта, единая и цельная, материализуется в его стихе; и что есть душа поэта, то есть и его стиховыражение. Нет понятия «личного», «общественного», всякого «поту- и послестороннего» и пр., есть *особенность* организации художественного мышления, все остальное — форма. И как бы Пушкин ни написал «Воспоминание»: в форме ли «Я-излияния» (каким мы его знаем), в форме ли общегосударственного обличения, все было бы одно: в стихах спроецировалось мышление поэта, а истинный художник дает выход своему творчеству, укладывая бессознательно выработанное в форме логики, хотя бы затем, что читающим, спорящим, слушающим людям легче воспринимать произведение в логических формах, нежели в виде чистого потока сознания художника, хотя человек-художник с несравненно бóльшим наслаждением воспринимает как раз последнее; потому-то, например, чтение Джойса и Пруста, как род наслаждения, доступно далеко не всем. Но это к слову.

В целом, восприятие «Воспоминания» — как стихотворения-откровения, философского обобщения; причем эти качества есть продукт живой связи личности Пушкина в конкретных условиях его жизни, неотделимой от истории государства и всей европейской цивилизации (тогда говорили только так, не был введен термин «мировая...», ибо, во всяком случае, мир культурного европейца был замкнут в этой самой Европе). Отсюда также дополнительно ясно: почему «Воспоминание» берется как самостоятельное в его первых 16-ти строках. В дополнение к сказанному рассмотрим логически вытекающий из предыдущего вопрос о своего рода сюжетной предрасположенности художника. Наиболее характерен случай Чехова, а для Чехова наиболее показательен процесс работы над повестью «Три года».

◆ История написания повести «Три года» потому привлекает внимание исследователей психологии творчества, что это типичный для творческого мышления Чехова образец движения его художественной мысли: от задуманного эпического произведения — романа — к окончательной форме рассказа. И, кроме того, именно в «Трех годах» очень отчетливо видны «не-

убранные» следы романа.

Говоря о том или ином литераторе, человек со склонностью к дедуктивному анализу (а это изначально простая и естественная форма анализа, наиболее «человечная», можно сказать...) помимо всякой темы и логики беседы, монолога, мысли о произведении этого литератора, невольно, подсознательно относит его к поэтическому либо прозаическому жанру. Это первое, основополагающее для дальнейшего суждения деление. Действительно, поэзия и повествование, то есть проза в обширном смысле, не являясь ни в коем случае антагонистами, тем не менее четко определяют знак поэтического искусства автора: поэзия и проза — гора с двумя вершинами, в единстве их выросло четкое различие: как «+» и «-» одного и того же по природе электрического заряда. И определено это однозначно: есть поэтическая натура, есть натура прозаическая; в непереносном смысле употреблено. Некрасов с госпожой Панаевой написали два романа, но он поэт. Тургенев и Гамсун писали стихи, но они классики романа. Стихи писал Ибсен, но он драматург, не поэт. Даже Лев Толстой сочинил военно-вакхическую песнь и перелагал в «Азбуке» былины русским размером стиха. А представить поэтом Достоевского, Пруста, Беккета, Томаса Манна? А вот Арцыбашева можно представить поэтом типа «Шопенгауэра из подвала» (Федор Сологуб). Гёте писал стихами, но эпические произведения. Стихи писали такие «исконные» прозаики, как Эдгар По, Джеймс Джойс... Наконец, не так уж неблагозвучны и стихи литераторов-философов: Ницше, Шопенгауэра. Но равно в двух стихиях парить не дано никому: проза Пушкина суховата, это отстой, хотя бы и великолепенный ... как сливки, от поэзии. В русской литературе есть лишь одно исключение — Лермонтов, равно великий поэт и повествователь, впрочем, — и Федор Сологуб.

Второе деление уже более тонкого порядка, вот по его-то итогам и говорят утвердительно: тот-то великий новеллист, этот — исторический бытописатель, а вон тот — рассказчик за обеденным столом. И если поэтичность творчества отчасти коррелирует с поэтичностью природы, ее темпераментом,

то второе деление выводит анализирующего на тонированную сумерками тропу психологии творчества, ее общих законов и особенностей. Так вот, Чехов — новеллист и новеллист прежде всего; воздержимся говорить о его пьесах, это не входит в нашу задачу. Попробуем пофантазировать на вольную тему, разобраться в психологической подоплеке такого художественно-жанрового избранничества.

Художник слова, при всем многообразии индивидуальностей, лишь двояко, в конечном итоге, соопределяет процесс творчества: написания, выражения темы, мысли, сюжета,— и процесс изобретения: обобщения, выведения, анализа, *etc.* сюжета. Первая группа, вдохновляясь смутной пока еще идеей, старается тотчас запечатлеть ее на бумаге, сюжет же вырастает, как помощник обретения мысли, в процессе самого письма. Вторые же тщательно и предварительно обдумывают сюжет, может даже пишут планы, а после воплощают его с продуманной уже установкой, мыслью, идеологией, в форме художественного произведения. Третьему не быть, а если быть, то это фокус. Соответственно, первые — новеллисты, эссеисты, остросюжетные рассказчики, ибо тщательное обдумывание сюжета уже нивелирует его пики, сглаживает анекдотическую соль. Так, кстати, рождаются максимы, афоризмы — быстро!. Вторые пишут прекрасные романы, повести. Понятно, что они же пишут и на моральные темы.

Новеллист, так упрощенно и суженно наречем авторов первой группы, размышляет и анализирует ничуть не меньше романиста (так упрощенно...). Но вся основоразличающая их суть в том-то и заключается, что романист вживается в мир фантазируемого его творческим мышлением героя, он привязывает его к себе намертво сюжетной линией, пока еще мертвого (как в известной римской казни убийцы — к слову) и носит, таскает на себе, пока не оживит художническим колдовством. Другое совсем дело новеллист: мысли его более эклектичны по итоговым, целевым, как сейчас говорят, устремлениям. Он не может представить, а, следовательно, и искать художественное самоутверждение в заранее задуманном и обдуманном сюжете. Мысли его о

себе, человечестве вообще, о боге и о природе, о старшем дворнике Никифоре, о современной и прошлой политике, об уроках и футурологии истории прыгают, связываются в звенья, распадаются, комбинируются. Лихорадит. Натура такого художника более нервическая, возбудимая, а потому и маскирующаяся обычной методой: иронией и скепсисом. И вот, в какой-то цепи вроде случайных ассоциаций является нужная мысль. Она и проста на вид, до смешного примитивна, но творческое подсознание выбирает ее, именно в ней оно готово и может художественно выразить своего рода неосмысленное «творческое либидо», тоску по художественности выражения мысли. Все дальнейшее — творческий запой, напряжение озаренного ума. Тотчас сама по себе сплетается из звеньев цепь, а звенья-то, пустяшные и негодные по виду, давно собраны запасливым глазом, ухом, выдернуты из случайных мыслей и догадок. И нужно скорее записать на бумаге ли, в голове, пока не распалась цепь мыслей, ассоциаций. Вот отчего рассказ, новелла не содержат ничего лишнего: все в ней полно и плотно, лишние сюжетные ходы и запасные идеи отсечены. Именно так рождается рассказ и новелла. А новелла, спасибо тому литературоведу, кто дал такое верное определение, по мыслям — роман, по содержанию — сама занимательность, по форме и объему — рассказ, притча. Так писал Чехов.

Но в душе каждого художника живет мысль о большом полотне, о романе. Все доводы за это; нужен роман, следует высказаться полностью и до конца. Не знаю, заблуждения ли это, истина или, может быть, некая патология художественно-образного мышления, вроде как каждый профессор должен быть с бородой, а каждый охотник застрелить волка, тигра, бекаса, ворону... смотря по возможностям. Но предельно четко представляется: что следует из начала, из желания писателя-новеллиста, писать роман, полотно. Почему-то, как на экране немого кино, это видится: обдумана *общая* сюжет-мысль; это уже главный путь к неудаче; художник-эпик обдумывает его в деталях, наоборот, может, пока еще не сознавая общей идеи, а новеллист — по отношению к романисту — антипод. С тем же лихорадящим творческим

возбуждением, с каким пишется первая фраза рассказа-новеллы, автор начинает эпопею. Но он заранее слегка остудил себя, понимая отчетливо, что единым запалом здесь многого не сотворишь. Хорошо представляешь это затягиваемое творческое возбуждение, вроде как оттягиваешь начало изысканного пиршества. Так и автор наш чувствует, обоняет радостный пир нового и желанного в мыслях давным-давно жанра творчества. Написано широкое эпическое начало. Импульс все еще будоражит, явства первые опробованы, дело движется: расставлены персонажи, сделаны все завязки, очерчены приблизительно и характеры. Есть терпение, есть интерес, есть радость творчества, работает фантазия, сюжет лепится, как сам по себе, и кажется, что будет виться и лепиться до победного: *vivat!! ενριχοξ!!*

Но однажды утром, после месяцев упорного труда, автор-новеллист теряет управление романом, правильнее сказать, мысль его вышла из-под контроля, и автор встал в тупик; простой и детский вопрос видишь у него: а что я сказать-то хотел? Это конец эпопеи, ибо тощая корова пожрала корову тучную, и не в земле египетской, а на страницах рукописи. Изогнутым вопросом и вопросом утвердительным все закончила мысль: а ведь новеллой в десять страниц я это расскажу лучше и доходчивее. Но чтобы выйти из положения с честью и достоинством, автор, потерявший всякий интерес, как любая нервно-человечески-возбудимая творческая натура, к неудавшейся эпопее, наскоро сводит все сюжетные линии, оканчивает писание. Выбросить жалко. По себе каждый знает: как жалко выбросить любой тобою исписанный лист бумаги. Он его оставляет, впоследствии несколько правит, убирая слишком лишнее. Так получается кентавр литературы: с головы — роман, с хвоста — новелла. И по самой структуре кентавра невозможно убрать голову, следы романа; тогда опять придется выбросить исписанную бумагу, а жалко. А если автор талантлив, то и напрасно. У него и кентавр смотрится чуть необычным, но привлекательным зверушкой.

◆ Впервые напечатанная повесть «Три года» («Русская мысль», январь-февраль 1895 г.) носила подзаголовок «рассказ», но следы неудавшегося ро-

мана столь явно видны в повести, что этот-то подзаголовок и несет специальную нагрузку: сообщить читателю, что-де, несмотря на завязку романа, автор своего рода авторским же принуждением свел эту завязку незадолго до кульминации к рассказу, повести, причем, повести именно в том смысле, как рассказовое обрывание завязавшихся сюжетных линий романа. Более того, известно, что при подготовке повести для собрания сочинений Чехов старался, по мере возможности, снять с нее наметки романа: прежде всего он сократил бытовую детализировку, затем уменьшил характеристики персонажей; значительное число стилистических исправлений преследовало ту же цель? Ведь есть же некий закон стилистики художественного языка, определяющий специфику стилистической окраски жанра в отношении его к более пространному [от повести к роману] или к более сжатому [от повести к рассказу, новелле, фельетону] жанру?

Особенно, как отмечается во всех исследованиях, либо комментариях к повести, сильной переработке Чехов подверг характеристику Лаптева, описания его бесед с друзьями, друзьями Юлии, сами его отношения с Юлией. Более сжатая, плотная перекомпоновка характеристики главных персонажей — наиболее характерный момент новеллизации романа, особенно в части замены описательных характеристик характеристиками взаимоотношений и поступков; чем и отличается в этом смысле новелла от романа. Убираются мысленные монологи Лаптева о его чувствах к Юлии (до женитьбы), разговоры о модных течениях в среде интеллигенции, характеристики Лаптева как дилетанта в части искусства и пр. Все это подробно исследовано литературоведами и подтверждает мысль всякого впервые читающего «Три года» и догадывающегося о причинах медленной завязки и быстрого, сжатого конца, обостренной кульминации, словом о рассказовом окончании только-только развернувшегося романа. И самое-то интересное, что даже тщательной «чисткой» Чехов не смог убрать явные следы романа. Кроме того, существуют и фактические доказательства замысла и начала воплощения романа: в письмах (например, М. П. Чеховой от 22.09.1894) Чехов сообщал, что пишет

«роман из московской жизни». Некоторое время спустя он уже сообщает, что работа над романом кропотливая и требует массу труда. И, наконец, спустя несколько месяцев, в письме к Е. М. Шавровой (от 4.12.1894) он пишет: *«Замысел был один, а вышло что-то другое, довольно вялое и не шелковое, как я хотел, а батистовое... Надоело все одно и то же, хочется про чертей писать, про страшных, вулканических женщин, про колдунов, но, увы! требуют благонамеренных повестей и рассказов из жизни Иванов Гаврилычей и их супруг»*. Это с тонкостью до формулировок подтверждает вольные рассуждения, приведенные выше. А факт из уст (рук) автора наиболее авторитетен и справедлив, Чехов же обладал редким качеством самоанализа творчества.

Теперь, после объяснения творческо-психологических основ переконструирования романа в повесть и документального подтверждения этого факта в отношении повести «Три года», отметим по пунктам следы романа в повести, тем самым уже текстологически показав процесс работы Чехова над этим произведением, то есть, как и у Пушкина, все той же *завершенности формы*.

1. Сюжетная завязка романа есть взаимоотношения Алексея Лаптева и Юлии Сергеевны. Развитие — специфическое для жанра романа: с отображением фона (провинциальный город), введением многих второстепенных персонажей, моментами сопротивления завязке (антипатия героини к герою, нежелание их брака у отца героини и пр.) и преодоление: меркантильный интерес Юлии Сергеевны, смерть сестры Лаптева.

2. Параллельное с развитием завязки характерописание героя, чисто романический прием.

3. Наличие момента «герой открыт в характеристике, героиня скрыта», искусственное оттягивание характеристики одного из главных героев, как момент длительного поддерживания напряженности сюжета романа. Действительно, читатель так и не получает полного раскрытия характера Юлии.

4. Ввод в завязке романа многих второстепенных лиц: доктор-отец, сестра Лаптева, племянницы, Панауров, московское окружение Лаптева.

5. Принадлежность романа — биографические (героев) отступления, см., например, историю воспитания сестры Нины и ее замужества за Панауровым.

6. Довольно подробные характеристики второстепенных персонажей, например, Панаурова.

7. Завязки нескольких, пересекающихся в замысле автора, сюжетных линий: Лаптев и Юлия, Панауров и Юлия, Костя Кочевой и Юлия, Костя и Лаптев, дети сестры и Юлия и так далее.

8. Подробные описания сопутствующих основной сюжетной линии событий: болезнь и смерть Нины Федоровны.

9. Романский ход, как завязка интриги, противоречия, двигающего весь ход сюжета, — «странный брак» Лаптева и Юлии Сергеевны.

10. Подробная характеристика родной среды героя (московская купеческая семья Лаптевых), дополнение характера героя.

11. Перенесение места действия из провинциального города в Москву.

12. Бытовые описания купеческой среды, романский вариант бытоописания.

13. Введение новой группы второстепенных персонажей: московский круг знакомых Лаптева. Их характеристики.

14. Вторая любовная линия героя — «Особа».

15. Перенесение, возвращение места действия: после описания московской жизни Лаптева — опять в провинциальный город, где умирает сестра его.

16. Уточнение побочных сюжетных линий: в среде московского круга общения Лаптева.

Это основные «романные» моменты. А вот конец типично рассказовый, даже вызывает ощущение «рубки мачт» на попавшем в бурю паруснике. Автор быстро и немотивированно совсем обрубаёт все сюжетные линии, комкая конец; чувствуется, что им владеет одно желание: прекратить неудавшийся роман. Совершенно немотивированы изменения отношений главных героев:

«И когда завтракали на террасе, Яруев как-то радостно и застенчиво улыбался и все смотрел на Юлию, на ее красивую шею. Лаптев следил за ним невольно и думал о том, что, быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет... И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем? И думал: «Поживем — увидим». Последнее есть скорее вопрос автора самому себе в отношении того, что было задумано романом, а вышло рассказом, повестью.

Перечитайте этот роман → повесть → рассказ; вряд ли какой из пунктов 1–16 приведенных выше замечаний покажется вам излишним...

◆ ...Как-то в беседе с президентом Академии российской литературы (ныне – Почетный президент), одним из ведущих современных литературных критиков и видным организатором всероссийского литературного процесса, Леонидом Васильевичем Ханбековым, тогда главным редактором альманаха (правильнее, я бы сказал, журнала, ибо он выходил шесть раз в год) «Московский Парнас», мы затронули вопрос как раз о законченности формы художественных и публицистических материалов авторов «Московского Парнаса» и дружественного ему (оба выходят под эгидой Академии!) нашего журнала «Приокские зори». Явно досадливо поморщившись – разговор шел по телефону – Леонид Васильевич сказал в том смысле*, что какую-то законченность формы он может затребовать с авторов своего альманаха, если таковым зачастую лень, или нынешняя бестолковая торопливость во всем, даже прочесть ими написанное перед сдачей материала в редакцию... хотя бы самые грубые грамматические и смысловые ошибки наскоро поправить!

И еще добавил (эти слова вошли в только что упомянутую книгу, поэтому ставим в кавычках цитирования): «Сложнее всего писать короткие рассказы. Кто был мастером короткого рассказа? Правильно – Антон Павлович Чехов».

* Л.В. Ханбеков мастер на меткие, афористические характеристики; см.: Скоблов Е.М., Карагодина О.Г. Леонид Ханбеков: Шутки в сторону. – М.: Белый Ветер, 2018. – 80 с.

... То есть маститый критик, литературовед, он же поэт, прозаик и публицист, Леонид Васильевич лишний раз уверил нас в том, что написать по вдохновению произведение – от четверостишия до многотомного романа – это хотя и бóльшая часть *дела*, но не все *дело*, ибо последнее завершается *законченностью формы*. Для того-то Софья Андреевна многократно перебеляла тысячи страниц «Войны и мира» с тем, чтобы получить возврат от Льва Николаевича эти же страницы со множеством правок. И вроде бы столь легко читаемую, казалось, единонаписанную в порыве-потоке сознания «Угрюм-реку» Вячеслав Яковлевич Шишков на самом деле писал и тщательно отделивал аж с 1918-го по начало 1930-х годов...

Дело мастера боится, не умеешь, не берись, – гласит русская пословица. А раз умеешь, то, берясь за *дело*, всенепременно держи в голове: только законченность формы суть венец – делу конец! Здесь, как и в тексте только что прочитанного вами, уважаемый читатель, очерка, значение слова-термина «форма» многогранно: от языковой и грамматической выверенности до соответствия канонам обозначенного (на титуле книги и в голове автора) литературного жанра.

«Позвольте, полупочтенный! – вскричит раздосадованный поучениями (а ныне все горды, все мысленно мундиры, в том числе литературные, вождельно примеряют...) автор, – сами же, не давая покоя своей голове и рукам с зажатым гусиным пером, беспрестанно обмакиваемым в пузырек с железисто-галлусовыми чернилами, надоедливо пишете в своих «Колонках», повестях-рассказах и рóманах, что-де Молох глобализации уже напрочь во всем мире, включая бывшую 1/6 часть земной суши, ликвидировал читателя художественного слова как класс; литературная жизнь догорает на последних тлеющих лучинах («Гори, гори, моя лучина...»), а сами же требуете от нас, малоимущих от земных радостей и благ, какой-то кропотливой правки рукописей, формы соблюдения опять же, а? Неувязочка, товарищ главред, получается! Хорошо было Александру Сергеевичу и Антону Павловичу на свои повышенные гонорарии, а Пушкин еще камер-юнкерское жалованье получал

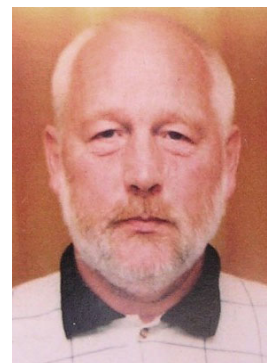
и в долг немеренно брал, благо царь, когда поэта белогвардеец застрелил (это из «Мастера и Маргариты»...), по ним сполна рассчитался, в тишине обдумывать и бесконечно шлифовать эти самые *формы*! А тут все скорей и скорей, «попашешь, попашешь, попишешь стихи» – и поскорей их в пасть интернету: читай, дескать, кто хочет – не хочу». И так далее с упреками, стенаниями, жалобами на всеобщую неустроенность и давно изъятые из сочинительского обихода гонорары.

Согласен, мой дорогой коллега по писчебумажным упражнениям. Молох глобализации, превратив всю совокупность людскую в мелкобуржуазную биомассу, в живой придаток – шестеренку своей гигантской машины, уже близок к цели: упразднить класс читателей. Но ведь авторы-то еще долго, по инерции, будут сохраняться!? Тем более – ведь для себя самих сочинять будут – не следует халтурить. Сам себе судия – он самый строгий. *Еже писах, писах.*

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член Союзов писателей СССР и России, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК САЛОННЫЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА

*Когда-то мы возьмемся за журнал!
Мочи нет хочется...*

Из письма А. С. Пушкина
к П. А. Вяземскому, 1825.

Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее – и в особенности! – через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX вв. это феномен русской литературы повторила литература норвежская ... конечно, в меньших творческих масштабах. Но – это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература – с «обслуживающей» ее критикой и литературове-

дением – в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непереносимом условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности. Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма взхлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ'и с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? – Все сотни книг «с направлениями» – слева; а справа? – Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского – а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историче-

ским меркам срок отделяет нас от русской классической литературы – первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившемуся грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человеичника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: *цифрофрения*.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развала! – это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества – и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ... Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и – от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий – не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист – *«мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*. И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун – через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. – Тула, 2016. – 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр. – это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человекинику (термин А. А. Зиновьева: как пчельник, муравейник, термитник...) безо всякой нужды – и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие – самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма, – стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и ... региональные отделения писательских организаций – их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <об-

ществственными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» – в силу творческой инерции, как машинист и паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? – Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомца прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных репутации хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы – только тайно!

... И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам – вроде как, на первый взгляд, по определению (см. эпиграф) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия – два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором – «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора – могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем заодно и русской классики. *Pax Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави, бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам такой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно взывающе. Нынешние журналы – тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном,

кружковом качестве. Главное, они уравниваются во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и – дай, бог, если таковые имеются! – читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравнивали в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнивательной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства – трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать – были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них что в баню сходить...), превращается в губернские салоны – аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама не себе в условной самодостаточности? – Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча – писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ... Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год

журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя – это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового – самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале – про книги было уже сказано выше – не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру.

...Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (редакции требуют *minimum minimorum!*), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «*Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует*». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-

Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест...», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военного цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла – раз литератор без нее обойтись не может – злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное – «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщичики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

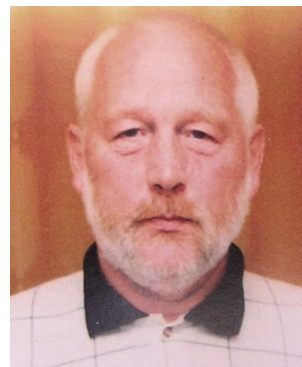
...Все сказанное, также уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее – не в интернете, но в «бумаге» – обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!» – И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

*А то – умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры –
Отживший тлен – предбывшие таланты...*

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

«СУЩНОСТНЫЙ» ПИСАТЕЛЬ РАВНИНЫ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

К 150-летию со дня рождения видного русского писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919)

Ока берет начало несколько южнее Орла. Худенькая еще в Орле и скромная, скромно восходит прямо на север, к Калуге. Медленно, неустанно пронизывает извилами зеркальными Русь чрез Рязань до Волги – светлая душа страны... В необъятной России как бы область известной гармонии – те места подмосковья, орловско-тульско-калужские, откуда чуть не вся русская литература и вышла.

Борис Зайцев «Жизнь Тургенева» (1932 г.)

◆ ... Являясь человеком военно-морского воспитания, то есть мыслящим «дисциплинарно-логически» даже в своих литературно-художественных сочинениях (не полагаем это недостатком), сначала разъясним смысл название этого очерка. Начнем с определения «равнины русской словесности», введенного нами <надеемся> в литературный обиход в интервью* к юбилею

* Равнина русской словесности: Интервью Геннадия Маркина с главным редактором журнала «Приокские зори» Алексеем Яшиным //Общеписательская литературная газета. – 2019.– № 5(114). – С. 13 (... увы, это

журнала «Приокские зори». Слова-то наши, но образы такого предмета даны многими, почти всеми русскими писателями, выходцами с этой славной для отечественной литературы равнины – см. выше эпиграф, слова замечательного русского писателя Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972), кстати, тоже юбиляра текущего года.

Но еще образнее – на то он и классик у истоков великой русской литературы XIX века! – эту «равнину русской словесности» в природном ее ареале определил Гоголь, начав с нее первую главу <уцелевших от сожжения черновиков> второго тома «Мертвых душ». С первым-то томом хотя бы по школьной программе и кинематографии всяк знаком, возможно, даже и нынешние компьютерно мыслящие «онлайкины» и «недолайкины», но не всякий простор свое любопытство до сохранившихся недописанных, недоработанных Николаем Васильевичем глав тома второго. А потому сочтем нелишним и благополезным привести ниже пространную цитату о «равнине»: *«...Вид был очень недурен, но вид сверху вниз, с надстройки дома на равнины и отдаленья, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. У него захватывало в груди, и он мог только произнести: «Господи, как здесь просторно!» Пространства открывались без конца. За лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, зеленели и синели густые леса, как моря или туман, далеко разливавшийся. За лесами, сквозь мгlistый воздух, желтели пески. За песками лежали гребнем на отдаленном небосклоне меловые горы, блиставшие ослепительной белизной даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. Кое-где дымились по ним легкие туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни, но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая подобно искре золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селенье. Все это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов,*

был последний номер всероссийской писательской газеты: понятно, по причине исчезновения и без того скудных финансовых средств).

наполнявших воздух. Словом, не мог равнодушно выстоять на балконе никакой гость и посетитель, и после какого-нибудь двухчасового созерцания издавал он то же самое восклицание, как и в первую минуту: «Силы небес, как здесь просторно!»

И самый образный певец равнины русской словесности И.С. Тургенев благодарил за ее чарующий простор и покой: «Спасибо, сторона родная...»

«Где родился, там и пригодился», – гласит народная мудрость. И это как нельзя кстати завершает определение равнины: ее великий покой и простор феногенотипически, а по-русски наследственно, по мудреным законам науки психологии воплощается в творчество писателей, урожденных и выросших в лоне этой равнины. Здесь можно долго (и нудновато!) рассуждать, апеллируя то к социопсихологии, то к этнографии – в последней к популярной в девяностые – начале двухтысячных годов теории пассионарности Л.Н. Гумилева... По всей видимости, и в самом Льве Николаевиче, создавшем эту великолепную и занимательную, но не имеющую естественно-научного базиса, теорию, ярко сказалась эта самая феногенотипика – наследственность глубоко поэтических натур его родителей: Николая Гумилева и Анны Ахматовой... Ну-у, это к слову, хотя бы и существенному по развиваемой в очерке теме. А говорить на эту тему суть *relata refero* – говорить известное об известном, как гласит латинская – на века и тысячелетия! – мудрость. И подстать ей русская – см. выше.

О «сущности» будем говорить по тексту, но таковое определение творческой манеры Андреева прочно устоялось в литературоведении. Краткое же определение таково, как не только нам представляется: сущностный – это *более экспрессивно* выразительный, но *не изобразительный* по образности писатель. Опять же – вернемся с подробностями ниже.

Наконец, может возникнуть и вопрос: почему Леонид Андреев назван *видным*, а не поименован в подзаголовке названия очерка иным титлом? ... В наше время компьютерного, то есть алогического, информационно-шумового, мышления, что есть исполнение программы Великого глобализа-

тора (родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых») по расчеловечиванию и превращению человека в биоробота, категории творческого и иного титулования нарочито запутаны. Удачливого портняжку («аршавского портного из Парижу», – как в русской классике), одевшего весь мир в «живописные» дерюжки, но с лайбой своего имени, СМИ, то есть учреждения пропаганды на 100%-ом содержании политики, *business'a* и пр. – сейчас усердных слуг Великого глобализатора, иначе как гением всех времен и народов не именуют. Что уж здесь говорить о нынешней госрелигии глобализма – футболе? То есть мощнейшем средстве обезличивания? Так здесь и высших степеней и званий СМИ не может подобрать для европейских и бразильских «кумиров мяча». Сверхгении, словом. Даже в нашем отечестве, с его футбольной глухой провинцией от мирового досуга этой славной игры, великим и гениальным порой поименуют пинателя мяча, за хулиганский мордобой попавшего в узилище... впрочем, не надолго – до скорого условно-досрочного.

И совсем не хватает эсмэи-восторгов в остепенении безголосых (зато в одних трусах на сцене) певичек, скандальных «оперных див» и иных завсегдаев телепередач «Светская хроника». Плюнуть и растереть!

...Это мы, в контексте с означенной выше экспрессией в творчестве Андрея, потому и «экспрессивно» коснулись современной практики титулования, что в русской, потом советской литературе таковая табель о рангах соблюдалась почище строгой дисциплинарности (с чего мы и начали очерк...) военно-морского устава. А именно, «сверху вниз»: гениальный, великий, выдающийся, видный \equiv крупный (то есть равнозначие), маститый, талантливый \equiv самобытный (тож равнозначие), своеобразный, известный, подающий надежды (порой и всю жизнь...) \equiv «рано ушедший и не реализовавший в полноте свой талант», «известный не только в <имярек губернии, области>, но и за ее пределами», «способный к литературному творчеству \equiv известный в <имярек губернии, области>» и так далее, бесконечно и многословно дробясь, вплоть до дипломанта литературного конкурса ЖЭУ-17 на

тому «Наш чистый двор»... И это даже не шутка. Кто был знаком с «литературной кухней» советских времен (сейчас это сугубая обстракция; остались лишь два отличия: пиарщик и шелупонь!) лично или по публицистике, а всего лучше – прочитал внимательно «Мастера и Маргариту», тот живо представит, как ревностно и подозрительно следили друг за другом труженики пера: не дай, бог, визави в аннотации к своей новой книжке проставит титул, хотя бы на 0,25% превышающий его собственный! Подспудная грызня в части писательского табеля о рангах была почище пресловутых боярских прений – считаться родовитостью – в допетровские времена. То есть сцепились в присутственном месте бояре Бярятинский и Тулубеев: кому правее стоять во фланге при входе государя. Первый вцепился в бороду второму, орет благим матом: «Да мой пращур Борята Сивоусый еще при князе Данииле Александровиче, сыне Александра Невского, вышел из угорских лесов с тремя тысячами своих ратников-язычников, принял святое крещение и был пожалован первым князем московским боярским титулом и вотчиною для прокорма. А твой-то недавний предок Тулубейка, бессермен поганый, ордынский холуенок, стремянной у захудалого темника, лишь при Ахметке-хане, после стоянья на Угре, выкрестом переметнулся под руку Москвы и выклянчил себе хилое княженье и сельцо для прокорма за счет рязанцев*!»

Извиняемся за литературно-историческое *intermezzo*, но так понятнее и веселее прочувствовать былую писательскую ревность в части «степенства». Вернемся к «титлу» Леонида Андреева в этой табели писательских рангов. Понятно, что гении суть товар, во-первых, штучный, а во-вторых, подразделяются на мировых и национальных. Мировых литературных гениев всего два: Достоевский и Шекспир (исключительно в алфавитном порядке их записываем!). В русской литературе по части гениев к Федору Михайловичу безо

* Обычная практика XV – первой половины XVI вв., когда уже сложившееся и крепнущее Московское государство «кнутом и пряником» добывало ветшающую Золотую Орду. Пряник – переманивание к себе татарских князьков с их дружинами (почти половина русских старых боярских родов с этими ордынскими корнями...). При этом уделы «для прокорма» Москва им давала... из рязанских земель – в наказание Рязани, памятуя ее былую строптивость, когда, наряду с Москвой и Литвою (нынешняя Белоруссия), она претендовала на главенство в новом (после Киевской Руси) русском государстве. Здесь историческая классика – нынешние рязанские города Касимов и Кадом, отданные Москвой татарским князьям братьям Касиму и Кадыму...

всяких сомнений добавляем Пушкина и Льва Толстого, причем, Льва Николаевича с припиской что-то вроде «по всенародному голосованию» – зато уже прижизненному, что, вообще говоря, для литературных признаний малохарактерно. А вот для германской литературы по части национальных гениев скорее всего следует назвать Гёте и Томаса Манна; возможно и Гейне. И так далее по национальным литературам – читатель сам с увлечением включится в столь увлекательную нумерологию...

На ступеньку ниже – великие писатели; поэты тож (начиная с великих – все сугубо в национальной окраске идут). Двое из них, наряду с Пушкиным, изваяны в барельефе памятника тысячелетию России в Великом Новгороде: Гоголь и Лермонтов. К ним без усилий вспоминания можно добавить два-три, даже четыре, имени из XIX – начала XX вв. и Шолохова из русской литературы советского периода.

Зато выдающихся писателей великая наша литература XIX века дала основательное число. Не обижен ими и двадцатый век: советских и зарубежных эмигрантских. Здесь бы впору и Леонида Андреева «вставить», но... по самой этимологии слова «выдающийся» полагает определение: выдающийся, <чем-то> выделяющийся из сонма (среды) равных или почти равных по таланту, творческому потенциалу, признанию, нетленности литературного наследия и пр. Причем это «выделение» именно и сугубо *индивидуальное*, но никак не в чем-либо обозначенной группе: по направлению (в русской классике это обозначалось как «романы с направлением»...), по сходству творческой манеры, по объектам бытописания или эпохе отображения и просто времени развития творческого потенциала – это как советские писатели «деревенщики» и «шестидесятники»...

Подходит ли Андреев под такое «выделение»? Вот его орловский земляк Николай Лесков, хотя бы и относимый официальным советским литературоведением (нынешнего и в понятиях нет!) к писателям «второго ряда (или

плана)», без сомнения – выдающийся писатель*: по творческой манере, по языку, по литературной и иной идеологии... словом, *во всем* отличный, выделенный *на всем* русском литературном развернутом полотне. А вот Леонид Андреев, при чтении его произведений, сразу заставляет невольно вспомнить всю «горьковскую плеяду» – от самого Алексея Максимовича (хотя Горький и ближе к определению «великий», но в своем дореволюционном творчестве) до Серафимовича и Всеволода Иванова. Хотя бы талант Андреева и творческое литературное своеобразие его несомненно выдающиеся. Но в целом под определение «выделения» Андреев не подпадает. Это прекрасно осознавало <очень квалифицированное, хотя бы, по необходимости, и с фиговым листком партполитпросвета...> советское литературоведение, именуя его *крупным* писателем. Или более витиевато: «автором произведений, ставших событием литературной жизни России».

Выше мы поставили знак равнозначия между определениями «крупный» и «видный», но полагаем более точным взять для Леонида Андреева именно второе. Что мы и вынесли в подзаголовок названия очерка. Ибо «крупность» предполагает достаточно крупное – извиняемся за невольную тавтологию – творческое наследие, которое не выходит из ареала литературного внимания, по крайней мере, для трех-четырёх последующих поколений; так нам говорили наши добрые наставники в Литературном институте – тогда под эгидой Союза писателей СССР. Но этого с Леонидом Андреевым не случилось. И здесь даже не пресловутая «комиссия Луначарского – Крупской», на достаточно долгое время и «случайно выключившая» его творчество из обихода советских читателей,* причиной, но ... действие намного более объективных обстоятельств, к которым вернемся ниже. Пока же заметим, что оба его романа «Сашка Жегулев» и «Дневник Сатаны», а также основные пьесы

* Развернутое обоснование этого утверждения см. в № 1, 2021 «Приокских зорь» в нашем очерке «Очарованный странник» русской литературы» (Колонка главного редактора); на сайте www.pz.tula.ru.

* Причина такого «случайного выключения» объяснена в материале к 140-летию писателя: Алексей Яшин. Между бурей и «Буревестником»: К юбилею Леонида Андреева (Колонка главного редактора) // Приокские зори. – 2011. – № 3. – С. 3–6. Он же вошел в книгу: Яшин А.А. Будни главного редактора: Публицистика 2008–2012 годов / Предисл. Л.В. Ханбекова: Академия российской литературы. – М.: «Московский Парнас», 2012.– 516 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). – С. 246–251. Обе публикации см. на сайте www.pz.tula.ru

(«Анатэма», «Каинова печать», «Царь Голод», «К звездам», «Жизнь человека») ... как бы это помягче выразиться? – не закрепились в литературном обиходе.

Словом, вроде решили поначалу кратко пояснить выбранное название очерка, а получились – впрочем все по теме – и своего рода пролегомены к исследованию творчества *действительно видного*, глубоко своеобразного, «сущностного» писателя равнины русской словесности. ... Никому не обидно и интригует.

◆ Итак, «случайно выключенного» из советского литературного обихода, как бы сказали на современном сукожном языке – «по формальным признакам» (поехал на дачу в соседнюю финскую деревушку Нейвала – а кто из столичных жителей даже среднего достатка не имел дачи в тогдашней российской Финляндии – и оказался уже в чужой стране, где и дожил последние два года своей жизни – вот и попал, как «эмигрант», в проскрипции Луначарского – Крупской...), Леонида Андреева возобновили печатать лишь с конца 50-х годов. Может поэтому первой его книгой, попавшей мне в руки, стал приобретенный в тульской «Буккниге», удивительно богатой в семидесятые годы на дореволюционные издания, переплетенный том «нивского» издания собрания сочинений Андреева. Так получилось, что именно в этот том вошли наиболее известные его произведения: «Жизнь Василия Фивейского», «Рассказ о семи повешанных», «Христиане», «Жертва», «Иуда Искариот», «Красный смех», пьеса «Анатэма». А из отзывов современников о Леониде Андрееве почему-то запомнились следующие два.

Приобретя все в той же «Буккниге» солидный на вид том из Юбилейного полного собрания сочинений Льва Толстого в девяноста томах (1928–61 гг.) за номером где-то за семьдесят, то есть один из тридцати томов писем, с наслаждением библиофила в душе посвятил ему неделю вечеров. И в одном из писем Толстого, не помню кому, и нашел запавшую в память фразу, в которой Лев Николаевич, сравнивая Горького и Андреева по творческим воз-

возможностям и художественным манерам письма, первенство среди них однозначно отдавал Леониду Андрееву...

Второе запомнившееся суть сценка, описанная кем-то из современников писателя, быть может известным литературным мемуаристом Николаем Телешовым, а может популярным в то время фельетонистом Власом Дорошевичем, «всероссийским королем фельетонистов», как его именовали? – но сценка следующая. На большой литературный вечер «со чтением» вместе приходят Горький с Андреевым, оба в принятой тогда в «круге Горького» одежде: заправленные в высокие смазные сапоги широкие брюки из «чертовой кожи», того же цвета бесформенный расстегнутый пиджак, под которым светлая косоворотка навыпуск и с тонким пояском. Первым из ранее прибывших писателей им встретился Иван Бунин, эстет, щегольски одетый, едва ли не в смокинге, с безукоризненной прической (а Горький с Андреевым нарочито взлохмачены...) и холеной бородкой. Изобразив на лице нарочитую недоуменность, Иван Алексеевич своим бархатным голоском обращается к вошедшим: «А-а вы, господа, охотники?»

Вот такие они «орловцы»: Бунин и Андреев, почти одногодки по рождению. Снова обратимся к эпиграфу – словам Бориса Зайцева о той местности орловско-тульско-калужской, «откуда чуть не вся русская литература и вышла». Именно «орловский куст» здесь наиболее плодоносен: И.С. Тургенев, А.А. Фет, Н.С. Лесков, И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, Б.К. Зайцев... Хотя бы последний и был увезен годовалым ребенком из Орла в Калужскую губернию, учился в гимназии и реальном училище в Калуге, но родовая его память – орловская. Потому и говорил он в последнем своем интервью, перешагнув за девяностолетний возраст (умер в Париже в 1972 году): *«Прорезает Ока чуть не всю среднюю Россию – на ней расположен Орел Тургенева, Лескова, Бунина, Леонида Андреева»*, – упоминая любимых своих земляков и писателей.

Действительно, самая русская река Ока – «литературный магнит» на равнине русской словесности. Ведь и родовое имение Николо-Вяземское Толстых тоже на границе Тульской и Орловской губерний, ныне областей,

близко к Оке, «худенькой еще в Орле», – по словам Бориса Зайцева. На все той же тульской земле не только Льва Толстого подтягивал литературный магнит Оки, но именно в приречном тульском Белеве, давшем России Жуковского и братьев Киреевских, бурлила в XIX веке в дворянских усадьбах литературная жизнь. И замечательный современный писатель Виктор Греков, автор исторической дилогии «Кара» (о подходе Святослава на хазар кружным путем – по Оке и Волге), тоже родом и проживанием из Белева – «страны князей».*

◆ Раз речь зашла о писателях «орловского куста», то в первую очередь отметим самую объединяющую их черту – и в прямой связи с их «коллективным» характером, своего рода порождением существа равнины русской словесности. А именно: все они урожденные патриоты, то есть не квасные, не по должности, не по пропаганде и пр. Раз заговорили об Андрееве и Бунине, то и возьмем их для примерного рассмотрения. Случайно оказавшись «эмигрантом», о чем уже говорилось, Леонид Андреев, человек к тому времени практически аполитичный, даже помыслить не мог о каком-либо противостоянии России, хотя бы уже взбаламученной, большевистской, от которой тот же Горький, автор «Матери», почти что <временно> отрекся... Андреев, не раздумывая и не обдумывая, отказался от предложенного ему поста министра пропаганды в правительстве «Северной армии» Юденича. И за неделю до своей смерти пишет в письме к Н.К. Рериху: *«Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача в Финляндии... Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный мой дом – искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома – холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом – чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества...»*.

* Принятое в истории поименование порубежных мест по Оке в ее западном и северо-западном обрамлении тульской земли. В XV – XVI вв. именно по этим участкам реки проходила граница между Московским государством и Великим княжеством литовским. Остерегаясь войн (одна кровь, один <русский> язык...), те и другие переманивали поречных соседей – в застольях с водкой и зубровкой, соответственно – в свое подданство, щедро раздавая скромным сельским дворянам-помещикам княжеские титулы навроде князя Старосельского... Так и получилась «страна князей».

... Из всех русских писателей послереволюционной эмиграции не сыскать более последовательного, непреклонного, в чем-то даже активного недоброжелателя, ненавистника *Советской* России – с логическим ударением на первом слове. От самого отъезда за границу – «Окаянные дни» как апофеоз антисоветчины! – и до окончания жизни (1953 г.) этот «классик рубежа двух столетий», как его назвал К.А. Федин, мучительно тосковал по «Руси ушедшей» и клял Русь советскую. В предвоенные годы даже несколько заигрывал с врагами своей родины, но и его таки прорвало в разгар войны. Имеется его дневниковая запись о том, что при всей его отрицательности современного строя в России, тем не менее уже второй день он просыпается с тревожной мыслью: как бы ничего не случилось со Сталиным на пути в Тегеран на встречу с Рузвельтом и Черчиллем! Действительно, прорвало...

Как Бунин, весь мысленно и душевно в старой России, пишет в эмиграции самое свое значительное произведение «Жизнь Арсеньева» (1927–1933), так и другой орловец-эмигрант Борис Зайцев завершает свое дореволюционное творчество повестью «Голубая звезда» (1918; сам Зайцев называл ее романом). Пережив почти всю «старую» эмиграцию, бессменно состоя председателем парижского союза русских литераторов, Зайцев не являлся ненавистником Советской России, но, как и Бунин, жизнь и творчество его остановилось в России прежней. Он пишет в «Слове о Родине» (1938): *«В России мы некогда жили, дышали ее воздухом, любовались полями, лесами, водами, чувствовали себя в своем (выд. Б.К. Зайцевым. – А.Я.) народе. Нечесанный, армяжный мужик был все-таки родной, как и интеллигент российский – врач, учитель, инженер. Жили и полагали: все это естественно, так и надо, есть Россия, была и будет, это наш дом и особенно с ним мудрить не приходится».*

... Такие вот они разные, орловцы, но в сущности как братья-близнецы в отношении к родине, к России, ибо вскормлены равниной русской словесности и, добавим еще, «магнитом» самой русской реки Оки. – Это как соседняя

Курская магнитная аномалия... Опять же не признаваемая «высоколобыми» академистами теория пассионарности Льва Гумилева.

Что уж здесь говорить о старших орловцах – Тургеневе и Лескове? Это подлинные певцы, гомеры равнины русской словесности. Какие щемящие строки тоски по родине писал Тургенев из своего зарубежного далека?* А о Лескове см. «Колонку» в № 1, 2021 «Приокских зорь». – Там все сказано, что можно сказать в рассматриваемом контексте. О тоске же оказавшихся в эмиграции русских писателей, орловцев Бунина и Зайцева в особенности, «точно в цель» пишет Олег Михайлов (в послесловии к тульскому изданию «Жизни Арсеньева», 1985), известный современный литературовед: *«Этот страх забвения был стократ усилен порвавшимися связями с родиной и народом. Лишенный притока непосредственных впечатлений о русской действительности, Бунин вызывает в памяти «горький и сладкий сон прошлого» – воспоминания детства и юности. Здесь он не одинок (выд. нами. – А.Я.). Почти все те писатели, что оказались в эмиграции, обращались – с большей или меньшей широтой типизации – к художественным мемуарам».*

... Тоска по родине, страх забвения родиной: от всего лишь двухлетней <случайной> «эмиграции» Леонида Андреева до ушедшего из жизни в 1972 году Бориса Зайцева.

◆ В самый творческий период своей, не достигшей и пятидесятилетия, жизни имена Горького и Андреева в русской читающей публике являлись почти что синонимичными: от иронического бунинского «А-а вы, господа, охотники?» до сотрудничества с одними и теми же издательствами, в одних и тех же изданиях (в том числе созданных Горьким), тесного сродства направленности творчества, мощи раскрытия их талантов, участия в общественно-политической жизни (Андреев даже пару недель под тюремным замком просидел...). Эти десять лет искренней дружбы, плодотворного сотрудничества резко прервались в начале 1910-х годов после публикации Леонидом Андре-

* Мы придерживаемся, так сказать, конспирологической версии почти постоянного пребывания Тургенева в Европе: русский резидент «разведки общественного и политического мнения» на Западе. Это мы обосновали в материалах к 200-летию нашего великого писателя, опубликованных в «Приокских зорях» и в «Общеписательской литературной газете», а также в своих публицистических книгах.

евым рассказа «Тьма», резко осужденного тогдашней общественностью, наэлектризованной событиями первого пятилетия после революции 1905-го года: реакция власти («Не могу молчать!» Л.Н. Толстого), конституция, думский парламентаризм, новая активизация революционной деятельности и пр.

Говоря об отношениях Горького и Андреева, опять же рискнем обратиться к конспирологии, тем более, что в литературоведении она суть «рабочий метод». Итак, вернемся к причине внесения имени Леонида Андреева в проскрипционные списки комиссии Луначарского–Крупской. Интуиция подсказывает, что менее чем двухлетняя «эмиграция» по ту сторону границы с Финляндией, только что являвшейся частью Российской империи, явно «не тянет» на проскрипцию. И это при всем том, что в период «бури и натиска» русской литературы критического реализма начала XX века ближайшими соратниками и единомышленниками Леонида Андреева как раз являлись Горький, Чехов, Куприн, Серафимович, Вересаев, тот же «пишущий» Луначарский. То есть, логически рассуждая, с позиции официальной советской литературной историографии автор «Рассказа о семи поведенных» (возможно и «Красного смеха»?) должен бы был занять свое достойное место «между бурей и «Буревестником», то есть между реалистическим, художественным восприятием предреволюционного состояния всего русского общества и собственно призывом к радикальному обновлению одряхлевшего государственного устройства России. Символом же такого призыва стал «Буревестник» Горького.

Но как раз Алексея Михайловича осторожное, сверхполиткорректное советское литературоведение почти что намеками и обозначает как «полутайного» инициатора забвения Леонида Андреева. Автору этих строк до определенного времени не давала покоя головоломка: да, «рука» Горького здесь прослеживается однозначно – упомянутая «комиссия» в определенной мере ориентировалась на его мнение, – но что явилось причиной? Ведь более близких товарищей по литературным и политическим убеждениям, по личной дружбе (опять же см. «охотников»), нежели Горький и Андреев, в кругу

русских писателей-реалистов 1900–1910-х годов и не было. И в творческом реноме, и в поведенческом плане они воспринимались почти как братья-близнецы. Повторимся...

И так далее, и во всем. Опять же причину конфликта Горького с Андреевым, точнее – причину «руки» первого в забвении творчества Андреева (а это семнадцатитомное прижизненное собрание сочинений, СПб, 1910–1916), то же политкорректное литературоведение видит не столько в публикации Андреевым «Тьмы», обруганной демократами и либералами как ренегатское, сколько в известном «женском вопросе», возникшем в отношениях двух писателей. Но и это не складывается, ведь здесь проигравшей стороной, обидной для любого мужчины, оказался именно Андреев. Возможная разгадка таковой головоломки скорее всего кроется в том сравнительном отзыве Льва Толстого о Горьком и Андрееве, содержание которого приведено выше. Лев Николаевич, как первейший авторитет в тогдашней русской и даже мировой литературе, прямо припечатал: он ставит Леонида Андреева в творческом плане выше Горького! По-человечески это понятно: «Рассказ о семи повешенных» и «Жизнь Василия Фивейского» куда как ближе к нравственным исканиям позднего Толстого, нежели босяцкие рассказы и «Мать» Горького. Опять же Лев Николаевич известен своей неординарностью в индивидуальной и сравнительной оценке творчества канонических и современных ему художников слова. Достаточно вспомнить его негативное отношение к Шекспиру (самому Толстому драматургия, мягко говоря, не удавалась – опять же можно «подковырнуть»...). В то же время он высоко ставил таких, столь нелюбимых «передовой общественностью» начала XX века писателей, как Михаил Арцыбашев («У последней черты»^{*}), Федор Сологуб («Мелкий бес») – не путать с графом В.А. Соллогубом, автором знаменитого «Гарантаса» (1845 г.), Дмитрий Мережковский («Христос и Антихрист»), хотя бы их

^{*} Валентин Пикуль свой известный роман о Григории Распутине назвал «У последней черты» (может не знал об арцыбашевском?), но во втором издании название изменил...

писатели-демократы и клеймили порнографистами, мистиками и декадентами.

Но – слово сказано, а Алексей Максимович, при всех его творческих и личностных достоинствах, как и всякий большой писатель, пришедший в большую же литературу «своими шагами», очень щепетильно относился к оценке своего творчества. И тем более в советский период его жизни, когда он практически ничего художественного не создал, исключая пьесу «Сомов и другие» – малоудачную и, как говорится, написанную не ко времени. (Имеем в виду период жизни Горького, когда он окончательно вернулся с Капри в СССР).

... И Горького здесь можно понять: слишком сильный разбег он взял в первую половину своей жизни, раньше времени «выложил» как художник слова. Такое часто бывает с писателями. Тот же классик русской советской литературы Михаил Александрович Шолохов.

Конечно, здесь *нельзя и недопустимо* все упрощать: что-де обиженный отзывом Толстого Горький приказал «сбросить Андреева с корабля истории» – в духе идеологов Пролеткульта (а затем и сам Пролеткульт задавил Союзом писателей...). Это как-то по-бабски: ах, Машка сказала, что Верка стройнее меня смотрится! Ну и вцеплюсь я в косы ... Верке! Здесь ситуация намного тоньше и изощреннее; достаточно вспомнить реалии «литературной кухни» страны в 20–30-е годы, что так блестяще описал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите» (повторяемся...). Среди пестрого состава тогдашних столичных литераторов и окололитературных лиц, где наиболее напористыми являлись пролеткультовцы и «набежавшие классики одесской литературы», было немало подхалимов и вообще державших постоянно нос по ветру – «чего изволите?» Да тут еще Иосиф Виссарионович назначил Горького главным писателем страны, поручив в рамках созданного Союза писателей СССР разгрести авгиевы конюшни литературного пестроцветья указанных выше годов... Эти-то подхалимы и прилипали «чего изволите?» и оттеснили Леонида Андреева в «попутчики», помятуя тот самый отзыв Льва Толстого.

А дальше, вплоть до 80-х годов, все шло по накатанной по главенствующей в советском литературоведении инерции. Даже после возобновления печатания книг Андреева в конце 50-х годов, в официальном мнении писателя относился к некоему третьему разряду. Так в первом томе Малой Советской Энциклопедии (1958-й год) Леониду Андрееву уделена треть <полустраничной> колонки – без фото и с обтекаемыми эпитетами: «содержит черты критического реализма», «творчество Андреева остается противоречивым» и так далее. Даже не упомянуто лучшее – это не только наше субъективное мнение – произведение Андреева: рассказ «Бездна».

... Написанное выше – не просто занимательный экскурс в «литературную кухню», но косвенное подтверждение того факта, что творчество Леонида Андреева при его <не столь и долгой> жизни и в последующее столетие, то есть до наших дней, принадлежит, по словам Горького, *«человеку редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественному в своих поисках истины»*.

Эти слова охотно подтвердит всякий читатель и почитатель русской литературы, тонко чувствующий художественное слово. Есть в литературном процессе такое понятие, как «дуновение свежего ветра». Растолковать его можно следующим сравнением. Как на человека, живущего на берегу моря и уже привыкшего к ровной штилевой погоде, стоящей не один день, в этой сонной размеренности вдруг налетает резковатый, йодистый ветерок – предвестник скорого шторма, так и на читателя действует «дуновение свежего ветра», когда при долгом чтении великолепных книг классики ему вдруг попадает в руки том нового для него писателя. Не только для него нового, но и для всей устоявшейся традиции литературы.

... Вот именно такое ощущение автор этого очерка и испытал, когда (см. выше) в тульской «Буккниге» приобрел и на едином дыхании прочитал том Леонида Андреева «нивского» издания 1912-го года. Кстати говоря, такое же ощущение испытывал, впервые читая книги упомянутых выше – в связи с Л.Н. Толстым – писателей: Федора Сологуба, Дмитрия Мережковского и

Михаила Арцыбашева, то есть всех тех писателей – а Сологуба еще и великолепного поэта (см. его «Нюрнбергского палача»), – каждый из которых, как и Леонид Андреев, ранний Горький, «свежего ветра», чей талант сравним, а в чем-то и превосходит, с признанными классиками русской литературы второй половины XIX – начала XX вв. Но им опять же «повезло» попасть в проскрипционные списки достопамятной «комиссии», то есть до окончания века минувшего их имена и книги были изъяты из литературного процесса. Самое обидное, что были изъяты именно на тот (советский) период, когда наша страна являлась действительно самой читающей в мире. Такого феномена нигде и никогда больше не было, а теперь и не будет... Сейчас – читать не хочу, но дорого яичко в пасхальный день. Время и эпоха чтения от России ушло, а нынешние «гэджики» не для чтения Великим глобализатором предназначены, но ... как бы цензурно выразиться? – для эскалации умственного онанизма. Грубовато, но по сути верно.

Опять мы о грустном и на тему деяний Великого глобализатора, оно же конспирологическое Тайное мировое правительство. Ладно, не будем в литературоведческом очерке зацикливаться, подобно тому вошедшему в историю римскому сенатору, что каждое заседание этого учреждения начинал одними и теми же словами: «Карфаген должен быть разрушен».

◆ Давайте, уважаемый читатель, несколько отвлечемся на умозрительные рассуждения – ведь не телеграфным же нынешним стилем «емэйлек» и «эсэмэсок» (господи, до какой мерзости дошел современный американо-нижегородский язык!) общаемся!

В первой своей изданной книге «На островах» (Приокское книжное издательство, 1987) – из времен, радовавших авторов солидными гонорарами, пристойными тиражами и всесоюзным распространением по книжной сети, – собственно дипломной работы в Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР (да-да, тогда Литинститут принадлежал Союзу писателей!), «стержнем» являлась повесть «Неравнозвенная цепь». И название

этой повести, как новый «литературный топоним»*, отметил один из <трех, как принято в Литинституте> рецензентов той дипломной работы – писатель с громким в то время именем... В приложении же к означенной выше цепи, последовательности явления талантов орловского литературного куста, такая, несомненно, ближе к равнозвенной по степени индивидуальных литературных талантов, а если в чем-то неравнозвенна, то лишь по форме их осуществления. На то и писатель, великий, выдающийся, крупный – хотя вся эта «табель о рангах» слишком уж отдаёт до боли родной (да-да, родной – куда же от нее денешься-то...) суконно-цинковой бюрократией! – чтобы иметь свое, только одному ему данное <талант дается, а не приобретается, особенно в поэзии> лицо.

Если рассуждать что называется «смаху», то нынешнему человеку все эти славные орловцы видятся где-то далеко, в давно ушедшем времени – и навсегда ушедшем. Но подумайте – так ли это все далеко в цепи поколений? Пройдитесь хотя бы по своей родословной – и ощутите явственный озноб то ли непонятого вам восторга, а может мурашки от исторической близости к вам времен, о которых только читали, на экране видели? Прикинет так и этак человек старшего возраста и получит: а ведь он-то, заставший уже в зрелости советскую действительность, сейчас три десятка лет живущий в антиподе той действительности и попавший в эпоху торжества Великого глобализатора с его умозамещением и цифрофренией, всего лишь *в третьем-четвертом поколении* как не является (не родился хотя бы) крепостным крестьянином!?

... Точно также и с писателями-орловцами. У истоков их цепи, в немыслимо вроде бы давние, полулегендарные времена, родился первый из них, означенных – Иван Сергеевич Тургенев. Подумать только – когда он лежал в своей колыбельке, Пушкин, сам еще юный, только-только принял напутствие в поэтический путь: «*Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил*». А в доме и дворе родовой тургеневской усадьбы и всех помещичьих

* Как следует из отрасли филологии – ономастики, то есть учения об именах собственных, термин «литературный топоним» следует понимать, расширенно, конечно, отвлеченно от терминологической конкретики, как фразеологизм – обобщенный литературный образ.

усадеб Срединной России тех лет, выделяясь среди прочей дворни кучерявостью, стройностью и «чего изволите?» – на подхвате у барина и барыни, суетились осевшие по барским усадьбам остатки Наполеоновской армии из числа нестроевых, поэтому брошенных первыми отступающими маршалами: полковых музыкантов, интендантских снабженцев-маркитанов, поваров и офицерских денщиков. Но как раз эта армейская обслуга не долго мерзла, побираясь по деревням *шаромыжниками* и *швалью* – спрос вызвал предложение. И вот уже отогревшиеся, одетые в новое, хорошо кормленные мусье покрикивают на кулебякистых дворовых, на барской кухне жарят аппетитные антрекоты, лангеты и эскалопы, учат барчат французскому языку и этикету – мерсикать ножкой, заводят в усадьбах театры, составляют из своих однопольчан оркестры, а из деревенских парней и девок хоры – отбирая стóящие голоса и бракуя решившую попасть на дворовую дермовщину *шантрапу* (*не шане трона* – не умеет петь!).

И это все в годы младенчества Тургенева. Десяток с небольшим лет спустя появляется на свет божий Николай Семенович Лесков. Афанасий Афанасьевич Фет самую малость отстал от Тургенева. А уже после *Положения*, отменившего крепостное право, орловская земля рождает почти одновременно Ивана Бунина, Леонида Андреева и Бориса Зайцева. Все ближе и ближе к нам, а вот последний – и действительно последний из «орловского куста» и вообще последний из старой эмиграции – дожил до семидесятих годов, когда нынешнее среднестаршее поколение училось в школе, а нынешнее старшее успело уже институты-университеты пооканчивать...

Не такая уж и далекая, получается, по протяженности цепь, если все звенья ее вспоминать в последовательности скрепления.

◆ Далекая-близкая орловская литературная цепь, равнозвенная по таланту данному, неравнозвенная по индивидуальной форме осуществления (не люблю конторской «реализации») этих талантов. Вот по части «неравнозвенности» Андреев, впрочем как и Федор Сологуб, Михаил Арцыбашев, польский (российский) писатель Станислав Пшибышевский, заметно выделялся

на фоне русской литературы начала XX века, в значительной степени сохранившейся традиции классики века предыдущего. И из «орловского куста» тем более. То есть «свежесть ветра» в произведениях Андреева в самый плодотворный для него период первого десятилетия нового века – это прежде всего новый для русской литературы показ художественными средствами динамики изменения, перевоплощения черт характера на стыке социального и биологического. Может поэтому некоторые литературоведы-модернисты и «сва-тают» Андреева к фрейдистам? Например, сравнивая его лучшие произведения с «Самопознанием Дзено» итальянца Итало Звево* – классика литературного фрейдизма (настоящее имя – Этторе Шмиц, фабрикант из Триеста)? Но быть фрейдистом – это для Леонида Андреева слишком мелко и примитивно. Здесь надо копать глубже, прочтя прежде всего «Иуду Искарюта», но особенно – «Бездну».

В этом, относительно небольшом по объему, рассказе Леонид Андреев мастерски показал, как легко человек социальный скатывается до животного, биологического вида, «расчеловечивается» – термин новейшей социальной психологии – в считанные минуты, откинув не то что мораль Христову, но и морально-этическую «тренировку» всех десяти тысяч лет эпохи цивилизации и культуры. Все рушится в человеке в единый момент. Какое же хрупкое создание природы есть человек! Как зыбки в его натуре границы между исторически воспитанным социальным и биологическим, но за которым уже миллионы лет эволюции...

Многие большие и великие художники слова стремились обыграть эту зыбкость, показать, как человек деградирует по определяющим его человеческую, гуманитарную, моральную сущность объектам: культура, любовь, женщина, деньги, семья... Но, пожалуй, только Андрееву одной лишь заключительной фразой рассказа удалось отобразить этот миг перехода хрупкой границы: *«И с силой прижался к ее губам, чувствуя, как зубы вдавливаются в*

* Звево Итало. Самопознание Дзено: Пер. с ит. / Вст. статья С. Ошерова. – Л.: Художественная литература, 1980. – 472 с. (Серия «Зарубежный роман XX века»).

тело, и в боли и крепости поцелуя теряя последние проблески мысли. Ему показалось, что губы девушки дрогнули. На один миг сверкающий огненный ужас озарил его мысли, открыв перед ним черную бездну. И черная бездна поглотила его».

... Все же для понимания, точнее – четкого осознания, отвержения творчества Андреева от фрейдизма, вот уже столетие как подчинившего себе почти всю западную литературу (к счастью – не в лучших ее образцах), рекомендуем отложить на малое время чтения этого очерка и освежить в памяти содержание «Бездны». Какой же здесь фрейдизм с его навязчивой сексуальной доминантой во всем и вся? Только мгновенное, временное, конечно, как удар тока, расчеловечивание! – в единый миг пробита та самая хрупкая граница между *homo sapiens*, почти что воплощением христианской, высшей в истории человечества, морали, и биологическим, первобытно-человеческим ... да и у пещерных людей уже были достаточно табуированные отношения между членами рода, между мужчиной и женщиной. Как говорится, могли и съесть за нарушение табу!

Как можно объяснить сюжет «Бездны»? – Вот зачин: *«Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замечали ни времени, ни дороги... И то, что впереди стало темно, не прервало и не изменило их разговора. Такой же ясный, задушевный и тихий, он лился спокойным потоком и был все об одном: о силе, красоте и бессмертии любви. Оба они были очень молоды: девушке было всего семнадцать лет. Немовецкому на четыре года больше, и оба они были в ученической форме: она в скромном коричневом платье гимназистки, он в красивой форме студента-технолога. И как и речь, все у них было молодое, красивое и чистое (выд. нами. – А.Я.): стройные, гибкие фигуры, словно пронизанные воздухом и родные ему, легкая упругая поступь и свежие голоса, даже в простых словах звучащие задумчивой нежностью, так, как звенит ручей в тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снег сошел с темных полей».*

... И так почти на десятке страниц автор все возвышает тот градус чистоты первого, трепетного любовного чувства, возникшего, пока еще романтизированного, лишь словесно развивающегося, между двумя юными людьми: воспитанными в добрых традициях явно интеллигентных семей, укрепленными чтением добрых, нравоучительных книг, образованными, высокоморальными, нравственно целомудренными. И на самом апофеозе трепетности и нежности, пока еще и не помышляя о чем-либо чувственном в проявлении близости, которая им мнится где-то еще далеко, в будущем, автор начинает развивать тему-антитезу: мрачное ночное предгорье и по ландшафту – какие-то без цели вырытые ямы, рвы, откосы, хилая растительность, ни огонька света, и по встречаемым людям, отбросам города за его пределы: проститутки нижайшего разбора, босяки (как у Горького) – все мрачно молчаливы под ступню наступившей ноги. И развязка: встретившиеся (опять по Горькому) трое обитателей подгородного «дна» избивают Немовецкого, насилюют гимназистку. Уходят. Очнувшийся студент разыскивает ее... концовка рассказа процитирована выше.

Опубликованная в 1902 году в московской газете «Курьер», в которой Леонид Андреев работал уже несколько лет штатным сотрудником и напечатал там свыше двухсот фельетонов и судебных отчетов, «Бездна» произвела фурор в читательской и литературной жизни и собственно сделала, наряду с напечатанной в последующем году повестью «Жизнь Василия Фивейского», имя Андреева всероссийски известным. Горький одобрительно отозвался о «Бездне», возможно <и подспудно> узрев в этом рассказе своего рода продолжение своих «босяцких рассказов». Но скорее всего оценил социальную значимость произведения и появления на литературной арене страны нового, крупного и оригинального таланта. Значительна – по именам и изданиям – была и критика «Бездны», склонявшаяся к тому, что автор высказывает в рассказе взгляд на человека как на вечного раба самых примитивных, низменных инстинктов. Не совсем «ловко», но в общем-то по существу, Андреев ответил оппонентам (все в том же «Курьере», 1902): *«Можно быть идеали-*

стом, верить в человека и конечное торжество добра – и с полным отрицанием относиться к тому современному двуногому существу без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось «животным»... в наивном самодовольстве культурных людей, в их незнании границ собственного я (выд. Л. Андреевым. – А.Я.) (а точнее, по ницшеанской терминологии, своего «сам») – я вижу опасность и препятствие к дальнейшему развитию и очеловечиванию их незавершенной природы».

Итак, не фрейдизм и ницшеанское *nihil*, не социальный протест (как довлеющий у тех же Горького и Короленко) заявлен Андреевым в «Бездне», как идейно-художественной предтече всего его творчества, но *сущностный* подход писателя – нового явления в русской литературе – к отображению внутреннего мира человека, опять же, на той хрупкой границе между человеческим и биологическим. Именно в такой ипостаси и следует понимать творчество Леонида Андреева – *сущностного писателя*.

◆ Как уже было определено выше, сущностный писатель – значит придерживающийся в своем творчестве преимущественно экспрессивной выразительности «в ущерб» изобразительной образности. Вообще говоря, это общетворческое противопоставление, наиболее наглядное в живописи: преимущественную экспрессивную выразительность видим у <почти что созвучных> художников-импрессионистов, у большинства – в том числе классических – пейзажистов (так на некоторых картинах Шишкина «изобразительность», то есть людей, медведей, рисовали другие художники, тот же Репин...). Типичная экспрессивная выразительность на тысячах полотен мариниста Айвазовского. Сугубо формализованный вариант экспрессии – искусство (как-то не решаемся назвать высоким слогом творчества) абстракционистов. А вот полотна реалистических художников – это вся русская и западноевропейская классика, – вершина изобразительной образности. В редких случаях, как, например, у Сальватора Дали – великолепное сочетание абстрактной экспрессии и изобразительной образности.

На что уже «самостный», в принципе отличный от любых других, вид творчества – музыка (см. ее законченное определение Артуром Шопенгауэром в первом томе «Мира как воли и представления»), но даже не особый знаток канонов ее композиции и исполнительности ответит утвердительно: и здесь присутствуют доминанты экспрессии и изобразительности. Без попыток обобщения (это надолго уведет нас от темы очерка) назовем выраженные примеры: на экспрессивной выразительности строится вся додекафоническая (двенадцатитоновая) система музыки Арнольда Шёнберга, в силу ее абстракционной составляющей иронично называемая «какофонией» – это как Никита Сергеевич на достопамятном вернисаже художников-абстракционистов сгоряча назвал их «пидорасами»... На противоположной стороне – «слухом и душой» ощущаемая изобразительная образность Девятой симфонии Бетховена и Второго концерта Чайковского. Каждый в единый миг прокрутит в голове множества примеров такой противоположности: тезы и антитезы в музыке.

Можно перейти и к естественно-научным, философским обобщениям. Тем более, что все мы сейчас живем в трагическую эпоху подавления творческого аналогового мышления утилитарным цифровым*: все это на глазах, на слуху – выгляни в окошко на улицу, если обрыдло смотреть на паскудство в телеящике... Если аналоговое мышление однозначно, без обсуждения, отнесем к категории изобразительной образности, то есть «мышления образами», то цифровое можно соотнести с экспрессивной выразительностью опосредованно, а именно: от восторга биржевого игрока, сорвавшего куш в семизначной цифре долларов, до цифрофрении (от цифра + шизофрения) – диагноза почти любого современного человека, а ведь душевные болезни всегда экспрессивно выражены, опять же, от «Я – Наполеон!» до буйного помешательства...

* См. подробное и концептуальное обоснование в работе: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Струнный квартет, или аналоговое и цифровое мышление: Монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 10 / Предисл. В.П. Казначеева, В.Г. Зилова, А.И. Субетто. – Москва – Тверь – Тула: Изд-во «Триада», 2014. – 513 с. (в электронном виде см. на сайте www.pz.tula.ru).

Однако, ограничим философствование, ибо оно бесконечно по времени и десятиям исписанной гусиными перьями бумаги. Советское литературоведение (а нынешнего и вовсе нет, исключая «дежурные» диссертации на обретение филологических степеней!) в части сущности творчества Андреева часто попадало пальцем в небо, связывая преобладание у него экспрессии над изобразительной образностью якобы недостатком у писателя широкого опыта жизненных наблюдений, обычно противопоставляя таковой у Горького, а раз опыта «практики жизни» маловато <для писателя маловато>, то остается для художественной выразительности по преимуществу экспрессивная выразительность. Что-то в этом роде мудрствовали наши литературоведы, впрочем, в общем-то представители серьезной и глубоко квалифицированной советской школы. А раз «царица доказательств суть личное признание» (извиняемся за фразеологизм от прокурора Вышинского...), то и приводили они действительно встречающиеся в письмах Леонида Андреева и запечатленные в литературных мемуарах высказывания писателя о том, что жизненный опыт его маловат, ограничен провинциальным детством и начальным взрослением, учебой в орловской гимназии, затем учебой в Петербургском и Московском университетах. Коротенькая, неудавшаяся юридическая практика, фельетонист в московской газете «Курьер», столь же внешне небогатая событиями петербургская жизнь, ее окончание в финской дачной глуши...

Все вроде бы так, но – почему такие же впечатления начальной орловской жизни другим писателем «орловского куста», писателям изобразительной образности – Тургеневу, Бунину, Зайцеву, а особенно Лескову, что называется, «по горло» хватило для их творческого самовыражения? Конечно, жизнь первых трех, с учетом длительной их жизни вне России, а у Лескова доскональное знание народной жизни, почерпнутое им за несколько лет службы в фирме «дяди Шкотта» (обрусевшего англичанина, мужа тетки Лескова), когда он торговым агентом исколесил всю Европейскую Россию, добавило к орловским впечатлениям массу новых, расширивших намного кругозор. Но ведь и Андреев в своих произведениях «орловской темы» близок по

изобразительной образности к своим великим и выдающимся землякам. Достаточно прочесть «Баргамота и Гараську», «Алешу-дурачка», «Буяниху», «Праздник», «На реке», понравившийся Л.Н. Толстому рассказ «Молчание»... И для зрелого писателя Андреева «орловская тема» нет-нет, до и проявится в своей образности: пьесы «Дни нашей жизни», «Младость» и «Каинова печать» («Не убий»), рассказ «Жили-были», роман «Сашка Жегулев».

Нет, далеко не так просто во все возрастающей по мере творческого становления Леонида Андреева доминанте экспрессивной выразительности. Последняя в любом виде творчества, не обязательно и художественного, есть, во-первых, предрасположенность сформировавшегося индивидуального характера; во-вторых, что отличительно важно уже именно для художественного творчества, наличие *коллективной тенденции*, что называется, «в данное время и в данном месте», сложившейся, но необязательно превалирующей, в художественном творчестве – как правило, не в конкретном ее виде, но в совокупности таковых. Например, реализм, натурализм, абстракционизм и пр.

Самоочевидно, для творческой личности, по мере раскрытия данного природой таланта, личностные черты характера все более воплощаются в характере (те же сущность, изобразительная образность и так далее – вплоть до, увы, патологии, как у Кафки, Ницше... и русских писателей таковое не обошло...) их произведений. Анализ мемуарной литературы об Андрееве, те же Николай Телешов в «Записках писателя», Борис Зайцев в книге «Москва», отзывы Л.Н. Толстого, Бунина, Горького, Н.К. Михайловского и многих других его литераторов-современников, позволяют «реконструировать» особенности этих личностных черт характера Леонида Андреева. Получается если не типичный, но и нередкий характер, вписывающийся в классическую типологию (К.Г. Юнг «Психологические типы»), а именно: уравновешенный в общении и образе повседневной жизни – почти флегматический тип характера, но в реализации довлеющей идеи, что и есть творческое самовыражение, переходящий в определенную степень «поспешающей» нетерпимости препятствий и полной отдаче себя этому самовыражению. То есть сангвиниче-

ский тип трансформируется в холерический. Опять же по Карлу Густаву Юнгу... Все по науке и по жизни Леонида Андреева. Эти же «смешанные» черты в его творчестве.

◆ А сейчас от личностного характера писателя перейдем к означенной «коллективной тенденции». Опять же слишком прямолинейным является известная тенденция «вливать» Андреева в современную пику его творчества (1900 – 1910 ... 1914 гг.) эпоху «взрыва» русского авангардизма, символизма, ирреальности, стилизованности и пр. и пр. Опять же вроде и сам Леонид Андреев такую мысль подает... а сословие литературоведов ох как «клюет» на поддавки! В частности, в одном из опубликованных интервью Андреев говорит: *«Художник изображает не явления, а их душу, их тайный смысл, и действительность – только его материал»*. Если понимать это текстуально, то недалеко и до некоего анекдотичного живописца-халтурщика Васю, что убеждает обескураженного заказчика: дескать, какую же я вам свалку мусора нарисовал? Это я выполнил ваш же заказ – изобразить торжественное заседание совета директоров на юбилее вашей фирмы «ООО Русский банан». На вашем словесном материале я и создал это великолепное полотно, а некоторая ирреальность – так я творчески отображаю не само явление заседания, а души присутствующих и их тайный смысл, то есть кто сколько хочет украсть... Опять же сугубый реализм сейчас не в моде, как при совке было: если доводилось бывать в приемных наших выдающихся *олигархеров*, то там на стенах только миллиондолларовые картины зарубежного и русского авангарда. А если требуете тупой реализм, то обращайтесь к покойному Илье Ефимовичу Репину (если дело на Украине происходит, то ФИО великого живописца произносится на мове: Илля Юхвимович Рэпин); он вам изобразит нужное по образцу своих «Заседания Государственного совета» и «Встречи императора Александра III в Кремле на коронации с сельскими старостами».

Действительно, с началом двадцатого века авангардизм в литературе, живописи и музыке «пересек границу» Российской империи со стороны Европы. Не устаем повторять – и всегда к случаю! – замечательное высказыва-

ние Льва Троцкого в том смысле, что Россия в европейскую цивилизацию пришла слишком поздно, поэтому она вынуждена все новации «проходить» по сокращенным <европейским> учебникам. Так и авангардные тенденции во всевозможных художественных творчествах, уже уверенно захватившие Европу, со своей предысторией и пр., в России осваивались поспешно, бурно, с восторгом неопитов, оттого несколько аляповато, крикливо, смешновато... Особенно лихо подхватили авангардизм поэты. Родиной поэтического авангардизма – абстракционизма явилась Италия со своим «горлопаном-главарем» и нищезанцем Габриэлем Д'Аннунцио (1864–1938) – помните у Маяковского: «... *Фиуме спьяну взял Д'Аннунцио*»? Отсюда и полный набор русских поэтов-авангардистов начала XX века: от футуристов и акмеистов до символистов, дадаистов и «ничегоков»... И проза не отставала – см. названные выше имена Федора Сологуба, Михаила Арцыбашева, Станислава Пшибышевского; делает свои первые опыты в литературе Всеволод Иванов, роман которого «У»* сюжетно-композиционно вполне можно соотнести с «Улиссом» Джеймса Джойса – вершиной европейского авангардизма XX века.

Но ведь такой эпатажно выраженный авангардизм к творчеству Леонида Андреева *никакого отношения не имеет!* – Прочитайте в параллель с тем же «У»? А вот «Мелкий бес» Федора Сологуба и «У последней черты» Михаила Арцыбашева вполне сопоставимы с произведениями Андреева, ибо они добротные писатели, в романах которых экспрессивная выразительность гармонично сочетается с традиционной для русской литературы изобразительной образностью.

Опять же современное Андрееву русское литературоведение и советское при анализе творчества писателя особый упор делают на соотношение между реальным и ирреальным у него, обычно именуя это ирреальное «нереалистическим» и даже «сущностным». Приведем <из того же тульского издания из-

* Полностью этот роман на русском языке (про другие – не знаю) был издан только единожды небольшим тиражом в библиофильской серии: Иванов В.В. «У», Дикая люди. – М.: Книга, 1988. – 399 с. (Серия «Из литературного наследия»).

бранного Леонида Андреева> слова писателя горьковского круга А.С. Серафимовича: *«О Л. Андрееве часто говорят, что он выходит из рамок реальный психологии, отрывается в своих произведениях от действительности.... Но, если многим кажется, что Андреев отрывается от действительности, что у него все таинственно и странно, так это потому, что не усвоили еще, не совсем поняли те новые формы, в которые Андреев вкладывает наши мысли и ощущения, наши обыкновенные чувства и рассуждения по отношению к действительности. У Андреева своеобразная форма выражения действительности. Было бы, конечно, неправильно утверждать, будто Л. Андреев идет против реального направления в художественной литературе».*

Действительно, так называемой четкой грани между «реалистическим» и «нереалистическим» в творчестве Андреева нет... да и быть не может, как то бывает у крупных художников слова. Взаимосвязанность – вот наиболее точное определение сущности творчества Леонида Андреева. Теперь, когда «методом проб» мы подошли к предтече характеристики сущности, дадим его аргументированное определение в приложении к Леониду Андрееву.

♦ Установившееся толкование сущности, как доминанты экспрессивной выразительности над <минимально достаточной> изобразительной образностью, является общим, под которое можно подвести творчество многих писателей, разнесенных по временам, по национальным литературам, по творческим потенциалам и так далее. Поэтому, когда рассматривается конкретный сущностный писатель, в нашем очерке – Леонид Андреев, то прежде всего и главенствующе ищется сугубо индивидуальное обоснование – личностные истоки такого писательского качества. Чем и займемся в этом разделе очерка.

Итак, имеем в качестве предтечи: (а) вполне достаточный для изобразительности творческого самовыражения опыт жизненных наблюдений: орловское детство-отрочество, оба столичных университета, активная работа в газетах и пр.; (б) активное участие во всероссийском литературном процессе; (в) совпадение наиболее творчески выраженного периода жизни с «наступле-

нием» литературного авангарда с Запада на Россию; (г) личностный склад характера писателя: сочетание сангвинического и холерического по типам характеров (по К.Г. Юнгу); (д) влияние Горького и участие в «горьковском» литературном круге, близость к передовым на тот момент общественным движениям; (е) отрицание капиталистического пути движения России, впрочем, после революции – и социалистического...

Анализ посылок (а) – (е) в приложении к творчеству и личности Леонида Андреева дает следующее определение его сущности. Леонид Андреев относится к тому типу писателей, которые, будучи наделены феногенотипически задатками таланта в части литературного творческого самовыражения, именно такое самовыражение предпочитают творческому же отображению реальной действительности: как наблюдаемой, так и исторически прошедшей, запечатленной, в памятниках письменности – это рассказы Андреева на евангельские, вообще библейские сюжеты: «Иуда Искариот», «Елеазар», «Бен Товит», «Царь», пьеса «Самсон в оковах», а также по тематике Великой французской революции: «Марсельеза», «Так было», трагедия «Океан». То есть самовыражение здесь коррелирует с экспрессивной творческой выразительностью, а отображение как раз требует творческого мастерства образной изобразительности. Поэтому у Андреева даже в упомянутых произведениях на исторические темы читатель собственно и не видит сколь-либо развернутой конкретики библейских, евангельских, иных времен и стран событий и описаний. То есть здесь не историзм в творчестве писателя проступает, но *литературная стилизация*. Сразу отметим, что такая стилизация с античных времен есть неременный прием литературы, но на рубеже XIX и XX веков он особенно активизировался у русских писателей; что называется навскидку, наряду с Андреевым, назовем Брюсова, известного тогда Ауслендера, поэта Михаила Кузмина...

А творческий метод литературной <исторической> стилизации как никакой другой, или по крайней мере наряду с другими, адекватен именно экспрессивной выразительности. Говоря без терминологических усложнений,

что называется попросту, понятийно: не отвлекаясь на выбор сюжета, обоснование фабулы, разработку и выстраивание композиционной схемы, писатель берет условно готовое в степени стилизации, на условной же изобразительной образности, то есть не отвлекаясь, сущностный писатель творчески самовыражается, в частности с доминантой экспрессивной выразительности.

Аналогичное видим в произведениях Леонида Андреева, сюжетно основанных на современной ему действительности: если практически во всех его рассказах и повестях (в пьесах несколько иное – здесь жанр драматургии по определению требует бóльшей образности) образы действительности и создают – в минимальной достаточности – сюжетную канву, то таковая все же и лишь поддерживает сущностную экспрессию самовыражения писателя в раскрываемой теме. Отсюда и то самое отсутствие четкой грани между реальным и ирреальным в их единстве сосуществования. В то же время Леонид Андреев есть писатель-реалист, более того, непререкаемый адепт творческого метода русского – подчеркнем это! – критического реализма. И само объективное начало и содержание его сущностных образов полностью подчинены мотивации художественной правды. Здесь его «Красный смех» наиболее типичный, правильное – типический, пример. Хотя именно к этому произведению современная Андрееву литературная критика и имела «наибольшие претензии» в части реалистичности...

Итак, воплощая в своих произведениях социальную реальность, Андреев ни на йоту не отходит от художественной правды, то есть, как пишет исследователь творчества Леонида Андреева Вадим Чуваков: *«... Конечно, совсем не безразлично, какой конкретный социальный материал, впечатления (здесь и далее выд. В. Чуваковым. – А.Я.) о каких сторонах реальной действительности обобщены и типизированы Л. Андреевым в его эмоциональных «сущностных» образах. Художественное творчество Леонида Андреева, его публицистика, его великолепные письма к современникам пронизаны единым, объединяющим их авторским настроением. Разумеется, было бы ошибкой отождествлять героев рассказов и пьес Л. Андреева с их твор-*

цом, но необходимо признать, что все они в той или иной мере несут на себе отпечаток авторского «я», передают движение авторской мысли. По существу именно эта мысль и является главным персонажем всех произведений Л. Андреева».

В таком, в общем-то совпадающем с нашим, определением сущности творчества Леонида Андреева уточним следующий момент, хотя бы неявно, опосредованно отмеченный литературоведением. Начнем, что называется, издалека, но – и типизировано.

Пусть на миг наш читатель, но из числа причастных к литературному творчеству, вспомнит: как он начинал свое приобщение к нему, свои первые опыты – здесь более характерным будет прозаический жанр. ... И не следует даже мысленно краснеть и пунцеветь, розоветь щеками и лбом, вспоминая свои первые опусы. А они, как правило, таковы: из-под вдохновенного пера, водимого вроде как даже не рукой, но восторженно напряженными умом и сердцем, в *считанные* минуты, редко в *счетные* часы, явились свету (*Urbi et orbi* – Городу <Риму> и миру, как в папских энцикликах) два-три листа испи-санной нервическим подчерком бумаги ... мы, конечно, говорим о временах, когда люди писали от руки, до появления в массовом обиходе демона-компьютера.

А на тех листках сугубое экспрессивное самовыражение, бессюжетная образность еще неловкого, в зачатке, творческого мышления, когда юному еще человеку так много хочется сказать, причем сказать в лихорадящей его голову торопливости. И кажется: так у него мало времени впереди (хотя вся долгая жизнь ожидает!), а такую массу мыслей нужно перенести на бумагу, что нет у него ни минуты времени на дела второстепенные: выдумывание фабулы, разработка даже простенького сюжета, тщательное обдумывание ключевых слов и логических ударений в предложениях и абзацах...

Вот это-то и есть юная, пока еще примитивная, только обещающая развиться и покорить весь читающий мир, предельно экспрессивно выразительная сущность начинающего дарования!

Дальше – у каждого свой путь в раскрытии этого дарования: кто-то внемлет наставлениям литературной музы в части изобразительной образности. Другой доведет ее до эпической романтической прозы, а у кого-то начальная, присущая юности, экспрессия так и останется довлеющей, хотя бы и развитой с годами творческого взросления и мужания до определенных вершин литературного самовыражения и, так сказать, *исповедальности*. Это прямо сказано и о Леониде Андрееве.

И еще существенное, но уже только о нем. Экспрессивная сущность, как требующая высшей творческой напряженности и полной самоотдачи творящего ума и переживающей души в изображении сложных, глубинных реконструкций душевных коллизий персонажей, почти неотделимых от своего *Я*, ведение внутреннего монолога – а это творческая мастерская сущность писателя – все это на пределе высшей нервной возможности. Поэтому для такого писателя, для Леонида Андреева, велика опасность творческого «перегорания». Это чувствовали его друзья и недруги по литературному цеху, видя ту самую напряженность, нервическую экспрессию, запечатлеваемую в его произведениях. И уже начиная со второй половины первого десятилетия нового века (а ведь, напомним, Андреев и вошел-то в литературу лишь в 1901 году!) все они, кто с тревогой, а иные и со злорадной усмешкой – зависти или «социального заказа» – ждали перегорания Леонида Андреева. Что, увы, и случилось к окончанию блестящего для него десятилетия.

Нет, он далеко не исчерпал свой творческий потенциал, не снизил темпы литературной работы, просто... Андреев стал терять своих читателей. Причина здесь, как нам представляется, двоякого характера. Во-первых, переход от первого ко второму десятилетию очень быстро и достаточно существенно изменил ориентиры как русской литературы, так и «окормляемой» ею читательской публики – в их теснейшей взаимосвязи. Здесь многое наложилось друг на друга, переплелось и слилось: послереволюционная (революция 1905-го года) общественная апатия, ожидание большой европейской войны, резкий переход русского капитализма в империалистическую стадию, уста-

новление в России ситуации «самодержавие + парламентаризм», а на всем этом сложнопереплетенном фоне – декадентство во всех его формах, от излишней усложненности до примитивизма, значительно потеснило классическую русскую литературную традицию, вызвав и определенный отток от нее читательской массы.

Во-вторых, как следствие такого оттока и одновременного роста этой самой читательской массы без основательного образования (пролетаризация городского населения и усиление деятельности земства на селе в части образования), относительно снизился интерес к высокохудожественной литературе, тем более требующей, как при чтении произведений Леонида Андреева, определенной литературной грамотности, необходимой практики чтения и восприятия литературных текстов достаточно сложной организации, умения «вчитываться», наконец, просто досугового времени для внимательного чтения и привычки обдумывать прочитанное. Словом, началась соревновательность «чтения» и «чтива», говоря нынешним языком.

... Вот в такую ловушку и попал Леонид Андреев. Самое печальное для талантливого писателя, когда на взлете его творчества встают перед ним объективные, то есть непреодолимые, препятствия. Сущность – инструмент творчества тонкой настройки и дисгармонии, как в исполнении, так и в восприятии, не терпит.

♦ Закон объективности, как следует из логики, в гуманитарной сфере человеческого познания суть индукция субъективных оценок. Расшифровывается просто: достоверное мнение о исторически прошлом явлении складывается из совокупности субъективных мнений современников этого явления. Так и оценка <нашего времени> личности и творчества Леонида Андреева суть совокупность отзывов о них современников, близко знавших писателя. Некоторые из таких отзывов, хотя бы кратких и частных, были приведены выше: Горький и Серафимович. Упомянутые также Николай Телешов* и Бо-

* Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. – М.: Московский рабочий, 1980. – 320 с.

рис Зайцев** , хорошо знавшие Андреева, в своих небольших по объему, но характерных воспоминаниях дают достоверный портрет писателя.

Особенно здесь важно мнение Н.Д. Телешова, бытописателя московской литературной жизни конца XIX – начала XX века, основателя известных литературных «Сред», постоянными участниками которых были Горький, Бунин, Куприн и многие другие писатели первой величины. Телешов так описал «введение» Горьким в круг «Сред» молодого Андреева: *«Вскоре... Горький приехал в Москву и в первую же «Среду» привез к нам Андреева. Это был молодой человек с красивым лицом, с небольшой бородкой и черными длинными волосами, очень тихий и молчаливый. Одет он был в пиджак табачного цвета. В десять часов, когда обычно начиналось у нас чтение, Горький предложил выслушать небольшой рассказ молодого автора. – Я вчера его слушал, – сказал Горький, – и признаюсь, у меня на глазах были слезы».*

Речь идет о рассказе «Молчание», который за засмущавшегося автора прочитал Горький. Именно с этого заседания «Сред» и воспоследовавшей публикации «Молчания» в популярном «Журнале для всех» собственно и началась литературная известность Леонида Андреева. И вплоть до скоро наступившей знаменитости все публикации Андреева проходили через чтения на «Средах». Не все проходило, так рассказ «Буяниха» был дружно отвергнут... Таково, искренне дружественное и поддерживающее, было вхождение Андреева в большую литературу... Где бы современному дарованию найти такую «Среду»?! А тогда: *«Андреев прочно слился со «Средой». Он, кажется, не пропустил ни одного собрания, за исключением тех двух периодов, когда лежал в клинике и когда сидел в Таганской тюрьме».* Горький был истинным и доброжелательным литературным крестным отцом Андреева, а тот отвечал Горькому искренней привязанностью и доброжелательностью, не изменил к нему своего отношения и после расхождения их путей – после названной выше публикации «Тьмы». *«К Горькому он относился всегда с*

** Зайцев Б.К. Голубая звезда: Роман, повесть, рассказы, главы из книги «Москва» / Сост. О.Н. Михайлов. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1989. – 365 с. (Серия «Отчий край»).

необычайной нежностью и любовью. Он был буквально влюблен в него», – пишет Телешов.

Рассказы, прочитанные на «Средах» и одобренные Горьким, составили его первую книжку, изданную в основанном в Петербурге Горьким и Пятницким новым издательстве «Знание». Эта книга и сделала имя Андреева всероссийски известным. А второе ее издание, дополненное, в числе других новых рассказов, «Бездной», создало вокруг имени Андреева явление общественного скандала... во все времена такие скандалы есть непременное условие популярности писателя. *«По поводу этой «Бездны» вокруг имени Андреева поднялся шум, визг, улюлюканье. Статьи «Нового времени» и Софьи Андреевны Толстой, громившие молодого писателя, только подливали масла в огонь, и об Андрееве и о «Бездне» заговорили все: кто – за, кто – против», –* отмечает Телешов.

Такое стремительное вхождение Андреева в широкую литературу, конечно, породило массу недоброжелателей и завистников, благо писатель и сам давал повод: рассказы его становились все более мрачными. В этом недоброжелатели видели – и предрекали – скорый отток читателей от Андреева. *«– Меня почему-то зачислили в кандидаты самоубийц. Неправда все это. Я люблю жизнь, люблю радость», –* приводит Телешов слова Леонида Андреева.

О истинном жизнелюбии и доброжелательстве Андреева говорит его преданность литературному кругу «Сред» и забота о молодых писателях. Как Горький привел его в этот круг, так сам Андреев ввел в «Среды» Вересаева и – особенно – своего земляка Бориса Зайцева с одним из первых его рассказов «Волки». Характерно, как пишет Телешов: *«Во всех его письмах за целый ряд лет, когда он не жил в Москве, всегда есть заботливые вопросы про Голоушева, Шмелева, Белоусова, Серафимовича, всегда находится несколько ласковых слов о «старушке – Среде» и о старых товарищах...»*

Телешов почти двадцать лет знал Андреева, то есть *всю* творческую жизнь писателя; знал как писателя и в обществе, в семье, на работе: *«Я всегда*

знал его как человека с ласковой, хорошей душой, умного, интересного собеседника».

Поэтому мнение такого проницательного человека очень дорогого стоит. А в контексте нашего очерка из воспоминаний Николая Телешова следует подтверждение высказанного выше утверждения о характере Андреева, близком к доброжелательной флегматичности, возможно в сочетании с элементами сангвиничности (как психологического типа). А именно сочетание такого психологического типа с творческой экспрессивной выразительностью – сущностностью является не основной, но существенной причиной как скорого творческого взлета (литературная известность здесь не является синонимом, поскольку обуславливается иными причинами – у Андреева удачным вхождением в круг «Среды»), так и, увы, столь же непродолжительного, десятилетия как у Андреева, «владение умами» широкого читательского контингента. Ибо невозможно долго держать его своими произведениями в состоянии экспрессивной напряженности. Тем более – самого себя, да еще при нехватке общего здоровья: у Андреева была хроническая сердечная недостаточность, и скончался он от паралича сердца...

◆ Борис Зайцев, как уже говорилось, был введен в «Среды» и на старт литературной деятельности Леонидом Андреевым. Поэтому в книге «Москва» своих литературных воспоминаний он не мог и, понятно, не хотел обойти вниманием своего земляка.

Если Телешов в своей книге во главу угла ставит деятельность созданных и опекаемых им «Сред» и о «средовских» писателях, в том числе о Леониде Андрееве, пишет, так сказать, приближенно к писательскому бытованию, их общению и так далее. Но вот в «Москве» Бориса Зайцева Андреев предстает нам в своей творческой мастерской. Поэтому постараемся в воспоминаниях Б.К. Зайцева найти подтверждение современника высказанным выше соображениям о сущностности творчества Леонида Андреева – попробуем и, надеемся, не ошибемся в догадках.

Зайцев особо подчеркивает, что 1901–1906 годы явились «самыми полными, радостными, бодрыми. Все его существо летело тогда вперед; он полон был сил, писал рьяно; несмотря на самые мрачные «Бездны», на «Василия Фивейского» – полон был надежд, успехов, и безжалостная жизнь не надломилась еще его».

То есть мгновенный – по обычным писательским меркам – взлет и раскрытие таланта Андреева. Отсюда и эпитеты Зайцева: радостный, добрый, полный сил, надежды, успехи. Но и короткий по времени период безудержного оптимизма писателя, что совпадает с определенной выше напряженностью труда Андреева, что есть специфическая черта экспрессивно выраженного творчества. Эта-то напряженность и есть причина столь короткого периода безудержного оптимизма, когда «светлая рука чувствовалась над ним. На его бурную, страстную натуру, очень некрепкую (выд. нами. – А.Я.), это влияние (он только что женился на А.М. Виельгорской. – А.Я.) ложилось умеряюще. Слава же росла, или деньги...» И еще характерное о встречах с Андреевым: «... Говорили о Боге, смерти, о литературе, революции, войне, о чем угодно. Куря, шагал из угла в угол, туша и зажигая новые папиросы, Андреев долго, с жаром ораторствовал. Говорил он неплохо. Но имел привычку злоупотреблять сравнениями и любил острить. Юмор его был какой-то странный: и была в нем эта жилка, и чего-то не хватало. И во всяком случае, в его писани и (выд. Б.К. Зайцевым. – А.Я.) юмор несвободен. Он не радуется».

Очень ценное и многозначительное замечание о «несвободном юморе» Андреева. Ведь юмор, остроумие во многом характеризует *работу подсознания*. Фрейд посвятил этому отдельную работу «Остроумие и его отношение к бессознательному». Действительно, общеизвестно, что «женщины юмора не понимают». Может это и преувеличено, но ... так оно и есть. А почему? – Потому что юмор суть прерогатива устной речи (писатель только переносит ее на бумагу), в каковой у женщин преимущественно «задействована» оперативная память без обращения к памяти подсознательной. Другой момент: в

любом социуме явно наблюдаются периоды «анекдотического расцвета» (анекдот – высшая форма юмора!) и времена почти без анекдотов. Так «золотые» (можно и без кавычек) советские 60–70-е годы были эпохой творчества анекдотов – вспомните себя в эти славные годы, когда рабочий день начинался с анекдотов «чапаевской» или «чукческой» серий – в курилках, но доминировали таковые о «руководителях партии и правительства». Знакомы и времена без анекдотов...

То есть удачный и обильный юмор – признак раскрепощения бессознательного, и напротив: «несвободный юмор», неудачный («чего-то не хватало») – это явное действие подспудного, явно неосознаваемого человеком самоконтроля или самоограничения над работой подсознательного, что и можно отнести к Леониду Андрееву. Но такой самоконтроль, самоограничение суть признак преобладания, в данном случае в творчестве, экспрессивной выразительности под изобразительной образностью. Конечно, сущностный писатель именно подспудно самоограничивает (контролирует) работу своего подсознания, а почему и зачем? – Потому что для экспрессивного самовыражения, в отличие от изобразительно-образного, работа подсознательного вторична, как не имеющая главенствующего значения в эмоциональной, экспрессивной реакции человека на условно понимаемый раздражитель, внутренний или внешний – основной движитель творчества человека.

В то же время, но в ином качестве, подсознание Андреева активизировалось в творческом процессе. Зайцев вспоминает: *«Помню его рассказ, что когда он писал «Красный смех» и поворачивал голову к двери, там мелькало нечто, как бы уносящийся шлейф женского платья. Бредовое писание не было для него выдумкою или модой: такова вся его натура. Его развязанное подсознание (выд. нами. – А.Я.) всегда стремилось в ночь, таков его характер; но устремление это было подлинное, и его не без основания ставили рядом с Эдгаром По, которого он знал, любил. Он нравился ему за то, что говорил о Ночи».*

Это действительно активизация подсознания в ином качестве, когда спудный самоконтроль, самоограничения не имеют того значения в творческом процессе, о котором говорилось выше. Ибо *развязанное подсознание* есть не собственно доминанта экспрессивной выразительности, но только лишь его <творческий> базис в состоянии развязанности подсознания неконтролируемо вбрасывает в активное сознание (а то ведет руку писателя...) чересполосицу образов. Для сравнения: у писателя изобразительной образности последние <образы> извлекаются активным сознанием из «кладовки подсознательного» *осознанно*, с логическим обоснованием и выбором. Более понятная аналогия: живописец ирреального призвания кладет широкими мазками – экспрессия, импрессия! – а сугубо реалистический художник четко выписывает тонкой кистью. ... Так на старинных иконах новгородского и строгановского (последние и вышли из новгородской школы...) письма даже отдельные волосы бороды того или иного святого изображены тонкими, нессливающимися линиями. Поясним: русская икона есть реалистическое отображение ирреального персонажа.

... Закончилось пятилетие творческого взлета Андреева в 1906–1907 годах: напряженность труда не совсем здорового писателя («очень некрепкая натура»), на которую наложилась смерть его жены – «*эта Ночь впервые на негодохнула*». И тогдашняя жизнь писателя за границей (Берлин, Капри – рядом с Горьким) оказалась чужой для орловца Андреева: «*жил там тяжело, бурно*», ни слова не зная «по-заграничному». Явно не на пользу пошла и дальнейшая, с 1907-го года, петербургская его жизнь: «*Что делать, я не знаю, ибо убивать себя я не хочу, в сумасшедший дом тоже не хочу, а жизнь не выходит, а тоска, поистине, невыносимая*». Смерть жены и стала для Андреева, как то случается с натурами внутренне нервическими, спусковым крючком для спадения не то что его творчества, оно все шло пока на подъем! но потери оптимизма, ожидания все новых радостей и удач в своей писательской жизни. Сущность Андреева с этой поры начинает зацикливаться на

собственных душевных переживаниях, вселенской тоске по несбывшемуся и несбывающемуся.

Определенная перебивка такого заикливания в те же года: новый творческий подъем Андреева был связан с началом его драматургии. *«Это был год, когда впервые он вступил на путь театра, – путь, давший ему славу еще шумнейшую, но и тернии очень острые»*, – пишет Зайцев о годах такого перелома.

... Начиная с нашумевшей *«Жизни человека»*, *«кончился один период, начался другой. Кончилась молодость Андреева, возросла схема, патетизм, и яснее означился надлом в душе его. В ней есть и нечто пророческое о самой жизни автора – если пророчесственность понимать широко. Умер Леонид Андреев не так, как погибает Человек, и в бедность не впал, но некоторый наклон (выд. Б.К. Зайцевым. – А.Я.) жизни своей почувствовал... Верно, что в «Жизни человека» не было уж места для березок... Никто не вправе сказать, каким должен был быть его путь. Ему виднее было самому. Но можно, кажется, заметить, что его натура не укладывалась в Финляндию и Мейерхольда»*.

И в чем-то символично, что Леонид Андреев с 1908 года поселился на своей даче у Райволы, на Черной Речке. То есть ушел он из жизни, как и Пушкин, с берега одной и той же реки...

Но до этого у него в запасе оставался еще десяток лет.

«На этой новой даче написал Андреев: «Царь – Голод», «Черные маски», «Анатэму», «Океан» и другое. Хорошо было удалиться из столицы, но это не было удалением в Ясную Поляну, столица перекочевала к нему в самом суматном и жалком облике; взвинчивала, гнала к успеху, славе, шуму и обманывала. Кто не любит обольщения успеха? Андреев жадно его вкусил и не мог уже забыть; не мог уже жить, чтобы о нем не писали, не шумели, не хвалили. Не знаю даже, мог ли он теперь писать лишь для себя, вне публики. Он ненавидел публику и поклонялся ей...» – Так определил Зайцев второй и последний период творческой жизни, и жизни вообще, Андреева. С каждым го-

дом жизни на даче, на Черной Речке, он терял своих читателей; время творчества сущностного писателя, если он не гений, всегда невелико. Леонид Андреев все более уходил, как он сам писал в письмах к немногим оставшимся литературным друзьям, от *первой действительности* в мир *действительности второй*, то есть от мира обыденности, того же быта, Андреев все более погружался в мысленно овеществляемый им мир творческих конструкций, мир сна, как он сам говорил; творческого сна – уточним. Первая действительность – суета сует, но от которой Андреев уже не может отказаться – привык к славе (см. цитату выше). Но – *«ибо само слово принадлежит ко второй действительности, само по себе оно картина, рассказ, сочинение»*, – пишет Андреев. И еще позволим себе процитировать Зайцева: *«Я видел его последний раз в Москве, осенью 1915 года. Шла его пьеса «Тот, кто получает пощечины!» Вряд ли она удачна; вряд ли совершенна, как вообще мало совершенного оставил Леонид Андреев (выд. нами. – А.Я.). Хаос, торопливость и несдержанная пылкость слишком видны в его писанин. Но как и во всем главнейшем, что он написал, есть в этой пьесе андреевское, очень скорбное, сплошь облитое ядом горечи...»*

Выделенные нами слова Зайцева – а ведь пишет благодарный друг Андреева, один из немногих оставшихся ему другом! – и следующее за ними предложения в краткой *in summa* дают *сущностное* (сущностно пишет Зайцев о сущностном писателе!) определение своеобразия творчества Андреева: в своей экспрессивной, нервической выразительности и торопливости он зачастую, а почти и всегда, забывал о доведении своих произведений до литературного совершенства. А последнее и есть критерий творческого профессионализма. ... Именно такое, вроде неявное, впечатление произвело на нас первое чтение того, «нивского» издания, тома из собрания сочинений (кстати – в семнадцати томах!) Леонида Андреева, что в давние года приглянулся в тульской «Буккниге».

И поэтому-то в начале этого очерка, рассуждая о писательской «табели о рангах», мы сочли справедливым, но вовсе не обидным для памяти Леонида

Андреева, отнести его личность и творчество по разряду *видного русского писателя*.

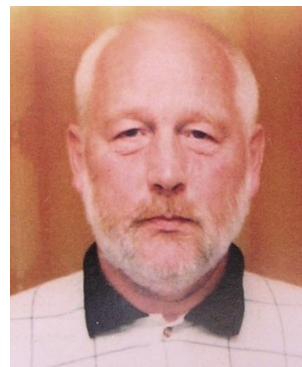
«*Тосканией нашей российской*» назвал Борис Зайцев, имея в виду литературную плодovitость, орловско-тульско-калужский край. Как мы – равнинной русской словесности. Объективности ради, мы «отказали» Леониду Андрееву (при всем уважении к его великолепному творчеству!) в титуле выдающегося – но это на фоне всей великой русской литературы. А вот на фоне литературы равнины русской словесности, давшей творчества Тургенева, Фета, Лескова, Бунина, Бориса Зайцева и тож Леонида Андреева, последнего без оговорок назовем выдающимся – в семантике и этимологии этого слова-определения: выдается, выделяется и именно как сущностный писатель с его экспрессивной выразительностью, которой сопутствовала «несдержанная пылкость», а как следствие, торопливость и недоведение своих писаний (это любимое слово Льва Толстого и Андреева) до профессионального литературного совершенства. Быстрый взлет и скорая потеря читательской аудитории – это также обратная сторона экспрессивной выразительности.

Тем не менее, Леонид Андреев есть заметное и отличительное явление русской литературы самого начала XX века. Именно поэтому его произведения не только в литературных анналах достойное место заняли, но и остались на весь прошедший век «живым чтением». О нынешнем времени не пишем – для оно и вся вообще русская и советская литература, да и нынешняя, – в нетях и искусственном забвении...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

КАРФАГЕН ДОЛЖЕН БЫТЬ РАЗРУШЕН...

Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежества (здесь и далее выд. Л.Д. Троцким. – А.Я.) – это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма – это несомненно.

Л.Д. Троцкий «Литература и революция», 1923

Какова пса ловля, такова ему и кормля.

В.И. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»

Литература как Карфаген сопротивления Молоху глобализации. Д.С. Мережковский в трактате «Л. Толстой и Достоевский» приводит слова последнего – из «Дневника писателя», – о предтече современной глобализации: «Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством – формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской

(выд. Д.С. Мережковским. – А.Я.) монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе».

Заметим уточняюще: завоевания Александра Македонского, то есть по времени предшествующие Риму в его полном могуществе, в истории не принято ассоциировать со стремлением полководца к «всемирности», поскольку в его завоеваниях выражена экспансия эллинизма в Азию, хотя уже в те времена было понятно, что величайшая цивилизация будущего родится в Средиземноморском ареале с первенством «европейского берега», а затем и всей Европы.

В концепции Достоевского о первенстве Рима в идее всемирности (глобализма по-нынешнему) Карфаген понимается как антитеза такой всемирности. Напомним для «гладкости чтения», что Карфагеном именовалась столица и собственно Финикийское государство, основанное в IX в. до н.э. выходцами из малоазиатской Финикии на территории современных Туниса и Алжира с колониями, навреде греческих полисов, на Пиринейском полуострове, в Галлии, на Сардинии, Корсике и Сицилии. То есть Карфаген как бы клещами охватывал Римское государство и контролировал всю торговлю, выступая посредником, в Средиземноморском бассейне. В результате трех Пунических войн город Карфаген был разрушен римлянами, а территория государства стала римской провинцией Африка.

Разумеется, рабовладельческий, торгово-посреднический, олигаргический и завоевательно-хищнический Карфаген не есть невинная овечка-жертва еще более хищного Рима, но мы не о социальной и иной нравственности и морали говорим, но всего лишь аллегорически представляем Карфаген символом сопротивления римской всемирности.*

... С учетом сделанных выше оговорок и пояснений назовем нынешнее литературное творчество – собственно писательство и литературный процесс в его совокупности – нынешним Карфагеном сопротивления Молоху глоба-

* В 1990-е годы, когда победивший в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне международный империализм во главе с США дробил и уничтожал нашу страну, в так называемых песнях протеста бытовало иное сравнение Карфагена: «Карфаген должен быть разрушен... Америка – нынешний Карфаген!»

лизации; а одной из актуальных задач последнего является разрушение этого Карфагена, нивелирование литературы почти что до нулевой отметки, а главное – ликвидация его «ганнибалов», то есть литературных авторитетов. В крайнем случае замена их искусственно возвращенными пиарщиками. Оно и понятно: если наличие творческих авторитетов дает стимул равнения на них, то пиарщики не дают литературных порослей, но всего только недоброжелателей и завистников. Да и то лишь из числа творчески малосильных. Кто на кого равняется, тот тем же и становится. А истинный талант изолируется холодом одиночества и вызывает недоумение у расчеловеченной глобализаторами толпы. Как сказал Оноре де Бальзак: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством».*

Следами литературного «карфагенского сопротивления» пестрит вся дорога истории – она же путь развертывания социальной эволюции. Зачастую памятники письменности былого отмечают, как знаковые события, не собственно факт и содержательную сторону этого сопротивления, но наказание за таковое. Это в характере человеческой психики; отсюда и фольклорное «считать цыплят по осени». Следы наказания литературе за ее сопротивление – инаковость взглядов на социальную действительность – тянутся со времен античности: от чаши с цикутой Сократу (в те времена философия и литература еще не разделились) и сожжения Александрийской библиотеки до остракизма римского воспевателя «науки нежной», говоря словами Пушкина, который был сослан и окончил век свой «в Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей» (это об Овидии Назоне).

Европейское Средневековье в исторической памяти четко связано с воскресными кострами на Гревской площади в Париже, в которых святые отцы инквизиции жгли не только ведьм, но и книги. Зачастую с их авторами. И в Риме св. отцы не отставали от парижских коллег. Пример тому – Джордано Бруно, сожженный в 1600 году.

... И отмахнуться нельзя, дескать, античность – это коловоротное время становления человека социального и творчески мыслящего, все могло слу-

читься; а Средневековье – это когда христианская (католическая) церковь «сама себя высекла», как та унтер-офицерская вдова из русской классики, а точнее, в спорах о выеденном яйце апостольская церковь Св. Петра реализовала известный афоризм: всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд (кто-то из антигегельянцев сформулировал; еще этот афоризм приписывают остряку Бернарду Шоу...).

Но вот наступил двадцатый век. Человечество на взлете научного творчества, а перед этим, в веке девятнадцатом, оно прошло апогей художественных творчеств, литературы «в первых рядах». И на этом фоне – повторение зрелищных артефактов Средневековья: костры из книг на площадях городов Третьего рейха. И до сих пор в реальной или иносказательной ипостасях время от времени по всему миру вспыхивают такие костры или костерки – зато долго тлеющие... С одной стороны, история имеет свойство заикливаться в пресловутой диалектической спирали, с другой же – чем умнее человек, тем чаще он наступает на одни и те же грабли. Опять-таки в полном соответствии с законами диалектики.

Сразу заметим в российской специфике, что массовое выбрасывание темно-коричневых томов полного собрания сочинений Иосифа Виссарионовича на помойки после двадцатого съезда «всех победившего Никиты Сергеевича» и нынешнее отправление туда же *всех книг без разбора* – это не след «карфагенского сопротивления», но явления иного рода, о чем речь пойдет ниже.

Поскольку мы начали (в эпиграфе) со слов Льва Давидовича Троцкого, который был и ленинским политическим «иудушкой» и блестящим публицистом, в том числе литературным, то и завершим вводный раздел его высказыванием из той же книги, разумеется, понимая эти слова аллегорически: *«Любовь Дон-Кихота не только фанатична, но и фантастична и в своей фантастичности безнадежна; это любовь к тому, что осуждено историей, борьба за то, чего отстоять нельзя (выд. нами. – А.Я.)»*.

То есть на сегодняшнем витке истории, социальной эволюции, целеуказанием которой является расчеловечивание, дегуманизация социума на этапе торжествующей глобализации, литературное творчество, как со стороны писателя, так и читателя, что *in summa* и образует литературный процесс, обречено на забвение, есть *борьба за то, чего отстоять нельзя*. Карфаген должен быть разрушен... Молохом глобализации.

Литературное творчество и самоосознание человеком своего мышления.* В эволюции человека необходимость и потребность (здесь различные доминанты!) литературного творчества, а мы здесь о нем говорим, несколько искусственно вычлняя из широко понимаемого художественного творчества, суть взаимное устремление творца и его адепта – потребителя. Извиняемся за грубовато звучащий (имя тебе – потребитель! Это девиз наших дней...) определяющий термин. Для первого литература есть творческое отображение окружающего мира, его *modus vivendi*, содержание личной жизни, для второго – побуждаемый творческими откровениями писателя *modus operandi*, образ жизненных действий и устремлений. И встреча обоих – овеществленный предмет содержания литературы: от иероглифических наскальных надписей и до нынешних компьютерных файлов. «Увы» здесь говорить не стоит: эволюция не подлежит ни восхвалениям, ни порицаниям...

Психологическую необходимость и потребность художественного, литературного познания мира исчерпывающе определил Лев Толстой: *«Вызвать в себе раз испытанное чувство и, вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок, звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство, – в этом состоит деятельность искусства. Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно, известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувство, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их»* (ЮбПСС в 90 тт., Т. 30, С. 65).

* Этимологию словосочетания «самоосознание человеком своего мышления» см. в книге: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология человека: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Том 16 / Предисл. А.И. Субетто. – Тула: Изд-во Тульского госуниверситета, 2019.– 533 с. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

Определяющий здесь термин «заражение» <искусством>, введенный Львом Толстым в широкий интеллектуальный обиход, точен, краток и всеобъемлющ. Именно от него следует отталкиваться, апологизируя и литературное творчество, как существенную категорию самоосознания человеком своего мышления.

Действительно, гоминоид, ставший «релейным скачком» (объяснение термина см. в книге, на которую выше была сделана сноска) человеком мыслящим, *homo sapiens*, обрел языковое общение, а на долгом пути от *homo sapiens* до *homo sapiens sapiens*, человека мыслящего мыслящего (это не «мышление в квадрате», но именно переход к самоосознанию своего мышления), это языковое общение и способность мыслить в языковых описаниях объектов и процессов «раздвоили», вернее – специализировали, две основные функции языкового мышления. Функционально, физиологически это выражается право- и левополушарными акцентами мышления: правое – творческое, преимущественно художественное; левое – логическое. Соответственно, функции языкового мышления суть язык как средство познания и самопознание, то есть язык является предметом и содержанием логики, и язык как средство творческого художественного отображения мира и человека в этом мире – «мире чувственных вещей»*, как назвал свою всемирно известную книгу основоположник (мировой) педагогической науки, чешский мыслитель-гуманист Ян Амос Кóменский (1592–1670).

Лейбницево определение «мир не терпит пустоты» как нельзя лучше и объективнее характеризует «занятость» языкового мышления после раздвоения его функций. То есть художественное творческое мышление, «получив на откуп» отображение внешнего мира, его объектов и процессов, а главное – отображение внутреннего мира чувствований человека, согласно определению Лейбница, стало обладателем, с одной стороны, еще пока *tabula rasa* правого полушария мозга человека; с другой же – стимул образного, художе-

* Полное название: «Мир чувственных вещей в картинках, или изображение и наименование всех важнейших предметов в мире и действий в жизни».

ственного познания внешнего и внутреннего мира, и именно с позиций *гомоцентризма*, что естественно для эволюции мышления: период субъективизма сравнительно недавно дополнился объективизмом; это видно в плане философских учений – перехода от преобладающего идеализма к материализму. А это ведь всего лишь последняя треть девятнадцатого века!

В части художественно-творческой функции языкового мышления приоритет литературы над другими видами творческого самовыражения, теми же пластическими искусствами, живописью и ваянием и так далее, неоспорим; да и несопоставим. Именно литература, начиная с древнейших памятников письменности (Египет, Месопотамия, Индия и Китай до н.э.), являлась *правильном* качественным ростом самоосознания человека разумного и далее – *разумного разумного*. То есть связь языка и мышления есть не просто корреляция двух процессов в их временном развитии и совершенствовании, но единство физиологической (головной мозг) и семантической (язык) составляющих процесса самоосознания, причем эти составляющие взаимно охвачены глубокой положительной обратной связью.

Имеем, таким образом, процесс, запечатлеваемый в его временном протекании в постоянно накапливающихся памятниках (то что было вчера – для сегодняшнего дня уже есть памятник...) письменной литературы. Заметим, что устно передаваемые литературные произведения – от гомеровских (до их записи) до карело-финского эпоса «Калевала»^{*} – относятся к фольклорному *безписьменному коллективному творчеству* и были характерны для исторически пройденных эпох социальной цивилизации человека. Таковая эпоха цивилизации и культуры, длительность которой до нашего времени принято определять в десять тысяч лет, и сформировала условно понимаемую *литературно-художественную библиотеку*, то есть свод творческого отображения «мира чувственных вещей» по мере оразумления человека. Процесс «комплектования» такой «библиотеки» резко ускорился в эпоху европейско-

^{*} Этот эпос, включающий в себя сорок рун – объем в 400 страниц современной книги, – был записан финским (по другим данным – шведским) фольклористом Э. Лёнротом в 1830-х гг. со слов сказительницы, крестьянки с беломорского побережья Карелии (В 1949 г. ее композиционно переработал Отто Вильгельмович Куусинен – член ЦК ВКП(б)).

го Возрождения и несколько веков неуклонно двигался к своему апогею: со второй половины XVIII века до окончания первой половины XX века, хотя бы эта завершающая половина и являлась инерциальной: слишком мощный разгон был взят в веке предшествующем.

... Отсюда и тема следующего параграфа.

Взросление, апофеоз и нивелирование творческой словесности. Выше на образных определениях «библиотеки» и ее «комплектования» мы проследили процесс взросления литературного творчества, как взаимодополняюще сопряженного с мышлением эволюционно прогрессирующего человека, человечества. Следствием все усиливающейся роли этого вида художественного творчества в формировании социума и, одновременно, непременным условием этой роли явилось создание института *литературного процесса*. Именно института, коль скоро литературный процесс по определению предполагает определенную организованность, структурирование и так далее вплоть до определенной «табели о рангах» участников этого процесса, а главное – создание, привлечение читательской аудитории.

Что касается «табели», это, конечно, не наше доброе русское кумовство насчет «как не порадеть родному человечку» и пр., но объективный подход к наличию фактора *авторитета*, как, во-первых, мерила таланта; во-вторых, объекта центростремления творческих личностей: не подражания, конечно, но саморазвития. ... Как корабль на море вблизи берега в ночь или непогоду ориентируется на свет маяка, но не стремится подражать ему своими огнями.

Но все же вопрос об аудитории читателей произведений литературы в ее взрослении являлся не то что основным, но *определяющим*. Уже говорилось выше, в том числе провидческими словами Льва Толстого, о различии задач <литературного> творца и его читателя. Сущность творческого поиска, как жизненной основы художника, предельно ясно определил Ф.М. Достоевский (в повести «Хозяйка»): *«Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную*

форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»

А вот читатель в период взросления литературного творчества и организации литературного процесса, как социального, воспитательного, развивающего и пр. явления, несколько иное искал и находил в изящной словесности мастеров слова. Прежде всего он искал идеал для подражания. Сама тягостная жизнь тех давних эпох к тому подвигала. Причем во всех социальных слоях, от низших (грамотных) до высших. Здесь главное – на все века – слово сказал Сервантес образом Дон-Кихота из Ламанчи, к определению которого мы уже обращались выше. Причем в этом же контексте.

К периоду взросления, к его окончанию, относится и формирование профессионального писательства, прежде всего беллетризованного сочинительства, рассчитанного на некий усредненный вкус, потребность чтения. Ибо профессия по определению требует материального обеспечения писателя, а таковое возможно при наличии относительного широкого круга покупателей произведений, овеществленных в книгах – после постановки изобретения Гуттенберга на «промышленную основу». Но длительное время, где-то до конца XVIII – начала XIX вв., в различных странах со своей спецификой, печатание книг писателей-профессионалов (речь идет не о степени таланта, но с акцентом на оплату литературного труда) соседствовало с поддержкой меценатов-покровителей, оплачивавших издательские издержки, либо же сами писатели являлись достаточно состоятельными людьми для подобных расходов. Тому примеры из русской литературы первой трети XIX века, когда некоторые известные, из числа составивших русскую классику, писатели отказывались от гонораров. Даже во второй половине этого века, когда писательская деятельность стала сугубо профессиональной, встречались подобные случаи. Конечно, самый известный – это Некрасов, фактически содер-

жавший свои «Отечественные записки», из которых «вышла вся русская классика», на свои средства. Нищенствовавший в литературной молодости, в зрелые годы он внезапно стал, говоря словами Пушкина, «наследником всех своих родных» и очень удачно («но ведь ни разу не попался!» – смеясь, объяснял друзьям свои успехи) играл в карты. ... Как в своих мемуарах Панаева описывает беседу с Некрасовым: что-де утро выдалось неудачным, всего сорок тысяч выиграл, зато вечером сорвал банк в сто с лишком тысяч...

Понятно, что в пору зрелости литературы это было единичными, нетипичными явлениями. А у Достоевского и вовсе наоборот: только проигрывал...

Финал взросления <художественной> литературы, а это в Европе XVIII – XIX вв., в России – вторая половина века девятнадцатого, следующий. Художественная литература стала продуктом писателей-профессионалов, причем оплата их творческого труда стала сложным, вариативным симбиозом многих факторов! Степень таланта автора произведения здесь преимущественна, причем талант, с одной стороны, «заражает», говоря словами Толстого, потенциального читателя, а с другой – в определенной степени «подыгрывает» этому читателю, то есть в своем проявлении в произведении ищет оптимум между читателем массовым и литературно образованным (самообразованным). И главная задача творца может быть выражена словами: порой лукавь, подыгрывая, оглядывайся на «литературную <для читателя> моду», всякие там течения и направления («роман с направлением» – расхожее определение в России второй половины XIX века), но при этом ухитряйся выполнить сверхзадачу: проявить свой талант наиболее выигрышно во всей мощи дарованного от рождения творческого потенциала. Особенно для поэтов. Тематика, направление, избранная творческая форма с ее «уклонами» – здесь вторичны в части сверхзадачи, но наиболее существенны для фактора творческой индивидуальности. ... Это только нынешние пиарщики все на одно инкубаторское лицо. Именно в соединении творческого потенциала и фактора творческой индивидуальности мир обретает гениев в лице Шекспира

и Достоевского, носителей великих талантов Льва Толстого, Пушкина, Сервантеса, Гёте, Гейне, Ницше (можно и не без основания на то добавить еще десяток имен), выдающихся творцов слова: Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Тютчева, Чехова, Лескова, Шолохова и др., а какие мощные дарования дал Западный мир: Диккенс и Гюго, Стендаль и Даниэль Дефо, Анатоль Франс и Ромен Роллан, Джеймс Джойс и Марсель Пруст, Томас Манн и Герман Гессе, американцы Фолкнер, Стейнбек и Хемингуэй, норвежцы Кнут Гамсун и Бьёрнсон. швед Август Стриндберг. Здесь русские и западные имена можно продолжить не на одну страницу...

И пресловутая «табель о рангах», отделяя это понятие от серо-зеленых канцелярских мундиров и нынешних пиджаков узаконенного кроя и расцветки, белых рубашек и галстуков, выработалась к финалу взросления литературы. Также не останавливаясь на неизбежном местничестве в литературных кругах, я-де видный сочинитель, а ты, Ерёма, еще только подающий надежды, выделим творчески полезную для литературного процесса сущность этого «табеля», а именно: образование института *авторитета*. Это не авторитет директора департамента, как олицетворения чиновной субординации, но негласно складывающийся образ творческого *ориентира*, к которому стремятся приблизиться в своих литературных исканиях писатели меньшего... но даже и равного дарования. Авторитет есть неременное условие успешного течения литературного процесса: учитель и ученик – с ветхозаветных времен суть передачи творческого знания и мастерства. Расширенно понимаемый учитель – это и есть литературный авторитет. Признак нивелирования и исчезновения литературного (социумного) процесса – ликвидация института творческого авторитета... что мы сейчас повсемирно горестно наблюдаем.

Апофеоз творческой словесности, где такими авторитетами стали названные выше литературные мастера «высшей пробы», охарактеризовался многозначительными факторами социумной организации и жизни. Назовем и разьясним наиболее существенные из них.

Окончательно выработался национальный литературный язык. Польза здесь двоякая: во-первых, письменный язык, следуя изящной словесности, в первую очередь литературной беллетристике, обрел логически обусловленную, выверенную и уже неизменяемую (реформы правописания и нивелирования со второй половины XX века здесь не причем) грамматическую и фонетическую форму; во-вторых, с ориентиром на такой выверенный <литературный> письменный язык, все другие виды языка: разговорный, профессиональный, даже народный, в том числе диалектный и так далее вплоть до арго и актуального (текущего) фольклорного, – в той или иной степени «подтянулись» до уровня письменного. Все это не пресловутое единообразие армейского типа, но именно *формирование единого национального письменного и разговорного языка.* И роль художественной литературы здесь главенствующая.

Понятно, что на этом пути языка, или группы родственных языков, наблюдалось великое сочетание своеобразий и специфик (это семантически различные слова). Для поясняющего примера возьмем близкородственные датский и норвежский языки германской группы. Любители книжных раритетов, просто имеющие в своих библиотеках староизданные книги конца XIX – начала XX вв., когда случился «феномен норвежской литературы», что во множество имен и произведений (Ибсен, Бьёрнсон, Ли, Хансен, Гамсун, Кьелланд и др.) активно переводилась и издавалась на русском языке, наверняка обратили внимание на надписи на оборотах титульных листов: «Перевод с *датско-норвежского* <имярек>». Все дело в том, что хотя норвежский язык более близок к исландскому (со времен викингов), но с XV века, когда Норвегия стала экономически и политически подчиненной Дании, литературным языком Норвегии стал датский. Отсюда и *датско-норвежский* до самого начала XX века... Этот симбиоз до сих пор присутствует, то есть современный литературный норвежский язык имеет две формы: риксмол (или букмол) и лансмол – новонорвежский. Первый из них суть взаимодействие датского и

«столичного» (как говорят в Осло) норвежского языков, а новонорвежский есть искусственный синтез основных норвежских <исторических> диалектов.

... Данный пример к тому, что у каждого национального литературного языка путь формирования извилист и от многих факторов зависим, но итог-то один и позитивен: он все же создается и далее «призывает к порядку» все остальные ипостаси языка народа и/или государства.

Создание национальных литературных школ. Это не роскошь, не пресловутое «архитектурное излишество» языка, но один из наиболее весомых вкладов в апофеоз десяти тысячелетнего этапа цивилизации и культуры, ставший его содержанием и необходимостью в творческую эпоху человечества: от Возрождения до середины XX века. Понятно, что временные рамки создания национальных литературных школ достаточно различно укладываются в названную творческую эпоху. Если для Европы зачатки таких школ относятся к Возрождению, а апофеоз к второй трети XIX века, то для русской литературы этот период сокращен: от начала XIX века до окончания этого же века и начала двадцатого века. Конечно, никто не собирается сбрасывать со счетов почти век (с пролонгацией в нынешние времена) русской советской литературы, но ведь это есть продолжение и развитие русской классики?

В любом случае создание литературной школы есть явление позитивное и, так сказать, «национально- и государствообразующее». Хотя бы почти все, без исключения, национальные литературные школы достигли своего апофеоза в XIX – XX вв., используя творческий метод критического реализма, то есть писатель изначально и заданно ставил себя в ситуацию оппозиции к власти. Ничего удивительного: это действие социально-эволюционного диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Тем более, что, как правило, это оппозиция является конструктивной.

И именно *национальной* являлась литература и ее особливая школа в период апофеоза. Конечно, литература не «бог в святых местах земли», но следует со вниманием в данном контексте воспринимать слова Ф.М. Достоевского: «*Признак уничтожения народностей, когда боги начинают стано-*

виться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог». (Слова Шатова из «Бесов»).

Наконец, создание литературных школ в их разнообразии, скрепленном национально-государственной идеей, неважно <для России>, в форме ли графа Уварова «самодержавие, народ, православие», или в девизе соцреализма «советская власть, новая нация – советский народ, коммунистическая идеология», есть окончательный переход от начального литературного любительства к сугубому творческому профессионализму, а для читающей публики – от неясного любопытства к осознанию силы и правды высокохудожественного литературного слова, что «не вырубишь топором».

Государственное признание литературной деятельности. В государстве от «табеля о рангах» никуда не денешься. В правильно и добротном организованном социуме и творчества, даже художественно оппозиционные, ставятся в ситуацию гражданского долга и ответственности. Понятно, не о мундире с петличками и классных чинах речь идет. Даже одиозные деспотии и тоталитарные режимы на это не решились. То есть конструктивная, не назойливо ругательная, нигилистическая, творческо-литературная оппозиция не то, что не вызывает агрессивных репрессий со стороны власти, но, в силу того же закона *единства* и борьбы противоположностей, власть и литература критического реализма именно находят это взаимопользное *единство* в рамках безусловного действия названного диалектического закона. Именно взаимопользное: писатель творчески, не «служить бы рад, прислуживаться тошно», не сдерживая мощи дарованного ему таланта, отображают в своих произведениях существо исторического или современного ему движения социума, как эволюционного процесса, в антитезе добра и зла, а власть, рассматривая литературное творчество как «словесный барометр», учитывает его «барическое колебание» во благо устойчивой государственности. Как-то так получается. В русской истории классическим примером такого взаимопользного единства является известный эпизод, когда «рыцарь самодержавия» (так его

поименовал автор книги о Николае Павловиче, изданной в серии «ЖЗЛ»...), император Николай Первый после просмотра «Ревизора», без гнева и недоброжелательства, но констатирующе, сказал в адрес Гоголя, что-де, любезный, высек в пьесе всю Россию и меня в первую очередь. Также считается, что некоторые реформы законопорядка были проведены императором в явной корреляции не только с «Ревизором», но и с произведениями других писателей его времени.

Казалось бы: Николай Палкин, не гаснущие в душе грозные отзвуки Сенатской площади момента вступления его на трон... но Николай Павлович, как через сто лет после него Иосиф Виссарионович, достаточно рачительно вел «хозяйство» огромной империи, раскинувшейся в четырех частях света (включая Русскую Америку и – условно – открытую Беллинсгаузенем и Лазаревым Антарктиду...). И у обоих печатная и театральная литература, у Сталина еще и кино, были в неусыпном внимании. Именно – внимании, не в примитивном надзоре. Даже более яркий, нежели с Гоголем, пример здесь – опека Николаем Первым творчества Пушкина. Александр Сергеевич удостоился не столько чести иметь личного цензора-императора, сколько возможности максимально полного раскрытия своего дарования – в части свободы, понимаемой диалектически же: свобода есть осознанная необходимость. А любой иной свободы человеку социумному не может быть отпущено. Действительно, кто «первый бросит камень» в сторону гения русской поэзии (и прозы тож!), рассуждая либерально, что-де «Клеветникам России» написаны им верноподданнически?!

Перейдем к следующему содержанию апофеоза литературы.

Литературное образование масс и признание ими роли и необходимости творческой словесности. Сюда же входят и «позиции»: роль литературы в социально-экономическом движении общества и литературы, как <недостижимого> ориентира надежд и устремлений масс – «Чсть безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Последнее преемственно перешло в «ор-

ганизованную» литературу из фольклора, основным содержанием которого, по крайней мере русского, является сказка про «сон золотой».

На стыке литературного образования, социумной роли литературы и ориентира надежд и устремлений, что характерно для апофеоза творческой словесности, наблюдается политизация литературы, понимаемая как выход из рамок конструктивной творческой оппозиции госвласти (а до XX века и из рамок реально властвующего религиозного традиционализма) и прямое вступление в политическое движение: от национально-освободительных (в XIX веке – это прерогатива литературы Греции, южных славян, Венгрии и Италии в составе Австрийской империи, Ирландии в Британской и Польши в Российской) до событий смены общественно-экономических формаций: создание Советской России и <кратковременной> социалистической власти в Венгрии, Германии, в прибалтийских странах. В литературных же жанрах: от исторических романов до текущей социально-критической литературы. В части последнего возникает и *литература социального заказа*: директивного или интуитивно побуждаемого для авторов.

Опять же для русской литературы здесь классический пример – «Мать» А.М. Горького, созданная в кратчайшие сроки и, что называется, «в нужное время». И если бы не Алексей Максимович этот роман написал, то, как говорится, «свято место пусто бы не осталось»: этот самый, конечно, неявный, социальный заказ на произведение столь глубоко выраженного революционного содержания и пафоса (это не обидное слово...) «выполнил» кто-нибудь другой. В России начала ее революционного века талантов, оппозиционных существующему строю, имелось предостаточно.

В том, что «Мать» явилась романом хотя бы неявного, но именно социального заказа, сомнений быть не может. Как это не покажется некомильфо, но наиболее достоверным утверждением здесь будет... анекдот! Напомним его (он с советских времен). В беседе с Горьким Сталин обращается к нему с предложением, что-де роман «Мать» в свое время сыграл неопределимую роль в воспитании целого поколения революционеров, в итоге свершивших Ок-

тябрьскую революцию. Но сейчас мы уже построили мощное советское государство, а для дальнейшего движения нужно воспитать когорты борцов за светлое будущее. «Их надо вдохновить. Не могли бы вы, Алексей Максимович, написать роман той же мощной силы, что и «Мать», назвав его, – здесь Сталин чуть потупился, – например, «Отэц», а?» Ошарашенный Горький только и произнес: «Хорошо, Иосиф Виссарионович, я попробую, я попытаюсь». – «Вот именно, попытайтесь. Ведь *попытка* – это не пытка. Правильно я говорю, Лаврентий Павлович?»

... В том, что анекдот, как наиболее экспрессивный устный литературный жанр, бьет не в бровь, но в глаз, сомнений нет. А чтобы понять причину исчезновения в последние 5...10 лет из нашего (и по всему глобо-миру также) обихода анекдотов (интернет «нам не указ»; там анекдоты вычищают кому следует в порыве административного восторга и благочиния...), обратимся к работе Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», из которой следует, что таковое <творческое> качество есть активизация сугубо подсознательного мышления человека – главного источника именно *аналогового, образного творчества*.

... И сейчас мы «плавно переходим» от апофеоза литературы к ныне наблюдаемому нивелированию творческой словесности. А пример с анекдотом, специфическим видом литературы, более чем явно говорит: именно – и всего лишь! – за прошедшую четверть века *человечество в массе своей сделало переход от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому*. Что и уничтожило художественную литературу, литературный процесс и читательскую аудиторию в привычных нам понятиях.

«От слова к цифре» – технологии расчеловечивания в литературном ареале. Поскольку далее и до конца очерка пойдут рассуждения, вроде как «уничижительные» для предмета современной литературы и собственно человека эпохи <нынешней> стадии глобализации, то сразу оговоримся в том смысле, что это не коллизия по типу тургеневских «Отцов и детей» или пресловутых призывов 1920-х годов «сбросить Пушкина с корабля истории»... и

вообще никакая не коллизия. Это самая что ни на есть безотносительная к кому-либо и чему-либо констатация факта уже почти свершившегося расчеловечивания глобального социума. В то же время мы не ставим себя в позицию «добра и злу внимающего равнодушно». Это только в утилитарном, расчеловеченном социуме понятия добра и зла теряют христианскую, вообще этическую, антитезу с моральной апологией добра и отвержением зла. В утилитарной этике (см. русск. изд. «Принципов этики» Дж. Мура, М.: Прогресс, 1984) эти категории равноценны, а ценность каждой из них определяется по степени утилитарной пользы, получаемой для утилитарного же, империалистическо-глобалистского, социума.

Таким образом, прекрасно осознавая неизбежность полного расчеловечивания <глобального> социума, мы, «оттягченные» исторической памятью – своей и «памятью отцов» – по Н.Ф. Федорову, – не склонны относить этот процесс по категории добра; одновременно и злом его можно полагать, пожалуй что, с точки зрения носителя христианской, вообще канонической, этики. Однако – к пресловутому «от слова к цифре», как, «не боясь греха», круглосуточно вещают глобалистские (а других сейчас в мире и не осталось!) СМИ. Именно на замене творческого аналогового мышления утилитарным цифровым и зиждутся технологии расчеловечивания социума, в литературном ареале в том числе. И если в обычном, традиционном русском языке термин «технологии» применим к миру промышленности, то в современном новоязе – и к человеческим массам. А что есть такая масса? – Выдающийся испанский философ двадцатого века Хосе Ортега-и-Гассет дает такое определение («Что такое философия?» – русск. пер. 1991 г., «Наука»): *«Масса – это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров (выд. нами. – А.Я.)... И как раз этот человеческий тип сегодня решает».*

... И это не пресловутое презрение к массам, но четкое понимание фактора социальной биологии человека, если можно воспользоваться такой терминологией: только восемь процентов людей, что называется от рождения, от генотики, в период взросления дополненной фенотипикой, обладают каче-

ством *самодостаточности мышления*, проще говоря – «не управляются» телевизором и интернетом. Увы, остальные девяносто два из ста и есть та масса «без ориентиров». Сказанное есть сугубо научный факт, сомнению не подлежащий.

Итак, если, согласно известной диалектической формуле, спрос рождает предложение – от экономики до все той же литературы во всех ее ипостасях, – верно и обратное расширенное утверждение в рассматриваемом нами аспекте: ликвидация, в крайнем случае нивелирование (усреднение по низшей мерке – так мы здесь это понимаем) литературного процесса (писатели + широкая читательская аудитория) достигается наиболее эффективно и в кратчайшие исторические сроки действиями глобализаторов с агентами-исполнителями СМИ первоначальным упразднением самого понятия «широкая читательская аудитория», за чем, в силу принципа обратной связи, следует и нивелирование собственно литературного творчества.

Массы выводятся из прежней аудитории совокупным действием следующих факторов: умозамещение с ликвидацией интереса к художественной литературе; замещение интернетом с его компьютерным (кликновым, цифровым и пр.) мышлением и информационным шумом традиционного книжного чтения; разрушение сети книжной торговли с массовым закрытием по причине нерентабельности книжных торговых точек (магазинов); не востребованность прежних книжных тиражей; разрушение журнальной подписной и рознично-торговой практики распространения – как следствие, резкое снижение тиражей, авторитетности, распространенности и пр. ведущих и периферийных журналов.

Таким образом, разрывается обратная связь писателя и читателя, что и есть упразднение литературного, в масштабе социума, процесса. Таковое же является существенным моментом в глобальном расчеловечивании. Также как и расчеловечивание в научной сфере: замена – или лучше подмена – творческого научного знания сугубой информацией. В обоих аспектах, литературном и <взятым для сопоставительного примера> научном, совершается

перевоплощение мышления, психологии и так далее вплоть до физиологии человека: из расширенного понимаемого *конструктора* (знания, художественных образов и пр.) он становится квалифицированным *потребителем*. То есть тот самый, у Маяковского, «... будь я негром преклонных годов» уже не «... русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин», но, прошагав пару километров по саванне, заходит на почту, где получает из китайского посылторга «Али-баба» бандероль, в которой ему прислали шанхайской сборки синхронный речевой переводчик на основные языки мира... без русского разумеется. Это и есть квалифицированный потребитель.

Менее экзотический пример приведем из личных наблюдений. Проживая прямо у входа в главный тульский парк, о котором еще Есенин писал, что полюбил он этот парк, и вообще – это лучшее, что есть в городе, часто там бываю. На противоположной от главного входа стороне несколько лет назад соорудили «под японский» сад камней, то есть поставили в пирамиду несколько обкатанных еще в ледниковый период валунов, округ посадили явно южные кустики с листьями ярких колеров, а на расстоянии десятка метров концентрично расставили лавки со спинками, на которых положено сидеть, задумавшись о смысле бытия, благодарным (городским властям) посетителям. Возможно и хайки с хокку в русском переводе осмысленно читать.

Действительно, поздней погожей весной, в нежаркие дни лета и в золотую осень скамейки сада камней заняты преимущественно среднестаршими и пожилыми женщинами интеллигентного вида. Но они на камни не смотрят и переводные японские вирши не читают. Все они – без исключения! – склонились над смартфонистыми гэджиками, что держат ладонями левых рук, а пальцами правых быстро-быстро скользят по экранам, переводя кадры. Нескромно любопытствовал, пройдясь мимо тыльных сторон концентрически установленных парковых лавок и скашивая глаза на эти экраны: калейдоскопически мелькают фото явно подруг, взрослых и озабоченных трудностями нелегкой нашей жизни детей, но чуть подольше задерживаются кадры с любимыми внучатами...

В том же парке, поодаль друг от друга, установлены два застекленных металлических шкафчика, в которые доброхоты могут приносить книги, а желающие – взять их себе. Шкафчики не пустуют, постоянно заполнены русской, советской и зарубежной классикой по преимуществу. Очень политкорректно, говоря современным языком, организовано избавление от ставших ненужными книг...

На «парковых примерах» и завершим этот раздел, поскольку самодостаточно мыслящему человеку все аспекты гибридно-иезуитской технологии расчеловечивания в части литературы и так прекрасно известны. Ну а остальным 92% (см. выше) телеящик все разъяснит: дескать, по «фэньшую» (что-то в этом роде, сходное с легким матерком...) иметь книги в личном жилище немодно и слишком вредно для здоровья... очевидно психического? И вообще читать бумажные книги устарело. Вообще читать что-либо, кроме компьютерных «эмэйлов», ни к чему. Тому полковник Скалозуб (но явно на грибоедовского персонажа не ссылаются) свидетельство – хотя бы и из позапрошлого века эта мощная натура выглядывает...

Мы же перейдем к следующему разделу, еще более «обидному» для бывшего человека разумного.

Невостребованность литературы в биотехническом мире: действительность и нерадостный прогноз. Вместо образного знания – информационный шум. «Не буди лихо, пока оно тихо», – так и хочется сказать в адрес тех провидцев из числа философов и писателей последней трети прошлого века, что предрекали, как тот же Фукуяма, скорое окончание «гуманитарной эпохи» в истории человечества. Не они, конечно, разбудили это лихо – монстра Великого глобализатора; он самолично явился в отведенное ему эволюцией время, но в характере человека не задумываться о первопричинах, а судить о происходящем по внешним его признакам. Отсюда и кухонно-бытовые упреки: во всем виноваты Маркс с Энгельсом, несомненно Сталин – и вплоть до классики времен первого президента России: «Во всем виноват <имярек>!»

Увы, все сбылось стремительно за два-три десятка лет, нагляднее всего – в неостребованности художественной литературы, которая действительно, без «происков мирового империализма» и «ослабления творческого импульса в писательской среде», вне всякого сомнения становится излишней в социуме, все в большей степени обретающем черты человеиника (термин А.А. Зиновьева), составленного некими существами, переходными от человека биологического – и творческого в лучших своих представителях! – к человеку биотехническому, этакому прилатку к глобальным телекоммуникационным сетям. Соответственно, образное, творческое знание и познание объектно-процессуального мира такому существу не нужны. А если воспылает, прорвется творческая душа через панцирь биотехнического робота, то таковой индивидуум становится изгоем, чудиком. А таковых роботизированный социум не терпит.

Вместо же образного знания и познания субъекту человеиника вчинен информационный шум, в котором «от литературы» представляет примитивный детектив и пресловутый «женский роман», причем то и другое создается по компьютерным программам; от литературы здесь только «живое» редактирование... Или псевдомодернизм пиарщиков.

Основная задача (рукотворного) информационного шума есть оглупление, умозамещение, профанация... словом, целый набор качеств, которыми должен обладать человек биотехнический – крохотный винтик глобальной мегамашины; «винтик органчика» – по определению Ф.М. Достоевского: равенство винтиков. Это убогое равенство в «Бесах» Достоевского разъясняет Петр Верховенский, излагая Николаю Ставрогину учение Шигалева: *«Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть десп-*

потоми и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят».

Заметим, что на стадии начальной глобализации, в коей мы имеем сомнительную честь *существовать* (именно так!), «высшие способности» суть олигархат с его высшим творчеством «отнимать и приумножать» капитал и власть в социуме, а потому они на этой стадии самодовлеюще необходимы обязательно. Их, конечно, на стадии развитой глобализации дезавуируют, то есть олигархат, как институт социума, есть явление временное. Пока же на него работает девиз олигархата Древнего Рима: «Вино, женщины и *искусства* принадлежат избранным».

Почему в этом славном девизе мы выделили *искусства*? А по той причине, что отголоски литературы, как правомочного вида искусства, в период начальной, нарастающей глобализации по инерции еще сохраняются в двух резко расходящихся формах: для масс человекника – та же, упомянутая выше, детективно-эротическая жвачка (почти что вкусовое ощущение жеванной ваты после прочтения...); для элитарного потребления определенным кругом «эстетствующих избранных», что из пирамиды обслуживания олигархата, – очередной, как все повторяется в диалектической спирали, виток декоративного декадентства с его вечным утверждением: искусство для искусства. А проще говоря: для первых – мыльные телесериалы с качеством ниже паскудности; для вторых – «билеты в Большой» стоимостью в полугодовую зарплату пресловутого бюджетника...

Теперь обратимся к одному из основополагающих законов движения эволюции, который условно назовем для эволюции человека «законом временной непротестности»; несколько коряво звучит, зато понятийно. Сущность его состоит в следующем. Человек является наиболее адаптивным существом общей биоэволюции в отношении изменений среды обитания, но особенно он безынерционен в части изменений в социумной организации, которые не вызывают за пределами одного, много двух, поколений протеста. Именно поэтому сегодняшняя не востребованность <художественной> лите-

ратуры – в действительности и прогнозе – и подмена образного знания информационным шумом, свершившаяся в счетные десятилетия исторического времени, никакого этического и иного протеста не вызывает. Здесь к месту будет провести пророческие слова Н.С. Лескова («Запечатленный ангел»): «— Ну, а у нас, – говорю, – верно другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род *«русский только вчера насадка под крапивой вывела»*.

... Актуально поправим Николая Семеновича: не конкретно русский, но весь мировой человек. Как раз русский род еще трепыхается, в чем-то сопротивляется глобализации. Вот сейчас руководство страны открыто говорит о пользе здорового <от глобализации, хотя бы от его извращений> *консерватизма*. Исполать им!

Для поколений периода глобализации полная не востребованность продуктов литературного творчества вовсе не означает в личном, так называемом общественном, для своего круга общении, в официальном и так далее мнении, что таковые являются обиженными природой, недоразвитыми, необразованными («Потолковать об Ювенале, в конце письма поставить *vale*, и помнил, хоть не без греха, из «Энеиды» два стиха...») и пр. Даже мысли такой не возникает! Убеждать «винтика» биотехнического человека, что он есть литературно безграмотный нуль... даже нуль в квадрате, все одно как упрекать человека современного (еще не окутанного фуриями, вылетающими из <глобалистского> ящика Пандоры), что он не обладает способностью высекать камнем искру для первобытного пещерного огня...

А в части якобы неполноценности, то такое определение может дать только человек предыдущего поколения, творческого... но и он помягчает голосом и душой, прочитав строки Ф.М. Достоевского: «*Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...*» («Ряд статей о русской литературе», 1861).

То есть глобалистский винтик человека абсолютно неповинен в литературной безграмотности в таком качестве он и востребован своей эпохе.

А жаловаться на Великого глобализатора все одно, что собаке на собачью жизнь (мы не имеем в виду раскормленную квартирную мелюзгу, из собачьей природы у которых остался только лай и генетическая вражда к котам): законы эволюции пересмотру и корректировке не подлежат, а эпоха глобализации суть некоторый временной удел социальной эволюции. А что же ныне писатель и читатель поделывают? – Это в заключительном разделе.

Современный писатель и исчезающий читатель... Начнем опять-таки с суровых слов Федора Михайловича: *«Я даже думаю, что самое лучшее определение человека – это: существо на двух ногах и неблагодарное»* («Записки из подполья»).

Про две ноги – это отнесем по части биологической и начальной (руки освободить для охоты на мамонтов) социальной эволюции. Неблагодарность же есть качество, благоприобретенное равномерно в период цивилизации и культуры, сдерживаемое в своей амплитуде нормами религиозной морали, перешедшими затем в общесоциумные, но совершенно «распоясавшееся» в предглобалистскую империалистическую эпоху, а вот о нынешних временах и вовсе говорить об антитезе благодарности/неблагодарности не приходится. Раз в утилитарной морали противопоставление этих качеств, как категорий добра/зла, перетекло в утилитарную же «равноценность» добра и зла, то что тут сказать о неблагодарности?

Сам же вопрос о неблагодарности спонтанно возникает у литераторов, они же писатели-беллетристы, поэты, литературные публицисты, драматурги, критики и так далее, которые видят, что все их немалые творческие усилия, к тому же не оплачиваемые даже по нищенскому «прожиточному уровню», ибо писательство еще в девяностые годы перестало быть самоокупаемой профессией, никем не востребованы: массовый читатель, как по мановению ока, исчез, остался, как и понятие гонорара, лишь в памяти старших поколений литераторов.

Но при чем тут, спрашивается, неблагодарность? Несколько переиначивая слова электромонтера Мечникова из дилогии одесских классиков, ска-

жем, что благодарность, как расширенно понимаемая морально-нравственная категория, есть продукт непротivления и согласия сторон. То есть писателя и читателя. Первый благодарен читателю за внимание к его произведениям (книгам) и равнодушное отношение, сопереживание действию художественного полотна, вживание в образы персонажей и так далее. Опять-таки читательский спрос есть стимул оплаты профессии писателя, который не навязывается читателю своими произведениями и согласен в определенной степени ориентироваться на массовый вкус. Это принцип социального заказа, никем и никогда <ранее> не отменяемый. Неважно, по какую сторону «железного занавеса» (в 20–30-е годы – «санитарного кордона») живут писатель и читатель.

И обратно: читатель благодарен писателю за доставляемое интеллектуальное, этическое, художественно-образное удовольствие и пользу от чтения его произведений. У него не возникает желание противиться (?) изданию книг писателя, он согласен с существованием самого института создания художественной литературы. Монтер Мечников прав; хотя бы не он сам придумал это определение, но античные творцы канонов римского права... При чем запьянцовский персонаж Ильфа и Петрова использовал форму из «Философии права» (1821) Гегеля. Но – это к слову.

В силу сказанного выше, неблагодарность есть импульсивное, эмоциональное ощущение современного писателя, оставшегося без читательской аудитории. Ее направленность в отношении читателя суть фикция; человек, переставший быть читателем, никоим образом в этом невиновен и претензий к писателю по определению иметь не должен. С другой стороны, и писатель, прекрасно понимая источник своих бед, понимает всю бессмысленность «обращения к социальной эволюции», дескать, смилуйся, владычица мирская (то есть глобальная) и так далее. Эволюция советов и запретов не принимает *a priori*. Словом, все по русской пословице: «Спорили мыши за лобное место, где будут кота казнить»...

Итак, литературный Карфаген сопротивления глобализации уничтожен. Посреди его развалин высятся разной высоты, заросшие травой и кустарником, почти не посещаемые, замшелые могильные плиты на местах упокоения гениев, классиков и просто творческих тружеников ушедшей в небытие литературы. Между заброшенных могильных камней бродят редкие неприкаленные бывшие читатели. Зловещая тишина погоста.

... А ведь если серьезно подумать: зачем задуман был человеческой эволюцией этот десяти тысячелетний литературный Карфаген, если он так печально в одночасье был разрушен? – Скорее всего, эволюция не замыкает в своем детище, в человеке, саму себя: это всего лишь ступень лестницы. Так и литература: перешагнул и забыл. Увы. Как тот же первый младенческий крик.

**КОМПОЗИЦИОННОЕ МАСТЕРСТВО КАК ПРЕРОГАТИВА
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА**

**К 160-летию со дня рождения выдающегося русского писателя
Антон Павловича Чехова (1860–1904)**

◆ В настоящей «Колонке» используем уже хорошо знакомый постоянным читателям «Приокских зорь» прием: знаменательную литературную дату «совмещаем» – в данном случае – со своего рода проникновением в творческую мастерскую выдающегося писателя; своего рода «литературная учеба» для писателей, набирающихся художественного опыта. Рассмотрим повесть А.П. Чехова «Степь».

«Степь» (подзаголовок – «История одной поездки») написана А. П. Чеховым в 1888 году. Тогда же и напечатана в журнале «Северный вестник». В повести нашли отчасти отражения детских и более поздних воспоминаний Чехова о поездках по южной степи к своему деду и поездка домой весной 1887 года. Последняя была непосредственно перед написанием повести, и ее впечатления, обновившие ранние, детские, очевидно, были использованы писателем. Об этой поездке Чехов писал А. С. Суворину: *«Чтобы не высохнуть, в конце марта уеду на юг, в Донскую область, в Воронежскую губернию и проч., где встречу весну и возобновлю в памяти то, что уже начало тускнеть. Тогда, думаю, работа пойдет живее».*

Это, кстати, был и первый дебют Чехова в «толстом» литературном журнале. Может, отчасти, и поэтому «Степь» вызвала в литературном мире значительные споры и разногласия. Также различно отзывались о повести и наиболее видные литературные критики того времени; в основном критики порицали автора за «неумелую» композицию, отходящую от принятых канонов в литературе. Так Гаршин писал, что от большого произведения требуется подчеркнутое раскрытие главной идеи и ясного намека, «в каком из дей-

ствующих лиц она наиболее пластически выражается». А. Арсеньев же отказывался признать «Степь» новаторским по композиции произведением русской литературы, называя повесть «новым шагом по старой дороге». Критики Аристархов и Ладожский отнесли к повести, как произведению «начинающего автора». Это сильно возмутило Чехова. Основное возражение критики вызывало, как это можно видеть, композиция «Степи»: многие сочли, что в этой повести Чехов не преодолел свою увлеченность малыми формами художественных произведений, что вся повесть есть слепленные искусственно малые сцены и очерки, формально лишь связанные друг с другом образом Егорушки.

Однако еще более было положительных отзывов современников: Плещеева, Салтыкова-Щедрина, Михайловского, Вс. Гаршина, Горького. Одни — литературные критики — весь спор о «Степи» сводили к композиционной неустроенности произведения, другие — писатели-современники Чехова — восторгались художественностью повести:

«...Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать Вам не могу... Что за бесподобные описания природы, что за рельефные симпатичные фигуры... Пускай в ней нет того внешнего содержания — в смысле фавулы, — которое так дорого толпе, но внутреннего содержания зато неисчерпаемый родник... И сколько разбросано тончайших психологических штрихов» — А. Н. Плещеев. Горький, говоря о «Степи», особенно отмечал, что здесь «все — ясно, все слова — просты, каждое — на своем месте... А. П. Чехов «Степь» свою точно цветным бисером вышил».

Итак, разделение мнений одобрительных и неодобрительных в споре, возникшем вокруг «Степи», отнюдь не странным образом совпало с разделением на критиков и художников (по преимуществу, конечно), все является третьей стороне понятным: критики неодобрительно восприняли композиционные нововведения, привыкшие к пятидесятилетним канонам русской литературы. Ибо вся эта литература еще жила в 80-е годы традициями повестей и романов Тургенева. И в силу своей профессии критикам, особенно из ор-

динарных, ничего и не оставалось, как заметить и не одобрить изменение Чеховым этих самых «тургеневских канонов», особенно в композиции произведения.

Художнику же свойственно иное восприятие. Ни в коем случае не отказываясь от критического отношения к произведениям своих коллег, он, в силу своего художественного вкуса и чутья, неотъемлемого от творческого процесса, исходит в оценке произведений от первичного в них (или — для них) — художественного отображения жизни, в то время как критик чуть ли не подсознательно, в силу своей профессии, отталкивается от вторичного: схемы произведения. И лишь талантливый критик уравнивает в себе это двойное видение-воззрение на оцениваемое им художественное произведение.

Сам Чехов о композиции «Степи» отзывался вполне определенно в том смысле, что тема родины, отечества — основной лейтмотив «Степи». Перед читателем разворачивается картина степной России, огромного поля от Таврии и вверх, до окраин черноземных губерний. Степь с ее солнцем, испепеляющим в июле малые деревеньки и пшеничные поля; полузаспанные люди, ищущие в полдень любой тени: от дерева ли, от амбара, чтобы сном скрасть самое жаркое время дня; скрипящие обозы, растекающиеся по степи, по ее бесконечно широком, без обочин, без канав, без конца дорогам. И люди, люди... И мальчики, и обозники, и графиня, и управляющие. Где-то по степи «кружит» богатей Варламов. По следам его мчится тарантас. И непонятно кто кому нужен: тарантасу ли Варламов, Варламов ли обозу и пр. И все они под одним солнцем, в одной степи; мочит их один дождь, и для всех гремит гулкой степной гром. И в отдельных этюдах, очерках живых лиц — все характеры русских степных людей. Чехов писал: *«...Вам понравился Дымов, как материал... Такие натуры, как озорник Дымов, создаются жизнью не для раскола, не для бродяжничества, не для оседлого житья, а прямехонько для революции... Революции в России никогда не будет, и Дымов кончит тем, что сохнет или попадет в острог. Это лишний человек»* (из письма к

А. Н. Плещееву).

◆ Отсюда и возникла подобная композиция «Степи». Иной она быть и не могла. Ибо выдержать классическую, «тургеневскую» связность с полными переходами от образа к образу, от картины к картине, от детали к детали при воплощении подобной темы возможно только в большом романе. Повесть же — некое подобие квинтэссенции романа, как это следует из определения самого жанра. Поэтому Чехов старался лаконично, одновременно многогранно раскрыть явления жизни. При чтении повести также чувствуется очень явно единство тона повествования. Чехов сам отмечал свою заботу об этом моменте. Всего этого критики и не поняли, или не восприняли; они сочли, что в повести нет действия, слишком мимоходом, бегло обрисованы персонажи. И тут же пресловутое «*пренебрежение традицией русского романа*» и пр. Что в «Степи» только и есть, что «эпический пафос» в изображении природы степной России и «пейзажное творчество».

Чехов и сам признавался, что писал слишком «компактно» эту повесть, боясь растечься на мелочах. И ко всему прочему следует помнить и понимать молодого еще писателя, впервые создающего значительное по объему произведение. В письме к Григоровичу он подробно описал принципы композиционного построения «Степи». Вот этот отрывок из письма: *«Для дебюта в толстом журнале я взял степь, которую давно уже не описывали. Я изображаю равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов, ночные грозы, постоянные дворы, обозы, степных птиц и проч. Каждая отдельная глава составляет особый рассказ, и все главы связаны, как пять фигур в кадрили, близким родством. Я стараюсь, чтобы у них был общий запах и общий тон, что мне может удастся тем паче, что через все главы у меня проходит одно лицо. Я чувствую, что многое и поборол, что есть места, которые пахнут сеном, но в общем выходит у меня нечто странное и не в меру оригинальное... В общем получается не картина, а сухой, подробный перечень впечатлений, что-то вроде конспекта; вместо художественного, цельного изображения степи я преподношу читателю «степную энциклопедию». Пер-*

вый блин комом. Но я не робею. И энциклопедия авось сгодится. Быть может, она раскроет глаза моим сверстникам и покажет им, какое богатство, какие залежи красоты остаются еще не тронутыми и как еще не тесно русскому художнику. Если моя повестушка напомнит моим коллегам о степи, которую забыли, если хоть один из слегка и сухо намеченных мною мотивов даст какому-нибудь поэтику случай призадуматься, то и на этом спасибо».

В этом объяснении Чехова выделяются три момента. То, что у писателя был замысел, который и воплотился в «Степи», написать повесть не с гладким течением сюжетного действия, а с более сложной организацией: отдельные сцены или рассказы, но связанные общим тоном повествования (степь-родина) и присутствием всюду одного лица (Егорушки).

Опасения Чехова, что может выйти что-то «не в меру оригинальное». Это относится все к тому же опасению, врожденному для русской литературы 80-х годов, нарушить, выйти из «тургеневских канонов». Чехов эту боязнь преодолел, в этом, может, главная причина — его «писательская юность».

Признание возможной «неполноценности» повести как художественного произведения. Напрасное, как мы сейчас можем видеть. Чехов же видит свою заслугу, даже в случае признания этой неполноценности, хотя бы в том, что привлек внимание к давно не разрабатываемой теме степи.

Итак, понятно, что хотел воплотить Чехов в своей повести и как представлял себе сюжетное и композиционное начала в «Степи».

◆ О предполагаемом продолжении повести. Сюжет «Степи» производит впечатление прерванности. Действительно, Чехов собирался продолжить работу над повестью, поэтому он и «оборвал» ее столь неожиданно, не оставляя места сомнению о продолжении «Степи». Нет, очевидно, прямого указания на причину перерыва в написании: возможно Чехов *хотел «проверить» начало произведения на отзывах публики и критики*, возможны и иные соображения. Не следует забывать, мы уже начинали с этой фразы выше, что Чехов впервые писал столь крупную вещь и не смог «единым духом» создать ее

полностью, без перерыва... Но планы написания продолжения сохранились в его письмах. Так в письме Д. В. Григоровичу от 5 февраля 1888 г. он писал: *«...В своей «Степи» через все восемь глав я провожу девятилетнего мальчика, который, попав в будущем в Питер или в Москву, кончит непременно плохим. Если «Степь» будет иметь хоть маленький успех, то я буду продолжать ее. Я нарочно писал ее так, чтобы она давала впечатление незаконченного труда. Она, как Вы увидите, похожа на первую часть большой повести».*

Возможно, как это видно из переписки писателя, что и денежные затруднения торопили Чехова печатать незаконченную «большую повесть» («*Деньги мне очень нужны...*») — пишет Чехов по поводу напечатания «Степи»). В том же письме Плещееву Чехов опять говорит определенно о продолжении повести: *«Что касается Егорушки, то продолжать его я буду, но не теперь. Глупенький о. Христофор уже помер. Гр. Драницкая (Браницкая) живет прескверно. Варламов продолжает кружиться...».* Однако повесть не была продолжена, возможно что и к лучшему; теперь, по прошествии времени, «Степь» производит впечатление композиционной законченности, да и сюжетная целостность не очень-то страдает от отсутствия задуманного продолжения. Так кажется.

◆ Сюжет «Степи». Прежде чем приступить к рассмотрению композиции повести, исследуем сюжет. Сюжет и композиция взаимосвязаны по достаточно сложной схеме. Рассмотрев сюжет «Степи», мы вольны проанализировать любую из форм композиции произведения с тем, чтобы непосредственно перейти к ней; тогда анализ композиции будет проведен в параллели с сюжетом произведения.

Если теперь сопоставить сюжетное движение повести Чехова и соотношение композиции и сюжета, то, проанализировав их, можно отметить резко отличительную особенность этого произведения: значительная корреляция сюжета и композиции, хотя было бы одной крайностью утверждать, что здесь сюжет совпадает с композицией, а с другой — имеется резкое несовпа-

дение композиционной и сюжетной организации произведения, то есть нельзя сказать, что преобладает одна из двух схем: (а) сюжет \equiv композиция; б) сюжет + (внесюжетные элементы) \in композиции, при неравенстве: (внесюжетные элементы) $>$ сюжетные элементы. ... Извиняемся за символы логики.

Хотя можно рассуждать двояко и выбрать схему и (а) и (б)* именно в силу того, что в повести, по самому авторскому замыслу, нечетко выражены основные элементы сюжета: завязка, предшествующая ей экспозиция, кульминация, развязка. Вернее, можно прочесть и так, но в том-то все и дело, что Чехова менее всего интересовали строгие обозначения сюжетного плана. В обычном же чтении фиксируются не отрезки от «элемента сюжета до элемента», а непрерывное течение описания. Наконец, связующее присутствие мальчика можно совсем оттенить, а в центр повествования поставить или совокупность образов людей, связанных с движущимся обозом, или меняющиеся картины степи: утром, в полдень, в предвечерье, вечером, ночью, в грозу... Эти три варианта элементности сюжета суть «движение сюжета» справа. Так что представляется более целесообразным вместо схем (а) и (б) при анализе «Степи» пользоваться термином «корреляция композиции и сюжета» в том смысле, что они не идентифицируют друг друга, а, оставаясь самостоятельными, во многом сближаются. При этом они выполняют и порознь, и вместе те задачи, которые им и отведены, в соответствии с литературоведческой терминологией.

Сам Чехов писал, что «Степь» во многом напоминает «степную энциклопедию», и что во многом она писалась вдохновенно, без четких начальных планов: «...«Степь» кончена и посылается. Не было ни гроша, и вдруг алтын. Хотел я написать два-три листа, а написал целых пять. Утомился, замучился от непривычки писать долго, писал не без напряжения и чувствую, что наерундил немало». Кстати, литературоведами отмечена вообще эта индивидуальная особенность сюжетообразования в творчестве Чехова.

* Несмотря на эту неопределенность, скорее нечеткость в отведении границ сюжету и композиции, они у нас не отождествляются друг с другом, хотя в литературоведении существует и такой подход.

М. Б. Храпченко пишет: *«Автор «Степи» и «Вишневого сада» избегал исключительности как в выборе ситуаций, так и в обрисовке героев. Одна из отличительных черт его реализма — раскрытие коллизий, драматических положений в процессе воссоздания обыденной жизни».*

И еще о роли в произведениях Чехова вообще корреляционной связи сюжета и композиции, выявляемой через подтекст: *«Реалистическое изображение действительности в произведениях Чехова отмечено не только лаконизмом, решительным преодолением всякого рода внешней красоты, выпренности, но и тем, что многие человеческие связи и отношения раскрываются через подтекст. Давно и правильно указывалось на то, что в реалистическом письме Чехова заметное место занимают импрессионистические начала показа жизни»* – пишет М.Б. Храпченко.

Вот эти импрессионистические начала-то особенно и заметны в «Степи»; производя своего рода «сюжетное дробление», его многослойное наложение на композицию произведения, они придают повести характер художественной «степной энциклопедии». Все сказанное выше подчиненно одному: показать или доказать малопродуктивность строгого выделения сюжетной линии при анализе «Степи» и отдельного от сюжета рассмотрения композиции повести. Фраза же, выше приведенная относительно отсутствия «четких начальных планов», ни в коей мере не означает, что Чехову приписывается бездумное сочинительство, куда бог и перо приведет. Да это и почти невозможно, ибо нельзя писать без замысла (можно, и многие пишут — без плана), а довлеющая сила замысла была определена еще три столетия тому назад в каноне искусства классицизма Буало:

*Но если замысел у вас в уме готов,
Все нужные слова придут на первый зов*

.....

(Понимая «слова» значительно шире обиходного значения).

И еще одна фраза оттуда, во многом характерная для повести Чехова:

*Хотя в сюжете нет докучного порядка,
Он развивается естественно и гладко.*

И последнее замечание, относящееся и к композиции и к сюжету: о конфликтности сюжета. Коль скоро «Степь» есть произведение сюжетное, то в нем отмечен конфликт; сюжет всегда конфликтен. В современном научном толковании конфликт в сюжете художественного произведения определяется весьма многогранно (М.Б. Храпченко): *«Структурную основу литературных произведений составляет конфликт в его определенном художественном выражении. Как в выборе конфликта, так и в поэтическом его воплощении ясно проявляются идейные начала творчества. Однако рассмотрение их в данной связи не может быть обособлено от внутренней коллизии произведения и ее раскрытия. Конфликт, его своеобразие в значительной мере предопределяют и особенность действующих лиц, и их расстановку в процессе повествования, ибо художник замысливает не просто «чистый», абстрактный конфликт, а конфликт между так или иначе прояснившимися в его творческом сознании героями, характером. Развитие конфликта обуславливает не только связи и противоречия художественных образов, но и соотношение отдельных сторон, компонентов литературного произведения, его внутреннее строение».*

И опять — применим это к конкретному анализу — особенности «дробящегося» сюжета, пресловутый импрессионизм творчества Чехова. Повесть, по словам самого писателя, разбивается на несколько отдельных сцен, лишь для общности связанных образом центрального героя — мальчика Егорушки. В каждом из этих «очерков» легко отыскивается свой конфликт; и развитие этих «локальных» конфликтов как раз безусловно приведено в соответствие с внутренним строением повести. Этого требовала сама сложная организация «Степи». Но поскольку все события повести соотносятся с Егорушкой, то можно определить и конфликт всей повести, общего сюжета именно в этой

связи: это конфликт Егорушки со средой, новой для него, в новой обстановке — возчики, степь, одиночество среди чужих по духу людьми и пр. — после города, дома, мамы... Здесь находим все элементы сюжета, характеризующие конфликт — «движение сюжета». Первоначальная отчужденность Егорушки переходит в прямое столкновение, ненависть к Дымову и пр. Это кульминация. Кульминация тоже имеет двойника-отзвук: болезнь Егорушки; хотя отзвук совершенно в ином качестве: физический недуг, а не душевная депрессия... Но вот мальчику раскрывается иная жизнь степи, людей, возчиков, того же Дымова. Наступает развязка. Отзвуком она повторяется выздоровлением Егорушки. Конфликт мальчика дублируется описанием природно-стихийного конфликта: степь с ее различными состояниями, в основном, в соответствии с душевным состоянием мальчика. И здесь кульминация — гроза.

При сюжетно-конфликтном анализе «Степи» бросается в глаза в обычном понимаемом смысле нечеткость этой сюжетно-конфликтной организации, ее невыявляемой нарочито четкости. Это специфическая особенность творчества Чехова: его подход к типичности, в частности сюжетной, и отсутствие в его произведении аффектации. Это факт, давно отмеченный и подробно изученный современным отечественным литературоведением. Первое вытекает из строгого требования Чехова к отбору жизненных фактов и выявления на этой основе типических конфликтов (С.М. Петров): *«Преобразование реальной жизни в художественное содержание, в произведение — в сюжет и фабулу (ход действия) совершается в реализме прежде всего путем отбора писателем фактов и событий. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы в ней, как в фильтре, осталось только то, что важно или типично»*, — рассказывал Чехов. *Типично с точки зрения раскрытия сущности тех явлений действительности, которые отразились в данном житейском факте, случае, эпизоде и т.д.»*.

Это говорит о четком понимании писателем самой сути реализма. Ибо в то время многие понимали и толковали реализм несколько вульгарно: как

хладнокровное отражение «добра и зла». Как писал Федор Сологуб в предисловии к пятому изданию «Мелкого беса»: *«Этот роман — зеркало... Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражается в нем одинаково точно»*. Благо, что это «фотографическое» утверждение в самом романе Сологуба так и не отразилось; ибо не отразилось там ни на грамм прекрасного, но лишь великое человеческое уродство. Потому «Мелкий бес» и стал значительным произведением в отличие от многих других книг его.

И относительно второй особенности Чехова так сказано в трехтомной монографии о русской литературе конца XIX — начала XX вв. (М.: Наука, 1971): *«...Со всем этим связана и другая черта чеховского повествования, отличающая его от сочинений и позднего Толстого, и писателей «горьковской» линии, — более ровное течение жизни, свой образ времени. Чехов изображает подчас столь же трагические события., но мир его произведений, в целом, значительно менее взрывчат, не говоря уже о том, что иным является и отношение к такого рода событиям. Если, например, у Горького, Андреева, Серафимовича чрезвычайные драматические ситуации являются сплошь и рядом «ударными» моментами повествования, то у Чехова они играют значительно менее существенную идейно-композиционную роль... Чехов продолжал, как и раньше, тяготеть к изображению жизни в ее повседневных, внешне не драматических проявлениях, демонстрируя ужас обыденного существования»* (В.А. Келдыш).

Поэтому-то даже «чистый» вымысел в произведениях Чехова не выпирает своей фантазией, наготой выдумки. По своей инвариантности с типичностью он и воспринимается как таковой. Отсюда и «сюжетная скупость» писателя. «Степь» тому пример. Как писал Белинский: *«Простота вымысла в поэзии реальной есть один из самых верных признаков истинной поэзии, истинного и притом зрелого таланта»*.

◆ Два необходимых композиционных условия в «Степи». Эти два усло-

вия суть: (а) сама композиция произведения соотносится и *определяется* действительными жизненными обязательствами; (б) композиционное построение мотивируется характером.

Действительно, множество условий, необходимых для наиболее убедительного композиционного построения произведения, в конечном счете «укрупняются» именно в эти два условия: жизненности и характерной мотивировки. Читая «Степь», менее всего можно отрицать жизненность обстоятельств, показанных в повести. Вот эти жизненные обстоятельства, лежащие в основе повести: типичная картина из жизни степной зоны России 80-х годов позапрошлого века; показана и жизнь природы: середина лета, и жизнь людей, связанных со степью, ее уездными городками. Даже промысел их чисто степной: торговля овечьей шерстью для Ив. Ивановича, Варламова, отчасти графини Браницкой (Драницкой), отца Христофора, оставившего на время духовные занятия и пустившегося в торговые спекуляции. И возчики обозов, и овечьи пастухи — все при своем обычном деле. Жизненна и обычна для времени, места, сословия и пр. история Егорушки, дворянского сына из уездного *N. Z*-ой губернии, отправленного бедной его матерью в другой, больший чем *N*, город для учения в гимназии.

Ничего удивительного нет и в появлении у костра обозчиков «счастливого Константина», несколько тургеневского персонажа, но оттого не менее жизненного и в 80-е годы. Да, здесь, пожалуй, и не могло быть иначе: слишком сильны были личные впечатления Чехова, когда писалась им повесть. В цитированных выше письмах к Григоровичу и Плещееву он сам об этом говорит. И пусть это были лишь впечатления детства и короткой «взрослой» поездки писателя. Каким-то таинственным путем сознание художника в творческой работе над образами памяти вызвало потребность создания именно такого произведения, причем идея обрела воплощение на скелете очень жизненных и действительных обстоятельств. *«Несомненно, что жизнь воздействует на личность художника сложными путями. Часто незначительные, на привычный взгляд, явления оказывают сильнейшее влияние на писа-*

теля...» – пишет М.Б. Храпченко.

«Жизненность» в таком понимании присуща вообще реалистическому произведению: «...для реализма характерно, что процесс жизни предстает в его изображении в тех формах, в каких он протекает в самой реальной действительности. Это имеет определяющее значение и для композиционных форм реалистического произведения» – а это мнение С.М. Петрова.

Трудно судить о жизненности обстоятельств теперь, отстоя от времени, описанного в «Степи», почти на полтора года. Однако ясное подтверждение мы находим еще в детстве, читая Гарина-Михайловского, Пришвина и Лескова, Григоровича, Тургенева, Эртеля... Во всех реалистических произведениях 70-80-х годов прошлого века найдем и оторванного от мамы маленького гимназиста Егорушку, торгующего о. Христофора и бритого, скучного на чувства Ив. Ивановича, а особенно — фразы крестьян, пашущих и в отхожем промысле, босяков и бедолаг, избытком которых всегда славилась крестьянская Русь. Композиция произведения основывается на жизненной правде.* Правда эта может сюжетно выражаться очень выпукло, подчеркнута (Горький, Серафимович, Андреев...), но может иметь форму типичного, повседневного, как это мы видим у Чехова. Но от этого соотношение композиционного построения и действительности изображенных обстоятельств не меняются.

И от того, кто из писателей строит композиционно произведение, на каком социодинамическом сечении, мы и определяем их как писателей остро-сюжетных и писателей, такого острого сюжета избегающих. Второе композиционное условие: мотивировка характерами. Ниже мы будем подробно говорить о композиционном аспекте характеров. Однако достоверность, убедительность и достижение ей назначенной цели, в конечном итоге, композиционного построения произведения невозможно без ее мотивировки характерами.

* Буало пишет: «Невероятное растрогать неспособно.
Пусть правда выглядит всегда правдоподобно».

Так можно отметить образ и характер Дымова. Им мотивируется важный человеческий и социальный конфликт «лишнего человека», бунтаря без идеи, как можно сказать. Это типаж всегдашней русской жизни, но особенно отдельных периодов истории страны; 80-е годы относятся к таким периодам. И, наконец, почему мы выделили именно *эти* два условия композиции? Ответом могут служить слова Гегеля: «...*Поскольку произведение искусства представляет все формы **реального** явления, то единство, чтобы не нарушать живой отблеск действительного, само должно быть только **внутренней** нитью, связывающей все части с видимой непреднамеренностью в органическую целостность*» (выд. Гегелем).

На фоне реальных, жизненных обстоятельств композиционная нить (внутренняя нить!) не грубо, дидактически должна выпирать, довлеть и учить, а именно «между строк», лишь своей организацией связывать все части произведения, все изгибы сюжета. А это предполагает и обратную связь: *композиция перерастает в характер, а характер в композицию*. Отсюда, нерасторжимый элемент есть мотивировка характерами. Из анализа «Степи» это выясняется как достоверное.

◆ *Композиционный принцип Чехова в «Степи»*. Под этим подразумеваем *авторский* способ построения композиции. А это, в свою очередь, применяемый автором способ, типизированный практической литературой, плюс его индивидуальные особенности в области композиции.

В «Степи» основное композиционное содержание есть художественное выражение взглядов и писателя-гражданина и художника, тонко чувствующего натуру человека. Современная критика однозначно определяет центр «тяжести», основание композиции произведения: *«В центре творческого внимания Чехова находились иные явления действительности, иные жизненные проблемы... Писатель высмеивает косность, застой, невежество в тех разнообразных формах, в которых они существовали на рубеже двух веков. Косности и невежеству Чехов противопоставляет развитие культуры, знаний, прогресс человеческого общества. С этим тесно связана его поэтизация*

труда; в нем писатель видел не только средство преодоления застоя, но и живой источник возникновения новых человеческих ценностей» (М.Б. Храпченко).

Художественное воплощение подобных воззрений Чехова на современную ему природу и состояние человеческой души и есть основной композиционный принцип Чехова. А индивидуальная особенность суть мягкие, иронические, «человеческие», говорим мы, интонации, сцены обнажения человеческой души в обыденных поступках. И отмечено, что этот человеческий принцип композиции зачастую дает контрастное — по отношению к самому содержанию рассказа, повествования — общее впечатление скрытого оптимизма.

«...Каждый новый рассказ Чехова все усиливает одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни...» — отмечает Горький. Конкретно в «Степи» с основным композиционным принципом мы связываем и прием, использованный в повести, а также в ряде «детских» рассказов А.П. Чехова («Детвора», «Событие», «Дома», «Кухарка женится» и др.): показ социального и духовного среза жизни глазами ребенка, через фильтр детского восприятия. Известный литературовед Г.А.Бердников пишет: *«...Все то мелкое, ненужное, оскорбительное для человека, к чему терпелись взрослые люди, в чем они видят привычную и неизбежную форму жизни и отношений между людьми, становятся странным и ненатуральным для маленького человека»*. Как можно легко сообразить, вспоминая хотя бы собственное детство, этот фильтр детского воззрения на мир обладает способностью пропускать и откладывать на память, мышление, мысль только основные, четкие моменты жизни, но не пропускает затеняющие их и вторичные шумы: именно те, что взрослому человеку часто мешают видеть мир и его движение в главных моментах жизни.

Вот восприятие Егорушки: расставание со своим городом, где он, может быть, родился, вырос, расставание с остающейся одной матерью, и, как усиленный момент, его мысленное прощание с городским кладбищем, где лежат

его бабушка, его отец... А что ждет Егорушку впереди? Нечто неизвестное, тоскливое, неродное, пугающее. *«А за кладбищем дымились кирпичные заводы. Густой, черный дым большими клубами шел из-под длинных камышовых крыш, приплюснутых к земле, и лениво поднимался вверх. Небо над заводами и кладбищем было смугло, и большие тени от клубов дыма ползли по полю и через дорогу. В дыму около крыши двигались люди и лошади, покрытые красной пылью... За заводами кончался город и начиналось поле. Егорушка в последний раз оглянулся на город, припал лицом к локтю Дениски и горько заплакал...»*. Сама природа, степь воспринимается Егорушкой в едином, сиюминутном состоянии: она имеет свои оттенки, совпадающие с настроением мальчика, утром и вечером, в полдневный сухой зной и в полночь, в сухоту и в степную грозу. Попутчики Егорушки тоже в его глазах получают целостные характеристики: Иван Иванович — скуп, сердит, жестокосердечен, малоразговорчив; отец Христофор Сирийский — благодушествующий, поучающий, в натуре добрый человек. И подводчиков, и графиню, и Варламова, и «счастливого» Константина мальчик воспринимает по-детски, по первому впечатлению, самому верному и общему.

Композиционный принцип очень близок к композиционному приему. Чехов сам определил композиционный прием в «Степи» (см. цит. из письма к Григоровичу). Егорушка связывает все повествование, делая произведение целостным. Без образа мальчика повесть во многом имело бы характер *контаминации*, соединения в одном произведении двух или более сюжетов.

Здесь четко расставил по местам Г.А. Бердников: *«...Образ Егорушки в повести имеет прежде всего важное композиционное значение — он цементирует, объединяет воедино, казалось бы, весьма разрозненные сцены путевых впечатлений и наблюдений. Причем объединение это осуществляется единством взгляда на явления действительности и, в связи с этим, единством поэтического тона повествования. В основе этого взгляда лежит, как и в детских рассказах, непосредственное, наивное, но по-своему глубокое восприятие мира. И именно потому, что в этой наивности таится глубина*

непосредственного человеческого чувства, детское восприятие легко и просто выливается в авторское. Так прокладывается путь от наивных картин детского образного видения мира к высокой патетике или философской погруженности авторских лирических отступлений». Подтверждение сказанного выше о композиционных принципе и приемах.

О принципах и приемах композиции еще будет сказано дальше, но уже в тесной связи с характерами, их взаимоотношениями.

*Когда-то и где-то было прекрасно сказано, что
«повесть есть эпизод из беспредельной поэмы
судеб человеческих».*

(В. Г. Белинский)

*Пусть гармоничное, изящное творенье
Богатством образов дарует наслажденье.*

(Буало)

♦ *Характеры и конфликты* — вот «материальная» основа композиции. Характеры и композиция взаимосвязаны: характер переходит в композицию, а последняя в характер, как уже говорилось выше. Конфликт есть структурная основа произведения, динамический фон для вырисовывания характеров. Все остальные терминологические, «околокомпозиционные» понятия вторичны от триединой группы, поэтому их анализ ведется совокупно, в дополняющей и неразрывной соединенности. Ибо одиночный анализ их дает *rien de rien* (абсолютно ничего), как говорят французы. Характеры в повести; обычный анализ: характер раскрывается показом его взаимоотношений с другими характерами; явления и острые моменты жизни раскрываются именно во взаимоотношениях характеров. А композиция есть художественное средство создания характеров и их взаимоотношений, то есть доказан логический инвариант характера и композиции. Егорушка — мы уже говорили — его образ, имеет большое композиционное назначение. Однако это не кон-

струкция, схема. Как характер, он также играет свою и немалую роль. Здесь, если говорить о взаимопроникновениях характера и композиции, то скорее композиция порождает характер, чем наоборот. «Композиционный» Егорушка здесь первичен по сравнению с Егорушкой «характерным». Это произошло потому, что уже в авторском замысле мальчику отводилась роль композиционного связующего звена в повести. А характер его создавался как дополнение к его композиционному статусу. Но есть ли места в повести, в течении сюжета, где Егорушка, как характер, играет самостоятельную, неслужебную в композиции роль? Они есть. И это моменты, рисующие читателю образ мальчика восьми-девяти лет из бедной дворянской чиновничьей семьи. Эта характеристика дается в повествовании от лица мальчика (прощание с городом *N*, переживания после ссоры с Дымовым, болезнь, путевые впечатления), в его портрете. «...*В бричке находился еще один пассажир — мальчик лет девяти, с темным от загара и мокрым от слез лицом...*». То есть все же, читая повесть, мы воспринимаем Егорушку и как характер, со всеми присущими атрибутами создания его в художественном произведении, а не только как композиционное звено согласования картин и сцен.

Похожая мысль высказана и у Г. Бердникова: «...*Но авторский голос сливается здесь, как мы видим, не только с голосом Егорушки, но и с читательским восприятием. Мысли и чувства, с которыми мы знакомимся, могут быть присущи не только мальчику Егорушке и автору, но и всякому сохранившему человечность человеку*». Тем самым читатель уже обобщает, типизирует характер. Еще одно подтверждение самостоятельности его от композиции. Иначе и не могло быть, ибо тогда, чтобы полностью сделать образ мальчика «служебным» для композиционной связности повести, ему пришлось бы выдерживать этот персонаж в сугубо «скелетном», формальном присутствии. Но такой прием искусственен, малохудожественен, ибо при этом не соблюдается то, что называется *мерой*. Это важное, особенно для воспринимающего произведение читателя, понятие. Ибо, как говорил, несколько по другому поводу, но в том же смысле, Джордж Сантаяна: «*Мера —*

условие совершенства, ибо совершенство требует всепроникающего порядка: не только целое должно представлять перед нами в определенной форме, но и каждая часть этого целого в свою очередь должна иметь собственную форму; части же должны соответствовать друг другу подобно тому, как целое соответствует другим частям в рамках более общей структуры».

Рассмотрим, наконец, третью грань отношения «характер-композиция»; а именно то, что по законам композиции любой характер раскрывается путем его показа во взаимоотношениях с прочими характерами, создаваемыми в произведении автором. Вот диалоги мальчика с дядей его, Ив. Ивановичем:

— Хочешь вернуться?— спросил Кузьмичев.

— Хо... Хочу...— ответил Егорушка, всхлипывая.

— И вернулся бы. Все равно попусту едешь, за семь верст кисель хлебать...

Из отношения дяди к своему племяннику, выраженному в разговорах с ним, а также в отзывах о мальчике в глаза и за глаза, в его поведении, в сценах, прямо относящихся к судьбе племянника («— *Хлопоты!* — бормотал дядя. — *Привязался ты ко мне, как репейник, и ну тебя совсем к богу! Вам ученье да благородство, а мне одна мука с вами...»*), вырисовываются черты образа: Егорушка — мальчик-полусирота теперь, где-то живет его вдовая чиновница-мать, существование ее и Егорушки во многом зависит от благодеяний скупого и черствого дяди и так далее. Из поучений о Христофоре, правда, мало что можно узнать, ибо он говорлив и говорлив об общем. В его рассуждения о пользе образования мальчик может вставить лишь одно-два слова. Вот случайные, встреченные на пути люди: Мойсей Мойсеич и жена его с постоянного двора, Настасья Петровна, к которой определили Егорушку; из их речей еще более отчетливо вырисовывается тягостная сторона положения мальчика вдали от дома, среди чужих... С возчиками раскрываются уже другие черты мальчика, хотя и прежние тоже отмечаются. Особенно характеризуют его ссоры и стычки с Дымовым: здесь детская восприимчивость, обид-

чивость, непосредственность, нетерпимость к грубости, злобе, коварству: «...Он (Дымов — А. Я.) крепко держал Егорушку за ногу и уж поднял другую руку, чтобы схватить его за шею, но Егорушка с отвращением и со страхом, точно брезгуя и боясь, что силач его утопит, двинулся от него и проговорил:

— Дурак! Я тебе в морду дам!

Чувствуя, что этого недостаточно для выражения ненависти, он подумал и прибавил:

— Мерзавец! Сукин сын!».

Сравните: «Характеристики не есть лишь «подробное описание лица»; лицо характеризуется всегда **в определенном отношении**, т.е. подводится этим под известный **род, категорию** лиц и рассматривается с точки зрения ее требований, т.е. ее существенных признаков, которые предполагаются прочно установленными и известными» — А. Шалыгин. Дополнительный курс теории словесности, СПб, 1914. — Выд. А. Шалыгиным.

Еще один, уточняющий момент: характер создается во взаимоотношениях с другими характерами. А каков их «набор»? Очевидно, здесь автор исходит и из тонкостей отношения: композиция через характеры. Вопрос этот не схоластичен и не так прост. Как правило же, «сверхзадача» здесь состоит в том, чтобы «система образов в реалистическом произведении всегда представляла собой попытку воспроизвести отношения в семье, обществе, народе» (С.М. Петров).

В «Степи» такая попытка, и удачная, делается во «воспроизведении отношений» нескольких социальных групп: городское торговое мещанство (Ив. Иванович, трактирщик Мойсей Мойсеич), духовенство — о. Христофор, крупный промышленный торговый слой — Варламов, Драницкая с управляющим и пр. Но наиболее полно представлен пролетариат степи: возчики обозов. Их отношения характерно воссоздаются в диалогах, поступках, прямой речи, отношении к Егорушке, Константину, Варламову. Другие персонажи повести; их композиционное значение. Они разнолики и непохожи друг на

друга и многих расхожих литературных прототипов.

◆ Уже говорилось выше, что персонажи «Степи» представлены группами. Группа первая и основная: возчики обоза. Это люди — неудачники в жизни, кто оказался в самом темном ее углу, исправляя тяжелую работу, то ли в результате несчастья (певчий Емельян), то ли «душевной тоски» — Дымов, беспристрастный Пантелей, больной от работы на спичечной фабрике Вася. Выписаны они сурово, реалистично, без идеализации «вольной в степи» жизни, полусвободного промысла, семейной несвязанности и пр. Судьба их трагична, жизнь печальна и тяжела; они тянут свою ляжку, а живут только воспоминаниями о былом, счастливом начале своей жизни или святочно-разбойничьими рассказами Пантелея, или доброй завистью к людям вроде «счастливого Константина». Нечего и говорить, что возчики не просто дети несчастья от рождения. Каждый из них наделен сильными, «недюжинными» качествами, при ином повороте их жизни сослужившими бы им добрую службу: Емельян был хорошим певцом, Дымов — красив, могуч, он человек сильной воли, бунтарь; особое, острое видение мира у Васи, может, имевшего в зародыше художественный талант; многое повидал в жизни и Пантелей.

Группа вторая: Егорушка, его дядя, о. Христофор и Дениска.

Третья группа: таинственный Варламов, что «кружит» по степи, графиня Драницкая. Случайны в повести детали их характеристик, случайны их встречи с Егорушкой. Это тот, таинственный для мальчика мир, и пока ему рано глубже и подробнее всматриваться в него. Это полубоги мира, а Егорушка еще слишком мал и неразумен, чтобы правильно, хотя бы в общих чертах, понять суть их жизни. Таково авторское развитие этой композиционной темы. И, наконец, еще группа — еврейская семья содержателей постоянного двора, точнее, два характера, написанных антитезно: Мойсей Мойсеич и Соломон. Первый — типичный мелкий торговец из евреев, услужливый и подбострастный, разумеется безо всякого собственного «я» (на людях, конечно), без малейших понятий о гордости, национальном достоинстве и пр. Словом, это типаж, обычный и для своего времени, и для литературы того

времени. То, что Чехов не случайно ввел его в повесть, мы узнаем из его письма к Григоровичу (цит. выше*), где он пишет, что изображает в повести «*равнину, лиловую даль, овцеводов, жидов, попов...*»

Его антипод — брат его Соломон, персонаж очень новый для русской литературы прошлого века. Сложно отыскать хотя бы отдаленного его аналога. Соломон — резко протестующая натура, точнее, нетерпимо протестующая против современного ему бытия людей, их интересов, дел, чувств. Он глубоко презирает мнимые фетиши, ценности людского мира. Брат его рассказывает заезжим: «*...Ночью он не спит и все думает, думает, думает, а о чем он думает, бог его знает. Подойдешь к нему ночью, а он сердится и смеется. Он и меня не любит... И ничего он не хочет! Папаша, когда помирал, оставил ему и мне по шести тысяч рублей. Я купил себе постоянный двор, женился и таперичка деточек имею, а он спалил свои деньги в печке...*». В то же время Соломон есть личность комическая, жалкая, ибо его протест слишком абсолютен, а потому где-то переходит в волюнтаристский нигилизм, что оборачивается против него же самого отчуждением. Впрочем, если этот персонаж нетипичен для среды российских евреев конца XIX века, то, усредняя национальные признаки, можно сказать, что на Руси всегда таких людей хватало. Может и в Соломоне произошла «переоценка ценностей», приведшая к исчезновению тысячелетиями воспитываемой в еврейской среде бережливости, скрытности мыслей и суждений, практической хитрости и пр., именно под воздействием русского духа отрицания, скепсиса и презрения к накоплению, что мы ощущаем хотя бы в среде тех же степных возчиков? Может, это композиционный прием?!

Как и в композиционном построении, архитектонике повести, представляющей собою дробление на отдельные сцены с полусамостоятельными сюжетами, так и в композиционном соотношении характеров эти самые характеры представлены погруппно, как для поддержки линии сюжетного движе-

* В книге Г. Бердникова «А.П. Чехов. Идеиные и творческие искания», М.—Л., ГИХЛ, 1961, эта же цитата приведена с пропуском слова «жидов».

ния, так и для усиления типизации, также для усиления композиционного закона «взаимозакрытия характеров». Причем все характеры «Степи», даже, наконец, и Соломон, типичные: хотя в повесть можно было более полно ввести того же Варламова, Драницкую; тем не менее Чехов ограничил число персонажей, ибо *«отбор лежит в основе искусства, но отбор типического, представительного»*, как сказал Генри Джеймс.

◆ Наконец, введем третью составную часть композиционного единства: конфликт. Мы о нем уже говорили выше, утверждая, что конфликт есть структурная основа произведения, естественно, в определенном художественном выражении конфликта. Вопрос о степени и градации конфликтов, ведь мельчайшее движение сюжета насыщено «мини-конфликтами», но чаще всего эти конфликты суть вариационные, стохастические колебания человеческих отношений. Белинский в «Разделении поэзии на роды и виды» писал, что *«ежедневная жизнь хотя и имеет своим последним основанием вечные субстанциальные силы, но в своем проявлении случайна и подавлена внешностями, лишенными всякой значимости»*. При анализе композиции следует принимать во внимание не массу этих случайно-закономерных конфликтов, но конфликты, задуманные автором как композиционно-сюжетная основа произведения.

Обобщающий конфликт в «Степи» — «драма народной жизни» — Белинский. И больше тут добавить что-либо трудно. Общий конфликт распадается в параллелях на детскую, но от того не менее грустную и жестокую, драму Егорушки, отзвук — трагические судьбы возчиков, душевная черствость Ив. Ивановича, бездумность отца Христофора Сирийского, судьба Варламова: и хозяина, и раба своей деловой жизни. Большие задатки, грядущий простор — и все это гибнет, расплывается, исчезает на бескрайней степи. Гибнут попусту, без выхода, без пользы силы, души, надежды, творческая зоркость. Опять вспомним ту чеховскую импрессионистскую манеру письма: мы замечаем эту рассредоточенность, распараллеливание (символ импресии) общего на частности, вырождение и показ общего конфликта на драмах

людей, природы, каждого деревца и ребенка. Здесь импрессионизм Чехова уже полностью выступает как индивидуальный прием композиции. Но все в рамках характерного произведения критического реализма, где композиция определена следующим образом: *«Выбор темы и сюжета определяется прежде всего идейным замыслом писателя, его отношением к действительности, к проблемам жизни, пониманием вопросов и задач его развития. Поэтому и выбор композиции связан с идейным замыслом произведения. Но так же как разработке характера и в изображении судьбы человека писатель-реалист руководствуется объективным движением жизни, так и в изображении самого этого движения он связан его закономерностями. Что такое композиция по отношению к сюжету? Это разворачивание сюжета во времени и пространстве. В движении сюжета... отражается развитие самой жизни»* – дает такое определение С.М. Петров.

Мы выделили этот вопрос о тональности и параллели в природе в композиции «Степи» потому, что природа, как и образ Егорушки, есть связующее в композиционном отношении звено. А в чисто художественно-описательном едва ли не главное. Идея художественной доминанты природы заложена Чеховым в самом названии повести. На фоне меняющихся состояний природы, степи происходят события сюжета, раскрываются характеры, наблюдает жизнь степи и людей в ней мальчик Егорушка. Утренняя природа степи: *«Между тем перед глазами ехавших расстилалась уже широкая, бесконечная равнина, перехваченная цепью холмов. Теснясь и выглядывая друг из-за друга, эти холмы сливаются в возвышенность, которая тянется вправо от дороги до самого горизонта и исчезает в лиловой дали: едешь-едешь и никак не разберешь, где она начинается и где кончается...»*. Но вот унылая полдневная картина: *«Но прошло немного времени, роса испарилась, воздух застыл, и обманутая степь приняла свой унылый июльский вид. Трава повисла, жизнь замерла. Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лиловые, со своими покойными, как тень, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно*

глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски...».

После полудня Егорушка видит все то же: равнину и холмы, холмы и опять лиловую даль. Но вот солнце уже одолевает дневной свой переход: *«...Солнце стало спускаться к западу, степь, холмы не выдержали гнета и, истоцивши терпение, измучившись, попытались сбросить с себя иго...».* И далее описание вечернего оживления жизни в степи: знаменитое описание в конце второй главы борьбы стихий природы и степи.

Но вот когда стихия побеждает скуку и размеренность июльской степи: *«Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес... Черно́та на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнем; тотчас же опять загремел гром; едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг всю большую дорогу до самой дали...».* Степной грозой и кончается описание степи во всех ее состояниях. Грозе композиционно (конфликту в природе) соответствует болезнь Егорушки, кульминация его невеселой в общем-то поездки.

◆ И так, природа степи и люди в ней. Композиционная параллель степи и людей выполняется на протяжении всей повести. И как в сюжетном плане, у людей, разыгрывается жизненная народная драма, так и судьба степи — трагическая судьба, она борется со стихиями: солнцем, ветром, засухой. И как в человеческом плане борьба окончена поражением, так и степь побеждена. Вот идея, суть композиционного приема отождествления степи и людей. Как у людей продолжится скучная, тяжелая и нелепая обыденность (возчикам до смерти ходить за обозом, Варламову «кружиться», Егорушке жить тяжело у чужих людей), так и в природе все будет изо дня в день повторяться. Исследователи творчества Чехова, тот же цитированный выше неоднократно Г. Бердников, именно в этом противопоставлении ищут естественно-социальный контекст: как степь не может жить вне законов довлеющих природы, так и люди подчиняются законам своего «общественного договора»,

выражаясь в терминологии Руссо. Опять мы приходим к сущности идейно-композиционного замысла «Степи».

И еще один момент: *«Величие природы или нации выглядело бы чудовищно, если бы ему не соответствовали величие и мудрость духа граждан»*,— писал Уолт Уитмен, а его соотечественник Хеплин Гарленд высказывал схожую мысль: *«...Быть верным своей стране, тем местам и людям, которых мы любим, любим просто, по-человечески, не стараясь ни опускаться, ни поднимать себя до них... Местный колорит в искусстве, очевидно, является источником жизненной силы литературы»*. В «Степи» потенциальному величию Руси соответствует бескрайняя, хотя и с подавленным природою «бунтом» степь, великая, в пол-Европы. «Местный колорит» и любовь к людям, как они есть,— лейтмотив повести Чехова. Ассоциативный показ человека и природы рождает в «Степи» особую тональность, гармонию событийных и стилевых моментов. А эта гармония немаловажна, ибо *«гармония стиля и содержания — необходимое условие художественности. Как лицо есть зеркало души, так точно стиль, архитектура художественного произведения является зеркалом его содержания»* – В. Переверзев «Творчество Достоевского», М.–Л., 1928.

Сам стиль глубоко индивидуален у Чехова в «Степи», и эта индивидуальность в повести сильно выпукла: немалая заслуга в этом принадлежит умелой композиции в части использования явлений и показа природы для усиления эмоциональной обрисовки характеров. При этом стиль Чехова, тот, что замечен ярко в «Степи» — продукт, разумеется и во-первых, его индивидуального таланта, но тут же четко сказывается традиция великой русской литературы XIX века. М. Б. Храпченко отмечает особо, что стиль Чехова впитал в себя тургеневские традиции плюс неослабленное временем, не закостеленное, а живое поэтическое мироощущение Пушкина. Тональность продуктивно связана в повести со стилевыми особенностями письма Чехова. Тот же Храпченко, говоря о тональности «Степи», отмечает: *«Основной тон не только не исключает, а предполагает существование в литературном про-*

изведении различных тональностей, которые передают богатство эмоциональных ракурсов в освещении как разных, так и одних и тех же явлений, сторон объекта творчества. Талантливое художественное произведение, отражающее большие жизненные проблемы, раскрывающее глубокие идеи и образы, отличается обычно сложной интонационной дифференциацией, в которой вместе с тем нередко ощутимы определенные звенья». В «Степи» общая тональность «степь — люди — драма» гармонически составляется из тональностей дифференцированных сцен и персонажных взаимоотношений повести.

При работе над композиционным анализом «Степи» мы помнили, что эта повесть — раннее произведение Чехова: яркий язык лирической прозы, косвенная постановка социальных вопросов (это в бурные 80-е годы!), — все напоминает об этом. Но обычно узнаешь о том, что это произведение создано в начальный, в конце его, правда, период творчества Чехова — из послесловия. Ибо композиционная разработанность и сложность самой сюжетно-композиционной организации, гармония стиля и содержания отнюдь не указывает на то, что «Степь» есть пробное, в «среднем» жанре, произведение писателя. И главное, полное отсутствие идеализации и грубой схемы. А от этого бича даже значительный талант излечивается долго. Вспоминается ярко гротескный образ графомана Александра Рыскова из арцыбашевской «У последней черты» с его знаменитой школьной тетрадкой с заголовком: «Любовь. Рассказ Александра Рыскова» — с его суперидеализацией, хотя, впрочем, и имеющей свои объяснения. С другой стороны, Чехов вложил в «Степь», как любой почти писатель в свое дебютное произведение, много вдохновения, сил и творческого материала. В композиции (опять же — дебютное произведение!) это отразилось некоторым несоблюдением нормы: неэкономическим расходом композиционных приемов — результат молодости, таланта и подстегивающего вдохновения.

В целом, композиция «Степи» глубоко индивидуальна, ясна, хотя и подана в сложной связи литературных приемов, потому она и входит во все ли-

тературоведческие хрестоматии:

*В любой поэме есть особые черты,
Печать лишь ей одной присущей красоты...*

(Буало)

При анализе композиции «Степи» мы избегали терминологии соответствующих разделов психологии бессознательного. Очевидно, это не помешало, в то же время не создавая эффекта навязчивого упоминания терминов, выразить требуемую мысль, что композиция художественного произведения во многом (во многом определяющем) есть результат наложения на активную доминанту творческого процесса фиксированных установок — следов в подсознании предшествовавшего художественного опыта писателя. Тот же момент, что для анализа было взято раннее произведение Чехова, позволяет четко констатировать, что здесь фиксированные установки еще не «перебиваются» художественной инерцией.

◆ Наблюдательный читатель (эх, где они и существуют ли сейчас вообще в природе!*) отметил, что уже во второй «Колонке» (первая в № 4, 2019 «ПЗ») мы касаемся композиционных особенностей А.П. Чехова. И если в первой из них речь шла о повести «Три года», как характерном образце сведения первоначально задуманного *романа* к менее крупному жанру (сам Чехов при первой публикации в «Русской мысли», 1895 поставил подзаголовок «рассказ»...), то в отношении «Степи» литературоведы никогда, пока существует такая профессия, не придут к единому мнению: удалась/не удалась ли Чехову «Степь» с отнесением по жанру повести? И вовсе обобщающий вопрос: дарован ли был Антону Павловичу дар крупножанрового писателя? ...Впрочем, с такими категорически поставленными вопросами в итоге мож-

* За всех не поручусь, но одного точно могу назвать: наш постоянный автор (и читатель!) Александр Шерсттюк из подмосковного Зеленограда...

но дойти и до капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

...Вспоминаются и годы учебы в Литературном институте, в особенности неформальные «семинары» в нашем великолепном общежитии с видом из окон на Останкинскую телебашню. Наскучившись злословить по адресу удачливых в части публикаций и лауреатств писателей, а особенно молодой еще поросли «поэтов-трибунов», переходили к русской классике. И с пугающей обреченностью, ближе к полунощному, отбойному на сон грядущий часу, уныло глядя на пустое доньшко последней за вечер бутылки ординарного портвешка (нынешние тысячерублевые порошковые «вина» с наугад наклеенными «иностранными» ярлыками – «губернская мадера» из той же классики – в подметки ему не годятся...), кто-то резонерски озвучит: «... А все-таки «Степь» Чехову не удалась!»

Удалась, не удалась – свое мнение мы выше сказали с достаточной обоснованностью. Опять же на наш взгляд. Причем акцент был поставлен именно на *художественном опыте*, как предтече и движителе композиционного мастерства. А сверхзадача, как принято говорить в литературо- и театроведении, публикации настоящей «Колонки» суть участие нашего журнала во всероссийском литературном процессе в той его ипостаси, что в прежние времена именовали *литературной учебой*. Литинститут же в лучшие годы и журнал с таким названием издавал. Увы, те самые лучшие времена канули в речку Лету. А ведь писателю следует учиться мастерству всю свою творческую жизнь. Опять же на памяти сравнение. Если в конце восьмидесятых годов, когда вступал в Союз писателей СССР, в Тульской писательской организации (в других по стране – то же самое) если не каждый второй, но уж точно каждый третий имел за плечами Литинститут или Высшие литературные курсы при оном, то за последние (постсоветские) тридцать лет не единого такого вновь не обрелось! Грустно, девушки, грустно...

Вот и мы, впрочем, безо всякой надежды на успех восприятия кем-либо (кроме, конечно, А.А. Шерстюка, но тот и сам литературно грамотный), все

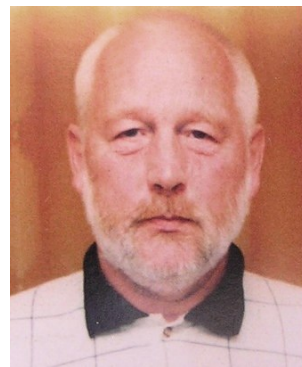
пытаемся подвинуть наших добрых авторов к известному ленинскому лозунгу о пользе учения. Композиция же, мастерство оперирования ее писаными и интуитивно воспринимаемыми законами и правилами – есть даже больше чем половина, скорее две трети (плюс творческое мышление образами), успеха создаваемого произведения. Ибо она, продуманная композиция, есть не *lex arbitraria* (произвольно установленный закон, лат.), но творческий симбиоз личностного художественного опыта и веками, даже двумя-тремя тысячелетиями эпохи цивилизации и культуры, выработанной когнитивности творческого же мышления. Даже в произведениях писателей, тяготеющих к художественному методу *потока сознания*, казалось бы, самых яростных отрицателей законов и правил композиции, самого понятия таковой, при внимательном прочтении – анализе мы найдем, как в «Поисках утраченного времени» Марселя Пруста и в «Улиссе» Джойса, *высшее воплощение* композиционной организации, а именно: отображение в творческом мышлении всей человеческой жизни – от субъективного опыта к художественному осмыслению и перенесению своего *Я* на объективацию мира реального.

...Учитесь, граждане литераторы, и будет вам счастье творческого познания этого, впрочем, не лучшего из миров.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премии Комсомола и им. Н.И. Пирогова. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 190-летию со дня рождения выдающегося русского писателя Николая Семеновича Лескова (1831–1895)

◆ Сочиняя свой первый роман «В канцелярии», вышедший в Приокском книжном издательстве в самом начале 1991 года* (второе издание 2012 года, Москва, «Московский Парнас», имело название «Видение на Патмосе»), ввел в число персонажей неперемнную фигуру советского учреждения с теплым, почти семейным климатом – любительского поэта. Это как другие неперменные: тайный и откровенный пьяницы, профессиональный «ходок», карьерист, изобретатель вечного двигателя, пишущая диссертацию незамужняя дама и так далее.

... А коль скоро поэт был введен, то ведь не Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен будет за него стихи писать-рифмовать? Пришлось самому, хотя ни до, ни после (упаси боже!) даже близко себя к служителям этой музыки себя не приближал. Один из сонетов, подаренных автором персонажу, под названием «Обложка» посвящен моему любимому писателю Николаю Лескову:

* Здесь получилось как в пословице о счастье и несчастье: первое было полновесным гонорарным – годовая зарплата инженера (каковым тогда был) высшей квалификации; второе – к великому сожалению, книга вышла на исходе советской власти, когда в одночасье доброму нашему народу стало не до чтения, дескать, не до того, Федя, не до того...

*Оттенком красным том тисненый.
Обрез пульверизован – крапом стыл,
Как будто кто с усердием помыл
Щербатый пол, лениво подметенный.*

*Могучий бас диакона Ахиллы,
Жизнь мценских баб – тисненья рябь,
И плотная елецких улиц хлябь,
А «Странник» очарует дивной силой.*

*Левша творит, пылает жаром горна.
Жизнь в захолустье тихом непрворна.
В столицах – нигилисты «На ножсах».*

*Тебя полсотни лет читали в «ятях»,
Но, поумнев, на «е» решили поменять их, –
Без них читаем будет он в веках.*

... Мд-а-а, батенька, в калашный ряд вперся, хотя – здесь в точку угодили как критического, так и социалистического реализма: жизненность героев создаваемых произведений. И если стихотворный «автор по роману» несколько неуклюж по части рифм и троп поэзии, явно не проштудировавший «Теорию стиха» Жирмунского и «Поэтическое искусство» Буало, словом, «стенгазетный поэт», то и автор романа должен таковым его подать читателю. Не так ли? Словом, и мы, ничтоже сумняшеся, вывернулись из калашного ряда, и соблюли установки обоих реализмов. На том и аминь. Впрочем же, при редактировании окончательного текста романа это стихотворение мы исключили... *

* ... Но принципу «у хорошего хозяина и ржавый гвоздь в дело пойдет» это «стихосложение» мы передали интеллектуальной героине другого романа «Любовь новоюрского периода» (М.: Московский Парнас, 2009). Дамам любительское стихотворство более к лицу...

Название же «Обложка», поясняемое содержанием первого четверостишия, суть знакомое почитателям творчества Николая Семеновича отнесение к оформлению первого советского собрания сочинений писателя в одиннадцати томах (М.: Худлит, 1957–1958 гг.) – относительно полное, но без самого крупного по объему романа «На ножах». Книги этого собрания отличаются заметным изяществом оформления: красная обложка с рельефным тиснением «Н.С. Лесков», с виньеткой под именем и красно-кирпичный верхний обрез блока книги: «Образ pulverизован крапом был». Второе, увы и без сомнения, последнее издание в двенадцати томах (уже с «На ножах») – 1989 года: М.: «Правда» (Библиотека «Огонек»).

... Кстати, первое и прижизненное издание сочинений Н.С. Лескова (1889–1890 гг.) также вышло в одиннадцати томах: десять по начальной «расцеховке» с допечаткой одиннадцатого. Издание отпечатано было в типографии – так тогда в общем именовались книжные издательства – крупнейшего книгоиздателя А.С. Суворина. Не от хорошей жизни знавший счет деньгам Лесков не стал продавать права на издание книгоиздателю, но, взяв в долг у хорошо ему знакомого Суворина семнадцать тысяч рублей, у него же издал на эти деньги собрание сочинений, по мере выхода и продажи томов через агентство все того же Суворина выплатил ему долг и даже заработал себе восемь тысяч, чему был очень рад. Пригодилась сметка разъездного торгового представителя, когда молодой Лесков, мало еще помышлявший о писательстве, три года беспрестанно на вольных и перекладных колесил по всей необъятности России, работая в пензенской компании «дяди Шкотта» – обрусевшего англичанина Александра Яковлевича Шкотта, мужа его тетки. Много чего в жизни Николай Семенович перепробовал до начала писательства... только денег так и не нажил.

Посмертно, в 1896 году, уже другой, не менее (а вообще-то и более!) известный книгоиздатель А.Ф. Маркс напечатал двенадцатый том. Маркс же в следующем году издал второе полное собрание сочинений Н.С. Лескова, а в 1902–1903 гг. в приложении к журналу «Нива» в тридцати шести томах (в

«нивских» приложениях тома небольшого объема...). К сожалению, в советское время не было предпринято академического издание сочинений Лескова с его обширной газетно-журнальной публицистикой (а это еще не менее десятка томов!).

... Мы несколько отвлеклись на сухую библиографию, поэтому вернемся к «Обложке». Дьякон Ахилла из «Соборян», «Очарованный странник», «На ножах», «Путешествие с нигилистом», елецкие и гостомысльские люди и пейзажи – все это, упомянутое в неловких строках любительского стихотворения, мое первое знакомство с русской классикой XIX века. Именно по трехтомнику избранного Лескова, имевшему в отцовской библиотеке, освоив в начальных классах азы грамотности и привычку к регулярному чтению, в долгие летние каникулы, приехав из школьного интерната Полярного на очередной островной маяк на выходе из Кольского залива в Баренцево море – место работы родителей и проживания нашей семьи, постигал я волшебный строй и узорочье русского литературного языка. Именно с «Очарованным странником» и «Запечатленным ангелом», «Леди Макбет Мценского уезда» и «Соборянами», «Чертогом» (куда до него купеческим кутежом в пьесах Островского!) и «Железной волей» учился богатству великорусской разговорной речи, запечатленной нетленно на бумаге тиснениями литер. Язык «равнины русской словесности» (название нашего очерка в «Общеписательской литературной газете», увы, опять же в последнем номере ее существования...) по-разному воплотился в произведениях ярчайших ее «орловских» представителей – Тургенева, Лескова, Бунина, Бориса Зайцева и Леонида Андреева, но наиболее он богат и, так сказать, излишне не подвергнут «рафинированию и шлифовке» именно у Николая Семеновича.

И со чтением произведений Лескова, чтением детским, потом отроческим, когда уже не только «кинематографически» сюжет в голове откладывается, но начинаешь подбираться, пока робко, к осознанию сверхзадачи писателя, именно языковое их своеобразие затягивает, все более и более проникаешь в созданный автором художественный мир, хотя бы и действие развива-

ется в полнейшей реальности. «Орел да Кромы первые воры, а Елец всем во-рам отец», – прочел и тотчас представил прожитое Лесковым детство и, особенно, учебу в орловской гимназии: глухая русская провинция, еще живущая дедовскими преданиями и кумушкиными разговорами, где все преувеличено, дофантазировано, слонами из мух представлено. Таков мир провинциального губернского, тем более уездного, города, где все замкнуто на самом себе, изолировано от большого мира, отграничено кругом людей знакомых, а в малом городке кто кого не знает? Поэтому и язык жителей консервативен, но в то же самое время и богат, ибо впитал в себя все поколенное его наращивание словарного запаса, бережно сохраняя древнерусские корни, в чем-то поддерживаемые церковным языком, который жители троекратно в день, в заутреню, обедню и вечерню, слышат в городских храмах. И, конечно, свой губернский говор и фольклор.

Вот здесь рыбак рыбака видит издалека. – В том смысле, что в этом детском и отроческом чтении Лескова орловский говор тогдашнего крестьянства, мещанства, мелкого чиновничества, духовенства и уездного дворянства – круг воспитания его – воспринимался не как сугубый архаизм, но именно как *разновидность* вечно живого, без временного деления на прошлое, настоящее и будущее, русского языка! А значит язык произведений Лескова – такой же родной, «свойский», как, например, две *разновидности* (не диалекты! – это совсем иное, да и «ученым» холодком отдающее...) русского языка, его говоров, которые, одинаково их понимая и принимая, я слышал каждодневно и постоянно с самого начала понимания слов – а именно в родном доме. Калужский говор отца с его своеобразной фонетикой, местными словечками, меткими и неллицеприятными присказками (вроде как Салтыков – Щедрин заметил, что нет на Руси более язвительного на словечки народа, нежели калужский мужик...) – все Афанасий Андреевич сохранил из своего деревенского старообрядческого (поповского толка) детства. Даже тридцатилетняя служба – военная и вольнонаемная – на Северном флоте не нивелировала этот говор.

Тем более архангельский, поморский говор матери – настолько специфический, что отцу пришлось переучивать ее «говорить по-русски». Только я с братьями отлично понимали этот «язык», как понимаешь того, кто говорит с тобой от начала осмысления.

... Это не «лирическое отступление», но пояснение доступными, надежными примерами того хорошо известного в литературоведении факта, что Лесков есть писатель не только выдающийся, признанный, но и глубоко *самобытный*. Причем во многом, пожалуй даже в основном, таковая самобытность акцентирована языком его произведений: литературная безукоризненность плюс глубокие народные корни.

◆ Лесков очень поздно по тем временам – вторая половина XIX века – вступил на литературную стезю: когда ему исполнилось уже тридцать лет. Эта «запоздалость» даже не во всем компенсировалась тем огромным жизненным опытом, что он приобрел служа в Киеве чиновником по рекрутскому набору, разъездным торговым представителем в фирме пензенского «дяди Шкотта» и так далее. Хотя такое всестороннее знание России и русской жизни и обеспечило его творчество неиссякаемым материалом (даже Достоевский с его каторгой здесь явно уступает Лескову...), но и сократило по времени творческий период. Но – все это условно в рассуждениях «глядя со стороны». Другое дело, что литературная деятельность Лескова началась с катастрофы, последствия которой он преодолевал напряжением всех творческих сил и «сжав волю в кулак» более двадцати лет, и только в последнее десятилетие своей жизни эти последствия нивелировались. Во многом это подпортило характер писателя как в быту, так и в резкости общения в литературной среде. А как иначе, если простая неосторожность навлекла ему врагов и «справа», и «слева», и вообще со всех сторон.

... В нашем литературно-философском исследовании «Художественная эвристика» (Тула, 2000) такое многолетнее состояние Лескова мы назвали комплексом вины и аутопсихоанализом художника, связанных с явлением неосознаваемой памяти. Это явление осознано давно, едва ли не с тех пор,

как человек стал догадываться о сложном характере своих чувствований. Общеизвестное и общепонятное фразеологическое выражение «засесть в печенках» и есть фольклорный терминологический инвариант понятия бессознательного. Так вот, из всей истории русской литературы именно пример Лескова наиболее показательный: как порой долго по времени и душевно болезненно происходит процесс вытеснения, своего рода аутопсихоаналитический сеанс длительностью почти во всю творческую жизнь (см. выше), причем вытеснение совершается через художественное самовыражение.

Итак, речь идет о много нашумевшей в начале шестидесятых годов XIX века истории, случившейся с молодым еще – хотя уже тридцать лет? а это в том веке уже полагалось возрастом полной зрелости – Лесковым, повлекшая за собою четверть века негативного к нему отношения русской литературной общественности и едва не погубивший его талант непризнанием и остракизмом. История эта обстоятельно рассказана в воспоминаниях* сына писателя Андрея Николаевича (полковника царской армии, затем служившего в погранвойсках НКВД). Далее цитаты из этой книги.

28 мая 1862 года в Петербурге, в праздник «духова дня» при невыясненных обстоятельствах** загорелись два крупнейших рынка: Апраксин и Щукин дворы, пожар угрожал всей центральной части города. По добром русскому обычаю, еще не потушив пожаров, уличные толки начинают доискиваться поджигателей, склоняясь что-де это поляки, либо *«те, что в мягких шляпах, очках, да пледах ходят»*, то есть студенты, нигилисты. Непонятно почему, но солидная «Северная пчела» поручена написать передовицу по столь щекотливому делу новому своему сотруднику, без сколь-либо серьезного газетного опыта, горячему на слова и догадки Лескову. Передовица же получилась столь ожесточенной в своих обвинениях «политических демагогов» (читай: передовой интеллигенции, студенчества, нигилистов, вообще

* Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям. – 2-е изд. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1981. – 647 с. (Первое издание вышло небольшим тиражом: М.: Гослитиздат, 1954).

** Вполне вероятно, что это была обычная в купеческой среде махинация.

всех лиц с демократическим уклоном мышления), что даже Александр II впал в гнев и надписал на газете, прочитав ее: «Не следовало пропускать...»

Очень скоро, если не тотчас же, Лесков понял всю непоправимость случившегося, свою горячность и невыдержанность в словах – врожденные и воспитанные черты характера, много попортившие ему в жизни. *«Личные «терзательства» Лескова были беспредельны. Они «засели» у него в «печенях» на всю жизнь. Он положительно трепетал всегда при воспоминании о них. Это была незаживляемая, неослабно кровоточащая рана. Она была тем больнее, чем упорно почиталась им незаслуженной».*

Перед нами, таким образом, пример глубоко засевшего в подсознании чувства вины и одновременно с этим – чувство несправедливости по отношению к нему. Причем это именно тот случай, когда попарные чувства вины и обиды, относящиеся к одному и тому же фактическому событию в жизни, стократ усиливают процесс торможения при попытках вытеснения. Действительно, как пишет сын писателя, слишком часто Лескову напоминали об этом, слишком часто он сам вспоминал; каждый раз при этом включалась активная память и мышление, но вытеснение <из подсознания> не происходило. В такой ситуации в процессе накопления <в течении жизни> числа циклов возвратного вытеснения энергетическая база подсознательной памяти соответственно уменьшается и в конце концов становится столь незначительно малой, что практически может считаться вытесненной. Главное, чтобы в этом процессе не случилось сильного психического шока. К счастью нашего выдающегося писателя это миновало – слишком силен был у тридцатилетнего Лескова жизненный опыт. Как говорится, нет худа без добра – это все к тому, что писатель поздно вступил на путь профессионального литератора: газетного публициста и беллетриста.

Итак, два фактора, воздействуя одновременно, приближают момент почти полного вытеснения: психоаналитические откровения и время. В случае с Лесковым такие откровения приняли весьма эффективную форму: творческое самовыражение. Действительно, уже через двадцать лет после «поджи-

гательной» передовой он пишет очерк «Обнищеванцы», где ничто не предвещает, ни сюжетом, ни «тактической» направленностью, что *«рассказ коснется в своем развитии уже хорошо призабытых событий. Но Лескову забыть их не по силам. Может быть и не без натяжки, не упускается случай осветить – был ли поджог, кого больше всех он обездолил и чьим интересам отвечал»*.

Ну а время? Ведь не зря народная мудрость гласит, что время есть лучшее лекарство для огорченной неприятными воспоминаниями памяти. Так оно и есть. В случаях же более простых, то есть несочетанных, психических травм – одна обида или одна лишь вина и пр. – то только лишь время может привести к полному вытеснению из «чердака» подсознания. Каждый это знает по себе, когда и огромное горе, и сильная обида, и гнев через сколько-то лет, даже меньшего времени, или вообще забывались, или вспоминались вполне равнодушно... И не снились зловещие сны на эти «сюжеты», тем самым показывая, что вытеснение свершилось.

... История отечественной литературы знает и случаи менее счастливые для писателя. Тот же Александр Фадеев. Понятное дело, что либеральное литературоведение, как диссидентствующее в советские времена, а особенно во времена нынешней антисоветчины, самоубийство Фадеева однозначно связывает... дальше идет их обычный набор: «тоталитарный режим», «торговля совестью», «подписывание расстрельных списков» – и прочая чушь, что и привела совестливого «главного писателя страны» к роковому решению.

Но существует мнение, что причиной самоубийства Фадеева стала крупная творческая неудача, да еще усугубленная – это как стимулятор разочарования – хроническим алкоголизмом. Дело в том, что уже полностью написанный писателем производственный <по жанру> роман «Черная металлургия» основывался по сюжетно-содержательной линии на конкретном техническом решении важного и спорного метода металлургии. И как раз к окончанию написания романа «протежируемый» в нем метод, точнее его техническое решение, был наукой и практикой металлургии напрочь забракован.

Правильным же оказался подход, апробированный на Новотульском металлургическом заводе (в нашем городе два металлургических завода), являвшемся опытно-производственной базой ЦНИИ черной металлургии (Москва). ... Мне в годы учебы в Тульском политехническом институте об этих «конкурирующих» методах подробно рассказывал один матерый инженер-металлург со ссылкой на Фадеева, не раз приезжавшего «за материалом» в Тулу. Опять же и в это самое время сын писателя, по-нынешнему «мажор», попал в серьезную криминальную историю.

Сказанное к тому, что при анализе писательского творчества, особенно в части его «творческой мастерской», не следует хватать жареные факты, особенно либерального изготовления; неважно, XIX или XX веков, но «копать глубже». Что, например, и сделал сын Лескова, написав исчерпывающую творческую биографию своего выдающегося отца.

♦ *«Давно сказано, что «литература есть записанная жизнь, и литератор есть в своем роде секретарь своего времени», он записчик, а не выдумщик, и где он перестает быть записчиком, а делается выдумщиком (выд. Н.С. Лесковым. – А.Я.), там исчезает между ним и обществом всякая связь. Словом* его теряет внушительность, мысль его не имеет опоры и не находит отклика, образы его становятся мертвы и не возбуждают сочувствия»,* – писал Лесков еще в первое десятилетие своей литературной жизни («Биржевые ведомости», 1869). Но таков был характер писателя, что справедливо и здраво рассуждая, он часто творчеством своим сам себя же опровергал ... увы. Еще находясь в самом апогее остракизма – следствии «поджигательской» передовицы, вызвавшей гнев литераторов всех направлений, общественности и самого царя, Лесков тем не менее еще больше усугубляет свое отстранение от массово читающей публики активным участием в «антинигилистической галерее» – так мы назовем серию романов, посвященных предреформенной ситуации в России. Это, конечно же, «Бесы» Ф.М. Достоевского, «Взбаламученное море» (и отчасти «Люди сороковых годов») А.Ф.

* Так у Андрея Лескова стоит.

Писемского, «Панургово стадо» Вс. Крестовского. О Тургеневе и вспоминать выглядит школьничеством... А у Лескова аж два романа: «Некуда» (1864) и «На ножах» (1871). Нельзя, конечно, сказать, что гениальный Достоевский, выдающиеся писатели Лесков и Писемский, очень популярный в то время Вс. Крестовский всего лишь «отдали дань литературной и общественной моде». Особенно Достоевский, ибо он в «Бесах» не столько, так сказать, фактологию русского нигилизма описал, сколько на его примере выявил феномен всечеловеческого бесовства, как неперемногого спутника социальной эволюции, движителем которой является противостояние добра и зла, что в письменных памятниках восходит еще к Ветхому Завету... не говоря уже о Завете Новом, где христианская мораль суть торжество добра над – тем не менее – неизбежным явлением зла. У Писемского нигилизм исследуется литературно-художественно как временное, но неизбежное явление. Вс. Крестовский увлекает читателя – в стиле всего своего творчества – занимательностью, детективностью даже сюжета.

А вот у Лескова?.. Написанные в его литературной молодости, в дальнейшем и им самим они почти что третировались. Особенно «Некуда», а дописывая «На ножах», Лесков даже обмолвился в письме <если не ошибаюсь> С.Н. Шубинскому, своему другу и постоянному корреспонденту, что-де вымучиваю последние главы романа... В контексте же процитированных выше слов Лескова с акцентом на *выдумывании*, как антитезе «литературе как записанной жизни», не в бровь, но в глаз о «На ножах» писал А.Н. Майкову Достоевский: *«Читаете ли вы роман Лескова в «Русском вестнике»? Много вранья, много черт знает чего, точно на луне происходит. Нигилисты искажены до бездельничества...»*

И хотя Достоевский с Лесковым истинно – до кончины первого – всегда были «на ножах», со взаимными в печати упреками, двадцать лет одновременно живя в Петербурге, даже не удостоили друг друга и мимолетной встречей хотя бы в обществе литераторов, но в продолжении письма к А.Н. Майкову Достоевский отдает дань невольного восхищения: *«... Но зато –*

отдельные типы! Какова Вансок! Ничего и никогда у Гоголя не было типичнее и вернее. Ведь я эту Вансок видел, слышал сам, ведь я точно осязал ее! Удивительнейшее лицо! Если вымрет нигилизм начала шестидесятых годов, – то эта фигура останется на вековую память. Это гениально! А какой мастер он рисовать наших попов! Каков отец Евангел! (выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.). Это другого попка я уже у него читаю. Удивительная судьба этого Стебницкого (псевдоним Лескова. – А.Я.) в нашей литературе. Ведь такое явление, как Стебницкий, стоило бы разобрать критически, да и посерьезнее».

... На то Достоевский и один из двух «психологических гениев» мировой литературы (другой – Шекспир), чтобы в кратких словах дать всеобъемлющую характеристику творчества Лескова: надуманность его «нигилистических персонажей» и подлинный талант в художественном представлении вроде бы разноликих людей из той общественной среды, которую Лесков прекрасно знал, выросши в ней. Еще раз отметим: эти самые «попики», купцы, выслужившиеся в дворяне чиновники невысокого класса, разоряющиеся пореформенные помещики, орловское мещанство – все они в его роду и в окружении провинциального детства и отрочества.

Противореча самому себе, в первое свое писательское десятилетие, выдуманными антинигилистическими романами Лесков все продолжал расходиться с так называемым «общественным мнением». Словно дразня его. Полагается одной из черт «орловского характера», так объемно и художественно достоверно выписанного Лесковым в лучших своих бытописательных произведениях, и принесших ему славу русского писателя: выдающегося, но и «себе на уме».

◆ «Поджигательская» передовица, антинигилистические романы, а главное – главенствующие персонажи всего творчества Лескова, отнюдь не «властители дум» все более либерализующейся России последней трети XIX века, причем «со всех сторон» – все это при жизни писателя, даже при всероссийской признательности в последние ее годы, создало ему определенный

ореол, как уже выше сказано, отстраненности. Вроде бы и выдающийся, совершенно отличный по манере письма от всех остальных литературных талантов своего времени, непререкаемо самобытный, но – как-то не вписывается в писатели «первого ряда». Но и во второй ведь не зачислишь? – Особенно после успешно изданного собрания сочинений, повторенного спустя полтора десятка лет после ухода писателя из жизни. Кстати говоря, определение «самобытный», вошедшее в употребление во второй половине двадцатого века, скорее всего и было придумано для творческих людей, прежде всего литераторов, не вписывающихся в принятую «табель о рангах». Если ошибаюсь – пусть поправят...

В первую четверть уже века двадцатого никто бы не подумал относить Лескова – при всей его «отстраненности» – ко второму писательскому ряду. Но вот пришла революция, а когда уже твердо установившаяся советская власть начала государственное строительство с неизбежными для этого новыми «табелями о рангах», то и на литературу нашлась пресловутая «комиссия Луначарского – Крупской». Понятно, что ее деятельность вовсе не злокозненность и месть старому режиму, ибо комиссия верно (и квалифицированно!) служила своему государству, для которого в ближней перспективе требовалось «создание нового человека», говоря словами Горького, – в том числе, возможно даже первоочередно, учитывая курс на скорую всеобщую грамотность, в части литературных предпочтений. Члены комиссии, разумеется, не являлись «выдвиженцами» от сохи и молота, были интеллигентами подстать руководителям, но по самой постановке им задачи требовалась и определенная классовая прямолинейность по принципу «кто за красных и кто за белых». Комиссионеры морщились, но по инструкции отбирая полезные для советского человека книги из прошлого, с примерно таких же позиций относились и к таблицам царя Хамураппи и текстам фараонов Тутмоса III и Петеиса III. Конечно, это утрировано сказано, но ведь и параллельная комиссия Покровского по истории разбойника Стеньку Разина и самозванца Емельяна Пугачева именовала предтечами Октябрьской революции! Еще раз

повторимся: это все не от глупости и родственных ей качеств, но при резкой смене одной общественно-экономической формации другой *на первых порах* требуется столь же резкое изменение ориентиров во всех областях, так или иначе входящих в идеологический ареал. Здесь-то литература первостепенна. Именно на первых порах. Далее идет восстановление великих имен. Но вот как был Лесков причислен ко второму литературному разряду, хорошо хоть без титула «церковника и мракобеса» (слишком интеллигентны были Луначарский и Крупская; их совесть не допустила такого лицемерия и угодничества...), так и во второй половине века двадцатого – времени массового издания его произведений, даже романа «Некуда» – как-то молчаливо литературоведение и оставило Николая Семеновича в этом «почетном запасном ряду». И мало радости, что новейшее время глобального расчеловечивания и цифрофрениии писателей всех времен и народов сравнило: как выравнивают могильные кресты на кладбище с его строгой планировкой участков. Сравнило – в смысле напрочь убрало литературу из умственного обихода винтиков современного человежника. Как провидчески писал Лесков в «Запечатленном ангеле» за полтора года почти лет предвидя: *«– Ну, а у нас, – говорю, – верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленная, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела».*

Только следует снять акцент «русский» – ныне, в эпоху глобализации, любой из подлунных жителей нашей планеты суть – в исторической и иной памяти – насадкой под крапивой выведенный.

Пусть не покажется читателю навязчивым наше внимание к антинигилистическим романам вообще и «Некуда» с «На ножах» в частности. Как выше уже было сказано, исключая «Бесов», в котором Достоевский решал сугубо свою творческую задачу, всего лишь используя «популярный жанр» в качестве сюжетно-содержательной канвы, Писемский, Лесков, Крестовский и десятки ныне забытых напрочь писателей в своих антинигилистических романах отдали дань популярной теме предреформенной России именно с пози-

ций беллетристики – в первую очередь, что Достоевский и назвал (см. выше) «на луне происходящим».

К сожалению, по писательской молодости – не возрастной, ибо Лесков писал романы во второй половине своего четвертого десятка лет жизни – Николай Семенович не устоял перед соблазном поставить свое имя в названной череде «антинигилистических авторов». И даже двумя объемными произведениями, не ограничившись «Путешествием с нигилистом» – небольшим, но сочно, живописно, с неподражаемым лесковским юмором написанным рассказом.

Провозвестник литературных образов нигилистов Тургенев, образом Базарова открывший <читающему> русскому обществу такое явление – запоздалое как всегда из Европы веяние, не «на луне происходящее» описывал в «Отцах и детях». Тургенев дал предельно четкое, совершенно реалистичное описание – и определение! – реально существующих людей. Но с последующими произведениями (см. выше) на ту же тему произошло малообъяснимое, а именно: все остановилось на «мягких шляпах и пледах», хотя бы в последней трети девятнадцатого века, когда писались антинигилистические романы, тургеневские нигилисты давно сошли со сцены действия. Какие шляпы и пледы? «Народная воля» и «Черный передел» с его воинской дисциплиной, бомбисты, держащие в стране губернаторов и министров, и вершина – убийство царя, двойного Освободителя (русских крестьян и Балкан от турок). Забыты уже нелепые «хождения в народ», на горизонте – в реакцию Александра III – просвечивается перерождение бывших народовольцев в мощную эсеровскую партию, свершившую три русские революции, свержение самодержавия и всего института частнособственности и эксплуатации человека человеком – основной вклад в создание советского государства в России.

Но только Достоевский понял и отобразил в «Бесах» грядущее, истоком которого явились уже несколько смешные тургеневские нигилисты. И – вот в чем предвидение гения! – не как чисто русское явление, но ход мировой ис-

тории. Неоднократно отмечено, что все предсказанное Достоевским (его романы и особенно «Дневник писателя») сбылось в двадцатом веке и с невероятной скоростью воплощается в наше время. Причем сбылось *только негативное* для человечества. Все остальные авторы антинигилистических романов, Лесков в том числе, не сумели или не захотели выходить за рамки «мягких шляп и пледов», остановились на романтизме завязки. Хотя и грубое сравнение, но это как наш нынешний «телесериальный кинематограф» (а другого сейчас, увы, нет и не предвидится) остановился на ярком антураже «лихих девяностых»: менты, бандиты, разборки, олигархи различных рёзливов, проститутки обоего пола, чиновники-взяточники и пр. и пр. И это при том, что уже почти два десятка лет как этот кроваво-воровской балаган, жуткий и веселый одновременно, канул в небытие, заменившись суконно-цинковым администрированием в той части властной вертикали, что доступна лицемерию человеку в его социумной принадлежности. Хотя бы это и государственная необходимость, без которой устройство России невозможно...

... Не зря Лесков, как было сказано, не то что стыдился своих «Некуда» и «На ножах», как дани своей литературной молодости «общественной моде», но морщился при упоминании о них. В «Соборях», написанных год спустя после «На ножах» (1872), мы видим писателя, который высказывается уже в полной философской осмысленности своей эпохи: *«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность»*.

◆ Еще раз извиняемся за столь подробное внимание к антинигилистическим произведениям Лескова – рассказ «Путешествие с нигилистом», как сказали, не в счет. Но все это для контраста с той обширной частью творческого наследия писателя, которое и сделало его всероссийски известным, выдающимся мастером художественного слова. Заодно нелишне будет заметить, что всю свою писательскую жизнь Лесков оставался и газетно-

журнальным «публицистом обеих столиц», как называл отца его сын Андрей Лесков. Не только ради заработка, а в деньгах писатель очень даже нуждался вплоть до второй половины восьмидесятых годов, фактически всю литературно-профессиональную жизнь, но имея что сказать из своего обширного опыта и знания русской жизни, Лесков – постоянный автор крупнейших, наиболее читаемых газет и журналов, издающихся в обеих столицах. Отсюда и его тесное знакомство (не дружба!) с московским «правым» Катковым и петербургским либеральным Сувориным – крупнейшими в России издателями, «медиамагнатами», говоря на современном американо-нижегородском волапюке...

То есть начавшись приснопамятной «поджигательской передовицей», далее в своей публицистике Лесков «запараллеливал» ее с художественным творчеством. Это обычный для писателей прием, но только у немногих, у Достоевского и Лескова первоочередно, он достиг максимальной гармонии. Ибо свойство самовыражения одновременно в публицистической и художественно-беллетристической формах предполагает определенную организацию аппарата мышления, которая одинаково продуктивно задействует логику и творческий потенциал. Говоря на языке физиологии, равнозначность мощности работы правого и левого полушарий головного мозга, что является исключением. Обычно у человека в той или иной степени что-то доминирует.

... Как поэтом рождаются с соответствующей организацией мышления, так и писатели-прозаики с тем или иным сочетанием способов самовыражения. Хорошо известный факт психологии творчества, то есть строгой системной отрасли науки биологии.

Но публицистика живет только со своим временем, своей эпохой. Опять же с оговоркой в отношении Достоевского, ибо его философско-публицистические произведения непереходящие. Лесков же прежде всего художник современной ему русской жизни. А его кредо писателя-художника выражено предельно ясно в письме к Суворину: «... Порадуемся хотя тому,

что мы еще умели всю жизнь оставаться литераторами (выд. Н.С. Лесковым. – А.Я.) и, питаясь тощими литературными опресноками, не продавали себя ни за большие деньги, ни за малые, как это начинается у других, похваляющихся своею бесстрастностью...»

◆ ... Намереваясь коснуться языка произведений Лескова, где он, безо всякого сомнения, есть непререкаемая вершина русской словесности: не в «грамматике», не в логике и красоте построения изложения и так далее, но именно в самом полном использовании всего тезауруса* современной писателю многословной русской речи, – не можем не отвлечься, что называется, на злобу дня. Речь о нынешней агрессивной американизации русского языка. «Мы к ярлыкам не ходим»,** – ответили на статопрос три четверти населения страны, старше тридцати пяти лет, на вопрос о реформе русского языка, то есть об американизации речи, а главное – правил написания (как слышится, так и пишется; сразу вспоминаются попытки такого реформирования в семидесятые года: пресловутый *заец* вместо *зайца*...). Но вот под сорок процентов молодежи до этих тридцати пяти сообщили, что таковая реформа нужна! То есть они за язык американо-нижегородский. И вот уже почти что академический словарь Виноградова, что называется на днях, внес в свои «столбцы» более шестисот американизмов навроде *кешбэк*, *хайп*, *фейк*, *коворкинг* и так далее.

А как же всяческие законы о сохранении и чистоте русского языка, в том числе недавно внесенные в поправки Основного закона страны? ... Вот здесь-то и начинается самое интересное. Имея достаточно широкий круг общения, главное – слушания, как-то: преподаватели, студенты, аспиранты университета, в котором служу (по части терминологии: с позапрошлого века все работают, а вот профессора и артисты гостеатров, ранее императорских, – *служат*), соседи по дому и двору – от гастарбайтерского дворника Кизима до заслуженной артистки, родителей известного столичного телешоумена и

* Термин филологии, обозначающий полный словарный свод <действующего в своей ипостаси> языка, включая арго, варваризмы, диалектизмы и пр.

** Данный фразеологизм в русской речи появился после Куликовской битвы, когда русские князья за ярлыками на княжение в Орду уже не ездили.

родственников не менее известного, советского еще, космонавта, а также молодежи, чьи разговоры долетают до меня, когда вечером прогуливаюсь по ближнему скверу с памятником Льву Толстому и прочая, прочая разновозрастная и разнообразованная публика – *ни разу не слышал от них ни единого американизма* (только у школьников и студентов самые безобидные компьютерные термины – и то когда о *компах* разговаривают)! А все они идут исключительно, начиная с вводной оговорки радиодикторши или телеведущей, дескать, «как сейчас принято говорить...», от СМИ. Прозвучала такая «оговорка» – а назавтра уже круглосуточно, со всех экранов «властителя направляющих дум» – телеящика свеженький, с пылу с жару, американизм рекой разлитой в уши и глаза доверчивого народа втекает. По-детски радуясь, им щеголяют все штатные сотрудники с выходом на экран, включая актеров, играющих «ведущих политологов» – каждый к своему каналу приписанный и от него зарплату получающий. И нештатные, приглашаемые на экран, люди, подражая «штатным», также полагают приличным вставить словечко-другое из этих новорусских словечек, особенно из женщин ... мужики как-то стесняются. Только полицейские и иные мундирные чины рапортуют по уставу, в котором американизмы <пока еще> не прописаны; дескать, «проведены мероприятия по выявлению и пресечению». Как в русской классике девятнадцатого века: «Разобраться до всех и наказать».

... Удивительная картина, живописца которой никак не могу установить; и умные люди, с коими на эту тему говорил, тоже плечами пожимают. А именно: как так получается, что при всей нынешней строгости вертикали власти, при законах о русском языке (см. выше), при все возрастающей конфронтации с Западом, прежде всего с Америкой (Северной, понятно дело, исключая Канаду и Мексику...), и прочая, прочая, СМИ наши, неуклонно следуя «линии партии и правительства», в то же время без конца осеменяют русскую речь американизмами, до словаря Виноградова уже добравшись, уже создав, правда, пока для себя, американо-нижегородскую мову? Невольно вспоминаешь наивных ребят-конспирологов, что утверждают о прямом

подчинении СМИ всех стран и весей пресловутому тайному мировому правительству! Задачу же последнего почти полтора века тому назад предугадал Н.С. Лесков в последнем своем крупном произведении «Заячий ремиз» – словами Перегуда: *«Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобрести печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир».*

Ба-а! Да это же интернет, СМИ и общемировой пиджин-инглиш* – старший брат американо-нижегородского – в одном флаконе, как «сейчас принято говорить» (см. выше).

Итак, с одной стороны СМИ со своим причтом, исключая интервьюируемых людей в мундирах со своей уставной речью, горячие поборники американизации русского языка, с другой – все остальное население страны, <уже> включая и женщин с их переимчивостью, и молодое поколение с их компьютерным мышлением, и даже самих эсмэишников во внеслужебное время, которое в обыденной речи худо-бедно, но по-русски говорит, без американизмов. Это «классовое разделение» дает надежду, что великий и могучий рано или поздно сбросит с себя шелуху американского жаргона. Здесь тому великолепный пример России: почти полтора века дворянский класс изъяснялся по-французски, а остальной народ говорил по-русски. ... Сейчас мы читаем «Войну и мир», знакомясь с целыми страницами авторского французского текста по переводу в подстраничных примечаниях, а собственно в русском разговорном языке остались только три слова, и те от Наполеонова нашествия и в неодобрительном звучании: шантрапа, шваль и шаромыжник... Будем ждать, пока и с американизмами то же случается.

А вот если к середине нынешнего века Китай в мире доминировать начнет, и вместо американизмов СМИ начнут, переучившись, китайско-

* Переводится как «голубиный английский» – название интернационального бесписьменного жаргона торговых моряков и портовых рабочих, сложившегося в девятнадцатом-двадцатом веках с преобладанием английских (Англия – владычица морей!) слов, с примитивной грамматикой, без склонений и спряжений.

нижегородский диалект создавать, то и совсем конфуз случится. Дело в том, что матерные слова у нас сейчас законом запрещены, а в китайском языке, особенно в политической и социально-общественной терминологии, сложно найти слова без известного <у нас> краткого ... скажем так, корневого выражения... Останутся только ниньхао и цайдзянь вместо устаревших здравствуй-прощай. А сохранившимся любителям «зеленого змия» – пейдзю, бейдзю и баландзю, то есть пиво, водка и коньяк. Но ведь СМИ это не одобряют?

Слегка развеселив читателей, заскучавших в ограничениях, связанных с известным моровым поветрием, уже и не будем убеждать их в великолепной народности языка произведений Лескова. Как писал относительно таковой у отца Андрей Лесков («Жизнь Николая Лескова»): *«Безбытовой и беспочвенный по началу жизни писатель узнается по нежизненности его творчества. У него нет «родных родников». Незнание страны и живущих по необъятным ее просторам людей не проходит даром».*

Именно «родные родники», разностороннее знание – по семейным корням, сплетенным из отростков дворянства, купечества, духовенства, разъездами по всей матушке России (по жизни и на службе у английского своего дяди) – «быта» и «почвы» своего народа, своей страны, включая Малороссию, Царство Польское и остзейскую баронскую Прибалтику, дали Лескову в его художественном отображении столь великолепный язык. Только у него, прочитав случайно неполную страницу без указания имени писателя, никто не ошибется в авторстве! Как и у Достоевского, но у Федора Михайловича скорее по «семантике синтаксиса», если можно так выразиться без излишней зауми... Как бы неодобрительно сказал Лесков.

Не будем больше в этой части растекаться мыслью по древу. Достаточно прочитать любую его фразу, хотя бы эту, из «Однодума»: *«На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с*

* То есть кто прочитал Ветхий Завет, а это 4/5 всего объема библии, и дошел до Нового Завета (полное название: «Новый Завет господина нашего Иисуса Христа»).

того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся».

... Здесь весь Лесков, весь традиционный русский мир в его отображении великим русским языком – не прибавить, не убавить.

◆ Поскольку очерк этот привлечет внимание читателей со стажем, с советских, как правило, времен, то они и припомнят наиболее значимые в художественном плане произведения Лескова: «Соборяне», «Очарованный странник», «Запечатленный ангел», «Леди Макбет Мценского уезда», «Однотум», и «Чертогон», «Несмертельный Голован» и «Тупейный художник», «Зверь» и «Заячий ремиз»... чуть подумав, – «Грабеж», «Человек на часах» и «Старый гений». И уж подлинные ценители лесковского творчества – повествования «Кадетский монастырь», «Колыванский муж» и «Приведение в Инженерном замке». Стилизованный «Левша» еще при жизни автора разошелся на цитаты с его мелкоскопом, водкой-кисляркой, морским буреметром и смолевым непромокаблем, нимфазорией, графом Кисельвроде, досадной укушеткой и потной спиралью.

Но если бы Николай Семенович был известен только как автор первых трех из названных произведений, это обеспечило бы ему достойное место в пантеоне русской классики девятнадцатого века – с продолжением в век двадцатый, даже несмотря на всякие «комиссии Луначарского – Крупской», а вот о современном нам веке поостережемся говорить. Здесь Молох глобализации и расчеловечивания уже всю мировую литературу выбрасывает на помойку: в фигуральном смысле и в бытовом; пойдете вечером свое мусорное ведро опорожнять на квартальную помойку, там и книги непременно узреете... Впрочем, отвлечемся от грустного. Тема-то очерка иная по тональности.

... Если о досадных антинигилистических романах Лесков в период своей литературной зрелости и всероссийской известности старался не напоминать, а о явно неудавшемся ему, читаемом как бы и «нелесковское», цикле переложений античных и восточных легенд навроде «Невинного Пруденция», про которого автор писал (М.О. Меньшикову) «... в этом томе есть

гадостный «Пруденций», поставленный потому, что другое, несколько лучшее, касается духовенства, а мне уже надоело быть конфискуемым», и во все не вспоминать, то выстраданный им (по части трудности публикации из-за цензурных препятствий) роман «Соборяне» Лесков, нарушая хронологию написания, поставил в начало заглавного тома его первого, прижизненного собрания сочинений, о котором выше говорилось. Значит и открыл это собрание «Соборянами», недвусмысленно сам для себя признавая роман *лучшим* из написанного им.

Первоначально «Соборяне» были опубликованы в «Отечественных записках», то есть в журнале, из которого с легкой руки и доброго глаза Н.А. Некрасова, а также Краевского, вышла вся великая русская литература второй половины девятнадцатого века, под названием «Чающие движения воды» – от евангельского «В тех слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» (Иоанн).

... Здесь нелишним будет заметить, что у каждого из русских классиков была своя, отличная от других, «творческая мастерская». Если Пушкин и Лев Толстой многократно правили свои тексты, добиваясь высшей степени их совершенства; если Достоевский, торопясь к сроку выплатить свои игорные долги, вообще уже не прикасался к раз написанному*, то Лесков, обычно по требованиям цензуры (духовной ее ипостаси) и владельцев журналов (Катков, Суворин и др.), слов и строк не правил, а просто изымал из первоначального текста целые главы и части. Но особенно был он самопридирчив к названиям своих произведений, часто изменял их. Так было и с «Чающими движения воды», окончательно утвердившимися как «Соборяне» с подзаголовком «Старгородская хроника»; в современных изданиях – просто «Хроника».

◆ Н.С. Лесков пишет в «Смехе и горе» о русской жизни: *«Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу*

* Не вспомню, кому и по какому поводу Федор Михайлович говорил в том смысле, что хорошо было Льву Толстому с его усадьбой и доходами бесконечно отшлифовывать свою «Войну и мир», а у меня долги и обеспечение жизни семьи, торопиться надо... Что-то в этом смысле.

развлекаться (здесь и далее выд. Н.С. Лесковым. – А.Я.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно для успокоения от калейдоскопической пестроты русской жизни».

Здесь Лесков вроде как противоречит своему земляку-орловцу И.С. Тургеневу, который издалека, из этой самой европейской заграницы благодарил Россию за ее чарующий покой и простор, где нет «ни замков, ни лесов, ни гор» – речь идет об орловском, родном для него, равнинном предстепье. Но русский европеец Тургенев видит внешние разнообразия заграничной жизни с ее «замками, лесами, горами», противопоставляя им равнинный покой России. Лесков же первоочередно видит «внезапнейшие разнообразия» русской жизни – в противовес дисциплинированной безликости Европы – именно в многоукладности таковой, в исторически сложившейся индивидуальности русских характеров. То есть Тургенев и Лесков, имея по орловскому землячеству одни и те же «родные родники», именно лишь *внешне* противоречат друг другу. И не больше!

В «Соборянах» в наивысшей полноте представлено это разнообразие русских характеров и «калейдоскопической пестроты» их жизни во внешнем спокойствии и дремотной тишине обычного уездного города. И сам роман начинается умиротворяющее: *«Люди, житье-бытье которых составит предмет этого рассказа, суть жители старгородской соборной поповки»*. *Это – протоиерей Савелий Туберозов, священник Захария Бенефактов и дьякон Ахилла Десницын».*

... Как у Достоевского в «Братьях Карамазовых» в лицах главных героев представлены три основных, преобладающих типа русских характеров, так и в «Соборянах» обитатели старгородской поповки суть триединство – в полном внешнем, поведенческом различии – тех же русских типов. Их сугубая

* Традиционно церкви в селах, отчасти даже в городах, ставились несколько обособленно от других зданий, на самой высокой точке местности, а рядом с церковью – поповка, жилые дома церковного причта: священника, дьякона, дьячков и причетников...

принадлежность к церковному клиру особого значения в данном обобщении на русскую жизнь не имеет. Как, впрочем, и религиозная устремленность Алеши Карамазова у Достоевского... Да и по внешним, образным и житейским, характеристикам все трое очень даже своеобразно различны. «Чающий движения воды», всю свою жизнь родеющий о возвращении Христовых норм морали современной ему русской православной церкви, как учреждения, так и особенно духовного жизненного начала, Савелий Туберозов, бездетно проживающий с тихой своей, любящей и любимой протопопицей Натальей Николаевной. И сам он высок ростом, хотя уже тучен, но еще бодр и подвижен, с «отлично красивой головой», с волосами «как кудри Фидиева Зевса».

Кроток и смирен, щеделушен телом, чуть старше Туберозова его подчиненный, второй соборный священник Захария Бенефактов, счастливый отец множества детей мал мала меньше. Просто уездный попик без какого-либо полета мысли и вдохновения. Весь колорит обитателей старгородской поповки вобрал в себя дьякон Ахилла, холостякующий, громадный и по характеру словно запорожский казак с известной картины Репина, волею судеб облаченный в церковное одеяние, с истинным дьяконовским басом. *«Недостаточно, думаю, будет тебя и дубиной называть, поелику в моих глазах ты по малости целый воз дров»*, – так определил Ахиллу ректор духовного училища, которое тот так и не завершил, будучи отчисленным на причетническую должность в архиерейский хор. И из хора за «уязвленность» характера Ахиллу изгнали, отправив на дьяконство в Старый Город. При избушке своей он постоянно держал верховых, под казацкое седло, скакунов.

♦ Итак, три лесковских типа русских характеров, внешне, по образу жизни и занятиям, отнесенным к священно (Туберозов и Бенефактов) – и церковно (Ахилла) служителям. Если «чающий движения воды» Савелий Туберозов суть духовный подвижник, устремленный к моральным идеалам, в крохотном, уездном масштабе слепок с учеников-апостолов Христа, то Захария Бенефактов и дьякон Ахилла есть олицетворение народных типов, всецело водительствоваемые словами и убеждениями своего протопопы. Ахилла –

первозданная стихия без удержу во всем, а тихий и щедушный Бенефактов – скромный, безпретенциозный труженник: на какое место поставили, на том и пригож своей безропотностью и исполнительностью.

И если у Гоголя мчится, рвется непонятно куда и в какие просторы-окоемы, пугая чужеземные народы, тройка Русь, а у Достоевского та же тройка братьев разламывают русскую жизнь на морально обособляющиеся части – от «карамазовщины» до святого во плоти Алеши Карамазова, то вот у Лескова нет ни гоголевской вздыбленности, ни разлома Достоевского, а на уездном пространстве русской равнины и во времени жизни до почти одновременной кончины (*«Старгородская хроника кончается, и последнюю ее точкой должен быть гвоздь, забитый в крышку гроба Захарии»*) обитателей соборной поповки разворачивается сценарий *глубокого единения* столь внешне непохожих, во многом противопоставленных образов и характеров – соборности русской жизни в ее диалектическом единстве и противоречии. Слово «борьба» в гегелевской этой формуле здесь не совсем к месту... И остальные герои романа, старгородские обитатели в их композиционном взаимоотношении друг с другом, а главное – с основными персонажами хроники, все вписываются в таковое единение и сокращенную формулу Гегеля.

Не особо далеко ушел в духовном философствовании Савелий Туберов, да он и не стремится к какому-либо первенству, даже в мыслях не замачивать на что-то первооткрывающее. Как пишет Лесков в «Захудалом роде»: *«Если бы Вольтер знал этого нашего земляка, то он должен был бы сознаться, что не ему одному казалось удобнее молиться после обеда, чем перед обедом, но наши натуральные философы, вероятно, никогда не получат известности, постоянно предвосхищаемой у них чужеземцами»*.

Но дело свое туго знает, стоя за истинную православную веру. И жизнь его сплошные тернии и обиды со стороны церковного начальства, мало чем отличающегося в административно устроенном государстве от иных ведомств и канцелярой.

... Все же не борения духовные протопопа Туберозова, не тихость и исправная служба священника Бенефактова, не сплошные чудачества наивного в душе, аки младенец, дьякона Ахиллы, не широко развернутый в романе уездный быт создают «Соборянам» ни с чем не сравнимый колорит с оттенком истинной русскости – даже в наималейшей степени не приукрашенный в смысле нарочитой стилизации. Нет в нем и намека на «роман с направлением», хотя бы на его страницах очень даже активны карикатуры на «нигилистов» уездного рóзлива: те же учитель Варнава Препотенский, чиновница Бизюкина, прохиндей с большой дороги Термосесов – явный шарж на Петра Верховенского из «Бесов» Достоевского. И нет сколь-либо декларативного обличения. Не считать же за таковые наскоки глуповатого Варнавы: *«Вы читали Тургенева? «Дым»... Это дворянский писатель, и у него доказано, что в России все дым: «кнута, и того сами не выдумали».*

Словом, если подходить к «Соборянам» с бытописательской стороны, то ведь Лесков вроде ничего нового не сказал, что «упустили» русские писатели, так сказать, первого ряда, те же Тургенев и Достоевский, и – особенно – истинные бытописатели, современные Лескову: Глеб и Николай Успенские, Писемский, Помяловский и... еще два-три десятка имен, у которых даже более выпукло, характерно выписаны священники, мещане, купцы, чиновники всех ведомств, губернский и уездный бомонд, чудаки и чудики всех мастей, которыми так обильна провинциальная русская жизнь. В «Смехе и горе» Лесков пишет: *«Так вот-с, сударь, – заговорил, выпрямляясь во весь рост генерал, – вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это – безнатурный дурак (выд. Н.С. Лесковым. – А.Я.)!»*

– И таковые персонажи не Лесковым одним выведены.

А неподражаемый колорит «Соборян» именно в их *невьдуманной списанности* с живого полотна русского быта, чем отличается в своем творчестве Лесков... нет, правильнее сказать: чем выделяется он на фоне всей обширной по дарованиям великой русской литературы ее золотого века. Из

всей великолепной тройки выдающихся «орловцев» – Тургенева, Лескова и Бунина, только у Николая Семеновича не персонаж развертывает сюжет, но последний создает персонажа с его сугубым характером. «Безнатурный дурак», ревнитель истинной христовой веры, матерый уездный или губернский чиновник, вольтерьянствующая дама, глуповатый «постнигилист», отчаянный правдолюб с наивной душой ребенка и так далее – все они у Лескова, а особенно в «Соборях», хотя бы в неравных долях, но являются равноправными движителями сюжетного полотна. Главное и существенное – они же все *непорицаемые* вышли из-под пера автора, как *непорицаема* сама русская жизнь с ее «внезапнейшими разнообразиями».

Опять же в рамках «великолепной тройки» этого мы не находим у Тургенева, стоявшего у истоков «романов с направлением». А у Бунина, коль скоро свою замечательную прозу, «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи» первоочередно, он создавал во второй половине своей творческой жизни, в <добровольном> изгнании, то в ней превалирует асимметрирующее вырисовывание характеров, нота тоски по ушедшей для него русской жизни. Непроизвольно при чтении эмигрантской прозы Бунина возникает почти осязаемый музыкальный фон, а именно – известный полонез Огинского...

◆ В вырисовывании характеров своих героев Лесков, прошедший всю <европейскую> Россию вдоль и поперек, меток в использовании фольклора: «На трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь», «Земляной рубль тонок да долог, а торговый широк да короток», «Бог пристанет и пастыря приставит»... А в «Грабеже» персонажи и вовсе из писания изъясняются: «Егда люди потрапезуют и, помоляся уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят».

Это мы опять возвратились к языку произведений Лескова, но в том аспекте, что, мысля научными категориями, язык не просто способ общения людей. Или, как сейчас навязчиво талдычат, – способ передачи межличностной информации... последнее слово чем-то суконно-цинковым отдает; так и лезет при его упоминании в голову «инфузория». Ну-у, это все к тому же все

слову, а понятие языка далеко не так просто определяется, а именно: язык есть сугубый, основной, пожалуй и единственный, *предмет логики*, ибо язык суть средство познания, ибо последнее реализуется в языке, посредством языка. Любые же продукты познания всегда фиксируются в языке. Мы не столь самонадеянны (тому сдерживающее начало в симбиозе нашего военноморского, заполярного и старообрядческого воспитания – о последнем см. у Лескова всеподробнейше...), чтобы приводить такое определение языка без ссылок, например, на мнение выдающегося советского и российского ученого, философа и публициста А.А. Зиновьева, создателя комплексной <многозначной> логики. Но – ближе к сути развиваемой мысли.

Трансформируя определение связи языка, логики и познания для ареала литературного творчества, а еще конкретнее – для творчества Лескова, можно <уже со ссылкой выше на авторитеты науки> утверждать, что непорицаемость отображаемой Лесковым русской жизни, как творческий акт познания, является логически непротиворечивой в части ее, русской жизни, реальности, подтверждающим свидетельством чего является сугубая языковая специфика произведений Лескова. Именно в таковой специфике, где современный автору язык, в сумме своей и в образности от просторечия до всевозможных словных, образовательных, включая «образованщину» и иных аргоизмов, органично и ненавязчиво переплетается с «живыми» фольклорными и диалектическими истоками русского литературного языка, и сложился феномен лесковской словесности. Надеемся, не запутали в таковых определениях нашего читателя...

Конечно, понятна «языковая направленность» в отдельных, хотя и многих, произведениях Лескова: уже упомянутая стилизация и неологизация в «Левше», чисто орловский говор в «Грабеже», язык купцов в «Чертогоне» и так далее. Но именно в «Соборях», «Очарованном страннике» и «Запечатленном ангеле», несмотря на религиозно-догматическую сюжетную линию последнего, в полной мере явлена *непорицаемость* русской жизни, что во многом достигается указанной выше специфической структурой языка Лес-

кова. Извиняемся за казенное слово. Кстати, коль скоро употребили «казенное», то вспомним, что одним из основных доводов официального – синоним казенного – литературоведения двадцатых – начала пятидесятых годов, когда Лескова практически и не печатали, что-де произведения данного автора «невыстребованы советским читателем и пр.», являлись упреки в чрезмерной церковности и «реакционной поповщине». Воистину здесь Лесков оказался между «долгоиграющими» молотом и наковальней: если после революции комиссионеры от Луначарского и Крупской «упразднили» Лескова за эту самую поповщину, то царская цензура и редактора журналов – от «реакционера» Каткова до либерала Суворина – воистину пропускали «Соборяне», повести и рассказы с сюжетами, имеющими отношение к церковной жизни, через евангельское игольное ушко... в другом, разумеется, контексте. И если «комиссионеров», в духе тогдашней «воинственной безбожности» (так именовалась организация Губельмана – Ярославского), вообще упоминание о церкви не устраивало по идеологическим доводам, то императорскому Свщ. Синоду русской православной церкви, как сугубо государственно-бюрократического учреждения, в произведениях Лескова претило незавуалированное разделение автором (мы уже касались кратко этого выше) церкви-учреждения и церкви-духа Христовой морали. Кстати, по той же причине Синод противостоял Льву Толстому. Правда, руки коротки у Синода оказались против мирового классика, так что решение о временном отпадении Толстого от русской православной церкви (ни в коем случае не отлучение, тем более не анафематствование, как писали и пишут СМИ, одинаково безграмотные и тогда и сейчас...) скорее знак бессилия Синода. А вот Николай Семенович мировой известности не имел, да и не мог иметь ввиду подчеркнутой русскости (а таковая всегда Европу раздражала!) своих произведений. С другой стороны, не мог себе позволить ссориться с цензурой, тем более с Синодом, ибо являлся профессиональным писателем, то есть жил исключительно «тощими литературными опресноками» (см. выше), толстовских имений в Ясной Поляне и

в Поволжье не имел... Это не в упрек гению русской словесности, но – сугубо к слову о Лескове.

Наконец, по определению своего характера и своего творческого кредо, Лесков и не мыслил «торговать убеждениями», которые он так определял (в письмах к С.Н. Шубинскому, своему постоянному корреспонденту, от 17 и 20 августа 1883 г.): *«Скучно, тяжело и вокруг столь подло и столь глупо, что не знаешь, где и дух перевести... Все истинно честное и благородное сникло, – оно вредно и отстраняется, – люди, достойные одного презрения, идут в гору... Бедная родина! С кем она встретит испытания, если они суждены ей?»*

... И ничего иного Лескову не оставалось, блюдя свою литературную честность, не ссорясь с цензурой и Синодом, дабы не лишиться потребных для <физической> жизни «литературных опресноков», как со скорбью и внутренним гневом соглашаться на урезание «ножницами цензора» своих произведений целыми главами и даже частями... История публикации «Соборян» тому ярчайший пример. У Андрея Лескова в его книге об отце это подробно описано.

◆ ... Если дело в мире – с изоляцией России – под водительством Великого глобализатора, он же Великий инквизитор Достоевского, и дальше столь успешно пойдет, в чем сомнений нет, то скоро уже мало останется русских – в смысле из России – людей, что вживую лицезрели с высокого киевского берега с монументом князя Владимира с крестом низменную черниговскую заднепровскую сторону. И соединяющий их мост, построенный академиком Патоном – вроде как в последние полвека он не перестраивался. *Nostalgia*.

А первый киевский мост через Днепр был построен английской компанией в середине позапрошлого века. Строился он под управлением английских инженеров набранными по всей России артелями каменщиков, преимущественно из старообрядцев, людей трезвых и умелых в своей профессии, строился четыре с лишним года на каменных быках цепным висячим (сразу

вспоминается визитная карточка Лондона с характерного вида мостом перед Тауэром...).

Как всякое долговременное действие с привлечением множества рабочего и – особенно – досужего народа, да еще в таком крупном городе как Киев, оно породило множество былей, слухов и просто анекдотов. Впрочем, в те благодатные и честные времена, но несколько растяпистые, и анекдоты срисовывались с действительно бывшего, хотя бы и преувеличенного. Одна из таких анекдотических былей рассказывает о некоем калужском каменщике, что был послан своими артельщиками во время пасхальной заутрени по натянутым уже цепям (но еще без мостовой!) с киевского берега на черниговский за водкой, которая там продавалась много дешевле. Иным способом переправиться с берега на берег было невозможно из-за ледохода. Закупившись, каменщик повесил бочонок водки себе на шею и балансируя взятым в руки шестом, возвратился на киевский берег, выполнив заказ товарищей-артельщиков. Как говорится, дорого яичко в пасхальный день. Попутно заметим, что по церковному уставу поздравлять с пасхой дозволяется до самой Троицы, то есть сорок дней...

О происшествии с героическим калужским каменщиком и сам Лесков в «Печорских антиках» пишет – через десять лет после напечатания в «Русском вестнике» своего «Запечатленного ангела», один из центральных эпизодов которого рассказывает о переходе в ледоход через Днепр по натянутым уже цепям строящегося моста артельщика – старообрядца с черниговской стороны на киевскую. Но уже не с бочонком водки, а с изготовленной изографом точной копией высокочтимой староверами иконы ангела-хранителя. Следовало ее срочно, пока рождественская (на Днепре иной раз и под рождество лед трогается) служба не закончилась в киевской монастырской церкви. Доставить туда и тайно подменить новоделом оригинальный образ, конфискованный по доносу властями у старообрядцев-артельщиков и «запечатленный», то есть проштемпелеванный сургучной печатью прямо по лику ангела.

... А столь пространное вступление к «Запечатленному ангелу» мы по той причине предпослали, чтобы показать: все сюжеты у Лескова именно с реальной жизни взяты, не нафантазированы! (см. его высказывание выше – «литература есть записанная жизнь»), хотя бы и трансформированы самым решительным образом. Даже «с пьяного на святое», как в «Запечатленном ангеле». Характерно, что именно Достоевский (а о их с Лесковым «холодных» взаимоотношениях уже говорилось) дал очень верное определение своеобразия речи персонажей и авторского описания у Лескова, впервые с такой же полнотой проявившееся в «Запечатленном ангеле». Это дорогого стоит! Таковое же своеобразие Достоевский, очень даже положительно оценивший это произведение, назвал *эссенциями*, то есть персонажи Лескова говорят не как «по записанному», чем многие писатели грешат, но – здесь мы попробуем расшифровать определение *эссенции* Достоевского («Дневник писателя», статья «Ряженный»^{*}). Для чего мы собственно и выделили особо рассмотрение «Запечатленного ангела» в данном очерке.

Достоевский особо указывает на «нетипичность» характерного языка произведений Лескова, то есть это не некая литературно-книжная усредненность, которую «публика хвалит, ну а опытного старого литератора не надуете». Но ведь и разборчивой публике не всегда потрафишь этим «типичным языком»? Вот здесь-то и появляется тот круг читателей, как он появился к началу – первой половине 1880-х годов у Лескова, все более и более разрастающийся – в итоге сравнимый со всей читающей Россией, – в восприятии которого непроизвольно, подсознательно, совершается отход от *типического* к *эссенциальному*, то есть языку *единичного*, своеобразного... хотя бы язык Лескова есть *квинтэссенция* непридуманного, «непричесанного» (под литературную традицию), истинного русского языка! Так мы поняли высказывание Достоевского о «Запечатленном ангеле», расширив его на все творчество зрелого Лескова.

^{*} На нее указывает составитель примечаний к Т. 4 Собрания сочинений Н.С. Лескова в 11 тт. И.З. Серман, С. 544.

На фоне такой *эссенции* в том же «Запечатленном ангеле» у читателя даже не возникает вопроса об определенной направленности этого повествования, которая суть тема русского старообрядчества; как тогда было принято его называть в России. Сам Лесков, тем более имевший в родословной священников официальной русской православной церкви, которую, в свою очередь, даже сейчас мои родственники-староверы иначе как *никонианской* не именуют, в быту и творчестве не совсем одобрительно, точнее – неодобрительно, относился к староверчеству. В тех же «Соборях» живущие в Старом Городе раскольники малосимпатичны и вредны для духовно-нравственного порядка. Сам Лесков составил такое мнение, что называется, по-книжному (сам этого не отрицал), в основном, по художественным («В лесах», «На горах») и публицистическим («Очерки поповщины») произведениями Мельникова-Печерского. Тот же, в свою очередь, являясь председателем государственной комиссии по изучению современного быта и пр. старообрядцев, относился к ним хотя и вдумчиво, объективно, но – с позиций официальной русской православной церкви.

Однако в «Запечатленном ангеле» Лесков вовсе не останавливается на религиозно-догматических сторонах старообрядчества, но в это время он очень заинтересовался древнерусской живописью, то есть иконописанием, изографией. Из его переписки и воспоминаний сына Андрея в «Жизни Николая Лескова» видно, что писатель внимательно ознакомился с самыми известными трудами по старорусской иконописи. То есть Лесков обнаружил для себя в раскольниках-старообрядцах единственных и ревнительных хранителей древнерусского искусства, поскольку староверы признавали и почитали только старописанные иконы дониконовской поры – допускались и новodelы, но написанные по старинным образцам или просто в стилевых манерах ранее признанных старорусских иконописных школ. Так и в «Запечатленном ангеле» изограф Севастьян, приглашенный старообрядцами-артельщиками для написания копии иконы ангела-хранителя, придерживается традиций строгановской школы «мелкого письма» (строгановская школа

возникла из новгородской в Сольвычегодске и Великом Устюге – изографы, переселившиеся в эти города из Новгорода). Сохранять же старописанные иконы старообрядцами было делом сложным и небезопасным. Вот и Лесков в «Запечатленном ангеле» описывает как поступали чиновники от официальной церкви с конфискованными старыми святынями: иконы просверливали (напомним, что иконы пишутся на досках), нанизовали столбцом на металлический прут с винтовой резьбой на концах, завинчивали гайками, припечатавали сургучом (см. выше) и складывали в сырых подвалах монастырей или консисторских губернских епархиальных управ.

... Пресловутые «большевики» себе этого не позволяли. Так перед взрывом храма Христа Спасителя все иконы, фрески и пр. изымались и направлялись в музейные хранилища.* Но – это к слову опять же.

Короткое резюме у этому разделу очерка: даже в произведениях, в которых в той или иной степени проявляется авторское «направление», как в «Запечатленном ангеле» сугубо художественный интерес Лескова к старорусской иконописи, что было бы невозможным встроить в композицию без персонажей из староверов, писатель, в силу данного ему «нетипического» таланта, достиг все того же эффекта *эссенции* – по определению Достоевского, *единично* присущего «очарованному страннику» русской литературы.

♦ В том же 1873 году, когда был опубликован в «Русском вестнике» «Запечатленный ангел», в семнадцати номерах газеты «Русский мир» печатается новое произведение Лескова под <первоначальным> названием «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения. Рассказ. Посвящается Сергею Егоровичу Кушелеву». Жанр «рассказа», определенный автором, надо понимать условным, ибо это классическая «повесть в квадрате»: по жанровому построению и собственно по композиционному приему: пространный рассказ монастырского послушника-черноризца Ивана Северьяновича Флягина своим слушателям – пассажирам плывущего по Ладожско-

* В частности, это описано очевидцем, известным советским писателем Всеволодом Ивановым в романе «У», кстати, только один раз изданным – в библиофильской серии «Из литературного наследия» (Иванов В.В. «У», Дикие люди.– М.: Книга, 1988.– 399 с., тираж 15000 экз.)

му озеру – о всей своей жизни, изобилующей самыми невероятными, но не фантазийными, а волею непредвиденного случая выпавшими, событиями и приключениями. Литературоведы, что называется сходу, сравнивают «Очарованного странника» и с гоголевским Чичиковым (по композиции), и с романом Фенелона о путешествиях Телемака в поисках Одиссея, и много еще с чем. Не совсем корректным было бы искать сравнения с многоликим двадцатым веком, поэтому упомянем только «Улисса» Джойса и упомянутый выше в сноске роман «У» Вс. Иванова... Другие параллели читатель мигом подберет.

Не слишком большая беда – для повести, конечно, не для несколько огорченного автора, – что современная ему критика оставила без внимания (может просто не поняла?) такую художественную новацию Лескова в «Очарованном страннике», как «бесцентровость» (это Н.К. Михайловский пишет: «*отсутствие какого бы то ни было центра*») повествования, то есть отсутствие единой, центральной фабулы, а дробление последней на «нанизанные» друг на друга взаимосвязанные фабулы в рассказе Ивана Северьяновича. Навроде как у Гоголя и Лермонтова – но не подражательно, само собой, а в своей, сугубо лесковской, художественной манере. Впрочем, оставим все это самим литературоведам... Мы же пишем об «очарованном страннике» – Лескове – по нивам русской литературы, художественными средствами которой, но в своем, *едином* своеобразии, писатель и очаровал всю читающую Россию.

... Не случайно мы выше оговорились по части жанра «Очарованного странника», что-де это есть повесть по всем литературным канонам, а не названная Лесковым «рассказом». Я, что называется, читательски, а потом и писательски, «вырос в Лескове» – позволю себе повториться в этом очерке. А Николай Семенович суть непревзойденный в русской литературе рассказчик – не по формальному определению этого жанра, а именно *всежанровый рассказчик*. Потому все его художественные произведения, да отчасти и литературная публицистика, суть *рассказы*.

... В наше славное время «административный регламент» и до изящной словесности добрался. Вот и литературные журналы, как-то и не сговарива-

ясь между собой, уже явочным порядком «таксу объема» пожанрово ввели, в какой-то рассказу отведены десяток-полтора стандартных машинописных страниц, то есть половина авторского листа. В таких ежовых рукавицах Николаю Семеновичу было бы несдобровать. Да он и сам, как человек по жизни малосдержанный и вспыльчивый, а в домашнем быту (см. «Жизнь Николая Лескова») и вовсе дисциплинирующий домостроевец, перестал бы в оные «куранты» корреспондировать. Опять мы к окончанию очерка отвлеклись на злободневность...

«Очарованный странник» есть повесть, рассказанная *очарованным персонажем* – Иваном Северьяновичем – и больше ни полслова о жанровой классификации! Но опять же въедливые литературоведы – но ведь это их профессия, что отчасти извинительно для них – после появления «Очарованного странника» тотчас разобрали по косточкам самые характерные эпизоды странствия Ивана Северьяновича: десятилетний плен его у астраханских степных кочевников? – так это же толстовский «Кавказский пленник»! А сюжет с князем и выкупленной им из табора цыганкой Грушей – ведь прямая переключка с известным персонажем Лермонтова... И в своей профессиональной увлеченности как-то отстраняются они от фактора *типичности*, но не в смысле определения Достоевского, о чем выше говорилось, но о *типичности русской жизни*. Разве не типичен Печорин во всем девятнадцатом веке, хотя и в совершенно различных ипостасях? Ведь не от Байрана же «лишние люди» пришли в русскую жизнь? – Хотя бы в литературных образах и есть определенные наметки на преемственность «байронической тоски» в обликах Онегина и Печорина. Типичность же «пленников» не подлежит сомнению: слишком много, почти постоянно, Россия вела окраинные войны с полудикими племенами, а если и не вела их с «мирными» инородцами, то они-то еще жили по своим племенным законам. Много было кавказских и азиатских пленников, что стали уже литературными типами.

Наконец, цыганка Груша из табора, сами цыгане – это всероссийский колорит России. Ну-ка, назовите навскидку хоть одного русского писателя,

который бы «обошелся» без цыган – от их конского воровства и жульничества до знаменитого: «В Стрельну! К «Яру»! К цыганам, господа!» ... Только к началу века двадцатого цыганские хоры потеснили несколько «румыны». Впрочем, те же цыгане, но только прибывшие в российские столицы на заработки из Румынии и называвшие себя влахами (дунайское княжество Валахия – самоназвание будущей Румынии).

Легко отыскивать аналогии в типичном, но создать нетипичную эссенцию, используя типичные сюжеты обыденной русской жизни, есть задача своеобразного писателя. Это мы, конечно, о Лескове говорим.

«Проговорив это, очарованный странник, как бы вновь ощутил на себе наитие вещательного духа и впал в тихую сосредоточенность, которой никто из собеседников не позволил себе прервать ни одним новым вопросом. Да и о чем было его еще больше расспрашивать? повествования своего минувшего он исповедал со всею откровенностью своей простой души, а провещания его остаются до времени в руке сокрывающего судьбы свои от умных и разумных и только иногда открывающего их младенцам».

Этими проникновенными словами завершается «Очарованный странник». Полагаем, что этимология слова «провещания» понятна читателю...

◆ Настоящий очерк не есть, даже в сколь-либо малой степени, литературоведческим анализом отдельных произведений Лескова. Даже некоторый акцент на «Соборьянах», «Запечатленном ангеле» и «Очарованном страннике» есть не разбор их содержания, улавливание «направлений» и пр., но просто подчеркивание их наибольшей имманентности главенствующей творческой манере писателя. Таким образом, в части такового (отсутствующего у нас) «обзора» очерк этот рассчитан на читателя, в определенной степени знакомого с произведениями Лескова, хотя бы с теми из них, что и через полтора столетия ни в малейшей степени не утратили своей художественной значимости. Про пресловутую «актуальность» умолчим, поскольку таковая для произведений этого рода есть всего лишь «служебная канва». Как нотный стан для композитора. Сознаемся, несколько неловкая аналогия, но по существу верная.

Тем более об актуальности, не только в отношении Лескова, но и всей мировой классической литературы, неудобосказуемо даже случайно вспоминать при нынешнем торжестве Великого глобализатора; вполне достижимым, причем в самое ближайшее время, «идеалом» члена социума, глобализованного по всему земному шару, является умозамещенный человек-цифрофреник. А по Лескову – им определенный «безнатурный дурак».

Даже об актуальности норм христианской морали с ее двухтысячелетним торжеством в ощутимой части мира, которой пронизано все творчество Лескова, сейчас не стоит говорить, поскольку эти нормы сведены к нулю.* В тех же Европах – Америках остались лишь церкви-учреждения, как внешний артефакт «пройденного историей» христианства, а собственно от Христовой Нагорной проповеди и Заповедей блаженств Нового Завета – то, что мы называем «моралью по вызову».

Опять же объясним преамбулу последнего раздела очерка. Тем более, что вовремя эта «актуальность» подвернулась на кончик пера (пишу только «от руки» и уже два десятка лет паркером, подаренным – после успешной защиты – моим самым умным аспирантом...).

В своем бессмертном «Левше» Лесков писал: *«Машины сравнивали неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности».*

Не подлежит сомнению, что таковое «сравнение» писатель провидчески (уже сама его действительность подсказывала!) переносил и на все остальные, доселе творческие, рода деятельности человека. Нам же, живущим в «час волка», он же, говоря по-военному, *день X* торжества Великого глобализатора, и разъяснять что-либо подробно излишне.

С таких позиций творчество Лескова с его отличительной художественной манерой вроде как тоже по части артефакта давно минувших «творческих эпох» (это название цикла произведений Ромена Роллана, потому в ка-

* См. в нашей естественно-философской и литературно-публицистической диалогии «Апология христианства» и «Апология человека» (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru и других сайтах – по поисковику). В 2020 году эта диалогия была удостоена православной литературной премии им. Святого Макария, митрополита Алтайского.

вычках) проходит. Действительно, социуму безнатурных дураков, хотя бы пока еще (у нас) пассивно, явочным порядком сопротивляющемуся <см. выше> переходу на американо-нижегородскую мову под управлением СМИ, умозамещению и даже директивному – не мытьем, так катаньем – оцифровыванию, Лесков не нужен с его обитателями старгородской соборной поповки, очарованным странником Иваном Северьяновичем Флягиным и разноликими персонажами «Запечатленного ангела». Иные времена, нравы и образцы для поддержания, в основном, по части общечеловеческих ценностей, то есть доллара и евро. А скоро может и юаня.

Но не так скоропостижно и просто избавить человека, даже искуснейшему Великому глобализатору, от генофенотипической памяти. Допустим, проснется посреди ночи в полнолуние иной почти что *обезнатуренный*, но еще не полный дурак... отчего проснется? – А может на ночь фастфуда или иной пищевой химии переел, либо сериалов на американо-нижегородском наречии с бройлерными инкубаторскими кобылицами пересмотрел... да мало ли *актуальных* причин наберется; главное факт – проснулся в час третьей стражи, где-то между двумя и тремя ночи. Посмотрел со своей «досадной укушетки», как у атамана Платова в «Левше», в незашторенное окно, а там в угольно-черном небе серебром сияет полная луна в полной тишине спящих городских улиц, проспектов и переулков. Ни единого взвизга частнособственнических авто отверточной сборки: канули в лету веселые девяностые и нулевые, когда на всех улицах всюду кипела ночная жизнь.. Да и бензин в самой нефтедобывающей стране все дорожает и дорожает. Почивают в своих «хрущевках» старшие поколения, поминая добром советскую жизнь, которую так напоминают тихие по ночам улицы и т.п.

Глядит почти что обезнатуренный на полную луну; и по законам биологии, физиологии и психологии начинает он, как в явлении дежавю, вспоминать вовсе не с ним бывшее, но с далекими предками, например, по времени, от скорого ожидания благодетельного избавления от крепости с дарованием

земли* царем Александром Освободителем до окончания земных дней другого Александра, который звался Миротворцем. Не то что конкретное из далекого быта видит неурочно проснувшийся, но *in summa* всю тамошнюю жизнь всеми органами чувств, сознанием и подсознанием ощущает.

Удивительную умиротворенность он в голове ощущает, как следствие мигмом забытых умозамещения и цифрофрениии, телеящика с его инкубаторскими сериалами и американо-нижегородским языком (словарный запас фифти-фифти по 250...300 слов американских и из обычного русского языка), одуряющего «инта» с его 99%-м информационным шумом. Где-то далеко-далеко, на окраине империи, промозглый чиновный Петербург; поближе и породнее Первопрестольная с ее размеренностью, купцами-миллионщиками и тысячниками, иной торгово-мещанской мелкотаю и сорока сороками золоченных церковных куполов. А на бескрайней равнине, она же «равнина русской словесности», на берегах неспешных рек, далеко текущих до Черного и Белого, Балтийского и Каспийского морей, старинные губернские и уездные города, меж которыми многие тысячи сел и деревень. Всюду несуетная жизнь течет, подобно тем же неспешным рекам, на лоне почти что первозданной природы: только леса под пашни за тысячу лет заметно повырублены, да железная дорога, «чугунка», уже начинает разбегаться от Москвы на все четыре стороны империи. В заутреню, обедню и вечернюю службу по всей равнине колокольный звон: от одной колокольни до другой*, не обойдет он ни одни уши.

... Забытый сейчас исторический сочинитель Загоскин в романе «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (если только не ошибся в точности названия?) писал что-то в таком смысле: *добрый* наш народ, купцы и крестьяне, бояре и стрельцы, шиши (то есть разбойники) и пр. Обширно понимаемая доброта и в характере разнообразнейших жителей той великой равнины.

* При всем уважении к советской школе, заметим, что в курсе истории как-то невнятно (идеологическая установка!) пояснялась великая реформа 1861-го года: дескать, освободили крестьян, но за землю многие выплачивали «выкупные» до 1905-го года... В действительности крестьяне освобождались с достаточным земельным наделом в 4–5 десятин (десятина = 1,6 гектар), за который с помещиками расплачивалась казна...

* В густонаселенной срединной России сельские церкви ставились на возвышенных местах с тем расчетом, чтобы с верха колокольни можно было увидеть таковые же окрестных храмов.

Незлюбивы помещики, если только не дурашливы от прежней вольницы. А если порой и впадут в дурь, то – ведь это в любом русском человеке может проявиться. Основное по численности население – тягловые крестьяне, барщинные и оброчные до реформы, как при барине жили в общине, так и вольными в ней остались – до столыпинского ее разрушения и окулачивания. Нелегкое дело примитивное землепашество, да исстари привычное, как говорится, ни слез умиления здесь не лить, ни преувеличивать страдания: все соответствовало веку и стране. Сельские батюшки и кабатчики-целовальники, старосты барские, а опосля выборные, наезжающие приставы и исправники, судейские – все при своем деле, для кого-то правом, для иных не своим. А потом земская, судебная, воинская и другие реформы облегчение крестьянству доставили.

В городах другой расклад, несколько отличный от сиволапого деревенского и помещичье-усадебного, но характеры все те же исконно русские. Духовенство пообразованнее, умеренно запьянцовское. Типичность – в лесковском Захарии Бенефактове, но нередки и правдолюбцы как Савелий Туберов. Русский же дьякон, кочующий из романа в роман нашей классики, всегда Ахилла в том или ином своеобразии... как, например, дьякон Ферапонт в «Угрюм-реке» В.Я. Шишкова. Все они одним ахилловым миром мазаны...

Городские купцы, приказчики, мещане и ремесленники тоже по сущности своей незлюбивы. Немного смешновата городская интеллигенция, учителя, врачи, земцы-статистики, но это скорее от их растерянности: дел много, а их мало. Опять же темнота простонародная. Как Лесков пишет: *«Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что́ надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую (вибрион холеры. – А.Я.), а народ думал, что надо убить врачей» («Импровизаторы (картинка с натуры)»).*

Великолепно и обширно городское, особенно губернское, чиновничество. Оно похитрее всего остального народа – чины обязывают! Но русские ведь люди; как дети радуются трудами <порой несправедными> выслуженно-

му статскому ордену: *Владимиру* ли, *Анне* или *Белому Орлу**. И чиновники нерусского корня, остзейские немцы и поляки, которых цари весь век расселяли из вечно бунтующей Польши по просторам России (бунтовщиками заселяли Сибирь, а шляхту – потенциальных заводил бунтов – чиновниками по губернским и уездным городам Европейской России), очень быстро ассимилировались по части приобретения местных нравов и характеров...

Даже не заставшему советскую эпоху самого читающего в мире народа, замороженному полной луной проснувшемуся в час волка Обезнатуренному вся эта пестрота старинной русской жизни как наяву представилась. Поежил-ся тот от такого чудного видения, и хотя почти непьющий (баранку своей машины с утра до вечера крутит, работенка разъездная), но сходил на кухню, ввел в организм стопарик поддельного самогонного вискаря – соображать по случаю видения наеву ловчее стал, потянуло на вольнолюбивые рассуждения самле-собой, вовсе не свойственные по жизни суетной. И обычное отупление, вязкое почти что наощупь, уступило место полнейшей ясности мысли. Думалось с вдохновляющим восторгом: да какая же разнообразная жизнь была во время оно! Вроде бы и нелепая, дурашливая порой, где неприглядная, а у кого-то довольственная, но ведь не прикованная виртуальными, зато самыми крепкими, цепями к компу, своей китайской машине отверточной сборки, к дурману телеящика, к вечной погоне за деньгами... а зачем они, деревянные или зеленые, окромя как на жрачку и ширпотреб? Если подумать, то и незачем.

Так зачем налитая тусклым серебром полуночного света полная луна разбудила его и подсунула такое странное видение? Еще ясно стало в голове после второй стопки виски подмосковной фабрикации, мысль ощупью подбиралась к возможному ответу на заданные им самому себе вопросы. Не приученная к функциональной грамотности мышления голова Обезнатуренного, пусть в неловких, ломаных по синтаксису и логике, фразах, все же

* Высший польский орден. После включения Польши в состав Российской империи при Екатерине Второй, польские ордена (Белый Орел, Станислав, Виртути милитари и др.) были включены в число всероссийских наград, то есть независимо от национальных (тогда ее заменяло вероисповедание) и места проживания награждаемых.

вплотную приблизилась к ответу. С его <условного> разрешения переведем таковой ответ на *русский* язык.

Видение далекого прошлого, на расстоянии пяти-шести поколений пращуров, которое нам порой посылает полная луна, пробуждающая подсознание человека, ставя его в положение очарованного странника, есть не напоминание о чем-то бывшем в неразрывной поколенной цепи, но – остерег: человек нынешний! останавливайся иногда на миг, оглядывайся округ себя и думай: куда идешь? и своим ли путем идешь?

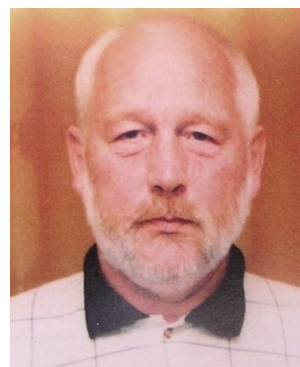
... От себя добавим к мыслям Обезнатуренного: в такой миг лунного прозрения не столько сам-один человек размышляет, но это говорит в нем «память отцов» (это определение выдающегося русского философа-космиста Н.Ф. Федорова), доселе упрятанная в пыльных и забытых чердаках подсознания. Это как нынешнее интернетовское облако...

Наш очерк суть пространная рефлексия на самобытное творчество Лескова... и осознание вселенской тоски по уходящему человеку биологическому, которому на смену приходит оцифрованный придаток к глобальным информационным сетям. Увы!

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

ГЛОБАЛЬНОЕ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф.М. Достоевский «Бесы»

◆ Из двух, всего лишь имевших место быть в человеческой истории, гениальных социально-нравственных писателей, а именно Шекспира и Достоевского, безусловным, что называется до испуганной дрожи души, в каждом новом поколении убеждающейся в высказанной им истине, провидцем был и остается Федор Михайлович. Такое выделение не обидно, например, для Льва Толстого, Гёте и Томаса Манна – великих *человековедов* в своем творчестве. Здесь верно определил различие творчества двух русских величайших писателей в своем трактате «Л. Толстой и Достоевский» проницательнейший Д.С. Мереж-

ковский, обозначив первого как исследователя *телесного поведения* человека, а вот прерогативу познавателя *души* отдал Достоевскому.

... Еще далеко было до озвучивания нынешних понятий *расчеловечивания*, *человейника*, *глобализации* с ее *умозамещением* и *цифрофренией*^{*}, а Достоевский в «Бесах» представил миру Шигалева с его же «шигалевщиной», сущность которой Достоевский изобразил в нескольких строках – см. выше эпиграф, – и которая, спустя полторы сотни лет оказалась точнейшим, в масштабе *М1:1*, как ставят на инженерных чертежах, слепком наших безрадостных будней... равно и официально-постановочных празднеств. Отметим сразу, что пишем о всемирном *человейнике*, ибо в эпоху торжествующего глобализма выделять какую-либо «отдельно взятую» социумность или государственность суть сужающая тематику эмфаза^{**}.

Определение, точнее гениальное предвидение, Достоевским расчеловечивания, как потери личности и обращения в стадо, сбывающееся сейчас в невероятном ускорении, многократно превышающем обычно соотносимое с временными показателями человеческой, социальной эволюции (человек обогнал свою эволюцию – по Конраду Лоренцу), происходит сейчас – в терминах обезличивания и превращения человека в крохотный винтик глобальной машины Молоха глобализации – родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых», а еще точнее – в биологический придаток *кликковых недолайкиных* к мировым телекоммуникационным сетям. Это все настолько самоочевидно – оглянитесь вокруг, не забыв и на свое отражение в зеркале посмотреть! – что не стоит лишний раз беречь раны человека-читающегося, еще как-то сопротивляющегося, хотя бы в мыслях своих, натиску волны, девятого вала расчеловечивания. Мы же вовсе не «от лукавого» берем эти раны. Просто это тема наших научных, естественно-философских, системных исследований^{***}. Упоминаем это «не корысти для», как говорил известный персонаж дилогии одес-

* Термин «человейник» введен А.А. Зиновьевым; авторство «расчеловечивания» обычно относят к Конраду Лоренцу, а «умозамещение» и «цифрофрения», как говорится, наших рук дело – см. далее.

** Эмфаза (лат.) – подчеркивание, акцент на чем-либо.

*** Результаты таковых изложены в продолжающейся серии «Живая материя и феноменология ноосферы» (ЖМФН), издаваемой, начиная с 2007-го года (различные издательства Москвы, Твери, Тулы). На сегодняшний день вышло 17 томов. В электронной форме с ними можно ознакомиться (см. по поисковику) на различных сайтах, например, www.pz.tula.ru, www.trinitas.ru, www.vixri.com и др.

ских классиков, «но токмо» для констатации того факта, что выходящее из-под нашего пера (действительно, пишу только «от руки») не есть порядком поднадоевшее нашему читателю – неужто и таковые еще остались? – нытье по уходящей в историю некогда великой русской и советской литературе и уже давно ушедшей туда западно-восточной художественной словесности, но без каких-либо личностных эмоций признание де-факто наступившей *постлитературной* эпохи. Это как данное американско-японским философом Фукуямой определение нашего времени: *постисторический* период цивилизации.

Как говорится, с логикой в уме и тревогой в душе будем воспринимать происходящее неким *status quo* неумолимой социальной эволюции человечества, переходящего в статус человежника. Словом, «ума холодных наблюдений».

От вводного философствования переходим к литературе времен глобального расчеловечивания.

◆ Литература по определению не является исключением исключением в части действия законов социальной эволюции человека. А в рамках таковых глобализация, как первоначальный, зато самый бесчеловечный, жестокий этап более общего процесса перехода Земли в новую биогеохимическую оболочку (по акад. В.И. Вернадскому, создателю учения о ноосфере) – *ноосферу*, дает следующее целеуказание *всем* художественным творествам: (а) в отношении «одной десятой доли» у Достоевского, а по-нынешнему «золотого миллиарда», девиз Древнего Рима: вино, женщины и искусства принадлежат избранным (в наших пенатах см. цены на билеты в Большой театр...); (б) для «остальных девяти десятых» только примитивнейший суррогат таковых художественных твореств, где-то по значимости после торговли (в тех же пенатах усеявшие города «торгово-развлекательные центры»); (в) суррогат направленно продуман и выверен, несмотря на внешний примитивизм, а именно, сочетает в себе информационный шум, психолингвистическое и прочее «психо» (музыка, литература, пластические искусства, живопись, все сценические действия) зомбопрограммирование; (г) для литературы и других словесных твореств – полное

преобладание (у авторов и потребителей) утилитарного цифрового мышления (цифрофрения) над аналоговым творческим. Варианты и разветвления указанных целеуказаний читатель найдет в развернутом виде в ЖМФН.

Итак, названные целеуказания не есть пресловутые «происки империализма», «руководящие указания партии и правительства», «оскалы» всевозможных «измов». Это есть эволюционный закон, не кем-то придуманный, но отображением Мироздания. И если нам выпало сомнительное удовольствие попасть в генеалогической цепи поколений в уникально жестокий и бесчеловечный, умозамещающий период глобализации, то остается только вспомнить юридическую формулу о жестокости закона, но – закона!

Другое дело, опять же обращаясь к образной логике римского права, что *herba mala cito crescit* – дурная трава быстро растет, то есть человек с охотой великой скатывается в примитивизм, ибо по природе своей он великий хитрец, а лень ему мать родная. Та же самая феногенотипическая лень (Илья Муромца до тридцати годов...) одинаково подвигает человека к творческой деятельности, см. присказку о лени как матери изобретений, и к духовному отуплению и инерции жизни – тоже Илья, но Обломов. И совсем другое дело, если скатывание в умозамещающий примитивизм директивно, целеуказуемо направляется мировой социальной эволюцией.

Целеуказание (а) уже пояснено «билетом в Большой» (это не о сторублевке в исполнении Стоянова), но в нашей стране, сравнительно – по историческим меркам – недавно пришедшей в постсоветские годы к реставрации атавизма частнособственничества, да и учитывая историческую русскую общинность, наблюдается еще некоторое колебание в раскладе на 1/10 и 9/10. Но ведь директивно-то спешим, «задрать штаны», за Европой, при этом не уставая ее поругивать. Бегом, бегом все умозамещающее от нее, надменной, в себя вобрать! Отсюда и конфузы торопливости, как черт в бреду Ивана Карамазова говорит: «То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений – один только вред!» А великолепный публицист, он же ленинский Иудушка, Троцкий вторит Ф.М. Достоевскому: «Мы пришли слишком

поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику».

... И еще существенный момент: в отличие от европ и америк, наш олигархический минимиллиард, но с полновесными миллиардами в долларах, поспешая «задрав штаны», пока что не дошел до избранничества в творчествах художественных; винище из осторожности не пьет, чтобы не потерять бдительность начального накопления капитала; правда, еще лет десять назад, до устроения нравственности, радовали нас на телеэкранах репортажами о поездках в Куршавель «властителей душ» с вагоном девок: наши красивые и дешевые, а западные – тощие кобылы и алчные... Но – время идет неумолимо вперед. Может и изящные искусства избранным воспотребуются; даже – в старшном сне такое не увидишь – возжелает нефтяной или алюминиевый «олигархер» на досуге полистать книжку запиаренного сочинителя. Так что будьте «на товсь», грядущие Сенеки, Цицероны и Овидии... нет-нет, с Овидием мы хватили лишку, можно будет подпасть под образцово-показательную кампанию борьбы с аморалкой и быть сосланным куда следует: «... В Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей».

Про целеуказание (б) мы также выше кратко высказались. Тем более, в части литературы о таком ниже будет достаточно сказано; аналогично и о (г). Классическим примером довлеющего воплощения (в) является популярная, то есть эстрадная, музыка. Но не «отстает» от нее и музыка, по традиции называемая «серьезной». Этот пример намного характернее той же литературы и живописи, тем более он сейчас, что называется, на слуху – извиняемся за смысловую тавтологию... Но общий принцип расчеловечивания – будем ниже избегать специальной психологической и иной терминологии – одинаков для всех искусств.

Отличительную от всех других видов художественных воплощений особенность музыки давно, но очень точно определил Артур Шопенгауэр в своем основном произведении «Мир как воля и представление». Позволим себе процитировать (последний раздел третьей книги названного трактата) Шопенгауэ-

ра в его определении сущности музыки: *«Музыка – это непосредственная объективизация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объективностью, которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств; ведь последние говорят только о тени, она же – о существе... Она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка – язык чувства и страсти, как слова – язык разума».*

Именно в силу такой специфики музыки, ее единичности в сфере искусств, главное – непосредственного воздействия «сущности» на органы чувств человека (ухо воспринимает мелодику, а кожный покров и биофизиомасса мозга – ритмику), заключается все коварство исполнения целеуказания на зомбо-программирование человека, уготовляемого к качеству носителя умозамещения и цифрофрениии – неотъемлемых качеств винтика машины Молоха глобализации.

... Не следует наивно полагать, что глобализация взяла да спрыгнула на наши головы где-то на рубеже 1990–2000 гг. В эволюции всегда наличествует предтеча; как в армейском наступлении артподготовка. Объективно рассуждая, можно сказать: эволюция запроектировала современного человека еще три миллиарда лет назад, создавая еще предживого (сложная молекула в оболочке – капсиде) вируса с его ДНК... Так и в части замбо-программирования человека посредством музыки.

В начале прошлого века теоретик музыки Арнольд Шёнберг предложил новый строй музыкальной композиции (и исполнения), а именно так называемую двенадцатитоновую систему. Кстати, в своем выдающемся романе «Доктор Фаустус» Томас Манн, хотя бы он и имел в виду судьбу и философию

Ницше, «облек» главного героя по житейской атрибутике в «одежды» Шёнберга с его музыкальной новацией.

Некоторое время спустя, но в том же двадцатом веке, Теодор Адорно из Англии, чье имя очень известно во многих кругах, что называется, от искусства до философии, развил двенадцатитоновую музыкальную концепцию Шёнберга, но уже в практических целях заложив в нее (зомбирующее) управление сознанием человека слушающего. Это и была предтеча мирового зомбирования – расчеловечивания посредством музыкальных масс-психозов. Далее идет известная легенда, но очень похожая на действительность и уж тем более похожая, что результат-то был получен ошеломляющий! Суть же были – легенды, несколько лет назад «попавшей в лапы» жадным до сенсаций западным СМИ и растиражированной ими на весь мир, состоит в следующем.

В самом начале 1960-х годов британская разведка МИ-6, выполняя явно заказ тогда еще тайных мировых сил, готовивших предтечу глобализации, поручила Теодору Адорно разработать спецпроект – ни много ни мало – по музыкальному зомбированию больших масс, преимущественно молодежных, с использованием возможностей двенадцатитонového строя. Теория у Адорно уже готова была, а для практического опробывания то ли специально была создана (на деньги-фунты МИ-6) в 1963-м году, или просто веселые парни из Ливерпуля подвернулись под руку ... словом, появился «Битлз», который за считанные годы разрушил *всю* массовую музыку прежнего классического строя, с честью выполнив задачу апробации зомбирования широчайших масс. Как всякое пробное начало, ливерпульская четверка недолго и просуществовала. Выполнив свою задачу, получив из рук королевы рыцарские кресты (по представлению МИ-6?), в семидесятом году ребята-«жучки» разбежались уже поодиночке собирать дивиденды. И папа Адорно годом ранее почил ... по своей ли воле-судьбе? Разведчики во все времена следов не оставляют. *Додекакофония* – ироничное название двенадцатитоновой системы.

Здесь даже истовый меломан забурчит в наш адрес: но где обещанная литература? А вот и она.

◆ Лично я уже в годы «битломании» ни в малейшей степени не сомневался (далеко еще было до легенды-были в СМИ) в разрушительном начале новых эстрадных веяний. А вот литература тогда, особенно советская, даже и не помышляла о сдаче позиций. Ленинские и Государственные премии в СССР, Гонкуровские во Франции, тем более Нобелевские, вручались писателям с устойчивой известностью – не только в своей стране.

Советский Союз подлинно, без самохвальной рекламы, являлся самой читающей в мире страной. Более того, дело даже не в сравнении с иными царствами-государствами, просто в СССР *читали все*: от «столиц и университетских центров» до зыбучих песков и барханов среднеазиатских окраин, жителей которых еще не столь давно дети лейтенанта Шмидта – из тех же одесских классиков – полагали неграмотными... На этом фоне самыми читающими были инженеры, особенно молодые. А сословие это в советской стране, во-первых, являлось многомиллионным; во-вторых и в главных, тогдашняя инженерная служба представляла собой некий симбиоз полезной занятости и клубного времяпрепровождения: легкий флирт, умеренное потребление того самого по поводам и без, хохот анекдотов про «руководителей партии и правительства» в переполненных курилках... тогда с потребителями травки никотианы никому бы в голову не пришло сражаться, ибо сам *Ильич Второй* еще баловался «Новостью» за восемнадцать копеек пачка; впрочем, тема курения сейчас официально не приветствуется. Но это к слову, а именно к тому, что служебно-клубная обстановка, когда вовсе не эвфемизмом понималась присказка: «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью», – непременно включала обмен мнениями и суждениями о прочитанных новинках литературы: книгах и художественных журналах – от «Юности» до «Нового мира».

... В первый год моей инженерной службы из рук в руки, с «записью в очередь», переходила только что изданная «Алхимия слова» Яна Парандовского – с предисловием аж самого Сергея Залыгина, что из числа наиболее читаемых тогда писателей. Заметим, что несколько позже по рукам заходили «Законы Паркинсона» – книга названа по имени автора, – но это несколько иное.

Ян же Парандовский посвятил «Алхимию слова» тому, что сам назвал «лабораторией литературы». В понятийной, зачастую остроумной, для самой широкой читательской аудитории, высокохудожественной форме автор вводит в святую святых творца словесного искусства. А «что там за кулисами?» – всегда занимательно для находящегося в зале. Но одно дело нынешние ТВ-спектакли, адресованные самому низменному инстинкту обывателя, в каких (спектаклях) некогда кумиры этих самых залов кино- и просто театров, вытряхивают свои старческие кальсоны, брюзжа на молоденьких содержанок, обобравших до нитки артпапиков, совсем другое – творческая лаборатория писателя не так уж и далеких от нас времен. С устоявшимися традициями самого творчества, их глубинным содержанием и внешним антуражем.

... Пространное «силлабо-лирическое» отступление к тому, что с античных времен и до недавнего оцифровывания и умозамещения литературное творчество являло собой *профессию*, хотя бы, согласно табели о рангах, в послужном списке писателя и стояло: камер-юнкер или камергер, дипломат, путешественник на фрегате «Паллада», а потом главный цензор Российской империи, помещик, разночинец, чиновник не выше коллежского асессора, исключая статских генералов Г.Р. Державина и М.Е. Салтыкова-Щедрина... И так далее. Даже в советское время, когда писательство являлось профессией де-факто, но де-юре в соответствующих реестрах не обозначалось: пенсия по каким-то косвенным статьям оформлялась.

Нынешний же безлошадный сочинитель, уже и забывший этимологию слова «гонорар», только что может горестно повторять слова капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

Завершая краткий ностальгический экскурс в безвозвратно ушедшее доцифровое время, в сонетной манере свяжем окончание с началом, а именно скажем еще несколько слов об образцово-показательном сведении музыки к средству эффективного зомбирования. Как «битломания» разрушила мелодику популярной, эстрадной музыки, сведя ее в итоге к преобладанию ритма, то есть кодирующей сознание цифры, так в течении первых двух третей прошлого века

и так называемую серьезную музыку, симфоническую, оперную, балетную, оркестрово-концертную и пр., оцифровали в указанном выше смысле и назначении. Если девизом нынешних – на подхвате, подголоске и подтанцовке у Великого глобализатора – СМИ является рекламный девиз «Вместо слова цифра», то (опять вспомним афористику все тех же одесских классиков) для современной, бывшей «серьезной» мелодичной музыки характерен зомбо-запрограммированный ритм «негрских плясок у истоков Замбези». Таковой облик современной «классики» в отечественном варианте можно, хотя и осторожно, в качестве истоковых, усмотреть у Игоря Стравинского и Александра Мосолова, далее Шостаковича и, конечно же, у Шнитке. Уже особо и не останавливаемся на «Симфонии гудков» Арсения Аврамова (это псевдоним; сам он был сыном донского казачьего генерала...). Этот оригинальный русский композитор по праву считается *мировой предтечей* зомбо-музыки. Однако – опять к литературе.

◆ Потеря профессиональности, упразднения лаборатории литературы и понятия творческого авторитета – таковой, воочию наблюдаемый процесс, уложился по времени в неполные три десятка лет. Темпы, конечно, космические – в сравнении с двумя с половиною столетиями возникновения, становления и расцвета отечественной словесности. Но ведь и сама социальная эволюция в период глобализации неимоверно ускоряется – говоря ученым языком: переходит на возрастающую экспоненту, – семимильными шагами убегая от традиционной духовности и творческой художественности в суконно-цинковую оцифрованную среду прозябания и невостребованности.

Литераторы, особенно поэты, как натуры восторженно-нервические, суть сугубые индивидуалисты. Это ни в коем случае не порок, но специфика творческого человека, в своем мышлении субъективирующего весь отражаемый в сознании мир объектов и процессов. Поэтому неуклонный рост их профессионализма во многом, если не в основном, стимулируется тем развитым в них качеством, которое вольно поименовать равнением на мастера – это для трибунного красного словца. В душе же своей, или в узком кругу доверенных лиц, – *творческой завистью*. Таким образом, естественное выделение из среды писателей

мастеров слова, то есть *авторитетов*, есть процесс позитивный, движитель постоянного литературного процесса. Опять же литератор, даже все тот же вдохновенный, знающий себе (порой) завышенную цену поэт («Я, гений Игорь Северянин...»), есть натура совершенно реалистическая. А «в реалисте, – говорит персонаж «Братьев Карамазовых», – вера не от чуда рождается, а чудо от веры». То есть устремление в совершенствовании своего творческого потенциала с равнением на признанных авторитетов и есть та вера в свои способности и усердие на сочинительском поприще, которая в итоге и может сотворить творческое чудо: и сам писатель «воссияет на скрижалях» (Леонид Ильич, сам уже с пятью геройскими звездами на пиджаке, вручит лауреатскую медаль), и число читателей зашкалит за десяток-другой миллионов. Главное, душа художественного сочинителя возрадуется одновременно горделиво и самоуспокоенно... Так и было в столь недавнюю пору *признания* авторитетов: именно мастеров-авторитетов, вовсе не «литературных генералов».

Все прошло как сладостный сон. Исчезло само понятие авторитета в литературе, которое даже близко не заменит термин «пиарщик в оной же». Это все из различных опер... и оперетт. Правозглашенный Великой французской революцией 1789-го года лозунг, взятый у масонов, – *liberte, egalite, fraternite*, – в части *egalite* – равенства следует воспринимать с осторожностью. Равенство трехсот миллионов жителей СССР в правах и обязанностях – это мировая вершина социальной справедливости. Общемировая практика римского права в части равенства перед законом – тоже справедливо... если, конечно, таковое равенство на практике исполняется. Но говорить о поголовном творческом равенстве людей есть абсурд и предельное лицемерие. Да, Декларация прав с трибуны ООН (кажется, с американской конституции списанная?) о том, что все люди появляются на свет *равными*, возражений не вызывает. Но вот творческий заряд в этих людях усреднению не поддается – это как средняя температура по больнице... *Творчество есть категория персонифицированная!*

...Кстати, раз упомянули об Америке... Северной, конечно, что между Канадой и Мексикой, то в этой мировой вершине прагматизма и утилитаризма

сложилось уникальное равенство, о сущности которого, правда, безотносительно к Америке, писал в «Подростке» Ф.М. Достоевский: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства».*

То есть деньги не источник равенства, но средства его достижения. Причем такое, денежное равенство есть *нивелирование*, усреднение человека в социуме. И с наступлением эпохи глобализации практика такого усреднения от сугубо экономической была распространена на все сферы социума, литературу и все остальные искусства-художества тож.

А Лев Николаевич Толстой с намного большей, нежели Достоевский, категоричностью исторически видел такое нивелирование ума людей в ... изобретении книгопечатания ювелиром из Майнца Иоганном Генсфляйшем Гутенбергом (!) Уже упоминавшийся выше другой Лев, но только Давидович, то есть Троцкий, «умягчил» резонно высказывание классика: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество – это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма – это несомненно»* («Литература и революция», 1923).

Еще раз повторимся: в эволюции вообще, в социальной тем более, все изначально запрограммировано. Всякое новое социальное явление в истории цивилизации и культуры изначально позитивно, прогрессивно для развития человека разумного и всего человечества в целом. Но все эти новации, возникающие в течении социальной эволюции, в итоге и *одновременно* достигли своего апогея ко времени биосферно-ноосферного перехода, когда человек разумный *биологический*, увы, выполнил определенную ему эволюцией задачу высшего развития, то есть достиг предела совершенствования *индивидуального* мышления. Дальше той же эволюцией предопределен (см. ЖМФН) переход к доминированию *коллективного* разума, то есть преобладания биотехнического симбиоза информационной виртуальной реальности, предтечей которой являются нынешние глобальные телекоммуникационные сети (интернет), а индивидуаль-

ный человек стремительно, буквально на глазах, становится их придатком-пользователем.

Это все к тому сказано – возвращаясь к нашей тематике, – что Лев Николаевич (с поправкой Льва Давидовича) обличал не собственно архиполезное для человечества изобретение Гуттенберга, но уже в годы его жизни имевшее место быть профанирующее качество доступности к печатному слову. Как читающего, так – и особенно! – пишущего. Но таковая профанация, дилетантизм в наше время полной доступности к печатанию, оргтехники его подготовки и дешевизны – в небольшом числе экземпляров – мощно способствовали потере профессионализма, утрате творческих авторитетов, упразднению понятия и содержания «творческой лаборатории». Опять же все это на виду и на слуху, особого пояснения не требует.

... Сейчас с самых высоких мировых трибун человечество, напуганное стремительным глобальным натиском цифрофрени, уверяют, что напрасны опасения в части самой скорой передачи всех трудовых функций человека роботизированным механизмам. Дескать, эти системные автоматы будут выполнять всю рутинную и тяжелую работы, а освобожденное от забот о хлебе насущном человечество *все целиком* отдастся творчеству. Но ведь таковое утверждение (см. выше) уже не только средняя температура по больнице, но еще и усредненное артериальное давление! Словом, в современном духе препарируя слова из оперы: не счесть талантов пламенных в неоне джунглей каменных.

◆ Параллельно с потерей писательского профессионализма и понятия творческого авторитета, но в общем-то независимо от этого, произошла и утрата массового читателя. И вовсе не потому, что таковой в один миг поглупел с натиском глобализма. А если и поглупел отчасти, то с него и взятки гладки. Опять же Федор Михайлович в своих статьях о русской литературе, 1861 г. не в бровь, но в глаз сказал: *«Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...»* Это все одно, как бы и великий талант полагал себя обиженным матерью-

природой, что сотворила его не мирным бургером и любителем баварского пива, но обрекла на каторжный пожизненный творческий труд до умоисступления, причем сугубо «за интерес», а не за звонкую монету! – Та же палка, да с другого конца... Теория относительности словом. И уж совсем категоричен Чехов, утверждая, что дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из 100 вовсе нет ума. Что-то в этом роде сказал.

Итак, мы не об умных и дураках ведем речь, но об утрате массового читателя в наступившую эпоху *не в зависимости* от степени совершенства или несовершенства устройства правого и левого полушарий головного мозга индивидуума, отвечающих, соответственно за образную художественность и логику мышления, но о явлении *системном*, социально-эволюционно обусловленном. А таковое всегда обусловлено категорическим императивом действительности философской категории *причинности*. Иной скептик возразит: причем здесь причинность? читал себе человек, грамоте обученный, в свое удовольствие в свободное от трудовых и иных подвигов время и чего бы ему не продолжать набираться ума-разума и всяких романтических чувствований вне зависимости от «погоды на дворе»? Да, пусть глобализация за окном и на экране телящика набирает обороты, свирепствует цифрофрения и умозамещение, но мне-то что до всего этого? Лежу на диванчике и почитываю, благо и писатели еще пописывают...

Ан нет, отвечаем скептику, от причины не отмахнешься. Это не телящик с волнующей программой «В гостях у цифры», что можно, сопроводив легким матерком, выключить, а порыв гнева погасить на кухне стопкой «очищенной». Ибо причина – задатчик любого социального процесса. Ту же глобализацию вовсе не в Белом доме (который настоящий, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия) придумали и не в «совете нечестивых» – предполагаемом Тайном мировом правительстве. Оные только исполнители категорического императива причинности. Последняя же суть развертывание матрицы некоего фундаментального кода Мироздания (см. ЖМФН) – в данном случае в движении социальной эволюции человека. Причинностью обусловлено и явление глобализма,

как высшей и завершающей стадии империализма (Это как у В.И. Ленина сам империализм есть высшая стадия капитализма...), относительно короткой в эволюционном масштабе – по разным оценкам 80...200 лет, – после окончания которой человечество приобретет «полный статус» *человеяника* – всемирного общества полного (социального, экономического, умственного, творческого и пр.) *равенства*. То есть прогноз Маркса о всеземном коммунизме и акад. В.И. Вернадского о ноосфере в таком же ключе через век-другой сбудутся... только равенство это окажется равенством гаек-шестеренок, придатков телекоммуникационных сетей глобальной виртуальной реальности.

А затем и вовсе завершится отведенная эволюцией роль человека биологического... Но – это-то нескоро еще. И не следует сейчас оплакивать грядущего робота в человеянике. Человек – самое адаптивное животное в биоэволюции. Ведь только два-три десятка лет мы в объятиях глобализации; умозамещения и цифрофрениии тож. А разве чувствуют свое ущемление средние, тем более младшие поколения, уже обретшие качество *недолайкиных*? – Отнюдь нет. И старшие поколения скорее лишь по традиции бурчат, но и то о низкой пенсии; мол, небольшая, но хорошая...

Все сказанное в пространном отступлении преследует цель: пояснить роль причинности, то есть не случайности, утраты писателем своего читателя.

◆ Но куда же он делся – наш бывший читатель? Тем более у нас в отечестве, повторимся, еще не столь давно воистину, не для пропагандистского словца, бывшем самой читающей страной в мире? Оглядитесь округ себя и узрите людей новой формации: Кэшбэка Кэшбэковича Онлайнюка, Нанотана Постеровича Цыфринского, Катцапа Апплиевича Вайнберга и самого Фейсбука Кликовича Недолайкина. – Все сплошь ваши вежливые соседи, сослуживцы, телесериальные «говорящие головы» и пр. и пр., увешанные китайской выделки гэджиками, сам-один разговаривающие при уличной ходьбе. Перенесись на машине времени в наши дни человек из не столь уж далекой эпохи «пятнистого консенсуса», так первая мысль его будет: наверное, в Кащенко проводят – в духе либеральных реформ – день открытых на выход дверей!

...Правильно, уважаемый читатель, мыслите. Но, к сожалению, не в корень зрите. Интернет, гэджики, цифрофрения во всем и вся (а у нас, как то принято, в рамках кампании, «месячников» и пр. – со смехоподобным перехлестом) – это вовсе не замена чтению художественной литературы, как неуклюже селятся внушить народу масс-медиа, но сугубые технические средства расчеловечивания грядущего робота Молоха глобализации, достижения уже упомянутой выше главной цели: перехода в индивидуальном и коллективном разуме от творческого аналогового мышления к утилитарному цифровому. Последнее уже принято называть *компьютерным мышлением*. Вот в этом-то и зримый корень того явления, что связываем с утратой <литературного> читателя. А который (их все меньше и меньше...) еще остается, то все чаще с уровнем восприятия писаний Ратазьева из «Бедных людей» Достоевского: «– *Владимир!.. – шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ... Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей. – А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке*».*

Опять же всякие ссылки на заботы современного (отечественного в особенности) человека по добывания хлеба насущного – кручусь, мол, от зари до зари! – тем более с маслом и икрой, совершенно неубедительны. Этот самый хлеб в истории страны никому даром не давался. Но все же при свечах читали, в окопах, после трудового дня. Время на чтение всегда найдется, если есть побуждение к этому. Но свершившийся уже буквально прямо на глазах переход среднестатистического человека – не без директивного довления телеэкрана и гэджиков – в категорию адептов компьютерного мышления поставил жирную точку: баста, книги читать – не дензнаки считать! Книги – на помойку, глаза – на экраны! Выстраивается цепочка запрограммированной подготовки тружеников-роботов периода глобализации: человек читающий → «подключение» его к

* Еще Фрейд заметил («Остроумие и его отношение к бессознательному»), что обилие анекдотов – признак творческой эпохи. Таковы были советские 60–70-е гг. А блестяще-злая ирония Достоевского с «цитатой из Ратазьева» породила в названные годы серию анекдотов по схеме: «– А не испить ли нам кофейку? – сказал граф <... далее описание действия>... А за окном ковали сталь».

... Сейчас анекдотов не сочиняют вовсе. Это и есть самый верный признак угасшего творчества...

телекоммуникационным сетям (интернет) → «загрузка» гэджиками → цифрорфрения → отказ от чтения какой-либо литературы → справочный <через интернет> характер памяти → умозамещение → справочный характер мышления → компьютерное мышление. Как следствие – не то что отсутствие позывов к чтению, но и непонимание такого рода занятий. ... Сразу вспоминаются выражения лиц моих коллег по службе, добрых знакомых, но особенно «собратьев по перу», когда я презентую им свою новую книгу. Но – это надо только видеть, словами передать можно, не живописуя, лишь абрисно: самое невероятное, как обрезки копченой колбасы в винегрете, сочетание обиды, ведь не бумажку, на худой конец с портретом Вашингтона*, дают! с непониманием сущности странного дара, а главное – в глазах благодетельствованного, доцент он или полный профессор, слесарь-интеллигент (как у одесских классиков), тож знающая грамоте домохозяйка и так далее по всей социальной иерархии, мечется самое полное отчаяние: да разве можно прочесть (даже средней толщины) книжку? Это-то по привычке к «мыльным» телеграфным сообщениям в парутройку строк, к таковым же эсэмэскам... А главное, зачем? Ведь за труд чтения никто не даст тебе бумажку, на худой конец... – см. чуть выше. Как говорят физиологи, порочный круг патогенеза замкнулся.

Так, или примерно так, всего лишь за два десятка лет бывший массовый читатель обрел качество компьютерного мышления, сущность которого состоит в следующем. Раз выше упомянуты физиологи, то с позиции физиологии работы человеческого мозга все три главнейшие функции этой работы, а именно, базовая (подсознательная) память, логическое левополушарное и художественно правополушарное мышление, нивелируются по всем субъектам этого мышления. Как Макар Нагульнов из «Поднятой целины» советского классика рассуждал (и в точку попал, не целясь!) о будущем человечестве в том смысле, что все будут одинаковыми на лицо и мысли, «смугленькими такими». По отношению к логике и художественности мышления неприменим принцип Архимеда–Лейбница: если где-то убыло, то в другом месте прибыло. Хотя все по той же

* То есть однодолларовая купюра...

физиологии правое и левое полушария трудятся совершенно автономно друг от друга, лишь «технически» соединяясь так называемым мозолистым телом (в известных опытах с перерезанием такового у обезьяны, последняя особь не изменялась в поведении после этого...), но иначе как лукавством и малограмотностью нельзя не считать уверения «телевизионных авторитетов» («*В русском человеке дерзости его ученого языка – почти нет пределов*», – Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя» за 1873 год), что-де ослабление художественности в современном человеке «компенсируется» усилением логики мышления. Нет, уважаемый имярек, ты самовольно законы эволюции не переписывай! Как в очеловечивании – в движении социальной эволюции – логика и художественность мышления всю дистанцию периода цивилизации и культуры «шли на равных», так и в обратном процессе расчеловечивания, увы, они тащатся вспять, имея один старческий посох на двоих...

◆ В компьютерном мышлении оцифрованный* мозг нивелируется по всем трем названным функциям. Базовая память, как уже говорилось выше в очерке, хранящая в себе все накопленное и воспринятое человеком за сознательную жизнь, с безгласным ужасом осознает свою не востребованность. Это как современный писатель. Зачем сколь-либо мощная память современному Недолайкину, если двумя-тремя нажатиями клавиши компьютера или столькими же касаниями подушечкой указательного пальца экрана смартфона он получает ответ на возникший вопрос? И это никакое не преувеличение тенденциозное, а уже сугубая обыденность. Пример из жизни всегда воспринимается нагляднее и убедительнее туманных ссылок на психологию мышления и прочие научные дисциплины, коль скоро пишем для массового читателя – уже не оговариваясь вдругорядь: а есть ли в природе сейчас таковой? Вот и пример. Из ничтожного числа читателей моих романов самым усердным полагал средневозрастного доцента. Он действительно читал и сейчас читает мои книги – это сразу видно по

* Ф.М. Достоевский, столь часто – и всегда к слову! – здесь цитируемый, больше всех своих великих романов гордился тем, что ввел в русский язык новое слово – ступешаться. Мы – люди скромные, но также указываем на свои (извините, назойливо повторяемся) нововведения; в частности, термины «умозамещение» и «цифрофрения», озвученные, соответственно, в книгах: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино. – М.: «Московский Парнас», 2017. – 343 с.; Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино. – М.: «Новые Витражи», 2019. – 329 с.

отдельным его репликам по части сюжетов и персонажей. Был я в восторге и всячески привечал столь редкую особь в современном человеке (а в вузах «преподы» и в советское-то время беллетристической пренебрегали, только лекции свои талдычали...). Но весь восторг ушел в бездну уныния, когда тот однажды признался: «Уф-ф! Закончил ваш роман; почти полгода читал – очень уж часто приходилось обращаться к интернету: много «непоняток» встречается».

«И ты, Брут!» – мысленно вскричал я, а самого как ушатом холодной воды окатили. Как? современный, грамотный человек, не лишенный тяги к художественному, уже без интернета не способен прочесть роман, написанный по всем канонам (грешен, не уважаю всяческих эпатажно-пиаровских вывертов) русской и советской художественной прозы?! Более тому доценту книг не даю. Да и он повзрослел – не просит. Так и лишился последнего читателя на горестной ноте «си» и с доминантой «быстрее, еще быстрее к компьютерному мышлению».

Полагаю, пример убедителен. Владея корпусом знаний в эволюционной и социальной биологии, а также в современной математике описания информационно-энтропийных систем, можно точно рассчитать число поколений в ряду расчеловечиваемых компьютерным мышлением, после чего у такового индивидуума базовая память остается лишь артефактом. Что и сделано в сугубо научной серии книг ЖМФН. Получается лишь счетное число поколений... Но ведь базовая память есть и базис (извиняемся за невольную тавтологию) литературного творчества! Вывод неутешителен: компьютерное мышление и художественное творчество несовместимы.

От ущербления при компьютерном мышлении качества и содержания базовой памяти расчеловечиваемого индивидуума переходим к логике. Очень сложно в неспециализированном очерке объяснить угнетение логики мышления в оцифрованном человеке. Поэтому ограничимся примером, но – все прекрасно объясняющем. Не только психологам, но и любому наблюдательному, самодостаточно мыслящему человеку хорошо известно: если при разговоре *vis-a-vis* все время, что называется не моргая, собеседник пристально смотрит вам в

глаза, то значит... он врет. Вспомните, именно так «*лупит на вас свои зенки*» (это у Даля так сказано) продавец, пытающийся всучить залежалую китайскую некондицию, убеждая в ее замечательной высшесортности. Или начальник, убеждающий подчиненного в самом благожелательном к нему расположении...

Но мы не о «зенках», которые просто к слову пришлись, хотим сказать, а о жестикуляции руками. Опять же практикующий психиатр (или просто квалифицированный психолог) как дважды два объяснит, что навязчивая жестикуляция руками при разговоре есть самовернейший признак ... скажем мягко: логической недостаточности. Вы, читатель, злорадно вскричите: да-да, ведь женщина и пары слов не может произнести, не сопроводив их такими выкрутасами рук, особенно соблазнительно обнаженных, от плеча до мизинца, что даже великий актер-мимик Марсель Марсо позавидовал бы! Не торопитесь, если даже намеренно обиделись на супругу, сварившую на обед пустой борщ вместо наваристых щей с бараниной. Да, у женщин слабовата обычная формальная логика мышления, то есть «да – нет – или», чем и гордится сильный пол. Но зато, как отметил и обосновал еще полтора столетия тому назад популярнейший тогда «разговорный философ» Бокль, женщинам, более чем мужчинам, присущ *дедуктивный* характер мышления (это как у Шерлока Холмса...), что есть вернейший признак намного более продуктивной *аналоговой логики*.^{*} Так что мы квиты в части логики! Опять же такая логика и жестикуляция слабо коррелируют, но вот обычная логика – см. выше. А теперь посвятите два-три часа телепередачам начала вечера, когда идут сплошь «разговорные» программы, и обратите внимание на руки страстных мужиков-говорунов: тот же Марсель Марсо отдыхает... Выводы за вами.

Одна *nota bene*: если среди ваших знакомых или коллег (не дай бог, родственников!) присутствует представитель достаточно редкого типа мужчин, что даже при ходьбе ни на миллиметр не пошевеливает руками, держа их строго вертикально, то – отрекитесь от такового. Полное отсутствие жестикуляций

^{*} Наш друг и научный коллега Александр Иванович Субетто, президент Ноосферной общественной академии наук (СПб), всячески ратует за разработку научных основ аналоговой логики, рекомендуя и нам обратить на это внимание. Есть над чем подумать...

есть вернейший признак характера с набором негатива: себе на уме, подозрительность, своекорыстие, мстительность и пр. Упаси бог!

◆ Итак, логика у «компьютерного мыслящего» (в отличие от собственно компьютера, работающего строго по законам формальной логики) человека ущемлена. А раз, как сказано выше, у логики и художественности один посох на двоих, то снижение логичности мышления влечет за собой и антипотенцирование художественной творческой мысли. Опять же не станем особо умничать, но упомянем высказывание признанного авторитета эволюционной биологии Джулиана Хаксли, что-де высшие животные тоже мыслят, но не осознают этого своего качества. То есть не обладают понятийным языком, а язык – это и есть предмет и содержание логики – и сама логика, добавим мы вслед за Хаксли и выдающимся нашим философом и логиком А.А. Зиновьевым.

Оставим в стороне наших родственников обезьян, как жителей иных климатов. Но в час вечернего досуга, особенно умеренно «употребив» за ужином, посмотрите внимательно на своего домашнего питомца Ваську или Полкана. Оба они, умно наморщив лбы, уже давно воззрились на главу домашней стаи – это для Полкана или мирного сожителя – для Васьки. Нет, в отличии от домохозяйки, они и словом не желают упрекнуть в «горячительном» (под селедочку) старте ужина, но в их глазах прямо-таки читается желание рассказать о проведенном без работяги-хозяина дне – в форме доноса друг на друга (у хозяев научились): как Васька гулял на запретном для него кухонном столе, а вот Полкан, вскочив на подоконник, лаял на дворовую Жучку... Много чего есть поведать, но лишенный логики разум не в силах собрать донос в цельный образ и хотя бы промодулировать мяуканье и лай смысловым звукорядом. Тогда бы даже слегка охмелевший хозяин понял сущность верноподданнически докладываемого. А вот хозяйка с ее дедуктивной аналоговой логикой все и так понимает. Но прощает шалости по извечной женской доброте...

Бредите, сударь! Это наш «поток сознания» прервал разгневанный читатель. Ведь сколько эсэмэсок можно было выщелкнуть на «компе» или «смарт» за время, что понапрасну потрачено на чтение про Ваську и Полкана. Жучку

тож. Нет, уважаемый, не бредим, ибо наяву пишем, а на часах нет двух пополудни, с коих еще предыдущий губернатор наш, трезвенник и долларовый миллиардер, распорядился продавать акцизную... А на примере с преданным Полканом и доморощенным философом Васькой образно и архипонятно показана сущность (без умничанья!) хромоты – вослед за таковой у логики – художественного творческого мышления у ныне расчеловечиваемого усердием Великого глобализатора индивидуума; в нашем случае литературного сочинителя и читателя с благоприобретенным характером компьютерного мышления. То есть, *утрата логики имеет прямым следствием функциональную безграмотность.*

Опять же, стиснув волю в кулак, посидите часок-другой перед телеэкраном, выбрав программы, где телеведущая в глубоко декольтированном наряде или молодой тележурналист с модной уже третий сезон среди «патриотов» антипатриотической растительностью (стрижка с оселедцем «под хохла» и бородка на кадыке – явно под «игиловца, смелого бойца») интервьюируют ... кого угодно, любого возраста, образования (по диплому лишь, впрочем), должности и рода занятий. Ну-у, например, по теме цифровой экономики, футбола, всяческих успехов во всем сразу. Теледива и молодой репортер задают вопросы заученно, потому грамматически и даже в смысловом наклонении правильно. Допрашиваемый же, виртуозно маневрируя сухонькими ручонками, выдавливает из себя некие слова-термины, преимущественно американизмы, кое-как связывая их междометиями и словами-паразитами: э-э-э, м-м-м, вроде как, типа того, как сейчас принято, классно и т.п. Эллочка Людоедка на таком фоне за эстрадного чтеца-декламатора сошла бы!

То есть функциональная безграмотность, как возврат эволюции от человека разумного к высшим животным (см. выше определение Джулиана Хаксли), есть потеря логики языка, который, как было сказано, и есть сама логика. Это не эвфемизм, но закольцованное определение сущности происходящего. Человек помнит набор слов, понимает этимологию каждого из них по отдельности, то есть сопоставляет с ним *образ в оперативной памяти*, но связать их в

осмысленную, законченную семантико-семиотическую, как бы сказал ученый в части психологии мышления, увы, он не в силах.

Вот такого «читателя» с уже сформировавшимся компьютерным мышлением и имеет нынешний сочинитель ... вдобавок, и он уже сам затронут таким поветрием.

Чтобы не запутать читателя из числа не разучившихся понимать литературные тексты, то есть знакомящегося с настоящим очерком, все же уточним выделенные выше понятия в их взаимосвязи. Человек – это не компьютер, и наоборот. Как бы ни старались современные масс-медиа убедить нас в скором наступлении «эры искусственного интеллекта», в которой, как уже говорилось выше, человек биологический и бездушная железка-пластмасса компьютера и их сетей сравниваются в разуме, но это есть сущая профанация. Во-первых, законами эволюции таковой «искусственный интеллект» не достигим (см. в ЖМФН) – он был, есть и будет *только* запрограммированной человеком машиной. Во-вторых, в контексте нашей темы, действенен принцип «у больного здоровья не просят», то есть если человек может бесконечно (в разумных пределах) совершенствовать ЭВМ и их <глобальные> сети, основанные на нейропринципах, самопрограммировании и пр., в какой-то степени имитируя в их работе-вычислении свое, человеческое, мышление, то обратный ход, то есть обретение человеком компьютерного мышления, дает обратный же эффект: расчеловечивание. И все это по части законов эволюции! Дадим суммирующее определение.

То есть сущность компьютерного мышления человека заключается в приобретении им функциональной безграмотности, как следствие утраты логического мышления, то есть сведения мышления к оперированию отдельными словами-терминами с минимальной смысловой связкой между ними. В отличие от человека, компьютер вычисляет по строгой логике, заложенной при создании ЭВМ человеком, но компьютерно мыслящий человек утратил эволюционно заложенное качество опережающего самопрограммирования.

Единственное, что осталось у «компьютерного мыслителя» от человека в прежней, творческой ипостаси в том же качестве, – это оперативная, или «разговорная», память. На нее-то и перенесена вся «нагрузка», ранее парциально раскладывавшаяся на базовую память, логику и художественное мышление. Но и здесь, с учетом языкового общения, налицо смещение понятий. Несколько трансформируем известную поговорку: что у компьютерно мыслящего человека на уме, то есть в оперативной памяти, то и на языке. Но в таковой связке «оперативная память – язык» по определению (см. выше) логика мышления ущербна. Отсюда и современная формализация языка – со словарем Элочки Людоедки, американизмами и пр. То есть слушаешь нынешнего человека и вроде как кажется: по делу говорит, сухогато, но вроде убедительно, слов мало, говорятя они по многу раз... Но прослушал – и тотчас забыл, ибо не было логической увязки. Ведь формализация языка – это не логика, хотя по первоначалу таковой может и показаться. Словом, эффект жевания ваты во рту... Или чтение нынешних газет: как «правых», так и «левых».

◆ Вот и представили облик современного «читателя-нечитателя». Заметим, что это не брюзжание, не негативизм по образцу «раньше масло было маслянее (хотя и это суцая правда!) и вода мокрее». К сожалению, все сказанное есть то же самое «ума холодных наблюдений» – см. ЖМФН, а кто нам не поверит – перечитайте величайшего провидца Ф.М. Достоевского, в отношении которого литературоведы обычно отмечают, что из его предвидений очень многие сбылись, но именно все они из числа пессимистических в отношении грядущих этапов социальной эволюции человека. С этим надо не то что смириться – законы эволюции пересмотру не подлежат! – а человек, как уже говорилось, сверхадаптивное ко всяким изменениям создание природы, но просто иметь в виду, не задаваясь в данном аспекте исконно русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?» С первым разобрались, а вот что делать современному писателю при наличии компьютерно мыслящей «читательской аудитории», то есть о чем же писать, в каком «наклонении» и пр. – вплоть до сокраментально-

го: а стоит ли вообще мудрствовать-сочинять и тискать литерами все дорожающую бумагу?

... Книгоиздатели и книгопродавцы (см. разговоры в стихах с представителями этих почтенных профессий у Лермонтова и Маяковского) и представляющие их на «медиарынке» СМИ призывают мастеров словесности потакать изменяющимся вкусам потенциальных читателей. А кто, дескать, не захочет следовать девизу «чего изволите?» тот загодя избавит господ книгоиздателей от хлопот тиражирования своих сочинений, ограничившись печатанием одного экземпляра – для себя любимого.

С другой стороны, азартно следуя «чего изволите?» социальному заказу компьютерно мыслящей массы, в плане историческом легко впасть в конфуз-пассаж, триста лет тому назад случившийся с Генделем – извиняемся, опять о музыке, но ведь она тоже величайший ареал творчества, – а именно, когда он создал свою знаменитую оперу о завоевателе Египта Кае Юлие Цезаре, написав партию римского императора специально под «заказ»-голос знаменитого тогда певца-кастрата. И вот уже три столетия постановщики оперы ищут по всему свету исполнителей с редким контр-тенором! А то и просто в декор-доспехи великого воителя полумира одевают певицу с меццо-сопрано.

Так и сочинитель «чего изволите?» написав на потребу сегодняшнего дня, уже завтра рискует быть причисленным к лику писателей из числа «ныне совсем забытых». Ведь, повторимся, социальная эволюция человечества именно сейчас, в эпоху глобализации, мчится навстречу неизвестности стахановскими темпами: сегодня массы расчеловечены до статуса компьютерно мыслящих на $\frac{1}{4}$ от прежнего творчески воспринимающего естества; поутру завтра глянь – уже на $\frac{1}{2}$, а к позднему ужину и на все сто процентов! Не успеешь торопиться – по женской (которые с дедуктивным мышлением...) присказке: бегу и падаю, споткаюсь на ходу.

К социальному заказу еще вернемся, но сначала дадим облик современного труженика пера. Это, по преимуществу, тот, кто еще сохранил в себе отголоски – по времени недавнего – императива того же соцзаказа, главное, не мыслил в

унисон с самым «блестящим» Людовиком: «*Après moi le déluge*» («После меня хоть потоп»). Попутно, для наивного читателя, заметим: не следует путать компьютерное мышление и авторскую работу, то есть набор, редактирование, корректуру, верстку, с использованием своего домашнего «компа». Хотя, по здравому размышлению, можно сказать, что таковая технизация творческого процесса несколько отвлекает от сущности ее, особенно в поэзии и драме ... впрочем, может это и дело сугубой привычки. Но мы – сомневаемся, и все тут!

Такой вот «запоздавший» сочинитель, почти что из предыдущей эпохи, хотя и лет-то мало прошло, а потому еще в поре творческой активности, несет в своей душе и характере самый странный симбиоз, который на Западе формулируют известным эвфемизмом (раз уж вспомнили выше французскую мову, то вдругорядь обратимся в ней: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» («Поскребите русского, и вы увидите татарина»). Нет, мы, конечно, не наших, почти что братьев, татар, с которыми живем бок о бок за шестьсот лет, здесь имеем в виду, но именно то, что в современном, еще не расчеловеченном, русском образованном человеке, к каковому можно зачастую и писателя отнести, наблюдается вот этот самый престранный симбиоз – *grattez* землепашного крестьянина и ... дворянина. Каждого с его характерными чертами – хотя бы и в предельно малом масштабе. Первое – по преимущественному происхождению; ведь все мы «от сохи» наших дедов-прадедов. А уж прадеды у нынешнего старшего поколения еще и крепостное право застали! А вот второе – от высокой советской культуры, преемственно воспринятой от величественной русской культуры же XIX века, по преимуществу дворянско-помещичьей. И здесь лидирует по глубине и ширине (массового) охвата именно литература. Полагаю, смысл данного разъяснения симбиоза понятен – безо всякой обиды для потомков мужика и помещичье-служилого дворянства.* ... Чтобы по-бабски тотчас не ополчились, сразу скажу, что оба мои деда пахали землю, а затем в Империалистическую воевали солдатами-окопниками, правда, один из них – все в той же Франции

* Понятно дело, не имеем в виду скороспелое современное «дворянство» (из грязи в князи), оформляемое в многочисленных столичных герольдических ООО. А в Туле, и при царях-то с дворянами бедноватой, вдруг взяли да и переименовали Дом офицеров, где в войну летчики «Нормандии–Неман» очаровывали на танцах местных красавиц, в Дом дворянского собрания...

под Верденом в составе русского корпуса, посланного «дружественной Антанте» Николаем Вторым...

Итак, таковые сочинители переходного периода от человечества к человеку скорее пишут по творческой инерции: как разогнавшийся паровоз не в состоянии дать стоп ходу.

◆ *Вернемся к социальному заказу*, отвлекаясь от категории литераторов: «переходные» ли, современные генерации... Таковой заказ определяют не цари, генсеки или президенты. Его формирует, понятно дело, социальная же среда. Советский Союз не являлся, как нас убеждают, неудачным экспериментом Истории. Это был пробный ход социальной эволюции, каковая в своем движении и есть сочетание пробных – опережающих, ложных, тупиковых, проверочных и иных – ходов (подробно см. в ЖМФН). Советский социализм – в отличие от параллельных с ним национал-социализма Третьего Рейха и Социальной (фашистской) республики Муссолини – был именно *успешным опережающим* ходом эволюции. С позиции законов ее это была проверка возможности создания жизнеспособного социально ориентированного общества – государства. С окончанием проверки магистральный путь эволюции вернулся к исходной доле точки, выработав «решение»: путь к всеобщности такого общества лежит через глобальный переход от капитализма-империализма к социально-ориентированному всемирному социуму. То есть прав оказался гениальный прозорливец Маркс: *только всем миром!* Другое дело, что путь здесь лежит через расчеловечивающий глобализм, а грядущий Марксов коммунизм суть всемирное царство технической виртуальной реальности с приданной к нему роботомассой бывших индивидуальных людей. Опять извиняемся за «краткий курс» политграммы – это для дальнейшей ясности.

Частнособственничество, как давний атавизм человека и существующая на нем (как мухи на навозе, извиняемся) мелкобуржуазная биомасса, несомненно, давала свой соцзаказ, от противного, как в математике, породив в литературе метод критического реализма. Но имеет ли такую потенцию глобализм, тем более в нашей стране, *искусственно-насильственно* возвращенной к названным

артефактам-атавизмам частнособственности и биомассы? Предложенный и обоснованный нами метод нового русского критического реализма (см. различные издания; в интернете – по поисковику) применим, по существу, только к отечественной литературе, которая, в отличие от Запада – Востока, еще долго будет сопротивляться, то есть не терять свои истоки. Самое существенное, что сейчас исчезает основа, базис критического реализма – классовость социума, ибо в глобализме *классы отсутствуют*. Это особенность олигархического устройства мира, что уже давно проверено во времена античности. Вместо классов – пирамида общества потребления. Надеемся, особо пояснять не следует.

Наш русский народ, особенно советский, был *творческим конструктором*; сейчас же он молниеносно перерождается в *квалифицированного потребителя*. Это даже не наши слова, а одного из (многочисленных в девяностые-двухтысячные годы) министров по части образования. По крайней мере, может и не лучшим из министров был, но сказал откровенно, с «прямотой римлянина». А какой соцзаказ может быть у преобладающей профессии «менеджера» и «офисной креветки»? – Если только о преимуществе коворкинга и фрилансера, то есть работы не в конторе под надзором начальника... Но все одно менеджеры и креветки читать давно разучились; точнее говоря, и не умели. Тем более, что нулевой социальный заказ будем иметь на грандиозное полотно, всесторонне показывающее безысходность человека творческого, самоосознающего в глобалистском человекинке, сравнимое, например, по мощи с показанной М.А. Шолоховым в «Тихом Доне» безысходности казачества (а в области Войска донского тогда проживало пять миллионов!), попавшего в социально-политическую ловушку. Таковой современный писатель не то что на Нобелевскую (тоже уже глобалистскую) премию не сможет претендовать, но даже на диплом III степени участника конкурса ЖЭУ № 17 «Наш оцифрованный двор»!

Так что, в отсутствии соцзаказа – по определению самой глобализации – остается нашему старинному сочинителю писать все для той же обнуленной аудитории по принципу артиллериста: выстрелил и забыл.

♦ *Продолжим о симбиозах*, которыми насквозь пронизана история России: от официального девиза графа Уварова «самодержавие – православие – народ» до современного неофициального, сформулированного А.А. Зиновьевым: «западнизм – советизм – феодализм (церковь)», причем советизм – это где надо еще немного подождать, штаны подтянуть, а западнизм – постоянные ссылки в СМИ: а вот у них так-то, нам надо тотчас перенять... исключая ссылки на западные зарплаты, конечно.

Естественен вопрос: если должно нам равняться на Европу – Америку во всем (кроме зарплаты), то теперь-то в эпоху глобализма разве не спасение для русской словесности и ей *подравняться*? Немного совсем уж близкой истории. В середине семидесятых годов журнал «Иностранная литература» как-то в одночасье обрушил на неискушенного советского читателя целый ворох (условно) современной западной литературы; на памяти: «Портрет художника в юности» автора «Улисса» Джеймса Джойса, «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, «Рыжие сестры» Франсиско Гарсиа Павона, «Кружевница» Паскаля Лэне, «Теофил Норт» Торнтон Уайлдера, «Человек-ящик» Кобо Абэ, «Черный принц» Айрис Мердок... можно еще на пару-тройку строк продолжить. А в сборнике «Писатели США о литературе» (1974 г.) и главного теоретика современной западной литературы Дж. Сантаяну опубликовали. В той же «Иностранке» напечатали «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» молодого европейского писателя. Коль скоро других его публикаций на русском языке тогда не было, то и имя его (скорее всего псевдоним) не запомнилось. Что-то вроде Ричарда Баха. Но именно эта «Чайка» с уважительным именем и стала квинтэссенцией новой западной беллетристики. В девяностые годы у нас начали печатать и тех, кого на Западе именуют (скромно) «современные классики»: Кастанеда, Урсула ле Гуин, испанский писатель из Валенсии Хуан Хосе Мильяс.

Из чтения всех названных выше «почти современных и уже современных классиков» вырисовывается основная (и довлеющая!) творческая манера западных писателей: опять же *симбиоз реальности и вымысла*.

... Вроде как Запад, особенно Европа, давно социально-политически и экономически едины; глобализм их-то уже полностью поглотил. Но одина ли их литература, как того следовало ожидать, бесконечно пережевывая это сочетание реальности и вымысла? На первый взгляд – утвердительное «да». Читая роман «У тебя иное имя», за который Мильяс был удостоен престижной испанской премии *Nadal*, и мы как бы не выходим за стены-рамки уже и своего сектора глобализма: главный герой романа Хулио лечит простуду тем же колдрексом, что и мы приносим из аптеки; в видении (реальность + вымысел) телевизионщики устраивают реалити-шоу встречи внучки с бабушкой после многолетней разлуки (см. на наших экранах целый сомн таких телеспектаклей...). И так далее: все «родное», все стало похожим на земшаре. Пожалуй, единственное отличие от «наших палестин» – Хулио регулярно посещает «своего психоаналитика». Это скорее сходство с американским бытом, где каждый Джон имеет своего адвоката и психоаналитика. У нас же пока народ в массе головой здоров, а потом опасается всяких наименований, содержащих корень «псих», полагая носителей таковых шарлатанами. «А то занесут в какую-нито картотеку, потом и прав водительских не получишь!» – вполне справедливо рассуждает добрый наш народ, опутанный суконно-цинковой бюрократией...

Но мы отвлеклись на злободневное. Читая же «глобализованный» по деталям быта роман Хуана Хосе Мильяса, «современного классика», сквозь все эти колдрексы, психоаналитиков, телешоу «Жди меня» вдруг неосознанно вспоминаешь ... «Дон-Кихота». Ни много, ни мало! Даже в нашу злосчастную эпоху глобального нивелирования *именно* в литературе нельзя заглушить ее *корни и истоки!* Точно также читая современную французскую, англо-американскую, немецкую литературу, в особенности прозу, находишь, также неосознанно, ее корни: Монтеня и Руссо, Лоренса Стерна и Шекспира, Гете и Шиллера, соответственно.

И в какой степени нам равняться во всем и всея на Запад в части словесности, имея свои корни и истоки, идущие от Ломоносова и Державина, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Карамзина (хотя бы последний испортил русский язык

введением французской буквы «ё», а русскую письменную историю своей «чего изволите?» под династию Романовых...), а ближе к нам и вовсе умолкаем от гордости и восторга за нашу великую русскую литературу.

◆ О цензуре и самоцензуре, этих извечных спутницах русского писателя, которых мы фривольно сопоставим со строгой супругой-домоправительницей и игривой, но требующей бдительного присмотра любовницей (содержанкой у людей, как сейчас говорят, состоятельных), соответственно, мы уже публично *донесли*.^{*} Кстати говоря, и собственно междоусобные доносы, так замечательно, почти что любовно описанные в «Мастере и Маргарите», доселе в ходу. Как это ни странно, когда собственно литература в забросе у властей. Обратная сторона доноса – неимоверно усилившаяся именно сейчас взаимная неприязнь литераторов; по закону Дарвина межвидовой борьбы (главное, ведь не за что и бороться-то!): все против всех. От скуки жизни, надо полагать. Ведь известно, что похвалить собрата-писателя все одно, что улыбнуться, скушав лимон или ложку горчицы. А вот в наше время – выпив стакан уксуса... Так что все это неистребимо, а главное, есть та лакмусовая бумажка, что свидетельствует: жив курилка (Ромен Роллан)! Есть еще порох в пороховницах, то есть жива еще литература. Опять же – утверждение от обратного, как в математических доказательствах.

Вот мы и добрались-таки до вопроса вопросов: о чем же писать современному сочинителю при «нулевой» аудитории читателей? Вроде как жизнь (якобы) бурлит ... но скорее сродни мыльной пене в корыте, возмущенной кувшином влитого кипятка. Та же Европа полностью опидорасилась, говоря словами Никиты Сергеевича, и на Россию всем кагалом – пока словесно – прет. Вот бы о чем романы тискать! Но для кого? И стоит ли вообще про Европу-то? Опять же здесь все сказал Достоевский: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-*

^{*} Алексей Яшин. Салонные рамки литературы // Дон.– 2019.– № 7–9 (строенный номер).– С. 216–222.

нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «проставить», – завоевание Кавказа например» («Дневник писателя» за 1876 год).

Все сказал Федор Михайлович про наше нынешнее: и про «Кавказ (увы, далеко не весь) подо мною» – частная победа, и повсеместный снос (кроме Германии и Венгрии – главных наших противников в войне) в Европе памятников советским воинам – «невыгодно и опасно» нам побеждать в Европе.

Так что тема Европы для русского писателя сейчас закрыта. Равно как и вся современная история. И зачем писать, душу рвать? Обывателю из трудовых офисных и иных масс выше горла информационного шума от СМИ. Потом – напишешь романище, облегченно вздохнешь, «... в конце письма поставив *vale*», включишь по рассеянности вместо утюга телевизор – а там в духе глобализма уже великое примирение! Живем-то все как на вулкане. Вокруг самое неприкрытое лицемерие, всякие толерантности и общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро), а у нас еще щедро сдобренные суконно-цинковым административным восторгом.

Опять же писать, полагая запиариться, «по-европейски» (см. выше), мешая сказку-вымысел с действительностью, не всякому по нутру. Не получается по-европейски, все смахивает на рекламу презерватива, по нанотехнологиям китайцами сотворенным.

Вроде как чиновников-взяточников у нас поругивают, даже особо одаренных образцово-показательно в узилища препроваживают. Казалось – пиши не хочу! Ан нет, у нас опять же традиции на этот счет ограничительные. «*Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника*», – писал Достоевский, а Михаил Евграфович и вовсе понижал границу неприкасаемости до коллежского асессора, то есть майорского чина. В советские времена таковым рубежом являлся руководитель горкомхоза товарищ Саахов. Традиция!

Но ведь имеется еще история СССР, история древняя? Есть и фантазии, детективное чтиво? Старинный наш сочинитель последними брезгует, женским сочинительницам отдает... История СССР? – как-то неуютно сейчас «агитиро-

вать за советскую власть». Климат не тот, а остатки традиционного советизма (см. выше) прилагают к нынешним докукам властей.

... Словом, куда ни кинь – всюду клин. Современность – информационный шум не перекричишь; опять же тема здесь архисужена: ничего, дескать, личного, только бизнес. Но писателю-то более всего эта современность приемлема, свой личный опыт. Для «пограничных» сочинителей здесь есть творческая лазейка: как Лев Толстой, что создавал «Войну и мир» спустя полсотни лет после событий Наполеоновых войн – близкое видится на расстоянии – так и наш современный писатель, одной ногой еще уверенно стоя в советском прошлом, а другой брезгливо нащупывая опору в сонме кишашей частнособственнической мелкобуржуазной биомассы, способен на творческий подвиг: окинуть единым художественным взглядом советское прошлое, ведомое ему и переданное ближними пращурами, и современное – не все же гадливо и в нем! – Хотя бы свои дети и внуки. А о «партии и правительстве» пусть пишут Юрий Мухин и Владимир Бушин; Максим Калашников и Игорь Пыхалов тож. Им дозволено условно, через тираж в тысячу-полторы экземпляров, выпускать пары.

Своя жизнь с сопричастной ей «удельной» и более пространной историей, преломляющая окружающую действительность через себя, опять же в свете исторического опыта, – наиболее устойчивая платформа современного писателя, хотя бы по принципу страуса и закрывающегося от малоприятной реальности оцифрованного жития нашего (см. сноску выше). Любой творческий труд не должен пропасть! – Это как библейские семена добрые... Была бы земля для них еще.

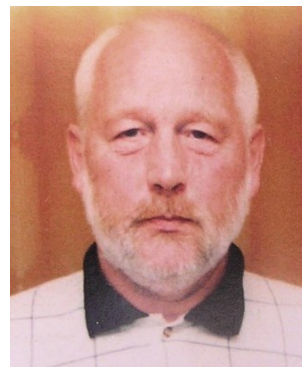
Мой товарищ и литературный коллега Леонид Кириллович Иванов, окормляющий Тюменскую писательскую организацию СПР, как-то заметил в своем письме: «... *Опять пишу о деревне. Наверное, никогда я не отойду от этой темы, как и ты, мой друг, никуда не денешься от своего Севера и Северного флота*». Так тому и быть. «*Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако же и аз, худый, недостойный и*

многогрешный раб Божий Лаврентий мних...» (Лаврентьевский летописный свод 1377 года).

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

«ДОКТОР ФАУСТУС» – НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ВЕЧНОЙ ТЕМЫ

К 145-летию со дня рождения выдающегося немецкого писателя XX века Томаса Манна (1875–1955)

*Тут опять их логика;
но ведь в логике и всегда тоска.*

Ф.М. Достоевский «Подросток»

◆ В мировом литературоведении, а Томас Манн суть творец мирового масштаба, самый выдающийся немецкий писатель XX века, вопрос познания художника слова всегда принято соотносить с метафизикой, мистикой и интуицией. Здесь достаточно ссылок на Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля. Возьмите основной труд любого классика философии: всюду вопрос познания будет одним из центральных: в сократических диалогах Платона, в «Метафизике» Аристотеля, «Критике чистого разума», гегелевской «Науке логики». Но это слишком обще. Рассматривая философские системы новейшего времени, неслучайно встретим попарное упоминание имен Фридриха Ницше и Анри Бергсона. Именно их имена — наиболее громкие в философском ожесточении конца XIX — начала XX вв, когда, наряду с окончательной формулировкой основных положений позитивизма и материализма, происходило бурное возрождение и переоценка ценностей идеалистических и мета-

физических теорий всевозможных направлений. Последние выставили два боевых знамени в вопросах теории познания: ницшеанство — с его отрицанием истинного познания мира, другое — Бергсоново познание методом мистической интуиции. Все остальные многочисленные философские системы на рубеже веков размещаются между ними, либо группируются «справа» и «слева».

Однако метод мистической интуиции Бергсона в художественном творчестве был предвосхищен за много лет до появления его учения, а именно витал в европейской литературе в идее «поэта-мага» и проявился впервые в «Страданиях юного Вертера» Гёте, во всем творчестве которого так заметна, правда, не совсем оконченная, борьба между идеалистическим и реалистическим мировоззрением. Но законченная идея поэта-мага, живущего, чувствующего и познающего окружающий мир интуитивно-мистически, лежит в основе творчества Новалиса (особенно «Генрих фон Офтердинген» и «Ученики в Саисе»). Но если идея мистической интуиции помогла создать прекрасные образы романтической литературы, то в философском отношении она выглядит неудовлетворительной, своего рода частной стороной теории познания. Ибо здесь рвется естественная и прямая связь ощущения и представления. Последнее постоянно получает подпитку от гипертрофированного интуитивистского механизма.

Философская система Бергсона, как, впрочем, и большинства «поэтических» философий, не представляет той завершенной, исчерпанной в самой себе философской системы, какими были учения Канта, Гегеля, Шопенгауэра. Отсюда и неудовлетворительное объяснение механизма чувственного познания у Бергсона. Но еще художественно величественнее другой аспект Бергсоновой теории: об особой относительности времени; это воплотилось в эпопее Марселя Пруста. Не следует однако забывать, что прекрасные произведения Новалиса и Пруста обязаны своими качествами в первую очередь высокой степени развития у этих художников творческого познания, в том числе и в его чувственных формах. Ибо когда художник слепо проводит в

художественном произведении схему исповедуемой им философской теории, то в итоге он и пишет схему, а не художественное произведение.

Из учения же Ницше трудно сделать однозначный вывод, ибо каждой его фразе в его же наследии всегда можно отыскать исключаящую ее антифразу. Это одна из основных трудностей в изучении Ницше; приходится доискиваться истины между Сциллой и Харибдой этих пар: фраза — антифраза, а по своей пессимистической иронии и доходящей до желчи категоричности они именно есть Сцилла и Харибда. Поэтому-то вся философия Ницше воспринимается чаще всего однобоко, хотя есть попытки осторожного, объективного подхода, например у Л. Шестова. Однако чисто в философском плане Ницше отрицает истинное познание мира. В чем-то он дитя своего времени, а потому и приверженец, значительно ранее Бергсона, интуиции и инстинкта в познании: *«Самую большую долю сознательного мышления следует отнести на счет инстинктивной деятельности, и философы в этом отношении не представляют исключения... Каждый философ в большей доле своего сознательного мышления тайно находится под руководством своих инстинктов, которые и вынуждают его двигаться по определенным путям»*, — пишет он в «По ту сторону добра и зла».

Но есть у Ницше работа, целиком посвященная значению чувственного познания для художественного творчества: «Происхождение трагедии». Разумеется, впоследствии Ницше, оставаясь верным самому себе, опроверг «антифразами» многие положения этой первой его большой и серьезной работы, написанной «со всем жаром молодости», но основное не в этом; в «книге о Греках» Ницше ответил на два вопроса: а) о роли чувственного познания для художественности; б) о связи чувственного и логического познания. Ответ на первый вопрос представляет значительный интерес: чувственное познание исторически и психофизиологически — фундамент художественного творчества человека. Высшее искусство античного мира — греческая трагедия родилась из союза аполлоновского духа сновидений, восприятий и представлений, и дионисийской музыки и гармонии жизни — ощущение

ний. Именно в таких терминах сейчас следует понимать эту мысль Ницше в «Происхождении трагедии», если отбросить рассуждения о Шопенгауэровой воле, которой, как Ницше позже сам признавал, он «испортил язык своей книги». Итак: чувственное восприятие музыки (Дионис), пластического мира и представления о нем (Аполлон) — вот основа художественности античного мира: *«В виду невероятной пластической точности и верности их глаза, вместе с их светлым и правильным чувством колорита, нельзя не предположить, к стыду всех позднейших поколений, что и в сновидениях их была та же логическая связь линий и контуров, красок и групп, ряд сцен, напоминающих их лучшие барельефы, совершенство которых и их несравнимая красота, если б можно было сравнение, дали бы нам право назвать грезящих греков Гомерами, а Гомера — грезящим греком: и это имело бы более глубокий смысл, чем если б современный человек по отношению к своим сновидениям рискнул сравнить себя с Шекспиром».*

Но ответ на второй вопрос представляется сомнительным: не единство чувственного и логического познания увидел он в трагедиях Еврипида, а *разрушение сократовской логикой чувственно познанного мира — стержня греческой трагедии*. Ницше вводит понятие эстетического сократизма, где *«все должно быть согласно с разумом, чтобы быть прекрасным»*. Именно соединение логического и чувственного начал в познании, по мысли Ницше, губит истинное искусство.* Та же мысль негативно присутствует и в поздних произведениях Ницше («Рихард Вагнер в Байрейте», «По ту сторону добра и зла», «*Ессе Ното*», «Генеалогия морали», «Так говорил Заратустра»). В приводимых выше цитатах затрагиваются сновидения. Итак, мы сталкиваемся с вопросом: такая форма чувственного познания, как представление, рождает художественное отображение реального мира, складываясь из ощущений, восприятий, работы памяти, активного сознания и подсознания. А сон является освобожденной работой подсознания.

* Характерно, что Сидни Финкелстайн, известный американский литературный критик, не затронул этот вопрос при рассмотрении «Происхождения трагедии» в своей книге об экзистенциализме (русск. пер. — М.: Прогресс, 1967).

♦ Для разнообразия иллюстраций обратимся к естественно-научному познанию. Люди, которым так или иначе довелось творчески заниматься точными естественными науками (чистая математика, теоретическая физика), пожалуй, согласятся, что решение очень трудной задачи скорее всего приходит не поздним вечером, хотя целый день перед этим был отдан тщательному анализу, но утром по пробуждении. Вполне допустимо, что решение приходит и во сне. Это наглядная иллюстрация «чистой» работы подсознания.

Вообще роль подсознательного (или что то же: бессознательного) исключительно велика в логическом познании. Существуют две замечательные работы, принадлежащие знаменитым французским математикам: Адамару и Пуанкаре, где рассматриваются вопросы о роли бессознательного в творческом математическом процессе. По мнению Адамара и Пуанкаре, подсознание, или краевое сознание, выполняет в случае математического открытия роль ЭВМ, перебирающей миллионы вариантов и выбрасывающей в активное сознание попадающее ей верное решение. *«Краевое сознание и собственно сознание так близки друг к другу, обмена между ними столь непрерывны и быстры, что кажется почти невозможным различить их роль в столь внезапном явлении, как озарение»*, – пишет Ж. Адамар. Именно эта «внезапность» идеи, озарения и сообщает эффект сверхъестественного работе подсознания, хотя механизм его работы глубоко прост и понятен: *«...Некоторые авторы испытали своего рода страх перед бессознательным и даже отказывались признать его существование. Этот отказ, может быть, реакция на полет воображения, которому были подвержены другие. Тот таинственный характер, который приписывают бессознательному, видимо, отталкивал других исследователей»*.

Но еще нелепее было бы отрицать участие подсознательного мышления в формировании представлений, формы чувственного познания. Даже обычный человек видит изумительно колоритные и гиперболизированные сны, но эти же сны — тысячекратно перевернутый и зеркально отображенный мир — дал творчески одаренного человека.

Предшествующими рассуждениями мы совсем не хотим признать абсолютное первенство в части образования художественных ассоциаций сновидений, подсознательного, просто уравниваем в возможностях и правах активное и краевое сознание в художественном и творческом процессе, как оно уже уравнино и признано в математике. Сон, как представление в области чувственного познания, конечно же не выдуманная напраслина. И проницательные художники прекрасно понимали и понимают роль этой чувственной «субформы» познания и ее роли в творческом процессе. Обычно в литературоведении этот вопрос связывают с творчеством Томаса Манна.^{*} Разговор о «Волшебной горе» особый, но уже в «Иосифе и его братьях» автор постоянно обращается к художественному анализу сновидений; характерные фрагменты из романа:

— сон, как художественное представление реальной жизни: *«...Великие и по-детски яркие сны снились ее герою, будут здесь сниться сны и другим лицам»;*

— сон, как чисто подсознательная работа художника: *«Облекать сны в слова и рассказывать их почти невозможно, потому что не так важна самая суть сна,— ее-то именно и можно выразить, как его аромат и флюид, тот непередаваемый дух ужаса или счастья (или того и другого сразу), которым он пропитан и которым порой наполняет душу сновидца еще долгое время спустя»;*

— сон, как чувственная форма познания: представление, имеющее своей базой ощущения и восприятия, художественно транслированные краевым сознанием:

«Неверно считать сон свободной и дикой областью, где все, что запрещено днем, всегда может с лихвой взять свое. Того, что совершенно неведомо яви и начисто отрезано от нее, не знает и сон. Граница между этими двумя областями зыбка и проницаема; она неуверенно проходит через одно и то же

^{*} Уже в древних поэтических памятниках сон, прорицание во сне — обычный художественный прием. Смотри толкование вещего сна Святослава в «Слове о полку Игореве»: «Святослав видел мутный сон: «В Киеве на горах, ночью с вечера, одевали вы меня ... черным покрывалом на тесовой кровати...».

пространство души, а что пространство это для совести и для гордости неделимо, доказало смущение, доказали стыд и тревога, охватившие Мут не только по пробуждении, но уже и во сне, когда ей ночью впервые приснился Иосиф».

— Прекрасные по глубине проникновения в суть художественные определения природы сновидений... Истинный художник всегда старается отдавать себе отчет: из каких компонентов чувственного и логического познания проистекает развитие и самовыражение его таланта? И, конечно, форма представления, ибо как сказал Райнер Мариа Рильке: *«В этом смысл всего того, что когда-либо было в прошлом; того, что это прошлое не остается мертвым грузом, но возвращается к нам, чудесным образом глубоко в нас воплощаясь».*

Художнику Томасу Манну, которого всегда глубоко волновал феномен таланта и его живительной почвы: познание мира и его закономерностей, принадлежит одна из книг века — имеется в виду «Доктор Фаустус», литературная биография, история жизни, творчества и гибели несчастного и трагического Фауста прошлого столетия — Фридриха Ницше. Хотя бы в романе и идет речь о музыканте с реальным прототипом – Арнольдом Шёнбергом... Можно спорить и не соглашаться с философской подоплекой *«этой первой и, так сказать, предварительной биографии»* (выделено нами — А. Я.) *дорогого мне человека и гениального музыканта, с которым столь беспощадно обошлась судьба, высоко его вознесшая и затем низринувшая в бездну»** (С. 25), но эта книга — катехизис всякого мыслящего художника, заставляющий его постоянно задумываться об истоках, ближних и дальних последствиях тех методов познания, которые творческий человек избирает в качестве наиболее предпочтительных для себя.

Коль скоро речь зашла о роли подсознательного в творческом познании, то неловко не вспомнить и еще одно громкое имя второй половины XIX века,

* Томас Манн. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Левверкюна, рассказанная его другом: Пер. с нем. – М.: «Художественная литература», 1975.– 608 с.

о котором тот же Жак Адамар писал: *«Учитывая, что иногда выдвигают причины небесные, мы не должны особенно удивляться, услышав, что привлекаются так же и дьявольские силы. Один дерзкий немецкий философ фон Гартман рассматривает бессознательное как универсальную злую силу, которая действует на вещи и людей пагубным образом; и пессимизм, который порождает в нем страх перед этим ужасным бессознательным, таков, что он советует даже не индивидуальное самоубийство, которое он считает недостаточным, но «самоубийство космическое», надеясь, что мощные разрушительные силы, которые подготовят человечество, позволят ему разрушить единым ударом всю планету — в некотором роде предчувствие того, что теперь стало возможным».*

Заметим, Гартман*, как эпигон Шопенгауэра, сделал недоброе дело, отбросив часть его учения о разумных идеях. Он усилил, взрастил мистику и инстинктивизм на бесконечно-обширном, говоря языком Гомера, поле мировой, внезаконопланомерной воли в учении Шопенгауэра. У Гартмана всякое чувственное познание оттесняется всемогущим бессознательным инстинк-

* Надо заметить, что единственно имеющееся издание основного труда Гартмана на русском языке не является переводом немецкого подлинника; оба тома есть вольное изложение философии Гартмана переводчиком (Козловым). Это плохо хотя бы в том отношении, что не передает прекрасный литературный стиль изложения самых сложных моментов философии, что унаследовали от своего учителя эпигоны Шопенгауэра. Очевидно, неудовольствие от чтения Гартмана в переработке Козлова, сделавшего медвежью услугу русским читателям, разделяли очень многие: Н. В. Крушевский, последователь и ученик знаменитого лингвиста Бодуэна де Куртенэ, в одном из писем своему учителю писал: «...Именно для выяснения этой разницы (речь идет об отличиях идей бессознательного в трактовке де Куртенэ и Гартмана — А. Я.) я принялся во время каникул за томительное и нудное изучение философии Гартмана в переработке Козлова».

Кстати, поскольку тематика нашей работы вплотную касается вопросов художественного творчества, а значит и художественности выражения, вполне закономерно немного задержаться на обсуждении литературного стиля работ по философии и психологии. Несомненно, что достаточную роль в привлекательности идей Шопенгауэра сыграла превосходная литературная образность и стиль его сочинений. То же читающие по-немецки и в хороших переводах Гартмана могут сказать и об этом его последователе. Как правило, хороший литературный язык и у большинства философов-экзистенциалистов; имеется в виду не один лишь Сартр, которому сам бог велел писать превосходно литературно. К сожалению, этого не скажешь о русских философах мистической школы: Вяч. Иванове, С. Н. Булгакове, Церетелеве; будучи неплохими писателями, они в смысле стиля сильно перебарщивают в своих теоретических работах. Лишь Льва Шестова трудно упрекнуть в этом. В психоаналитической и психофизиологической школах идет добрая традиция от Фрейда, причем эта традиция сейчас жива, особенно во французской школе лаканистов (но в то же время не характерна для представителей экспериментальной психологии Фресса и Пиаже...). Но, вообще говоря, современности эти добрые литературные традиции настолько чужды, что доходит до парадоксального: к статье С. Леклера, помещенной в коллективной монографии Тбилисского международного симпозиума по проблемам неосознанной психической деятельности (1978), присовокуплено следующее характерное примечание редакции: «Статья С. Леклера, одного из наиболее ярких представителей психоаналитической школы Ж. Лакана, привлекает внимание читателя прежде всего своеобразием манеры изложения, необычностью стиля, в котором она написана. Этот стиль статьи немало затруднит для тех, кто непривычен к литературным традициям лаканистов, понимание ее содержания».

том. Причем Гартман толкует инстинкт как единосущее, общеживотное, бессознательное, не оставляя места чувственному и логическому познанию. Его учение вызывает в памяти прекрасные, но неразумные, как неразумны и прекрасны детские рассказы, трактаты Мориса Метерлинка: «Жизнь пчел» и «Разум цветов». — С тем отличием, что естественно-научные трактаты Метерлинка пронизаны поэзией, как и его лучшие пьесы. «*Что такое юность? Сон. Что такое любовь? Содержание сна*», — включает сборник своих афоризмов Сёрен Кьеркегор. Истинно таким содержанием, но не только одной лишь юности, а всей жизни человека, считал любовь, точнее ее экстракт — *Libido* — Зигмунд Фрейд, личность, оказавшая на мировую литературу, театр, вообще — искусство, огромное влияние. Фрейдовским психоанализом мы заключаем краткий обзор аспекта подсознательного в формировании чувственных представлений, хотя с него можно было и начинать в очерке, ориентированном на творчество Томаса Манна.

◆ Прежде всего: неформальный интерес представляет вопрос, кто из двух, Ницше или Шопенгауэр, повлиял на выработку мировоззрения Фрейда? — Неправ, очевидно, Сидни Финкелстайн, писавший: «...*Фрейд скорее находился под непосредственным влиянием Шопенгауэра, чем Ницше*». Ибо на этот счет есть запись самого Фрейда: «*Значительные совпадения психоанализа с философией Шопенгауэра — он не только выступал за примат аффективности и перво-степенное значение сексуальности, но знал даже и механизм вытеснения — совсем не вытекают из моего знакомства с его учением. Я прочитал Шопенгауэра в очень поздние годы жизни*». Это важный момент, ибо «автономность» фрейдизма от философского учения Шопенгауэра показывает наличие в нем многих рациональных корней; естественно и рационально то, что естественно и независимо от предшественника возрождается не единожды; а время отделило истину в учении психоанализа от гениального, но слепого интуитивизма. Неверна одна из центральных посылок психоанализа: «*Согласно Фрейду, толкование сновидений, так же как и анализ невротозов, показывает, что законы бессознательной психической активности коренным об-*

разом отличаются от законов сознательной активности», – пишет В. Холличер в книге «Человек и агрессия» (М.: Прогресс, 1975) — выше подробно говорилось об этом. Но что дал Фрейд художественному творчеству и чего у него не отнимешь, так это усиленный интерес, а порой и *метод* к высшему, «второму» уровню психологии человека. Уже третье столетие наблюдаем прямое влияние фрейдизма на искусство: более осознанный подход художника к проблеме формирования представлений в сложной, функциональной их связи с изначальными ощущениями и восприятиями в чувственном познании, особенно в области психологии любви. Поэтому вполне можно было эпиграфом к «Поискам утраченного времени» Марселя Пруста в сюжетно-композиционном плане взять слова Фрейда: *«Вся такая цепь патогенных воспоминаний должна была быть восстановлена в памяти в хронологической последовательности и притом в обратном порядке: последняя травма сначала и первая в конце, причем невозможно было перескочить через последующие травмы прямо к первой, часто наиболее действительной».* Этот подход к художественному формированию представлений — один из ведущих композиционных методов современной литературы.

Во всяком учении должно отделять зерна истины от плевел домысла; в конце концов не эти ли жемчужные зерна и удерживаются в мировой сокровищнице мысли даже в случае частичного неприятия общих теорий их авторов. Обратимся к мифу об Эдипе, а именно в плане темы врожденных представлений — Эдипова комплекса, когда чувственные познания одного человека генетически наследуются всем его родом. Это древнейший мотив философии и искусства. Он присутствует в древних религиозно-философских памятниках: в Ветхом Завете и Евангелие это родовой грех «семижды семи» поколений, в буддизме — это учение о Карме. Фольклорные источники возникновения мифа об Эдипе подробно исследуются у В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» и так далее.

Фрейд же нормализует Эдипов комплекс на стадии идентификации ребенка, когда под посылками чувственных ощущений формируется искажен-

ное детским умом и потому неправильное восприятие. Проявление же Эдипова комплекса у людей со сформировавшимся сознанием надо мыслить как патологию, а по законам первобытного общества человек с патологией становится изгоем — в античном мире подвергался остракизму, а род его уничтожается во избежание генетической передачи патологии. Очевидно, так следует понимать природу Эдипова комплекса и причину «наследственного» греха, хотя подобное толкование в категорической форме утверждения редко встречается в литературе. Может дело в самих литераторах? С точки зрения чувственного познания это выглядит следующим образом: когда Эдипов комплекс из нормализованного, детского состояния переходит в патологию зрелого ума, то наличие такого примера искажает нормальный процесс формирования восприятий и представлений на основании ощущений органов человека; тем самым формирование представлений становится болезненно-фантастическим, приобретает художественно-вымышленный характер, потому-то Фрейд и считает всякого яркого талантливого художника патологизированной личностью, ищущей освобождения («вытеснения» — по его терминологии) в творческом самовыражении. Здесь можно сравнить с известной книгой Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство».

Но мы уже приблизились к тому разделу фрейдизма, где наиболее непримеримы защитники и противники психоанализа. Нас же интересует чисто творческий аспект; так вот, если говорить о нем, то среди легиона посредственных писателей-фрейдистов вроде «наивного фрейдиста» Дэвида Лоуренса, строившего романы по «дичайшим фрейдистским схемам», найдем немало великих талантов: Джеймса Джойса, Томаса Манна, Юджина О'Нила, Фрэнка Ведекинда. Действительно, фрейдовское толкование чувственного восприятия, представления и их патогенных норм мы встречаем в «Улиссе» Джойса: Леопольд Блум — главный герой — типичная жертва либидинозной недостаточности, как пишет и довольно аргументировано об этом А. Старцев: *«Внутренний монолог Блума, отражающий его личность, в полувывысканной, невысказанной, едва зародившейся и еще только формирующейся*

мысли, хоть и шит кое-где белыми нитками, не лишен смысла. Это тягостный, однако же правдоподобный этюд патологического сознания».

Известно, что в процессе развития своего учения о психоанализе Фрейд произвел фундаментальные изменения: первоначальную борьбу между либидо и влечением к самосохранению он впоследствии заменил борьбой между Эросом и Танатосом: сексуальным влечением и влечением к смерти. Последняя мотивация поведения и была положена Томасом Манном в основу «Волшебной горы». Здесь, в интересующем нас аспекте художественной роли чувственного познания, находкой автора является взаимосвязь чувственных ощущений и восприятий двух противоположностей: картин разрушительной смерти и неумирающей, даже на Волшебной горе, в туберкулезном санатории, любви, — и результирующие от них представления. В итоге — глубочайший психологизм, не достижимый при использовании иного приема.

Трилогия Юджина О'Нила «Траур — участь Электры», современная «Орестея», отмеченная не меньшим искусством трагизма, является одной из вершин драматургии XX века. Эта пьеса общепризнанно считается «художественной иллюстрацией» учения Фрейда. Но сам О'Нил дает разгадку, сообщая, что он *«достаточно знал женщин и мужчин, чтобы написать «Траур — участь Электры» и обойтись без Фрейда, Юнга и любого другого»*. Ни О'Нил, ни Джойс, ни кто-либо другой из талантливых художников, кроме, быть может, Томаса Манна, да и то взявшего из психоанализа лишь общее положение, — не думал писать по фрейдистским схемам, и даже многие из них не читали и не знали теорий психоанализа, просто законы диалектики изначальны и никто не в силах их преломить, а суть чувственного познания человека не изменяется при изобретении или забвении всевозможных теорий. Художник, чувственно познавая окружающий *реальный мир*, дополняя скомбинированные сознанием и подсознанием представления работой логики ума, художественно воссоздает, по принципу кибернетической обратной связи, в своих творениях этот реальный мир. Так что зритель, читатель, слушатель благодарит за полученное им наслаждение не основателей психологиче-

ских и философских систем, а универсальный мир — Природу, давшую всему свое место и назначение. Но это только в случае, когда мир отображается художником, а не схематиком-апологетом, неблагодарным мучеником породившей его воображение теории.

◆ Коль скоро речь пошла о глобальных категориях: Мире, Природе, то всякий сразу сообразит: речь пойдет о сотрясателе гегелевской системы, младшем друге Иммануила Канта, творце воли и франкфуртском затворнике Артуре Шопенгауэре, которому автор одной брошюры о нем поставил эпиграфом из Шекспира: *«У всякого безумца есть своя логика»*. Дай нам, бог, всем быть такими безумцами... *«То, что все познает и никем не познается, это — субъект. Он, следовательно, носитель мира, общее и всегда предполагаемое условие всех явлений, всякого объекта: ибо только для субъекта существует все, что существует, таким субъектом каждый находит самого себя, но лишь поскольку он познает, а не поскольку он — объект познания»*, — позиция Шопенгауэра в вопросах познания и познающего субъекта.

Ни один мыслитель не облакал своих теорий в такой предельно ясный, конкретный, литературно прекрасный вид. Его учение предельно законченно и помещено на некоем удаленном от сборищ пьедестале и покрыто чарующим, манящим и таинственным покрывалом Майи. А об итоговом впечатлении от учения Шопенгауэра можно сказать: отрицательный результат есть тоже результат. Для него предельно верно замечание наиболее знаменитого из последователей — Ницше: *«Всякий выдающийся человек инстинктивно стремится замкнуться в себя, уйти в свои тайники, где он оказывается освобожденным от толпы»*. Поэтому мир Шопенгауэра — прибежище тех, кто не смог остаться в реальном, шумном и некрасивом мире и ищет для себя мир абсолютной гармонии — мир, живущий дирижированием единой и всеопределяющей Воли. Недаром Федор Сологуб, этот «провинциальный Шопенгауэр из подвала», как его окрестили еще при жизни, писал, что в философии Воли его более всего привлекает — хоть и искусственная, но все же

замкнутая в самом себе гармония мира. Замкнутость и гармония — притягательность покрыва Майи.

Поскольку философия Шопенгауэра противоположна учению материализма, кроме, быть может, истолкования «мира разумных идей», то нет основания для критики одного из разделов этой философии — теории чувственного познания, ибо основание для критики есть наличие хотя бы ближних точек соприкосновения, а их у материализма, философии мировых закономерностей, и шопенгауэрианства, философии единого, замкнутого в себе «Я», нет. Познание шопенгауэровского человека, в том числе и чувственное, — не более как одно из бесконечных представлений-спектаклей мировой Воли. Это — хаос в пределах рамок, соблюдаемых Волей, а человек, пользуясь уже заезженной цитатой из Шопенгауэра, — утлый челн в бушующем хаосе мирового моря — Воли. Эта безотносительность человека и его познания породила огромный пласт в художественном творчестве; о нем речь уже шла выше, ибо идея Шопенгауэра распалась на учения Фрейда, Кьеркегора, Ницше, Гартмана. Идея «человека в бушующем море неизвестности судьбы» постоянно присутствует в мировой литературе. Это и Апулеев «Золотой осел», и все бесчисленные приключения и мытарства Вертера, Фауста, героев Достоевского. *Очевидно, лишь Томас Манн эту идею воплотил изначально осознанно в «Иосифе и его братьях» и в «Приключениях авантюриста Феликса Круля».*

На теории Шопенгауэра закончим рассмотрение «чувственно-познавательных» разделов тех учений, или авторов, которые ныне притча во языцех в современном, особенно западном, литературоведении, искусствоведении. Анализ этих своеобразных теорий совмещается с отбором того истинно ценного, что они привнесли в объяснение художественных моментов в познавательной деятельности человека.

Философскими предыстоками идеалистической теории познания были: агностицизм Юма с его принципиальным отрицанием познаваемости мира; «вещь в себе» Канта, которая вызывает наши ощущения, но тоже, как у Юма, принципиально недоступна человеческому познанию. Сюда следует отнести

и методологический позитивизм Огюста Конта, и многие другие учения XVIII—XIX веков, в XX веке возродившиеся в несколько иной терминологической окраске. Самое интересное, что недоверие к ощущениям, их априорности, высказывали не только философы, но и ученые-естественники: физиолог Иоганн Мюллер полагал, на основе ошибочного вывода из опытов, что ощущения передают только состояние наших органов чувств, а не характеристику вещей вне нас. Сомневался в показаниях органов чувств и такой крупный ученый, как Герман Гельмгольц. В своей основополагающей работе о теории зрения он пишет: *«Одно только допущение не приводит ни к каким противоречиям,—допущение, рассматривающее все представления о пространстве, как основанные на опыте, и полагающее, что и локальные знаки наших зрительных ощущений, и качества их сами по себе суть только знаки, значение коих мы должны научиться понимать, мы и научаемся их понимать, сравнивая их с результатами наших движений и теми изменениями, которые происходят вследствие их во внешнем мире»*. Объективно-идеалистическая идея в теории познания исторически начинается Платоном и венчается в системе объективного идеализма Гегелем. Познание же, «являющееся отражением мистической идеи», настолько толковано-перетолковано, что лишний раз пересказывать не имеет смысла. Смотрите «Эстетику» Гегеля.

Материализм на ранних ступенях развития, до теории Маркса, в особенности работ Энгельса, утверждал познаваемость мира, но это был метафизический материализм — не диалектический, не принимавший истину как результат развития познания. Само познание сводилось к наблюдению, в смысле созерцания, природы, а человек полагался неким абстрактным наблюдателем, как, например, в теории относительности вводится «идеальный наблюдатель». Особой «антидиалектичностью» отличалось учение вульгарного материализма. Классические представители его Бюхнер, Молешотт, Фогт и другие, преимущественно естественники, медики, в 50—60х гг. XIX века сделали шаг назад даже по сравнению с французскими материалистами во-

семнадцатого века. «Мысль — это секрет мозга», причем в натуральном понятии: некоторая мыслительная жидкость. Это знаменитое изречение Карла Фогта цитирует его последователь и единомышленник Людвиг Бюхнер: *«Поводом к этой главе служит известное, вызвавшее столько издевательств изречение Карла Фогта: «Мысли находятся в тех же отношениях к мозгу, как желчь к печени, или моча к почкам».* Воздержимся от критики познавательного раздела философии Фогта и Бюхнера, хотя чтение их трудов — занимательное дело, когда имеешь перед глазами вольнообоснованную фантазию.

◆ Существует распространенное мнение, что художник есть некая исполнительная машина в руках ниспосылающей благодать озарения Природы. Вот мнение Хайдеггера: *«Художник для произведения есть нечто безразличное, можно даже сказать, что он, уничтожая себя в процессе творчества, способствует возвышению произведения искусства».* В том же смысле выражает свое понимание личности художника модернизатор учения Фрейда Карл Густав Юнг. Он пишет в своей книге *«Психология и литература»:* *«Искусство — род врожденного стимула, который охватывает человеческое существо и делает своим инструментом. Художник — это не личность, одаренная свободной волей, которая стремится к своим собственным целям, но тот, кто позволяет через себя искусству реализовать его цели; как человеческое существо, он может иметь определенное расположение духа, волю и личные цели, но как художник, он — человек в более высоком смысле, — он «коллективный человек», тот, кто выражает и формирует бессознательную психическую жизнь человечества... Всякий раз, когда творческая сила доминирует, человеческая жизнь направляется и формируется подсознательным против активной воли, и сознательное «я» уносится подземным потоком, будучи не чем иным, как беспомощным наблюдателем событий. Произведение в итоге становится судьбой поэта и определяет его психическое развитие. Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте...».* Есть в этих словах истина, есть и заблуждение, типичное для интуитивистов. И понять, что все-таки есть

художник,— в этом поможет исследование определения соотношения чувственного познания и художественного творчества.

Художник и ощущения. Общеизвестно, что у одаренного человека наблюдается более значительное развитие органов ощущения: слух у музыканта, зрение у живописца, к зрению прибавляется особая, чаще — вырабатываемая, чувствительность кожи пальцев — у скульптора, у поэта, а поэтом называем по старым канонам любого литератора, обострены все его органы восприятия: слух, зрение, осязание, обоняние, вкус... Это понятно: ощущения — база для построения восприятий и представлений. Но нелепо понимать, что человек рождается художником, если у него обоняние ищейки, осязание парапсихологического медиума, глаз сокола. Этого может не быть за исключением: музыкальному таланту обязательно сопутствует развитый слух, живописцу — зрение. Был бы, как говорится, талант. Но любой талантливый индивидуум стремится доразвить, если это в человеческих силах, органы, дающие приток ощущений, разумеется, не в физиологическом смысле доразвить слух, зрение, а доразвить методом комбинированного ощущения; например, если слух его несовершенен, то он старается компенсировать, где возможно — зрением, осязанием, вкусом. И сама человеческая природа идет тем же путем; поэтому-то у глухонемых от рождения развито сильно зрение и обоняние, у слепых — после угасания зрения даже в немолодом возрасте улучшается слух. Природа даже в крайних ситуациях старается поддержать в человеке некий средний минимум уровня ощущений. Неутолимое желание художника жадно воспринимать отражения предметов окружающего мира — само за себя говорит о роли ощущений, *как базы художественного творчества, базы материальной.*

В формировании восприятий участвуют все органы чувств; акт восприятия — полная информация о предмете из реального мира, представленная в ощущениях человека всеми своими имеющимися качествами: звуком, внешним видом, цветом, объемом, формами, запахом, вкусом. Художнику необходимо как можно более полное восприятие; поэта интересуют все качества

предмета, живописца — его пространственно-цветовые характеристики, музыканта — звуки. На стадии восприятия важно уже преобладание ощущений, доставляющих информацию необходимого художнику характера. Таким образом, выявляются две непреложные истины: а) чувственное познание — есть материальная база художественного творчества; б) род врожденного таланта художника определяет преимущественную необходимость в соответствующих типах ощущений.

Отметим особенное положение художника в области музыки. Музыкант стоит особняком в среде носителей искры божьей. Ему достаточно одних звуковых ощущений. Музыка — искусство, наиболее непосредственно воздействующее на человека, но в то же время — она имеет наиболее сокровенную тайну своего рождения. Не зря Шопенгауэр считал музыку непосредственной — в человеке — объективацией Воли, языком, которым Воля говорит в откровении с человеком. Если отбросить субъективно-идеалистическую терминологию философии скептицизма, то так оно и получается: музыка — воплощение мировой гармонии, а музыкант — Орган мировой гармонии. Этим мы в определенном смысле предваряем рассмотрение «Доктора Фаустуса» Томаса Манна.

Завершим сравнительно общие рассуждения о природе чувственного познания и его роли в художественном творчестве: отдельные эвристические моменты в этой части. Далее бóльшее внимание будет уделяться достаточно специальным вопросам роли чувственного познания в формировании личности художника и создании им произведений и иллюстрации выдвигаемых положений.

◆ Непререкаемым образцом, нет — вершиной! — такой художественной личности и созданных им произведений в XX веке стал Томас Манн. И выше, что называется подспудно подводя к теме очерка, обосновывая с общепhilosophических и литературоведческих позиций <самодовлеющую> роль метафизики, интуиции, отчасти и мистики, в творческом познании, мы обращались к его произведениям: «Волшебная гора», «Иосиф и его братья», «Доктор Фа-

устус» и незаконченный роман «Признания авантюриста Феликса Круля» (1954 г.).

В отличие от своего старшего брата Генриха Манна, безусловно высоко-талантливого писателя, избранного президентом Академии искусств ГДР (но не успевшего вступить в эту должность, поскольку скончался в США накануне возвращения на родину...), Томас Манн – автор лишь пяти романов, включая незаконченные «Признания...», хотя бы «Иосифа и его братьев» иногда называют циклом романов. Но если во второй половине XX века читатели помнили (в этом веке читателей романов и вовсе нет...) Генриха Манна, по преимуществу, лишь как автора историко-литературной дилогии о короле Генрихе IV (1935 и 1937 гг.), то Томас Манн уже при своей жизни стал признанным явлением мировой литературы. И пусть не смущает тот факт, что Нобелевская премия была присуждена ему в 1929 году за самый первый его, в значительной степени автобиографический, роман-хронику «Будденброки», написанный двадцатипятилетним писателем (1901 – год издания), хотя бы уже была создана «Волшебная гора» (1924). Но ведь впереди еще были «Иосиф и его братья» (1933–43), знаковая повесть «Лотта в Веймаре» и вершина творчества – «Доктор Фаустус» (1947). ... Так часто бывает, ибо по статусу Нобелевская премия вручается только живущим лауреатам, в данном случае – писателям. А значит и творчески работающим, ибо подлинный писатель-творец «пенсии не знает». Более того, Томасу Манну выпал удачный удел: премия за почти-что юношеские «Будденброки» стала для него, для его признания, тем счастливым авансом, что позволил, употребим такое определение, писателю в возрасте максимума творческой зрелости «художественно раскрепоститься», создать «Иосифа и его братьев», а главное – «Доктора Фаустуса», в которых Томас Манн в достижимой для литературного творчества полноте обосновал и реализовал свое кредо, которое мы сформулируем следующим – в современной терминологии.

Творческая и социальная эволюции человечества в период цивилизации и культуры движутся по оси исторического времени контекстно и корреля-

ционно. Вектор социальной эволюции (в терминах точных наук – оператор) коллинеарен оси исторического времени и имеет своим операторным действием коллективизацию социума, в пределе – что есть прерогатива нашего с вами, уважаемые читатели, времени – переходящую в глобальный человек (термин А.А. Зиновьева) с полным расчеловечиванием *homo sapiens*, превращением его в винтик машины глобализма. Творческая эволюция, в целом коррелируя с эволюцией социума, то есть проходя этапы возникновения → становления → апофеоза «великих творческих эпох» (название цикла книг Романа Роллана) → «предувядание» от окончания XIX века до последней четверти XX века → глобализации и... см. выше, в части <суммы> искусств движется от метафизических и интуитивных <античных> начал через гармонию, олицетворяющую единство Храма природы и художественности мышления человека, к предельной материализации художественного творчества, что есть утилизация и упразднение самих искусств.

Такое свое кредо Томас Манн литературно обосновал – в терминах и литературном языке своего времени – в «Докторе Фаустусе», для художественной выразительности и объективной реалистичности выбрав конкретный вид искусства – музыкальное творчество.

...Практически все литературоведческие исследования творчества Томаса Манна отмечают удивительный, «многослойный», как бы мы уточнили, параллелизм Гёте и Манна, хотя и разделенных по времени творческой жизни полутора веками. Оба яркие представители немецкой культуры, но понимаемой ими в неразрывном единстве с культурой европейской, а значит и мировой. Главные произведения обоих суть фаустиады, написанные на закате жизни своих создателей, значит, вершины их творчества. Отсюда, учитывая «позднее» создание главных своих произведений, при жизни Гёте ассоциировался с его «Вертером», а Томас Манн с первым своим романом «Будденброки», каковую «привязку» закрепила и Нобелевская премия (см. выше). И только по окончании их жизненного пути при упоминании имени Гёте тотчас следует в памяти его «Фауст», а для Томаса Манна «Доктор Фаустус».

Такие вот любопытные литературные реминисценции, такова «избирательно-короткая» память человеческая. И чем дальше по времени, тем более творение великого художника, в данном случае писателя, «округляется» до одного названия. Сейчас однозначно тот же Сервантес полагается лишь автором «Дон-Кихота», а почти про сотню других его романов знают только «узкие» специалисты-литературоведы, исследователи творчества Сервантеса.

Мы несколько отвлеклись, впрочем – в контексте темы. Но перейдем к «Доктору Фаустусу».

◆ ... И в русской литературе последних двух веков тема фаустиады (немцы и французы суть наши главные учителя европейской традиции!) одна из наиболее популярных. Вспомним хотя бы А.Н. Толстого с его «Невзоровым», а в XIX и вовсе многие имена в памяти сразу всплывут. Источник: прочтение «Фауста» Гёте. И мы, ничтоже сумняшеся, свой роман о советском Фаусте сочинили на досуге.* Отдали, так сказать, долг вечной теме.

Каждая из национальных литератур, вошедших в мировой культурный ареал, имеет наиболее характерный для нее исторический праобраз. Наш образованный читатель и без намека тотчас выделит таковой для французской, английской, итальянской, испанской литературных традиций. И для сравнительно молодой русской – тоже без сомнения. Для немецкой литературы таковой праобраз, конечно же, доктор Фауст. Он у Гёте и Томаса Манна стал образом-обобщением, мировым явлением, но и до Гёте немецкая литература не раз обращалась к Фаусту**, а Фридрих Максимилиан Клиндер*** и вовсе современник великого поэта, ученого-естественника и веймарского премьер-министра, с которым то дружил, то ссорился (об этом чуть ниже).

Как, а главное – почему, возник, и именно в Германии, праобраз такой оригинальной национальной формы о человеке, продавшем свою бессмертную душу в обмен на свободу: телесную и творческую, не стесняемую окру-

* Яшин А.А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.– Тула: «Гриф и К», 2004.– 481 с., ил. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

** Легенда о докторе Фаусте: Пер. с нем. 2-е изд. / Подгот. В.М. Жирмунским.– М.: Наука, 1978.– 423 с., ил. (Серия «Литературные памятники»).

*** Клиндер Ф.М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад: Пер. с нем. / Под ред. О.А. Смолян.– М.–Л.: ГИХЛ, 1961.– 227 с.

жающим социумом? Прежде всего, Фауст – лицо сугубо историческое; в первой половине XVI века, как следует из литературно-исторических источников, о нем свидетельствуют многочисленные, сами вошедшие в мировую известность, современники, прежде всего из круга общения Ульриха фон Гуттена, Мартина Лютера и Франца фон Зиккингена. А это непререкаемые исторические авторитеты.

Кем был исторически достоверный Фауст? – Источники свидетельствуют: ученый шарлатан, алхимик и астролог Георг Фауст, умерший в 1540 году, но оставивший после себя разросшуюся народную легенду. В книге «Легенда о докторе Фаусте», см. сноску выше, представлены характерные литературные тексты: «Исторические и легендарные свидетельства о докторе Фаусте», «Народная книга <о Фаусте>», «Свидетельства о постановке народной драмы и кукольной комедии», кукольные комедии «Доктор Иоганн Фауст», «Доктор Фауст или Великий Негромант», «Иоганнес Фауст», а также «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло и отрывки из недошедшей до нас трагедии «Фауст» Лессинга. Именно Лессинг в своих «Письмах о новейшей литературе» (1758 г.) первым указал на огромный творческий потенциал праобраза-легенды о докторе* Фаусте в части его, если позволительно так выразиться, «художественной идеологии». Заметим, что сам Лессинг, много лет работая над трагедией о Фаусте, пожалуй, единственный из авторов фаустиады, кто отошел от стержневого сюжета народной легенды, а именно: «своим пером» он спасает Фауста, тем самым оправдывая дерзость попытки *познать неведомое* ценою продажи своей бессмертной души дьяволу – Князю тьмы. И еще Лессинг указывает на *всемирность* праобраза Фауста для европейской литературы; в семнадцатом письме (из названного выше цикла «Писем»; цит. по книге «Легенда...», см. ссылку выше) он пишет: «*То, что в наших старых пьесах было действительно много английского, я мог бы обстоятельно доказать без особого труда. Стоит назвать хотя бы са-*

* Признанные чиновники, немцы исторически уважают звание доктора. Отсюда и подчеркивание: от доктора Фауста до ... доктора Геббельса, тоже продавшего свою душу дьяволу...

мую известную из них: «Доктора Фауста» – пьесу, содержащую множество сцен, которые могли быть под силу только шекспировскому гению. И как влюблена была Германия, да и сейчас еще отчасти влюблена, в своего «Доктора Фауста»! (С. 246).

... Но «линия Лессинга» в литературе продолжения не получила, что и закрепил в своем гениальном «Фаусте» Гёте, работавший над главным своим произведением большую часть своей творческой жизни (1790–1831 гг.).

Раз обещали еще раз упомянуть о «Фаусте...» Ф.М. Клингера, то и исполним. Во-первых, в отличие от множества фаустиад до него и после, Клингер строго придерживался сюжетной основы народной книги о Фаусте (см. выше). Кстати говоря, в образ своего Фауста он ввел многие черты Иоганнеса Фуста, как бы сейчас сказали, «компаньона» первопечатника Иоганна Геннсфляйша Гутенберга. Здесь, и опять к делу, вспомним известное высказывание Льва Толстого, которое понятийнее будет передать словами не абы кого, но... Льва Давидовича Троцкого, не только ленинского «Иудушки», но и блестящего публициста, а именно: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежества (здесь и далее выд. Л.Д. Троцким. – А.Я.) – это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма – это несомненно»* («Литература и революция», 1923).

То есть и Клингер, равно как намного позже Толстой, введением в образ своего Фауста характерных черт первопечатника Фуста (символизм созвучия имен!) неоднозначно оценивал сам факт книгопечатания: «знания в массы», говоря лозунгово, таят в себе нечто от дьявола, но явно проявившееся лишь сейчас: глобализация и глобальное же расчеловечивание... Не слишком ли мудро дальновиден был Клингер?

Во-вторых, имя Клингера очень тесно соотнесено в истории с Россией. Будучи студентом, но по причине нищеты бросил Гисенский университет и перебрался в Веймар – тогдашний литературный центр Германии под теплой и дружеской эгидой Гёте. Именно так великий поэт и опекал молодого лите-

ратора. Но Гёте все рос и рос в чинах веймарского правительства, и Клиндер, как страстный последователь движения «*Sturm und Drang*» («Буря и натиск»), то собиравшийся в Америку воевать против англичан-колонизаторов, то с разными резкими инициативами выступавший, вскоре получил у Гёте «холодную отставку». Через несколько лет скитаний, нищеты и службы в австрийской армии Клиндер попадает в Россию и поступает на военную службу, успехи в которой теперь и созвучны с литературным «ростом», в том числе созданием своего «Фауста» (намного раньше Гёте!). А с вступлением на престол Александра I Клиндер и вовсе входит в придворный либеральный круг Сперанского, Новосильцева и возвращенного из вечной ссылки Радищева.

От либеральных друзей царь скоро избавился, но практичный немец Клиндер пошел по линии министерства просвещения, со временем став генерал-лейтенантом Федором Ивановичем (вместо Фридриха Максимилиана...) Клиндером, он занял многие вельможные должности – одновременно, – в том числе директора Первого кадетского корпуса и главноначальствующего Пажеским корпусом.

◆ ... Мы не только из-за «обрусения» Клингера остановили на нем внимание попристальнее – среди многих авторов фаустиад, – но именно по причине его трактовки образа Фауста с намеком на книгопечатание. Это не просто чисто сюжетная, художественная конкретизация праобраза Фауста, но, как нами не без основания полагается, даже в чем-то более акцентированная по сравнению с «Фаустом» Гёте идейно-философская трактовка вечной темы: решимся и такое сказать. И именно от «книгопечатания» у Клингера суть магистральный путь к «композиторству» Томаса Манна в «Докторе Фаустусе». Но – к сущности таковой связи вернемся далее. Сейчас же вкратце завершим рассуждения о причинности появления праобраза Фауста и особой «любви» к нему в Германии (см. выше слова Лессинга).

Собственно любые легендарные сюжеты о договоре человека с дьяволом имеют теодицейные корни – дуализм христианского вероучения в соотнесе-

нии добра и зла. Носителем первого выступает во всех своих деяниях бог; ему «во зле воинствующем» противостоит дьявол – мятежный ангел, отпавший от бога, сопротивляющийся ему в соревновательности добра и зла в пользу последнего. Согласно догматам христианства, дьявол не властен в социальном ареале, но может овладеть бессмертной душой отдельного человека. Зло, то есть соблазны дьявола, в каноническом христианстве определено в <первом> послании Иоанна Богослова: *«Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего)»* (гл. 1, ст. 15, 16).

Таким образом, догматы исходного христианства – от Нагорной проповеди Христа и заповедей блаженств Нового Завета – принципиально расставляют добро и зло по своим местам: добро от бога – истинная жизнь социального христианина, зло от дьявола – индивидуальная жизнь преступившего Заветы человека. В этом, кстати говоря, кардинальное отличие христианства от зороастрийства и сект наподобие манихейских, где добро и зло суть равносравнительны...

Опять же – прямой путь от первородного христианства к современному коммунистическому воззрению.*

После прошествия «темных средних веков», опять же после изобретения книгопечатания, то есть с началом европейского литературного процесса, тема магов-поборников дьявола становится наиважнейшей: с одной (церковной) стороны – «Молот ведьм», с другой, более широкой, как народной, так и антиклерикальной – легенды с праобразом магов, коими становятся продавшие дьяволу свою душу люди; как правило – незаурядные личности.

Но вот феномен Фауста и именно в Германии? – А здесь припомним, хотя бы из курса школьной истории, каким было это время – первая половина, даже первая треть, XVI века, когда и появился реальный доктор Фауст и ле-

* См.: Яшин А.А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А.И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.– М.: «Московский Парнас», 2018.– 506 с., ил. (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

генда о нем (см. выше). Правильно – в немецких землях объявился другой доктор – по части богословия, – доктор Мартин Лютер, грандиозные деяния которого и породили доктора Фауста. Конечно, попутно породили, как следствие сдвига мотива на цель, выражаясь в терминах науки психологии.

Реформация – великий раскол западно-христианской, католической церкви – ударил «с севера» оплот католицизма в тогдашней Европе – Священную римскую империю германской нации (ее официальное название) именно в тот момент, когда Османская империя «с юга» объявила газават Европе, создав пиковую опасность для Германии, понимаемой расширенно. Войска султана Сулеймана I Кануни захватили Буду (тогда Пешт был еще отдельным городом) и сделали Венгрию своим вассалом, а затем вплотную подошли к Вене.

Таким образом, прибитые Мартином Лютером 31-го октября 1517-го года к дверям Виттенбергского собора своих девяносто пяти тезисов против индульгенций, что и было символическим началом Реформации, во многом подвигли и скорую Крестьянскую войну в Германии (1524–25), вождь и идеолог которой Томас Мюнцер активно поддерживал Реформацию. Фр. Энгельс особо подчеркивал, что в своей направленности Крестьянская война вместе с Реформацией и свершили первую из трех (другие в Англии и Франции) великих европейских буржуазных революций. А итоги ее, как социальные, так и религиозные – отпадение от папской власти (со временем) почти всей Германии и Северной Европы, от Англии до Скандинавии и Прибалтики, – во многом «обязаны» натиску османов на Европу и именно в ареале Священной империи. Вот и говори после этого, что История чуждается фольклора, дескать, мил черт одному сатане...

Итак, на фоне беспокойной жизни в немецких землях первой половины XVI века, когда теснейше переплелись все коллизии, противостояния в религиозной, социальной и экономической ипостасях, как черт из табакерки, вполне своевременно и явился праобраз Фауста. В многочисленных и многомудрых исследованиях о происхождении народной книги (легенды) акценты

ставятся различные, порой и прямо противоположные: вроде как реакция вновь возникшего протестантизма на старую римско-католическую власть, продавшую душу дьяволу, от царства небесного через власть – и корыстолюбие пап и кардиналов – перешедшую к телесному, земному устройению. Проще говоря, вместо церкви божьей устроившей *status in statu*, государство в государстве, слившейся с властью земной. И обратное мнение присутствует в таких комментариях фаустиад: дескать, Фауст, поскольку он всегда (за исключением такого у Лессинга, см. выше) терпит поражение в своем богоборчестве, есть реакция-образ «догмата» на «апокриф», говоря языком церкви.

Имея свое мнение – не потому что все идут не в ногу и пр. – во главу поставим все же реалии немецкой буржуазной революции с религией нового, буржуазного класса – Лютеровым (далее – и в особенности! – добавился Кальвин) протестантизма. Праобраз Фауста как раз попал в прокрустово ложе двух реалий протестантизма: первоначальная религия души, но не церкви-учреждения (римское католичество), и явно противоречащая ей практика «освобожденного человека» в первоначальном накоплении капитала; как сейчас принято говорить: ничего личного, только бизнес! То есть это ложе между <первоначальным> лютеранством и кальвинизмом – истинной религией-идеологией буржуазной формации. И праобраз Фауста, таким образом, явился двояким литературным символом: а) в исторически-временной конкретизации – «человек нового времени» (как нынешний «новорусский»...), решивший освободиться, даже с помощью дьявола, от религиозно-феодалных «пут совести и морали», надеясь в своем индивидуализме обрести полное знание, с которым он пока не знает – ведь идет только созревание буржуазности! – что делать? б) в устоявшейся исторически-временной литературно-философской традиции праобраз Фауста был определен выше в сформулированном «кредо» Томаса Манна в «Докторе Фаустусе».

Итак, круг определенный замкнулся, для чего нам и понадобилось столь пространно остановиться на символизации Фауста и его исторической обусловленности.

Отметив самоочевидное, что величайшим по философской образности Фаустом в мировой литературе стал Великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского, перейдем-таки к «Доктору Фаустусу».

◆ Если в «Фаусте» Клингера, как уже было замечено выше, сюжет и фабула иносказательно соотнесены с книгопечатанием (см. выше высказывание Льва Толстого в интерпретации Л.Д. Троцкого), то у Томаса Манна уже без всякого «намёка» они объективированы на музыкальном творчестве. Подзаголовок книги прямо говорит об этом, как и ее 600-страничное содержание. Более того, после первого издания книги чуть ли не с судебным иском к автору «Доктора Фаустуса» обратился известный теоретик музыки, создатель двенадцатитоновой (додекафонической – отсюда обидная «какофония» и пр.) системы композиции Арнольд Шёнберг с обвинением в интеллектуальном воровстве – плагиате по принятой политкорректности. Действительно, вся глава XXII романа посвящена – в форме беседы двух персонажей – литературно-адаптированному изложению сущности двенадцатитоновой системы, причем без единого <во всей книге> упоминания имени ее автора. Более того, на всем поле действия романа из жизни музыканта, композитора импульс его творчества и развития своего композиторского Я базируется на теории Шёнберга. Но Томасу Манну удалось изящно-ловко, но в то же время совершенно искренне, «отбиться» от тяжкого обвинения. В понятийной речи это звучит так: да, уважаемый Арнольд, для романной конкретности я взял вашу, не менее уважаемую, систему ... фонии, но не мог же я упоминать вашу достославную фамилию, коль скоро именно использование такой системы моим персонажем и было условием его договора с дьяволом (!) Словом, по русской поговорке: кто зла отлучится, тот никого не боится... Но, не будя лихо, пока оно тихо, во всех последующих изданиях <и на русском языке тож>

Томас Манн на последней странице романа указывает на первоавторство Шёнберга в создании додекафонии.

Перед каждым, кто пишет о «Докторе Фаустусе», вполне резонно встает вопрос, занимающий и автора этого очерка. Предыстория здесь следующая. Первое мое чтение романа пришлось на время инженерной молодости, чуть ли не в год поступления в Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР (так он тогда официально именовался). И с тех пор, по сей день включительно, во многом специально заводя разговор о великом романе, не встретил *ни одного* читавшего «Доктора Фаустуса» (?) А разные собеседники попадались: однокашники по Литинституту, сплошь в советское время читающая молодая <и не очень> инженерная братия, представители самых разных профессий и увлечений, конечно же, и братия пишущая – и не без успеха пишущая! Понятно, что здесь можно было и не упоминать литинститутских однокашников, ибо на рубеже 70–80-х годов они подчеркнuto гордились «от – сохи – происхождением» (даже если и имели степень кандидата наук – не редкость на заочном отделении), а хорошим тоном полагалось читать только и исключительно «шестидесятников» и «деревенщиков». А поэты и вовсе берегли зрение («чукча не читатель, чукча – писатель» – из знаменитого литанекдота). Но остальных-то в разы больше встречалось!

...Чтобы не было обидно за «Доктора Фаустуса», добавлю: не встречал и читавших «Волшебную гору» и «Иосифа и его братьев». Нобелевских «Будденброков» тож. Уже и не помышляю говорить о Марселе Прусте и «Улиссе» Джойса.* И это мы говорим о времени «самой читающей в мире страны», что и было правдой. О нынешнем времени – в этой, равно как и в других частях – грустно промолчим.

А все сказанное о «резонном вопросе» к тому, что пишущий о «Докторе Фаустусе» рискует попасть в ситуацию разговора... впрочем, следуя нынеш-

* Обычная отговорка (до начала массового «книгопечатания» в 90-е годы), что-де «В поисках утраченного времени» и «Улисса» «коммуняки запрещали печатать», – это для ленивых. В любой библиотеке статуса обласной имелись и тома Пруста, вышедшие в 30-е годы, и годовые подшивки журнала «Интернациональная литература» (предшественник послевоенной «иностраники»), в номерах которой за 1934–35 гг. печатался «Улисс». Никто их не сжигал и в спецхран не упрятывал...

ней архитолерантности и мегаполиткорректности, не будем все поминать людей с дефектами слуха и зрения. Словом – такого вот разговора. Но и мы, не хуже чем Томас Манн перед Арнольдом Шёнбергом, вывернемся перед <не> читателем «Доктора Фаустуса», сосредоточив все внимание на современной, двадцатого века, фаустиаде и раскрытию Томасом Манном ее содержания в терминах (речь идет о широком, не специализированном понимании этого слова) метафизики, интуиции и мистики, без которых традиционно и по сути никакая праобраз-фаустиада состояться по определению не может...

◆ Если все же по ходу изложения нельзя не коснуться сюжетно-фабульной организации романа, то только по той причине, что она многопланова – в отличие от всех предшествующих фаустиад.

Первый план (in primitive), сугубо реалистический, суть жизненный путь композитора Адриана Леверкюна, рассказываемый – это и есть сюжетное содержание романа – его <единственным на всю жизнь> другом Серенусом Цейтбломом, добропорядочным по немецким меркам гимназическим учителем-латинистом, человеком традиций и своей семьи, хорошо – если не глубоко, и так можно сказать – чувствующим и понимающим классическую музыку. Оба дружески знакомы со школьных лет, проведенных в своих бюргерских семьях в старинном средневерхненемецком (и сам Томас Манн из тех земель, из ганзейского «вольного города» Любека) городке Кайзерсашерне – название вымышленное, – который и на пороге XX века выглядит как и во времена Реформации и Крестьянской войны. Цейтблом не оставляет свою дружбу с Леверкюном и после окончания (он на два года раньше выпустился) гимназии: «пересекается» с ним в университете Галле, в других местах Германии и Швейцарии, а последние почти два десятка лет жизни композитора в деревушке близ Мюнхена часто его навещает. И насыщенная их переписка. Время жизни Леверкюна – последнее десятилетие XIX века и еще сорок лет в последующем столетии, из них завершающие десятилетие без большого – полностью клиническое, но не буйное, в домашних условиях,

отъединение от реальной жизни. Естественно и от музыки. Значит время действия: созданная Бисмарком Германская империя, Веймарская республика и Третий Рейх, то есть от «железного канцлера» до бесноватого канцлера-фюрера.

Сопоставительным является второй план: Цейтблом («руками и головой» Томаса Манна) пишет свои воспоминания-биографию Адриана Леверкюна, уволенным от гимназической своей должности в тридцатые годы (за какие грехи? – не сообщается), во время Второй мировой войны, ближе к ее окончанию и завершает повествование падением Берлина. Суть сопоставления – от первой до последней главы романа – фаустиада Адриана Леверкюна, завершающаяся полным его безумием, и фаустиада гитлеровской Германии, понятно чем заканчивающаяся.

Метафизический план, не отделимый существенно от интуитивного, есть художественное исследование сущности праобраза Фауста, не важно, проявляющегося ли в сугубом индивидууме (Адриан Леверкюн), в социуме (Третий Рейх), в искусстве (музыка и композиторство Леверкюна), в иных сторонах социумной и индивидуальной жизни (это от главы к главе романа при чтении следует проследивать).

Мы вовсе не «для красного словца» в начале очерка неоднократно обращались к мистике, ибо она есть непрменный атрибут фаустиад и движитель сюжетно-фабульной линии подспудно. Это как шлюпка (извините, как человек военно-морского воспитания, не употребляю слова «лодка»...) с гребцами, движущаяся к тому же по течению: гребцы двигают веслами сюжетно-фабульное содержание романа, а <с берега зрителями> не замечаемое течение еще более мощно несет своими водами содержание к поставленной автором художественной сверхзадаче.

Итак, мистический план выполняет роль течения даже в столь объективно-реальном произведении, каковым является роман Томаса Манна. Мистическим является и само идейно-смысловое построение романа по типу «матрешки»: реалистическое произведение, использующее праобраз леген-

дарного Фауста для художественного обобщения философии Ницше (не упоминая ее в романе) с ее «распадом на афоризмы» и только, причем такое обобщение в сюжете и фабуле проводится через образ композитора, <создающего в романе и> использующего музыкальную систему Шёнберга (не упоминая его в книге). Точно, мистическая «матрешка»!

...Кстати, возвращаясь – по сути дела! – к сказанному выше о <не> читателях «Доктора Фауста». Здесь еще одна обычная оговорка: музыкальная специфичность романа – и как ее читать без принадлежности к этой форме искусства? – Грубоватое возражение: а детективы с описанием хитроумных убийств читаете «на раз-два», будучи мирнейшими любителями диванно-кухонного уюта? А если серьезно, то для чтения романа вполне достаточно школьных, во всяком случае советского периода, уроков музыки, конечно, при условии, что к таковым имелся познавательный интерес, а также не быть профаном в части классической музыки – слушать ее по жизни, а прочтя в «Докторе Фаустусе» о сравнении творчеств Римского-Корсакова и Брамса, на досуге все же прослушать по паре опусов того и другого, придя к определенному выводу. Как, например, мы это делаем в сопоставлении Вагнер – Бородин, и Чайковский – Григ. Однако, вернемся к мистике, пронизывающей внешне сугубо реалистический роман Томаса Манна.

♦ Даже сам «акт» соглашения Адриана Леверкюна с дьявольской силой представлен – как бы поизящнее выразиться? – в форме «мистического реализма», есть бред наяву композитора, мозг которого уже в полной мере поражен – при норме внешней, физиологической и сохранении (более того – взлете!) творческой жизни. Этот разговор с дьяволом имеет в литературе во многом схожего предшественника: глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. Надеемся, что у Достоевского то поболее читателей...

В беседе Леверкюна с дьяволом мистическое его содержание передается реальностью: как болезнь мозга, так и содержание этой «беседы» – оба, Леверкюн и вызванный им силою болезненного воображения дьявол, подшучи-

вают даже над мистикой фаустиад. Дескать, прошли те славные времена, когда наши с тобой предшественники скрепляли договор о продаже бессмертной души распиской кровью на пергаменте. И даже легкую перебранку меж собой устраивают: Леверкюн подсмеивается над *vis-à-vis*, мол, это мой <больной> мозг тебя сконструировал, так что не воображай себя моим хозяином! Итак далее – все в оболочке реальности, даже тяготеющей от субъективности к объективизации.

Столь же реален (куда еще реальнее, куда денешься от *Geschlechtskrankheiten* – дурной болезни, как бы сказали немцы?) и источник главной мистической линии, договора Леверкюна с дьяволом. Как и Ницше – уже в полной реальности, – Леверкюн в молодые годы случайно (козни дьявола) попадает в бордель, но тотчас в ужасе бежит из него, запомнив лишь проститутку, что дотронулась до его плеча. Так возникает мистический лейтмотив договора с дьяволом, который Леверкюн обозначает образом *Hetaera esmeralda**. И отныне во всех его произведениях Гетера Эсмеральда в буквенном символе *heae es*, представляемом в додекафонической системе <гармонии и контрапункта>, обозначает факт договора Фауста – Леверкюна с дьяволом.

Начинающий композитор сам стремится в объятия дьявола, разыскивая ту Эсмеральду, находит ее в другом городе и, несмотря на ее предупреждение, заражается сифилисом. В мистическом плане это и есть начало действия договора с дьяволом. А последний всяческими, но реалистически убедительными (смерть одного врача-венеролога, арест другого) средствами препятствует излечению уже *своего пациента*, быстренько – все же недолгим общением Леверкюна с врачами – заглушая первичные признаки сифилиса, «проскакивая» вторичную стадию и загоняя болезнь в мозг – третичная фаза, вяло текущий, но с годами набирающий разрушительную мощь сифилитический менингит. Итак, дьявол – до полного безумия *своего пациента* – дарует Леверкюну двадцать четыре года полной, ничем не стесненной творческой

* Классификационное название (лат.) большой тропической бабочки; буквально «Изумрудно-зеленая блудница».

жизни, а в обмен тот создает свою двенадцатитоновую систему музыкальной композиции, создает величественные и страшные произведения, в итоге... разрушающие саму музыку. – В том ее вселенском, надчеловеческом качестве, как ее определил Шопенгауэр (см. выше).

Мистический дьявол «опекает» Леверкюна все эти двадцать четыре года, не давая тому ни на йоту отвлечься в обычных мирских делах и чувствованиях от «стратегии дьявола»: руками выдающегося композитора разрушить феномен музыки. Понятно, вся эта «опека» суть сплошная реальность жизни: нелепо, из-за женской ревности, погибает его единственный (речь не о Серенусе Цейтблуме – тот просто *по жизни* единственный друг) друг в сфере музыкальной; так же нелепо он не может соединить свою жизнь (в третичной форме сифилис не заразен) с единственной женщиной, которую он полюбил. Последний удар: в пятилетнем возрасте от детского менингита (созвучие болезней!) умирает его племянник Непомук («Эхо» – как сам себя называл малыш, и музыкальное эхо становится доминирующим в симфонических произведениях Леверкюна...), к которому композитор единственный раз в жизни почувствовал отцовскую привязанность. Леверкюну теперь остается только его вершина творчества, оно же разрушение музыки, и полное безумие: ни людей, ни нот, ни звуков он более не узнает.

◆ Еще в юные годы Адриан Леверкюн ставит перед собой задачу, уже осознавая свою полную принадлежность к грядущему музыкальному творчеству: создать систему композиции, органично объединяющую вокал и инструмент, гармонию, контрапункт и полифонию, вершиной практического воплощения которой у него, у Леверкюна, станет создание произведения, равного, или даже превосходящего, Девятую симфонию Бетховена с ее вокальным окончанием «Ода к радости».

В романе означены этапы продвижения Леверкюна к цели жизни. Укрупненно они обозначены созданием знаковых произведений: «Апокалипсис» с его возвратом от гармонии к полифонии; «Чудеса Вселенной», в котором <перечисляемые в романе> цифры космоса, космологические константы,

как принято говорить в астрономии, отображены в точной, математически рассчитанной композиции*; наконец, вершина творчества Леверкюна – симфоническая кантата «Плач доктора Фаустуса».

Творческий метод Леверкюна поясняется на примере «Апокалипсиса»: *«Хор и оркестр не противопоставлены друг другу четко, как человеческое и вещественное, – они растворены друг в друге: хор инструментирован, оркестр же вокализирован до такой степени, что фактически грань между человеком и вещью как бы стирается; это сделано намеренно и, несомненно, способствует художественной цельности, хотя – для меня во всяком случае – здесь есть что-то тягостное, опасное, недоброе»* (выд. нами. – А.Я.) (С. 430–431; здесь и далее цит. по изданию «Доктора Фаустуса», означенному в сноске выше). Это Серенус Цейтблом говорит о своем восприятии произведения своего друга.

Музыка – время – дьявольское искушение; сказано откровенно: *«В наш век не пройти правым путем и смиренномудрому; искусству же и вовсе не бывать без поущения дьявола (выд. нами. – А.Я.), без адава огня под котлом. Поистине, в том, что искусство завязло, отяжелело и само глумится над собой, что все стало так непосильно и горемычный человек не знает, куда ж ему податься, – в том, други и братья, виною время»* (С. 567). – Это уже исповедь Леверкюна за считанные минуты до его внезапного, полного и окончательного безумия. Исповедь перед созванными им в свою деревушку близ Мюнхена (опять подчеркнуто – *Мюнхен*, город, где фюрер подписал свой договор с дьяволом – это в плане сопоставительном; см. выше) гостями, всеми теми, с кем жизнь его так или иначе сталкивала. Созванными для прослушивания его нового произведения, имя которому – разрушение музыки, ибо после насторожившей всех исповеди Леверкюн успел только тронуть пару клавиш рояля – и был унесен дьяволом в небытие безумия...

* Литературный аналог такого «оцифровывания» – композиция «Улисса» Джеймса Джойса, где все линии развертывания сюжета этого романа, по объему лишь малость уступающего Библии, строго математически рассчитаны...

Потому-то вершиной творчества Леверкюна остается симфоническая кантата «Плач доктора Фаустуса», написанная как антипод Девятой симфонии Бетховена. Именно – антипод, хотя в своей жизненной (двадцать четыре года по договору с дьяволом) программе он предполагал лишь соревновательность с главным произведением Бетховена. И «Оде к радости» он противопоставил музыкальную вокализацию «Оды к гибели и распаду», как это можно назвать. И Цейтблом, завершая свою книгу воспоминаний о друге и композиторе Адриане Леверкюна, пишет о «Плаче доктора Фаустуса» под грохот последних дней войны, ассоциируя эту симфоническую кантату с гибелью той национальной идеи, которую Германия (не в одиночку же Гитлер шесть лет воевал со всем миром?) избрала, подписав кровавый договор с дьяволом. *«Эти слова: «Гибну как дурной, но добрый христианин», – составляют главную тему вариационного творения Леверкюна. Двенадцать слогов в этой фразе. Им соответствуют все двенадцать (выд. нами. – А.Я.) тонов хроматической шкалы; в ней применены и использованы всевозможные интервалы.*

...Эхо тождества уже не знает ничего нетематического, в нем тотально господствует порядок материала, так что внутри его идея фуги становится чем-то бессмысленным: все равно ни одной свободной ноты уже не существует. Но этот порядок отныне служит более высокой цели, ибо – о чудо, о сатанинская шутка! – именно благодаря абсолютности формы музыка как языковое выражение обретает полнейшую свободу» (С. 554, 555).

Но полнейшая свобода, как категория на стыке метафизики, интуиции и мистики, как идея, доведенная до совершенства, суть абсурд и разбивается о логику, хотя и «скучную» (см. эпиграф к очерку), Гегелевой диалектики, где свобода есть осознанная необходимость. Этот логико-философский приговор «идеи Фауста» сам Леверкюн проводит лейтмотивом *he a e e s – Hetaera es-meralda* в своей музыке – символом договора Фауста с дьяволом. Сам фон, окружение Леверкюна оттеняют мрачный итог жизни композитора – с пре-

обладанием темы безумия и самоубийств.* «Ландшафтность» (в широком понимании) развертывания сюжета «Доктора Фаустуса» заставляет вспомнить специфику генофенотики Томаса Манна: отец его, купец-сенатор из вольного (ганзейского) города Любека с особым типом немецкого характера, а мать с бразильскими корнями. Не отсюда ли отзвуки сугубо латиноамериканского магического реализма? – Сопоставьте с романом Маркеса «Сто лет одиночества»...

◆ Для принятой краткости очерк озаглавлен как «новое прочтение вечной темы», но таковое <название>, *a fortiori* (исходя из более весомого, лат.), не отражает глубинную сущность романа Томаса Манна. Определение «новое прочтение», имманентное фаустиадам Клингера, Кристофера Марло и Лессинга (о его трагедии «Фауст» можно судить только по дошедшим до нашего времени отрывкам), не совсем уместно по отношению к «Фаусту» Гёте и «Доктору Фаустусу» Томаса Манна – особенно последнему. Если у Гёте достигнута высшая степень философского обобщения, то у Манна таковое перетекает за пределы метафизического – в диалектику социумного человеческого бытия и за полстолетия с лишком *интуитивно* предугадывает наше текущее время перехода биосферы Земли в ее новое биогеохимическое (по акад. В.И. Вернадскому) качество *ноосферы* с неизбежным этапом *глобализации*. Это сейчас все на слуху, что называется, посмотри в окошко... а там тебе не лукошко дадут, но услышите тяжелую, железную поступь Великого глобализатора, старшего брата уже кажущегося безобидным шалуном Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых» нашего величайшего провидца Ф.М. Достоевского... Ноосферизация и глобализация суть завершающая эпоху *человека биологического* грандиозная фаустиада, но это за пределами темы настоящего очерка.** Мы же остановимся в его завершении на таком факторе глобализации, как всеобщее *оцифровывание* мышления человека, замена

* Явно перенос фактов своей биографии: две сестры Томаса Манна покончили жизнь самоубийством; видимо таковые недуги в семье Маннов шли по женской линии, не коснувшись трех братьев, из которых два стали выдающимися писателями.

** Развертыванию ноосферы и этапу глобализации посвящена наша серия монографий (на сегодняшний день издано 16 томов) «Живая материя и феноменология ноосферы» – различные издательства Москвы, Твери и Тулы; в электронной форме см. на различных сайтах (trinitas.ru; pz.tula.ru и др.) по поисковику.

знания информацией. Здесь прямая связь с «Доктором Фаустусом», коль скоро разработанная Леверкюном (то есть Арнольдом Шёнбергом и далее британским теоретиком музыки Теодором Адорно) двенадцатитоновая музыкальная система композиции и доведенная им в своих позднейших произведениях, особенно в «Плаче доктора Фаустуса», до полного совершенства, «полнейшей свободы» (см. цит. выше), есть *оцифровывание музыки*. Прimitивная аналогия: это как периодически, в двадцатые, в пятидесятые и пр. годы прошлого века, вспыхивал в нашей стране любительский интерес к научению игры на гитаре «по цифровой системе». Даже популярные пособия и публикации в молодежных изданиях на эту тему появлялись. То есть полностью лишенный музыкального слуха человек, совершенно не знающий нотной грамоты, глядя в таблицу цифр, имитирует аккорды и в их последовательности мелодию... Равно как современный же автолюбитель производит починку своего авто, совершенно не разбираясь в его конструкции (да это ему и не требуется!), пользуясь видеофильмом в поэтапным показом последовательности и операций починки на экране своего планшета или смартфона. Это и есть глобальное оцифровывание, замена знания и мышления сугубой информацией, а в итоге – *расчеловечивание* человека и всего социума. Такое содержание процесса глобализации вовсе и не скрывается его тайными (тайными ли?) мировыми вершителями. Один рекламный девиз «От слова к цифре» все объясняет...

Оцифровывание музыки, то есть ее формализация, идет в параллель с навязыванием такого же качества остальным видам искусства: абстрактная живопись, сценические искусства с упрощением антуража навроде Отелло в «одежде О'Нил» на фоне вкаченного на сцену «мерса» рекламируемой в зоне модели... а про литературу читающие этот очерк и сами все знают без подсказки.

Понятно, что процесс глобализации с его расчеловечиванием, в искусстве тем более, не на пустом месте зиждется, не включился где-то на рубеже 80–90-х годов прошлого века таким релейным щелчком, но, согласно зако-

нам биоэволюции и вообще эволюции, готовился исподволь. Просто эволюционное движение следует экспоненциальному закону возрастания <любого> качества, то есть столетние, даже тысячелетние медленные, не осознаваемые изменения качества с эффектом внезапности «вдруг» в считанные десятилетия, а далее и годы, неимоверно возрастают – далее «срабатывает» диалектический закон перехода количества в качество.

Также и с оцифровыванием, то есть формализацией, музыки. Без привязки к системе Шёнберга – Адорно в отечественном музыкальном искусстве достаточно указать линию: Стравинский → Шостакович → Шнитке (при всем уважении к их творческой индивидуальности...) – и все становится понятным.

Формализуемая, оцифровываемая музыка есть существенный элемент в расчеловечивании. Цейтблом в «Докторе Фаустусе», анализируя композичество Адриана Леверкюна, постоянно отмечает все большее возрастание ощущения слушателем невольного страха. Действительно, в современной (называть ее «серьезной», «классической» – язык не поворачивается... скорее всего – серийной) музыке подбором – рассчитанных «по цифрам» – тонов, ритмики, «вокализированной инструментировки» (в романе), особенностей контрапункта, использованием инфранизких частот и пр. не сложно достичь эффекта пугающего, страшного для уха человека. Сразу вспоминаются «временно раскрепощенные» девяностые годы, в каковые на телеэкранах часто показывали особый вид фильмов, как правило, скандинавского, североевропейского производства, обычно для контрастного подчеркивания снятых в черно-белом варианте. Сюжеты таковых, убийства, доля извращенчества, психопатология и пр., как раз и сопровождалась описанной выше «страшной музыкой», подавляющей в зрителе-слушателе традиционные морально-этические чувствования. И если хрестоматийного Владимира Ильича расслабляла, отвлекала от задач революции «Лунная соната», то современная серийная, оцифрованная, формализованная музыка прямо, целенаправленно, главное – санкционировано, расчеловечивает. И это все суть содержание

«Доктора Фаустуса», сдвинутое в наши дни. На примере продажи бессмертной души дьяволу за двадцать четыре года «полнейшей свободы» композиторства с расплатой в виде полного безумия.

Итак, глобализация с ее оцифровыванием и расчеловечиванием есть свершающаяся на наших (увы! – нет ни одного поколения без катаклизмов...) глазах грандиозная фаустиада. Томас Манн о таком масштабе еще не помышлял, справедливо – для его времени жизни и творчества – полагая, что национал-социалистическая идея, воспринятая Германией и есть величайший в истории договор с дьяволом. Но на примере формализации музыки он предугадал нынешнюю нашу глобализацию – хотя бы пока и в ареале искусства.

Глобализация и последующая ноосферизация есть завершение эволюции человека биологического, после чего произойдет его виртуализация – царство автоматов, а знание и мышление перейдут в «чистую» информацию. Таково завершение фаустиады человечества, которое на заре своего оразумления «подписало» договор с... неудобно социальную эволюцию отождествлять с дьяволом. Согласно ему, человечеству отведено десять тысяч лет эпохи цивилизации и культуры, в которую человек, то есть самоосознающее себя мышление, заключенное в биологическую оболочку, достигнет вершины разума и знания. Но – неумолима расплата за такой щедрый дар, и, согласно римскому праву, неизбежен *judicium imputans* (вменяющее суждение, приговор, лат.) – переход от человека биологического к его виртуальному «слепку». И все это есть сугубое следование необсуждаемым законам эволюции. Социальной эволюции в частности. Увы, мавр сделал свое дело, но вселенская эволюция неостановима.

... Д.С. Мережковский сто с лишним лет назад писал в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский»: «... *Человек ... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся ... вместе с тем предчувствует, что он, человек, – не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только*

путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу».

На этом поставим *point sur les «i»* в нашем видении великого произведения Томаса Манна.

РАВНИНА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Интервью с главным редактором журнала

«Приокские зори» Алексеем Яшиным

– Алексей Афанасьевич! Вы даете интервью в преддверии скромного, но – юбилея: 15-летия всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Почему он начал выходить именно в середине 2000-х годов и именно под таким названием?

– Названные вами годы стали в определенном смысле сакральными: именно тогда почти одновременно начали выходить «новые» русские литературные журналы, что сейчас, без обиняков говоря, и осуществляют всероссийский литературный процесс, который ныне «прирастает провинцией». И не зря некоторые из них издаются под эгидой Союза писателей России, а наш журнал еще и Академии российской литературы. Назову некоторые из них: «Московский Парнас», красноярские «Истоки», «Северо-Муйские огни» в Бурятии, омский «Иртышъ – Омь», журнал русских писателей в Белоруссии «Новая Немига литературная», алтайские журналы «Бийский Вестник» и «Огни над Бией»... Перечисление можно продолжить. Как объяснить эту *одномоментность*? – Видимо, говоря в терминологии Льва Гумилева, это был пассионарный взрыв (надеемся оптимистично что не последний...) в отечественной литературе. Как здесь не вспомнить слова Пушкина из письма к Вяземскому: *«Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...»* Ибо журнал суть главный организатор и движитель литературного процесса. А название? – Но ведь мы живем именно *при Оке*, которая с запада и севера окаймляет Тульскую область.

– *Окский край дал много звучных имен в русской литературе...*

– Поправлю: великих имен, и не просто много, но большинство. Самая русская река Ока от орловских своих истоков в центре Средне – Русской возвышенности в течении своем до Мещерской низменности стала магнетиче-

ской *равниной русской словесности*, «впридачу» дав великолепие природы, гимном прозвучавшее в произведениях Тургенева, Бунина, Лескова, особенно у Гоголя в сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ». Вне всякого сомнения, силовые линии этого магнетизма пронизывают и страницы нашего журнала. Для того и стараемся.

– *Сразу, Алексей Афанасьевич, возникают два взаимосвязанных вопроса: «Приокские зори» – прямой продолжатель традиций «равнины русской словесности»? А как такая историческая география и литературный традиционализм соотносится с сегодняшними авторами журнала?*

– На первый вопрос последует утвердительное «да». Наш журнал программно следует целям, содержанию и заветам великой русской классической литературы, продолжавшимся в литературе советского периода истории России. Поощряемый творческий метод – новый русский критический реализм, сущность которого изложена в одноименном нашем манифесте, опубликованном в ряде литературных изданий. Потенциал критического реализма далеко не исчерпан, в том числе в нынешний, зловещий для творческой чувственности еще традиционного, не ставшего придатком телекоммуникационных сетей человека, период глобализации. Увы, он предусмотрен социальной эволюцией, как переходный от биосферы в новое биогеохимическое качество Земли – ноосферу (по В.И. Вернадскому). Пагубность глобализма для словесности состоит в переходе от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому, то есть «от слова к цифре» – оглянись вокруг...

Тем более этот потенциал реализма не канул в Лету для русской литературы, ибо наша страна во многом еще верна традициям православной, она же социалистическая, морали и несколько «хмуро» относится к всеобщему оцифровыванию мышления и всяким перекосам в оном. Вспомним слова выдающегося (как публицист) прозорливца Льва Троцкого о том, что России вечно суждено торопиться по сокращенным европейским учебникам...

Итак, наш творческий метод объяснен, а «как быть» с авторами «Приокских зорь»? Коль вспомнили об «иудушке», то можно бы было в антитезе со-

слаться и на слова Генералиссимуса: «Других писателей у меня нет». Но ведь одно дело констатация, другое – побуждение в самой организации литературного процесса: на то он и журнал, что, в отличие от сборников, антологий и альманахов, суть *коллективное произведение*, где каждый номер в определенном смысле имеет сюжетную организацию и литературную идейно-смысловую направленность. Во всяком случае мы к этому стремимся полтора десятка лет. Главное, уже сложившийся во многом круг наших постоянных авторов это интуитивно осознает. Этой же интуицией не обделены все вновь притекающие к нам прозаики, поэты и публицисты.

– *Полагаю, Алексей Афанасьевич, теоретико-литературную часть «Приокских зорь» вы кратко, но предельно содержательно объяснили и обосновали: ведь за вами пятнадцатилетний опыт редактирования «толстого» литературного журнала, три десятка прозаических книг, в основном изданных в Москве, свыше пятисот публикаций в литературной периодике, полтора десятка всероссийских, белорусских и международных литературных премий, за вашими плечами Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР... впрочем, все это читатель найдет в вашей персоналии в Википедии; кстати, там же и статья о «Приокских зорях». Поэтому позволительно перейти , так сказать, к «практике». Ведь у журнала очень значительная инфраструктура?*

– По родителям своим я потомственный крестьянин, а у рачительных из них (не кулаков – мироедов!) должно иметься небедственное хозяйство: крепкий дом с дворовыми постройками, обязательно два коня – для пахоты и для выезда, непростаивающая земля, весь набор потребной живности... К тому же наследственная, генетическая рачительность дополнена заполярной осмотрительностью и военно-морской воспитанной дисциплиной: отец Афанасий Андреянович двенадцать лет служил на Северном флоте, включая Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Было с кого пример брать.

По аналогии с таким хозяйством создавалась и инфраструктура журнала, который издается вовсе не сам-один. У «Приокских зорей» три своих альманаха: литературно-художественный «Ковчег» (главред Яков Шафран) и два музыкально-поэтических: «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главред Сергей Сенин); последние выходят с периодичностью три выпуска в год и с нотными текстами – для исполнителей. За десять уже лет издаются авторские книги и сборники в сериях «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори». Счет изданных книг в каждой из серий перевалил за полусотню. «Знаком качества» журнала полагаем вступившую во второе десятилетие существования всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н.С. Лескова, ежегодно присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации в «Приокских зорях». В разные годы лауреатами были названы такие известные писатели, как Леонид Иванов, Виктор Буланичев, Анатолий Аврутин, Тимур Зульфикаров, Владимир Корнилов, Федор Ошевнев, Владимир Федоров, Игорь Нехамес, Наум Ципис, Олег Зайцев, Игорь Лукьянов, Галина Дубинина, Александр Субетто... хочется – и не без основания на то! – список и дальше продолжить, но не будем огорчать пространностью строк и знаков (с пробелами) редакцию публикующего интервью издания... Не лицемеря скажу: наша премия идет по категории «честная», ибо каждый лауреат узнает о своем таком качестве неожиданно для себя после утверждения редакцией. И еще: она не полагается для руководства журналом, то есть и вашему покорному слуге не украсить лацкан пиджака лауреатской медалью... Среди удостоенных не только авторы из России, но и из Белоруссии, с Украины – в смысле из ДНР, Германии, Монголии и других стран.

Но ведь главное для крестьянина его земля, нива, каковой в нашей аналогии является весь читающий по-русски мир – вот это уже в хорошем смысле глобализм... Мы признательны своим читателям. И на первой странице стоит: «Журнал для читателей».

– Да-а, Алексей Афанасьевич, большое литературное хозяйство вы своим рачением создали. Главное, как апостол Павел изрек: «Не нам, не нам, а Имяни Твоему», то есть великой русской литературе, продолжающейся даже в наши «от лукавого» времена Великого глобализатора, как вы часто указываете в своих уникальных программных «Колонках главного редактора». Но ведь такое большое дело без помощников не сотворишь?

– С осторожностью отношусь к слову «помогать»; нет, семантически здесь подвоха нет, но помогать – все как-то преходяще, мимоходом. Вот делать вместе – это конкретно! Так и у нас вместо института «помощников» суть творческий (и технический – по необходимости) коллектив, как *conditio sine qua non*, говоря на ученой латыни – непременно условие существования, творческой самодостаточности и потенциала дальнейшего развития журнала. Состав редколлегии и редакции складывался «методом проб, ошибок и исчерпанных ходов» почти десятилетие, пока не пришел к нынешнему стабильному «списочному составу». Главное, практически отсутствуют «свадебные генералы» от литературы: все члены редколлегии – из пяти стран, – что называется «с именами», или пока не имеющих таковых, – все при деле в журнале, и все люди творческие, то есть здесь двойной стимул. Но главная моя опора – на заместителей: Якова Шафрана и вас, многоуважаемый Геннадий Николаевич, на редакцию во главе с Мариной Баланюк, на заведующих отделами. Еще раз – все при деле, и это при том, что в редколлегии состоят руководители творческих союзов, главреды и заместители таковых известных литературных журналов, люди других ответственных занятий.

– И последний вопрос, Алексей Афанасьевич: как всероссийский статус журнала остается с тульскими, окскими корнями; наконец, ваше видение новых поколений авторов?

– Тульские, окские корни – это и есть составная часть равнины русской словесности, как мы ее определили. Поэтому вовсе не география, в том числе тульских писателей, которых мы очень даже жалуем... по талантам естественно, определяет авторский состав журнала, но та их, авторов, сопричаст-

ность к традициям русской литературы с учетом современных тенденций и трансформаций, о чем достаточно подробно говорилось в начале интервью. Но вот видение новых поколений авторов – это адекватно прогнозу развития литературного процесса, понятно не в «далеко», как у Маяковского, но всего лишь с отсчетом от времен нынешних. Ибо законами эволюции человеку положен запрет даже на чрезпоколенное «предвидение»... уже поверьте мне, доктору биологических наук.

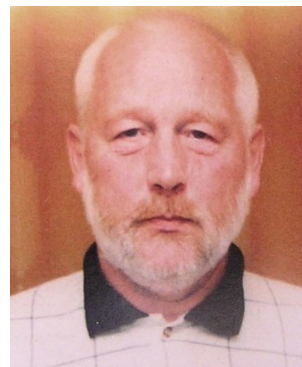
Реальность же такова, что, начиная с последнего десятилетия прошлого века, стремительными темпами происходит «смена вех» (во времена Струве она – это его слова – также имела место быть, но – не глобальная) в отечественной литературе; на смену соцреализму пришел новый русский критический реализм, о чем говорилось выше. Во многом сама литература превращается в «салонный» вид творчества из-за разобщенности его. Как следствие, утрата самого понятия авторитета в писательской среде, без которого происходит своего рода нивелирование талантов и творческих способностей. И если Пушкин прекрасно понимал (см. выше), что организация мощного и всеобъемлющего национального литературного движения невозможна без журналов, так и сейчас, без малого две сотни лет спустя, снова на первый план выступают журналы. Только они могут «на равных» бороться с санкционированным Великим глобализатором литературным нивелированием и словесным бескультурьем. Надеемся, что «Приокские зори» с его программным творческим методом нового русского критического реализма, его «магнетизмом» для творческого совершенствования авторов равнины русской словесности, главное – с нашими замечательными читателями, не последние в рядах этих борцов. *Dixi* – все сказано.

*Интервью брал Геннадий Маркин,
член Союза писателей России*

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

ТВОРЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ГЕНИЯ: ОТ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА К ВЕЛИКОМУ ГЛОБАЛИЗАТОРУ

**К 200-летию со дня рождения великого русского писателя
Федора Михайловича Достоевского (1821–1881)**

У меня две кошки – большой черно-белый кот и черно-желто-белая кошечка; такую кошечку национального цвета я завел для опыта.... Первый признак близкого светопрествления – это, как известно, появление большого числа нытиков, то есть людей, которые все ноют; второй – рождение черно-желто-белого кота.*

А.Н. Энгельгардт «Из деревни: 12 писем, 1872–1887» (7-е изд. М.: Мысль, 1987)

Предвидение ныне уже свершившегося... и о нытиках. Стало давно расхожим утверждение, что все предсказанное полтора века тому назад Ф.М. Достоевским в его художественных произведениях – и особенно в «Дневниках писателя» – с точностью до оттенка мысли сбылось, но... только в части

* Имеется в виду государственный (императорский) флаг Российской империи: черно-желто (золото)-белый триколор. В <исторически достоверных> советских экранизациях русской классики в эти цвета были раскрашены верстовые столбы («только версты полосаты...»).

негативного, понимаемого как уничтожение христианской морали – высшей из имевших место быть сформулированными в период цивилизации и культуры человечества. Всего лишь двух гениев литературы этой морали было отпущено прежде и ныне живущим: Шекспир и Достоевский (перечисляем не в порядке «значимости», но лишь по датам жизни). Равно сейчас мы воочию наблюдаем историческое разворачивание драмы короля Лира и уже полное невосприятие нынешним человеком трагической природы князя Льва Николаевича Мышкина. Увы, но это так: утверждено и припечатано эволюцией человека. Уже свершилось содержание трактата Шигалева из «Бесов»: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать».*

Но создатель учения своего имени – «шигалевщина», как его будут впоследствии именовать видные общественные и политические деятели, философы и литературоведы России и СССР – «длинноухий» Шигалев явно поскромничал, отведя под вершину социальной пирамиды грядущего человечества аж десятую часть. Ныне, уже при свершившемся глобализме, этой вершиной являются считанные проценты, даже доли процента*... Но это поддается объяснению. Устами угрюмого меланхолика Шигалева, который *«заявлялся в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей»*, Достоевский прежде всего выражал тот известный человеческий социобиологический факт, что всего десятая часть (точнее – восемь процентов; см. обоснование в нашей книге «Апология христианства», М., 2018 – в интернете по поисковику) всех людей обладает качеством само-

* См.: Субетто А.И. Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида основ жизни России и человечества на Земле: научно-философский очерк / Под ред. В.Т. Пуляева.– СПб: Астерион, 2021.– 28 с. (А.И. Субетто – видный ученый в области ноосферологии и смежных философских и политэкономических отраслей науки. Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, д-р эконом. наук. Строил космодром в Плесецеке, полковник Космических войск СССР (в отставке).

достаточности мышления, проще говоря о нынешних – не «обучается» телевизором. Сам Достоевский пишет: «Я никогда не мог понять смысла, что лишь 1/10 людей должны получать высшее развитие, а что остальные 9/10 служат лишь материалом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно и что уродливые утопии лишь злы и уродливы и не выдерживают критики. Но я никогда не стоял за мысль, что 9/10 надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская». (Из черновиков к роману «Бесы»).

Но в том-то и заключается великая правда гения, в данном случае гения художественной мысли, что через обыденное, известное, подразумеваемое и пр. он провидчески изрекает *истину*. В данном аспекте Достоевский, исходя вроде бы из известного, социобиологического в человеке, в человеческом социуме, предрек «шигалевщину» – *социальный вирус*, что, выйдя из априорной биоэволюции социобиологической нормы, становится в последующие эпохи империализма и его высшей стадии – глобализма разрушителем этой нормы: от 1/10 → 1/100 → и так далее, то есть разрушителем-регулятором эволюции в том смысле, что, как змея, жалящая себя в хвост в известной масонской символике (масоны все знали о грядущем *светопреставлении!*), социальная эволюция на заключительном этапе империализма уничтожает его, свое же порождение. А зачем она это делает? – Для перехода к следующему своему этапу, уже после полного свершения биосферно-ноосферного перехода*. Шигалевщина же своим девизом несет формулу римского права: *summa jus summa injuria* – высочайшее право есть высочайшее бесправие.

... В эпиграфе к очерку три определяющие слова: светопреставление, нытики и «черно-желто-белый кот». О первом из них уже сказано выше. А

* Довлеющая тема настоящего очерка: этап глобализации в переходе биосферы Земли в ее новое качество – ноосферу (по В.И. Вернадскому). Наша концепция этого перехода в развитии теории В.И. Вернадского изложена в продолжающейся серии монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (на настоящий момент вышло 17 томов). Печатается в различных издательствах: ЛКИ/URSS (Москва), «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета. В электронной форме см. на различных (научных) сайтах – по поисковику. Также и на сайте www.pz.tula.ru журнала «Приокские зори».

вот и о нытиках, которые у Достоевского не обделены вниманием и исполняют некую роль социального фона.

Нытики – это та обязательная составляющая человеческой массы, что поражена социальным вирусом бездеятельного брюзжания. Привычнее ее назвать худшим видом либерализма. Персонаж «Идиота» Евгений Павлович говорит в этой части: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским.– А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».*

Таким образом, для Достоевского либерализм есть, во-первых, необходимая составляющая социума, но во-вторых, «русский либерал... есть не русский либерал», то есть плохо усвоенная калька с европейского. А почему именно плохо усвоенная? – Здесь общий ответ дает Л.Д. Троцкий (кстати, блестящий публицист): *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»* («Литература и революция», 1922). Спешно же наученный чему-либо есть дилетант, то есть источник информационного шума и приемник такового же – в наше время от СМИ, настраиваемых Великим глобализатором, оно же гибридное Тайное мировое правительство, экспериментальным предшественником которого явился у средневековых франкмасонов *Comite permanent universeb* (Союзный совет или всемирная управа). Таким образом, либеральная среда суть боевой отряд, но именно в боевитой пассивности, движитель расползающегося глобализма. Причем эта функции либерализма опять же гибридные, то есть не зависят от исторической традиции конкретного социума. Вроде бы западный либерализм с предшествующей ему двухтысячелетней культурой, что и отмечает Достоевский неявно словами Евгения Павловича, должен бы активно

противостоять нынешнему наглому натиску глобализованной финансовой олигархии мирового империализма... но, увы, его лозунг, кстати говоря, опять же от масонов, *liberte, egalite, fraternite* в единый миг переродился в *liberte, egalite, Charite*, как сейчас сами европейцы иронизируют (здесь игра слов: имеют в виду берлинскую клинику общей терапии Шаритэ, но подразумевают парижскую психиатричку с тем же названием...).

Но возвращаемся к определению Достоевским *именно* русского, беспочвенного, только на шумоизвержение и способного, либерализма. Дополним это определение и высказывание Троцкого услышанным Иваном Карамазовым в горячечном его бреде от черта: *«То-то вот реформы-то на неподготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений – один только вред!»*

Скороспелый, всего-то лишь с полуторавековой – а у Европы два тысячелетия! – историей, от реформаторства царя Александра Второго, двойного Освободителя (русских крестьян с землей и балканских славян от турок), русский по характеру и европейский по спешно воспринятым чужим прописям, отечественный либерализм изначально попал в прокрустово ложе. С одной стороны его обрубают жесткая власть того же самодержавия, а с другой растягивает с вывихами всех конечностей неистребимое желание какой-то абстрактной свободы; все как-то мимо их ушей пролетает железобетонное в своей диалектической правоте Гегелево определение: свобода есть осознанная необходимость. И когда наиболее проницательные русские писатели XIX века, тот же Михаил Булгаков в последующем веке, пишут о затетешканном современным им Прокрустом русских либералах, то опять же нет более четкого определения, нежели данное Достоевским («Подросток»): *«Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...»*

Именно про русских либералов можно сказать, трансформируя известную присказку: вечно не в нужное время и в ненужном месте на свет явились. А потому им остается только ныть и ныть: редко озлобленно, обычно –

тоскливо, а периодами и верноподданно. Как в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу Маслобоев: «– *Насчет леденцов трудно сообразить, – начал он, усаживаясь подле меня на диване. – Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке, – не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того, чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность*».

А русский либерализм в литературе? – Либерал потому склонен к буквописанию, что на слух воспринимать его слова желающих мало, а бумага все стерпит. Федор Михайлович доходит до салтыково-щедринской сатирической язвительности, когда дело касается «либерала в литературе», например: «– *Владимир!.. – шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ... Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей. – А что, душечка, не приказали для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке*». («Бедные люди», из писаний Ратазьева).

В наш, скорбно наступивший, век торжества Великого глобализатора только скороспелый русский либерал не изменил свою натуру: как был нытиком под отеческой опекой Прокруста, там тем и остался. Но что удивительно, так это переход и просвещенного, с тысячелетними традициями вольнолюбия и осознания своей социумной роли (см. выше у Достоевского о необходимости либерализма) европейского либерализма, то что у нас традиционно называют западным, в разряд все тех же нытиков? Великий глобализатор всех и всея уравнивал в правах – правах вечно ноющих (значит, несколько неисправных, в перспективе имеющих место быть вовсе выброшенными) винтиков и колесиков мегамашины эпохи завершающей стадии мирового (см. определения выше) империализма. Так что сейчас Евгению Павловичу и расцеловать публично уже некого будет.

А нытик, по архиверным словам А.Н. Энгельгардта*, суть предвестник светопреставления, каковым в нашем веке положено считать полное торжество Великого глобализатора – с полным подавлением творческой личности и утратой социумом всемирного человеичника (термин А.А. Зиновьева) всех оттенков самоидентификации. Все будут одинаковыми, смугленькими такими (по памяти пишем, не закавычиваем потому) – говорил восторженный интуитивный коммунист Макар Нагульнов в «Поднятой целине» М.А. Шолохова. Завершим этот раздел многозначительными словами Джеймса Джойса: *«Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда»* («Улисс», часть II. Эпизод 9).

... *И все же еще добавим.* Не в качестве <лицемерного> самооправдания, но для откровенного объяснения с читателями: ни себя, ни <очень> многих других, пишущих – а значит и много думающих, размышляющих! – о семимильных шагах наступающего на земной мир Великого глобализатора, даже отдаленно не отношу к либералам *вообще*, тем более к нытикам. Ибо нытик поет на ноту «си» – это где воспоминания о достославных временах, когда сахар был слаще и вода мокрее (хотя бы так и было). Исследователь же глобалистского, самого жестокого этапа биосферно-ноосферного перехода в социально-экономической эволюции Земли, есть опережающий открыватель того будущего, что ожидает нас. Истинный же ученый, философ, мыслитель, даже если думает и пишет эмоционально, тем не менее эмоциям в главном, в предвидении, не поддается. Каким бы это предвидение не являлось. Будущее всегда человеком воспринимается настороженно. А исследователь даже самого безрадостного будущего внутренне холоден и отстранен... как тот участник маскарада: *«Он не снимал маски. По-прежнему странное и горькое*

* Александр Николаевич Энгельгардт – из старинного русского (несмотря на нерусскую фамилию) дворянского рода, выдающийся химик уровня Менделеева, Бекетова, Бородина (композитора тож), петербургский профессор. Сосланный за поддержку студенческих волнений в свое смоленское имение, на его базе создал передовое в России сельхозпредприятие. Книгу «Из деревни» высоко оценили и цитировали Маркс и Ленин, а Сталин рекомендовал ее как настольную всем сельхозруководителям... И отменным публицистом был.

удовольствие доставляло ему – смотреть, не будучи замеченным» (Борис Зайцев «Голубая звезда»).

... Наконец, третье из определяющих словосочетаний в эпиграфе выделим в самостоятельный подраздел.

«Черно-желто-белый кот» у Достоевского. В своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский» Д.С. Мережковский, имея в виду повторяющихся персонажей с эпилептической болезнью в произведениях Достоевского, пишет следующее: *«Другими словами: есть ли цель всемирно-исторического развития бесконечное продолжение во времени, в преемственности культур, в чреде поколений, или некоторое окончательное завершение всех исторических судеб, всех «времен и сроков» в мгновении «высшего бытия» (описанное Достоевским состояние «высшего прозрения» в момент начала эпилептического припадка. – А.Я.), в том, что христианская мистика называет «кончиною мира»?»*

То есть Мережковский опосредованно, через высказывания персонажей произведений Достоевского, сравнивает, говоря современным языком, две базовые концепции социальной, человеческой эволюции: бесконечное развитие без обозначенного исчерпывания потенциала, а в противовес ему – то самое светопреставление (из эпиграфа) или христианская, и вообще теологическая, кончина мира со вторым пришествием Христа на Землю, или – в контексте биосферно-ноосферного перехода – два, опять же, варианта: (а) концепция финализма выдающегося философа и естествоиспытателя, открывателя синантропа Пьера Тейяра де Шардена (монаха ордена иезуитов, в определенном смысле ученика В.И. Вернадского – слушал его лекции в Сорбонне) и (б) наша теория перехода интеллекта человека биологического в субстанцию коллективного планетарного разума (см. ссылку на нашу серию монографий). Ну, это к слову, хотя и не излишне для упоминания...

И по суммирующему мнению Мережковского, а главное – из собственно содержания произведений Достоевского следует приверженность последнего, как человека религиозного, с акцентом на первенство христианской мора-

ли, к финализму эволюции человека. Это мы и называем эвфемизмом «черно-желто-белый кот» у Достоевского. Он же – *социальный вирус морально-этического расчеловечивания*. Действенность этого вируса во внешних, социальных проявлениях в «Бесах» Петр Верховенский излагает Николаю Ставрогину, поясняя сущность учения Шигалева: *«Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда возвращали более, чем приносили пользы; их изгонят или казнят»*.

Увы, и это предвидение Достоевского, понятно, негативное, ведь это шигалевщина! – сейчас активно сбывается радением Великого глобализатора: полное равенство, но именно равенство в качествах, традиционно полагавшимися недостойными статуса человека: малообразованность, бесталанность и пр. То есть глобализованный социум является *бесклассовым* обществом, обслуживающим в иерархической ступени (вассал моего вассала не мой вассал – римейк средневековой социальной пирамиды) высший мировой, империалистический олигархат. Впрочем, как уже выше отмечено, после прохождения пика глобализации, то есть «по ту сторону» биосферно-ноосферного перехода, он сам себя уничтожит, как после прохождения эпидемии исчезает вызвавший ее вирус.

В «Подростке» Достоевский вновь обращается к равенству рабов в обществе, отвергнувшем нормы христианской морали, но в частном аспекте: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства»*.

Но ведь стирание неравенства приматом денег и есть действие вируса морально-этического расчеловечивания: тот же верблюд через игольное ушко, на худой конец – богу богово, кесарю кесарево... Но равенство денежное

суть равенство нищих духом. Так по-евангельски отрицается равенство, достигаемое деньгами. Вся пресловутая «американская мечта» есть *мек моней*, достижение равенства деньгами. Вообще говоря, молодая история США суть пробный проигрыш грядущей глобализации с ее морально-этическим расчеловечиванием и равенством рабов духа – всемирного *человейника*. Достоевский использует схожий термин: *муравейник* – в приложении к человеческому социуму. Великий инквизитор в «Братьях Карамазовых», в своем монологе, обращенном к Христу, препарируя три искушения Христа, которыми его подверг страшный и могучий дух, то есть искушения чудом, тайной и авторитетом, в части последнего говорит: *«Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами. – А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей».*

Теперь же Великий инквизитор, переродившийся в Великого глобализатора, удовлетворен выполненной задачей. Тогда в Севилье вновь поветивший Землю Христос молчаливо отверг все «советы» Великого инквизитора и был приговорен им к сожжению на костре: *«В великоленных автодафе сжигали злых еретиков».* Сейчас же Великий глобализатор спокойно, уже не опасаясь появления смутьяна Христа с его древней, евангельской моралью, с улыбкой на клыкастом лице благословляет миллиарды, составляющие *общий и согласный муравейник-человейник*. Потребность для человечества всемирного соединения удовлетворена сполна, правда, для этого пришлось <обоим Великим> отучить людей от следования нормам Христовой... впрочем, любой морали. Да и человечество-то подспудно вздохнуло: не до морали, мол, не до нее винтикам мегамашины глобализма – империализма!

... Общность, коллективизм и прочие объединяющие качества есть палка о двух концах в социальной эволюции человека. Кто как не Достоевский это прекрасно понимал? В отличии от Шигалева, другой «видный» персонаж

«Бесов», а именно Шатов, говорит: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

... И вовсе заплодировал бы Великий глобализатор словам Кириллова из тех же «Бесов»; мы приведем их в передаче Д.С. Мережковского из названного выше его трактата – с его акцентацией подчеркиванием: *«– Тогда новая жизнь, – говорит Кириллов Ставрогину, – тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до (здесь и далее выд. Д.С. Мережковским. – А.Я.)... – До гориллы?.. – с холодной усмешкою подхватил Ставрогин. – ... до перемены земли и человека физически, – продолжает Кириллов с невозмутимостью. – Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства».*

Действительно, уже сейчас, еще на подступах к пику глобализации (мировой империализации), «боги стали общими», а лицемерно зовут этого общего бога «общечеловеческими ценностями», то есть долларами, евро и набирающими силу цифровыми битковенами. С таким общим богом на глазах наших уничтожаются народности, особенно европейские, то есть лишаются Великим глобализатором своей национальной идентификации. Здесь и пояснять нечего: превознемогая отвращение, пройдитесь по «жанрово-видовым» сайтам, или как там их называют? интернета. Или по телеканалам частным кнопками на пульте пощелкайте. И слова Шатова об умирающих богах, вере в них и собственно народах суть <нынешний, сбывшийся> реквием по уничтоженной глобализмом-империализмом христианской морали – мы о Западе, Европе и Америке говорим – и человека биологического в ипостаси творческого, аналогово мыслящего. А из пикировки Кириллова со Ставрогиным, перенесенной в наши дни, прямо следует утверждение: в гло-

балистский, апофеозно-империалистический начальный и самый жестокий период биосферно-ноосферного перехода изменяется и Земля, сменив свой прежний биосферный, биологический облик на виртуально-цифровой ноосферный, а сам человек *биологический* превращается в *биотехнический* (как голова профессора Доуэля у нашего классика фантастики) придаток мировых телекоммуникационных сетей, отстраняясь от все более автоматизированной производительной деятельности – без участия человека непосредственно. Он, человек эпохи глобализма, все более становится ненужным, невостребованным. И усмешка Ставрогина об обратном пути эволюции человека – до гориллы – сейчас даже с натяжкой не является неприхотливым юмором... Кстати, припомните-ка популярные в семидесятые годы отксеренные рисунки-плакатики, которыми в те советско-либеральные времена остряки украшали стены своих рабочих помещений: ряд изображений эволюционирующих видов гоминоидов, вроде даже от макаки, до *homo sapiens* (в шляпе и при галстукe), а далее – обратный ход до макаки... Замечательная иллюстрация к диалогу из «Бесов»; см. выше.

Итак, с черно-желто-белым котом у Достоевского все архипонятно: светопреставление как действие вируса уничтожения моральных и творческо-мыслительных качеств человека биологического: обратный ход в сторону гориллы. А Великий глобализатор в проводимом им расчеловечивании еще и похохатывает, дескать, «*сатана sum et nihil humanum a me alienum puto*» (Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо).

Вирус кажимости, как служебный мундир Великого глобализатора.

Удивительно емкий, всеохватывающий термин *кажимость* ввел в обиход наш научный коллега Александр Иванович Субетто в своей новой книге (см. ссылку на нее в начале этого очерка). Это от глагола *казаться*, причем именно в семантике категорического императива, то есть не чем-то там казаться, показываться и пр., но казаться как убеждать, дескать, если я и кажусь, то это кажимость для непрямого исполнения. Если по обычной человеческой логике необходимо доказывать, что я (ты, они) не верблюд, то для действитель-

ности вируса кажимости логика не работает: верблюды так верблюды! ... Вот написал и самому смешно стало, ибо вспомнил высказывание Достоевского («Дневник писателя», 1873): *«В русском человеке дерзости его ученого языка – почти нет пределов»*. Ну-у, это у нас опять к слову.

В нашем понимании кажимость суть виртуализация реальности с исключением действительности логики. Опять вернемся к так полюбившемуся нам кораблю пустыни. Невозможно убедить трезвого человека в том, что он верблюд, ибо всякая реальность за рамки логики мышления не выходит. Но вот в виртуальной реальности такая кажимость возможна – по принципу: назови хоть горшком, только в печь не ставь! Ведь мало кто сейчас уже сомневается, что криптовалюта (битковены или биткоэны? – на слух не разберешь, а по-русски написанное название это как-то не встречалось) есть деньги? Так и с верблюдом. Главное – это создать эффект кажимости в том же категорическом императиве. Здесь к месту, то есть к переходу от сугубой реальности к виртуальности, будет привести цитату из уже упоминавшегося Джеймса Джойса: *«В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития»* («Улисс». Часть II. Эпизод 12).

Запредельным для обычного пока еще человека биологического и является надвигающийся мир виртуальной реальности. Опять же особых пояснений не требуется, хотя «высочайшие возможности атмического развития» – это сильно сказано применительно к миру виртуальной реальности, хотя... в чем-то, может и в основном, жизнь в виртуальном мире сравнима с наркотическим состоянием, в каковом великолепии дурманных снов непередаваемо разнообразно. Опять же из «Братьев Карамазовых»: *«... Клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...»*

Главное в кажимости есть пресечение всякой логики понимания, суждения и восприятия. Человек ленив по матушке природе, устал он карабкаться по своей эволюционной лестнице, поэтому Великому глобализатору в части социальной вирусологии всегда легко убедить такого ленивца в излишестве для него какой-либо логики, дескать, *«тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска»* – фраза к месту из «Подростка».

... Вовсе не следует полагать, что в своей работе Великий глобализатор делает ставку на дураков, мол, ему легче объяснить, что он ... это мы снова про верблюда. Вовсе нет. Во-первых, число обычных дураков среди людей так же строго процентно ограничено природой, как у носителей таких недугов, как шизофрения, гомосексуализм, куриная слепота (гемеролопия по-медицински) и пр. Во-вторых, предоставим слово Федору Михайловичу: *«Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...»* («Ряд статей о русской литературе», 1861).

Да-да, на дураках не выедешь. Но ведь только восемь процентов людей мыслят самодостаточно, поэтому, за вычетом двух-трех процентов дураков от рождения, остается *масса* почти 9/10 от всего населения Земли! Но ведь нет таких крепостей, которых не могли бы взять... слуги Антихриста – ныне в облике Великого глобализатора. И перевод этих 9/10 из реальности в виртуальность – самый успешный путь к расчеловечиванию. Ведь если *«в реальности вера не от чуда рождается, а чудо от веры»* (из «Братьев Карамазовых»), то в состоянии виртуального дурмана адепт религии глобализации ежесекундно напитывается *чудесами кажимости* в терминах той веры, что ему внушает Великий глобализатор. И такой адепт сродни капитану Лебядкину из «Бесов»: *«Если бога нет, то какой же я после того капитан?»* В безверии и кажимость заменяет реальность – те же капитанские эполеты, значит. Словом, посмотрите на досуге трогательную ТВ-программу «В гостях у цифры». ... Здесь ваш покорный слуга мысленно рассмеялся, вспомнив из далекого заполярного детства. Когда в Мурманске, на сопке Варничной,

установили телебашню, началось вещание областного телевидения (тогда техника еще не позволяла вести всесоюзное телевидение), а каждый день в девять часов вечера на экранах появлялась добрая тетя, именованная «Бабушкой Телевизоровной» – аналог чуть более поздних «Спокойной ночи, малыши». Как-то Бабушка Телевизоровна у меня проассоциировалась с программой этой – «В гостях у цифры». Впрочем, может и неосознанно – тогда телевидение во всем мире было только аналоговое, не цифровое.

На первый взгляд, кажимость вроде как можно соотнести с примитивным обманом или более утонченными «навьими чарами» (это из литературной классики). Опять же это слишком просто. Наваждение? – но это тоже по части навьих чар. Чтобы в очередной раз не обращаться к верблюдам, рассмотрим кажимость как служебный мундир Великого глобализатора. Кажимость предполагает арену воспринимающих численностью во все те миллиарды людей, что населяют Землю. Но ведь, по крайней мере до сих пор, все они, как и их дактилоскопические отпечатки, являлись на свет разными – сначала в потенции, затем в развитии и самовыражении. В «Преступлении и наказании» Раскольников так говорит Порфирию Петровичу о людях «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть по теме текущих наших рассуждений: *«Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным».*

Об одном из таких законов социобиологии упоминалось выше: «восьмипроцентная норма» самодостаточно мыслящих людей. И о процентной норме людей с теми или иными отклонениями. Главное – все люди разные, даже дураки нетипичны в этом славном качестве. Задача же Великого глобализатора – *показать* всеобщее равенство людей, их одинаковость в глазах друг друга: сначала убедить в таковой кажимости, а затем умелым подбором манипуляций сознанием людей и подлинно сделать таковых одинаковыми... винтиками мегамашины глобализованного социума. А одинаковыми их мож-

но сделать только единственно снизив у всех качество мышления до общей нижней планки. Первым шагом здесь исторически явился дилетантизм. Приведем в данном плане парадоксальное мнение Льва Толстого с дополнением тоже Льва, только... Троцкого: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество (здесь и далее выд. Л.Д. Троцким. – А.Я.) – это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма – это несомненно»* (см. цитированную выше книгу).

Бедный Иоганн Генсфляйш Гуттенберг, достопочтенный ювелир из Майнца! Он облагодетельствовал человечество изобретением книгопечатания (а задолго еще до него китайцы изобрели шелкографию, и в Древней Индии уже оттискивали буквы азбуки Девангери с печатных досок...), не помышляя, что слуги Антихриста в его изобретение подсунули вирус дилетантизма, который впоследствии Великий глобализатор мутировал в высшую форму дилетантизма, усредненное невежество, посредством оцифровывания мышления и сведения прежде творческого (аналогового) мышления в утилитарное компьютерное мышление винтика Молоха мегамашины глобализации. Или другое наименование: *кликное мышление*, а в одежде кажимости – умилительное «клик от слова откликнуться», как нас сейчас увещевает телеэкран... Остроумно и пакостно. В данном контексте занимателен Фома Фомич Опискин, персонаж «Села Степанчиково и его обитателей» Достоевского – в качестве усреднителя мыслей и поступков: *«Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма, – я сбрил, поморщился, а сбрил»*.

... Опять же в переключке времени Достоевского и нашего, нынешнего. Фома Опискин велит сбрить бакенбарды как антипатриотичные – действие кажимости, то есть сугубо внешней формы без осмысления причинности. Но вот сейчас, уже пять лет, вся молодежь мира в одночасье «обакенбардилась»: все, как инкубаторские, соорудили себе головные приборы: борода на кадыке – под «игиловца, смелого бойца» и прическа с выбритыми висками – под

хохлацкий оселедец. Это Великий глобализатор повелел таковой кажимостью создать единый мундир – вместо осмысления. Особенно дико такие омундиренные смотрятся в России, учитывая ее нынешние взаимодействия с США и Украиной... Но опять же никто из людской массы об этом не задумывается, а масс-медиа <глухо как в танке> помалкивают. Л.Д. Троцкий, в определенном смысле слуга еще юного Великого глобализатора (не зря Ленин назвал его Иудушкой...), одержимый мировой революцией, уже писал в «Литературе и революции» о контурах грядущего глобализма: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар – обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами. – А.Я.), точно школьный глобус».*

Точно о нашем времени Лев Давидович писал, только вместо чугунных рельс – тысячи одновременно находящихся в полете лайнеров «боингов» и «аирбасов», способных за неполные сутки разнести по всему миру вирусную заразу, а про искусственную сеть прямо в точку попал: интернет – основной инструмент Великого глобализатора по расчеловечиванию и умозамещению (термин наш).

Достоевский относит предтечу глобализации к временам античности, оговариваясь, что таковую <глобализацию> на длительный срок прервала христианская идея: *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством – формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пока лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе»* («Дневник писателя»).

Но к самой великой в истории человечества битве глобализма и христианской морали («Христос и Антихрист» – название цикла романов Д.С. Мережковского) – битва за будущее человечество – вернемся в следующем раз-

деле очерка. Пока же привели слова Достоевского в контексте несиюминутности глобализации, напоминания о ее далеких исторических истоках. Вернемся к вирусу кажимости, из которой сотканы мундиры воплощений Антихриста, то есть Великого инквизитора и Великого глобализатора.

... Самый знаменитый древнееврейский врач и философ Маймонид восстал против себя иудаистский синедрион, то есть евангельских фарисеев и книжников, заявив, что суббота создана для человека, а не человек для субботы. Для глобалистов понятие веры, религии и пр. не существует (см. выше), поэтому, используя ветхозаветное обобщенное понятие закона, далее зашифрованное от непосвященных в талмуде, они расширили инвертированную формулу Маймонида: *не закон создан для человека, а человек для закона*. Это стало высочайшей – и подлейшей, заметим, по отношению к человеку биологическому разумному – формой кажимости. Действительно, закон Божий в христианстве, основном противнике глобализации, дан человеку, создан для человека, чтобы по своим морально-этическим канонам (заповедям) вести его в устремленности позитивизма эволюции. И именно закон должен ограждать индивидуального человека от вовлечения его в соты человеяника. А позитивизм эволюции человека очень проникновенно определил Д.С. Мережковский в своем трактате о Льве Толстом и Ф.М. Достоевском, а именно: *«... Человек... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся, переливающееся из одной телесной формы в другую... вместе с тем предчувствует, что он, человек, – не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу»*.

То есть если вначале Мережковский говорит об общем течении биоэволюции: «переливающееся из одной телесной формы в другую», то есть в последовательности живых видов, то на стадии человека разумного биологическая, «телесная» эволюция вроде как останавливается, завершается. Но далее биоэволюция в человеке переходит в социоэволюцию: «от Зверя к Богу». Та-

кая трансформация суть *следование человека закону*, понимаемому обобщенно – закону творческой эволюции (название нобелевской книги Анри Бергсона) человека. И это, как представляется самому человеку, единственно верное его эволюционное движение, оправдывающее причину создания эволюцией *homo sapiens!*

... Не менее проникновенно-художественно Достоевский описывает такое творческое представление самого человека (в «Хозяйке»): *«Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже малопомалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»*

Всякий творческий человек, читая эти пронзительные строки, написанные рукой гения, почувствует ощутимый озноб восторга и душевного пламенения: господи! как бескрайне велик мир познания, но он же и открыт для тебя: дерзай, терзайся, но твори, не уставая, и кажется, что нет предела твоим творческим исканиям!

... Не дано человеку даже в *minimim minimorum*, в самом призрачном абрисе, в легчайшем намеке-подсказке знать о дальнейшем пути эволюции самого себя, то есть человечества. Он, человек, и жив-то только позитивом и оптимизмом. Есть Закон (с большой буквы) эволюции, не может она с ее мудрейшими законами заморозиться на человеке нынешнем. Но вот социальная эволюция привела человека к биосферно-ноосферному переходу, а его начало, подъем преподнес человечеству глобализацию, как высшую и завершающую стадию финансово-олигархического империализма, всемирного, по словам Л.Д. Троцкого «одевшего весь земной шар в искусственную сеть» (см. комментарий выше). Явлен был земшару Великий глобализатор *в служебном мундире кажимости*, пуговицы, эполеты, всевозможные знаки рас-

цвечивания боевых побед и даже почетные нашивки за ранения и контузии (напоминание о 2000-летнем ряде поражений от Христовой морали и нравственности) которого есть олицетворение методологии, методов и методик расчеловечивания. А эти «три эм» суть сочетание качеств: лицемерие, пресловутые политкорректность и толерантность-«толерастия», прямой и грубый обман, эффекты обратимости черного в белое и наоборот и много чего другого. Ибо на кажимости легче всего заманить в *искусственную сеть* человека: смутить неверием (по-русски – поплеви́змом) робкого; насильно, через «геббельсовские настройки» ТВ и прочих СМИ, для основной уже массы – через интернет, внести вирус сомнения в душу и мозг сильного... известно, что по догматам католицизма (Фома Аквинский) сомнение есть прямой путь в ад.

И постепенно, но ураганно-стремительно сравнительно с течением естественной эволюции, таковыми приемами Великий глобализатор уже внедрил в практику жизни всех людей Земли, что *человек создан для закона...* разумеется, для закона безусловной поддержки глобализации и активного участия статистом и подзаконным субъектом все того же человека. А сам закон этот не в «ударную пятилетку» Великим глобализатором сочинен, но формировался постепенно во всю эволюцию человека; историческая теза и антитеза: добро и зло, Христос и Антихрист, творческий коллективизм и утилитарный индивидуализм и так далее. С одной стороны, скорее верблюд (давно уже не поминали тягловую силу пустыни!) в угольное ушко пройдет, чем богач в рай попадет, а с другой: *«Отнеслись намедни в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская – деньгу уметь зашибить»* («Бедные люди» Ф.М. Достоевского). Чтобы не «перепрофилировать» очерк в тематический трактат о *приемах кажимости* Великого глобализатора, ограничимся примером, но таким, который вечно, почти от Адама и Евы, служит источником злободневных неиссякаемых дискуссий, а именно речь пойдет о ... винопитии!

Лень человеческая в то же время стимулирует работу мышления. Это не парадокс, но общеизвестная истина. В частности, «лень – стимулятор изобретательности» есть утверждение, вытекающее из законов психологии человека. Это мы к тому, что и нам сейчас лень перелистывать три тома «Опытов» Мишеля Монтеня, а потому по памяти приведем его высказывание о винопитии. А ведь Монтень был врачом по профессии и знал что пишет! *Итак, по Монтеню – вино есть величайшее и полезнейшее создание человечества, поскольку именно оно, вино, стимулирует творческое мышление человека, особенно в части художественного, возвышает его мысль до вершин чувственного, образного опыта, раскрепощает и привносит свободу в поиски истины. И вовсе несправедливо называть человека, употребляющего вино, животным. На самом деле к таковому гораздо ближе абсолютно непьющий человек.*

... Категорично высказался выдающийся философ-эссеист и практикующий врач. Но мы возьмем от него только момент: *вино привносит* (в качестве время-от-времени стимулятора) *свободу в поиски истины*. Но ведь именно свобода в поисках истины и есть главный врач Великого глобализатора в превращении человечества в человеконик, а <прежде индивидуального> человека в безликий винтик мегамшины глобализации-империализма. Так возникает кажимость абсолютного вреда винопития. Тем более, что этот винтик должен быть здоров физически (но не умственно...).

Еще в Древнем Риме действовал девиз: вино, женщины и искусства принадлежат только избранным. Массам же – хлеба и зрелищ (тогда вместо футбола под ними подразумевались бои гладиаторов). Сразу оговоримся, что этот древнеримский «сухой закон» для народа никак не следует соотносить с запретом винопития в религии иудаизма (Ветхий Завет, Тора и Талмуд) и в позднейшем Коране. Здесь причины запрета винопития, равно как и кошура у иудеев и халяльята у мусульман, иные, возможно связанные с климатом Иудеи и Аравии, откуда идут истоки этих мировых религий. Опять же и виноград, по крайней мере в древности, там не выращивался.

Победившее в Европе христианство «легализовало» винопитие; во-первых, виноградарство и не совсем комфортный климат в Северной Европе тому способствовали; а во-вторых, таинство причащения – евхаристия ввело вино в обязательный церковный обряд. То есть практически до окончания XIX века, когда Великий глобализатор еще только продумывал диспозицию своего решающего наступления на человеческий мир, незримо и тайно скрываясь в среде розенкрейцеров, ранних и поздних масонов, в наиболее одиозных христианских сектах и пр., никто особо на винопитие внимание не обращал. Но именно с конца XIX века начинается и негативное отношение к употреблению спиртного. Здесь на первое место выступают именно секты и протестантизм Европы (лютеранство, кальвинизм, отчасти и англиканство): от локальных обществ трезвости до объявления общегосударственных «сухих законов»: скандинавские страны и Финляндия, а особенно США. Вот здесь уже чувствуется прием кажимости Великого глобализатора: под тезисом вредности потребления алкоголя реализуются задачи по расчеловечиванию, вовлечению в человек, а главное: винтик мегамашины должен быть физически здоров и не иметь *никаких стимулов* к самодостаточному мышлению.

... Заметим, что введение «сухого закона» в Российской империи с началом Первой мировой (империалистической) войны и его продление в Советской России до окончания периода «военного коммунизма» (до «рыковки» одноименного наркома...) *не являлось* действием кажимости Великого глобализатора, но исключительно необходимыми устрожениями в части дисциплины в годы войны и первые годы становления советского государства. И вообще в истории России, как царской, так и советской (здесь при не очень умных правителях), «борьба за трезвость», или «борьба с трезвостью», как народ окрестил кампанию Горбачева, будь не к ночи он помянут, всегда носила несколько анекдотический характер ввиду извечного русского администрирования, штурмовщины и показательной кампанейщины. Как здесь не вспомнить популярнейшего в конце XIX – начале XX веков писателя П.Д. Боборы-

кина, что в повести «Поумнел» едковато отметил отношение русского человека к «вреду винопития»: *«Матов налил стаканчик водки, перекрестился, дунул в стакан (чтобы отогнать беса, который сидит в водке), проговорил: «будьте здоровы», отпил глоток и, наполнив стакан вровень с краем, подал мне с поклоном»*. А еще конкретнее и убедительнее о русском администрировании в вопросах «борьбы» сказал все тот же А.Н. Энгельгардт («Из деревни...»): *«Я совершенно убежден, что разные меры против пьянства – чтобы на мельнице не было кабака, чтобы кабак отстоял от волостного правления на известное число сажень (экая штука мужику пройти несколько сажень – я вот за 15 верст на станцию езжу, чтобы выпить пива, которого нет в деревне) и пр.и пр. – суть меры ненужные, стеснительные и бесполезные»*.

... Как это знакомо всем поколениям ныне живущих! Вот в моем доме с торца винный магазин сетевой с названием на американо-нижегородском языке «Красное&белое». Так он не продает спиртное в дни футбольных матчей нашего полуславного «Арсенала», ибо отстоит от стадиона (бывш. «Имени 50-летия ВЛКСМ») на 950 метров, а в дни «большого футбола» продажа «кирки» запрещена в радиусе 1000 метров от означенного стадиона. Но ведь другой магазин «с продажей», расположенный в нашем же квартале, уже не входит в ограничительный радиус! А еще трезвому человеку что стоит гуляючи пройти эти пятьдесят с небольшим метров? Много смешного в нашей стране; если бы все это отменили, так и скучно бы стало... Добрый наш народ! Даже малой и средней власти обычно сочувствует – это уже у Достоевского смотрите во многих его произведениях.

Конечно, и у нас без кажимости не обошлось – это в ситуации горбачевской «борьбы с трезвостью» и с воследовавшим разливанным пьяным разгулом «лихих девяностых». Мало кто сомневается, что она «трезвость» умышленно предшествовала такому разгулу – чувствуется рука Великого глобализатора: эффект «из бани в снег», или сначала озадачить, а потом и огорошить. Все было продумано: довести мужика до озлобления талонами на водку и стоянием в двухчасовых очередях на морозе, а затем сразу и кругло-

суточно во всех магазинах и палатках-сникерсных пойлом народ одурманивать, отвлекать людей от позора ликвидации советской сверхдержавы и продажи родины оптом и на вынос...

... Но вот в новом веке в России кажимость в сорокаградусном деле уже и не потребовалась: сработал «эффект Кроша», как я его именую. Старшие и средние поколения помнят замечательный фильм «Каникулы Кроша» из серии кинокартин о приключениях вихрастого мальчишки. Так этот Крош произнес знаменательные слова, что люди перестанут совсем пить, если у *каждого* появится свой автомобиль. Конгениально сказал, провидчески! И сейчас, когда почти что *каждый* имеет автомобиль, обычно ему вовсе и не нужный, но приобретенный по принципу тусовки: «у Петьки машина есть, а я чем хуже?» народ в массе своей ... перестал пить! Опять же все более устрашающиеся «гаишные» законы стимулирую этот процесс. Заодно полностью разрушивший отлаженную советскую систему общественного транспорта. В *pendant*, как говорят французы, в дополнение...

Итак, в вопросе винопития у нас обошлось без кажимости с ее инверсией отношения человека и закона, но вот на Западе, учитывая его исторический либерализм, Великий глобализатор идет на всевозможные ухищрения. Не будем отвлекаться от темы очерка, отметим только поощряемый там *кажимостью* перевод людей от алкоголя (и курения!) на умеренные наркотики: они идеально подходят под задачу глобализации по ликвидации остатков самодостаточного мышления у людей, почти уже роботов.

У Достоевского тема кажимости в части морали и нравственности всесторонне раскрыта в «Бесах», «Идиоте» и «Дневниках писателя».

От Великого инквизитора к Великому глобализатору и их решительная схватка с Христовой моралью. Достоевский, как и Шекспир, не является писателем-морализатором. Иначе он бы не был мировым литературным гением. Вот Лев Толстой, гений русской литературы, что вовсе необидно для его имени будет сказать, был выраженным апологетом христианской морали, особенно в своей обширной публицистике. Но ведь эта христианская мораль

у Толстого все более возрастает и в его художественных произведениях: от «Войны и мира» (особенно окончания романа) к «Анне Карениной», но вот «Воскресение» – это вовсе христианский, социальный манифест Толстого! ... Хотя бы именно за *несколько строк* этого романа Свщ. Синод и счел писателя «временно отпавшим от русской православной церкви» (ни в коем случае не отлучил, как распространено считают...) с определением: за издевательство над таинством обряда евхаристии.

Достоевский в своем творчестве, тем более в художественном, не таков. Он не морализует на страницах своих книг, но выступает априорным носителем моральных христианских категорий. Поэтому Достоевский не убеждает своих читателей в незыблемой правоте и социальной адекватности христианской морали, но опосредованно ищет у читателя согласия со своей <писательской> правотой, каковая суть правота морали Христовой.... Это вполне отвечает определению Д.С. Мережковского, талантливого литературного публициста, Льва Толстого и Достоевского как художников «телесного в человеке» и «духовного в человеке», соответственно.

Под религиозным чувством Достоевский, кстати как и Лев Толстой, понимал, разумеется, не церковную обрядовость, но моральные нормы, идущие от евангельской Нагорной проповеди Христа, то есть от заповедей блаженств Нового Завета. Устами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину, в «Идиоте» Достоевский определяет это чувство: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то (выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.) говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу»*.

В «Идиоте», заметим, равно как в других романах и повестях Достоевского, а также в публицистике, прежде всего в «Дневниках писателя», многие

рассуждения об отходе католичества от истинной морали Христовой – квинтэссенция в «Легенде о Великом инквизиторе»! – ведутся на сравнении с православием, преимущественно русским, в котором такая мораль еще крепко держится. Причем держится-то не устройством и функционированием православной церкви как учреждения (тем более государственного полностью со времен Петра Первого), но исключительно принятием и личным поддержанием этих норм большей частью русского народа, крестьянства преимущественно, для которого, когда еще не испорченного идущим от Европы «просвещенным цивилизаторством», истинно: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезами своими к «боженьке»!»*

... Обычно в литературоведении эти слова из «Братьев Карамазовых» (начало и окончание цитаты разделены в книге тремя страницами) про слезинки ребеночка к «боженьке» трактуют в социальном плане. Это несколько прямолинейно, хотя и доходчиво для читателя: ведь чтение Достоевского есть труд соучастия с писателем! А смысл же подлинный слов о замученном ребенке – с одновременным отказом от высшей гармонии, что дает *полное* познание мира – заключен в осознании той диалектической истины, что мораль Христова не коррелирует с <полным> познанием мира вещей и отношений. Более того, проникновенное следование этой морали социально невозможно при устремлении к максимально полному познанию мира – что называется терминологически «отходом от божественной истины». И наоборот, чем больше человек познает мир, тем все меньше он оставляет места действительности Христовой морали, тем меньше ему остается времени обращаться к «слезинкам ребеночка». Потому-то персонажи «Идиота» и «Братьев Карамазовых» и склоняются к апологии русского православия в народной душе в противопоставлении с римской апостольской церковью, все более отходящей

от сущности христианской морали, которую католицизм, а тем более протестантство, замещают утилитаризмом познания, вроде как забывая символ христианства: верую, ибо не сомневаюсь в своей вере.

Читатель уже отметил: переходим к «Легенде о Великом инквизиторе». Действительно, отвлекать от устройства церкви-учреждения и религии как социальной системы (Лев Толстой и Достоевский так же говорят, но иными, имманентными их времени, словами), как мы может дать определение *веры в Христову мораль?* – Аналогично ставится вопрос и для остальных трех канонических мировых религий, но мы здесь говорим о мире христианском. Ответ заключается, и это неявно, но очевидно является стержнем всего творчества Достоевского, в самом *феномене христианства*, как морального учения. Это истинно феномен высшей формы морали, единственно явленной человечеству за десять тысяч лет эпохи цивилизации и культуры. Феномен сугубо социальный, выраженный в начальном, евангельском и новозаветном христианстве. Он же творческий, созданный в гениальном прозрении будущего человечества, во многом, может быть, бессознательно сформулированный. Высшая идея, осознанная человеческим умом, как у Мережковского: *«Между силою бессознательного творчества, тем, что мы называем «гением», с одной стороны, и силою сознания, ума – с другой, существуют различные степени соразмерности, согласованности, точно так же, как между физическим объемом тела, ростом человека и его мускульною силою»* («Л. Толстой и Достоевский»).

Именно и только в <начальной, евангельской> христианской морали учтены эти «степени соразмерности» индивидуального человека. Но это не мораль индивидуалиста, напротив, индивидуальные особенности человека гармонично вписываются в сугубый коллективизм социума – и в этом кардинальное отличие *человечества*, созданного таковым христианской моралью, от нынешнего глобалистского *человеяника*, в котором «степени соразмерности» нивелированы вирусом глобализации до полного равенства винтиков: с

одинаковой <правой> резьбой и шлицем под отвертку на шляпке, но без малейшего намека на творчество.

И вот эту высшую форму морали, гибко и необременительно сочетающей индивидуальную творческую самость человека и истинный, также творческий, коллективизм, разрушает Великий инквизитор – некий обобщенный социально-моральный вирус, далее, уже в наше время, передающий свои функции Великому глобализатору. И действие этого вируса проистекает все в том же «служебном мундире» кажимости. А таковая, как *забота о человеке*, была еще век тому назад определена (причем совершенно искренне!) тем же Л.Д. Троцким: *«Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общечеловечности... Досуг нужен человеку, «право на лень»!»* («Литература и революция»). Здесь пояснение в части кажимости и не требуется. Что называется: посмотрите в окошко...

Итак, Великий инквизитор начал, а Великий глобализатор успешно завершает решительную схватку с Христовой моралью – высшей в истории человечества. Завершает, увы, в свою пользу – расчеловечивания.

Зигмунд Фрейд в своей работе «Достоевский и отцеубийство» замечает, что *«Братья Карамазовы» – величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» – одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно».*

Действительно, глава пятая второй части романа суть «книга в книге». Понятно, что Фрейда она привлекла в ракурсе его основного интереса: роль бессознательного в человеческом поведении и деятельности. В нашем исследовании* на примере «Легенды» обосновывается гипотеза о вторичной идее,

* Яшин А.А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.– Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.– 411 с.

как методе художественного познания, доминантой которого являются установки также психического бессознательного. То есть речь идет не о вторичном использовании сюжета (Томас Манн в «Иосифе и его братьях», Джон Мильтон в «Потерянном рае» и многое другое в мировой литературе), но именно о *вторичности идеи*, что есть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую – почти всегда) явно осознаваемым самим творцом. И именно вторичность идеи и позволила Достоевскому в «Легенде» создать широкое полотно битвы Великого инквизитора с христианской, евангельской идеей.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искуситель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: «написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Второз. 8,3). «Потом берет Его диавол в святой город, и ставляет Его на крыле храма. И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз: ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11–12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8,16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6,13). «Тогда оставляет Его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф. 4, 1–11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского прима-та закон и этика, все мышление *homo sapiens*: вера в силу духа, горение ду-

ши, их конечная и личная победа над плотью (читай: атавизмом частнособственности!), духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, творческое раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстия, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа – искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: *«Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Посл. к галатам апостола Павла, 3,28; 4,7).

... Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущихся сил совпавший с европейским распространением и принятием морали монотеизма в христианской оболочке.

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной, помещая объект испытания в XVI век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от вирусоносителя Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства (вот и кажимость!), составляют существенную часть бытия человечества. Средневековые «великолепные автодафе» и торговля индульгенциями (на деньгах в рай попасть) – характерные примеры такой кажимости.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся к народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много ве-

ков тому назад, апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого Завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь и усталость ожидания, жажда человечеством чуда.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоанн. 12,24 – эпитафия к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого), а именно: мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: произносит над семилетней девочкой «талифа куми» (встань и иди) и повторяет чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, нежели прокуратор римский Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоит сыну божьему. Ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом – апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и *«... он все видел, он видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо».*

Повторяется сцена суда над Христом, но уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, *осуждает* девяностолетний аскет-монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия та страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»* (Г. Данилевский «Мария Магдалина»). То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного – а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли – сказал Достоевский в толковании образа Христа? – Что сын Божий, вообще говоря, своим вторым пришествием принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд религиозный (Пилат лишь «умыл руки»), но и суд народа; ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять его, распять, а разбойника помиловать...

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном автодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления многих грехов личным страданием. – Но все это уже сказали Христу Пилат и Анна пятнадцать веков тому назад.

Великим же открытием Достоевским истинного содержания Евангелий была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтения хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Сёрена Аби Кьеркогора, создали основу

новейшего экзистенциализма: Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра и Хайдеггера.

... Как биологический вирус возник одновременно с биологической клеткой (а на чем бы он тогда инфицировал?), так, согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, изначально едины Христос и Антихрист, то есть Богочеловек и Человекобог, оба Сверхчеловеки (Д.С. Мережковский «Л. Толстой и Достоевский»). К специфике России по отношению к Западу в действии вируса глобализации мы обратимся в следующем разделе; пока лишь укажем, что если Достоевский духом России полагал именно Богочеловека, то Ницше дух Запада уравнивал с Человекобогом.

В «Легенде» кардинал Великий инквизитор сам есть земное (Человекобог!) повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только посланец *целенаправленного* Духа, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремление человека. *Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле*, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею – *вот существо человека*.

... Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только ... для читателя, а потому Христос, уже *все* сказавший полтора тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. Поэтому в «Легенде» Христос не произносит ни слова. Главное, оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? – Торжествующий дух правоты и предчувствие искупляющего жертвования сменились на дух сознания своей ненужности: *«– А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова? – Да так и должно быть во всех даже случаях,– опять засмеялся Иван.– Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано?»*

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры – камень, на котором он построил все здания христианства. Так говорил Великий инквизитор. А свобода? – Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дожидаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.

Христос, идеальная Божья модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль «разведчика духа». А искушение Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма сына Божия, ибо заключали в себе великое: *«Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековечным и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совоккуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле», – разъясняет Иван Алеше ответ на его вопрос: «– А что значит: не имел недостатка в предубеждениях и указании?»*

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода, ибо из альтернативы хлеб или свобода человек по биологическому своему естеству всегда выберет хлеб. *«Ты возразил, что человек жив*

не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...»

Отрицая величие духа в идеальном христианстве, <вирус> Великий инквизитор говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и всего социума и что легло в основу управления этим современным, то есть глобализуемым, обществом: обман <кажимость> масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что именуют демократией. Но управлять таким народом будет не элита духа – к чему склонялось идеальное христианство, – а элита страдающих (в лучшем случае; обычно – радующихся) своей ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь «великий Ницше» заключен в нескольких строках «Легенды»: «... Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе – это: «перед кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».

Чудо, тайна и авторитет – вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти надо ними, «миллионами счастливых младенцев». Но Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить логическим обоснованием Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное. Говоря же об истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нерусскому, неправославному и особая ненависть к римско-

католической церкви, западному рационализму – в противовес русской *карамазовщине*, то есть стихийной, ищущей, неорганизованной еще воле русского народа. Разумеется, Достоевский имел полное право на такое мнение, не оглядываясь на пресловутое «общественное мнение», ибо *quod licet bovi, non licet Jovi* (что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру).

Итак, в легенде о Великом инквизиторе Достоевский образно-художественно и логико-философски нарисовал великолепное полотно, почти зрительно воспринимаемый сценарий решительной схватки Христа с Антихристом, длящейся уже второе тысячелетие, то есть борьбы вируса сатанизма и аморализма с великой идеей Христовой морали. Увы, уже в средневековой Севилье идеальное, евангельское христианство, как выразитель высочайшего в мировой истории морального учения, стало *кажимостью*, то есть христианство духа под полуторатысячелетней атакой вирусом духовного расчеловечивания переродилось в сугубое церковное учреждение. А за последующее полутысячелетие, с всплеском в наши дни, Великий глобализатор, переняв бразды управления человеческой, социальной эволюцией (ибо по Конраду Лоренцу человек разумный обогнал свою биологическую эволюцию, перехватив ее в свои руки... в смысле – головы) от Великого инквизитора, создал *социум расчеловеченных и умозамещенных* с кажимостью артефактов Христовой морали.

В заключении раздела дополним содержание «Легенды» (не сочтите за самонадеянность...) обоснованием того факта, в рассуждениях Великого инквизитора оставшегося фигурой умолчания, что в наше время требует разъяснения, а именно: почему история, в смысле социальная эволюция человека, создала христианство, как воплощение высшей морали, уже изначально «приговоренное» к уничтожению де-факто?

Любая эволюция, в том числе социальная, движется методом пробных, ошибочных, тупиковых, опережающих ходов, из совокупности которых и складывается магистральный ход эволюции. Обоснование такой многозначности движения эволюции суть составная, необходимая часть всех философ-

ских систем. В части биоэволюции и (социальной) эволюции человека такой ход принято называть «древом жизни» П. Тейяра де Шардена.

Особую роль в данном многозначном движении *именно* социальной эволюции играет метод *опережающих* ходов, в то же время обычно коррелирующий с методом *пробных* кодов. То есть эволюция прибегает к опережающим пробным ходам, экстраполируя на будущее магистральный ход эволюции в той или иной степени приближения к нему, что случится в будущем. Наглядный пример: игра детей во взрослых. Мальчики играют в войну: «красные и белые», «наши и немцы», сейчас? – наверное, «банкир и компьютерный вор-хакер»... Девочки же во все времена играют в «матери-дочки» и еще «продавщицы-покупательницы». В таких опережающих (время) пробных ходах они, в общем-то верно, предугадывают характер тех занятий, которые будут востребованы в то время, когда они станут взрослыми ... не обязательно мальчик Петя станет военным, а девочка Маша – продавщицей, но ведь кто-то из их дворовой команды таковыми станет!? – См. выше цитату из «Улисса» о «будущем, которое сестра прошлого»...

Наиболее характерными и значимыми пробными опережающими ходами в социальной эволюции можно назвать: (а) республиканские организации государств в античности; (б) буржуазные революции XVI–XVII веков в Северной Европе, прежде всего в Голландии и Англии; (в) Великая французская революция 1789 года и воследовавшая современная форма республиканской организации государства; (г) Парижская коммуна 1871 года – первый опыт создания социалистического государства (кстати, в этом году юбилейная дата Коммуны – 150 лет); (д) величайший пробный опережающий ход – создание СССР и далее мировой системы социализма.

... Вот таким грандиозным пробным опережающим ходом в социально-этической, моральной эволюции стало христианство. И хотя пробный ход христианской морали длился две тысячи лет, а советского социализма семьдесят лет, но, учитывая экспоненциальное ускорение исторического времени, они по своей мощи равнозначны. Главное же, в морально-этическом плане

советский социализм был дальнейшим развитием и практической реализацией в социумно-государственном, системном масштабе христианской идеи. Показательно, что принятый в семидесятых годах Моральный кодекс строителя коммунизма в СССР без какого-либо, исключая терминологию, изменения повторил Нагорную проповедь Христа – Заповеди блаженств Нового Завета. Мировой финансово-олигархический империализм в его высшей, глобалистской стадии разрушил основы как христианской морали, так и советского социализма. Но они, в качестве пробных опережающих ходов затвердили будущий магистральный путь социальной эволюции. Понятно, лишь в его общем в абрисе, а именно: ликвидация атавизма частной собственности и полное равенство людей. Другое дело, что в результате биосферно-ноосферного перехода, миновав стадию глобализации, это будет лишенный частнособственничества обезличенный (но ведь равный для всех!) социум, в котором уже никто не будет помнить ни христианства с ее моралью, ни советского социализма. Таково обычное эволюционное соотношение пробных опережающих ходов и реализующего их, но только в абрисе, в будущем магистрального пути.

Сказанное не относится к теме очерка, но есть нужное пояснение; подробно см. в нашей «Живой материи и феноменологии ноосферы» – сноска дана выше.

Европа (Запад) и Россия: глобалистское уравнивание – предвидение Достоевского. Тема завершающего раздела самоочевидна, ибо Достоевский выражено русский писатель и мыслитель, что косвенно видно даже из упомянутого выше отношения его ко всему нерусскому, к римско-католической церкви, к западному рационализму и так далее.

В «Дневнике писателя» за 1881 год Д.Ф. Достоевский заметил: *«Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Все большие типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударились, что смысл текущего потеряла».*

Эти слова следует понимать – в контексте нашей темы – в том смысле, что для современной ему русской литературы Достоевский не видел горизонта развития, который подменен ретроспекцией, дескать, в «исторический роман ударилась». А без такого горизонта словесность художественная стагнирует, топчется на месте, кстати, полная аналогия с литературой эпохи глобализации, русской в том числе, хотя бы она еще дышит, в отличие от «западно-восточной» (это из Гёте – «Западно- восточный диван»). И такой останов современной ему литературы Достоевский объясняет началом – в последней трети XIX века – переориентации моральных устоев русского общества, понимаемого широко, социумно. Причем эта переориентация характера не сугубого *laissez faire, laissez passer* (предоставьте вещам идти своим ходом, фр.), как замечает Достоевский, но видимого невооруженным глазом, бурно свершающегося в пореформенное (от «Положения» 1861-го года) время, а именно: запоздалая капитализация России, ее обуржуазивание в считанные годы на фоне стомиллионной крестьянской массы, за тысячелетие Руси – России воспринявшей и утвердившейся в христианской морали, причем в самой ортодоксальной (это слово скорее позитивное) форме русско-византийского православия... ведь в европейских языках православие и переводится как «ортодокс». Итак динамизм запоздалого (догоняющего Европу «задрал штаны» – по Маяковскому) обуржуазивания и инерция массовой христианской, православной морали создали феномен коллапса, что и сказалось на русской литературе пореформенного периода. Антинигилистические романы – от «Отцов и детей» Тургенева до «Взбаламученного моря» и «Людей сороковых годов» А.Ф. Писемского, «Панургова стада» Вс. Крестовского, «Некуда» и «На ножах» Н.С. Лескова и вершины этого жанра «Бесов» Достоевского – явились естественной реакцией русской литературы на этот коллапс. Но, исключая морально-этическую доминанту «Бесов», антинигилистическое напавление не создало видение упомянутого горизонта, очень скоро скатилось все к тому же топтанию на месте, о чем и сказал Достоевский в последний год своей жизни – и с чего мы начали этот раздел.

Но еще в «Братьях Карамазовых» с его центральной идеей Великого инквизитора, исчерпания действенности Христовой морали, прежде всего в западном ареале христианского мира, Достоевский и в русской жизни не обольщается на этот счет. Принято считать, что в этом романе Достоевский в художественных образах исчерпывающе вырисовал три основных типа русского человека в их морально-этической сущности: «карамазовщина» (см. выше), склоняющийся к европейскому рационализм и русское православие с его евангельскими, сохранившимися корнями идеального Христова учения. Верный своей художественной интуиции, Достоевский – ведь не аккуратист же немец! – не четко распределил эти качества-типы по персонажам, братьям Дмитрию, Ивану и Алеше. А иначе куда денешь Смердякова – четвертого брата, хотя бы и незаконнорожденного? Да, доминанты расставлены, но на то основные персонажи и русские люди, что их характеры нельзя, да и не нужно в целях художественной правды, строго ранжировать в «табели о рангах».

... Именно не обольщаться, говорит Достоевский этим своим романом, что-де наша исконная русскость, пресловутый «загадочный русский характер», тысячелетнее русское православие уберегут нас от леденящего дыхания Великого инквизитора. Хотя бы «бегом за Европой» в его время у Достоевского порой вызывало усмешку. Так свой рассказ «Скверный анекдот» он начинает словами: *«Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимую силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам».*

Скоро сказка сказывается – нынешний глобализм-империализм всех уравнивал если пока не в правах, но уж точно в самых тягостных обязанностях расчеловечивания, умозамещения и почетного права быть винтиком биотехнической Мегамашины. Да еще и двуполым без права на размножение.

А пока же Федор Михайлович еще «противится» Европе, мол, *«одна Россия живет не для себя, а для мысли»* («Подросток»). О взаимной же неприязни России, точнее – русских, и Европы Достоевский пишет много и по

делу: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», – завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год). А в выпуске «Дневников писателя» за следующий год не в бровь, но в глаз: *«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»*

... И то, что эти, совершенно не требующие комментариев даже для нынешних русских молодых поколений, высказывания Достоевского и сейчас в полной их моральной и фактологической силе, должно нас вовсе не огорчать, но ... радовать! Ибо это означает, что и на нынешнем пике глобализации Россия еще сопротивляется Великому глобализатору. Значит, мы пока еще не «твари дрожащие» – опять же слова Достоевского. Но он и не склонен делать из этого факта вывод об исторической второстепенности русского народа перед европейскими, как о том мыслит персонаж «Подростка»: *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества».*

Еще задолго до Достоевского в русской литературе обсуждался феномен двойственности, причем в моральном плане антагонистической, отечественного социума. С одной стороны, явно не тяготеющее к истинной христианской морали сукобно-цинковое администрирование и опекаемый им дворянский класс. *«Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника»*, – с полной серьезностью отмечает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год. М.Е. Салтыков – Щедрин и вовсе понижает этот порог до коллежского ассесора, то есть майора... А с другой стороны, это почти все тогдаш-

нее, сельское, да и провинциальное городское, население империи Российской с уже оговоренными не раз выше следованиям православной морали и нравственности. И если даже привелигерованный класс любил пожить в свое удовольствие в Париже и на водах в Карлсбаде (а сам Достоевский там проигрывал свои гонорары...), иногда и подольстить европейскому просвещению, порядку и благонравию, но все же оставались людьми своего отечества. Отсюда и комический образ «русского европейца» в литературе. А это все к тому сказано, что во времена Достоевского Европа и Россия как бы на антиподных местах планеты находились: русские Великому инквизитору не подотчетны, а до Великого глобализатора еще за полтора века.

И все идущее из Европы в массе своей русский народ воспринимал настороженно: слова «немец» и «басурман» уравнивались в своих негативных правах. Про антинигилистические романы выше уже говорилось. И более аргументированные теории от Прудона до Маркса не очень-то одобрялись – потому как из Европы. В «Бесах» Достоевский словами Степана Трофимовича Верховенского (напомним, что этот образ «списан» Достоевским с известного русского либерала, историка и профессора Тимофея Николаевича Грановского...) иронизирует: *«Почему это, я заметил, – шепнул мне раз тогда Степан Трофимович, – почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»*

Даже вовлеченная Антантой в бойню Первой мировой (империалистической) войны, Россия оставалась вне Европы, но зато и народом «второстепенным... которому предназначено послужить лишь материалом...» (см. выше) – пушечным мясом за англо-франко-американские геополитические, колониальные и финансово-олигархические интересы. Здесь же произошло и первое явное явление Великого глобализатора: разрушение трех основных монархий: Российской, Германской и Австро-Венгерской. Но притянуть за

уши Россию Европе не получилось: социалистическая революция, причем вовсе де-факто не «по Марксу» (тот не допускал перехода к социализму в одной отдельно взятой стране), вовсе отделило нашу страну от Европы и всего империалистического мира – на три четверти века.

Опять же, не мытьем, так катаньем, вовлеки СССР во Вторую всеобщую войну, мировой империализм, не сообразив с кем он имеет дело (советская власть и Сталин), в итоге получил мировую же систему социализма и советскую сверхдержаву...

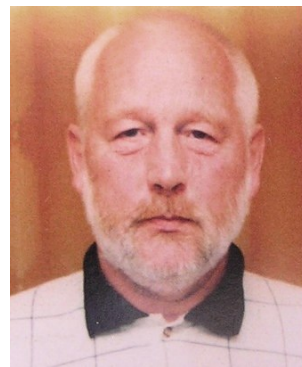
Но полное явление миру уже не маскирующегося Великого глобализатора прервало пробный опережающий ход социальной эволюции. Советского Союза и мировой системы социализма в одночасье не стало. Сбылись самые мрачные предвидения Достоевского. Но ведь «бал еще не окончен»? Главное, что уже вовлеченная в систему глобализации Россия еще не теряет лица. Как и прежде она – не Европа, не Запад, тем более – не Восток. Но тенденции к глобалистскому уравниванию мало кто отрицает. Даже из когорты оптимистов. И все это в рамках пророческого предвидения мы найдем у Достоевского, особенно при внимательном чтении «Дневников писателя». А мы пока хотя бы по допустимому минимуму стараемся сторониться Европы. Достоевский пишет о формировании в русском народе чувства своей инаковости: *«Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русскую и дею (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.), извратить самое православие и совлечь Россию на путь погибели, «по примеру всех других народов». Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть неправа, – неправа перед человечеством, решив бездейтельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества...»* («Дневник писателя» за 1876 год).

... Пусть неправы, но мы последними расчеловечимся. С пением «Варяга».

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

КОСМИЧЕСКОЕ КРИВОЗЕРКАЛЬЕ

В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития.

Джеймс Джойс «Улисс». Часть II. Эпизод 12

◆ Получив приглашение поучаствовать на страницах «Московского Парнаса» в дискуссии-обсуждении книги* по «вечно живой теме «Были или не были американцы на Луне» (первый отклик там же**), в тот же день прочитал указанные две публикации и освежил в голове содержание «катехизиса антилунаамериканцев» – книги Ю.И. Мухина.*** К чему-то попутно вспомнил – от школьных еще самостоятельных упражнений в латыни – одну из формул римского права: «*Summa jus summa injuria*» (Высочайшее право есть высочайшее бесправие). Впрочем, все это пригодилось при дальнейшем написании, а пока, наутро, решил прогуляться в центральном парке города – благо в двух минутах ходьбы, чтобы решить для себя задачу с одним неизвестным: материал известен, мнение давно сложилось, но как ее лучше подать читателю: индуктивно или дедуктивно, говоря языком философическим?

* Лапшин М.И., Скоблов Е.М. Лунная дуэль XX века.– М.: Новые Витражи, 2020.– 78 с.

** Роман Тишковский. Лунные заметки // Московский Парнас.– 2020.– № 4.– С. 94–116.

*** Мухин Ю.И. Лунная афера США.– М.: Издатель Быстров, 2006.– 432 с.

Решил начать с диалектической (Гегель, Энгельс) индукции, задавая по-репортерски вопрос «Были или небыли?» встречным знакомцам с соответствующим уровнем образования и мышления. Благо, центральный наш парк расположен так, что пешей прогулкой через него всего проще добираться меж трех (из пяти городских) районов города. ... Правда, сейчас, на пике противостояния с США, районы переименовали по-американски в округа – это как Вашингтон, дистрикт (округ) Колумбия. Словом, ду ю спик американиш-нижненьюгородиш? Но – это к слову, чтобы расписаться, добру и злу внимания равнодушно.

... А про парк к тому, что, ввиду его интересного расположения в городской черте, там обязательно встретишь знакомцев. Опять же город наш небольшой, в своей социальной «прослойке» и в своей возрастной группе все друг друга знают.

И, явно радуясь бодрому солнечному раннемартовскому дню, староверческий мой бог тотчас послал навстречу двух высококвалифицированных в ракетном деле знакомцев: с одним мы уже за десяток лет заседаем в одном докторском диссертационном совете, с другим вместе начинали инженерную службу в «почтовом ящике» – он и сейчас там трудится по конструкторской части. И люди-то по родословной части какие приличные? – первый суть сын известнейшего оружейника, пистолеты чьего имени и сейчас носят на ремне все люди в погонах, а родная тетка второго – самая прославленная летчица страны в тридцатые и последующие годы...

Сократим поток красноречия: оба ответили на мой вопрос одинаково: «Нет, не были». Как люди воспитанные, без матерных преамбул и эпилогов ответили. Погулявши вволю, вернулся домой с четким настроем: излагать только по дедуктивному философскому уклону, хотя бы он есть прерогатива современных западных подходов: неопозитивизма и объективной эпистемологии (Альфред Тарский, Карл Поппер и пр.). Ведь истина дороже?

♦ Все же хитроумность дедукции в том состоит, что она, с одной стороны, сугубо *объективна*, но с другой – базисом имеет *личностный*, то есть субъективный, *опыт*. Разберемся, как стереотипно говорят в схожих случаях люди в погонах (в американизированной опять же униформе) с тезоименитными «макаровыми» на боку. Опять же, беседуя в парке с племянником прославленной летчицы Гризодубовой, вспомнили свою инженерную молодость в «почтовом ящике». Это опять к делу и к теме настоящего очерка.

...Советская инженерная работа напоминала клуб по интересам (в курилках и после-рабочих «ста грамм с прицепом»), совмещенном с осознанным творческим трудом. Типичное начало трудов дня: входит в нашу лабораторию Сашка К. (потом он окончит ВГИК – несколько раньше чем я Литинститут) и протягивает мне свежий номер «Правды» –

прочти, мол, передовицу. Прочел, восхитился успехам всех во всем и, конечно, *лично* понятно кого. К. молча забирает газету, уходит, а через четверть часа приносит ее *взад*: передовица пестрит подчеркнутыми красным словами и предложениями. «Теперь читай подряд все выделенное!» Читаю и – смесь ужаса и восторга: даже Даллес с его доктриной, передачи «Голоса Америки» и «*Deutsche Welle*» кажутся детскими шалостями в части антисоветчины по сравнению с прочитанным, подчеркнутым красным карандашом игривого «домашнего диссидента» Сашки К. (после окончания сценарного факультета ВГИК'а он работал на студии военных документальных фильмов, писал юмористические пьесы из инженерной жизни, стал – раньше меня – членом Союза писателей СССР).

Итак, вспомнив «игру с передовицей», добавил к дедуктивному, личностному подходу еще и основной принцип, по которому уже полвека развивается обсуждение в прессе вопроса о «Лунной программе» США ... или о «Лунной афере»: то есть смотря по тому: кто пишет (очередной) исходный текст и кто подчеркивает красным карандашом нужные слова!

♦ Не подумайте: нагулялся, мол на солнышке в парке, принял для оптимизма перед обедом стопку почти неподдельного коньячку, по-пионерски отдохнул на «досадной укусетке» (это из «Левши» Лескова...), а ввечеру розохотился писать-сочинять. Нет, все сказанное к делу, а зачин-преамбула потребна для бойкости пера. Потом, о «лунных докуках» каждый пишет по-своему (см. выше сноски на книги).

Объективизм через <достаточный> личностный опыт. Полагаю, что таковой имею. Родившись и выросши в городе подводников Полярном, на Северном флоте, где вся жизнь и инфраструктура связана с боевыми (у подводников нет понятия мирного времени, тем более – во всех обширных владениях флота абсолютный сухой закон!) буднями, я, как и вся ребятня, привычно ощущали всю сложность боевой техники в высшем ее воплощении – в подлодках. А они в годы славы крупнейшего в стране Северного флота поражали своей множественностью и боевыми назначениями. В редкие солнечные дни вся, достаточно обширная, Екатерининская гавань города отсвечивала солнечные лучи от облепивших пирсы, стоящих в два-три номера (то есть борт-о-борт) подлодок. Но и это всего лишь их половина или третья часть – остальные на дежурстве в Атлантике или в Средиземном море «пасут» авианосцы Шестого флота США (6th *United Navy*). И лишь однажды на целый месяц гавань и ее пирсы опустели: все подлодки, все надводные корабли ушли в море и заняли боевые позиции в Ледовитом океане и Атлантике, а дизельные лодки Б-4, Б-36, Б-130 и еще одна, номер запомнил, с атомными торпедами и вовсе прорывались к Кубе, *одни противостоя* всему Атлантическому американскому флоту! На дворе стоял Карибский кризис.

Мы мальчишками, а затем серьезными старшекласниками, на полном серьезе обсуждали, и даже со знанием! – почти у всех отцы служат офицерами-подводниками – сложность оборудования подлодок и выверенную точность их маневрирования (читатель уже смекнул – к чему мы подводим). ...А вошедший в мировую историю подводных флотов взрыв в Екатерининской гавани, то есть в городской черте, подлодки Б-37 с полным боекомплектом торпед в первый наш учебный день после новогодних каникул 1962-го года, секунда в секунду со школьным звонком на первый урок, куда еще нагляднее показал нам: насколько же тонка и хрупка грань между жизнью и смертью людей, обслуживающих сложную военную технику (военная и космическая техника суть братья-близнецы: это к предельному риску гипотетических полетов людей на Луну!): погиб весь экипаж, случайно уцелели командир лодки (с его дочерью мы учились в одном классе и посейчас переписываемся), которого сбросило ударной волной с трапа в воду, загулявший у своей подруги (истинно: смех и грех!) бравый старшина и еще один матрос, который *опоздал* на одни сутки прибытием из отпуска...

Много чего сам увидел, проживая в Полярном, слушая одноклассников, сыновей подводников, и самих их, когда последние два школьных года совмещал с работой электриком в полярнинском Доме офицеров флота. И уже на рубеже отрочества и юности четко понимал: с техникой надо всегда быть «на товсь!» И при самой отлаженной технике самые зловещие «сюрпризы» надо ждать от пресловутого человеческого фактора. Чтобы распротиться с подлодками и перейти к равным им по сложности и функционированию космическим аппаратам, вспомню рассказ матерого мичмана Алексея Васильевича Калинина, что в 9-11 классах вел у нас производственную практику: учил на радистов. Напомню, я и мои сверстники завершали первую, «хрущевскую» одиннадцатилетку, которую Никита вместе с кукурузой, сосисками-пальчиками и автоматами с газированной водой привез из Америки, совершив туда достопамятное плавание (нынешнюю одиннадцатилетку оттуда же востребовали...). А при той последние три года мы учились четыре дня в неделю, а два посвящались приобретению рабочей профессии.

Алексей Васильевич – почти что легенда Полярного, в войну вроде как служил радистом на подлодке Лунина, которая торпедировала последний (три других англичане потопили всем своим флотом) и самый крупный немецкий линкор «Тирпиц». И говоря о том самом человеческом факторе, поведал о итальянской подлодке, что удобно устроилась на перископной глубине прямо напротив Скапа Флоу, главной базы Флота Метрополии в Шотландии, и долгое время радировала в штаб адмирала Дёница о выходе с базы английских кораблей. В радиосвязи же итальянцы маскировались под некую британскую морскую службу. Но – макаронники народ гонористый. В той же радиосвязи радисты *всех*

стран мира разделение между вызываемым и своим позывным, то есть предлог «от» обозначают символом *de*, и только итальянцы как *di*. И как-то итальянский радист подлодки расслабился и отстукал лишнюю точку: *e* – одна точка по Морзе, *i* – две точки. ... Через четверть часа эскадрилья британских противолодочных самолетов в щепки разнесла итальянскую субмарину: за одну лишнюю точку, отбитую на телеграфном ключе радистом-патриотом... Какая же человеческая сверхточность и бдительность должна соблюдаться при полетах на Луну? Но – к ракетам.

◆ Противоборствующие стороны в части «лунной программы» и «лунной аферы» сталкиваются по следующим базовым пунктам: (а) был ли реальный корабль «Сатурн – V» и куда он, в смысле технологии и чертежи, «исчезли» после окончания программы? (б) возможен ли был в те годы технически и человечески (та же радиация космоса?) полет на Луну даже при наличии «Сатурна – V»? (в) «где деньги, Зин?» – история с американскими (под четыре центнера) и «реальными» советскими (трехсотграммовый кулечек) пробами лунного грунта; (г) наконец, почему молчали советские «партия и правительство» при виде явной аферы?

Попробуем ответить, исходя, как было декларировано выше, из собственного жизненного опыта по схеме «субъективный опыт → дедуктивный подход к анализу сущего/не сущего». Окинув ретроспективно, убедился: опыт-то немалый. Жизнь до восемнадцати лет в городе подводников, в их тесной среде, воочию виденные ситуации технических и человеческих факторов успехов и неудач – напомним, подлодка равнозначна космической технике по своей сложности, управлению, а жизнь подводников – тот же космос, только в толще морской воды. Далее учеба на инженера-радиотехника... вот с нее и начнем.

◆ Годы «лунной эпопеи» (1969–1972) почти полностью пришлись на учебу на радиотехническом факультете тульского политеха, в то время входившего в первую десятку вузов страны: как по двадцатитысячной цифре обучающихся, так и по всесоюзной известности основного профиля: подготовка инженеров для оборонпрома – с видными научными школами. Тогда в стране свято придерживались древнеримского девиза: *para pacem, para bellum*, в смысловом переводе: хочешь мира – готовься к войне. Военная кафедра – неременный атрибут технического – и не только технического! – вуза. Вот на военной кафедре я и понял, что Вернер фон Браун несомненно мог создать свой «корабль мечты», то есть «Сатурн – V».

Из трех мировых корифеев космонавтики – фон Брауна, Королева и нынешнего Илона Маска (за ним следующее двадцатилетие прорывов в космосе...) – именно Вернер фон Браун был истинным конструктором – художником в ракетостроении, в отличие от Коро-

лева и Маска занимаясь только творчеством, освободив себя от организационных хлопот. Обещал он фюреру создать сверхракету – и выполнил свое обещание ... только уже для дядюшки Сэма. Как истинному художнику в технике, ему было все равно на кого работать. Окажись он в советской зоне оккупации, он построил бы «Сатурн – V» для СССР, если, конечно, после смерти Сталина и Берии его бы не допекли родной нашей бюрократией и администрированием...

А причем здесь военная кафедра в тульском политехе? – притом, что готовили из нас (высшее военное образование и две звезды на погон) лейтенантов запаса, или служивых «двухгодичников», по специальности «Оперативно-тактическое ракетное вооружение». И изучали мы вторую советскую модификацию «Фау-2» – лебединой песни фон Брауна в Третьем рейхе. Как говорили нам отцы-командиры, от «Фау-2» наша ракета, все три ее модификации (третья уже на подходе была), отличаются лишь видом аккумулятора давления – для вытеснения топлива: керосина и азотной кислоты – пороховой или газовой (ПАД и ГАД). Как истинное произведение технического искусства, «Фау-2» (а мы лазили по ее советской копии, установленной на многоосевом автомобиле) являлось совершенством для своего времени, поэтому все модификации сводились к уменьшению диаметра ракеты, ибо... Вернер фон Браун имел обычную для военных конструкторов Третьего рейха страсть к гигантомании. Это как его собратья в таковой отрасли под конец войны додумались до «*Mäuse*» («Мышонка») – танка весом 240 тонн, которого не выдерживал ни один мост...

Итак, «Сатурн – V» реально мог быть создан и испытан в полете, возможно впрочем все эти «возможно» без людей. Еще проще объяснить пресловутое исчезновение технологий и чертежей. Последние, разумеется, не исчезли, а находятся в Скалистых горах, в пещерах хранения всевозможной документации на случай ядерного или природного катаклизма – для благодарных потомков. Но именно гигантомания фон Брауна сыграла злую шутку с его «кораблем мечты». В военно-космическом ракетостроении и в авиации существует доктрина разумной экономии. Например, проектируют среднепассажирский гражданский самолет – а его военный двойник суть фронтовой бомбардировщик. Крупный пассажирский лайнер – стратегический бомбардировщик. Так и с ракетами. Но для баллистической межконтинентальной ракеты «Сатурн – V» слишком велик, несуразен и отличная цель для противника. Отсюда и свертывание строительства «Сатурна – V»; по крайней мере в серии. И вообще: найдите изображения – в интернете все есть – американских и наших военных и космических ракет и увидите: наши поменьше «ихних» – с сохранением тех же характеристик или даже более высоких. Это все следствие художественной гигантомании Вернера фон Брауна.

Итак, с «Сатурном – V» логика «да – нет» не годится, скорее знак вопроса? Но мечту-то свою фон Браун выполнил!

◆ Между тем научный и технический опыт все расширялся после окончания тульского политеха. Заочно учился на матмехе ЛГУ – стала понятной вся сложность космической математики. Учась же в чисто гуманитарном Литинституте, увлекся философией, что есть основа дедуктивного опыта анализа и синтеза. Двадцать лет проработал в Конструкторских бюро Тулы, где все КБ по линии оборонпрома. В знаменитом Конструкторском бюро приборостроения (ныне имени Академика Шипунова) десять лет трудился по проекту сейчас всемирно известного зенитного ракетно-пушечного комплекса «Панцирь», который ежегодно видим в составе парадов на Красной Площади. Последние два года работы в КБП возглавил его патентную службу – одну из самых продуктивных в Миноборонпроме. И все эти два десятка лет – ракетная тематика.

Две свои первые диссертации – кандидата и доктора технических наук – защищал в МАИ, где был привлечен к проекту Анти-СОИ; напуганные СОИ – шалостью американского президента-киноактера «кремлевские старцы» привлекли к анти-СОИ ведущие научные силы страны... В те же годы стал членом Федерации космонавтики СССР – в руководимую им секцию теории качественного движения меня рекомендовал знаменитый тульский оружейник Коровяков; он же всероссийски известный «научный фантазер»: в то время его публикации по тайнам египетских пирамид, Бермудского треугольника, космоса и пр. часто публиковались в читаемых всей страной «Комсомольской правде» и «Науке и жизни»... Увлеченный был человек, успевая создавать уникальные конструкции спортивно-охотничьего и военного оружия.

... А после был переход из оборонпрома в сферу медико-биологическую; так сказать, от радиофизики (основа радиолокации) в биофизику. Работа первым замом (зам по науке) государственного медицинского НИИ, потом директором даже пришлось поработать некоторое время. Защита диссертации на степень доктора биологических наук, другие степени и звания (все «без дураков», все своей головой...), и создание ныне активно работающих научных школ: «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» (это по части радиации в космосе...) и «Живая материя и феноменология ноосферы» – вот на день-другой отвлекся от написания восемнадцатой по счету монографии по этой тематике.

Все сказанное (переиначим присказку: умением, а не числом) к тому, что на вопрос (б) о возможности собственно полета человека на Луну в конце 60-х – начале 70-х годов (с технической стороны) имею достаточное, научно-интуитивное, аналитическое и техническое, основание ответить: *«скорее нет»*. А без человека, как в те же годы делал СССР,

вполне возможен, но были ли такие полеты? – Здесь, как и в части «Сатурна – V», ставим знак вопроса. Но и такие возможные полеты затушеваны самой «лунной аферой».

Единственно, снимем сомнения апологетов «лунной аферы» в части губительного воздействия космической радиации (см. выше о «Биофизике полей и излучений»): на время возможного полета до Луны, недолгого пребывания там и возвращения на Землю радиационное облучение несущественно.

♦ «Не верю!» – воскликнем по Станиславскому – в части «полетов во сне и наяву» на наш поэтический вечный спутник. «Но верю!» – в эпопею с пробами грунта. Всей душой и головой верю доводам М.И. Лапшина, Ю.И. Мухина и Романа Тишковского (см. выше ссылки на их работы), ибо хорошо знаю академическую кухню, о которой известный советский математик Рухадзе, в одиннадцатый раз не принятый в члены-корреспонденты Академии наук, высказался перефразированными словами Салтыкова – Щедрина о том, что в России генерал – это не звание, а счастье... Знаком с трудами Э.М. Галимова (в одном московском издательстве одновременно и по сходным темам печатались) и хорошо представляю «климат» Института геохимии. И здесь не «зависть провинциала» к столичным мэтрам, как скромно оговариваются названные авторы, присутствует. Автор этих строк нелавролюбив, но твердо знает свое, далеко не последнее, место в отечественной и мировой науке. Две созданные научные школы и две «авторские» дисциплины, введенные Минвузом в программы обучения студентов, лишь небольшое свидетельство...

Не так уж был неправ Пушкин <в проекции на наши дни>: «В академии наук заседает князь Дундук. Почему он заседает? – Потому что есть на что присесть» (извиняюсь, по памяти пишу). Так что на команду «партии и правительства» молчать и не высовываться, чему надо потакать, тогдашние академики ответили дружно: «Чего изволите?»

А Роман Тишковский, как практик, существенно дополнил доводы Ю.И. Мухина в части чехарды с лунным грунтом примером с анализом хромовой руды. В Туле на заводе «Тулачермет» также есть хромовое производство. И вспомнился давний рассказ знакомого, замначальника цеха это производства, который посвятил в тонкости лабораторных анализов хромовой руды: читаю материал Тишковского и слово-в-слово вспоминаю тот рассказ...

♦ Вот в логической последовательности подошли к реакции, точнее отсутствию реакции, «партии и правительства» СССР на «лунную аферу» США. Разумеется, в СССР кому надо, от внешней разведки и заинтересованных военных министерств – а их в стране было достаточно, хотя и под «мирными» названиями – до ЦК КПСС и Совмина, знали об этой «панаме века», сотворенной дядюшкой Сэмом. И техника наблюдения и фиксации

позволяла советской стороне отслеживать все космические действия США. Одна наша база радиозлектронной разведки на Кубе – почти рядом с Флоридой! – все держала под контролем. Здесь 100%-но правы «антилунники» в версии «лунной аферы», но они *неверно* смещают акценты, дескать за кусок колбасы с горбушкой хлеба одобрили аферу американцев!

Нет, далеко не за кусок колбасы, и вовсе не одобряли! Такое же смещение акцентов иначе как подспудным, не мытьем, так катаньем, голова отказывается верить, а в глаза и уши вливается... словом, это смещение суть следствие непрерывной, тридцатилетней пропаганды антисоветизма. И власть придержащих, объективно говоря, понять можно: они ответственны за строительство другого, в корне отличного от советского, государства. Вот и «без лести (но за хорошие деньги!) всегда преданные» СМИ и смещают эти акценты, подталдыкивая советское прошлое, именуемое прилипчивым словом «большевики» (а церковники и вовсе язвят: «большевички»...), даже рассуждая о постановке «Аиды» в Большом театре. Вот только к качеству тех самых советских колбасы и хлеба никак придраться не получается. Народ постарше помнит их вкус – особенно в сравнении с нынешними продуктами пищевой химии, но с западной ценой.

А ведь советская власть и опекаемая ею страна в 1/6 части земной суши в истинно золотые 70-е годы являли собой ни до, ни (увы!) после неповторимое явление социально ориентированного государства высшего равноправия и полного отсутствия атавизма частной собственности. Безо всякого лицемерия, пресловутой политкорректности и прочих толерантностей это было *народное* государство. И советизм, а не пресловутые «большевики», составлял сущность его социума. И главной заботой партии и правительства (без кавычек пишем!), во время «лунной эпопеи» далеко еще не кремлевских старцев, являлись безопасность страны и поддержание, а лучше рост, социальной обеспеченности всего народа. Опять же нормы морали в отношении с империалистами, мягко говоря, слабо исполняются. Почему же не пойти на *внешнюю* сделку с волками: мы пропускаем мимо ушей фикцию вашей «лунной программы», от нас от слов не убудет, а вы нам за это сугубо вещественное: и прекращение вьетнамской войны, и экспорт нефти и газа в Западную Европу, существенный вклад в строительство в СССР недостающих нашей экономике предприятий и пр. и пр. Вы потешите уязвленное (полетом Гагарина) самолюбие, а мы укрепим за ваш счет экономику страны и внешнеполитическое влияния (Западная Европа и Вьетнам), а?»

С волками жить, по-волчьи выть. Самое существенное: именно со времени «лунной аферы» начались существенные сдвиги во внешнеполитических отношениях СССР и США: 70-е годы стали годами взаимных договоренностей; жесткая «холодная война» пе-

решла в стадию взаимного сосуществования. Как два враждующих зверя в зоопарке отгорожены друг от друга двойными решетками, так в эти годы социалистический и империалистический лагеря обезопасились взаимно системой договоров. Парадоксальный, но объективный вывод следует: молчаливое «согласие» СССР с американской «лунной аферой» дало зримый толчок к разрядке международной напряженности! Это многого стоит: назови хоть горшком, только в печь не ставь... И тогдашнее ЦК КПСС выказало себя истинно мудрым, последовав советам создателей Советского Союза – Ленина и сверхдержавы СССР – Сталина, учившим, что для построения советской, социалистической страны гоже и даже нужно всячески использовать потенциал мирового империализма. И неча упрекать в «моральных уступках» США. А от «лунной эпопеи» на память человечеству остался шестисерийный (по числу «полетов») голливудский фильм блестящего мастера кино съемки Стенли Кубрика.

... Кстати о фильмах. Советские руководители ведь просто «промолчали», никак не комментируя и, тем более, не популяризируя «лунные успехи» США. Ведь все было на <моих> глазах: просто сообщения в газетах где-то на четвертой полосе, кратчайшее, помещенное между новостями со строек коммунизма... Никаких марок почтовых, всяких анонсов и пр. Никто из нас даже не помнил: а сколько этих «полетов» имело место быть? Даже наоборот, власти наши не упускали случая политкорректно, говоря на современном американо-нижегородском языке, поиронизировать по части «лунных успехов» США. Почему-то никто из наших авторов-«антилунников» не вспоминает о самой блестящей иронии такого рода. Речь идет о голливудском фильме (а кто сказал, что в США все скопом поверили?) «Козерог-1» (не уверен, по прошествии лет, в цифре...). Надо сказать, что все эти «космические фэнтази» западной киноиндустрии на советские экраны не допускались. И вдруг? – самым широким, на всю страну, экраном, причем дважды прокатился этот «Козерог» – полное разоблачение (между строк, вернее, между кадрами) «лунных полетов»: запуск корабля при свете юпитеров, при тех 5000 зрителей, о которых пишет один из названных выше авторов, но без экипажа, который «черным ходом» сошел с ракеты. И далее экипаж спасается от погони, и вся пресса и телерадио гремят фанфарами в честь успеха США – полета человека за пределы солнечной системы! Даже и не на ближнюю Луну...

... Свою публикацию о «лунной афере» Роман Тишковский (см. ссылку выше) завершил шутовым фотоколлажем: на фоне лунного пейзажа путь астронавта НАСА перебегающего домашний кот черно-белой окраски. И мы завершим котом, даже двумя – цитатой

из книги* А.Н. Энгельгардта, за сто лет до «лунной эпопеи» образно показавшего, как можно манипулировать общественным мнением: *«Кошки у меня приучены так, что когда я сажусь ужинать, то они вспрыгивают на стулья, стоящие кругом стола, за которым я ужинаю: одна садится по правую сторону меня, другая – по левую. Выпив водки, я ужинаю и во время ужина учу кошек терпению и благонравию, чтобы они сидели чинно, не клали лапок на стол, дожидались, пока большие возьмут и т.п.»*

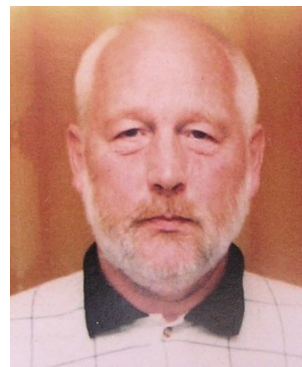
... Впрочем, сейчас, проснувшись поутру и сообразив, что живешь в мире победившего глобализма, все сочиненное Джорджем Оруэллом в «1984» с избытком сбылось, а «правда – это ложь», смешно и обсуждать пресловутое создание общественного мнения вокруг «лунной эпопеи» далеких 70-х годов.

* Из книги: Энгельгардт А.Н. «Из деревни: 12 писем, 1871–1887» (7-е изд., М.: Мысль, 1987). Автор – из старинного русского дворянского рода (хотя фамилия и не русская...), выдающийся химик уровня Менделеева, Бекетова, Бородин (композитора тож), петербургский профессор. За одобрение студенческих волнений был сослан в свое имение в Смоленской губернии, где создал передовое в России сельскохозяйственное предприятие. По указанной книге Маркс и Ленин изучали крестьянскую экономику в России, а Сталин рекомендовал ее как настольную для всех сельхозруководителей. Еще Александр Николаевич блестяще владел русским литературным языком...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

СВОЙ ПУТЬ, ИЛИ НЕ ВСЕ ИДУТ В НОГУ?

К вопросу об истоках русофобии

... Можно позволить себе сказать про Россию странную вещь, что она есть нация из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.). Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична. Она же, с другой стороны, самая славянская из всех... потому, что только у нее и существует уже, и зарождается, и может, утверждаясь, развиваться дальше – многое такое, что не свойственно было до сих пор ни европейцам, ни азиатцам, ни Западу, ни Востоку.

Константин Леонтьев «Письма о восточных делах»

◆ Мы намеренно заменили в эпиграфе многоточием, то есть пропустили, слова Леонтьева *«Не потому только, что она призвана стать политически во главе (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.) славян»*. Ибо это было неверным как во времена Леонтьева (1831–1891, даты его жизни), так тем более

сейчас. Даже в советскую эпоху, когда *все* славянские народы мира в рамках их государственности, даже кашубы и лужичане на территории ГДР, входили в созданный и возглавляемый СССР социалистический блок стран. Ибо сложность отношений с Югославией, прямые антисоветские выступления в Чехословакии и Польше, а тем более мгновенный распад этого блока на рубеже 80–90-х годов, наглядно показывают определенную искусственность, основанную на праве победителя в Третьей мировой войне, но никак не историческую органичность такого «политического главенства»... Безусловно прав был Д.С. Мережковский: *«Леонтьев – глубокий мыслитель и никуда не годный политик»* (в очерке «Страшное дитя»).

Таким образом, в определении таким провидцем, каким был Константин Леонтьев – страшным дитем по Д.С. Мережковскому, самым «неудобным» (для всех!) русским мыслителем, и себя называвшим «реакционным консерватором», – пресловутой русскости, своего пути и пр. остается эта самая загадочная «неславянская славянскость», с ходу не прочитываемая, требующая напряжения мысли для осознания. Это ведь не сугубая конкретность Фридриха Энгельса (или Маркса?.. нет, вроде как Энгельса), определившего с немецкой понятийной дотошностью сущность современного ему чешского этноса: славянские немцы. И даже столь же осознанно понимаемая религиозная причина разобщенности славянских народов, навряд ли разделяющая единого южнославянского этноса на православных сербов, католиков-хорватов и принявших мусульманство боснийцев. Во всем остальном, кроме верований, это единый по крови и языку* народ. Но как же это религиозное разъединение изменило их характеры, душу, социумную специфику? – Трагическая история распада, вернее – разрушения Югославии, превращения некогда сильной, самодостаточной страны СФРЮ (одна из восьми стран мира, строившая подводные лодки!) в лимитрофные удельные княжества, еще не потускнела в

* Тот факт, что во времена Югославии Иосипа Броз Тито (кстати, хорвата) находились в Сербии сербско-хорватский, а в Хорватии хорватско-сербский языки, отличавшиеся лишь алфавитами, кириллицей и латиницей, соответственно, есть сугубо политический момент...

памяти нынешних среднестарших поколений, не говоря уже о старших. То есть можно дать прямой ответ на стихотворный вопрос Ф.И. Тютчева:

Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море.

И ропщет мыслящий тростник?

Мыслящий тростник – этот образ взят Тютчевым у Паскаля (слаб как тростник, но мыслит!). В этой строфе Федор Иванович подразумевает разлад и противоречие человеческого сознания и стихийности бессознательной природы. Но ведь и социальная эволюция, при всей ее априорности диалектике Гегеля и движению Истории по Фейербаху, для мышления конкретного человека и в период его разумной жизни воспринимается неожиданной-негаданной стихийностью? Завтрашний ответ на сегодняшний вопрос для него не предугадан.

Другое дело, когда рассуждаем, условно повернув стрелу времени (И. Пригожина) вспять, о делах прошедших, пробуя отыскать корни и движущую силу того же своего пути России, расшифровать эвфемизм *русскости* и леонтьевской *неславянской славянскости*. Размышляя о прошлом в Истории, непременно отыскиваем своего рода «временные реперы», то есть характерные отметины прошедшего. Так и в ретроспективном взгляде на русское прошлое, прошедшее тысячелетие с гаком, где гак можно и в ограниченное число лет оценить, исходя от фактологии памятника в Новгороде Великом, но и лишку поболее прихватить.

Для нашей истории русскости и своего пути эти временные реперы следующие: «щит на вратах Цареграда»; растянувшийся на сто лет, от Куликовской битвы до Стояния на Угре (войск хана Ахмета и Ивана III), знаковый период создания государства Московской Руси; создание Московского царства Иваном IV; «Москва есть Третий Рим, а четвертому не бывать» – апофеоз царствования Алексея Михайловича (Тишайшего); Отечественная война 1812-го года с его «народной дубиной» («Война и мир»); тост Сталина на

приеме советских военачальников в 1945 году о русском народе. Повторимся: отмечены именно реперы русскости, а не социально-политические, военные и пр. даты. Тем более, что некоторые из последних прямо подпадают под определение Н.С. Лескова из «Запечатленного ангела», а именно: «— Ну, а у нас, — говорю, — верно, другое образование, и с предковскими преданиями связь рассыпана, дабы все казалось обновленное, как будто и весь род русский только вчера насадка под крапивой вывела».

Итак, завершая внешне несколько сумбурное (что, собственно, также является художественным приемом, поскольку здесь пишется литературно-публицистический очерк...) введение, оговоримся: это не *summa summarum* воззрений «на русскость» того же Леонтьева, Д.С. Мережковского, В.В. Розанова, Г.П. Данилевского, даже столь близких нам Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского. При всем почтении к славянофилам, особенно А.С. Хомякову, Ю.Ф. Самарину, братьям Киреевским и братьям же Аксаковым (Хомяков и Киреевские вовсе тульские земляки), в наше время их акценты на существо вопроса существенно смещены...

Конечно, человеку свойственно стремление если не всю Америку, то хоть часть ее, например, какой-нибудь крошечный штат на атлантическом побережье «открыть». Но всегда следует держать под контролем девятый вал исторического фантазирования, особенно, если пишешь на столь неоднозначно определенную тему. Все же не удержимся и приведем еще два базовых определения Константина Леонтьева (*op.cit*):

<a> «Назначение России еще и потому не может быть односторонне славянским, что сама Россия давно уже не чисто славянская держава. Азиатские, подвластные Короне русской, провинции, обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин» (увы, окраин этих мы лишились...).

<б> «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и др. азиатцев или даже вовсе никого (выд. нами. – А.Я.), чем южных и западных славян. В нас больше лени, больше фатализма, гораздо больше покорности властям, больше распущенности, добродушия, безумной отваги, непостоянства, несравненно больше (выд. К.Н. Леонтьевым. – А.Я.) склонности к религиозному мистицизму (даже к творчеству религиозному, к разным еретическим выдумкам), чем у сербов, болгар, чехов и хорватов».

Итак, к неславянской славянскости...

♦ *Русофобия – это не антитеза русскости.* Акцент на таком утверждении ставим по той причине, что именно сейчас, в связи с известными событиями, наблюдаем крупнейшее в истории России ее противостояние с Западом, то есть всей Европой (кроме Европейской части России) плюс Соединенные Штаты с их сателлитами в остальных частях света. Крупнейшее – ибо и ранее противостояние России с Западом имели место быть неоднократно.

Самое раннее, но и наиболее длительное, в несколько веков, перманентно меняющиеся идеологические, политические и военные фазы, противостояние – это натиск католицизма на Русь – Россию, как оплот православия: «Первый Рим против Третьего», говоря образно, иносказательно. Именно это противостояние с религиозным базисом, с одной стороны, выявило понятие русскости в ее ассоциации с ортодоксальным (в западных языках православие именуется как *ortodox*), византийского корня православием. Но собственно понятие русофобии тогда не существовало, ибо в религиозном натиске Запада борьба шла не за «тело», то есть национальность, а за «душу» - вероисповедание. Во всяком случае такой девиз осенял хоругви крестоносцев и других легатов папства – объединенного католического (до Лютера и Кальвина) Запада.

После превращения Улуса Джучиева, как именовалась Древняя Русь в составе Золотой Орды, в Великое княжество московское, далее в Русское царство, сколь-либо выраженного противостояния объединенного Запада и

России не было. Да и сам Запад в эти столетия вошел в эпоху внутренних раздоров. А если и шла бесконечная война с поляками, то это, говоря словами Пушкина, был «старый спор славян между собою»: верного росса и кичливого ляха («Клеветникам России»). Того же рода и источника ливонские войны – за обретение древних своих балтийских земель. Наконец, при втором Романове с его концепцией Третьего Рима Россия и вовсе отъединилась от Запада, замкнувшись в своих пределах, благо там было чем заняться. Самодостаточность, автаркия – вот великий антиглобалистский, как бы сейчас сказали, пример существования России без Запада, что оставил нам в назидательную память царь Алексей Михайлович. Соответственно православная русскость возобладала как понятие государственное, неотъемлемое от социального устройства России. Именно тогда само понятие национальности, то есть русскости, проассоциировалось с религиозной принадлежностью: русский ≡ православный. Все иные в царстве именовались, впрочем уважительно, *инославными*, без какого-либо акцента на национальную принадлежность. То же самое объединяющее: на Западе – все немцы, за Волгой все наши подданные – татары, а «на Москве» крещеные татары.

Понятия же русофобии в период XV–XVIII веков *не существовало* по определению (см. выше). Когда у каждого народа свой бог (религия с ее моралью и нравственностью), то он также если и не уважает, но понимает необходимость самостности любого народа – со своим богом. Это прекрасно выразил Ф.М. Достоевский словами «антиглобалиста» Шатова из «Бесов»: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем обособленнее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

... Обычные упреки в адрес Петра Первого: провозвестник интернационализма-глобализма для России, разрушитель благолепного «Третьего Рима» своего отца, обезглавил Русскую православную церковь заменой патриарха синодальной канцелярией и пр. и пр. – малосостоятельны в плане историче-

ском, социально-эволюционном. Если его современник, французский король Людовик XIV утверждал, что «государство – это я», а последующий Людовик «под номером XV» и вовсе заявил, что *apres moi le déluge* (после меня хоть потоп), то все действия Петра Первого сугубо по своему содержанию и целям национальны. Хотя бы сам он носил голландский кафтан, дворянам велел сбрить бороды, на ассамблеях пить немерено водку и курить табак. Какая там русофобия?

И весь последующий восемнадцатый «век императриц» как-то без особых противостояний прошел. Конечно, войны постоянно имели место быть, но так, почти «домашние» (по определению Достоевского; см. далее): извечные с турками, победоносная – при Елизавете – с Пруссией. Однако в последней трети XVIII века прозвучали два тревожных звоночка – в дальнейшем предвидения явления европейской русофобии. Первый – отзвук активного участия России в разделе Польши. Тем самым, от многовекового, давнего «спора славян между собою», то есть противостояния *без ненависти*, Екатериной, царицей по-немецки осмотрительной и дальновидной, был совершен опрометчивый переход к локальной предрусофобии, то есть к зарождению генофенотипической *ненависти* поляков к России: именно к России, но пока еще не к русским... Последнюю ввел в «обиход» поляков Юзеф Пилсудский.

Более тревожным явился другой «звонок»: втягивание России, в таком масштабе впервые в ее истории, во *всеевропейское* военно-политическое противостояние, то есть в активное участие в наполеоновских войнах, начиная с кампании 1799 (блестящий анализ ее военной части дан Клаузевицем, офицером попеременно прусской и русской службы, в работе «1799 год»). В отличие от предыдущих «домашних» войн, отныне Россия становится пушечным мясом Европы, на которую «цивилизованные» европейцы возлагают бранные тяготы и ответную ненависть – источник грядущей русофобии – народов, которые Европа руками России решила усмерять.

Как говорится, «классика жанра» – решения такой двуетапной задачи была апробована в окончательных наполеоновских войнах 1812–1815 годов, про-

должна в разгроме европейских революций и восстаний 1848 года, а апофеоз – Первая мировая (империалистическая) война. В 1813 году, после полного изгнания Наполеона из России (армия частью полегла в землю, остальные были разобраны провинциальными помещиками в повара, учителя и скомохохи), мудрейший Михайло Илларионович советовал Александру Первому остановиться: более корсиканец к нам не полезет, а будет до скончания (своего) веку биться с англичанами и австрияками. Но очень уж захотелось «властителю слабому и лукавому» въехать на белом коне в Париж, как Цезарь въезжал в этот же город, только с другим названием: Лютеция.

Прямое (одно из многих, пагубных для России) следствие такого триумфа на коне – официальное закрепление на Венском конгрессе, *праобразе* (именно *пра!*) некоей *ЕвроООН*, за Россией обязанности *жандарма Европы*. И если вхождение русской армии в Париж не то что не вызвало ненависти к русским, но в чем-то даже восхитило французов, то вот разгром в 1848 году по наущению Австрии восставшей Венгрии – это обретение если не вечного, как Польша, но все же многолетнего врага (обе мировые войны XX века – отголосок такой враждебности). Вспомните, как старуха Изергиль у молодого еще (1895 год) Горького упрекает русского собеседника, зачем вы мадьяров-то жестоко так побили? То есть, спустя полвека, даже цыганка таборная помнит о несправедливости русских, то как же это в памяти венгров отложилось!

В Первую мировую войну Россию уже просто заставили выступить пушечным мясом Антанты, заплатив французскими займами банкира Ротшильда. Однако сам сценарий втягивания был разработан до мелочей ситуаций: русско-японская война, революция 1905-го года, финансовые вливания в русскую военную промышленность, либерализация (конституирование? – термин с намеком...) самодержавия и пр. и пр. – все было просчитано, учтено, санкционировано и спровоцировано. А кем все было так тщательно подготовлено?

◆ Уже с конца XVIII века выступает и главная организующая антиросийская сила: *англичанка подгадила* – обязательно остановится взгляд на этих

словах при чтении русской классики второй половины XIX века. Как и другие устойчивые (смысловые) словосочетания, например, «бостонское чаепитие», «буря в викторианской чашке чая» (пожалуй, чай – единственное, что объединяет Россию с Англией...), они во многом определяли политику Британии в отношении России, временами агрессивно активную. Во всяком случае, смерть трех русских императоров, Павла Первого и обоих Николаев, – прямое дело рук, в смысле указаний, *англичанки*. Кратко напомним общеизвестное. Павел принял невыгоднейшее для России решение вместе с Наполеоном изолировать Англию от европейской политики, экономики и пр., демонстративно направив в сторону Индии экспедиционный корпус из двадцати казачьих полков. Приговор *англичанки* не заставил себя ждать. Более того, убийство Павла I было обставлено с косвенным участием его сына Александра Павловича, что дало возможность английской политике «держатъ кукиш за пазухой» в отношении Александра Первого: отцеубийство – смертный грех, тем самым влияя на курс политики России...

Свержение последнего русского царя, за которым последовал и расстрел императорской семьи, что, конечно, само собой подразумевалось (*англичанка* все делает чужими руками!), имело основанием удержать союзника на фронтах предотвращением в России революции... вышло все наоборот: один из немногих в истории Англии крупных политических провалов. Что ж, и на старуху (здесь не королевы Виктория и Елизавета Вторая имеются в виду...) бывает проруха.

А вот явно преждевременная кончина Николая I, «рыцаря самодержавия», как следствие ответственности за позор Крымской войны, знаковый момент: впервые Англия в столь явной форме, неприкрыто и с целеуказанием на будущее выступила в качестве организатора *праНАТО* с обозначением главного врага Европы: России. Тогдашняя объединенная Европа в лице Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства* образцово-показательно

* Замечено, что народ посмеивается, когда узнает, что Сардинское королевство участвовало в Крымской войне; дескать, моська к европейским слонам пристала... Но ведь это только название? Остров Сардиния всего лишь составная часть Сардинского королевства – другое название Пьемонт, то есть это область на се-

наказала Россию за ее попытку ущемить британские интересы: русский флот на Черном море правильно понимался европейцами как оперативно действующий в Средиземном море. Разумеется и Турция здесь имела вроде как даже больший интерес... но в XIX веке, во второй его половине, с этими интересами «больного человека Европы» особенно никто не считался. Главное – *англичанку* обидела Российская империя. Отсюда, «в поддержку» южного фронта войны с Россией, и демонстративные обстрелы с угрозами высадки десантов с кораблей английских эскадр на остальных трех «румбах»: Кронштадт на западе, беломорские Соловецкие острова и мурманская Кола (полностью разрушена и сожжена; в том числе уникальный деревянный 19-главый Воскресенский собор XVII века) на севере и дальневосточный Петропавловск Камчатский. Почти глобально *англичанка* подошла к наказанию России!

Что уж здесь говорить о двадцатом веке и вплоть до нынешних дней? – Все ясно, разобрано по деталям, а сейчас и вовсе на глазах наших; но об этом дальше будет сказано.

Теперь от исторических иллюстраций перейдем к обоснованию выдвинутого выше определения: *руссофобия* – это не антитеза русскости, предположив ему два главных вывода в части агрессивной устремленности Европы в отношении России (при великих князьях, царях, императорах, генсеках и президентах – все едино), сделанных... величайшим провидцем Ф.М. Достоевским. Не в бровь, но в глаз!

<в> *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», – завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год).

<г> *«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»* («Дневник писателя» за 1877 год).

И еще уточним семантику слова «русофобия». Собственно *фобия* (от греч. *phobos* – страх, боязнь) суть вторая часть сложных слов, имеющих значения нетерпимости или боязни. В части семантики использование слова «русофобия» следует различать в зависимости от стороны использования:

– на Западе это сочетание: нетерпимость + боязнь, причем нетерпимость в смысле неприятия;

– в России полагается, что термин «русофобия» используется на Западе в контексте: боязнь + равнодушие к России, а собственно равнодушие Запада это есть несколько гуманизованная форма понятия *untermensch* (от Ницше до Геббельса).

... Так полагают *они* и так думаем *мы*. Среди знаковых персонажей произведений Ф.М. Достоевского значится и такой, что сродни нашей нынешней пятой (лучше сказать – шестой) идеологической колонне. Федор Михайлович так его определил («Подросток»): *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества»*.

Таковы три трактовки русофобии: западная, наша в рефлексии воспринимаемого нами Запада и, так сказать, отечественная ренегатская – идеологической пятой-шестой колонны. То есть понятие русофобии является эвфемизмом в широком, неоднозначном трактовании. В то же время это не субъективность, но объективный подход с позиций противостоящих сторон.

С позиции эволюционной эпистемологии (*ἐπιστήμη* – знание, то есть теории познания), то есть философского учения, наиболее адекватно описывающего сущность социальной эволюции (К.Р. Поппер и др. – с опорой на

диалектику метафизики И. Канта...), источник русофобии, трактуемой в контексте противостояния Россия – Запад (Европа + внеевропейский англосаксонский, правильнее – англоязычный, мир), объясняется разделением ветвей социальной эволюции. Это как в биоэволюции живой мир Земли, пройдя начальный путь предживых вирусов, на этапе одноклеточных разделился на две ветви: фауну и флору. Поскольку же природа экономна в части используемых ходов (принцип эволюционной экономии), то, аналогично общей биоэволюции, и ее составляющая – эволюция <человека> претерпела такое же разделение: западная и евразийско-русская цивилизации. Первым такое разделение обозначил выдающийся социальный философ современности А.А. Зиновьев.

♦ Обобщенно западную ветвь социальной эволюции можно характеризовать как индивидуалистическую частнособственническую, а евразийско-русскую как общинно-социалистическую. Как любой другой эволюционный процесс, такое разделение имеет отправной точкой само начало социальной эволюции, относимое к возникновению цивилизации и культуры, каковая эпоха насчитывает порядка десяти тысяч лет. Возрастная по замедленному эволюционному закону, эволюционный процесс в апофеозе переходит в резко возрастающую гиперболу: эффект мгновенного сжатия исторического времени. Таким апофеозом в разделении путей социальной эволюции явился XX век с образованием СССР, а далее мировой системы социализма. Тот факт, что СССР потерпел поражение в Третьей («холодной», информационной и пр.) мировой войне говорит только о том, что это был пробный, опережающий ход социальной эволюции. Ведь и европейский капитализм не сразу одолел феодализм? – метод возвратно-поступательных ходов.

В более распространенной терминологии западная ветвь суть «золотой миллиард», а евразийско-русская ветвь есть форпост всего остального мира: хотя бы (сейчас) и в форме ориентира в *протесте* против западной капиталократии.

Опять же исходим из фундаментального принципа эволюционной экономики <номенклатуры ходов>*: если разделение живого мира имело <эволюционной> целью создание в рамках его ареала пищевой пирамиды: фауна кормится флорой, а последняя субстанциями неживой природы, да еще создает и поддерживает окислительную атмосферу, то разделение ветвей в социальной эволюции лучше Ф.М. Достоевского еще никто не определил: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потеть личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя впрочем, и будут работать»* (изложение в «Бесах» сути трактата Шигалева; отсюда и термин «шигалевщина» в русской социально-политической публицистике).

Итак: по вполне обусловленной аналогии с разделением в биоэволюции живого мира на пищевую пирамиду: «фауна питается флорой», в социальной эволюции <человека> разделение на «золотой миллиард» и весь остальной мир («девять десятых») также подразумевает существование первого трудами второго. Это азы современной политэкономии, идущие от «Капитала».

Во главе «золотого миллиарда» – по мере его вычленения – стояла Англия, а ныне порожденная ею Америка, а в совокупности – англоязычный мир. Такое главенство есть не случайный выбор Истории (кому масть выпадет...), но обусловлен островным положением Британии и удаленностью от Старого Света Америки, США. – Отсюда и атлантическая цивилизация ≡ «золотой миллиард» вкупе с Западной Европой. То есть, с одной стороны, выбор Истории не случаен; с другой – ведь в эпоху великого переселения народов на Британские острова могли попасть не обязательно кельтские племена уэльшей, скоттов, предков ирландцев? А в средние века дополнить их

* Это как Резерфорд предположил планетарную модель атома, исходя из строения Вселенной...

могли не германские саксы, а, допустим, латинизированные франки и вестготы?

Вывод: главенство в «золотом миллиарде» атлантической англоязычной цивилизации есть в большей степени историческое влияние геополитического и экономического факторов, а в меньшей – этнического, национального. Хотя именно сочетание этих факторов создало атлантическую цивилизацию с перерождением в нынешний «золотой миллиард».

Точно также можно ответить, объясняя нашу посылку: *руссофобия – это не антитеза русскости*. Континентальное, евразийское положение России (к середине XIX века 1/6 (+ Польша, Финляндия, Аляска) часть земной суши!) в ее тесном географическом, геополитическом, отчасти экономическом соседстве с Европой, традиционная общинность, внутреннее неприятие либерализма и демократии европейского образца, а главное – опережающий (пробный) ход социальной эволюции в форме создания строя советского социализма и организации ею мировой социалистической системы – все это в совокупности и сделало Россию в ее исторической преемственности идеологическим, этическим (не этническим!) и пр. форпостом противостояния «золотому миллиарду» мира: явно, как во времена СССР; неявно-подспудно, как в исторические времена; особая ситуация суть нынешняя, в эпоху решительного натиска глобализма, но – об этом ниже отдельно скажем.

Вывод: руссофобия в ее «взглядах с различных сторон» в меньшей степени обусловлена неким «особым путем» России, спецификой «загадочного русского характера» и пр. стереотипы, но в большей – сочетанием геополитических, сугубо географических, отчасти экономических факторов, поставивших «игрой Истории» Россию, опять же историческую, форпостом натиску «золотого миллиарда». То есть, не особенности «своего пути», но скорее: не все идут по команде социальной эволюции в ногу. Итак, руссофобия – это эвфемизм, замещающий многофакторный анализ истинного *status quo*.

А если бы русское племя не вытеснило (и не ассимилировало) мордву с ее исторической территории – Восточно-Европейской равнины, а Россия воз-

никала бы на этнической базе этой угро-финской ветви? Благо, что и название столицы изменять бы не пришлось: Москва – болото на мокшанском языке (мордва разделена на два племени: мокша и эрзя). Что бы изменилось в мировой геополитике? Да и адмирал Федор Федорович Ушаков вроде как мордвином был... Громил бы так же турецкий флот!

Итак, дадим определение русского и русскости.

♦ *Русский и русскость* никак нельзя однозначно ассоциировать с понятиями *национальности* и чем-то выраженной *этносоциальности*. Как уже указывалось выше, эвфемизм русскости близок по смыслу леонтьевской неславянской славянской. Но сначала определимся с «национальным вопросом». В цитате <a> читаем: «сама Россия давно уже не чисто славянская держава». Но это в отношении многонациональности; вспомним недавние привычные определения: сто народов, сто языков, объединенных исторически, государственно, этнокультурно; скреплены русским языком, как средством межнационального общения и так далее... что дает право и основание считать советский народ новой формой единой общности – нации. Правда, в «оригинале» использовалась идеологически выверенная лексика, но по сути – вернейшее определение сложившегося русского этноса, широко понимаемого. Именно поэтому современный западный империализм-глобализм активно разрушает главную связку русского этноса – русский язык; но об этом опять же ниже и отдельно будет сказано.

Что же касается собственно русской национальности, то это момент скорее риторический, в лучшем случае – исторический, актуальный в отнесении ко времени становления Великороссии, то есть формирования Московской Руси в XIII–XVI вв., ибо чисто национальный источник здесь не является определяющим; да не прогневаются славянофилы и демонстративные русские патриоты! Сам автор этого очерка условно чистокровный русак; как говорится, «анкета чиста» более чем в семи поколениях вспять. Мать из потомственных архангельских поморов рода онежских Третьяковых, а туда даже вездесущие татары с начальниками-монголами не заходили... Отец же из ка-

лужских староверов-поповцев (Белокриницкого толка; см. у Мельникова-Печерского в «Очерках поповщины»), а это наиболее сохранившийся русский этнотип: жену брать из соседней деревни и только «веры древлего благочестия»...

Такая «чистокровность» и позволяет, не почесывая в сомнении затылок, давать объективную ретроспекцию в анализе русской национальности.

... Вроде как маркизу де Кюстину, попутешествовавшему по России и написавшему злобно-русофобскую книгу о ней, принадлежат слова: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» – «Поскребите русского, и вы увидите татарина» (фр.). Но такое отождествление не выдерживает никакой критики и антиисторично. ... Сейчас в этнографии пик моды на выявление этногенов, так называемых *гаплогрупп*. Согласно подобным исследованиям (верить им? – дело на любителя...), современное русское население России характеризуется сочетанием гаплогрупп *R1a1* (48%) и *I* (22%), то есть общей исходной индоевропейской и славянской – частной. Оставшиеся проценты (30%) могут быть с определенной уверенностью отнесены к вариациям *N*-гаплогруппы, то есть монголоидной.

Так вот они *наши* татары! – воскликнет любознательный неофит, но тут же и поостынет, узнав: в *N*-группу входят и финно-угорские народы (от 58 до 77 % *N*-признаков). А у татар тоже далеко не 100% монголоидных признаков, равно как и у всех тюркско-алтайских народов.

Так от кого русские переняли эти 30% *N*-признаков? – от ордынских набегов XII–XV веков, либо же от финно-угорцев (с акцентом на первом слове, ибо угорская ветвь, то есть коми-пермяки, ханты, манси и ушедшие в Европу мадьяры-венгры далековаты...), от той же мордвы, на территории которой и возникла Московская Русь? Кто даст ответ... А он очевиден безо всяких изысканий в пыльных архивах.

Этнос, то есть народ, племя, род и пр., приобретает устойчивые этногены другого этноса иной гаплогруппы *только* при длительном, более трех-четырёх поколений, как минимум, совместном проживании, то есть в резуль-

тате одного из видов ассимиляции: привносимой, отдаваемой, равнозначной (полагаем, термины понятны). Но у русского населения XII–XV веков той части Среднерусской равнины, которая считалась территорией Улуса Джучиева, на которую распространялась ордынская юрисдикция: налоговая (дань) и военно-политическая, как, например, участие в битвах Александра Невского с Тевтонским орденом и шведами союзной монголо-татарской конницы. То есть фактора совместного проживания не было, что *исключает ассимиляцию*.

Локальные же факторы крайне ограниченной привносимой (см. выше) ассимиляции никакой роли не играют. Приведем пару примеров для очевидности такого утверждения.

(1) Когда известный советский антрополог М.М. Герасимов, используя свой метод реконструкции мягких частей лица по черепу (в современных компьютерных программах это занимает секунды времени), воссоздал облик Ивана Грозного, то в нем увидели явно проступающие монголоидные, тюркские черты. И это не удивительно: не народ, но высшие сословия Московской Руси взаимоассимилировались с таким же ордынским сословием. Во-первых, это династические браки внутри единого государственного устройства Золотой Орды, в которую на правах автономии входил <русский> Улус Джучиев; во-вторых и в главных, начиная со второй половины XIV века и захирения Орды, а также хитромудрой политики московских государей, дальновидные по-азиатски татарские знатные люди все активнее стали переходить под руку московских великих князей. Согласно своим ордынским званиям, они на Москве получали равнозначные боярские. Опять же Москва охотно раздавала им земельные владения – в основном за счет извечно недружелюбной Рязани... Нынешние города Касимов и Кадам тому напоминовение.

Чего далеко ходить в мыслях? – возьмите любую книгу в части русской истории, а впрочем достаточно и романа из классики XIX века, приглядитесь к фамилиям родовитых дворянских персонажей: если не половина, то уж

треть точно имеют ордынские корни... Юсуповы, Ардашевы, Курбские, Карамзины и пр. Даже два царя на Руси были татарского происхождения: настоящий – Борис Годунов, и ВРИО Ивана Грозного – царевич Симеон Бекбулатович. Но – и опять же! – такая локальная ассимиляция «погоды» не делала.

(2) ... Когда в конце 60-х годов наша семья переехала из Заполярья в Тулу, то славный этот город еще в полной мере сохранял тот же вид, что в предшествующих веках: за исключением каменных домов постройки XVIII–XX вв. вдоль главного проспекта Ленина и главной же улицы Заречья - Октябрьской, весь остальной полумиллионный город по утрам торопился на многочисленные оборонные предприятия, пристукнув калиткой своих деревянных домишек – тех же лет постройки.... Проходя же в вечерней темноте по улицам такого доисторического города, почему-то постоянно держишь в голове слова персонажа из «Грабежа» Н.С. Лескова: *«Егда люди потрапезуют и, помоляся, уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят»*.

Столь лирическое вступление к тому, что в то время обитатели города поколениями проживали в исторически сложившихся слободах: то же Заречье, Оружейная слобода, Лентяевка, Чулково, Площадка, Попово болото с его литературно-знаменитой «Растеряевой улицей»... То есть в жителях этих основных районов (не в административном толковании) города сохраняли *in summa* сложившийся генофенотип. Опять же полудеревенские нравы и обычаи этих исторических анклавов и брачные отношения локализовали: живут на соседних улицах, работают на *своем* близлежащем заводе; опять же особо не приударись за девками *чужой* слободы: в ходу исторически сложившиеся «стенки на стенку». И хотя герои-космонавты уже полдесяток лет стартуют с Байконура, но вот такую архаику застал в славном городе Туле, которую еще полностью не перестроил и не выхлопотал ей звание Города-героя благодетель города – первый секретарь обкома Иван Харитонович Юнак...

А теперь резюме к сказанному. С самого начала проживания в деревянной Туле отметил: если идешь по историческому району (см. выше их назва-

ния), то все встречные девушки удивительно красивы... как-то с восточным «оттенком», а пожилые женщины и вовсе словно нездешних мест. Короче говоря, все они похожи на татарок. Причем не казанских и касимовских (тамошних красавиц зовут *алтын-чач*, то есть *золотая коса*), но темноволосых и смуглых крымских. Далее и пояснять нечего: почти три века крымчаки набегали на Москву, а Тула на их пути являлась «аэродромом подскока», выражаясь военно-летным языком, где они от пары месяцев до полугода обитались, готовя бросок на столицу. Отсюда и повторяющаяся в течении веков *привносимая* (см. выше) ассимиляция. Нравы были простые: «Башни с зубцами нам покоритесь, гордые девы нам отдадитесь»*.

... Но как только зайдешь в относительно новые (впрочем, тоже почти все деревянные) районы города, как-то: Криволучье, Серебровку, Лихвинку, Новую Тулу, Глушанки (сюда в 40-е годы переселяли жителей Западной Украины; как и в другие города Центральной России), – то уже не увидишь потомков по крови крымских татар.

Таким образом, факты имевших место быть в русской истории локальных привносимых ассимиляцией вида **(1)** и **(2)** исключают татарское происхождение *N*-признаков в сумме гаплогрупп ($R1a1 + I + N$), характеризующих русский этнос. Остается один, уже и не требующий особого обсуждения ответ: *N*-признаки в русский этнос привнесены в результате равнозначной (см. выше) ассимиляции восточных славян, вошедших впоследствии в Московскую Русь (вятичи, радимичи, отчасти дреговичи и древляне, кривичи, словене ильменские, весь и меря) и финно-угорских племен: еми, чуды заволочской, черемисов (мари), мордвы, что составляют сейчас народности, населяющие северо-восток и восток (по Волге) европейской части России. Здесь особый вклад принадлежит, как было указано, мордве – мокше. Здесь и «высокоученых» доказательств не следует искать; раскройте географический атлас на Европейской России и далее листайте по областям, отмечая характер-

* Хор (марш) солдат из оперы Шарля Гуно «Фауст»; сочинители советских маршей в 1920-е годы тоже были людьми простыми: именно этот хор они и взяли музыкальной основой гимна советской пионерии; понятно, заменив текстовку: «Взвейтесь кострами, синие ночи. Мы, пионеры, дети рабочих...».

ные названия городов, поселков, деревень. В той же Тульской области найдете: Мордвесы, Мордвиново, Мордовцево и пр. То же самое по соседним областям, например, достаточно заметный город Моршанск – от мордовского «морша». О названии Москвы сказано выше.

Резюме: отыскивать именно в национальной специфике (пресловутая «загадочная русская душа») русского этноса источник западной русофобии есть дело неблагодарное и почти что несерьезное, поскольку сочетание гаплогрупп (см. выше) в представителях условно обозначаемой национальности «русский» является обычным для всех европейских ветвей индоевропейской этногруппы.

... Не там ищите, господа-товарищи, не там! С тем же успехом можно говорить о «загадочной фламандской душе».

◆ Несколько ближе к источнику-побудителю западной русофобии качество *русскости*. Здесь тоже можно долго растекаться мыслью по древу, пока не закончится десь писчей бумаги. Однако исчерпывающее, хотя и неявное, определение русскости дал в XIX веке граф Уваров (помните проклятия ему в советских школьных учебниках?): *самодержавие, православие, народность*. *In summa* это и дает русскость, понимаемую как качество самоидентификации русского человека – причем обязательно в своем социуме! Православие в этой триаде, само собой разумеется, понимается не сугубо в смысле воцерковленности или начетничества, о чем язвительно пишет Н.С. Лесков в «Однодуме»: *«На Руси все православные знают, что кто библию прочитал и «до Христа дочитался»*, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато такие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся»*.

Как всегда, «и ныне и присно...» истинное содержание православия, имманентного определению русскости, объяснил Ф.М. Достоевский в «Идиоте» словами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие про-*

* То есть прочитал весь Ветхий Завет и подошел к Новому Завету (в порядке их следования в библии).

ступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу» (выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.).

... По летописной легенде князь Владимир, выбирая на замену язычеству одну из существующих монотеистических религий, отвергнув, как неприемлемые для русского человека и государственности Киевской Руси католичество, иудаизм и ислам (обоснование см. в летописях о крещении Руси), был поражен и восхищен – со слов греческих священников – великолепием и благостью, величием и основательностью церковного устройства Византии. При этом немаловажным являлось и точное следование православия – восточного христианства духу учения Христа, его евангельской морали и этическим канонам: заповедям блаженств Нового Завета (Нагорной проповеди).

Действительно, диковатому еще лесостепному народу восточнославянских племен (см. выше), только-только насильно, «мечом и огнем», как сохранилось в древних народных преданиях, отлученному от язычества с его сонмом почти что «домашних» богов под водительством Перуна-защитника, с детски наивной душой неопита пришлось по сердцу великолепие строящихся храмов с основательной претензией на византийский стиль. А когда первых греческих священников в них заменили хорошо говорящими по-русски, то эти души и вовсе затрепетали, преисполняясь восторгом открываемой – каждым для себя – истины первоизданного в православии Христова учения: высшего этического и морально-нравственного учения, когда-либо заповеданного человечеству. Причем учения совершенно отдаленного от религиозной нетерпимости, в котором все другие религии уважительно именуется *инославными* – тоже славными, но – иными.

Такое содержание и сущность русского православия и позволили, в основном без «меча и огня», создать государство «ста языков» – некоторую

укрупненную нацию, которая и подразумевается в уваровской *народности*, а в советское время – новая советская общность. См. <а> и <б> в определении Константина Леонтьева. Добавим из Ф.М. Достоевского: «*Одна Россия живет не для себя, а для мысли*». И здесь же в «Подростке» Федор Михайлович отвергает <западную> логику мышления, негодную для определения русскости, как симбиоза православия и народности: «*Тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска*».

А самодержавие, как замыкающее триаду определение русскости, также следует понимать не в смысле тирании, сугубого единовластия, пресловутого деспотизма, тоталитаризма – конька в терминологии нынешнего евролиберализма (точнее – *либерастии головного мозга*, как кто-то недавно метко определил это *status quo...*).

Сразу отметим, что все известные в истории попытки Запада объяснить сущность русского самодержавия подпадают под саркастические строки Н.С. Лескова: «... *Он сам почти миф, а история его легенда. Чтобы повествовать о нем – надо быть французом, потому что одним людям этой нации удастся объяснить другим то, чего они сами не понимают*» («Несмертельный Голован»). Упомянутый выше французский (по Н.С. Лескову...) маркиз с его русофобским трактатом далеко не первым «пробовал объяснить» существо русского самодержавия. Еще в XVI веке, когда Иван Грозный только вводил в обиход слово *самодержец*, австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн высказал свои впечатления о пребывании в России в книге «Записки о Москве» (вроде бы так она называется?), которую принято считать первым письменным источником западной русофобии.

♦ Как и все другие фобии, отрицательное отношение Запада к русскому самодержавию имеет два корня: бытовой и – условно так назовем – авторитарный. Проще всего объяснить на примере взаимных национальных фобий, далее разветвляющихся в сторону ксенофобии и шовинизма. На бытовом уровне – кухонные пересуды и соседские перепалки – такие фобии суть обычное дело. Даже пояснять не требуется. Но вот высказывание в той или

иной степени авторитетных персон – это уже прямой путь к межнациональной розни. Примеров в истории тьма, но почему-то принято относить это на счет философствующих писателей. Потому наверное, что это люди-то в общем безобидные – см. выше окончание цитаты из «Однодума» Н.С. Лескова.

Допустим, сказал человек сложной национальности* Стендаль: «Все итальянцы певцы и предатели», – так не бросились же сицилийские мафиози тех лет «на разборку» с оскорбителем? – Благо он недалеко находился по должности французского консула в итальянских (тогда разрозненных) землях... Но вот кто все нации обидел и оболгал, так это Фридрих Ницше; о французах: «В других частях света есть обезьяны, а в Европе французы». Всем от него досталось – от англичан до русских и поляков, но более всего своим соплеменникам, немцам. Так Ницше и бить-то грех великий: больной человек, клинический шизофреник... Но в наше время полной утраты моральных норм самое милое дело для акцентации глобалистских фобий и больных детей выставить – та же Грета Тумберг... Однако возвратимся к русскому самодержавию.

Непонимание влечет за собой отрицание – это одна из формул римского права. И Запад как раз не понимает, точнее, не хочет понять сущность русского самодержавия, то есть условного единовластия, исторически имманентного организации власти в России – как бы эта власть и сама Россия в текущие моменты ее истории не именовались. Этот Запад вдолбил в головы всех и вся (авторитарные + бытовые корни) разделение всех властей на два вида, данное Никколо Макиавелли в его «Государе» на примере абсолютной власти турецкого султана и власти французского короля, опирающейся на высшую аристократию с ее средневековым определением короля как первого среди равных и девизом: вассал моего вассала не мой вассал. Как ни покажется странным, но следование таким утверждениям и породило нынешнюю

* Стендаль родом из Эльзас-Лотарингии, население которой веками взаимоассимилировалось немцами и французами; начиная с XVIII века, после каждой войны немцев с французами эта провинция переходила к победителю. Сейчас у Франции, хотя бы ее вклад в победу над Германией во Второй мировой войне весьма условный...

европейскую (вообще западную) демократию-либерализм; она же скоренько сворачиваемая в фашизм-нацизм, как в 30–40-е года прошлого века и, пожалуй, сейчас повторяется...

Но вот на Руси эту всеобщую средневековую иерархию власти позволила *напрочь изъять* из обихода все та же Золотая Орда: одновременно примером единоличной ханской власти и захватом Руси с последующим трехвековым владением ею, как следствие именно «феодальной демократии» в крайней форме княжеской раздробленности... Потому уже первые правители Московской Руси начали ограничивать, с одной стороны, *лествичное* право наследования (передача высшей власти братьям по нисходящему старшинству), с другой – боярское местничество. В короткий срок, «между двумя Иванами Васильевичами», то есть Иваном III и Иваном Грозным, то и другое было ликвидировано законодательно и «усмирительно».

Великая смута начала XVII века лишний раз утвердила власть и народ в мысли, что только самодержавие, опирающееся на народность и православие, является наиболее приемлемым устройением русского государства.

В новой династии Романовых царь Алексей Михайлович своей концепцией Третьего Рима (а Четвертому не бывать...) укрепил русское самодержавие православием, его морально-этическими канонами, преодолев раскол, минимизировав его последствия. А его сын Петр Первый, окончательно – даже демонстративно-показательно! – ликвидировал остатки феодального местничества, «сделал ставку» на народ, то есть укрепил связку самодержавие – народ. Опять-таки как бы странно это не звучало... В той или иной степени триединость русскости непременно присутствовала в государственном устройстве России XVIII–XIX веков, а в иной форме, скорее просто внешней, достигла апогея в XX веке в Советской России. Далее следует глобализация, к которой обратимся ниже (извиняемся за повтор...).

Сущность же западного непонимания и потому неприятия русского самодержавия в том состоит, что им, западникам, никогда не был ведом общинный строй русского народа и государства. И относительная историческая

молодость России (тысячелетие против ~ 2500 лет западной истории цивилизации и культуры) еще доселе позволяет русскому народу в сумме сохранять морально-этические первохристианские нормы. Общинность же, скрепляемая этикой православия, требует государственного устройства с прямым, «недемократическим» по западным меркам, управлением, единоначалие (внешнее) которого есть обратная связь, отражение мироощущения народа. Да и сама этимология слова «самодержавие» вовсе не есть «государство это я» европейских монархий (Людовик IV; см. выше), но утверждение, что держава Россия есть самостность в единении народа-общины и власти государства. Таково принципиальное различие и... очередной повод возникновения западной русофобии: им это не дано понять генофенотипически, а значит возникает подспудно чувство опасения, отсюда и враждебность. Идем далее...

♦ *Россия как «догоняющая» Европу: причины, негативные и позитивные моменты.* «... Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», – распевали в парижском ресторане «Корнилов» белогвардейские офицеры первой волны эмиграции. Хоть крохотный, сапожный, но все же гвоздик в здании русофобии: на Западе отчеств нет, что символично: уже во втором поколении корней своих не поминают, а в России за одно только право «по отчеству» именоваться купцы кредитовали Петра Первого на войну со Швецией. И таких гвоздиков, гвоздей и скрепляющих углы стальных скоб множество использовано Западом в строительстве Храма русофобии: отличное от них → не понимаемое → враждебное. И здание это все прирастает этажами усилиями объединяющей Запад подспудной, но все более явной идеи: от *Comite permanent universeb* – Союзного совета, или всемирной управы (лат.) средневековых франкмасонов до нынешнего глобализма, проявившегося Тайного мирового правительства на высшей стадии империализма (это как у В.И. Ленина – высшей стадии капитализма) – финансово-олигархической капиталократии.

В дополнение к сказанному выше обсудим такую мощную, собственно *фундаментальную* деталь здания русофобии, как различие культурно-цивилизационного времени формирования Европы и России. Оптимисты

назовут это молодостью нашего Отечества; скептики, они же либералы-демократы, поименуют «вечным отставанием России». Объективисты, к числу которых мы себя относим, выразятся более строго: Россия, как «догоняющая» Европу. Здесь для нас нет ничего обидного – не зря же определяющее слово взято в кавычках.

Федор Михайлович Достоевский не был ни скептиком, ни <социальным> пессимистом, но сугубым объективистом, правда, воспринимающим настоящее ему и будущее в подлинной реалистичности... что человеку в его неизбывном ожидании хотя бы условного «рая земного» (*«Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой»* – Горький «На дне») крайне неприятно; неуютно ему, зябко и тревожно. Вот и черт говорит Ивану Карамазову в его горячечном бреде, правильно говорит: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений – один только вред!»*

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн), конечно, не черт, а яростный движитель всемирной социалистической революции (по Карлу Марксу). Еще он выдающийся публицист, говорит схожее («Литература и революция», 1923): *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*.

То есть и Троцкий явный объективист, но, как пламенный оратор для масс, выражает ту же мысль менее огорчительно для ушей жаждущих «сна золотого»... А итогом можно считать философский афоризм Освальда Шпенглера (из «Заката Европы»): *«Быть для чужих историей, а не претерпевать чужую историю...»*

Итак, объективно рассуждая, «добру и злу внимая равнодушно, в сопоставлении с Европой Россия молода. За ней нет в цивилизационном плане культуры, искусства во всех ипостасях ее Муз, науки, образования и пр. и пр. античности, первохристианских веков, эпохи Возрождения, Реформации, Просвещения, феодально-буржуазного преломления с его культурным и

научным взлетом, Великих творческих эпох (по Ромену Роллану). То есть не пресловутое школьно-оправдательное, что-де ордынцы нас на триста лет затормозили; тем более именно в XIII–XV веках закладываются основы Московской Руси со всеми атрибутами новой цивилизации и культуры, а русский Север, Новгород со Псковым, восточная часть Великого княжества Литовского – будущие составные части Руси – России – и вовсе в Золотую Орду не входили... Но именно исторически-временное отставание на полторы тысячи лет от европейской цивилизации поставили нас в положение вечно «догоняющего»: во всем, исключая воспринятую русскими первохристианскую мораль и нравственность (см. выше).

Ученики оказались достойными своих учителей, чему много характерных примеров. Возникшая почти на пустом – по сравнению с европейской – месте, с его салонно-любительскими «упражнениями в изящной словесности», русская литература XIX века в краткий исторический период стала вровень с ней, в чем-то явно и превзойдя. Советская литература, как преемница и продолжательница русской традиции, также достойно держала себя, позиционируя Западу.

Все то же самое можно небезосновательно отнести на счет русской XIX-го века и советской науки, техники, философии, пластических и иных искусств. Опять же в советское время неизменной оставалась первохристианская этика и мораль – в иных терминах переписанные в «Моральный кодекс строителя коммунизма» Христовы заповеди...

Но все же уложиться в два века по сравнению с двадцатью пятью европейской цивилизации и культуры – это и есть хотя бы похвальное и достойное уважение, но все же использование «сокращенного европейского учебника». Законы социальной эволюции столь подспудны и фундаментальны, что фанатизм натиска и рукотворный волюнтаризм (это как в 1964 году снятого с поста Н.С. Хрущева поименовали; правда, добавив еще малопонятный термин пробобелист...), даже для благих целей и намерений, не в силах преодолеть таковые.

Итак, «догоняющая» Европу Россия (Америка – это доминион Европы, хотя бы и превзошедший свою метрополию) – есть фактор объективно-социальный, эволюционный, в целом для нас небидный. Перечитайте «Отцов и детей» нашего классика... Причины такого «догонянья» ясны, а вот следствием имеем как негатив, так и позитив; первый – со стороны Европы, глядящей на нас; второй – позитив именно для нас... если либерально не отдавать честь по артикулу с равнением на Запад. О чем говорит Евгений Павлович в «Идиоте» Ф.М. Достоевского: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замретвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».*

... Это к слову, но существенно по нашей теме.

<α> Негативный эффект – с позиции западников – от «догона» Европы, как существенный вклад в европейскую русофобию, – это, во-первых, некое чванство, почти презрение (см. выше об *Untermensch'e*); во-вторых, такая составляющая любой фобии, как страх и опасение. Это сугубо биологической природы инстинкт. Как, например, могучий тигр трусовато убегает от беззащитного человека, обнаружив его у себя за (за спиной – не скажешь) хвостом. У человека же инстинкт + знание дают интуицию, которая суть составляющая фобии; в данном случае – русофобии.

<β> Позитивный эффект (нет худа без добра) состоит в презумпции молодости перед породившей ее зрелостью, переходящей в почтенную старость. Такое биологическое обоснование справедливо и для социальной эволюции. Другое дело, дано ли на нынешнем этапе этой эволюции, замыкающейся на глобализацию, это право презумпции? Ниже этим и завершим наш очерк.

◆ *Русофобия как инструмент глобализации.* Мы анализируем не собственно русофобию в действии, но ее истоки. Поэтому, полагая ее одним из рабочих инструментов современной глобализации, опять же акцент ставим «на призвании варягов на Русь», то есть на подготовке категории русофобии в недрах развивающегося и крепчающего глобализма. Как-то так, не совсем гладко выразимся.

... Минуло всего-то (по историческим меркам «всего-то»!) полвека с небольшим, как ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения) в 1969 году изъяло из Международной классификации болезней (МКБ) пункт, определявший гомосексуализм как психическое заболевание класса шизофрении, а госчиновники от медицины понесли какую-то чушь о перепутанных хромосомах и еще чего-то, что на ум придет. И вот теперь в части торжествующей на Западе половой либерастии-толерастии сбылись слова, тож провидца как и Достоевский, Н.С. Лескова: *«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть (выд. нами. – А.Я.), когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность»* («Соборяне»).

Таковая либеротолерастия (извиняемся за вводимое в великий и могучий новое слова. С Федора Михайловича пример берем с его «стушевался»...) суть мощный инструмент глобализма не только в части – основное назначение! – «гуманного» сокращения численности народонаселения мира, кстати, западного в том числе (корытников много, а ложек мало...), и расчеловечивание этого же населения, освобождения его от излишних в светлом глобобудущем норм поведения: от чисто биологических до морально-этических. Здесь уже Бальзаку дадим слово: *«Там где все горбатые, стройность становится уродством».*

Роль человека в этом «светлом будущем» опять же Достоевским определена, как сургучной печатью припечатана: *«Мало того: тотчас же обратится он из человека в органнй штифттик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифттик в ор-*

ганном вале? Как вы думаете? Сосчитаем вероятность, – может это случиться или нет?» («Записки из подполья»). И добавляет определение нынешнего *homo globalicum* (человека глобализованного) следующими словами: «Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами. – А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей» («Братья Карамазовы»; обращенные к Христу слова Великого инквизитора о трех его евангельских искушениях: чудом, тайной и авторитетом).

... Напомнив словами классиков литературно-философской мысли существо глобализации, которая уже сейчас не то что «близ есмь при дверях», но уже в дверь человечества уверенно вошла и расставляет «органные штифтики» по их местам и ролям в рабочем механизме глобальной мегамшины всеобщего человеиника (термин А.А. Зиновьева – на смену муравейнику Ф.М. Достоевского), перейдем к определению русофобии – важного рабочего инструмента на нынешнем этапе глобализации-расчеловечивания.

И это будет у нас хотя и не *третье*, как в словах Великого инквизитора, намного большее по числу следования, но *последнее* утверждение в определении истоков западной русофобии.

♦ Как ни крути <головой>, как не морщись и не плюй через левое плечо «чур меня, нечистая, чур», но с позиции диалектического объективизма глобализация есть <очередной> качественный скачок в социальной эволюции. Увы! И на начальном (нынешнем) этапе этого скачка – перехода к глобальному планетарному биотехническому (человек биологический + автоматизированная техническая мегамашинa) вновь резко проявляется «отставание» молодой русской цивилизации от Европы (Запада вообще), уже отрекшейся от всех категорий <христианской> морали и вбивающей последние гвозди в крышку гроба с человеком индивидуальным, биологическим, творчески аналогово мыслящим. Сам же он, *homo globalicum europeus* современный, про-

дуцент аморальной либеротолерантности и деградирующей творческое мышление цифрофрени, переводящей его в утилитарное, и есть тот органический штифт Ф.М. Достоевского. В плане социальной эволюции человек эпохи глобализации суть *равный среди равных* винтик-штифт биотехнической мегамашины, имитирующей на техническом, информационном уровне свершившуюся биоэволюцию. Зачем нужна такая имитация? – на это человеку всеобщая, вселенская эволюция ответа никогда не даст...

А раз мы в очередной раз в истории «отстали» от Европы, еще сохраняем, хотя бы в усеченном виде, «облик мораль» (к месту скажем, хотя бы не до смеха...), а от творческого аналогового мышления не перешли еще полностью к утилитарному цифровому, то у последней (Европы) срабатывает в очередной раз условный социальный рефлекс русофобии: раз ты не в ногу с нами идешь, то тем ты подозрителен нам, словом, Карфаген должен быть уничтожен. С каждым таким взрывом русофобии морально-этическая «цена» действий Запада в сторону России, конечно, ослабевает... как бы Карл Маркс сказал, правда, по другому поводу: *«Удешевление этого товара (выд. нами. – А.Я.) уменьшает только затраты рабочего на рубашки»* («Капитал», Т. I, Кн. 1). Эпоха глобализации предельно обостряет социальные коллизии, ту же действенность русофобии. Тот же Троцкий пишет: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар – обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволоки телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами. – А.Я.), точно школьный глобус»* («Литература и революция», 1923).

Нынешняя искусственная сеть суть интернет...

Главное, что следует понять, анализируя истоки западной, европейской русофобии, так это ее сложившийся за века социально-инстинктивный характер, облеченный в одежды геополитики, просто текущей политики и экономических интересов жадного до чужого Запада. Европейца тож. И если до недавних (исторически) времен агрессивность русофобии еще как-то сдерживалась остатками христианской этики и морали, то теперь и эта преграда

снесена... И не дано им, тыквоголовым, торжествующими под знаменами цветов радуги, понять моральную первооснову русского человека с его не-славянской славянскостью (по К. Леонтьеву) и своим путем в этом меняющемся мире, который: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачками в грудь и молился в зловонной конуре своей неисккупленными слезами своими к «боженьке!»* (Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»).

... *Bonitas problematica!* – ответит на моральный реквием Достоевского несовершенному миру благоразумно мыслящий европеец, – *проблематичная доброта!* Но на том пока и стоим...

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Я БУДУ СКАКАТЬ ПО ХОЛМАМ ЗАДРЕМАВШЕЙ ОТЧИЗНЫ»

*...Люблю навек, до вечного покоя...
Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.*

«Видения на холме»

◆ В вышедших к юбилею Литературного института им. А. М. Горького «Материалах к библиографическому справочнику...»^{*} Николаю Рубцову посвящено чуть более половины страницы (С. 145—146). Но эти полстраницы содержат емкие отзывы о его поэзии людей, хорошо знавших Рубцова и оценивших его стихи. «В простых элегических стихах Рубцова отразилась его глубокая привязанность к русской деревне с ее церквями: мир техники, города и бездушной цивилизации был ему настолько чужд, что он даже противопоставил его своему миру звезд, воды, берез, тишины и просторов. Он писал по внутреннему убеждению, отклоняя все, что не связано с его собственными радостями и страданиями» (В. Казак). «Он начал с того, к чему поэты приходили после долгих исканий» (А. Урбан).

Е. Евтушенко подчеркивал, что именно ему выпала честь впервые напечатать Рубцова в Москве. А Ю. Минералов дает его краткий, но законченный портрет-характеристику: «...Но под бушлатом билось крестьянское сердце, нежное и ранимое. Колю прозвали Шарфиком, потому что вокруг его худенькой загорелой шеи всегда было намотано что-то пестренькое. Он был поэтом есенинской традиции, больше всего на свете любивший природу, деревню, од-

^{*} Они учились в Литинституте: 1933—2006. Материалы к библиографическому справочнику студентов дневного и заочного отделений и слушателей Высших курсов Литературного института имени А. М. Горького.— М.: Литературный институт имени А.М. Горького, 2006.— 549 с.

нако никогда не впадавший в сусальное умиление. Многие из тех, кто стал набиваться в его душеприказчики посмертно, при жизни его недооценивали, иногда и спаивали... Он трагически погиб от руки жены, наверняка не хотевшей его гибели. Но его слова «Я буду жить в своем народе» оправдались... Рубцов — в лучшем смысле национальный поэт. Дело не только в проблематике его стихов, где регулярно поднимаются мотивы судеб России, русской природы, русской истории... Дело и в том, что герой Рубцова несет в себе набор основных черт русского национального характера, национальной психологии».

... И еще краткие факты биографии: архангелогородец, родился в крестьянской семье в поселке Емец, сирото-детдомовец. Далее по жизни: Лесотехнический техникум в вологодской Тотье окончил в 1951 году, кочегар на рыболовецких судах, опять же на Севере: «Я весь в мазуте и в тавоте, зато работаю в тралфлоте...» И воинская служба там же, на Севере; потом слесарь на ленинградском заводе, учеба в Литинституте (семинар поэзии Н. Сидоренко) с исключением «за неправильное поведение» и далее восстановлением на заочном отделении...

При жизни издал четыре небольших сборника стихов, два из них в Москве, в издательстве «Советский писатель». После смерти раз в год-два выходили его книги в том же «Совписе», «Современнике», «Молодой гвардии», в провинциальных издательствах.

...Очень короткая и незамысловатая биография поэта, даже пушкинского возраста не достигшего. Все это, конечно, не сравнимо со значением Рубцова для русской литературы не только какой-то там трети, четверти, а правильное — десятилетия, двадцатого века, но для русской поэзии и вообще!

Стукнул по карману — не звенит.

Стукнул по другому — не слышать.

Если только буду знаменит,

То поеду в Ялту отдыхать...

«Элегия»

◆ До поступления на заочное отделение — семинар прозы Б. М. Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника» — Литературного института в 1975 году имя Николая Рубцова было для меня как-то «не на слуху». Не потому что сам «чистый» прозаик, хотя бы из написанного имел за душой только требовавшиеся для участия в литинститутском конкурсе 30—40 машинописных страниц и «отстуканные» за оставшийся до подачи заявления в будущую *alma mater* неполный месяц... Нет, здесь сыграл свою роль некий «младовозрастной» максимализм: полагая, что русская поэзия закончилась если не Серебрянным веком, то где-то к началу тридцатых годов... Бывает такое.

Зато прибыв на вступительные экзамены и поселившись в достопамятном общежитии Литинститута в одной комнате с почти что земляком, каковыми полагают себя туляки и калужане, поэтом Анатолием Кузьмичевским — его имя и посейчас многие помнят, — тотчас вошел в круг тогдашних поэтических пристрастий, в котором Рубцов едва ли не доминировал.

Поскольку абитура еще не страдала «гвардейским либерализмом» полноправных студентов, то и ходили мы попервоначалу в порядке следования: книжные магазины — винные лавки. А в первых как раз в этот год появились на прилавках рубцовские «Подорожники»*, фактически полное собрание всех его стихов, включая и ранние 1957—1962 гг. А Анатолий, как всякий настоящий поэт, держащий в памяти все прочитанное или услышанное из стихотворного, добавлял из не вошедшего в этот объемный томик:

Мне поставят памятник

В городе или на селе —

Буду я и каменный навеселе.

(И я тоже стараюсь цитировать по памяти)

В столицах в оценках личностей всегда преобладал, а ныне и вовсе единственным остался, «бытовой» подтекст. Так и в окололитературных кругах в тот год еще не улеглись страсти по поводу смерти вологодского поэта; тогда в

* Рубцов Н. М. Подорожники. Стихотворения. Сост. и автор предисл. В. Коротаев.— М.: «Молодая гвардия», 1975,— 304 с., ил. Владислава Сергеева (тираж 100 000 экз.).

теленостях такие вещи не смаковали... «Я умру в крещенские морозы», — предчувствовал поэт. И действительно, в январе родился, в январе (19 января 1971) и покинул этот не лучший из миров, не дотянув до возраста Пушкина. А околелитературный народ все подзуживал: оба из-за жен своих смерть приняли, один на дуэли, другой — задушенный ночью Людмилой Дербиной, с которой он собирался пожениться, за то, что накануне днем в пьяной малости, этакой «есенинщине», на литературном собрании в пух и в прах разделал слабенькие стишата своей подруги... Женщины никому не прощают уязвленного себялюбия, а в ярости теряют свой обычный практицизм. Тоже многоточие следовало бы поставить, да стилистически некорректно.

Еще больше о рубцовой «бытовухе» мы узнавали от истовых вестовщиц литинститутского общежития: едва ли не с самого основания этого фигуристого здания послесталинского ампира трудившихся здесь почтенных возрастом, но зорких и памятливых сторожих-вахтерш, уборщиц и иных по линии коменданта и завхоза. С доброй улыбкой они, сидя на вестибюльных стульчиках и диванчике, рассказывали окружавшим их младшекурсникам о Коле Рубцове. Как, осточертевшись бесконечной пьянкой в «нумерах», выходил он едва не за полночь, усаживался на ступеньке межэтажной лестницы и, растягивая меха гармошки, пел умеренно матерные частушки: «Емца-дрица, цам-царница», то подгонял к протяжным, северного запала мелодиям свои стихи.

И порой дрался, хотя этой самой драчливостью не страдал. Может в памяти добрых вестовщиц, калейдоскопически отображающей череды сменяющихся друг друга будущих «инженеров человеческих душ», на образ Коли накладывались и другие заметные характеры, но, в общем-то, в своих воспоминаниях они были недалеко от истины. И так же охотно эти бабули подтверждали самые эффектные были из общежитской жизни поэта. Навроде той, что произошла с эфиопским князем, едва ли не дальним родственником тогдашнего, казалось, вечного императора православной африканской страны Хайле Селасие Первого — прямого потомка царицы Савской, большого друга Советской страны, как минимум, раз в год приезжавшего в Москву. Как и тогдашний иранский шах.

Диссидентствующие на кухонных посиделках столичные интеллигенты подначивали: дескать, обе коронованные особы по очереди приезжают в Москву, чтобы «свести сальдо с бульдо»: перевести накопившиеся в СССР внешнеторговые авуары своих стран на личные счета в Швейцарии...

Насчет иранского шаха Пехлеви народ не сомневался: с начала двадцатых годов еще по ленинскому договору вся северная нефть персидской монархии отгружалась в СССР, но вот что взять с нищей Эфиопии? Называли финики и марганцевую руду, с которой у нас всегда было сложно.

...Вот этот-то князь, решивший, видимо, стать вторым* великим эфиопским поэтом, сдружился с Рубцовым и, что называется, смотрел тому в рот, возил друга Николая на взятом в посольстве «форде» по Москве, не избегая питейных заведений. Неизвестно, как Рубцов, не знавший эфиопского, равно как и любых других иностранных языков, смог оценить качество стихов князя (а В. Брюсов в «Фиалках в тигеле» прямо говорил, что переводные стихи принадлежат не автору, но сугубо переводчику), но, как позже своей гражданской жене Дербиной, так и дружественному эфиопу сказал все, что он думает о его невенценосной музе. Воспитанный князь не стал душить Николая, но, высадив того, с налету врезал посольский «форд» в правый угол литинститутской общаги.

Услышавшие эту увлекательную историю начинающие студиозусы со вниманием рассматривали знаменитый правый фасадный угол общежития, даже казалось: да, явно видны щербины и слой штукатурки вроде как обновленный. Старшекурсники же, проникнутые духом жизненного снобизма, подшучивали: мол, в десятке шагов от угла забегаловка, известная своим ранним, едва ли не в шесть утра, открытием, в которой собираются на опохмел труженики близкого Останкинского мясокомбината и студенты Литинститута и МИИЖТ'a**, общага которого тоже поблизости. Вот и балуются порой, разбивая об угол бутылочки 0,33 литра из-под фирменного пива «Останкинское». Словом, огорошивали наивных первокурсников... пришел поручик Ржевский и

* Знающие люди утверждают, что в Адис-Абебе поставили памятник Пушкину с надписью, что-де это великий эфиопский поэт...

** Московский институт инженеров железнодорожного транспорта.

нее или «терпимо хорошо»? — Главное, чтобы атеизм не являлся воинствующим в духе Емельяна Ярославского — Губельмана.

И развязным гулябщиком Рубцов опять же не мог быть все по тому же воспитанию в жизненной среде, где на первом месте стоит дисциплинированность: детдом, заводская работа, служба в военно-морском флоте, причем не на «каботаже» или берегу, но на боевом эсминце «Острый», а до этого — в тралфлоте, где все «в мазуте и в товоте». Да еще учеба в двух техникумах и Литинституте... впрочем, о последнем скромно умолчим (см. выше).

Рискнем предположить, а скорее всего скажем очевидное. Предельное вольнолюбие, отсутствие лицемерия, осторожности, предвзятости, смена упорной работы над стихами этаким безоглядным гулеванием, в то же время душевная щедрость и доброта — словом все, что принято называть истинным русским характером — воплотилось в Рубцове:

*Но я глухим брэнчанием монет
Прервал ее старинные виденья...
— Господь с тобой! Мы денег не берем!
— Что ж,— говорю,— желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

«Русский огонек»

Но здесь следует усилить, так сказать, этнографический момент, ведь поэт из потомственных обитателей русского Севера, архангельских поморов, то есть людей, никогда не знавших крепостного права, с наследием новгородской вольницы, крепких общинников-коллективистов. Так что в двадцатые годы, не имея сопротивления в лице столь же полно отсутствующего класса кулачества и нахлебников из числа также не имевшихся крестьян-бедняков советской власти для юридического оформления фактически существовавших коллективных хозяйств потребовалось только избрать председателей и раздать им каучуковые печати... Так и моего дядьку по матери Михайлу (Мишкó по-архангелогородски) в неполные двадцать лет, даже еще не партийца, а только

«космополиста», назначили председателем колхоза в Каргополье.

И еще одна *nota bene* по части этнографии тех мест, о чем мы уже писали в «Колонке», посвященной 200-летию М. Ю. Лермонтова. Это об усилении вольнолюбия и связанных с ним черт характера коренных насельников архангельского Севера примесью шотландской крови, не менее несущей гены свободолюбия: полностью ассимилировавшийся десяток тысяч шотландцев-протестантов был переселен в архангельский край царем Алексеем Михайловичем... Такая вот степенно-гремучая смесь получилась, что дала России и ее «первого Невтона» из Холмогор (от варяжского Хольмгард, кстати), исследователей Ледовитого океана и, конечно, плеяду выдающихся поэтов: того же Рубцова, Александра Яшина и далее по нисходящей во времени...

И как Михайла Ломоносов, не сдерживал себя во гневе, лупил по мордасам своих коллег-академиков из немцев, так и Рубцов, не терпевший стихотворной немощи, резал правду-матку и эфиопскому князю, и своей морганастической супруге... Себе он цену знал, но если и бахвалился, то шутейски: «Мне поставят памятник...» А так писал серьезно:

*Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — добрый крест!*

«Плыть, плыть...»

...И ничего такого сверхординарного в мыслях любого значимого поэта о памятнике — не себе, но своему творчеству! — нет. В русской поэзии это даже установившаяся традиция — от Державина и Пушкина. О своем же памятнике Рубцов наиболее пронзительно сказал в коротком стихотворении без названия:

*Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану*

Себя особого, Рубцова,
 За это верить перестану
 В того же самого Рубцова,
 Но я у Тютчева и Фета
 Проверю искреннее слово,
 Чтоб книгу Тютчева и Фета
 Продолжить книгою Рубцова!..

◆ Не только Тютчева и Фета, но Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Есенина, Дмитрия Кедрина, своего современника Анциферова полагал Рубцов своими учителями, не преминув посвятить каждому из них стихотворение, а кому и более, как Тютчеву и Есенину. И вологодскому классику В. Белову подарил он одно из лучших своих стихотворений «Тихая моя родина», а памяти Александра Яшина — «Последний пароход»: «...А он, большой, на борт облокотясь,— Он, написавший столько мудрых книжек...»

Стоит заметить, что у классиков и современников Рубцов учился не только сочинению образов и троп поэзии, но и литературному русскому языку. Все дело в том, что северный, особенно архангелогородский, существенно отличается от московского — «стандарта» русской грамматики, в первую очередь — фонетики: обилие «цоканий» и «еканий». Шутники говорят, что когда, вернувшись из путешествия «по европам», Карамзин, подражая языку французскому, ввел в обиход французскую же букву «ё» (см. «*citroën*» и пр.), тем самым безвозвратно испортив фонетику русского языка, для которого фонема «ё» доселе была абсолютно чужда, что-де Николай Михайлович, тезка Рубцова, отдал предпочтение северному диалекту перед московской нормой разговорного и литературного языка... да еще и гордился этим нововведением *a la france!*

А что такое северный говор, в ареале которого вырос Рубцов, автор этой «Колонки» очень хорошо представляет. Моя мать, родом из тех же мест, переехав уже взрослой в мурманское Заполярье, а еще точнее — во «владения» Северного флота, где говорят исключительно по-московски, рассказывала мне, что года два «училась русскому языку»...

Сказанное выше отнюдь не штришок «второй степени важности», ибо специфика поэтического творчества, что его, повторимся, образы и тропы не допускают диалектизмов — если только таковые не несут определенную служебную нагрузку. А способ избавиться от врожденно-воспитанной диалектной речи и мышления существует только один: читать и перечитывать русскую классику; для поэта — понятно, поэтическую. По воспоминаниям самого Рубцова и знавших его, Николай в юности, да и во взрослой жизни читал очень много. Отсюда и грамотность его произведений... чего никак нельзя сказать о многоликой, «расползающейся», но малограмотной поэзии наших дней... Не в укор, но в поставление примера будь сказано.

И еще раз повторимся, говоря о поэтической памяти Рубцова, которая у него была великолепной, что, вообще говоря, свойственно для неспешной, несуетной и созерцательной жизни жителей русского Севера... сейчас и их испортили «гэйджики», многопрограммное телевидение и общее нынешнее российское жизненное неустройство. Но — это к слову, Рубцов всего этого не застал.

Здесь классическим примером такой северной памяти на ритмику и певучесть некогда сказанных слов является заново обретенная «Калевала» — карело-финский* эпос, первенствующий в мире в числе таковых по своей художественной законченности и образности. Текст «Калевалы», состоящий из более полусотни рун (глав), общим объемом — в современных изданиях — под солидный том, полагался безвозмездно утраченным, пока в первой трети девятнадцатого века шведско-финский поэт и фольклорист Э. Лёнрот не встретил в глухой деревушке близ беломорского берега Карелии, тогда Олонецкой губернии, старушку, которая помнила все руны «Калевалы» в их последовательности развития сюжета! ... Правда, сто с лишним лет спустя, в 1949 году, член ЦК КПСС, главный идеолог СССР (до Суслова) и автор канонических учебников по марксизму-ленинизму Отто Вильгельмович Куусинен сделал новую композицию эпоса — по образцу современных карельских народных эпических пе-

* Разъединение некогда единого народа суоми на карел и финнов — сугубо дело исторической политики: карелы с новгородских времен входили в состав Руси-России, а Финляндия вплоть до новейшего времени находилась «под шведом». Но язык остался общим: финским.

сен.

*Думал, горестно вздыхая,
 Что друзей-то у него
 После дедушки Мазая
 Не осталось никого.*

«Про зайца»

◆ Николай Рубцов, как тот мазаев заяц, волею судеб и времен стал последним поэтом русской деревни. Хотя бы даже и писал («Грани»):

*Но хочется как-то сразу
 Жить в городе и в селе.

 Меня все терзают грани
 Меж городом и селом...*

Дело-то не в месте обитания, ведь Рубцов и по морям походил, а собственно деревенской жизни у него только детство и отрочество, да и то Няндомы — какой-никакой, но городок, а сельский детдом — вовсе не родная изба с русской печью и овцами-козами на дворе...

В чем отличие, скажем так, условно «деревенского» поэта от не менее условного «городского»? Конечно, не по месту проживания, как мы только что сказали. Кстати, и в рецензии на мою дипломную работу в Литинституте — она же и первая опубликованная книга «На островах»* мне было дано известным литератором определение: крайне левый «деревенщик». Хотя бы я никогда в деревне не жил...

Все дело в смешении понятий, когда этимология слова подменяется устоявшимся эвфемизмом. И, понимая это, все ставишь на свои места: городская поэзия, суть уже отошедшая от своих патриархальных, деревенских первоисточников. И этим все сказано: Рубцов, как поэт русской деревни, не отошел слишком далеко и безвозвратно от этих первоисточников, что цепью держит творческого человека, пытая его самобытность своими соками вековых тра-

* Тула, Приокское книжное издательство, 1987.

диций, образов и слов.

В таком смысле самобытность Рубцова несомненна, как и справедливо утверждение: он был последним поэтом русской деревни, понимаемой, как сказано выше, расширенно. Конечно, были и позже его, и посейчас есть поэты, пишущие от просторов полей и «холмов задремавшей отчизны», и в «Приокских зорях» мы их охотно печатаем, но уже не являлось на русской земле такого самобытного поэтического таланта, такой исподволь бившей мощи образного и невычурного слова:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...*

«Русский огонек»

...Не так уж много опубликовано воспоминаний о Рубцове, мало и оценок его творчества — и все это, что называется, как-то «не на виду» широкой литературной и читающей общественности. Во всяком случае, на каналах телевидения, на той же «Культуре» не ведутся о нем многочасовые мудреные беседы, диалоги и монологи матерых и записных оценщиков всевозможных искусств и творчеств, обычно говорящие все одновременно, как на одесском базаре... Но и в доступных читательской аудитории воспоминаниях и оценках творчества и личности Рубцова, все одинаково отмечают, как бы это сказать? — внеполитичность его стихов, а главное — полное незамечание всего того, что укрупненно называют урбанизацией. И действительно, вовсе не противопоставляя город и деревню (см. чуть выше выделенные строфы из «Граней»), поэт в мыслях и стихах своих поэт бесконечно далек ... нет, не то слово — *удален* от цивилизации, символом которой привычно полагается город, городская жизнь и во-

обще вся наша техногенная инфраструктура. И характеры «обслуживающих» ее людей мало интересуют Рубцова-поэта.

*Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.*

«Земные (?) цветы»

◆ Как-то даже неловко, говоря о стихах Рубцова, оттенять образность и нарядность его поэтического языка. Это как входить в дежурную роль учительницы литературы, привычно, по пунктам наробразовской программы, «разбирающей» творчество означенного в учебнике поэта... Каждый помнит по ученическим годам эту «обязаловку», навевавшую почтительную (к имени автора) скуку.

Поэтами рождаются, а не становятся. Справедливость этой «перевернутой» крылатой фразы редко кто возьмется оспаривать. Конечно, генетически обусловленное начало присутствует и у писателя-прозаика, но поэт все же стоит особняком. Пушкин бы состоялся в своем высшем ранге и без Арины Родионовны, как состоялся и детдомовец Рубцов, где эта добрая сказочница и близко не проходила... Тем более что бесконечно далеки от царскосельской, лицейской творческой атмосферы были команды судов архангельского тралфлота и кораблей военно-морского флота, контингент учащихся техникумов, заводских рабочих. Опять же уклончиво промолчим про общежитие Литинститута... Не про сам институт, конечно.

...Как никто, кроме нашего великого Поэта, не смог бы парой строк «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник» заявить о своем поэтическом первородстве, так и вся образность, народность, самобытность Рубцова вмещается в единую строфу:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

«В горнице»

◆ Казалось бы: где Рубцов и где наша современность? Если первый суть исторический национальный характер, воплотившийся в жемчужине истинной народной поэзии, то перманентная современная жизнь показалась бы ему чеховской шестой палатой. Здесь даже и на Рубцова ссылаться не надо. Для всякого среднестаршего, самодостаточно, то есть без телевизора и дьявольского изобретения — интернета, мыслящего человека на исходе третьей капиталистическо-глобалистской пятилетки нового века и тысячелетия наш современник новейших генераций смотрится почти что идиотом, обвешанным гэджиками, работающим (здесь воистину от слова «раб»!) офисным «менеджером» или офисной «креветкой» — различие в наименованиях только по признаку пола, по принципу тусовки — не хуже, чем у Васьки, полностью выкладывающимся с единой целью: купить машину позабористее на вид и по числу лошадиных сил, вовсе и не нужных для толчеи в городских пробках...

Но, как ни странно на первый взгляд, имя Рубцова помнят не только упомянутые выше среднестаршие, но, хотя бы понаслышке знают те из ровесников новой эпохи, кто хотя бы и изредка, но читает стихи. Во всяком случае, мой экземпляр «Подорожников» почти постоянно у кого-то из знакомцев на руках. А это не так уж плохо для нынешнего нигилистического для художественного слова малоуютного времени.— Времени пира во время чумы, времени пляски на гробах, времени скорого сбывания оруэлловского «1984». Это и внушает определенный, но очень осторожный, оптимизм.

Но совершенно невозможно представить себе житие Рубцова сейчас, когда исчезло напрочь понятие авторитета, а уважение таланта полярно заменилось на предельную зависть и недоброжелательство ко всякому, кто в силу своего дарования хоть на промилле (это не по части молодцов-гаишников...) выделился из безликой серой массы*. И если поэта не сумели-таки спойть при его тогдашней жизни (см. выше слова А. Ю. Минералова), то сейчас мелкотравчатые коллеги от

* См. соответствующие художественные образы в книге: Алексей Яшин. Административный восторг, или Картинки с выставки. Роман-новелино.— М.: «Московский Парнас», 2014.— 327 с. (Книга также размещена на сайте <http://www.pz.tula.ru>.)

расплодившейся мелкотравчатой поэтической музы убили бы его единодушным заговором молчания.

Кстати, как спаивали даже в те малозавистливые, «золотые» советские семидесятые годы, хорошо помню по быту общежития Литинститута. Разгар весенней сессии; в комнате слева земляки-куряне «накачивали» приехавшего в столицу и заглянувшего в общагу на огонек известного поэта Николая Тряпкина, и без того серьезно больного человека... А в комнате справа уже моего земляка (из Новомосковска Тульской области), пожалуй, лучшего таланта тульской земли тех лет Володи Суворова уже с успехом «накачали». И это, что называется, в своем кругу, но ведь никуда и никогда не исчезал класс «профессиональных» недоброжелателей?

Но — достаточно о печальном. Светлая грусть Рубцова, пронизывающая всю его поэзию, пусть останется и с нами, как сугубая генетическая память души и сердца по великому, значимому русскому прошлому, которое и сейчас, в зловещую эпоху мирового безумия, все стремится и стремится хоть в чем-то возродиться, когда волею судеб и обстоятельств иногда и промелькнет лучик неизбывной надежды. Тем и живет коренной русский человек: память отцов суть воспоминание о будущем его детей, внуков, правнуков...

В. Сергеев. Иллюстрации к книге «Подорожники» (М., «Молодая гвардия»,
1976)

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АПОЛОГИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ КАК ОТСРОЧЕНИЕ ЯВЛЕНИЯ МОЛОХА ГЛОБАЛИЗМА (QUO VADIS, DO – MINI?)

*Делая зло другим, мы наносим
вред себе в бесконечности
своего существования.*

К.Э. Циолковский

*... Кто же скажет брату своему
«рака» <пустой человек>, подлежит
синедриону; а кто скажет «безумный»,
подлежит геенне огненной.*

Матф., 5, 22

◆ Начался год столетия Великой Октябрьской социалистической революции – знаменательная и сакральная дата. Как Великая Французская революция 1789 года де-юре знаменовала рождение и закрепление новой общественно-экономической формации капитализма, так через 128 лет Великий Октябрь открыл следующую формацию – социализм. Первым делом возникает неаргументированный вопрос: почему капитализм англо-голландского образца еще XVII века намертво вцепился в Европу, а затем и в весь земной мир, и не отпускает своих когтей до сих пор, а вот социализм, опять же де-юре, просуществовала всего семьдесят лет?

Ответить можно однозначно только сейчас, когда после «предварительной артподготовки» последней четверти века, начиная с девяностых годов, мировой глобализм (термин устоялся, хотя и пахнет тавтологией...) объявил себя реальностью, в которой капитализм-империализм перешел в высшую и завершающую стадию глобализации под управлением Тайного (пока!) мирового правительства. От этой реальности никуда не денешься, ибо действует непреложный исторический, он же социально-экономический и геополитический, закон преемственности в движении эволюции социумной организации человеческого. По разным оценкам длительность периода глоба-

лизации, условно отсчитываемого от недавно состоявшегося «миллениума», как падкие, аки осы на чужой мед, отечественные СМИ обезьяннически назвали по-американски наступление 2000-го года от Р.Х., составит от восьмидесяти до двухсот лет. Окончание же глобализации явит нам, вернее – нашим далеким потомкам, новое биогеохимическое состояние планеты – полный переход ее биосферы в ноосферу – по В.И. Вернадскому и его ученикам: П. Теейяру де Шардену и Э. Леруа.

Лицо этого нового коллективного мира нам бы не то что не понравилось, но внушило ужас: люди все сплошь безликие винтики, подобия привычного нам человека, перемолотого молохом глобализации. С другой стороны, в этом мире будет господствовать полное социальное равенство, а инстинкт частнособственничества, уже сейчас не являющийся биологическим атавизмом, артефактом уходящей эпохи (происхождение определено Ф. Энгельсом в знаменитой его работе...), будет напрочь отринут. Как в бытность СССР и соцлагеря.

... История – смейся и плачь: о таком ли варианте социализма-коммунизма восторженно говорили утописты, европейские умы великого восемнадцатого века философии, Маркс и Энгельс и их последователи почти вплоть до «миллениума»... извините за прилипший к языку американизм. О таком ли ноосферном коммунизме писал Вернадский, полагая, что ноосфера есть биосфера Земли, измененная научной мыслью и организованным трудом и преобразованная для удовлетворения всех потребностей численно растущего человечества? И он же в своей «Биосфере и ноосфере»: *«Ноосфера есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится крупнейшей геологической силой (выд. В.И. Вернадским. – Авт.). Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше. Перед ним открываются все более и более широкие творческие возможности. И может быть, поколение моей внучки уже приблизится к их рассвету».*

Эк хватанул наш уважаемый Владимир Иванович! Поколение его внучки полегло на полях сражений Великой Отечественной; какая уж тут ноосфера?..

Реальный же человек вовсе не «светлого» – это в нашем, сегодняшнем восприятии – будущего доминанты на ноосферы (см. выше о винтиках) уже просматривается в современных молодых генерациях, тех же тинейджерах, обвешанных оглуляющими «гэджиками», офисных «менеджерах» и «креветках» – приатках телекоммуникационных сетей, уже мыслящих не творчески аналогово, но сугубо утилитарно, компьютерной «цыфирью». Но это, повторимся, все на наш взгляд людей, мыслящих в реалиях биосферного этапа эволюции, истории и культуры, как принято его определять. Человек, как субъект интеллектуальной ветви эволюции жизни, в отличии от представителей ветви инстинктивной, обладает уникальным аппаратом адаптации к резко изменяющимся условиям существования: от изменения климатических норм – см. нынешнюю шумиху и переход от Киотского протокола к Парижскому соглашению прошлого года – до социальных и геополитических бифуркаций. По этой самой причине нам особо не следует жалеть эти «винтики» глобалистского помолла. Они прекрасно будут чувствовать себя в этом помолле, как вообще-то довольны своим *status quo* и нынешние «коми-тинейджеры»... Тем более, что в постглобалистской ноосфере ожидается социальное всемирное государство и, главное, полное изъятие инстинкта частнособственности. Нет худа без добра!

Еще в постглобалистской ноосфере не будет алкоголя и табакокурения, которые, в разумной дозе естественно, стимулируют мыслительные и мотивационные процессы у человека. Но для «винтиков» это роскошь, вовсе не нужная ноосферной мегамашине, ибо побуждает человека хоть на время скидывать с себя оболочку запрограммированного живого робота. Вот доступная и дозированная наркота – самое милое дело роботизации через одурманивание. Что сейчас в вольнолюбивой Европе предварительно опробуется: в той же Голландии уже почти не пьют и не курят (табак), а целенаправленно

переводятся на эту самую дозированную дурь... Просьба (пока) не путать эту ипостась глобализации с нашим отечественным лавинообразным ростом акцизов на табак и «злодейку с зеленой наклейкой»: это от безысходности страны в ее экономическом кризисе, где соответствующие министерства, следуя примеру Петра Первого, все более превращаются в «приказ изыскания новых штрафов и налогов». Конечно, кивают – в части табака и алкоголя – на пример Запада, якобы не понимая (все они понимают прекрасно!) истинную мотивацию западников в этом тонком вопросе...

И еще один предварительный момент. Нынешнюю и последующую ответственность Тайного мирового правительства не следует понимать в обыденном примитиве: дескать, есть всемирный американский президент, а все остальные главы государств суть «секретари Вашингтонского обкома»! Относительно собственно американского руководителя см. только что состоявшиеся президентские выборы в США, где вся полемика между Клинтоном и Трампом свелась к взаимным обвинениям в лапаниии девиц за зады и госпепериской с домашнего компа... И таким доверять всемирное управление? Нет, конечно, уже сейчас миром управляют не США, не Израиль, не американский президент, тем более не ООН. Управляют тайно для непосвященных и исподволь незримые, опять же пока конспирологические, интеллектуальные центры с мощной инфраструктурой технической обработки информации. Словом, близ есмь при дверях... А для непосвященных масс сойдет байка о всемирном заговоре и прочая чушь голубая.

◆ Теперь же завершим эту пространную преамбулу, объединив означенные выше тезисы, а именно: как связаны между собой 100-летие Великого Октября, поражение СССР и всей мировой системы социализма семьдесят лет спустя и наступившая эпоха глобализация, с завершением которой через 80–200 лет человечество вступит в ноосферную оболочку Земли с вроде как планетарным обликом «коммунистического далека»: социально-экономическое равенство всех людей с (директивно?) изжитым атавизмом частнособственничества? Правда, люди там будут иные, на которых мы сей-

час посмотрели бы с жалостью, состраданием... может и вовсе с отвращением: не человечество, а *человек* (по А.А. Зиновьеву), не творческие люди, но близкие винтики единой мировой биотехнической машины.

Связь же простая, как все в мире фундаментальные истины до невероятия просты: прав оказался не Ленин, вроде как обосновавший переход в социализм одной страны, но старина Маркс провидчески сказал в «Коммунистическом манифесте» (его заключительный абзац): *«Пусть господствующие классы содрожаются перед коммунистической революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* (Выд. К. Марксом и Ф. Энгельсом. – Авт.). Отсюда и столь смущавшее Ленина и его сподвижников категорическое утверждение Маркса: социалистическая революция может успешно совершиться только одновременно во всех (промышленно развитых то есть) странах. Но Владимира Ильича, кстати говоря, это стало смущать только после окончания Гражданской войны, когда стали очевидностью неудавшиеся социалистические революции в Германии, Венгрии, Финляндии, попытка на знаменах Первой конной армии привнести социализм в Польшу... А так девизом было: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» – и ведомая роль Троцкого. Как бы мы не относились к нему, помятуя ленинского «иудушку», но Лев Давидович, пожалуй, единственный понимал провидческое утверждение Маркса. За что и поплатился.

Действительно, гениальные теоретик Ленин и практик, впрочем, и великий теоретик, Сталин, создав сверхдержаву СССР, а затем и соцлагерь, объевший треть планеты, заставили почти всех усомниться в правоте Маркса, но... тем сокрушительнее было поражение (не распад – это паскудное словечко) мира социализма в Третьей («холодной», информационной и прочие определения) мировой войне. – И полное торжество капитализма с одновременным переходом его империалистической фазы в глобалистскую.

Итог: наша страна опередила всемирную социальную эволюцию; потропилась, словом. Но и это вписывается в обычную «практику» эволюции,

которая кроме магистрального пути имеет и проверочные ходы опережения и тупиковых ответвлений. Тейяр де Шарден определяет их как пробные, ложные и тупиковые ходы. Точно также в социально-экономической ипостаси История – так привычно назовем в данном аспекте эволюцию – движется таким сложным путем; как собака-ищейка в своей работе бесконечно тычется носом вправо-влево, делая круги с возвратом назад, но в итоге правильно приводит охотника – за боровой дичью, за преступником, за героиновой «закладкой» и пр. – к цели.

Так сразу за переходом в последней трети XIX века европейского и американского капитализма в стадию империализма История начала пробное нащупывание пути (путей) перехода к следующей общественно-экономической формации, к социализму-коммунизму, а более конкретно: социально ориентированному строю с ликвидацией атавизма частнособственничества; это определение, правда, другими, словами, было дано Сталиным в «Экономических проблемах социализма в СССР» – в части вопросов, связанных с ноябрьской дискуссией 1951 года и проектом учебника политэкономии. Эти пробные нащупывания Истории длились всю первую половину XX века, а их отголоски – до начала нового тысячелетия. В теории это выразилось трудами школы Каутского, Ленина и его сподвижников, идейно-политических противников Троцкого и Сталина. Отдельную пробную ветвь так называемого западного, или «профессорского» марксизма представлял Георг (Дьёрдь) Лукач (1885–1971).

Но наиболее серьезные опробывания путей социализации, потрясшие весь мир, происходили в геополитической практике Европы. Здесь История «предложила» опробовать три ветви социализма: исторически первым возникший интернациональный социализм СССР, что было *пробным* путем; далее в двадцатые годы сформировался социальный итальянский фашизм, завершившийся социальной Республикой Сало, что оказалось *ложным* путем; наконец, германский национал-социализм суть *тупиковый* путь. К последним из этих путей относились менее значимые концепции глобальной геополити-

ки Карла Хаусхофера, испанские фалангисты Хосе Антонио Прима де Ривера, гвардисты Румынии Корнелиу Зеля Кодряну, русские (в эмиграции) евразийцы – Трубецкой и Флоровский, более близкие к нашему времени идеологи консервативной революции Жан Тириар, Эрнст Юнгер, Ален де Бенуа, Робер Стойкерс и так далее до нынешних Александра Проханова и Мари ле Пен... В итоге История выбрала победоносный социализм СССР, *но именно* в его советской интернациональной оболочке. Но статическое противостояние такого социализма и западного империализма той же Историей «было признано» антиэволюционным, стагнирующим саму социальную эволюцию. Тем более, что империализм еще далеко не исчерпал свою потенцию. И здесь наступило торжество утверждения Маркса. Потребовалось человечеству пройти тягостный период глобализации, чтобы уже в полном единении вступить в ноосферный социализм, опробованный в прошлом веке в рамках СССР и соцлагеря, но, увы, уже с совершенно иным лицом...

◆ Теперь собственно к означенной в заголовке теме. Глобализация, ее тяжкий этап, неизбежна. Даже дипломатически осторожные руководители государств не скрывают этого в своих высказываниях. Но тайные еще пока правители мира и здесь скрывают от непосвященных масс истинное содержание разворачивающегося молоха глобализма, сводя все на понятийном языке к свободе всемирной торговли и прочим благоглупостям*. Вот намеренно и руководитель гигантской китайской он-лайн торговой корпорации «Алибаба» заявил, что-де грядущие свои успехи мы связываем исключительно с глобализацией... и так далее. Лукавство все это. Но суть наших размышлений в другом.

В любом самосознании человека, сугубо индивидуальном, родственном и межличностном общении и вплоть до ареала всего социума, основной всего

* Полная аналогия с современным «затушевыванием» понятия и сути сионизма, который в СМИ соотносят единственно с переселением евреев в Израиль, хотя для этого есть специальное понятие – термин «алия»... Здравомыслящий человек рассмеется: неужели из-за понятного, человеческого стремления евреев жить в одном государстве (кстати, «крестником» Израиля был Сталин) в 70-х годах мощи СССР по его предложению Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию с осуждением сионизма (!!). В 90-е годы ее тихо дезавуировали. А духовные вожди сионизма вовсе не в Израиле, но в финансово-политических центрах США и Европы...

сущего, понимаемого как *человечность* – в антитезу глобалистского «расчеловеченья», – является возобладающие этика, этические нормы поведения и мышления. Поясним: по своему определению этика есть аспект философии, а мораль и нравственность суть практическое воплощение этики в деятельности и поведении человека. Дабы «не растекаться мыслью <точнее – словами> по древу», далее используем термин «этика» или «этические нормы», понимаемые как совокупность философской этики с моралью и нравственностью... Акцент же всегда понятен из контекста...

С другой стороны, коль скоро явление молоха глобализма неизбежно, то естественно желание как индивидуума, так и недурманенного социума возможности оттянуть «пришествие антихриста». Наконец, еще более естественным является стремление предохраниться от окончательного расчеловеченья, превращения в челоуейник как в процессе глобализации, так и в постглобалистском мире социального равенства и исключения частнособственничества. Инструментом такого противостояния расчеловеченью единственно является *христианская этика*. Существенен вопрос: почему именно христианская? Но это есть аргументированное ниже утверждение, а вовсе не своего рода «компатриотство», дескать, мы живем в мире христианских, а не мусульманских, иудаистских, буддийских, индуистских, конфуцианских, синтоистских <и так далее до шаманских бубнов...> этико-культурных традиций. Кстати, не стоит забывать и об определенной историко-этической преемственности: иудаизм → христианство → ислам при всем их различии... но и «кустовой» близости. С историческим центром «куста» в Иерусалиме, официально именуемом городом трех (канонических) религий...

Нет, вовсе не «компатриотство» стоит за утверждением о ведущей роли христианской этики в противодействии глобальному расчеловеченью. Для начала обзорно рассмотрим религиозные и социально-исторические истоки в формировании христианской морали как предтечи этики.

◆ В Книге Иова – старейшей из библейского канона Ветхого Завета – в главе тридцать первой «Окончание девятой речи Иова» читаем*:

*Если я ходил во лжи
И спешила к лукавству нога моя,
То пусть он взвесит меня на весах правды,
И узнает бог невинность мою.
Если шаг мой уклонялся от пути
И за глазами моими шло сердце мое,
И к рукам моим пристало пятно,
То пусть я сею, а другой ест,
И (пусть) отпрыски мои будут искоренены.*

*Если прельщалось женищиной сердце мое
И я подстерегал (ее) у двери ближнего моего,
То пусть мелет жена моя другому,
И над нею пусть наклоняются другие.
Ибо это разврат,
И это беззаконие, подлежащее суду.
Ибо это огонь, до Авадона пожирающий,
И все мое (достояние) пусть бы он (сжег).*

<И так далее>.

... Христианская мораль (и этика в совокупности!) возникла не с проповедей Иисуса Христа, но имела долгую предысторию. Даже не с ветхозаветных времен, но намного-намного раньше. Философ Фейербах, историки времен начала цивилизации Фрезер в «Золотой ветви» и Тейлор в «Первобытной культуре» все это «расставили по полочкам», а Ф. Энгельс связал начало оформления этических норм, морали и нравственности с происхождением

* Перевод оригинального текста Книги Иова – поэмы анонимного древнего автора – выполнен М.И. Рижским (издана в 1991 г., Новосибирск, «Наука»).

семьи, частной собственности и государства в одноименном труде (1884 г.). Таким образом, базовые нормы морали и нравственности складывались в процессе социализации человека от пещерных времен до окончания рабовладельческой формации. О том, что это сугубая прерогатива истории и цивилизации, свидетельствует неоспоримо политерриториальность возникновения и развития очагов цивилизации, в результате чего в канонических религиозных сводах, являющихся своего рода энциклопедиями достигнутого знания, сложившихся именно политерриториально и автономно, этические нормы оказались почти идентичными. Причем это «почти» сугубо этнокультурное. Для характерного примера: древнеиндийский аналог «Клятвы Гиппократа» отличается от древнегреческого только этим «почти»: больная приходит на прием к врачу только в сопровождении мужчины; врачу запрещается оказывать помощь врагу своего властителя (магараджи)... Уже и не говорим о преемственности ближневосточных религий, означенных выше, особенно христианства и ислама.

Итак, в религиозных и социально-исторических истоках в формировании этических норм морали и нравственности проявляется доминанта действительности двух диалектических законов: единства и борьбы противоположностей и перехода количества в качество. Первый из них преобладает в период окончания рабовладельческой формации и возникновения христианства, второй – в определенной этической преемственности Ветхого и Нового заветов. Особых пояснений не требуется, но отметим следующее. Единство противоположностей суть преемственность и достаточно долгий исторический период постепенности смены одной общественно-экономической формации другой, более высшей в социальной эволюции человечества. Борьба же противоположностей выразилась на начальном этапе окончания рабовладельческого строя в рассматриваемом этическом аспекте как противостояние анавизмов родоплеменной морали в рамках формирования наций и национальных государств.

Переход же количества в качество в части преемственности Ветхого и Нового заветов ассоциируется с канонической унификацией, если можно так выразиться, этических, моральных норм.

Однако, при всей преемственности этих норм на границе смены формаций, возникновение христианства явилось в части этики событием почти такой же вселенской грандиозности, как и наблюдаемый нами сейчас переход биосферы Земли в ноосферную ее оболочку. В рамках действия закона перехода количества в качество это событие явилось пиком, бифуркаций такого перехода: христианство явило сначала средиземноморскому ареалу Римской империи (с вассальной Иудеей – Палестиной), а впоследствии всему миру совершенно новую мораль и нравственность, очень скоро оформленные в философско-этическом содержании евангелий.

Как и всякое, принципиально новое явление, тенденция в социальной эволюции человечества, возникновение христианства, главным и единственным содержанием которого является христианская этика, является сакральным откровением. Последнее именование вовсе не есть вненаучное понятие. Совсем наоборот – оно сугубо из ареала той системной научной отрасли, что привычно называется феноменологией, как и развиваемая нами феноменология ноосферы*. Ведь и сакральные числа в математике, и тот фактор, что только восемь процентов людей обладают качеством самостоятельного мышления, и многое другое доказываются научно, есть действие в математике, биологии и прочих дисциплинах фундаментальных законов Мироздания.

◆ Здесь необходимо существенное пояснение. Из логики следует, что магистральное научное доказательство может быть только одно: да или нет. Но помимо магистрального пути всегда наличествует некоторое (в принципе – бесконечное) число столь же научно выверенных частных доказательств истинности, как правило, относящихся к отдельным дисциплинарным направлениям научной мысли. В советских школах и вузах нас наставляли от

* 14-томная (на сегодняшний день) монография автора «Живая материя и феноменология ноосферы»; первые шесть томов см. по каталогу <http://URSS.ru> издательства «УРСС» (Москва); последующие размещены на различных сайтах – см. по поисковику: Яшин А.А. <название монографии>.

Фейербаха: христианство – религия, выросшая из протеста рабов. Также со ссылкой на Маркса – Энгельса. Гегель в своей двухтомной «Философии религии» и это учитывал как определяющий момент, и многое другое с немецкой педантичностью («Он из Германии туманной привез учености плоды...») разобрал по главам, параграфам и подпараграфам. В каждом его предложении, порой даже слове, правда и истинность научного гения, но в совокупности... не зря же Владимир Ильич жаловался на трудность освоения диалектики Георга Вильгельма Фридриха... Вся вторая половина XIX века – первой трети века двадцатого ознаменовались в европейской этической (христианской) мысли ситуацией «кто в лес, кто по дрова».

Истинным бриллиантом чистой воды здесь оказалась самая молодая научная школа Европы – философия русского космизма; называть поименно, значить перечислить всех без исключения русских мыслителей от славянофилов первой трети XIX века до практически нашего современника (автор, учась в Литинституте, присутствовал на встречах с ним) А.Ф. Лосева. Великолепная своим литературным языком, глубиной провидческой мысли, она обосновала христианскую этику как неизбежно общечеловеческую. Вершиной философии русского космизма с позиции этического ее содержания, все всякого сомнения, стал Н.Ф. Федоров с его «Философией общего дела» и философемой памяти отцов...

... Но русские космисты слишком поздно явились в ареал всемирной этической мысли: на Западе уже господствовала утилитарная, протестанская в своей основе, лютеранско-кальвинистская этика прагматизма – верная слуга – овчарка разбухшего капитализма-империализма, а на Востоке, в России... впрочем, к этому мы еще вернемся.

Суммируя сказанное выше, определим явление – другого слова здесь не подберешь – миру христианской этики как указание Истории, то есть общеэволюционного социального закона Мироздания, на новой магистральный путь существования, выживания и перспективного развития человечества-социума. Это было переломным моментом эпохи цивилизации и культуры.

... Такого еще не было в истории человечества. С заповедями Христа оно худо-бедно прожило две тысячи лет, а аналогия христианской этики суть надежда человечества преодолеть тягостный молох глобализма и вступить в новый ноосферный мир социального равенства и со вбитым осиновым колом в могилу инстинкта частнособственничества... Хотя бы нам, ныне живущим, этот мир и не представлялся в самых страшных снах, да еще под пятницу тринадцатого числа месяца! Как нам в золотые (без кавычек) советские семидесятые годы не могли присниться реалии сегодняшнего дня: нищая Россия с «десятипроцентниками» воров в законе, обезьянничающие с опидорасившейся Европы и поклоняющейся единой общечеловеческой ценности – доллару и евро, в то же время зажатая этой Европой – Америкой в пучину кризисов и санкций... Поневоле отсюда и сегодняшней протест России.

Рассуждая в означенном выше ключе, мы, понятно дело, четко разделяем христианскую этику и собственно христианскую религию, церковь как духовное учреждение, тем более – государственную религию. Это особенно актуально и знакомо для России. Во-первых, русский народ в нескольких воследующих поколениях прошел через этап советского научного (отвергнув воинствующий атеизм Губельмана – Ярославского!) атеизма, при этом в полной мере следуя христианским нормам этики и морали – под другим названием Заповедей Христовых... Это полностью разделило христианскую этику на практике жизни социума и церковь-учреждение. Последнюю поначалу полностью разрушили, но затем Сталин, сам учившийся в православной семинарии, восстановил ее в качестве духовно-культурного памятника.

Во-вторых, мы уже имели исторический прецедент конфликта между церковью истинной и церковью-учреждением. Это раскол русской православной церкви патриархом Никоном. При всей значимости этого события в русской истории, определенной ею судьбоносности, трактуется оно – в общедоступном изложении при царях, генсеках и президентах – крайне поверхностно, если не сказать примитивно – «для масс» и никонианской госрелигии. Упирают на конфликт реформаторов-новообрядцев и старообрядцев.

Кстати говоря, последние отвергают это свое наименование, тем более название раскольников; их самоназвание: *древлеправославная вера* (даже не церковь!). Действительно, смешно говорить о разделении на никонианцев и староверов всего лишь из-за трех и вовсе не канонических, не догматических обрядных различий: дву- и трехгубая аллилуйя, крещение дву- и трехперстием и написание имени Христа «Иисус» или «Исус» (?!).

Разумеется, расхождение двух ветвей русского православия есть следствие уже до Никона наметившегося, но им инициированного, хотя бы он и сам пострадал из-за этого, главное – последующих шагов, превращение ранее христовой самоопределяющейся церкви, как сугубо духовного, этического института, в церковь – государственное учреждение. Казалось бы, что плохого для церкви в ее полной госопеке: за бога, царя и отечество... Но последующее утверждение России как Третьего Рима, объявления староверов вне церковных и светских законов, главное – лишение Петром Первым, насмотревшимся на европейское госпротестанство, церкви патриаршества и полное, де-факто и де-юре, превращение ее в религиозный департамент, управляемый синодом (эквивалент древнеиудейского синедриона при римском владычестве), все это отодвинуло русских людей от полнокровной православной христианской этики, ее норм, морали и нравственности. Ибо их государство безапелляционно стало подстраивать «под себя». Этика же государства слишком разнится от этики Христовых заповедей. То есть круг замкнулся: церковь Христа отошла от синедриона и язычества римского кесаря, но, спустя полторы тысячи с небольшим лет, вновь вовлеклась под государственную власть.

Все то же самое мы видим и в истории Европы, даже в намного бóльших хитросплетениях...

... Сама же русская государственная церковь, постепенно превращаясь из духовно-этической в обрядовую, получила то, о чем предупреждали те же славянофилы: к наступлению череды русских революций она потеряла свою духовную власть над массами. Не помогла и срочная программа Николая

Второго по укреплению православия и постройке ста тысяч новых церквей (их только в Туле, построенных по типовому проекту, несколько...). Когда царизм в стране сменился яростным поначалу ко всему прошлому социализмом, то ведь вовсе не одни сельские «комсомолы» с духовными наставниками Троцким – Бронштейном и Губельманом – Ярославским (и иже с ними) с азартом сбивали церковные маковки с крестами, но и весь «богобоязненный» сельский и городской мир...

О цели и содержании нынешней государственной опеки православной церкви в де-факто атеистической стране светского по конституции государства еще рано делать какие-либо выводы, но задуматься не вредно.

Церковь как духовно-этический институт для всего человечества христианского мира и государственная церковь-учреждение сосуществуют без небольшого две тысячи лет. Их взаимоотношения сложны и переменчивы в истории, вполне объяснимы. Реальное *status quo* здесь, равно как и во всех других областях социальной эволюции, всегда преобладает над идеальной «отсчетной точкой». Исключением здесь являлось, быть может, только древнеримская катакомбная церковь апостолов Христа, но христианская этика через тернии веков и тысячелетий автономизировалась от сферы религии и стала самоосознающим себя субъектом эволюции человечества. Собственно же наличие церкви истинной и церкви-учреждения есть действительность диалектического закона отрицания отрицания.

◆ Разделение христианства на Западное и Восточное, римско-католическое и греко-византийское, охарактеризовалась не только, даже не столько в образовании двух его ветвей в плане, так сказать, управленческом: вселенская римская церковь и – после падения Византии – совокупность слабо связанных друг с другом* автокефальных православных церквей. Здесь мы подходим к существенному, тем более для нашего времени, вопросу о двой-

* Если в рамках нынешних взаимоотношений России и Украины ближневосточные и балканские патриархии пойдут на поводу у сил мирового зла (разделяй и властвуй) и объявят новую автокефальную украинскую (вершина этого «успеха» – со включением в нее униатского Запада Украины) церковь, то это будет полным расколом мирового православия.

ственности представления норм христианской морали: социумной и личностной. То есть и в вопросах этики и морали История (эволюция) идет все тем же путем пробного нащупывания, ложных и тупиковых ходов. Вообще-то это называется в системологии, то есть системной науке, принципом эволюционной консервативности: эволюция в своем движении использует весьма малый набор одних и тех же фундаментальных законов; из недавно доказательства Григорием Перельманом знаменитой гипотезы Пуанкаре следует, что таковых восемь... Однако – к теме.

Итак, личностная и социумная христианская этика. В чем их принципиальное различие и не менее принципиальная взаимосвязь, коль скоро мы их определили в системе двойственности представления? Эта двойственность с одной стороны, есть «двуспальное прокрустово ложе», извиняемся за игривый термин; с другой – одно без другого немислимо, даже не представимо в понятийном смысле. Словом, есть «классика» действия диалектического закона единства и борьбы противоположностей.

Действительно, всякая автономная (человеческая) личность в этическом плане является продуктом и сугубым субъектом социума. С другой стороны, снова обратимся к «Книге Иова» (глава 40 «Продолжение речи Яхве»):

И отвечал Яхве Иову из бури, и сказал:

– Препояшь же, как муж, чресла твои,

Я буду тебя спрашивать, а ты объясняй мне.

Ты опровергаешь мой суд?

Меня обвиняешь, чтоб оправдать себя?

А такая ли, как у бога, у тебя рука,

И можешь ли греметь голосом, как он?

(Попробуй), укрась себя величием и славой,

В блеск и великолепии облечись,

Излей ярость гнева твоего,

Взгляни на все гордое и унижь его.

Взгляни на все гордое и смири его,

И растопчи беззаконных на месте их.

Зарой их всех вместе в прах,

Лица их заключи в тайное место,

(Тогда) и я превознесу тебя,

Что десница твоя – помощь твоя.

Из приведенных строк древнейшей библейской, ветхозаветной книги на примере вольного или невольного (от страданий личной жизни) богоборчества Иова против бога Яхве мы видим истоки – «с другой стороны...» – другой стороны двойственности представления (христианской в дальнейшем развитии) этики: автономная личность, все более в процессе эволюции самосознающая себя самую, всегда противопоставляет – в смысле выделяет – свою этическую сáмость принятым нормам социума. Очень понятная аналогия: художник только тогда достоин своего признания, если он находится в определенной, лучше – конструктивной, оппозиции к социуму как государству. Это непререкаемая истина, сложившаяся за весь период цивилизации и культуры человечества.

Связываем же мы двойственность представления норм социумной и личностной морали, этики в совокупности ее содержания, с разделением христианства на Западное и Восточное постольку, поскольку православие, по крайней мере русское, в полной мере сохранило и укрепило полный кодекс заветов Христа, символом чего стало Святая Троица, а преобладающей моралью – социумная. Католичество же, казалось бы, при единстве ее организации с главенством папы Римского, несло в себе предтечу преобладания личностной морали. А символ престола Святого Петра – Богородица – недвусмысленно свидетельствовал о приоритете семейной, в итоге – той же личностной морали.

Именно такая установка католичества привела к отпадению от него половины Европы, далее «пополнившейся» Новым светом, большинства населения других, доминионных и колониальных, континентов. Ибо протестантизм Лютера, но особенно Кальвина, есть аналогия частнособственничества и сугубого индивидуализма, а личностная мораль служит нарождающейся буржуазии в лице государства. Для примера приведем разъяснение Лютером в его «Кратком катехизисе» четвертой заповеди Христа: *«Мы должны бояться и любить Бога, чтобы не презирать и не прогневать родителей и господ своих, но оказывать им почтение, служить и повиноваться им, любить их и дорожить ими».*

... Как говорится: да улягутся вместе волк и овечка, а в наших реалиях – Березович и Абрамовский с парочкой бомбжей.

◆ Именно истинное, духовное русское православие стало в двадцатом веке базисом коммунистической морали. Когда в разгар лихих девяностых Зюганов озвучил это словами «Христос был первым коммунистом», то все щелкоперы и голосодралы демСМИ в единый голос запели уже поднадоевшие «песни народностей» (это не намек, но удобное словосочетание О. Бендера из романа одесских классиков...) с понятным лейтмотивом: какой-такой Христос? Коммунизм – Сталин – ГУЛАГ и пр. Сейчас народ наш многогрешный поумнел в новой, малонародной реальности прошедших трех кап-пятiletок нового века, потому вещунов и колдуний от СМИ если и слушает, то вполуха. А радостные эмоции проявляет только при сообщениях об очередном арестованном за взятки губернаторе. Теперь и до министров добрались.

Христос, разумеется, не платил свой взнос-шекель* парторгу иудеопалестинской компартии; он, как истинный коммунист, вовсе без денег обходился. Почему Христос коммунист? – Потому, что в основе любой идеологии, даже сугубо политизированной, клерикальной или атеистической, наци-

* Название древнеиудейской, а равно и современной израильской, денежной единицы первоначально обозначало церковную десятину. После разрушения Римом Иерусалимского храма и рассеяния евреев по миру шекель обозначал взнос на постройку нового Храма.

оналистической или интернационалистической и так далее, заложены этические, моральные нормы: как естественно, исторически сложившиеся, единые для всего человечества, исключая этнографические специфики, так и трансформированные искусственно, а то и вновь введенные – для «обслуживания» конкретной, доминирующей в данном социуме идеологии.

Коммунистическая мораль – от писателей-утопистов до Маркса и далее до наших дней, подтвержденная практикой социалистического строительства – суть основа идеологии, взаимопроникновенно сочетающей в себе социальное равенство, интернационализм, всемирность (не глобализм!), а в части экономики – величайшее дополнение, сделанное в теории Лениным, а на практике Сталиным: советская социалистическая политэкономия* с ликвидацией частной собственности, главное – побудительных причин существования этого атавизма предшествующих формаций. Такую мораль и дал Христос в своих десяти заповедях, в СССР в семидесятые годы сформулированных как «Моральный кодекс строителя коммунизма», что нынешние средние и старшие поколения ежедневно лицезрели на кумачных плакатах, установленных во всех общественных местах и на центральных аллеях крупных промышленных предприятий. Как дóбро шутили мои тогдашние коллеги, инженеры-оружейники: «В масштабе 1:1»...

СМИ, понятно дело, раньше служили власть придержащих – на то их профессия и первая древнейшая, а с «лихих девяностых» – идее глобализации. С них и спрос мал. Но самодостаточно мыслящие люди (увы, их по законам эволюционной и социальной биологии всего лишь восемь процентов...) прекрасно осознают: учение Христа и коммунистическая идеология, как бы это не диковато звучало на первый взгляд-слух, есть одно и то же в этико-моральном аспекте. Особенно это понятно, если отвлечься от традиции исторически закреплённой терминологии: нормы этики и морали, в нашем рассмотрении христианской, уже достаточно давно автономизировались от

* Уход Сталина из жизни не позволил доработать основы политэкономии социализма (см. материалы ноябрьской дискуссии 1951 года); слова Иосифа Виссарионовича о том, что без теории в этой области коммунизм построить нельзя, были, увы, забыты последующими руководителями...

сугубо религиозной их предыстории. То есть они одинаково действенны как для людей воцерковленных, так и для подавляющего большинства, придерживающихся в личностной и социумной своей жизнедеятельности христианского этического традиционализма.

... И еще предвараем язвительный вопрос, явно от СМИ-одурманенных, сугубых либералов западнеческой умоустремленности и других категорий «от Фомы неверующего»: «Допустим, любезнейший, что понятие коммунистической морали правомочно, в чем мы, ветераны Болотной площади, резонно сомневаемся. Но отчего это вы, научный атеист, бывший инженер-оружейник, воспитанник Северного флота и потомок русских староверов и шотландских гугенотов, прочите именно *русское православие* базисом коммунистической морали?» – Ответим, ничтоже сумняшеся. Для начала приведем характерную фразу из книги «Великое в малом» выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862 –1929): «... *С этого завелся между нами продолжительный разговор, перешедший в спор, который, как и все споры, особенно наши российские, не привел ни к каким положительным результатам. Первоначальная тема спора отошла на задний план и незаметно для нас обоих стусевалась*».

Потому и мы не поддадимся завлекательной русской привычке спорить – желательно о фундаментальных истинах и под хорошую закуску... Так можно дойти и до песен Высоцкого: «Удобную религию придумали индусы».

Православие – с позиции ее этики и морали – вовсе не «удобная религия». Скорее, наоборот – страдательная. Но как базис коммунистической морали оно несомненно, поскольку, как было сказано выше, восточное христианство сохранило от апостольских времен социумную моральную установку. – В отличие от западного католичества. А таковая установка в полной мере отвечает общей коммунистической идеологии, где «память отцов» (по Н.Ф. Федорову) органично сливается с высшим развитием социальной эволюции человечества.

Но почему именно русское православие, а не одно из остальных десятка с лишком автокефальных православий, включая номинальные патриархии на небольших средиземноморских островах? Или малоприходные патриархии Константинополя – Стамбула и Иерусалима... – Ответ частично содержится в данном перечислении, но полностью в утверждении: именно в русском православии исторически и ситуационно сложилось преобладание этической духовности над внешней обрядовостью. Здесь выделим три наиболее существенных фактора. Относительно позднее формирование русского православия, в определенном смысле наложившегося на восточнославянский языческий культ, то есть естественная, эволюционная мораль подкреплена аргументированной и выведенной парадигмой заповедей Христовых. А вот обрядовость от наслоения христианства на язычество отошла на второй план.

Другой момент: почти тысячу лет от принятия христианства русское православие жило «миром», то есть сельской общиной, что *maximum maximum* способствовало преобладанию и закреплению социумной морали христианства, мало отличавшегося от апостольских времен, для которых роль, или доля, обрядовости имела мало значения. Особенно, если сравнивать с церковной пышностью греческой Византии; даже папский престол здесь сереньким выглядит...

Наконец, окончание общины, разрушенной Столыпиным, тотчас совпало со всеобщей советской общинностью, где обрядовость вовсе исчезла, но христианская мораль и нравственность, вообще этика в целом, стали основой социума – государства.

... Большого сказать нечего: излишне по правилам логики доказывать самоочевидное.

◆ Действие всех трех, названных выше, диалектических законов в различной степени их сочетания и соподчинения мы видим, рассматривая христианскую этику и мораль в противостоянии с системно организованными силами на протяжении двух тысячелетий – от Р.Х. до наших дней почти что вселенского торжества молоха глобализации, что в христианской традиции

есть приход Антихриста по наши души. Рассмотрим их вкратце, ибо, как говорил один из (отрицательных) персонажей шолоховской «Поднятой целины», чтобы бить врага, надо знать его оружие (на столе Половцева чекисты обнаружили тридцатитомник сочинений Ленина...).

Естественные вопросы: зачем Истории и эволюции социума понадобилось это противостояние и именно системно организованное?

Диалектика дает прямые ответы на оба вопроса. Противостояние, оно же противоречие, есть движущая сила эволюции, социальной в том числе и даже в особенности. Так и движение христианства, в сущности этического учения и практики, не встречая естественного или искусственного противостояний, стагнировало бы, охватив весь ареал тогдашнего известного мира, стало догмой, что есть останов социальной эволюции, а Историей было бы отнесено к ложному или тупиковому ходу. В лучшем случае христианская этика поглотилась внешней обрядовостью – служанкой текущей общественно-экономической формации. Что мы сейчас, когда позиции христианской этики в периоды империализма и глобализации в западно-атлантическом мире сведены почти что к артефакту, и наблюдаем.

Относительно же системной организации сил, противостоящих христианской этики, то это прерогатива социумной организации человечества. Еще языческие жрецы, наши сибирские шаманы, духовно окормляя свои поселения, не уставали наущать руководящих старейших своего рода – племени: враг наш, что раскинул свои хижины-яранги по другую сторону речки, хитер и коварен; поодиночке нам не устоять... и так далее до «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» К сожалению, этот прекрасный лозунг (временно) снят с повестки дня империализмом – глобализмом, но в иной форме возродится вместе с основами христианской этики в постглобалистский, ноосферный период эволюции (совершенно другого, увы) человечества.

С самого начала действенности заповедей Христовых, новую мораль, еще только в религиозном оформлении, организовано (системно) стремились в зародыше уничтожить сразу две противостоящие стороны: власть си-

недриона и карающий меч языческого Рима. Евангелическим символом их невольного, разноидеологического (разнорелигиозного) союза против нового учения стала сама казнь Христа: руками Рима по наущению синедриона. Трагична роль Пилата, поставленного синедрионом в двусмысленное положение, хотя римское язычество того времени выступало против института единобожия скорее номинально: богу богово, а кесарю кесарево...

Другое дело синедрион. Хотя иудаизм является в определенной степени прародителем христианства в части этической идеологии – от заповедей ветхозаветных пророков к заповедям Христовым, – опять же символом чего является в христианской канонической традиции объединение в Библии Ветхого и Нового заветов, но полное, бескомпромиссное противостояние его Христову учению было всегда и везде: от общего для двух религий, хотя и краткого во времени, палестинского ареала, до последующего ареала мирового, начавшегося с рассеяния еврейского народа римлянами и этногеографического распространения христианства.

Причина здесь одна и уже давно необсуждаема: неискоренимое взаимное противостояние идеологических установок: иудаизм с далее сформулированной практикой сионизма, как религия одного (избранного по Ветхому завету, особенно по письменной и устной торе) народа, и не знающее расово-национальных, геополитических, географических и иных различий и специфик христианство: евангельское «несть эллина, несть иудея...»

... Другое дело – зачем Истории, социальной эволюции потребовалась такая специфика древнейшей монотеистической религии на Земле? Этот вопрос выходит за рамки нашего рассмотрения, посвященного генеалогии и перспективам действительности христианской этики. И вообще он настолько сложен, что на протяжении веков и тысячелетий породил массу концепций, конспирологических в своей основе...

♦ Итак, начиная со своего иудео-палестинского, географически малого, зарождения, христианство в исторически короткие сроки охватило сначала средиземноморский мир, а вскоре и мировую – по тогдашним меркам – Рим-

скую империю, на скорых развалинах которой христианской стала вся Европа, Ближний Восток (цитадель цивилизации!) и Северная Африка. По мнению и исследованиям нашего выдающегося историка-этнографа Л.Н. Гумилева – его работа «Поиски вымышленного царства» – к тринадцатому веку христианство в несторианской форме «повторило» восточные походы Александра Македонского, то есть включило в свой ареал Центральную Азию, а от нее вошло в пределы Индии и Китая, достигнув берегов Желтого моря – так называемое, условно вымышленное, царство пресвитера, первосвященника Иоанна. В англоязычной литературе оно именуется «воображаемым царством» пастора Иоанна. Один из факторов этой условно вымышленной истории есть расквартирование (православного) русского полка в 1330 году в предместье Пекина...

Как знать, если бы в 1312 году новый хан Узбек не обратил Золотую Орду в ислам, когда в Сарае имел свою кафедру православный епископ, а тверской князь Михаил был туда в пути – подтвердить конкордат с предыдущим ханом о принятии Ордой православия (убит Узбеком), то может вымышленное царство пресвитера Иоанна сейчас называли предшественником полностью христианизированной Азии и, соответственно, Евразии?...

Опять-таки «сработал» диалектический закон в движении социальной эволюции – закон противостояния с системно организованными силами: кто кого победит в части этических норм; История начала искать возможные ходы, на сей раз не удовлетворившись испытанными, то есть ложными, тупиковыми и сугубо пробными. То есть, «помятуя» управляющей ею же принцип эволюционной консервативности (экономии), История трансформировала сугубо пробный ход в – назовем его понятийно так – соревновательный пробный. А коль скоро любая соревновательность предполагает примерно равные стартовые и функционально-достаточные условия – иначе это фарс, – то ход был продуман следующим. Сочетая генеалогическую преемственность, этногеографическую автономию и, главное – потенциал среднесрочного и далекого будущего, что принято называть миной замедленного дей-

ствия, в седьмом веке миру явился ислам. Последнюю «позицию» сочетания, это где о мне, мы только сейчас наблюдаем воочию, хотя бы в столкновении современного ислама с (заранее) победоносным глобализмом его фундаменталистская ветвь больше есть геополитика. Этногеографическая автономия, то есть преимущественный канонический ареал действенности ислама, определилась очень скоро. От бедуинских верблюжьих караванов Аравии он стремительно двинулся в Азию. Халифат дал миру ислама всю Среднюю и Центральную Азию, с севера этот мир прирос Золотой, Сибирской (Синей) и Желтой ордами, к тринадцатому веку заняв бывшие владения царства пресвитера Иоанна. Ближний Восток, Север Африки, Балканы до предместьев Вены и Иберийский полуостров, равно как полуостров крымский, в движении ислама на Запад приобщила в короткий срок к своим райям Блистательная Порта.

Но все это военная, геополитическая соревновательность. В части же генеалогической религиозной преемственности, что первостепенно важно в этическом плане, то здесь соревновательность сведена к минимуму, ибо в коране указывается на преемственность учения пророка Мохаммеда (Магомета в русской транскрипции) от учения Иисуса Христа – Исса и мать его Мириам в коране; более того, Христос считается предыдущим Магомету пророком аллаха. В отличии от Нового Завета, в коране много внимания уделяется воззрениям ветхозаветных пророков, каковые в этом качестве также рядопологаются перед Христом и Магометом.*

... Обращая внимание на большое внимание в коране к учениям ветхозаветных пророков, в современной западной религиозно-ведческой литературе наличествуют и конспирологические концепции, связанные с возникновением ислама, как соревновательной с христианством доктрины; см., например, книгу Дж. Мура «Пятьдесят веков Сиону». Но конспирология есть скорее геополитика, в данном случае в религиозной оболочке, нас же интересуют

* Следующим после Магомета пророком самопровозгласил себя Муаммар Каддафи в 70-е годы, определив ислам социалистической джамахирией, сам став жертвой молоха глобализма.

вопросы этики и морали. Заметим, что в исламе интернациональный аспект даже усилен по сравнению с христианством, что в соревновательном плане довольно и дает определенные преимущества учению Магомета в некоторые, обычно бифуркационные, исторические периоды. Сейчас это преимущество зримо наблюдается в связи с натиском сил глобализации.

В совокупности отметим равнозначность морально-этических норм и канонических догматов христианства и ислама. Это сугубая специфика соревновательно-пробных ходов Истории, как движения социальной эволюции. Заметим, что если догматы этики закреплены в иудаизме, христианстве и исламе, соответственно, в Ветхом завете (в торе), в Новом Завете и коране, то «практика» этики, ее морально-нравственные нормы, есть – также соответственно – содержание устной торы, Деяний святых апостолов (и других книг Нового Завета) и законах адата (и других социально-этических трактовок коранических текстов).

Все же имеющееся различие-разночтение, которое выше названо минимальным, в этике, морали и нравственности христианства и ислама обусловлено, скорее всего, средой возникновения последнего: начальная религия кочевых племен с усиленной доминантой торговой организации этого социума.

«Справа и слева соседние» религии иудаизма и ислама, конечно, в определенной мере рассматриваются как находящиеся в противостоянии с христианством, но таковое во многом нивелируется генеалогической последовательностью возникновения и длительным историческим временем сосуществования, включая таковое в одних и тех же государственных образованиях. Гораздо более разрушительными для христианства и его этики являются уже сугубо санкционированные системно организованные силы, действующие на канонических ареалах христианского мира. Частично мы их касались выше, тем более они у каждого, особенно получивших образование в советское время, в памяти и на слуху. Ограничимся их перечислением-напоминанием в контексте развиваемой темы.

Мировое масонство (по традиции) до сих пор полагается по части конспирологии. А фактология его преимущественно трактуется в историческом плане навроде «рыцарей круглого стола короля Артура», орденов розенкрейцеров и тамплиеров. По канонам христианства масонство терминологически обозначено как Антихристово воинство. Современное масонство, вне всякого сомнения, является «засадным полком» молоха глобализма, а в каких-то его действиях – и «разведка боем»...

Утилитарный протестантизм, сформировавшийся от дрызг Вселенских соборов до нынешнего сектантского дробления христианской церкви, огосударствление церкви как ее формализация и перевод в культурный (или культовый?) артефакт, современное *status quo* христианства в его соотнесении с геополитикой и научным мировоззрением, как «морали по вызову»... – вот краткий перечень других системно организованных сил, разрушавших веками христианскую этику.

◆ Сейчас человечество в своей социальной эволюции вошло в апокалипсический (чем и завершается Новый Завет) период глобализации, тягостный молох которого суждено пройти в процессе формирования ноосферы. С позиций христианской этики, заповедей Христа, этот период всечеловеческого испытания характеризуется уничтожением моральной сущности христианства и переходом к сугубо утилитарной «морали по вызову». Как это ни прискорбно, но сейчас уже не единолично Спаситель, но весь мир человеческий способился взойти на Голгофу и воскреснуть к новой социальной жизни в постглобалистскую эпоху. Еще раз, может надоедливо, повторимся: воскреснуть в совершенно ином, с нашей традиции малопривлекательном, качестве человека ноосферного. Главное, следует помнить: современная аналогия христианской этики есть главная стратегия равнодушных людей и объединяющих их социумов в отсрочивании явления молоха глобализма. Как говорится, помирай, но пашню под хлеб сей...

Общая же картина сейчас безрадостная: в логике соотнесения добра и зла в мире торжествует господство западной протестантской (торговой) мо-

рали; более того, на наших глазах творится образцово-показательное уничтожение норм христианской морали в современной Европе и пр. и пр.

Мораль в ее христианском понимании есть главный противник (см. выше) глобализации – начального периода ноосферизации Земли. Важную роль мы отводим неформальной (вне института госцеркви де-факто) морали русского православия, как основы сопротивления глобализации в ее утилитарной форме. Загадывая через предбудущее, говорим: в постглобалистской морали вполне мыслим возврат к морали заповедей Христа.

... Концовка знаменитой книги «Камо грядеши?» первого Нобелевского лауреата по литературе* из России, тогдашней Российской империи, Генриха (Генрика по-польски) Сенкевича: после Неронова пожарища, уничтожившего три четверти Рима, где поджигателями объявили христиан, апостол Петр, узрев мученическую смерть («Христиан львам!» – лозунг римских обывателей) адептов созданной им в Риме церкви за 34 года учения после распятия Христа, вышел в полном отчаянии из Города (*Urbi Roma*), но на Аппиевой дороге встретил вновь пришедшего на Землю для повторения подвига Христа. «*Quo vadis, domini?*» («Куда идешь, господи?»), – обратился к нему Св. Петр. – «В Рим», – скорбно ответил бог-сын. И Петр, устыдившись в четвертый раз (первые три евангельские: «Не прокричит петух, как ты трижды отречешься от меня...»), развернулся и вернулся в Рим – на ожидающий его крест распятия.

Камо грядеши, человечество?

* * *

Настоящей «Колонкой главного редактора» редколлегия и редакция «Приокских зорь» открывает традиционную для журнала всероссийскую и международную дискуссию по актуальной теме: «Апология христианской морали в эпоху глобализации». Материалы объемом до 10 стандартных машинописных страниц (А4, шрифт 14 через 1,5 интервала) слать на e-mail:

* Сенкевич был удостоен Нобелевской премии за названный исторический роман с формулировкой: «За анологию христианства».

priok.zori@mail.ru на имя гл. редактора А.А. Яшина до 01.09.2017 г. с пометкой «Дискуссия – 2017». Материалы дискуссии будут опубликованы в № 4, 2017 «ПЗ». Возможно издание материалов отдельной книгой.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОН ЛИХО НОСИЛ КОРОНУ КОРОЛЯ ПОЭТОВ

(Литературный фон творчества Игоря Северянина)

Я – русский сам, и что я знаю?

Я падаю. Я в небо рвусь.

Я сам себя не понимаю,

А сам я – вылитая Русь!

Игорь Северянин «Бывают дни...»;

ночь под 1930 год

◆ Советская средняя школа являла собой уникальную комплексную систему образования и воспитания. В последней ипостаси прежде всего морально-нравственного, а уж потом шли заповеди «Морального кодекса строителя коммунизма», в чем не было ничего плохого – даже нынешние СМИ, в чем угодно ищущие соринку «совка», даже (это не юмор!) в постановке «Аиды» на советской оперной сцене, в этой части помалкивают по двум веским причинам: во-первых, общепризнанно, что «Моральный кодекс» суть другими словами, в современной терминологии, изложенные Христовы заповеди блаженств Нового Завета, а сейчас наши власти крепко задружились с православной церковью; во-вторых, уже во всемирном масштабе затверждено, что советская школа на то время стояла на порядок выше Запада – Востока (это по Гёте: «Западно – Восточный диван»...); даже американский президент <имя рек> это на заседании Конгресса признавал; о как им, нашим родимым СМИ, даже сейчас, во время противостояния России со всем западным миром, послушаться *Самого* дяди Сэма и всея возлюбленной ими «цитадели демократии»? А вообще-то говоря, советскую школу довел до мыслимого совершенства Иосиф Виссарионович, объединив в ней старые классическую гимназию и реальное училище.

...Ну-у, преамбула это, что называется, к слову. А слово-то, кстати, библейски бывшее *вначале*, в том, что литературу в советской школе преподавали блестяще и емко, давая полезный для образования и воспитания уклон в клас-

сику: русскую, советскую и зарубежную – прежде всего европейскую. В отечественной литературе поэзия занимала достойное ей место. До сих пор в памяти «записан» почти весь «Евгений Онегин» – и даже от уроков немецкого языка «Лорелея» Гейне, понятно дело, на языке первоисточника...

Но вот с чем нам не повезло, так это с русскими поэтами Серебряного века! Все они *in summa* были печально знаменитой «комиссией Луначарского – Крупской» занесены в проскрипционные списки, изъяты из школьных программ и библиотек. Даже в крупных, ранга областных, их книги были переведены в книгохранилища, а «библиотечные карточки» на эти издания изъяты из общедоступных каталогов: алфавитных и тематических... И только с конца 50-х – начала 60-х годов, когда о списках наркома просвещения и жены и друга Ильича подзабыли, «серебряновековцев» стали скромно издавать, но преимущественно в составе знаменитой «Библиотеки поэта» (большая и малая серии). И даже здесь для них полагалась самая нижняя «тиражная планка», то есть 10...15 тысяч экземпляров. Это сегодня такой тираж полагается умопомрачительным, но для сплошь читающей Советской страны – капли в море. Главное, купить их в магазине было невозможно: книжные коллекционеры и профи-перекупщики к прилавкам не подпускали, а в библиотеках мигом образовались годовичные записи – очереди. Понятно дело, что архиэпатажный Игорь Северянин был недосыгаем... в смысле возможности чтения его стихов. А «в голосе» его слышать стало возможным, когда фирма «Мелодия» выпустила первые грампластинки вернувшегося в СССР Вертинского: его поэзо-романсы на стихи Северянина: «Это было у моря, где лазурная пена...»

В определенном смысле мне повезло по части стихов нашего выдающегося «эго- и просто футуриста», неоднократного «короля поэтов» и прекрасного классика русской поэзии – после 1918-го года, когда он, его же словами говоря, повернулся к онегинской стопе. Начало знакомства с поэзией «серебряновековцев», Северянина в том числе, дала наша учительница литературы (таких сейчас нет!), имевшая в свои неполные сорок лет редкостное тогда звание Заслу-

женного учителя РСФСР, создательница замечательного школьного* драмтеатра, которая читала – наизусть – на уроках стихи Анненского, Бальмонта и, конечно, Северянина, даже не оговариваясь насчет «это» и пр. «Вырастите, сами все оцените», – напутствовала она нас.

Второе знакомство, уже при чтении книг Северянина, произошло, когда в последние два года учебы в школе я по вечерам работал электриком в Доме офицеров флота (ДОФ) Полярного – «зарабатывал» двухгодичный трудовой стаж, дававший серьезные льготы при поступлении в вузы; не потому, что плохо учился, скорее наоборот, но на год нашего выпуска завершался первый эксперимент (сейчас начался второй, но уже по «американскому» образцу...), хрущевский, с 11-летним обучением. И в этот год мы, одиннадцатиклассники, и бóльшие числом десятиклассники одновременно сдавали экзамены (ЕГЭ тогда даже постоянльцам Кашенки после укола «серой» не снились) на аттестат зрелости. Соответственно, и конкурсы в вузы ожидались двойными. Было о чем позаботиться «на всякий случай».

Гарнизонная, до 1960-го года флотская, библиотека Полярнинского ДЭКАФ'а**, как по старой памяти – Дом командиров флота – называли в городе тогдашний ДОФ, располагала солидным фондом как современных, так и старопечатанных книг – см. год основания Полярного, ранее – Александровска в честь императора Александра III. Мне, как незаменимому (адмиралов и каперангов в стенах ДЭКАФ'а много наблюдалось, но электрик в смену – один) сотруднику в/ч <такой-то>, ибо Дом офицеров по табели о рангах числился войсковой частью, вход в библиотеку являлся «беспошлинным». Так впервые в жизни довелось читать стихи Северянина по прижизненным изданием его поэт в выцветших от времени тоненьких брошюрах... «Она вошла в моторный лимузин, эс-

* Полярная средняя школа № 1 им. М.А. Погодина – уникальное явление для «владений» Краснознаменного Северного флота СССР, созданная в начале 1930-х годов, когда собственно и образовался Северный флот с главной базой в Полярном (основан в 1899 г.). Мы, ученики, не голословно называли ее «гимназией». Первый послевоенный директор школы Букин – автор слов гимна Северного флота: «Прощайте, скалистые горы»...

** См. книгу: Алексей Яшин. Дэкаф: Северные повести (шестая книга рассказов Николая Андреевича) / Предисл. Л.В. Ханбекова: Академия российской литературы. – М.: «Московский Парнас», 2013. – 299 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

кизя страсть в корректном кавалере...» – Все тогда прочитанное накрепко осело в памяти. Да его эпатажные, ранние стихи не запомнить невозможно.

...Третье «явление» Северянина пришло после переезда из арктического Заполярья в кондово-русскую Тулу. Во-первых, тамошняя «Буккнига» тех лет давала возможность даже на студенческую стипендию и далее на зарплату молодого специалиста приобретать «за рупь – пятьдесят» до- и послереволюционные поэтические сборники с непременно участием Северянина; во-вторых, вошедши в тульский «интеллигентский клуб», получил записи упомянутых выше «библиографических карточек», по которым получил возможность в читальном зале областной библиотеки читать книги Северянина из книгохранилища. Кстати, не я один: в этом самом зале разные люди – от студентов и преподавателей вузов до рабочих парней «от станка» и работниц швейной фабрики переписывали его стихи в толстенные тетрадки... Было же время увлеченно читающей страны!

Уже совершенно неудивительно, когда сочинял свой первый роман «В канцелярии», вышедший на исходе нашей славной советской страны в Приокском книжном издательстве*, вспомнил о Северянине вот по какому случаю. Один из персонажей романа – учрежденческий поэт – по сюжету должен был разнообразить действие чтением своих «доморощенных» стихов. Сам я, то есть автор романа, стихов никогда не писал и – доселе – не помышляю об этом, поскольку хорошо еще в юношеские годы накрепко запомнил слова своего отца, моряка-североморца и стихийного философа, участника войны в Арктике, явно где-то ам прочитанные: поэтами не становятся, ими – рождаются. Как же быть с самодеятельным учрежденческим поэтом? А-а, не боги горшки обжигают – и «выдал» на страницы книги несколько стихотворений «за того парня». Конечно, стихами они считаться не могут – это обрамленная в <приблизительную> рифму проза. Опять же не обошел Северянина, написав сонет.

* Второе издание под названием «Видение на Патмосе» см. на сайте www.pz.tula.ru.

*Кумир мой добрый – Игорь Северянин.
Его поэты в памяти лежат.
Они скандалят, дразнят и... грустят.
Он – музы господин и полонянин.*

*Искусство покорив шестью томами
Напетых небом, улицей поэт,
Из благ земных не сделал он протез,—
Бродя в стране поэзии ночами.*

*Здоровый русский дух в век катаклизмов
Под лозунгом эго- и футуристов
Он выплеснул, иронии дитя!*

*Ненужной стала маска Шантеклера.
«Стареющий поэт» с особым флером
Он написал, совсем уж не шутя.*

...Поскольку в рукописи того романа я, что называется, разохотился сочинять стихи «за того парня», даже венок сонетов «Вечноуходящему» вставил, то добрый мой редактор издательства <за седьмой рюмкой> порекомендовал ограничиться этим «венком» и еще парой сонетов: «Остальные не пропадут – в другой роман вставишь!» И, действительно, они по сюжету и тональности вписались в другой роман*, где главная героиня книги Лера читает прижизненное издание книги Северянина с автографом, данным ее бабуле «Юной Виктории: победи жизнь!», что в тринадцать лет мимоходом, но разговаривала с королем поэтов на его выступлении в Политехническом музее: «Рекомендуя еще восьмикласснице Лере почаще перечитывать поэты Северянина – Лотарева, как бы-

* Яшин А.А. Любовь новоюрского периода: Философский роман в 3-х частях с эпилогом / Предисл. Л.В. Ханбекова. – М.: «Московский Парнас», 2009. – 712 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. также на сайте www.pz.tula.ru.

ла подписана та книжка, бабушка, правда, оговаривалась: «Читай не вразброд, листая, а последовательно по годам. Тогда проследишь весь путь становления из великолепного стихотворного хулигана выдающегося русского поэта». И, чуть помедлив, добавляла: «К сожалению, не ставшего поэтом советским. А жаль».

К чему, собственно говоря, этот предшествующий «личный» монолог? – А к тому, что, во-первых, историческое время довольно сужено, не грех поделиться с читателем; во-вторых, мы ненавязчиво, опосредованно уже очертили особенности восприятия самобытной, очень своеобразной поэтической музыки Северянина как его современниками, так и людьми сегодняшними, что шагнули в зрелом творческом возрасте от реалий советского времени к нынешнему нашему бытию... будь не к ночи оно помянуто. Но – ближе к теме!

◆ Выдающийся советский ученый-историк, фактический создатель науки этногенеза, наконец, сын двух таких значимых поэтов Серебряного века, как Николай Гумилев и Анна Ахматова, а потому и сам (генетически) не лишенный поэтического дара, Лев Николаевич Гумилев писал (1942 г.):

*Вверху луна бежит неудержимо,
Внизу бежит подземная вода.
Уходят вдаль года, года проходят мимо,
И часть ленится – навсегда.*

Также бóльшую часть XX века мнилось, что Серебряный век навсегда остался где-то в давних прошлых годах. Нет, конечно, никогда не забывались поэты того времени, что создали новую славу русской поэзии на рубеже веков и чуть далее – в годы десятилетия и двадцатые. Но про сам феномен Серебряного века, как великого явления Новейшей русской культуры, стыдливо умалчивали во всяком официозе, порой даже и литературном.

Льва Гумилева вспомнили вовсе не «к слову»: в его концепции этногенеза ключевая роль отводится *пассионарности*; по-русски, значит, – пламенности, в смысле внезапного распространения, взрыва активности действия... как пламенеют душой. Опять же из советской школы помним бессменного руководителя

испанской компартии 30–60-х гг. (в московском изгнании) Долорес Ибаррури с прибавкой к имени – Пассионария.

Пассионарные взрывы (активности, расцвета, достижения тех или иных вершин отдельного человека или этноса) пронизывают всю дальнюю и нынешнюю историю: от великого переселения народов в Евразии первого тысячелетия н.э. и натиска монголо-татарской орды на Европу и Среднюю Азию до нынешней глобализации империализма, сомнительную честь присутствия в каком процессе мы имеем место быть...

Пассионарность сродни электрическому разряду в физических явлениях: сначала достаточно долгий процесс зарядки, например, статического электричества в грозовых облаках, затем мгновенный разряд («... Громокипящий кубок с неба, смеясь, на землю пролила», – как это поэтично определил наш классик), а потом – долгое затишье, что Лев Гумилев назвал периодом стагнации, увядание пассионарности.

Дробясь во временных процессах социальной эволюции человечества, пассионарность охватывает этнос, то есть народ, нацию, государство, во всех субъектах его жизнедеятельности: от войн и революционных потрясений до морально-этических мотиваций, культуры, изящных искусств и литературы, что и есть предмет нашего внимания. Но как раз последние, в том числе литература, в названном временном дроблении либо отстает, либо опережает пик собственно социумной пассионарности: опять же войны, революции, «*Drang nach Osten*» (это у таволов) и «*Drang nach Westen*» (у Чингизхана)... «*Drang nach Rußland*» – это сейчас у НАТО и «лично Пентагона». Такое отставание – опережение, как реакция рефлектирующей образно-художественной (суммирующей) мысли социума на это самое пассионарное движение орд, армий, геополитических сдвигов, знамен всех расцветок и лозунгов – от алых знамен исламских халифатов с VII века до красных знамен XX века и так далее – также диалектически социально обусловлено. Опять же продолжим пример для каждого человека «понятный на себе»: гроза – это резкая смена атмосферного давления, на что даже сверхнакаченные анаболиками и прочими допингами современные \$, € и Р –

«спортсмены-профи» реагируют. Даже матерые чиновники, в сорокоградусную жару щеголяющие в «дресс-кодовых» пиджачных тройках, и те порой смахнут со лба росинку пота... Но вот рядовой человек, коего в советские времена именовали «наш непростой советский человек», а нынешние СМИ, как плевком сквозь гнилые зубы, обозначают «обывателем», ощущает эту перемену в атмосфере повышением или снижением «*SIS/DIA/PULSE*» либо до грозы, либо во время «громокипящего кубка», а может и опосля...

Резюме: в пассионарном движении любого этноса литературная пассионарность обычно не совпадает по времени с периодом «взрыва знамен» и прочих «*liberte, egalite, fraterne*»...

В европейской истории знаем мощную пассионерность всего искусства и литературы эпохи Возрождения: она надолго растянулась по времени, но ее обусловило неизбежно грядущая смена общественно-экономических формаций (по диалектике Гегеля с последующими Марксом – Энгельсом): от почти тысячелетнего западноевропейского феодализма Средних веков Европа готовилась к прыжку в капитализм. Здесь итальянская, а вскоре и испанская, затем английская и германская литературы, предчувствуя этот скачок-прыжок, опередили его в духовной мысли, дав человечеству величайший «набор» своих гениев и провидцев.

В первой половине XIX века, уже века торжествующего на Западе капитализма, в унисон ему расцвела классическая литература Англии и Германии; чуть позже тот же пассионарный взрыв этой музыки видим по ту сторону океана.

...А вот кратковременный феномен конца XIX – начала XX вв. скандинавской литературы, прежде всего в малочисленной по населению, кормящейся только ловлей селедки (тогда нефтяных платформ в Норвежском море не было), Норвегии, давшей миру Бьёрнстерне Бьёрнсона и «нобелиста» Кнута Гамсуна^{*}, сложно объяснить: тысяча с лишком лет прошло с тем пор, когда пассио-

^{*} На самое начало XX века в Норвегии на 300 жителей приходился один писатель – не «самопальный», как у нас сейчас, но оставивший свой определенный след в литературе...

нарные скандинавские викинги, объевшись сушеным мухомором**, грабили всю Европу, основывая свои государства на Сицилии и в других местах Европы. И прошедшие тысячу лет норвежцы тихо и мирно ловили селедку, поставляли в Европу тресковую ворвань*** и имели тихих, невоинственных королей, к именам которых приписывались все новые трех- и четырехзначные римские цифры...

А великолепная латиноамериканская литература XX века с ее знаменными именами Пабло Неруды, Борхеса и Габриэля Гарсиа Маркеса с нобелевским романом «Сто лет одиночества»? – Куда ее по части пассионарности отнести? – Правильно, к ожесточению борьбы со «старшим братом», который, уже не довольствуясь Панамским каналом, «банановыми республиками» и отторгнутыми у Мексики нефтеносными штатами (официальное название этой страны: Мексиканские соединенные штаты...), пожелали иметь чилийскую селитру и медь, аргентинское серебро и мясо, венесуэльскую нефть, кубинские сигары и проституток и так далее.

...Сложнее в (формальных) определениях с литературой русской. Она расцвела только в XIX веке, когда пассионарный наш натиск по части территорий и воинских успехов уже «**вкране**» был завершен: империя раскинулась от Варшавы и Гельсингфорса (нынешних Хельсинки) до Аляски и Северной Калифорнии в Новом Свете, считанные годы оставались до покорения Кавказа Ермоловым – вспомним Лермонтова:

*...И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,*

** Как в Великую Отечественную войну советским бойцам давали «сто граммов» перед атакой, а немецким солдатам таблетку первертина – психотропного средства, подавляющего страх, так и «безумно храбрые» викинги перед сражением жевали сушеный мухомор – «колеса» по-нынешнему.

*** Ворвань – вяленая на солнце треска, посыпанная крупной солью (сам такую на Севере делал!). – Хранится почти год, не теряя витаминов и вкусовых качеств.

Страшно медленны, как тучи,

Прямо на восток...

А «на подходе» был уже Михаил Дмитриевич Скобелов, присоединившийся к России всю Среднюю Азию... заодно и сведший владения Оттоманской империи в Европе до одного города Константинополя – Стамбула. И тот был готов «взять наутро», если бы не фронда Европы, пригрозившей Александру Второму – Освободителю (двойному!) «новым Крымом»... Господи, сколько же «крымов» еще **вперед** России уготовано?

Таким образом, Золотой век великой русской литературы, то есть почти весь XIX век, был, с одной стороны, запоздалым в части предыдущей этногосударственной пассионарности, а с другой – предшествующим явлению миру новой России – скоропрошедшей капиталистической, а затем социалистической. Писатели, особенно (настоящие) поэты, как и женщины, предчувствующие в короткий, восхитительный момент зачатия кого и в каком качестве они подарят миру, все знают и чувствуют наперед.

Соответственно расцвет русской поэзии суть прерогатива XIX–XX веков. Сначала – Золотой век: от Пушкина и Лермонтова до Тютчева и Фета, а ему на смену и явился Серебряный век. Символичны и сами устоявшиеся наименования этих «великих творческих эпох» (берем в скобки, ибо это название цикла книг Ромена Роллана): золото – металл, сочетающий в себе основательность великолепия, но по своим физико-химическим свойствам – пластичный, а пластика есть основа изящных искусств; серебро, напротив, при всем своем «лунном» завораживающем цвете и благородной изысканности есть металл звончатый.

Нет, конечно, далеко не все «серебровековцы» поражали и восхищали своих читателей, а особенно – слушателей в Политехническом музее и других залах ристалищ звонкоголосой музыки «столиц и университетских центров» – своей эпатажностью и «ананасами в шампанском»! Даже наоборот. Самый выдающийся поэт Серебряного века, надеюсь, что здесь я не одинок во мнении, Иван Бунин – классический, академический поэт, своей русскостью образов и троп

лирической поэзии ничем не уступающий великим поэтам Золотого века. Тоже академист, но уже поэт-стилист Валерий Брюсов и также выдающийся стилист Николай Гумилев... а стилизатор Михаил Кузмин, а акмеисты со своим главой – Анной Ахматовой? И директор Царкосельского лицея Иннокентий Анненский со своими «тремя голубями Царского села» (в их числе и Ахматова с Гумилевым)? – Ведь все они бесконечно далеки от «ананасов»... хотя бы Гумилев-путешественник написал «Озеро Чад».

Но были и поэты-эпатажники: Давид Бурлюк и «ничевоки», имажинисты Александр Кусиков и Вадим Шершеневич* с его «Песней Песней»:

*Соломону – первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*

.....
*Как гоночный грузовиков между,
Мой любовник мужчин среди.
Мной и полночью восславленный трижды,
Он упрямым любовью сердит.*

(И так далее, 19 июля 1919 г.)

Но ведь символистом себя называл Александр Блок, а имажинистом Сергей Есенин!

...В том-то все и дело, что эпатажный слой поэзии Серебряного века относится к междуреволюционному (1905–1917) и послереволюционному (1917–1925) периодам. Поэтому ее порой выделяют в литературоведении в сугубо отдельные периоды, называемые «ранним послереволюционным» или «ранним советским». Своеобразие этого слоя поэзии Серебряного века обусловлено как судьбоносными для России и всего мира событиями, так во многом и смещением акцентов в русской поэзии, впрочем, начавшимся еще в ранние 1900-е годы, а именно: заканчивался *собственно* величественный, освежающий, но и не-

* Их совместная книга под названием «Коробейники счастья» была опубликована полностью в № 4, 2007 «Приокских зорь» в рубрике «Литературная учеба».

сколько ностальгический (особенно – Иван Бунин) Серебряный век поэтического творчества с его обилием имен, что называется, первого ряда.

◆ Вот в такой период окончания «классики» Серебряного века и вошел в русскую поэзию Игорь Северянин, когда революционные потрясения 1905-го года вызвали смятение в творческой среде, а в поэзии расцвели эпатажность и эклектизм, правда, скорее в позитивном значении этих слов. Появились поэты под знаменами самых экзотических «измов» (см. выше). Но ведь это было не скопище многочисленных «дадаистов», имена которых давно забыты! Это *Имена* с большой буквы, а не те, про которых зло сказал Маяковский «Кудреватые митрейки». Справедливости ради: столь обиженный пролетарским трибуном-«главарем» Леонид Кудреватых стал добротным русским и советским поэтом, писал хорошие стихи, дожил чуть ли не до 90-х годов, написал замечательные мемуары – воспоминания о том интересном времени, где с большим уважением говорит о своем обидчике... Вот так-то!

...И не один Кудреватых отказался от модных «измов», перегорел ими и стал просто хорошим поэтом в силу данных природой (напомним: поэтами рождаются, а не становятся!) способностей. Очень скоро отказались от постулатов символизма Блок и Брюсов, а какие-то имажинисты и акмеисты выдающиеся русские поэты Есенин и Ахматова? И Игорь Северянин сразу после окончания революционных бурь, оказавшись в «лимитрофной» Эстонии, отказали от своего футуризма – да еще с приставкой «эго»! – Это как нынешние торгово-спекулятивные «маркеты» с приставками от математики: «супер», «мега», «гипер»...

Кстати, с футуризмом в русской поэзии описываемого ее периода несколько сложнее: это была чистая переимчивость «с европейского»; известно, что русский человек часто прельщается «славными бубнами за горами», порой доходя до «смеси французского с нижегородским»... Так и футуризм нанесло на Россию со стороны Италии от родоначальников этого стиля поэтов Маринетти и Д'Аннуцио; помните у Маяковского: «Фиуме спьяну взял Д'Аннуцио» (в

Первую мировую войну последний командовал ротой и отбил у австрияков этот славный итальянский город...).

Кстати, мэтр футуризма в русской поэзии Владимир Владимирович («*Мы – иллюминаторы новых городов*») оказался единственным, кто последовательно отстаивал свое право отказа от силлабо-тонического стиха и перехода в доминирующую ритмику, где рифма суть логически-смысловый вывод из стихотворной строки. Что ж, имел право, потому и стал Владимиром Маяковским... Резюме: если бог даровал поэтический талант, то он и проявится, а всякая групповщина «измов» – это всего лишь детская болезнь, помноженная на специфику эпохи.

В целом в данном отношении и ранний послереволюционный период советской уже поэзии нес в себе черты символизма, модернизма, даже декаданса 1900–1910-х годов. Также шумел в зале Политехнического Давид Бурлюк, демонстрировал приверженность символизму Андрей Белый... и Саша Черный, так рано покинувший этот мир, торил свою тропу. Оставались и истовые акмеисты и имажинисты. Многих из них каноническое литературоведение относит к поэтам «второго ряда». А вот о «постэгофутуристическом» Игоре Северянине, перешедшем в 20–30-е годы к классической русской стихотворной форме, как-то все забыто... Таким был литературный фон, в ареале которого вступил в поэзию и творил Игорь Северянин.

Игорь Васильевич Лотарев (1887–1941), известный всем как Игорь Северянин, что неверно, ибо его настоящий псевдоним есть Игорь–Северянин, где «Северянин» вовсе не псевдоним-фамилия, а (географическое) определение к имени «Игорь», появился на свет в Петербурге. Отец его служил военным инженером, штабс-капитаном 1-го железнодорожного батальона, по-нынешнему говоря, служил в железнодорожных войсках. По всей видимости, такой разъездной по всей стране род занятий отца и стал причиной развода родителей в девятилетнем возрасте будущего поэта – и даже коронованного «королем поэтов». Столь же явно поэтические гены он унаследовал по линии матери – из дворянского рода Шеншиных, то есть Игорь Северянин находился в не столь

уж далеком родстве с Афанасием Афанасьевичем Фетом (Шеншиным). Сначала он живет с отцом в Череповце, где и окончил четыре класса реального училища. К этому времени Василия Петровича Лотарева переводят по службе в Манчжурию, куда дотянулась до русских военно-морских баз на Дальнем Востоке Порт-Артура и Дальнего (Даляня) железнодорожная ветка Транссиба. Вслед за отцом семнадцатилетний Игорь Лотарев, еще не Северянин, также едет в 1904 году в Манчжурию, откуда возвращается в Петербург в самый канун Русско-японской войны, где с этого времени (отец умер в тот же год) живет с матерью в Гатчине, общаясь со столичной художественной элитой, с которой водила дружбу его мать – по своему дворянскому происхождению и памяти родства с А.А. Фетом.

Первые опубликованные стихотворения Игоря Лотарева (под «не прижившимися» к нему псевдонимами...) относятся все к тому же 1904-у году и тематически посвящены событиям Русско-японской войны: «Гибель «Рюрика», «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» и пр. Крестными отцом и матерью в мир большой поэзии Игорь – уже – Северянин называл известного поэта старшего поколения Константина Фофанова и Миру Лоховицкую: в этих именах объединились классика и модернизм Серебряного века.

...Не помню названия той тоненькой книжки прижизненного издания поэт Северянина, что читал в юные годы, обнаружив ее на полках библиотеки ДОФ'а Полярного, но всего их числом в три с половиной десятка, за свой счет и тиражом в сто экземпляров (это как у современных ... ну-у, назовем их по традиции поэтами) издал Северянин, начиная от времени благословения его в страну поэзии Константином Фофановым. Но подлинная, отчасти скандальная, слава пришла к нему с начала 1910-х годов, когда Северянин с сыном Константином Фофанова и тоже «шумевшим» тогда поэтом Грааль – Арельским (понятно, псевдоним) декларировал новое литературное направление *эгофутуризма*. Лев Толстой, как сообщает современная русская «Википедия», так отозвался на «Хабанеру II» (это где «Вонзите штопор в упругость пробки, – И взоры женщин не будут робки!..»): «Чем занимаются, чем занимаются... И это – лите-

ратура? Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки...» Но молодая Россия в межреволюционный период рукоплескала новой звезде на поэтическом небосклоне. А уж и классик Серебряного века Федор Сологуб (помните его «Нюрнбергского палача», а из прозы «Мелкого беса»?) взял Северянина под «свое крыло», написав восторженное предисловие к его первой большой поэтической книге «Громокипящий кубок» (1913).

Начинаются совместные выступления и турне, говоря современным языком, Маяковского и Северянина по всей Европейской России. А в начале 1918-го года в Большом зале Политехнического музея из вышедших в финал Северянина и Маяковского первый был выбран королем поэтов, а Владимир Владимирович всего лишь вице-королем; разгневанный поражением, Маяковский не принял «вице-венюк»... Даже Константин Бальмонт поопасался соперничать с Северяниным и не приехал на поэтическое состязание.

Но времена изменились, с этого же года Северянин оказался в Эстонии и до своей кончины в 1941-м году в России уже не бывал. В первые годы жизни вне России Северянин гастролирует по всей Европе, включая Париж, пишет все новые и новые стихи, к окончанию жизни становясь классическим русским поэтом – без эго- и просто футуристов.

◆ С «Громокипящим кубком», имевшим семь изданий за два года, завершилась «самиздатовская» (см. выше) пора поэтического становления Северянина. Пришла всероссийская слава. И классики позднего Серебряного века, хотя и с оговорками («салонный эротизм», «чуждый жизни эстетизм», «приторное жеманство»...) В общем-то единодушно отмечали рождение новой поэтической звезды: уже упомянутый выше Федор Сологуб с его восторженным предисловием к «Кубку»; и Брюсов то хвалил молодого поэта, то окидывал его «холодным взглядом»; Александр Блок, достаточно сдержанный в оценках поэтов молодой поросли на закате (классического) Серебряного века, после появления «Кубка» отозвался о Северянине в том смысле, что автор поэт временами ему

очень даже нравится, и вообще – «это настоящий, свежий, *детский* (выд. нами. – А.Я.) талант».

После «Громокипящего кубка», в самом символическом названии которого Северянин объявил себе продолжателем творческой линии русской поэзии тютчевско-фетовского периода, поэт стал непререкаемым кумиром в среде, для которой, собственно, и пишутся стихи: читающей России. Особенно в женской ее части:

*Шуршат истомно муары влаги,
Вино сверкает, как стих поэм...
И закружились от чар малаги
Головки женицин и хризантем...*

(«Хабанера III», 1911)

«Детский талант» в определении Блока – это вовсе не снисходительное унижение, но констатация того непреложного факта, что Северянин стремительно вошел в олимпийцы русской поэзии как «иронии дитя» (см. выше), став знаменитостью – «повсеместно обэкранен» и «повсесердно утвержден», – еще не утратив распахнутую всему миру изначально творческую душу ребенка, еще не обременивши себя осторожной человеческой мудростью и знанием, многие которых несут многие печали... Отсюда и пресловутый гедонизм, в чем то зло, то по-отечески наставительно упрекали поэта его более умудренные, или в равные с ним годы жизни уже утратившие качество поэтической детскости, коллеги по литературному цеху. Да и не такое это уж и ругательное определение: гедонизм (от греч. *γέδωνε* – удовольствие) есть учение, полагающее содержанием и смыслом жизни чувственные радости. То есть это обычное состояние ребенка или уже повзрослевшего человека, сохранившего детскость (повторимся) души, детского восприятия мира. А настоящий поэт именно в таком качестве этот мир видит, воспринимает, главное – отображает в своих творениях. Другое наименование гедонизма – эпикурейство прямо указывает на то, что вся мировая литература зиждется на двух вроде как противостоящих (это действие диалекти-

ческого закона единства и борьбы противоположностей), началах всех искусств: воспевание человеческой радости от изумления бескрайностью мира и осознание трагичности личного бытия. Для европейской литературы здесь предшественники из античных времен: гедонистическая поэзия Греции и Рима, а в (диалектический) «противовес» ей – оракулы и хóры древнегреческой трагедии.

...Как говорится, ничто не ново под луной. Сама русская поэзия началась с отчетливо выраженной гедонистической линии: от Державина до Языкова; понятно, не миновала она и юного, даже молодого Александра Сергеевича.

Выше уже достаточно было сказано о литературном фоне творчества Северянина, в том числе и о восприимчивости Серебряным веком поэзии литературных традиций века Золотого, и все это было увязано с последствием уже прошедшего и с предчувствием наступающего нового пассионарных периодов в ареале русского этноса. Все вроде как укладывается в очерченные рамки феномена Северянина. Да еще «большим плюсом» здесь детскость взрослого поэта... Заметим, что обычно при литературоведческой оценке творчества как Северянина, так и многочисленных представителей поэтических «измов» начала XX века, часто склоняются <Ф.И.О. не называем, но их было и есть много> к утверждению, что все эти «измы», а Северянин, равно как Бальмонт, Маяковский, Кузмин, в особенности, суть «реабилитирующая реакция» на самодовлеющую реалистичность и даже рационалистичность русской литературы, поэзии в том числе, второй половины XX века, то есть с доминантой разночинно-демократической. Вроде как похоже на истину, но... как-то все притянuto – к той же «рационалистичности».

Мы не выходим в настоящей «Колонке» за рамки заданной (самому себе) темы о литературном фоне. Тем более, что о стихах Северянина уже «плещется» целое море исследований. И главное: такого цельного в своем творческом самовыражении поэта подвергать скрупулезному литературоведческому разбору – с цитированием его блистательных поэм, с примериванием на них отработанных этим самым литературоведением клише-штампов – есть задача неблагоприятная. Северянина надо просто читать; у кого «руки не доходят» до его

книг, тот может, перелистнув страницу этого номера журнала, прочитать *minimum minimorum* из его обширного, впечатляющего поэтического наследия.

И напоследок задайте себе вопрос: какой Северянин – эгофутурист времени первой половины своего творческого пути, или классический русский поэт 20–30-х годов в (невольной, чисто случайной) эмиграции, в наибольшей мере по духу, стилю, содержанию своих произведений соответствовал своей эпохе? – Подсказка очевидна: «королем поэтов он по праву был в первый «июльский полдень»:

Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер,

Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер,

Шелестел молниеносно под колесами фарватер,

И пьянел вином восторга поощряемый шоффэр...

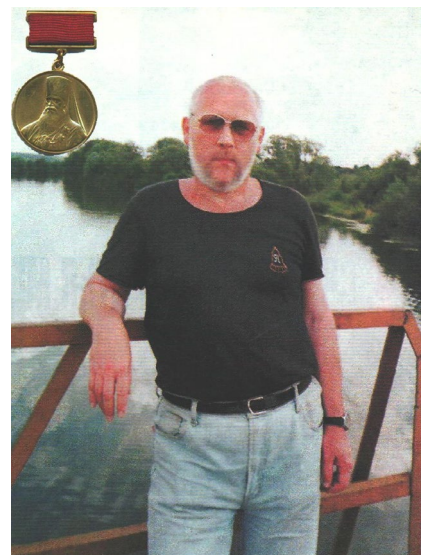
(«Июльский полдень. Синематограф», 1910)

...И уж точно ясно: современной торгово-воровской, умоущербной эпохе «первого натиска» глобализма и тот, и другой Игорь Северянин глубоко чужд. И сам бы он на нее вполне нефигурально плюнул.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО НА ДЕРЕВНЮ ДЕДУШКИ

Я не заботился здесь ни о красоте слога, ни о пышности и звучности слов, ни о каких внешних украшениях и затеях, которыми многие любят расцвечивать и уснащать свои сочинения, ибо желал, чтобы мой труд либо остался в неизвестности, либо получил признание единственно за необычность и важность предмета.

Никколо Макиавелли «Государь»

♦ В эпилоге одной из предыдущих наших книг*, кстати говоря, «северных», мы уже касались безутешной темы: нет сейчас человека, более ничтожного в социальной иерархии, более тихо презираемого в быту, нежели сочинитель художественных произведений, сам себе стыдящейся именоваться писателем. Даже от природы задорные поэты, «горлопаны и главари» по Маяковскому, и те сникли. И все это случилось за какие-то три десятка лет! Речь, понятно, идет о наших отечественных реалиях, ибо на Западе – Востоке («Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературы напрочь исчезло намного раньше. Уже и «Нобеля» по литературе там дают, ничтоже сумняшеся, певцам-гитаристам и политангажированным дамам-журналисткам. Горестная тема, но уходить от нее – уподобляться страусу в известной ситуации. Да нам и проще найти нужные слова, ибо, будучи «двуликим Янусом», параллельно с литературными упражнениями ведем и научное исследование, дающее аргументированный ответ на вопрос об исчезновении литературного слова из человеческого обихода так стремительно во времени и не оставляющего даже призрачной надежды хотя бы на частичное восстановление *status quo*.

Поверьте, мой дорогой мифический читатель, это не недоедающее бормотание пономаря кладбищенской церковки «со святыми упокой», но честное самопризнание. Увы, от этого прежде всего мне самому не легче. По чисто «утилитарной» причине: и без того крайне немногим оставшимся читателям, последним романтикам души, в соответствии с психологической установкой человека, крайне неприятно читать правду о сегодняшнем дне бывшей великой русской и русской советской литературы. Словом, хрестоматийное «мысль изреченная есть ложь» понимается как извечное «правда глаза колит».

Редчайшего ныне читателя мы прекрасно понимаем, сочувствуем ему – ведь в одной связке с ним! Хорошо бы и он осознал: если во времена Пуш-

* Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктоген: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.– М.: «Новые Витражи», 2021.– 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). См. на сайте www.pz.tula.ru – Прим. авт.

кина, Лермонтова и Гоголя литератор, условно говоря, творил для тысяч, максимум для счетных десятков тысяч своих почитателей; в расцвет великой русской словесности, то есть во вторую половину девятнадцатого века, а с учетом стремительного роста читательской грамоты, в последнюю треть этого века и начала века двадцатого, писатель имел уже аудиторию в сотни тысяч; в советские годы, с экстремумом в 50–70-е, счет шел на десятки миллионов, то сейчас – о, горе нам, горе! – современный писатель, отсекая от этого славного имени немногих дельцов-пиарщиков и многочисленных, имя им легион, графоманов, имеет от 1 до ~ 1000 читателей... не миллионов, не сотен или десятков тысяч, а именно от одного до примерно тысячи читателей, конкретных физических лиц, как принято говорить на суконно-цинковом административно-бюрократическом наречии.

Оторопь берет: родоначальник книгопечатания, ювелир из Майнца Иоганн Генсфляйш Гутенберг, тем более его последователи, печатали тиражи в несколько тысяч экземпляров (а это середина XV века!), каждый из которых, особенно папские индульгенции и библии, имели во времени от сотен до тысяч читателей. А здесь: от одного до тысячи; один – это сам автор, вдыхая волнующий свежий типографический запах...

Не поверят опять же: а как ты подсчитал? а справка есть? (вспомните персонажа Янковского в фильме «Паспорт»...). А вот взял и подсчитал, благо много чему учился – в советских вузах, не в нынешних «онлайновых»: инженерному делу, то есть умению системно мыслить, в Тульском политехе, математике в Ленинградском госуниверситете, содержанию и психологии творчества в Литературном институте им. А.М. Горького, Союза писателей СССР – именно такова была принадлежность этой славной «школы Горького». Опять же почти двадцатилетний опыт главного редактора журнала.

♦ Фоме Неверующему, а сейчас мало доверчивых осталось, литераторы и вовсе каждый на своем лужке пасется, что усомнится в обидно малом числе читателей, открою секрет проверки этого антифеномена. Сам изобрел и пол-

тора десятка лет экспериментировал: вторая, научная ипостась исследователя – биофизика приучила только эксперименту доверять.

Итак, сочиняя очередную книгу, стараюсь вставлять в нее, конечно, контекстуально выверено, что-либо касающееся творчества моих коллег по местной писательской организации, как-то: пару стихотворных строчек поэта *N.* – любимого современного стихотворца восторженно-лирической героини повествования; эпиграф к главе, уже с упоминанием ФИО поэта же *M.*; явный намек на «нашумевший» роман провинциального писателя *K.*; сюжетная сценка, в которой обыгрывается недавний скандал с местным литератором *O.* ...И так далее, поток фантазии неиссякаем, когда готовишь легкую, необидную пакость. Как только книга издана сиротским тиражом (на зарплату профессора и бутылочки приличного коньяка, чтобы обмыть, не купишь!), первым делом радостно дарю ее экземпляры литературным собратьям *N.*, *M.*, *K.*, *O* и так далее по буквам латинского алфавита: так солиднее, чем кириллица. Излучая добрыми лицами – от рта до ушей и залысин на макушках, те долго и прочувственно пожимают тебе руку, взяв ее в обе своих, клятвенно заверяют: дома после ужина запрешь в своей рабочей комнатке и не выйду из нее, пока от корки до корки не прочту. Это если книжка тонкая. Если толстовата, то обещают за три-четыре дня одолеть.

Радостно потирая все те же руки, с неугасимым авторским тщеславием жду следующей встречи с *N.*, *M.* И остальными, «помеченными» в своем новом, нетленном творении. Заранее предвкушаю: подходит *N.*, благодарственно жмет мою длань (своими двумя): «Вот спасибо, дорогой мой коллега! Вспомнил-таки, что есть на свете поэтишка *N.*, а твой персонаж строки моего лучшего стихотворения процитировал: «*Прекрасны розы на рассвете, а ты, богиня, ночью горяча*». Признателен!» Затем и *M.*, потом *K.* за ними *O.* выстраиваются в очередь благодарений. Я-то уже знаю, что *O.* восхитится: как замечательно обыгран судебный процесс, который он недавно затеял с ловким плагиатором *Q.* ... и так далее.

Но попал ваш покорный слуга в ситуации романтической девушки Сольвейг: «Весна пролетела и лето прошло...» из драмы Ибсена «Пер Гюнт», музыка Эдварда Грига. Сколько бы раз не встречался после издания книги с *N.* и его коллегами, обозначенными латиницей, но *за пятнадцать лет ни один из них* не поблагодарил. То есть все изданные за эти года полтора десятка лет книги они даже не раскрывали! Эврика!

... Мне возразят: что ж хочешь? это же писатели, им некогда читать, они перо из руки не выпускают, свои *ПСС* сочиняют! И к случаю вспоминаю анекдот литинститутских времен о приеме чукотского классика в Союз писателей: «... И что вы, уважаемый, в последнее время читали из отечественной и зарубежной художественной литературы?» – «Хе-хе, однако, чукча не читатель, чукча писатель!» Без обиды для наших славных чукчей... Тот случай, когда справедлива трансформированная пословица: «Сапожник не носит сапоги другого мастера».

... Значит, диапазон читательского интереса смело снизим до 1...500, причем верхние 100...500 отнесем к публикациям в журналах, выходящих «в бумаге» таким же тиражом. Но здесь не обольщайтесь: читать будут намеренно не вас, избранника муз, а весь журнал *in summa*. Опять же человеческая психология: если купил, кровные потратил, то обидно, если все не прочитаешь! Это как не съесть целиком заказанный в ресторане бифштекс за невероятную цену.

Остается 1...100 читателей произведения, изданного в виде авторской книги. Сто? да это же целиком рот на марше! Но не радуйся ста читателям, как будто сотенную бумажку с видом Большого театра на дороге нашел (лучше того же достоинства долларовую банкноту с портретом Франклина). Дело намного хуже.

♦ Сразу исключим из оставшейся сотенки два десятка знакомых коллег-сочинителей (см. описанный выше эксперимент); остается в загашнике, в домашней кладовке, восемьдесят экземпляров. Еще тридцать ближним и дальним родственникам, давним друзьям, коллегам по работе, в главные город-

ские библиотеки (место действия – областной город)... словом в те руки и на те полки, где книгу никто и никогда не раскроет. Вот и полусотенка осталась. Сакральное число: ни много, чтобы задумываться: куда девать; ни мало, чтобы успокоить себя: а-а-а, на всякий случай пусть полежат, много места не занимают, есть не просят. Опять же пять десятков возможных читателей! Это вам не фунт изюма, пока еще натурального, не китайского из переработанной пластмассовой тары...

Но печатать книги в твердом переплете безумно дорого для безгонорарного писателя, а сброшюрованные в мягких обложках, склеенные по торцам дешевым китайским же клеем, очень скоро для чтения становятся непригодными: рассыпаются при раскрытии страниц. Волей-неволей надо избавляться от них, раздавая случайным людям, а если есть возможность посылать по почте «за счет заведения», то осчастливливать редакции литературных журналов и правления писательских союзов, которых сейчас в наличии имеется более чем пальцев на обеих руках. Уже не надо пояснять: никто и нигде эти «авторские дары» не раскроет, названий и фамилии сочинителя в памяти не отложит.

И как добрый старинный бухгалтер-счетовод, в роговых очках и в надежных на рукава пиджака суконных нарукавниках траурного цвета, пощелкаем костяшками счетов, подведем итог: из изданных ста книг раскрытыми оказались не более десяти. В основном машинально, из вежливости при получении подарка, раскрытыми. Из них «пролистаны» шесть-семь, а собственно прочитаны не более трех-четырех ... включая автора (см. выше). И это радует безмерно: не один во Вселенной!

«Бездумный гротеск, фантазия воплощенного пессимизма, следствие выпитой от творческой безысходности полубутылки империалистического виски «Джонни Уокер» или чего попроще из «расейского!» – воскликнет читающий эти строки, то есть один из тех трех-четырех реальных читателей.

Увы, мой редкостный и досточтимый, это самая что ни на есть горькая правда. У моих книг также читатели суть: супруга, грамотная, из учительниц,

приученная к чтению матерью, педагогической доцентшей; сын, дитя переходного периода отечественной истории, единственный читающий, как он сам говорит, из своих сверстников; пара-тройка постоянных авторов журнала «Приокские зори» и одна профессиональная критик-литературовед из Минска. Исполать им! Все точно просчитано, экспериментально (см. выше) подтверждено, аналитически взвешено и пр. Не зря же двойной доктор наук и двойной профессор: не лыком шит и научной методологией владею отменно.

Огорчу и вас, собратья-литераторы, у каждого столько же читателей. Сами можете аналитически и экспериментально проверить...

«Но как же литературные премии (почти все безденежные), награды, звания, которых сейчас превеликое множество и только самый ленивый ими обделен? Это снова Фома Неверующий встрянет. *Шалом леха адонай* Христов апостол Фома, поприветствуем его из уважения на арамейском, но в части литпремий нынешних разьясим.

Опять же исходим из наиболее достоверного, то есть из личного опыта. Когда полтора десятка лет тому назад учреждали литпремию за лучшие публикации текущего года в «Приокских зорях», сам бог подсказал здравую мысль: не создавать всякие комитеты, жюри и пр. из видных писателей, а принимать решение самой редакцией – только на основании знакомства с публикуемыми в журнале произведениями. Поэтому небезосновательно полагаем: премия «Левша» имени Н.С. Лескова есть честнейшая из других, подобных ей... безденежных в том числе. Есть с чем сравнить. Недавно друг нашего журнала, входящий в одно премиальное жюри, откровенно рассказал о своем коллеге по этой организации: тот ставит высший оценочный балл своему хорошему знакомому и «на автомате» ставит нулевую оценку всем остальным книгам, участвующим в конкурсе. Естественно, эти книги, включая премиальную «от знаконца», оценщик не раскрывает.

Грустно, девушки, грустно. В пору действительно утешиться рюмахой доброго шотландского «Джонни Уокера». Не потому что к Западу приязнь

испытываю, а просто по материнской линии имею дальних предков из шотландских переселенцев в Россию.

◆ *Ах, боже, сколько скуки
В искусстве палача,
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча...*

– начинает своего знаменитого «Нюрнбергского палача» Федор Сологуб, далее описывая начало жизненного пути своего героя:

*... И я учился в школе,
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Мучительно горя...*

Первую строфу отнесем ко всякому, кто, подобно нам, берется за описание тягостного положения современной литературы и ее тружеников (см. выше). Вторую же к нижеследующим рассуждениям о «качестве», так сказать, этих самых современных труженников пера.

В русской классической литературе, а тем более в советской, заорганизованной в рамках Союза писателей СССР, писательство было профессией. Даже не столько по присказке «какова пса ловля, такова ему кормля», сколько по профессиональному мастерству, к которому всякий пишущий стремился по мере отпущенного ему природой таланта, ориентируясь на признанные авторитеты. То есть тогда писатель всю жизнь *учился*, а не просто «выдавливал из себя». Разумеется, и в девятнадцатом веке, и в двадцатом существовала динамическая литературная пирамида. Писателей было достаточно, но в антологию русской литературы входили относительно немногие. Это естественно и неотрицаемо.

... В шестидесятые-восьмидесятые годы, когда прежде сплошь деревянная Тула радением первого секретаря обкома Ивана Харитоновича Юнака, давнего знакомца Брежнева еще с довоенных днепропетровских времен совместной парторботы, на глазах перестраивалась в «пятиэтажный город» (это

название романа классика советской латышской литературы Вилиса Лациса...), народ, переселяясь из родовых домишек в новые квартиры, массово избавлялся от всевозможного старья. Поэтому в те годы тульская «Буккнига», располагавшаяся в самом начале проспекта Ленина, почти под стенами кремля, радовала серьезных книголюбов (не мелких перекупщиков!) изобилием староизданной литературы девятнадцатого – начала двадцатого веков, в которые собственно и создавалась русская литература. Заходя после работы – благо по пути – в букмаг, чего только не отыскивал там! Кое-что и приобретал на скромные инженерные рубли. Наряду с разрозненными томами собраниями сочинений отечественных и зарубежных классиков – от дешевых «бесплатных приложений» к журналу «Нива» до фабрично тисненых томов издательства Товарищества М.О. Вольф и совершенно роскошных изданий А.Ф. Маркса и Товарищества «Просвещение» – и уже полузабытых, а некогда популярных писателей навроде В.Г. Тана, Ольги Шапир, С.В. Максимова, А.А. Потехина, П.М. Неvejeина, Н.Я. Соловьева и других, часто встречались книги авторов, имена которых не значились ни в каких литературных энциклопедиях, даже в восьмидесятитомном Брокгаузе и Ефроне.

И ведь совсем недурственно написаны, главное, литературно грамотно: семейные помещичьи хроники, романы с авантюрными завязками и развязками, «дамская» беллетристика, вроде бы хорошо рифмованные стихи, даже пьесы и поэмы. Но при чтении их чувствовалось: автор просто отдыхает в своем сочинительстве от более важных для него дел; да, безусловно, склонен к литературному творчеству... но и только. То есть не имеет стремления стать писателем профессиональным, трезво оценивая потенциальные возможности своего скромного дарования. А потому и не отдает всего себя литературному творчеству, главное – не относится к своему сочинительству как учебе длиной в собственную жизнь, о чем уже было упомянуто выше.

В чем-то схожая ситуация и сейчас, но с тем *огорчительным отличием*, что (а) напрочь отсутствует понятие авторитета; (б) по этой причине нет устремления к профессионализму, а еще более существенная – «нет кормли»

от литературы. Из совокупности (а) и (б) следует: современная писательская среда суть непрофессиональная по определению, сплошь любительская и не имеющая даже представления о том, что писательство неотделимо от учения писать!

Всего два десятка лет назад (в девяностые годы еще сохранялась инерция советских времен, наличествовали литературные кадры того же времени) ситуация (а) и (б), но последняя уже без «кормли», представлялась некоей пессимистической фантазией. Взять ту же тульскую писательскую организацию – типичную для всех остальных в стране областных и республиканских. Весь ее состав на исходе советского времени был «обилечен» членством в Союзе писателей СССР. А вступить в Союз тогда, как совершенно справедливо гласила расхожая приказка, было равнозначно достижению степени доктора филологических наук. То есть двадцать-тридцать членов Союза писателей на два-три миллиона жителей области (речь идет о среднестатистическом по стране), что означает одного писателя на сто тысяч населения? – редкие профессии могут представляться таким масштабированием; разве что генералы, высшие в области партийные и административные чины могут себе такое позволить...

Не случайно, не оговоркой мы употребили выше слово «профессия». Да, состав тех же областных писательских организаций был именно *профессиональным!* Более половины членов тульского отделения Союза писателей окончили Литературный институт или Высшие литературные курсы (двухгодичные) при нем. А это был еще тогдашний Литинститут! – школа Горького. Другая же часть либо имела высшее филологическое образование*, или же занималась неформально литературным самообразованием. Имелись и творческие самородки, что свойственно обычно поэтам.

Тульские писатели не замыкались на издании своих книг, а достаточно активно участвовали в местной и всесоюзной литературной жизни: от публи-

* По правилам поступления в Литинститут советского времени такое образование являлось препятствием для обучения в нем, что, вообще говоря, объективно обусловлено. Но можно было и это обойти. – Прим. авт.

каций в областной периодике до авторства в «толстых» столичных журналах. Даже публиковали в них (Александр Харчиков, например) романы с продолжением из номера в номер. А это по тем временам «высший класс»! Уже не говорим о писательских собраниях, семинарах, конференциях всех уровней, литературных чтениях, творческих командировках, выступлениях на предприятиях и в организациях и пр.

◆ В нынешней областной писательской организации Союза писателей России (а других организаций еще под десяток...) членов таковой поболее, но имеющих литературное образование, то есть окончивших Литинститут или Высшие литературные курсы, осталась от прежних времен трое. При этом за прошедшие тридцать с лишком лет из вновь принятых – ни одного! И в перспективе не предвидится. Обычная реакция на подобные слова, что-де «в институтах на писателей не учат!» – малоубедительная фигура речи. Правда, почему-то подобного не услышишь в адрес артистов, музыкантов, художников, журналистов и представителей других творческих профессий. Наоборот, даже оговариваются: артист такой-то *даже не имеет* соответствующего образования – самородок!

Конечно, Литинститут, тем более ВЛК, из литературного *tabula rasa* за время обучения не смогут вырастить «среднестатистического» писателя, особенно поэта, но ведь и в «Школу Горького» (в советское время конкурс туда не уступал театральным и пр. вузам) допускали к сдаче обычных экзаменов (к ним число абитуриентов сводилось как 2:1 – чтобы всем легче было...) после серьезного творческого отбора: по присланным публикациям и/или рукописям! То есть бесталанные люди туда и не шли, а другие отказ по результатам отбора получали. А обучение давало, наряду с *университетским* курсом филологии, практическую литературную школу – семинарский день в неделю, которые все годы обучения вел один и тот же писатель или поэт «с именем». Даже не в группы, как обычно в вузах, но в семинары по 10...15 студентов объединяли. Я, например, состоял в семинаре известного писателя-фронтовика, первого главного редактора возобновленного «Нашего современника».

менника» Бориса Михайловича Зубавина. Что ни семинар, то классик советской литературы его возглавляет... И учебные литературные дисциплины не абы кто у нас вел. Аза Алибековна Тахо-Годи, автор всех советских учебников по истории Древнего мира и его мифологии, заведующая кафедрой классической филологии МГУ, вела античную литературу, читая (наизусть, конечно) по-древнегречески целиковые главы из «Одиссеи» и «Иллиады». Еремин, Артамонов – имен много – по их учебникам же и монографиям во всех гуманитарных вузах страны изучали русскую, зарубежную литературу, творчество литературных эпох России и Европы. Даже зачеты по скромному, семестровому курсу кинематографии («Искусство кино» он назывался) сдавали не кому иному, как Леониду Траубергу, классику советского кино, автору трилогии о Максиме...

Преподававший поэтику русского фольклора, молодой тогда Константин Кедров, ныне известный своей книгой «Поэтический космос», выдающимся философско-поэтическим произведением (М.: Советский писатель, 1989), время от времени публикуется в наших «Приокских зорях». Критик Владимир Гусов за тридцать лет возглавляет Московскую писательскую организацию. Зачет по своей дисциплине он принимал у нашего курса на пару с будущим министром культуры России – правда, недолго и как-то незаметно он министерствовал... На душе становилось легко, когда встречался в коридорах «Дома Герцена» всегда веселый и улыбчивый армянин Гарольд Эль-Регистан, сын соавтора Сергея Михалкова по словам Гимна Советского Союза. А руководители поэтических семинаров – сплошь самые известные стихотворцы того времени... за исключением, быть может, Евтушенко, не имевшего высшего образования. По-отечески всех нас опекал ректор Владимир Федорович Пименов, бывший «сталинский главный по театрам». История и современность в единых лицах сливались на Тверском бульваре, 25...

В роскошном же «сталинском» (опять же) общежитии с видом на близкую останкинскую телебашню, где один из этажей занимала гостиница Союза писателей, за годы учебы перевидали весь литературный бомонд страны.

И на своем этаже кого только не увидишь? – вот Олжас Сулейменов, поэт и член ЦК комсомола Казахстана, автор много шумевшей тогда книги «Аз и Я» (то есть Азия), входит в комнату к своим землякам-студентам. А за стенкой, в соседнем «номере», весь вечер, до полуночи, гомон, песни и топот лихой пляски: это зашел к своим «курянам» (если не ошибаюсь с городом?) Николай Тряпкин, поэт в зените своей всесоюзной известности...

Даже могли позволить себе легкий снобизм, например, выбирать куда отправиться после занятий: на дневной спектакль с Высоцким в Театр на Таганке на дармавщину или в любимую литинститутскую пивную «Серебряная ладья», что в подвале дома между зданиями Моссовета и Генеральной прокуратуры СССР...

Не считите сказанное за нахлынувшие ностальгические воспоминания. Просто сразу поймете, чем являлся Литинститут для своих воспитанников: давал базовое филологическое, литературное образование; на семинарах руку будущего сочинителя романов и поэм, рассказов и сонетов тож, умело направлял известный писатель или поэт; но, пожалуй, самое практически полезное, чего не приобретешь ни в какой другой обстановке, это «вживание» в литературный мир, его творческую мастерскую, налаживание дружеских связей со своими однокашниками со всего Союза, из других стран... афганцы, эфиопы, гэдээровские немцы – кто только не учился с нами или близко к нам по годам, включая будущего президента Монголии... и будущего же главаря чеченских боевиков Яндарбиева*. Мир он разнолик.

Словом, такое «вживание» дает понять будущим мастерам пера, что не боги горшки обжигают, но к горшечному делу надо приступать с определенными навыками мастерства...

♦ Вот уже тридцать лет как все это кануло в Лету, реку забвенья о некогда великой русской и русской советской литературе и самой читающей стране мира – не в лозунгах, но в самой что ни на есть реальности. И что

* Тогдашний чеченский писатель Зелимхан А.М. Яндарбиев окончил Высшие литературные курсы в 1989 году. Один из главарей чеченских террористов, одно время являлся И.О. президента Ичкерии. Побив горшки с Масхадовым, обосновался в Катаре, где организовал финансирование войны на Кавказе. Террорист по спискам ООН. Взорван в 2004 году в автомобиле. – Прим. авт.

имеем? А в наличии, как это ни грубовато звучит, дырка от бублика – это о крохотной читательской аудитории; сапожник без сапог – о безлошадных писателях; а в целом о тлеющем литературном процессе сто лет назад проскандировал лихой наш поэт: «Жили-были я и он, подружились с похорон...» Имя намеренно не называем: хоть и не велика литературная тренировка, но все же поройтесь в памяти... или в трижды треклятом интернете.

Кстати об интернете. Одно время телерадио-официоз, комментируя падение тиражей издаваемых книг, их невостребованность, то есть отсутствие читателей, с восторгом *вопьял* в том смысле, что читатель никуда не исчез, просто переключился с бумажных книг, источника бытовой пыли, к чтению с экранов мониторов, ныне всяких там экранов-дощечек (о том, что интернет есть источник мозговой пыли, дипломатично массмедиа умалчивает). Дудки и шиш с маслом! – снова оговоримся по-фольклорному: неполиткорректно, но вековая народная мудрость важнее. С экранов читают-смотрят что угодно, только не художественные книги. Впрочем и все иные. Это каждый может проверить: по самому себе, своим родственникам и пр. Лично я в последние три десятка лет «всеобщей компьютеризации» – при широком круге общения и природной наблюдательности – знал только одного человека, читавшего книги с этакой мобильной штуковины с экраном в формате обычной книги. Читал же он классику потому, что был советского воспитания; читал с экрана по чисто «технической» причине: работа его связана с постоянными длительными командировками. Не сумки же с полными собраниями сочинений с собой возить?

Стоп-стоп! Зарапортавался. Еще один давнишний знакомый читает с экрана свежие номера «Приокских зорь» и других тульских художественных изданий. Он всегда должен быть в курсе, поскольку ведет на местном радио литературно-просветительские передачи. Если кто в городе и области еще помнит смысл слов *писатель* и *литература*, то только благодаря ему... Честь и хвала Виктору Васильевичу!

То есть внушаемое с ТВ-экранов мнение о пользе «новых технологий» – слышать этого, прежде уважаемого технического термина, слова не могу! – для целей просвещения и культуры – это «сказки бабушки Телевизоровны». Был такой периферийный эквивалент передачи «Спокойной ночи, малыши» на мурманском телевидении шестидесятых годов – из детских заполярных воспоминаний...

Чтобы перейти к следующему разделу, приведем многозначительную цитату из книги «Беседы Вельзевула с внуком» Георгия Гурджиева, своеобразного философа, эпатажного мистика и... однокашника Иосифа Виссарионовича, тогда Джугашвили, по духовной семинарии: *«И поэтому сегодня, мой мальчик, на этой несчастной планете каждый взрослый человек вместо того, чтобы получить подлинные знания, которыми нормальное трицентричное существо должно обладать о событиях, произошедших на его планете в прошлом, изучая все механически и бессознательно, «воспринимает» всем своим существом «информацию» о Египте и занимается различными спекуляциями об этом при помощи своего Разума».*

♦ Как тут не поверить в провидчество столь загадочных мистических личностей как Рерих, Блаватская и Георгий Гурджиев! Не зря же в тридцатые годы Сталин часто интересовался: где находится и чем занимается его бывший однокашник... Сам автор цитированной книги выделил закавычиванием слово *информация*, причем совершенно в нынешнем ее понимании как *цифрофрения* (термин наш). И ответы – в контексте сегодняшнего умаления литературного слова – на традиционные русские вопросы *Кто виноват?* и *Что делать?* следует искать в этой самой цифрофрении, то есть в стремительном угнетении аналогового, творческого мышления современного человека, замещаемом цифровым, утилитарным, расчеловечивающим мышлением цифровым – что есть мощнейшее оружие глобализации*.

* Глобализация есть один из начальных этапов биосферно-ноосферного перехода (по В.И. Вернадскому). Наша концепция такого перехода излагается в продолжающейся серии авторских монографий (на сегодняшний день издано 20 томов) под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы». Опубликованы в различных издательствах: «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Изд-во ТулГУ и др. Размещены на различных научных сайтах. – Прим. авт.

... Весьма многие ныне пишут о гибели русской художественной литературы (на Западе она давно сгинула) в ее естественном двуединстве «писатель ⇔ читатель», приводя почти что стандартный набор доводов: возвращение атавизма частнособственничества, равно как и буржуазного «*homo homi-ne lupus est*», ускорение темпа жизни («не до того, Федя, не до того»), технизация и цифрофрения современного мира, «усталость всероссийская» от частой смены ситуации в стране за последние десятилетия, деидеологизация и отсутствие нравственных и вообще любых ориентиров («Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет...») и пр., и пр.

Очень умно, обстоятельно пишут. Мы с удовольствием публикуем произведения авторов таких рефлексий в «Приокских зорях», с интересом читаем их материалы в других журналах. Самое огорчительное то, что пронизательные писатели-публицисты забывают о правиле логического вывода: *из причины вытекает следствие*, но никак не наоборот: главенство дедукции над индукцией. А перечисленные выше доводы суть именно следствие. Нетрудно вроде бы назвать истинную причину, но... скорее всего любого человека внутренне страшит, отвращает категорический императив. А в данном случае это непреложность законов эволюции, то есть социальной эволюции человечества в настоящий период, которые непререкаемо и неотрицаемо гласят: в разворачивающийся сейчас период глобализации биосферно-ноосферного перехода человек разумный, творческий стремительно перерождается в биотехнического, цифрофренического робота – приатка глобализующейся мегамшины, управляющей посредством мировых телекоммуникационных сетей уже во многом расчеловеченным (термин А.А. Зиновьева) человеком – похоже на тавтологию, но это наиболее точное определение. А таковому субъекту глобализации художественное слово, словесность в целом, не то что не нужны, не востребованы, но прямо противопоказаны самим процессом расчеловечивания по его определению.

Исходим из фактора расчеловечивания, которое неотвратимо и сейчас, что называется, «на взлете». Это наша действительность, уже давно никем из

«высоколобых» и просто здраво мыслящих людей не отрицаемая. А на вопрос «зачем эволюции такое издевательство над человеком потребовалось?» – читайте опять же книги: «западников» Сантаяну, Тоффлера, Фукуяму, Тойнби... Сорос опять же хорошо пишет о своем финансово-олигархическом империализме; но лучше своих, отечественных: от Достоевского и Вернадского до А.А. Зиновьева и Вадима Кожинова. Наши аргументированные соображения на этот счет смотрите в серии «Живая материя и феноменология ноосферы», на которую ссылка дана выше. Надеемся, не совсем пустые соображения, если недавно за один из томов этой серии автор был удостоен старейшей в России, престижной Макариевской премии в области естествознания и точных наук (учредители: Московская Патриархия, Российская академия наук и Правительство Москвы). Не в похвальбу себе говорим, но для сущей объективности.

... А выраженный гибридный характер глобализации, внешне воспринимаемый как алогичный «ни да, ни нет, а третье, четвертое и так далее подразумевается», рассчитан на массовую психологию ... и психоистерию. Что мы и наблюдаем сейчас в опидорасенных, как любил говорить Никита Сергеевич, европах-америках.

... Вспомним аналогичный пример более чем столетней давности, а именно описание Львом Толстым приезда в Петербург французского президента Пуанкаре с целью вовлечь Россию в антигерманскую Антанту. Лев Николаевич предельно язвительно описывает, как на торжественной встрече оркестр исполнил «Боже царя храни» и «Марсельезу», в словах которой как раз и рекомендуется этих самых царей изничтожить... Чем не гибридный политический подход?

◆ Как разоткровенничался (за нехитрой сервировкой) знакомый труженик массмедиа, когда верстают программу радиовещания на ближайшие сутки-двое и обнаруживают «пустое место» на полчаса-час эфирного времени, то втыкают, особо не задумываясь, уже ставшие доброй стариной одну из двух безнадежных и вечных тем: почему народ перестал есть рыбу и о поли-

сах ОСАГО. То есть бессмысленная и пустопорожняя болтовня. Зато пустое место в эфирном времени заполнено.

Пустопорожнее же потому, что всем прекрасно известны причины отсутствия рыбы в рационе трудящихся (и не очень) и вековечных – с века двадцатого – недоумок с автострахованием. Поясним для наивных и легковерных. Для ясности примера гибридного расчеловечивания.

Фосфор является одним из наиболее важных биогенных элементов, то есть элементов поддержания и эволюции жизни. Уж поверьте доктору биологических наук. Для человека фосфор – основа «энергетики» процессов мышления и, собственно как и для всех биообъектов, механизма наследственности, ибо молекулы ДНК и РНК содержат его в своих нуклеотидных основаниях. Нет регулярного поступления фосфора – процессы мышления и механизмы наследственности человека нарушаются. Наиболее усвояемый организмом фосфор человек получает от съеданной рыбы. И в диетологии подсчитано: человек должен для покрытия дефицита фосфора съесть в год не менее восьми кило рыбы; хоть за раз или по двадцать граммов в день. Это издавна, до того еще как биология стала строгой наукой, было известно: те же посты церковные, когда дозволялась в пищу только рыба («ее же и монахи приемлют...»); а вспомните русскую классику: обычный сюжет, когда персонаж повествования встречает на зимних дорогах обозы с возчиками-солдатами: «Что, солдатики, за рыбой едете?» И так далее. А в советское время – биология уже строгая наука! – уже целенаправленно заботливая о народе власть (это не диссидентский юмор, но истина!) ввела в общепите рыбный день (четверг – партийный, среда – рыбный...), рыба *никогда* не была торговым дефицитом. Более того, дешевизна, то есть всеобщая доступность, рыбы обеспечивалась государственной доплатой, то есть она продавалась *ниже себестоимости!*

... Гибридная война западного империализма-глобализма против России с начала девяностых годов умело использовала «рыбный демпинг»: лишила страну источника жизнеобразующего фосфора – рыбы. Дескать, тупейте и

вырождайтесь в поколениях, русские *Untermenschen*! И сделано было мгновенно, в русле всеобщей приватизации «по гражданину с растительностью рыжего оттенка». Как и у Борьки Джонсона. В одночасье все рыбные флота страны развалили, суда передали частникам, а те выловленную рыбу, не заходя в родные порты, оптом продают западно-восточным странам «золотого миллиарда». Чтобы еще больше умнели в своих глобалистских кознях.

Если на моей исторической родине в советские годы два мощнейших мурманских флота – Траловый и Сельдяной – всю страну снабжали треской и сельдью, соответственно, то сейчас в самом Мурманске (земляки пишут) считается за счастье купить эту самую треску... привезенную из Норвегии, куда российские (по флагу) рыбопромысловые сейнеры сдают-продают все свои уловы.

Такая же ситуация и на Дальнем Востоке. А в магазинах страны в условно «рыбных отделах» народ с испугом, ускоряя шаг, проходит мимо витрин, в которых, с этикетками двух-трехзначных цен за сто грамм, лежат мумифицированными останками бывших рыб, семижды семи раз перемороженные, с многолетней биографией после их вылова...

А что касается полисов ОСАГО, что здесь еще проще: столкновение двух могущественных сил: власть, по своему назначению отвечающая за безопасность на дорогах, и еще более мощное лобби, живущее и жирующее за счет наращивания импорта легковых автомобилей (кстати, 95...98% населения вовсе не нужного....).

Теперь же смело можем добавить: для занятия «пустых мест» в телерадиопрограммах с таким же успехом можно использовать беседы на темы современной литературы с безутешными «расейскими» вопросами: *Кто виноват?* и *Что делать?*

... Получится такой же пустопорожний треп, а на указанные вопросы, учитывая, что истинное *status quo* объяснить политкорректность не позволяет, можно часами петь «песни народностей» – по Ильфу и Петрову.

◆ Но мы не политкорректные СМИ, поэтому ответим на хрестоматийные вопросы. «Виновата» вроде как эволюция человечества, которой, по ее никому не ведомым законам, потребовался биосферно-ноосферный переход, условием которого является расчеловечивание «бывших человек» (см. выше), для которого литература нужна как козе баян. Но обвинять эволюцию все одно, что гневать бога упреками в извечном несовершенстве сотворенного им мира, где никак не улягутся рядом волк с овечкой... Примем такой ответ как априорный, где некого судить и сами судимыми не будем.

Но вот по части *что делать?* Порассуждать следует. В самом деле, не скорбеть же молча, набрав в рот воды? Вода ведь не грузинский коньяк «Греми» десятилетней выдержки и не шотландский виски «Балантайн», что тоже семь лет томился в дубовой бочке, много не выпьешь, а выплюнуть и воду жалко. Так для какой высокой цели в наше неуютное, оцифрованное и сугубо утилитарное время следует (безгонорарно и безвестно) писать-сочинять многотомные эпопеи, задумчиво-нравоучительные романы, душе-расслабляющие повести, занимательные рассказы и новеллы? А поэтическое творчество, которое по определению не мыслится без скандирования рифмованных строк поэтами, воодушевленными, с горящими глазами, в различных людских сборищах: от кухонной компании на троих творческих личностей до зала Политехнического музея, где некогда тот же Маяковский состязался с Игорем Северянином за титул короля поэтов (Маяковский проиграл). Где им теперь собираться, главное – для кого скандировать-то вирши? Тем более в эпоху рукотворных пандемий и гибридных войн по планам глобализаторов-империалистов. Опять же, Федя, не до того...

Вопрос поставим еще проще: для кого писать-творить? Не уподобляется ли современный литератор пацану Ваньке Жукову, что, обливаясь горячими слезами («ейной (селедкиной) мордой мне по харе!») пишет жалостливое письмо на деревню дедушки, Константина Макаровичу? То есть без адресата – получателя, да еще в адрес времени: *электронное письмо по e-mail*.

Возможный ответ в наводящих вопросах из разных исторических эпох и в различных сферах творчества. Разве задумывался о возможных адресатах юный математический гений Эварист Галуа, когда в ночь накануне гильотинирования в лихорадящей спешке исписывал страницу за страницей формулами, из каковой рукописи вышла вся современная алгебраическая математика? А ведь в эти листы бумаги тюремщики запросто могли завернуть свои скудные революционные пайки: вареную луковицу, яйцо и кусок хлеба...

Отскочим на два тысячелетия вглубь истории: думал ли Платон, создавая свои сократические диалоги, что записи его учеников не только переживут их самих и самую Элладу и станут основой всей современной европейской философии? Или, спустя всего лишь несколько веков, апостолы-евангелисты и их последователи, создавая корпус Нового Завета – Христовых заповедей, самое многое думали сохранить это учение в узком кругу обитателей римских катакомб, где собирались на всеобщие бдения тайные христиане. Вряд ли им приходил в головы даже намек на мимолетную мысль, что скоро, очень скоро по неторопливым тогда историческим временным меркам, христианство начнет семимильными шагами овладевать телами и душами миллионов, а затем и миллиардов людей по всему земному шару, станет *ведущей* канонической религией, а главное и эпохальное: даст всемирному человечеству высочайшую и единственную в своей неповторимости мораль и этику вселенского добра, побеждающего зло: от Заповедей блаженств Нового Завета – Нагорный проповеди Христа. И вовсе помыслить не могли апостолы-евангелисты, что в немыслимо далеком от них двадцатом веке эти заповеди очеловечатся, овеществятся в пробном, опережающем ходе эволюции созданием мировой же системы советского социализма. Причем этика и мораль которого один-к-одному, как инженеры ставят масштаб на чертежах, будет взята из Христовых заповедей, только под другим названием: «Моральный кодекс строителя коммунизма»...

◆ Вот мы и подошли к ответу на вопрос: что делать? «Поэтом можешь ты не быть...» «Если можешь не писать – не пиши» и так далее – это пра-

вильно сказано людьми, знавшими толк в писательском ремесле, для подступа к которому важно оценить свои возможности, то есть сочетание данных природой способностей и уверенности в своей целеустремленности. *«Есть разница, – пишет в своей эпохальной «Алхимии слова» Ян Парандовский, – между писателем, которого вдохновила идея, и писателем, призванным самим писательским инстинктом. Первый выбирает перо среди нескольких возможных орудий деятельности и, если оно было для него единственной возможностью, откладывает его, как только выполнит свою миссию. Для второго же творчество чаще всего прекращается вместе с жизнью».*

... Замечу, что уникальную эту книгу должен проштудировать каждый примеряющий на себе виртуальные эполеты писательского мундира, а затем сделать ее настольной. Не столько справочным руководством, сколько своего рода контролирующим чтением «на каждый день». Или «На каждый день» – как название сборника афоризмов и изречений у Льва Толстого (тт. 43, 44 ЮБПСС в 90 томах).

Из слов же Яна Парандовского следует: литературное творчество не бабловство, не эпатаж (хотя бы Оскар Уайльд и бахвалился, что пишет от скуки жизни...), но исключительно серьезное занятие: и когда оно является «единственной возможностью» достижения цели, и если оно становится целью и содержанием жизни. Ибо в обоих случаях имеет место *творческое самовыражение*. И это не приевшийся словесный штамп, но терминологически и семантически точное определение. Вся сущность в единстве творчества и самовыражения, а отдельно это совершенно иные понятия. Ведь и творчество может быть вовсе не самовыражением, например, сугубой профессией. А великое братство «датских поэтов»? Так же и самовыражение, как социально-биологический инстинкт, в той или иной степени присущее всем людям, но – без дополняющего его творчества. Примеров и искать особо не надо: женские, извиняемся, многочасовые разговоры, когда собеседницы говорят одновременно, не прислушиваясь к словам визави – типичное самовыражение. Инверсивный спектакль для двоих... можно и для большого числа.

И вот здесь – внимание! Следует верно оценивать акценты, логические ударения в словосочетании *творческое самовыражение*, то есть когда то и другое присутствуют в человеке, вступающем на литературную стезю, но в различной степени соотношения. Вне всякого сомнения, творческое начало, как внешнее отображение литературного таланта, есть неременное условие реноме состоявшегося писателя. А самовыражение – это индивидуальное преломление видения мира, которое писатель запечатлевает, условно говоря, на бумаге, после чего созданное им произведение автономизируется от автора, существует уже своей, виртуальной жизнью. И жизнь эта протекает веками, а то и тысячелетиями, лавируя между преградами забвения и равнинами памяти в общественном мнении. А мнение это капризно и переменчиво, постоянно колеблется между догмами: «мысль изреченная есть ложь» и «рукописи не горят».

Во времена устоявшегося течения литературного процесса, как оно в русской литературе имело место быть в девятнадцатом и двадцатом веках, когда писательство являлось профессией, были авторитеты-ориентиры, а главное, имелась многомиллионная читательская аудитория, доминанта творческого начала при условии самовыражения являлась несомненной. Кристаллизация же, точнее выкристаллизовывание писательской иерархии, создание творческой литературной среды обеспечивалось, создавалось «равновесным» действием следующих факторов.

Непрерывная, длиной во всю творческую жизнь, литературная учеба, о чем уже сказано выше – это единственный путь от неясного еще осознания тяги к художественному творчеству до читательского признания. Отсюда и выработавшиеся «чины» писательской иерархии: начинающий, подающий надежды, способный, талантливый, самобытный, видный, признанный, выдающийся и вершина: гениальный; это о Пушкине и Достоевском; расширительно сюда включают Гоголя, Лермонтова (нераскрывшийся гений), Льва Толстого. Возможно так и о Бунине с Шолоховым сказать. И вовсе не по причине их «нобелизма»...

Если в девятнадцатом веке эта учеба являлась самообразовательной, то уже на рубеже веков она начинает становиться организованной: от Университета Шаньявского, многочисленных в столицах литературных обществ, далее Института философии, литературы и искусства (ИФЛИ) до создания Литературного института.

Другой же фактор пути к профессионализму и стимулированию своего творчества – это то, что в среде литераторов просто называется «пробиться в печать». В отличии от житейского «выбиться в люди», здесь материальная составляющая практически отсутствует... по крайней мере на всем этапе достижения приемлемой степени литературной известности. Талант талантом, но *имя* завоевывается долго и обильным потом, напряжением воли и терпения. Перечитайте «Мартина Идена» Джека Лондона! Сам вспоминаю многолетнюю переписку с редакциями литературных журналов... понятно, речь идет о советских временах. Но именно такой нелегкий путь к печатанию и создавал творческий, профессиональный писательский круг, становясь непреодолимой преградой для бесталанных и ленищихся учиться литературному делу.

◆ Все рухнуло одновременно вместе с нашей советской страной. Если суровый в своих назиданиях Лев Николаевич как-то сказал, что изобретение Гутенбергом книгопечатания открыло дорогу невежеству, то другой Лев, только Давидович, стало быть Троцкий, великолепный литературный публицист (см. «Литература и революция», 1923), поправил Толстого, что-де невежество – слишком сильно сказано, а вот печатание книг открыло путь дилетантизму – это в точку!

... Здесь особо гадать не требуется: речь идет о переходе от государственной монополии на печатное слово к «самиздату за наличные». Такая платная печать, хотя бы и крохотными тиражами, вмиг разрушила русскую литературу, а именно: (а) нивелировала ее качество до стенгазетного уровня; (б) упразднила само понятие авторитета-ориентира; (в) ликвидировала устремленность к литературной учебе; (г) привнесло характер «кружковщи-

ны». Перечисление можно продолжить на весь алфавит, что называется, от альфы до омеги. Все по Льву Давидовичу и даже по Льву Николаевичу... Изыщная словесность во многом приблизилась к образцу того незадачливого сочинителя, что выведен персонажем в «Бедных людях» Ф.М. Достоевского (грешно смеяться, конечно):

«— Владимир!.. – шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели...»

Новый, ужасный брак был свершен! ... Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей.

– А что, душенька, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке».

Самое угнетающее: даже добротнo написанная вещь, литературно грамотно, с классической композицией, или наоборот, новаторски, не закрепится в памяти читающего, что есть крах всех надежд и ожиданий писателя. А почему? – просто нет эффекта повторения – запоминания автора, его индивидуальной творческой манеры, ибо нет уже *всероссийского литературного процесса*, не на чем глазу остановиться в россыпи малотиражных изданий. Все одно, что разглядеть жемчужину, выброшенную морской волной на галечный пляж.

... Вспоминаются строки из книги литературных очерков известного писателя (вроде как Телешов, хотя фамилия здесь роли не играет) о некогда испытанном им *чувстве узнавания*. Читал он как-то книгу Гарина-Михайловского, «нивского» издания, в переплете из выпусков «бесплатного приложения». Писатель этот – добротный, классик «второго ряда», читать его одно удовольствие (уже от себя вставляю), особенно теплым летним вечером или зимним в тепло натопленной комнате, под мягким светом торшера, в тишине, а еще после ужина с «разгонной» стопкой... Словом, автор литературных воспоминаний, еще только собирающийся посвятить себя служению писательской музе, читал в молодые годы книгу Гарина-Михайловского (помните? о детстве, учебе в гимназии, начале творческой жизни), как вдруг

что-то заставило его вздрогнуть, посерьезнеть. Что-то новое предстало на страницах, хотя бы сюжет и продолжал развиваться в той же социальной среде, в кругу общения примерно тех же людей. Слова те же, чувства схожие, но что-то иное читал он, заставившее внутренне напрячься, а на душе появился осадок того беспокойства, что посещает человека, когда он читает книгу, равно смотрит спектакль или кинофильм, когда по ходу развития сюжета все нарастает и нарастает напряженность, явно не обещающая пресловутого «хэппи энда».

... И только встретив имя Настасьи Филипповны, сообразил: переплетный мастеровой по ошибке в блок тетрадей (типографский термин: свернутый в формат страницы печатный лист) книги Гарина–Михайловского вложил тетрадку из «Идиота»! Далее автор воспоминаний замечает, что невозможно хотя бы по отрывочному тексту, даже по абзацу не различить хорошего, талантливого писателя и литературного гения.

Надеемся, что подобной иллюстрацией мы не отклонились от темы очерка.

♦ Тема же эта подводит к нынешнему определению сущности писательства и носителя этого славного в прошлом, а сейчас крайне неопределенного занятия. В двух словах его не дашь, потому позволим себе «попросторнее» изъясниться – в смысле каноническом конечно: словам тесно, а мыслям просторно...

Современный писатель, а де-факто «стучатель по клавишам» (пока речевой ввод в компьютер еще не совершен; с правилами орфографии и синтаксиса не все так гладко), – это атавизм прошлого, хотя бы недавнего, почти уже артефакт. Как, например, исчезающие наличные деньги в кармане и в домашней записке. Их виртуализировали пластиковые карточки. Тем самым банки, распевая в телерекламе сладкие песенки на американо-нижегородском диалекте про мифический кешбэк (... вашу онлайн), выполнили свою *сверхзадачу*: весь денежный социумно-гражданский оборот взяли в свои руки *беспроцентно*! И оруэлловский Старший Брат доволен: вся, самая мелочная,

финансовая жизнь его подопечных под полным контролем. Кроме киберворов, разумеется. Им ведь тоже надо жить! На то и щука, чтобы карась не дремал...

Писатель и деньги (наличные и виртуальные) суть понятия ныне несовместимые. Сближают их только категории уходящего, то есть атавизма и артефакта.

Писатель, в устоявшемся доселе понятии, сейчас выключен из активной социумной жизни, не востребуем по самому определению этой жизни, в которой усилиями доминирующего глобализма творческое аналоговое мышление семимильными шагами замещается утилитарным цифровым. Умозащещение и цифрофрения суть содержание процесса расчеловечивания. Писатель же, как носитель творческого начала, рассматривается Великим глобализатором (Старшим Братом в романе «1984» Дж. Оруэлла) если не как прямой враг – слишком велика честь на этакую козьявку усилия затрачивать! – то как щепка на паркетном полу: излишняя она здесь и антураж портит. Словом, не комильфо.

Так чем же, какой надеждой живет нынешний художник слова? – без читательской аудитории и отлученный от СМИ во всех ее широких понятиях: от печатного станка типографии (платный тираж в сто экземпляров – кот наплакал!) до так называемого «общественного мнения», в котором само слово «писатель» твердо ассоциируется с ушедшими эпохами.

Ладно, литератор прежней закалки, успевший вступить неуверенно, хотя бы одной ногой, на стезю изящной словесности. Все же он успел разогнаться и остановиться не может: сладкая зараза творческого позыва столь мощно-инерционна, что сравниться может разве что с раскрученным колесом, помещенным в вакуумную среду...

Сложнее понять пишущего в охотку (это как фотоохота – без «вещественной» добычи... то есть без гонорара) из нынешних возрастных генераций. Но – присмотрелся, хотя бы как главред литературного журнала. Опять

же современных авторов читаю – и не только по этой (общественной) должности.

Надо исходить из аксиомы: писатель страшно одинок в своем творчестве (Ильф с Петровым, братья Гонкуры и Стругацкие здесь не указ). Одиночество – это не норма социального бытия человека, даже персонаж Дюма в одиночной камере замка Иф нашел себе собеседника... Поэтому творящий сам-один в своих мыслях писатель восстанавливает свою социумную принадлежность в виртуальном мире: через свое сочинительство он общается с людьми, своими читателями, заочно, опосредовано через печатное слово. Он не знает: сколько их будет, читателей? Останется ли написанное им во времени... хотябы пока еще ощущается запах типографской краски при перелистывании страниц свежееотпечатанной книги? Понятно, что типографская краска – это лишь образ; высокая печать сейчас используется только для тиражирования на веленовой бумаге – чтобы на века хранения! – особо значимых изданий... А офсет и лазерная печать без запаха.

А если даже знает, сейчас и вовсе уверен, что исчезают последние его читатели (см. выше), то остается ... только потребность самовыражения, почти что выработанный социальной эволюцией инстинкт. Побочное явление литературы без читателей и официального статуса – расширение писательской среды, в которой редкие природные таланты полностью затенены любительской массой. Настолько обширной, что намного превышают выработанные социальные (процентные) нормы. Сочувственно относясь к обеим категориям, все же позволим себе усомниться в их суммарной творческой продуктивности. «Кадры решают все» и в литературе, но если под кадрами привычно понимать писателей профессиональных с иерархией дарований и наличием авторитетов-ориентиров, то их отсутствие делает массу «безлошадной».

Ладно в художественной прозе. Здесь можно обойтись и без литературной (само)учебы, если ограничиться писанием коротких рассказов-зарисовок. Можно «вытянуть» и литературную публицистику, где акцент ставится на

самодовлеющую цель, которая если и «не оправдывает средства», но сглаживает шероховатость сюжетно-композиционного построения. Но вот драматургии противопоказано любительство! – строжайшие формальные правила построения пьесы и насыщенная образность представления при их написании (драматург в процессе работы «на равных» совмещает в себе создателя произведения и его зрителя-слушателя!) требуют профессионализма.

Самая невообразимая ситуация в нынешней поэзии. Во-первых и в основных, поэтом можно только родиться; это тоже аксиома – потребно особое (игра природы) индивидуальное строение правого полушария головного мозга; так сказать, особое сплетение аксонов и синапсов – это шутка, но со смыслом! Во-вторых, даже верлибр, белый стих, не говоря уже о сонетных и александрийских формах, подчинены строгим формам стихосложения, так что, «не мог он ямба от хорея, как мы не бились, отличить» – это крепкий замок на двери в страну поэзии. Наконец, образы и тропы поэзии, их совершенствование, выработка индивидуальной манеры – все это в творческом единении требуют неустанной, изнуряющей работы; опять же длиной в поэтическую жизнь. С сомнением относясь к словам (тогда молодого) Евтушенко «до тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати» (сам он сочинял до восьмого десятка...), в то же время осторожно относимся и к тем, у кого поэтическая муза проявляется во второй и более поздней половине возраста. Вообще-то говоря, о любительстве все уже сказал Хлестаков: *«Я ведь тоже разные водевильчики... И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях».*

... А уж если «легкости» нет, то и вовсе обидно: трудишься, потеешь и все напрасно. А сейчас все вокруг «поэты», видно массово в головах перепуталось; справедливую присказку «в юности все поэты» переиначили на другой лад: «Попашешь, попашешь, попишешь стихи», – но, в отличии от пер-

воисточника, с логическим ударением на слове «попашешь»... Вроде бы смешно, пусть люди от безысходности унылой и серой оцифрованной жизни хоть малую отраду в стихосложении находят, хотя бы и слабо рифму чувствуют? Все пристойнее, чем водяру на кухне глушить... Ведь и раньше маломело рифмовали? Верно, рифмовали, но в лучшем случае цеховой стенгазетой жизнь любительских стихов завершалась. А сейчас? – у меня, дескать, две поэтические книжки изданы, примай, дьявол, в писательскую союзу! И «примают». Итак, высшая степень дилетантизма с членским билетом. Не в обиду будет сказано.

А раз вспомнил про сорокаградусную «злодейку с зеленой наклейкой», то не удержусь привести отрывок из недавно услышанного по радио рассказа для детей современной сочинительницы: «... От вошедшего в помещение <имярек> неопрятно одетого мужчины отвратительно пахло дешевым *алкоголем*...» Отвлекаясь от сомнительной «детскости» такого повествования, выделим слово *алкоголь*, как иллюстрацию к нынешнему (насильственному) оскудеванию русского языка. Любой, даже записной трезвенник, заметит: доселе чисто «химическое» слово это, ранее употреблявшееся лишь в специальной литературе, сейчас полностью вытеснило – в названиях магазинов, в «казенной» и обыденной речи и вообще везде! – бывшее разнообразие: от арго «кирка», «кирять» и пр. до улично-бытового «выпивка», «червивка» и «чернила», «плодово-выгодное», та же «водяра», и расхожего «поллитровка» с «четвертинкой» (в горбачевщину «раиска» – в бутылочках 0,33 литра из-под пепси-колы), «огнетушитель» – это 0,71. Казенное «спиртное» тож.

Усмехнулся горестно, а в голове объявилось продолжение того сермяжно-детского рассказа: «... К восторгу детворы, особенно молодых мам, следом в помещение <имярек> легкой походкой вошел молодой стройный красавец с бородкой *а ля* Абрамович, в дорогом английском костюме, от которого ласковой волной исходил аромат элитного *алкоголя*. Молодые мамы инстинктивно завели за спины руки с обручальными кольцами на безымянном пальце».

Поздравил сам себя с титулом современного детского писателя и принял стопку «Джонни Уокера» двенадцатилетней выдержки, пожалев о неимении британского прикида...

◆ Продолжим, как тот присяжный поверенный у Ильфа и Петрова, в подражание которому Остап Бендер, раз уцепившись за знаковое слово, так и тянет его в течении всего судебного процесса. Понятно, у нас это упомянутая выше «кирка». Вспомнилось хрестоматийное, из школьного учебника, как академик Павлов ставил на себе эксперимент: выпил полбутылки рома и стал записывать свои мысли. Наутро пробовал прочитать и... разобрал только первые слова. Попозже школьных лет, уже студиязусом, довелось приватно беседовать с пожилым отставным военврачом, что в свое время слушал лекции Павлова, в частности, рассказывавшего о знаменитом эксперименте. И здесь я расширил школьные познания. По словам Павлова, выпил он не полбутылку, а полуштоф рома, то есть шестьсот миллилитров. Ай да Иван Петрович, ай да Нобелевский лауреат – нехило для академика! Еще в школьном учебнике опущены слова экспериментатора, что вслед за последним стаканом в голове явственно зазвучали на контрах две музыки: яростно-веселый цыганский хор из «Яра» и что-то навроде моцартовского реквиема. Великий физиолог объяснил такое сочетание раздвоением сознания в состоянии опьянения. Еще он посетовал, что по хроническому безденежью в молодости смог купить только дешевый ямайский ром, а не высококачественный кубинский, что красовался на витрине елисеевского магазина.

... Вот и у нас к окончанию этого опуса, даже без употребления рома (хотя бы магазин сети «Красное & белое» в торце родного дома разместился), этакая рассеянная двоякость мысли в голове образовалась. С одной стороны, радуется причастность к сочинительству широких масс, преимущественно пенсионеров и домохозяек: какое-никакое, но ведь элементарное творчество? Ведь тянутся же люди к безденежному занятию – и это в подавляюще-частнособственническое время! Но с другой – обидно присутствовать при закате самого социального института словесного творчества.

Глобализация, расстудить ее в качель! – ей творчество ни к чему. «Правду ли говорят, будто ты можешь соединить отрезанную голову с туловищем?» – спрашивает персонаж древнеегипетского письменного памятника «Сказки сыновей фараона Хуфу». А это самое начало человеческой эпохи цивилизации и культуры! Если в современном *status quo* голову и туловище проассоциировать, соответственно, с художником слова и его читателями, неважно, почитателями или хулителями, а разъединение их признать почти что состоявшимся, то где тот волшебник-жрец, что вновь соединит их в единое целое?

Но жрецы давно ушли в небытие тьмы египетской, а социальная эволюция не повторяет пройденный путь, но допускает определенную цикличность в форме диалектической спирали Гегеля – Энгельса. То есть повторение на совершенно ином качественном уровне. Но последующие ходы эволюции человеку знать не дано.

ЛЮБОПЫТСТВУЮЩИМ О БУДУЩЕМ: ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать.

Ф.М. Достоевский «Бесы»

◆ Ян Парандовский в своем бестселлере семидесятых годов «Алхимии слова», к которому мы еще вернемся ниже, отмечает, что работая над произведением крупного жанра, автор зачастую обращается к ранее написанному и берет из него «готовые» фрагменты. Это в порядке литературной традиции. Так и мы, ничтоже сумняшеся, выше в настоящей повести поступили. Но с настоящим «вместо эпилога» дело обстоит по иному. Данный очерк, как веешь сугубо самостоятельная по очерковому жанру и назначению, предназначался для публикации в литературной журнальной периодике. Увы, даже журналы, ранее нас охотно печатавшие, ответили вежливыми или безотносительными («не подходит») отказами; дескать объем большой или не наш «формат» – это не полиграфический термин, но современный американизм, мол, неча со свиным рылом в калашный ряд... Но мы тоже не пальцем деланы (извиняемся за грубоватый эвфемизм) в части литературы «и ее окрестностей», мигом сообразили: уважаемые редактором журналов, почти что и друзья наши, нашего журнала «Приокские зори», поставлены этим очерком в щекотливое положение:

печатать его – значит признать правоту сказанного, а речь идет о глобальном расчеловечивании в связи с литературой; а признать такую правоту – увидеть в своем издании все следствия такого расчеловечивания. Это как в масонском символе: змея кусает собственный хвост. По-человечески все ясно. На том и аминь. А в качестве «вместо эпилога» этой повести вполне подходит на тезе и антитезе: оптимизм и пессимизм.

◆ Из двух, всего лишь имевших место быть в человеческой истории, гениальных социально-нравственных писателей, а именно Шекспира и Достоевского, безусловным, что называется до испуганной дрожи души, в каждом новом поколении убеждающейся в высказанной им истине, провидцем был и остается Федор Михайлович. Такое выделение не обидно, например, для Льва Толстого, Гёте и Томаса Манна – великих *человековедов* в своем творчестве. Здесь верно определил различие творчества двух величайших русских писателей в своем трактате «Л. Толстой и Достоевский» проницательный Д.С. Мережковский, обозначив первого как исследователя *телесного поведения* человека, а вот прерогативу познавателя *души* отдав Достоевскому.

... Еще далеко было до озвучивания нынешних понятий *расчеловечивания*, *человейника*, *глобализации* с ее *умозамещением* и *цифрофренией*^{*}, а Достоевский в «Бесах» представил миру Шигалева с его же «шигалевщиной», сущность которой Достоевский изобразил в нескольких строках – см. выше эпиграф, – и которая, спустя полторы сотни лет, оказалась точнейшим, в масштабе *М1:1*, как ставят на инженерных чертежах, слепком наших безрадостных будней... равно и официально-постановочных празднеств. Отметим сразу, что пишем о всемирном *человейнике*, ибо в эпоху торжествующего глобализма выделять какую-либо «отдельно взятую» социумность или государственность суть сужающая тематику *эмфаза*^{**}.

* Термин «человейник» введен А.А. Зиновьевым; авторство «расчеловечивания» обычно относят к Конраду Лоренцу, а «умозамещение» и «цифрофрения», как говорится, наших рук дело – см. далее. – Прим. авт.

** Эмфаза (лат.) – подчеркивание, акцент на чем-либо. – Прим. авт.

Определение, точнее гениальное предвидение, Достоевским расчеловечивания, как потери личности и обращения в стадо, сбывающееся сейчас в невероятном ускорении, многократно превышающем обычно соотносимое с временными показателями человеческой, социальной эволюции (человек обогнал свою эволюцию – по Конраду Лоренцу), происходит сейчас – в терминах обезличивания и превращения человека в крохотный винтик глобальной машины Молоха глобализации – родного брата Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых», а еще точнее – в биологический придаток *кликковых недолайкиных* к мировым телекоммуникационным сетям. Это все настолько самоочевидно – оглянитесь вокруг, не забыв и на свое отражение в зеркале посмотреть! – что не стоит лишний раз беречь раны человека-читающегося, еще как-то сопротивляющегося, хотя бы в мыслях своих, натиску волны, девятого вала расчеловечивания. Мы же вовсе не «от лукавого» берем эти раны. Просто это тема наших научных, естественно-философских, системных исследований*. Упоминаем это «не корысти для», как говорил известный персонаж дилогии одесских классиков, «но токмо» для констатации того факта, что выходящее из-под нашего пера (действительно, пишу старорежимно только «от руки») не есть порядком поднадоевшее нашему читателю – неужто и таковые еще остались? – нытье по уходящей в историю некогда великой русской и советской литературе и уже давно ушедшей туда западно-восточной художественной словесности, но без каких-либо личностных эмоций признание де-факто наступившей *постлитературной* эпохи. Это как данное американско-японским философом Фукуямой определение нашего времени: *постисторический* период цивилизации.

Как говорится, с логикой в уме и тревогой в душе будем воспринимать происходящее неким *status quo* неумолимой социальной эволюции

* Результаты таковых изложены в продолжающейся серии «Живая материя и феноменология ноосферы» (ЖМФН), издаваемой, начиная с 2007-го года (различные издательства Москвы, Твери, Тулы). На сегодняшний день вышло 17 томов. В электронной форме с ними можно ознакомиться (см. по поисковику) на различных сайтах, например: www.pz.tula.ru, www.trinitas.ru, www.vixri.com и др. – Прим. авт.

человечества, переходящего в статус человеиника. Словом, «ума холодных наблюдений».

От вводного философствования переходим к литературе времен глобального расчеловечивания.

◆ Литература по определению не является исключением в части действия законов социальной эволюции человека. А в рамках таковых глобализация, как первоначальный, зато самый бесчеловечный, жестокий этап более общего процесса перехода Земли в новую биогеохимическую оболочку (по акад. В.И. Вернадскому, создателю учения о ноосфере) – *ноосферу*, дает следующее целеуказание *всем* художественным творчествам: (а) в отношении «одной десятой доли» у Достоевского, а по-нынешнему «золотого миллиарда», девиз Древнего Рима: вино, женщины и искусства принадлежат избранным (в наших пенатах см. цены на билеты в Большой театр...); (б) для «остальных девяти десятых» только примитивнейший суррогат таковых художественных творчеств, где-то по значимости после торговли (в тех же пенатах усеявшие города «торгово-развлекательные центры»); (в) суррогат направленно продуман и выверен, несмотря на внешний примитивизм, а именно, сочетает в себе информационный шум, психолингвистическое и прочее «психо» (музыка, литература, пластические искусства, живопись, все сценические действия) зомбо-программирование; (г) для литературы и других словесных творчеств – полное преобладание (у авторов и потребителей) утилитарного цифрового мышления (цифрофрения) над аналоговым творческим. Варианты и разветвления названных целеуказаний читатель найдет в развернутом виде в ЖМФН.

Итак, отмеченные целеуказания не есть пресловутые «происки империализма», «руководящие указания партии и правительства», «оскалы» всевозможных «измов». Это есть эволюционный закон, не кем-то придуманный, но отображением Мироздания. И если нам выпало сомнительное удовольствие попасть в генеалогической цепи поколений в уникально жестокий и бесчеловечный, умозамещающий период

глобализации, то остается только вспомнить юридическую формулу о жестокости закона, но – закона!

Другое дело, опять же обращаясь к образной логике римского права, что *herba mala cito crescit* – дурная трава быстро растет, то есть человек с охотой великой скатывается в примитивизм, ибо по природе своей он великий хитрец, а лень ему мать родная. Та же самая фенотипическая лень (Илья Муромца до тридцати годов...) одинаково подвигает человека к творческой деятельности, см. присказку о лени как матери изобретений, и к духовному отуплению и инерции жизни – тоже Илья, но Обломов. И совсем другое дело, если скатывание в умозамещающий примитивизм директивно, целеуказуемо направляется мировой социальной эволюцией.

Целеуказание (а) уже пояснено «билетом в Большой» (это не о сторублевке в исполнении Стоянова), но в нашей стране, сравнительно – по историческим меркам – недавно пришедшей в постсоветские годы к реставрации атавизма частнособственничества, да и учитывая историческую русскую общинность, наблюдается еще некоторое колебание в раскладе на 1/10 и 9/10. Но ведь директивно-то спешим, «задрав штаны», за Европой, при этом не уставая ее поругивать. Бегом, бегом все умозамещающее от нее, надменной, в себя вобрать! Отсюда и конфузы торопливости, как черт в бреду Ивана Карамазова говорит: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений – один только вред!»* А великолепный публицист, он же ленинский Иудушка, Троцкий вторит Ф.М. Достоевскому: *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»*.

... И еще существенный момент: в отличии от европ и америк, наш олигархический *минимиллиард*, но с полновесными миллиардами в долларах, поспешая «задрав штаны», пока что не дошел до избранничества в творчествах художественных; винище из осторожности не пьет, чтобы не потерять бдительность начального накопления капитала; правда, еще лет десять назад, до устрожения нравственности, радовали нас на телеэкранах

репортажами о поездках в Куршавель «властителей дум» с вагоном девок: наши красивые и дешевые, а западные – тощие кобылы и алчные... Но – время идет неумолимо вперед. Может и изящные искусства избранным воспотребуются; даже – в старшном сне такое не увидишь – возжелает нефтяной или алюминиевый *олигархер* на досуге полистать книжку запиаренного сочинителя. Так что будьте «на товсь», грядущие Сенеки, Цицероны и Овидии... нет-нет, с Овидием мы хватили лишку, можно будет подпасть под образцово-показательную кампанию борьбы с аморалкой и быть сосланным куда следует: «... В Молдавии, в глуши степей, вдали Италии своей».

Про целеуказание (б) мы также выше кратко высказались. Тем более, в части литературы о таком ниже будет достаточно сказано; аналогично и о (г). Классическим примером довлеющего воплощения (в) является популярная, то есть эстрадная, музыка. Но не «отстает» от нее и музыка, по традиции называемая «серьезной». Этот пример намного характернее той же литературы и живописи, тем более он сейчас, что называется, на слуху – извиняемся за смысловую тавтологию... Но общий принцип расчеловечивания – будем ниже избегать специальной психологической и иной терминологии – одинаков для всех искусств.

Отличительную от всех других видов художественных воплощений особенность музыки давно, но очень точно определил Артур Шопенгауэр в своем основном произведении «Мир как воля и представление». Позволим себе процитировать (последний раздел третьей книги названного трактата) Шопенгауэра в его определении сущности музыки: *«Музыка – это непосредственная объективизация и отпечаток всей воли, подобно самому миру, подобно идеям, умноженное проявление которых составляет мир отдельных вещей. Музыка, следовательно, в противоположность другим искусствам, вовсе не отпечаток идей, а отпечаток самой воли, объективностью которой служат и идеи; вот почему действие музыки настолько мощнее и глубже действия других искусств; ведь последние*

говорят только о тени, она же – о существе... Она раскрывает интимную историю воли, живописует всякое побуждение, всякое стремление, всякое движение ее, все то, что разум объединяет под широким и отрицательным понятием чувства и чего он не в силах уже воспринять в свои абстракции. Поэтому всегда и говорили, что музыка – язык чувства и страсти, как слова – язык разума».

Именно в силу такой специфики музыки, ее единичности в сфере искусств, главное – непосредственного воздействия «сущности» на органы чувств человека (ухо воспринимает мелодику, а кожный покров и биофизиомасса мозга – ритмику), заключается все коварство исполнения целеуказания на зомбо-программирование человека, уготовляемого к качеству носителя умозамещения и цифрофрениии – неотъемлемых качеств винтика машины Молоха глобализации.

... Не следует наивно полагать, что глобализация взяла да спрыгнула на наши головы где-то на рубеже 1990–2000 гг. В эволюции всегда наличествует предтеча; как в армейском наступлении артподготовка. Объективно рассуждая, можно сказать: эволюция запроектировала современного человека еще три миллиарда лет назад, создавая еще предживого (сложная молекула в белковой оболочке – капсиде) вируса с его ДНК... Так и в части зомбо-программирования человека посредством музыки.

В начале прошлого века теоретик музыки Арнольд Шёнберг предложил новый строй музыкальной композиции и исполнения, а именно так называемую двенадцатитоновую систему. Кстати, в своем выдающемся романе «Доктор Фаустус» Томас Манн, хотя бы он и имел в виду судьбу и философию Ницше, «облек» главного героя по житейской атрибутике в «одежды» Шёнберга с его музыкальной новацией.

Некоторое время спустя, но в том же двадцатом веке, Теодор Адорно из Англии, чье имя очень известно во многих кругах, что называется, от искусства до философии, развил двенадцатитоновую музыкальную

концепцию Шёнберга, но уже в практических целях заложив в нее (зомбирующее) управление сознанием человека слушающего. Это и была предтеча мирового зомбирования – расчеловечивания посредством музыкальных масс-психозов. Далее идет известная легенда, но очень похожая на действительность и уж тем более похожая, что результат-то был получен ошеломляющий! Суть же были-легенды, несколько лет назад «попавшей в лапы» жадным до сенсаций западным СМИ и растиражированной ими на весь мир, состоит в следующем.

В самом начале 1960-х годов британская разведка МИ-6, выполняя явно заказ тогда еще тайных мировых сил, готовивших предтечу глобализации, поручила Теодору Адорно разработать спецпроект – ни много ни мало – по музыкальному зомбированию больших масс, преимущественно молодежных, с использованием возможностей двенадцатитонового строя. Теория у Адорно уже готова была, а для практического опробывания то ли специально была создана (на деньги-фунты МИ-6) в 1963-м году, или просто веселые парни из Ливерпуля подвернулись под руку ... словом, появился «Битлз», который за считанные годы разрушил *всю* массовую музыку прежнего классического строя, с честью выполнив задачу апробации зомбирования широчайших масс. Как всякое пробное начало, ливерпульская четверка недолго и просуществовала. Выполнив свою задачу, получив из рук королевы рыцарские кресты (по представлению МИ-6?), в семидесятом году ребята-«жучки» разбежались уже поодиночке собирать дивиденды. И папа Адорно годом ранее почил ... по своей ли воле-судьбе? Разведчики во все времена следов не оставляют. *Додекакофония* – ироничное название двенадцатитоновой системы.

Здесь даже истовый меломан забурчит в наш адрес: но где обещанная литература? А вот и она.

◆ Лично ваш покорный слуга уже в годы «битломании» ни в малейшей степени не сомневался (далеко еще было до легенды-были в СМИ) в разрушительном начале новых эстрадных веяний. А вот литература тогда,

особенно советская, даже и не помышляла о сдаче позиций. Ленинские и Государственные премии в СССР, Гонкуровские во Франции, тем более Нобелевские, вручались писателям с устойчивой известностью – не только в своей стране.

Советский Союз подлинно, без самохвальной рекламы, являлся самой читающей в мире страной. Более того, дело даже не в сравнении с иными царствами-государствами, просто в СССР *читали все*: от «столиц и университетских центров» до зыбучих песков и барханов среднеазиатских окраин, жителей которых еще не столь давно дети лейтенанта Шмидта – из тех же одесских классиков – полагали неграмотными... На этом фоне самыми читающими были инженеры, особенно молодые. А сословие это в советской стране, во-первых, являлось многомиллионным; во-вторых и в главных, тогдашняя инженерная служба представляла собой некий симбиоз полезной занятости и клубного времяпрепровождения: легкий флирт, умеренное потребление того самого по поводам и без, хохот анекдотов про «руководителей партии и правительства» в переполненных курилках... тогда с потребителями травки никотианы никому бы в голову не пришло сражаться, ибо сам *Ильич Второй* еще баловался «Новостью» за восемнадцать копеек пачка; впрочем, тема курения сейчас официально не приветствуется. Но это к слову, а именно к тому, что служебно-клубная обстановка, когда вовсе не эвфемизмом понималась присказка: «Утром на работу с удовольствием, вечером домой с радостью», – непременно включала обмен мнениями и суждениями о прочитанных новинках литературы: книгах и художественных журналах – от «Юности» до «Нового мира».

... В первый год моей инженерной службы из рук в руки, с «записью в очередь», переходила только что изданная «Алхимия слова» Яна Парандовского – с предисловием аж самого Сергея Залыгина, что из числа наиболее читаемых тогда писателей. Заметим, что несколько позже по рукам заходили «Законы Паркинсона» – книга названа по имени автора, – но это несколько иное.

Ян же Парандовский посвятил «Алхимию слова» тому, что сам назвал «лабораторией литературы». В понятной, зачастую остроумной, для самой широкой читательской аудитории, высокохудожественной форме автор вводит в святую святых творца словесного искусства. А «что там за кулисами?» – всегда интересно для находящегося в зале. Но одно дело нынешние ТВ-спектакли, адресованные самому низменному инстинкту обывателя, в каковых (спектаклях) некогда кумиры этих самых залов кино- и просто театров, вытряхивают свои старческие кальсоны, брюзжа на молоденьких содержанок, обобравших до нитки артпапиков, совсем другое – творческая лаборатория писателя не так уж и далеких от нас времен. С устоявшимися традициями самого творчества, их глубинным содержанием и внешним антуражем.

... Пространное «силлабо-лирическое» отступление к тому, что с античных времен и до недавнего оцифровывания и умозамещения литературное творчество являло собой *профессию*, хотя бы, согласно табели о рангах, в послужном списке писателя и стояло: камер-юнкер или камергер, дипломат, путешественник на фрегате «Паллада», а потом главный цензор Российской империи, помещик, разночинец, чиновник не выше коллежского асессора, исключая статских генералов Г.Р. Державина и М.Е. Салтыкова-Щедрина... И так далее. Даже в советское время, когда писательство являлось профессией де-факто, но де-юре в соответствующих реестрах не обозначалось: пенсия по каким-то косвенным статьям оформлялась.

Нынешний же безлошадный сочинитель, уже и забывший этимологию слова «гонорар», только что может горестно повторять слова капитана Лебядкина из «Бесов»: «Если бога нет, то какой же я после того капитан?»

Завершая краткий ностальгический экскурс в безвозвратно ушедшее доцифровое время, в сонетной манере свяжем окончание с началом, а именно скажем еще несколько слов об образцово-показательном сведении музыки к средству эффективного зомбирования. Как «битломания» разрушила мелодику популярной, эстрадной музыки, сведя ее в итоге к преобладанию

ритма, то есть кодирующей сознание цифры, так в течении первых двух третей прошлого века и так называемую серьезную музыку, симфоническую, оперную, балетную, оркестрово-концертную и пр., оцифровали в указанном выше смысле и назначении. Если девизом нынешних – на подхвате, подголоске и подтанцовке у Великого глобализатора – СМИ является рекламный девиз «Вместо слова цифра», то (опять вспомним афористику все тех же одесских классиков) для современной, бывшей «серьезной» мелодичной музыки характерен зомбо-запрограммированный ритм «негрских плясок у истоков Замбези». Таковой облик современной «классики» в отечественном варианте можно, хотя и осторожно, в качестве истоковых, усмотреть у Игоря Стравинского и Александра Мосолова, далее Шостаковича и, конечно же, у Шнитке. Уже особо и не останавливаемся на «Симфонии гудков» Арсения Аврамова (это псевдоним; сам он был сыном донского казачьего генерала...). Этот оригинальный русский композитор по праву считается *мировой предтечей* зомбо-музыки. Однако – снова к литературе.

◆ Потеря профессиональности, упразднения лаборатории литературы и понятия творческого авторитета – таковой, воочию наблюдаемый процесс, уложился по времени в неполные три десятка лет. Темпы, конечно, космические – в сравнении с двумя с половиною столетиями возникновения, становления и расцвета отечественной словесности. Но ведь и сама социальная эволюция в период глобализации неимоверно ускоряется, говоря ученым языком, переходит на возрастающую экспоненту, семимильными шагами убегая от традиционной духовности и творческой художественности в суконно-цинковую оцифрованную среду прозябания и невостреманности.

Литераторы, особенно поэты, как натуры восторженно-нервические, суть сугубые индивидуалисты. Это ни в коем случае не порок, но специфика творческого человека, в своем мышлении субъективирующего весь отражаемый в сознании мир объектов и процессов. Поэтому неуклонный рост их профессионализма во многом, если не в основном, стимулируется

тем развитым в них качеством, которое вольно поименовать равнением на мастера – это для трибунного красного словца. В душе же своей, или в узком кругу доверенных лиц, – *творческой завистью*. Таким образом, естественное выделение из среды писателей мастеров слова, то есть *авторитетов*, есть процесс позитивный, движитель развивающегося литературного процесса. Опять же литератор, даже все тот же вдохновенный, знающий себе (порой) завышенную цену поэт («Я, гений Игорь Северянин...»), есть натура совершенно реалистическая. А «*в реалисте*, – говорит персонаж «Братьев Карамазовых», – *вера не от чуда рождается, а чудо от веры*». То есть устремление в совершенствовании своего творческого потенциала с равнением на признанных авторитетов и есть та вера в свои способности и усердие на сочинительском поприще, которая в итоге и может сотворить творческое чудо: и сам писатель «воссияет на скрижалях» (Леонид Ильич, сам уже с пятью геройскими звездами на пиджаке, вручит лауреатскую медаль), и число читателей зашкалит за десяток-другой миллионов. Главное, душа художественного сочинителя возрадуется одновременно горделиво и самоуспокоенно... Так и было в столь недавнюю пору *признания* авторитетов: именно мастеров-авторитетов, вовсе не «литературных генералов».

Все прошло как сладостный сон. Исчезло само понятие авторитета в литературе, которое даже близко не заменит термин «пиарщик в оной же». Это все из различных опер... и оперетт. Правозглашенный Великой французской революцией 1789-го года лозунг, взятый у масонов, – *liberte, egalite, fraternite*, – в части *egalite* – равенства следует воспринимать с осторожностью. Равенство трехсот миллионов жителей СССР в правах и обязанностях – это мировая вершина социальной справедливости. Общемировая практика римского права в части равенства перед законом – тоже справедливо... если, конечно, таковое равенство на практике исполняется. Но говорить о поголовном *творческом* равенстве людей есть абсурд и предельное лицемерие. Да, Декларация прав с трибуны ООН

(кажется, с американской конституции списанная?) о том, что все люди появляются на свет *равными*, возражений не вызывает. Но вот творческий заряд в этих людях усреднению не поддается – это как средняя температура по больнице... *Творчество есть категория персонифицированная!*

...Кстати, раз упомянули об Америке... Северной, конечно, что между Канадой и Мексикой, то в этой мировой вершине прагматизма и утилитаризма сложилось уникальное равенство, о сущности которого, правда, безотносительно к Америке, сказал в «Подростке» Ф.М. Достоевский: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства».*

То есть деньги не источник равенства, но средство его достижения. Причем таковое, денежное равенство есть *нивелирование*, усреднение человека в социуме. И с наступлением эпохи глобализации практика такого усреднения от сугубо экономической была распространена на все сферы социума, литературу и все остальные искусства-художества тож.

А Лев Николаевич Толстой с намного большей, нежели Достоевский, категоричностью исторически видел таковое нивелирование ума людей в ... изобретении книгопечатания ювелиром из Майнца Иоганном Генсфляйшем Гутенбергом (!) Уже упоминавшийся выше другой Лев, но только Давидович, то есть Троцкий, «умягчил» резонно высказывание классика: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество – это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма – это несомненно»* («Литература и революция», 1923).

Еще раз повторимся: в эволюции вообще, в социальной тем более, все изначально запрограммировано. Всякое новое социальное явление в истории цивилизации и культуры изначально позитивно, прогрессивно для развития человека разумного и всего человечества в целом. Но все эти новации, возникающие в течении социальной эволюции, в итоге и *одновременно*

достигли своего апогея ко времени биосферно-ноосферного перехода, когда человек разумный *биологический*, увы, выполнил определенную ему эволюцией задачу высшего развития, то есть достиг предела совершенствования *индивидуального* мышления. Дальше той же эволюцией предопределен (см. ЖМФН) переход к доминированию *коллективного* разума, то есть преобладанию биотехнического симбиоза информационной виртуальной реальности, предтечей которой являются нынешние глобальные телекоммуникационные сети (интернет), а индивидуальный человек стремительно, буквально на глазах, становится их придатком-пользователем.

Это все к тому сказано – возвращаясь к нашей тематике, – что Лев Николаевич (с поправкой Льва Давидовича) обличал не собственно архиполезное для человечества изобретение Гутенберга, но уже в годы его жизни имевшее место быть профанирующее качество доступности к печатному слову. Как читающего, так – и особенно! – пишущего. Но таковая профанация, дилетантизм в наше время полной доступности к печатанию, оргтехники его подготовки и дешевизны – в небольшом числе экземпляров – издания мощно способствовали потере профессионализма, утрате творческих авторитетов, упразднению понятия и содержания «творческой лаборатории». Опять же все это на виду и на слуху; особого пояснения не требует.

... Сейчас с самых высоких мировых трибун человечество, напуганное стремительным глобальным натиском цифрофрени, уверяют, что напрасны опасения в части самой скорой передачи всех трудовых функций человека роботизированным механизмам. Дескать, эти системные автоматы будут выполнять всю рутинную и тяжелую работы, а освобожденное от забот о хлебе насущном человечество *все целиком* отдастся творчеству. Но ведь такое утверждение (см. выше) уже не только средняя температура по больнице, но еще и усредненное артериальное давление! Словом, в современном духе препарирруя слова из оперы: не счесть талантов пламенных в неоне джунглей каменных.

◆ Параллельно с потерей писательского профессионализма и понятия творческого авторитета, но в общем-то независимо от этого, произошла и утрата массового читателя. И вовсе не потому, что таковой в один миг поглупел с натиском глобализма. А если и поглупел отчасти, то с него и взятки гладки. Опять же Федор Михайлович в своих статьях о русской литературе (1861 г.) не в бровь, но в глаз сказал: *«Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...»*. Это все одно, как бы и великий талант полагал себя обиженным матерью-природой, что сотворила его не мирным бюргером и любителем баварского пива, но обрекла на каторжный пожизненный творческий труд до умоисступления, причем сугубо «за интерес», а не за звонкую монету! – Та же палка, да с другого конца... Теория относительности, словом. И уж совсем категоричен Чехов, утверждая, что дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из 100 вовсе нет ума. Что-то в этом роде сказал.

Итак, мы не об умных и дураках ведем речь, но об утрате массового читателя в наступившую эпоху *не в зависимости* от степени совершенства или несовершенства устройства правого и левого полушарий головного мозга индивидуума, отвечающих, соответственно, за образную художественность и логику мышления, но о явлении *системном*, социально-эволюционно обусловленном. А таковое всегда обусловлено категорическим императивом действительности философской категории *причинности*. Иной скептик возразит: причем здесь причинность? читал себе человек, грамоте обученный, в свое удовольствие в свободное от трудовых и иных подвигов время и чего бы ему не продолжать набираться ума-разума и всяких романтических чувствований вне зависимости от «погоды на дворе»? Да, пусть глобализация за окном и на экране телящика набирает обороты, свирепствует цифрофрения и умозамещение, но мне-то что до всего этого? Лежу на диванчике и почитываю, благо и писатели еще пописывают...

Ан нет, отвечаем скептику, от причины не отмахнешься. Это не телящик с волнующей программой «В гостях у цифры», что можно, сопроводив легким матерком, выключить, а порыв гнева погасить на кухне стопкой «очищенной». Ибо причина – задатчик любого социального процесса. Ту же глобализацию вовсе не в Белом доме (который настоящий, г. Вашингтон, федеральный округ Колумбия) придумали и не в «совете нечестивых» – предполагаемом Тайном мировом правительстве. Они только исполнители категорического императива причинности. Последняя же суть развертывание матрицы некоего фундаментального кода Мироздания (см. ЖМФН) – в данном случае в движении социальной эволюции человека. Причинностью обусловлено и явление глобализма, как высшей и завершающей стадии империализма (это как у В.И. Ленина сам империализм есть высшая стадия капитализма...), относительно короткой в эволюционном масштабе – по разным оценкам 80...200 лет, – после окончания которой человечество приобретет «полный статус» *человеиника* – всемирного общества полного (социального, экономического, умственного, творческого и пр.) *равенства*. То есть прогноз Маркса о всеземном коммунизме и акад. В.И. Вернадского о ноосфере в таком же ключе через век-другой сбудутся... только равенство это окажется равенством гаек-шестеренок, придатков телекоммуникационных сетей глобальной виртуальной реальности.

А затем и вовсе завершится отведенная эволюцией роль человека биологического... Но – это-то нескоро еще. И не следует сейчас оплакивать грядущего робота в человеинике. Человек – самое адаптивное животное в биоэволюции. Ведь только два-три десятка лет мы в объятиях глобализации; умозамещения и цифрофрении тож. А разве чувствуют свое ущемление средние, тем более младшие поколения, уже обретшие качество *недолайкиных*? – Отнюдь нет. И старшие поколения скорее лишь по традиции бурчат, но и то о низкой пенсии; мол, небольшая, но хорошая...

Все сказанное в пространном отступлении преследует цель: пояснить роль причинности, то есть *не* случайности, утраты писателем своего читателя.

◆ Но куда же он делся – наш бывший читатель? Тем более у нас в отечестве, повторимся, еще не столь давно воистину, не для пропагандистского словца, бывшем самой читающей страной в мире? Оглядитесь округ себя и узрите людей новой формации: Кешбэка Кешбэковича Онлайнюка, Нанотана Постеровича Цыфринского, Катцапа Апплиевича Вайнберга и самого Фейсбука Кликовича Недолайкина. – Все сплошь ваши вежливые соседи, сослуживцы, телесериальные «говорящие головы» и пр. и пр., увешанные китайской выделки гэджиками, сам-один разговаривающие при уличной ходьбе. Перенесись на машине времени в наши дни человек из не столь уж далекой эпохи «пятнистого консенсуса», так первая мысль его будет: наверное, в Кащенко проводят – в духе либеральных реформ – день открытых на выход дверей!

...Правильно, уважаемый читатель, мыслите. Но, к сожалению, не в корень зрите. Интернет, гэджики, цифрофрения во всем и всея (а у нас, как то принято, в рамках кампании, «месячников» и пр. – со смехоподобным перехлестом) – это вовсе не замена чтению «бумажной» художественной литературы, как неуклюже селятся внушить народу масс-медиа, но сугубые технические средства расчеловечивания грядущего робота Молоха глобализации, достижения уже упомянутой выше главной цели: перехода в индивидуальном и коллективном разуме от творческого аналогового мышления к утилитарному цифровому. Последнее уже принято называть *компьютерным мышлением*. Вот в этом-то и зримый корень того явления, что связываем с утратой <литературного> читателя. А который (их все меньше и меньше...) еще остается, то все чаще с уровнем восприятия писаний Ратазеева из «Бедных людей» Достоевского: «– *Владимир!*.. – *шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ... Через полчаса старый граф*

*вошел в будуар жены своей. – А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? – сказал он, потрепав жену по щеке».**

Опять же всякие ссылки на заботы современного, отечественного в особенности, человека по добыванию хлеба насущного – кручусь, мол, от зари до зари! – тем более с маслом и икрой, совершенно неубедительны. Этот самый хлеб в истории страны никому даром не давался. Но все же при свечах читали, в окопах, после трудового дня. Время на чтение всегда найдется, если есть побуждение к этому. Но свершившийся уже буквально и прямо на глазах переход среднестатистического человека – не без директивного довления телеэкрана и гэджиков – в категорию адептов компьютерного мышления поставил жирную точку: баста, книги читать – не дензнаки считать! Книги – на помойку, глаза – на экраны! Выстраивается цепочка запрограммированной подготовки тружеников-роботов периода глобализации: человек читающий → «подключение» его к телекоммуникационным сетям (интернет) → «загрузка» гэджиками → цифрофрения → отказ от чтения какой-либо литературы → справочный <через интернет> характер памяти → умозамещение → справочный характер мышления → компьютерное мышление. Как следствие – не то что отсутствие позывов к чтению, но и непонимание такого рода занятий. ... Сразу вспоминаются выражения лиц моих коллег по службе, добрых знакомых, но особенно «собратьев по перу», когда я презентую им свою новую книгу. Но – это надо только видеть, словами передать можно, не живописуя, лишь абрисно: самое невероятное, как обрезки копченой колбасы в винегрете, сочетание обиды, ведь не бумажку, на худой конец с портретом Вашингтона**, дают! с непониманием сущности странного дара, а главное – в глазах облагодетельствованного, доцент он или полный профессор, слесарь-интеллигент (как у одесских

* Еще Фрейд заметил («Остроумие и его отношение к бессознательному»), что обилие анекдотов – признак творческой эпохи. Таковы были советские 60–70-е гг. А блестяще-злая ирония Достоевского с «цитатой из Ратазьева» породила в названные годы серию анекдотов по схеме: «– А не испить ли нам кофейку? – сказал граф <... далее описание действия>... А за окном ковали сталь».

... Сейчас анекдотов не сочиняют вовсе. Это и есть самый верный признак угасшего творчества... – Прим. авт.

** То есть однодолларовая купюра... – Прим. авт.

классиков), тож знающая грамоте домохозяйка и так далее по всей социальной иерархии, мечется самое полное отчаяние: да разве можно прочесть (даже средней толщины) книжку? Это-то по привычке к «мыльным» телеграфным сообщениям в пару-тройку строк, к таковым же эсэмэскам... А главное, зачем? Ведь за труд чтения никто не даст тебе бумажку, на худой конец... – см. чуть выше. Как говорят физиологи, порочный круг патогенеза замкнулся.

Так, или примерно так, всего лишь за два десятка лет бывший массовый читатель обрел качество компьютерного мышления, сущность которого состоит в следующем. Раз выше упомянуты физиологи, то с позиции физиологии работы человеческого мозга все три главнейшие функции этой работы, а именно, базовая (подсознательная) память, логическое левополушарное и художественное правополушарное мышление, нивелируются по всем субъектам этого мышления. Как Макар Нагульнов из «Поднятой целины» советского классика рассуждал (и в точку попал, не целясь!) о будущем человечества в том смысле, что все будут одинаковыми на лицо и мысли, «смугленькими такими». По отношению к логике и художественности мышления неприменим принцип Архимеда–Лейбница: если где-то убыло, то в другом месте прибыло. Хотя все по той же физиологии правое и левое полушария трудятся совершенно автономно друг от друга, лишь «технически» соединяясь так называемым мозолистым телом (в известных опытах с перерезанием такового у обезьяны, последняя особь не изменялась в поведении после этого...), но иначе как лукавством и малограмотностью нельзя не считать уверения «телевизионных авторитетов» (*«В русском человеке дерзости его ученого языка – почти нет пределов»*, – Ф.М. Достоевский, «Дневник писателя» за 1873 год), что-де ослабление художественности в современном человеке «компенсируется» усилением логики мышления. Нет, уважаемый имярек, ты самовольно законы эволюции не переписывай! Как в очеловечивании – в движении социальной эволюции – логика и художественность мышления всю дистанцию периода цивилизации

и культуры «шли на равных», так и в обратном процессе расчеловечивания, увы, они тшятся вспять, имея один старческий посох на двоих...

◆ В компьютерном мышлении оцифрованный* мозг нивелируется по всем трем названным функциям. Базовая память, как уже говорилось выше в очерке, хранящая в себе все накопленное и воспринятое человеком за сознательную жизнь, с безгласным ужасом осознает свою не востребованность. Это как современный писатель. Зачем сколь-либо мощная память современному Недолайкину, если двумя-тремя нажатиями клавиш компьютера или столькими же касаниями подушечкой указательного пальца экрана смартфона он получает ответ на возникший вопрос? И это никакое не преувеличение тенденциозное, а уже сугубая обыденность. Пример из жизни всегда воспринимается нагляднее и убедительнее туманных ссылок на психологию мышления и прочие научные дисциплины, коль скоро пишем для массового читателя – уже не оговариваясь вдругорядь: а есть ли в природе сейчас таковой? Вот и пример. Из ничтожного числа читателей моих романов самым усердным полагал средневозрастного доцента. Он действительно читал и сейчас читает мои книги – это сразу видно по отдельным его репликам по части сюжетов и персонажей. Был я в восторге и всячески привечал столь редкую особь в современном человеичнике (а в вузах «преподы» и в советское-то время беллетристичкой пренебрегали, только лекции свои талдычали...). Но весь восторг ушел в бездну уныния, когда тот однажды признался: «Уф-ф! Закончил ваш роман; почти полгода читал – очень уж часто приходилось обращаться к интернету: много «непоняток» встречается».

«И ты, Брут!» – мысленно вскричал я, а самого как ушатом холодной воды окатили. Как? современный, грамотный человек, не лишенный тяги к художественному, уже без интернета не способен прочесть роман,

* Ф.М. Достоевский, столь часто – и всегда к слову! – здесь цитируемый, больше всех своих великих романов гордился тем, что ввел в русский язык новое слово – стушеваться. Мы – люди скромные, но также указываем на свои (извините, назойливо повторяемся) нововведения; в частности, термины «умозамещение» и «цифрофрения», озвученные, соответственно, в книгах: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении: Роман-новеллино.– М.: «Московский Парнас», 2017.– 343 с.; Алексей Яшин. Житие наше оцифрованное: Новеллино.– М.: «Новые Витражи», 2019.– 329 с. – Прим. авт.

написанный по всем канонам (грешен, не уважаю всяческих эпатажно-пиаровских вывертов) русской и советской художественной прозы?! Более тому доценту книг не даю. Да и он «повзрослел» – не просит. Так и лишился последнего читателя на горестной ноте «си» и с доминантой «быстрее, еще быстрее к компьютерному мышлению».

Полагаю, пример убедителен. Владея корпусом знаний в эволюционной и социальной биологии, а также в современной математике описания информационно-энтропийных систем, можно точно рассчитать число поколений в ряду расчеловечиваемых компьютерным мышлением, после чего у такового индивидуума базовая память остается лишь артефактом. Что и сделано в сугубо научной серии книг ЖМФН. Получается лишь счетное число поколений... Но ведь базовая память есть и базис (извиняемся за невольную тавтологию) литературного творчества! Вывод неутешителен: компьютерное мышление и художественное творчество несовместимы.

От ущербления при компьютерном мышлении качества и содержания базовой памяти расчеловечиваемого индивидуума переходим к логике. Очень сложно в неспециализированном очерке объяснить угнетение логики мышления в оцифрованном человеке. Поэтому ограничимся примером, но – все прекрасно объясняющем. Не только психологам, но и любому наблюдательному, самодостаточно мыслящему человеку хорошо известно: если при разговоре *vis-a-vis* все время, что называется не моргая, собеседник пристально смотрит вам в глаза, то значит... он врет. Вспомните, именно так «*лупит на вас свои зенки*» (это у Даля так сказано) продавец, пытающийся всучить залежалую китайскую некондицию, убеждая в ее замечательной высшесортности. Или начальник, убеждающий подчиненного в самом благожелательном к нему расположении...

Но мы не о «зенках», которые просто к слову пришлись, хотим сказать, а о жестикуляции руками. Опять же практикующий психиатр (или просто квалифицированный психолог), как дважды два, объяснит, что навязчивая жестикуляция руками при разговоре есть самовернейший признак ... скажем

мягко: логической недостаточности. Вы, читатель, злорадно вскричите: да-да, ведь женщина и пары слов не может произнести, не сопроводив их такими выкрутасами рук, особенно соблазнительно обнаженных, от плеча до мизинца, что даже великий актер-мимик Марсель Марсо позавидовал бы! Не торопитесь, если даже намедни обиделись на супругу, сварившую на обед пустой борщ вместо наваристых щей с бараниной. Да, у женщин слабовата обычная, формальная логика мышления, то есть «да – нет – или», чем и гордится сильный пол. Но зато, как отметил и обосновал еще полтора столетия тому назад популярнейший тогда «разговорный философ» Бокль, женщинам, более чем мужчинам, присущ *дедуктивный* характер мышления (это как у Шерлока Холмса...), что есть вернейший признак намного более продуктивной *аналоговой логики*.^{*} Так что мы квиты в части логики! Опять же таковая логика и жестикуляция слабо коррелируют, но вот обычная логика – см. выше. А теперь посвятите два-три часа телепередачам начала вечера, когда идут сплошь «разговорные» программы, и обратите внимание на руки страстных мужиков-говорунов: тот же Марсель Марсо отдыхает... Выводы за вами.

Одна *nota bene*: если среди ваших знакомых или коллег (не дай бог, родственников!) присутствует представитель достаточно редкого типа мужчин, что даже при ходьбе ни на миллиметр не пошевелит руками, держа их строго вертикально, то – отрекитесь от такового. Полное отсутствие жестикуляций есть вернейший признак характера с набором негатива: себе на уме, подозрительность, своекорыстие, мстительность и пр. Упаси бог!

◆ Итак, логика у «компьютерно мыслящего» (в отличие от собственно компьютера, работающего строго по законам формальной логики) человека ущемлена. А раз, как сказано выше, у логики и художественности один посох на двоих, то снижение логичности мышления влечет за собой и антипотенцирование художественной творческой мысли. Опять же не станем

^{*} Наш друг и научный коллега Александр Иванович Субетто, президент Ноосферной общественной академии наук (СПб), всячески ратует за разработку научных основ аналоговой логики, рекомендуя и нам обратить на это внимание. Есть над чем подумать... – Прим. авт.

особо умничать, но упомянем высказывание признанного авторитета эволюционной биологии Джулиана Хаксли, что-де высшие животные тоже мыслят, но не осознают этого своего качества. То есть не обладают понятийным языком, а язык – это и есть предмет и содержание логики – и сама логика, добавим мы вслед за Хаксли и выдающимся нашим философом и логиком А.А. Зиновьевым.

Оставим в стороне наших родственников обезьян, как жителей иных климатов. Но в час вечернего досуга, особенно умеренно «употребив» за ужином, посмотрите внимательно на своего домашнего питомца Ваську или Полкана. Оба они, умно наморщив лбы, уже давно воззрились на главу домашней стаи – это для Полкана, или мирного сожителя – для Васьки. Нет, в отличие от домохозяйки, они и словом не желают упрекнуть в «горячительном» (под селедочку) старте ужина, но в их глазах прямо-таки читается желание рассказать о проведенном без работяги-хозяина дне – в форме доноса друг на друга (у хозяев научились): как Васька гулял на запретном для него кухонном столе, а вот Полкан, вскочив на подоконник, лаял на дворовую Жучку... Много чего есть поведать, но лишенный логики разум не в силах собрать донос в цельный образ и хотя бы промодулировать мяуканье и лай смысловым звукорядом. Тогда бы даже слегка охмелевший хозяин понял сущность верноподданнически докладываемого. А вот хозяйка с ее дедуктивной аналоговой логикой все и так понимает. Но прощает шалости по извечной женской доброте...

Бредите, сударь! Это наш «поток сознания» прервал разгневанный читатель. Ведь сколько эсэмэсок можно было выщелкнуть на «компе» или «смарте» за время, что понапрасну потрачено на чтение про Ваську и Полкана. Жучку тож. Нет, уважаемый, не бредим, ибо наяву пишем, а на часах нет двух пополудни, с коих еще предыдущий губернатор наш, трезвенник и долларовый миллиардер, распорядился продавать акцизную... А на примере с преданным Полканом и доморощенным философом Васькой образно и архипонятно показана сущность (без умничанья!) хромоты –

вослед за таковой у логики – художественного творческого мышления у ныне расчеловечиваемого усердием Великого глобализатора индивидуума; в нашем случае литературного сочинителя и читателя с благоприобретенным характером компьютерного мышления. То есть, *утрата логики имеет прямым следствием функциональную безграмотность.*

Опять же, стиснув волю в кулак, посидите часок-другой перед телеэкраном, выбрав программы, где телеведущая в глубоко декольтированном наряде или молодой тележурналист с модной уже третий сезон среди «патриотов» антипатриотической растительностью (стрижка с оселедцем «под хохла» и бородка на кадыке – явно под «игиловца, смелого бойца») интервьюируют ... кого угодно, любого возраста, образования (по диплому лишь, впрочем), должности и рода занятий. Ну-у, например, по теме цифровой экономики, футбола, всяческих успехов во всем сразу. Теледива и молодой репортер задают вопросы заученно, потому грамматически и даже в смысловом наклонении почти правильно. Допрашиваемый же, виртуозно маневрируя сухонькими ручонками, выдавливает из себя некие слова-термины, преимущественно американизмы, кое-как связывая их междометиями и словами-паразитами: э-э-э, м-м-м, вроде как, типа того, как сейчас принято, классно и т.п. Эллочка Людоедка на таком фоне за эстрадного чтеца-декламатора сошла бы!

То есть функциональная безграмотность, как возврат эволюции от человека разумного к высшим животным (см. выше определение Джулиана Хаксли), есть потеря логики языка, который, как было сказано, и есть сама логика. Это не эвфемизм, но закольцованное определение сущности происходящего. Человек помнит набор слов, понимает этимологию каждого из них по отдельности, то есть сопоставляет с ним *образ в оперативной памяти*, но связать их в осмысленную, законченную семантико-семиотическую, как бы сказал ученый в части психологии мышления, форму увы, он не в силах.

Вот такого «читателя» с уже сформировавшимся компьютерным мышлением и имеет нынешний сочинитель ... вдобавок, и он уже сам затронут таким поветрием.

Чтобы не запутать читателя из числа не разучившихся понимать литературные тексты, то есть знакомящегося с настоящим очерком, все же уточним выделенные выше понятия в их взаимосвязи. Человек – это не компьютер, и наоборот. Как бы ни старались современные масс-медиа убедить нас в скором наступлении «эры искусственного интеллекта», в которой, как уже говорилось выше, человек биологический и бездушная железка-пластмасса компьютера и их сетей сравниваются в разуме, но это есть сущая профанация. Во-первых, законами эволюции таковой «искусственный интеллект» не достижим (см. в ЖМФН) – он был, есть и будет *только* запрограммированной человеком машиной. Во-вторых, в контексте нашей темы, действителен принцип «у больного здоровья не просят», то есть если человек может бесконечно – в разумных пределах – совершенствовать ЭВМ и их <глобальные> сети, основанные на нейропринципах, самопрограммировании и пр., в какой-то степени имитируя в их работе-вычислении свое, человеческое, мышление, то обратный ход, то есть обретение человеком компьютерного мышления, дает обратный же эффект: расчеловечивание. И все это по части законов эволюции! Дадим суммирующее определение.

То есть сущность компьютерного мышления человека заключается в приобретении им функциональной безграмотности, как следствие утраты логического мышления, то есть сведения мышления к оперированию отдельными словами-терминами с минимальной смысловой связкой между ними. В отличие от человека, компьютер вычисляет по строгой логике, заложенной при создании ЭВМ человеком, но компьютерно мыслящий человек утратил эволюционно заложенное качество опережающего самопрограммирования.

Единственное, что осталось у «компьютерного мыслителя» от человека в прежней, творческой ипостаси в том же качестве, – это оперативная, или «разговорная», память. На нее-то и перенесена вся «нагрузка», ранее парциально раскладывавшаяся на базовую память, логику и художественное мышление. Но и здесь, с учетом языкового общения, налицо смещение понятий. Несколько трансформируем известную поговорку: что у компьютерно мыслящего человека на уме, то есть в оперативной памяти, то и на языке. Но в таковой связке «оперативная память – язык» по определению (см. выше) логика мышления ущербна. Отсюда и современная формализация языка – со словарем Элочки Людоедки, американизмами и пр. То есть слушаешь нынешнего человека и вроде как кажется: по делу говорит, сухогато, но вроде убедительно, слов мало, говорятся они по многу раз... Но прослушал – и тотчас забыл, ибо не было логической увязки. Ведь формализация языка – это не логика, хотя по первоначально таковой может и показаться. Словом, привкус жеванной ваты во рту... Или чтение нынешних газет: как «правых», так и «левых».

◆ Вот и представили облик современного «читателя-нечитателя». Заметим, что это не брюзжание, не негативизм по образцу «раньше масло было маслянее (хотя и это суцая правда!) и вода мокрее». К сожалению, все сказанное есть то же самое «ума холодных наблюдений» – см. ЖМФН, а кто нам не поверит – перечитайте величайшего провидца Ф.М. Достоевского, в отношении которого литературоведы обычно отмечают, что из его предвидений очень многие сбылись, но именно все они из числа пессимистических в отношении грядущих этапов социальной эволюции человека. С этим надо не то что смириться – законы эволюции пересмотру не подлежат! – а человек, как уже говорилось, сверхадаптивное ко всяким изменениям создание природы, но просто иметь в виду, не задаваясь в данном аспекте исконно русскими вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?» С первым разобрались, а вот что делать современному писателю при наличии компьютерно мыслящей «читательской аудитории», то есть о

чем же писать, в каком «наклонении» и пр. – вплоть до сокраментального: а стоит ли вообще мудрствовать-сочинять и тискать литерами все дорожающую бумагу?

... Книгоиздатели и книгопродавцы (см. разговоры в стихах с представителями этих почтенных профессий у Лермонтова и Маяковского) и представляющие их на «медиарынке» СМИ призывают мастеров словесности потакать изменяющимся вкусам потенциальных читателей. А кто, дескать, не захочет следовать девизу «чего изволите?» тот загодя избавит господ книгоиздателей от хлопот тиражирования своих сочинений, ограничившись печатанием одного экземпляра – для себя любимого.

С другой стороны, азартно следуя «чего изволите?» социальному заказу компьютерно мыслящей массы, в плане историческом легко впасть в конфуз-пассаж, триста лет тому назад случившийся с Генделем – извиняемся, опять о музыке, но ведь она тоже величайший ареал творчества, – а именно, когда он создал свою знаменитую оперу о завоевателе Египта Кае Юлие Цезаре, написав партию римского императора специально под «заказ»-голос знаменитого тогда певца-кастрата. И вот уже три столетия постановщики оперы ищут по всему свету исполнителей с редким контр-тенором! А то и просто в декор-доспехи великого воителя полумира одевают певицу с меццо-сопрано.

Так и сочинитель «чего изволите?», написав на потребу сегодняшнего дня, уже завтра рискует быть причисленным к лику писателей из числа «ныне совсем забытых». Ведь, повторимся, социальная эволюция человечества именно сейчас, в эпоху глобализации, мчится навстречу неизвестности стахановскими темпами: сегодня массы расчеловечены до статуса компьютерно мыслящих на $\frac{1}{4}$ от прежнего творчески воспринимающего естества; поутру завтра глянь – уже на $\frac{1}{2}$, а к позднему ужину и на все сто процентов! Не успеешь торопиться – по женской (которые с дедуктивным мышлением...) присказке: бегу и падаю, рыдаю на ходу.

К социальному заказу еще вернемся, но сначала дадим облик современного труженика пера. Это, по преимуществу, тот, кто еще сохранил в себе отголоски – по времени недавнего – императива того же соцзаказа, главное, не мыслит в унисон с самым «блестящим» Людовиком: «*Après moi le déluge*» («После меня хоть потоп»). Попутно, для наивного читателя, заметим: не следует путать компьютерное мышление и авторскую работу, то есть набор, редактирование, корректуру, верстку, с использованием своего домашнего «компа». Хотя, по здравому размышлению, можно сказать, что такая технизация творческого процесса несколько отвлекает от сущности ее, особенно в поэзии и драме ... впрочем, может это и дело сугубой привычки. Но мы – сомневаемся, и все тут!

Такой вот «запоздавший» сочинитель, почти что из предыдущей эпохи, хотя и лет-то мало прошло, а потому еще в поре творческой активности, несет в своих душе и характере самый странный симбиоз, который на Западе формулируют известным эвфемизмом – раз уж вспомнили выше французскую мову, то вдругорядь обратимся в ней: «*Grattez le russe et vous verrez le tartare*» – «Поскребите русского, и вы увидите татарина». Нет, мы, конечно, не наших, почти что братьев татар, с которыми живем бок о бок за шестьсот лет, здесь имеем в виду, но именно то, что в современном, еще не расчеловеченном, русском образованном человеке, к каковому можно зачастую и писателя отнести, наблюдается вот этот самый престранный симбиоз – *grattez* землепашного крестьянина и ... дворянина. Каждого с его характерными чертами – хотя бы и в предельно малом масштабе. Первое – по преимущественному происхождению; ведь все мы «от сохи» наших дедов-прадедов. А уж прадеды у нынешнего старшего поколения еще и крепостное право застали! А вот второе – от высокой советской культуры, преемственно воспринятой от величественной русской культуры же XIX века, по преимуществу дворянско-помещичьей. И здесь лидирует по глубине и ширине массового охвата именно литература. Полагаю, смысл данного разъяснения симбиоза понятен – безо всякой обиды для потомков мужика и

помещичье-служилого дворянства.* ... Чтобы по-бабски тотчас на нас не ополчились, сразу скажу, что оба мои деда пахали землю, а затем в Империалистическую воевали солдатами-окопниками, правда, один из них – все в той же Франции под Верденом в составе русского корпуса, посланного «дружественной Антанте» Николаем Вторым...

Итак, таковые сочинители переходного периода от человечества к человеку скорее пишут по творческой инерции: как разогнавшийся паровоз не в состоянии сразу дать стоп ходу.

◆ *Вернемся к социальному заказу*, отвлекаясь от категории литераторов: «переходные» ли, современные поколения... Таковой заказ определяют не цари, генсеки или президенты. Его формирует, понятно дело, социальная же среда. Советский Союз не являлся, как нас убеждают, неудачным экспериментом Истории. Это был пробный ход социальной эволюции, каковая в своем движении и есть сочетание пробных – опережающих, ложных, тупиковых, проверочных и иных – ходов (подробно см. в ЖМФН). Советский социализм – в отличие от параллельных с ним национал-социализма Третьего Рейха и Социальной (фашистской) республики Муссолини – был именно *успешным опережающим* ходом эволюции. С позиции законов ее это была проверка возможности создания жизнеспособного социально ориентированного общества-государства. С окончанием проверки магистральный путь эволюции вернулся к исходной доселе точки, выработав «решение»: путь к всеобщности такого общества лежит через глобальный переход от капитализма-империализма к социально-ориентированному всемирному социуму. То есть прав оказался гениальный прозорливец Маркс: *только всем миром!* Другое дело, что путь здесь лежит через расчеловечивающий глобализм, а грядущий Марксов коммунизм суть всемирное царство технической виртуальной реальности с приданной к нему

* Понятно дело, не имеем в виду скороспелое современное «дворянство» (из грязи в князи), оформляемое в многочисленных столичных геральдических ООО. А в Туле, и при царях-то с дворянами бедноватой, вдруг взяли да и переименовали Дом офицеров, где в войну летчики «Нормандии–Неман» очаровывали на танцах местных красавиц, в Дом дворянского собрания... – Прим. авт.

роботомассой бывших индивидуальных людей. Опять извиняемся за «краткий курс» политграмоты – это для дальнейшей ясности.

Частнобственничество, как давний атавизм человека и существующая на нем (как мухи на навозе, извиняемся) мелкобуржуазная биомасса, несомненно, давала свой соцзаказ, от противного, как в математике, породив в литературе метод критического реализма. Но имеет ли такую потенцию глобализм, тем более в нашей стране, *искусственно-насильственно* возвращенной к названным артефактам-атавизмам частнобственничества и биомассы? Предложенный и обоснованный нами метод нового русского критического реализма (см. различные издания; в интернете – по поисковику) применим, по существу, только к отечественной литературе, которая, в отличие от Запада – Востока, еще долго будет сопротивляться, то есть не терять свои истоки. Самое существенное, что сейчас исчезает основа, базис критического реализма – классовость социума, ибо в глобализме *классы отсутствуют*. Это особенность олигархического устройства мира, что уже давно проверено во времена античности. Вместо классов – пирамида общества потребления. Надеемся, особо пояснять не следует.

Наш русский народ, особенно советский, был *творческим конструктором*; сейчас же он молниеносно перерождается в *квалифицированного потребителя*. Это даже не наши слова, а одного из (многочисленных в девяностые-двухтысячные годы) министров по части образования. По крайней мере, может и не лучшим из министров был, но сказал откровенно, с «прямотой римлянина». А какой соцзаказ может быть у преобладающей профессии «менеджера» и «офисной креветки»? – Если только о преимуществе коворкинга и фрилансера, то есть работы не в конторе под надзором начальника... Но все одно менеджеры и креветки читать давно разучились; точнее говоря, и не умели. Тем более, что вовсе нулевой социальный заказ будем иметь на грандиозное полотно, всесторонне показывающее безысходность человека творческого, самоосознающего в глобалистском челоуейнике, сравнимое, например, по мощи с показанной

М.А. Шолоховым в «Тихом Доне» безысходности казачества (а в области Войска Донского тогда проживало пять миллионов!), попавшего в социально-политическую ловушку. Таковой современный писатель не то что на Нобелевскую (тоже уже глобалистскую) премию не сможет претендовать, но даже на диплом III степени участника конкурса ЖЭУ № 17 «Наш оцифрованный двор»!

Так что, в отсутствии соцзаказа – по определению самой глобализации – остается нашему старинному сочинителю писать все для той же обнуленной аудитории по принципу артиллериста: выстрелил и забыл.

♦ *Продолжим о симбиозах*, которыми насквозь пронизана история России: от официального девиза графа Уварова «самодержавие – православие – народ» до современного неофициального, сформулированного А.А. Зиновьевым: «западнизм – советизм – феодализм (церковь)», причем советизм – это где «надо еще немного подождать, штаны подтянуть», а западнизм – постоянные ссылки в СМИ: а вот у них так-то, нам надо тотчас перенять... исключая ссылки на западные зарплаты, конечно.

Естественен вопрос: если должно нам равняться на Европу – Америку во всем (кроме зарплаты), то теперь-то в эпоху глобализма разве не спасение для русской словесности и ей *подравняться*? Немного совсем уж близкой истории. В середине семидесятых годов журнал «Иностранная литература» как-то в одночасье обрушил на неискушенного советского читателя целый ворох (условно) современной западной литературы; на памяти: «Портрет художника в юности» автора «Улисса» Джеймса Джойса, «Назову себя Гантенбайн» Макса Фриша, «Рыжие сестры» Франсиско Гарсиа Павона, «Кружевница» Паскаля Лэне, «Теофил Норт» Торнтон Уайлдера, «Человек-ящик» Кобо Абэ, «Черный принц» Айрис Мердок... можно еще на пару-тройку строк продолжить. А в сборнике «Писатели США о литературе» (1974 г.) и главного теоретика современной западной литературы Дж. Сантаяну опубликовали. В той же «Иностранке» напечатали «Чайку по имени Джонатан Ливингстон» молодого европейского писателя. Коль скоро

других его публикаций на русском языке тогда не было, то и имя его (скорее всего псевдоним) не запомнилось. Что-то вроде Ричарда Баха. Но именно эта «Чайка» с уважительным именем и стала квинтэссенцией новой западной беллетристики. В девяностые годы у нас начали печатать и тех, кого на Западе именуют (скромно) «современные классики»: Кастанеда, Урсула ле Гуин, испанский писатель из Валенсии Хуан Хосе Мильяс.

Из чтения всех названных выше «почти современных и уже современных классиков» вырисовывается основная (и довлеющая!) творческая манера западных писателей: опять же *симбиоз реальности и вымысла*.

... Вроде как Запад, особенно Европа, давно социально-политически и экономически едины; глобализм их-то уже полностью поглотил. Но одина ли их литература, как того следовало ожидать, бесконечно пережевывая это сочетание реальности и вымысла? На первый взгляд – утвердительное «да». Читая роман «У тебя иное имя», за который Мильяс был удостоен престижной испанской премии *Nadal*, и мы как бы не выходим за стены-рамки уже и своего сектора глобализма: главный герой романа Хулио лечит простуду тем же колдрексом, что и мы приносим из аптеки; в видении Хулио (реальность + вымысел) телевизионщики устраивают реалити-шоу встречи внучки с бабушкой после многолетней разлуки (см. на наших экранах целый сомн таких телеспектаклей...). И так далее: все «родное», все стало схожим на земшаре. Пожалуй, единственное отличие от «наших палестин» – Хулио регулярно посещает «своего психоаналитика». Это скорее сходство с американским бытом, где каждый Джон имеет своего адвоката и психоаналитика. У нас же пока народ в массе головой здоров, а потом опасается всяких наименований, содержащих корень «псих», полагая носителей таковых подозрительными. «А то занесут в какую-нито картотеку, потом и прав водительских не получишь!» – вполне справедливо рассуждает добрый наш народ, опутанный суконно-цинковой бюрократией...

Но мы отвлеклись на злободневное. Читая же «глобализованный» по деталям быта роман Хуана Хосе Мильяса, «современного классика», сквозь все эти колдрексы, психоаналитиков, телешоу «Жди меня» вдруг неосознанно вспоминаешь ... «Дон-Кихота». Ни много, ни мало! Даже в нашу злосчастную эпоху глобального нивелирования *именно* в литературе нельзя заглушить ее *корни и истоки!* Точно также читая современную французскую, англо-американскую, немецкую литературу, в особенности прозу, находишь, также неосознанно, ее корни: Монтеня и Руссо, Лоренса Стерна и Шекспира, Гете и Шиллера, соответственно.

И в какой степени нам равняться во всем и вся на Запад в части словесности, имея свои корни и истоки, идущие от Ломоносова и Державина, Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Карамзина (хотя бы последний испортил русский язык введением французской буквы «ё», а русскую письменную историю переписал своей «чего изволите?» под династию Романовых...), а ближе к нам и вовсе умолкаем от гордости и восторга за нашу великую русскую литературу.

♦ *О цензуре и самоцензуре*, этих извечных спутницах русского писателя, которых мы фривольно сопоставим со строгой супругой-домоправительницей и игривой, но требующей бдительного присмотра любовницей (содержанкой у людей, как сейчас говорят, состоятельных), соответственно, мы уже публично *донесли*.^{*} Кстати говоря, и собственно междоусобные доносы, так замечательно, почти что любовно описанные в «Мастере и Маргарите», доселе в ходу. Как это ни странно, когда собственно литература в забросе у властей. Обратная сторона доноса – невероятно усилившаяся именно сейчас взаимная неприязнь литераторов; по закону Дарвина межвидовой борьбы (главное, ведь не за что и бороться-то!): все против всех. От скуки жизни, надо полагать. Ведь известно, что похвалить собрата-писателя все одно, что улыбнуться, скушав лимон или ложку

^{*} Алексей Яшин. Салонные рамки литературы // Дон.– 2019.– № 7–9 (строенный номер).– С. 216–222. – Прим. авт.

горчицы. А вот в наше время – выпив стакан уксуса... Так что все это неистребимо, а главное, есть та лакмусовая бумажка, что свидетельствует: жив курилка (Ромен Роллан)! Есть еще порох в пороховницах, то есть жива еще литература. Опять же – утверждение от обратного, как в математических доказательствах.

Вот мы и добрались-таки до вопроса вопросов: о чем же писать современному сочинителю при «нулевой» аудитории читателей? Вроде как жизнь (якобы) бурлит ... но скорее сродни мыльной пене в корыте, возмущенной кувшином влитого кипятка. Та же Европа полностью опидорасилась, говоря словами Никиты Сергеевича, и на Россию всем кагалом – пока словесно – плюет. Вот бы о чем романы тискать! Но для кого? И стоит ли вообще про Европу-то? Опять же здесь все сказал Достоевский: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», – завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год).

Все сказал Федор Михайлович про наше нынешнее: и про «Кавказ (увы, сейчас далеко не весь) подо мною» – частная победа, и повсеместный снос (кроме Германии и Венгрии – наиболее непримиримых наших противников в войне) в Европе памятников советским воинам – «невыгодно и опасно» нам побеждать в Европе.

Так что тема Европы для русского писателя сейчас закрыта. Равно как и вся *современная история*. И зачем писать, душу рвать? Обывателю из трудовых офисных и иных масс выше горла информационного шума от СМИ. Потом – напишешь романище, облегченно вздохнешь, «... в конце письма поставив *vale*», включишь по рассеянности вместо утюга телевизор – а там в духе глобализма уже великое примирение! Живем-то все как на вулкане. Вокруг самое неприкрытое лицемерие, всякие толерантности и

общечеловеческие ценности (то есть доллары и евро), а у нас еще и щедро сдобренные суконно-цинковым административным восторгом.

Опять же писать, полагая запиариться, «по-европейски» (см. выше), мешая сказку-вымысел с действительностью, не всякому по нутру. Не получается по-европейски, все смахивает на рекламу презерватива, по нанотехнологиям китайцами сотворенным. Словом, «17D-водка оцифрованная безалкогольная»!

Вроде как чиновников-взяточников у нас поругивают, даже особо одаренных образцово-показательно в узилища препроваживают. Казалось – пиши не хочу! Ан нет, у нас опять же традиции на этот счет ограничительные. *«Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника»*, – писал Достоевский, а Михаил Евграфович и вовсе понижал границу неприкасаемости до коллежского асессора, то есть майорского чина. В советские времена таковым рубежом являлся руководитель горкомхоза товарищ Саахов. Традиция!

Но ведь имеется еще история СССР, история царская? Есть и фантазии, детективное чтиво? Старинный наш сочинитель последними брезгует, женским сочинительницам отдает... История СССР? – как-то неуютно сейчас «агитировать за советскую власть». Климат не тот, а остатки традиционного советизма (см. выше) прилагают к нынешним докукам властей.

... Словом, куда ни кинь – всюду клин. Современность – информационный шум не перекричишь; опять же тема здесь архисужена: ничего, дескать, личного, только бизнес. Но писателю-то более всего эта современность приемлема, свой личный опыт. Для «пограничных» сочинителей здесь есть творческая лазейка: как Лев Толстой, что создавал «Войну и мир» спустя полсотни лет после событий Наполеоновых войн – близкое видится на расстоянии – так и наш современный писатель, одной ногой еще уверенно стоя в советском прошлом, а другой брезгливо нащупывая опору в сонме кишашей частнособственнической мелкобуржуазной биомассы, способен на творческий подвиг: окинуть

единым художественным взглядом советское прошлое, вемое ему и переданное ближними пращурами, и современное – не все же гадливо и в нем! – Хотя бы свои дети и внуки. А о «партии и правительстве» пусть пишут Юрий Мухин и Владимир Бушин; Максим Калашников и Игорь Пыхалов тож. Им дозволено условно, через тираж в тысячу-полторы экземпляров, выпускать пары.

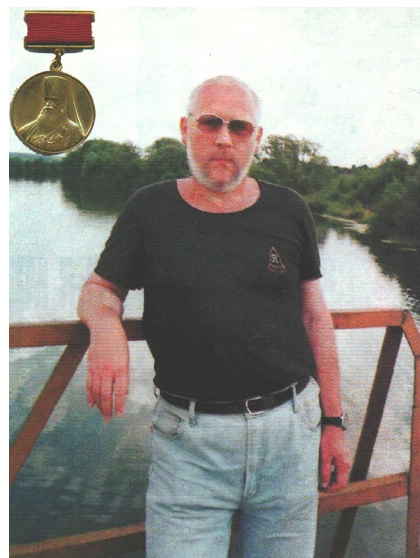
Своя жизнь с сопричастной ей «удельной» и более пространной историей, преломляющая окружающую действительность через себя, опять же в свете исторического опыта, – наиболее устойчивая платформа современного писателя, хотя бы по принципу страуса и закрывающегося от малопривытной реальности оцифрованного жития нашего (см. сноску выше). Любой творческий труд не должен пропасть! – Это как библейские семена добрые... Была бы земля для них еще.

Мой товарищ и литературный коллега Леонид Кириллович Иванов, окормляющий Тюменскую писательскую организацию СПР, как-то заметил в своем письме: «... *Опять пишу о деревне. Наверное, никогда я не отойду от этой темы, как и ты, мой друг, никуда не денешься от своего Севера и Северного флота*». Так тому и быть, вот и сочинили повесть о советском, северном, флотском взрослении отрока Николки. *«Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; так же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам. Тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних...»* (Лаврентьевский летописный свод 1377 года).

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ПОЭТ С «АВРОРЫ»

Взгляд с пристани в бинокль времени

В детские и отроческие годы, когда наша семья жила в Заполярье, в «маячных окрестностях» знаменитого города Полярного, главной базы Северного флота СССР до пятидесятых годов, пару летних месяцев проводил в отцовской деревне Дворцы на берегу калужской реки Угры. Обычно добирались от Мурманска до Калуги с пересадкой в Ленинграде. Получалось, что мурманский поезд приходил в Северную столицу утром, а следовавший дальше отходил только вечером.

Пользуясь дневной паузой, оставив на вокзале мать с двумя младшими, отец знакомил меня с Ленинградом. Благо это его почти родной город: в тридцатых годах жил здесь у своей старшей сестры и ее мужа Лазаря Федо-

ровича, служившего в хозяйственном управлении ленинградского главка НКВД. Работал поблизости молотобойцем на Волховстрое – первенце сталинских пятилеток; из Ленинграда же и был призван на Северный флот.

... Непременно каждый раз, побывав в Петропавловской крепости, отец вел меня к недалеко пришвартованной «Авроре», на траверсе Нахимовского училища. Увидев же на палубе революционного крейсера столь хорошо знакомых по Полярному матросов в белых рабочих робах, орудующих швабрами, глупых вопросов не задавал: откуда на историческом памятнике, хотя бы и плавучем, служащие срочники в бескозырках и с погонами? Знал со слов отца, что «Аврора» значится воинской частью в составе Балтфлота, а потому имеет свою команду из призывных матросов, сверхсрочников-старшин, «ундеров» на вольном флотском языке, и офицеров соответствующих рангов.

... Знал ли, что когда-нибудь судьба сведет в далекой от морей и крейсеров Туле с таким вот бывшим матросом с «Авроры»? По расчету годов получается, что вполне мог трех-четырёх-классником видеть на палубе «Авроры» матроса Ходулина: невысокого, плотного и коренастого, словом, с фактурой, что так уважают на кораблях с тесными коридорчиками, трапами и люками, которые следует скоренько раздраить, скользнуть в другой отсек и задраить за собой.

Но фамилию эту услышал только после окончания школы и переезду в Тулу, но зато как первую «писательскую» в этом городе. Приехав сюда первым (остальная семья подтянулась к началу осени) – готовиться к поступлению в местный политехнический институт на радиотехнический факультет, жил все у того же дядьки Лазаря Федоровича... как некогда отец проживал у него в Ленинграде. Человек с невероятной жизненной судьбой (о нем я в нескольких книгах писал), кроме всего прочего, дядька хорошо чувствовал художественное слово. Выписывая областную газету «Коммунар», обратил мое внимание на две фамилии под нередкими публикациями: «Ты, Лексей, со своего флотского севера в совершенно другой мир перебрался, так и знакомься с ним: какая промышленность, чем народ живет, какие писатели в го-

роде и поэты известные. Вот Ходулина стихи недурные, а фельетоны Шпилевого с Косой Горы не в бровь, а в глаз его заводское начальство бьют! И юмор у него сочный, как у Шолома Алейхема. Не читал? – обязательно познакомься, не пожалеешь времени потраченного» (сам дядька, как и мой отец, из калужских старообрядцев-поповцев).

Действительно, очень часто в «Коммунаре» печатались стихи Валерия Ходулина, а в фельетонном подвале нередкой была подпись: «Инженер Шпилевой».

... Опять же, думал ли, что за торжественным столом в Доме творчества, еще не отнятом администрацией у *своих* литераторов, на праздновании 50-летия Тульской организации Союза писателей, буду «звоном бокалов» обмениваться с сидящими напротив мэтром тульской поэзии Ходулиным и тем самым «инженером Шпилевым» с пятилучевым крестом ордена Почетного Легиона на лацкане пиджака – за участие подростком во Французском Сопротивлении? Жизнь она многолика, а земшар (по Маяковскому) достаточно тесен.

Еще до окончания Литературного института, с которого времени и полагаю себя причастным к словесному сословию (а до того ни единой художественной строчки не написал, тем более не опубликовал, не считая статей в журналах «Радио» и «Филателия СССР»...), примерно знал о «литературной иерархии» Тулы. Имена Харчикова, Лаврика, толстовского секретаря Булгакова, сказочника Панькина, скандального «Анатоля» Кузнецова, Лазарева и Минутко, Пахомова и Галкина часто слышал по городскому радио, читал в обеих городских «коммунарах», видел их выступления на телеэкране. И читал местных авторов – что под руку попадалось. Даже в журнале «Новый мир» роман Харчикова. Пару книг Натальи Парыгиной прочел. Запомнилось и «Серебряное эхо» Валерия Ходулина в изящном твердом матерчатом переплете. О ней почему-то язвили мои читающие – а тогда вся страна читала! – знакомые. И Володя Суворов, поэт из Новомосковска, учившийся со мной в Литинституте. Тонкости «язвления» не отложились в памяти.

Лично, хотя и мимолетно, познакомился с Валерием Георгиевичем где-то в восьмидесятом году, когда на редакционной практике от Литинститута «сидел» в «Молодом коммунаре» в высотке на Фридриха Энгельса. Поначалу меня, чтобы не мешался под ногами, отправили в отдел писем, утешив стандартно: «Помни, что все выдающиеся одесские классики вышли из отдела писем газеты «Гудок»!». Зачем-то в эту комнату своей энергической, крутобокой походкой зашел и Ходулин. Узнав о моей литинститутской принадлежности, сам выпускник «Школы Горького», она же «Дом Герцена», Валерий Георгиевич задержался на пару-тройку минут. Вспомнили имена общих преподавателей, почему-то не обошли вниманием и давнее уже открытие памятника Льву Толстому в Туле, а именно, как председатель облисполкома, представляя Владимира Солоухина, прибывшего на торжество от Союза писателей, назвал того Солодухиным...

Последующие пять-шесть лет после окончания Литинститута я как-то не делал попыток «вписаться» в писательскую среду Тулы, да и вообще серьезно занялся инженерным трудом, опять же кандидатская, потом докторская диссертации. Если того же Ходулина и видел-слышал, то только по теле-радио, иногда летом на выступлениях поэтов в Центральном парке.

Но, познакомившись с редакторами Приокского издательства, славной тройцей – двумя Анатолиями, Федосовым и Филипповым, и Николаем Завалишиным, через них стал вхож и в круг тульских писателей, благо их «ставка» тогда размещалась на территории издательства. Начал активно публиковаться, заинтересованно присматриваться к местным избранникам музыки словесности. Поначалу *status quo* Ходулина было неясным, но имя и фигура его зримо и заглаза постоянно присутствовали.

Через какое-то время с подачи добрейшего – в рамках своей должности – Виктора Федоровича Пахомова начал хлопоты о вступлении в Союз писателей. Тогда не зря говорилось, что «обилетиться» в нем потруднее, чем стать доктором филологических наук. С первого голосования редко кто проходил. Так и ваш покорный слуга только со второго захода удостоился. Несмотря на

диплом Литинститута и положенный набор публикаций. Оба раза Ходулин голосовал против – тайное голосование в этом кругу и в тесной комнатке суть секрет полишинеля. Как уже соображал, в основном голосуют за-против не столько самого кандидата, сколько его рекомендателей. У меня такими были Панькин, Галкин и Щёлоков, люди на виду, потому было кому мелко уколоть...

Я застал тульскую писательскую организацию уже застabilизировавшуюся от потрясений, вызванных фокусом «Анатоля» Кузнецова с убытием на ПМЖ (правда, недолгое) в Лондон. Тогда тульская организация попала под глухой «колпак» со стороны властей всех уровней. От второго инсульта не оправился Александр Григорьевич Лаврик, стоявший у истоков организации. По той же причине неуютно чувствовали себя и многочисленные последующие руководители, в числе которых побывал и Валерий Ходулин: долго не задерживались, друг за другом сменялись. «Малохлебная» должность...

Но вот закрепился Виктор Федорович, а потом и вовсе близкий к областной администрации В.Я. Маслов сделал царский подарок тульским писателям: целиковый купеческий особняк – «Дом Каминского», он же Дом творчества. Именно с руководством Пахомова и бывшим купеческим особняком связаны у меня первые и самые яркие впечатления о тульских писателях. Постепенно стала ясна та роль, которую избрал и успешно исполнял Валерий Георгиевич.

Пишу – через «бинокль времени», тем более не столь уж и давнего – сугубо объективно, поскольку наши с ним отношения не выходили, на протяжении более чем четверти века, за пределы просто коллег по писательской организации: ни тени недоброжелательности, ни йоты какой-либо зависти, а с другой стороны, никаких временных «дружб» против кого-либо, без амигошества и лицемерия. И товариществом такие отношения рискованно назвать: различные круги общения и роды занятий в них вне писательской среды, а в ней самой также различная степень участия: Ходулин едва ли не с первых дней создания областной писательской организации при ней, а затем

и в ней, а я – пришлый, уже почти на сороковом году ее существования, к тому же и не коренной туляк, не с тем, как говорится, характером и колоритом.

Плохого слова от него в свой адрес, в том числе и в передаче «доброжелателей», не слышал. Скорее, наоборот. Когда в Приокском издательстве вышла моя первая книга «На островах» – дипломная работа в Литинституте, Виктор Шавырин, кстати, тоже выпускник Литинститута, опубликовал в «Коммунаре» очень даже пристрастную рецензию на нее. Валерий же Георгиевич с истинной мудростью и скрытым юмором тульского мастерового, хотя бы и в части поэзии, ободрил: не бери особо в голову, Алексей, у вас с Виктором разные занятия: ты пишешь свои повести и рассказы, а он их критикует; ведь гонорары-то в различных бухгалтериях получаете? Делить-то нечего вам!

Осталось только рассмеяться, а после пары стопок с оказавшимся рядом Володей Суворовым, однокашником все по тому же Литинституту, и вовсе осадок от рецензии пропал. Зла на Шавырина не то что не затаил, наоборот, в безработицу «лихих девяностых» устроил его супругу на работу в медицинский НИИ, где сам трудился замдиректором.

Еще помнится: когда издал очередную книгу, то Ходулин, явно внимательно прочитав ее, дал очень дельный совет: пусть ты будешь трижды грамотей и четырежды стольки-то пядей во лбу, но перед изданием книги, раз сейчас редакторов нет (дело было в тех же девяностых), дай прочитать ее набор кому-нибудь из *наших*, хотя бы мне – сочту за доверие; ибо пишешь-то ты один, а читать будут многие! Надо каждое слово продумывать. Это как в граверном деле – каждый штрих. Накрепко засела в голове эта здравая мысль.

... Бог троицу любит, потому еще один эпизод из былого. Вхожу, не упомяну по какому поводу, ближе к зимнему вечеру в особняк на Каминского, а в крохотном кабинетике Пахомова как всегда людно, тепло, весело. Сам Виктор Федорович в шахматы режется с подопечными «на высадку». Харчиков и Дружков, бывшие косогорский металлург и воркутинский шахтер, с не-

скрываемым интересом смотрят на принесенную мною поллитровку, а «завхоз» Марк Самойлович искусно разделяет закусочную селедку пряного посола. Ни дать, ни взять провинциальный литературный кружок девятнадцатого века! А между тем общий профессиональный разговор на тему о структурном построении романа. И подытоживает его как всегда зашедший на четверть часа Ходулин: трехчастный роман – это русская классика! Ее не перекроишь, не перепрыгнешь. Вот Харчиков не даст соврать, а Николай Константинович (то есть Дружинин) по-военному утвердит. Все, мужики, с вами хорошо, но мне еще в департамент культуры надо заскочить!

Так получилось, что в русскую литературу, в ее постижение я вошел с рассказов, повестей, а потом и романов Лескова. И Тулу, до приезда в нее, зримо ассоциировал с лесковским «Левшей», дополненной «Нравами Растеяевой улицы» Глеба Успенского. Да оно так и получилось, когда впервые увидел этот славный город во второй половине шестидесятых годов: сплошь деревянную, еще не перестроенную Иваном Харитоновичем Юнаком, прямо из века предшествующего. А нравы, характеры ее жителей, даже в чем-то схожих видом, и вовсе восхитили: совершенно особый, веками устоявшийся мир в центре страны, всего в двухстах верстах от Москвы!

Вот и в самом облике Валерия Георгиевича, главное в его стихах, в манере говорить и общаться – все живо в моем впечатлении проассоциировалось с традиционной Тулой. Чувствовалось во всем его естестве, что и сам он в своем творчестве прежде всего отображает родной город, тульский характер. Это вовсе не значило, что раз и навсегда отгородился и замкнулся в этом провинциальном кругу. Напротив, до самого окончания своего творческого пути, почти совпавшем с завидной длительности жизненным, он основательно участвовал во всероссийском литературном процессе. Ведь для поэта, в отличии, например, от сугубого прозаика, многое значит аудитория, в том числе живая, эстрадная. Отсюда и его непереносимое участие в литературных поездках: конкурсы, юбилейные встречи, памятные поэтические дни. Легок на подъем, неутомим, общителен.

Крепкий, коренастый, невысокий – типичный старотульский облик, так метко схваченные Лесковым и Успенским. Также и себе на уме, но необходимо для окружения, в положенную меру хитрован; в делах поэтических и общественно-литературных и себя не обидит – полный джентельменский набор признанного в Туле поэта: заслуженный работник культуры, Почетный гражданин, лауреат премии Тульского комсомола; другими гражданскими и литературными наградами не обделен... Но ведь и работал, не покладая рук, почти до окончания отведенного ему судьбой немалого срока: не только писал стихи и литературную публицистику, но всегда состоял и на конкретной редакторской работе: от редактора Приокского книжного издательства до главного редактора газеты Косогорского металлургического завода.

В самих его стихах подспудно проступает музыкальная, песенно-частушечная ритмика. Потому-то они так легко переключались на песенный лад. А песен на его стихи под три десятка написано разными композиторами. Опять же немало тому способствовал его музыкальный слух и от природы поставленный голос. Недаром после службы на Балтфлоте, как сам Ходулин часто вспоминал, колебался он: поэтом стать или певцом? И все это в чисто тульской «аранжировке». Словом, был искренним человеком, что не обижался на свое «тульское призвание», а почитал себе за честь.

В житейском плане, как всякий коренной туляк с традициями казюка, не гонялся за журавлями в небе, но поступал с деловой практичностью. Во всяком случае, не печатал в областных газетах стихов с пометкой «перевод с цыганского» (ставка гонорара за «национальную поэзию» выше!), как один из известных наших поэтов. И не скрывал побочных литературных доходов от уплаты партвзносов, как то практиковал еще более известный тульский прозаик... Но охотно верю своему знакомому, что в безденежные девяностые годы видел Ходулина в торговом центре продающим свои книги под собственное пение и аккомпанемент приятеля-гармониста... Ведь своим трудом – книгами и песнями – зарабатывал человек!

Опять же, как всякий потомственный (генофенотипически, позволим «ученное» слово вставить) туляк, с осторожностью общался в сфере провинциальных сильных мира сего: от службы не отказывался, но особо-то и не напрашивался. Когда дозволялось «свободой пошалить», то привык видеть Валерия Георгиевича на частых демонстрациях прежних лет, причем каждый раз идущего в рядах очередной новой, обычно умеренно-экзотической «партии». Когда же власть строжала, то и «шалости» нивелировались. Все как у людей здравомыслящих, коими наш город всегда славился (см. русскую классику). Опять же в этом ни для кого и ни для чего обидного нет: сами наедине с собой подумайте.

... Но до конца поэтическую свободолобовивость к субординации не приведешь ведь? Вспомните Пушкина с обилием его язвительных эпиграмм. Тем более, что родная тульская власть много почудесила в предыдущие года. Всем памятный градоначальник почти превратил наш сухопутный город в фонтанный Петергоф... хорошо хоть не в Венецию! А Толстовский сквер – в некоторое подобие погоста с покосившимися могильными плитами с текстами из Толстого. Причем на каждой плите выбито от одной до четырех грамматических ошибок (Харчиков и ваш покорный слуга сами считали). Многие другие чудеса творились.

Это мы к тому о прошедшем вспомнили, что время от времени по Туле ходили очень меткие стихотворные строки, явно из-под пера Валерия Георгиевича. Но сам он от авторства осторожно отказывался.

Вот расписался-то? И чем больше вспоминаю образ и облик *нашего* поэта, тем теплее на душе становится. Ведь Ходулин оказался волею судеб и завидного творческого и жизненного долголетия знаковой фигурой, а именно: связующим звеном, мостиком от прежней, «устоявшейся» областной писательской организации Союза писателей СССР к нынешнему слепку с нее, бледной полутени, лишь условно именуемой чем-то похожим... Помнится, при недавней выдаче новых членских билетов (СПР решил поправить финансовые дела, собрав со своих подопечных по тысяче рублевиков...) сказал Хо-

дулину: уже третья членская книжка на руках, начиная от краснообложечной, с тиснением ордена Ленина. Тот рассмеялся: э-э, почтеннейший, а у меня четвертая; первой была книжка в черных корочках! Истинно связующее звено...

И сейчас, два, редко три раза в год отбывая скучную, правда, короткую (а о чем говорить-то?), «повинность» присутствия на собраниях тульской писательской организации СПР, превратившейся в непонятное суконно-цинковое подобие общественной организации, с щемящей ностальгией вспоминаю ту прежнюю *нашу* организацию *профессиональных* писателей, из которых редко кто не учился в Литинституте или на Высших литературных курсах. А среди столь памятных лиц непременно присутствует Валерий Георгиевич.

... Очередное собрание в каминном зале Дома творчества. На правах «хозяина дома сего» Валерий Яковлевич дóбро и поощрительно оглядывает слетевшихся соколов острого писательского глаза и неустанных мастеровых гусиного пера. В президиуме почтеннейший Виктор Федорович и кто-то взятый писарем. Подтягиваются запоздавшие: Греков из своего Белева добрался, Панькин в тельняшке под расстегнутой на три верхние пуговицы рубахой... мы с однокашником Володей Суворовым – задержались в компании с Федором Дмитриевичем Поленовым (тот, правда, только заправлялся с дороги) в ресторанчике, что устроился в полуподвале творческого здания...

Ни единого сонного лица! На каждый, самый малозначительный вопрос повестки дня бурный отклик собравшихся. По поводу и без него негодует неугомонный Харчиков. Пешков, тоже не манкировавший ресторанчик, с кем-то сцепился и артистически-театрально хватается за спинку стула, поднимая его в направлении собеседника. Пронзительно-водянистым тенорком интригует Овинников, тогда только приступивший к сочинению многотомной эпопеи «Я и Вселенная» (что-то в этом роде...) и еще не печатающий своих визитных карточек с указанием диковинных реквизитов: доктор фило-

софии и филологии, генерал-майор казачьих войск и... летчик-космонавт СССР (!).

Полный восторг писательской раскрепощенности! Но и дела решаются неукоснительно. Особенно когда резюмируют Николай Константинович Дружинин, Сергей Иванович Галкин, редко, но метко вступающая Наталья Деомидовна Парыгина. И мало кто по существу может возразить логично составленным доводам Валерия Георгиевича Ходулина, который, как всегда, «только что из департамента культуры».

... Растрогался приятным воспоминаниям, скупая ностальгическая слеза выкатилась. Сходил на кухню, налил из заветной бутылочки империалистического виски «Макес Марк» (шт. Кентукки) стопку, ввел в организм. Они, мироеды, умеют качественные вещи делать, как говорил незабвенный Лёня Голубков из телерекламы *МММ* Сережи Мавроди, русского грека... Полегчало. И заодно ответу на вопрос, явно витающий в голове читателя (а остались ли они даже в единичном измерении? Вот в чем вопрос): а почему, дорогой автор этих воспоминаний, столь почитаемый вами Валерий Георгиевич не публиковался в редактируемых вами же «Приокских зорях»?

Ответу: у нас обычное правило не зазывать авторов на свои страницы. Ходулин же, а это явно не в его характере, не набивал себе цену, как тот же Овинников, что постоянно при встречах интересовался: «А что это вы не приглашаете меня, автора эпопеи... см. выше..., публиковаться в вашем журнале?» Просто он очертил себе свой круг общения с читателями, а журнал наш, вполне возможно, несколько настораживал его статусом всероссийского. Так нам представляется: Ходулин и Тула – это поэтический симбиоз.

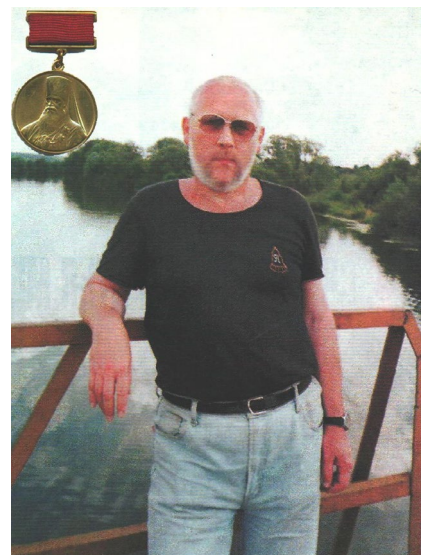
... Очерк этот пишется к первой годовщине ухода Валерия Георгиевича из столь посуровевшего нынешнего мира. Он пробудет в долгой памяти туляков... пока не исчезнет последний читатель, что не исключено.

Мир праху твоему, дорогой Валерий Георгиевич!

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ

Алексей Афанасьевич Яшин

Известный российский писатель, прозаик и литературный публицист, Алексей Яшин родом из мурманского Заполярья, родился в 1948 году в семье военного моряка-севморорца Афанасия Андреевича Яшина, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны в составе Северного флота СССР, и Марии Андреевны Яшиной (Третьяковой). Отец, из калужских староверов-«поповцев», служил на Северном флоте с 1936 года; мать из архангельских поморов, приехала в Заполярье после войны. До 1966 года семья проживала на маяках Кольского залива: Белокаменском, Палагубском, островов Седловатого и Большого Оленьего, затем в Полярном – до 1950-х годов главной базы Северного флота, ныне Городе воинской славы и главной базы Краснознаменной Кольской флотилии Северного флота. В 1966 году семья переехала в Тулу.

После окончания радиотехнического факультета Тульского политехнического института два десятка лет трудился в Конструкторских бюро Тулы, участвуя в разработке спецтехники по линии Оборонпрома СССР в должностях инженера-конструктора, руководителя группы, начальника патентной

службы. Одновременно заочно учился на матмехе Ленинградского госуниверситета и в Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР, защитил диссертации кандидата и доктора технических наук в Московском авиационном институте. С начала 1990-х годов, как сам А.А. Яшин говорит, «сменил радиофизику на биофизику», стал первым заместителем – замом по науке директора Государственного НИИ новых медицинских технологий и профессором Медицинского факультета (сейчас института) Тульского госуниверситета, где трудится и поныне. Защитил диссертацию доктора биологических наук, получил ученые звания профессора по кафедре ЭВМ и профессора по специальности «Медицинские приборы и системы». Был удостоен званий Заслуженного деятеля науки РФ, Почетного радиста России. Создатель и руководитель всероссийских научных школ «Биофизика полей и излучений и биоинформатика» и «Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которых А.А. Яшиным подготовлены 10 докторов и 20 кандидатов технических, биологических, медицинских, физико-математических и педагогических наук. Заместитель главного редактора и член редколлегии ряда всероссийских научных журналов (Москва, Тула, Самара). Автор 1015 научных работ, в том числе 60 монографий, 40 изобретений и двух зарегистрированных научных открытий. Лауреат научных премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и старейшей в России Макариевской премии за 2022 год. Награжден медалями им. А. Нобеля, В.И. Вернадского, Н.И. Вавилова, И.П. Павлова, С.П. Боткина и И.М. Сеченова. Удостоен академических званий «Основатель научной школы», «Заслуженный деятель науки и образования», «Почетный изобретатель Европы» и «Почетный деятель науки Европы» (Германия, Ганновер). Почетный член (консул) Кембриджского международного биографического центра (Кембридж, Англия). Его имя внесено в различные энциклопедии и биографические словари России, США, Англии и Швейцарии, в «Википедию». Действительный член ряда российских, зарубежных и международных академий, в том числе Российской Академии военных наук.

В литературу Алексей Яшин пришел, по его словам, *наитием*: увидел в «Литературной газете» весной 1975 года объявление о приеме в Литинститут, написал положенное число страниц прозы для участия в творческом конкурсе, поступил и окончил «Школу Горького» (она же «Дом Герцена») в 1981 году (семинар Бориса Михайловича Зубавина – первого главного редактора возобновленного «Нашего современника»). Первая публикация тогда же в свердловском «Уральском следопыте» – с тем же тиражом, что и популярнейшая «Юность». До окончания советского периода истории страны успел издать в Приокском книжном издательстве сборник рассказов и повестей «На островах» (дипломная работа в Литинституте), роман «В канцелярии», повесть «Конторский детектив» в журнале «Ясная Поляна»; был принят в Союз писателей СССР (по рекомендациям Ивана Панькина, Юрия Щёлокова и Сергей Галкина).

Начиная с книги «В канцелярии» (1991), в романах «В конце века» (2001), «Историк и его История» (2004), «Подводная лодка «Капитан Старосельцев» (2006), «Любовь новоюрского периода» (2009), «Страна холода: Детство в Гипербореях» (2009), «Катехизис идеалиста» (2010), «Сны и явь полковника Хмурова» (2011) и так далее (на сегодняшний день издано три с половиной десятка книг*), Алексей Яшин «параллельно» развивает две свои основные темы: советское Заполярье и Северный флот СССР по памятным впечатлениям детства–отрочества–юности и наша современность, включая уникальный цикл полутора десятков романов-новеллино под объединяющим названием «Книги рассказов Николая Андреевича»... это как у Бальзака «Человеческая комедия» или «Великие творческие эпохи» Ромена Роллана... но автору, конечно, ближе пушкинские «повести Белкина».

Отметим, что о творчестве Алексея Яшина можно прочитать в книгах-исследованиях: Леонид Ханбеков «Тульский энциклопедист: Штрихи к творческому портрету Алексея Яшина». – М.: «Московский Парнас», 2008; Ната-

* С книгами Алексея Яшина, изданными преимущественно в издательстве «Московский Парнас», а также в тульских издательствах и в издательстве «Новые Витражи» (Москва), читатель может ознакомиться в библиотеках Тулы и на сайтах журнала «Приокские зори» www.pz.tula.ru и ТО СПР www.tro-spr.ru (в PDF-форматах).

ля Квасникова «От сатирика слышу!.. Одна из ипостасей творчества Алексея Яшина». – М.: «Московский Парнас», 2013; Владимир Трусов «Иронический оптимизм сожаления: Тетралогия Алексея Яшина». – М.: «Новые Витражи», 2020, а также в недавно изданной книге ведущего литературного критика из Белоруссии Людмилы Воробьевой «Миг надежды, чуда, вдохновения... Литературная критика». – М.: Ред.-издат. дом «Российский писатель», 2022. – 608 с. (С. 265–310). – Без труда можно найти на сайтах интернета.

Литературный процесс «не едиными своими книгами движется». Так и Алексей Яшин активно публикуется практически во всех известных литературных журналах: от изданий с «советской биографией» – «Север», «Подъем», «Дон», «Дальний Восток», «Уральский следопыт» до возникших на рубеже веков и тысячелетий и занявших достойное место во всероссийском литературном процессе: «Московский Парнас», «Бийский Вестник», «Огни над Бией», «Врата Сибири» (Тюмень), «Тарские ворота» и «Иртышь – Омь» (Омск), «Северо-Муйские огни» (Северомуйск), «Истоки» (Красноярск), «Параллели» (Самара), «Донская сотня», «*Literra*» (Москва), «Смоленский литератор», «Общеписательская Литературная газета» (Москва), «Русскоязычная Америка NY» (Нью-Йорк)... Можно еще с десятков названий привести. Добавим сюда белорусские журналы, издающиеся в Минске: «Новая Немига литературная» и «Западная Двина». Всего порядка тысячи публикаций.

Многие из книг Алексея Яшина отмечены российскими, белорусскими и международными литературными премиями. На сегодняшний день он является лауреатом премий им. Л.Н. Толстого (дважды), А.С. Грибоедова, Г.Р. Державина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, В.В. Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, Ярослава Смелякова, Вениамина Каверина, премии «Белуха» им. Г.Д. Гребенщикова и «Московского Парнаса», премии им святителя Макария, митрополита Алтайского, дипломант II Филофеевской премии, лауреат белорусских премий им. Симеона Полоцкого и им. Вениамина Блаженного.

Награжден Почетной грамотой Министерства культуры РФ и Благодарностью Министра культуры РФ. Кавалер литературных орденов «Г.Р. Державин», «М.Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Награжден многими литературными медалями, в том числе «100 лет со дня рождения М.А. Шолохова», «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», «К 75-летию Литературного института им. А.М. Горького», «190 лет со дня рождения Н.А. Некрасова», «300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова», Золотая медаль В.М. Шукшина и др.

... Опять же истинный писатель не стремится замкнуться в своем творчестве; вспомним как Пушкин в своих письмах к князю Вяземскому восклицал, что мочи нет, как хочется издавать журнал. А Крылов со своей «Почтой духов», Некрасов с «Отечественными записками», Достоевский с «Временем», «Эпохой» и моножурналом «Дневник писателя»? Все это именуется активным участием в литературном процессе своей страны. Так и Алексей Яшин вносит свой (существенный) вклад в современную русскую литературу. Он не только публикуется во многих литературных журналах, но активно участвует в текущей работе некоторых из них: является членом редколлегии журналов «Московский Парнас», «Истоки» (Красноярск), «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия), «Западная Двина» (Минск, Белоруссия), нескольких тульских альманахов. Ареал его участия во всероссийском литературном процессе еще более расширился с избранием академиком и членом Правления Академии российской литературы, а также членом Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» – творческой организации русских писателей Белоруссии.

Однако высшей формой участия в общенациональном литературном процессе является именно инициация создания и редактирования всероссийского литературно-художественного журнала. Для Алексея Яшина эта «пушкинская мечта» сбылась в 2005 году. По совету Николая Николаевича Минакова, видного тульского писателя-публициста и литературного организатора, начиная еще с 70-х годов, когда он являлся заведующим сектора печати в об-

коме КПСС, Яшин берется, что называется «с нуля», за издание «толстого» литературного журнала с данным им символическим названием «Приокские зори»... именно приокские, поскольку наша область граничит на западе и на севере с другими регионами именно по «самой русской реке» Оке.

Риторический вопрос: что движет человеком, особенно в наше неуютное во всех отношениях время, абсолютно без всякого внешнего финансирования и, что называется, без какой-либо «общественной поддержки», да еще при свершившейся в девяностые годы утрате массового читателя: своего рода литературной девальвации, когда на смену десяткам миллионов пришли – дай-то бог! – считанные тысячи? Все меркантильное, лавролюбивое и самолюбивое, карьеристское и пр. по части утилитарной этики здесь напрочь отменяется самим (уточняющим) содержанием заданного вопроса. Опять же все это не в характере человека со смешанным старообрядческим и военно-морским воспитанием, впитанным на арктическом берегу («А мы ребята семидесятой широты»)...

Попутно заметим, что именно в те же первые годы нового века и тысячелетия начали издаваться *практически все* современные журналы, названные выше (и с пяток неназванных), на которых сейчас и держится (рука не поднимается написать «теплится»...) русский, российский литературный процесс, наша литературно-художественная жизнь. Сказано к слову, но – многое объясняет и вселяет долю оптимизма. Эти журналы – дружественные «Приокским зорям», их главные редакторы хорошо нам знакомы, поэтому смело утверждаем: они «того же поля ягоды», что и главред нашего издания: истинные подвижники русской словесности, своего рода Дон-Кихоты эпохи безвременья и глобалистского расчеловечивания. Честь и хвала им! Здесь и добавить больше нечего.

... Тем более, что традиции издания «толстых» литературных журналов в Туле практически нет; только на рубеже 80–90-х годов несколько лет выходил журнал «Ясная Поляна» в «комсомольском формате». А становление нового периодического издания, создание работоспособной редакции и редкол-

легии (при нулевом финансировании, повторимся), главное – выработка и утверждение в сознании читателей и авторов своей, отличной от иных журналов, литературной, художественно-эстетической, идеологической и иной доминанты – дело архисложное, укладывающееся почти в десятилетие, требующее от главного редактора и его верных помощников невероятных, не побоимся этого слова, усилий. Творческая организация издания имеет два логических ударения; порой «коня и трепетную лань» приходится впрягать в громоздкую повозку, носящую название <имя рек> журнала.

Чтобы не растекаться мыслию по древу познания и знания, опустим прошедшие семнадцать лет «бури и натиска» и кратко аннотируем *status quo* сегодняшнего дня «Приокских зорь», не забыв выразить благодарность Тульскому госуниверситету, который в ректорство Эдуарда Михайловича Соколова – пусть земля ему будет пухом! – в первые семь лет (самые трудные) издания журнала бескорыстно печатал его тираж, то есть 250 экземпляров, что солидно по нынешним временам.

Итак, имеем (надеемся, ценим, что имеем...) с официальным статусом всероссийский ордена Г.Р. Державина (другие награды: медали Н.А. Некрасова и М.В. Ломоносова – основоположника современной русской поэзии) литературно-художественный и публицистический журнал, издаваемый под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, при организационной поддержке Тульского госуниверситета и Тульской организации (ТО) СПР. Журнал выходит ежеквартально под девизом «Журнал классической традиции» как печатный орган ТО СПР объемом 280–300 страниц. Форма издания: в электронном и в печатном (по заказам) виде. Журнал литературно шефствует над Северным флотом России. Включен в список периодических изданий, публикации в которых, согласно постановлению Правления Союза писателей России, засчитываются при вступлении в СПР.

В инфраструктуру журнала входят его четыре периодически издаваемых (от одного до трех выпусков в год) альманаха: литературно-художественные «Ковчег» (главный редактор Я.Н. Шафран) и «На крыльях Пегаса» (главный

редактор Э.П. Георгиевский) и музыкально-поэтические «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главный редактор обоих С.В. Сенин). Также под эгидой «Приокских зорь» издаются две серии авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори» (издано под сотню книг) и «Приложение к журналу «Приокские зори» (издано три десятка книг). С 2009-го года за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» решением редакции и редколлегии его авторам присуждается ежегодная литературная премия «Левша» им. Н.С. Лескова, имеющая статус всероссийской. Премия присуждается в четырех номинациях: художественная проза, поэзия, литературная публицистика, литературоведение и литературная критика.

... Много это или мало для журнала? Сложившееся мнение наших авторов и читателей со всего «земшара» (по В.В. Маяковскому): журнал «Приокские зори» – уникальное явление современной русской (российской) литературной жизни, неотъемлемая часть всероссийского литературного процесса. Не без основания в приокских регионах бытует мнение, что журнал «Приокские зори» с его обширной инфраструктурой во многом консолидирует творческие литературные силы Тульской и соседних областей. ... Мы из скромности не опровергаем это мнение.

О руководимом им журнале Алексей Яшин обычно отвечает словами известного «политического остряка», рейхсканцлера Германской империи Отто Бисмарка фон Шёнгаузена: «Русский долго запрягает лошадь в телегу, зато потом быстро едет». Дай бог, чтобы у каждого отечественного литературного журнала был такой запрягающий, при быстрой езде не сворачивающий с торной дороги, простирающейся по равнине русской словесности!

... Сам Алексей Яшин полагает началом своей профессиональной литературной деятельности окончание им Литературного института, а это уже юбилей: сорок лет!

Редакция журнала «Приокские зори»

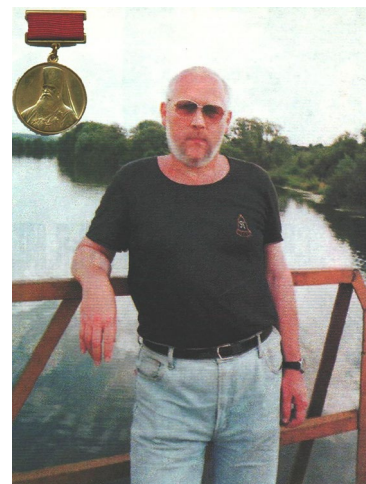

На фотографии: по поручению сопредседателей Комитета по Макариевским премиям, Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, президента Российской академии наук, академика РАН Г.Я. Красникова и мэра Москвы С.С. Собянина ректор Тульского госуниверситета О.А. Кравченко вручает А.А. Яшину знаки лауреата Макариевской премии за 2022-й год.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор все-российского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ВЕТЕР ИСТОРИИ

Понятные ассоциации к некоторым литературным юбилеям

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф.М. Достоевский

«Преступление и наказание»

◆ Понятно, речь пойдет о Сталине. О ком же еще сейчас говорить? Миготом вспомнился мой давний коллега по инженерной работе в «лихие девяно-

стые», когда имя Генералиссимуса тоже с языков не сходило... хотя бы в противоположной нынешней, негативной оценке. Вот входит почтенный Иван Иванович Гражданников (ФИО ему, сироте, дали в детдоме во время Отечественной войны), умудренный опытом нелегкой и разнообразной в нашем отечестве жизни матерый инженер-оружейник в курилку поутру, засмаливает «приму», усмехается. Мы, инженерная молодежь, с вопросами: дескать, что так или не так по второму году первой капиталистической пятилетки? Он же отвечает: «Вчера прихожу с работы домой, а в почтовом ящике свежая «Литературка» – дочь, учительница, выписывает. Поужинал со стопкой «столичной», прилег на диванчик, развернул многостраничную газету посередине, а там, на весь разворот, заголовок: «Кто убил Лермонтова?» Сплюнул, читать не стал: кто убил? Разумеется, Сталин убил!»

А чему тут удивляться? Иногда ненароком взглянешь на телеэкран, а там актеры, играющие выдающихся политологов, вдумчивых историков-аналитиков, потомственных литературоведов (эти с бородками), запиаренных писателей, руководителей и президентов околонучных фондов и центров... так вот все они хором, в унисон, а то и на два, три и более голосов, поют осанну Иосифу Виссарионовичу. Присмотришься к их вдохновенным лицам (по высшей ставке гонораров трудятся, ибо остепененные!) – ба! да это все те же, только обликом на три десятка лет помоложе, в девяностые годы на тех же телеэкранах, только без нынешних китайских цап* -причандалов, до хрипоты, до плескания друг другу в морду лица воды из стаканов, спорили: сколько десятков миллионов людей зарезал (именно зарезал!) Ленин и расстрелял Сталин – значит, гуманист: не резал, а просто стрелял... Что здесь сказать? На то и профессия актерская: платят за исполняемые роли, но не за пресловутые личные убеждения.

Но как по-детски, захлеб радовалась любому антисталинизму, вообще антисоветизму, сплошь либеральная столичная «антиллигенция»! Про которую намного загодя, более чем за сто лет, сказал не в бровь, но в глаз Досто-

* От ЦАП – цифро-аналоговый преобразователь (термин радиоэлектроники). – Прим. авт.

евский, что *русский* либерал потому ему и неприятен, ибо является *не русским* либералом.

Опять же припомнилась телетрансляция встречи эпатажного Эдуарда Лимонова с этой самой «антиллигенцией». Обмолвился он, что мечта его жизни – стать последним лауреатом Сталинской премии по литературе. Получив в ответ ледяную тишину зала, сам загрустил: понимаю, мол, не понравились вам мои слова...

Шутки шутками, но вот ваш покорный слуга имел серьезные шансы стать именно таким лауреатом. Когда к 130-летию со дня рождения Вождя была издана моя книга о нем*, то был приятно удивлен звонком от видного нашего литератора из правления Союза писателей России, известного организатора всероссийского литературного процесса (упоминать ФИО современников сейчас полагается некомильфо...), который сообщил, что рекомендует мою книгу – с хорошими шансами главное – на возобновляемую Сталинскую премию по литературе, оргкомитет которой сейчас формируется. Председателем его планируется Евгений Яковлевич Джугашвили, внук Сталина. Опять же нашелся долларовый миллионер-коммунист, обещающий взять на себя финансовую «нагрузку» под девизом: раньше на Сталинскую премию *можно было жить!*

Увы, восторг мой недолго длился: Евгений Яковлевич тяжело заболел, инсульт – наследственный недуг в роду Сталина, а миллионера-коммуниста поприжали с подачи «либеральной общественности». Чтобы «заиграть обиду», мой рекомендатель из руководства Союза писателей посодействовал отметить издание «Катехизиса идеалиста» менее экзотическим знаком внимания...

◆ А по части миллионеров-коммунистов ничего из ряда вон выходящего: в девяностых годах их, таких миллионщиков (не миллиардеров-олигархов, те иной породы и природы...) имелось достаточно. Даже парочка хороших

* Яшин А.А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление: Академия российской литературы.– М.: «Московский Парнас», 2010.– 373 с. (Библиотека журнала «Приокские зори») (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).– Прим. авт.

знакомых, бывших коллег по инженерному труду в тульской оборонке, в ряды таких вошли. Пригласив же менее удачливого в практической жизни приятеля, так и прозябающего конструктором, отобедать в братковской ресторации «Папа Бендер», раскрывали добрую русскую душу: «Я почему, Афанасьич, пошел в буржуины, так их разэтак? Надо же чем-то заниматься по молодой еще энергии, раз промышленность в стране полностью загнобили! Опять же секретарша нашей районной комячейки, старушка почтенная, в полный восторг приходит, когда я «котлету бабла» партвзносов приношу в конце месяца...».

Так начиналась наша гибридная жизнь – опять же в унисон мировой глобализации, куда затащили-таки нас империалисты, разрушив советскую державу. В очередной раз в истории, не поняв «загадочную русскую душу», империалисты-глобалисты сменили долларový пряник на военно-экономический кнут, ту же плетку-десятихвостку (по числу «пакетов экономических санкций»), не говоря уже о войне чужими руками – но своей англосаксонской головой, на пакости гораздой! История повторяется по диалектической спирали Гегеля – Энгельса (Маркс более на политэкономии напирал...): снова, как и при Иосифе Виссарионовиче, на Западе железный, огнедышащий занавес, на Востоке в ясную погоду с мыса Дежнева Аляска видна, а с самого южного острова Курильской гряды – остров Хоккайдо, который присоединить к СССР помешали Генералиссимусу америкосы. В протяженном же на семь часовых поясов южном подбрюшье затаилась сама себе на уме Азия: кто верх возьмет? Как тут не вспомнить Сталина? Деваться-то некуда.

... Впрочем чего агитировать «за советскую власть» – включите заполночь телеящик на канале, где самый популярный политкомментатор ведет свою «вечернюю» передачу. Он вам все дозволенное по полочкам разложит и разъяснит. Мы же о другом: о понятных ассоциациях в связи с двумя негромкими литературными юбилеями этого года, так или иначе связанными с фигурой Сталина: явно или опосредовано. Это, соответственно, 150-летие со

дня рождения видного французского писателя Анри Барбюса и 510-летие книги «Государь» Никколо Макиавелли. Ни много, ни мало, но вовсе не за уши притянута.

Опять же немного отвлечемся на сегодняшние реалии, то есть на огорчительную всеобщую литературную малограмотность... равно как и на любую иную. Ныне напрочь забытый на родине и у нас Анри Барбюс, автор ряда романов – самый известный «Огонь» (1916), коммунист, организатор антифашистских конгрессов в защиту мира и культуры, в первую половину тридцатых годов был частым гостем в СССР, тем более, что еще Ленин высоко оценил его романы «Огонь» и «Ясность» (1919) о формировании революционного сознания масс во Франции в Империалистическую войну. Он и скончался в Москве в тридцать пятом году. Книги его издавались в СССР большими тиражами, причем независимо от «текущего курса нашей партии». Их и Владимир Ильич читал в советском издании и в составе двухсоттомной Библиотеки всемирной литературы, роскошного издания, предпринятого в 60–70-х годах издательством «Художественная литература», Барбюсу отвели полный том под номером 136 с романами «Огонь», «Ясность» и «Правдивыми повестями». Это высочайшее признание! Понятно, что с конца восьмидесятых годов романы Барбюса уже не издавались. Но последней его книге «Сталин» с подзаголовком «Человек, через которого раскрывается новый мир» (М.: «Художественная литература», 1936.– 355 с.; на моем экз. стоит штамп парткабинета Тульского горкома ВКП(б) Московской области – тогда Тульской области не существовало), – понятно дело, повезло еще меньше. Названное издание вроде как и осталось единственным. Как и на родине Барбюса.

И исторические сочинения Никколо Макиавелли (1469–1527), занимавшего высокую должность секретаря Совета десяти Флорентийской республики, но с приходом к власти клана Медичи отстраненного и высланного в свое имение Сан-Кашано, а именно «История Флоренции» и «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», мало беспокоили в России, как говорится, ца-

рей, генсеков и иные власти. Лишь знаковому сочинению Макиавелли «Государь» (1513, опубл. в 1532 – в некоторых дореволюционных изданиях именовалось как «Князь») временами не везло: в некоторых католических странах вплоть до восемнадцатого века и в СССР его не издавали. Впрочем, причина одна: посягательство на христианскую, она же социалистическая («Моральный кодекс строителя коммунизма»), мораль. ... Поскольку сейчас просвещение широких масс, в том числе и историческое, ведется исключительно через телеэкран, то напомним эпизод из турецкого сериала «Великолепный век», которым канал «Домашний» отвлекал народ от тягостных раздумий в начале и в окончании известной (рукотворной) пандемии, когда султан Сулейман Первый Кануни (то есть Законник) изъявил желание ознакомиться с «Государем». Венецианские купцы книжку эту привезли в Стамбул, но на стол султана положили ее, стараясь не прикасаться голыми руками – от отвращения к содержанию.

По бытующему мнению – родом из времен первой, хрущевской, и второй, либеральной девяностых годов, волн антисталинизма – Отец народов постоянно держал «Государя» дореволюционного издания на своем рабочем столе в качестве ежедневного справочника – руководства к действию. Кстати говоря, во вторую волну к числу настольных книг наиболее ретивые обличители добавляли «Майн Кампф». Таковой был действительно издан в тридцатые годы в СССР крохотным тиражом (это как сейчас) с грифом «Для служебного пользования» – для ознакомления руководства ВКП(б) с понятной целью: чтобы успешнее противостоять врагу, надо знать его оружие (см. «Поднятую целину» М.А. Шолохова – слова есаула Половцева).

Дай волю, эти же обличители на взрыве волны антисоветизма-антисталинизма (то есть между чубайсовской прихватизацией и обвалом только что деноминированного рубля) запросто, ничтоже сумняшеся, могли бы положить на стол Генералиссимуса и «Лолиту» Набокова с «Эдичкой» того же Лимонова, будь они изданы до 1953 года...

Разумеется, «Государь» числится в списке пяти с лишком тысяч книг со сталинскими пометами, а с Анри Барбюсом Вождь встречался и пространно беседовал.

Итак, два негромких юбилея этого года в соотнесении с выдающейся личностью Иосифа Виссарионовича.

♦ «Сталин» Анри Барбюса в советском читательском обиходе продержался менее десяти лет. С середины пятидесятых годов был напрочь директивно изъят. Впрочем, уже через год-другой после издания в 1936 году «Сталин» Барбюса как-то ушел в тень, ибо многие имена, названные автором в позитиве, усилиями Ежова были «нивелированы»... С тех пор и поныне этой книги как бы не существовало; ни в каких справочных, энциклопедических изданиях, в предисловиях к изданию других книг Барбюса эта его работа даже намеками не упоминается... впрочем, нет! Как-то все в тех же девяностых годах разгула либерализма-антисоветизма встретил одно упоминание: лихой журналюга сравнил «Сталина» с «Кратким курсом истории ВКП(б)», а еще более со скандально известной книгой Лаврентия Берии*.

Ладно советские послесталинские и последующие, уже не советские времена; здесь все же сугубая идеология была и есть причиной замалчивания «Сталина» Барбюса. Но Европа-то с ее претенциозной демократией и священной свободой слова? – Почему же, словно сговорясь, такие гиганты, весь цвет европейской литературы, как Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Андре Жид с Лионом Фейхтвангером**, Эмиль Людвиг, в середине тех же тридцатых годов посетивших СССР, встречавшихся с Иосифом Виссарионовичем, другими крупными советскими руководителями, нескрываяемо и убежденно признававшими себя (кроме Андре Жида, под маской объективизма мелочного критикана) сторонниками советского социализма и решающей роли Сталина в укреплении и дальнейшем движении страны... словом,

* Самое роскошное – это третье издание: Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье (Доклад на собрании Тбилисского партактива 21–22 июля 1935 г.). 3-е изд.– М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938.– 183 с.

** Два взгляда из-за рубежа: Андре Жид. Возращение из СССР: Пер. с фр.; Лион Фейхтвангер. Москва 1937: Пер. с нем. / Предисл. А.У. Плутник; послеслов. Н.Я. Эйдельман.– М.: Политиздат, 1990.– 272 с. ил.

ни один из них не упомянул знаковую книгу Барбюса. И вообще о его пребывании в Советском Союзе!

Вот такая интрига с несколькими неизвестными, причем из различных политических, идеологических и иных сфер, уже под девяносто лет как закрутилась, так и не имеет тенденции проясниться.

У всех названных выше европейских писателей, побывавших в СССР в тридцатые годы и оставивших свои впечатления в виде очерков, мемуаров, журнальных публикаций, а то и вовсе посвятивших этому пребыванию книги, как Барбюс, Жид и Фейхтвангер, доминируют – и коррелируют, конечно! – две темы: об общем положении дел в стране, ее несомненных успехах, невиданных достижениях, феномене воспитания нового, социалистического человека и политических процессах тридцать пятого – тридцать седьмого годов с их нарочитой показательностью. В основном акцент ставился на первой теме, а что касается «образцово-показательных» процессов, то здесь мнения разделялись: те же Барбюс и Фейхтвангер приводили аргументы о неизбежности, вроде как и необходимости такой чистки в руководстве советской страны; Андре Жид считал их чрезмерно строгими, не совсем логически объяснимыми, вредящими авторитету первой социалистической страны. Наконец, другие из названных писателей совсем не акцентировали внимание своих читателей на внутривнутриполитической борьбе в СССР. Возможно, они просто опасались повредить столь понравившейся им стране. Может и иные мотивы ими руководствовали... Но вернемся конкретно к «Сталину» Барбюса, последней книге крупнейшего французского писателя первой половины XX века.

◆ Эта книга вовсе не панегирик Вождю, хотя бы из-под пера автора и выходили строки навроде: *«После смерти человек живет только на земле (по всей видимости, переводчик не совсем аутентично передал здесь образность французского языка? – А.Я.). Ленин живет всюду, где есть революционеры. Но можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин – это Ленин сегодня».*

Барбюс – писатель яростный, один из лучших представителей европейских революционных писателей первой трети XX века, а от окончания века предыдущего за ним стоит выверенный реализм великой французской литературы. И его искреннее восклицание Сталиным – не столько персонификации, но признание заслуг его, взвалившего на свои плечи непосильный груз ответственности за огромную страну, совершающую невиданный доселе целенаправленный переход от одной общественно-экономической формации к другой, еще не апробированной Историей.

А упреки, прямое злословие относительно «переписывания» «Краткого курса ВКП(б)»? Их причина скорее в самих злопыхателях: своего рода социальный заказ... заказчики же слишком хорошо известны. Если и выискиваются на первый, неискушенный, взгляд определенные параллели, то только у тех, кто не понял ту сверхзадачу, которую Барбюс поставил себя, создавая «Сталина»: осознав грандиозность советского свершения, фактологически донести эту правду до европейцев, прежде всего соотечественников-французов. Ибо именно во Франции, цитадели буржуазного либерализма, в перерыве между Первой и Второй мировых войнах наблюдалось стойкое неприятие советского социализма. В особенности в среде мелких и средних буржуа-рантьееров, потерявших свои акции французского займа царю Николаю Второму, не признанного Советской Россией. В отличии, например, от догитлеровской, веймарской Германии, хорошо помнившей свое бурное революционное прошлое 1918–1920-х годов с ее сотысячными шествиями ротфронтовцев-коммунистов Тельмана и Советской Баварской республикой. Как и мадьяры помнили Советскую Венгрию, а итальянцы те же бурные годы и социалистическую программу Антонио Грамши, присвоенную потом Муссолини.

Самое существенное, что Барбюс со своим «Сталиным», другие прогрессивные французские писатели двадцатых-тридцатых годов во многом подготовили приход к власти во Франции социалистического правительства... увы, ненадолго и «смятого» началом Второй мировой войны.

... Это скорее советский читатель, знакомясь с только что вышедшей в 1936 году книгой Барбюса, мог в чем-то ассоциировать ее содержание с – условно говоря – «Кратким курсом». Но автор «Сталина», еще раз повторимся, писал преимущественно для зарубежного читателя. А ведь тогда все зарубежное, исключая Монголию и Тувинскую народную республику, было сплошь капиталистическим ареалом... или колониальным, для которого понятие осознанного чтения являлось, мягко говоря, абстрактным.

То есть Барбюс творчески изучил огромный материал по истории Советского Союза, Октябрьской революции, истории становления ВКП(б), документы социалистического строительства, все написанное (на европейских и русском языках) о Сталине. И, составив свое мнение, изложил *свой* взгляд на короткую еще историю СССР и роль Сталина в ее становлении. Для него Вождь не бронзовый бюст, но... лучше дадим слово самому Барбюсу в его книге: *«Грандиозна задача воссоздать облик человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического бойца, сквозь который видны миры и эпохи. Следуя за ним по путям его жизни, мы вступаем на почву истории, мы бродим по нехоженым дорогам, мы соприкасаемся с еще не опубликованными главами библии человечества. Документы стекаются, нагромождаются со всех сторон. Их слишком много, и слишком многое открывается перед нами в этих обновленных горизонтах. Приходится прорубаться сквозь факты и документы, приходится расчищать просеки в этой еще горячей, еще взволнованной и живой энциклопедии».*

Только литературный классик мог столь образно сказать небольшим числом слов о долгом и многосложном пути крупнейшего политического деятеля XX века!

Книга написана с большей любовью к советской стране, к ее людям, к ее признанному Вождю, которому посвящены главы с характерными названиями: «Революционер царского времени», «Гигант», «Железная рука», «Человек у руля».

При чтении книги Барбюса, а она читается именно в один присест! и не только людьми с «направленным» историческим интересом, облик Сталина и его образ – это различные понятия – воспринимаются не сусальным «богом, царем и героем», но именно в контексте руководителя, организатора величайшего хода Истории – построения бесклассового государства, социума без атавизма частнособственничества, человека, пришедшего «в нужное время в нужном месте». Образ Сталина – его характер. *«История его жизни – это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917, когда он не совершал бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это – железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин – сталь* . Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила – это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота, твердость и сила решений, постоянная забота о подборе людей».*

... Среди тысяч книг, рассказов, поэм и стихотворений о Сталине, от «километров» стихов Джамбула до восторженных строк и строф юного еще, начинающего поэта с сибирской станции Зима Евгения Евтушенко, «Сталин» Барбюса стоит совершенно особняком. Это не восторг и искреннее восхищение литературно-политического неофита, не отечественная «датская» поэзия и заказная (не Сталиным, конечно!) суконно-цинковая, одновременно сусально-слюнявая, проза, не апофеоз победителей в послевоенных кинофильмах. Тем более это не «Ленин у прямого провода» живописца Грабаря, в начале «хрущевской оттепели» переписавшего эту свою картину, заменив Сталина на управделами Совнаркома Бонч–Бруевича... Нет в «Сталине» и той нарочитой «серьезности по пустякам», как, например, Мариэтта Шагинян, писательница серьезная (это не тавтология!), советский классик, в своих

* Как это ни странно, но нигде не встречал даже намеков на происхождение фамилии-псевдонима... а ларчик просто открывается: фамилия отца Сталина – осетинская (помните у Мандельштама: «Для него что ни казнь, то малина, и широкая грудь осетина»). Издевательство, конечно, но хоть национальность верно указана... – Джугоев, а по-осетински джуга – железо, сталь. Так что Сталин только перевел родовую фамилию на русский... Джугашвили же у его отца-сапожника – это огузиненный вариант Джугоева, после переселения в Грузию.

«Четырех уроках у Ленина» многостранично повествует, как она постранично перелистывает книги из кремлевской библиотеки Владимира Ильича, фиксирует вроде как выцветшие карандашные точки и «галочки», возможно начертанные рукой Ленина, и размышляет: а что тот хотел сказать такими отметками? Объективизм и факты, личная позиция – вот движители «Сталина» Анри Барбюса.

◆ Главным объектом либеральной шизофрении «лихих» (во всех отношениях) девяностых годов, в частности, в отношении книг Барбюса, Андре Жида и Лиона Фейхтвангера об СССР тридцатых годов, конечно же было их отношение советской власти к оппозиции. Мы намеренно апеллируем к советской власти, вообще к руководству страны, а не используем пущенную мстительным Хрущевым формулировку «сталинские репрессии» и ее варианты: «сталинские лагеря», «сталинский террор», а также другие вариации, «воспетые» выдающимся сочинителем – пресловутым «вермонтским отшельником». Не слишком ли много персонифицируется в отношении Вождя и Генералиссимуса? Он и за «великий перелом», то есть создание индустриально-аграрной великой державы, ответственен, и за Отечественную войну с ее победой, и за борьбу с оппозицией, грозившей стать пятой колонной?

С другой стороны, все взвалив на Сталина, либеральная тусовка тем самым... возвела его на высочайший пьедестал личного величия! То есть заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет. Сам бы Отец народов по этому поводу, набив знаменитую трубку табаком из переломленных папирос «Герцеговина флор» (сам курить в старших классах начинал с таких, в глянцево-черно-зеленых пачках...), усмехнувшись, переиначил бы ранее сказанные свои слова, дескать, не надо гнушаться брать у наших врагов то полезное, что пойдет на пользу Страны Советов... в том числе и в части пропаганды.

... И хотя, говоря словами Твардовского, «города сдают солдаты, генералы их берут», но вот Генералиссимус-то своей страны не сдал и еще треть мира от капитализма-империализма отлучил! Что-то и до сих пор в такой от-

лучке пребывает. Однако – к самой щекотливой теме: борьба ВКП(б) во главе со Сталиным с оппозицией.

Сам Иосиф Виссарионович (в беседе с Коллонтай) провидчески сказал, что после его смерти много мусора на его могилу (которую он обрел после выноса из мавзолея...) нанесут, но *ветер истории* его развеет. Понятно, он прежде всего имел в виду жестокую, беспощадную, но неизбежно-необходимую борьбу с внутренними врагами: генеральную чистку перед смертельной схваткой с врагом внешним. И Барбюс правильно, без интеллигентских слюнявых экивоков на «жестокость тирана» тогдашней либеральной Европы, которая уже через немногие годы будет лизать пятки Гитлеру и работать на фатерлянд и его вермахт, гестапо и СС тож, пишет о борьбе с оппозицией и роли Сталина в ней – о борьбе под его руководством.

Для слабо помнящих «Краткий курс», что под названием «История КПСС» преподавали в советских вузах, напомним: имели место схватки Сталина и ВКП(б) с оппозицией «в два приема», во второй половине двадцатых годов и в той же половине тридцатых... История! – как ты близка и далека одновременно? Вот недавно, по какому-то поводу, с мистическим восторгом сосчитал по годам и предкам своим и вышло, что я всего лишь в *третьем поколении* не родившийся крепостным! Хотя мать из архангельских поморов, где крепостного права никогда не было, но вот калужский дед отца хотя и не задолго до манифеста царя Александра Второго Освободителя (двойного: русских крестьян и балканских славян), но все же в крепости на свет появился. А вот я сам («с усам» и с бородой) и вовсе в *первом поколении* (!), родившийся не под царским скипетром: мать появилась на свет в разгар Империалистической, а отец, «разогревшись» парой стопок, обычно молчаливый, как истинный потомок старообрядцев, повеселев, с юмором называл себя царско-подданным... хотя бы всего четыре дня; на пятые сутки его младенчества царь Николай отрекся от престола.

... Это историко-лирическое отступление к тому, что отец мой – после тех же двух стопок, – вспоминал свое калужское детство второй половины

двадцатых годов. Оставшись сиротой, жил в семье своей старшей сестры Полины, что уже была замужем за бравым старшиной-артиллеристом, значит моим (неродным) дядькой Лазарем Федоровичем, тоже из калужских староверов. А вспоминал отец за праздничным семейным столом, уже в тульское наше проживание, как он, третьеклассником, то есть в двадцать седьмом году, сидел со своими калужскими родичами перед домашней «радиоточкой», слушая выступление по местной радиотрансляции выступление Лазаря Федоровича, как раз только что переведенного по службе из артиллеристов в хозяйственное подразделение областного управления НКВД: там приглянулся по-крестьянски основательный, деловитый, сообразительный и мастеровитый старшина. А выступал он, член партии, по радио в обычной тогда ежедневной рубрике... что-то навроде «Публичная чистка партийных рядов», а проще это называли «разоружением перед партией». Вот и дядька Лазарь, по воспоминаниям отца, рассказывал о своем тяжелом деревенском детстве, раннем начале трудового пути, службе в Рабоче-крестьянской красной армии, вступлении в ВКП(б), верным ленинцем (тогда имя Сталина еще не присовокупляли) которой он был, есть и будет...

Сидящий за тем же столом Лазарь Федорович (в Туле жили в одном доме), уже в запенсионном возрасте, охотно поддакивал: «Да-а, были, Афанасий, времена, чистили нас, партийцев, в кабинетах и перед всем народом!» И за тем же столом, может и в другой раз накрытым, дядька Лазарь, обычно осторожный в словах – двадцать лет службы в самых бдительных «органах» давали себе знать, – рассказывал, как в тридцать седьмом году ему, уже старшему лейтенанту хозяйственного управления ленинградского НКВД, довелось сопровождать эшелон этапиремых в Воркуту заключенных, в основном уголовников, заметил он, – на воркутинские шахты. А «выдернули» его, сугубого хозяйственника, на этот эшелон только потому, что в Ленинграде в ту зиму свирепствовал грипп, людей не хватало: перед летучей заразой особо болезненного штамма даже обладатели фуражек с малиновыми околышками «разоружены»... Много чего «из первых уст» узнавал я в студенческие годы

от дядьки Лазаря в минуты его откровенности. А тому было о чем поведать, всю войну прослужившему в фронтовых частях НКВД главноуполномоченным по снабжению двадцати полков конницы этого ведомства, дослужившемуся до полковника и назначенного Берией в конце войны начальником лагеря для высших чинов немецких военнопленных, откуда «убыл» на одиннадцать лет отсидки по статье «за превышение власти»... Так и в интернете о нем обозначено.

Но именно от него я узнал о реалиях чисток в двадцатых и тридцатых годах, как от очевидца, а только им и следует доверять в части исторических событий, впоследствии неоднозначно, а порой и противоположно, трактуемых. «История – смеяться и плакать», как метко сказал кто-то из выдающихся мыслителей.

♦ Вот и Барбюс главу «Война с паразитической оппозицией» начинает с борьбы руководства ВКП(б) с оппозиционерами в 1927 году... да собственно этим периодам и ограничивается, поскольку «Сталин» создавался Барбюсом в 1935 году, еще до начала троцкистско-зиновьевских процессов, которые, ввиду их санкционированной публичности, и вызвали столь широкий резонанс, негативный для авторитета советского государства.

«В 1927 году, – пишет Барбюс, – оппозиционеры повели по всему фронту широкое наступление против руководства ВКП(б) и Коммунистического Интернационала. Оппозиция не раз выступала и прежде, активизируясь в различных обстоятельствах... но теперь она развертывалась методически и агрессивно, по определенному боевому плану. Огонь сосредоточился на Сталине, и именно в Сталине с потрясающей силой воплотилась защита линии большинства партии».

Именно с борьбы с оппозицией двадцатых годов и начинается рост авторитета Сталина как главного, системного, говоря современным языком, организатора строительства СССР и борьбы с его врагами на многих фронтах: от идеологического до хозяйственного. Отметим, что этот этап борьбы с оппозицией можно, во-первых, назвать условно «мирным»; во-вторых, он шел и в

глубь и вширь – по всей стране. Сразу вспоминается Лазарь Федорович с его личным «разоружением перед партией»... хотя бы никаких грехов за ним, простым воинским старшиной, не числилось.

Барбюс в своей книге прозорливо увидел в оппозиции второй половины двадцатых годов достаточно сильную, организованную структуру, достаточно неожиданную: *«Мы узнаем, что крупные революционеры, ответственные партийные работники вдруг начинают выступать против собственной партии, как враги, и партия обходится с ними, как с врагами».*

И дает свое понимание такого необычного явления: *«Личные соображения (оппозиционеров то есть.– А.Я.) играют в этом процессе гораздо менее значительную роль, чем может казаться... Это и придавало оппозиции большое значение, опасный размах: глубокие расхождения в понимании коммунистической теории вызываются расхождением... тенденцией. Уклон в практическом толковании теории, т.е. марксизма, неправильное понимание «своеобразия текущего момента» – может иметь неисчислимы последствия, может изменить направление всей политики. Ошибку в единичном факте можно исправить, как ошибку в вычислении. Но когда ошибочной является тенденция, то это уже глубокое искажение, начинающееся с самой основы, разрастающееся в геометрической прогрессии, влекущее за собой бесчисленные отклонения в деталях и способное не только привести к потрясениям, но и исказить историческую судьбу народа. Это – отклонение от линии великой, движущей партии. По своему происхождению оппозиция есть болезнь тенденций».*

Далее идет всеобъемлющее объяснение роли Троцкого, как организатора и движителя оппозиции в СССР, даже из своего зарубежного далека.

Таким образом, «параллельно» читая «Сталина» и шестисотстраничный сборник трудов Иосифа Виссарионовича «Об оппозиции», дополняя это чтение собственным здравым умом и общим знанием советской и мировой истории, приходишь к выводу, достаточно близкому к объективной истине. А таковая непреложно гласит: «первая оппозиция» второй половины двадцатых

годов полностью вписывается в формулу: классовая борьба обостряется по мере развития новой общественной формации, принадлежащую Гегелю (у нас – в смысловом пересказе), отвечающую его же, Гегеля, диалектическому закону единства и борьбы противоположностей. Заметим, что в периоды санкционированного антисталинизма (см. выше) эту гегелевскую формулу приписывали самому Сталину, с заменой слов «новая общественная формация» на «социализм». Понятно, поясняя, что «кровожадный отец всех народов» этим, якобы им сочиненным, высказыванием всего лишь хотел оправдать «свои преступления перед народом и человечностью». Ни много, ни мало.

И советская социалистическая формация с ее предтечей – Великой Октябрьской социалистической революцией, не является каким-либо исключением в историческом рассмотрении. Возьмите любой «революционный эпизод» в переходе от рабовладения к феодализму, а тем более от феодализма к буржуазному строю в Европе. Особенно хорошо документированный для Франции, всесторонне исследованный целым сонмом выдающихся историков: Мишле, Карлейль и с более громкими именами, в том числе и русскими: Грановский, Кропоткин, С.М. Соловьев и др. От Великой французской революции 1789-го года до наполеоновских войн и даже далее с всплесками реставрации на всю первую половину XIX века.

А в советской «зарубежной историографии», отнесенной к довоенным годам, когда собственно и состоялся Советский Союз с грядущим статусом мировой сверхдержавы, во многом, если не в основном, обязанный этим руководством Сталина, книга Барбюса является наиболее объективной в понимании сущности опережающего эволюционного хода Истории и роли ее руководителя, по сравнению с «Москвой 1937» Лиона Фейхтвангера и «Возвращением из СССР» Андре Жида, хотя бы тройка названных, на момент их пребывания в Советском Союзе, авторов книг о своих впечатлениях от поездки в страну победившего социализма, в те годы относилась к числу выдающихся европейских писателей. А Андре Жид в послевоенные годы и вовсе

стал нобелевским лауреатом по литературе. Тогда эту премию присуждали истинно по творческим заслугам... не как сейчас ее дают гитаристам и политически, естественно антисоветски, ангажированным журналистам.

Как и «Сталин» Барбюса, книги Андре Жида и Лиона Фейхтвангера даже оголтелые наши «либералы головного мозга» девяностых годов не рискнули отнести по разряду социального заказа, тем более какой-либо коммерческой или идеологической выгоды: у всех троих и без того достаточно было литературно-общественных пьедесталов. И рукой с пером не водили «агенты Кремля», что видно по полной свободе изложения. Как у Фейхтвангера: *«Демократический диктатор (это у автора подзаголовок к высказыванию. – А.Я.). «Чего вы, собственно, хотите? – спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему. – Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»*

В книгах Жида и Фейхтвангера, в отличие от «Сталина» Барбюса, четко прочитывается, во-первых, традиции их национальных культур-характеров; во-вторых, их собственная литературная и социальная доминанта. Если Андре Жид с его преемственностью от французской литературы второй половины девятнадцатого века, написал свою книгу сугубо художественно-очерково, то у Фейхтвангера в полной мере сказалась методичность, как принадлежность к традициям немецкой творческой культуры... хотя бы сам он и не был немцем по происхождению, отчасти и воспитанию.

Но здесь существеннее «во-вторых». Если Фейхтвангер как прибыл в СССР горячим апологетом восхищения первым в мире опытом строительства социалистического государства в советской его форме, так и уехал, отобразив это в своей книге, с тем же настроением. А беседы со Сталиным еще более убедили его, человека проницательного! в исключительности роли Сталина, как руководителя великой страны в великом ее мировом прорыве.

... А вот будущий нобелевский лауреат на поверку оказался типичным европейским либералом, для которого волки должны быть сыты при целых же овцах. И вся его книга, в общем-то, свелась к мелочному критикантству. Обидно за выдающегося писателя, автора великолепных, изысканных по форме романов: «Изабелла», «Подземелье Ватикана», «Имморалист», «Пасторальная симфония» – и особенно «Фальшивомонетки» (читал в свое время по четырехтомнику, как раз изданному в Ленинграде накануне приезда Жида в СССР). Как истинный европейский либерал, он отказывался держать в голове простую истину: великие дела, социально-революционные в первую очередь, в белых перчатках не делаются. Жаль, учитывая его родную, французскую историю, за полтора века (до 1930-х годов) долженствующую приучить к неуместности таких перчаток... «У них мундиры синие и сабли на боку. Огонь по линии! Ку-ка-ре-ку», – распевал Гаврош на баррикаде.

♦ «*Sives pakem, para bellum*», – сказал выдающийся стратег древности Кай (Гай) Юлий Цезарь, – «хочешь мира, готовься к войне». Весь предвоенный период, начиная с середины двадцатых годов, наша страна первоочередно жила и строилась в ощущении, нет скорее осознанном понимании, неизбежности большой войны с империалистическим окружением. Этого-то и не понял Андре Жид, но вот Барбюс и Фейхтвангер остро это почувствовали в своем пребывании в Советском Союзе, в беседах со Сталиным. Либерал он и есть либерал, французский ли, наш отечественный: покричать, пока это разрешено, а когда тучи над головами сгущаются, то уподобиться страусу с его «крылатой защитой». Словом, главная черта характера некоторого обобщенного либерала – отсутствие системного мышления, а в критических ситуациях – калейдоскопичность его. Так им, начиная с западного обывателя, Андре Жида тож, до наших либералов девяностых годов, впрочем, и поныне здравствующим с тем же умственным кругозором, тот известный факт, что Сталин держал, если не на рабочем столе, то на полке своей обширной библиотеки «Государя» Макиавелли, представляется, что руководитель советской страны поминутно справлялся с этой «справочной книгой». Допустим, как запросто

могли в девяностые годы «тиснуть в желтухе», принимая очередное, любимое свое решение (см. выше строки Мандельштама), – а ну-ка, брат Поскребышев, подай мне на подпись расстрельную папку номер девятьсот девяносто девять (это как нынешние цены в магазинах: традюксьон инс амэрикаиш...) – обязательно при этом полистает томик «Государя». Фазиль же Искандер в своих сухумских новеллах еще добавит бутылку «хванчкары», а Сталина изобразит как «беспреданно поправляющего ремень винтовки, сползающий с крутого плеча». Но – от фантазий либералов к предмету наших рассуждений.

Эпоха цивилизации и культуры – в устоявшийся ее письменный период – оставила нам немало памятников выдающейся социальной мысли, в том числе об устройстве государства, государственной власти, соотношении этой власти со своими подданными, о войнах, как неизбежных спутниках государственного существования, роли выдающихся личностей в мирной и военной жизни. Начиная с «Государства» Платона, «Записок о Галльской войне» уже упомянутого Цезаря, трудов китайского Конфуция (Кун Фу Цзы) и его философских учеников и далее до военно-политических европейских стратегов: те же мемуары Наполеона, что он писал в ссылке на острове Св. Елены, трактаты «1799», «О войне» и другие работы выдающегося прусского военного теоретика Клаузевица. Список имен можно продолжать долго и основательно: как исторически ретроспективно, так и (особенно) просматривая анналы Нового и Новейшего времени.

Но на фоне этой многотомной, блестящей плеяды заметно выделяется два имени, волею случая, точнее – Истории, сведенные в одно время и место: во Флоренцию первой половины XVI века*. И оба автора капитальных сочинений по истории: «История Флоренции» и «История Италии». Это Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини. Но в Историю (извиняемся за тавтологию) мысли они вошли другими своими сочинениями: «Государь» Макиа-

* В то же время во Флоренции жили и творили Донато Джанотти и Паоло Парута, не менее выдающиеся мыслители и писатели.

вели и «Рассуждения» (принято называть итальянским оригиналом: «*Ricordi*»).

Это не удивительно. Флоренция в конце XV – первой половины XVI веков, а расширенно во все XV–XVI века, являлась в правление династии Медичи центром итальянского просвещения, исторической и социально-политической науки (...и практики – при дворе Медичи). Это как Венеция и Генуя в те же времена развивали итальянскую торговлю, мореплавание и строительство: венецианцы держали в своих руках все торговые пути Средиземного моря, ловко «политэкономически» лавируя между европейскими державами и Турецкой империей в зените ее могущества, а бригады генуэзцев* возводили по всей Европе, включая Московское царство и хиреющую Золотую Орду, крепости-кремли.

... Впрочем, «*Ricordi*» Гвиччардини со временем оказались в исторической тени. Единственное издание, которое довелось держать в руках (и читать), относится к 1930-м годам: роскошно оформленный тисненый томик издательства «*Academia*» (Москва – Ленинград). Иная, более счастливая судьба у «Государя», издающегося и поныне. А это уже категория *вечных книг*.

♦ «Государь», посвященный Лоренцо деи Медичи, как уже отмечалось выше, не одно столетие в Европе относили к образцам оправдания аморализма власти. Понятно, с позиции христианской морали. Отсюда и устойчивый эвфемизм: *макиавеллизм*, которым определяли всякое действие, противоречащее нормам этой морали. Хотя бы сам автор книги пишет в посвящении Лоренцо деи Медичи: *«Как художнику, когда он рисует пейзаж, надо спуститься в долину, чтобы охватить взглядом холмы и горы, и подняться на гору, чтобы охватить взглядом долину, так и здесь: чтобы постигнуть*

* Это как в «золотые» советские 60–70-е годы разъездные армянские строительные артели со своим материалом – вулканическим туфом темно-розового цвета – разъезжали по всей стране, возводя аккордно клубы и дома культуры в райцентрах и колхозно-совхозных селах (такой можно увидеть на тульском курорте «Краинка» в бывшем совхозе им. 8-го Марта, где директором был брат члена ГКЧП, а затем тульского губернатора В.А. Стародубцева).

сущность народа, надо быть государем, а чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу».

Ведь совершенно ясная, понятная, исследовательская цель написания трактата? С точки зрения любого самодостаточно (это который сейчас не сел еще на «иглу телевизора»...) мыслящего человека в такой цели нет никакого противоречия традиционной, новозаветной морали. Но... зная из истории, что более всего трактат Макиавелли вызывал возражение со стороны церковников, отгадку не составляет труда отыскать: отрицание божественности власти: «чтобы постигнуть природу государей, надо принадлежать к народу». Ларчик просто открывается: не якобы отвержение морально-этических норм, которое инкриминировалось церковью автору «Государя», но «приземление» власти светской: «надо спуститься в долину». А коль скоро порицание трактату Макиавелли шло, в основном, от церкви Св. Петра, то сразу возникала аналогия с властью ватиканской. Бог шельму метит. И тотчас вспоминается Великий инквизитор Ф.М. Достоевского из «Братьев Карамазовых». Все встало на свои места.

Тот момент, что Сосо Джугашвили вышел из самых общественных низов тогдашней жизни, не есть «пролетаризация политической биографии», чем, кстати, говоря, грешили некоторые сподвижники Сталина из «старой гвардии». Даже самые отъявленные либералы-обличители девяностых годов не упражнялись в подобной дезинформации. Опять же, будучи приверженцем сугубой фактологии в делах не слишком далекой истории, мне самому довелось не раз беседовать с коллегой по университетской работе, бывшим замминистра УВД Абхазской АССР (беженцу из Сухуми после начала абхазо-грузинского конфликта девяностых годов), о детских годах Сталина. Отставной замминистра много чего знал в этом вопросе, поскольку слышал из первых уст: от своей бабушки-армянки, соседки семьи Джугашвили и вроде как доверительной подруги матери Сосо – Иосифа Екатерины.

Таким образом, Сталин, поднявшись из самой низкой «долины» (по Макиавелли) на самую высокую «гору» – в руководители государства

сверхдержавия (им же и созданного, что немаловажно для исторических ре-минисценций), в полной мере постиг сущность народа и природу государей. Став же... даже не государем, нет, Вождем, что гораздо выше и значимее, Сталин «не последовал» совету Макиавелли: «... *Я желаю Вашей светлости достичь того величия, которое сулит вам судьба и ваши достоинства*». Ему по характеру своему претила эта мишура «величия» – просто скучна и не востребоваана. В отличии от (позднейшего) добрейшего Леонида Ильича (хотя бы Сталин «свергнул» Троцкого, а Брежнев Хрущева) с двумя рядами геройских звезд, Иосиф Виссарионович всю жизнь носил на кителе только звезду Героя социалистического труда, полученную в 1939 году к своему 60-летию.

А на вопросы Анри Барбюса и Лиона Фейхтвангера о «ста тысячах его портретов» Сталин отвечал без обиняков и уверток, что он является политическим деятелем, а не частным лицом для советского народа, а «сто тысяч портретов человека с усами» простительны наивным еще рабочим и крестьянам, так выражающим благодарность советской власти, но, с другой стороны, это и досадный подхалимаж «людей, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием» («Москва 1937»). Возможен и умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его: «Подхалимствующий дурак, – сердито сказал Сталин, – приносит больше вреда, чем сотня врагов» (*Cit.op.*).

Опять же из личного жизненного опыта, из начального школьного возраста в Полярном – колыбели Северного флота СССР. В героическом городе подводников в мое детство имелось два памятника: в подплаве (он и сейчас стоит там) памятник подводникам военных лет работы Веры Мухиной, а до хрущевского вандализма перед Циркульным домом – визитной карточкой Полярного – на площадке с баллюстрадой, а внизу Екатерининская гавань с пирсами, обставленными в два-три номера* подлодками, высился величе-

* То есть первый номер причален к пирсу, второй – к первой подлодке, третий – ко второй, и через их палубы перекинута деревянные мостики для схода на пирс.

ственный гранитный памятник Сталину (тоже известного скульптора), словно парящий над гаванью, забитой кораблями 4-й эскадры подводных лодок, торпедными кораблями, минными тральщиками, малыми противолодочными кораблями «охотниками» и многими другими. И все понимали, что памятник «на месте» стоит, о чем гласила и огромная, в шесть человеческих ростов, стела справа, на вершине горы Энгельгардта (это в честь архангельского губернатора начала XX века), с надписью: *«Здесь был 22 июля 1933 г. основатель и создатель Северного флота великий Сталин».*

... Это уже не «сто тысяч портретов человека с усами», но законное признание заслуг. Сталин мог с полным правом подчеркнуть цитированные выше слова Макиавелли.

♦ *«Государства приобретаются либо своим, либо чужим оружием, либо милостью судьбы, либо доблестью».* Это высказывание Макиавелли, с поправкой, что современная геополитика заметно отличается от пестроты перекраивания границ в средневековой Италии, вряд ли можно рассматривать по части аморализма. Тем более в отношении к Сталину, который оружием и доблестью *своего народа* в Отечественной войне восстановил исторические границы России – СССР. Даже царские владения – Польшу и Финляндию де-факто взял под державную руку: первую включил в соцлагерь, а вторую, по договору с Маннергеймом, привязал экономически и статусом нейтральной страны. Собственно говоря, Суоми и под скипетром царей, от Александра I до Николая II имела точно такое же статус кво, даже свою валюту имела, но только с вензелем «текущего» русского императора...

И вовсе Вождь, читая «Государя», мог равнодушно пропустить главу «О наследственном единовластии»: сам он не являлся наследником (только идейным – от Ленина) и сына Василия в преемники не готовил.

Касается Макиавелли и многонациональных государств – он называет их смешанными. Но здесь у Сталина вопросов не возникало: опыт собственно России, почти всю свою тысячелетнюю историю бывшую многонациональной, и личный в качестве наркома по делам национальностей. Это особо под-

черкивает Барбюс в своей книге. А как яростно Сталин отстаивал при обсуждениях проекта создания единого советского государства на базе де-юре самостоятельных РСФСР, Украины, Белоруссии, ЗСФСР *лишь культурную автономию республик будущего государства, но никак не их союзность!* То есть моногосударственное устройство Российской империи, проверенное веками, стояло за такой решимостью. Увы, тогда Сталин являлся всего лишь одним из ряда равных, поэтому Троцкий с подпавшим под его влияние больным Лениным и подспудными националистами из руководства Украины и закавказских республик преломили его сопротивление и доводы, подведя под вновь созданный СССР мощнейшую мину замедленного действия, сработавшую через семьдесят лет... Сторонники конспирологии имеют основание утверждать (см. наш «Катехизис идеалиста»), что фактическая изоляция Сталина в последние его годы и более чем странный уход из жизни есть следствие вынашиваемых им планов: во-первых, оградить партию от хозяйственно-административных дел; во-вторых, как сверхзадача, свести союзный статус республик СССР к той самой культурной автономии. Конечно, процесс зашел слишком далеко, вряд ли это удалось бы сделать стареющему Вождю, но... ведь перепугалась же партократия и ждущие своего часа националисты!/? Кстати, Мао Цзэдун и его преемники в руководстве Китая последовали-таки этому «во-первых» Сталина; результат в наши дни не замедлил сказаться: Китай стал новой сверхдержавой и с Америкой говорит на равных, как ранее СССР. Что-то еще дальше будет?

Так что в национальном вопросе впору Макиавелли у Сталина учиться.

Несомненно, с интересом Сталин читал следующие строки: «... *Примеры разного образа правления являют в наше время турецкий султан и французский король. Турецкая монархия повинуется одному властелину; все прочие в государстве – его слуги; страна поделена на округа – санджаки, куда султан назначает наместников, которых меняет и переставляет, как ему вздумается. Король Франции, напротив, окружен многочисленной родовой знатью,*

признанной и любимой своими подданными и, сверх того, наделенной привилегиями, на которые король не может безнаказанно посягнуть».

Если султана назвать царем (императором), а санджаки губерниями, то получим Российскую империю, лучшую «подругу» Турции: всего-то полтора десятка войн за два с небольшим столетия... не считая полутысячи лет регулярных набегов на Русь – Россию крымских татар, султанских вассалов. Но это к слову.

Сталин, получив в управление страну с такой устоявшейся, выработанной и закреплённой многими веками традицией правления (малые годы революционного лихолетья не в счет), ничего, кроме названий, менять благоразумно не стал: лошадей на переправе не меняют. И вся его руководящая жизнь прошла в этой переправе: с буржуазного берега, низменного и заливного с топями частнособственничества, на высокий (сложно такой штурмовать!) берег социализма с русской советской спецификой, с полным отрицанием артефакта этой самой частной собственности. Причем переправа под огнем противника, перманентным, а затем и «блицкриговским». По необходимости все мысли об ином образе правления оставлялись «на потом», которого Генералиссимусу не суждено было дожидаться.

Но он крепко держал в руках свои «санджаки», а о перестановке и замене своих наместников, когда этого требовали государственные интересы, сложены тома былей и небылиц... И такой разгон был дан Сталиным в централизованном госустройстве страны, что еще почти сорок лет после него СССР на равных противостоял империалистическому миру... даже при не очень компетентных, мягко говоря, единоличных руководителях. Пока очередь не дошла до добровольной капитуляции. Великий *опережающий* ход социальной эволюции завершился.

◆ Причина нетленности «Государя» прежде всего в том состоит, что в сравнительно небольшого объема трактате (полторы сотни страниц книги «карманного» формата) Макиавелли обстоятельно коснулся *всех* вопросов социально-политической *практики*, которые неизменны в государственном

обиходе и спустя полтысячи лет после его написания. И останутся таковыми, пока государственное устройство не исчезнет, что и может явиться результатом «победившего глобализма». Но ведь и тогда аналоги «санджаков» останутся?

Действительно, раскроем книгу наугад, например, на главе с названием «Как управлять городами или государствами, которые, до того как были завоеваны, жили по своим законам». – Тема почти всех времен и государств. И Сталин остановился бы на ней, когда *его* страна, *наша* страна пополнялась территориями, в той или иной степени жившими если не своими, но и не советскими законами: Прибалтика, Западные Украина (особенно никогда не входившие в состав России Закарпатье и Львов с его «окрестностями») и Белоруссия, молдавская Буковина... в меньшей степени, конечно, вошедшая в состав СССР в 1944 году Тува. Калининград здесь не в счет: немцы вывезены в Германию, а на их месте поселились русские из мест Центральной России, дотла разоренных в войну. Резонный совет Макиавелли: *«Есть три способа его (завоеванное государство. – А.Я.) удержать. Первый – разрушить; второй – переселиться туда на жительство; третий – предоставить гражданам право жить по своим законам».*

Как выше уже заметили, второй способ и был использован Сталиным, в смысле постановлением ЦК ВКП(б) и советского правительства, в отношении бывшей немецкой Восточной Пруссии. В названной и двух последующих главах, развивающихся и детализирующих главную тему, можно найти наметки тех решений, что были в послевоенные годы применены Сталиным (уточнение то же, что и выше...) к новоприобретенным территориям в развитии второго способа (от Макиавелли). «Заселение своими» и «расселение *не своих*» на *своей* исторической территории, как бы это противоречиво не звучало, но достигаемый эффект один и тот же! Сталин здесь и вовсе мог бы не апеллировать к доводам Макиавелли, ибо имел прецедент из русской истории, которую Вождь прекрасно знал и, главное, *чувствовал* в национально-государственной традиции.

Речь идет о мудрой политике московских государей, тогда еще не царей, но великих князей, в последние век-полтора существования Золотой Орды и слабеющей зависимости от нее Великого княжества Московского. Орда была классическим «санджаковым» государственным устройением. И в Москве, кое-что, но перенявшей вместе с православием от Византии элементы греческой «тонкой политики», понимали: проще добивать ордынцев не только на поле боя, но разреживать состав их правителей того же среднего ранга. Так и началось заманивание татарских князьков в Московское княжество, где им давались равнозначные боярские звания и деревни для прокормления. Отсюда и обилие в будущей русской аристократии имен с тюркской корневой основой...

По этой же схеме, исключая «боярские» звания, упраздненные в семнадцатом году, явно с подачи много чего знающего Сталина, в послевоенные годы прореживались и западноукраинские, галицийские области, доселе в состав России не входившие, тем самым снимая напряженность в этих местах, где советская власть внове. Переселялись они вовсе не в Сибирь, но в среднерусские города, испытывавшие в результате огромных военных потерь недостаток трудоспособного населения. Те же природно-климатические условия незлобивое местное население, жилищное устройство, большой выбор трудовых вакансий, а главное: отрыв от национальной среды, не вполне лояльно и дружелюбно относящейся к новой для них советской социалистической власти. Это уже решение государственной задачи.

... Когда наша семья во второй половине шестидесятых годов переехала из мурманского Заполярья в Тулу, в купленный дом с участком в Криволучье, рабочей окраине при Новотульском металлургическом заводе, я начал «географически» знакомиться с новым для меня городом и обнаружил, что в огромном по территории треугольнике между этим самым заводом, Комбайновым же заводом «Новая Тула» и немного не доходя до исторической (см. Г.И. Успенского) оружейной Чулковской слободы, расположился массив добротных построенных бревенчатых и кирпичных частных домов, чем-то, в

сторону бóльшей основательности, отличавшихся от остальной Тулы, в те годы сплошь деревянной, со строениями от предыдущего века. Обобщенно этот условный район именовался Глушанками. Был он построен – на подъемные деньги – и заселен как раз переселенцами с Западной Украины.

Учась в институте, далее работая на оборонных (тогда в Туле иных и не имелось) предприятиях, много общался с такими переселенцами, которых и отличали только фамилии, во втором поколении и вовсе полагавшими себя коренными туляками. Полная «идеологическая ассимиляция» – только и можно сказать. А какое число таких «глушанок» по всей Европейской России было образовано!

Что же касается «третьего способа» Макиавелли, то это с достаточным положительным результатом было использовано Сталиным в отношении Прибалтики. Опять же опыт Российской империи, успешный в отношении Финляндии (см. выше) и малоуспешный в Польше: шляхетский гонор и прошлое Речи Посполитой, игравшей достаточно самостоятельную роль в среде европейских государств, был причиной превращения Царства Польского со своим сеймом и широкой автономией в десяток губерний, приравненных к остальным российским.

◆ Содержание всех двадцати шести глав «Государя» без всяких натяжек можно соотнести со сталинским курсом, об итогах которого яркий антисоветчик Уинстон Черчилль совершенно искренне сказал: «Он принял страну с сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Добавим: и с водородной тоже, сделав СССР сверхдержавой. Что-что, а лезть не в характере «отца» холодной войны...

Глава «О гражданском единовластии» начинается словами: *«Перейду теперь к тем случаям, когда человек делается государем своего отечества не путем злодеяний и беззаконий, но в силу благоволения сограждан, для чего требуется не собственно доблесть или удача, но скорее удачливая хитрость».*

Заметив, что доблести Сталину было не занимать, а понятие хитрости интерпретировав политической прозорливостью, с полным на то основанием отнесем Макиавеллиево определение гражданского единовластия к сложившейся в СССР системе власти (см. выше о «демократическом диктаторе» из книги Лиона Фейхтвангера).

Особое внимание Макиавелли (жил в такое время!) уделяет военному делу: *«Таким образом, государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого (выд. нами. – А.Я.)»*.

И хотя Генералиссимус «не послушался» многомудрого флорентийца, ибо кроме военного строительства страны как раз возложил на себя все другие помыслы, заботы и дела, но «война, военные установления и военная наука» – основное *внешнеполитическое* содержание жизни Сталина – руководителя (а в Гражданскую войну и *внутриполитическое* – та же оборона Царицына и Польская кампания). Именно такое качество характера и линии действий Сталина, как выдающегося военно-политического стратега, позволило сделать СССР мировой державой и создать социалистический мир в четырех частях света, условно включая и африканские страны советской ориентации.

Главы о восхвалении и порицании государей, о щедрости их и бережливости (Сталин – хозяин СССР!), как государи должны держать слово, как им избегать ненависти и презрения, как следует поступать государю, чтобы его уважали, о советниках государя (!), как избежать льстецов... – все, словно убрав из истории четыре с лишком столетия, сближает эпоху Сталина с обликом государя в трактате Макиавелли; см. также выше подтверждающие эти тезисы высказывания Анри Барбюса и Лиона Фейхтвангера.

У Макиавелли найдем и ответ на тот «щекотливый» вопрос в книгах европейских писателей, а именно в главе «О жестокости и милосердии и о том,

что лучше: внушать любовь или страх». Автор «Государя» цитирует Вергилия:

*Res dura, et regni novitas me talia cogunt
Moliri, et late fines custode tueri.*

То есть «Молодо царство у нас, велика опасность; лишь это бдительно так рубежи охранять меня заставляет» (лат.). Это уже Вергилий устами Дидоны за две тысячи лет до создания Советского Союза во главе со Сталиным говорит о них: стране и ее Вожде. Особо комментировать и сопоставлять здесь излишне. Как раз Андре Жид в «Возвращении из СССР» не мог понять, осознать эту проверенную историей истину.

«... Новый государь не должен быть легковерен, мнителен и скор на расправу, во всех своих действиях он должен быть сдержан, осмотрителен и милостив, так чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных».

Не удержимся еще от одного довода Макиавелли: *«Однако государь должен внушать страх таким образом, чтобы если не приобрести любви, то хотя бы избежать ненависти, ибо вполне возможно внушать страх без ненависти».*

Что ни фраза в «Государе», то и непреложная истина; ведь про Макиавелли не скажешь: гладко на бумаге... и так далее.

◆ Самое несправедливое в истории по отношению к памятникам письменной мысли – это устоявшиеся идеологические, моральные и пр. штампы, пресловутое «сложившееся общественное мнение». Все это, при том в высшей степени неблагодарности потомков, относится к «Государю» Макиавелли, вся «вина» которого только в том, что он обобщил в своем трактате сложившийся к тому времени опыт руководства государством, «блочной» части мирового социума: от Платона, как уже было сказано выше, до Европы XVI века. Истинно сказано, что правда глаза колет. И упрекать Сталина – устами либералов различного толка – в том, что все свои дела, судьбоносные для страны, он пунктуально сверял с «настольной книгой», все одно, что всерьез

принимать слова выдающегося военачальника, генерала Ермолова, назначенного «на покой» царем комендантом Петропавловской крепости, который, входя для утреннего купания в холодную воду Невы, морщился и брюзгливо ворчал: «Проклятые немцы!»*

Если же пробовать анализировать нынешние, времен яростно наступающего глобализма, гибридные геополитику и войны, то «Государь» Макиавелли и вовсе сравнивается разве что со школьной азбукой, невзначай попавшей в руки филолога с университетским образованием. Желательно советских лет обучения, не нынешних «онлайкиных с кешбэком», с перманентной таксой за диплом... Но – это к слову, о надоевшем до чертиков.

Ветер истории кружит над поверхностью Земли, над сушей и океанскими просторами, не имея остановки, то замирая в местах и временах ровного, примиряющего ее, истории, течение, то завывая в очагах напряженности, а затем вовсе переходя в ураган (на море – шторм) войн, а затем и девятый вал войн мировых. Пронось же над могилами исторических личностей, с одних сдувает накопившийся мусор людской неблагодарности, иные же равнодушно обегает стороной. Опять же: *«Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними, так как случись тяжелое время, зло делать поздно, а добро бесполезно, ибо его сочтут вынужденным и не воздадут за него благодарностью».*

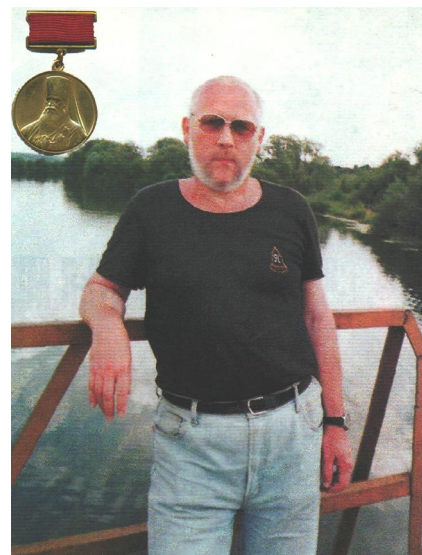
... Понятно, что в нашем очерке о Сталине понятие зла – иносказательно, как в гегелевском определении свободы: осознанная необходимость.

* В начале XVI века, когда был написан «Государь», на Руси знали только три «укрупненные национальности»: русские, татары и немцы (цыгане из Индии еще не дошли). Это и имел в виду Ермолов...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ЕЛКИ-ПАЛКИ ИЗ ПАРИЖА

К истокам повреждения русского языка

*Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни!*

Максимилиан Волошин «Подмастерье»,
из книги «Selva oscura»

◆ *Язык как самоидентификация народа.* Шатов, персонаж «Бесов» Ф.М. Достоевского, обстоятельно толкует: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог».*

А у Державина бог – это поэзия, то есть высшее воплощение гармонии языка. И заменив в речи Шатова слово «бог» на «язык», получим логически непротиворечивое утверждение: нет народа без своего языка, а народ, по той или иной причине утративший свой исторический язык, становится социумно аморфной биомассой, хотя бы отчасти еще мыслящей. Действительно, услышав даже в русском переводе известные фразеологизмы: «Бостонское чаепитие», «Буря в викторианской чашке чая», «А деньги – это не твоя чашка чая», – тотчас, не ошибаясь ни на йоту, представим себе Англию и своеобразие английского языка (вовсе его не зная...), которое назовем исчерпывающей краткостью. Опять же не ошибемся. Но вот все о том же чае: «В Тулу со своим самоваром не ездят», «Чай не водка, много не выпьешь», «Чай не наше казацкое питье» (это из «Капитанской дочки»), «Чай да сахар», «Не просят на водку, а просят на чай», «По чаям ходить, добру не быть», а у Даля и Афанасьева еще с полсотни характерных пословиц и присказок о чае найдете. – И в них уже вся исподвольная Россия и русский язык, уже не с исчерпывающей краткостью, наоборот, с его широтой и красочностью, не жалеющий слов даже в афористических рамках «жанра». Здесь Тургенев на все предшествующие века сказал.

Итак, предмет один и тот же – чай, кстати, на Британских островах не растущий, а у нас приказом Вождя-генералиссимуса успешно разведенный, но высказывания о нем настолько полно «озвучивают» два совершенно различных (только древний санскритский корень для них общий) языка, что ошибиться невозможно.

Народ и его исторический язык в их разделении теряют свою корневую естественность. «... Здесь нет Отечества и отчеств тоже нет», – грустила в

ресторане «Корнилов» в Париже белая эмиграция. И не раз, не два в истории «языковые» войны случались... увы, Россия сейчас именно в такой ситуации, хотя бы движущая причина здесь далека от филологии, а запрет русского языка на канонической его территории есть «долгоиграющая» и хорошо продуманная атлантическим Западом завязка мирового конфликта. Опять же вызревший в веках «то давний спор славян между собою» («Клеветникам России» Пушкина). Опять же разрушение СССР мировым империализмом создало ситуацию, которую во многом можно охарактеризовать строками Ф.И. Тютчева:

Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море.

И ропщет мыслящий тростник?

Их можно трактовать как разлад и противоречивость человеческого сознания и стихийной бессознательной природы. Понимая под последней стихию родного человеку языка, разлад возникает в сознании человека, когда тот, что называется директивно, отъединяется от этого языка. Либо наоборот, столь же искусственно повреждается исторически сложившийся язык, тем самым отъединяемый от его традиционного пользователя.

И без ссылок на Достоевского, Тютчева и приверженность русских и англичан к чаепитию интуитивно, скорее даже инстинктивно, каждому здравомыслящему человеку понятно: именно язык самоидентифицирует конкретный народ, нацию. Сам человек, рассматриваемый как индивидуум в социуме, по биологической природе своей не склонен отклоняться от норм, то есть словаря, грамматики и фонетики, своего родного языка. Многоученые – в последние тридцать лет по переводным американским учебникам – доценты от психологи, которых сейчас селечными бочками штампуют многочисленные «университеты классического типа», что в девяностые года лихо образовались на базе заштатных уездных педучилищ, как дважды два четыре, скороговоркой расталдычат вам о таком языковом консерватизме.

Мы же, ничтоже сумняшеся, как профессор биологии (с уклоном в эволюционную эпистемологию), объясним эту верность исторически сложившемуся языку просто: человек есть животное, склонное к лени, то есть природно выработанному стремлению к экономии физических и умственных сил, вот и все. А там... «*laissez faire, laissez passer*» (предоставьте вещам идти своим ходом (чередом), фр.). Но вот здесь-то мина замедленного действия, скорее палка о двух концах. Генетически врожденная лень спасает человека от покушения на его исторический язык, это замечательно. Но она же склоняет его к обеднению своей лексики. Так возникают слова-паразиты, понимаемые как «универсальные заменители» сразу нескольких десятков, а то и сотен слов – для нас «живого великорусского».

За примерами и ходить далеко не надо. Сижу, пишу этот очерк, а в нескольких метрах тихо урчит на малой громкости телящик, для звукового фона включенный. Но что-то меня насторожило, потому на экран пару раз оглянулся, «врубился в тему» (отголоски лексики лихих девяностых...). На экране здоровенный, пышущий неподдельным здоровьем мужик в густых пшеничных усах, со сложной должностью, переводимой на понятийный язык как главный в общероссийской ассоциации какой-то вечнонеразрешимой доки. Говорит хорошо поставленным густым баритоном на хроническую в последние два десятка лет тему «европейски поставленной... и так далее». А насторожило частое упоминание слова «история» – и именно в отношении к предмету беседы, а не к исторической дисциплине. Сработал профессиональный исследовательский «охотничий инстинкт»: начал считать частоту употребления пшеничноусым этого слова – это как в известном четырехтомном «Частотном словаре А.С. Пушкина». И насчитал: за четверть часа вдохновенного монолога о пользе европейского опыта не менее полусотни «историй»! Александр Сергеевич? – смейся и плачь.

Но все равно той же *истории*, новомодным *локации* и *генерации*, старинчатым братковским «*темам*», ох, как далеко до лидера – паразитарного американизма «*проблема*».

Опять же давно исследовал причину и истоки появления этого победительного американизма, обеднившего «живой великорусский» если не наполовину, то на одну десятую точно: одно «лечить проблему» чего стоит! Заметим, что до американизации русского языка слово это использовалось, да и то редко, в научной лексике, например, «проблемы Гильберта» в математике. Да-а, еще в среде студенчества и образованной (то есть с «вышкой») молодежи ходило ироническое «ноу прóблем!»

Но вот началась американизация девяностых годов. Вся заваль голливудчины, о которой сами американцы говорят, что ее смотрят только кретины и иностранцы, хлынула на российские экраны. Надо заметить, что американский диалект английского языка, как нации деловой – время деньги! – весьма беден, а в голливудской «продакшен» и вовсе сведен к языку Эллочки-людоедки: «доллар», «бизнес», «проблема», «надрать задницу» и где-то еще сотня-полторы.

Вот и народ наш простодушный, прильнув к экранам телевизоров, в нераспроданных еще под ночные клубы и «маркеты» кинотеатрах, в расплодившихся подвальных видеосалонах (которые с порнухой тож), слушает косноязычный любительский перевод голливудских фильмов, а там сплошняком идет: проблема, проблема, проблема... Вот и сработал биолого-физиологический механизм лени-экономии: сначала эсмэишники, передовой отряд вредителей русского языка, а с их подачи и народные массы начали использовать это универсальное словцо, заменяя им множество исконно русских. По моим прикидкам, это паразитическое слово заменило тридцать восемь (!) полных русских аналогов, понятно, контекстных, а число неполных и счету не поддается!

Опять же народные массы... А «*масса*, – пишет выдающийся философ и мыслитель XX века Хосе Ортега-и-Гассет в трактате «Что такое философия?» – *это те, кто плывет по течению и лишен ориентиров* (выд. нами. – А.Я.)... *И как раз этот человеческий тип сегодня решает*».

... Это нас пшеничноусый с телеэкрана с его хронически неразрешимой «историей» раззадорил, несколько сбил с последовательной колеи размышлений. Но ведь попутно и роль физиологической лени в языковой сфере разъяснили? – А это важно для нашей темы рассуждений.

Но вернемся к языковой самоидентификации, вернее, завершим настоящее введение.

Вот пшеничноусый – надо же навязался на язык не хуже «проблемы с историей»! – отдежурил свое на телеэкране со своей «исторически» неразрешимой (у нас) «проблемой» с помойками, отправился в приличное необщепитовское заведение перекусить от трудов праведных семужкой под стопку-другую приличного грузинского «Асканели», а мы продолжим о своем, девичьем.

«Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность», – писал Н.С. Лесков в «Соборянах». Действительно, за тридцать с небольшим лет язык наш, вообще языковая культура, так изменились, что попади попуткой с машиной времени (а таковая реально следует из достославной общей теории относительности, как логико-математически строго доказал Курт Гёдель, выдающийся ученый прошлого века) человек семидесятых-восемидесятых годов в наши дни, то без переводчика с американо-нижегородского ему сложно было бы обойтись... Мы же – в массе своей – протопавши из этих годов в нынешнее время на своих-двоих, уже вроде бы по-лесковски мало чему удивляемся. Потому что шли-шагали вровень с этим временем. Человек же – упомянутые психологи подтвердят – из всех биологических видов самое адаптивное существо. Допустим, объявили из всех радиоточек и с телеэкранов некоторое время назад, что футбол – национальный вид спорта россиян (не лапта или городки!), и – все на стадионы... в смысле к экранам и репродукторам! И в чем-то народ даже благодарен за футбольную эйфорию (или психоз?), потому как в воплях десятков тысяч на трибунах и криках «судью на мыло!» как-то временно отходят на второй

план все сложности нашего нелегкого бытия. Понятно на что намекаем в связи с футболом – национальной игрой... но только жителей Британских островов. Однако опять же – и всякий раз! – прав Федор Михайлович («Записки из подполья»): *«Я даже думаю, что самое лучшее определение человека – это существо на двух ногах и неблагодарное»*. Как о нацигре футболе скоренько позабыл наш народ, двуногий и неблагодарный, так и в неполных двух поколениях запамятовал: а как это по-русски? – попривыкши понимать американо-нижегородскую феню, льющуюся из репродукторов и с телеэкранов. Именно слушать и понимать; сам же народ в массе своей упорно придерживается словаря традиционного великорусского.

А великодушные наши эсмэи так и подбрасывают по-стахановски уголек лопатами-шахтерками в топку локомотива, что мчит всех нас в безликое, безъязычное светлое глобалистское будущее. Мало того, что на телевидении программу с подковыркой назвали «А как это по-русски?», но вот из тех же репродукторов на главной всероссийской радиоволне порой развеселившаяся дикторша, назвав некий предмет щегольским американизмом, сделает паузу, оговорится: «Как бы это по-русски сказать?» Слушатели среднестаршего поколения в унисон пробормочут: «А я знаю как сказать... только матом!»

... Опять на пшеничноусого свое раздражение перекинем, дескать, перейди на Федота, с Федота на Якова, с Якова на всякого. С другой стороны, пшеничные усы, особенно пушистые и аккуратно подправленные, – создают их владельцу видимость добрейшего, прекраснородушного человека. И говорил он о своем неразрешимом деле вовсе не унылым, как то обстоятельства требуют, но даже веселым, оптимистичным баритоном. Работа у него такая. Как и у тех эсмэишников, что уже за тридцать лет приучают наш народ к американо-нижегородскому наречию. Дудки! – не приучите. Хотя бы потому, что в американском языке нет родного нашего мата.

Так-то, начали с ученой самоидентификации, а все на матерок перевели. Вот это чисто по-расейски, по-нашему посконно-домотканному. Чего мудрывать с громоздкой терминологией, когда просто можно сказать: каков народ,

таков у него и язык, или еще понятнее: как потопаешь, так и полопаешь. Хочешь говорить на родном, исконном своем языке, так стряхни языковую лень, не переводи весь словарь живого великорусского на «историю» и «проблему», не засоряй свой слух и память гнусными американизмами. Вот и весь наказ. А то и вовсе с оружием в руках отвоевывай право говорить на родном языке... Не грех в этом деле и у кичливой заграницы поучиться. Один мой знакомый в девяностые и двухтысячные, когда русских еще в европы-америки пускали, особенно при деньгах которые, многие страны объехал. Сказал мне удивительную вещь: в той же Европе все говорят с иностранцами на английском языке. Так что зная пару сотен слов из этого языка и элементарные правила их сопряжения, языкового барьера не ощущаешь: от Варшавы до Лиссабона – по географической широте, от Стокгольма до средиземноморского побережья – по долготе. Ты иноземцу – хао ду ю ду, он тебе: йес, сэр-мистер, плиз за ваши доллары-евро!

... Но только не в Италии. Там даже за эту конвертируемую валюту с тобой на инглиш не станут спикать. Для итальянцев только один в мире язык существует: итальянский, дальний правнук меднозвонящей латыни Древнего Рима. Хоть флэшмобом его по карширингу, хоть кешбэком его мать онлайн, но не хочет макаронник понимать твою ломаную английскую речь. На пальцах приходится объясняться: в подбородок себя щелбанешь – несет тебе та-мошний халдей бутылку фалернского, да обязательно нарочито по-итальянски добавит: «Фалернум винум, синьор!» Совсем просто со слабым полом пониженной соотвественности: ты ей про руссо туристо обличко морале, а она тебе на пальцах таксу в евро показывает... Никакого косоротого инглиша.

А все оттого итальянцы такие языковые патриоты, что в разное время, с различной идеологической подоплекой, но одинаково внушили ему Джузеппе Гарибальди и Бенито Муссолини: хотите жить в едином государстве, а не в десятках самостоятельных княжеств и уединенных городов, так прежде всего говорите безо всяких диалектов на одном языке; главное, не подлаживайтесь

под австрияков и французов – пусть они, если им так надо, в Италии говорят по-итальянски! Дуче, правда, австрияков опускал – ведь самого фюрера земляки.

Так и Русь-Россию объединил московский акающий говор, ставший великорусским, имперским языком. Хотя и окающему нижегородскому, цокающему поморско-архангельскому, южно-русскому говору здесь место нашлось: через единую грамматику. А раз историю (настоящую, филологическую) русского языка помянули, так и перейдем к ней.

♦ *Как сложился тезаурус великорусского языка.* В любом языке первичны слова, словарный запас, тезаурус – полный свод этого запаса. Как это ни покажется на первый взгляд странным, но грамматика вторична. Ведь нынешние вредители русского языка, то есть эсмэишники, в своем американо-нижегородском все же русскую грамматику используют. Они бы, кешбэкистые парниши и файновые герлы, зная англо-американский язык (еще в девятые школьниками, в ущерб другим предметам, заучили, готовясь сделать ручкой «этой рашке и смотаться за бугор»), перевели бы все на его же грамматику, но поопасались потерять слушателей-зрителей. ... Кстати уточним: под эсмэишниками мы понимаем *масс-медиа*, хотя это и амерканизм, едрить его в хвост и гриву!

Открывая свою «Пространную русскую грамматику» (СПб, 1830), ставшую базовой для всех последующих учебников русского языка*, включая нынешние, Николай Иванович Греч вдохновенно писал: *«Язык, как дарованная человеку свыше способность и необходимое последствие действий его ума, рождается при первом соединении его в общество с подобными себе (выд. нами. – А.Я.), и бывает в объеме своем сообразен с числом понятий живущих в обществе людей, следственно распространяется и усовершеншается по мере развития в них умственных способностей».*

* Справедливо известное с XIX века утверждение, что все лучшие учебники и словари русского языка написали немцы. Немцем был и русскоподданный Н.И. Греч.

... Даже несколько неудобно становится за славного нашего баснописца Крылова, что обидел Греча и приятеля его Фаддея Булгарина («Кукушка и Петух»), когда читаешь этот великолепный труд, основание научной русской грамматики, где первые десятки страниц посвящены собственно истории возникновения и становления русского языка. За прошедшие два века ничего нового сотни академиков и тысячи диссертантов от филологии по существу не сказали. И сейчас, когда все в мире оцифровано, а все мы суть узники электронного концлагеря с цифровым рабством, так и зришь этот том в старинном тисненном переплете, что стоит на почетном месте, о котором волшебным образом сказал все тот же Максимилиан Волошин («Облики. Р.М. Хин», из книги «*Selva oscura*»):

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...

Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,

Но чья для нас не умерла химера,

И бьется сердце, взятое в их плен...

Именно «в обществе с подобными себе» формируется национальный язык. И классики отечественного языкознания, те же Потенция и автор яфетической теории академик Мар, столь жестко раскритикованный Сталиным («Марксизм и вопросы языкознания»), не отходили от этого определения Греча. Но это дела сложной в восприятии филологической науки. Наше же внимание отнесем к историческому формированию словарного богатства русского языка. А его тезаурус действительно богатство, не уступающий по словарному запасу английскому языку (имеется в виду язык Шекспира, не Голливуда...), который полагается, западными естественно филологами, наиболее словесно обширным в среде европейских языков, идущих от индо-европейского праязыка (санскрит здесь промежуточен).

... Современному умственному содержанию голов человека глобалистского (*homo globalicum* на ученой латыни) уже неприлично удивляться; см. выше реплики Достоевского и Лескова, но вашего покорного слугу в полный восторг привел свежий номер областной «молодежной» газеты, посвященной

недавнему закону об ограничении использования иностранных слов. Оно и закон-то наспех написан: где ограничивается? – не указано, а главное, как-то постеснялись прямо сказать: ограничить использование именно *американизмов*! Это-то и дало повод писарчукам из «молодежки», выпускникам журфака местного университета, бывшего политехнического института с оборонным профилем, разразиться ядовитыми – с их точки зрения – филиппиками, дескать, всю научную, латино-греческую в основе, терминологию теперь следует из обращения убрать?

Это мы к тому припомним, что латинская и греческая научная, отчасти социальная, терминология вовсе не в один русский язык *совершенно естественно* вошла, но и *во все* европейские! Даже в современный вариант иврита – государственного (кстати, наряду с арабским – повертите в руках монету в шекель достоинством!) языка Израиля. Другое дело, если за Европой две тысячи лет эпохи цивилизации и культуры и прямое преемство от античного мира, то Россия удивительно молода и ей всего лишь триста лет тому назад пришлось столкнуться с мировым наследием науки, образования, культуры. Наверное, мы уже прискучили *своему* читателю частым упоминанием в очерках слов Льва Давидовича Троцкого (Лейбы Давидовича Бронштейна в «девичестве»), но слов-то гениальных! а именно, что Россия слишком поздно пришла в семью цивилизованных народов, поэтому и принуждена была спешно доучиваться *по сокращенному европейскому учебнику*.

С латынью и греческим все понятно, поэтому даже современники посмеивались над старинными писателями-славянофилами (Хомяков, братья Аксаковы и Киреевские – все наши тульские земляки...), пробовавшими переиначить геометрию в землемерию, теологию в богознание и так далее. И если греческий лексикон пришел в русский язык из Византии вместе с православием, то ученая латынь только с началом регулярного образования, то есть в XVIII веке.

Этот же век пополнил русский язык сотнями, даже тысячами слов германского корня, собственно немецкого, голландского, отчасти английского.

Если кому попадется в руки учебник географии позапрошлого века для кадетских корпусов, а именно издание второй трети XIX века, то непременно ваши глаза выделят в самом начале книги слова о том, что «*Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозою света...*» Понятно, что несколько самонадеянно, но – в духе того времени. Но вот Петр Первый явно поставил воинское дело во главу державных устремлений. Отсюда и оправданное заимствование иностранных слов из лексикона военного, нового для России. Тем более в части военно-морской, учитывая, что доселе страна была отрезана от морей (Каспийское и замерзающее Белое моря не в счет), флота не имела: здесь все полностью пришлось Петру брать у морской заграницы, той же Голландии, Англии и ганзейских германских земель.

И все тот же XVIII, с продлением на две трети XIX века, установили в России французский язык на уровне «первого государственного». Именно первого, коль скоро на нем изъяснялся не народ, а его высшая, дворянская власть. Кстати говоря, от почти полуторавекового господства в «образованных классах» этого *парле ву франсе*, удивительно – и относительно! – небольшое число слов вошли в общерусский обиход: в основном бытовые термины, слова французской кухни (фужер, антрекот, лангет...). И это есть свидетельство того, что Россия уже вошла в европейский мир и особо не нуждалась в сколь-либо обширном заимствовании иностранных слов. Тем более, уже к началу последней трети XIX века в образованных кругах начало складываться понимание того, что Россия не совсем Крайний Восток Европы, но скорее Крайний Запад Азии. Хотя бы оформил в этих словах такую мысль Редъярд Киплинг.

... А собственно в широком разговорно-бытовом русском языке всего-то три (!) французских слова отложилось; все после Наполеонова нашествия и крайне неодобрительные: шваль, шаромыжник и шантрапа.

Совсем понятно большое число тюркских, татарских слов, общеупотребительных в разговорном и письменном русском языке: ведь почти три сто-

летия Русь – под названием Улуса Джучиева – входила в состав Золотой Орды, являвшей собой средневековое союзное государство. Как, кстати говоря, и Священная римская империя германской нации (таково официальное название) в Европе. И тот же русский мат, ныне притча во языцех на радио-ТВ, из татарского языка, где все эти слова сугубо нормативные, как сейчас принято говорить... И как не быть тюркско-татарским словам в русском языке? – вспоминаю свое детство-отрочество-юность в мурманском Заполярье, когда на лето семья наша уезжала в родную отцову калужскую деревню, в велосипедной доступности от которой соседние деревни именуются Ярлыковым и Баскаковым!

Даже не задумываемся о происхождении таких «истинно русских» слов как пуд, тонна, князь, баня, имен Олег, Ольга, Игорь, которые явно не из православных святцев. Их принесли еще в Киевскую Русь варяги: торговые и военные с призыванием Рюриков (кстати, слово «рюрик» исконно русское; в новгородской речи оно означало изгородь на реке для ловли семги).

Еще раз оговорившись про молодость России – Московской Руси, в сравнении с Европой, резюмируем: ко второй половине XIX века русский язык окончательно сложился – с его *естественным* словарным запасом. Более того, выдающиеся мыслители-соотечественники того времени четко осознавали национально- и государственнообразующую роль русского языка, особенно литературного, образовательного, сложившегося на основе московского говора, что достаточно гармонично сочетается с естественными же разговорными диалектами, в основном фонетическими: северными архангелогородским, вологодским, новгородско-олонецким; южнороссийским, тем же воронежским; восточными нижегородским и волго-вятским; белорусским и малороссийским, в языкознании того времени рассматриваемыми (у того же Греча) как переходные формы от русского к польскому языку.

Пожалуй, что лучше всего о роли родного, русского языка в воспитании гражданина своей отчизны сказал в своих воспоминаниях* Николай Ивано-

* Пирогов Н.И. Быть хирургом: записки старого врача.– М.: Родина, 2019.

вич Пирогов, не только выдающийся русский врач и организатор медицины, но и признанный педагог и мыслитель: *«Да, я считаю позором для нас, русских, что наши родители, воспитатели и само правительство поощряли эту паскудную, пошлую и вредную меру. Говорить детям и недетям одной народности между собой на иностранном языке без всякой необходимости, для какого-то бесцельного упражнения, – это, по-моему, верх нелепости и, главное, нелепости вредной, мешающей развитию и мысли, и отечественного языка. Много я думал об этом при воспитании моих детей; я имел средства воспитать их в упражнениях на французском диалекте и, вероятно, этим повлиял бы благотворно на их будущую карьеру в нашем обществе; но я не мог преодолеть в себе отвращения от этого нелепого способа образования детей. Мыслить на двух и трех языках, и даже мыслить на винегрете из трех языков, каждому из нас возможно; но чтобы мыслить всесторонне, ясно и отчетливо на чужом языке, нужно знать его с пеленок, точно так же, как свой родной, и, пожалуй, лучше своего, или же изучить этот чужой язык глубоко, как изучит его тот, кто видит в нем единственное средство к приобретению какого-нибудь знания или к достижению какой-либо цели жизни».*

Заметим *in pendant*, что почему-то (?) не афишируемый ни в масс-медиа, ни в серьезных исследованиях вопрос о связи многоязычия (индивидуального человека) и мышления. Возможно представляет интерес концепция, разработанная в томе 18 нашего многотомного исследования* (этот том был удостоен в 2022 году старейшей, престижной научной Макариевской премии в области естественных и точных наук).

Выше, говоря о сложившемся ко второй половине позапрошлого века русском языке *in corpe*, мы имели в виду единую грамматику и фонетику московского говора, сложившийся тезаурус в исторической последовательности его формирования, которое не противоречит, как мы аннотировано

* Продолжающаяся серия наших книг под общим названием «Живая материя и феноменология ноосферы»; на сегодняшний день издано двадцать томов (различные издательства: «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), URSS (Москва), «Триада» (Тверь), Издательство Тульского госуниверситета; в электронной форме см. на различных научных сайтах по поисковику).

убедились, обычным правилам и законам языкознания. То же самое можно сказать и о четвертой составляющей – алфавите русского языка. Здесь не лишним будет снова обратиться к историческим истокам. Отличительной особенностью славянского алфавита Кирилла и Мефодия является его изначальная избыточность в сумме как букв, взятых из греческого языка, так и предложенных внове славянскими просветителями. Можно уверенно предположить, что они имели в виду, вводя такую избыточность, следующее: во-первых, алфавит предназначался для многих славянских народов с охватом фонетических особенностей их языков; во-вторых, они гениально предвидели, что по мере эволюции этих языков и их письменности, алфавиты будут исторически оптимизироваться, а любая оптимизация всегда предполагает сокращение смысловой символики – актуальный к рассматриваемой теме вывод из так называемой «бритвы Оккама», классической философемы.

Именно поэтому и имевшие место в XVIII – начале XX веков изменения в русском алфавите можно полагать естественными и даже «благословленными» самими создателями славянской письменности. Вполне справедливо (по факту!) можно упрекнуть Петра Первого в «латинизации» русского алфавита введением «гражданского», то есть и нынешнего, начертания букв вместо прежнего «фигуристого», преемственного от церковного, старославянского. Но естественным образом такое упрощение написания букв совпало с требованием времени: грамотность в эпоху кардинальных реформ-преобразований Петра вышла за церковные и административные рамки. Как следствие резкого возрастания письменной культуры и гражданского книгопечатания, прежнее начертание букв русского алфавита стало заметным тормозом. Скоропись и тиражирование печатных изданий требовали *качественного* упрощения написания: письменного и печатного. Словом, *король умер, да здравствует король!*

Сокращение числа букв в русском алфавите, которое мы отнесли к предвидению Кирилла и Мефодия, то есть переход от 42-буквенного церковнославянского алфавита к нынешнему его составу, также полагается естестве-

ным. Во-первых, сугубо «церковные буквы» – юс, от, кси, пси (начертание их достаточно «фигурно», поэтому в машинной графике вряд ли присутствует) – вряд ли уместны в общегражданском алфавите. Поэтому они и были, как бы сейчас сказали, явочным порядком изъяты из общего обихода в реформах русского языка графа Уварова в XIX веке.

Во-вторых, буквы Θ (фита) и V (ижица) по церковно-славянской традиции писались *только* в словах греческого происхождения, причем не «обрусевших», исключая первую букву греческих имен навроде Θ едор. То есть использовались достаточно редко... сразу вспоминается классика девятнадцатого века: посадить на фиту, то есть чиновника-регистратора «посадить» на документы, начинающиеся с фиты, – значит дать ему самое малоодоходное место...

Наконец, буква *i* и сведшая с ума не одно поколение гимназистов ять ѣ – гласная где-то между *э* и *ие* утратили в XIX веке свои фонетические выделительные особенности.

Поэтому подготовленную в начале 1910-х годов реформу русского алфавита с изъятием указанных выше букв, а также «слова – ер», то есть написания твердого знака в конце слов, заканчивающихся на согласную, разработанную специально созданной комиссией Министерства просвещения Российской империи, комиссией из авторитетных ученых-филологов и лингвистов, подошедших к делу очень ответственно и выверено, можно без оговорок считать своевременной, актуальной и полезной для великорусского языка, его аутентичности сложившейся фонетике, избавлению от излишней зубрежки в школьном образовании. Словом, в этой реформе были тщательно, аргументированно и научно-обоснованно продуманы все моменты сохранения грамматического, фонетического строя современного для начала XX века русского языка. Словом, это можно считать наиболее удачной, пожалуй что и единственной, реформой в истории русского алфавита и правописания (комиссия и другие вопросы рассматривала)... в отличии от бездумного «реформаторства» в последующем. Но об этом в своем месте скажем.

Начавшаяся Первая мировая (империалистическая) война отодвинула введение нового алфавита и некоторых изменений в грамматике, но в 1918 году Наркомпрос РСФСР во главе с А.В. Луначарским без каких-либо изменений реформу эту провел.

... В девяностых годах яростно брызжущие слюной антисоветизма либералы, к тому же отчаянно неграмотные, всесторонне и все-теле-радиоволново обличили «большевиков, что испоганили и обеднили «великий и могучий» введением нового, обрезанного алфавита». А вот сейчас мы уже вплотную перейдем к истинным вредителям русского языка.

♦ *Неугодные «реформаторы» русского языка.* Император Петр, граф Уваров, комиссия Министерства просвещения Российской империи, тож комиссия советского Наркомпроса во главе с А.В. Луначарским для пользы русского языка на десять уже ненужных букв сократили изначальный алфавит Кирилла и Мефодия. Именно для пользы. Но нашелся человек, что решил сделать обратный ход: ввести в алфавит новую букву.

Все началось с нашествия на Россию XVIII века масонов. Они люди серьезные, конспирологи, поэтому для смущения народа и расшатывания царств (как в Ветхом Завете) используют задорные ватаги несколько образованных людей, обычно литераторов. Это как в деревенских драках стенка-на-стенку сначала выпускают помахать кулачками малых ребят: для затравки и куражу. Массонские же кураж-ватаги состояются из либералов. Причем русские либералы из всего этого отряда двуногих суть наиболее всполошные, переимчивые, обычно попадающие впросак. Опять все от той же молодости нации. Как всегда, припечатал Достоевский (это не цитирование, пересказ): не потому неприятны ему русские либералы, что они либералы, а потому что они *не русские* либералы; дайте ему *русского либерала* и он его расцелует.

... Это грех Екатерины, разумной немки и императрицы правильной, полезной для России, что заигралась она (пока Великая Французская революция в 1789 году не грянула) в переписке с Вольтером в части полезности идей французских просветителей, руссоистов и пр. ответвлений европейско-

го масонства. Она-то играла в просвещенную государыню, опять же для европейского авторитета России, но ближнее ее окружение всерьез, по русской наивности, восприняло интерес и поощрение императрицей идей просветительства. Отсюда и открытие в Петербурге и Москве различных воспитательных пансионов, в которых по швейцарско-французским калькам ставился эксперимент по выращиванию «передовой русской интеллигенции». Наиболее известными стали воспитательные дома, учрежденные Бецким, придворным чтецом Екатерины.

Получилось в итоге по-черномырдински: «Хотели как лучше, получилось как всегда». Собирались создать интеллектуальную элиту государственников, но вместо этого получили либеральную фронду. Бунтарь Радищев и потерявший осторожность масон Новиков заставили Екатерину завершить заигрывание с европейским либерализмом. Но свое-то, нерусское по Достоевскому, либеральное течение уже пустило корни.

Этот экскурс к тому, что и выдающийся русский просветитель, историк и писатель, автор «Бедной Лизы» Николай Михайлович Карамзин также является выпускником пансиона Шадена при Московском университете; в этом пансионате декларировалась педагогическая система «воспитания сердца» в русле того же европейского просветительства. Литературная деятельность Карамзина началась с середины 1780-х годов. Уже в первых его произведениях просвечивается весь будущий, всероссийски известный писатель и историк: чистой воды либерал, воспитанный на нравственной философии европейского просвещения; его любимые авторы, начальные путеводители в мир творчества: Лессинг, Галлер, Жанлис, Геснер, Томсон и Шекспир.

В русском литературном мире Карамзин весьма скоро стал видной фигурой. Если «Бедной Лизой» он открыл направление романтизма в отечественной прозе, то «Письмами русского путешественника» стартовала эпистолярная публицистика, ставшая в девятнадцатом веке одним из самых излюбленных жанров в творчестве многих известных русских писателей, упомянутых выше Достоевского и Лескова также.

При всем том, не подвергаемом сомнению, большом вкладе, что Карамзин внес в становление великой русской литературы XIX–XX веков, воспитание и образование духовно-нравственное и историческое, Николай Михайлович был истинным либералом-западником. Достаточно прочесть одно лишь его высказывание из «Писем русского путешественника», весьма характерное: *«Путь образования или просвещения один (выд. Н.М. Карамзин. – А.Я.) для народов; все они идут им вслед друг за другом. Иностранцы были умнее русских: итак, надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано?»* Хотя слова эти написаны Карамзиным двусмысленно, в контексте полемики «западников» и «патриотов», но подтекст-то предельно ясен...

Копнем глубже. С одной стороны, либерал европейской ориентации, но с другой – дитя восемнадцатого века становления России как империи, к тому же «века цариц», фаворитизма, да еще густо поперченного русской неизбывной традицией: чем ниже поклонись, тем выше поднимаешься. Вот и «Историю государства российского», при всем своем западно-просвещенческом либерализме, Карамзин, не хуже своих последователей из категории «чего изволите?» XIX–XX (тот же Покровский наркомпросовский) веков, написал «под Романовых»; дескать, рюриковичи много чего неверного сделали, только с воцарением Романовых дела пошли по правильному пути. Умных, самодостаточно мыслящих людей не проведешь. Именно поэтому карамзинский труд, несмотря на его исключительно обширную историческую фактологию, выверенную научную методологию, хронологическую достоверность и пр., все же с осторожностью в последующие века воспринимался в ученом историческом мире. Пальму первенства здесь отдают С.М. Соловьеву и В.О. Ключевскому.

Сказанное выше вроде как не имеет прямого отношения к русскому языку, но весьма конкретно характеризует (см. цитату выше) Карамзина как либерала западнической направленности.

Но – история историей; как сказал один классик: «История – плачь и смеяться», – но именно Карамзин нанес непоправимый урон русскому языку в части его фонетики. Он совсем молодым, начинающим литератором отправился путешествовать по Европе, а именно в год Французской революции. Из «Писем русского путешественника» видно, что с восторгом, хотя временами и несколько критическим, неопита он жадно впитывал новые впечатления об открывшейся ему иной, нежели в России времен «поздней Екатерины», жизни. Явно по причине этого восторга и не сложившейся еще по молодости твердости, самодостаточности убеждений, возможно и некоторого тщеславия «первооткрывателя», он и «привез» из Франции букву *ë* ... к читателю: прогуливаясь, отметьте глазами французскую машину марки «ситроен» и прочтите это название: *citroën*. Кстати, буква это достаточно редко используется во французском языке. По мысли Карамзина эта буква в словах русского языка должна обозначать фонему *йо* – по аналогии с буквами *ю* и *я*, обозначающими фонемы *йу* и *йа*. Словом, молодой литератор уподобился персонажу Маяковского, что «в духе парижан назвал себя электротехник Жан».

Дело-то все в том, что московскому говору, то есть уже устоявшемуся русскому языку, времен Карамзина фонема *йо* была совершенно несвойственна; тем более, что ее не было и в предшествующих формах русского языка: старославянском, церковнославянском, древнерусском и старорусском XVI–XVII веков. Но зато фонема *йо* присутствовала в «параллельном» русскому французском языке дворянского сословия. Короче говоря, случилась ситуация, в психологии именуемая как *сдвиг мотива на цель*. Поэтому, ввиду чуждости фонемы *йо* русскому языку, искусственная, привезенная Карамзиным из «города Парижу» буквица-«елка» потыкалась, потыкалась в русском алфавите, пробуя потеснить *е*, *э* и ять *ѣ* в каких-то гласно-согласных словесных контекстах, но место своего не нашла, так и оставшись на последующие два века непризнанной парижанкой-чужестранкой. Посмотрите, полистайте словарь Даля, к счастью, по ряду причин, в том числе конспирологических, до сих пор не переведенный на современную русскую орфографию. Автори-

тетнее этого издания в части русского словаря в природе нет. ... Как и нет у Даля раздела на букву *ě* (впрочем как и на *й*; она упоминается лишь как частный случай фонемы *и*).

Но вот дворянство, особенно провинциальное, то есть форсистое и малограмотное, в том числе в части французского языка, за эту-то новоявленную букву уцепилось: хоть здесь проявить свою «ученость»! И начало коверкать русский язык. Сразу вспоминается: в школьные годы почему-то увлекся романами классиков латышской литературы (в русском переводе разумеется) от ее родоначальников братьев Каудзит («Времена землемеров») до исторического писателя Андрея Упита и уже советского классика Вилиса Лациса (он же председатель президиума Верховного совета ЛатССР). И у него персонажи 30-х годов из «образованцев» щеголяли словечком «фардон» – вместо «пардон», а потому, что фонема *эф* в латышском языке отсутствует. Так и у «образованцев» карамзинской пары...

Карамзинская же попытка явочным порядком ввести французскую букву в официальный алфавит ему не удалась. Ее «гражданство» не признали в XIX веке по понятным причинам; см. выше вкратце. Поэтому ее и не увидишь в печатных изданиях XIX века. Соответственно, и фонема *йо* если и использовалась в просторечии, то привносили ее жители северных и верхневолжских губерний с их отличительными от московского говора фонетическими особенностями. Пролетаризация России после реформы 1861-го года вызвала к жизни достаточно массовую миграцию.

После обновления русской орфографии и алфавита (см. выше) в 1918 году комиссией Луначарского – Крупской, положение буквы *ё* стало и вовсе двусмысленным. С одной стороны, она появилась в букварях и прописях младших школьников, но до окончания двадцатого века *в печатных текстах она по-прежнему отсутствовала*. Но школьные буквари сделали свое дело: детская память остается на всю жизнь, ее ничем не перешибешь! Дальше – больше: как только в русифицированном *Word'e* буква *ё* появилась к началу нового века и тысячелетия, так она и утвердилась в печатных текстах.

Аминь! Более того, с подачи наших вечных либералов с их «нынче не то, что было завтра» в последние два десятка лет вспыхивают в СМИ кампании по полной легализации парижской карамзинской буквы. Один волжский губернатор даже освятил памятник ей в форме ели. И госвласти поддались: не так давно законом утвердили эту букву как обязательную для документов навряд ли паспорта, водительских удостоверений и пр. И литераторов уже явочным – пока не законодательным! – порядком достают: вашего покорного слугу не печатают некоторые, даже дружественные литературные журналы: условием публикации ставят простановку буквы ё!

... Черт говорит в бреду Ивану Карамазову: *«То-то вот реформы-то на неприготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений ий (выд. нами. – А.Я.) – один только вред!»*

И хотя не черт нашептал Николаю Михайловичу привезти из Парижа в Россию злосчастную буквицу, но результат налицо: не мытьем, так катаньем, с подачи <авторитета> Карамзина, в течении двух столетий подспудно, явочно и пр. (см. подробно выше), но внедрение французской буквы «ё», совершенно чуждой фонетике русского языка, с «подачи» всего лишь одного, еще молодого литератора эта самая фонетика «великого и могучего» была основательно, искусственно повреждена!

И еще одна *nota bene*: в связи с «легализацией» в последние годы буквы ё в русском алфавите, уже встречались публикации, обеляющие роль Карамзина, но настолько неубедительные и малограмотные, что только со смехом их читаешь. Навряд ли: буква ё появилась в русском языке еще до Карамзина – в царствование Екатерины Второй* ...

Да-да, уважаемый читатель, той самой, что с удовольствием читала первое, журнальное издание «Писем русского путешественника» молодого еще писателя Карамзина! Это все одно, как недавно по «культурному» ТВ-каналу запиаренный «телевизионный историк» восхищался: дескать, хотя восстания

* Одна из версий: букву «ё» привнесла в русский язык Дашкова с позволения своей подруги Екатерины... Вряд ли, женщины очень осмотрительны и подозрительны!

Разина и Пугачева разделяют три века, но ведь оба они из одной донской станицы! Станишники значит...

И Карамзин не одинок во Вселенной, в смысле в России. Он-то, при всем нанесенном русскому языку повреждении, вообще действовал из благих побуждений, правда, по молодости не продумал возможных последствий. И тем уж извинительно, что по молодости, а не по дурости малообразованной, а пуще всего – из обезьянничества подражательного.

... В 1858 году в Лондоне, в Вольной русской типографии А.И. Герцена и Н.П. Огарева, что из английского своего издалека (это как через сто с лишком лет Солженицын из Вермонта) с 1855 по 1869 гг. либерально просвещали русского читателя изданием газеты «Колокол», журнала «Полярная звезда», сборниками «Голоса из России» и «Исторических сборников Вольной русской типографии», вышла сдвоенная книга (конволют – издательско-типографский термин), содержащая два запрещенных в России издания: «О повреждении нравов в России» князя Михаила Щербатова и «Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева. Имеется современное издание*.

Попутно заметим, что эта книга, как и все остальные издания Герцена и Огарева, да и собственно сама «Вольная русская типография», имели выходные данные: «*London, Trübner & Co., 60, Paternoster Row*», – то есть издавались издательством Н. Трюбнера, официально уполномоченного агента Ост-Индской компании, которая имела свою мощную разведывательно-пропагандистскую службу, поддерживающую революционную деятельность в странах – потенциальных противниках Британии, прежде всего – Российской империи. Таким образом, «Герцен, который разбудил Россию» (В.И. Ленин) состоял на службе антироссийских государственных сил. Опять-таки из благих побуждений, столь любезных сердцу и душе извечного «нерусского русского либерала» (Ф.М. Достоевский). Вот откуда ноги растут у анти-

* О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное издание / Под ред. акад. М.В. Нечкиной и д-ра ист. наук Е.Л. Рудницкой. – М.: Наука, 1983.

русских, антигосударственных либералов XIX, XX и уже XXI веков, пишущих из западного «издалека»!

Опять же к слову, но нелишне напомнить. В названном конволюте Герцен представил две крайние точки зрения: левого либерала Радищева и предшественника славянофилов князя Щербатова. Последний пишет: *«Таковыми степенями достигла Россия до разрушения всех добрых нравов, о каком при самом начале я помянул. Плачевное состояние, о коем токмо должно просить Бога, чтоб лучшим царствованием сие зло истреблено было»* (переводим на современную орфографию).

В своей книге князь Щербатов (1733–1790)* уже в царствования Елизаветы и Екатерины Второй отмечал, что «повреждение нравов» в России началось с излишней переимчивости (опять же еще молодого!) Петра Первого с Европы. Что мы уже пояснили на примерах Карамзина, Герцена и Огарева. И опять же в авангарде антирусизма идет повреждение языка.

В 1840–44 гг. в Москве была издана в трех томах (!) поэма И.П. Мятлева с затейливым названием: *«Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границую, дан л'этранже»*, относящаяся к жанру *макаронической поэзии* (от ит. *maccheroni* – макароны значит), то есть вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст пересыпан иностранными словами, возникший в Возрождение в Италии, как пародия на испорченную латынь.

В поэме Мятлев едко высмеял всероссийскую страсть к иноземным словечкам. Тот же незабвенный «аршавский портной»! Ведь самое страшное, когда повреждение языка укрепляется в мещанской среде... воистину получают «ноги в шляпе, сапоги в смятку», а русский язык обыденный превращается в тот же одесский (при всем его своеобразии!) *Ungepotchket* (идиш), то есть «составленный из лоскутков и обрезков». И надо нам всем в пояс поклониться тем, кто в XIX веке не только сохранил русский язык, но выкристаллизовал его, сохранив весь исторически сложившийся словарный за-

* Михаил Михайлович Щербатов, известный историк, автор многотомной «Истории российской от древнейших времен», доведенной до Смутного времени. В словаре Брокгауза и Ефрона, а это авторитетнейшее издание! прямо говорится, что «История» Щербатова стала основой для «Истории» Крамзина... Либерал!

пас. Прежде всего – великим русским писателям, а также столь ругаемым в советских школах графу Уварову и адмиралу Шишкову, решительно прекратившим неугомонных реформаторов русского языка, напрочь отвергавших попытки официальных, законодательных реформ. ... Равно как и советскому руководству двадцатых годов во главе со Сталиным, отвергавшим бесчисленные попытки рьяных реформаторов урезать правила грамматики «по самый пояс», обескровить алфавит и вообще (пример турецкого Ататюрка что ли вдохновил?) перейти с кириллицы на латиницу. Не верите? – Откройте на главе XIX книгу одесских классиков «Золотой теленок»: *«В ответ на наглое бесчинство бухгалтера Кукушкинда, потребовавшего уплаты ему сверхурочных, ответим... л) поголовным переходом делопроизводства на латинский алфавит».*

Дальше не до реформ русского языка было. Правда, «волюнтарист и пробобелист» Хрущев какую-то урезанную (заеца вместо зайца отсекали!) реформишку утвердил. Но настолько несущественную, что лично мне запомнилось только упрощение переноса слова: раньше тире нужно было ставить – в письме только – дважды, в конце строки с началом переносимого слова и в начале новой строки с окончанием того же слова. Теперь же только в конце строки. И то мне сейчас не верят...

... Но все это печки-лавочки. В страшном сне не приснился бы Федору Михайловичу и Николаю Семеновичу (Лескову), Генералиссимусу Сталину и адмиралу Шишкову, Карамзину и князю Щербатову, Герцену с Огаревым, Луначарскому с Крупской и пр. и пр., что придет пора апокалипсического повреждения русского языка, о чем ниже.

♦ *Атлантический вал американизации: от modus vivendi и modus operandi* до русского языка.* Если бы, например, Козьма Минин, Лев Толстой и известный русский писатель Алексей Хомяков несколько лет тому назад, реинкарнировавшись, попали в наши дни, то были бы приятно удивлены, а именно. Первый, прослушав 4-го ноября 2019 года, в День народного единства

* Образ жизни и образ действия (лат.).

утренние новости на Центральном ТВ, узнал бы, что он, «Козьма Минин, был крещеным татаринoм и, как сейчас говорят, занимал должность сити-менеджера Нижнего Новгорода» – в кавычках дословно цитируем. А вот наши тульские земляки, Лев Николаевич и Алексей Степанович, с некоторым смущением прочли бы тексты плакатов на входе в *свои* родовые имения: «*Tolstoy Weekend*» и «*Хомяков – home Поэзия*». Толстой бы срочно написал 200-страничный обличительный трактат, а трезвенник Хомяков сходу выпил целиковый штоф «очищенной». Как славянофил, коньяком и виски он манкировал. И если Гитлеру не удалось исполнить свою мечту о переименовании Москвы в *Moskaustadt*, то современные ее власти сами, без указки с Запада, часть города нарекли Москва-сити... И не одного нижегородского старосту менеджером обозвали, как оплевали: несколько дней назад из того же телеящика (у меня он старинчатый, не плоский) услышал, что маршал Жуков был *кризис-менеджером Красной Армии*.

Что это – наглое издевательство победителей в «холодной» (информационной и пр.) части Третьей мировой войны над русскими и их языком? Но давайте спустимся по шкале времени ровно на сто десять лет назад, когда столичные жители были изумлены авангардистской оперой «Победа над солнцем» (то есть над Пушкиным): композитор Матюшин, либретто – поэт Крученых (из круга Маяковского), пролог – еще более знаменитый поэт Велимир Хлебников*, художник-оформитель не кто иной как Малевич. После первого исполнения оперы некоторых зрителей прямо из зала увозили в сумасшедший дом...

Но – чужая беда не дает ума. Да что там говорить, напрасно бились против повреждения русского языка князь Щербатов, граф Уваров, адмирал Шишков... только второй русский (полугрузин – полуосетин) Генералиссимус, человек решительный, на тридцать лет остановил это издевательство. И

* Попутно заметим, что именно он оформил обложку своей стихотворной книги изображением черного квадрата, взяв за основу французский философско-мистический труд начала XVII века под названием «Черный квадрат»... А живописцы всегда были и есть «на подхвате...»

плюс еще три десятка лет народ держал в памяти остерегающие слова Вождя: «космополитизм» и «низкопоклонство перед Западом».

«Откуда, как разлад возник?» – повторим строку Тютчева. Почему с начала девяностых годов со всех сторон понеслось: «Крутость коуча, работающего на финансовый интерес», «Требуются зав. отделом логистики и мерчендайзер» (для слабограмотных в том же газетном объявлении пояснение: «зав. складом и грузчик») и пр. и пр. Здесь же непонятная административная должность, название которой, труднопризносимое, народ упрощает: абдулмен. Словом, «я б в мерчендайзеры пошел, пусть эсмэи меня научат».

Опять же почему географическое название Средняя Азия напрочь в СМИ заменено Центральной Азией? Это ведь тоже смысловой американизм. Это для них бывшие советские союзные – центр Азии, то есть Центральная Азия. Для России же, ранее СССР, самой крупной азиатской страны, протяженной от Кавказа до Тихого океана, это *именно Средняя Азия!*

А всюду проникший, даже в школьные и вузовские методички, обезьянический термин «дорожная карта», калька с американского. Сам читал в местной газетке: «Дорожная карта реализации муниципальной программы раздельного сбора бытового мусора...» А я помню когда, с чьей подачи штамп этот к нам попал: в начале 2000-х годов, когда закончилась очередная стычка Израиля с палестинцами, в наших утренних новостях диктор объявил: «... в подписанном перемирии содержится дорожная карта по разграничению территорий Израиля и Палестины». И далее пояснил для народа, что это аналогия с дорожной картой у американских автомобилистов; поскольку американцы слабы в географии (это уже мой комментарий), то это просто перечень населенных пунктов вдоль конкретной дороги. Поскольку это было на центральном радио России, то новый американизм вмиг разлетелся и был освящен к употреблению. Так что история языка на глазах творится!

Если в позапрошлом веке русские писатели вовсю иронизировали над «смесью французского с нижегородским», то нынешний *американо-нижегородский* победно шествует уже третий десяток лет. Официальное

подтверждение тому недавнее сообщение в СМИ: только что в словарь Виноградова, а это академический свод, то есть закон для русского языка! – внесены 600 американизмов навроде «кешбэк», «коворкинг», «хайп» (я-то по наивности доселе полагал это гавкающее словечко американским матом?) и остальные 597 того же типа.

Значит, теперь уже «виноградовской» стала обычная лающая телерадио-реклама: лайф! драйв! – и поперхнулся старый цепной пес, прохрипел: кешбэк вашу фейкину экономию на экваринге... И совершенно зашибительское: «Подледный дайвинг, а также кайзинг и джипинг – любимые зимние забавы россиян» (ТВ, зима 2020-го года). Вроде недавно опять еще триста таких же слов «овиноградили»? – но не гарантирую истинности: дикторша очень уж малограмотная попалась, слушал вполуха.

Сформулируем два базовых тезиса, которые, как объективно представляется, лежат в основе нынешнего повреждения русского языка: (а) все варианты такого повреждения директивно исходят... от СМИ в категории масс-медиа; (б) оптимистичное: несмотря на тридцатилетнюю «обработку» масс-медиа, народ наш, исключая некоторые замкнутые социально-профессиональные группы, в целом и в массе своей практически не воспринял (!) и не перешел на «американо-нижегородский» сленг и на американские кальки в мышлении.

Некоторый негатив наблюдается в молодых поколениях, что не застали советского воспитания-обучения, но уже в полной мере оказались в сетях интернета-уманета. Согласно одному из опросов, 36% людей в возрасте от 18 до 36 лет хотелось бы изменения норм русского языка по принципу «как слышится, так и пишется». То есть все тот же заец вместо зайца, упомянутый выше. И второй момент: для данной возрастной группы характерен в полной мере компьютерный солипсизм: если чего-то нет в компьютере, то оно и во все в природе не существует... Протестов против такого ущербного мышления в молодежной среде нет, иначе будешь белой вороной... хотя в последнее время и «затаскали» в ТВ-программах характерные слова Оноре де Баль-

зака, но вернее здесь не скажешь: «Там где все горбатые, стройность становится уродством». Еще жестче выразился по схожему поводу А.П. Чехов, что-де дело не в оптимизме или пессимизме, но в том, что у 99 людей из ста нет ума...

Раскроем тезис (а). Сразу оговоримся, что полагаем эти рассуждения сугубо объективными (см. выше ссылку на наш двадцатитомник, где данные положения научно выверены), поскольку высказывает их профессиональный писатель, автор более тысячи публикаций, а одновременно и профессиональный же ученый-исследователь также с тысячей опубликованных работ. Это ведь тоже пресса, отчасти и масс-медийная. Опять же и выступлениями на радио не манкирую. Был бы субъективен, так в свой колодец-то плевать не принято?

... Когда Наполеон, человек большого ума, хотя бы сам плохо кончил, поименовал прессу и вообще печать четвертой властью, то словно за два века в будущее смотрел. Русские цари, а потом генсеки тоже не рядового ума людьми были, тем более с такими своеобразными подданными: наивными и подозрительными одновременно. Потому-то как коронованные в соборе Кремля, так и избранные (или «избранные»?) на заседании Политбюро по соседству, в здании на Старой площади, воли «четвертой власти» не давали – особенно генсеки, попросту сделав ее канцелярией по минимально-достаточному информированию народа. Именно поэтому к началу лихолетья девяностых годов народ наш и преемники кремлевской власти (тем более, что они и сами в ней состояли) пришли с генофенотипически выработанной уверенностью: что сказано по радио, показано по телевизору и напечатано в газете – есть истина в последней инстанции.

На Западе же, с его блестяще отработанной – от доктора Геббельса и штаб-квартиры ЦРУ – техникой информационной пропаганды, тотчас прибрали под свое крыло российскую масс-медиа, благо она сама, даже без обещания скромных опресноков, то есть долларов, радостно бросилась в омут либерализма: дескать, семьдесят лет терпели-мучались, дождались роднень-

ких, слава ихнему богу, про которого и на баксах написано: «*In God we trust*», то есть в Бога мы верим! И помчалось в ритме холерического рейг-тайма и иных западных плясок.

А уроки американского начались строго с самых первых утренних телерадиоизвестий. Включаешь, заваривая чай для завтрака, кухонный динамик, оставшийся от советской обыденности, а там веселая дикторша задает урок на сегодняшний день: «... Одно из благ нашей молодой демократии – постепенное уменьшение фактов взаимного унижения полов в браке, или, как сейчас принято говорить: лайкинга и козлайкинга». И так изо дня в день на протяжении тридцати с лишком лет. Поскромничали «виноградовцы»: вместо полутора десятков тысяч всего-то шестьсот американских слов «обрусили»!

Но здесь сами масс-медийцы подкачали: слащаво-веселые дикторши иногда забывали (память девичья коротка!) ранее сказанные ими новорусские словечки, а ведь для закрепления в головах слушателей-зрителей, как и на школьных уроках, их надо произнести несколько раз (и доктор Геббельс это авторитетно заявлял). Вот почему из пятнадцати тысяч американизмов только шестьюстами обогатился великий (доселе) и могучий... Карамзин с княжной Дашковой и самой Екатериной Второй вовсе понурили бы головы: они-то едину буковку с парижан списали, а тут тысячами слов *мериканских* ворочают безродные всякие...

Как только ежедневное новое американское слово произнесено в утренних радионовостях, так к полудню-вечеру (не к вечерне!) оно перекечевало уже в новостные и многочасовые «авторские» телерадиопередачи, в задумчивые беседы актеров, одетых «ведущими политологами». Через неделю и разного ранга чиновники, особенно чиновницы, всевозможных оттенков административные труженики в интервью этим словечком не преминут щегольнуть. Через месяц и в свежих выпусках бесконечных сериалов американская составляющая в диалогах «говорящих голов» тоже обогатится.

Сближение в Америкой, оруэлловским Старшим Братом, словом. Сразу вспомнилось из истории нашего переимчивого отечества. Когда «англичан-

ка» решила создать Антанту, чтобы руками Франции и России приструнить своего экономического материкового конкурента – Германию, то начала опутывать Россию французскими займами из мощны Ротшильдов. Хотя Александр Третий Миротворец умен был, но не сразу сообразил что к чему приведет, морщась поддался на политику сближения с Францией. Поэтому и заказал Чайковскому балет на французский литературный сюжет. Так появилась «Спящая красавица»...

... Таким-то образом – мы уже не о Чайковском говорим – в считанные начальные девяностые годы и появился феномен американо-нижегородского языка. Пусть славные нижегородцы не обижаются: это из девятнадцатого века тянется в подобных ситуациях. Казалось бы, смирись, раз такая планида нам выпала в нынешнее время, ломай язык чужеземными словами... ан нет! Вспомните о тех трех ругательных словесах, что только и остались в народной речи от двухсотлетнего офранцузивания русских: с мирными и вольными нашествиями. Поэтому перейдем к оптимистическому.

Раскроем тезис (б). Говорю по личному опыту общения с людьми различных социальных, как сейчас казенно говорят, групп, а он-то, собственный опыт, редко обманывает. И круг общения достаточно широк по роду занятий: студенчество, университетские преподаватели и административный персонал, люди науки, образования, медицины, литературного творчества и пр. вплоть до рабочих, служащих, пенсионеров, дворовых мирных «алконавтов» и дворника, – узбека Кизима, то есть всех тех, с кем сталкиваешься в быту. И за все тридцать с лишним лет принудительной, масс-медийной американизации, исключая студенческие, по малому еще их уму, «о'кей» и «вау», *ни от кого, ни разу* не слышал *ни единого* слова из тех шестисот, что внесли в словарь Виноградова, тем более из тех ~ 15000, что в утренних телерадионовостях подарили нашим ушам веселые дикторши и телеведущие. А если и употребляют иногда, то только с юмором с сарказмом в адрес «просветителей»: «Пока не сделаны уроки, забудь про виски «Джонни Уокер». Или в недавнюю пандемию: «Сегодня ты без антител, а завтра в НАТО захотел»; «Каж-

дому кто привился, хотдог в подарок!»; «Бигчикен острый – только по кюар-коду»; «Лазанью Васька захотел, пошел и сделал ПЦР»... и так далее.

Вывод очевиден: с одной стороны, в русском человеке, обширно понимаемом, то есть который *думает* на русском языке, генофенотипически живет настороженность к чуждо звучащим для него словам, причем это вовсе не пресловутая «русская лень» – избегать умственных усилий, семантически осваивая новые слова, но именно *неприятие* всего чужеродного, что они несут в его традиционное мышление *по-русски*, хотя бы это мышление *исторически* включило, но уже считает *своими* сотни и тысячи слов древнегреческого и латинского корня; названий предметов и действий варяжских, татарско-тюркских; бытовых и научных немецких и французских (как бы мы не иронизировали над ними...). С другой же стороны, всякие нововведения в языковую норму – а это закон науки филологии! – приживаются в ней именно в историческое время. Если же за пару-тройку десятков лет, что историческим временем не является, в уши человека «влетает» не одна сотня-тысяча чужеродных слов, причем в язык (русский), который является самодостаточным, развитым, не уступающим по словарно-семантическому запасу и обиходу «языку-донару», то в сознании человека «языка-акцептора» интуитивно возникает ступор в части осознанного восприятия привносимых слов. Значит, «невакцинированным и неотолмаченным* вход строго воспрещен!»

... Чтобы не превращать литературно-публицистический очерк в суховатое филологическое исследование, вернемся к заявленной теме о повреждении русского языка, к натиску его американизации в последние три десятка лет. Опять же – для понятливости – на характерных примерах. Возьмем четыре наиболее «въевшихся» в организм современного русского языка американизма: *бизнес*, *ЗД* – <далее название предмета>, *контент* и *фейк*. Первое – наиболее *частотно* употребительное в масс-медиа, в административно-управленческих и бюрократическо-чиновничьих кругах (не в личном, конеч-

* От древнерусского толмачить – переводить; само это слово в русском (и в других славянских языках) является заимствованным из тюркского; по другим данным (см. словарь Фасмера) – из печенежского языка.

но, общении, но «для прессы»). Сам термин *business* в американском, вообще англоязычном его употреблении несет семантический смысл *наживы любым способом*. Поэтому обычно переводимое американское приветствие при встречах: «Как ваши дела?», – в оригинале есть: «Как ваш бизнес?» При этом вид бизнеса-наживы даже не обсуждается (вспомните из фильма «Брат-2» наивный вопрос героя Бодрова-младшего: «А что, им интересны мои дела?»). Нажива и только нажива. Отсюда в «лихие девяностые» расхожие уточнения: торговый бизнес, нарко-бизнес, бандитско-воровской, даже военный и церковный...

То есть смысл слова (в первоисточнике) сугубо неприемлем – по Христовой морали, которая и доселе еще жива в нашем народе. Именно поэтому, самодостаточно мыслящий – без телящика – русский человек, слыша этот самый «бизнес» со всех экранов, трибун и пр., невольно и досадливо морщится. Тем более, что у этого чуждого слова в русском языке имеется – контекстно – до двух десятков семантических синонимов.

... Полный обезьяннический идиотизм с пресловутым 3Д, которое, как горох из прорвавшегося небесного ящика, уже который год сыпится отовсюду на наши уши. Народ (см. тезис **(б)**) этого цифро-буквосочетания на дух не переносит, ибо грамотен и знает, что это есть американская аббревиатура слов *three dimensional* с переводом, яснее ясного, на русский язык: трехмерный, то есть объемный. Что за любовь к «трем дэ»? – Может что-то таинственное, сакральное чудится за ним? По мне так полная потеря смысловой составляющей мышления... 17D – водка оцифрованная безалкогольная.

Далее на очереди *контент* – с конкретным, не допускающим разночтение, русским переводом: *содержание*. И без перерыва в перечислении – словечко *фейк*, то есть вранье.

Владимирский централ – ветер северный.

Этапом из Твери – нас намерено.

Когда я банковал, жил размеренно,

Но не очко обычно губит,

А к одиннадцати туз!

Дожили-таки до времен, когда песни Михаила Круга (а они ведь вовсе не лишены вкуса и содержания?) в параллели с масс-медиа стали высокой языковой классикой!

Раз уж вспомнили о лагерной поэтике Миши Круга (пусть земля ему будет пухом!), то приведем в контексте ТВ-рекламу с предложением работать в УФСИН, то есть тюремном ведомстве: «Сотрудники силового блока и принудительного исполнения наказаний обеспечиваются конкурентным окладом содержания и дают возможность самореализации». Добавим шутейски: при отмене моратория на смертную казнь – самореализации «технического ликвидатора»... Мд-д-а, похоже не только американизацией делают из русского языка «словесный нужник». Одно «цифровое министерство» чего стоит? – это ведь снова калька с американского (на Украине – Министерство цифровых трансформаций).

... У яростного ненавистника советского социализма, а значит и вообще традиционного русского народа, Солженицына, «вермонтского отшельника» все же есть хорошее, меткое слово: подмахивать («Один день Ивана Денисовича»). И его действенность сказалась в повреждении русского языка в начале девяностых, когда, якобы «в уважении к бывшим союзным и пр.», забыв напрочь о филологической науке *ономастике* (исторически сложившихся именах собственных), в масс-медиа началось такое подмахиванье: Ашгабад, Алматы, Кыргызстан, Таллинн, Молдова (по-русски Молдавия) и даже Минск! (правда, всего год продержалось – снова вернули Минск).

Это все одно, как бы вдруг велено было масс-медиа Норвегию именовать Норге, Германию – Дойчландом, Францию – Франсе и пр. Со Швейцарией вышло бы затруднение, у нее три языковых самоназвания: Швитцерланд, Зюссе и Гельвеция. Вроде как в последние пять-десять лет вернулись к ономастической норме ... за исключением Киргизии (?!). С состраданием народ смотрит по телевизору на высоких чиновников, что с напряжением выговаривают: Кыргызстан и (живущие в нем) кыргызы. Наверное, так надо.

... Кстати, в *pendant* на ученой латыни, вспомнил. Когда в первой половине 2010-х годов, то есть до «времен очаковских и покорения Крыма» (это не я – Грибоедов сказал, а сейчас столичные либералы поделдыкивают...), у нас на медфакультете учились очаровательные юные хохлушки из Черниговской и Полтавской областей, то есть из самого сердца Малороссии, где говорят на языке Тараса Шевченко, а не на искусственном галицийском «украинском» языке, то они, наивные еще создания, с удивлением спрашивали: «А почему у вас в России так странно говорят: «Приехать в Украину» и «Уехать из Украины»? – «А у вас как говорят?» – «Как обычно: «Приехати на Украину» и «Уихати с Украйны».

... Не буду же им объяснять, что как-то их президенту Ющенко, тому, что объевшись раками с салом, покрылся пятнами и обвинил российских агентов в отравлении, показалось обидным российское же «приехать на ...» и «уехать с ...». Он просто, не задумываясь, сказал это, но вот у нас явочным порядком СМИ, а за ними все госслужбы, с тех пор и поныне говорят «приехать в ...» и «уехать из ...». Словом,

Жили-были я и он,

Подружились с похорон...

– вроде как Саша Черный (или Велимир Хлебников?).

... Вовсе не страшны языковые агрессии, даже столь мощные, скоординированные и направляемые, как нынешняя американизация: народ в массе своей как проглотил картавые словечки из телерадиопередач, так и выплюнул: тому свидетельства истории; см. выше. И если чиновник что-то по написанному тексту и промямлит на американо-нижегородском, а также учительница среднестарших лет, у которой берут интервью, пропустит пару-тройку «челенджей», «контентов» и «Голстой-уикэнд», решив, что так надо для массового озвучивания, то народ пропустит это мимо ушей, понимая: положение обязывает. Тем более, Россия – с великокняжеских времен – страна не ровного движения в истории, но бурных или дежурных кампаний. Вот и нынешнее положение страны обязывает власти на кампании по очищению язы-

ка от американщины, что и видим на экранах ТВ. Конечно, до очередного переименования СПб в Петроград, как то имело место быть в 1812 и 1914 годах, не дойдет, но – все же остановит повреждение русского языка.

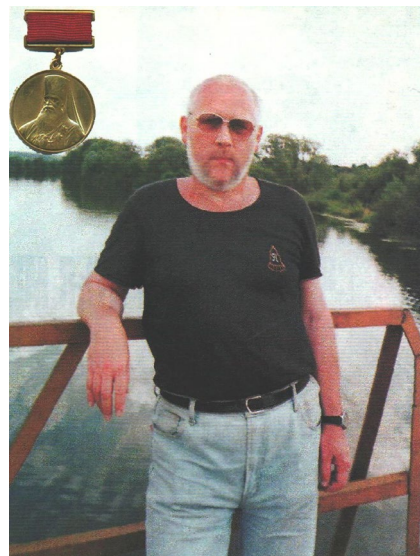
Но вот где пессимизм полный и неизбывный – это массовое оскудение мышления, а отсюда и полное обеднение русского языка, даже без иностранных словечек, до уровня суконно-цинковой казенщины. Увы, это следствие глобализации, которую, как ход эволюции, кампаниями и пристрожением масс-медиа не отменишь.

Ваш же покорный слуга, завершив очерк злободневной, для России – вечной с петровских времен, темы (а мысль изреченная есть ложь!), примет с устатку рюмку грузинского «асканели» и для успокоения растревоженной души посмотрит по телеканалу «Культура» шедевр мирового кино: «Маленький Будда» Берталуччи...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

«ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС», ИЛИ ПРОРОЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ДЕЙСТВИИ

И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «простить», – завоевание Кавказа например.

Ф.М. Достоевский «Дневник писателя» за 1876 год

Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!

Ф.М. Достоевский «Дневник писателя» за 1877 год

♦ *«Пророку ж дар особый дан...»* В свете ныне экспоненциально нарастающего глобального расчеловечивания, Россия и Европа, вообще атлантический Запад, являются выраженными антиподами эволюции человека. Это и пояснять особо не нужно. Что называется, выгляните в окошко? Вот и «певец английского империоколониализма», но и поэт выдающийся, не отнимешь! а именно Редъярд Киплинг, сказал с британской лаконичностью, что Россия вовсе не является самым Востоком Европы, но есть самый Запад Азии... И, по его же словам, Западу и Востоку, Азии то есть, вместе никогда не быть. Впрочем, все это до Киплинга сказал, литературно-философски обосновал Достоевский. На то он и гений, а их, великих провидцев генезиса человеческой души, было явлено миру всего лишь двое: Шекспир и Достоевский (располагаем в порядке сугубо временнóм). Но если Шекспир, при всей конспирологии его личности (Бэкон–Шекспировская теория и пр.), все же был выразителем уже сложившегося к тому времени европейского рационализма, то доминанта творчества Достоевского суть *всечеловечность*. Д.С. Мережковский в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский», сравнивая этот рационализм Запада и русскую всечеловечность в антитезе Ницше и Достоевского, дает определение: дух Запада есть Человекобог, воспеваемый Ницше, а дух России суть Богочеловек Достоевского. Их высшие воплощения: Богочеловек Христос и Человекобог Антихрист. И это два антиподных воплощения Сверхчеловека.

Итак, Достоевский – гений высшей христианской морали, отвлеченный от западного (католического у него) рационализма. И именно с позиции этой

морали Достоевский выступает провозвестником, пророком той нерадостной будущности, что ожидает в не столь уж далеком будущем традиционное человечество, в особенности русское, Россию, как главную хранительницу Христовых заповедей. Ибо страна наша уже исторически поставлена в противостояние с Западом, с Европой католической и протестантской. Контур грядущего железного занавеса (здесь и далее без закавычивания) Достоевский видит в историческом прошлом и настоящем его времени.

Уже полтора века труженики науки психологии в различных ее разветвлениях – от социопсихологии до социобиологии, психологии творческого бессознательного и сугубо клинических дисциплин, рассуждают в своей су-конно-ученой терминологии о пророческом феномене Федора Михайловича. Как нам представляется, наиболее существенное слово здесь сказал ныне напрочь забытый врач-психиатр из Свердловска Г.В. Сегалин, издававший там же в 1920-е годы последний «частный» в СССР журнал «Клинический архив гениальности и одаренности (эвропатологии)». В выпущенных пяти томах, каждый в четырех выпусках, Г.В. Сегалин, он же собственно почти и единственный автор журнала, исследовал творчество выдающихся русских писателей, в том числе и современника А.М. Горького (Алексей Максимович дал блестящий отзыв!), с позиции созданной им дисциплины – *эвропатологии*, что дословно (аутентично) и переводится: *творчество как патология* (?!).

... Но в чем-то, как и его идейный предшественник Чезаре Ломброзо, кстати, друг Льва Толстого (последний даже спас итальянского философа, тонущего в яснополянской речке Воронке) Г.В. Сегалин «перегнул палку», слишком «некомильфо» раскрыв личностные черты великих людей в их творчестве. Поэтому их смелые и оригинальные концепции творчества, как вида патологии ума и души, и были оттеснены в «исторический архив науки»...

А вот сам Достоевский, без ученой терминологии и всяких обвиняков, говорит в своих произведениях, особенно в «Идиоте», о патологическом базисе творчества.

Сказанное выше к тому, что действительно, «пророку ж дар особый дан...» – дар восприятия действительности как объективного через субъективное. Даже высоколобые мужи от философии не поморщатся от такого определения. А оно-то как раз и открывает в человеке недюжинного таланта пророка... которым, как сказал русский классик (первоначально – библейское), *нет места в отечестве своем*. Потому-то даже сейчас, говоря о пророчествах Достоевского о будущем России, русского народа, официально на то уполномоченные литературоведы, «переодетые» социологами, политологами и пр. «разговорными людьми» на телерадио актерами, как-то вскользь, скороговоркой упоминают, что-де Федор Михайлович много говорил о будущем своей страны, но все как-то пессимистически, что свидетельствует об особенностях его художественного и психического склада... и так далее. И только нынешняя действительность пресекла подобные недоумения (уполномоченных на то...) в части отсутствия у Достоевского творчески-провидческого оптимизма. Истинно, пророков начинают понимать уже далеко от их жизненных пределов...

Самое поразительное, что претензии к пророчествам Достоевского в части грядущей судьбы России и русского человека предъявляют носители противоположных укладов социального мышления: патриоты выраженные и прозападные либералы. Первых не устраивали рассуждения Достоевского об ограничении Европой разбега гоголевской «русской тройки», вторых же – отрицание писателем многих «европейских ценностей», как вовсе не нужных русскому человеку. И вообще он полагал русский либерализм вовсе не русским, говоря словами Евгения Павловича: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять»*

таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским. – А.Я.) либерал, а есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую» («Идиот»).

Либералов в их отношении к Достоевскому, таким образом, очень просто понять. Сложнее дело с истинными русскими патриотами, здоровыми консерваторами. Ведь опять же – в антитезе к словам своего персонажа – Федор Михайлович отвергает даже малейший намек на историческую, политическую, вообще всякую «второстепенность» России по отношению к Европе: *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества» («Подросток»).*

Итак, по Достоевскому, магистральный путь России есть гармоничное сочетание следующих социальных, гео- и просто политических, национальных и иных факторов: (а) признание уже сложившейся < к его времени > самодостаточности России; (б) определенная автаркия по отношению к Европе: «свой путь»; (в) строгая государственность, или, как сейчас ее обозначают: выверенная вертикаль власти; (г) в морально-этическом плане неоспоримое первенство православия: как церкви-учреждения, но еще более как института нравственности и морали; (д) народность «подкорректированной» едино (не само!) державной власти; (е) не отрицание – как у славянофилов в их формуле «Москва есть Третий Рим, а Четвертому не быть» – великой европейской цивилизации, но принятие ее лучших качеств с переносом на специфическую русскую почву.

... Перечисление таковых факторов можно продолжить, а сами их дифференцировать в конкретике. Но уже из названных (а) – (е) следуют явно, иногда не явно сбывшиеся предположения Достоевского об ожидающем Россию будущем. Во-первых, это соизмерительное с Европой, ныне вообще с За-

падом, развитие и само существование России: «... Мы так поставлены нашей европейской судьбой». Во-вторых, что собственно и вытекает из первого, само существование России как самодостаточного государства, см. (а) – (е), в постоянной ситуации такого «напряженного нейтралитета» с Европой, который в следующем, двадцатом веке не замедлил вылиться в 20-х годах в первый вариант железного занавеса («санитарного кордона») с доминантой идеологического. ... На плакатах из старых советских фильмов, что мелькают порой в кадрах, или на спичечных (коробков) этикетках у коллекционеров-филуменистов можно видеть девиз того первого занавеса: «Керзону-лорду в морду, а товарищу Чичерину (если не ошибаюсь?) привет!» Впрочем, это тема последующего содержания очерка, как и воследовавшие варианты железных занавесов: «холодная война» и нынешний гибридный.

Как нам представляется, пессимизм пророчеств Достоевского в части России и ее исторического отторжения от Европы во многом, если только не в основном! *был обусловлен* четко осознаваемым им противоречием между этим отторжением и исторически набирающим силу явлением, что мы сейчас уже привычно именуем глобализацией. Об исторической же предтече глобализации Достоевский пишет в «Дневнике писателя» (цитируем в передаче Д.С. Мережковского; см. выше): *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством – формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пала лишь идея всемирной римской (выд. Д.С. Мережковским. – А.Я.) монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе».*

Нет, Федор Михайлович не впадает в противоречие с самим собой, говоря здесь о всемирности, а центр тогдашнего мира есть Европа! единения в христианстве, в то же время из одного своего произведения художественной прозы и публицистики в другое неустанно говоря о все нарастающем антихристианстве – Антихрист теснит Христа! – Европы, а современную ему цер-

ковь Св. Петра и вовсе именуя полностью отошедшей от новозаветной морали: все им сказано в Легенде о Великом инквизиторе. Достоевский здесь говорит о великой европейской цивилизации как итоге сейчас уходящей христианской идеи, на смену которой идет идея Антихриста, объединяющего Европу не заповедями Христовыми, не моралью и нравственностью Нагорной проповеди, но мамоной денежного мешка капиталократии. Именно деньги, как пишет Достоевский, сделают всех людей равными: в том смысле, что деньги упраздняют первенство талантов; все покупается, все продается.

И вот, опять же пророчески! предвидя такую капиталкратическую глобализацию Европы (и всего мира), Достоевский отводит именно России, в которой христианство в форме православной морали, даже возможно без церкви-учреждения, еще достаточно долго будет держаться, роль последнего оплота человечности. А отсюда опять же необходимость – по своей воле или вопреки ей – железного занавеса с Европой. Куда ни кинь, всюду клин...

Конечно, ни лорд Керзон, объявивший молодой Советской России ультиматум, за столбивший опоры первого железного занавеса, ни Уинстон Черчилль, продекларировавший в студенческой аудитории Фултона второй занавес, правда, почти на полтысячи километров западнее первого, ни атлантический НАТО, резко обозначивший контуры третьего занавеса, к сожалению, на западных рубежах Московского царства времен где-то между двумя Иванами Васильевичами (Иваном III и Иваном IV), ни, тем более, устроители схожих прежних занавесов от золотоордынских времен, мнением Достоевского не интересовались. Ибо пророк не вершитель судеб, но всего лишь предсказатель объективного, исходя из верно понятого субъективного. К тому же в несовершенной природе человека – не прислушиваться к вещаниям пророков. Дескать, улита едет – когда-то будет, авось нас на нашем веку пронесет. Увы, не было для России такого века. Тем более сейчас не будет в эпоху глобализации, когда эволюция человечества пошла стремительно в гору – по восходящей экспоненте, как говорят ученые люди, а время событий стремительно ускоряется. И вообще состояние мироустройства меняется

буквально на глазах, в пределах жизни одного, много двух поколений. Причем если в предыдущие века и тысячелетия смена общественных формаций занимала эти самые века и тысячелетия, но соответствовала диалектическому закону перехода устаревавших, отвергаемых человечеством количеств в новое, более «человеческое» качество. Образно такое прогрессивное движение эволюции человеческого социума определил известный малороссийский* философ XVIII века Григорий Сковорода: *«Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится».*

Нынешний же натиск глобализации «под управлением» финансово-олигархического империализма в одночасье смял все привычные традиционному человеку, исторически запечатленные в его фенотипической памяти «нормы» социальных перевоплощений. Словом, уродливый цыпленок хищной и уродливой птицы, вернее птеродактиля, Великого глобализатора – родного брата Великого инквизитора – внезапно вылупился из еще не насиженного яйца... Подобное даже Достоевскому не предвиделось. Но все одно гений русской и мировой литературной мысли безусловно прав: Россия есть последнее пристанище мыслящего человека, мыслящего и живущего *всемирно*, а не только для себя в своем сугубом индивидуализме. И именно поэтому никогда дух России не сблизится с духом Запада, как бесконечно далеки друг от друга, антиподны их высшие воплощения: Богочеловек Христос и Человекобог Антихрист. Вот и вся апология железного занавеса. А мы ее розовьем в примерах истории и современности.

♦ ***Историческая предтеча отчуждения Европы и России: от географии до геополитики.*** Понятия Россия и *пространство* во многом синонимы. Как бы кто не относился к рабочему инструменту Великого глобализатора – интернету (более правильное название: уманет!), но ради благого дела порекомендуем здесь воспользоваться им, а именно: найдите по поисковику (мне легче – есть в домашней библиотеке) две книги позапрошлого века: первую

* В то время самоназвание «Украина» еще не существовало. Теперь же портрет Григория Сковороды можно видеть на банкноте достоинством в пятьсот гривен...

русскую, профессионально написанную грамматику Н.И. Греча (да-да, того самого, что в «Кукушке и Петухе» Крылова!) 1828-го года издания и «Географию Российской империи» для гимназий 1887-го года издания. Просмотрите их. Сразу бросится в глаза это слово *пространство*. Учебник выдающегося филолога Николая Ивановича Греча прямо так и называется: «Пространная русская грамматика». А в учебнике географии для гимназий, в оглавлении ее, главы, описывающие исторически и экономически сложившиеся области в их расширенном понимании (ныне округа, калька с американского...), именуются: Пространство Лесное (Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии); далее со своими губерниями: Пространство Горнозаводское, Пространство Валдайской возвышенности, Пространство Низменное (это нынешняя Белоруссия), Пространство Манафактурно-промышленное и так далее до Пространства Прибалтийского (СПб и Прибалтика).

Итак, всюду пространство, простор, бескрайность, «чарующий простор» – у нашего классика. Именно с географии, как это ни недоказуемо звучит, и начинаются истоки отчуждения России от Европы (?). Киевская изначальная Русь являлась хотя и окраинным, но вполне европейским государством. Как та же Польша, Венгрия, образованная пришлым с Северного Урала племенем мадьяр. Как государство очень молодое – в сравнении с той же соседней Византией, идущей от античного Средиземноморья, – начальная Русь нуждалась в расширении своих владений. Но куда ей было двигаться? На юге Черное море, на западе – подвластные Византии, союзнице и крестительнице Руси, славянские и романские (Валахия и Молдова) народности, на востоке – враждебные и сильные враги: степные орды хазар и половцев, не говоря уже о воинственном Кавказе, к тому же вовсе не пригодном для обитания земледельческого славянского народа.

Оставался только путь на север, вернее на северо-восток, поскольку ранее образовавшиеся на севере Новгород и Псков, торговые республики, вписавшиеся в варяжскую геополитическую «зону влияния», большого населе-

ния на неплодородной земле не требовали. И так, путь на северо-восток, в гигантский лес, протянувшийся до Белого моря, а на восток до Уральских гор, а за Камнем (так Урал именовался) и вовсе неизведанные земли. И лес этот прорезывается самыми удобными долгими дорогами – реками Днепром, Дном, Северной и Западной Двиной, Верхней Волгой и самой главной для русичей, *самой русской* рекой Окой.

Простор настолько велик, что на всех хватает: и пришлым с юга старорусским племенам, и невоинственным коренным обитателям этих пространств: угро-финским народам, в том числе самому обширному из них – Мордве, одному из двух основным племен которой (мокша и эрзя), а именно мокше, ранее и принадлежала вся нынешняя, для нас исконная, Среднерусская возвышенность... с окрестными ей низменностями.

Опять же, как покажется «притянутым за уши», но именно ордынское нашествие – с начальниками монголами и «рядовыми» из алтайских тюркских народов – и последующее, почти трехвековое, пребывание Улуса Джучиева, то есть Центральной Руси, в составе Золотой Орды, способствовало созданию, после захирения Киевской Руси, новой Руси – Московской. Правда, право на создание и возглавление этой второй Руси почти до начала XVII века оспаривали русские великие княжества: Московское и Литовское (белорусское то есть). В основном не войнами, но переманиванием на свою сторону (уговоры за водкой и зубровкой) пограничных князьков, а пограничной была Ока. Отсюда и название ее окрестной местности по верхнему течению, до Алексина: Страна князей... Но – к теме.

Ордынское подчинение Руси инициировало исторически первый «завес» между ней и Европой. Не по воле как Руси, так и Европы. Последняя просто отгородилась от Орды по западным границам будущей Московской Руси. Своя рубашка ближе к телу... Но одновременно Москва обрела и двух кровных врагов: немецких ливонских рыцарей и поляков («*То давний спор славян между собою*», – у Пушкина в «Клеветникам России»). Во многом только союзническая поддержка Орды, «отвечавшей» за целостность Улуса

Джучиева, помогла Руси устоять против тевтонского «*Drang nach Osten*»: татарская конница, хотя об этом принято умалчивать, била немцев и шведов вместе с Александром Невским, а в Грюнвальдской битве (1410 год) объединившихся против Тевтонского ордена славян участвовало 30 000 ордынских конников (см. словарь Брокгауза и Ефрона – там вранья не допускали).

Итак, причина и контуры, географические и геополитические, первого железного занавеса ясны. Следствием его стало и культурное, научно-образовательное, экономическое разъединение Европы и Руси. На пользу или во вред это пошло ей? – Но в таких прямолинейных категориях решать нельзя. Вот взять, к примеру, эпидемии, что регулярно, с неотвратимой периодичностью почти что уполовинивали население Европы – особенно чумные. Но вот в те же времена пространственная обширность и все тот же «занавес» берег Русь – Россию. В отличии от скученной и мобильной Европы. Конечно, эпидемии случались – и нередко, но, так сказать районированные. Вспомните холерную «болдинскую осень» Пушкина... а отец мой, 1917-го года рождения, всю жизнь носил на лице оспенные отметины: вся их калужская деревня переболела в годы Гражданской войны. Нет худа без добра – это об «умеренных» эпидемиях в России, особенно чумных, в сравнении со средневековой Европой.

Кстати говоря, интересно само происхождение словосочетания железный занавес. Ведь до Второй мировой (у нас – Великой Отечественной) войны он не использовался – что-то навряде «санитарного кордона» или схожего на слуху были. Иногда авторство приписывают остряку Черчиллю, но как-то неуверенно. Скорее всего корни идут из Голливуда, где в 1948 году был снят фильм «Железный занавес», действие которого происходит в Канаде, а сюжет развивается вокруг советского посольства и советской же разведки. Фильм этот пользовался на Западе большой популярностью, вроде как «оскароносным» стал. Да, скорее всего, оттуда ноги растут...

Таким образом, сначала география осваиваемых огромных просторов, а затем долгое включение Руси – Улуса Джучиева в состав Золотой Орды, то

есть фактор уже геополитический, а «попутно» агрессивное противостояние Руси Тавтонского ордена, шведов, а главное – Польши (Первой Речи Посполитой в те времена), сформировали средневековый железный занавес XII–XV веков. Вдобавок разрушение турками-османами одряхлевшей Византии и создание сепаратистом Мамаем (поэтому в Куликовской битве на русской стороне участвовала опять же ордынская, «сарайская» конница; Лев Гумилев был уверен в этом) Крымского ханства, подчиненного османам, полностью отрезало Московскую Русь от Европы на юго-западе. Настоящий железный (от сабель до пушек) занавес отрезал Русь от Европы – без единой соединяющей тропинки. И отрезанной от Балтийского моря.

Царство Ивана Грозного – хотя бы с его многолетней Ливонской войной за выход к Балтике – уже осознанно ориентировалось на автаркию Русского государства, а в последующее царствование Федора Иоанновича, «руководимого» Борисом Годуновым, а затем самого вошедшего на престол, Россия и вовсе переключила свои интересы на Восток, в Зауралье, в Сибирь. А после бедствий Смутного времени, отбившись от польского натиска, царь Михаил Романов со своим отцом патриархом Филаретом (в миру боярином Федором Романовым–Юрьевым), а далее царь Алексей Михайлович в особенности, и вовсе сделали Московское царство полной автаркией, провозгласив его Вторым Римом. По-своему эпоха царствования Алексея Михайловича явилась уникальной для России, ни до, ни после не имевшей аналогов. Благостной именуют ее историки. Центр православия, единственная из православных автокефалий, исключая раздробленную грузинскую, не подчиненная туркам. Самое крупное, по сравнению с европейскими, самодостаточное социально, экономически и политически государство. Главная же особенность, уникальность такого Второго Рима – занавес между Европой и Россией являл собой нечто виртуальное, то есть Европе, занятое своими внутренними раздорами и обороной от осман, было не до России, а последней и вовсе, говоря откровенно, плевать было на еретиков католической и протестанской Европы. Совершенно отдельное существование, вполне устраивающее обе стороны. Как

кошка с собакой, живущие в одном доме: друг другу абсолютно не интересны, а враждовать вроде как поводов нет. Но и примитивной изоляции нет. В Кремле Посольский приказ ведет минимально достаточную дипломатию с европейскими странами и Османской империей. Для дел полезной России и Европе торговли в Москве целое поселение (хоть с гетто его сравнивай, а может и с чайнатауном...) – Немецкая слобода, куда бегают мальчонка-цесаревич Петруша посмотреть на иноземцев. Основная же торговля с Европой ведется водным путем через северные моря, поэтому в Архангельске людно иноземными купцами и матросами.

И умеренные политические отношения с Европой Русское царство XVII века поддерживает, коль скоро они оказываются полезными ему. Например, когда случилась в Англии очередная религиозная заварушка в вечно неспокойной Шотландии – ну, не могут и до сегодняшнего дня потомки кельтов ужиться с англосаксами! – то договорился Алексей Михайлович с англичанами и принял тем же северным морским путем под десять тысяч шотландских беженством, расселив в малолюдном Архангельском крае (вожаки же кланов поселились в Москве: Бальмонты, Рыленты, Лермонты...). Достоверность по себе знаю: по материнской линии из потомков этих переселенцев – красно (не рыже!) бородый, хотя на волынке не волынню, но «виской» не манкирую...

Такой вот обоюдно удобный занавес между Европой и Московским царством сложился. А вошедший на престол Петр Первый приступил к его ликвидации, в многолетней войне со Швецией прорубив первое, балтийское окно, заодно приструнив Польшу. Но с турками не смог совладать с налету: восток есть дело тонкое, к блицкригам не склонен.

Считается, XVIII и XIX века Россия две сотни лет целеустремленно ликвидировала все остатки разъединенности ее и Европы. Причем далеко не оригинальным способом, а именно завоеваниями (см. выше эпитафия из Ф.М. Достоевского) земель и народов, все дальше продвигаясь на запад... до пределов, дозволенных Европой. Европа же – так мы договоримся именовать

обобщенно германо-романо-британский синклит во всех его противоречиях, союзах и пр., – в течении этих двух веков все более и более подпадавшая под явное и неявное руководство хитроумной «англичанки», старалась отдавать России по принципу «возьми у бога, что нам не гоже»: всем осточертавшую Польшу с сонмом гонористых панов, мало чем привлекательную Финляндию с ее болотами, озерами и лесами. А раз отдали Польшу, то и право России на Малороссию и белорусские земли наконец-то признали. И вовсе не стоял вопрос о Новороссии, отбитой Россией у турок... тоже вроде как «домашняя победа» – по Достоевскому. Как и о Бессарабии: румыны, сами недавно освобожденные русскими, и те не возражали. Такая «щедрость» Европы объяснима: все ее страны в это время до блевотины обожрались новоприобретаемыми колониями по всему миру... самый скупой хозяин собаке кости не пожалеет! Пожалуй, единственно о чем в Европе, в германской ее части, сожалели, так это о Прибалтике: Лифляндии, Эстляндии и Курляндии – и то по ностальгической тавтонской памяти... Но вот малороссийское Прикарпатье и русинское Закарпатье (что потом Сталин ввел в СССР) австрияки России уже не отдали. Кстати, почему? Обычно указывают на сочетание двух факторов: патологическая «земельная» жадность владетелей «лоскутной империи» Габсбургов и собственное равнодушие России к этим малопахотным землям: своего Кавказа хватает... Но скорее всего «англичанка», уже за век готовя новый, «железный» на этот раз, занавес, крайне провидчески оценила этот стратегически важный район: и географически, и геополитически, главное – этнически.

Исторически (но лишь внешне!) все кажется естественным, непротиворечивым в «уступке» Европой западных приобретений Российской империи: дескать, она, практичная, платила по счетам, в том числе и по гамбургскому счету, своему восточному соседу за использование русского оружия, союзничества, невмешательства и пр. для решения непростых внутриевропейских дел и склок. Адмирал Ушаков, громящий турок, а затем вышибающих войска Наполеона с греческих островов, из Милана и Рима. А Суворов в это же вре-

мя, перейдя через Альпы, освободил всю Северную Италию. И так далее в течении полутора десятков лет, вплоть до въезда Александра Первого на белом коне в Париж. А до наполеоновских битв Семилетняя война, в которой Россия опять-таки воевала за Европу против Пруссии, загнав Фридриха «Великого» куда европейский Макар телят не водил и в первый раз вступив в Берлин. Все в интересах Европы, включая четырнадцать войн с Турцией, которой в итоге на европейском берегу позволили (Европа позволила!) сохранить только Константинополь (Стамбул) с небольшими окрестностями. Но как только Россия «посягала» на исконные европейские земли, ту же Мальту, подаренную Наполеоном России, наряду с Финляндией (1807 год), или занятие русскими войсками Восточной Пруссии (Кенигсберг) и Саксонии в Семилетней войне, так сразу следовал окрик, дескать, вернуть!

Скупно платили России и за несколько постыдную роль «жандарма Европы», навязанную ей по решению Венского конгресса: охранять целостность «лоскутной империи» силой русского оружия. Одно подавление венгерского восстания 1849 года войсками героя турецких войн генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича чего стоит? А ведь венгры это долго помнили. Как цыганка, старуха Изергиль в рассказе Горького упрекает русского собеседника: «За что ж вы так мадьяр-то побили?» И двухгодичное упорное сражение под Воронежем Второй венгерской армии (вся она и погибла там) в Великую Отечественную войну без той давней обидной памяти не обошлось ведь?

Уже и не говорим о бесчисленных польских восстаниях. Тот же Паскевич с большим кровопролитием взял в 1831 году Варшаву. Ведь все население Сибири в XIX веке формировалось (перечитайте ту же «Угрюм-реку» В.Я. Шишкова!) из русских каторжников, кавказских «кровников» и польских ссыльных* – многотысячный приток после каждого восстания...

Но все эти, исторически вроде бы естественные (повторимся), факторы, перечисленные выше, складываются в еще более очевидную картину: растя-

* Хорошо знаемая в Туле, а в советское время и вовсе с всесоюзной известностью, писательница Наталия Диомидовна Парыгина как раз вела свой род от сосланного в Сибирь за участие в восстании польского дворянина.

нутая по времени, где видимая, а где конспирологическая, с огромным опытом со времен франкмасонов с их средневековым *Comite permanent universeb* (Всемирная управа – предшественница нынешнего Тайного (во многом уже явного) мирового правительства), сложно организованная с дальним умыслом подготовка «фундамента» под новый, математически точно рассчитанный, планомерно санкционированный, мощнейший новый железный занавес Европы против России.

♦ ***Советский социализм и евро-американский атлантизм как «классика жанра» железного занавеса.*** Главный персонаж раннего романа «Скутаревский» (1932 г.) Леонида Леонова говорит в адрес американского журналиста, посетившего ударную стройку первой пятилетки, что он из тех, «*которые терпят нас, пока мы самые западные из азиатов, и возмущаются, когда мы заявляем себя самыми восточными из европейцев*».

Дословно повторяя* высказывание Киплинга (см. выше), Леонов тем самым выразил тогдашнюю, 1930-х годов, убежденность советских людей, а значит и руководства СССР, в том, что верховодство в западном мире – с доминирующей направленностью против нашей страны, нашей цивилизации – все более переходит к Америке, тогда САСШ, то есть Северо-Американским Соединенным Штатам, с определением для Европы роли исполнителя и устроителя реального и виртуального железного занавеса. Что сейчас, спустя сотню лет, и подтвердилось в масштабе 1:1, как принято говорить в инженерных кругах...

Дмитрий Иванович Менделеев, не только выдающийся ученый-химик, но и социальный мыслитель, все или почти все знал и понимал в причинах оголтелой ненависти Запада к России, исторически протянувшейся (см. выше) от средневековых розенкрейцеров и немного более поздних масонов. Кстати, именно поэтому Николай Второй так и не решился (не единый раз!)

* Леонид Леонов – писатель серьезный, признанный классик советской литературы, известный своей щепетильностью в части заимствований из сказанного другими. Поэтому только литературной молодостью можно объяснить это цитирование Киплинга без ссылки на автора высказывания...

утвердить Менделеева в академическом звании: Россия слишком зависела от кредитов французских Ротшильдов тех же исторических традиций...

И в то время, как выдающийся русский ученый В.И. Вернадский, опасаясь в части натиска Запада на Россию, подавал на имя царя записку о необходимости развертывания «радиевого проекта» (то есть создания, в числе прочего, атомной бомбы?), с тех же позиций Менделеев и почти в параллель с ним, но уже с авторитетом государственника, премьер-министр Столыпин убеждали власть и общественность в необходимости промышленно-экономического, а значит и социального, рывка России в наступающем двадцатом веке. Главное, говорили они, для этого страна должна превзойти численностью народонаселения (400...500 миллионов) Европу. Справедливости и объективности для напомним, что Менделеев и Столыпин во многом развивали доводы еще Ломоносова, сформулированные им в трактате об устройении условий для увеличения народонаселения России, который тотчас попал под запрет и был опубликован только в самом конце XIX века...

Все для той же объективности отметим, что Россия в самом начале XX века обрела зримые черты социально-экономической, геополитической пассионарности (определяющий термин в этнологии Льва Гумилева). Это надо себе «хладнокровно» представить, отвлекаясь как от принижения советской историей, опять-таки обусловленной с классово-идеологической позиции, так и от восторженно-антисоветского преувеличения «либеральных» 1990–2010-х годов. И пассионарность эта имела уникальный, только для России присущий характер: пассионарность страны с традицией автаркии. Главное, обширность и природные богатства ее территории позволяли ей обойтись без колониальной экспансии, в отличие от Европы и Америки, сделавших ставку на свои колонии и полукolonии, соответственно. Маньчжурия и Корея, как сферы влияния России, здесь не в счет. Это не были колонии или полукolonии «классического» типа. Как и китайский Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и железнодорожной веткой от КВЖД, Маньчжурия и Корея являлись необходимыми России стратегическими форпостами в отношении к

стремительно милитаризующейся Японии и к европейским хищникам, поделившим Китай между собой после подавления Боксерского восстания.

... Вот эту-то пассионарность России, ее потенциальную автаркию еще за десятилетия до их проявления зорко оценила Европа, прежде всего хитроумная «англичанка». Уже в середине XIX века была сделана генеральная репетиция создания «занавеса» с Россией для целей отъединения ее от мирового прогресса, что-то навроде искусственного, силой оружия и экономической изоляции, возвращения России во времена первых царей династии Романовых. Конечно, на ином «техническом» уровне, но – возвращения вспять. Понятно, что речь идет о Крымской войне, когда «англичанка» сумела объединить с Британией Францию, Турцию и Сардинское королевство (не усмейтесь: в то время это поболее трети территории и населения Италии!). Основной целью этой войны полагается изоляция России на ее юго-западе, а уничтожение Черноморского флота – пресечение возможности выхода в Средиземное море. Составляющими этой цели считаются «вечное» противостояние России с Турцией, а также (сомнительное?) желание императора Наполеона Третьего «отомстить» за поражение в России Наполеона же Бонапарта...

Но все это малоубедительно звучит по двум основным причинам. Первая – это неучастие в войне, а ее на Западе и называли Европейской, приграничных с Россией стран «германского блока», то есть Австрии (Австро-Венгрией она стала в 1868 году) и Пруссии, что, в свою очередь, отвергает саму мысль о реальном желании создания российско-европейского барьера. И вторая, но еще более характерная: это «прощупывание» британским военно-морским флотом обороны России на всех ее морских границах; само собой на Черном море, на Балтике с планируемым направлением на Кронштадт и Санкт-Петербург; на Петропавловск Камчатский (Владивостока тогда не было) на Тихом океане, а также на Севере в направлении на Соловецкие острова и Архангельск... и даже на Баренцевом море: английский пароход-фрегат «Миранда» вошел в Кольский залив, где пушечной бомбардировкой полностью

разрушил Колу, основанную в XVI веке, – единственный город на Кольском полуострове, а затем бомбардировал суда рыбопромышленников в Мотовском заливе и Лицкой губе.* Понятно, что это было именно «прощупывание», поскольку на всех морях, кроме Черного, атаки британского флота были отбиты, а главное, направленные Англией экспедиционные морские силы однозначно не предназначались для серьезных (победных + оккупация) действий.

Резюме: Крымская война как репетиция отчуждения России по всем румбам: южном, западном, северном и восточном (на Тихом океане). ... На то она и «англичанка», чтобы планировать за много десятилетий до момента «икс». И почти нейтральный исход войны: кроме запрета иметь флот на Черном море – никаких территориальных аннексий. Словом – репетиция. Не выдержав позора, покончил с собой (официальная историография это отвергает) «рыцарь самодержавия», вообще-то вполне достойный русский император Николай Павлович. Но в определенном смысле – нет худа без добра – Крымская война дала мощный положительный импульс для укрепления России. Деревянный Черноморский флот в уже идущий полным ходом век пароходов и так был приговорен «к списанию». И чрез не столь уж длительное время в Севастополе и портах союзной Румынии (в Констанце) базировались броненосные корабли возрожденного Черноморского флота. Но главное – коренные реформы Александра Второго (двойного Освободителя) и действенная политика Александра Третьего (Миротворца) – экспансия на Тихом океане, создание там военного флота... и те же Маньчжурия и Корея в сфере влияния. И бомбардировка заполярной Колы не была забыта: по завещанию своего отца, уже Николай Второй (не к месту употребить его непочетное прозвище...) де-факто создал военную Флотилию Ледовитого океана и его базовый город Александровск (1899 год; ныне – Полярный).

* Характерно, что в Гражданскую войну англо-американские интервенты высадились в тех же местах: в Архангельске и в недавно основанном Мурманске, что в «пешей доступности» от Колы...

Хитростью и долгами Ротшильдам затащив Россию**, у которой вообще не имелось никаких претензий к «германскому блоку», как поставщика пушечного мяса, в Первую мировую (Империалистическую) войну, Европа с «англичанкой», правильнее – «англичанка» с Европой, тем самым, но еще не догадываясь о скором ходе эволюции, подготовили будущие «занавесы» для России, уже советской.

Двадцатый век ознаменовался двумя такими железными занавесами: первой и второй половины столетия. Но оба они, как «классика жанра», двигались между советским социализмом и Антантой – в первом варианте, а во втором с евро-американским атлантизмом. С доминированием «заокеанской составляющей».

... К концу 1930-х годов западная «половина от занавеса» против СССР притворным миролюбием «англичанки» (хотя бы в то время там был королем мужчина, правда, заикающийся) настолько сдружилась – это прямо как сейчас! – что в 1939 году на Нобелевскую премию мира была номинирована очень веселая компания: Гитлер, Черчилль, Рузвельт и – для разнообразия – Махатма Ганди. И стал бы Адольф Алоисович Шикльгрубер «нобелистом», повремени он пару месяцев с нападением на Польшу. Впрочем, это к слову, хотя бы как при услышанном невзначай слове «холодец» вкусовая подсознательная память тотчас добавляет к нему почти что ощущение языковыми рецепторами терпкости и горечи хрена, натертого со свеклой, так и при упоминании любого события европейской политики тотчас в памяти непроизвольно всплывает Польша... Действительно, без нее европейская история пресноватой была бы. Как холодец без хрена.

Главная специфика «занавесов» XX века – это их идеологическая составляющая, более того, прерогатива. Но и кардинальное тактическое отличие. Если «занавес» между мировыми войнами являлся идеологической защитой Запада от социалистических идей, на практике воплощенных в 20–30-

** С присущим ему сарказмом Лев Толстой так описывает торжественную встречу в Петербурге французского президента Пуанкаре, прибывшего для подписания антигерманского договора – Антанты (*Entente cordinal*) (пишем по памяти): сначала исполнили русский гимн, где всячески восхвалялся царь, а затем прозвучала «Марсельеза», в которой тех же царей всячески рекомендовалось изничтожить...

е годы в СССР (недолгая военно-революционная экспансия Троцкого закончилась неудачной советско-польской войной), то «занавес» после Второй мировой войны, воплощенный в «холодной войне», уже к середине 50-х годов стал для СССР защитным против «тлетворного влияния Запада». Лицемерить здесь не следует; время показало, что *amicus Plato, sed magis arnica veritas* (Друг мне Платон, но истина друг мне больший, лат.). Понятно, речь шла не о идеологии (диссиденты были в подавляющем меньшинстве), но о «вещизме». Об этой напасти предупреждал еще Лион Фейхтвангер в своей книге «Москва 1937»: *«Когда общество достигает определенной экономической переходной стадии, а именно когда оно от крайней скудности переходит к зачаткам благосостояния, в нем волей-неволей проявляются характерные для мелкобуржуазного общества особенности».*

И если довоенное отгораживание Европы от СССР, ввиду молодости и восторженности складывающейся советской нации, воспринималось в стране как сочувственное к трудящимся массам, которые империалисты отгородили от самых правых в мире идей Ленина – Сталина «санитарным кордоном» (это не ирония), то акцент сместился в ситуации кордона – занавеса «холодной войны» (см. выше у Фейхтвангера). То есть можно понять западников в первом занавесе, а тем более советское руководство во втором. Окончание же их еще более отличны друг от друга, ибо столь же различными являлись ситуации в Европе конца 30-х годов и вообще в мире конца 90-х годов.

Вторая мировая война по сути явилась калькой с Первой, то есть империалистической, исключая составную, хотя и главную, ее часть – Великую Отечественную войну СССР против Германии с ее сателлитами и союзниками. И основные фигуранты ее все те же: Германия, но с государствами «оси» и все та же Антанта, но с Америкой (США). В обе войны наша страна была вовлечена против ее воли: Российская империя недальновидностью царя с его окружением и повязанностью кредитами Ротшильда (см. выше); но вот со Сталиным такие фокусы не прошли, поэтому «англичанке» пришлось всю вторую половину 30-х годов изрядно потрудиться, чтобы завязать такой

«морской узел» – не двойной даже, не тройной, а многократный, пожертвовать союзными Чехословакией и Польшей, де-факто дать проглотить тевтонской акуле Австрию, Югославию, весь Север Европы, даже Францию, чтобы натравить Третий рейх на СССР. Чемберлен даже готов был вернуть Германии ее бывшие африканские колонии, утраченные после Первой мировой войны! Истинно по Марксу: нет такого преступления, на которое не пошел бы капиталист ради десяти процентов прибыли, а за двадцать он и мать родную удавит (цитируем по памяти...).

В такой ситуации сочетания каждодневно возрастающей агрессивности Германии, запутавшейся в своих хитросплетениях Англии, мудрой и дальновидной политики Сталина и железный занавес потерял свою идеологическую, политическую и иную значимость. С пактом Молотова – Риббентропа он и вовсе рухнул. С тем, чтобы почти через десять лет возродиться в форме «холодной войны» между ее инициатором, евро-американским атлантизмом во главе с США, и социалистическим блоком, созданным Генералиссимусом по итогам Второй мировой войны. Итак, очередной железный занавес и «холодная война» могут пониматься синонимически во всех составляющих: военно-политической, геополитической, идеологической, научно-технической, причем в соревновательном характере. Делится он на две неравные по длительности части. Первая, которую условно назовем сталинской, длилась до хрущевской «оттепели» и содержанием своим абрисно повторяла «санитарный кордон» 20–30-х годов, «обустройстваемый» на более западных рубежах равно обеими сторонами: образование НАТО и Варшавского договора, американский план Маршалла по восстановлению экономики Западной Европы и создание Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), политическое и геополитическое размежевание сторон: разделение на два государства Германии, причем «берлинский вопрос» решился инициативой советской стороны возведением Берлинской стены – занавес в прямом смысле железобетонный... По «спорным» странам, то есть Австрии и Финляндии, было найдено обоюдодоприемлемое решение: их неприсоединение к блокам и официальный

нейтралитет. А в части Финляндии, особенно во время руководства ею Урхо Калева Кекконена, и вовсе почти полная экономическая привязка к СССР – прямое следствие договора о выходе Финляндии из войны; кстати, составленному самим Маннергеймом и удовлетворившего Сталина...

Как и в довоенные времена, в дооттепельной части возобновленного занавеса идеология играла свою роль, но не являлась определяющей, чем она была в 20–30-е годы. Причина такого взаимного относительного ослабления идеологической составляющей зиждется на итогах Второй мировой войны и, что немаловажно, на – относительном тоже – возросшем общественном самоосознании, что тоже есть результат войны. На Западе это проявлялось в рамках принятых демократических институтов, к которым вынуждены были прислушиваться правящие структуры. В СССР же, что бы там злобно не бормотали вечно прозападные, антисоветские и вообще-то антирусские либералы (головного мозга...), в 40–50-е годы еще оставался не фиктивным, но действенным девиз о единстве партии и народа, двигателем и символом которого являлась яркая фигура Сталина: вождя-победителя и рачительного хозяина страны.

Итак, в силу действительности сказанного, со стороны Запада (Европа + США) определенная толерантность (поганое сейчас слово, но мы не об этом) к советской идеологии объяснялась, говоря языком психологии масс, фрустрацией, то есть переносом искреннего признания европейцами Советскому Союзу за уничтожение Третьего рейха, государства-оккупанта, на советизм-социализм. По принципу: добрые поступки совершаются добрыми по натуре людьми.

Со стороны же советской страны, равнозначно (см. выше) советских людей с их врожденной русской жалостью, европейцы воспринимались как равные с ними жертвы нацизма и фашизма. Как-то на второй план отходила их буржуазная идеология. Тем более, что советский агитпроп практически не акцентировал внимание народа на том, что в годы Великой Отечественной войны все эти «порабощенные и несчастные» страны, включая нейтральные

Швецию и Швейцарию и исключая лишь сербскую часть Югославии, а также условно европейские островную Англию и Турцию с ее «константинопольским» обрезком европейской территории, во всю мощь своей промышленности и сельского хозяйства работали на Германию, даже не пикнув в адрес прямого или косвенного своего оккупанта. А сопротивление? – смех! Только малочисленные группки партизан-маки в Северной Франции, да и то преимущественно из бежавших советских военнопленных*, и тоже не очень результативное польское сопротивление. Словом, немецкий солдат после боя на чешском или французском танке, вспомогательном к германским «панцерам», устраивался в блиндаже, что называется, расслабив ворот гимнастерки, сняв ремень с кобурой, в которой покоился вальтер чешского же завода ЧКД, ужинал аппетитным сухим пайком, сделанным в Дании или Голландии, для аппетита выпив стопку французского коньяка «Камю», а затем отдыхал, покуривая душистую болгарскую сигарету... Но это к слову, которое, вообще говоря, в наше время полезно помнить...

Все изменилось с «оттепелью», невольной по последствиям даже для самого Хрущева, пока еще робкой, предварительной репетицией 90-х годов. Увы. Но для исторически молодой еще России всякий либерализм выходит боком. И в формуле графа Уварова «православие, самодержавие, народность» логическое ударение, то есть акцент, всегда ставится на втором слове. Тем более, что минимально достаточное расслабление, которое народ заслужил за два сверхнапряженных десятилетия (индустриализация, аграрная революция и главное – война на пределе человеческих сил), Сталин уже дал: от восстановления православной церкви, «великого восстановления» русских имен в науке и искусстве до широкого распространения кооперации и знаменитого ежегодного весеннего снижения потребительских цен. Даже в области идеологии он санкционировал определенные изменения, правда, не воплощенные им при жизни**: дискуссия по созданию новой теории политэконо-

* Приходилось самолично общаться с такими; то есть «из первых уст»...

** См.: Яшин А.А. Катехизис идеалиста: Роман-размышление.– М.: «Московский Парнас», 2010.– 373 с. (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

мии социализма, определенная подготовка к разграничению сфер деятельности партийных и хозяйственных структур (допускается, что именно этим последним и объясняется его загадочная смерть...). Главное, сталинский задел в экономике и сделал СССР сверхдержавой, продержавшейся до 90-х годов!

Но Хрущев взял быка за рога и отчасти палку перегнул. Но все же скоро сообразил, что ослабление идеологического железного занавеса мигом взрастит такую тьму тьмущую либералов (которые в России всегда играют роль если не пятой, то точно шестой, идеологической колонны), что похерит саму основу советского социализма. И коллеги («мы тут в ЦК посоветовались и решили...») подсказали, что-де, Никита, не зарывайся. Опомнился маисовый генсек, литераторов приструнил, художников-абстракционистов пидорасами назвал... а тут его самого обозвали волюнтаристом и пробобелистом (в народе переименовали: пробабелистом) и отправили на пенсию всесоюзного значения: *140 рэ* в месяц... Железный занавес срочно починили-залатали. А поскольку гигантский сталинский задел в экономике и социальной справедливости дал мощнейший взлет в 70-х годах, по праву названных «золотыми», то сработала та напасть, о которой предупреждал Лион Фейхтвангер (см. цитату выше), а именно взрасти корни мещанского, мелкобуржуазного потребительства. Именно поэтому со стороны СССР усилилась идеологическая задача занавеса – пресечение «тлетворного влияния Запада»; но вот со стороны этого Запада, четко уловившего эту брешь, началась серьезнейшая, хитроумнейшими англо-американскими мозгами с научной добросовестностью выстроенная борьба за мозги советского человека, в смысле за внедрение в них доминант частнособственничества, потребительства и индивидуализма.

... Здесь и расписывать-то не надо: все на глазах нынешних среднестарших и выше поколений прошло-прокрутилось. Словом, за «видик» родину оптом и в розницу продали. Здесь бы и аминь всяким занавесам сказать, но не тут-то было!

♦ *Природа и конструкция железного занавеса в эпоху глобализации; финансовый олигархат и расчеловечивание.* В считанные годы, почти что

месяцы – с утра снег на дворе, а к полудню растаяло! – бывшая сверхдержава повержена мировым империализмом с посильной помощью отечественных пятой, шестой и иных колонн. И прижившееся в СМИ паскудное словечко «распался» – утеха либерала. Да еще общипана с западной и южной сторон: была $1/6$ часть земной суши, а теперь в $1/7$ свободно уместится. Какие тут занавесы, кому они нужны теперь? Ан нет, историческая судьба России – жить за занавесью. И таковая в XXI веке оказался вовсе не портьерой, как в великокняжеские и царевы времена, не сеткой-рабицей, с чем позволительно и относительно сравнить бывшие в прошлом веке, но сооружением повнушительнее Великой китайской стены. Хотя Китай здесь ни при чем... Подобного в тысячелетней истории России еще не случалось: с Европой никакого сообщения-общения, пароходы не дымят, «чугунка» рельсовая замерла, аэропланы не летают. Оживление лишь на полуторатысячеверстовой «линии соприкосновения»: второй год идет окопно-позиционная война – это как в Первую мировую. Она же составная часть Третьей мировой (гибридной) войны. И опять в нее не мытьем, так катаньем втащили Россию. Это и есть железный занавес нового, гибридного уже вида.

Гибридизация всех нынешних понятий, объектов и процессов в мире суть порождение глобализации. По самому своему определению понимание гибридных процессов не является однозначным. Оно даже не многозначное – оно вообще не поддается конкретизации, как внеязыковое. А поскольку язык есть собственно познание и предмет логики, то внеязыковой характер гибридации одновременно есть и внелогический. Всякая попытка дать привычное мышлению человека логическое толкование любому гибриднему процессу порождает только информационный шум: нельзя логически описать внелогическое! Это как в присказке о коне и трепетной лани... Да всякий человек, в любом обитаемом месте планеты нашей успешно глобализуемой, может в такой алогичности, маскируемой информационным шумом, убедить. Тож и вы, уважаемый читатель, ближе к вечеру, но лучше после ужина, чтобы аппетит не перебить (вспомните слова профессора Преображенско-

го из «Собачьего сердца»), пощелкайте на пульте кнопками, пробежитесь по телеканалам из числа тех, что «заведены» в телящик как общедоступные, прислушайтесь к словам дебатирующих день ото дня уже много лет штатных телеактеров, переодетых «ведущими политологами, вдумчивыми аналитиками, потомственными профессорами-социологами» и пр. и пр. Причем в последние полтора года некоторые из них даже в подобие полувоенной формы (это как А.Ф. Керенский когда-то) переоделись.

... И чем больше вы их, тружеников телеэфира и экранного времени, гонораропропорциональному! слушаете, тем явственнее ощущение набитости вашей головы ватой или соломенной трухой. Это и есть информационный шум от заранее обреченных на неудачу попыток «политологов» разъяснить сущность того или иного злободневного гибридного события-процесса. Здесь даже французы спасуют, хотя бы, по словам одного нашего классика, они большие мастера объяснять вещи, которые сами не понимают.

Сущность гибридного мира, объектов и процессов этого мира, недоступная пониманию традиционно мыслящего человека, и есть высочайшей эффективности рабочий инструмент Великого глобализатора. Причем инструмент одинаково тактического, оперативно-тактического и стратегического действия, говоря языком военных; время-то сейчас реально военное!

Если пример с информационным телешумом не совсем понятен, то приведем более наглядную аналогию, например, по зоологическому ряду эволюции. Возьмем неразлучную с неолитических времен пару: человека и собаку. Жучка и Полкан прекрасно понимают человека. На прогулке, тем более на охоте, даже предугадывают команды и желания хозяина. И даже сочувственно подвывают ему, когда тот, чем-то огорченный, выпив на кухне бутылек горькой, обреченно подпирает ладонью щеку и немзыкально затягивает старинную каторжанскую: «По диким степям Забайкалья...» А вот человек совершенно своего пса не понимает, даже если по профессии и зоопсихолог. А почему? – потому, что человек живет логикой мышления, а собака на 99%

первобытным инстинктом. Инстинкт же суть рабочий инструмент биоэволюции... неважно, по Дарвину или Ламарку.

И если нынешний человек уже традиционно *мыслит логически* с пещерных хмурых тысячелетий своего невеселого детства, то гибридное мышление Великого глобализатора, или конспирологического Тайного мирового правительства (давно уже явного!), есть все тот же рабочий инструмент эволюции, которой потребовалось расчеловечить человека (это не тавтология), как выполнившего свою творческую миссию, сделать его винтиком («органним штифтиком» у Ф.М. Достоевского) глобальной техно-информационной мегамашины.*

Итак, гибридизация самого образа жизни человека суть указание эволюции, которая в нынешний период глобализации движется инстинктом расчеловечивания, а сущность инстинкта для логически мыслящего человека *непознаваема*. Поэтому, при всей нашей (авторской) неприязни – ведь человек-то еще сугубо советский! – к явлениям и сути глобализации, ее движителя, то есть финансово-олигархической капиталократии (а это более понятийное раскрытие термина «глобализация»), будем *объективны*: ни <уже полу-> конспирологическое Тайное мировое правительство с его «теорией заговора», ни пресловутые Римский и Бильдербергский клубы, ни Белый дом (который настоящий – в городе Вашингтоне, округ Колумбия, США) с Капитолием, что неподалеку, ни финансово-олигархические в основе своей ЕЭС и неформальные объединения транснациональных корпораций, ни НАТО и иные военно-политические блоки *не являются* конкретными, директивными руководителями процесса глобализации в одежде гибридизации. А кто же тогда этот Великий глобализатор со своим предшественником Великим инквизитором? – А это и есть сама эволюция человека на его завершающей, день ото дня экспоненциально ускоряющей, стадии. От эволюции же, как от упомянутой выше собаки, причин такого, вроде как неожиданного, кульбыта не

* Тема глобализации развита нами в 22-томной монографии «Живая материя и феноменология ноосферы» (2003–2023 гг., монография продолжается), тома которой изданы различными издательствами Москвы, СПб, Твери, Тулы. В электронном виде см. (по поисковику) на основных научных сайтах.

допросишься. На том и поставим аминь в нашем экскурсе и снова вернемся к природе железного занавеса «от России» нынешней эпохи глобализации, всемирной власти финансового олигархата, гибридизации всего и вся, ответственности расчеловечивания. И это на отдельно взятой «живой» планете (во Вселенной таких тысячи, возможно и миллионы), которая для земного человека становится все более малой и тесной. Знаменательно, что ровно век назад Лев Давидович Троцкий, упоминаемый здесь исключительно как блестящий литературный публицист, писал в книге «Литература и революция», 1923: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар – обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами. – А.Я.), точно школьный глобус».*

Как же провидчески, не уступая Достоевскому, сказал он об *искусственной сети*, что в форме интернета (уманета, повторимся, правильнее) одела-опутала ныне весь земшар.

И в части железного занавеса Лейба Давидович все предвидел, завораживающе призывая в своих речах к всемирной революции (кстати, точно по Марксу!), ибо в ином случае Советская Россия будет вынуждена постоянно отбиваться от враждебного окружения империалистов. Это и следует понимать как железный занавес.

Уже ставшая традицией практика такого занавеса явила себя в XXI веке в иной природе и конструкции (пишем без закавычивания, как общесистемный термин). Неизменным осталось только одно, не зависящее от форм устройства России: Улус Джучиев, Великое княжество Московское, Московское же царство, Российская империя, Советский Союз, теперь вот Российская Федерация, – а именно: почти сакральное неприятие Европой, вообще Западом, самого наличия страны России. Как бы она сама себя не позиционировала перед ними: дружелюбно-искательно, равнодушно, настороженно или вынужденно враждебно. И кто бы не составлял эту самую Европу: извечно враждующие между собой германские и романские государства, про-

фессионально интригующая Британия, Польша – в любой бочке затычка, лоскутная империя Австрия, беспрерывно воюющая с Россией Оттоманская империя, освобожденные от турок балканские страны (см. эпитафия). Словом, куда ни кинь, всюду клин. Опять же повторимся...

Но вот наступило второе тысячелетие с мощным импульсом глобализации и гибридизации. Сам Запад, сама Европа перешла от масонского *liberte, egalite, fraternite* к *liberte, egalite, Charite* (психиатрическая больница в Берлине). Да и Россия стала вроде бы иной: с момента поражения в первой стадии Третьей мировой войны – информационной и разрушения внешними и внутренними (см. выше) врагами СССР; почти четверть века все ворота железного занавеса гостеприимно распахнулись створками на восток. Казалось бы: гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке, коль скоро страна оптом и в розницу выставлена на распродажу.

... Ан нет, аппетит приходит во время еды, а Запад охочь на дермовую жарчку в три горла. Примерно так принято считать: в девяностые и двухтысячные годы в умеренно (а иной в новой России и не было) оппозиционных кругах, а в последние годы – официальное общее мнение, озвучиваемое масс-медиа. Опять же это в восприятии – или рассчитано на восприятие? – традиционно мыслящего человека, преимущественно заставшего советские времена, а именно они составляют *мыслящую* часть социума... молодые поколения в расчет не берутся, их мысленный ареал не включает подобные «высокие материи».

На Западе, где уже *все* поколения расчеловечены, утратили способность мышления за чертой личного потребительства, нынешние события, связанные с Россией, вполне удовлетворялись версией, отработанной еще в «кордонах» и «занавесях» прошлого века: извечная агрессия русского медведя против миролюбивой Европы.

Но оба эти мнения относительно создания нынешнего, «горячего» железного занавеса, еще раз повторимся, рассчитаны на человека традиционно, не способного проникнуть в существо нынешнего гибридного мира, коль

скоро его конструкция, движение и цели – тактическая, оперативная и конечная стратегическая – не поддаются осмыслению в рамках привычной традиционному человеку логики. То есть пока для человечества глобализации с ее финансовым олигархатом и расчеловечиванием масс есть эквивалент физического «черного ящика»: есть вход – структура мира, сложившегося к последней четверти XX века, есть и выход – предреченный выдающимся русским и советским ученым, академиком В.И. Вернадским переход биосферы Земли в ее новое биогеохимическое (термин Вернадского) состояние *ноосферы – сферы разума*. А «черный ящик» суть собственно биосферно-ноосферный переход, содержание которого «в тонкостях» человеку эволюцией знать не дано. Один из вариантов такого содержания см. выше ссылку на цикл наших работ «Живая материя и феноменология ноосферы».

Ошеломительно для человечества начался этот «ящик» – с жестокой глобализации и расчеловечивания. Но эволюция есть закон всемирный, категорический императив, а *dura lex soud lex* (жестокий закон, но – закон, лат.).

Подстать такому *dura lex* и нынешний железный занавес с Западом, опоры под который последний начал мостить с десятков лет тому назад, уже исторически обкатанным манером втянув Россию в противостояние, причем сходу в военно-политическое, а отчасти и геополитическое. Существеннейшее отличие сегодняшнего занавеса от *всех* предыдущих – он не базируется на сколь-либо значимых экономических, идеологических, геополитических и даже собственно военно-политических (!?) противоречиях и противостояниях. На этот раз в чем-то главенствует именно расчеловечивание, более того в морально-этическом аспекте. Речь идет, понятно дело, об отходе Запада от традиционной, христианством выработанной морали, идущей в своих нормах от евангельской Нагорной проповеди Христа – заповедей блаженств Нового Завета. В России же христианские, православные нормы этики и морали, наоборот, в чем-то декларативно, но в общем в обиходе искренне, ставятся на первое место. А основой такой искренности, вне всякого сомнения, является наличие существенной еще части народонаселения с советским воспитанием,

которое базировалось именно на евангельской первооснове. С тем лишь отличием, что заповеди Христовы были в «Моральном кодексе строителя коммунизма» переписаны в современной терминологии. Цепочка исторических переводов: с древнегреческого оригинала на русский, а с русского на советский...

Это уже близко к утверждению: нынешний железный занавес, включающий в себя даже столь исторически-дикий момент как *отмена* русской культуры, есть составная часть, причем важнейшая, идеологии глобализма: *расчеловечивания*, превращения человека все в тот же винтик-штифтик глобальной мегамшины грядущего информационно-технологизированного социума... скорее псевдосоциума будущего, увы, малорасторно – но только для нас, еще традиционных людей-человеков – ноосферного мира.

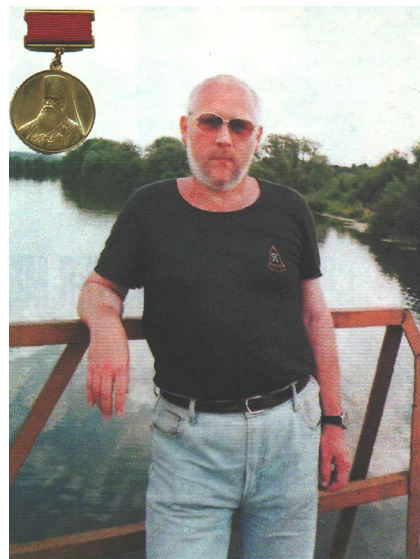
Итак, глобализм, он же мировой империализм в его высшей и завершающей стадии (предпоследнюю стадию В.И. Ленин определил как «империализм – высшая стадия капитализма»...) ведет наступление по всем фронтам: идеологически-расчеловечивающем, военно-политическом, финансово-олигархическом, геополитическом... и иже с ними. В его гибридных, не данных человеку логически мыслящему для ясного понимания, планах множество «фронтов». Как то принято в истории, «опыт» ставится на России, столь близкой географически и столь далекой обобщенно идеологической в отношении к Европе. Не привыкать нам и к железным занавесам.

На том и аминь – время покажет, но Россия есть, как и всегда была, главный камень преткновения для той же Европы.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

РАДИОЛЮБИТЕЛЬСКАЯ ПОЧТА: ДВОЙНОЙ АРТЕФАКТ ПРОШЕДШЕЙ ЭПОХИ

◆ Узнав из очередного номера «Московского Парнаса» о выходе книги Евгения Марковича Скоблова «Филателистические истории»*, неподдельно обрадовался: оказывается, филателия еще не вычеркнута из современного, сплошь оцифрованного бытия... так и захотелось выкрикнуть девиз: «Жив курилка!» главного персонажа «Колы Брюньона» – повести Ромена Роллана. Действительно, жизнь современного человека эпохи глобализации до предела однообразна, безэмоциональна, словом, в суконно-цинковых тонах, по-

* Евгений Скоблов. Филателистические истории.– М.: «Белый ветер», 2023.– 142 с. (см. «Московский Парнас», № 4, 2023.– С. 170).

этому даже малейшие радости заставляют его приятно взволноваться. А радости-то все из прошлого – доглобалистского, а у соотечественников – и во все советского, особенно с его «серебряными» 60-и и «золотыми» 70-и годами!

Для нынешних старших поколений это были годы детства – отрочества – юности, когда чудище интернета, правильнее – *уманета*, и в страшном сне не могло привидеться, а значит не отвлекало школьников-подростков от их увлечений, как говорится, на свою и общественную пользу. Увлечения же массового характера разделялись укрупненно на два рода: коллекционирование и техническое творчество, обычно совмещаемое с каким-либо видом технического спорта. Наиболее же часто эти два рода увлечений безконфликтно уживались в одной голове и в одной паре рук... или ног, если сопутствующий вид спорта требовал того, как, например, радиолобительская «охота на лис» (см. одноименный художественный фильм позднесоветской эпохи...). Причем как коллекционеры, так и технические умельцы-спортсмены не на пустом месте росли, но их устремленная самодеятельность умело опекалась во всесоюзном масштабе различными общественными и государственными координирующими организациями. Так по моим школьным родам увлечений, коллекционированием почтовых марок и радиоспортом, полезные эти дела курировались Всесоюзным обществом филателистов и Центральным радиоклубом (ЦРК) СССР, соответственно.

Коллекционирование марок, возникшее в XIX веке одновременно с появлением таковых в обиходе и созданием Всемирного почтового союза с «пропиской» во Франции (отсюда и французский язык как официальный в почтовом деле), в СССР продолжило уже закрепившуюся в Российской империи традицию. Соответственно, она перешла от гимназистов к советским школьникам, в среде которых всплеск интереса 1930-х годов продолжился настоящим бумом коллекционирования марок в 60–70-е годы. Главное, это поощрялось как школой, так и родителями. Те и другие вполне справедливо видели в таком собирательстве серьезный стимул к развитию у подростков

предметного интереса к истории и географии первоочередно... и ко всему остальному из сфер человеческой деятельности, что запечатлено на почтовых марках. ... Чем и ваш покорный слуга в полной мере им обязан.

А о том, что зачастую такое школьное собирательство перерастает в серьезное занятие уже взрослого человека, уже тогда знал на примере Виссариона Попова, отца друга еще со времен войны – отец всю ее провел в составе Северного флота СССР все в тех же *наших* местах: на выходе из Кольского залива в Баренцево море. Виссарион же Попов, известный на кольском Севере в 1950–60-е годы строитель маяков, что имели двойное подчинение Гидроотделу Северного флота и бессменно возглавляемому И.Д. Папаниным Главсевморпути. Серьезный коллекционер, Попов позже издаст высоко ценимую в кругах филателистов книгу о марках, посвященных освоению Севера... Было у кого учиться серьезному отношению к коллекционированию. Главное, все на пользу пошло. Пресловутая «коммерция» в любительском коллекционировании тогда не приветствовалась...

♦ В те же 60–70-е годы у советских школьников, начиная с пятого-шестого классов, не уступало собранию марок, по массовости увлечения, радилюбительство: личное домашнее, кружковое и совмещенное с различными видами радиоспорта – под эгидой ДОСААФ, Федерации радиоспорта СССР и уже упомянутого ЦРК СССР. Сам я в шестом классе собрал-спаял свой первый «карманный» радиоприемник на только что вошедших в обиход полупроводниковых транзисторах и диодах. С ферритовой антенной тож.

Но с девятого класса это собиранье-паянье наложилось на очень серьезное занятие радиоспортом, причем сугубо международным и «элитным»: радиосвязь на коротких волнах телеграфной азбукой. «Морзист на ключе», – так это в своем кругу именовалось. Здесь не обойтись без необходимого пояснения: каким-таким образом в Полярном, городе подводников, а с начала тридцатых годов, всю войну и позднее до начала пятидесятых являвшегося «столицей», то есть главной военно-морской базой Северного флота СССР, городе совершенно закрытом (специальная отметка в паспорте), который и

сейчас официально именуется *ЗАТО Полярный* (Закрытое административное территориальное образование Полярный), вдруг ни с того, ни с сего в Полярной средней школе № 1 (а иных в городе и не было) объявилась в самый разгар «холодной войны» любительская радиостанция с позывным *UAIKUZ*, которая связывается на коротких волнах, что огибают весь земной шар, со всеми радиолюбителями мира?

Как это не покажется удивительным, но опосредованной причиной появления нашей *UAIKUZ* в северном городе подводников (ныне Городе воинской славы) явился... тот достославный круизный (на теплоходе) визит Никиты Сергеевича Хрущева в США, из которых он привез в наши пенаты кукурузу, продажные автоматы – от газировки до одеколонных брызгов, – сосиски «пальчики» и ... 11-летнее обучение в школах (нынешняя 11-летка отсюда же родом). Поскольку к исторически устоявшемуся десятилетнему обучению теперь волонтаризмом (и пробелелизмом) Никиты Сергеевича добавлялся лишний год, который следовало хоть чем-то занять, то – вообще-то не без пользы для ребят – и было введено производственное обучение в школах, то есть в 9–11-х классах два из шести учебных дней в неделю школьники приобретали настоящую, с разрядами, рабочую профессию. Но в городе с военно-морской инфраструктурой выбор профессий невелик. Наставники наши поступили просто и мудро: кто после школы не планирует продолжать учебу – идите на единственное в Полярном серьезное предприятие, на Судоремонтный завод № 6 ВМФ СССР; для тех же, кто имел намерение поступать в институты, университеты и в военные училища, в школе была организована подготовка радиотелеграфистов (это как радистка Кэт из знаменитого сериала о Штирлице...), работающих по азбуке Морзе. С выдачей удостоверений о профессиональном разряде.

... Благо нашелся энтузиаст такого дела – матерый мичман Алексей Васильевич Калинин, и внешне очень напоминающий боцмана из советских исторических фильмов. Он же, благо почти что с военных времен служивший в Полярном по флотской радиосвязи, человек не последней в этой службе, ми-

гом организовал в школе учебный радиокласс и любительскую радиостанцию... помнится, как мы с уханьем и топаньем переносили с грузовика полутонного веса радиопередатчик, списанный с крейсера... Необходимость же радиоклуба, да еще в закрытом городе, Алексей Васильевич высокопедагогично мотивировал необходимостью практики работы в эфире для осваивающих профессию радиотелеграфиста. «Да они же и на флот к нам придут служить!» – убеждал он флотских особистов. Вроде как на адмиральском уровне дело сдвинулось и решилось.

Заметим, что наши одиннадцатые классы завершали «волюнтаризм» Хрущева. Страна возвращалась к проверенной десятилетке. И мы оканчивали школу уже вместе с десятиклассниками, которые без производственного обучения. Двойной школьный выпуск того года все вернул на круги своя. У меня же от тех лет – второй спортивный разряд по радиоспорту и удостоверение профессионального радиотелеграфиста – тоже второго разряда.

◆ Каждый участник нашего школьного радиоклуба имел и личный позывной *радиолюбителя-наблюдателя*; у меня *UA1-74527*, а полное наименование: *UA1-74527 ex UA1KUZ*, то есть радиолюбитель такой-то на коллективной радиостанции <тоже> такой-то. Переехав в Тулу, первым делом отыскал областное Управление инспекции электросвязи, где веселый начальник ее, отставной полковник радиотехнических войск Авзурагов (осетин), вручил мне документ на личный позывной *UA3PY*, а чуть позже стал начальником коллективной радиостанции Тульского политехнического института, где учился на радиотехническом факультете – с позывным *UW3KKA*. Тогда же опубликовал* в журнале «Филателия СССР», издаваемом с 1965 года Министерством связи СССР и Всесоюзным обществом филателистов, материал по радиолюбительской почте...

Да-да, существовала и такая, «параллельная» почте обычной, причем со всеми схожими атрибутами: почтовые карточки, только именуемые на радиолюбительском (международном) коде *QSL*-карточками (*QSL* в междуна-

* Яшин А.А. Радиолюбительская почта // Филателия СССР.– 1969.– № 12.– С. 39–40.

родном же Q-коде, в переводе с английского и в аббревиатуре означает: «Можете ли вы подтвердить прием?»), и марки. То и другое по форме взяты из традиционной почты. Из помещенных здесь карточек первая принадлежит венгерскому «морзисту на ключе» – с фото его и аппаратуры, а вторая – коллективной радиостанции из Волгограда, которую возглавил ... не кто иной, как все тот же наш бывший наставник Алексей Васильевич, вышедший в отставку и вернувшийся на свою родину. Земля-то круглая!

HUNGARY		HA2MU		QTH TATABÁNYA	
To radio		Cfm ur QSO on <u>14</u> Mc/s			
<u>UA1-74527</u>		Cw Fone at <u>15</u> , <u>12</u> , <u>1965</u>			
<u>LOWIFE</u>		RSTM <u>—</u>		GMT <u>1630</u>	
		Tx: 100 w. Rx: super			
		Ant: Dipol, Gp, LW			
PSE		Tnx fer fb			
QSL		QSO vy 73's			
TKS <u>—</u>		from <u>Leni</u>			
via: CRC					
Budapest 5.					
P.O. Box 214					

QSL-карточка радиолюбителя из Венгерской Народной Республики, город Татабанья, позывной HA2MU; отправлена 15.12.1965 советскому радиолюбителю-наблюдателю с позывным UA1-74527 (А.А. Яшин)

QSL-карточка (графы с рукописным заполнением на обороте) советской коллективной радиостанции, позывной UK4AAI, из Волгограда, Дом юных техников; начальник (руководитель) радиостанции – Алексей Васильевич Калинин (с 1966 года)

Как видно из карточки-«кюэсэльки» венгра Ференша, результаты проведенного радиообмена записываются в соответствующих графах: частота работы, дата работы, время и пр. Все, конечно, в терминах Q-кода и радиолобительского кода. В СССР «кюэсэльки» по стране и за рубеж посылались через ЦРК СССР бесплатно. Так же как и в соцстранах. Поэтому марки оплаты (см. на фото для некоторых стран) использовались в капстранах, где их печатают, а почту обслуживают частные компании. Обычно марки не гасились штемпелями, но были и исключения – см. чилийские марки.

Послать свою «кюэсэльку» коллеге-радиолобителю, с которым провел сеанс связи – дело высокочтимой чести. В описываемые годы радиолобительская почта охватывала полторы сотни стран, включая Арктику и Антарктиду, а объем корреспонденции до сотни миллионов QSL-карточек в год. Даже без названия стран на марках, их принадлежность сразу определяется по названиям радиолобительских организаций страны: REF – Франция; JAPL –

Япония, *VERON* – Голландия и пр. (см. фото марок). Но номиналы оплаты на марках не ставили.

Знаки почтовой оплаты (марки) радиолюбительской почты различных стран (слева направо): верхний ряд: Франция, Нидерланды (Роттердам), Чили; нижний ряд: Япония, Швеция, Южно-Африканская Республика (Кейптаун), Австралия – штат Виктория (Мельбурн)

По числу любительских радиостанций в СССР в 70–80-е годы – до пятидесяти тысяч, можно судить и об общем их числе в мире! Редкий случай, когда «элитный» вид спорта столь массовый...

Спорт и азарт неразделимы. Так и в нашей школе, в полярную ночь круглосуточно светились окна радиоклуба – значит идут суточные, самые престижные международные соревнования *WDX*, а мы сквозь зимнюю заполярную пургу спешим на свои часы вахты... Тот же азарт и в проведении связей с наиболее знаковыми любительскими станциями мира, среди которых, в первую очередь, «морзисты» с Антарктиды, с советских станций Арктики, единичные радиолюбители с экзотических океанских островов, стран Африки, Океании, Азии. Очень ценились радиосвязи – и, тем более, карточки с автографами – известных людей; например, радиолюбителем являлся король Иордании Хусейн, а также американский сенатор Барри Голдуотер...

этого ярого антисоветника в нашей прессе иначе как «бешеным Барри» не именовали, а он шлет тебе свою «кюэсэльку», на которой напишет *73 from Barry* – «Наилучшие пожелания от Барри». Как во всяком спорте и здесь иное общение в своем кругу.

... И весь радиолобительский мир «замотал» один американец из Сан-Франциско, казалось, круглосуточно отстукивающий на ключе. А все дело в том, что мистер этот то ли украл много, или налоги не заплатил, поэтому уже который год проживает на своей яхте, что дрейфует вдоль берега Калифорнии. По тамошним законам его нельзя «арестовать на море». Чем заняться?

Тур Хейердал тоже долгое время не сходил на берег, плывя на своей папирусной «Ра» через Атлантику, но все радиолобители мира сутками напролет «шарили» по эфиру в надежде «поймать» его позывной *LI-2-B...*

Очень демократичный вид спорта. Для советских радиолобителей действовали всего лишь два запрета: на связи со станциями Израиля и ЮАР (марки ЮАР на фото выше – более поздних времен); тогда сионизм (не путать с алией – репатриацией!) и расизм (с подачи очень авторитетного тогда СССР) были осуждены ООН... Как нам было жалко Мишу из Натаньи, что на севере Израиля, который не «слезал» с волны нашей *UAIKUZ*, прямым текстом «морзянил»: ребята, да ответьте мне, своему бывшему земляку из Мурманска!

... Как и «классические» филателисты, серьезные радиолобители имели кляссеры для радиолобительских марок, а иные и фотоальбомы для наиболее значимых «кюэсэлек».

♦ Наш краткий очерк «о делах минувших» оказался бы неполным, если бы мы не вспомнили об Эрнесте Теодоровиче Кренкеле, бессменном председателе ЦРК СССР в 60–70-е годы, энергией которого советское радиолобительство вышло в мировые лидеры, а в самой советской стране миллионы ребят, увлекшись радиоконструированием и радиоспортом, раз и навсегда выбрали себе радиотехнику профессией. Автор этих строк и его однокашники в том числе.

... Опять историческая ремарка. Когда в День Радио, ежегодно 7 мая прикрепляю к лацкану пиджака знак Почетного радиста России (это уже не спортивная награда, но высшая по ведомству министерства связи, как оно раньше называлось...), то вспоминаю известную быль, вполне возможно и близкую к правде. Когда героическая четверка папанинцев*, то есть сам Папанин, Федоров, Ширшов и Кренколь, по завершении дрейфа на льдине с триумфом возвратились в Москву, то на них обрушился поток наград и все-народного признания. Поскольку же экспедиция имела статус научно-исследовательской, то было решено («мы тут, в Политбюро, посоветовались и предложили...») отметить героев-полярников и научными отличиями. Проще было с Папаниным, метеорологом Федоровым и гидрологом Ширшовым, имевшими высшее, или приравненное к нему, образование. И в одночасье они стали докторами географических наук (без защиты диссертаций).

Но вот с чисто техническим участником дрейфа на льдине, радистом Кренкелем со средним образованием возник вопрос: как его не обидеть и в то же время не профанировать докторское ученое звание? Вопрос щекотливый, да и время такое... только что закончилась «ежовщина», самого Николая Ивановича расстреляли. Словом, Соломоново решение принял сам Сталин, дескать, учеными степенями не будем разбрасываться, но и заслуги Эрнеста Теодоровича высоко оценим: введем звание Почетного радиста СССР и удостоверение за номером один вручим Кренкелю! Так молва гласит...

... Действительно, знак Почетного радиста России полностью, исключая замену названия страны, сохранил облик наград тридцатых годов: удлиненный ромб с изображением Шуховской башни и земного шара с «молниями» радиосигналов.

Именно благодаря активной деятельности Кренкеля в возглавляемом им ЦРК СССР, его неумемной энергии, в стране не только была создана обширная сеть радиоклубов – областных обязательно, а также многих районных, орга-

* Почему-то малоизвестно, но был и пятый участник героического дрейфа СП-1: лайка с кличкой Север. По возвращению со льдины папанинцы первую остановку на земле сделали в Полярном, где и подарили Севера морякам «столицы» Северного флота. Мой отец, Афанасий Андреевич, служивший тогда в Полярном, трепал Севера по заливку.

низационно обеспечивавших слаженную, скоординированную работу десятков тысяч (см. выше) любительских радиостанций «морзистов на ключе». Но ведь была еще не меньшая сеть радиолюбителей, работавших в УКВ*-диапазоне! А коротковолновики, проводящие сеансы связи «голосом» (так называемая работа в *SSB* – на одной боковой частоте)? Вместе с «охотниками на лис» – это была уже армия технических специалистов и спортсменов. И всей этой, распределенной по 1/6 части земной суши многочисленной ратью умело руководил бывший радист дрейфующей на льдине станции «Северный Полюс – 1», что была 21 мая 1937 года высажена близ самого этого полюса с самолетов Водопьянова, Молокова, Алексева и Мазурука, взлетавших с острова Рудольфа архипелага Земли Франца-Иосифа...

История близкая и далекая, как и радиолюбительская почта в «ведомстве Кренкеля», а за пределами страны – по всему заселенному людьми земному шару.

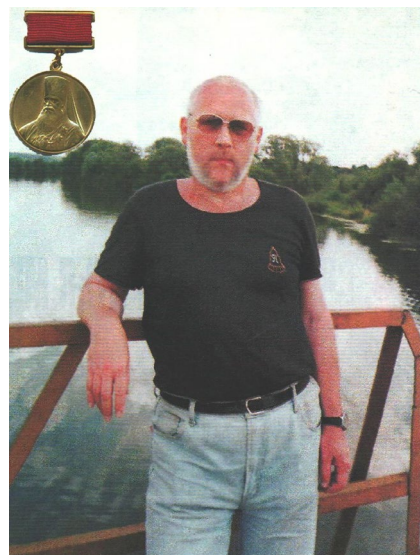
... Нынешний век не набрал еще своей четверти, но Великий глобализатор, внук Великого инквизитора Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»), уже полностью опутал мир своей цифраизацией (правильнее – *цифрофренией*), практически лишив людей «материальной» почты. Тем более радиолюбительской, оставив ее в нашей памяти «двойным артефактом прошедшей эпохи»...

* То есть ультракороткие волны, на которых сейчас работают местные, городские и областные, широковещательные радиостанции. Но в СМИ их именуют ФМ-станциями: с 90-х годов так собезьянничали с американского *FM*, то есть *frequency modulation*, в переводе: частотная модуляция...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ПОЛКУ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ ПРИБЫЛО!

♦ Выход в свет энциклопедии* лауреатов-писателей премий Российской империи и СССР достаточно уникальное явление – я бы сказал: уникальное «в квадрате». Во-первых, навскидку не припомню энциклопедий лауреатов-литераторов, тем более по столь обширным «ареалам», какими являлись царская Россия и СССР; во-вторых, книга издана «в бумаге», причем в добротном полиграфическом исполнении; возможно и указанный тираж (500 экз. нынешних – это как сотня – другая тысяч советского времени) совпадает с действительностью... Особо подчеркнем этот второй момент. Сказанное к тому, что слушая, обычно краем уха, велеречивые рассуждения на телерадио

* Труба А.С., Макаров Н.А. Лауреаты литературных премий Российской империи и Союза Советских Социалистических Республик. – Рязань: Изд-во ИП Коняхин А.В. – 2024. – 468 с., ил.

актеров, «переодетых» ведущими и маститыми авторитетами по части всяких гуманитарных наук, о соотношении печатной (на бумаге) и компьютерно-цифровой литературы, отметил, что таковые спецактеры все справочно-энциклопедические издания безоговорочно относят – уже сейчас, а тем более в светлом оцифрованном будущем, будь не к ночи оно помянуто – *исключительно как к интернетовской*.

И возразить-то нечего! Современный, то есть полностью привязанный к интернету, человек на все ваши доводы об исторической эстетике чтения бумажных книг, о великолепии библиотечной комнаты с резными, под высокий потолок, шкафами красного дерева, полки которых плотно уставлены шедеврами энциклопедической мысли и высокого полиграфического исполнения: золочеными томами Британики и Ляруса, Брокгауза и Ефрона, *нашей* БСЭ и ее дочки – МСЭ, много чего другого... так ваш собеседник рассмеется вам в глаза: «Ха-ха-ха, папаша! Вся эта твоя дворцовая зала со шкафами, заполненными тысячей томов, уместится у меня в пиджачном кармане!» И вынет из оногo хреновинку, вроде как накопителем по-русски именуемую, китайской или тайваньской фабрикации, что размером со старинчатый портсигар... Против лома нет приема. Другое дело, что нынешнему кешбэкистому парнише, офисному менеджеру и так далее в переборе возрастов и профессий, все это сокровище энциклопедической мысли без надобности: как ностальгической козе с баяном. По правде говоря, и все остальные бумажные книги сейчас уравниены в статусе с тем же баяном.

Как ни крути-верти своими извилинами, как в логическом левом полушарии своего мозга, так и в правом художественно-творческом, но вывод один: издавать сейчас «бумажные» книги, тем более энциклопедического содержания, суть *эстетический эскапизм*, то есть личностное, непротивленческое (как в учении Льва Толстого) сопротивление неумолимо надвигающемуся расчеловечиванию, то есть трансформации традиционного человека творческого в его утилитарное оцифрованное подобие. А держать в руках

свежеотпечатанную книгу и есть хотя и малое, сугубо специфическое, но все же содержание такого сопротивления.

Сказанное – о самом факте издания «премиальной» энциклопедии, а теперь переходим к ее содержанию.

◆ ... И к оформлению конечно, что немаловажно для современного положения дел – повсеместного упадка культуры полиграфического исполнения. Увы. По себе знаю: две мои новые книги разные типографии отпечатали со 100%-м браком. А поскольку никак не избавлюсь от советской привычки всем и всея доверять, то есть полностью вношу предоплату, то и взятки гладки. Как мы подростками распевали: «Получи, фашист, гранату – распишись за пулемет»... Причины же безвозвратного брака объясняют по-разному. Приказчица из частной типографии, стреляя глазами влево-вправо, ссылается на «нынешние некачественные расходники». Руководитель же печатни при госучреждении отвечает с римской прямоотой: «А где я найду нормальных работников на мизерную бюджетную зарплату?» Господь с ними! По-человечески сочувствую им. Как и себе – ведь в одной лодке плывем.

Но вот авторам «Лауреатов литературных премий» повезло с добротным издательско-типографским исполнением. Даже непроставленный номер в графе «Заказ №...» на странице выходных данных не снижает впечатления. ... Равно как и собственно название книги. Понятно оно воспринимается вполне аутентично содержанию книги, хотя логико-семантически не соответствует ему. Словосочетание «Лауреаты литературных премий» подразумевает акцент на определении «литературных» к слову «премий». Однако из рассматриваемых в книге премий большинство таковых не являются (не являлись) *сугубо литературными*: из дореволюционных это Демидовская, Уваровская, Ломоносовская, Макариевская премии, а чисто литературными были только Пушкинская, Грибоедовская и (одноразовая) Киреевская премии; из советских же премий, ангажируемых в книге, и вовсе отсутствуют однозначно литературные премии – все они, как финансируемые государством (Ле-

нинская и Государственная премии СССР), так и Сталинская премия*, присуждались за выдающиеся достижения в совершенно различных отраслях деятельности. То есть с позиции логико-семантической истинности – это энциклопедия о *писателях (еще правильнее – литераторах) – лауреатах премий Российской империи и СССР.*

Но – повторимся в части апологии названия энциклопедии: и проставленное авторами на титульном листе и обложке таковое не вызывает какого-либо внутреннего возражения, поскольку акценты расставлены в названии совершенно верно для восприятия: *лауреаты-литераторы → премии императорской России и СССР.*

◆ Богу богово, а кесарю кесарево, но потеплело на душе с первых страниц книги, как только взгляд упал на названия царских времен премий: Макариевской и Демидовской – возобновленных в наше время. Ведь за спиной, на стене висит диплом Макариевской премии за 2022-й год, подписанный Патриархом Кириллом, президентом Российской академии наук Г.Я. Красниковым и главой Москвы С.С. Собяниным (финансирование премии), в ящике письменного стола – полуфунтованная лауреатская медаль, а на лацкане пиджака – лауреатский знак; оба с изображением митрополита Макария.

И хотя Демидовской премии не удостоен, но к недавнему юбилею был награжден Демидовским фондом Алтайского союза промышленников золотой медалью «Акинфий Демидов». То есть «сопричастен»...

Но, к сожалению, не нашел на стр. 4, 5, где дано краткое описание статуса премий Российской империи, таковое для Макариевской. Восполним здесь это упущение.

Основатель премии – митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков) (1816–1882), выдающийся иерарх Русской Православной Церкви (РПЦ), историк, богослов, видный общественный деятель, автор 12-томной «Истории Русской Церкви» и 5-томного «Догматического богословия», дей-

* Денежное содержание Сталинских премий (на которое можно было жить! – или прогулять за неделю с народом на берегу Волги, как Мокроусов...) складывалось из личных гонораров Вождя за публикации его книг.

ствительный член Российской Императорской Академии наук, почетный член Императорского Археологического общества и Общества Российской словесности, положивший начало взаимопольного диалога РПЦ и научной общественности. Гонорары за издание своих трудов он расходовал на поощрение видных ученых и начинающих деятелей науки. Год основания премии – 1867, а начиная с 1882 года Макариевская премия становится одной из самых престижных и известных премий России, которая присуждалась не только богословам, но и ученым других специальностей за выдающиеся достижения в самых различных областях знаний и фундаментальных наук.

В 1995 году, после почти 80-летнего перерыва, по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II был возрожден Фонд по Макариевским премиям. В настоящее время, чередуясь через год, Макариевские премии присуждаются по гуманитарным наукам и по естественным и точным наукам.

Учредителями современной Макариевской премии являются РПЦ, Российская академия наук и Правительство Москвы.

Правда, составители энциклопедии на стр. 88, 89 привели краткие сведения о Макариевской премии, но... в контексте статьи о митрополите Макарии как лауреате Демидовской премии, что заметно снижает акцент...

Среди премий Российской империи, лауреаты которых представлены в энциклопедии, Демидовская, Уваровская и Макариевская премии (как и Сталинская в СССР) имели единоличных учредителей: Демидовская в 1831 году учреждена представителем рода Демидовых, уральским горнозаводчиком Павлом Николаевичем Демидовым. А вот Уваровская премия учреждена в 1856 году Алексеем Сергеевичем Уваровым, считающимся основателем русской археологии, в память своего отца, Сергея Семеновича, удостоенного графского титула, министра народного просвещения, бессменного (1818–1855 гг.) президента Академии наук, автора знаменитой формулы: *православие, самодержавие и народность*.

Просматривая первую, «царскую» половину книги, встречая знакомые имена и знакомясь с ныне напрочь забытыми, нельзя не отметить, что соста-

вители энциклопедии, удачно «нашедшие друг друга по мичуринскому землячеству», достаточно осознанно выдерживали линию отбора тех лауреатов премий России XIX – начала XX вв. чьи труды и достижения имели не только прямое отношение к художественному литературному творчеству, но и к широко понимаемой русской и славянской словесности, включающей в себя все филологические дисциплины в их дифференциации (до семантики, семиотики и семасиологии), исторические исследования в литературном описании и так далее. Нельзя не отметить того факта, что российские премии того времени значительное внимание уделяли переводческой – на русский язык – деятельности. ... Сразу вспоминаются ранее читанные книги скандинавской литературы периода «скандинавского феномена» последней четверти XIX века – первой четверти XX века, связанного с именами Ибсена, Гамсуна, Бьёрнсона, Брандеса – и еще полтора десятка имен можно назвать... многие из них переведены на русский язык супругами Ганзен (Петр Готфридович и Анна Васильевна), достойное место которым нашлось (С. 36, 37) в энциклопедии, как удостоенных Почетного отзыва Пушкинской премии. А перевод Леонидом Бельским карело-финского эпоса «Калевала» (поощрительная Пушкинская премия)? Кстати, более поздний перевод «Калевалы» принадлежит видному советскому партийному деятелю Отто Вильгельмовичу Куусинену...

По нынешней терминологии это соответствует дипломанту <такой-то> премии, то есть вошедшему в число финалистов конкурса. Точно также нынешним степеням премии соответствуют тогдашние «полная премия», «половинная премия», «малая премия».

Составление словарей – еще один из приоритетов премий Российской империи. Хотя и принято считать, что «все лучшие словари русского языка принадлежат ... немцам» (тот же «Этимологический словарь русского языка» в 4-х тт. Фасмера), но Владимир Даль, Герман Куликовский, Константин Труш, Дмитрий Эрстов, представленные в энциклопедии, не позволяют принять эти расхожие слова за истину.

Переходим к советскому времени.

◆ При составлении *словника*, то есть списка названий (персонажей) энциклопедических статей (сам в 80-х годах принимал участие в подготовке двухтомной «Энциклопедии радиоэлектроники»), которые должны составить книгу, обычно используют целеуказание – назначение энциклопедии: «идеологическая» установка, круг предполагаемых пользователей, место энциклопедии в ряду родственных по теме имеющихся и пр., в том числе определенная специфика. В литературных энциклопедиях советского периода, в смысле о советских писателях, таковой спецификой, равно как и во всех отраслях и разделах советского социума, являлся принцип «каждый сестре по серьгам», когда речь шла о национальных литературах. И это было – и сейчас есть! – *правомерно*, учитывая, что многонациональное (сто языков...) население Советского Союза во всех программных документах составляло единую народную общность – *советскую нацию*.

... Можно одобрить составителей «лауреатской» энциклопедии, что они взяли за основу прежний подход, составляя словник. Что мы здесь и делаем. Но опять же уместна и определенная политкорректность (при всем моем неприятии этого термина...) с учетом нынешних реалий. К примеру: открываю книгу где-то ближе к началу «советского периода», читаю биографическую справку среднеазиатского писателя, лауреата Сталинской премии, ведущего переводчика на родной язык русской классики, *пропагандиста русской литературы*... а вместо фото лауреата изображена современная почтовая марка с его портретом. Надписи же на марке *латиницей* вместо прежней для языка лауреата *кириллицы*!

И как бы не объясняли (а они и вовсе этой темы не касаются...) СМИ тех бывших «советских союзных», что заменили кириллицу латиницей, причину такого перехода, но это секрет полишинеля: *дистанцирование от России и ее культуры даже в части алфавита*. Именно политкорректным была бы замена марки обычным фото лауреата.

Но причина здесь не в «чутье» составителей, но в ином. А именно: давно ушли в прошлое времена, когда над словарями, энциклопедиями и иными справочно-литературными изданиями работали основательно, зачастую це-

лыми коллективами, в равной степени совмещая творческий и рутинный, переборно-классификационный труд. Даже не о Дале и Фасмере, конечно, говорим, а о более «приземленной» справочной литературе. Сколько трудов и усилий потребовалось, например, на создание знаменитого четырехтомного «Словаря языка Пушкина»? – Сейчас же, используя простенькую (давно готовую) программу и «ноль» творческих усилий, этот словарь, учитывая что все произведения Александра Сергеевича «переведены на цифру», один оператор компьютера, ни о чем не задумываясь, через пару часов выдаст распечатку четырехтомника... За свои слова отвечаю, как имеющий ученое звание профессора по кафедре ЭВМ.

А для тех же литературных и иных энциклопедий «с персоналиями» и вовсе готовая обширная база есть – Википедия. Отсюда и марка с латиницей, и нечто другое, более существенное. А именно: беря материал из Википедии, даже в аннотированных отрывках, следует помнить, что статьи этой электронной энциклопедии формируются по определенным правилам, достаточно формализованным. Опять же из первых рук: все познаша на себе, когда свою персоналию и редактируемого мною литжурнала «Приокские зори» для Википедии готовил...

В силу такого, возможно и общепольного, формализма и взятые за исходное из Википедии материалы сохраняют этукую «суховатую строгость».

А вот В.В. Огрызко, известный литератор и организатор всероссийского литературного процесса, приложил к своей книге* порядка 800 кратких, но содержательных биосправок почти о всех советских и нынешних российских писателях. Обратись составители «лауреатной энциклопедии» к этой книге, в свое время вызвавшей фурор на грани скандала, они могли бы значительно оживить биографические персоналии. К тому же повысить ее информационно-актуальную содержательность.

Например, читающим статью об Евтушенко, немаловажно было бы узнать, что за свою «эпатажность на грани фола» Евгений Александрович

* Огрызко В.В. Против течения. Статьи и заметки о современной литературе / Вступ. ст. Ивана Гобзева. – М.: Литературная Россия, 2010. – 544 с.

нередко расплачивался неприятностями. Так в 1957 году он был исключен из Литинститута за поддержку «заклеймленного властями» романа Дудинцева «Не хлебом единым». То есть далеко не все гладко шло по жизни у поэтического кумира 60–70-х годов... Это немаловажно для биографии.

А вот В.В. Огрызко пишет о (лауреате) Искандере: *«Искандер Фазиль Абдулович (1929), сын видного иранского политика (выд. нами.– А.Я.), в 1938 году депортированного из СССР (где он некоторое время жил. – А.Я.), который всегда позиционирует себя как абхаза...»* (С. 468).

Тоже немаловажная деталь в осмыслении творческого наследия столь видного писателя.

Подведем итог нашей ... нет-нет, не рецензии, не конкретизированного определенной установкой отзыва, а скорее всего авторской рефлексии при ознакомлении с энциклопедией. Анатолий Сергеевич и мой давний друг и коллега по «Приокским зорям» Николай Алексеевич подготовили и издали книгу, которая во многом займет пустовавшую нишу в ряду современных российских энциклопедических изданий. Познавательное чтение для интересующихся русской и советской литературой за два века их последовательного и преемственного развития и совершенствования, а также справочный материал для литературоведов, публицистов и историков отечественной литературы – в таком качестве «лауреатская энциклопедия» востребована и актуальна. Завершим волшебными строками Максимилиана Волошина:

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...

Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,

Но чья для нас не умерла химера,

И бьется сердце, взятое в их плен...

.....

Весь тайный цвет Европы и Москвы –

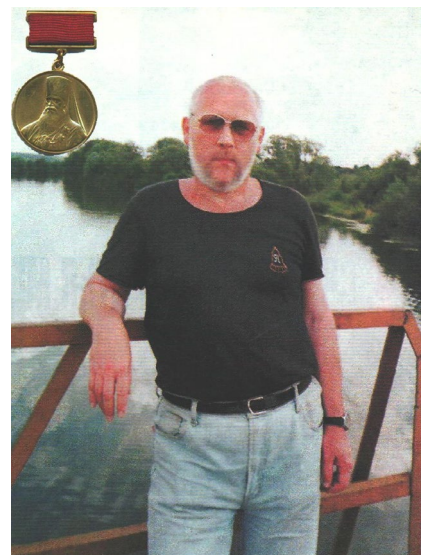
Вокруг себя объединили вы –

Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА ... ЧЕЛОВЕКА

Размышления литератора эпохи глобализации

Мало того: тотчас же обратится он из человека в органичный итифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не итифтик в органном вале? Как вы думаете? Сосчитали вероятность, – может это случиться или нет?

Ф.М. Достоевский «Записки из подполья»

Нет, кажется, и вправду уже грядет час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всем совершающемся хотя малейшую странность.

Н.С. Лесков «Соборяне»

◆ ***Эпоха безвременья, когда звание человека уже не звучит гордо.***

Настоящий очерк, равно как и предыдущие, опубликованные в последние годы в «Приокских зорях» и в ряде других российских и белорусских литературных журналов, посвященные теме глобализации, по сути являются литературно-публицистической популяризацией нашей продолжающейся научной работы* системного характера. Понятно, что круг читателей, если таковые сейчас еще остались (это не горький юмор, но, увы, самая что ни на есть действительность...), совершенно различен в части научных трактатов и журнальной публицистики. Опять же автору самому небезынтересно представить свои доводы в столь различных по понятийности формах изложения. Но – это к слову. А тема расчеловечивания и обесчеловечивания, то есть сокращения численности земного населения, столь актуальна и злободневна (оглянитесь вокруг или, поморщившись, на полчаса включите телевизор!), что посвящаем ей уже второй очерк – первый был опубликован ранее. Нелишним будет заметить, что само слово «расчеловечивание» до недавнего времени не входило в словарь масс-медиа, использовалось исключительно в социологических и политологических публикациях. Но сейчас, в связи с обострением в противостоянии с Западом, дана «отмашка» на его использование в СМИ. Это весьма многозначительный факт – наряду с прекращением там же ранее случавшихся реплик: «И мы также являемся участниками процесса глобализации». То есть по такому факту признается, хотя бы и не декларативно, что в настоящее время наблюдается определенное вычленение

* Многотомная монография (на сегодняшний день издано 20 томов) «Живая материя и феноменология ноосферы». Различные тома вышли в издательствах УРСС (Москва), «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), «Гриада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета в 2003–2023 гг. Все тома размещены на ведущих научных сайтах (см. по поисковику).

России из процесса глобализации. Последняя же суть курс западного финансово-олигархического империализма на полное мировое господство; словом, их «последний и решительный бой». Тот же пятый (четвертый был троцкистский) интернационал капиталократии. Во всяком случае, теперь можно прямо черное называть черным, а белое белым, не прибегая к иносказаниям и полунамекам. Хотя, чего греха таить, в золотые (без всякого закавычивания!) советские 60–70-е годы искусство такого эфвемизма-иносказания в произведениях писателей-шестидесятников и «деревенщиков», а также мастеров течения «городской прозы», достигло такого совершенства, что во многом обогатило советскую художественную литературу. Нет худа без добра... Да и «худо»-то было почти символичным: не сомневаться (печатно) в верности курса партии, не «трогать за вымя» руководителей партии и правительства и лично дорогого Леонида Ильича.

По устоявшемуся уже определению – речь идет о времени последних двух лет – расчеловечивание, как процесс-субъект глобализации, есть дегуманизация <доселе> человека биологического разумного. Дегуманизация включает в себя: замену творческого аналогового мышления цифровым, «компьютерным» утилитарным; десоциализацию и деколлективизацию – в традиционном понимании этих отрицаемых категорий; нивелирование людей по всему ареалу их творческих, мыслительных, психосоциальных, социобиологических, образовательных, воспитательных и поведенческих, в перспективе – генофенотипических характеристик; указанное нивелирование сводится до минимально достаточного – для целей глобализации – уровня; выработку полной безэмоциональности и ликвидацию потребности во всех видах искусства и в особенности художественной литературы.

Можно продолжить в дифференциации перечисления, но четко вырисовывается облик «органного штифта» в определении Достоевского. Да и перечислять не стоит, чтобы не заставлять читателя морщить лоб, напрягаться мыслью. Достаточно посмотреть на типичного представителя нынешних молодых поколений: тинейджера-бронеподростка. Последний термин 1930-х

годов мы к месту употребили, ибо современный подросток истинно имеет *брóню*, освобождение как от базовых моральных категорий, так и – в особенности! – от «тягот» даже начального самодостаточного, без *интернета-уманета*, мышления. И в разговорной речи у них непорядок: примерно понимая смысл отдельных, малых числом, слов, они уже не способны составить из них функционально содержательную фразу.

... Своего рода эпоха безвременья – глобалистского начало перехода биосферы в ее новое биогеохимическое качество Земли – ноосферу, сферу разума. Так определил это грандиозное событие в эволюции жизни выдающийся русский и советский ученый, академик В.И. Вернадский, 160-летие со дня рождения которого пришлось на прошлый год. Но безвременье не проходящего, а изменяющего саму сущность человека – расчеловечивающего его.

Если мысленно представить себя живущим в 1970–80-е годы (это тем, кто действительно в эти года жил в сознательном возрасте) и смотрящим в «бинокль времени», аналог машины времени, на происходящее в нынешние времена, испытываешь примерно то же ощущение, как при просмотре старого советского фильма, но только раскрашенного, как сейчас принято. Ныне все делается во вред человеку. И ловкие ребята от кинематографии не отстают от сонма вредителей-расчеловечивателей. Действительно, черно-белое кино и кино цветное снимаются по своим – у каждого свое! – режиссерским, операторским, отчасти даже сценарным канонам и правилам. То есть каждый фильм хорош – если он хорош – как снятый в своем изначальном цвете. Это как парад Победы 26 июня 1945 года, который снимался в черно-белом и в цветном вариантах; для последнего использовали трофейную немецкую пленку. Но снимали с различных планов, с различными режиссерско-операторскими установками. Поэтому оба варианта, правильнее – различные фильмы, смотрятся инаково: добротные документальные съемки.

Но вот нынешней раскраски бывшие черно-белые фильмы смотрятся ... как бы образно сформулировать? – отстраненно. Вроде бы давно знакомый сюжет и актеры, еще в прошлом веке и тысячелетии ставшие кинематогра-

фической легендой, но все воспринимается как происходящее на Луне, в совершенно ином мире. Такой вот эффект безвременья и внепространственности. Гибридная жизнь, гибридные революции и войны, гибридная мораль – даже аморализм в тех же гибридных категориях.

Достоевский устами одного из своих персонажей определил человека как существо на двух ногах и неблагодарное. Насчет ног – это биологическая аксиома, но вот кого и за что человек должен ежечасно благодарить? Именно этот сакраментальный вопрос, по всей видимости, и имел в виду Федор Михайлович. Но худо-бедно в своей эволюции, особенно в последние тысячелетия эпохи цивилизации и культуры, человек все же находил времена и обстоятельства, чтобы испытывать что-то вроде благодарности к миру, породившему его, двуногого. Именно это вековечное устремление к благодарности и сделало звание человека звучащим гордо. Максим Горький был истинно великим русским, советским писателем, поэтом и сформулировал этот тезис. А раз есть устремление, так и смысл жизни благоприобретается.

Но вот пришло гибридное время глобализации, в которой нет места благодарности ни к кому и не к чему. Сбылось предсказание Достоевского: на двух ногах и неблагодарное существо. И устремления значит нет: ни к добру, ни к злу, тем более, что современная неопозитивистская «мораль по вызову» уравнивала категории добра и зла в правах. Так родоначальники неопозитивизма, философии империализма и современного глобализма в их преемственности, Людвиг Витгенштейн, Бертран Рассел и Джордж Мур в морально-этическом плане приговорили человечество к безысходности.

Тема расчеловечивания и обесчеловечивания – это не унылое нытье, столь излюбленное исторически русской либеральной интеллигенцией – см. высказывания о ней, не в бровь, но в глаз, от Достоевского до Ленина, но четкое, осмысленное понимание происходящего. И, конечно, не как социально-политическую, геополитическую коллизию всемирного характера, но именно как крутой, эволюционно обусловленный ход человеческой истории. Биоэволюция выполнила свое назначение, создала свою вершину – человека

мыслящего. И сам человек вплотную подошел к исчерпанию своего назначения: создал практически полный, разрешенный ему вселенской эволюцией, корпус знаний о мире, а в начавшийся биосферно-ноосферный переход передает свои функции глобальной информационно-технологической машине.

А зачем развивать, муссировать эту тягостную тему? Не проще ли уподобиться птичке страусу и спрятать свою голову под... нет, не под крыло, а обложить ее, тыковку, этими мерзейшими гэджиками, по экранам которых сейчас все от мала до велика пальчиками водят, как сейчас *традьюксон инс амэриканош*, то есть обезьяннически с американского, говорят «двадцать четыре на семь», в цифрах: 24/7. А еще надежнее и мерзостнее эти 24/7 лупить глазенками на экраны телящика и компьютера... или как там сейчас эти штуки именуют? Так ведь это и есть вожденная и, увы, сбывающаяся в стахановских темпах, цель глобализации: сделать из человека тот самый органный штифтик!

И как это планомерно, точно выверено по инженерным чертежам делается? Чтобы не быть голословным и раз уж помянули (не к ночи!) эти мерзопакостные интернето-уманетские гэджики, проследим их недолгую по времени, всего-то в три десятка лет, генеалогию.

Самое окончание 1980-х годов. Трудился тогда ваш покорный слуга начальником патентной службы в самом знаменитом, трижды орденоносном Конструкторском бюро Тулы, «изделия» которого все мы ежегодно видим проходящими по брусчатке Красной площади на парадах Дня Победы. Как говорится, по должности, служебным обязанностям приходилось присутствовать на разного ранга совещаниях, конференциях, семинарах и пр. по новой технике. Тогда как раз заговорили о сотовой связи, разработка которой активно ведется на Западе. Правда, ораторы по этой тематике напрочь забывали, что таковая уже два десятка лет эксплуатируется... и именно в СССР – радиотелефоны марки «Алтай», что в масштабах страны уже привычно используют на железных дорогах, в сельском хозяйстве и в различных «орга-

нах» – для связи на подвижных объектах: от «волги» председателя колхоза до персонажа песен Галича: «... а капитаны – те в такси, помчатся, боже упаси!»

То есть это была профессиональная сотовая радиотелефонная связь. Никому в голову не приходило оснащать такой связью индивидуальных граждан. Да она и вовсе ни к чему этим гражданам.

... И вот на этих совещаниях-конференциях вдруг все поборники прогресса, в основном из столичных «штучек», заговорили – в переводе из западных журналов – о несомненной пользе и перспективности массовой сотовой связи, правда, оговариваясь: она полезна в странах, где географические и иные условия делают нерентабельными прокладки кабелей, строительство радиорелейных трасс: малое рассредоточенное население, большие расстояния, гористая или лесная местность и пр. Потенциальными пользователями массовой сотовой связи полагали скандинавские страны и Финляндию. И только. Благородная цель: скрасить скучную жизнь среди скал и фиордов потомков викингов и жителей разбросанных хуторов озерно-лесной Суоми. Тем более, что Сталин изъясил у них наиболее благоустроенный для жизни Выборгский район...

Примерно в это же время на совещаниях-конференциях столичные ораторы заговорили, начитавшись статей в зарубежных журналах, о великой будущности интернета, который свяжет и облегчит... и так далее. Но одно дело – для доверчивых масс земшара – обоснование сотовой связи для гористых мест Скандинавии, лесов и болот Финляндии, но даже самые тугодумные засомневаются в части интернета: ведь в планетарном масштабе создание такой глобальной телекоммуникационной машины потребует гигантских средств, финансовых и иных. И кто будет платить – Пушкин или Байрон? – за скромное удовольствие послать телеграфное сообщение другу Ване или Джону из своего дома, а не с почты, что напротив? Поэтому те, кому это понадобилось огород городить, и пустили санкционированный, якобы тайный, конспирологический слухок, что интернет создается на случай катаклизма

на Земле: ядерной войны или падения на нее метеорита весом с половину Луны.

Когда, мол, все на Земле превратится в руины, а немногие сохранившиеся люди, погоревав, начнут заново цивилизоваться (до следующей войны или метеорита), то им не придется повторять 10000-летний этап цивилизации и культуры, заново формулировать теорему Пифагора и так далее до управляемой ядерной реакции (чтобы создать ньюатомную бомбу?). Ведь останутся на Земле, где-нибудь на Соломоновых островах, на антарктических станциях, в горах Тибета и южно-американских Кордильер, в глухих местах Папуа – Новой Гвинеи и в иных богом забытых местах, не превращенные в пыль компьютеры с их жесткими дисками, там и сям разбросанные дискеты, возможно уже и *CD*-диски с флешками *made in* Китай, Тайвань, Филиппины, а то и вовсе повезет новым археологам: отроют чудом сохранившийся серверный узел – или как там они называются? – с базами данных. Все эти диковинные артефакты предыдущей цивилизации дальновидные ньюангличане перекупят – отберут и разместят на стендах нового Британского музея, а предприимчивые ньюамериканцы скоренько соорудят новую же Силиконовую долину... словом, вместо десяти тысяч лет понадобится пара-тройка сотен годов, чтобы сохраненные на интернетовских обломках знания воплотились в восстановленную на Земле человеческую жизнь. Экономия же на революции гигантская! И снова глобализация, взрывы атомных бомб... пошло-поехало, словом, сказка про белого бычка.

Таким гуманным, человеколюбивым было начало сотовой связи и интернета-уманета. Остальное даже тезисно объяснить не надо: все на глазах, все в живой памяти за прошедшие три десятка лет. Напрочь забыты декларируемые и конспирологически «подкинутые» гуманные и человеколюбивые намерения (намерения у Иудушки Ставропольского). Всего-то несколько лет назад произошло «великое объединение», но не наук, как в названии знаменитого трактата Фрэнсиса Бэкона (Веруламского), а интернета с сотовым телефоном. Появился смартфон, по экрану которого и детские

пальчики скользят, что-то невидимое размазывая как сопли, и старушка сухонькой ручкой осторожно тычет. И название-то для русского уха символическое, созвучное со смертью – смертью самодостаточного мышления.

Всего-то тридцать лет понадобилось приказчикам Великого глобализатора, чтобы провернуть архисложную аферу: лишить человека способности мыслить! На очереди пресловутый «искусственный интеллект», а с ним – прощай человек биологический разумный! Сатана там правит бал, а о пресловутом «научно-техническом прогрессе» столько же лет стыдливо не поминают...

♦ **«Несть еллина, несть иудея», а есть обезличенный обитатель глобализуемого социума; пандемия вируса «удобство».** В указанной выше нашей многотомной монографии классифицированы социальные вирусы эпохи глобализации, «запуском» которых выполняется расчеловечивание. Наиболее эффективным из них является вирус «удобство», который использует биологическое качество человека, впрочем, как и любого высокоорганизованного живого вида из разряда млекопитающих, а именно *лень*: выработанный эволюцией (по Дарвину и Ламарку) универсальный механизм рациональной экономии в части расходования физиологической, а для человека и умственной, энергии. Для наглядности: посмотрите на своего домашнего кота. Ровно половину суток он спит, а вторую «отдыхает», то есть опять же спит, но чутко. При этом исправно и с аппетитом ест, то есть потенциально накапливает энергию, которую импульсами расходует в мощных «охотничьих» прыжках: до двух с гаком метров в высоту; а олимпийскому легкоатлету в тройных прыжках порой завистливо снится их дворовый кот, убегающий от собаки...

Вот такой естественный биологический способ разумной экономии энергии и реализуется Молохом глобализации для расчеловечивания запуском социального вируса «удобство» в части оцифровывания мышления человека и одновременного отъединения его от активной коллективной жизни. Действует этот вирус и подспудно, и явным зомбированием. Последнее через

назойливую телерекламу. Сразу таковая высвечивается в память: «Сделать <то-то>, не выходя из дома, не вставая с дивана» и так далее до не озвучиваемого, но предполагаемого «не сходя с унитаза».

Действие «удобного вируса» всеохватывающе в многоцелевой программе расчеловечивания; оцифровывание лишь наиболее наглядный пример. Все что вроде бы «для пользы человека, все для блага человека», уже в ближней временной перспективе оборачивается прямым угнетением, нивелированием его человеческих качеств. Нейролингвистика и психосоматика – ключевые слова в объяснении конструкции этого универсального социального вируса, искусственно распространяемого через телесеть и интернет. Примитивно, но сверхдейственно. Как и в части биологических вирусов. Чем он проще в устройении своей ДНК, тем больше ареал его распространения. Конечно, биологический вирус со сложной структурой обладает бóльшей избирательностью и болезнетворностью, но в то же время легко мутирует, в итоге, в переборе мутаций, вырождается, создавая препятствующий его распространению коллективный иммунитет. Недавно завершившаяся пандемия *COVID-19* тому наглядный пример. Точно так же и с социальными вирусами. От примитивного массового «удобства» для расчеловечивания используется широкий спектр более сложных социальных вирусов с задаваемым (программируемым) качеством эмерджентности (новых свойств в мутациях) и временем эпидемической действенности. Что называется для справки, назовем важнейшие социальные вирусы расчеловечивания*: вирусы «кажимости», «политкорректности», «общечеловеческих ценностей», «толерантности», «деморализации», «цифраизации» (правильнее – «цифрофрени»), «умозамещения», «либерализации», «свободы», «запугивания», «лицемерия», «кампании» и так далее. Всего по нашей классификации до тридцати реально действующих сейчас вирусов расчеловечивания.

* Разработанная в томе 18 указанной выше монографии обобщенная теория вирусов была удостоена в 2022 году старейшей в России, престижной Макариевской премии в номинации естественных и точных наук.

... Но все же именно вирус «удобства», использующий специфику общебиологической организации человека, является ударным инструментом расчеловечивания.

Все в истории повторяется, идет циклами. Так и с евангельским «несть еллина, несть иудея». Если в учении Христа эти слова понимаются как верховенство заповедей Нового Завета, величайшей гуманитарной этики и морали, над всем остальным, так или иначе разделяющим людей, той же национальности, то, спустя два тысячелетия, в наступившую эпоху глобализации эта евангельская формула означает именно обезличивание обитателей глобализованного всемирного социума. Следует четко разграничивать понятия равенства и обезличивания. Например, равенство перед законом вообще безотносительно к категории обезличивания. Но вот возьмем известную американскую приказку о том, что бог создал людей различными, но мистер Кольт сделал их равными. Что здесь кроме «здорового» американского цинизма содержится? А вот именно достаточная толика обезличивания. Равно как и в словах Ф.М. Достоевского из романа «Подросток»: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство. И в этом все главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства»*.

Итак, равенство суть социумное равноправие, именно как *равное право* каждого индивида на самовыражение, творческое или любое другое, в силу его генофенотипики и обстоятельств жизненного пути. Обезличивание же есть утрата индивидуальности и нивелирование его мышления до уровня, минимально достаточного для исполнения социумных его функций... органического штифтика по Достоевскому.

Трансформация равенства в обезличивание во многом осуществляется действием социального вируса «свобода». Понятно, что это название, как и для других вирусов расчеловечивания, подтекстно двусмысленное. Эта пресловутая «свобода» по частоте употребления – имеется в виду филологический частотный словарь (специалистам, например, хорошо знаком четырехтомный частотный словарь языка А.С. Пушкина...), – стабильно занимает

одно из первых мест в западной внутри- и внешней пропаганде со времен даже не «холодной войны», но с 1920-х годов – начала противостояния с Советской Россией. В девяностые годы им же зашебетали отечественные либералы. Сейчас они приутихли, кто при деньгах, тот умчался на Запад, безлошадные испугались; но эстафету подхватила коммерческая телереклама: «Только с кредитной картой <такого-то> банка ты свободен!». И так далее до бесконечности, включая полную свободу, сожрав, держа обеими руками, пятислойный американский бутерброд, запить его газированной жидкостью – продуктом пищевой химии.

Это вирусное средство «свобода», разумеется, никакого отношения не имеет к гегелевскому определению: *свобода есть осознанная необходимость*. Заметим, что это определение контекстно понятно и единственно справедливо. Другое дело, что оно «вырвано» из текста Гегеля, где определение свободы является *ограничительным*. То есть свобода есть не необходимость, хотя бы и осознанная, но свобода предполагает осознание и исполнение конкретных *ограничений*.

Вирусная же «свобода», как инструмент расчеловечивания, нечто принципиально иное. Вспомнив выдающуюся антиутопию Джорджа Оруэлла «1984», а это по существу литературная иллюстрация к современной глобализации, предвиденной английским писателем за 70 лет! (роман издан в 1948 году), сходу скажете в оруэлловской антитезе: *свобода – это рабство!* Именно так и следует понимать действие глобалистского вируса «свобода»: свобода – без запретов осознанной необходимости ее ограничения – преступать любые социумные нормы. Например, норм цивилизационно выработанной этики и морали. Ходить без штанов – свобода! Мужеложество и прочие фортели половых извращений, «рекомбинации» половой принадлежности – еще бóльшая свобода! Свобода плевать на всех округ, в том числе на себя самого... и так далее по списку. Все в ареале расчеловечивания, а в части «половых шалостей» и по линии обесчеловечивания. Предоставим слово поэту:

*Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам;
Устами каждого воскликну я «Свобода»,
Но разный смысл для каждого придам.*

(Максимилиан Волошин «Ангел мщения» из книги «Стихотворения 1990–1910».– М.: Кн-во «Гриф», 1910).

Нет еллина, нет иудея... для глобализатора, оруэлловского Старшего Брата, нет различия в государственном, социальном, экономическом, морально-этическом и пр. устройствах человеческого бытия. В части расчеловечивания для него все едино в обезчеловечиваемом им мире: США и Китай, Россия и Украина, мусульманский мир и Западная Европа – все по единому плану нивелируется и уничтожается. Джордж Оруэлл не поэт, но метко прорифмовал:

*Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня –
Я тебя, а ты меня...*

Итак, расширим девиз Оруэлла для глобализуемого человека нынешнего: *свобода – это рабство проданных*, зараженных вирусом кривозеркалья. Подростковый дурачок, искренне полагающий, что истинная его свобода – это одетым в фабрично продырявленные джинсы, обвешанный гэджиками с сетью проводов, мчаться по тротуару на электросамокате производства Рёнсуаньского велосипедного завода, бессмысленно-тупо не замечая опасливо косящихся на лихого самокатчика пожилых прохожих. Здоровяк в годах оптимального возраста, среднестатистическое воплощение категории «активно-мобильных граждан», то есть АФТ: автомобиль – футбол – телевизор. Кардинальное отличие АФТ – современника от ровесника советских времен: не может позволить себе иногда расслабиться «злодейкой с зеленой наклейкой»; каждый день за своим частнособственническим рулем, а гаишные правила насчет того самого люты. Кстати, напрасно мы в свое время посмеивались – экий фантазер? – над персонажем детского фильма, кажется, «Каникулы

Кроша» (?), что провидчески заметил, мол, пьянство совсем прекратится, если каждому дать по автомобилю. Ведь, если отойти от принятого социального лицемерия, расслабившийся человек может и задуматься о нелепости <нынешней> гибридной жизни? Так ведь и до антиглобализма, хотя бы пассивного, кухонного («на троих») можно дойти?

Вирус превратно понимаемой «свободы» уникально сконструирован – настолько сложно и многофункционально, что пресловутый *COVID-19*, вполне возможно тоже изделие Великого глобализатора, по сравнению с ним выглядит поделкой пионеров из кружка «Умелые руки». Его нескончаемая пандемия инфицировала всех и вся: людей и среду их обитания. Как в Древнем Риме «свобода» рабов замыкалась на выборе как голову положить между молотом и наковальней, так и для нынешнего глобального раба выбор весьма специфичен: быть полным идиотом или стремиться такового превзойти. Особенно это показательно в сфере, что под флагом цветов спектра солнечного света...

Чем-то такая свобода напоминает состояние пациента психиатрической лечебницы: он действительно свободен в словоизъяснении, ибо все равно никто его не слушает; свободен в передвижении, но в пределах своей палаты-камеры; и так далее, если не выходит за пределы, обозначаемые смирительной рубахой, кулаком санитаря или инъекцией дозы «серы».

Но как сам расчеловечиваемый ощущает себя? А прекрасно ощущает: никаких мук творчества (третий день не поддается решению математическая задача, или верхние ноты в сочиняемой мелодии фальшивят...), никакого тяжелого физического труда... и так далее по списку жизненных и житейских дел, вплоть до предельного, зоологического упрощения «науки нежной, которую воспел Назон». Главное, что адепт глобализации напрочь лишен основного возмутителя спокойной жизни человека – способности и потребности мыслить.

Опять же уловка в великом искусстве глобального расчеловечивания: сочетание несочетаемого по определению, то есть... индивидуализма и осо-

бой формы социального коллективизма. Вся хитрость здесь в «дозировке» того и другого. Опять же все во взаимосвязи с пресловутой свободой. Люди старших поколений помнят молодежные, в основном студенческие, волнения 60-х годов, охватившие всю Западную Европу – с эпицентром во Франции, а коль там исторически сложилось, что Париж – это все Франция, то значит с парижским эпицентром. Итак, весь Париж, столицы и крупные города Европы запестрили уличными толпами молодежи в майках с портретом Че Гевары, тысячеустно выкрикивающими проклятия в адрес мирового империализма и своих правительств. Эти ультралевые массовые выступления – беспорядки поддерживали многие видные деятели культуры, например, крупнейший писатель, философ и общественный деятель Жан-Поль Сартр. И другие, не менее известные имена из среды европейской интеллигенции вдохновляли печатно и изустно этот взрыв молодых европейских бунтарей.

Но глядя со стороны, то есть из СССР, создавалось впечатление определенной управляемости этими выступлениями второй половины 60-х годов. С одной стороны, несомненная массовость бунтующих митингов, выступлений, неподчинений властям, а в Париже, опять же по сложившейся традиции, умеренные погромы и «легкие», почти что театральные баррикады. С другой же – определенная заорганизованность, непревышение накала страстей, хорошая полицейская застава, отсутствие каких-либо провокаций и пр. со стороны властей. Словом, громкий, эпатажный, но все же хорошо срежиссированный и распределенный по Европе процесс. Показательно, что советская пресса достаточно сдержанно комментировала эти события. Казалось бы, радуйся беспорядкам у империалистов, нагнетай соответствующие настроения по образцу «Свободу Анджеле Дэвис!» у себя в стране... ан нет, только суховатая риторика об очередном политическом кризисе в мировом капитализме, росте самосознания студенческой молодежи в странах загнивающего империализма и пр. Что-то навроде привычного по утренним радиоизвестиям «очередного, тысяча триста двадцать первого серьезного предупреждения китайского правительства американским властям в связи с нарушением...» и

так далее. Вывод: такой индифферентности в части судьбоносного для мира события советского агитпропа может быть лишь одно объяснение: еще не состарившиеся кремлевские вожди хорошо понимали сущность «европейской весны».

Понятно, что попутной целью этих студенческих волнений было «выпускание паров», что нисколько не угрожало «капиталистическому содружеству»; наоборот, как в исправно работающем паровом двигателе, такой периодический сброс социально-политической напряженности, как и экономические кризисы, лишь на пользу.

... Только с началом активной фазы глобализации, то есть с 90-х годов, истинное содержание тех давних годов выявилось. Это была первая репетиция тогда еще конспирологического Тайного мирового правительства, он же Великий глобализатор, по организации цветных, то есть гибридных, революций – действие вируса «свободы» в социально-коллективной форме его инфекции. А заодно локальные пробы: события 1968 года в Чехословакии и инициация советского диссидентства: «кухонного» и скандально-политического. Последние в 70-х годах по стандартной схеме: публикация в ксерокопированном подпольном журнальчике → освидетельствование в Кащенко → лишение советского гражданства и выезд на историческую родину → в Вене, не заходя в местное отделение репатриантского общества «Сохнут», пересадка на самолет до Нью-Йорка → Брайтон-Бич и работа на радиостанции «Голос Америки» в отделе вещания на СССР.

Такова особая форма социального коллективизма в действенности вируса «свободы».

Об индивидуальном действии этого вируса отчасти уже говорились выше, поэтому немного скажем о «разумной дозировке» коллективного и индивидуального. Это как и в пандемии биологических вирусов: индивидуальный и коллективный иммунитеты. Только в расчеловечивании все наоборот: снижение этих иммунитетов в строго выверенном соотношении, а именно: они должны, следуя принципу положительной обратной связи, стимулировать

друг друга. Если лететь в пропасть, то в связке – вдвоем-то веселее и спортивнее!

Два других оруэлловских лозунга от Старшего Брата: «Война – это мир» и «Незнание – сила», – также солидаризируются с вирусом «свободы». Добавив – это как в математических доказательствах – к первому девизу справа и слева определение «гибридное», получим сегодняшние реалии: «Гибридная война – это гибридный мир». Ту же самую операцию проделаем и со вторым: «Гибридное незнание – это гибридное знание». Но если первое утверждение переписать в виде: «глобальная гибридная война есть глобальный гибридный мир», – то это и будет реальия последних трех десятков лет. Кстати, один дошный историк, несомненно немец, на досуге посчитал, что за все тысячелетия эпохи цивилизации и культуры (диковато звучат эти слова в данном контексте) человечество в сумме прожило без войн... тоже тридцать лет (?).

А вирус «свободы» здесь причем? – а извечная свобода сильного, тем более, что единственный сейчас сильный – Великий глобализатор. Если доселе война определялась как продолжение политики иными средствами, то для глобального вируса «свободы» понятие политики с ее дипломатией исключены напрочь. И у слабого есть свобода, правда, единственная – подчиниться и глобализоваться.

Что же касается знания-незнания, то вирус этот уравнивает их в правах действительности. Раз навсегда исчезло понятие *авторитета* открывателя и носителя знания, то есть и естественного человеческого стимула первенствовать. Поэтому трансформированная присказка «за одного ученого трех неученых дают» явочным порядком отменена. И аминь с ними, с учеными, раз на смену науке и знанию пришла утилитарная технология; опять же символично: даже в школе (внуки-двойняшки в начальных классах воспитываются) ностальгическое название уроков труда заменено на уроки «технологии»... «И свобода нас примет радостно у входа...» А братья по бывшему разуму нам новейший гаденыш-гэджик системы 5G отдадут. И –

Дурачок, простачок

*Коленька танцует:
Он надел колпачок –
На коне гарцует.*

(Андрей Белый «Петербург»)

♦ **Когда умрет предмет «литература» и предмет литературы.** Поясним для любителей скорочтения: *предмет «литература»* – род художественного творчества со всем его ареалом от собственно сочинителя и читателя до инфраструктуры вещественного воплощения литературного творчества и потребления: издательства, книготорговля и пр. Сюда же непременно отнесем институт общественного мнения, включая историческое и актуальное литературоведение, освещение в прессе, включение в образовательный процесс. *Предмет же литературы* суть ее назначение и роль в жизни человека, человечества, его социумной организации.

Видно, что это совершенно различные предметы, в смысле понятия. Также различны их социально-эволюционные причинно-следственные связи, но диалектический корень общий: потребность оразумляющегося человека в интуитивном, художественном отображении внешнего мира, а далее и собственного внутреннего мира; высшая форма такого отображения суть социумная. Естественна и их воспоследовательность: от предмета литературы к предмету «литература».

А почему мы избрали для иллюстрации расчеловечивания именно литературу? – Причина проста, «человеческая, слишком человеческая» (вроде бы Ницше эти слова принадлежат...): философствовать и размышлять, тем более запечатлевая это письменно, следует только о том, что тебе хорошо знакомо. Это есть аксиома творчества. Будучи «параллельно» служителем двух муз – естественных и точных наук и художественной литературы, включая литературную публицистику (как в этом очерке), – волен выбрать одну из них. Но поскольку пишем, льстя себе, для «широкого круга» (которого давно уже нет...), то и остановились на литературе. Известно, что любой среднестатистический человек, независимо от его рода знаний, образования и так далее,

полагает себя специалистом в политике, медицине и, само собой, в литературе. Так и мы навстречу им пойдем.

Излишним будет говорить сколь-либо подробно о современном состоянии литературы. Тем более, что этому рассмотрению мы уже посвятили ранее несколько очерков. Именно в контексте с расчеловечиванием мы и рассмотрим угасание в период глобализации предмета «литература» и предмета литературы.

Для начала возьмем такой характерный факт, наиболее ярко проявившийся с окончания прошлого века, как массовый переход от чтения к получению информации, в том числе литературной художественной, с экранов телевизора и монитора компьютера. В данном контексте также заметим, что собственно расчеловечивание есть условно понимаемое упрощение всех функций умственной деятельности человека. Теперь свяжем два эти тезиса в форме утверждения: упрощение восприятия информации с характером литературно-художественного содержания, как составной элемент расчеловечивания в части умственной деятельности человека, проявляется в предпочтении чтению получению информации в образно-зрительной и звуковой формах.

Развиваем данное утверждение далее. Попробуйте мысленно описать процесс своего чтения. Вы пробегаете глазами строки текста и при этом неосознанно – не акцентируя на этом своего внимания – мысленно переводите зрительное восприятие в звуковое, хотя звуков этих не произносите. Это артефакт не столь уж эволюционно далеких времен: читать молча люди в массе своей начали где-то в XV–XVI веках. До тех пор чтение сопровождалось речевым сопровождением. Более того, на молча читающего человека смотрели с подозрением (?). Возможно, что переход от «звукового» чтения к «молчаливому» был стимулирован относительно быстрым развитием книгопечатания после изобретения Гуттенбергом, что привело как к значительному увеличению числа читающих, так и к увеличению объема чтения индивидуального человека. Артефакты такого «докнигопечатного» звукового чтения сей-

час можно наблюдать у слабограмотных, редко читающих людей: они хотя и не произносят звуки, но синхронно чтению слегка шевелят губами. Но наиболее яркий пример такого артефакта – это обучение чтению детей. Вспомните свой первый класс: «А-а-а, ар-бу-у-у, зы! Ар-буз. Арбуз!».

Точно также, когда вы пишете – не тычете пальчиками по клавишам, а именно пишете, то сначала по буквам мысленно произносите слово и синхронно водите пером по бумаге...

Но мы о чтении. Снова по пунктам проследим. При чтении сигнал от глаз идет в оба полушария головного мозга: в правое, отвечающее за образное, художественное мышление, древнейшее в эволюционной цепи, и в левое с прерогативой логического мышления. В правом поступает в зрительную кору, в левом – в затылочную долю, тоже отвечающую за зрение (извинимся, опускаем для понятности строгую научную терминологию...). Но затылочная доля функционально связана с другими отделами левого полушария: центром Вернике – сенсорным центром речи, височной долей – речевой памятью и слуховой корой, понятно за что отвечающей. То есть зрение, речь и слух, в части зрения охватывающие оба полушария головного мозга, а также правополушарный таламус – центр переработки *всей* сенсорной информации, все это в той или иной степени задействовано во вроде бы незатейливом процессе чтения книги: той же азбуки первоклассника, романов Достоевского и Джеймса Джойса, семитомного «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста... а ныне преимущественно комиксов и детективов, сочиненных компьютером по простенькой программе. – Как и дамских романов. ... Да-а, еще забыли фэнтези и нон фикшн. Последние два вида чтения есть вариант кодограммы дебилизации посредством информационного шума. Но это к слову, хотя и по теме.

С учетом задействованности названных отделов полушарий головного мозга, традиционное чтение есть процесс в последовательности: зрительное восприятие печатных символов-букв → выделение в зрительной коре и затылочной доле информационных сигналов → их обработка в центре Вернике и

отчасти в таламусе в речевой (мысленной) форме с записью в речевой памяти височной доли... другие специфические процессы не будем затрагивать. Вывод же следующий: если восприятие <художественной> информации есть процесс многоступенчатый, задействующий полдесятка отделов правого и левого полушарий головного мозга, то восприятие образной и речевой (в совокупности) информации с того же экрана телевизора сокращает число задействованных отделов мозга, главное, исключает речевой посредник.

Итак, переход от чтения к визуальному (+ слуховому) восприятию <художественной> информации снижает напряженность работы мозга, а в силу презумпции принципа экономии расходования энергии – то что привычно называют физиологически обусловленной ленью человека – последний отказывается от чтения в пользу «живых картин» с речевым сопровождением.

Рыба ищет где глубже, а человек при такой апологии умственной лени получает информацию в форме, не подлежащей обдумыванию. То есть за такой гедонизм человек расплачивается угнетением внешних слоев психической деятельности. И все это в корзину расчеловечивания.

Могут возразить: а что плохого в снижении напряженности работы мозга при переходе от чтения к смотренью? И аналогию тотчас приищут: ведь в течении всего периода цивилизации и культуры человек только и делал, что изобретал способы снижения затрат мускульной силы; как говорится, от охоты на мамонтов до заказа пиццы по интернету... не вставая с дивана, а лучше с унитаза, раз речь идет о жрачке. Но это как в пословице о бузине в огороде и дядьке... ну-у, скажем, в столице сопредельного государства. Ведь целеуказанием человеческой эволюции является вовсе не забота о физиологии человека, но исключительно высшее развитие его разума, открывающего все новое и новое знание. Значит, экономия на работе мозга суть прямое расчеловечивание! Это про «зажигание звезд» (у нас – тушение), которое кому-то «значит нужно»...

Приведенный пример объясняет угнетение предмета «литература». Разумеется он далеко не единичный – хитер и разносторонен Великий глобализатор! Но еще существеннее – это предмета литературы, определенного выше как социумное явление. Прежде всего, предмет литературного внимания – так ясное определение этого предмета – предполагает заинтересованность читателя в художественном познании явлений социумного мира и творческой одаренности и самодостаточности художника, в нашем случае писателя. И не «мысль изреченная есть ложь», но слово художественного творца должно запечатлеваться:

Теперь я мертв. Я стал строками книги

В твоих руках...

И сняты с плеч твоих любви вериги,

Но жгуч мой прах.

Меня отныне можно в час тревоги

Перелистать,

Но сохраняют всегда твои дороги

Мою печать.

(Максимилиан Волошин «Блуждания». Из книги «*Selva oscura*»). То есть предмет литературы есть запечатлевание картин мира, которое намного переживает своего создателя. А это, в свою очередь, подразумевает особую значимость того предмета литературного внимания, который остановил на себе взгляд писателя и который, будучи запечатлен в памятниках письменности, в книгах, будет привлекать внимание поколений читателей, заставляя их читать и перечитывать эти книги, сопереживать и откладывать в художественную копилку своей нетленной памяти.

Именно поэтому предмет литературного внимания и является одним из главенствующих противников глобализации, что он именно нетленен в памяти индивидуального человека, читателя, а через книги, которые тоже нетленны, передается чрезпоколенно в последовательности их смены. Великому же глобализатору требуется человек-винтик, органнй штифтик у Достоевского,

а у винтика-штифта не должно быть исторической художественной, моральной и иной памяти. Иначе памятный человек может и задуматься, поинтересоваться, посмотреть на окружающий его мир, не так, как в зомбирующей кодификации ему назойливо показывают на экранах телемонстров и в интернете-уманете. Да еще в оформлении полностью дебилизирующего информационного шума.

И, главное, глобализаторам есть у кого учиться бороться с книгой: костры по воскресеньям на Гревской площади Парижа, когда сожжение ведьм чередовали с книгами, попавшими под вердикт инквизиции; те же костры спустя четыре столетия на площадях Берлина, где под пение «*Die Fane hoch, die Reie for geschlossen...*» («Хорст Вессель») веселые штурмовики «папы Рема» сжигали книги неарийских и коммунистических авторов... Вообще двадцатый век, как граничный между человеком оразумляемым и расчеловечиваемым – наступлением исподволь глобализма, вроде как на вершине интеллектуального могущества человека, дал массу примеров борьбы с литературой. Это не феномен, но в предтече своей глобализм методом ложных, тупиковых и опережающих ходов отрабатывал свой магистральный путь расчеловечивания – это как в биоэволюции: те же пробные ходы и магистральный, торный путь – от вирусов и одноклеточных до человека разумного *homo sapiens sapiens*. Потому литература, ее предмет и попали «под раздачу» в нащупывании пути расчеловечивания, что она «человеческая, слишком человеческая» – еще раз повторимся.

... Сказанное выше вовсе не нить по типу анализа *свершающегося сейчас на глазах*. А органам чувств человека пока еще можно верить... пока их не заменили вживленные датчики; смотри вроде как «образовательные» ТВ-программы, где не ленятся порой показать и престарелого Жака Аттали, «придворного» философа глобализма, что предрекает постепенное превращение человека в систему протезов. Включая содержание головы. А ведь в корень смотрит, комаринский мужик! Это опять-таки к слову.

Современная русская литература оказалась в уникальном положении. Во-первых, в отличии от литературы западной, в чем-то и вообще мировой, уже с середины двадцатого века постепенно отходящей от своей существенной ранее роли в жизни человека и социума в целом, русская литература хотя бы по традиции, пусть и умирающей скорыми темпами, все еще полагается *явлением* – цивилизационным, социумным, даже эволюционным. Во-вторых же, за ней стоит относительно молодая, по историческим меркам, великая русская литература XIX века и основательная советская XX века, давшие значительный интеллектуально-художественный задел, не исчерпанный потенциал. Наконец, всего лишь двадцать с небольшим лет (в девяностые годы литература по инерции все еще не сдавалась!) она находится в директивном – от западного глобализма – угнетении и унижении. Но –

*Но явствен признак увяданья,
Как осенью узорный лист,
Омыт дождями, желт и чист,
И запах формалинный вспоминанья.*

*Те горькие шафранно чувства,
Что будит запах осени мертвящий,
Одновременно смердный и бодрящий, –
Расплата за весны и лета буйство.*

(Это уже наши неловкие строки...)

Вот такой эффект неожиданности и стремительности изъятия из нашего обихода одновременно предмета «литература» и собственно предмета литературы обрушился холодным девятибалльным валом как на русского, недавно еще советского, писателя, так и на традиционного еще читателя.

Увы, традиция эта прямо на глазах тает – это как приплюснутые льда из-за глобального потепления, что, вообще-то говоря, есть обычное явление в палеоклиматологии – чередование потеплений и похолоданий, малых (последний был в XIII–XIV веках) и больших ледниковых периодов, – а вовсе не

коммерческо-геополитическое следствие выбросов и так далее. Сразу вспоминается такая же афера с озоновыми дырами от холодильников с хладагентом – фреоном...

И так же искусственно, целенаправленно, с предельным цинизмом глобализаторы уничтожают оба предмета нашего рассмотрения. Одно утешение в сегодняшней жизни: коль скоро Великий глобализатор по своим сложным соображениям решил сменить пряник на кнут в отношении России, то хотя бы вспомнили, что есть у нас еще литература, хотя бы и являющаяся слабой тенью великой русской и советской словесности. ... И Литературный институт уже не призывают ликвидировать «из-за нерентабельности», как то имело место быть в либеральные девяностые...

♦ *Грустно, скучно ... и «некому руку подать»*. Опять же вспомним строки Максимилиана Волошина («Р.М. Хин» из книги «*Selva oscura*»):

*Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой сатир – Верлен,
Кузнец – Бальзак, чеканищики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им...*

Читая эти волшебные строки, я не только «верен им», но непроизвольно память моя тотчас выдает «координаты»: в полуметре от моего письменного стола, на верхней полке стеллажного шкафчика стоит в ряду других книг пузатенький томик «Цветов зла» Бодлера – из серии «Литературных памятников»; пара разрозненных книг Флобера – это во втором ряду третьей полки стеллажа, закрывающего почти всю правую – от входа – стену прихожей,

оставляя место лишь для электрощитка, вешалки и обувной полки; зеленые толстые тома собрания сочинений Анатоля Франса на стеллажах (опять же) справа от меня и через пространство комнаты. Увы, Верлен у меня представлен в числе сотни поэтов в томе европейской поэзии XIX века «Библиотеки всемирной литературы». Две книжки Бальзака разных лет издания – «Евгения Гранде» и «Утраченные иллюзии» – в книжном шкафу в смежной комнате. Там же двухтомник Гонкуров. Все в мнемонической памяти – это когда почти что на «автопилоте» подходишь к нужному месту, а рука автоматом касается корешка нужной книги: одной из тысячи с лишком. Точно также и в своем профессорском кабинете в университете, где все стены, кроме оконной заставлены шкафами и стеллажами с полутысячью томов научного содержания...

«Я верен им», я помню всех, и знаю их содержание. Так мыслит и живет человек литературный, неважно, писатель или читатель. Но главное – это не расчеловеченный современной глобальной эпидемией с мощными, сверхразными социальными вирусами. Вся эта зараза сосредоточена в дьявольском феномене интернета, правильнее его назвать *уманетом*. В том-то и коварство глобализации, что в кратчайший, по историческим опять же меркам, срок, меньший чем условный поколенный, то есть двадцать пять лет, человечество было переведено в виртуальный телекоммуникационный мир информационного шума. Самое страшное, что подавляющее большинство людей, сформировавшихся для сознательной жизни еще в доглобалистскую эпоху, не почувствовали своего перехода в виртуальный мир информационного шума. Это расплата за заражение их вирусами «удобство», «свобода не напрягать свою голову» (один из существенных штаммов мутировавшего базового вируса «свобода»), а также вирусами «толерантность», «политкорректность», «общечеловеческие ценности» (то есть доллар и евро) и рядом других.

Посмотрите на нынешнего человека, что называется, со стороны, в его массе, то есть на улице, лучше ближе к вечеру, когда народ расходится по домам после дневных занятий. Достаточно редко встретишь по-двое, по-трое

(этот фольклорный вариант общения и вовсе из обихода исчезает!) идущих, разговаривающих. Даже школьники и студенческая молодежь отвыкают в стайки сбиваться. Еще женщины средне-молодого возраста как-то поддерживают общение сам-двое. Но обычная картина – это идущие одиночкой, всех возрастов, обычно разговаривающие вполголоса, а в эмоциях даже орущие, по мобильнику. Поскольку же все перешли на гарнитуру, закрепленную почти невидимо со стороны, то создается невольное впечатление: в Кашенке (это для столичного обихода), в тульских Маслово и Петелино, в калужской Бушмановке и так далее по всем городам и весям, объявлен «день открытых дверей». Вот и их постояльцы небуйного поведения расхаживают свободно по улицам, сами с собой – ведь в голове-то раздвоение! – активно беседуют, для убедительности жестикулируя руками и мимикой лица подтверждая правильность высказываемых сентенций...

Создается впечатление одиночества в стаде, бредущем, с одной стороны, порознь, но с другой – бессмысленно направленно. Что-то схожее в подсознании – кладовке памяти вертится? Сосредоточился и вспомнил, то есть переревел давнюю картину своего заполярного, на берегу Баренцева моря, детства в активную память. А именно, когда в кольской тундре раз в несколько лет случается значительный, сверх экологической нормы, всплеск численности полярных мышей-леммингов, пеструшек по-местному, почти безхвостых зверьков буро-желтого цвета с темными пятнами. Биологическая эволюция сантиментов не признает: в начале осени такого года сверхприплода пеструшки идут из тундры к берегу Баренцева моря, его заливов и губ. Идут сплошняком, от тесноты на задних лапках, положив передние на спины впереди идущих. Если встретился человек – огибают его сапоги, снова смыкаются и таким колышущими буро-желтым ковром спускаются к воде, в которой и исчезают. Для продовольствования донным и плавающим обитателям моря.

Эволюция человека тоже несентиментальна. Человек это сознает, творя законы социумной жизни. Так и в Древнем Риме, создавая римское право –

великолепный, навеки начертанный свод законов, авторы его за основу взяли девиз: закон суров, но это закон! Эволюция человека – это не примитивное фатальное «чему быть, того не миновать», но predetermined целеуказание более общей эволюции... как угодно ее можно называть: мирозданческая, вселенская и так далее. Из этого и следует исходить при анализе социальной жизни, а не вздыхать о прошлом, пройденном человечеством, таком знакомом, а потому и располагающем к добронравным воспоминаниям... Загадывать же о будущем суть вообще нелепость высшего порядка. Но оценивать настоящее – значит улавливать тенденцию. Здесь сложно ошибиться. Так и с расчеловечиванием в стремительно развивающейся вширь и вглубь глобализацией.

Главное, что следует четко осознать: нынешняя гибридная жизнь в восприятии разных поколений вовсе не соотносится с классикой «отцов и детей». То было обычное явление в неразрывной цепи поколений: от юношеского либерализма и безудержного оптимизма «мы весь, мы старый мир разрушим» до хладнокровного консерватизма человека, перешедшего первую половину своей жизни. Это естественное, не отрицаемое в эволюции единичной жизни. Но нынешняя эпоха – это смена этапов эволюции: от социума человека гуманитарного (это не тавтология, хотя и похожа на нее) к глобальной мегамашине с информационно-технологической доминантой, в системе которой бывшему человеку биологическому разумному уготована незавидная судьба. Но – незавидная с точки зрения *нас, людей еще традиционных*, которым грустно, скучно... и «некому руку подать».

В масс-медиа, наряду с бесчисленным множеством устоявшихся уже и новоязовских словесных штампов, весьма популярен таковой относительно «наших детей как нашего будущего». И мы зададимся вопросом: если мнение на этот счет у нынешних людей традиционных весьма скептическое, то как будут себя ощущать, как уже себя ощущают представители молодых поколений, уже созревших для «несветлого глобалистского, расчеловечивающего будущего»? А прекрасно себя чувствуют. Но как же так? И здесь ответ пре-

дельно прост: они уже другие, нежели их родители, еще в чем-то (но тоже уже далеко не все) сохраняющие черты и содержание человека традиционного. Для них надвигающийся мир стал в одночасье своим. А то, что они другие, можно видеть даже по принципиальному изменению «принципа тусовки», одинаково присущему <ранее> подростку традиционному и нынешнему тинейджеру-бронеподроску, а именно: если у первых, уже давно прошлых, была приклатненная дворовая романтика, явно не одобряемая взрослыми, тем более масс-медиа, то у нынешних – это прямое руководство от СМИ: от телерекламы до интернета, которое только кажется стихийно складывающимся.

Вирус «свобода» корневой основой своей имеет упрощение: во всем, опять же умело подстроенным под случайность и совпадение. Но на всякую случайность есть своя теория вероятностей... Действенность вируса «свобода» с акцентацией на упрощение в процессе расчеловечивания проследим... на музыке, как виде искусства органично присущего всем людям: от той же блатной «Мурки» до произведений Бетховена (особенно «Девятая симфония»), Чайковского («Концерт для фортепиано с оркестром»), Вагнера («Кольцо нибелунгов»).

К первой четверти прошлого века, включая и саму эту четверть, европейская музыка, естественно включая в первые ряды русскую, то есть де-факто мировая музыка, достигла своей вершины с полным господством мелодичности, выраженной гамма-тональности, композиционной связности и непрерывности. Словом, все что называется симфонизмом. Совершенно справедливо Артур Шопенгауэр в своем главном труде «Мир как воля и предстваление» сопоставил музыку с прямым, непосредственным выражением мировой воли. Эту эволюцию музыки от античных времен до начала XX века, синхронную с очеловечиванием, оразумлением человека, условно-укрупненно охарактеризуем как переход от ритмов «детства человечества» к выраженной тональности симфонизма зрелого человечества.

Но все более и более показывающий свои хищные зубы глобализм в своей предтече нынешнего, уже явного, прямой потомок наивного масонства, розенкрейцарства и пр., «принял меры» в одной из ипостасей грядущего расчеловечивания. С конца XIX века в Америке, в смысле в САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), как тогда именовались нынешние США, в стране, которая «пришла к цивилизации, минуя культуру» – по высказыванию Томаса Манна, началась и резко взяла вверх эпоха джаза, выраженной ритмической музыки на основе музыкального фольклора невольных «переселенцев» из черной Западной Африки.

Поскольку своей тонально-симфонической культуры у американцев не имелось (см. выше слова Томаса Манна), то джаз очень скоро завоевал все подмостки страны, заняв позиции массовой музыкальной культуры, а в лучших своих произведениях и вовсе локальной американской музыкальной классики. В Европе до поры до времени американский ритмический джаз всерьез не воспринимался. Но когда талантливый молодой композитор Джордж Гершвин (Яков Гершуни) – из семьи одесских эмигрантов, – объединив джазовый стиль с африканскими ритмическими корнями и традиционную народную еврейскую ритмическую мелодику, неизменную с ветхозаветных времен, начал активно сочинять и продвигать (Америка страна деловых во всем людей!) свои песни, сюиты, наконец, оперу «Порги и Бесс», совершенно оригинальные в своей новизне, композиционном сочетании ритма и тональности, более того, сам «привез» свои музыкальные произведения в европейскую столицу Париж, то Европа «дрогнула» и начала все более отступать от полного доминирования симфонической тональности. Прежде всего эти новации начали проявляться у Мориса Равеля, Стравинского, отчасти у Рахманинова, прежде выраженных мелодистов.

... Да еще Гершвин поведал своим европейским музыкальным знакомым о баснословных американских гонорарах композиторам и исполнителям, тем самым вдохновив многих знаменитостей на гастроли за океан. Впечатления от знакомства с американской ритмической музыкой тем более сказались на

стиле многих европейских композиторов. Так или примерно так американский джаз поколебал европейский симфонизм, начав его двигать вспять – к ритмике и *опрощению*. Даже ведущие европейские музыкальные критики 20–30-х годов прошлого века, словно извиняясь за такое опрощение творчества композиторов и вкусов публики, уныло твердили, что-де народ устал от слишком серьезной музыки; опять же после ужасов <тогда еще Первой> Мировой войны требуется длительное расслабление людей, отсюда и предпочтение музыки, слушание которой не вызывает сосредоточения ... словом, журналистика, в том числе музыкальная, вторая из древнейших профессий.

Так начал действовать вирус «свобода» с вирулентностью упрощения – опрощения в сфере музыки, как составляющей тщательно продуманного расчеловечивания.

С началом двадцатого века активно начал действовать такой штамм вируса «свобода», как «упрощение в видимом усложнении», обычно называемый модернизмом и авангардизмом. В Европе он ознаменовался в музыке введением Арнольдом Шёнбергом додекафонической (двенадцатитоновой) системы – читайте «Доктора Фаустуса» Томаса Манна – предтечей нынешней «цифровой музыки». Двадцатые годы прошлого века ознаменовались особенным всплеском музыкального авангардизма с ритмической доминантой в Веймарской Германии и в Советской России. В Германии это прежде всего Эйслер с типичными немецкими маршами для революционных масс, коммунистов Тельмана; а для штурмовиков Рема и далее уже по заказу правителей Третьего рейха во множестве сочинил великолепные (отвлекаясь от их политической мотивировки) марши ... внук Рихарда Вагнера. Но в них авангардизм уже отсутствовал, остался только ритм – полное упрощение для <музыкального> зомбирования масс.

Более пестрая картина музыкальной жизни наблюдалась в молодой Советской России. Самые значимые композиторы-симфонисты, те же Рахманинов и Стравинский, эмигрировали на Запад. Как и наиболее известные певцы, исполнители оперных и других партий, среди которых Федор Шаляпин,

Юрий Морфесси, Александр Вертинский, Петр Лещенко... впрочем, последний не являлся де-факто эмигрантом: он жил в Кишиневе, а Бессарабия по итогам Первой мировой войны отошла Румынии (только в 1939 году Сталин вернул ее в СССР). Это как невольным жителем заграницы оказался и Игорь Северянин, которого Гражданская война застала в Эстонии, в которой доверенные петербуржцы проводили летнее дачное время...

Сказанное к тому, что освободившее «музыкальное поле» в двадцатых годах крепко заселили авангардисты. Тем более, что корни его выросли еще в предвоенной России. Так в 1913 году в Петербурге громким скандалом ознаменовалась постановка оперы «Победа над солнцем» (то есть над Пушкиным) композитора Матюшина по либретто поэта Крученых, художественное оформление Малевича, а пролог Хлебникова. Какие имена! Весь авангард страны в триединстве музыки – литературы – живописи... По воспоминаниям современников, после первого представления из зала некоторых, особо впечатлительных, увозили в сумасшедший дом! Кстати, в опере провидчески предсказывалась скорая всеевропейская война и череда революций в России.

Итак, поле освободилось, а в 1920-х годах его заняли авангардисты-модернисты с их упрощением, ритмизированием музыки. Это Попов, по мнению некоторых музыковедов «из которого вышел весь Шостакович», Мосолов и Арсений Авраамов (это псевдоним; сам он был из семьи донского казачьего генерала...). В духе времени модернисты облекали свои музыкальные творения «в рабочую спецовку» и «били молотом по наковальне». Александр Мосолов сочинил симфоническую картину «Завод» – из предполагаемого балета «Сталин» (?). К счастью, или к сожалению, не написанного. А Арсений Авраамов для исполнения своей «Симфонии гудков» (всего было два исполнения: в Москве и в Нижнем Новгороде... или в Баку?) использовал реквизит из паровозных и заводских сирен-гудков.

Впрочем, к началу сталинских пятилеток во всех сферах жизни советских людей любой модернизм, в том числе в музыке, исчез, в определенной

дозе оставшись в произведениях того же Шостаковича, Прокофьева («Петя и волк», например), конечно Шнитке.

Сейчас тональный симфонизм во всем мире исчез. Его «отвоеванное» место, зараженное вирусом «свобода» со штаммом «упрощение в видимом усложнении», заняло нечто отдаленно напоминающее музыку в ее обычном понимании. «Пляски негрских племен у истоков Замбези», говоря словами одесских классиков, в сочетании с воплями мартовских котов. Что-то в этом роде. На этом фоне высокой классикой представляется «Иисус Христос суперзвезда» Эндрю Вебера (музыка) и Тима Райза (текстовка). Словом, «по пивку с кюар-кодом...»

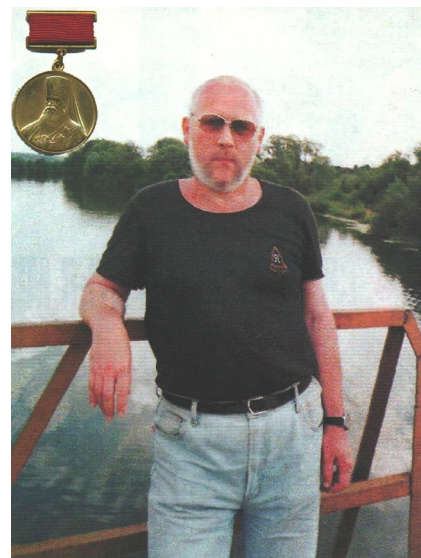
В те же достопамятные 1920-е годы в нашу страну пришло из Европы сразу два увлечения: в популярных у молодежи журналах навроде «Хочу все знать» (предшественник «Знания – силы» и «Техники молодежи») начали печатать статьи по изучению языка эсперанто и обучению игре на гитаре по цифровой системе. Самое интересное, что это же, в той же парности, повторилось в 1960–70-х годах...

Но мы о гитарах. От внешне наивных способов опростить, опошлить популярную эстрадную, преимущественно молодежную музыку, тайные еще глобализаторы перешли в наступление. Английский теоретик музыки Адорно усовершенствовал додекафонию Шёнберга, формализовав, оцифровав ее ритмику, создав основу для музыкального зомбирования. Практическое экспериментирование завершилось с помощью «Битлз» полным успехом. Что мы сейчас и видим. Здесь такая конспирология сложилась, что впору романы писать... Мы же завершим невеселый очерк словами: искать простое в сложном и усложнять простое – значит мудрствовать лукаво, что есть рабочий инструмент гибридизации и собственно *Ея паскудного величества глобализации*.

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

ГОРЬКОЕ ПОСЛЕВКУСИЕ КУЛЬТУРЫ

Радикальнейший отрыв прошлого от настоящего есть факт, который суммарно характеризует наше время, возбуждая при этом смутное подозрение, что именно он повинен в каком-то особенном чувстве тревоги, переживаемом нами в эти годы. Неожиданно мы ощутили себя еще более одинокими на нашей земле; мертвые умерли не в шутку, а всерьез и окончательно, и больше они ничем не смогут помочь нам. Улетучились последние остатки духа преемственности, традиции. Модели, нормы и правила нам больше не слу-

жат. Мы принуждены решать свои проблемы без активной помощи прошлого, в абсолютном актуализме, будь то проблемы искусства, науки или политики. Европейец остался одиноким...

Хосе Ортега-и-Гассет «Запах культуры»

◆ ... Этими словами выдающийся испанский писатель и философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), один из наиболее выдающихся мыслителей прошлого века, *in summa* выразил свои тревожные ощущения, предчувствия оскудения и нивелирования европейской, то есть мировой, культуры. И если Ортега-и-Гассет еще ощущал к середине XX века остатки традиционной культуры, ее «запах», то на нашу долю осталось только горькое ее послевкусие. Сказанное – к определенной преемственности названий книги выдающегося философа и настоящего очерка, очередного в цикле работ, посвященных теме расчеловечивания, имманентного бурно стартовавшей на рубеже веков и тысячелетий глобализации – «последнего и решительного» боя интернационала мировой финансово-олигархической капиталократии, высшей и завершающей стадии империализма... который и сам, говоря словами В.И. Ленина, явился последней стадией капитализма. Словом, конец конца, но двойные отрицания наиболее пагубны для человеческой психики.

И еще одна преамбула к теме очерка. Автора их цикла, по мере написания публикуемого в разных литературных журналах, «по первому прочтению» часто упрекают в неизбывном пессимизме: дескать, все у вас, товарищ сочинитель, получается по образцу «раньше и вода мокрее была», а даже в недалекое будущее и вовсе страшно в мыслях заглянуть! Что ответить? Сослаться разве что на позднеримских философов, живших и творивших в пору упадка Римской империи – а ведь тогдашний Рим и был весь мир! – того же Боэция, что начинал свой знаменитый трактат «Утешение философией» строками:

Песни, что раньше слагал в пору цветенья и силы,

Вынужден ныне на путь скорбный направить, увы!

Именно гнетущая эпоха великих перемен к нелучшему от устоявшегося в наибольшей степени сказывается на людях с чувствительной организацией ума и души, к каковым относятся служители творческих муз. Хотя бы в разных степенях успешности служащих. Но дело не в «количественно-качественных» градациях, а именно в данных от рождения и воспитания творческих устремлениях.

Для Бозэция и его круга неотвратимость ухода всего прошлого величия Рима и воспринималась как конец Мира – Рима. И мы с «высоты» прошедших веков и тысячелетий, зная последующую историю европейской цивилизации, в полной мере соглашались с Бозэцием. Но кто же согласится с нами, ныне живущими, о содержании воследования переживаемого времени чудовищных перемен, полного перевоплощения человека? Ведь история не только сослагательного наклонения не имеет, но даже и ближайшую будущность от нас скрывает?

А будущность эта даже в промиллях (это термин не из гаишного обихода...) не схожа с упадком Древнего Рима. Тогда ведь человек оставался все тем же биологическим разумным, а приток «свежей крови» варварских племен, наложившись на высокую цивилизацию средиземноморской античности, пережив растянувшееся на многие века «смутное время» мрачного раннего Средневековья, дал второе рождение уже всеевропейской цивилизации с единым корнем христианской этики и морали, с высочайшим развитием гуманизма и сциентизма античности; первого у романских народов, второго по преимуществу у потомков германских племен. Даже отрезанные от Европы мощным натиском монгольских и тюркских племен из восточной Азии славяне Руси и бывшей Византии в общем потоке всеевропейской христианской пассионарности исподволь создавали свои молодые государственности и национальные культуры.

У нас даже намек на возрождение нет: выгляньте в окно и все сами увидите.

♦ *Переход биосферы в ноосферу и категория расчеловечивания**. ... В окно не насмотришься: в будни и праздники все одно улицы пусты, только среднеазиатские «арбайтеры» свою пайку отрабатывают: через два дня на третий громыхают своими механизмами, чуть подросшую травку под корень изводят и воздуходувками (вместо метел) редкий мусор с тротуаров сдувают. Плотно трудятся бригадами под десяток декхан на один двор. Грохот страшный, пыль уличная до пятого этажа взлетает, запах дешевого бензина на весь квартал... Запуганный всеми и всея народ даже помышлять о жалобах не смеет. Тем более, что главный квартальный правдоискатель Гриша Ненывакин разъяснил, мол, вся техника новодворниковская китайская, а сейчас даже единого косога взгляда в ту восточную сторону не допускается! Но – это к слову, тем более, что пишу вечером, когда декхане разошлись на покой, намазы творят, аллаха благодарят: легкой работой за два-три сезона (зимой к себе уезжают, не лед же колоть на тротуарах!) соберут на приличный дом в своем кишлаке.

... В начале 1920-х годов выдающийся русский и советский ученый, академик Владимир Иванович Вернадский, тот самый, что десятью годами ранее подавал царю Николаю Второму докладную записку о необходимости «Уранового проекта» (опять же ранее на треть века до американского «Манхеттинского» и далее сталинско-бериевского...), получив приглашение из Франции, читал в Сорбонне курс лекций о грядущем переходе биосферы в новое биогеохимическое состояние Земли – в ноосферу, то есть в сферу разума. Это гениальное предвидение сейчас воочию сбывается. Но если советский оптимист Вернадский полагал этот переход как оптимистичный для человека будущего, что характерно для любой провидческой науки, то <нынешняя> реальная действительность показала: такой переход, как следствие движения эволюции человека, вовсе не предполагает «всестороннее раскрытие творче-

* См.: Яшин А.А. Многотомная монография «Живая материя и феноменология ноосферы», 2007–2024; на сегодняшний день издан 21 том в различных издательствах: «УРСС» (Москва), «Московский Парнас», «Астерион» (СПб), «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета. В электронной форме на ведущих научных сайтах (см. по поисковику). Ряд томов удостоен научных и литературных премий, в том числе старейшей в России Макариевской премии в области естественных и точных наук за 2022 год.

ских возможностей численно растущего человечества)... словом, не по Томасу Морю, Кампанелле, Карлу Марксу, Плеханову и Ленину, даже не по Сталину, осторожному в прогнозах, но вот по антиутопиям – от «Железной пяты» Джека Лондона до «1984» Джорджа Оруэлла этот биосферно-ноосферный переход свершается. Таково указание биоэволюции, а эволюция «не считается» с мнением человека. Словно обухом по голове человека нынешнего оглушила зловещая глобализация – начальный этап этого перехода.

Это следует понимать однозначно: человек биологический разумный выполнил свою эволюционную миссию. Следующий этап эволюции – расчеловечивание, понимаемое как биотехнизация человека, то есть лишение его ряда основных традиционных качеств, преимущественно морально-этических, и директивное внедрение в «человеческую оболочку», то есть в мышление, иных качеств, ранее ему не присущих, особенно активно сейчас проводимой замены аналогового творческого мышления утилитарным цифровым. Отсюда и рекламно-телевизионные лозунги навроде: «От слова к цифре». Реклама пресловутых «новых технологий» суть исполнение девиза: «От знания к информации». Навязывание обобщенно понимаемой «свободы» есть закабаление человека информационным шумом и так далее. Теме расчеловечивания мы посвятили один из предыдущих очерков из их цикла; также см. ряд томов указанной выше серии книг по феноменологии ноосферы. Здесь же ограничимся кратким введением и перейдем к основной теме очерка.

Обобщенно понимаемая культура, все более становящаяся артефактом истории: гуманизм и сциентизм. Обычно о невозвратимой утрате культуры принято говорить со ссылкой на Ницше, философия которого на рубеже XIX и XX веков соперничала известностью разве что с морально-этическим учением Льва Толстого. Откройте любой роман или том литературной публицистики русской или европейской классики того времени и сами убедитесь по высказываниям персонажей или самих авторов (это в публицистике). Как всякий сумасшедший на грани с клиникой – а затем и вовсе в клинической

стадии, – Ницше был великим провидцем... разумеется не по причине психического недуга, а данного богом (или чертом?) выдающегося таланта. Недуг же позволял ему, как на Руси юродивым, резать правду-матку. «До наступления следствия верят в одни причины, после – в другие», – этими немногими словами из трактата «Веселая наука» Ницше определяет философскую категорию причинности в отношении к современной культуре. Точнее – антифилософскую. То есть сам субъект культуры становится все более управляемым Великим глобализатором. Так назовем для образности совокупность тех мощных сил, что сейчас взяли в свои железные объятия («Железная пята» у Джека Лондона) всю мировую жизнь. – По аналогии с Великим инквизитором Достоевского из «Братьев Карамазовых».

И к месту будут пророческие строки Тютчева:

Откуда, как разлад возник?

И отчего же в общем хоре

Душа не то поет, что море,

И ропщет мыслящий тростник?

(Стихотворение «Певучесть есть в морских волнах...»; «мыслящий тростник» – у Паскаля образ человека: слаб как тростник, но мыслью своей весь мир побеждает).

Западная культурология, социология и прочие «логии» со знаковыми именами Джорджа Сороса, А.Дж. Тойнби, Э. Тоффлера, Дж.К. Гэлбрейта, Дж. Э. Мура и др. с 80-х годов прошлого века усиленно дудят в одну дуду: мол, живем в постисторическую (по философу Фукуяме) и постиндустриальную эпоху, в нынешнем человеке борются два начала: гуманизм и сциентизм, то есть научное устремление, причем сциентизм уверенно одерживает верх... Соответственно и культура все более отходит в область исторических артефактов.

Маскировка правды в полуправде пагубнее прямой лжи: Великий глобализатор глушит в человеке одновременно гуманизм и сциентизм, то есть традиционную культуру и извечное устремление к знанию. Последняя стреми-

тельно замещается пресловутой технологией, преимущественно информационно-цифровой с облаком информационного шума, плотно окутывающего человека и лишаящего его права на индивидуальное мышление, тем более творческое. Облик человека «несветлого будущего» полтора века тому назад обсуждали в «Бесах» Ф.М. Достоевского Кириллов и Ставрогин. Д.С. Мережковский в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский» так передает этот диалог: «– Тогда новая жизнь, – говорит Кириллов Ставрогину, – тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до ... (выд. Д.С. Мережковским. – А.Я.).
– До гориллы? – с холодной усмешкою подхватывает Старыгин».

Именно гориллу с чисто цифровым аналогом человеческого мышления, затененной информационным шумом оперативной памятью и «отключенным» подсознанием – базисом творческого аналогового мышления – видит Великий глобализатор заместителем человека биологического творческого в самом недалеком (по историческим меркам) будущем.

И не устаю в настоящих очерках напоминать: хотите зримо видеть расчеловечивание и нивелирование культурного фона почти до нулевой отметки – не поленитесь встать с дивана (вопреки телерекламе: «... не вставая с дивана!» а еще доходчивее – с унитаза...) и выгляните в окошко: вот она зримая будущность мимо вас шагает!

... Когда в первой половине дня, условным утром, иду на службу (известно, что все люди без погон работают, а профессора и театральные артисты служат), а ближе к вечеру домой возвращаюсь, причем путь лежит по тротуару вдоль главного проспекта города, а обок корпуса университета, то есть публика встречно-поперечная сплошь студенческая, то от монотонности ежедневно повторяющейся картины в голове словно всплывают кадры западного модернистского фильма, снятого по осовремененному сценарию Августа Стриндберга в стиле Хичкока, Кустурицы или кого-то из второй волны итальянского неореализма, например, Тарантино. А именно: полтора часа

камера, установленная на боковом тротуарном фонарном столбе, снимает в черно-белом свете идущих пешеходов, студентов и – на их языке – «препов из универа», перемеживаемых случайным посторонним народом: бабками с аптечными рецептами, среднеазиатскими гастарбайтерами в оранжевых жилетах, молодящимися дамами с прогулочными собачками, школьниками, одетыми альпийскими туристами с рюкзачными вещмешками за спиной... Впрочем, и студиязусы тоже с сидорами через плечо. И музычку звукооператор фильма подпустил тревожно-страшноватую, от которой пьющему мужику поутру повеситься хочется. Это когда альты заунывно тянут на нижних нотах, а скрипки тревожно пиччатто отбивают.

В кадре же на мельтешащем фоне мелкого октябрьского дождика нескончаемой вереницей идут те самые, про которых сейчас можно сказать: глобализм – это молодость мира, и его возводить молодым! Поскольку университет наш провинциальный, дешевый по оплате, то в процессии идущих студентов соотечественников перемеживают черные лица из беднейших африканских стран, малорасные вьетнамцы, громко и гортанно, все одновременно говорящие ближневосточные арабы, чем-то озабоченные среднеазиаты из бывших «советских социалистических». Словом, полный интернационал «третьего мира» – по терминологии Запада.

У каждого, даже разговаривающего со спутниками, в правой руке (у левшей в левой) смартфон, на голове наушники. Не отрываются глазами от экранов, словно даже по прямому тротуару проспекта идут (а может и действительно идут?) по курсоуказателю. Бесперывно одиночно и группками идущих, выделявая чудеса лавирования, обгоняют самокатчики: после принятия закона о запрете езды вдвоем на китайской электротехнике, в их среде полагается неприличной езда в одиночку... Понятно дело, самокатчики тоже с вещмешками, в наушниках, зачастую и со смартфоном в свободной от руля руке.

... Это первые полчаса фильма. Затем голоса смолкают, остается лишь гробовая музыка. Разъединившись, идут как сомнамбулы соотечественники,

посланцы тропической Африки, отдыхающие от вечного беспокойства жизни на родине ближневосточные арабы, малорослые студенты из социалистического Вьетнама, среднеазиатские потомки чингисхановских ордынцев: тюркоязычные и индо-европейские таджики... Интернационал. И так до последнего кадра «Конец фильма». Оно же окончание традиционной культуры. Гуманизм и сциентизм в их якобы противоборстве здесь не при чем. Если разобраться, то ведь и сциентизм есть составная часть традиционной культуры – культуры логически мыслить о законах Мироздания. И если человек утратил качество гуманизма (это не тавтология!), то и культура мышления обнулилась под телерекламные вопли: «От слова к цифре!» и «Вместо знания – <цифровая> информация!» Извиняемся за повтор, но он того стоит: повторенье – мать учения...

Родной старший брат культурного расчеловечивания – это мещанство, особенно мещанство мысли. Об этом провидчески писал в начале прошлого века Д.С. Мережковский в своем очерке «Грядущий Хам»: *«Мещанство победит и должно победить, – пишет Герцен в 1864 г. в статье «Концы и начала». – Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство – окончательная форма западной цивилизации (выд. Д.С. Мережковским. – А.Я.)».*

Именно в массовом омещанивании великие русские и европейские писатели XIX – начала XX веков видели главную, губительную угрозу выработанной тысячелетиями цивилизации культуре. Мещанство, возведенное в социальный статус, и явилось предтечей нынешнего глобального расчеловечивания. Грядущий Хам Мережковского ныне переродился в старшего приказчика той лавочки, из которой Великий глобализатор вроде как в долг без отдачи щедро, но расчетливо одаривает подготовленную мещанством мелкобуржуазную биомассу все новыми, раз от разу все в более блестящих упаковках, инструментами «частного расчеловечивания»: интернетом-уманетом с кешбэковскими смартфонами, новыми томами сказок тысячи и одной ночи под названиями: «Открытое общество», «Атлантическая цивилизация», «Культ-

турное равенство постиндустриального общества», «Общество равных возможностей», гибридизацией всей жизни – от дошкольного образования до «войны и мира» и прочая, прочая...

Культура и мещанство – понятия несовместимые. Когда среднестатистический европейский бюргер именуется «культурным человеком», он полагает культурой умение пользоваться столовыми приборами, смывать за собой в туалете... в доинтернетовскую эпоху он даже держал в доме две книги: Библию и толстый том рецептов приготовления вкусной и здоровой пищи. Сейчас они заменены, соответственно, телеканалом о половом воспитании и магазинным фастфудом или многоэтажными американскими бутербродами в соседней забегаловке. Нечто схожее – вот вам и вечное отставание России! – и в нашем отечестве наметилось в девяностые-нулевые годы, но сейчас, слава тебе, господи, директивно затормозилось по известной причине – это о половом воспитании; бутерброды же остались под другими, впрочем, тоже американскими названиями... Как и интернет-уманет, смартфоны с сопливо-кешбэкистыми экранами. Насчет сказок тысячи и одной ночи определенно сказать не могу: их и раньше у нас не читали, что уж говорить про нынешние времена...

Кешбэкистые (ну, нравится мне это прелестное американское словцо! – как дураку фантики) парниши, ваукающие и по-американски же взвизгивающие девицы, простодушно – себе-на-уме отстраненные мужики среднего возраста, обязательно со своим авто, а также все остальные, но все одно со смартфонами... боже! о какой культуре может идти речь? И не «запах культуры» мудрого испанца, а бензиновая задымленность, как следствие массовой частновладельческой автомобилизации, городских улиц – базис современной «постцивилизации».

Могут раздраженно возразить, что, дескать, к смартфонам привязался? И будут совершенно правы: если «широченные» массы всего мира в считанные годы, точнее в год-полтора, привыкли носить с собой повсюду, наравне с носовым платком и ключами от дома, смартфон, а большинство и в карман его

не кладут, держа мертвой хваткой в руке, то к чему дурацкие придирки? В том-то и весь леденящий ужас замены всей культуры на дощечку из металла и пластика. И вообще: кешбэк вашу культуру онлайн!

Наш конек, как помнит читатель, знакомый с предыдущими очерками, – это повреждение русского языка в последние три десятилетия. Поэтому хотя и вкратце, но и здесь помянем этот важный фактор раскультирования. В советской школе на уроках немецкого языка мы переводили тексты из газеты «*Neues Leben*» («Новая жизнь»), что издавалась в Казахстане для самоидентификации переселенных туда во время войны поволжских немцев*, но продавалась в киосках Союзпечати по всей стране, ибо советские немцы уже расселились по всему СССР. Язык «Новой жизни», как и язык бывших поволжских немцев был уникален, на котором уже под две сотни лет никто в мире не разговаривал – это был язык Шиллера и Гёте, который принесли с собой сектанты-гернгутеры, которых Екатерина Вторая переселила в Россию на пустовавшие заволжские плодородные земли. Вдали от фатерланда этот язык таковым и остался, не испытывая никаких изменений. Только новые русские слова уже советского периода были им восприняты. И читали мы в «*Neues Leben*» следующие стихотворные строки: «*Mein Bruder ist ein Traktorist in unserem Kolchose...*» (далее про обильный урожай, что братец этот собирает по осени), – понятные любому человеку без перевода. И ни полслова про кешбэк! (признаюсь: так и не уяснил смысла этого американского слова, поэтому больше не буду употреблять...).

Про слегка русифицированный язык Шиллера и Гёте ностальгически вспомнили к тому, что все это детские шалости по сравнению с нынешней американизацией русского языка. Перейдем к следующей теме очерка.

◆ *Суббота для человека или человек для субботы? Оцифровывание мышления – биотехнизация человека без культуры.* Некогда довелось читать для студентов-медиков курс медицинской этики – это где клятва Гиппократова и ее

* Сколько я не разговаривал со многими своими знакомыми, потомками тех самых жителей бывшей Автономной республики немцев Поволжья, все в один голос убежденно говорили: этим переселением Сталин спас советских немцев от возможной ситуации «между молотом и наковальней» в случае (в войне все просчитывается!) вступления армии Паулюса на левый берег Волги...

расширенное толкование. И параллельно дисциплину «История медицины». К тому вспомнил, что в истории и этике для будущих эскулапов фигурирует знаменитый древнееврейский врач Маймонид, известный тем, что здоровье человека, его излечение поставил выше одного из главных догматов иудаизма: святости субботы – шабада, в которую правоверному иудею положено законом Торы вообще ничего не делать. Так бог Адонай установил. В том числе и запрет любых медицинских действий и процедур. Но вот Маймонид эту заповедь нарушил, провозгласив – в части лечения больных, что не человек для субботы, но суббота для человека.

... Заодно в памяти всплыла беседа давнишних времен, когда периодически вспыхивали арабо-израильские войны (будь нынешняя не к ночи помянута!) с участием советских военных советников. Довелось же мне, студенту последнего курса, оказаться за одним столиком в пивной с полковником, только что вышедшим в запас – таким вот военным советником по части применения гранатометов и противотанковых управляемых снарядов. От него и услышал присказку; дескать, воевали мы четыре дня в неделю: в пятницу арабы намаз творят, в субботу еврею тяжелее рюмки водки в руки не положено ничего брать, а воскресенье – вынь да положь законный выходной в Советской Армии! Посмеялись.

Века и тысячелетия со времен Маймонида минули, но вот сейчас Великий глобализатор провозгласил обратный девиз: если сразу не можете выбросить из головы артефакткультуры, то давайте условимся: не культура для человека, но человек для культуры! Само собой разумеется, не традиционной, цивилизацией выработанной культуры, но ее антигуманитарного эрзаца.

... Здесь один «щекотливый» момент. Рассуждая о расчеловечивании и обескультуривании в глобализации, уже сейчас вступившей в активную фазу, мы первоочередно, вообще говоря исключительно однозначно, имеем в виду западную, атлантическую стезю империализма-глобализма и его «вечно верноподданных» прихлебателей из Европы – почти что до западных границ современной России (и Белоруссии), а также всего англосаксонского мира:

бывших, а формально и нынешних британских доминионов (в левом верхнем уголке их флагов присутствует английский «Юнион Джек»). Но, поскольку пишем мы исключительно для соотечественников, ибо, во-первых, для западников сочинять бесполезно – они уже полностью расчеловечены; во-вторых, как с гордостью в сталинские годы писали в графе различных анкет «Знание иностранных языков»: «Не знаю и знать не желаю!» – так и мы ничтоже сумняшеся скажем... А для своих конкретику естественно и берем из нашей жизни: все же за четверть века от разрушения СССР многое – усилиями наших славных СМИ – из западной патологии проникло и закрепилось у нас. Имейте в виду, уважаемый читатель, такой вот момент, что-то навроде: бей своих, чтобы чужие боялись!

После такой необходимой оговорки продолжим по теме... хотя, еще довавим в части приведенного *nota bene* предостережения полуторавековой давности тем соотечественникам, в основном с «либерализмом головного мозга», что извечно бегут за «цивилизованной» Европой (и Америкой конечно) «задрав штаны» (это из Маяковского, хотя бы и про комсомол...). А именно снова процитируем Федора Ивановича Тютчева:

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральный, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им ее идея.*

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы.*

А вот другой светило, но уже в ранге гения, русской литературно-философской мысли и тоже Федор, только Михайлович, так пишет о «наших» либералах: «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либера-

лизм имеет также право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть русский (здесь и далее выд. Ф.М. Достоевским.– А.Я.) либерал, а есть нерусский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую» («Идиот»; высказывание Евгения Павловича).

Мы с тем вспомнили и процитировали Тютчева и Достоевского, чтобы «от первого лица» подтвердить ту мысль, мало кем из самодостаточно мыслящих людей оспариваемых, что натиск Великого глобализатора на человека нынешнего – без идентификации его к конкретному социуму, этносу и государству – основными инструментами использует установку на либерализм. Именно на либерализм в той его трактовке, которая отвергает традиционные морально-этические ценности... не путать с пресловутыми «общечеловеческими ценностями», то бишь долларами и евро. Именно традиционная культура, неразделенная фарисейски на «старую» и «новую», как исторический чрезпоколенный продукт аналогового творческого мышления, и создала человека биологического разумного – вершину земной биэволюции. И если традиционная культура была создана человеком и для человека, то интернационально-глобалистская эрзац-культура, то есть антикультура, есть составной элемент того конгломерата расчеловечивания, для которого человек есть субъект, винтик, «органный штифтик» по Достоевскому. Вот и человек для антикультуры. Надеемся, мысль архипонятна.

Именно такая антикультура, горькое послевкусие истинной, прежней культуры, зиждется на оцифровывании прежде творческого, аналогового мышления. Оглянитесь округ: насильственное внедрение пресловутых «новых технологий» есть привязывание человека, его мышления к глобальной мегамашине расчеловечивания. Цифровое мышление не следует понимать буквально, хотя бы назойливая ТВ-реклама и верещит круглосуточно о переименовании слова в цифру. Таковое суть отход от реальности отображения

бытия в сознании человека и переход в виртуальный, предельно упрощенный мир представления.

Характерный пример такого перехода, причем с более чем столетней исторической предтечей, есть отход от реализма в область символизма, что особенно явно наблюдается в живописи и музыке. Символ есть предельно упрощенный, абстрагированный образ реальности, вроде как и наивный... Не зря же это отражено и в терминологии: художники-примитивисты, тот же Марк Шагал («Полет над Витебском» и многие другие его картины). А вот самый известный югославский примитивист Иван Генералич на сербском языке так и именуется: *наивка*. О деградирующей символизации в музыке прошлого столетия мы уже подробно рассуждали в одном из предыдущих очерков (а вообще-то наиболее полно и основательно о музыке сказал Артур Шопенгауэр в своем «Мире как воле и представлении»), поэтому остановимся на живописи.

Просмотрите на телеканале «Культура» пару-тройку передач об абстрактной живописи. Этот канал, уж тем приятный что идет без рекламы средств от поноса и бюро похоронных услуг (сразу вспоминается роман одесских классиков), еще не перестроился на новейшие веяния во всей нашей жизни, поэтому по «тридцатилетней старинке» часто обращается к художникам с приставками «абстракционист», «символист», «русский импрессионист» (это о Грабаре, авторе впечатляющей ленинианы в живописи, который (полутайно) тяготы к этому самому импрессионизму...).

Посмотрите... и присмотритесь. Как правило, такие передачи ведут искусствоведы женского пола, а присутствующие «для тусовки» мужички с художническими бородками «клинышком» и с волнисто опадающими на плечи копнами волос предпочитают отмалчиваться. Может сами полутайно импрессионируют... Потом мужчины от природы лишены способности эмоционально управлять тембром голоса, выражением лица, мимическими жестами. Словом, что у них на уме, то и на языке... лице тоже. Но даже женщины, все сплошь от рождения артистки, мастерицы перевоплощения, рассказывая

с телеэкрана о величайших достоинствах и непреходящей художественной ценности всевозможных авангардистов от живописи, никак не могут преодолеть определенную толику отстраненности, дескать, особо-то не верь словам моим!

Обычные доводы искусствоведческих дам: авангардизм несет в себе, в отличии от традиционного реализма в живописи (это которым заполнены все музеи мира), выраженный психологизм в восприятии отображения объектов и процессов человеческого бытия, обостряет (вроде как в голове?) видение динамичной современности, заставляет зрителя вернисажа задуматься как о сущности этого самого бытия, так и об устремленности человека в будущее... слово «светлое» опускается. И так далее, набор наукообразных, безотносительных слов. Теплом *со-чувствия* от них не веет. Действительно, если вдумчиво смотреть на картины Сальвадора Дали, Анри Матисса, *нашего* Филонова, то образное восприятие достаточно объективное – но и только. То есть объективное как исходная посылка для субъективного восприятия. Мало чем отличается в психологическом плане от созерцания традиционной реалистической живописи. Это на первый взгляд... А на второй возникает вопрос: зачем в художественном отображении реального мира использовать схематизм (названные три художника еще достаточно осторожно его применяют...)? Ведь схема по своему определению есть упрощение реальности?

Со схемы началась собственно живопись – наскальные изображения охотничьих сцен, хотя бы пещерный человек мыслил смутно-аналогово. Возврат же современного человека к схематичному примитивизму в художественном авангарде есть отображение процесса перехода от аналогового творческого мышления к схематичному утилитарному, «вершиной» которого и является цифровое мышление.

◆ *«Закат Европы», или «Америка Европе подарила пароход...»* Послевкусие культуры. Символично, что объемистое, двухтомное исследование Освальда Шпенглера «Закат Европы» вышло в свет столетие тому назад, когда Европа находилась после окончания Первой мировой (империалистиче-

ской) войны в состоянии определенной «озадаченности»: страны победившей Антанты подсчитывали людские, моральные, главное – финансовые потери; веймарская Германия, выплачивающая победителям гигантскую контрибуцию, «посаженная на картошку», в полной промышленной и экономической стагнации, кипит нескончаемыми митингами и демонстрациями тельманцев, штурмовиков Рема и десятка других партий; в Италии приходит к власти Муссолини; Польша, Румыния и осколки распавшейся Австро-Венгерской империи под заботливой британской рукой образуют «санитарный кордон» по рубежам Советской России.

Дорого яичко в пасхальный день. Так и книга Шпенглера появилась в нужном месте и в нужное время. Именно в послевоенной подавленности Европы автор и видит зловещую предтечу заката великой культуры, с учетом античности три тысячелетия там создаваемой.

Но Первая мировая война привнесла в жизнь Европы совершенно новый для нее фактор мощнейшего влияния извне, а именно внешнюю гегемонию Америки – САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты), как тогда нынешние США именовались. В части же культуры случился парадокс: главенствовать в образовавшемся Атлантическом мире над Старым Светом с его высочайшей культурой стала Америка, страна, которая по словам Томаса Манна, *пришла к цивилизации, минуя этап культуры*.

В пацанском своем детстве распевали мы песенку из старого фильма: «Америка Европе подарила пароход. Огромные колеса, ужасно тихий ход». Не в бровь, а в глаз, если ассоциировать с культурой. Уже с первых оборотов этих огромных колес ритмы негритянского джаза начали теснить традиционную европейскую мелодику, Гершвин – глушить высокую оперную музыкальную культуру, голливудская кинофабрика теснила только начавшееся формирование кинематографических школ Старого Света. Из политкорректности умолчим о Чарли Чаплине... Конечно, была в Америке и достаточно «взрослая» литература: Уильям Фолкнер, позже Сэлинджер, а также Лонгфелло, О’Генри, «старинный» Марк Твен, Джек Лондон, раньше – Уолт

Уитмен, позже – Хемингуэй и Теодор Драйзер. Можно еще пятьдесят фамилий назвать, что в просвещенное советское время были на слуху. Но... и «но» – существенное: все эти мастера литературного творчества были европейской закваски, если даже и родились в Америке, ибо Новый Свет не успел еще (или не хотел в так называемом общественном мнении?) выработать свою литературную традицию.

Понятно, что Европа в части культурной сопротивлялась американскому натиску, порой достаточно активно, до 50–60-х годов. В том же кинематографе, как наиболее массовой отрасли культуры. Та же Италия. Известно, что итальянцы во всем рьяные патриоты, демонстративно не признающие чужого, даже свой язык полагающий единственно приемлемым на Аппенинах. В Сицилии тем более. Именно такой протест вызвал к жизни феномен итальянского кино 60–70-х годов: итальянский неореализм. А нахрапистое засилье Голливуда во французском телевидении и кинопрокате – нашла коса на камень! – потребовало государственных решений. Де Голль ведь не только собрал по всей Франции долларовые бумажки, забил им военно-транспортный самолет и отправил его по месту напечатания, но и установил жесткую квоту на американские фильмы. Как позитивное последствие – взлет в те же шестидесятые-семидесятые годы французского, преимущественно игрового кино. Но не только Фантомас, комиссар Жюв, будущий условно российский подданный Депардьё радовали благодарных зрителей. Широким экраном шли «Шербурские зонтики» и «Мужчина и женщина», антивоенное «Старое ружье» и многие другие блестящие фильмы в европейской культурной традиции...

Словом, все те великолепные французские и итальянские фильмы 60–70-х годов, что нам сейчас, как подарок, иногда показывают на ТВ к праздничным дням – на фоне отечественной бандитско-ментовской халабуды и все той же торжествующей голливудчины, на которой специализируются многие телеканалы, в том числе входящие в общедоступный список из двух десятков, что введены в обиход как бесплатные после перехода от аналогового те-

левидения на цифровое – с китайскими техническими причандалами. Такая вот гибридная культура...

Основной инструмент агрессивно наступающей на весь мир американской эрцац-культуры – это ее примитивизм, использующий естественное биологическое свойство всех живых видов, то есть свойство фундаментальное, эволюционное, а именно: экономия жизненной энергии. Для человека это называется... ленью! А как для вида не только биологического, но и разумного, лень охватывает не только сугубую физиологию («как потопаешь, так и полопаешь», «работа не Алитет, в горы не уйдет» и полное изобилие подобных присказок в историческом и современном фольклоре), но и разум человека. Обычный «отдых ума»: писатель в свободное время читает детективы (если сам их не пишет); симфонический оркестровый музыкант на досуге слушает не Бетховена с Чайковским, тем более не Вагнера с Хиндемитом и Шнитке, но старинные романсы и венские вальсы. Фольклорную музыку и пение не слушает: громкие звуки и без того уши глушат на своих выступлениях... Художники же отдыхают без затей: просто пьют. Главное, чтобы соблюдать «норму» лени – отдыха.

Так и «обычный» человек в части восприятия объектов культуры легко может перешагнуть от нормы лени к ее преобладанию. Натиск американской эрцац-культуры тут как тут. Опять же из одесских классиков: ритмические «негрские пляски у истоков Замбези» в джазовой обработке воспринимаются человеком с меньшей *затратой умственной энергии*, нежели мелодика европейской эстрадной музыки. То же самое и в сопоставлении додекафонии, инспирированной теми же американскими композиторами, с европейской классикой. Как и в части всех остальных родов искусства, включая поистине рвотнорефлекторные (для традиционного зрителя-слушателя) модернизированные пластические «искусства».

Но одного примитивизма для расчеловечивания в сфере культуры недостаточно: лень слушателя-зрителя-читателя может не столько овладеть человеком, что он просто перестанет слушать-смотреть-читать (последнее уже

сбылось на 100%). Поэтому Великий глобализатор, возвращенный за океаном, для нас за тремя океанами: Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим (по границам), это прекрасно знает. Поэтому примитивизация, как пресноватая еда специями, щедро сдабривается той гниловатой клубничкой, что на сигнальном биологическом уровне воспринимается человеком, спущенным с тормозов в части умственной лени. А эта обобщенно понимаемая клубничка включает в себя совокупность биологических инстинктов, полученных человеком от эволюции: от любопытства (не любознательности!) до «премиального», как в ТВ-рекламе говорят, того, что ниже пояса – в побеждающей особенности! Если в классической опере на сцене стоит «форд» новейшей марки, декорации – вид на улице мегаполиса, а артисты в джинсах и кожаных пиджаках – это вирус любопытства включен. Опять же при исполнении симфонического концерта музыканты во фраках, но без штанов (в каком-то фильме это обыгрывается) – это уже ближе к включению фрейдистского либидо, всепобеждающего общеживотного инстинкта. И так далее до полного оскотинивания.

Современное послевкусие культуры все явственнее отдает прелостью давно не стиранного постельного белья, бензиновой гарью, смогом городских бетонных урочищ, гибридизацией всех сторон жизни современного человека, сбитого в человеиник – полный аналог пчельника (улья), муравейника, термитника и пр. На том и аминь. Пароход с огромными американскими колесами Европа схавала ничтоже сумнящиеся...

♦ *Черная тень гибридизации культуры.* Еще раз (в серии очерков) оговоримся: цель их написания не есть извечный «спор о древних и новых» – заковычивали по той причине, что так принято в истории философско-эстетической мысли называть имевшую быть место во Французской Академии на рубеже XVII и XVIII веков дискуссию по вопросу отношения к античному наследию, связанную с именами Шарля Перро, Буало, Фонтенеля, Расина, Фенелона, Лафонтена и Лабрюйера. ... Но есть современное раскры-

тие той темы, о которой писал первый из названных выше в поэме «Век Людовика Великого»:

*Чтить древность славную прилично, без сомненья,
Но не внушает мне она благословенья.
Величье древних я не склонен умалять,
Но и великих нет нужды обожествлять.*

Говоря яснее, это не обычная дилемма по образцу тургеневских «отцов» и «детей», что характерно, социобиологически обусловленно для сменяющих друг друга поколений в периоды «ровного», естественного течения исторического времени. Увы, уже почти четверть века мы имеем несчастье жить не то, что в беспокойную эпоху, но во времена коренного перелома, бифуркации всех социальных и даже биологических норм жизни <бывшего> человека биологического разумного, что уже привычно называют глобализацией и расчеловечиванием. Человечество стремительно перерождается в человеиник, а человек в биоробота Глобальной информационно-технологической мегамашины. Итак, предвещенная академиком В.И. Вернадским ноосфера оказалась не раем земным, но электронно-цифровым концлагерем. Это даже и не наши слова, настолько они уже вошли в обиход.

Вот в такой-то катаклизменный период человеческой эволюции указанная «возрастная» дилемма не то что не действует, но о таковой и речи идти не может. Поэтому и не следует воспринимать всякие реминисценции типа «а вот прежде было... а вот сейчас есть... а вот что-то дальше будет...» за основу рассуждений о происходящем, тем более грядущем. Только «плоды холодных размышлений». Но поскольку даже ближайшего будущего человеку законами все той же эволюции знать не дано, то остается только одно: следовать законам теории истины. В современном логико-философском учении за основу берется теория истины Альфреда Тарского (Львовская логико-математическая школа первой половины XX века), которая гласит: истинны только факты. Таким образом, опираемся на факты «сегодняшнего дня» плюс допустимая степень интуитивной экстраполяции. И никаких «мудростей

жизни» и «оптимизма дерзающих»! Таков код эволюции, с которой не поспоришь...

А факты таковы, что интуиция подсказывает: надо за истину принимать наблюдаемое. Наблюдаем же *пандемию гибридизации мира*. Все на слуху, из любого включенного говорящего, пишущего на экране устройства. Порой кажется, что и включенный в сеть утюг шепелявит... Гибридная политика, гибридная война, гибридная мораль – и конечно же *гибридная культура*. Вот и до такого ее определения добрались! Это самый мощный, стратегический ход Великого глобализатора в части раскультиуривания человека. Опять же – к Тютчеву («День и ночь»):

*Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

«Утро начинается с рассвета» – у кого сохранился кухонный динамик городской радиотрансляции, тот включает его за завтраком. И день начинается с гибридного, похожего на собачий лай, эсмэишного американо-нижегородского языка. Хотя еще сохранилось (пока!) определенное двуязычие: народ-то в массе своей пока упорно говорит на обычном русском языке. Но именно *пока*. Извиняемся перед жителями славного Нижнего Новгорода. Это, во-первых, по литературной традиции, от классиков: «смесь французского с нижегородским»; во-вторых, нынешние молодые поколения, а особенно их имитаторы на телевидении, почему-то говорят как Максим Горький с явной акцентацией на *ó*. Отчего такой прононс? – Никто мне объяснить не смог. Даже сами эти бронеподростки; дескать, все так говорят, а я что же буду выпендриваться? Понятно, принцип тусовки. Достаточно здравую мысль

высказал знакомый филологический доцент: это, мол, оттого, что готовясь в мечтах со временем покинуть «эту рашку» и перебраться на Запад, усиленно учат в школе английскую мову. А учат их по некоей методике, принятой со времен училик-соросовок, которые за единоразовую «штуку баксов» обязывались учить по учебникам «традюксон оф американиш». То есть упор ставится на мимическую артикуляцию. Это как в голливудских фильмах американские актеры говорят: скосоротив губы и выставив вперед волевой подбородок, сквозь замечательно отбеленные зубы-импланты произносят, выделяя эти самые *ó*, обычные слова, которые переводчик за кадром на русский толмачит: «Джек, дружище! Сожалею, но должен тебя пристрелить: ничего личного, только бизнес!»

Попробуйте (без стрельбы) с такой артикуляцией говорить, и у вас то же оканье появится...

Само понятие гибридизации суть смешение всего что угодно, но разных качеств, с получением нового продукта. Весь вопрос в этом новом качестве. Мичурин методом гибридизации получил новые сорта яблок и груш огромных размеров и замечательного вкуса. Это позитивная гибридизация. Но если смешивать совершенно разнородные вещи, например, мелко порезанную селедку атлантическую бочкового посола № 2 с сахарным сиропом, или грузинский коньяк «греми» десятилетней выдержки с современным пивом (недобродивший солод + спирт-ректификат + CO₂ из баллона), то получим совершеннейшее дерьмо.

В части этики и морали дико смотрится сегодняшний гибрид добра и зла. Это возможно только в высокой политике и международной дипломатии. В экономике немислимо сочетание частной собственности и социальной ориентации. Гибрид института семьи и однополых браков суть социобиологический нонсенс. И так далее. Но ведь все это присутствует, приветствуется и уже начинает дозлететь в современном «цивилизованном мире»! Почему же культура должна – на том же Западе – отставать? Все, мол, идут в ногу, а она, родимая, все оглядывается на прошлые века цивилизации (настоящей), пото-

му прихрамывает и портит строй дружно и весело идущих, как библейские гадаринские свиньи, к высокому обрыву над бушующим океаном расчеловечивания.

... Самые паскудные понятия, внедряемые Великим глобализатором в сознание людей, суть «общечеловеческие ценности», «свобода выбора человеком», «мировое культурное единение» и так далее – все они, в той или иной степени, завуалировано повторяют статьи американской конституции. Вот это-то «мировое культурное единение» и есть прямой путь к гибридизации культуры, получение эквивалента тех же смесей селедки с сиропом и коньяка с пивом.

Для наглядности поясним личным примером, откатившись в воспоминаниях в далекое советское время. Как-то, лет с ...дцать тому назад, проводили веселой компанией летний инженерный отпуск в Феодосии. Тогда даже инженерные же отпускные позволяли ужинать в самом престижном в этом древнегреческом городе ресторане «Одиссей», что прямо напротив железнодорожного вокзала. Дав «входную зелененькую» (за всю компанию) местной знаменитости – великолепному фигурой швейцару с белоснежной, вьющейся бородой до пояса, прямо-таки *a la* тот древний герой Гомера (он же охотно сообщал, что за поддержание такой бородищу ему четвертной в месяц бухгалтерия доплачивает), – заходим в заведение, в котором и задерживаемся в зависимости от обстоятельств. Как-то познакомились с солидным пятидесятилетним мужчиной, отдохавшим в Феодосии в военной санатории, что под горой Митридата находится. Чина и звания он не сообщал, но много рассказывал о жизни в Германии, опять-таки не уточняя в какой – западной или «нашей» восточной. Кто-то из нашей компании (заказали болгарский коньяк «плиску») сгоряча неодобрительно отозвался о «засилье» в нашей музыкальной культуре профессиональных народных хоров. На что собеседник со снисходительностью более умного человека, много повидавшего и знающего, сожалеючи посмотрел на говоруна и рассказал о том, как относятся к нашим фольклорным ансамблям в европейских странах: полные аншлаги в

залах выступлений, предельное внимание, восторг и нескончаемые аплодисменты и овации. Он сам это видел и слышал во многих странах. А ведь разгар «холодной войны»! И объяснил причину такой приязни: у них у самих, у европейцев, давно уже исчезла из обихода исторически сложившаяся народная культура, а вот в Советской России, вообще в СССР, она сохранилась, государственно поддерживается и во многом развивается! Лощеные европейцы, конторские клерки, шнапсвюртские* бюргеры, добропорядочные фрау – все они, смотря на сцену, слушая музыку и голоса прославленных «Березки», Тамбовского и Кубанского казачьего хоров, невольно извлекают из своего подсознания генофенотипическую память и о своей, ныне напрочь забытой, исконной национальной культуре...

И все это уже в Европе забыто, смято, гибридизировано. А что сейчас там творится? – уже не просто гибридизация, но сбитая в мелкодисперсную смесь толоконная каша, ничем не отличимая от содержания тарелок всех и вся.

Опять же «сестра наша родная» литература. В рамках гибридизации п/у Великого глобализатора она поставлена в ситуацию самоликвидации (писать – пока сложно организационно запретить, но довести до самоликвидации – милости просим!), то есть либо сочинять полнейшую абстракцию – абракадабру – фэнтази на тему исследования морфологии космических ящеров, или же вернуться к декадентству «искусства для искусства». Или... но третьего не дано; вот тебе, Федя, и самоликвидация для нормального, человеческого литературного самовыражения. Как это делает Великий глобализатор? – о том уже многое, почти все, было сказано в предыдущих очерках.

Передовой отряд гибридизаторов не то что культуры, но уже минимально-достаточной масс-культуры, – это, конечно, «голубой дьявол», бывший «голубой экран». Я не ханжа, просто для меня, как потомка старообрядцев (поповцев Белокриницкого толка; центры в Калуге и Боровске), масс-

* Это как в «Войне и мире» Толстой иронизирует по поводу бюрократии в австрийском генштабе: *Hoffkariagswurstschnapsrat* (Высший военно-колбасно-водочный совет)...

культура вообще *не существует*. Это и позволяет абсолютно объективно оценивать степень ее гибридизации. Поскольку интернетом не пользуюсь, а к западному телевидению, понятно дело, отношения-смотрения не имею (и иметь не хочу, добавлю поясняюще), то сужу по «отголоскам» либерализации-глобализации девяностых-двухтысячных («нулевых») годов на отечественном экране... впрочем, отголоски эти весьма и весьма существенны: СМИ неохотно сдают свои позиции. Как в полушутку-полусерьез говорят с того же «голубого экрана» «ведущие политкомментаторы»: все надеются на скорое возвращение вольнолюбивых времен разнузданного либерализма «общечеловеческих ценностей». Сами о себе, мало чего стесняясь, говорят с ухмылкой.

Итак, не менее половины – с уклоном в средний и выше возраст, а скорее всего до 60...70% населения страны смотрят те самые «восемнадцать бесплатных» телеканалов. А на них четкая специализация: сугубо новостной, пара безрекламных с «культурной доминантной», два – сплошной голливудчины, «экстрасенсорный», церковный, сплошь детективный, конечно же женский мелодраматичный с турецкими сериалами по выходным дням; конечно же, «полтора канала» про жратву; и так далее. Обоснование вполне логичное и гуманное: на любые вкусы – пресловутая «свобода выбора», любимейший либеральный старт-девиз.

Понятно, что все приемы телевизионной гибридизации масс-культуры наши телевизионщики в девяностые и «нулевые» в масштабе 1:1, как говорят инженеры, взяли с «просвещенного» Запада, начиная от программ типа (мы их называем по-своему, по сути) «Как украсть миллион», «Угадай слово», «Найди своего прадеда» и пр. и завершая той самой специализацией каналов. Сами телеведущие порой проговариваются.

Пресловутая эта «свобода выбора» оборачивается тем вариантом гибридизации масс-культуры, что научно именуется информационным шумом, а попросту говоря – эффектом соломенной трухи в голове-бестолковке. Во вкусовом аналоге это ощущение жеваной ваты во рту... Инфошум же, во-

первых, блокирует активное сознание, препятствует нормальной работе сознания человека; во-вторых, нарушает естественный обмен между активным (оперативным) сознанием и подсознанием – источником творческого мышления.

... Черная тень гибридизации культуры захватывает нашу, прежде ораумленную планету. Это сугубая реальность, от которой никуда не деться. Возможно, читатель слегка воспрянет духом, приободрится, прочитав следующий, завершающий раздел очерка.

♦ *«Не нужен нам берег...» любой ненашенский, но ведь пока держимся, ребята?* Вспомним русские пословицы, несколько трансформировав некоторые. «Нет худа без добра». «Лиха беда начало – каков будет конец?». «Не было бы счастья, да несчастье привнесло». А в дополнение недавний рассказ знакомого: «Сегодня дважды как вернулся к прежним временам. Во-первых, из окна троллейбуса видел чудо-чудное: на углу Ленина (проспекта) и Советской прогуливается тройка мужиков с красными повязками дружинников. Во-вторых, зашел в конторку всяких услуг – потребовалось для матери снять копии с документов, смотрю, а тамошняя офисная девица сортирует фотографии в пачки. Удивился: «Неужели еще кто-то бумажные фото сейчас заказывает?» – «И не говорите, – отвечает, – с каждым днем все больше и больше. Я сама спрашиваю, отвечают, мол, осточертели эти безликие и бесконечные смартфоновокские фотки, хочется в руках подержать и на память оставить *настоящие!*»

Волею исторических судеб, в настоящее время *полностью* программируемых и исполняемых Великим глобализатором, наша страна в очередной раз отгорожена «железным занавесом» от Запада. Причем на этот раз беспредельно агрессивным с его стороны – вплоть до выдвинутого им девиза считать русскую культуру, историческую, нынешнюю и будущую, несуществующей, нулевой для мирового, в смысле евро-атлантического социума. Ответного антитезиса Россия не провозгласила. Это мудрый и продуманный шаг, поскольку русская культура, молодая и почти что юная, как сама социум-

ность-государственность России, идущей от Московской Руси, крепко впитала в себя трехтысячелетние корни культуры европейской, идущей от античности. Трезво рассудили: Европа, тем более в нынешнем ее амплуа расчеловечивания и практического обескультуривания, без культурной составляющей русской цивилизации свободно обойдется; она Западу нынешнему чужда и им не востребована. Но разумно ли нам обрезать свою-то культуру до анекдотических балалаек в обнимку с медведем? Главное, чтобы присказка «славны бубны за горами» в нынешнем отечественном культуртрегерстве четко акцентировалась: действительно, славны в отношении исторической, цивилизационной западной культуры, но «славны» – в кавычках, что есть грамматическое отрицание – в части нынешней евро-атлантической антикультуры по определению.

Понятно, что добиваться искусственного возрождения культуры дело неблагородное и смехотворное, как любая кампанейщина. Дальше матрешек и расписных деревянных ложек не пойдет. Здесь следует заняться отделением зерен от плевел. Последние суть вся та примитивная, подражательная, обезьянническая масс-антикультура, что была привнесена с Запада в период агрессивной «либерализации головного мозга» в известные недавние годы. Зерна же есть та здоровая основа, что в России, в отличие от Запада, еще достаточно, порой подспудно, но сохранилась, невзирая на агрессивно-бешеный натиск глобализации. Не все же продали душу ни за овсяный блин? Долгосрочного оптимизма здесь испытывать не стоит: законы эволюции корректировке не подлежат. Глобализация во всей ее «красе» суть неизбежный и долгосрочный (80...200 лет по разным оценкам ученых-эволюционистов) период в уже развертывающемся биосферно-ноосферном переходе. Но отсрочить его задача посильная. Тем более не в достопамятной «отдельно взятой стране»: не одна Россия противостоит глобализации в ее западном, однополярном варианте «имени Великого глобализатора». Есть и «глобальный Юг» (ныне принятый политологический термин) и вообще-то весь пресловутый Третий мир: пять-шесть миллиардов против одного «золотого»! Но и опыта

противостояния «одной отдельно взятой», с сохранением культурной самоидентификации, своего, советского, предостаточно. И сейчас есть КНДР, отчасти Куба, Вьетнам, Китай... та же Япония.

Но самый главный и серьезный противник здесь внутренний: возвращенная за четверть века либеральная «шестая колонна», даже сейчас особо не маскирующаяся. Подробно останавливаться... вообще останавливаться на этом не будем. Власти страны, исходя из сложившейся ситуации, тоже озабочены, поэтому и столь регулярны на телеканалах циклы передач на эту тему. Ведут их люди достаточно известные, особенно из профессиональных актеров. А хороший актер он и остается замечательным, убедительным актером, тем более, когда он заангажирован на праведную тематику. Бог в помощь!

... Не так уж и давно покинувший мир «в минуты эти роковые» выдающийся социальный философ, литературный публицист и ученый – создатель многозначной комплексной логики Александр Александрович Зиновьев в своей последней книге* особо отметил, что современная Россия есть сочетание советизма, западничества и феодализма (имеет в виду институт церкви). Действительно, среднестаршие и старшие поколения суть по воспитанию и мировоззрению советские люди. Западники – та самая «шестая» либеральная колонна, а в чем-то и молодые генерации. Православная церковь рассматривается государством и самодостаточно мыслящими людьми как институт сохранения традиционной морали. Равно ислам и буддизм.

В таком сочетании социумной организации отъединение от «тлетворного влияния Запада» (это так и есть; закавычиваем только по причине цитирования) и есть определенная потенция в традиционной стойкости русской культуры... хотя бы на определенной, начальной стадии глобализации. А там глядишь: «нам бы ночь переждать и утра дожждаться»... Ведь человеку не дано знать будущие ходы эволюции. Возможно гениально предсказанный ака-

* Зиновьев А.А. Русская трагедия. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2007.– 608 с. (Серия «Философский бестселлер»).

демиком В.И. Вернадским переход биосферы в ноосферу и не окажется столь губительным в части расчеловечивания и потери традиционной культуры? Как утверждает глава научной школы ноосферизма, выдающийся современный ученый, социальный философ, мой научный коллега и друг Александр Иванович Субетто (СПб), будущее за возрожденной Россией с ее русской культурой, созидательной наукой и высокообразованными людьми. Исполать оптимистам-ноосферистам! И мы всей душой того желаем.

Отметим существенное. Говоря о традиционной культуре, мы имеем в виду не только, главное – не столько «музейно-административную», учрежденческую институцию, но прежде всего и главенствующе – динамически действующую культуру. Последняя состоит из двух основных категорий. Первая есть корпус поведенческих, воспитанных и благоприобретенных, морально-этических норм. Причем не формально соблюдаемых, но истинных, необсуждаемых. Как сказал Достоевский (в религиозной оболочке), что не вера рождается из чуда, но чудо происходит от веры... Для России эти морально-этические нормы суть исторически христианские, тем более православные, то есть, в отличии от католичества и протестантизма, сохранившие в первозданной чистоте Христовы заповеди (заповеди блаженств Нового Завета, идущие от Нагорной проповеди Христа). За тысячелетнюю историю православной Руси эти нормы в определенном смысле автономизировались от церкви-учреждения и безотносительно воплотились в нормы поведения, чувствования и действия русского человека. В Советском Союзе эти нормы, в полной мере сохраненные (в иной терминологии) в своде «Морального кодекса строителя коммунизма», вовсе приобрели сугубо гражданское звучание...

В определенной степени поддержкой, хотя бы номинальной, таких традиционных морально-этических норм является развернутая в последние два десятилетия обширная программа церковного строительства, включающая культурно-архитектурную составляющую (восстановление старых храмов) и сугубую церковно-учрежденческую (строительство новых зданий). Схожий

прецедент имел место быть в Российской империи в самом начале XX века, когда по представлению Свщ. Синода правительство утвердило программу строительства *ста тысяч (!)* новых церквей с мотивировкой поддержания православного духа, единения народа и противодействия революционным настроением. В чем-то аналога сегодняшнего глобалистского либерализма. Существенно, что к началу Первой мировой (империалистической) войны, когда программа была свернута по понятным причинам, бóльшая ее часть была исполнена. Это можно видеть и сейчас в городах и селах: церкви эти строились по одному архитектурному проекту: тяжело-приземистые, из темно-красного кирпича. И у нас в Туле две такие сохранились: на центральной площади Ленина, обок кремля и напротив здания администрации области – бывшего обкома КПСС, а другая на краю исторической Чулковской (Оружейной) слободы, где она переходит в (новоисторический) район Криволучья...

Все же церковь является достаточно серьезным контраргументом глобализации. Опять же Достоевский: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особеннее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре».*

... Так в «Бесах» говорит Шатов, дискутируя с Шигалевым; вошедший в публицистический обиход термин «шигалевщина» и есть ранний аналог «глобализации».

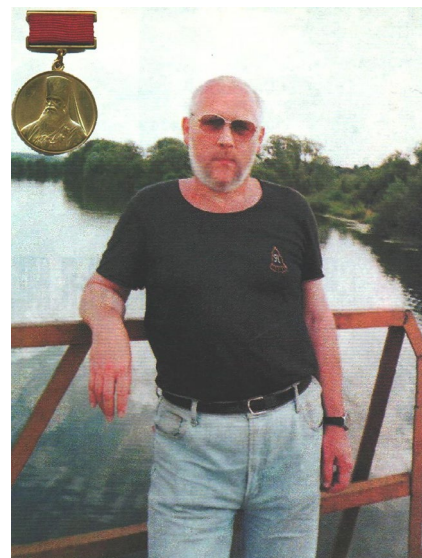
Переходим ко второй категории динамически действующей культуры, а именно собственно культуры, как совокупности объектов и процессов человеческого творчества, направленных на удовлетворение эстетических, эмоциональных, социально-познавательных и пр. потребностей человека – как индивидуума, так и социально организованного. Вроде бы так, или почти так, определяют феномен культуры в различных энциклопедиях (под рукой нет чтобы уточнить...).

Вряд ли «в отдельно взятой стране», даже с учетом явного или подспудного антиглобализма земшарного Юга и всего Третьего мира, Исламской дуги и всех, кто не входит в «золотой миллиард», возможно сохранение, тем более прогресс традиционных культур. Ибо процесс глобализации уже перешел – в части расчеловечивания и обескультуривания, – как говорят физики и математики, в аperiodическую, невозвратимую стадию. Говоря образно, змея на масонском символе уже укусила себя в хвост. А у нас еще шанс (см. выше) какое-то время продержаться. Бог не выдаст, свинья не съест ... пока. В какой бы камуфляж она не обрядилась: от звездно-полосатого до либералистического семицветья...

Алексей Яшин

(г. Тула)

Алексей Афанасьевич Яшин – главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих российских, белорусских и международных литературных премий. Образование получил в Тульском политехническом институте, Ленинградском госуниверситете и Литературном институте им. А.М. Горького Союза писателей СССР. Ученый-биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора, лауреат премий Комсомола, им. Н.И. Пирогова и Макариевской премии 2022-го года.

УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ – ОДНОГО ПОЛЯ ЯГОДЫ...

К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина (1884–1937)

Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда.

Джеймс Джойс «Улисс», часть II. Эпизод 9

Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой.

Максим Горький «На дне» (монолог Сатина)

Далекое – близкое – безотносительное. Пользуясь не зажигалкой, а спичками, то есть в микроскопически малом «поддерживая отечественного товаропроизводителя», еще не разучившегося что-то делать, постоянно держу в голове – взяв коробок в руки – сравнение далекого и близкого по времени. А именно: до хрущевской деноминации 1961-го года, обогнавшей Америку («мы Америку догоним по надою молока...») в курсе рубля: 1\$ = 60 копеек, вспоминается: коробок спичек калужской, вятской, белорусской и иной фабрикаций стоил восемь копеек, а в коробке содержалось пятьдесят спичек; строго пятьдесят, о чем свидетельствовала и надпись на этикетке. Филуменисты-коллекционеры могут подтвердить.

Но вот наступило первое января 1961-го года. У нас, младших школьников, радостные зимние каникулы, а взрослые морщат лбы, привыкая к новым цифрам на магазинных ценниках, полтинникам и рублевикам – по размерам с царские и советские двадцатых годов... только не серебряные, а главное – к необычно малым кредиткам, раза в три-четыре поменьше прежних. Народ, который мужики, впервые помянули Никиту Кукурузника добрым словом: теперь проще простого заначку от жен прятать!

...Чуть было посокрушались экономные по своей природе эти самые жены, что стоимость коробка спичек (тогда китайцы не зажигалки, а добротные термосы и махровые полотенца поставляли) округлилась в большую сторону – до одной *новой* (новыми деньги именовались в обыденной речи до начала семидесятых годов...) копейки. Впрочем она же и старая, как и семишник с алтыном*, что несколько снимало огорчение. Но каков же был обоюдодоловой восторг, когда в магазины и табачные ларьки в январе-феврале все того же шестьдесят первого года завезли свежие партии тех же калужских, вятских, белорусских (фабрики Гомельдрев) спичек: на этикетках значилось, что в коробке «60 шт.»! И номер ГОСТ'а стоял уже наступившим новым годом:

* То есть монеты в две и три копейки соответственно, которые, наряду с копеечной монетой, автоматически повысили свою стоимость в десять раз.

1820–1961. Народ умилительно восхищался: слава нашим родным партии и правительству! – даже в сугубых мелочах заботу о своем народе проявили: подняли округлением цену коробка на двадцать прóцентов, так почти на столько же увеличили число спичек в коробке! Ай да Никитушко, ай да благодетельный ты наш и о народе заботливый! Других поводов хвалить генсека за десять лет его руководства страной не находилось; наоборот, ругали за курузный психоз, сто тысяч уволенных в запас без пенсии офицеров, снижение вдвое полярной надбавки (сам проживал тогда за Полярным кругом и хорошо помню нелицеприятные высказывания всех и вся из окружения своего...), гонения на артиллерию – бога войны, новейшие крейсера Балтфлота и Северного флота, отведенные на консервацию в Лиепаю... Конечно, вершиной стали «хлебные карточки» (по домам буханки развозили) в конце его волюнтаристского и пробобелистского (так в газетах писали: от имени Августа Бебеля что-ли, имевшего терки с Карлом Марксом?) правления...

Завершим экскурс в спичечное дело более чем шестидесятилетней давности. Если в чем ошиблись, справляясь со своей памятью о детских впечатлениях, так пусть (повторимся!) нас поправят филуменисты, расцвет какового вида коллекционирования в нашей стране как раз пришелся на первую половину шестидесятых годов. Словно соревнуясь между собою, спичечные фабрики (см. выше дважды названные) начали наклеивать на тогдашние спичечные коробки из тонкого лущеного древесного шпона яркие, многоцветные, лакированные этикетки, воспроизводящие изделия народных промыслов – Хохлома, Мстера, Халуй, Жостов, а также репродукции с картин Васнецова, Репина, Шишкина. Знающие люди усмехались: дескать, в магазинах загневающего Запада продается только один советский товар: спички в отделах экзотических сувениров. Отсюда и красочные этикетки – по законам марксистской экономики: товар → предложение → спрос → снова товар в ярких облатках...

А к чему столь живописное пояснение? – к тому, что сейчас беру в руки нынешний невзрачный коробок (названия фабрик не дай бог упомянуть! –

мигом иски, по судам «за клевету» затаскают, ведь юристов за тридцать лет понаделали объемом массы поболее пирамиды Хеопса!) из серого картона, со слепой одноцветной печатью выходных данных. Стоит он где-то, то есть поразному, от двух до пяти, или поболее, рублей, а спичек в том сиротском коробке, что называется «на счастье», кому как повезет: от тридцати до сорока; дифферент в сторону первой цифры.

Опять же и к чему столь очевидное сравнение? – ведь всякому известно, что раньше и вода была мокрее, и сахар слаще, фрукты-овощи натуральные, по Дарвину и Ламарку взрослые, а не нынешние, в лабораториях генномодифицированные. Обычно добавляют, что и деревья тоже выше росли... это не могу сказать, поскольку детство, отрочество, юность провел в местах на выходе Кольского залива в Баренцево (Студеное по-поморски) море, где на тамошних скалах деревья вообще не растут. А на незнайство логика мышления и права ссылаться не дает. Это ведь не политика, медицина и образование в народном их понимании?..

... Опять же к тому, что, следуя мысли Фр. Ницше: *«Слова самые тихие суть те, которые приносят бурю; мысли, приносимые голубем в лапках, управляют миром»*. («Так говорил Заратустра»), – можно утверждать: великое и малое суть масштабное и скейлинговое, если речь идет о функционировании, взаимоотображении процессов и объектов эволюции, в нашем рассмотрении – эволюции человека. Чтобы привычно удобно не усаживаться в седле «своего конька» – перехода биосферы в ноосферу (по В.И. Вернадскому) и явно наблюдаемой сейчас трансформации человека биологического разумного в обитателя – робота ноосферного человекика (термин А.А. Зиновьева)*, еще раз обратимся к авторитету Ницше: *«Что велико в человеке, это то, что он мост, а не цель; человека можно любить лишь за то, что он переходит (здесь и далее выд. Фр. Ницше. – А.Я.) и закат»*. (Сходную мысль высказывает Д.С. Мережковский в своем известном трактате «Л. Толстой и

* Наша концепция такого перехода и трансформации человека изложена в продолжающейся (на сегодняшний день издано 22 тома) серии книг «Живая материя и феноменология ноосферы» (2007–2024 гг.); различные издательства Москвы, СПб, Твери и Тулы; в электронной форме см. на ведущих научных сайтах по поисковому.

Достоевский». Возможно и совпадение, и повторение, учитывая, что на рубеже XIX и XX веков именно Ницше и Лев Толстой первенствовали в направлении движения умов европейской – и даже шире! – мировой читающей аудитории).

... Отсюда и обоснование В.И. Вернадским и его нынешними последователями – вернадскианский ноосферизм А.И. Субетто (СПб) и наша феноменология ноосферы – названного социумного перехода и собственно трансформации человека... Однако вернемся к *нашим* спичкам, заметив, что они сейчас действительно только *наши*, ибо в массовом потребительском спросе-предложении (во всем мире) используются только в России и Белоруссии, но ведь и они образуют единое *наше* Союзное государство.

Представим, что в те самые шестидесятые года, когда коробок спичек стоил *одну* новую копейку, содержал строго шестьдесят спичек, а на радость коллекционерам-филуменистам имел цветную лаковую этикетку-наклейку с изображением жостовского расписного подноса, некий столичный (в советской глубинке их не имелось!) диссидент задумал под предлогом возвращения на историческую родину (это называется алией; см. репринтное издание (М.: ТЕРРА, 1991) Еврейской энциклопедии, Т. 1, С. 883) перебраться на ПМЖ в свободный мир, то есть на нью-йоркскую Брайтон Бич.

Последовательность действий уже отработана: публикация в Самиздате антисоветчины → освидетельствование в Кащенко → посадка на самолет до Вены → далее по усмотрению, но только не на историческую родину, постоянно воюющую с братским арабским народом (семитическая группа состоит из евреев, арабов и эфиопов).

Но какую тему для пасквиля избрать? – почти все они уже разобраны коллегами по целеустремлению. Здесь в руки попал коробок спичек и тотчас надумалась злонамеренная фантазия. Дескать, решил герой повествования закурить, взял в руки коробок спичек (см. выше), вынул спичку, черкнул по сернистой боковине коробки, а из искры вмиг материализовался дух огня, джинн навроде Старика Хоттабыча из школьной программы внеклассного

чтения: «Чего изволите? – любой каприз за ваши...» и так далее. А пожелал персонаж перенестись на шестьдесят лет вперед... из осторожности не сразу на Брайтон Бич, но на всякий случай в ту же самую свою квартиру на проспекте Мира.

Дзинькнул Хоттабыч волоском своей седой бороды, а персонаж вмиг перенесся на загаданное им число лет в Москву далекого будущего, как говорится в современной телерекламе всевозможных гэджиков – «не вставая со стула», то есть сидит он, как шестьдесят лет назад, все на том же венском стуле («Сижу я в Туле в стуле», – по Маяковскому, но только не в этом славном городе, но в столице), а в руках тот же коробок спичек. Пригляделся: тот да не тот Федот! – вместо почти что сувенирного советского коробка нечто *сорта ЗА*: из серого, словно жеваного картона (далее см. выше) с числом спичек – а ведь хорошо помнил: тот советский коробок был прямо из табачного киоска, неначатый еще! – где-то поменьше четырех десятков... И резюмировал свою диссидентскую фантазию: все плохо, хуже некуда сейчас в советской жизни, а еще через шестьдесят лет даже в мелочах придет ей каюк!

Скоренько перепечатал на старинном крупновском ундервуде марки «*Reinita*», доставшемся по наследству от бабули, что после окончания Бестужевских курсов служила пишбарышней у известного московского присяжного поверенного, неременного члена городской думы, принял за успех дела стопку «Столичной», закусив баночным дальневосточным крабом, еще не раскушанным народом, а потому пирамидами громоздившимися на прилавках. А наутро отправился к главному литературному диссиденту их Куйбышевского района.

Седовласый патриарх подпольной печати, даже получивший небольшой срок в юности по делу Промпартии, прочитал, в упор посмотрел на автора фантазии и порекомендовал отослать ее в журнал «Крокодил». Мол, там с радостью опубликуют, а вас, молодой человек, назовут зачинателем всенародного движения «Экономика должна быть экономной» (хотя бы это изре-

чение и приписывают Леониду Ильичу). «Идите, уважаемый, работайте. Пока же вы еще не созрели до Кащенко и Брайтон Бич!»

А сейчас вплотную к нашей теме: утопией или антиутопией явилось бы в шестидесятые годы фантазийное сочинение грядущего обитателя Кащенко, а далее вождельной Брайтон Бич, будь оно опубликовано в самиздатовском журнале «Параллели и меридианы мысли»... точнее – в журнальчике карманного формата на тонкой папиросной бумаге, что используют аспиранты для печати своих диссертаций в шести экземплярах?

Особо не подумавши – несомненно антиутопия; раз «анти» – значит хуже чем есть сейчас, то есть нынешние спички – третий сорт в сравнении с советскими 60-х годов. Но решение с маху зачастую приводит к примитивизму. А если творение о спичках будущего обитателя Брайтон Бич представить утопией? Действительно, в Утопии – Москве 2020-х годов спички оказались на роли бросового товара, почти что мусора. Газовые плиты в столичных квартирах с электретьными автоматическими поджигателями газа, керосиновые лампы и примусы – в музеях старого городского быта, а нещадно осуждаемые эсмэишниками, но <втихомолку, радостно> поощряемые минфином, курильщики сплошь пользуются зажигалками: в массе – китайскими одноразовыми, «состоявшиеся, экономически мобильные» граждане – серебряными, а то и золотыми с гравированными подарочными надписями.

Значит, если в шестидесятилетнем будущем спички стали невостребованным товаром, то, во-первых, и нечего их «украшательством» заниматься; во-вторых, налицо утопический прогресс: от пращуровых спичек к иным, более прогрессивным средствам воспламенения. А какая экономия и экологическая защита леса? (без указания: в чей карман эта экономия идет...).

Итак, куда ни кинь, всюду клин: утопия и антиутопия – одного поля ягоды. Далекое – близкое – безотносительное. Это как в принятых определениях-прилагательных к имени известного деятеля культуры, того же писателя: русский – советский – российский, значит безотносительный; навроде до-

стопамятного ельцинского «россияне». Кстати, бывшие братья-хохлы раньше также именовали русских москалями или россиянами.

Вполне возможно, Карл Маркс, с его титаническим аппаратом системного мышления, достаточно ясно осознавал однонаправленность утопического и антиутопического представления будущего. Поэтому он смело брал образы и примеры того и другого в обосновании коммунистического идеала («Коммунистический манифест», переводы на русский язык Бакунина и Плеханова). Отталкиваясь от цитированных в «Манифесте» слов Шекспира:

*Немного золота довольно для того,
Чтоб сделать все чернейшее белейшим...*

– Маркс прямо берет из «Утопии» Томаса Мора знаменитые «золотые ночные горшки». Ему вторит позже В.И. Ленин... * А в «Капитале» можно выделить и более мрачноватые утверждения – в основном по части долгожительств и вредоносности капиталократии. Ибо во времена Маркса уже проявляли себя и антиутописты. «Навскидку» укажем на Жана-Жака Пийо («Ни дворцов, ни хижин, или положение социального вопроса в 1840 году» и другие его работы); у этого, старейшего – по возрасту – участника Парижской коммуны видим определенное переплетение утопических и антиутопических воззрений.

Таким образом, от мухи до слона (мухослонопревращение – наш игривый теримин), и выше – от спичек до целеуказаний эволюции человека, утопические и антиутопические представления в отношении трансформации человека и его социума, социумной роли человека, продуцирования человеком материальных средств его существования, использующих открываемые человеком знания (знания именно открываются, а не создаются!) и всего прочего, объективируемого на человеке, принципиально (pro et contra) не противопоставляются друг другу в смысле взаимоисключительности, но есть одна и

* Тотчас всплыло в памяти виденное в начале девяностых годов: ехал на трамвае, а на перекрестке остановился грузовик, кузов которого был установлен в два ряда решетчатыми каркасами с ... золотыми унитазами; попутчик мой пояснил: это на Тулачермете (первенца сталинских пятилеток) обычные фаянсовые на плазменных установках покрывают золотой пленкой: дешево и сердито для новорусских торгашей и бандитов средней руки... Утопия или антиутопия?

та же экстраполяция современного (на любом временном срезе до текущего «настоящего времени») уровня эволюционного состояния человека на достаточно отдаленное будущее время; собственно же различие утопии и антиутопии в представлении индивидуального человека («согласен»/«не согласен») определяется всего лишь типом его мышления (по К.Г. Юнгу – типом характеров), оптимистического или пессимистического, соответственно; в представлении же социумно – директивно – резюмирующем утопия и антиутопия суть спекулятивно-философски-политически избранная идеология (вариант «общественного договора» Руссо).

Истоки и предтечи утопических и антиутопических воззрений и системопредставлений. Размышлениями Пьера Безухова – главного «философского» персонажа романа, Лев Толстой в «Войне и мире» следующим образом определяет главную причину изначального беспокойства в жизни человека (передаем своими словами): главная причина внутренней неустроенности жизни человека – это полнейшая неудовлетворенность его, бессилие разума понять назначение человека как мыслящего субъекта, в этой земной жизни. Будущего ему знать не дано, сколько не размышляй! Остается только одно – заглушать эти скорбные мысли *отвлечением* от неведомого ему существа жизни: трудом, воинским делом, чрезмерно веселым времяпрепровождением, учением и образованием, семейственностью, управлением государством и пр.

Проникаясь мрачной сущностью этих слов (повторимся: в нашей акцентированной передаче), приходим к неизбежному, главное – совершенно логическому выводу: *жизнь для жизни и не более того!* Скорее всего, отсюда и правота Ницше в странном вроде бы его высказывании («К генеалогии морали», 1887) – бог троицу любит, поэтому еще раз его процитируем: *«Посмотрите на обратную сторону всякого семейства, общины, общества: везде борьба больных против здоровых, по большей части тихая борьба. Болезненные для человечества составляют самую большую опасность, а не злые и хищные».*

В современной терминологии обобщенное понятие «болезненности» именуется различно – в зависимости от контекста. Мы используем термин *инвалидизация*, отталкиваясь от известного (а ныне прямо в цель!) высказывания Оноре де Бальзака, что в обществе, где все горбатые, стройность кажется уродством (на случай, если не совсем точно передаем – не закавычиваем). Употребительны и иронические названия: либерализм головного мозга, либерастия... введенные нами: умозамещение и цифрофрения.

Таким образом, истоки утопических и антиутопических воззрений следует искать: (а) в изначальном устремлении человека к осознанию смысла <своей и социумной> жизни, а поиски смысла всегда есть экстраполяционная протяженность в <будущее> эволюционное время; (б) в самодавяющей инвалидизации социума, сейчас глобализующегося социума, которая заставляет самодостаточно мыслящих людей искать конструкции будущего мироздания с той или иной гармонизацией личного + общественного; (в) в означенном выше единстве утопического и антиутопического.

В плане социально-историческом, во всяком случае в отечественном историко-научном анализе и синтезе, утопические теории, учения, литературные произведения («с направлением», как говорили в русской классической литературе второй трети XIX века) декларируются как *утопический социализм*. В частности, с 1947 по 1980-е года в издательстве «Наука» печаталась серия книг (основана акад. В.П. Волгиным) «Предшественники научного социализма», в составе которой были опубликованы основные работы писателей-утопистов.

Собственно, начиная с «Утопии» Томаса Мора (Базельское издание 1518 г.; первое русское издание СПб, 1789), утопические воззрения действительно являлись отображением классовых противоречий в системе возникшей и развивающейся буржуазии. В Англии это собственно Т. Мор и Дж. Уинстэнли; Германия и Чехия представлены, соответственно, Томасом Мюнцером и М. Гуска; «Город солнца» (1623 г.) итальянца Томмазо Кампанелла – изображение утопического коммунистического общества; обширно представлено

французское Просвещение: Мабли, Мелье, Морелли, более поздние Гракх Бабеф, Шарль Фурье, Сен-Симон, упомянутый выше Жан-Жак Пийо. Конечно же Роберт Оуэн (Англия), Дезами и Этьен Кабе. Таким образом, фурьеристы и сен-симонисты – это вершина социального (социалистического) утопизма. На уходящей стадии утопических учений отметились и русские революционные демократы: А.И. Герцен, В.Г. Белинский, конечно же Н.Г. Чернышевский со столь памятными со школьных лет «снами Веры Павловны»... Упомянем еще двух русских князей: писателя-фантаста, детского писателя и классика русского музыковедения В.Ф. Одоевского, в одном из своих произведений утопически представивших человеческое сообщество в пятом тысячелетии от Р.Х., и князя-анархиста П.А. Кропоткина, в главных своих трудах «Хлеб и Воля» и «Современная наука и анархия» взявшего за основу организации безгосударственного будущего человечества систему вольных европейских городов XII–XV-го веков – имеются в виду не северогерманские города Ганзейского союза, но именно почти все города Западной Европы названного времени. Именно в этих городах Кропоткин видел будущее: *«То, к чему нужно стремиться, – это производить с наименее возможной тратой человеческих сил наибольшую сумму продуктов, наиболее необходимых для благосостояния всех»* («Хлеб и Воля»).

... И там же утопическая анархистская апология творчества: *«Только великая идея может вдохновлять искусство. Искусство есть творчество (выд. нами. – А.Я.), оно должно смотреть в будущее, а между тем, за немногими, очень редкими исключениями, профессиональный артист слишком невежествен, слишком буржуазен для того, чтобы видеть какие-нибудь новые горизонты. Вдохновение не может быть почеркнуто из книг; оно должно исходить из жизни (выд. П.А. Кропоткиным), а современная жизнь дать его не может...»*

... Прочитай это без подписи автора – спутаешь с выдержкой из трактатов об искусстве Льва Толстого 1880–1990-х годов!

Итак утопизм, пока еще без двуединства с антиутопизмом, первенствовал исторически, что понятно в плане социопсихологическом: «Надежда юношей питает...» А европейское человечество, если условно отсечь от него античность, ко времени «Утопии» Томаса Мора было еще относительно молодо. Вот его, тем более только вышедшего из самых темных столетий раннего Средневековья, и манила мысль о гармоничном устройстве будущего мира.

Антиутопии сменяют утопии на рубеже XIX и XX, когда человечество в досталь хлебнуло реалий капитализма в его фазе нерождающегося империализма. И в преддверии мировых войн. Конечно, и в XVIII и XIX веках антиутопическая тематика в той или иной степени присутствует в художественной и философской литературе, те же «Элексир сатаны» Э.Т.А. Гофмана, «Франкенштейн» Мэри Шелли. Конечно, Свифт, Оскар Уайльд, Уильям Моррис... Но – не акцентированно, не футуристично, то есть без явного указания на неизбежность предрекаемого.

Поэтому роман Джека Лондона «Железная пята» (1907) можно полагать первой «пробой пера» в жанре антиутопии. Отечественные литературоведы полагают, что именно влияние русской революции 1905–07 гг. и витавшее уже в воздухе ощущение мировой бойни, на фоне «исторически мгновенного» становления империализма и дало толчок литературному жанру антиутопии с ее провозвестником – Джеком Лондоном.

Итак, утопизм – прерогатива социально-исторически понимаемой молодости человечества. Вот и отечественный революционный (всемирной революции!) утопист Л.Д. Троцкий пишет: *«Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда (здесь и далее выд. нами. – А.Я.) на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общественности... Досуг*

нужен человеку, «право на леность!» (Л. Троцкий «Литература и революция», 1923).

Тот момент, что бывший наркомвоенмор Лев Давидович, яростный деятель «мирового пожара» революции, ставит на равных такие качества человека как *творчество* и *лень*, вовсе не является парадоксом. Лень есть естественное, биологическое стремление экономии физического и мыслительного запаса энергии (переключка с первым из двух приведенных высказываний П.А. Кропоткина...), а творчество – преобладание работы мышления, неважно какого: научного, художественного, философского и пр., над минимизируемым монотонным физическим трудом. Это и есть стержневая основа всех утопических учений и литературных их обрамлений (см. выше).

Данный «Железной пятой» старт подхватило множество писателей, философов, социологов века двадцатого. Конечно, литературное творчество наиболее доступно массам, поэтому об антиутопичности всегда говорят, держа в голове имена писателей. А имея в виду двадцатый век, всякий назовет три имени – во временной последовательности появления их произведений-символов: роман «Мы» Евгения Замятина, написанный им в 1923 году; более поздний «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли; наконец «1984» Джорджа Оруэлла (1948) – в двуединстве с его же «Скотным двором». Все остальное в жанре антиутопии вторично, повторно, детализовано, коммерчески сфантазировано (у американцев) и так далее.

Более того, в самих этих произведениях – классике антиутопии наблюдаем удивительную сюжетно-социально-политическую схожесть: не братья единоутробные, но кузены уж точно. Сам Дж. Оруэлл в рецензии (1946) на роман «Мы» Евг. Замятина (см. в книге*) безапелляционно пишет: *«Первое, что бросается в глаза при прочтении «Мы», – это тот факт, кажется, никем прежде не отмеченный, что Олдос Хаксли многое позаимствовал из него для своего романа «О дивный новый мир». Оба произведения описывают бунт природного человеческого духа против рационализованного, механи-*

* Замятин Е.И. МЫ: Роман. – М.: Мартин, 2022. – 192 с. (Серия «Малая избранная классика (New)»).

зированной, бесчувственного мира, и в обеих книгах действие происходит через шестьсот лет в будущем. Схожа также атмосфера, и изображается, попросту говоря, одно и то же общество, хотя у Хаксли меньше политики и больше ощущается влияние новейших биологических и психологических теорий... Сходство с романом «О дивный новый мир» не подлежит сомнению (здесь Оруэлл явно спутал: что с чем схоже? – А.Я.). И хотя книга Замятина не так четко выстроена – сюжет ее довольно слаб, отрывочен и слишком сложен для пересказа, – она, в отличие от Хаксли, имеет политическую составляющую» (С. 5–6).

... Тот момент, что литераторы и даже ученые мужи с удивительной простотой «заимствуют» даже целиковые книги русских авторов, высокомерно полагая, что никто из «страны медведей и балалаек» не ринется судиться-редиться, факт общеизвестный. Как еще в XIX веке знаменитый Кирхгоф «увел» у выдающегося русского физика Н.А. Умова даже один из законов теории электричества и еще кое-что по мелочи (!?). Сам имею двух знакомых, ученого в области радиотехники, и <непрофессионального> литератора*, у которых их книги в девяностых годах издали в Америке и еще в одной «маленькой стране» под чужими «авторствами»...

Но ведь и сам Дж. Оруэлл в «1984» мало чем разнится с «Мы» Евг. Замятина? Во всяком случае оруэлловский Старший Брат и замятинский Благодетель малоразличимы в своих «трудах и заботах» по охранению и поддержанию своих антиутопических государств... Равно как и главные персонажи «Мы» Д-503** и его роковая женщина I-330, заменившая прежнюю розово-талонную партнершу O-90, очень даже явно ассоциируются со строками у Оруэлла (в пер. Елены Кассировой):

*Под развесистым каштаном
Продали средь бела дня –
Я тебя, а ты меня.*

* Вроде как даже мое предисловие, опять же с иной фамилией, оставили...

** Номера людей в романе начинаются с латинской буквы, но во всех изданиях «Мы» только Д-503 пишется кириллицей. Не будем этого нарушать.

Под развесистым каштаном

Мы лежим средь бела дня –

Справа ты, а слева я.

... В упомянутой выше рецензии на «Мы» Оруэлл кратко передает замятинское описание образа жизни людей будущего: «В романе Замятина в двадцать шестом веке жители Утопии (то есть Оруэлл не сомневается в тождестве: Утопия ≡ Антиутопия!? – А.Я.) настолько утратили индивидуальность, что различаются только по номерам. Они живут в стеклянных домах (телевидение тогда еще не было изобретено), что позволяет политической полиции, так называемым Хранителям, без труда их контролировать. Все носят одинаковую одежду, и человека называют либо «номер», либо «юнифа» (униформа). Они едят синтетическую пищу, а во время досуга маршируют по четверо в ряд под звуки гимна Единого Государства, доносящегося из репродукторов. Через определенные промежутки времени каждому выделяется час (известный как «сексуальный час»), когда позволяется опустить шторы в своих стеклянных жилищах... Для занятий любовью у каждого есть своего рода талонная книжечка с розовыми билетами... Во главе Единого Государства стоит фигура человека, именуемого Благодетелем и ежегодно переизбираемого всем населением, конечно же, единогласно. Руководящим принципом Государства является несовместимость понятий свободы и счастья... Единое Государство вернуло человеку счастье, лишив его свободы» (Ор. cit., С. 6).

То же самое видим в «1984» Оруэлла... с учетом изобретений за время, отделяющее роман Оруэлла от «Мы» Евг. Замятина: то же телевидение вместо прозрачных стеклянных стен жилищ «номеров». У Оруэлла почти наши дни: «Завершив фанфарой сводку из министерства изобилия, телеэкран заиграл бравурную музыку. Парсонс от бомбардировки цифрами (выд. нами. – А.Я.) исполнился рассеянного энтузиазма...»

Такое настораживающее «единообразие фактологии» в антиутопиях Замятина, Хаксли и Оруэлла, как «классиков жанра», а в менее явном виде – в

основном из-за идеологического акцента – и во всех утопиях и антиутопиях вместе взятых, не случайное совпадение, ибо их, совпадений, в таком деле вовсе быть не может (см. подробно выше), но есть воплощение социологического закона, который попробуем понятийно сформулировать в частной, контекстной нашим рассуждениям, форме.

Никакая, самая изошренная, научно обоснованная и пр. экстраполяция будущей картины мира, включая фантазии, утопии и антиутопии, не может сравниться с разворачиванием реальности этой будущей картины мира, поскольку законами эволюции человеку не дано знание будущего в его фактологии, то есть психология мышления человека «настроена» на фактологию устройства материального и социального мира в его историческом движении от <знаемого> прошлого к осязаемому настоящему. То есть никакая фантазия не сравнится с раскрытием будущей реальности. Поэтому и утопия в ее фактологии тождественна антиутопии, разнясь лишь социоидеологическими акцентами.

От идеального государства Платона к утопийно-антиутопийному будущему человечества. Общепринято (К.Р. Поппер и др.) и малоотрицаемо считать, что вся европейская философия прошлого и настоящего «вышла из Платона». Точно так же из «Государства» Платона (плюс некоторых моментов диалогов «Тимей», «Законы», «Горгий» и ряда других) вышла и вся европейская утопия, а значит и антиутопия, как естественная антитеза к тезе. Как говорится, от чего отошли к тому же и пришли: Платон – начало социальной цивилизации человечества, а реальное воплощение утопии-антиутопии суть итог такой цивилизации: индивидуальное расчеловечивание и трансформация социума в человейник, что есть <грядущий> итог биосферно-ноосферного перехода. Говоря словами Анаксимандра: «А из чего возникают все вещи, в то же самое они и разрешаются согласно необходимости».

Итак, «Государство», а точнее его первая часть, книги I–V, является самой ранней утопией в цивилизационной истории человечества – его среди-

земноморского (Европа + Передняя Азия + Северная Африка) очага. Более того, в отличие от современных, то есть не античных времен, утопий, Платон создавал свое Государство вовсе не как фантазию о далеком, «светлом человеческом будущем», но как реальный план построения такового в Греции его времен. Здесь надо учитывать, что полисы тогдашней нецентрализованной Греции, города-метрополии и колонии, имели практикой использование, даже приглашение известных философов-мыслителей для создания свода своих законов. Наиболее известные примеры: Солон в Афинах, Протагор в Фурии, пифагореец Архит в Тарасе. Сам же Пифагор предпринимал шаги для организации «правительства философов». Как пишет Бертран Рассел в своей «Истории западной философии», анализируя именно практичность замысла Платона: *«В те дни колонии были совершенно свободны от контроля своих городов-метрополий, и группа платоников вполне могла бы учредить государство Платона на берегах Испании или Галлии. К сожалению, судьба привела Платона в Сиракузы, большой торговый город, который был занят безнадежными войнами с Карфагеном; в такой обстановке никакой философ не мог бы достичь многого. В следующем поколении возвышение Македонии сделало все малые государства устаревшими, а все политические эксперименты в миниатюре – совершенно бесплодными».*

... И всегда следует держать в памяти пересечение годов жизни и трудов Платона (427–347 до н.э., то есть V–IV вв. до н.э.) и расцвета Спарты в VI–V вв. до н.э., *государственное и социальное устройство которой почти до мелочей совпадает с государством Платона!* Это, в свою очередь, означает, что идеальное государство не вольнолюбивая фантазия Платона, но систематизация, анализ и синтез уже реально существовавших и существующих (Спарта) государственно-социумных образований античного средиземноморского мира. В частности, третья часть «Государства» есть полномасштабный анализ существующих (во времена Платона) таких образований. Соответственно, с учетом содержания второй части (книги VI и VII), где развивается

пифагорейская концепция «философского правительства», интересующая нас первая часть «Государства» *и есть синтез*.

«Платон мне друг, но истина дороже», то есть «Государство» есть плод труда величайшего из земных мыслителей, но это не фантазия, а именно синтез уже реальных, практически опробованных к IV веку до н.э. в античном ареале социально-государственных устройств. Как в действительности, так и в систематизации Платона, выраженный индетерминизм (но с отрицанием телеологического начала!), оперирующий «прямолинейными» категориями с определенной бездоказательностью (имманентностью) полагаемых истин – все это следствие молодости <античного> человечества, опробующего все возможные варианты социумно-государственного устройства с идеалом лучшего из возможных.

Здесь нагляднее сравнение между детским творчеством, собирающим из деталей детского же конструктора неработающий паровоз или космическую ракету, и осмысленным (но ведь и ребенок тоже мыслит!), главным – целеустремленным и расчетным, трудом конструктора соответствующих действующих машин...

Рассмотрим те элементы («детского конструктора») организации идеального Государства Платона, что впоследствии составили *непреложную* основу всех – без исключения! – утопий и антиутопий.

<α> Граждане строго классифицируются, точнее – ранжируются на категории с возрастанием их государственной значимости: масса, «простой» народ* → воины → стражи-охранители государственных устоев. При этом предполагается наследственность такой принадлежности, своего рода «трудо-вые династии». Особое внимание Платон уделяет классу стражей, обособленному и законодательному. Подобная кастовость исключительно преследует цель разумного разделения социума: массы – производительная сила, воины – внешняя охрана государства, стражи – внутренний законопорядок.

* В СССР, в определенном смысле сбывшейся социальной, отчасти государственной, утопии, этот «простой советский человек» все печенки выел... В песенной антитезе: «Наш непростой советский человек!»...

<β> Образование и воспитание подрастающего поколения (у Платона это расширенно понимаемые «музыка» и «гимнастика») есть сочетание развития в духовной (культурной) и физической сферах. По всей видимости – у Платона нет четкого определения – образование граждан Государства включает имманентную и трансцендентную составляющие, в частности, в научной сфере. Литературное творчество в античной Греции являлось первостепенным средством образования и воспитания; понятно, что под литературой понимался весь ареал устного, письменного, хорового (театр) творчества, не разделяемый с философией. Соответственно моральной доминанте Государства и встречаем утверждения навроде «осуждения поэтов», коль скоро в этом литературном жанре зло чаще побеждает добро... О сценическом искусстве древних греков см. у Фр. Ницше в «Рождении трагедии, или эллинизм и пессимизм» – отсюда ясны и истоки платоновской морали в его идеальном государстве: изгнание сочинителей драм из Государства, коль скоро театр сеет пессимизм, а избежать персонажей-злодеев в драме невозможно, ибо без *pro et contra* добра и зла смысл пьесы обнуляется. О музыке же Платон говорит еще конкретнее: запрет лидийских и ионийских гармоний – выражают печаль, разрешение мужественных и умеренных (для стимулирования воображения и жизненного тонуса).

<γ> В части расширенной «гимнастики», то есть физиологического совершенствования подрастающих поколений граждан Государства, с детства накрепко засели в моей голове назидательное, воспитательное утверждение отца – со ссылкой на Платона. Матерый моряк-североморец, «сломавший» две войны – Финскую кампанию и Великую Отечественную – в тех же заполярных краях, достав по случаю заветную бутылочку (проживали мы в Полярном, а Никита Хрущев ввел во «владениях» Северного флота полный сухой закон...) и выпив в усладу, дополнял мое школьное воспитание воззрениями классиков философии и литературы. Так и запало: древним грекам запрещалось пить вино (водки и пр. у них не имелось) до исполнения тридцати пяти лет!

Опять же собственно гимнастика, физическая культура в современном понимании, предполагалась для молодых поколений Государства такой, что вошло впоследствии в мировой понятийный язык как *спартанская*, то есть жесткая, на пределе выносливости. Логичное обоснование: закаленное тело в дальнейшем не будет особо нуждаться в лечении: экономия в рамках всей страны на медицине. Это крепко вошло в практику социально ориентированных государств XX–XXI веков. Крепость организма во многом зависит от качества и сортамента потребляемой пищи. В этом смысле Платон не уступает в своих ограничениях религиозному кошруату Торы и халяльяту Корана.

<δ> И никакой роскоши! – для всех классов Государства. Золото же и серебро – вне закона. Вот откуда «уши растут» у всех последующих «золотых горшков»: от Платона до Томаса Мора, далее к Марксу и к Владимиру Ильичу, который живописно сказал о золоте: *«Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира»* (В.И. Ленин «О значении золота теперь и после победы социализма» / ПСС, Т. 44, С. 225).

А вот ленинско-сталинский *партмаксимум*^{*}, то есть член ВКП(б), независимо от должности – от рабочего до генсека – не может получать зарплату более 90 рублей в месяц; имеются ввиду рубли после «рыковской реформы» 1922 года, когда советский рубль сравнился с прежним, царским, был прямо взят из «Государства». Платон вводит этот «партмаксимум» радикального коммунизма для клана стражей, которые живут в быту очень скромно в части жилища, еда в общих столовых, запрета на любую частную собственность – только минимально-достаточная личная. То же самое в отношении воинов. Да и для масс: нет ни бедных, ни богатых, главное – экономические интересы Государства.

* Пример реальности такого партмаксимума – письмо И.В. Сталина жене (Н.С. Аллилуевой) от 25.09.1929: «Татья! Забыл послать тебе деньги. Посылаю их (120 р.) с отъезжающим сегодня товарищем, не дожидаясь очередного фельдегера. Целую. Твой Иосиф» (И. Сталин. Сочинения. Том 17. – Тверь: Научно-издат. компания «Северная корона», 2004. – С. 319). – Это глава огромной страны высылает своей жене, что на отдыхе с детьми... 120 рублей (?!).

<ε> Если обратимся к реалиям советской... если не жизни, то левацкой пропаганды (та же Коллонтай) в части семьи и женщины, в период военного коммунизма, то увидим продвижение лозунга Государства: *«Все эти женщины должны быть общими всем этим мужчинам, ни одна не должна жить частно ни с одним»*. При этом полное равноправие мужчины и женщины. С современной, социально-философской, западной в своей основе позиции триада семья–мужчина–женщина мало чем отличается от схемы в Государстве Платона. Наиболее обоснованный анализ такого перенесения платоновской триады в современный нам мир выполнен крупнейшим социальным философом XX века, Нобелевским лауреатом (отказался от получения премии, «чтобы оставаться свободным») Жаном-Полем Сартром и «крестной матерью» феминизма, видной французской писательницей и философом Симоной де Бовуар*. Более того, не ограничиваясь разработками философских систем, идущих от триады Платона, они поставили эксперимент на самих себе – длиною в их совместную жизнь, а именно, вступая в гражданский брак, обернувшийся грандиозной по числу участников «шведской семьей», вместо подобия брачного контракта Жан-Поль и Симона заключили «Манифест любви»: быть вместе, но при этом оставаться свободными.

... Продолжая далее выделять ключевые положения устройства Государства Платона, коснемся теологической составляющей, в которой в неявной форме обнаружим предтечу нынешнего «золотого миллиарда»; роли мифологии (творимых мифов – всего за два поколения, то есть явный экивок в адрес доктора Геббельса), как базиса морали и этики – справедливости у Платона; возможности неравенства во власти и некоторых второстепенных. Бертран Рассел в указанном выше сочинении, подводя итоги в анализе содержания «Государства», отмечает, что в конструкции идеального государства Платона содержатся и явные противоречия, та же возможность неравенства во власти и в привилегиях, как противоречащая однозначно утверждаемой

* Сартр Ж.-П., Бовуар С. Аллюзия любви: Пер. с фр. – М.: Алгоритм, 2008. – 240 с. (Серия «Философский бестселлер»).

справедливости. И еще одно его замечание: *«Если мы спросим: чего достигнет государство Платона? – ответ будет довольно банальным. Оно достигнет успеха в войнах против государств с приблизительно равным количеством населения и обеспечит средства к жизни некоторому небольшому числу людей (Но ведь такими и были греческие полисы и колонии времен Платона? – А.Я.). В силу своей косности оно почти наверное не создаст ни искусства, ни науки (выд. нами. – А.Я.). В этом отношении, так же как и в других, оно будет подобно Спарте».*

Итак, Платон конструирует, как «старинный» инженер вычерчивает абрис задуманной машины на ватманском листе (нынешний же в программах Автокад и Маткад на экране монитора), Государство, которое имманентно его представлению о социумной справедливости и государственной устойчивости, в сумме своей образующих именно идеальное государство. Но последующие без малого две с половиной тысячи лет эпохи цивилизации и культуры – в европейском ее ареале, как наиболее характерном – показали, что идеальная конструкция хороша на чертеже, а в воплощении и особенно в функционировании имеем нечто иное, хотя бы абрис идеального государства в чем-то и угадывается, а в христианской этике и морали во многом превосходит «справедливость» Платона.

Утопии же и антитезисно, антисимметрично органически дополняющие их антиутопии есть копирующие Государство Платона конструкции, как правило, всего лишь с учетом текущей фактологии: то же телевизионное отслеживание каждого шага человека у Оруэлла вместо стеклянных домов в «Мы» Евгения Замятина. Это в антиутопиях. В утопиях же таковая трансцендентность в улучшении жизни человека и вовсе есть основной предмет «мечтаний»: от четко организованного продовольственного, сельскохозяйственного производства до «Вечного хлеба» у Беляева ... правда, здесь утопия перехлестывается с предостерегающей антиутопией («Ели, пили, веселились, подсчитали – прослезилась»).

... Не только Спарта во многом оказалась имманентной идеальному Государству Платона. Все же Советский Союз, именно как *советский* в первую очередь, но и социалистический (→ в коммунистический), во многом следовал в своем устройении Платону, а в части фактологии – его «пересказу» Томасом Мором и другими утопистами (см. выше). Здесь и пересказывать не надо – самодостаточно мыслящий читатель сам без труда расставит все по сравнительным полочкам... Только один характерный пример приведем, чтобы читатель воспрял духом в благодушно-ностальгических воспоминаниях о годах своей молодости. Речь пойдет о... знаменитых «посылках инженеров в колхоз» в 60–70-е годы и в 80-х – до апофеоза горбачевщины.

Читаем в «Утопии», книга вторая, глава первая (без названия, поскольку все последующие главы с названиями): «... *Из каждого хозяйства ежегодно возвращаются в город двадцать человек: они провели в деревне два года. На их место из города выбирают столько же новых, чтобы их обучили те, которые пробыли в деревне год и поэтому более разумеют в деревенских делах; на следующий год они будут наставлять других...*»

... Хотя и не на два года, но дважды в год – в начале лета на прополку свеклы (специфика сельского хозяйства Тульской области) и ранней осенью на ее же уборку – приблизительно по месяцу, но по паре-тройке недель точно. Это же услада молодости! Не зря же негласно такие поездки иначе как вторым отпуском не называли*. Разминка после осеннее-зимних месяцев стояния перед кульманами или сидения с паяльником (сам из радиоконструкторов) над монтажом схемы и пристального взглядывания в вычерчиваемые на экране осциллографа синусоиды. Здоровое деревенское едово, а вечером, до полуночи костерки (ныне напрочь запрещенные), горячительное, гитара с песняком и, конечно, святая простота – «война и колхоз все спишут» – любовных восторгов, включая вполне простительные левачество и адюльтер... И серьезные, переходящие в ячейку общества, отношения. Так и кажется, что

* Поэзия летних «колхозов» отображена глазами очевидца в книге: Алексей Яшин. Зато мы делали ракеты: Воспоминания о будущем / Предисл. Л.В. Ханбекова. – М.: «Московский Парнас», 2015. – 441 с. (В электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

с бездонного вечернего и ночного неба мечтательно смотрит на отдыхающих от городского асфальта и служебной дисциплины Томас Мор, как он изображен на портрете кисти Ганса Гольбейна. И одобрительно член британского парламента, «лондонский гражданин и шериф» кивает головой, мол, все правильно он предвидел в своей «Утопии» четыреста с гаком лет тому назад...

Но имело место быть еще более близкое к мечтаниям Томаса Мора о двухгодичном пребывании горожан в деревне – в те же «золотые» советские 70-е годы: так называемая каста «трактаристов». По спущенной сверху диспозиции в каждой организации – заводе, конструкторском бюро, научно-исследовательском институте – обещанием вольной жизни, повышением оклада и премий формировались группы, отправляемые на курсы трактористов, иногда и помощников комбайнеров. И все – больше этих разбитных ребят на рабочих местах не видели. *Два года (!)* они ранней весной и поздней осенью пахали, сеяли, бороновали и пр. А зимой их на снегозадержание отправляли. Все остальное *бывшее* их служебное время года списывалось на отпуска, двухзначные цифры отгулов, якобы ремонт техники... К полному восторгу автора такой «двухгодички» Томаса Мора, лондонского гражданина и шерифа. Союз серпа и молота!

Единство утопии и антиутопии, обретающей реальные черты в биосферно-ноосферном переходе. Джордж Оруэлл в упоминавшейся выше рецензии на «Мы» Евг. Замятина проникает в суть антиутопического устройства общества: «... *Высококласные научные работники выращиваются так же легко, как безмозглые эпсилоньки, и в обоих случаях остатки примитивных инстинктов, таких как материнское чувство или стремление к свободе, легко подавляются. Однако непонятна причина, по которой общество должно иметь такую сложную кастовую структуру. Цель состоит не в экономической эксплуатации и не в желании угнетать и господствовать. Здесь нет жажды власти, садизма или жестокости в любом ее проявлении. У тех, кто наверху, нет весомого повода там оставаться, и хотя все обрели бес-*

смысленное счастье, жизнь стала настолько пустой, что сложно представить, как такое общество может существовать» (Op.cit., С. 7).

Таким образом, соотнесение причинности, имманентности и трансцендентности в социальных и государственных конструкциях антиутопий ставится под «жирный» знак вопроса. Но и в утопиях этот же вопросительный знак лишь слегка фоново оттеняется (стушевывается, говоря изобретенным Достоевским словом, чем он гордился не менее, чем своими романами...) расплывчатым «устремлением к светлому будущему». Кстати, не зря авторы как утопий, так и антиутопий, отъединяют свои государства-социумы от всего остального мира: у Томаса Мора даже вырывается специальный канал, разделяющий ставшую островом Утопию и материковый берег; у Замятина же город–государство–страна (вот в это предзнаменование верится, глядя на рост современных мировых мегаполисов...) окружен грандиозной Зеленой Стеной, за пределами которой царит дикая жизнь... то есть жизнь *нормальных людей биологических разумных*, как где-то в далеком XX веке, шестьсот лет тому назад. Такая изоляция от внешнего мира, атлантизация (от Атлантиды) неслучайна; оптимисты-утописты и пессимисты-антиутописты тем самым уходят от еще более «жирного» вопроса: каково же эволюционное предназначение человека и человечества в целом?

Именно одинаковое наличие всех означенных вопросов *онтологически* и роднит утопию с антиутопией: явно – по преобладающей фактологии, неявно (стушеванно) по идеологии конструирования миров будущего... одинаково «несветлых» для современного – времени написания соответствующих книг – человека; повторимся: биологического разумного, а еще определенное: самодостаточно мыслящего.

Будущее человечества суть двуликий Янус, у которого одно лицо добродушное, улыбающееся, манящее к «правде святой»; другое же – унылое, хмурое, на котором читается: «оставь надежду всяк сюда входящий». Но облики будущего у утопии и антиутопии есть единый предмет-конструкция, как и отлитый из одного металла идол Януса. Действительно, сами убедитесь: про-

читите подряд вторую книгу (первая – общефилософские, общесоциальные рассуждения Томаса Мора о современном ему устройстве мира) «Утопии» и «Мы» Замятина, «уравнивая» технические детали, имманентные XVI и XX векам, и что увидите? А увидите одного и того же человека-робота, винтика социально-государственной машины, живущего непонятно для чего в мире, сущность которого ни с какого боку не поддается осмыслению его винтикам, причем винтикам любой касты: массы, воины, стражника Утопии; равно как и унифы, Хранители и сам Благодетель в «Мы» Евг. Замятина. В чем-то жизнь в этом государстве будущего заставляет вспомнить такую «классику» Средневековья как «Молот ведьм» А. Шпренгера и Г. Инститориса (соврем. изд. на русском языке – Саранск, СФ СП «Норд», 1991). Или эвфемизм «дни тянутся долго, а года летят быстро» – безвременье существования, столь художественно представленные в «Улиссе» Джеймса Джойса (см. эпиграф) и в мало кому известном романе «У» Всеволода Иванова*, автора замечательной книги для детей «Бронепоезд 14-69», что обязательно присутствовал в советское время в школьных программах литературы для внеклассного чтения...

Дуализм – фундаментальный закон организации Мироздания. Достаточно взять из школьных уроков физики знаковый дуализм частица-волна из квантовой теории. Этот же дуализм, то есть двойственность представления одного и того же процесса, характерен для всех объектов и субъектов эволюции человека в его имманентности и трансцендентности (см. выше). То есть вроде бы различные пути, а процесс-то один и тот же, ведущий к единой цели. На этот счет упомянутый выше Кропоткин ставит вопрос: *«... Является ли жизнь в обществе средством освобождения личности или средством порабощения? Ведет ли она к расширению личной свободы и к увеличению личности или же к ее умалению? Это основной вопрос всей социологии...»*

Антиутопист отвечает на него однозначно: конечно же порабощение и умаление. Иначе он бы и не вкладывал свой труд в написание соответствующего

* Единственное издание – в библиофильской, то есть малотиражной (15000 экз.) по тем временам, серии «Из литературного наследия»: Иванов В.В. «У», Дикие люди. – М.: Книга, 1988.– 399 с. Написанные почти одновременно, без какой-либо «корреляции», в разным литературных традициях, «Улисс» и «У» во многом схожи...

щего романа, трактата, памфлета и пр. Утопист же, принужденный лавировать между антитезными категориями социальных законов, те же Платон и Томас Мор, такой однозначности не допускают, ограничиваясь туманным высшим благом, социальной гармонией и прочими двусмысленными неопределенностями. Но в итоге-то социальные конструкции их будущих миров получаются идентичными до «фактологических единиц». Например, столь ныне демонстративно актуальное в части запретов курения и потребления спиртного. В утопиях им вовсе нет места (во времена Мора Америку только что открыли, поэтому главные *ее дары* – никотин, кокаин, сифилис и пр. – еще по Европе не распространились), а в «Мы» главная бунтарша I-330 демонстративно, закрывшись с Д-503 в Древнем Доме от навязчивого внимания Хранителей, курит тонкую сигарету и пригубляет из рюмки ликер. К кому, утопистам или антиутопистам, ближе нынешние устроители антеникотинных и антиалкогольных кампаний? – скорее всего ближе они к министерству финансов... И так во всем.

От курения и «потребления» переходим к единству утопии и антиутопии, обретающем реальные черты в наше время, а именно в развертывании глобализации, как начальной стадии ноосферно-биосферного перехода (по В.И. Вернадскому; см. нашу серию «Живая материя...»; ссылка выше).

Homo sum, nihil humanum alienum puto – я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.). Это устоявшееся высказывание можно проассоциировать с извечным устремлением человека к свободе, понимаемой как доступность для *индивидуального* человека свободы *личного выбора* одного/любого поведенческого варианта. Отсюда и Гегелево «свобода есть осознанная необходимость». Опять же утописты стыдливо-неявно, а антиутописты жестко-конкретно понятие личной свободы полностью подчиняют работе социумной машины. То есть таковая «свобода» уже явно прочитывается в нынешних магазинах по постоянно высвечиваемым словам на экранах тех штук (их американское название не помню – от неприязни), которые считывают с платежных карт сумму оплаты за покупку, а именно: «*Платите как*

вам удобно». То есть свобода расставаться с деньгами, что для человека всегда неприятно, хотя бы и было «осознанной необходимостью».

Далее вспомним «стражей», «хранителей». В утопиях таковые охраняют жизнь и спокойствие граждан, масс в утопическом человеичнике. В антиутопиях же... как ни странно это звучит, занимаются тем же самым: охраняют жизнь и спокойствие масс в антиутопическом человеичнике, но на более высоком уровне – контролируют мышление. И в той, и в другой социумной конструкции регламентируется поведение и мышление в форме: *свобода не имеет свободы личного выбора*, а у Оруэлла в «1984» еще конкретнее: «Свобода – это рабство». Современность уже достигла в этом деле фактологии самых мрачных антиутопий, а тем более радостных утопий: человечество вплотную подошло к ситуации глобального цифрового концлагеря с видеонадзором над поведением. А Илон Маск и К° уже штампуют «чипы» (порусски микросхемы) для вживления в мозг: наблюдение над мышлением и управлением таковым. Слащаво-утопическое «для вашей пользы, удобства и безопасности» здесь в полной корреляции с антиутопичным приговором самым крохотным артефактом личной свободы.

Цифрофрения, умозамещение и другие составляющие глобального расчеловечивания и есть <весьма скорое> нерадостное будущее человека и человечества, в котором де-факто воплотятся мечтания утопистов и антиутопистов в их трогательном единстве результатов. Двести лет тому назад русский поэт И.И. Козлов писал в стихотворении «Элегия»:

*И если мне еще до утра жить,
Кто скажет, где и чем и как мне быть? –
Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплывем...
И человек, лишь мы расстались с ним,
Не тем, чем был, но встретит нас иным...*

– что перекликается со словами Джойса из «Улисса», вынесенными нами в эпиграф к очерку. Как дважды нельзя войти в одну и ту же воду – мыслил ве-

ликий философ античности, так «уже тех волн мы в море не найдем»... и у Джойса см. выше. Поэты, писатели, философы хорошо понимали, что для человека текущая его имманентность отвечает текущей же его трансцендентности. Но вот у утопистов с антиутопистами мы находим... непонимание этого. Представим человека двадцать шестого, или иного какого далекого от него, века; тот и другой упорно приписывают ему все те черты, которыми обладает он сам – утопист и антиутопист – на момент работы над своим сочинением; отсюда и обычные коллизии у тех и у других. Утопический человек наслаждается безмятежной жизнью на своем острове, отгороженным от остального, несовершенного мира, с остановившимся временем, а значит и с заикленным мышлением. Каждую секунду, даже миллисекунду своей жизни он входит в одну и ту же воду, сохраняя неизменность своего облика, который Томас Мор срисовал с лондонского жителя начала XVI века.

Антиутопический же человек приходит в полнейшее недоумение, стоит ему случайно сделать «шаг вправо, шаг влево, прыжок на месте» в отступлении от концлагерного порядка «дивного нового мира». И его тянет к бунту, к поиску некогда утраченной личной свободы. А это означает, что автор антиутопии опять же – и прежде всего! – имеет в виду человека его, автора, времени, мирозерцания и мироощущения.

Но как посмотреть на человека будущего «глазами того, кем я буду тогда»? – Подсказкой будет обращение к сравнению «будущего, которое сестра прошлого», с настоящим. Сравнение же это убедительно говорит: в процессе своей эволюции человек легко, всего лишь в двух поколениях, адаптируется к своей новой роли, в части тех же мирозерцания и мироощущения, к изменяющемуся миру, в том числе изменяемому им самим! Так что «жалеть» обитателей грядущего утопийно-энтропийного мира все одно, что сочувствовать своим внукам. Они же просто не поймут о чем им талдычат старшие члены семьи. Всякому овощу свой сезон... Вот и Замятин завершает «Мы» таким антиоптимизмом: *«На другой день я, Д-503, явился к Благодетелю и рассказал ему все, что мне было известно о врагах счастья. Почему раньше*

это могло мне казаться трудным? Непонятно. Единственное объяснение: прежняя моя болезнь (душа).

Вечером в тот же день – за одним столом с Ним, с Благодетелем, – я сидел (впервые) в знаменитой Газовой Комнате. Привели ту женщину. В моем присутствии она должна была дать свои показания. Эта женщина упорно молчала и улыбалась. Я заметил, что у нее острые и очень белые зубы и что это красиво.

Затем ее ввели под Колокол. У нее стало очень белое лицо, а так как глаза у нее темные и большие – то это было очень красиво. Когда из-под Колокола стали выкачивать воздух – она откинула голову, полузакрyla глаза, губы стиснуты – это напомнило мне что-то. Она смотрела на меня, крепко сцепившись в ручки кресла, – смотрела, пока глаза совсем не закрылись. Тогда ее вытащили, с помощью электродов быстро привели в себя и снова посадили под Колокол. Так повторялось три раза – и она все-таки не сказала ни слова. Другие, приведенные вместе с этой женщиной, оказались честнее: многие из них стали говорить с первого же раза. Завтра они все взойдут по ступеням Машины Благодетеля.

Откладывать нельзя – потому что в западных кварталах – все еще хаос, рев, трупы, звери и – к сожалению – значительное количество нумеров, изменивших разуму.

Но на поперечном, 40-м проспекте удалось сконструировать временную стену из высоковольтных волн. И я надеюсь – мы победим. Больше: я уверен – мы победим. Потому что разум должен победить».

... И это – про овощи – надо понимать как непреложное. Кстати говоря, Оруэлл совершенно справедливо пишет, что «Мы» был запрещен к публикации в Советской России вовсе не по *политическим* соображениям (начало НЭПа, иная жизнь, расслабление после военного коммунизма и пр.), но по идеологическим, притом в той идеологеме, что противостоит утопиям коммунистической направленности (см. выше). И всего-то ста лет не прошло, как социальная эволюция человечества напрочь убрала противостояние утопизма

и антиутопизма. Ныне они, в своей фактологии братски обнявшись, все более трансформируясь в двуликого Януса, ускоряясь по экспоненте, как говорят математики, стремительно идут в свое Будущее. На том и аминь!

«ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ»

К Юбилею Всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори»

В начавшийся, юбилейный для журнала, 2025-й год руководитель творческого совета журнала Геннадий Маркин взял интервью у литературного шеф-редактора (главного редактора) «Приокских зорь» Алексея Яшина.

Г.М. Алексей Афанасьевич, в наступившем 2025 году литературно-художественному и публицистическому журналу «Приокские зори» исполняется двадцать лет. Это тот, хотя бы и скромный, юбилей, когда можно подвести определенные итоги. Скажите, с каким багажом пришел журнал к своему юбилею?

А.Я. С обширным, Геннадий Николаевич. Это всероссийский его статус, о чем говорит издание под эгидой Союза писателей России (СПР), который включил журнал в список изданий, публикации в которых засчитываются при приеме их авторов в члены СПР, и одновременно Академии российской литературы (АРЛ); известность не только в нашей стране, но и среди русскоязычных его авторов и читателей в Ближнем и Дальнем Зарубежье; наконец, «Приокские зори» являются несомненным лидером среди российских и зарубежных (русскоязычных) журналов по обширности своей инфраструктуры. Под его патронажем выходят альманахи журнала «Приокские зори»: ежегодник «Ковчег» (главный редактор Я.Н. Шафран), ежегодный же литературный и публицистический альманах «На крыльях Пегаса» (главный редактор Э.П. Георгиевский), а С.В. Сенин редактирует и издает музыкально-поэтические альманахи «На лирической волне» и «Тульская сторонка», выходящие по несколько раз в год.

К таковой же инфраструктуре относим серии авторских книг «Библиотека журнала «Приокские зори» (вышло порядка 80 книг) и «Приложение к

журналу «Приокские зори» (вышло около полусотни книг). Упомянем в данном качестве и ежегодную Всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н.С. Лескова, вручаемую за лучшие публикации в журнале, учрежденную пятнадцать лет назад. К настоящему времени лауреатами «Левши» стали шестьдесят авторов «Приокских зорь» в номинациях художественной прозы, поэзии, литературоведения и литературной критики, литературной публицистики. Среди лауреатов – хорошо известные в России писатели: Владимир Бояринов, Игорь Нехамес, Александр Субетто, Виктор Буланичев, Леонид Иванов, Владимир Федоров, Владимир Корнилов, Николай Еремин, Александр Балтин, Эдуард Побужанский. И русское литературное Зарубежье имеет своих лауреатов: Игорь Карлов (на тот момент – Монголия), Наум Ципис (Германия), Игорь Герасимов (ДНР, 2013-й год), Анатолий Аврутин (Белоруссия), Тимур Зульфикаров (Таджикистан, 2016-й год), Ефим Гаммер (Израиль), Людмила Воробьева (Белоруссия). Награждено лауреатством и юридическое лицо: Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь», с которым наш журнал связывают долголетние братские отношения, в частности, выпуск трех «белорусских» номеров «Приокских зорь».

Понятно дело, не обижены и тульские авторы: «награды нашли своих героев», хотя бы мы и не страдаем местничеством: журнал издается в Туле, но он – *всероссийский!* Кстати, первым Почетным лауреатом стала старейшая (на тот 2008-й год) советская и российская писательница Наталия Диомидовна Парыгина, одна из основателей Тульской писательской организации Союза писателей СССР.

... Но все же главное содержание нашего «багажа» – это, вне всякого сомнения, та роль, которую исполняет наш журнал на сегодняшний день: его признанные роль и место во всероссийском литературном процессе, свое литературное «лицо» и фактор консолидирующего печатного органа для тульских литераторов.

Г.М. Давайте обратимся к двадцатилетней давности. На дворе 2005-й год. Вы – набирающий известность советский, а затем и российский писатель, Заслуженный деятель науки РФ, дважды доктор наук, дважды профессор, автор нескольких десятков художественных и научных книг, вдруг решили создать «толстый» литературно-художественный и публицистический журнал. Или все же не вдруг? Как все начиналось?

А.Я. Как говорится, нам чужого не надо – своего хватает. Это к тому, что идея создания выходящего в Туле литературного, тогда межрегионального – с авторами из соседних «по Оке» областей, – журнала и начальный старт его «материализации» принадлежит Николаю Николаевичу Минакову, известному в нашем городе подвижнику литературного просвещения, талантливому писателю-публицисту и поэту, умелому движителю литературного процесса. Окончив Ленинградскую ВПШ'а по специальности организации печати (с соответствующим литературно-издательским образованием – «конек» ЛВПШ'а!), он долгое время, до разрушения мировым империализмом сверхдержавы СССР, работал в Тульском обкоме КПСС завсектором печати. И не просто руководил, но, что называется не в службу, а по своей приязни к русской словесности всячески поддерживал тульских писателей, Тульскую писательскую организацию СП СССР, которая после хамски обставленного бегства в 1969-м году в Англию Анатолия Кузнецова, «прописанного» в Туле, члена редколлегии «Юности», «трамвированного ранней славой» (определение одного его коллеги), оказалась под пристальным надзором и ограничениями «сверху». Честь и хвала за то Николаю Николаевичу!

... Другое дело, что бережно опекаемые им тульские писатели весьма холодно относились к нему в «новые времена». Меня он сразу выделил из их среды, стал мне старшим другом. И как-то во время прогулки по Центральному тульскому парку огорошил меня, предложив возглавить давно задуманный им «толстый» литературный журнал. Пояснил: уже является главным

редактором издаваемой им тульской литературной газеты; дескать уверен в моих организаторских и творческих способностях... опять же выпускник Литературного института им. А.М. Горького СП СССР (таково было официальное название). Согласился, особо не раздумывая, памятуя слова Пушкина о ведущей роли журналов в литературном процессе.

На следующую встречу я принес лист бумаги, исписанный где-то тремя десятками возможных названий планируемого журнала. Николай Николаевич пару десятков вычеркнул, а из оставшихся предложил выбрать «автору» – с соответствующим обоснованием.

«Приокские зори» обосновал следующими соображениями. Ока – самая русская река. Почти вся русская классическая литература вышла из окрестностей ее верхнего течения. Тула стоит не на Оке, а на ее притоке Упе. Но граница нашей области наполовину очерчена Окой. Весь запад области от Белева до Алексина (с небольшим «мыском» на Калугу) идет по Оке – это историческая «страна князей», где за два века проходила граница между двумя русскими государствами – Великим княжеством Московским и Великим княжеством Литовским, – в их противоборстве за право стать новой, после Киевской, Великороссией. А от Алексина до Серпухова Ока – северная сторона Тульской области. Да и на востоке, от Коломны до Рязани, река течет не так уж далеко от нас...

Таким образом, мы живем *при Оке*, туляки есть жители *приокские*. И *зори* мы видим утренние и вечерние за Окой.

... Бесконечно благодарен Николаю Николаевичу за воспитательный урок по образцу: хочешь кого научиться плавать – забрось его в воду, дескать, плыви, малец, иначе и не научишься. Сформировав и сдав в издательство первый, пробный номер, сказал он мне: «С меня все. Дальше делай журнал сам и находи все нужное для этого сам. Да-а, и не забудь заплатить в издательстве за пробный номер!»

Так и появились «Приокские зори».

Г.М. С какими трудностями столкнулись при создании журнала, его оформлении и регистрации, кто Вас поддержал, и были ли такие люди, которые, скажем так, вставляли палки в колеса?

А.Я. Из пространного ответа на Ваш предыдущий вопрос понятна стремительность создания и начала выпуска журнала. Как ни странно, но трудностей не оказалось. За пробный номер, то есть его тираж в 100 экз., заплатил из своего кармана. Благо трудился тогда первым заместителем, замом по науке директора государственного научно-исследовательского института... даже с припиской «... и зам. главного врача» (при техническом образовании!). Мог себе позволить. Дальше еще проще. И в Тульском госуниверситете не последним человеком был, все же единственный в нем (по совместительству) двойной доктор наук, двойной же профессор, заслуженный и почетный и так далее. Опять же председатель сразу двух диссертационных советов – все «дважды», только оклад не двойной, а половинный.

Но – не имей сто рублей... Идею издавать свой литературный журнал горячо поддержал хорошо знавший меня проректор ТулГУ по финансам Самуил Давидович Фейгин, душевнейший человек! И ректор Эдуард Михайлович Соколов благословил на доброе дело. Без малого десятилетие не знали мы забот и хлопот: типография Издательства ТулГУ исправно, в срок выдавала на горá тираж в 200, потом и в 250 экз. (это когда столичные «мастодонты» едва за тысячу-другую переваливали...).

С официальной регистрацией и вовсе без хлопот: соответствующая служба в пяти минутах ходьбы от нашего учебного корпуса – минимум нужных бумаг и никаких проволочек (пишу с оговоркой: так было двадцать лет тому назад).

Самое длительное, но во многом и привлекательное – это формирование работающих (не *honoris causa**) редколлегии и редакции – это различные

* Почета ради, почетный (лат.). – Прим. А.Я.

журнальные органы. Отчасти метод «проб и ошибок» имел место быть. Так введенный в редколлегию достаточно известный писатель из «русских американцев», профессор, вскоре и покинул ее: не устроило упоминание имени Сталина... Но все же основной подход, длящийся уже два десятилетия, – это постепенный отбор кандидатур. То есть попала на глаза добротная публикация – запомнил фамилию автора. Далее уловил его интерес к журналу – поощрил добрым словом (материально нечем...). Через год – другой – третий уже свой человек в журнале. А то и вовсе удостоен «Левши» за свои опубликованные у нас произведения. Наконец, предложение войти в редколлегию или в редакцию. Отказов не припомню.

Полагаю, что к настоящему времени эти органы журнала (фамилии не перечисляю – возьмите любой свежий номер), сформированные указанным образом, суть работоспособны, профессиональны и искренне преданы «Приокским зорям» с их идеологемой классической русской направленности, истинного патриотизма, устремления к высокой образности, художественности печатного слова.

Особая признательность членам редколлегии – заведующим отделами, на плечи (голова разумеется!) которых взвален огромный объем работы по знакомству с вновь поступающими материалами. Исполать им! И, конечно, техническим работникам редакции, обеспечивающим высокопрофессиональную редактору, корректуру, обработку заказов на номера журналов. Опять же – низкий поклон Издательству ТулГУ, печатающему журнал. Сам себя не похвалишь, но похвалу высшей степени отнесу к ответственному редактору-секретарю Якову Наумовичу Шафрану, к которому сходятся все нити и рычаги механизма под гордым названием «Приокские зори».

«Палки в колеса», как вы, Геннадий Николаевич, говорите, нам никто не вставляет: поискать еще надо такие палки! А иным и дела нет до литературы. Но администрации всех уровней к нам равнодушны. Особый вопрос о наших взаимоотношениях с Тульской писательской организацией Союза писателей

России. Возможно мы далее в интервью и вернемся к этому... а может и нет. Ибо тулякам и так все известно, а нетулякам малоинтересно...

Г.М. Помню, в Год литературы, в 2015 году, тульская писательская организация пережила два неприятных момента. Первый из них – это потеря своего исторического здания на улице Каминского в Туле, и второй – журнал «Приокские зори» оказался без государственной финансовой поддержки. Расскажите об этом периоде жизни журнала. Как выжили из положения?

А.Я. «Как мужик двух генералов прокормил», – сразу вспомнился Михаил Евграфович. Кстати, поруководивший в Туле Казенной палатой, то есть губернским бюджетом, и много взявшего из той жизни города для своих сатирических произведений. Вот и мы, безлошадные, «кормим» если не генералов, то уж точно хиреющий литературный процесс: области, страны? – это неважно, все мы в одной лодке плывем...

Конечно, потеря «Дома Каминского», маленького дворца в самом центре города (бывшая городская усадьба), сильно ударила по писательской организации. Как ни сражался за это здание Валерий Яковлевич Маслов, ранее и создавший здесь «Дом творчества», но – против лома нет приема. Нет, мол, такой профессии писатель! Не забывайте, что в свое время и Литературный институт им. А.М. Горького (и мою *alma mater*) всерьез собирались прихлопнуть, как «экономически нерентабельный»... или что-то в этом роде. С потерей же «Дома Каминского» прекратилось и живое, творческое общение тульских писателей. Все перешло в холостую виртуальность и редкие, раз в год, дежурные «общие собрания». В данную взамен, словно в насмешку, берлогу в разваливающемся рабочем бараке первых послевоенных лет постройки, сами ноги не несут...

Геннадий Николаевич! Употребленные Вами слова «государственная финансовая поддержка», к сожалению, к нашему журналу даже отдаленного, символического отношения не имеют. Отвечая на Ваш предыдущий вопрос, я уже пояснил: издание тиража журнала в первые десять лет его существования – это не госфинансирование, а добрая воля руководства Тульского госуниверситета. А тот момент, что прекращение такого печатания пришлось по времени на смену этого руководства, вовсе не означает чью-то «злую волю», те же, уже упоминавшиеся «палки в колеса». Тем более, что и при новом ректоре добрый гений нашего журнала Самуил Давидович остался советником по финансовой части. Как он мне сам объяснил причину прекращения печатания, все дело в наступившем устроении в части контроля за расходованием бюджетных средств в стране... напомним, ТулГУ является «федеральным государственным *бюджетным* учреждением высшего образования».

Расходы же таких учреждений полагаются оправданными и целесообразными, если они соответствуют *профилю* подготовки специалистов. Увы, литераторов-писателей-поэтов ТулГУ не возвращает. А вот журналистов, будущих «акул пера», наш университет готовит; имеется соответствующая кафедра. Потому-то ей и разрешили издавать в нужном числе экземпляров свой журнал, весьма полиграфически скромный, тетрадного образца. Мы же не вошли, понятно с чем, в калашный ряд.

... И вот уже десять лет, как «Приокские зори», и раньше-то не имевшие ни копейки (даже гроша и полушки) чьей-либо поддержки, не позволяют роскоши бесплатной – для журнала – печати сколь-либо крохотного тиража. Впрочем, как вышли из положения? – это тема отдельного вопроса, который я и жду от Вас.

Г.М. Как-то в Ясной Поляне я познакомился с ректором Литературного института имени А.М. Горького Варламовым, и в разговоре Алексей Николаевич посетовал, что журнал «Литературная учеба», в котором он был

главным редактором, перестал существовать после того, как лишился государственной финансовой поддержки. Наш журнал «Приокские зори», оказавшись в таком же положении, хотя и в электронной форме, но все же продолжает жить. Скажите, как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?

А.Я. Позвольте Вас поправить, Геннадий Николаевич. «Приокские зори» уже двадцать лет как выходят в двойной форме: «бумажной» и электронной, размещаемой на сайтах журнала и Тульской писательской организации Союза писателей России (ТПО СПР), а также на всероссийском портале «Журнальный зал». Просто первое десятилетие, как выше говорилось, ТулГУ печатал за свой счет тираж в 200–250 экземпляров, а сейчас, уже десять лет, экземпляры выходящих номеров «Приокских зорь» печатает по индивидуальным заказам авторов и читателей Издательство ТулГУ, за что наша глубокая признательность директору Издательства, члену редколлегии журнала Олегу Викторовичу Пантюхину. Понятно, что заказчики оплачивают работу по печатанию номеров.

... «Америки-европы», конечно, нам не указ, но такая гибкая форма издания литературных, научных и иных журналов *давно принята в мире*. В наше время полномасштабного «оцифровывания» всего и всея, а наряду с этим и предельного сужения круга читателей, особенно в части литературно-художественной, это является наиболее оптимальным: как с позиции издающих журналы, так и их авторов и читателей. Действительно, подумайте безэмоционально и взвешенно: стоит ли ломать копья, ходить по инстанциям, тратить уйму времени и нервов, годами сочинять «просьбенные» письма, идти на нежелательные компромиссы, наконец, заранее обрекать свое издание под навязчивый административно-бюрократический контроль... и все это только для возможности печатания тиража в сто–сто пятьдесят и уж совсем немислимо – в двести экземпляров! Которые к тому же осядут мертвым, ни

разу не прочитанным грузом в учреждениях по предписанию административных субсидаторов...

И кто возразит? Действительно, получается горькая пародия на прежние времена, когда журналы издавались тиражами, начиная от сотни тысяч, и по отлаженной подписной сети доставлялись – за неполный рубль стоимости! – этим же сотням тысяч жаждущих читателей, а у тех еще родственники, соседи и коллеги по работе и учебе в очередь на прочтение становились...

Итак, в наших реалиях: читай *повземшарно* на экранах, а если эстет книжный – заказывай бумажный вариант вновь выходящего номера журнала. На том и стоим. Надеемся, не безосновательно.

Другой момент в Вашем, Геннадий Николаевич, вопросе: почему так быстро «сдался» Литинститут? Кстати заметим, что его «Литературная учеба» как раз являлась изданием, 100%-но отвечающим профилю института *литературного!* То есть никакие бюджетно-финансовые устрожения здесь не висели дамокловым мечом. Или бритвой Оккама в философической образной терминологии. А уж как было не поддержать электронное издание «Литературной учебы»?

Скорее всего дело здесь в особом «столичном менталитете», сложившемся в советские времена ... а что говорить про нынешнюю Москву с ее социальной, финансовой и пр. обособленностью? Таковой «менталитет» (в кавычки заключаю из-за своей неприязни к порче русского языка потоком «импортных» словечек...) включает в себя определенные «потребительские» настроения: дали что-то – замечательно, не дали – не огорчимся особенно, биться и добиваться себе дороже. И так хорошо живем. Надеемся, не обидное для своей *alma mater* сказал...

Другое дело советская периферия или нынешняя провинция (как язык-то изменился!), где люди привыкли с упорством держаться, в том числе и в части издания литературных журналов.

... Все же, Геннадий Николаевич, возвращаясь к ранее сказанному, не удастся избежать щекотливой темы истории и нынешнего взаимоотношения

«Приокских зорь» с ТПО СПР. Но и здесь следует расставить все *point sur les «i»*, коль скоро наше с Вами интервью хотя и юбилейное, но вовсе не «парадно-показательное». Опять же сложное мое воспитание – военно-морское за Полярным кругом в потомственной старообрядческой семье – располагает к полной искренности и вдумчивому анализу.

Все же многоопытный в административном и литературном политеесе Николай Николаевич Минаков, основывая «Приокские зори», совершил непоправимую ошибку стратегической значимости: сам не будучи тогда членом СПР, принципиально не ввел в состав руководства и редколлегию журнала никого из мэтров ТПО, даже тогдашнего ее председателя Виктора Пахомова. Дескать, будем, Лексей, выпускать журнал высокопрофессиональным и не зависимым ни от кого!

И хотя вскоре, «взяв в свои руки» «Приокские зори», исправил эту ошибку, а с позапрошлого года и вовсе, сохранив ранг всероссийского, обозначил журнал как *печатный орган ТПО СПР*, но – все тщетно, «проклятие рода Баскервильей» осталось. К сожалению, действие психологического закона *сдвига мотива на цель* обратной силы не имеет...

Г.М. *Алексей Афанасьевич! В чем же и как проявляется упомянутый Вами «холодок» в отношениях между «Приокскими зорями» и Тульской писательской организацией?*

А.Я. А это вроде как воздействие конспирологического «Тайного мирового правительства» на все дела и события нынешнего, «успешно» глобализующегося мира – при всех его противоречиях и взаимной нетерпимости. Здравым умом ясно понимая, что «вживую» такого свержоргана управления миром нет и не может быть, тем не менее таковая направляющая рука очень даже чувствуется. Так и в мельчайшей песчинке мира, то есть в отношении

тульского писательского объединения СПР к нашему журналу, такое виртуальное целеуказание мы, «приокскозоревцы» не менее явно ощущаем... хотя бы, как уже сказал, журнал де-юре орган СПО СПР, чуть менее четверти состава организации – члены редколлегии и редакции журнала, таковые же составляют половину Правления ТПО... А при всем при этом, если попридти присутствовать на собрании, словно «Приокских зорь» и в природе не существует. Если ваш покорный слуга не напомним собравшимся о журнале, то никто и слова не скажет! Прекрасный сюжет для гофманиады...

За двадцать лет сменилось все руководство писательской организации, на три четверти состав ее, но... печать отчуждения все так же лежит на ее отношении к журналу. Мистика? – можно и на этом успокоиться. Ведь два десятилетия обходились без опеки славного ТПО и далее прекрасно обойдемся. Так что, Геннадий Николаевич, вопрос «как удалось сохранить редколлегию журнала, его авторов и читателей?» – заданный Вами чуть ранее, оставим по разряду риторических. Все сохранилось усилиями членов наших редколлегии и редакции и высоким литературным уровнем «Приокских зорь», а это тот самый «магнит», что сохраняет прежних авторов и читателей и притягивает все новых и новых.

Итак, журнал живет и крепнет его высоким литературным реноме и трудами той «великолепной десятки» (не «семерки» как в японской, советской и американской киноклассике...), что на профессиональном уровне, но сугубо на общественных началах делают наш журнал. И еще один маленький штришок: *все* двадцать лет и *все* необходимые финансовые издержки (платная верстка, оргтехника, почтовая рассылка и пр.) несет ваш покорный слуга ... с более чем мизерными доходами – где-то под десять тысяч на каждый номер. Ну-у, это, как говорится, назвался груздем... Вроде как вся историческая картина с положением журнальным делом обрисована. Пора перейти к делам на злобу дня.

Г.М. Когда в 2014 году на Украине начался вооруженный конфликт между киевской властью и жителями Донбасса, журнал продолжал публиковать авторов, находящихся по разные стороны баррикад. Помню, Вы потребовали от нас, членов редколлегии журнала, при отборе произведений для публикаций, усилить контроль и не принимать к публикации те произведения, в которых разжигался бы конфликт, либо же высказывались неодобрения сомнительного характера. И постоянные наши авторы, как жители центральных регионов Украины, так и Донбасса, еще ни один год продолжали мирно сосуществовать на страницах журнала. Сегодня ситуация совершенно иная: Донбасс и ядро Новороссии стали частью России, а на Украине наша страна проводит Специальную военную операцию. В этих условиях продолжает ли журнал быть открытым для украинских авторов?

А.Я. Геннадий Николаевич! Хотя скоро минет три года военным действиям, а само (с нашей стороны) ее название СВО, то есть без всеобщей мобилизации и других мер, подпадает под принятую терминологию «военная кампания», но сам затяжной характер военных действий, их ожесточенность, а главное – это военное противостояние со всем НАТО во главе с США: с их оружием и руками (головами обреченными, правильнее) украинцев – свидетельствует: на фоне многочисленных гибридных войн современности противостояние России и Запада на полях и в степях Украины самое ожесточенное. А если учесть (в чем-то ведь можно и СМИ доверять, хотя бы они ангажированы и политизированы – так во всех войнах бывает, обусловлено госинтересами) сегодняшнее внутреннее положение на Украине, крайнюю запуганность населения, то какое же может быть участие украинских авторов в российских журналах? Нет, с начала СВО мы не получаем предложений таких авторов. Перефразируем известные слова: когда говорят пушки, то и музы становятся участниками войны. Так говорит опыт всех предшествующих

войн, тем более двадцатого и начала нынешнего столетия. Слишком многое поставлено на карту...

Г.М. Алексей Афанасьевич, раз уж мы коснулись такой горячей темы, как СВО, не могу не продолжить этот разговор. Сегодня на наших южно-русских землях идет смертельная схватка со странами НАТО. Естественно, что победа будет за нами, за Россией, я в этом даже не сомневаюсь. Как Вы считаете, Россия и Украина смогут прийти к каким-то мирным соглашениям?

А.Я. Геннадий Николаевич! Мы несколько выходим за рамки нашего разговора, посвященного делам литературным. Но ведь тема действительно горячая, де-факто касающаяся каждого из нас, граждан нашей страны. Понятно, что сам журнал, в том, уже далеком, 2005-м году, в первом пробном номере сформулировавшем идейную свою направленность – художественное отображение прошлого, настоящего и будущего Русского Мира с позиций истинного, не «квасного» патриотизма, ни в коем случае не остается в стороне от главного события последних трех лет: СВО – следствие втянутости натовцами, «глобальным Западом» России в противостояние с ним, как все большего развертывания глобального, гибридного военного конфликта... да что там осторожничать в терминологии – очередной по счету мировой войны. Россия во всей своей истории была страной обороняющейся. Поэтому ее втягивание в войны «за Европу» в XIX и XX веках (Наполеоновские войны, «Священный союз», многие русско-турецкие войны, наконец, Первая мировая, империалистическая) – дело рук «англичанки» – стал отработанным ходом. Но сегодня, как и в Великую Отечественную войну, Россия воюет за себя. А ее победа – это сохранение самой страны, русской цивилизации в ее

самостности. Наше дело правое, и вклад журнала – это публикации, отражающие военную тему, что мы из номера в номер и делаем.

А мирные соглашения? – но ведь они могут иметь место не собственно же с Украиной, страной ныне управляемой Западом?

Г.М. После захвата киевской хунтой части территории Курской области, многие наши сограждане, в том числе и некоторые политики, в порыве ярости стали призывать сбросить на Киев ядерную бомбу. Ну, тут чувства людей понятны. Вы как считаете, смогут ли сегодня правители великих мировых держав, играющие важную роль в системе международных отношений, спасти человечество от ядерной катастрофы?

*А.Я. С институтских лекций по политэкономии запали крепко в голову слова Карла Маркса (из «Капитала», том первый), что специализация человека в его занятиях и мышлении началась: в науках – со времен первых, в Италии, университетов, а в ремесле – с возникновением мануфактур. Так и по сей день. Однако с практической обязательностью среднего образования, расширением сферы высшего, а главное – с мощнейшим информационным шумом, производимым СМИ, особенно телевидением и интернетом, вдруг объявились отрасли знания и <словесного> их практического применения, в части которых *все* полагают себя специалистами. Это медицина, школьное образование, внешняя политика и военная стратегия (не тактика и оперативное искусство!). В части последнего круглосуточно вещает телевидение, часами показывая многословные беседы групп – на каждом канале своя! – «ведущих политологов, выдающихся аналитиков» и прочих высокоученых людей. Это их профессия, в чем-то и полезная в наши дни.*

Так я отвечу, Геннадий Николаевич, на репризу в части «порыва ярости». Опять же не литературно-журнальная это тема. Но бомба – слишком

серьезное дело, чтобы поддаваться эмоциям, тем более на всю страну. Один такой политик, «волюнтарист и пробобелист», едва не довел дело до ее применения. Но вот Сталин, наоборот, после взрыва бомбы на Семипалатинском полигоне, своей выдержанностью не дал США осуществить план «Немыслимое». Выдержка и умелое военно-политическое руководство позволят избежать ядерного катаклизма. Однако, пора и к делам журнальным вернуться?

Г.М. Разумеется, Алексей Афанасьевич, политика, СВО – это темы для отдельного разговора и давайте об этом подробнее поговорим в следующий раз. Сегодня же разговор о журнале «Приокские зори», который, напомним нашим читателям, в нынешнем 2025-м году отмечает свой двадцатилетний юбилей. Алексей Афанасьевич, в середине 2000-х годов между журналом «Приокские зори» и Литературным институтом им. А.М. Горького существовало определенное творческое соглашение. Журнал предоставлял свои страницы студентам института; была даже постоянная рубрика «Тверской бульвар, 25», а институт, в свою очередь, на факультативных занятиях со студентами – в институте имел место быть. «Клуб прозаиков» – изучали произведения, опубликованные в «Приокских зорях», даже устраивали критические разборы по ним. Расскажите об этом содружестве, почему сейчас такое не практикуется?

*А.Я. Я сам выпускник Литинститута советских времен, когда горьковские традиции, авторитет этого учебного заведения, его мировая «единичность», качество обучения, первоочередно творческого на семинарах выдающихся и видных писателей-прозаиков, поэтов, драматургов и критиков, – полностью оправдывали его принятое поименование: кузница писательских кадров. Поэтому и гадать не надо: почему, став «у руля» «Приокских зорь», я незамедлительно начал налаживать творческие связи со своей *alma mater*. То*

есть, несмотря на младенчество журнала, пошли вопреки пословице: «Звонок бубен, да страшен игумен». Но пошли «окольным путем», который тотчас вывел на торную дорогу.

Дело в том, что с самого начала издания «Приокских зорей» мы начали тесное сотрудничество с Академией российской литературы и издаваемым ею альманахом «Московский Парнас», возглавляемыми известнейшим в литературных кругах Леонидом Васильевичем Ханбековым. С ним мы так сдружились, что с десятков моих книг прозы предварены его пространными предисловиями... А я был избран членом Правления академии.

Понятно, что члены Академии потянулись к нашему журналу, активно публикуясь в нем. Среди авторов была и Галина Николаевна Дубинина, член академии и редсовета «Московского Парнаса», а главное – работавшая помощником ректора Литинститута.

Дальше все просто. В рамках своих полномочий и заинтересованности тогдашнего ректора, она активно взялась за практику дела налаживания творческих связей между Литинститутом и «Приокскими зорями». Отсюда и появление многолетней, действовавшей из номера в номер рубрики «*Тверской бульвар, 25*» (по адресу института – с памятником А.И. Герцену и наименованием главного корпуса «Домом Герцена»... хотя бы тот только родился в этом доме, но никогда там не проживал). И в каждом номере под этой рубрикой помещались 2–3, иногда и более, публикаций студентов Литинститута. А его «Клуб прозаиков», в котором Галина Дубинина исполняла роль организатора, и видный советский и российский поэт Валентин Сорокин, в то время проректор Литинститута по Высшим литературным курсам (ВЛК), окончательно закрепили наше творческое содружество. Оба они вошли в редколлегию «Приокских зорь». А рекомендованные ими для публикации в журнале авторы – студенты и слушатели ВЛК – не пропали в дальнейшем с литературного горизонта. Просматривая литературные журналы и газеты, нет-нет, но натываюсь на знакомые имена: из тех же авторов рубрики «*Тверской бульвар, 25*».

А почему такие славные творческие связи распались? – Это не в нас причина. Менялись в Литинституте ректора, проректора, их помощники... Я не совсем его себе представляю – когда на смене эпох он перешел из структуры Союза писателей СССР под юрисдикцию Минвуза... или как там оно сейчас именуется?

... Как память о тех годах сотрудничества с Литинститутом, продолжаю посылать в его библиотеку все вновь выходящие номера «Приокских зорь». А когда беру в руки медаль «К 75-летию Литературного института», которой был награжден, то живо вспоминаю ту самую рубрику журнала.

Г.М. Но, тем не менее, журнал идет в ногу со временем. Сегодня в нашей стране на различных уровнях много говорят о развитии творческой личности в среде подрастающего поколения, и «Приокские зори» в этом направлении не остаются в стороне. В августе 2023 года Вы меня, уже как руководителя творческого совета журнала, откомандировали для работы с молодежью в Ясную Поляну, где в то время в рамках Международного проекта «Территория успеха: Пегас», проходило мероприятие под названием «Литературная смена». По итогам работы данного международного мероприятия в журнале были опубликованы произведения победительниц литературных конкурсов: Милены Боровцовой и Светланы Жмуровой. Это две школьницы-старшеклассницы из города Зеленогорска Красноярского края. Пожалуй, это самые молодые авторы нашего журнала за всю его двадцатилетнюю историю. Скажите, пожалуйста, будет ли продолжена работа в данном направлении?

А.Я. Замечу вначале, что не эти школьницы самые молодые авторы журнала. Недавно мы опубликовали рассказ мальчика, по возрасту еще меньшего, из Средней Азии (сейчас ее «по-западному» переименовали в

наших СМИ в Центральную...), судя по фотографии и имени – киргиза или узбека, но пишущего на русском языке. Но – это к слову. Что же касается нашей установки на всемерное поощрение, в смысле первоочередную публикацию юных и молодых авторов, то это одна из прерогатив «Приокских зорь». Ведь начинающие, юные и молодые литераторы – *единственное* будущее этого вида творчества. А без какой-либо надежды на такое будущее весь нынешний литературный процесс обречен.

Иначе пропадет предмет литературы

И будут изучать ее как лигатуру –

Отжившее старье – предбывшие таланты...

– так говорит самодеятельный учрежденческий поэт – персонаж нашего первого романа «В канцелярии», вышедшего в окончании советской эпохи, то есть еще подпавшего под ностальгические времена гонораров и всесоюзного распространения по книготорговой сети 1/6 части земной суши...

И когда для меня раз в квартал наступают дни священнодействия – окончательного формирования очередного номера журнала, то первым делом, что называется начерно, по каждому журнальному разделу – прозы, поэзии, публицистики – в отдельную стопочку (интернетом-уманетом не пользуюсь, к «компу» ближе полутора метров не подхожу) укладываю материалы молодых авторов – по их данным в творческо-биографических справках.

Понимая, что обычно путь в литературу молодых авторов лежит через неформальные, местные творческие литобъединения, в первое десятилетие нашего журнала мы из номера в номер публиковали в специально созданной рубрике подборки материалов таких ЛИТО. Начали с тульских – города и области – объединений, охватив почти полтора десятка таковых. А продолжили ЛИТО других городов и областей России: Москва, Кострома, Красноярск и др. Здесь нам большую помощь оказали тогдашние члены редколлегии «Приокских зорь»: Людмила Авдеева, руководительница двух столичных литобъединений; Сергей Прохоров из Красноярского края – зав. отделом литературы Сибири; Сергей Лебедев из Тольятти – зав. отделом литературы

Поволжья. Большое число авторов из Израиля представил для публикации в журнале Ефим Гаммер из Иерусалима.

«Улов» наш оказался удачным: некоторые молодые ЛИТОВцы теперь постоянные авторы нашего журнала; другие, по мере литературного «взросления», стали членами писательских союзов, в том числе ТПО СПР, а иные удостоились звания лауреата «Левши». Есть и входящие ныне в состав редколлегии и редакции журнала. Так что, Геннадий Николаевич, не только «коммунизм – это молодость мира, и его возводить молодым». Литература – вечная молодость!

Г.М. Сегодня у нас в стране не так, как хотелось бы, обстоят дела во многих сферах государственного управления и развития. Это, на мой взгляд, и неумелая миграционная политика, приводящая к росту преступности в стране, и коррупционная составляющая; в критическом положении находятся наше образование, здравоохранение, культура. Какие пути выхода из создавшегося положения видите Вы?

А.Я. Коснусь только литературы, как предмета нашего интервью. И отвечу словами моего любимого (после Игоря Северянина) поэта Серебряного века Максимилиана Волошина:

*Я мысленно захожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой сатир – Верлен,
Кузнец – Бальзак, чеканищики Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры*

*Глядят со стен, и спят в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им...*

Я выделил ключевые слова: «Я верен им...», – как выражающие само существо творческого феномена художественной литературы. Могут сказать: толстовство! Дескать, начни с самого себя, а сумма таких «себя» даст всемирность... Но рассудите здраво: в век торжествующей глобализации, всеохватывающей гибридности, угнетающей разум цифрофрени и пр. и пр., только личность, осознавшая себя творческой, в частности литературно-творческой, может быть движителем изящной, как некогда говорили, словесности.

И поверьте, совсем не та эпоха «на дворе», чтобы *циркулярно* создать новый «золотой» или «серебряный» век в русской литературе. *Хотя и нельзя не приветствовать определенный позитив в этом отношении в последние годы...*

Г.М. Любые культурные явления всегда отражала литература, а потому она всегда была и остается частью культуры любого государства, тем более России. А вот писатели, создающие эту самую литературу, их творческие сообщества, у нас в России к «культуре не относятся», они сегодня при Минцифре. Какие, на Ваш взгляд, нужно принять меры, решения, чтобы писатели вновь стали частью российской культуры?

А.Я. Меня в восторг приводит термин «Минцифра»! Здесь, в части словотворчества, нас обогнало только... скажем так – сопредельное государство, имеющее «Министерство цифровой трансформации»... Но – к существу вопроса.

Русские литераторы XIX – начала XX века не состояли при департаментах, комитетах и министерствах. У них наличествовали только неформальные объединения. Как у нас сейчас упомянутые выше ЛИТО. Начиная с новиковских группировок при российском масонстве XVIII века, далее «Арзамаса» пушкинских времен, расширенных редакций-кружков некрасовских «Современника» и «Отечественных записок», знаменитых «Сред» Н.Д. Телешова 1880–1900-х годов, объединений горьковского «Знания» и московского «Книгоиздательства писателей», а еще далее «Серапионовых братьев», университета Шанявского и завершая Пролеткультом.

Но вот Горький создал – «с подсказки товарища Сталина» – Союз писателей СССР, который, вместе с его членами-писателями, тоже не подчинялся департаментам, народным комиссариатам и министерствам. Признаться, Ваш вопрос о нынешней подчиненности писателей какому-то министерству несколько озадачил меня. Дело в том, рассуждая логически, всякая подчиненность кому (или чему)-то *всегда* имеет два взаимокомпенсирующих фактора: неприятный – «служебность» с ее администрированием и бюрократией; приятный – минимально-достаточное финансовое обеспечение подчиненных. Увы, у нашего брата даже намек на это нет. Значит и нет подчинения. Как мы распевали в хулиганском детстве: «Гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке».

Г.М. Турецкий писатель Орхан Памук в одном из интервью сказал: «Не верьте людям, которые говорят: человечество в упадке. Человечность человечества сохранится, люди будут хотеть писать и продолжают писать, независимо от технологической революции. Так мы выражаем себя. Человечество продолжает существовать потому, что есть тексты, и это так просто – бумага и ручка, чтобы выразить себя. И есть желающие, которые никогда не перестанут это читать». Ваша статья «Горькое послевкусие культуры», опубликованная в «Приокских зорях» и на ряде интернетсайтов,

вызвала заинтересованную дискуссию среди людей пишущих, думающих, людей неравнодушных к происходящим в стране и мире событиям. Статья страшная по сути своей, но в то же время актуальная как никогда, предупреждающая об опасности глобализации, перешедшей в стадию расчеловечивания и обескультуривания народонаселения земли. Но в то же время, в этой статье Вы пишете: «но ведь пока держимся, ребята». Орхан Памук считает, что человечность человечества сохранится, а Вы как считаете: технологическая революция и глобализация победят, ли все же мы удержимся?»

А.Я. Спасибо, Геннадий Николаевич, за внимание к статье, она же «Колонка главного редактора» в №3, 2024 «Приокских зорь»... кстати говоря, это одна из существенных специфик нашего журнала: предварять каждый его номер обстоятельным очерком на злободневную – или вечно живую? – литературную тему. Так и это, наше с Вами, Геннадий Николаевич, интервью открывает первый номер журнала за 2025-й год. И этот очерк очередной в их серии, что уже который год публикуется в «Приокских зорях» в разделе «Колонка...»

Самое существенное, что тема расчеловечивания – раскультуривания – «умозамещения» (наш термин) и ее раскрытие в литературно-философских очерках, что называется, «не с кондачка взяты». Будучи «двуликим Янусом», то есть профессионально (надеемся на это!) совмещая в себе занятия литературой и естественно-научными исследованиями, естественно, не могу не переносить в сферу литературы, в ее публицистическом ареале, свои же системные научные воззрения. На протяжении полутора десятков лет развиваю в самосогласованную теорию концепцию нашего великого ученого, академика В.И. Вернадского о переходе биосферы Земли в ее новое биогеохимическое (термин В.И. Вернадского) качество – ноосферу, «мыслящую» земную оболочку. Наше видение такого перехода в итоге вылилось в основание

научной школы «Живая материя и феноменология ноосферы», в рамках работы которой нами задумана и осуществляется, издается продолжающаяся серия монографий с тем же общим названием*.

Данный труд получил признание научной и литературно-философской общественности, отдельные тома удостоены научных и литературных премий. А в 2022-м году за двухтомник «Универсальная эволюционная регуляция» – в составе «Феноменологии ноосферы», посвященный созданию обобщенной теории вирусов (биологических, технических, социальных и пр.), автор был удостоен старейшей в России – (с 1880-х гг.), – престижной Макариевской премии (вручали в Президиуме Российской академии наук (РАН) Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, президент РАН Г.Я. Красников и мэр Москвы С.С. Собянин) в номинации «Научные исследования в области естественных и точных наук, имеющие высокое общественное и гражданское значение».

... Сказанное «не корысти для», говоря языком одесских классиков, но чтобы подчеркнуть: с естественно-научных позиций развиваемая нами теория биосферно-ноосферного перехода, участниками которого население Земли сейчас и является, возражений научного и социального характеров *не имеет – только признание и понимание.*

Поэтому питаем надежду, что и готовящийся сейчас к изданию очередной, двадцать третий по счету, том серии с подзаголовком «Глобальное расчеловечивание» не вызовет каких-либо возражений научного, социального и иного характеров.

Расчеловечивание следует понимать как резкое снижение традиционных гуманитарных черт характера и мышления человека. Это не чья-то «злонамеренная пакость», но сугубое требование императива эволюции человека: перехода биосферной сущности *человека разумного биологического* в ноосферную сущность *человека биотехнического информационного.* Надеемся, об-

* На сегодняшний день издано 22 тома, опубликованных в различных издательствах Москвы («Московский Парнас»), СПб («Астерион» и «ЦСЛК на Васильевском»), Твери («Триада»), Тулы (Изд-во ТулГУ, «Тульский полиграфист») и др. В электронной форме размещены на ведущих научных сайтах России (см. по поисковику: ФИО автора и название серии). – Прим. А.Я. для печати.

ший посыл ясен, а заинтересовавшиеся могут обратиться ко многим томам указанной выше серии книг.

Обнуление художественного мышления есть одно из стратегических направлений расчеловечивания. И тот обвал нашей литературы в 90-х годах, что мы с изумлением и непониманием восприняли как гуманитарную катастрофу – есть всего лишь *status quo* действия разрушившего СССР западного империализма – глобализма. Ведь на Западе литература, как наиболее препятствующая целям расчеловечивания, уже в 60–70-е годы потеряла свои прежние позиции. У нас же она традиционно поддерживалась и развивалась.

Потому-то в «лихие девяностые» империализм Запада «до основания разрушил» не только основу современной технической мысли – вычислительную электронику и тонкую химию*, но и «упразднил» массовость литературного процесса, заменив его переводом интересов на злободневную публицистику, а сейчас и вовсе перелистывания «фоток» на экранах смартфонов... Это и есть умозамещение в действии.

Синтоистская, то есть японская, мудрость гласит: прошлого уже нет, а будущего может и не быть – живите настоящим. Против действия законов эволюции, в том числе эволюции человека, увы, кто-либо что-либо ничего сделать не может. Но не следует особо огорчаться за будущее – которое может и будет – человечества. Ибо человек есть самый адаптивный животный вид в эволюции по Дарвину и Ламарку, тем более – разумный вид. Посмотрите на своих детей, внуков – огорчает ли их нынешняя жизнь? Вряд ли, а ведь они, представители молодых поколений, уже в значительной степени продвинулось в тот самый ноосферный, информационно-биотехнический мир.

Вот Вы, Геннадий Николаевич, упомянули мои завершающиеся слова в очерке «Горькое послевкусие культуры»: *«Но ведь пока держимся, ребята»*.

* Тулякам это хорошо известно – по стремительному и полному уничтожению ВНИПИМ'а – Всесоюзного научного и проектного института мономеров, а мономеры – это основа всей высокомолекулярной (пластмассы и пр.) химии. Доселе во всем мире имелись только два научных центра данного направления: ВНИПИМ и профильный институт во Франции. И еще в Румынии велись такие же исследования под руководством известного ученого-химика Елены Чаушеску, супруги руководителя Румынии. ... Потому ее и убили вместе с Николае Чаушеску. – Прим. А.Я.

А это ведь легкая степень оптимизма: нас позже всех европ-америк, тем более насильно, начали расчеловечивать, поэтому и по сей час литературный наш процесс не остановлен. Это значит, что и окончательно Великий глобализатор доберется до нас тоже в последнюю очередь. Нет худа без добра, но и нынешний разрыв с Западом – хотя бы и по его инициативе – поможет еще более оттянуть наше расчеловечивание. Вот на чем рекомендовал бы сосредоточиться писателям, нашим авторам в особенности.

Г.М. Алексей Афанасьевич, Вы ученый биофизик с широкой известностью, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеете два ученых звания профессора, Почетный радист России, много других отличий имеете. А еще Вы автор 38 книг великолепной художественной прозы. В связи с этим у меня к вам два вопроса. Первый: как Вы совмещаете научную работу и литературное творчество? И второй: кто же Вы в большей степени, в душе – физик или лирик, ученый или писатель?

А.Я. ... Словом, в поле жнец и на дуде игрец. Или как в эпоху Пролеткульта говорили: попашешь, попашешь, попишешь стихи. А если серьезно, то такое двуединство научных и художественных устремлений в одном человеке вовсе не редкое сочетание. Во! и новый термин сразу в голову пришел: *леонардизм* ... таким был Леонардо да Винчи: великий ученый-изобретатель и не менее значимый художник. А Гёте? – наиболее выдающийся немецкий поэт и ученый-натурофилософ. Его «Морфология» и «Учение о цветах» опередили естествоиспытательскую мысль его современности более чем на век, а с анализа «Учения...» и по сей день начинаются все исследования по биофизике и психологии зрительного цветовосприятия. Впридачу Гёте и веймарским премьер-министром служил...

А наш академик Обручев, выдающийся ученый-палеонтолог и автор высокохудожественной «Земли Санникова»? Еще более яркий пример – Иван Ефремов. Классик литературы XX века, русско-американский писатель Владимир Набоков (Сирин) не только автор «Дара», «Ады», «Лолиты», «Камеры обскуры», «Короля, дамы, валета» и других значимых произведений, но и энтомолог-систематик практически профессионального уровня. Если же брать почти «родственные» совмещения, как-то историк и писатель, путешественник и писатель и так далее, то впору энциклопедический том составлять... Так что, Геннадий Николаевич, есть у кого учиться!

Вот и общий ответ на Ваши вопросы: совмещаю с удовольствием, а в душе – равностепенность того и другого занятия.

Г.М. У Вашего постоянного литературного персонажа Николая Андреевича есть хобби: в свободное от работы время он мастерит передатчики, транзисторные приемники и электронные телеграфные ключи. Он радиолюбитель и связист. Вы – Почетный радист России. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять: цикл Ваших книг «Рассказы Николая Андреевича» в какой-то степени автобиографичен. Скажите, пожалуйста, а есть ли хобби у Вас, в свободное от научной работы и литературного творчества время? И есть ли у Вас оно – это свободное время?

А.Я. В чем-то этот вопрос созвучен с предыдущим, если «импортное» слово хобби однозначно перевести на русский язык: увлечение. Попробую развить возникшую – в ответ на Ваш вопрос, вернее на этот и предыдущий вопросы – мысль.

Само понятие увлечения, увлеченности принято понимать как нечто дополняющее основное, базовое так сказать, занятие конкретного человека. Только сразу исключим из ареала рассмотрения спорт с физкультурой, увле-

ченность «злодейкой с зеленой наклейкой» и «шерше ля фам». – Это все по части оздоровления организма, физиологического и психологического. То есть жизненная необходимость – кому какая по вкусу.

Приведенное выше пролеткультовское «попашешь, попашешь...» наиболее четко дают обоснование увлеченности на фоне базового занятия человека. И другое известное утверждение: лучший вид отдыха – смена рода занятий.

Принято считать, что такая смена полагает переход от умственной деятельности к физическому труду. Намного реже – наоборот. В пример обычно приводят Менделеева; мол, Дмитрий Иванович, приустав от химических опытов, вывода закона Клайперона–Менделеева, написания диссертации на тему разведения спирта водой ($C_2H_5OH + H_2O$) и обоснования 40-градусной крепости пищевой (или питьевой?) водки, обдумывания периодической таблицы химических элементов своего имени, написания докладной записки царю о росте народонаселения России и много чего другого, переключался на любительское выделывание кожаных чемоданов...

А вот пример из категории «наоборот»: Иосиф Дицген, современник Карла Маркса, немецкий ремесленник-кожевенник (снова кожа? – чем-то она привлекает...), затем перебравшийся в Петербург, а после в Америку, по вечерам, отдыхая от тяжелого труда по обработке телячьих шкур, совершенно самостоятельно, не ведая о «Капитале» Маркса, «Диалектике природы» и «Антидюринге» Энгельса, которые были еще «в работе», создал основы диамата и истмата – параллельно с Марксом–Энгельсом. Оба они, а далее и В.И. Ленин, очень хвалили Дицгена...

Конечно, у вашего покорного слуги были увлечения: от традиционного во времена оно коллекционирования марок и монет, радиолобительства «высшего полета», изучения самостоятельно латыни и даже начатков французского (в школе и далее – немецкий) и даже изрядное освоение переплетного книжного мастерства – причем уже в инженерные годы.

Но вот, пройдя «мои университеты», то есть радиотехнический факультет Тульского политеха, матмех ЛГУ и Литинститут, попал в третий разряд «леонардистов»: сочетание, причем профессионального уровня, научных исследований и литературного творчества. И смысла здесь нет разбираться: что базовое и что увлечение? А таковая «разнорядка» выпадает человеку, у которого – от природы разумеется – в равной степени развит творческий потенциал обоих полушарий головного мозга: левого, ответственного за логику мышления, и правого, генерирующего стимулы художественного творчества. Наука психология, в частности французская школа Пиаже, даже указывает на внешний признак такого «равноправия»: у ребенка до начала школьных упражнений в письме нет отличий в функционировании правой и левой рук. Новейшие же исследования, в том числе и наши, добавляют стойкое отвращение к цифрофрени и интернету-уманету...

Свободного же времени у меня предостаточно, ибо что-то делаю почти на автомате – сама голова выдает, поскольку в это самое свободное время обдумывает то, над чем затем работаю.

Сказанное – совершенно серьезно и, опять же, обдуманно.

Г.М. Спасибо Вам, Алексей Афанасьевич, что нашли время и ответили на мои вопросы. Я желаю нашему журналу и Вам – бессменному главному редактору журнала – идти уже проверенным курсом. В заключение нашего интервью задам Вам традиционный вопрос: что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?

А.Я. Отвечу столь же традиционно: не подведем, курс не изменим, оправдаем доверие читателей, а авторов журнала и без того полагаем равноправными участниками нашего общепольного дела: поддержания всероссийского литературного процесса. Согласитесь, насколько скучна и тосклива

была бы жизнь без художественного слова? Тем более в нашей стране, достаточно поздно – по европейским меркам с их античной предтечей – пришедшей к массовой словесности и познавшей восторг творческого самовыражения: как стороны творящей, писательской, так – и во многом особенно! – стороны воспринимающей, читательской. Но особенно писателям, нашим авторам, пожелаем неиссякаемого вдохновения и того постоянного одушевления творчеством, о котором гениально сказал Ф.М. Достоевский («Хозяйка») – на то он и всемирный гений: *«Он сам создавал себе систему; она выжидалась в нем годами, и в душе его мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенный в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»*

... Для надежно построенного корабля двадцать лет – не срок! Особенно при подборе славной команды и верно взятом курсе. Было бы куда идти этому кораблю в нынешнем океане неизведанных доселе бурь и волнений.